Новое в археологии

Старой Ладоги:

материалы и исследования

CAH

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Proceedings. Vol. LIII

Advance in archaeology of Staraya Ladoga: materials and studies

Neva Book Printing House
St. Petersburg
2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Труды ИИМК РАН. Том LIII

Новое в археологии Старой Ладоги:

материалы и исследования

Невская Книжная Типография
Санкт-Петербург
2018

УДК 902
ББК 63.4(2)

Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ («Древности»), проект № 18-09-40111 (Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения), рук. Е. Н. Носов

Коллектив авторов:
Е. Н. Носов, Н. И. Платонова, С. В. Белецкий, А. Н. Кирпичников, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, П. А. Миляев, С. Л. Санкина

Авторы приложений:
А. Л. Александровский, Е. И. Александровская, А. И. Мурашкин

Ответственные редакторы:
Н. И. Платонова, В. А. Лапшин

Рецензенты:
д-р ист. наук А. И. Сакса, канд. ист. наук А. А. Пескова

Печатается по решению Ученого совета ИИМК РАН

Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования / ИИМК РАН. — СПб.: Невская Книжная Типография, 2018. — 536 с., 171 ил. (Труды ИИМК РАН. Т. LIII).

Настоящим изданием ИИМК РАН открывает запланированную серию оперативных публикаций материалов и исследований Старой Ладоги, с целью формирования Ладожского Корпуса археологических источников. Издание посвящено 80-летию начала систематических раскопок Старой Ладоги (1938–2018). В нем обобщены основные итоги работ за последние десятилетия, дана характеристика базовых социально-исторических концепций и идей, которые в разное время определяли трактовки материалов. Определены существенные черты современного этапа исследований и намечены перспективы дальнейшего изучения Староладожского комплекса. Особое внимание уделено проблеме стратиграфии и хронологии Земляного городища, включая верхнюю часть напластований, которая ранее никогда не являлась предметом пристального внимания. Книга содержит исчерпывающую научную публикацию и обобщение сфрагистических материалов Ладоги XI–XV вв.; детальный обзор и исследование проблем ладожского ремесла VIII–X вв. В научный оборот вводится часть материалов, полученных в ходе раскопок последних десятилетий на Земляном городище, Ладожском посаде, городище Любша. В мемориальном разделе освещены подробности первых лет раскопок Земляного городища экспедицией под руководством В. И. Равдоникаса, описана методика этих исследований и их основные результаты.

DOI 10.31600/978-5-907053-10-6

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
© Авторы глав и приложений, 2018
© Платонова Н. И., Лапшин В. А., научное редактирование, 2018
© ООО «Невская Книжная Типография», 2018

ISBN 978-5-907053-10-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая коллективная монография посвящена археологическому источниковедению Ладоги и определению исследовательских подходов, которые являются оптимальными на современном этапе. Ее подготовка и выход в свет приурочены к 80-летнему юбилею Староладожской экспедиции (1938–2018), что само по себе знаменательно. Более 30 лет прошло с момента выхода последней (чрезвычайно содержательной!) книги, целиком посвященной Ладоге и ее проблемам (Средневековая Ладога… 1985). Срок, вполне достаточный для того, чтобы оглянуться назад, подвести итог и постараться наметить дальнейшие перспективы.

Монография, основанная на материалах Старой Ладоги, в наше время не может не быть коллективной. Проблематика столь обширна, а накопленный материал уже столь велик, что только содружеству исследователей под силу освоить, осмыслить его и довести до публикации на современном уровне. Между тем источники продолжают прибывать. Староладожская экспедиция работает по-прежнему, хотя, в отличие от времен В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова, раскопки, осуществляемые сегодня, являются спасательными, а место работ не зависит от воли исследователя. Тем не менее и эти раскопки, производящиеся нередко в тяжелых условиях, дают важную, порой неожиданную, информацию о памятниках Староладожского комплекса. В частности, очень неординарные результаты были получены в ходе недавних работ на Ладожском посаде (см. главу 4 наст. издания). Нельзя не отметить в этой связи самоотверженную работу постоянных сотрудников Староладожской экспедиции последних лет — в первую очередь, Натальи Владимировны Григорьевой и Павла Андреевича Миляева. Полученные результаты — во многом их заслуга.

Главы публикуемой монографии являются авторскими произведениями. В них нашли отражение результаты многолетней работы по уточнению стратиграфии и планиграфии памятников Староладожского комплекса и изучению отдельных категорий археологических источников (таких, как сфрагистические памятники, остатки домостроительства, кожевенного дела и т. д.), а также данные, полученные в ходе новейших исследований Ладожского поселения.

Каждый из авторов, безусловно, имеет свой собственный взгляд на целый ряд проблем, связанных с прошлыми этапами исследований Ладоги и теми подходами, которые практиковались в этой области в последние десятилетия. Однако в самом главном авторы достигли консенсуса. Во главу угла в книге поставлено именно археологическое источниковедение, тот «сухой остаток» информации, который

сохраняет свою абсолютную ценность при любой смене парадигм. Противоположная тенденция, ведущая к безмерному «превышению» исторической, интерпретационной составляющей над собственно археологической и послужившая поводом к обвинению археологов в создании своеобразного «ладожского мифа», была однозначно отвергнута.

Разумеется, для более-менее полной научной публикации ладожских материалов потребуется еще не одно издание. Настоящей монографией ИИМК РАН открывает запланированную серию оперативных публикаций материалов и исследований Старой Ладоги с целью формирования Ладожского Корпуса археологических источников. Оговорим заранее: литеры, обозначающие горизонты по стратиграфической шкале В. И. Равдоникаса, приводятся в тексте без кавычек (горизонты А, Б, В, Г, Д, $Е_1$, $Е_2$, $Е_3$). Литеры, обозначающие горизонты в стратиграфических описаниях А. Н. Кирпичникова, во избежание путаницы, даются в кавычках (горизонты «А», «В» … и т. д.).

Авторы искренне признательны заведующей Научным архивом ИИМК РАН М. В. Медведевой и сотрудникам архива Н. А. Беловой, Е. В. Бобровской, Н. А. Лазаревской, Е. В. Четвёркиной, а также хранителю коллекций Старой Ладоги в ОАВЕС Гос. Эрмитажа старшему научному сотруднику Б. С. Короткевичу за деятельную помощь и поддержку в ходе работы над этой книгой. Отдельную благодарность редакторы выражают П. А. Миляеву за подготовку к публикации значительной части рисунков; Н. В. Григорьевой за ценные консультации и предоставление для публикации сводного плана раскопов Земляного городища; лаборанту Отдела охранной археологии ИИМК РАН И. Г. Самоварову, осуществившему фотосъемку большой серии чертежей раскопок Ладоги в Научном архиве нашего института.

В. А. Лапшин, д-р ист. наук,
начальник Староладожской экспедиции ИИМК РАН,

Н. И. Платонова, д-р ист. наук

ВВЕДЕНИЕ
Культурно-историческое исследование Старой Ладоги

Историко-культурное наследие Старой Ладоги включает более 160 памятников археологии, истории, архитектуры и искусства (Кирпичников 1997). В ее ближайших окрестностях представлены и неолитические стоянки, и многочисленные древности, датируемые от раннего железного века до позднего средневековья. Современное село Старая Ладога доныне сохраняет поселенческую планировку, восходящую к X–XII вв., и исторический природный ландшафт (рис. В.1), в котором доминируют монументальные курганные насыпи — сопки (рис. В.2). Но наибольшее значение для отечественной истории имеет то, что на Ладожском поселении раскрыты точно датированные напластования, связанные с его возникновением и развитием в VIII–IX вв. Наличие очень раннего и к тому же прекрасно сохранившегося культурного слоя с органикой ставит Ладогу на одно из первых мест в ряду раннесредневековых протогородских поселений Северной Европы. Среди исследованных древнерусских городов она в этом отношении не имеет себе равных.

Изучение ладожских древностей имеет солидную научную традицию. В конце XIX — начале XX в. в Старой Ладоге работали такие известные ученые, как Н. Е. Бранденбург и Н. И. Репников. Последним в 1911–1913 гг. были проведены раскопки Староладожского Земляного городища широкой площадью (рис. В.3). До того ни один древнерусский город не подвергался подобному исследованию. И хотя публикация этих данных сильно запоздала, результаты работ Н. И. Репникова были учтены в ходе последующих раскопок памятника, возобновленных четверть века спустя.

В 1938 г. начала работы Староладожская археологическая экспедиция ЛГУ (с участием ИИМК АН СССР, а в 1950-х гг. — Гос. Эрмитажа), под руководством В. И. Равдоникаса (рис. В.4). Работы велись с перерывами до 1959 г. Исследовались и поселение, и могильники ближайшей округи, однако наибольшее внимание уделялось Земляному городищу, расположенному на левом берегу р. Волхов, по соседству с каменной крепостью конца XV в. Экспедиция осуществила систематическое послойное изучение «подземной» Ладоги. Было вскрыто более 2500 м^2. В толще культурного слоя, мощность которого превышала 3 м, обнаружилось свыше 60 построек. Была произведена предварительная датировка вскрытых строительных горизонтов, из которых особую ценность представляли отложения, обозначенные на шкале В. И. Равдоникаса литерами Д (X в.) и Е (датированный первоначально VII–IX вв.). Нижний горизонт были расчленен на микрогоризонты ($Е_1$, $Е_2$, $Е_3$). Выяснилось, что обнаруженные напластования последовательно отражают историю города, начиная с финала вендельского периода.

После временного прекращения полевых работ в Ладоге (1959 г.) изучение собранных материалов продолжилось в стенах ЛОИА и Гос. Эрмитажа. С самого

начала исследований внимание ученых особенно привлекала проблема происхождения города на Волхове. Эта тема считалась очень важной, затрагивающей судьбы восточноевропейского славянства. Исследователи снова и снова возвращались к проблемам этнического и социального облика первых ладожан и хронологии древнейших горизонтов поселения.

В. И. Равдоникас был выдающимся знатоком и интерпретатором ладожской раннесредневековой культуры. Признавая значительную роль скандинавского элемента в Ладоге X в., он в 1940-х гг. высказал мнение об изначальности славянского заселения на месте Земляного городища. Обнаруженные в нижнем горизонте так называемые «большие дома» он определил как обиталища патриархально-общинных коллективов. В свое время это показалось научной сенсацией. Однако «крестьянская» трактовка первоначальной Ладоги не была подкреплена всесторонней проработкой добытого материала.

В дальнейшем интерпретация ладожских древностей как достоверно славянских встретила общее недоверие. В 1960–1970-х гг. эти материалы перестали учитываться в серьезных обзорах культуры восточных славян (Ляпушкин 1968; Раппопорт 1975). Зато преувеличенная роль стала отводиться всевозможным иноэтничным компонентам. Так, к примеру, Г. Ф. Корзухина, тонко интерпретировав ряд скандинавских находок Ладоги, утверждала, что «древнейший период в жизни Ладоги выпадает из истории собственно древней Руси», а основание поселения связывала с финскими племенами (Корзухина 1965: 14). С этим ее мнением солидаризировался Д. А. Авдусин, считавший, что первоначальная Ладога существовала «как финский поселок» (Авдусин 1980: 34). Совершенно иного мнения придерживался П. Н. Третьяков. Подчеркнув, что среди находок нижнего слоя Ладоги нет изделий достоверно финно-угорского происхождения, он рассматривал данный археологический комплекс в контексте славяно-русских древностей (Третьяков 1970: 149).

Сомнения и противоречия в интерпретации ладожских материалов побудили ЛОИА АН СССР заново воссоздать в 1972 г. Староладожскую археологическую экспедицию, под руководством А. Н. Кирпичникова. Так был начат новый цикл исследований, проводившийся силами нескольких отрядов (рис. В.5)[1]. Целью этих работ являлись: а) получение новых материалов для разработки дендрохронологии Ладоги, б) изучение культурного слоя Ладожского посада, в) архитектурно-археологическое исследование Ладожской каменной крепости, г) раскопки сопок в ближайшей округе Ладоги.

К началу 1980-х гг. все поставленные задачи оказались выполнены. В частности, были уточнены стратиграфия и хронология Земляного городища и Ладожского посада. Строительные горизонты VIII–X вв. получили свои дендродаты. Древнейшая застройка посада была датирована не позднее 842 г., Земляного городища — не позднее 753 г. (Рябинин, Черных 1988; Черных 1985а, 1989; Петренко 1985).

Остатки производства (неоконченные изделия, капли стекла, заготовки из латуни, тигли, льячки, формочки, пиленая кость, некоторые специализированные инструменты и пр.), выявленные в ладожских домах VIII–X вв. в комплексе

[1] Староладожская археологическая экспедиция ЛОИА под руководством А. Н. Кирпичникова в 1970-х гг. включала в свой состав отряды, начальниками которых являлись А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин, В. П. Петренко, Е. Н. Носов, В. А. Назаренко.

с многочисленными бытовыми изделиями, позволили предположить, что в этих домах одновременно и жили, и работали ремесленники-универсалы, мастера по металлу, кости, янтарю и т. д. (Кирпичников 1985б; Кирпичников и др. 1985). Крупнейшим открытием явилась находка древнейшей в раннесредневековой Европе ювелирно-слесарной и литейной мастерской 750-х гг. с «кладом» из 28 инструментов, открытой Е. А. Рябининым (Рябинин 1980; 1985; 1994а). Не меньшее значение имело исследование древнейшей на Руси стеклодельной мастерской, работавшей на вторичном сырье (стеклянном бое) в первые десятилетия IX в. (Рябинин 1997; Rjabinin, Galibin 1995: 109–112).

Благодаря новым исследованиям, город в низовьях Волхова стал рассматриваться в контексте широких, евразийского масштаба торговых и культурных связей. Такой подход оказался плодотворен и положил конец своеобразной научной изоляции Ладоги как исключительно местного, замкнутого явления (Кирпичников 1995в). Однако международное признание значимости ладожских древностей не только не сняло, но еще более заострило вопрос о том, в какой мере их можно рассматривать в качестве источников, имеющих отношение к славяно-русской культуре. Или вправду Ладога начальной поры — это некий космополитический центр на стыке разных стран и народов, а история ее не имеет прямого отношения к Руси?

Археологические находки из древнейших горизонтов Ладоги распадаются на разнокультурные компоненты. Велик соблазн прямолинейного объяснения этого явления многоэтничностью своеобразного волховского Вавилона, живущего привозным богатством. В последние 30 лет непрерывно продолжавшаяся ладожская «этническая» дискуссия обрастала все новыми толкованиями.

Г. С. Лебедев, соглашаясь, что поселение в низовьях Волхова только с конца IX в. можно считать городом новгородских словен, полагал, что «вряд ли есть особый смысл в поисках основателей Ладоги, поселение такого типа должно объединять представителей всех племен Севера» (автором назывались финны, балты, норманны, славяне) (Лебедев 1977: 188). В своей заключительной монографии Г. С. Лебедев представил дело так: «…счет населения, видимо, шел на сотню-другую душ, оно было колеблющимся по численности и составу, разноэтничным, но уже с третьей четверти VIII в. на поселении, безусловно, зазвучала славянская речь (наряду с предполагаемой Ю. Кальмером „двуязычностью“ первичного финно-скандинавского социума)…» (Лебедев 2005: 477).

Д. А. Мачинский, в свою очередь, утверждал, что с момента основания Ладоги в VIII в. в ее округе обитала неназванная в источниках, неоднородная в этнокультурном отношении группа жителей. Во второй четверти IX в. (или в первой половине) здесь оседают скандинавы, обложившие данью словен, кривичей, чудь и мерю. Около 862 г. Ладога короткое время подчинена словенам, а позднее сидевшему в их земле варяжскому князю. В третьей четверти IX в. начинается массовое проникновение словен в Нижнее Поволховье. Однако вплоть до 1030 г. наиболее социально активной частью горожан являлись варяги (Мачинский 1981: 31–32; 1982: 13 и след.). К сожалению, и тогда, и в последующие десятилетия все эти мысли излагались их автором преимущественно в тезисной, сугубо популярной форме (Мачинский 1997; 2004; Мачинский и др. 1986; и др.). Степень их обоснованности так и осталась под вопросом. Тем не менее, подобный взгляд на раннюю историю Ладоги приобрел многих приверженцев.

Рис. В.1. Старая Ладога

Рис. В.2. Сопка IX–X вв. (так называемая Олегова могила)

Рис. В.3. Верхний ярус построек, вскрытых Н. И. Репниковым в 1912 г.

Рис. В.4. В. И. Равдоникас со школьниками г. Тихвина в Старой Ладоге. Фото 1958 г.

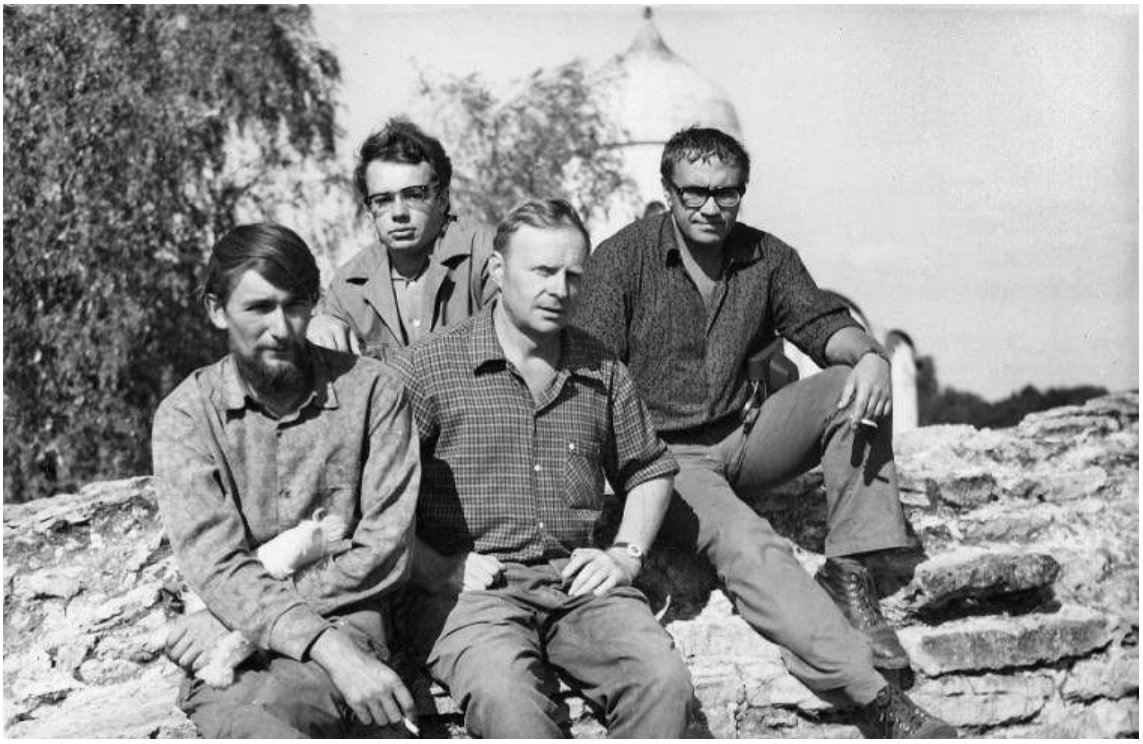


Рис. В.5. Руководители Староладожской археологической экспедиции. Слева направо: Е. А. Рябинин, Е. Н. Носов, А. Н. Кирпичников, В. П. Петренко. Фото 1973 г.

Рис. В.6. Руководители Волховской и Староладожской археологических экспедиций. Слева направо: Е. А. Рябинин (руководитель Волховской экспедиции), О. И. Богуславский, А. Н. Кирпичников, В. А. Назаренко. Фото 1999 г.

Основные итоги работ 1970-х гг. были подведены в сборнике, целиком посвященном Старой Ладоге (Средневековая Ладога… 1985). Между тем, на Земляном городище тогда начинался новый цикл полевых исследований Староладожской экспедиции ЛОИА / ИИМК РАН под руководством А. Н. Кирпичникова (рис. В.6). Отличало его то, что теперь раскопки затронули уже не одну центральную часть памятника, но и его окраины, где стратиграфия напластований имела заметную специфику.

Начало новому этапу работ было положено в северной части Земляного городища, где располагались раскоп № 1 (1984–1991 гг.) и примыкавший к нему с севера раскоп № 2 (1992–1998 гг.). В дальнейшем исследования были перенесены в противоположную часть площадки, к югу от раскопов Н. И. Репникова и В. И. Равдоникаса. Здесь, вдоль южной куртины Земляного города, были последовательно заложены три раскопа, примыкавшие друг к другу и, в итоге, образовавшие единую площадь: раскоп № 3 (1999–2005 гг.), раскоп № 4 (2006–2010 гг.) и раскоп № 5 (2011–2013 гг.) (рис. В.7).

Предварительные публикации результатов этих исследований регулярно появлялись в серии «Старая Ладога. Международная археологическая экспедиция-школа» (преобразованной затем в «Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет») и других сборниках (список работ А. Н. Кирпичникова по данной тематике см. в разделе «Архивные источники и литература»). Однако ввиду малотиражности этих изданий и недостаточной информации о многих из них в археологическом сообществе представляется целесообразным кратко суммировать здесь итоги работ экспедиции последних десятилетий. Отметим также, что некоторые сюжеты, связанные с этими раскопками, освещены более подробно в последующих главах настоящей монографии.

Раскопы № 1–2 (1984–1998 гг.)

Раскопы № 1 (12 × 14 м^2) и № 2 (8 × 12 м^2) частично захватили северный вал Земляного городища. Общая мощность культурного слоя составляла здесь от 3,4 до 5,6 м. Верхнюю часть напластований составляла насыпь бастиона времен Петра I. Под нею зафиксирована насыпь бастиона 1584–1585 гг., состоявшая из культурного слоя Земляного городища, содержавшая находки X–XVI вв. Ниже залегали непотревоженные слои X–XI вв., включавшие пять горизонтов деревянных построек. Нижний горизонт застройки датируется на данном участке первой четвертью X в.

Особого внимания заслуживают остатки ювелирного производства, залегавшие компактно и связанные с комплексом постройки в южной части раскопа № 2 (1997 г.) (Кирпичников 2002б). Среди них скандинавская равноплечная фибула типа «Вальста», а также часть скорлупообразной фибулы, сходной с фибулами типа Bj. 655. Фибулы типа Bj. 655 и кольцевидная являются браком производства. Находки связаны с развалом большой печи и свидетельствуют о существовании в этой части поселения еще одной бронзолитейной мастерской, функционировавшей в последней четверти IX — начале X в. Обнаруженные высокохудожественные украшения скандинавского облика (готовые и незавершенные), относятся и к женскому, и к мужскому костюму (см. главу 6 наст. издания). В предматериковом горизонте на данном участке выявлены гончарный горн и следы железоделательного производства.

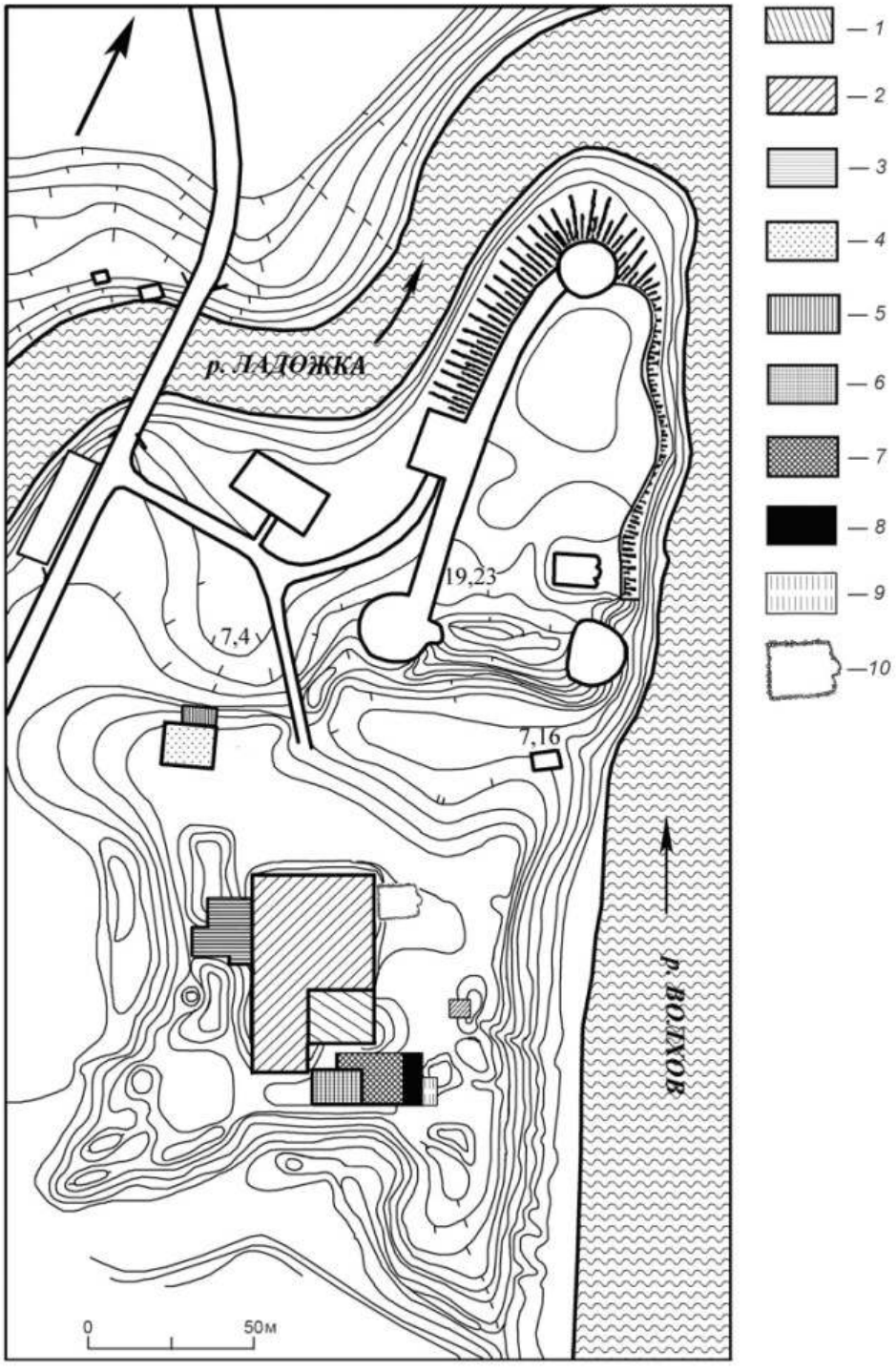


Рис. В.7. Сводный план раскопов на Староладожском Земляном городище с 1911 г. по настоящее время. Составлен Н. В. Григорьевой.
1 — 1911–1913 гг. (Н. И. Репников); *2* —1938–1940, 1945, 1947–1950, 1957–1959 (В. И. Равдоникас); *3* — 1973–1975, 1981–1985 (Е. А. Рябинин)*; 4* — 1984–1991 (А. Н. Кирпичников); *5* — 1992–1998 (А. Н. Кирпичников); *6* — 1999–2005 (А. Н. Кирпичников)*; 7* — 2006–2010 (А. Н. Кирпичников); *8* — 2011–2013 (А. Н. Кирпичников); *9* — с 2016 г. по н. в. (В. А. Лапшин); *10* — церковь св. Климента, исследованная раскопками 1912–1913 гг. (Н. И. Репников), 1938–1940 гг. (В. И. Равдоникас), 1979 г. (П. А. Раппопорт, Л. Н. Большаков)

В пределах раскопа были также обнаружены и расчищены три межевые канавы шириной 1,5 м и глубиной 0,5 м, ориентированные перпендикулярно берегу Ладожки. Они разделяли исследованное пространство на равные участки по 6 м в поперечнике. Наиболее вероятная аналогия такой планировке — парцеллы в Рибе (Дания), датируемые периодом около 800 г. (Кирпичников, Назаренко 1992).

Информация о результатах раскопок 1984–1998 гг. в северной части Земляного городища содержится в публикациях (Кирпичников 1986; 1994; 1995а; 2002б; 2009; Кирпичников, Назаренко 1987; 1988; 1992; 1997; Кирпичников, Богуславский 1995; 1996; 1999; 2000).

Раскопы № 3–5 (1999–2013)

Раскопы № 3 (11 × 12 м), № 4 (17 × 18 м) и № 5 (8 × 17 м) располагаются в южной части площадки городища, вдоль южной, сильно нивелированной куртины «Земляного города» (сооружена в 1584–1585 гг., реконструирована в начале XVIII в.). К настоящему времени здесь исследован участок размерами 30 × 16 м, общей площадью около 500 м^2. Вдоль южного края раскопа, со стороны насыпных стен мощность исследованных напластований достигала в среднем 4 м. В северной части, со стороны открытого крепостного двора, она составляла около 3 м.

Стратиграфическая колонка представлена морфологически различными слоями: от сухого сыпучего гумусированного слоя до слоя навоза со щепой, с хорошей сохранностью органики. В верхней части напластований, на южной половине раскопа располагался край оползшей земляной насыпи куртины мощностью до 1,6 м, состоявшей из культурного слоя с переотложенными материалами VIII–XIII вв. Под ней залегал гумусированный слой с сильно деструктированным деревом — остатки посадской застройки конца XV — XVI в., существовавшей до сооружения бастионных укреплений.

В результате крепостного строительства верхняя часть средневековых слоев поселения оказалась сильно повреждена и перемешана. Находки XV–XVI вв. соседствовали в ее толще с предметами древнерусского периода. В слоях XII–XIII вв. зафиксированы остатки наземных домов с остатками подов отопительных сооружений. Здесь же встречено большое число фрагментов амфор, наличие которых подтверждает роль Ладоги как одного из пунктов трансъевразийской торговли и факт присутствия на Земляном городище неких социально значимых объектов. Древнерусские материалы представлены находками металлических крестиков, овручских пряслиц, трапециевидных гребней, бус и обломков стеклянных браслетов. Степень сохранности дерева не позволила датировать постройки и иные деревянные конструкции методом дендрохронологии. Однако радиоуглеродное датирование образцов сгоревших плах позволило получить серию дат, укладывающихся в рамки XI–XIII вв.

Лучшая сохранность дерева наблюдается лишь на уровне культурных напластований третьей четверти IX — первой половины X в. (публикацию дендродат см. в главе 7 наст. издания). Слои с удовлетворительной сохранностью органики имеют на разных участках раскопа мощность до 1,0–1,2 м. Они представлены слоями навоза со щепой, прослойками стерильного навоза, гумусированными слоями черного и коричневого цвета, выбросами золы. В западной и центральных частях исследованной площади были обнаружены остатки примерно 17 деревянных построек.

В слоях IX–X вв. были открыты четыре горизонта древней застройки, представленные отдельными постройками с подходящими к ним уличными настилами. Бóльшая часть построек имела достаточно обширную площадь — не менее 10 × 6–8 м. Отопительные сооружения находились обычно в центральной части и археологизировались в виде выкладок из известняковых плит подпрямоугольной формы.

Указанный тип построек представлял собой жилища или полифункциональные жилища-мастерские мастеров-ремесленников. Сохранились нижние венцы стен, соединенные между собой в срубной технике. Вокруг некоторых построек зафиксированы бревна обвязки. Наряду с этими постройками выявлен ряд неотапливаемых сооружений, чаще всего небольших, имевших квадратную форму — 2 × 2 или 3 × 3 м. Такие постройки, также сооруженные в срубной технике, представляли собой, по-видимому, кладовые, сараи и хлева.

Во второй четверти X в. в центральной части исследуемой площади функционировала крупная постройка — «большой дом». Она зафиксирована в раскопе № 3 (2002 г.). Размеры постройки в плане составляют 10 × 16 м. Сохранившиеся остатки крупных столбов и досок настилов позволяют предположить, что стены были сооружены в каркасно-столбовой технике. Вокруг дома прослежены дощатые настилы. Данное сооружение находит аналогии в материалах предшествующих раскопок В. И. Равдоникаса и Е. А. Рябинина. «Большие дома» с очагами или печами в центре, построенные с использованием столбовых конструкций (в том числе — в сочетании со срубной техникой), зафиксированы как в более ранних горизонтах $Е_3$, $Е_2$ и $Е_1$ (Равдоникас 1950: 30 и др.; Рябинин, Черных 1988: 91–93), так и в синхронных отложениях горизонта Д, где остатки сходной по типу постройки датированы второй четвертью — серединой X в. (Рябинин, Черных 1988: 94–97).

Большую постройку, раскопанную в 2002 г., можно интерпретировать как остатки купеческого дома-общежития, с очагом в центре. Главный зал-покой, по-видимому, был обнесен наружной галереей. С этим комплексом связано более 140 разнообразных находок, преимущественно стеклянных бус. У торца дома открыто скопление из 2500 зеленых бус (явно некая торговая партия) и обнаружена литейная форма из сланца, предназначенная для отливки стержневидных брусков — возможно, платежных слитков серебра. Там же найдена вставка перстня-печатки из горного хрусталя с арабской надписью, в переводе гласящей: «Помощь моя только у Аллаха, на него я положился и к нему обращаюсь». Все эти находки — свидетельства дальних торговых связей Ладоги.

Интерпретация описанного «большого дома» — не как дворца князя или боярина, а именно как купеческой гостиницы — подсказана сообщением арабского путешественника Ибн-Фадлана, в 921–922 гг. побывавшего у булгар на Волге. «Купцы Руси, — пишет этот автор, — прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле (Волге)... и строят на ее берегах большие дома из дерева, и собирается их в одном (таком) доме 10 и (или) 20 — меньше или больше, и у каждого из них скамья, на которой он сидит, и с ним сидят девушки (невольницы. — *Авт.*) — восторг для купцов…» (Путешествие ибн-Фадлана… 1939: 79). Вероятно, подобные сооружения строились в период мировой «серебряной» торговли VIII–X вв. в узловых точках великих речных путей Восточной Европы. Но только в Старой Ладоге они зафиксированы археологически (ср.: Рябинин, Черных 1988: 93).

В 2013 г. в раскопе № 5, на границе погребенной почвы и глинистого материка впервые удалось визуально зафиксировать полосы распашки, пересекающиеся в виде сетки. Взятые из черного гумуса образцы для радиоуглеродного датирования показали калиброванные абсолютные даты в интервалах (2σ) 408–668, 433–661 и 539–761 гг. С уровня упомянутого черного гумуса в материк были впущены ямы. В двух из них встречены фрагменты лепных сосудов, сходные с керамикой Верхнего Поднепровья третьей четверти I тыс. н. э. В одной из ям, заполненной небольшими прокаленными булыжниками, находилась проволочная серьга с приостренным концом и двусторонний роговой гребень в футляре. Гребни такого типа были распространены в Центральной Европе от 470/480 гг. до 630/640 гг. (Кирпичников, Курбатов 2014: 129 и след.).

Отметим в этой связи: принятая в литературе дата возникновения Ладоги не является окончательной и может еще удревниться. Присутствие на некоторых участках материковых ям с находками, датируемыми не позднее VII в., вряд ли является случайным. Скорее всего, это остатки слабо выраженного горизонта обитания, более древнего, чем середина VIII в.

Информация о результатах раскопок 1999–2013 гг. в южной части Земляного городища содержится в публикациях (Кирпичников 2004, 2006б, 2007а, 2008а, 2009, 2012; Кирпичников, Богуславский 2001; Кирпичников и др. 2002; Кирпичников, Курбатов 2014; Кирпичников, Сорокин 2001а, 2001б, 2002; Кирпичников и др. 2003, 2015).

Подводя итоги описанного цикла полевых исследований Земляного городища, следует констатировать: представление о том, что экономика раннесредневековой Ладоги была ориентирована, в первую очередь, на внешние связи, транспортировку грузов, посредническую и местную торговлю, остается непоколебленным. В сложении городской культуры здесь играли огромную роль такие факторы, как выгодное транспортно-географическое местоположение и усиление значения международной торговли во второй половине VIII в., когда активизировалось движение по Великому Волжскому пути (Носов 2000: 162 и след.; Кирпичников 1988а, 1995б, 2006а).

Вряд ли можно сомневаться, что в среде ладожан присутствовали представители самых разных этнических сообществ. Однако разноцветная мозаика, составляющая картину ладожской культуры и быта, при всей яркости отдельных деталей образует единую, целостную картину. О существенной роли в ней славянского элемента свидетельствуют такие важные в плане этнических определений находки, как комплекс лепной керамики и элементы женского головного убора и украшений из свинцово-оловянистых сплавов. Керамический комплекс преемственно развивался на поселении начиная с VIII в. и не претерпевал никаких резких изменений вплоть до момента появления гончарного круга (ср.: Сениченкова 2014). Попытки атрибутировать его финнам или скандинавам делались неоднократно, но они не имеют под собой оснований. Исследования последних десятилетий на Северо-Западе показали: эта керамика заметно отличается как от скандинавской, так и от достоверно финской.

Новые археологические исследования позволяют лучше понять домостроительство Ладоги, которое на протяжении всего периода VIII–X вв. сочетало в себе различные технические традиции, выработанные, с одной стороны, в лесной зоне Восточной Европы, с другой — в Северной Европе (Скандинавии). В настоящий момент на Ладожском поселении археологически обнаружено около 100 комплексов

жилых, производственных и хозяйственных построек. Техника домостроительства включала возведение изб, домов-пятистенок, особых «общественных» сооружений (возможно, «гостевых» или культовых) и др. Дома разных типов, срубные и каркасно-столбовые появились в Ладоге практически одновременно и сосуществовали там столетиями (Кирпичников, Сарабьянов 2012: 68–72).

Если срубные избы своим происхождением указывают на лесную полосу Восточной Европы, то дома-пятистенки с очагом в центре отапливаемого покоя (сохранившиеся в русской этнографии вплоть до сегодняшнего дня) пока не имеют точного адреса своего возникновения. Их строили, в числе прочих, и хуторяне Скандинавии, но ладожские находки VIII–IX вв. превосходят своей древностью большинство известных североевропейских памятников.

Судя по находкам корабельных заклепок и их заготовок, деталей ладей и т. д., в городе в низовьях р. Волхов было налажено строительство судов и их ремонт. Ладожские ремесленники были одновременно мореплавателями и торговцами. При этом можно допустить существование обычных для той эпохи (и неоднократно описанных в письменных источниках) военно-торговых объединений, состоящих как из своих, так и пришлых людей. Отметим также, что в Ладоге, в слое второй половины IX в. впервые были выявлены стандартные по ширине жилые и производственные парцеллы, что позволяет по-новому представить начало регулярно спланированной застройки европейских городов.

Представление о том, что первоначальная Ладога была поселенческим островком, затерянным в лесах и болотах Южного Приладожья, почти изолированным от остального славянского мира, явно требует корректив. Противопоставление значимости первоначальных Ладоги и Новгорода также, скорее всего, искусственно. Речь тут может идти лишь о *последовательных этапах исторического развития регионов и городских образований Северо-Западной Руси*.

Исследования последних десятилетий, на наш взгляд, подтверждают выдвинутое А. Н. Кирпичниковым еще на рубеже 1970–1980-х гг. положение о существовании особой «Ладожской земли» — предшественницы Новгородской. Ядром этой земли была городовая волость, протянувшаяся примерно на 65 км вдоль нижнего течения Волхова, включавшая многорядные Гостинопольские и Пчевские пороги, обслуживающие их укрепленные станции и приречные сельские поселения. На расстоянии дневного перехода (43–50 км) на востоке, юге и западе от Ладоги располагались укрепленные форпосты, прикрывавшие дальние подступы к этому городу. Далее тянулись обширные земли, занятые финским и лопарским населением, находившимся по отношению к метрополии в даннической зависимости. Зона влияния Ладоги, не ограничиваясь Поволховьем, простиралась, по меньшей мере, до Онежского озера на востоке и Ижорского плато на западе. Под контролем Ладоги находились приладожская чудь, весь, ижора, а также лопь (Кирпичников 1979б, 1988б).

Ближайшие к Старой Ладоге городища у дер. Новые Дубовики и в устье р. Любша по своей культуре закономерно были близки Ладоге, являвшейся для них городом-метрополией, хотя между ними имелись и различия, природа которых требует дальнейшего изучения. На рубеже 1990–2000-х гг. археологическая экспедиция ИИМК РАН под руководством Е. А. Рябинина обнаружила на городище Любша едва ли не самую древнюю на Руси каменно-земляную крепость (Рябинин, Дубашинский 2002; см. также главу 5 наст. издания).

Еще на раннем этапе своего существования Ладога, наряду с торгово-ремесленными функциями, восприняла функции порубежной крепости, защищавшей Южное Приладожье и пути вглубь материка. Свидетельством тому служат три каменные крепости, последовательно сооружавшиеся в устье р. Ладожки в IX, XII и XVI вв. (см.: Кирпичников 1973а, 1974, 1975а, 1975б, 1976а, 1977а, 1977б, 1977в, 1980, 1984, 1993), вкупе с заключающей этот ряд дерево-земляной крепостью бастионного типа (конец XVI в.; перестроена в начале XVIII в.) (Кирпичников 1979а).

По своему инженерному решению указанные фортификации являлись новаторскими. Башня и стены из плитняка конца IX — начала X в. претендуют быть первыми цельнокаменными укреплениями в пределах Древнерусского государства. Крепость 1114–1116 гг. сохранилась местами почти на полную высоту (не менее 8,5 м). Она предвосхитила собою распространение на Руси таких каменных твердынь, начавшееся столетием позже. Вплоть до конца XV в. крепость обеспечивала безопасность горожан и защиту северных рубежей страны. Отрезок стены с торговой и водонаборной аркой удалось оперативно законсервировать для музейного показа.

Крепостное строительство 1114–1116 гг. положило начало городскому преобразованию Ладоги. За ним последовало сооружение в XII в. сразу пяти крестово-купольных, четырехстолпных, трехапсидных каменных храмов (что для тогдашних древнерусских городов являлось беспрецедентным). Храмы располагались в определенной градообразующей системе. К сожалению, письменные источники не содержат точных дат их строительства, за исключением церкви св. Климента, заложенной в 1153 г. епископом Нифонтом. Теперь накапливается все больше данных о том, что ладожские храмы строились по единому градостроительному плану, предложенному правительством Мстислава Великого. Несомненно, Ладогу той поры рассматривали как форпост, крупный транспортный центр и узел обороны на северных рубежах страны.

В XVI в. на месте старой крепости 1114–1116 гг. возводится новая, приспособленная к огнестрельному бою. В ее устройстве, как удалось установить, проявились передовые черты итальянской оборонительной архитектуры эпохи Возрождения, выразившиеся, например, в практической равновеликости стен и башен по высоте. К каменной крепости с юга примыкает Земляное городище. Привлечение данных разрядных книг и натурные исследования позволили опознать это сооружение в качестве бастионной фортификации, возведенной в 1584–1585 гг. (Кирпичников 1984: 20 и след.). Ныне трудами экспедиции в Старой Ладоге сформировался своеобразный музей фортификаций, каждая из которых явилась особым этапом в истории архитектурно-инженерного дела.

Соотнесенные с местностью показания писцовых книг конца XV–XVI вв. являются важным источником для изучения поселенческой топографии Ладожского посада, позволяют уточнить расположение дворов, церквей, монастырей и дорог. В настоящее время реконструирован план средневекового города с его отдельными районами («концами») и монументальными сооружениями. Уточнены местонахождение и наименование некоторых несохранившихся церквей (Кирпичников 1985а; 2002а).

Научная значимость памятников Старой Ладоги обусловила особую роль этого уникального комплекса в контексте современной российской и европейской культуры. Поэтому Староладожская экспедиция ИИМК РАН никогда не замыкалась

на выполнении одних научных задач. Вековой опыт ладожских исследований побуждает уделять особое внимание делу сбережения ее памятников, повышению статуса музея-заповедника, включающего объекты особо ценного культурного наследия, а также углублению гуманитарного сотрудничества стран региона Балтийского моря.

В минувшие десятилетия экспедиция сумела сделать свои полевые изыскания доступными для всех интересующихся русской историей и археологией. Именно по ее инициативе, подкрепленной в 1988 г. ходатайством Д. С. Лихачева, Старая Ладога была открыта для въезда иностранцев. В работах экспедиции, помимо преподавателей и студентов из Санкт-Петербурга, Москвы и других российских городов, много лет принимали участие ученые и волонтеры из Польши, Литвы, Эстонии, Германии, Австрии, Бельгии, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, США и других стран. В 2004 г., при поддержке Администрации Санкт-Петербурга, впервые удалось организовать и успешно провести на базе экспедиции Международную археологическую школу для зарубежных соотечественников (соавтор проекта — проф. М. Н. Толстой). В дальнейшем она была преобразована в Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет.

Благодарности

Сердечное спасибо всем, кто в кризисные времена пришел на помощь Староладожской археологической экспедиции и тем самым помог обеспечить непрерывность ее деятельности. Моральную и финансовую поддержку работам экспедиции в разные годы оказывали Президент РФ В. В. Путин, советник Президента РФ по экономическим вопросам А. Н. Илларионов, Правительство Ленинградской области, федеральная целевая программа «Интеграция», Президиум РАН, Министерство культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский общественный фонд «Реформы и политика», Казанский совет народных депутатов, ОАО «Металлург», Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат, ОАО «Нева-Ленд», ОАО «Лиговка», торговая фирма «Офис-клаб Балтика», муниципальное образование «Волховский район», компания «Дэвис энд Дэнн», ОАО «Межотраслевой вексельный дом топливно-энергетического комплекса», Издательский дом «Русская симфония», инвестиционная компания «Ленмонтажстрой», объединение «Дорстройпроект» и корпорация IKEA.

Деятельность экспедиции 1980–2010-х гг. была бы невозможна без помощи и участия студентов и преподавателей Ленинградского государственного областного университета им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного института культуры, Казанского государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургского Суворовского военного училища МВД России.

ЧАСТЬ I

In Memoriam.
К 80-летию создания
Староладожской археологической экспедиции

ГЛАВА 1
Староладожская экспедиция 1938–1940 гг.: исследования, исследователи, находки

Староладожский «проект» и другие

Староладожская экспедиция ЛГУ и ИИМК АН СССР была создана В. И. Равдоникасом в 1938 г. Это был четвертый, как сказали бы сейчас, крупный «проект», воплощенный им в жизнь в сравнительно короткий период — с 1928 по 1941 г. Первым явилось масштабное исследование Приладожских курганов. Оно заметно пополнило и уточнило источниковую базу для дальнейшего изучения этой культуры. Причем осмысление и обобщение полученных данных было начато уже тогда, на рубеже 1920–1930-х гг., в монографии автора раскопок, изданной в Стокгольме на немецком языке (Raudonikas 1930).

Исследования В. И. Равдоникаса в Приладожье были высоко оценены в кругу «старой» академической науки Ленинграда. В ту пору никто еще не подозревал в молодом ученом будущего «красного демона» и громовержца. В конце 1920-х гг. директор МАЭ акад. Е. Ф. Карский дал о нем такой отзыв: «...Музей антропологии и этнографии имел достаточную возможность наблюдать научную деятельность В. И. Равдоникаса... В научно-технической работе <…> он проявил пунктуальность и методическую точность, соответствующую современным требованиям. В выполнении экспедиционных заданий он показал настойчивость, гибкость и уменье с минимальной затратой средств привозить много ценного <…> материала. В научных сообщениях своих по поводу разрабатываемых им коллекций и, особенно, в докладе Совету МАЭ 18 декабря 1928 г. на тему о Приладожских культурах, он показал серьёзное знание <…> научной литературы — как русской, так и иностранной (последнее благодаря его знанию двух языков — немецкого и французского), а также самостоятельность и глубину теоретической мысли. Наконец, В. И. Равдоникас, работая в науке совершенно бескорыстно, при этом в последние два года, по-видимому, в обстановке материальных лишений, доказал свою любовь и преданность делу палеоэтнологических исследований...» (Отзывы о научной деятельности… л. 6; см. также: Платонова 2002: 266).

Помимо курганных древностей в монографии 1930 г. В. И. Равдоникас проанализировал и ввел в научный оборот неизданные материалы раскопок Н. И. Репникова 1909–1913 гг. в Старой Ладоге. В переводе рукописи на немецкий язык участвовал проф. Т. Арне. В течение многих десятилетий эта книга служила для западных коллег основным источником сведений о памятниках эпохи викингов в Северной Руси.

Вторым крупным научным предприятием, которое В. И. Равдоникас организовал уже в 1930-е гг., стало исследование петроглифов Онежского озера и Белого моря. Заинтересовался он этим вопросом достаточно неожиданно, руководя

в 1934 г. новостроечными работами на р. Свирь и, по ходу дела, углубившись в проблемы северного неолита (Равдоникас 1940а). За последующие два года (1935–1936 гг.) созданная им экспедиция обнаружила и скопировала 570 наскальных изображений, немалая часть которых оказалась открыта впервые. Собранные материалы были проанализированы, обобщены В. И. Равдоникасом и великолепно изданы двумя томами (Равдоникас 1936–1938). Труд этот также получил международное признание. После знакомства с ним шведские ученые, планировавшие свое издание петроглифов на основе дореволюционных сборов, отказались от такой идеи (Клейн 2010: 380).

Параллельно с этой работой В. И. Равдоникас в 1936 г. начинает новый, третий, «проект», тематически связанный с предыдущим, — исследование уникального могильника каменного века на Южном Оленьем острове Онежского озера. Экспедиция являлась спасательной, так как на острове появился карьер и могильник начал разрушаться. Основные раскопочные работы были проведены в 1936–1937 гг. (вскрыто свыше 150 погребений) (Равдоникас 1940г: 47–50). Однако действия, связанные с завершением исследований и требовавшие присутствия начальника экспедиции, предпринимались и в следующем году. Во всяком случае в конце июля 1938 г. он выезжал из Старой Ладоги на Олений остров.

Раскопки велись в тяжелых условиях. В письме Владислава Иосифовича к жене от 31 июля 1937 г. читаем: «…Здесь становится довольно плохо. Уже 4 дня проливной дождь и шторм на озере. У нас уже трое больных с температурой 39 градусов — Гурина, Лошкарева и Орлов (последние двое — студенты). Я, хотя и не простужаюсь, но вследствие очень плохого питания и большой работы — чувствую упадок сил. Дождь мешает работе, а работы здесь чрезвычайно много. Могильник идет непрерывно к северу. 35 погребений отправляю завтра в Ленинград. Выходы на неизвестно сколько — открываются все время. И каждое погребение дает что-нибудь новое. Мы нашли уже три резных из рога головы лосей, одну фигурку целого лося, очень похожую на одну из фигур в Залавруге у Выгозера, которую мы с тобой открыли в прошлом году <…>. Очень, очень жалею, что тебя нет здесь, что ты вместе со мной не могла разделить радости первого созерцания этих предметов первобытного искусства…» (цит. по: Тихонов 2003: 170).

Оленеостровский могильник представлял собой открытие мирового значения. В. И. Равдоникас ознакомил археологическое сообщество с результатами этих раскопок, доложив их в 1940 г. на Втором пленуме Комиссии по ископаемому человеку Советской секции АИЧПЕ (Равдоникас 1940б). Там же он прочел доклад об исследовании петроглифов (Равдоникас 1940в). Кроме того, на основе полученных данных им была опубликована весьма содержательная статья об Оленеостровском могильнике (скромно названная «предварительным сообщением») (Равдоникас 1940г). Этими публикациями автор раскопок ввел памятники в научный оборот. Однако дальнейшую их разработку он спокойно поручил своей ученице Н. Н. Гуриной, которая и подготовила научное издание Оленеостровского могильника в 1956 г. Самого В. И. Равдоникаса в 1939–1940 гг. уже всецело поглощала древнерусская проблематика.

Всё изложенное не позволяет сомневаться: в конце 1920–1930-х гг. исследователь неимоверно торопился жить. Работал он в бешеном темпе. Быстро загорался, решительно действовал, преодолевал все препятствия и, в результате,

действительно многое успел. Блестящие заделы сменяли один другой; работы по разным направлениям велись параллельно, зачастую в одном полевом сезоне… А была ведь еще педагогическая работа, был первый том учебника по «Истории первобытного общества» (Равдоникас 1939), корректуру которого автору привозили на вычитку в Старую Ладогу, в экспедицию.

Из полевых предприятий В. И. Равдоникаса, не получивших продолжения, заслуживает внимания его попытка начать в 1935 г. исследование Рюрикова городища (см. главу 2 наст. издания). Сама по себе эта попытка весьма знаменательна. Археология Начальной Руси неодолимо притягивала ученого, несмотря на его временный «отход» в область первобытных исследований. Благоприятная ситуация для реализации нового масштабного проекта, связанного с раскопками, сложилась в 1938 г.

В тот момент он реально стоял во главе университетской археологии в Ленинграде. После восстановления исторического факультета в составе ЛГУ туда в 1936 г. перешли все кафедры бывшего ЛИФЛИ, включая кафедру истории доклассового общества (ИДО). Ее заведующий С. Н. Быковский вскоре был арестован, как и многие другие профессора-партийцы. Сменил его на этой должности В. И. Равдоникас (Тихонов 2003: 167). Именно при нем кафедра ИДО стала кафедрой археологии, а затем и Археологическим отделением (АрхО) — видимо, тоже не без его участия.

Официальное ходатайство в Москву, конечно, посылала дирекция ЛГУ (Равдоникас 1949б: 6). Но трудно поверить, что идея создания АрхО пришла ректору в голову сама по себе. Скорее всего, инициатором выступал В. И. Равдоникас, заведующий кафедрой археологии. Так или иначе, в 1938 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы официально разрешил открыть на истфаке ЛГУ соответствующее отделение.

Организация Староладожской экспедиции явилась первым «деянием» новоиспеченного АрхО. Вопрос изначально ставился не просто о раскопках, а о создании археологической базы факультета, об экспедиции как постоянном научно-учебном подразделении. У В. И. Равдоникаса была возможность выбора: в тот момент он мог бы ориентировать руководство университета на любой перспективный археологический комплекс Северо-Запада. Он однозначно выбрал Ладогу.

Работа экспедиции начиналась тогда, когда в университете еще шло обсуждение и утверждение штатов и учебных программ отделения. С описания этой ситуации, собственно, начинается и первый полевой дневник начальника Староладожской экспедиции:

«В связи с организацией на Истфаке ЛГУ археологического отделения встал вопрос об организации постоянной базы для полевой археологической практики студентов и для полевой исследовательской работы. В качестве таковой была выбрана Старая Ладога с ее окрестностями как район, в котором сосредоточены разнообразные памятники крупного научного значения, начиная от неолитических стоянок и кончая памятниками поздне-русского времени. Исключительнейший интерес среди памятников Старой Ладоги имеет Земляное городище…» (Равдоникас 1938-А: лл. 1–2; см. также приложение 1 к настоящей главе).

Так, в 1938 г. Владислав Иосифович начал новый долговременный «проект», ставший для него последним и, пожалуй, главным. В памяти последующих поколений имя его связано именно с Ладогой.

В. И. Равдоникас, Г. П. Гроздилов и научная документация Староладожской экспедиции 1938–1940 гг.

Научное наследие Староладожской экспедиции предвоенных лет сегодня нуждается в специальном исследовании. Эти полевые сезоны и полученные тогда материалы слишком долго оставались на периферии внимания исследователей Ладоги (а соответственно, и всех археологов-русистов). Материалы 1938–1940 гг. хуже всего изучены, ибо в коллекциях наблюдаются лакуны, о причинах которых в наше время мало кто задумывается всерьез. Но ясно, что соотнести их с имеющимися описаниями труднее, чем материалы послевоенных лет. Поэтому исследователи второй половины XX в. зачастую просто обходили стороной эту часть коллекции, хранящуюся, как и другие материалы В. И. Равдоникаса, в ОАВЕС Гос. Эрмитажа.

Наше обращение к предвоенным материалам было вызвано желанием разобраться со стратиграфией и хронологией могильника на площадке Земляного городища (Платонова 1997а; 1997б): почти вся информация о могильнике сосредоточена там. При работе с дневниками В. И. Равдоникаса в архиве ИИМК РАН обнаружилось, что они достаточно информативны и хорошо составлены. Казалось: так и должно быть… Тогда большинство из нас не подозревали о проблемах с коллекцией и документацией предвоенного периода.

Когда сравнительно недавно пришлось вернуться к проблеме стратиграфии верхних горизонтов Земляного городища, мы решили построить работу уже не на ограниченной подборке источников (пусть даже наиболее показательных), а на всем комплексе полевой документации 1938–1940 гг. Этот комплекс довольно значителен. В Рукописном отделе НА ИИМК РАН сохранились подборки полевых чертежей за 1938–1940 гг. (Р-1, № 1360, 1367, 1368), а также отдельные сводные беловые чертежи, изготовленные в 1939 и 1940 гг. Эти чертежи, представляющие собой большие рулоны ватмана, наклеенные на ткань, скорее всего, предназначались для демонстрации на конференциях (Р-1, № 1362–1365).

В Фотоотделе НА ИИМК РАН хранятся также два фотоальбома, один из которых (О.1601) почти целиком составляют разрозненные материалы Староладожской экспедиции 1938–1940 гг. (рис. 1.1–1.3). Во втором альбоме (О.1054) имеется лишь несколько снимков, сделанных в Старой Ладоге в указанный период. К работам на Земляном городище они не имеют отношения.

Разумеется, ключевое значение для понимания материала и реконструкции стратиграфии Земляного городища на участках, вскрытых в 1938–1940 гг., имеют полевые дневники начальника Староладожской экспедиции В. И. Равдоникаса за 1938–1940 гг. (Равдоникас 1938-А; 1939-А; 1939-Б; 1940-А; 1940-Б) и его заместителя Г. П. Гроздилова за 1938 г.[1] (Гроздилов 1938-А).

При изучении всей этой документации, собственно, и родилась идея написать не только об исследованиях, но и об исследователях Старой Ладоги. Дневники дают для этого богатый материал. Но оторвать историю людей от истории дела, которому

[1] Сохранился также дневник, составленный А. С. Бобровой, сотрудницей ИИМК АН СССР, руководившей раскопом II (1938 г.). Дневники Н. Б. Эмлер и Н. А. Мальцевой (1940 г.) содержат описания раскопок курганов в уроч. Плакун. Цитаты из дневников В. И. Равдоникаса 1939–1940 гг. далее приводятся в тексте по их рукописной копии, сделанной Г. Ф. Корзухиной (Равдоникас 1939-В; 1940-В) (см. прим. 8 к главе 3 наст. издания).

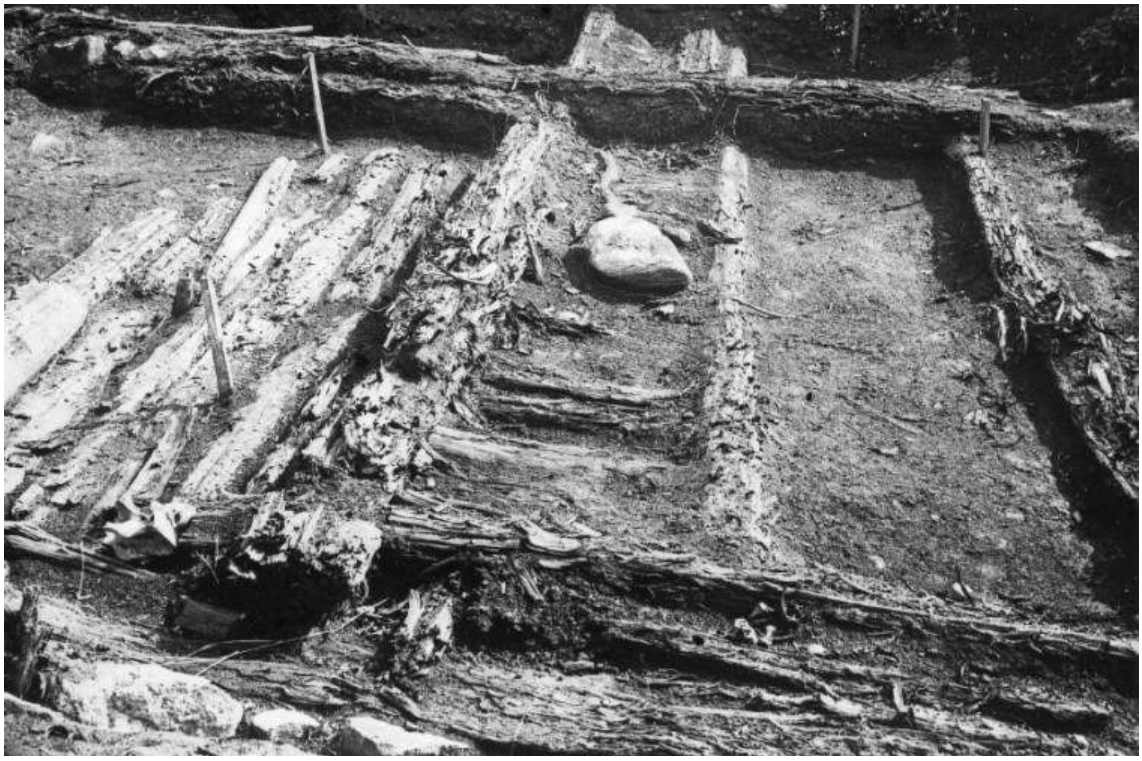


Рис. 1.1. Раскоп 1938 г., юго-восточный сектор. Остатки настила, открытого под полом жилой избы в средней ее части (НА ИИМК РАН. ФО. О.1601-21)

Рис. 1.2. Раскоп 1940 г., контрольный разрез-канава через скопление камней в постройке, открытой в северо-западном секторе (НА ИИМК РАН. ФО. О.1601-39)

Рис. 1.3. Старая Ладога, 1940 г. Вид раскопа на Земляном городище.
Фото П. А. Раппопорта (НА ИИМК РАН. ФО. О.3378-35)

они себя посвятили, оказалось очень трудно. Одно слишком тесно связано с другим. Рассказ же о главных героях Ладоги вполне органично звучит в едином контексте с рассказом о ее проблемах — проблемах коллекции, документации, стратиграфии и т. д.

Тандем В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова (рис. 1.4, 1.5) сложился еще в первой половине 1930-х гг. Будучи младшим по возрасту, Григорий Павлович сопутствовал В. И. Равдоникасу во многих экспедициях, включая Свирскую 1934 г., Новгородскую 1935 г., Оленеостровскую 1936–1937 гг. и т. д. Везде он выполнял ответственные задания, являясь руководителем отдельного отряда или важного участка, но при этом совершенно не стремясь ни к какому общему руководству. В результате тандем сохранился неизменным, несмотря на все исторические и организационные катаклизмы, вплоть до окончания их совместных работ в Старой Ладоге в 1959 г.

Если В. И. Равдоникас всегда был генератором идей, энергичным организатором и руководителем, Г. П. Гроздилов выступал в роли безотказного, очень квалифицированного работника, входившего во все детали раскопок и экспедиционного быта. Именно так он проявил себя в Староладожской экспедиции 1938 г., где являлся непосредственным производителем работ, ответственным, похоже, за всё на свете, но в первую очередь — за фиксацию материала.

Некоторое представление об «уровне занятости» Григория Павловича дают первые страницы его полевого дневника 1938 г., живописующие самое начало экспедиции, когда он в одиночку вывез в Ладогу группу студентов, в то время как В. И. Равдоникаса еще держали в Ленинграде дела по АрхО:

«*6 июля 1938 г.* Выехал вместе с группой студентов Ленинградского Университета <…> в Старую Ладогу с поездом 7.25 утра. Прибыли в Волховстрой в 11 ч. Добрались до пристани пешком. Выехали на пароходе в Старую Ладогу в 4 ч. дня. По приезде в Старую Ладогу явился в Староладожский сельсовет. Договорился с зам. директора школы II ступени о помещении для студентов в здании школы (3 комнаты), но из-за неблагоустройства отведенного помещения были предприняты переговоры с директором Детдома. Последним был предоставлен дом на правом берегу р. Волхова (дача Котикова), где и разместились 7 человек. 3 студента нашли помещения в Старой Ладоге. Директор детского дома предоставил также питание для студентов в столовой. До 1 часу ночи все были заняты перевозкой вещей в предоставленное помещение.

7 июля 1938 г. С 9 час. утра заканчивали переезд. С 11 часов отправился со всей группой студентов в Староладожскую крепость, где провел с ними беседу-экскурсию по крепости и земляному городищу. Закончил беседу в 13 ч., после чего был устроен обеденный перерыв. С 14 ч. отправились всей группой к сопкам, расположенным к северу от Старой Ладоги на берегу Волхова. Здесь мной была проведена беседа о дофеодальных и раннефеодальных памятниках Ю[жного] Приладожья и даны указания о топосъемке и нивелировке археологических памятников. В 6 вечера отправились на правый берег Волхова. После ужина мною даны задания студентам на время отсутствия сотрудников экспедиции (т. е. с 8 по 11 июля). 10 человек были разбиты на 3 бригады <…> 1) На 8-ое число и 9-ое задание заключалось в топосъемке и нивелировке сопок, что севернее с. Старая Ладога. 2) На 10-ое июля: ознакомиться с планом Бранденбурга в книге «Старая Ладога» и запомнить названия башен. На 11 июля: снять план курганной группы на Победище и группы сопок. Вечером рассказал о методике составления дневника и записей. Еще раз ознакомил студентов с техникой нивелировки и топосъемки. В 12 часов ночи выехал пароходом из Старой Ладоги до Волховстроя, откуда с ночным поездом дальнего следования возвратился в Ленинград утром 8 июля.

С 8-го до 11 июля занят подготовкой к раскопкам в Старой Ладоге (закупки недостающих материалов — фото и др., оформление пропуска для проезда по Старо-Ладожскому тракту и др.).

11 июля 1938 г. В 12 час. ночи выехал на автомашине с погруженным оборудованием в Старую Ладогу. Прибыл в 7 утра. После перевоза через Волхов доставил имущество в дер. Лопино. К 10 утра выехал на машине в Волховстрой, где встретил В. Равдоникаса…» (Гроздилов 1938-А: лл. 1–2).

Эта обширная цитата из дневника позволяет живо представить самые первые «труды и дни» Староладожской экспедиции. Конечно, «квартирьерство» и связанные с ним перегрузки хорошо знакомы всем коллегам, знающим, что такое организация полевых работ. Удивить они могут только тех, кто вовсе не сталкивался с этой стороной жизни археологов… Когда заботы первых дней оказались позади и жизнь в экспедиции немного устоялась, изменился и круг обязанностей Григория Павловича. Его основной заботой стало уже не хозяйство и перевозка вещей, а наблюдение за раскопом и регистрация материалов.

Именно полевой дневник Г. П. Гроздилова 1938 г. вкупе с сохранившейся графической документацией является основным источником сведений о раскопках Земляного городища в этом сезоне. Дневник содержит детальные описания комплексов

Рис. 1.4. В. И. Равдоникас. 1920-е гг.

и перечни находок раскопа III (основного). Им же была составлена опись находок за этот год, в которой все артефакты верхних слоев разбиты (разумеется, с некоторой степенью приблизительности) на стратиграфические комплексы (например: «горизонт постройки XIII–XIV вв.», «горизонт ниже постройки XIII–XIV вв.», «верхний слой постройки XIII–XIV вв.», «горизонт кладбища XI в.», «горизонт над постройками IX–X вв.» и т. д.) (Опись… 1938). На основе этих материалов Г. П. Гроздиловым был написан отчет о раскопках Земляного городища за 1938 г., черновик которого сохранился в архиве (Гроздилов 1938-Б).

Сам В. И. Равдоникас в 1938 г. не имел возможности систематически наблюдать за раскопами. Его периодически отвлекали то университетские дела, связанные с организацией и функционированием АрхО, то необходимость отъезда в другую экспедицию. Если полевые дневники В. И. Равдоникаса за 1939 и 1940 гг. занимают каждый по две пухлые общие тетради, заполненные его размашистым почерком, то записи первого года раскопок Ладоги уместились в тетрадке на 14 страницах, публикуемой в приложении к настоящей главе. Последняя страница тетрадки содержит запись от 21 июля. Примерно в это время Владислав Иосифович должен был уехать из Старой Ладоги на Онежское озеро. Вернулся он оттуда 1 августа. В дневнике Г. П. Гроздилова за этот день сказано: «…Во вторую половину дня на раскоп пришел начальник экспедиции В. И. Равдоникас, отсутствовавший несколько дней в связи с поездкой на Олений остров. [Я] доложил [ему] о проделанной за эти дни работе…» (Гроздилов 1938-А: л. 30).

Впрочем, нет никакой уверенности, что исписанная тетрадка в 14 листов являлась единственной. Напротив, дальнейшие августовские записи Г. П. Гроздилова косвенно свидетельствуют о том, что по возвращении в Ладогу начальник продолжал вести отдельный дневник. Так, например, 22 августа Гроздилов отмечает: «… На раскопе IV (траншея) у Никольского монастыря продолжались земляные работы на новой траншее (в северном направлении) с целью выяснения контура ямы; наблюдения непосредственно ведет начальник экспедиции В. И. Равдоникас…» (Там же: л. 86об.). Таких упоминаний о наблюдениях Владислава Иосифовича за раскопом вне городища несколько. Маловероятно, что эти раскопки вообще никем не описывались. Остается надеяться, что вторая тетрадь дневника В. И. Равдоникаса за 1938 г. всё-таки обнаружится при целенаправленном поиске в каком-нибудь архивном собрании.

Было бы также грубой ошибкой считать, что сложившееся между двумя археологами «разделение труда» означало самоустранение В. И. Равдоникаса от реального научного руководства экспедицией и забвение его ради «представительских функций» или, к примеру, злоупотребления алкоголем. Подобный взгляд нередко встречается у коллег, мало знакомых с источниками (а таких всегда большинство!). Но, по сути, это банальная сплетня, получившая ныне ярлык folk history.

При внимательном ознакомлении с документами данный историографический миф рушится, как карточный домик.

Дневник Г. П. Гроздилова 1938 г. пестрит записями: «*по указанию начальника экспедиции В. И. Равдоникаса…*». Из них отчетливо видно: начальник неизменно был в курсе всех дел. Именно он определял стратегию исследований, выбирал перспективные места для раскопок, решал вопросы о прирезках, а самое главное — вместе со своим заместителем постоянно обсуждал и интерпретировал промежуточные результаты работ.

Рис. 1.5. Г. П. Гроздилов. 1930-е гг.

Еще более показательными являются последующие два года раскопок. В 1939 г. В. И. Равдоникас более двух месяцев работал в Ладоге один, без Г. П. Гроздилова. Тогда как раз начиналась финская военная кампания, и Григорий Павлович попал под призыв в Ленинградском военном округе (Григорьева, Медведева 2016: 435). В результате решать все проблемы «квартирьерства», возложенные ранее на Г. П. Гроздилова, обустраивать быт, вести раскоп и руководить археологической практикой начальнику пришлось в одиночку, без помощников, если не считать нескольких студентов, имевших опыт раскопок предыдущих лет (в их числе был С. Н. Орлов).

31 июля 1939 г. В. И. Равдоникас записал: «…Проверял дневники у группы студентов, работа которых сегодня заканчивается. У Павши, Соколовой, Лашкевич, Косовской записи неудовлетворительны, <…> касаются внешних моментов. В будущем необходимо контролировать дневники чаще. В общем, практика прошла всё же не плохо, несмотря на большие трудности — я один при 16 студентах…» (Равдоникас 1939-В: 37–38).

С пресловутыми трудностями начальник Староладожской экспедиции справился с блеском. Остался его подробный, насыщенный конкретной информацией, описаниями и промежуточными трактовками полевой дневник 1939 г., в котором, в частности, отмечены все сколько-нибудь важные вещевые находки с указанием глубин и номеров полевой описи. К сожалению, сами описи 1939–1940 гг. в архиве ИИМК РАН отсутствуют, хотя постоянные ссылки на них в дневниках с несомненностью указывают: опись составлялась неукоснительно и вовремя.

Вернувшись с финской войны весной 1940 г., Г. П. Гроздилов принял участие в следующем, третьем, сезоне раскопок Ладоги. Однако в архиве ИИМК РАН, в документах фонда 35 (ИИМК АН СССР) за 1940 г. вновь представлен только полевой дневник самого В. И. Равдоникаса (достаточно подробный и деловой) (Равдоникас 1940-А; 1940-Б). Дневник заместителя за этот год отсутствует, хотя нет ни малейших сомнений, что таковой составлялся: в записях начальника имеются прямые ссылки на то, что дополнительные, более детальные описания поручены начальнику раскопа Г. П. Гроздилову. Возможно, в ходе дальнейших поисков этот второй дневник также удастся разыскать.

Дело отбора и регистрации находок было поставлено в Староладожской экспедиции вполне профессионально. Хотя, конечно, очень жаль, что место каждой находки одновременно не фиксировалось на чертеже (за редкими исключениями). В полевую опись и в дневник вносились только квадрат, слой, нивелировочная отметка находки (или отметка верха и низа слоя, разобранного в данном квадрате в этот день). Однако стоит оговорить: фиксация каждого артефакта в трех проекциях была для того времени новшеством, изобретенным палеоэтнологами и лишь постепенно прививавшимся в некоторых экспедициях. А главные новаторы в области полевой методики, действительно, использовавшие этот прием неукоснительно уже в 1920-е гг., на тот момент, увы, не могли применять и передавать свой полевой опыт. Часть их навсегда исчезла в ГУЛАГе (Б. С. Жуков, А. А. Миллер), часть находилась в ссылках или за 101-м километром (Г. А. Бонч-Осмоловский).

Ни Г. П. Гроздилов, ни В. И. Равдоникас в 1938–1940 гг. не использовали прием фиксации артефактов в трех проекциях. Но основные проблемы с коллекцией, с которыми мы сталкиваемся сейчас, возникли отнюдь не из-за их недоработок в поле. Виной тому потери, а отчасти, быть может, и расхищение материалов в период ленинградской блокады, когда ладожская коллекция временно оказалась без присмотра в университете, не будучи принятой на ответственное хранение. Было это результатом банальной путаницы, беспорядка, преступления или форс-мажорной ситуации, вызванной бомбежкой / артобстрелом, мы не узнаем никогда. Так или иначе, имели место «обстоятельства непреодолимой силы», которым авторы раскопок не могли помешать. Г. П. Гроздилов зимой 1941/42 гг. находился в немецком концлагере. В. И. Равдоникас, выпущенный из ДПЗ[2], куда он неожиданно угодил уже во время блокады, осенью 1941 г., медленно умирал от голода в своей квартире на ул. Халтурина (ныне Миллионная ул.). И тот, и другой только чудом остались в живых.

В конечном счете наличие превосходной, подробной дневниковой фиксации, вкупе с сохранившимися чертежами, все-таки позволяет, даже при дефектном состоянии коллекции, составить более-менее адекватное представление о стратиграфии участков, раскопанных в 1938–1940 гг. Но когда дело доходит до более тонких хронологических выкладок и соотношений, конечно, начинаются трудности.

Взаимоотношения двух исследователей Ладоги являлись, пожалуй, важным фактором, обеспечивавшим прогресс дела, которому они служили. Вполне уместно сказать об этом несколько слов. На основе изучения документов экспедиции создается устойчивое впечатление: оба археолога превосходно ладили между собой, несмотря на резкое различие характеров и темпераментов (а, скорее всего, именно поэтому!). Они в полном смысле слова дополняли друг друга и нуждались один в другом.

Вероятно, именно здесь следует искать ответ на недоуменный вопрос, периодически звучащий в исторических публикациях (см. напр.: Алымов 2009): почему во второй половине 1950-х гг. В. И. Равдоникас, уже потерявший всякое административное влияние, заклейменный как буржуазный объективист, безродный космополит и нераскаянный маррист (Тихонов 2016: 187–199, 254–256; Алымов 2009),

[2] Дом предварительного заключения на Шпалерной улице (в описываемое время — улица Воинова), 25.

смещенный в результате со всех своих прежних постов и уже не стремившийся к ним более, однако же раз за разом назначался начальником Староладожской экспедиции? Всё это, действительно, продолжалось до 1959 г. включительно — именно до того момента, когда Г. П. Гроздилов, согласившийся взять на себя руководство Псковской экспедицией Гос. Эрмитажа, был вынужден полностью оставить Ладогу. Работа в двух местах одновременно для бывшего узника концлагерей оказалась непосильной. Ему и одной экспедиции было уже многовато — очень скоро, в 1962 г., Григорий Павлович безвременно скончался… Но пока он работал в Ладоге, их тандем с В. И. Равдоникасом сохранялся как нечто, само собой разумеющееся. Они, действительно, были нужны друг другу, являясь в полном смысле этого слова *сотрудниками*, *со-работниками* и *со-беседниками*.

В. И. Равдоникас во все времена относился к своему помощнику настолько деликатно, насколько вообще был на это способен, но, конечно, работой нагружал его без всякого стеснения. Впрочем, последнее являлось обычным делом во времена, о которых идет речь. Стоит напомнить: за 20 минут опоздания на работу в 1940 г. могли на полгода отправить в лагеря. И хотя не было случая, чтобы этот указ применялся по отношению к ученым, общая атмосфера «закручивания гаек» сполна ощущалась и в научном мире.

В ИИМК АН СССР на рубеже 1930–1940-х гг. царила жесткая дисциплина. К примеру, уйти из института вечером домой можно было только после звонка, возвещавшего об окончании 8-часового рабочего дня. Но значительная часть сотрудников оставалась на местах до глубокой ночи: нагрузка на каждого была такова, что рабочего времени попросту не хватало. А заниматься дома по вечерам могли далеко не все — из-за тесноты и отсутствия условий в «уплотненных» коммунальных квартирах (Платонова 1999: 475–477). Тем не менее, ленинградское археологическое сообщество в то нелегкое время было сплоченным как никогда. Возможно, сказывались результаты продуманной политики мотивации, которую проводил директор ИИМК М. И. Артамонов (Там же).

Приведем здесь один любопытный эпизод, показывающий в довольно неожиданном ракурсе взаимоотношения начальника Староладожской экспедиции с его вечным замом. Случай этот имел место 14 августа 1940 г. В полевом дневнике В. И. Равдоникаса мы читаем:

«…Вели работы на участке 1938 г. и в северных квадратах. На раскопе 1938 г. вскрываются многоярусные остатки построек. Так под квадратной жилой постройкой (квв. $А_{II}А_{1}$ – $В_{II}В_{1}$), раскрытой в 1938–1939 гг. (гл. –0,65 –0,78) в ее юго-западном углу выступает бревенчатый настил (гл. –0,75 –0,89), связанный, по-видимому, с развалом сруба под указанным комплексом. Примерно на той же глубине идет вдоль всего раскопа толстое дубовое бревно (вдоль линии $В_{I}$ – $И_{I}$ приблизительно) от сруба (сохранилось и восточное бревно этого большого сруба, но западное нигде не прослеживается). Бревно не имеет следов обгорания, между тем слой бревен, залегающий непосредственно ниже, сильно обуглен (пожарище) — глуб. 0,90–1,06. Ясно, что постройки эти предшествовали вышележащим. Горелые постройки перекрывались песком и щепой.

В качестве выдающейся находки отмечаю фрагменты тканей, найденные в кв. $А_{IV}$ в слое щепы и навоза. Ткань была найдена в мое отсутствие при раскопках этого слоя по указанию Гроздилова рабочими, орудовавшими лопатой. Я застал этот

момент тогда, когда рабочий А. Ратчин раздирал ее руками, а между ним и Гроздиловым шел спор — мешковина это или войлок? Имелось в виду, что ткань происходила из засыпи раскопа Н. И. Репникова (поэтому я не обвиняю Г. П. Г.). Взяв в руки эти фрагменты, я сразу же по фактуре убедился в том, что ткань относится к IX–X вв. (я много раз видел отпечатки такой ткани на железных предметах, найденных в курганах). И действительно — тщательная расчистка места и залегания показала, что она залегала в щепе и навозе in situ. Ясно, что остатки ткани пришлось извлекать уже иными методами.

Нет никакого смысла углубляться далее на данном участке, да и на всем раскопе до снятия верхнего яруса остатков построек. Однако для получения контрольных данных я разрешил это Г. П. Гроздилову на участке 1938 г. …» (Равдоникас 1940-В: лл. 43–44).

Налицо редкий случай, когда В. И. Равдоникас имел, вроде бы, все основания для недовольства своим верным помощником. Однако тональность изложения свидетельствует о том, что ошибка, допущенная последним (не выявленный вовремя переход от засыпки к непотревоженному слою, со всеми вытекающими последствиями), не сопровождалась ни публичным разносом, ни резким выговором («*…я не обвиняю Г. П. Г.*»). В. И. Равдоникас, оказывается, умел быть тактичным и внимательным к людям. Не приходится сомневаться: сценка, разыгравшаяся на раскопе, однозначно прибавила уважения к начальнику у всех участников экспедиции.

Однако процитированный выше большой отрывок из дневника 1940 г. приведен здесь не только ради этой жанровой сценки. Хорошо известно, что остатки деревянных построек в «мокрых» культурных напластованиях на участках 1938–1939 гг. были сняты В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым только в 1947 г. (а на участке 1940 г. — еще позднее). Только тогда нижние слои на этих участках оказались разобраны до материка.

Но все ли сегодня отдают себе отчет в том, что культурный слой горизонтов Д и $Е_1$ в раскопах 1938–1940 гг. был изучен и разобран де-факто уже в первые годы раскопок? Верхние горизонты — переотложенные и «сухие» слои — как правило, снимались в каждом сезоне за 3–4 недели (т. е. в июле — начале августа). Раскопки же продолжались 7–8 недель. К примеру, «чистовой» дневник Г. П. Гроздилова за 1938 г. доведен до 19 августа, однако черновые записи делались им еще 28-го. Несомненно, экспедиция завершилась только к сентябрю. В 1939 г. В. И. Равдоникас закончил работы 30 августа, в 1940 г. — 5 сентября. При этом появление «горизонта с деревом», ассоциируемого с «I ярусом» Н. И. Репникова, отмечалось в дневниках 1938 и 1939 гг. примерно с 5 августа. После чего начиналась расчистка деревянных конструкций и осторожная выборка культурного слоя.

В 1940 г. «I ярус» на участках, вскрытых в 1938–1939 гг., стал расчищаться уже в середине июля, после снятия тонкого слоя консервирующей засыпки. В результате постепенно обнажались бревна сразу нескольких строительных горизонтов (что и описано в приведенном выше отрывке дневника). В. И. Равдоникас старался выводить расчистку на единый уровень, стараясь чересчур не углубляться на отдельных участках «до снятия верхнего яруса остатков построек». Однако «для получения контрольных данных», по его указанию, периодически прорубались стратиграфические траншейки или шурфы.

Все это следует признать совершенно нормальным процессом исследования, ибо материал брался вполне грамотно, а саму методику раскопок жилого слоя с деревом приходилось изобретать, по сути, на ходу. Однако, учитывая последующую судьбу коллекции 1938–1940 гг., приходится сожалеть о том, что вещевые материалы горизонта Д и верхов Е со всего обширного участка, вскрытого в первые три сезона, были, в действительности, взяты еще до войны и лишь дополнены потом находками, обнаруженными при окончательной разборке построек.

В результате оказались утеряны многие данные, важные для датировки и общей характеристики культурного слоя Ладоги, в том числе горизонта Г и верхней части «мокрых» напластований (горизонтов Д–$Е_1$). В этой связи приведем лишь два характерных примера. Один из них связан с древнерусской постройкой горизонта Г (раскопки 1939 г.). Когда мы попробовали уточнить описание креста-энколпиона из этого комплекса, нас ожидала неудача, несмотря на то что место находки было указано автором раскопок на редкость точно: у пикета $Ж_2$ (глубина 1,05 м от поверхности), в пределах постройки, залегавшей на уровне –0,35/–0,40 м от R (Равдоникас 1939-В: лл. 36, 38). Увы, сведений об этой находке не обнаружилось даже в самом полном, на сегодняшний день, своде древнерусских энколпионов (Корзухина, Пескова 2003). Хотя Г. Ф. Корзухина, несомненно, владела полевой информацией о данном артефакте: в 1965 г., переписывая дневник В. И. Равдоникаса, она подчеркнула в тексте сообщение, касавшееся его. Но найти крест в эрмитажной коллекции ей явно не удалось.

В другом случае «концы», к счастью, обнаружились, но не сразу, а через несколько десятилетий. В ходе предвоенных раскопок на Земляном городище было найдено два монетных клада аббасидских дирхемов — один в 1938 г., второй в 1940-м. Первый из них был оперативно определен А. А. Быковым, скорее всего, сразу же по возвращении экспедиции в Ленинград (перечень монет сохранился в бумагах, приложенных к полевому дневнику Г. П. Гроздилова). Об этом кладе имеется вполне исчерпывающая информация, а в публикациях нумизматов указывается его правильная датировка по младшей монете (точнее, серии младших монет) — 846/847 г. (Кропоткин 1978: 115)[3]. Клад приурочен к дневной поверхности горизонта $Е_1$, найден «в районе мостика перед входом в большую постройку» (Гроздилов 1950: 166). По резонному соображению О. И. Давидан, он, скорее всего, был впущен в этот слой из вышележащего горизонта (Давидан 1976: 115)[4].

Второй клад бегло упомянут в обобщающей публикации В. И. Равдоникаса, как извлеченный «…непосредственно из-под северного бревна нижнего венца

[3] В первых археологических публикациях с упоминанием этого клада ему был приписан неточный временной интервал — 762–860 гг. (Равдоникас 1949а: 40; Гроздилов 1950: 166). Эту ошибку несколько раз повторили, вслед за Г. П. Гроздиловым, Г. Ф. Корзухина и О. И. Давидан (Корзухина 1961: 83; Давидан 1976: 115 и др.).

[4] Состав монет, чеканенных в VIII — первой половине IX в., заставляет некоторых исследователей сомневаться в такой привязке. В частности, А. Н. Кирпичников предлагает отнести находку к горизонту $Е_2$, считая, что «…неглубокое залегание дирхемов такому соотношению отнюдь не препятствует» (Кирпичников 1995б: 38). Однако место находки указано в полевой документации очень точно, и отнести ее к предшествующим горизонтам можно, только допустив, что деревянный ларец или посудина, вмещавшая сокровище, была еще в древности случайно перемещена на более высокий уровень (быть может, при выравнивании пожарища под новую застройку).

комплекса к С от линии $Б_I$–$Д_I$…» (Равдоникас 1949а: 40). Из этой фразы трудно уяснить себе что-то конкретное, непонятно даже, к какому «комплексу» относится находка. Скорее всего, текст статьи подвергся сокращению, а создавшаяся неувязка осталась незамеченной.

В полевом дневнике В. И. Равдоникаса 1940 г. имеется куда более определенная запись: «*29 августа*. …При выемке земли из разреза в кв. $В_3$ под северным бревном постройки непосредственно, была сделана важная находка — кладик арабских монет, по-видимому, аббасидских (п.о. № 119). <…> Остатки этой постройки подробно описывались в прошлогоднем дневнике, и наблюдения 1940 г. ничего сюда не прибавляют. <…> Перед нами остатки погибшей от пожара постройки, выше которой была построена другая. Длина сохранившихся бревен сруба: южного — около 7 м, восточного — около 4 м (площадь около 4 × 7 м); остальные бревна сохранились не на всю длину. Внутри — обгоревшие части постройки, засыпанные щепой (NB — перекрытия верхней постройки были скорее всего на столбах). Три продольные балки для настила пола. Остатков пола нет. Из находок уже отмечен выше кладик арабских монет под бревном в кв. $В_3$…» (Равдоникас 1940-В: лл. 63, 65–66).

Таким образом, второй клад был извлечен в 1940 г. из стратиграфической траншейки («разреза»), пробитой с северной стороны комплекса перекрывавших друг друга построек горизонта Д. Клад приурочен к нижней, сгоревшей избе. Однако в целом ряде публикаций 1950–1970-х гг., включая статью Г. Ф. Корзухиной о хронологии Ладоги, клад 1938 г. упоминался, как *единственный* найденный на Земляном городище (Корзухина 1961: 83). Находка 1940 г., скорее всего, оказалась затерянной и надолго выпала из поля зрения исследователей.

В середине 1960-х, взявшись за обработку и упорядочение всей полевой документации Староладожской экспедиции в архиве ЛОИА, Г. Ф. Корзухина стала разбирать и переписывать своей рукой не слишком разборчивые дневники В. И. Равдоникаса за 1939 и 1940 гг. Сейчас сделанными ею копиями (Равдоникас 1939-В; 1940-В) активно пользуются все исследователи, обращающиеся к этим материалам. В ходе этой работы в 1965 г. ею и было отмечено сообщение о кладе 1940 г., включенное затем в ее подборку материалов о монетных находках Ладоги и ее окрестностей (Корзухина Нумизматика…). Возможно, тогда же упомянутую находку стали целенаправленно искать в коллекции. В научный оборот она была введена лишь во второй половине 1970-х (Носов 1976: 105, прим. 55; Давидан 1977: 103, 105)[5].

В статье О. И. Давидан (посвященной, кстати, отнюдь не нумизматике, а косторезному ремеслу Ладоги!) присутствовало описание комплекса той самой сгоревшей постройки в квадратах $БВГД_{1\text{-}3}$, под нижним бревном которой был обнаружен клад. При этом указывалось, что последний представлял собой «спекшийся кусок с отпечатками дирхемов и тонкими серебряными пластинками от монет. Из этого комка извлечено только три обломка монет…» (Там же: 103). Определения их были произведены в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа: 1 — 775–812 гг., 2 — вторая половина VIII в., 3 — вторая половина VIII в. — первая половина IX в. (Там же: 105).

Каталог всех монетных находок Старой Ладоги и ее окрестностей, включая оба клада, найденных при раскопках Земляного городища, появился в печати только

[5] Выражаем искреннюю признательность Е. Н. Носову, который первым обратил наше внимание на информацию о кладе 1940 г., содержащуюся в этой статье О. И. Давидан.

в 1995 г. Эта ценнейшая сводка, охватывающая период до середины 1990-х гг., является составной частью статьи А. Н. Кирпичникова, озаглавленной «Ладога VIII–X вв. и ее международные связи» (Кирпичников 1995б: 37–41). Важнейшим источником информации при составлении каталога, несомненно, явилась, наряду с предшествующими публикациями, рукописная сводка источников, составленная Г. Ф. Корзухиной (Корзухина Нумизматика…).

В настоящее время приходится очень сожалеть, что многие рукописи Г. Ф. Корзухиной, представляющие собой подготовительные материалы и отдельные части ее незаконченной монографии о Ладоге, до сих пор лежат в архиве ИИМК РАН, по сути, невостребованными. Ведь О. И. Давидан не успела подготовить монографическое обобщение материалов Земляного городища. Правда, значение серии ее статей по проблемам стратиграфии и вещевого комплекса Ладоги трудно переоценить. Но всё же систематической обобщающей публикации источников очень не хватает. Материалы Г. Ф. Корзухиной могли бы серьезно дополнить имеющуюся у нас базу опубликованных данных по Ладожскому комплексу. Разумеется, эти ее заделы освещают различные проблемы Ладоги не с равной степенью полноты. Но, к примеру, рукопись, посвященная постройкам горизонта E_3 Земляного городища (Корзухина 1969-А; 1969-Б), и подборка материалов по погребальным памятникам Ладожской округи (Корзухина Могильники…) требуют опубликования самым настоятельным образом.

Сейчас мы не ставим цели оценить размеры урона, причиненного староладожской коллекции в годы блокады. Но факт, что коллекция оказалась дефектной, помогает понять некоторые особенности послевоенных публикаций авторов раскопок, в которых детально описываются строительные горизонты, планировка поселения, типы построек с различными этнографическими аналогиями, но практически отсутствуют серийный анализ вещевых материалов, их классификация и типология. Постройки и строительные горизонты как будто повисают в воздухе… В обобщающих статьях В. И. Равдоникаса о Земляном городище (Равдоникас 1949а; 1950) немногочисленные таблицы с находками производят странное впечатление. Это именно *иллюстрации*, а не проблемные разработки и не полноценная публикация вещевого материала. Но они и не могли быть таковыми при том состоянии коллекций, с которым столкнулись исследователи Ладоги по возвращении в Ленинград[6]. Однако… это была жизнь, это была данность, и с этим надо было как-то работать.

Пожалуй, в сложившейся ситуации В. И. Равдоникас сделал всё, что мог. Он опубликовал огромный материал, демонстрирующий конструктивные особенности ладожских построек всех уровней, их планировку, взаимосвязь, наличие различных строительных горизонтов — всё, что они с Г. П. Гроздиловым изучали и обдумывали в ходе минувших полевых сезонов. Тем самым он, разумеется, не «закрыл» указанную тематику, над которой предстояло еще работать и работать. Но он первым ввел в литературу эти материалы, сделал «деревянную Ладогу» научным фактом,

[6] Не исключено, что в первые послевоенные годы археологи предпочитали молчать о частичной утрате материалов ладожской коллекции. При наличии злой воли, из факта их пропажи можно было, по тем временам, раздуть целое «дело» и пересажать половину факультета. Разумеется, ближайшие коллеги знали о том, что случилось. Но печатную ссылку удалось найти только в справочном издании, вышедшем в годы «оттепели»: «Коллекции частично утеряны в ЛГУ во время войны» (Археологические экспедиции… 1962: 115).

в общих чертах определил (очень близко к истине) хронологию отдельных горизонтов. Продолжением его работ стала выдержанная в том же стиле статья Г. П. Гроздилова о раскопках 1948 г. (Гроздилов 1950). Еще раньше В. И. Равдоникас, при участии Г. П. Гроздилова и П. Н. Третьякова, издал отдельной книжкой материалы раскопок Н. И. Репникова 1909–1913 гг. (Старая Ладога… 1948). Книжка эта подготавливалась еще до войны. Теперь она, наконец, вышла из печати — за год до появления первой обобщающей статьи В. И. Равдоникаса в альманахе «Советская археология».

Безусловно, огромным шагом вперед стал сам факт публикации В. И. Равдоникасом новой стратиграфической и периодизационной шкалы Земляного городища (Равдоникас 1949а: 11–12). При всех своих недостатках, шкала оказалась «работающей». Реальность ее основных подразделений неоднократно подтверждалась и при дальнейшем изучении коллекций нижних горизонтов в их стратиграфическом контексте (Г. Ф. Корзухиной и О. И. Давидан), и в ходе последующих скрупулезных полевых исследований памятника Е. А. Рябининым в 1970–1980-х гг.

Как любая научная парадигма, предложенная В. И. Равдоникасом схема неизбежно редуцировала и упрощала многообразные реалии ладожской стратиграфии. За 70 лет, минувших со времени публикации, ее не раз уточняли, успешно развивали и детализировали. Она и сейчас нуждается в уточнении. Нам, в частности, предстоит говорить об этом в связи с верхними горизонтами. Но в том-то и дело, что развивать и детализировать можно лишь то, что в основе своей объективно отражает реальность. Стратиграфическая шкала В. И. Равдоникаса и ныне остается базой, от которой можно отталкиваться в дальнейшем исследовании.

Время отдавать долги…

В 2018 г. исполняется ровно 80 лет с момента преобразования кафедры археологии ЛГУ в АрхО и создания Староладожской археологической экспедиции. Эта дата заставляет критически оглянуться на пройденное и оценить уровень достигнутого в деле изучения уникального археологического комплекса Старой Ладоги. Объективный аналитический обзор исследований этого комплекса представляет собой насущную задачу. Такая работа сегодня необходима. Настоящая книга задумана как один из шагов на этом пути.

Напоследок хотелось бы сказать об удивительной несправедливости (не хочется говорить: неблагодарности!) потомков по отношению к основоположникам ладожских исследований. В последнюю четверть века в Старой Ладоге стало обычным делом проведение ежегодных археологических конференций. Но до сих пор никто не догадался посвятить хоть одну из них памяти В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова. То же самое, кстати, наблюдается по отношению к Г. Ф. Корзухиной и О. И. Давидан — ученым, отдавшим Ладоге половину жизни и сделавшим для нее не в пример больше, чем любой из наших современников, живых или недавно ушедших.

Вероятно, это делается не со зла. Просто наше неспокойное время размыло историческую перспективу. В результате сдвинулись ориентиры, притупилось чувство меры, ответственности, элементарного такта по отношению к предшественникам. Будем надеяться, это поправимо.

Время отдавать долги!

Приложение 1

Дневник археологической экспедиции Исторического факультета Ленинградского госуд[арственного] университета 1938 г.[7]
Начальник экспедиции Проф. Вл. Равдоникас

В связи с организацией на Истфаке ЛГУ археологического отделения встал вопрос об организации постоянной базы для полевой археологической практики студентов и для полевой исследовательской работы. В качестве таковой была выбрана Старая Ладога с ее окрестностями как район, в котором сосредоточены разнообразные памятники крупного научного значения, начиная от неолитических стоянок и кончая памятниками поздне-русского времени. Исключительнейший интерес среди памятников Старой Ладоги имеет Земляное городище вместе с его окружением, где сохранились остатки деревянных сооружений со многими культурными напластованиями, начиная с VII–VIII вв. н. э. и до наших дней.

В 20-х числах июня мною была предпринята предварительная поездка в Ладогу для выяснения всех условий предполагаемых работ. По возвращении я сделал доклад декану К. А. Успенскому, в результате которого было окончательно решено начать работы в Старой Ладоге в этом же году, с тем, чтобы организовать здесь стационар на следующие годы.

Ввиду огромной сложности задач по раскрытию остатков древнерусского деревянного города на Земляном городище Старой Ладоги было решено обратиться в ИИМК с просьбой о прикомандировании к проектируемой экспедиции сотрудников-специалистов и об ассигновании дополнительных средств. ИИМК откликнулся на это обращение с исключительной отзывчивостью, ассигновав дополнительно 2000 р. и прикомандировав к экспедиции Г. П. Гроздилова и А. С. Боброву, при участии в качестве консультанта проф. М.И. Артамонова.

В последних числах июня и в первых числах июля была проведена организационная работа среди студентов. Всего в экспедиции будет участвовать 20 студентов — две группы по 10 человек, с работой — каждая группа в течение месяца.

5-го июля первая группа студентов в составе: 1) Черноморский Ш. Н., 2) Фельдблюм С. А, 3) Лаушкин К. Д., 4) Буряков В. А., 5) Вельбель М. Я., 6) Слащов Е. Е., 7) Лабок С. Л., 8) Звягина Н. П., 9) Кравченко Ф. Е., 10) Колычева Н. П. выехали вместе с Г. П. Гроздиловым в Старую Ладогу, где получили задание производить до моего приезда топографическую съемку и нивелировку курганов.

Мне пришлось задержаться в Ленинграде по делам Истфака (планы и штаты арх[еологического] отделения) до 12-го июля. За это время были закончены организационные работы по подготовке экспедиции. На экспедицию ассигновано ЛГУ — 10 800 руб., ИИМК — 2000 руб.

Был составлен план работ экспедиции, предусматривающий лишь ориентировочные изыскания с целью собрать материалы, которые позволили бы разработать генеральный план исследований в Старой Ладоге на последующие годы. План прилагается.

[7] Публикуемый текст воспроизводится по рукописи, хранящейся в Рукописном отделе НА ИИМК РАН (Ф. 35. Оп. 1. 1938. № 190. Рукопись представляет собой тетрадь в твердом переплете, на 14 л., до конца заполненную. Редакторская правка ограничивается исправлением явных описок и расстановкой знаков препинания.

В ночь с 11-го на 12 июля возвратившийся из Ладоги Г. П. Гроздилов выехал на грузовике ИИМК вместе с грузами экспедиции к месту работ.

12 июля поездом 7.25 выехал в Ладогу и я, прибыв туда к середине дня. Остальная половина дня ушла на организацию бытовых условий.

Студенты устроены очень неплохо — живут в отдельном доме на берегу Волхова среди большого сада, питаются в детском доме.

13 июля

Утром вместе со всей группой студентов посетил городище и провел там беседу, в которой познакомил в общих чертах студентов с памятниками Ладоги и ознакомил их с планом наших работ. Дал первое задание — произвести съемку плана городища алидадой[8] с нивелировкой.

В результате осмотра городища я решил произвести разведочные раскопки в большой яме, находящейся в ЮВ углу городища, и в яме в середине его приречной части, против раскопа Н. И. Репникова.

Описание состояния городища к моменту начала наших работ прилагается.

Произвел регистрацию документов, переговорил с заведующим местным музеем Яковлевым. Завербовали рабочих.

14 июля

Работало 6 рабочих. Начали раскоп № 1 — в ЮВ углу городища, где на дне глубокой ямы произвели расчистку на площади 4 × 4 м. Снятие дерна на прилегающем участке вала обнаружило, что он насыпан из стерильного беловатого суглинка. На дне ямы под дерном шел гумусный слой с пятнами дерева.

Была произведена разбивка раскопа в приречной части городища (раскоп № II).

Студенты производят топограф[ическую] съемку городища.

15 июля

Работало 6 рабочих. Студенты производили нивелировку и топографич[ескую] съемку. Часть из них (Лаушкин, Слащов и Лабок) производили расчистку культурного слоя в раскопе I. Здесь были обнаружены остатки деревянных сооружений плохой сохранности, в наклонном положении (наклон с СВ к ЮЗ), что очевидно указывает на провал. Здесь же находилась щепа и чешуя рыб. Культурный слой, по-видимому, смещен вследствие провала, образовавшегося в результате подкопа со стороны реки.

На раскопе II (в середине приречной части городища) снят дерн на площади 4 × 4 м. Под дерном залегал слой строительного мусора (щебень, куски затвердевшего известкового раствора, обломки кирпича). Работу здесь я поручил вести А. С. Бобровой.

16 июля

В раскопе I продолжалась расчистка остатков деревянных сооружений. Около них встречается керамика XI–XII вместе с более поздними остатками.

[8] Алидада — приспособление для измерения углов (вращающаяся часть) в угломерных инструментах — таких, как астролябия, теодолит и пр. В простейшем случае, в астролябии, алидада — вращаемая ручка с визирным устройством на концах (*прим. ред.*).

В раскопе II продолжалась выкидка слоя строительного мусора. Ближе к реке показались остатки бревен. В выемке, проложенной для прокладки досок для тачки, в валу оказалось позднее христианское погребение. Скелет лежал на спине головой на З, без вещей; остатков гробовища не наблюдалось.

Изучая поверхность городища, я разведывал места, куда вывозилась земля из раскопок Н. И. Репникова 1911–1913 гг., а также пытался выяснить расположение его разведочных ям, но безрезультатно. Ввиду важности решения этих вопросов для правильной ориентировки наших работ, я послал Н. И. Репникову телеграфное приглашение приехать в Ладогу.

17 июля

При расчистке остатков культурного слоя в раскопе I найдена монета XVI в. (серебрян[ая] копейка Ивана IV). Здесь же встретились более древние находки. Впечатление сильной перемешанности культурного слоя. Решил раскопки здесь прекратить. Разведка показала, что закладывать широкий раскоп здесь совершенно нецелесообразно. Описание результатов раскопок в данном пункте в Приложении I.

На раскопе II ближе к реке лежали бревна; их подстилает слой строительного мусора. Полагаю, что эти бревна не древнее XIII в. (?) и скорее всего представляют остатки стены деревянного города. В западной части раскопа под слоем строительного мусора показался участок нетронутого культурного слоя XI–XII вв. с остатками деревянных сооружений.

Приехал Н. И. Репников. Выяснилось, что землю из своих раскопов он вывозил в ямы, находящиеся к востоку от них, т. е. к западу от нашего раскопа II. Отсюда стало ясно, что закладывать широкий раскоп к западу от прибрежной части городища и в этом месте нецелесообразно. Ввиду этого я принял решение заложить главный раскоп непосредственно рядом с раскопом Н. И. Репникова, к С от него. С обеда рабочие вырубали кустарник в раскопе Н. И. Репникова. Студенты производили разбивку площади окончательно намеченного раскопа (на площади 8 × 20 м).

18 июля

На раскопе II выяснилась необходимость расширить его к С на 2 м, т. к. остатки постройки в нетронутом культурном слое уходили туда. Соответствующие работы были начаты.

На раскопе III снимался дерн на площади раскопа, кроме участка его, занятого под картофель. Здесь занято большинство студентов.

Осматривали с Н. И. Репниковым окрестности Ладоги вниз по Волхову.

Провел занятие со студентами.

19 июля

На раскопе II производилась расчистка обнаженного участка древнего культурного слоя. Находки — XI–XII вв. Раскоп расширяется к С на 2 м. Студенты (Фельдблюм и Вельбель) чертили разрезы по стенкам раскопа. Описание стратиграфии дано будет мною позже. Сверху — почва, далее — огромная линза строительного мусора с остатками фресок — вывоз из развалин Климента в XVII в. На этом слое XVII в. — бревна от крепостной стены. Под ним — культурный слой до XII–XI в. включительно. В стенках раскопа — следы ям.

На раскопе III под дерном в восточной части раскопа оказался довольно мощный слой строительного мусора — результаты планирования развалин Климента в XVII в.

На 20-е июля объявлен выходной день. Г. П. Гроздилов едет на этот день в Ленинград.

20 июля

Выходной день.

21 июля

Раскоп II — продолжалась выемка земли к северу от первоначального раскопа и расчистка древнего культурного слоя. А. С. Боброва составляла план остатков древних сооружений.

На раскопе III продолжалась разборка и выкидка земли до глубины 0,50–0,70. В слое строительного мусора и под ним — остатки довольно многочисленных погребений — целых и разрушенных. Многие из них датируются XVII в. и позднее. В квадратах 22, 21 и 31 большая известняковая плита — остатки вымостки. Такая же плита и на квадрате 11.

В средней части раскопа начат расчисткой комплекс деревянной постройки — по-видимому, остатки сгоревшей избы[9].

[9] Этой записью заканчивается первая сохранившаяся тетрадь дневника В. И. Равдоникаса 1938 г. (о проблеме сохранности и дальнейших поисков дневников Староладожской экспедиции 1938–1940 гг. см. в тексте).

ЧАСТЬ II

Староладожский комплекс: стратиграфия, хронология, междисциплинарные исследования

ГЛАВА 2
Стратиграфия Земляного городища Старой Ладоги: итоги и перспективы исследований

В. И. Равдоникас и его концепция начала Руси

Важнейшей сферой научной деятельности В. И. Равдоникаса, наряду с разработкой общих вопросов археологии, изучением истории первобытного общества и петроглифов, являлось исследование Старой Ладоги. Весь обширный регион нижнего Поволховья и Приладожья ученый прекрасно знал с юности. Здесь, в Тихвинском крае, зародился его интерес к древностям. Здесь он еще студентом начал свои краеведческие и археологические опыты, проведя в 1915 г. первые раскопки курганов. Затем, уже взрослым человеком, прошедшим горнило двух войн и революций, В. И. Равдоникас вернулся на свою «малую родину», чтобы, работая в Тихвине, проводить регулярные обследования и раскопки памятников Приладожья. Отсюда же он в 1928 г. направился в Ленинград, покорять вершины науки и строить свою стремительную карьеру (Платонова 2002).

В. И. Равдоникас раньше многих других осознал, что Ладога может стать полигоном для разработки и конкретизации общих представлений о начальном этапе истории средневекового общества и государства на Руси. Основа его концепции начала складываться еще в середине 1920-х гг., в его первой печатной работе «Историческое прошлое Тихвинского края» (Равдоникас 1924). Она получила свое развитие в книге, изданной в 1930 г. в Стокгольме на немецком языке (в переводе Т. Арне) и сделавшей имя В. И. Равдоникаса широко известным среди западноевропейских ученых (Raudonikas 1930). Окончательное оформление она получила в период разработки в советской исторической науке концепции общественно-экономических формаций (так называемой «пятичленки»). Тогда из печати вышла статья В. И. Равдоникаса «О возникновении феодализма в лесной зоне Восточной Европы в свете археологических данных». В ней автор постарался вписать свои научные взгляды, сформировавшиеся на базе изучения конкретных памятников, в контекст марксистских теоретических представлений об историческом процессе (Равдоникас 1934: 102–129).

По мнению В. И. Равдоникаса, период с конца VIII до XII в. для северной и средней части Восточной Европы был переходным от одной социально-экономической формации к другой. Старый социальный строй, в основе которого лежали родовые связи, был заменен феодальным. Произошло это во второй половине IX — первой половине X в. и связывалось со значительными сдвигами в культуре. Феодальный строй характеризовался пашенным земледелием, высокодифференцированным ремеслом, возникновением городов, быстро развивающейся внешней торговлей, выраженной социальной структурой общества, активным участием скандинавов в его жизни. Для конкретизации названных вопросов требовались полноценные раскопки городских центров Древней Руси.

В 1938 г. В. И. Равдоникас, возглавлявший археологическое отделение (позднее — кафедру) исторического факультета ЛГУ, создал Староладожскую экспедицию. В дальнейшем он описывал это так: «Для организации собственных исследований отделение избрало в 1938 г. в качестве главного объекта своего изучения в настоящее время археологические памятники Старой Ладоги и ее района. Вблизи Ленинграда нет более интересной в археологическом отношении местности, чем район Старой Ладоги: Ладога была одним из важнейших центров Древней Руси… Систематическое исследование земляного городища Ладоги и прилегающей к нему зоны путем планомерных, рассчитанных на продолжительное время археологических раскопок должно раскрыть исключительно интересную и важную для понимания древней истории СССР картину возникновения и развития древнерусского города (формы жилищ, планировка поселения, материальное производство, бытовая обстановка и т. д.). В окрестностях Ладоги имеются неолитические стоянки, а вся территория юго-восточного Приладожья исключительно богата курганами и другими памятниками XI–XII вв. Это богатство <…> создает весьма благоприятные условия для полевых археологических исследований и для организации здесь полевой практики студентов в ее различных формах — от первичного знакомства с памятниками и простейших приемов их обследования, описания и фиксации до активного участия в сложной исследовательской работе по раскрытию культурных напластований…» (Равдоникас 1949а: 10–11). Так было положено начало первой долговременной археологической экспедиции Ленинградского университета.

Немного истории: «репниковский период» в Ладоге

Анализ исследований В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге необходимо предварить небольшим историческим экскурсом. В первую очередь, подчеркнем: в начале XX в. изучение древнерусских городов, как и средневековых поселений вообще, находилось в зачаточном состоянии. О характере городских слоев и познавательных возможностях их исследования, а также о порядке проведения работ, фиксации наблюдений, их интерпретации и т. д. существовали лишь самые общие представления. Многие исследователи вовсе не задавались этими вопросами. В лучшем случае происходило накопление отрывочных сведений о мощности культурных отложений, о характере отдельных вещевых находок и керамики.

Очевидный пример такого подхода продемонстрировали раскопки Н. К. Рериха и Н. И. Макаренко на Рюриковом городище в 1910 г., накануне проведения XV Всероссийского археологического съезда. Публичные, широко известные в России авторы, стремившиеся показать себя «многосторонними знатоками древнерусской археологии», уже через четыре дня раскопок, не разобравшись в структуре памятника, съехали с Городища «из-за отсутствия вещей». Выделенные деньги они предпочли использовать на изучение курганов, где «вещей всегда много» (Носов и др. 2017: 5).

Однако в те же самые годы появились и «первые ласточки» совершенно нового подхода к исследованию городских слоев. Одной из них стали раскопки Н. И. Репникова на Земляном городище Старой Ладоги, заметно опередившие свое время.

Н. И. Репников (1882–1940), по выражению В. И. Равдоникаса, являлся археологом «широкого профиля». Еще в 1903 г., будучи студентом Санкт-Петербургского Археологического института (ПАИ), он провел на Земляном городище Старой Ладоги археологическую разведку, сделав весьма ценные полевые наблюдения (Поездка Н. И. Репникова… 1904: 57–58). В ПАИ учителем Н. И. Репникова был А. А. Спицын, который на всю жизнь сохранил со своим учеником самые теплые, дружеские отношения. В дальнейшем его «крестным отцом» стал выдающийся исследователь истории и археологии Крыма А. Л. Бертье-Делагард (1842–1920).

В 1909–1910 гг. Н. И. Репников провел в Ладоге шурфовку, ставшую подготовительным этапом к исследованию Земляного городища широкой площадью. В 1911–1913 гг. эти масштабные по тем временам раскопки центральной части памятника были осуществлены. Они выявили несколько уровней деревянных построек в «мокром» культурном слое и фундамент церкви св. Климента первой половины XII в.

Исследования сопровождались вполне грамотной фиксацией по слоям, с постепенным переходом в 1913 г. к делению стратиграфии на строительные ярусы. Раскопки такого плана были проведены на древнерусском памятнике с влажным культурным слоем впервые. В те годы по слоям копал только Б. В. Фармаковский в античной Ольвии, которая являлась как бы передовым рубежом археологического мира России[1].

Для расчистки деревянных построек Н. И. Репников пригласил опытного археолога-практика из Керчи С. П. Петренко. Последний, как вспоминал сам Н. И. Репников, «прибыл аккуратно» для «производства работ на городке», и «расчистка деревянных конструкций производилась исключительно им или при бдительном его наблюдении и была выполнена образцово» (Королькова 2004: 121).

Раскопки Н. И. Репникова сопровождались подробными обмерами и чертежами, а также многочисленными фотографиями. Вся площадь раскопа была разделена на крупные участки реперами — вбитыми в слой высокими кольями (правда, не совсем ясно, для какого рода фиксации использовалась эта сетка, запечатленная на многих полевых фотографиях). Впервые в практике древнерусской археологии для удаления отработанной земли из раскопа были применены вагонетки, предоставленные инженером А. К. Верещагиным, чье имение находилось вблизи Старой Ладоги (Там же). Во время раскопок в экспедиции постоянно работал остеолог. Н. И. Репников раскрыл широкой площадью более 400 м^2 поселения и собрал обширный археологический материал (Равдоникас 1945: 31).

Предпринятые работы без преувеличения можно оценить как начало серьезного научного изучения городов Древней Руси (Равдоникас 1948: 7–10; Бойцова 2009: 7 и др.). Они более чем на 20 лет предвосхитили разработку методики раскопок

[1] Одновременно с раскопками Ладоги Н. И. Репниковым в 1908–1912 гг. экспедицией Императорской Археологической комиссии проводились раскопки древнего Киева, под руководством Д. В. Милеева. Этот исследователь, как и Н. И. Репников, сумел творчески применить к древнерусскому контексту опыт ольвийских раскопок своего учителя Б. В. Фармаковского. Разборка и фиксация культурных отложений производились им по слоям, с редкостной точностью, но в отличие от работ Н. И. Репникова, в иных условиях — в «сухом» городском слое. К сожалению, безвременная смерть исследователя в 1914 г. и дальнейшие исторические катаклизмы помешали своевременной публикации и должной оценке этих работ современниками (Ёлшин 2009: 912–937) (*прим. ред.*).

другого выдающегося городского центра Северной Руси — Новгорода, начатых в 1932 г. А. В. Арциховским. Большую помощь Н. И. Репникову во время раскопок и регистрации находок в 1912–1913 гг., а также при составлении описей ладожской коллекции в 1918 г. оказала молодая преподавательница Женского педагогического института А. П. Лебедянская (Груздева 2004: 42–48; Френкель 2014: 54).

К сожалению, исследования Н. И. Репникова закончились скандалом. Его обвинили в некачественной выборке фресок при изучении остатков храма св. Климента. История попала на страницы печати. В Отделении русской и славянской археологии была создана специальная комиссия. В 1913 г. раскопки церкви были завершены, отвалы дополнительно перебраны, раскоп засыпан. На продолжение работ денег не оказалось (Груздева 2004: 46, 47). В феврале 1914 г. Н. И. Репников ушел из Русского музея. Разразившаяся война и октябрьский переворот 1917 г. окончательно прервали едва начавшийся «репниковский период» раскопок Старой Ладоги.

В первые годы советской власти Н. И. Репников явно не вписался в новые реалии. Революцию он встретил будучи в армии — писарем Главного штаба. За отказ служить там же при большевиках был разжалован в рядовые. Вплоть до 1927 г. ученый бедствовал, получая мизерное жалованье в Главархиве, совмещая службу там с разными подработками. Имея на руках больных мать и крестную, он распродавал книги и коллекцию древностей (монеты, иконы и др.), которую любовно собирал много лет (Там же: 47, 48). В дальнейшем его дела несколько поправились. В 1927–1928 гг. Н. И. Репников был принят в штат Центральных государственных реставрационных мастерских, участвовал в раскрытии фресок Георгиевского собора Старой Ладоги. С 1929 г. он стал работать в ГАИМК, много занимался раскопками в Крыму.

В. И. Равдоникас поддерживал с Н. И. Репниковым тесные отношения с самого момента своего появления в Ленинграде в 1928 г. Помимо Ладоги, их объединял интерес к пещерным городам Крыма[2]. О результатах работ на Земляном городище в 1911–1913 гг. В. И. Равдоникас был осведомлен достаточно давно и подробно. Еще в 1924 г. он возмущался условиями хранения материалов из раскопок Ладоги в Русском музее, где они особенно пострадали во время знаменитого ленинградского наводнения 1924 г. В книге, изданной в 1930 г. в Стокгольме, исследователь опирался на репниковскую стратиграфическую схему ладожских слоев (Френкель 2009: 52, 61).

К сожалению, раскопки Н. И. Репникова в Ладоге не получили своевременного отражения в печати. О них имелись лишь газетные сообщения и единственная статья в Сборнике НОЛД. Причем автор сообщал там об общих итогах своих работ, а о найденных предметах материальной культуры упоминал вскользь (Репников 1915: 1–39). Более-менее полные данные о раскопках 1911–1913 гг. удалось опубликовать, под редакцией В. И. Равдоникаса, лишь через восемь лет после смерти их автора (Старая Ладога… 1948; см. также Староладожский сборник 2009). Изданные своевременно, эти сведения могли бы послужить фундаментальной основой для разработки общей методики раскопок древнерусских городов — задолго до начала

[2] Н. И. Репников с 1926 г. руководил раскопками пещерного города Эски-Кермен в Крыму (Непомнящий 2012: 201–203). В. И. Равдоникас, занимавшийся в конце 1920-х гг. «готской проблемой», проявлял к работам этой экспедиции большой интерес (*прим. ред.*).

археологического изучения Новгорода. Это не произошло. Имя Н. И. Репникова, с его ладожскими открытиями и опередившей свое время методикой полевых исследований, так и осталось в тени.

В преддверии Ладоги

В. И. Равдоникас уже в 1920-х гг. понимал, что именно города могут дать важнейший материал для разработки ключевых вопросов истории Руси, причем прежде всего те города, которые упоминал летописец в своей хронике, излагая легендарные сведения о призвании варягов и первых князьях. Неслучайно в 1935 г. он организовал экспедицию для раскопок Рюрикова городища, очевидного предшественника Новгорода и предположительного центра скандинавского влияния в Восточной Европе. Изучение этого памятника должно было способствовать решению общих вопросов, поставленных им в упомянутых выше статьях и книгах. Это было вполне разумное, логичное стремление, находившееся в русле традиции классической российской историографии.

В таком своем подходе В. И. Равдоникас был не одинок. Именно с раскопок на Рюриковом городище пытался начать в 1929 г. свое изучение новгородских древностей и А. В. Арциховский. Перспектив для изучения памятника он не увидел. С Городищем связывал свои дальнейшие научные планы и М. К. Каргер после того, как совместная Новгородская экспедиция ГИМ и ГАИМК 1932 г. (где он был заместителем начальника) не смогла обнаружить слоев древнейшего города при раскопках на Славне. М. К. Каргер в 1934 г. предпринял небольшие работы на Рюриковом городище. Было подтверждено наличие здесь археологических материалов времен становления Новгорода и легенды о призвания варягов, но перспективы дальнейших раскопок его не увлекли, и он сосредоточился на изучении архитектурных древностей Новгорода и его округи (Носов 1990: 23–25).

В 1935 г. на Рюриковом городище решил попытать счастья и В. И. Равдоникас. Его раскоп был прирезан к участку, изученному в 1934 г. М. К. Каргером. Сам В. И. Равдоникас находился на раскопках в Карелии, а исследованиями на Городище непосредственно руководил его будущий многолетний сотрудник и заместитель по полевым работам Г. П. Гроздилов (Носов 1995: 61–63). В раскопе были зафиксированы большей частью перемытые аморфные отложения, за исключением тех, что относились к неолитическому периоду. Не обнаружилось ни четких слоев с органическими остатками времени возникновения Новгорода, ни каких-либо выразительных деревянных сооружений, хотя находки этого периода имелись, что подтверждало наблюдения М. К. Каргера. Перспективного участка для раскопок памятника широкой площадью Г. П. Гроздилов не нашел. После этой неудачной попытки начать изучение северных древнерусских городов с Рюрикова городища внимание В. И. Равдоникаса оказалось на некоторое время отвлечено новым амбициозным проектом — раскопками Оленеостровского неолитического могильника.

В 1938 г. В. И. Равдоникас, наконец, начинает раскопки в Ладоге. Надежду на успех здесь вселяло то, что именно в Ладоге имелся великолепный научный задел — тут можно было в полной мере опереться на результаты работ Н. И. Репникова начала XX в.

«Равдоникасовский период» в Старой Ладоге

Староладожская экспедиция ЛГУ[3], под руководством В. И. Равдоникаса, вела раскопки 11 сезонов (1938–1940, 1945, 1947–1950, 1957–1959 гг.). Была вскрыта площадь около 2500 м^2 с культурным слоем, достигавшим мощности 3 м. В начале 1938 г. Н. И. Репников оказался вновь востребованным как исследователь Земляного городища. Он был приглашен в качестве консультанта в Старую Ладогу, где в это время уже начала работу экспедиция кафедры археологии Ленинградского университета. Перед этим Ученый совет ЛГУ, рассмотрев вопрос «о вкладе исследователя в изучение памятников археологии», 28 июня 1938 г. присвоил Н. И. Репникову ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации (Королькова 2004: 121). В. И. Равдоникас писал, что «в 1938 г. в течение нескольких дней на работах присутствовал Н. И. Репников, который дал нам ценные указания преимущественно о локализации его разведок и раскопок» (Френкель 2009: 59). Советы Н. И. Репникова имели огромное значение для В. И. Равдоникаса в начале его ладожской эпопеи. Обладая уникальным опытом раскопок Ладоги, Репников вдобавок был знаком с результатами первых полевых изысканий А. В. Арциховского в Новгороде[4]. С целым рядом его общих суждений В. И. Равдоникас был вполне согласен. Я. В. Френкель справедливо отмечает, что «с самого начала раскопок В. И. Равдоникаса осуществлялась активная интеграция археологической информации, полученной в ходе раскопок Н. И. Репникова, в контексты вновь исследуемых участков городища» (Френкель 2009: 59). К сожалению, эта поездка Н. И. Репникова в Старую Ладогу закончилась трагически. Спускаясь с лестницы, он упал с высоты второго этажа и с тяжелыми переломами был доставлен в больницу. В конце 1938 г. его перевели на инвалидность, а в пенсии отказали, в связи с отсутствием 18-летнего непрерывного трудового стажа. Лишь через год ученый смог опять получить работу в ИИМК АН СССР (Королькова 2004: 124).

В. И. Равдоникас принял предложенное Н. И. Репниковым стратиграфическое деление напластований, которые членились на две основные части — верхний чернозем (два слоя), относящийся к XI–XVII вв., и более раннюю часть с остатками древесины, щепы и прочих органических материалов, относящуюся к периоду X в. и древнее. Стратиграфически в нижней части было выделено четыре уровня: I ярус, подстилающие его сооружения, II ярус и III ярус. Разделение всех напластований базировалось на отличиях, прежде всего, структуры слоев и состава находок (Старая Ладога… 1948: 95, табл. разрезов 1911–1913 гг.).

В дальнейшем В. И. Равдоникас повторил основные членения культурных отложений, намеченные Н. И. Репниковым, введя лишь некоторые уточнения и иные обозначения. Он также выделял в Ладоге два уровня напластований: верхний, сильно нарушенный, с находками XI–XVII вв., и нижний — непотревоженный, с хорошо выраженной слоистостью, с деревянными постройками и ранними материалами конца I тыс. н. э. Внутри напластований появились горизонты (их конкрет-

[3] Ведомственная принадлежность экспедиции в 1938 г. включала помимо ЛГУ еще ИИМК АН СССР, а в 1940–1950-х гг. — ЛОИА АН СССР и Гос. Эрмитаж (*прим. ред.*).

[4] В июле 1932 г. Н. И. Репников, по командировке ГАИМК, несколько дней присутствовал в Новгороде на раскопках А. В. Арциховского (Гайдуков 1994: 40).

ные характеристики не уточнялись). Литерами А и Б обозначались самые верхние горизонты нового и новейшего времени; В — горизонт XV–XVI вв.; Г — горизонт XI–XV вв. (подробнее см. главу 3 наст. издания). К нижнему уровню напластований была отнесена толща «мокрого» слоя, залегавшая на глубине от 1 до 3 м от поверхности и, в свою очередь, делившаяся на горизонты, обозначенные литерами Д и Е. Одним словом, нижние горизонты раскопа В. И. Равдоникаса соответствовали ярусам раскопа Н. И. Репникова (Равдоникас 1949а: 10–12; Давидан 1994б: 40; Френкель 2009: 58 и след.).

Согласно принятой В. И. Равдоникасом методике полевой работы, расчищаемые остатки деревянных сооружений, уходившие под стенки раскопа, не перерубались и не вынимались из земли, а поэтому исследованная площадь становилась всё меньше изначально заложенного раскопа. Экспедиция не ставила своей целью на каждом участке ежегодно доходить до материка. Первые годы раскоп постоянно расширялся по площади, слой разбирался до глубины около 1,53–1,80 м, что хронологически соответствовало горизонту X в. включительно (Равдоникас 1949а: 11). Исследования прервала начавшаяся Великая Отечественная война. Полевые работы возобновились в 1945 г. Только в 1947 г. во время шестого археологического сезона в Ладоге В. И. Равдоникас *впервые (!!!) изучил всю мощность культурного слоя вплоть до материка* на площади около 240 м^2, разобрав отложения древнее X в. Первый раз за годы работ он смог полностью оценить всю стратиграфическую картину. По существу, к 1947 г. В. И. Равдоникас подготовил для анализа, образно говоря, почти идеальный «кубик» мокрого древнего культурного слоя, который предстояло разом эффектно разобрать в поле и подать ученому миру. А уж на это таланта у исследователя было вполне достаточно.

И такое подготовленное открытие произошло. Были обнаружены три четкие «большие» постройки с центральными отопительными устройствами. Дома относились к трем последовательным горизонтам, названным В. И. Равдоникасом $Е_1$, $Е_2$ и $Е_3$ (древнейший). Выше них лежал горизонт Д плотной застройки, с рядами «маленьких домов» с печами-каменками в углах. Из четырех выделенных горизонтов три совпадали с ярусами Н. И. Репникова (Давидан 1994б: 38–42).

Исследователь со свойственной ему решительностью и уверенностью в себе посчитал, что он реально понял «историческую суть» древней Ладоги, тем более что полученная при раскопках картина удивительно совпадала со сложившимися у него в 1930-е гг. представлениями о социально-экономическом развитии Древней Руси. Не откладывая, В. И. Равдоникас в XI и XII выпусках «Советской археологии» оперативно издал в двух частях статью, подводящую итог его работ в Ладоге (Равдоникас 1949а: 5–54; 1950: 7–40). Написанная в свободном стиле, а не как академическое исследование или полевой отчет, она местами напоминала переложение полевых записей (отчасти оно так и было) и сопровождалась важной оговоркой: «подробное описание каждого из раскрытых комплексов с их окружением и всего содержания культурного слоя в горизонте уместно в обширной монографии. Здесь мы же перейдем к некоторым наиболее важным выводам, привлекая описательные данные по мере надобности» (Равдоникас 1949а: 15). Такой подход в нашей науке порой используется. Азартному исследователю он развязывает руки в изложении своей концепции или внезапной идеи, оставляя «на будущее» полноценное обоснование с необходимой аргументацией и документацией. «Будущее» же может и не

наступить... Так и получилось с раскопками Ладоги. Две части обобщающей статьи В. И. Равдоникаса оказались единственными для него по этой теме, а затем в течение десятилетий бессистемно появлялись лишь работы его коллег по раскопкам с публикациями отдельных категорий находок и некоторыми наблюдениями, да выборочные каталоги ладожских вещей, предназначенных для различных выставок. Обещанная «обширная монография» о Ладоге так и не была подготовлена.

Результаты раскопок Ладоги после публикации статьи В. И. Равдоникаса с его комментариями сразу стали сенсационными для отечественных историков. Ладога выступила как северная славянская архаика, предшествующая уже известному по раскопкам А. В. Арциховского Новгороду как развитому городскому феодальному центру. В. И. Равдоникас подтверждал данными археологии основу своих общих взглядов на историю Приладожья и начальную историю формирования средневекового общества и государства на Руси и свою прозорливость. Все излагалось четко и логично. В. И. Равдоникас как бы предвидел подтверждения своих заключений 1920–1930-х гг. (Равдоникас 1924; 1934; Raudonikas 1930).

Ладога, утверждал В. И. Равдоникас, в своей начальной стадии представляла собой догородское славянское поселение, где в больших домах жили патриархальные семьи типа задруги. Скандинавские материалы в ее нижних слоях отсутствовали (находка палочки с рунической надписью — исключение). В X в. произошла перепланировка поселения, сменился тип домостроительства, Ладога стала городом, в ее слоях появились находки скандинавских предметов. Ладога играла роль опорного пункта норманнов при их поездках на восток; во многом с ролью норманнов связано ее превращение в город.

С момента публикации статьи В. И. Равдоникаса по Ладоге прошло уже почти 70 лет, но на эта работа до сих пор не забыта, на нее постоянно ссылаются как на важнейшую фактологическую базу. Материал Ладоги с его членением по выделенным В. И. Равдоникасом горизонтам, обозначенным буквами кириллического алфавита, широко вошел в научный обиход и постоянно фигурирует в статьях, книгах, альбомах и каталогах, изданных на разных языках и во многих странах. Обещанной же В. И. Равдоникасом полной монографии по Ладоге как не было, так и нет. В конечном счете, отсутствие единой систематизированной фактологической базы по такому ключевому археологическому памятнику не могло не сказаться на различиях в подходах к использованию его материалов для общих рассуждений.

К сожалению, Ладога стала не только источником археологических фактов, но и той неопределенности, к которой привела принятая при раскопках методика фиксации материала. Горизонты, выделенные В. И. Равдоникасом для Ладоги, в сущности, не есть стратиграфические и хронологические горизонты в современном понимании большинства археологов, означающие синхронные по времени слои с одновременно существовавшими постройками и бытовавшими находками. Это, скорее, отложения целых исторических периодов, характеризующиеся единообразной структурой слоя. Мощность их различна, поскольку горизонты включают по несколько ярусов застройки.

Горизонты располагались не ровно по всей площади раскопа, а на разной глубине, то есть «как исторически они сформировались в реальной жизни». Так, слой общего пожара Ладоги (горизонт E_2) протянулся не горизонтально, а сгоревшие постройки отмечены на разном уровне. Материал при раскопках фиксировался

по горизонтам, причем далеко не всегда и не для каждой находки имеются абсолютные отметки.

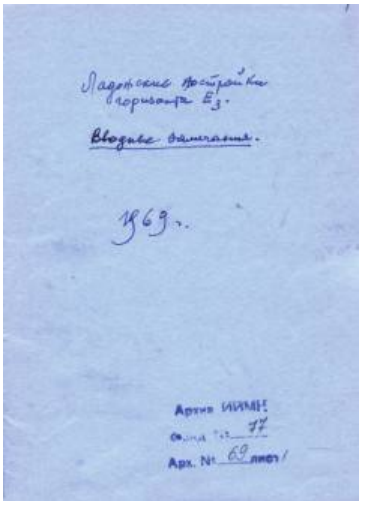
В. И. Равдоникас стремился показать *исторический смысл* в развитии Ладоги, но разработка археологической стороны вопроса — собственно хронологии находок, их соотношения с горизонтами поселения и связь с отдельными жилыми и хозяйственными комплексами — осталась не выполнена. Материал при раскопках фиксировался по основным горизонтам, а более детального его членения во время самих полевых работ не было. Для части находок имеются абсолютные отметки, но они необязательно свидетельствуют об их синхронности, поскольку ладожские слои откладывались не ровно, а с большими перепадами высот. Так, по В. И. Равдоникасу, горизонт Е залегал на глубине от 1,2–1,5 м до 2,3–2,5 м, мощность горизонта $Е_3$ составляла от 0,5 до 1,0 м, а слой общего пожара Ладоги (горизонт $Е_2$) протянулся на глубине от 0,9 до 1,7 м.

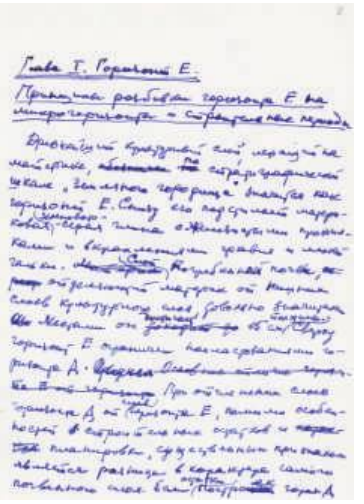
Сотрудники экспедиции В. И. Равдоникаса и его коллеги по изучению материалов прекрасно поняли еще при раскопках, что горизонт Д требует своего разделения на два отдельных горизонта (по крайней мере Д нижнее и Д верхнее). Древнейший ладожский горизонт $Е_3$ также представлял собой слоистую неоднородную структуру, требующую расчленения, и уверенность в этом возрастала по мере обработки материала, но во время самих раскопок и фиксации находок подобного понимания еще не было.

Работа по членению ладожской стратиграфии: Г. Ф. Корзухина и О. И. Давидан

Независимо друг от друга участники раскопок в Ладоге Г. Ф. Корзухина (ЛОИА АН СССР) и О. И. Давидан (Гос. Эрмитаж) предприняли членение горизонта $Е_3$ на микрогоризонты. Крайне важно, что результаты их работы практически совпали. В печати появилась лишь схема О. И. Давидан (Давидан 1976: 101 и след.). Рукопись Г. Ф. Корзухиной, датированная 1969 г., сохранилась в личном архиве Г. Ф. Корзухиной в составе Научного архива ИИМК РАН (Щеглова 2010: 52. № 69, 70). Только В. А. Назаренко и Я. В. Френкель упоминали, что работа по делению горизонта $Е_3$ Ладоги в 1970-е годы осуществлялась двумя исследователями — Г. Ф. Корзухиной и О. И. Давидан (Назаренко 1997: 13; Френкель 2009: 67, 68, 80). В наши дни об этом забыто.

Результаты наблюдений Г. Ф. Корзухиной и О. И. Давидан по стратиграфии Ладоги неоднократно «всплывали» на заседаниях Группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР. Е. Н. Носов присутствовал на заседании 16 января 1970 г., во время доклада Г. Ф. Корзухиной о стратиграфии древнейшей Ладоги, и ему запомнилась реплика Ф. Д. Гуревич в присутствии О. И. Давидан: «Да ведь вы параллельно делаете одно и то же!!!». Материалы Г. Ф. Корзухиной были переданы после ее смерти в Рукописный архив ЛОИА, где вошли в ее личный фонд (№ 77). Трудно сказать, насколько согласованно исследовательницы вели работу, но то, что они продвигаются в изучении Ладоги в одном направлении, они прекрасно знали, и стратиграфическое членение слоя Ладоги у них совпадало, совпадала и нумерация микрогоризонтов горизонта $Е_3$. Личного противостояния авторы публично никогда не проявляли, хотя





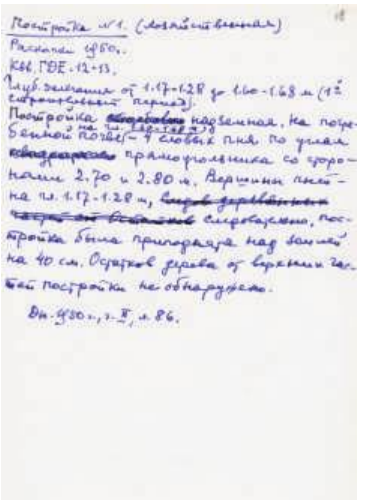


Рис. 2.1. Листы рукописи Г. Ф. Корзухиной 1969 г.
(НА ИИМК РАН. Ф. 77. №. 69. Лл. 1, 2, 18)

некоторая внутренняя ревность, возможно (да и наверняка), была. В 1968 г. Г. Ф. Корзухина и О. И. Давидан совместно руководили раскопками кургана № 11 урочища Плакун в Старой Ладоге (Корзухина, Давидан 1969: 16–17).

Горизонт E_3 был разделен Г. Ф. Корзухиной и О. И. Давидан на микрогоризонты $E_{3\text{-}1}$, $E_{3\text{-}2}$, $E_{3\text{-}3}$, причем наиболее ранним обозначен горизонт $E_{3\text{-}1}$ (Г. Ф. Корзухина выделяла еще и особый древнейший горизонт с углубленной ямой, окруженной плетнем, — «временным убежищем охотников и рыболовов, живших невдалеке» и являвшейся самым ранним сооружением на участке).

На первый взгляд это кажется весьма странным: зачем, деля ладожские слои Е сверху вниз от E_1 до E_3, надо было членить сам горизонт E_3 наоборот, начав снизу от $E_{3\text{-}1}$, древнейшего, к $E_{3\text{-}2}$ и к самому верхнему $E_{3\text{-}3}$? Ни у О. И. Давидан, ни у Г. Ф. Корзухиной мы не найдем прямого ответа. Им обеим это казалось логичным, но последующие авторы постоянно с этим путаются.

Подчеркнем, что разделение произошло не непосредственно при раскопках — не «в поле», как говорят археологи, а спустя годы. Самые древние предматериковые отложения — это те, что образовались первыми, а потому нижний микрогоризонт и получил обозначение $E_{3\text{-}1}$, а потом уже следующий стал $E_{3\text{-}2}$, а потом $E_{3\text{-}3}$; выше них залегает E_2 (слой большого пожара). Так было проще разделять слои задним числом. Впрочем, позднее О. И. Давидан стала вводить и пояснения, отмечая, к примеру, находки в «древнейшем (первом)» или «в среднем (втором)» ярусах горизонта E_3 (Давидан 1994а: 19).

Что же касается появления литерных обозначений в стратиграфии В. И. Равдоникаса, то здесь всё понятно — исследователь в раскопе опускался сверху вниз, еще «в неизвестность», и по мере вскрытия слоев давал им обозначения, в соответствии с изменениями структуры отложений (от А и вниз до Е). Кстати, это он повторил и в своей обобщающей статье после завершения раскопок 1947 г. Вопреки общепринятому подходу В. И. Равдоникас изложил результаты раскопок Ладоги, начиная не с древнейшего периода, как обычно делают по завершении работ, а сверху вниз — по мере изучения слоев при полевых исследованиях и углубления раскопа. Так было

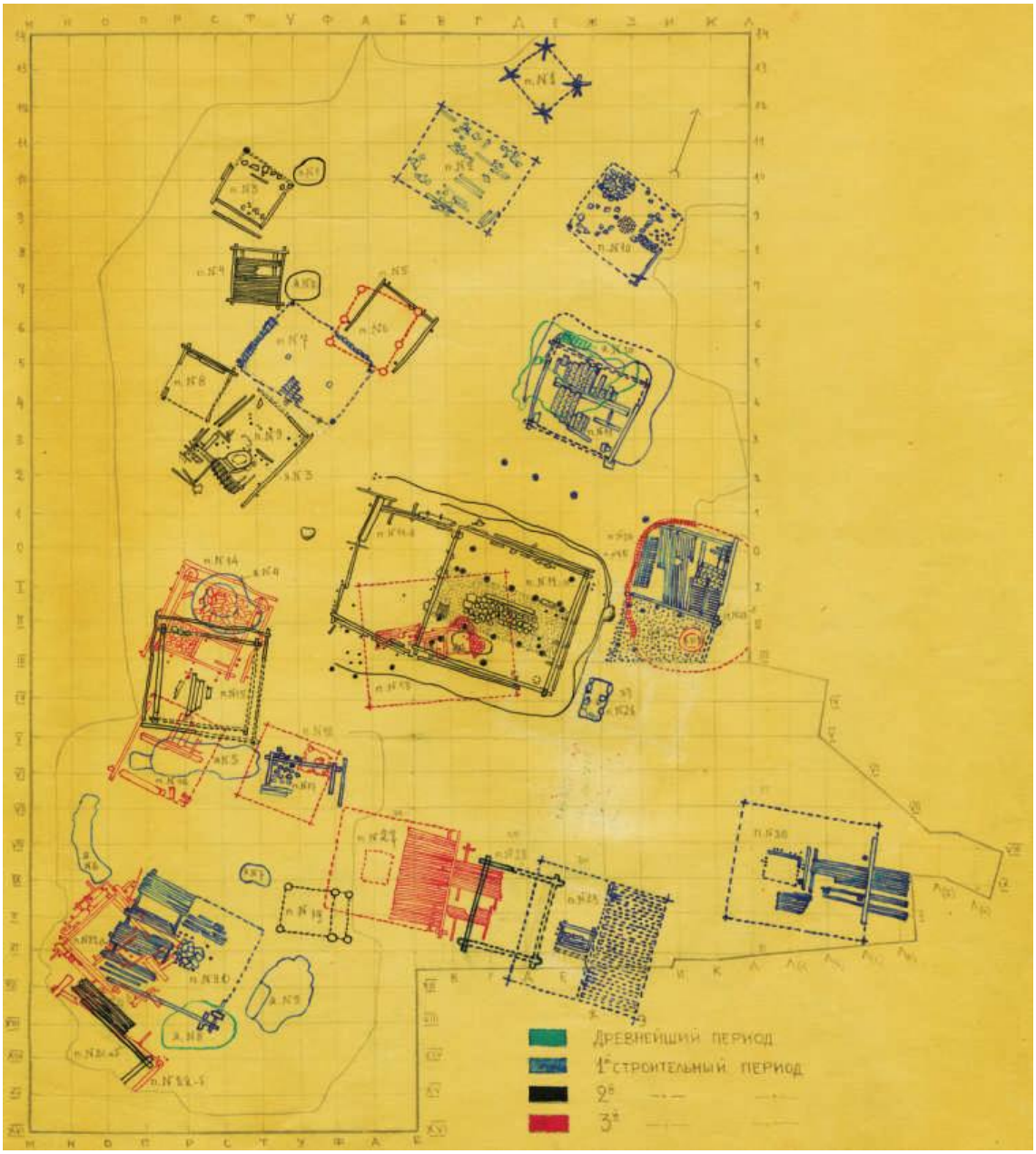


Рис. 2.2. Сводный план строительных периодов горизонта E_3 согласно Г. Ф. Корзухиной (НА ИИМК РАН. Ф. 77. № 70. Л. 1)

проще следовать содержанию полевых дневников и отчетов, постепенно двигаясь за формирующимися обобщениями и растущей вниз стратиграфией.

Рукопись Г. Ф. Корзухиной «Ладожские постройки горизонта E_3», датированная 1969-м годом, насчитывает 109 листов (Корзухина 1969-А) (рис. 2.1). Она состоит из разделов «Принципы разбивки горизонта Е на микрогоризонты и строительные периоды», «Постройки горизонта E_3» и «Датировка горизонта E_3». Согласно Г. Ф. Корзухиной, «общая (средняя) мощность напластований горизонта Е составляет 50–60 см». «Абсолютная глубина залегания не может быть определяющей, прежде всего потому, что поверхность исследованного участка не представляет собой

ровной поверхности». Падение материка составляет от 1,7 м от R в СВ углу, до 2,2 м от R в ЮЗ углу, то есть на протяжении 75 м — 50 см. Слой нарастал неравномерно на отдельных участках. Площадь исследованного горизонта E_3 1812 м^2, что на 400 м^2 меньше общей площади раскопа на Земляном городище (2212 м^2). По мнению Г. Ф. Корзухиной, при раскопках было вскрыто 30 сооружений и несколько ям (рис. 2.2). Их описание автор последовательно приводит в работе. При этом она отмечает, что «ряд построек сохранились очень плохо и реконструировать их можно только условно»; соотношение построек порой установить сложно: «здесь элемент умозаключений при отнесении их к тому или иному строительному периоду был еще больше» (Там же: лл. 10, 12). И далее: «разделение на строительные периоды сооружений горизонта E_3 следует считать в известной мере условным». «Для датировки собранного в горизонте E_3 вещевого материала ошибка в отнесении той или иной постройки к тому или другому строительному периоду не имеет существенного значения, поскольку отрезок времени, в течение которого отложился культурный слой горизонта E_3, довольно узок. Гораздо большие ошибки могут сказаться на искажении характера планировки поселка» (Там же: лл. 13, 14). И как бы в заключение: «Каждый увидевший этот сводный план немедленно попытался бы расслоить его». «Мы предлагаем свой вариант его планировки, не считая его окончательным и единственно возможным» (Там же: л. 16).

В фонде Г. Ф. Корзухиной имеется также Дело № 70 (Корзухина 1969-Б). В нем в отдельном большом конверте с датой «VI–VIII. 1965» имеется сводный план построек горизонта E_3 (рис. 2.2) и планы микрогоризонтов — древнейшего и трех строительных периодов от 1 до 3. Планы дополняют описания комплексов в Деле № 69.

Завершая краткую справку о работе Г. Ф. Корзухиной, упомянем ее заслуживающее внимание замечание. О. А. Щеглова, работая над первичной систематизацией архива Г. Ф. Корзухиной, встретила листок-разделитель дел с текстом. На нем оказался набросок ответа автора на упрек М. К. Каргера о том, что она собирается публиковать «голый отчет», на заседании сектора в ЛОИА. Предусмотрен был лаконичный ответ: «Если не издать материалы Ладоги — потом никто этого не сделает, а историческую часть сделает любой» (Щеглова 2010: 42). К сожалению, суждение оказалось пророческим.

О. И. Давидан, как и Г. Ф. Корзухина, разобрала горизонт E_3 по уровням, выделив 34 постройки и IX ям. Ее выводы очень аккуратны: «в ряде случаев довольно четко намечаются три пласта построек», но «за неимением связующих звеньев иногда трудно говорить о синхронности рядом стоящих и тем более удаленных друг от друга построек» (Давидан 1976: 108).

Исследования Е. А. Рябинина на Земляном городище

В 1973 г. Е. А. Рябинину было поручено руководством ЛОИА продолжить раскопки на Земляном городище Ладоги, в целях получения спилов для дендрохронологического анализа. Нужно было внести ясность в хронологию древней Ладоги. Успехи в разработке дендрохронологии Новгорода уже позволяли это сделать. В результате в 1973–1975 гг. Е. А. Рябинин получил спилы на прирезке с запада к раскопу В. И. Равдоникаса 1948–1950 гг. Кроме того, он взял спилы с построек нижнего горизонта,

вскрытых ранее экспедицией В. И. Равдоникаса, поскольку последние весьма предусмотрительно не были вынуты из раскопа. В результате Н. Б. Черных в Лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР удалось построить дендрохронологическую шкалу Ладоги (Рябинин 1985: 27–75; Черных 1985а: 76–80). В 1981–1985 гг. раскопки были продолжены, общая исследованная площадь достигла 325 м^2. Была уточнена стратиграфия участка и сделаны дополнительные спилы, позволившие доработать хронологическую шкалу и впервые определить абсолютную датировку некоторых строительных ярусов (Рябинин, Черных 1988: 72–100; Черных 1996: 107–114).

По публикациям Е. А. Рябинина видно, насколько сложно было увязывать «горизонты Равдоникаса» с реальными слоями и пластами новой прирезки. Единственным, в чем он не сомневался, являлось то, что эти соотношения должны быть не формальны, а взаимосвязаны по сути. Начиная копать на Земляном городище, Е. А. Рябинин не был знаком с конкретными исследовательскими результатами О. И. Давидан и Г. Ф. Корзухиной по уточнению стратиграфии памятника. По его словам, «уже после завершения первого цикла наших работ на Земляном городище вышла из печати статья О. И. Давидан» (Рябинин 1985: 48, сн. 62).

Е. А. Рябинин вел раскопки, снимая культурные отложения послойно; находки фиксировались по выявляемым слоям и в связи с расчищаемыми ярусами застройки; новые наблюдения постоянно соотносились с делением слоя, принятым В. И. Равдоникасом (а через него, косвенно, и с наблюдениями Н. И. Репникова).

В нижнем слое поселения — толще горизонта E_3 по В. И. Равдоникасу (общая мощность 0,8–1,0 м) — Е. А. Рябинин выделил по стратиграфии три микрогоризонта. Начальный этап заселения раскопанного участка он связывал с производственной деятельностью первопоселенцев и датировал с середины 750-х до конца 760-х гг. Ему соответствовал слой II бурого гумуса. Выше шел слой темного гумуса — средний микрогоризонт слоя E_3 (770–790-е гг.), еще выше — слой I бурого гумуса (800–830-е гг.).

Е. А. Рябинин и Н. Б. Черных подчеркивали, что «четкая дифференциация слоев наблюдается лишь в районах застройки. На незанятых площадях стратиграфические различия выражены слабо», а преемственность построек видна везде (Рябинин, Черных 1988: 80 и след.). Исследователи далее заключили: «отмеченный пожаром горизонт E_2 четко фиксируется лишь в районах плотной застройки и далеко не на всей площади поселения может служить ярким дифференцирующим признаком. Горизонты E_1 и Д в стратиграфическом отношении не имеют существенных различий. Всё это свидетельствует об известной условности традиционной стратиграфической шкалы Староладожского городища…» (Там же: 98).

Исследованиями Е. А. Рябинина, по сути, был подведен итог всему предыдущему этапу раскопок на Земляном городище Старой Ладоги, который был начат Н. И. Репниковым и продолжен В. И. Равдоникасом. Достаточно четко уже в поле, а не post factum при работе с коллекцией было установлено соотношение стратиграфических слоев с выделенными горизонтами и определена их абсолютная хронология. Она однозначна для площади поселения, раскопанной Е. А. Рябининым, а также для западной части раскопа В. И. Равдоникаса, которая с ней смыкалась. Но за пределами этой части поселения стратиграфическая картина может быть другой. Абсолютизировать ее, распространяя точные даты без дополнительных оснований на все сооружения территории, затронутой в разное время работами Н. И. Репникова и В. И. Равдоникаса, нельзя.

«Ярусная стратиграфия» Ладоги

После установления Е. А. Рябининым и Н. Б. Черных дендрохронологической шкалы Ладоги, как свидетельствует С. Л. Кузьмин, у него и А. Д. Мачинской в 1984 г. при обсуждении их студенческих работ за 1-й курс возникла идея создания для Ладоги своей «ярусной стратиграфии», наподобие той, что есть в Новгороде (Кузьмин 2003: 45, 46). Это означало деление «по строительным ярусам сооружения VIII–X вв. на всей вскрытой площади Земляного городища», которое «может служить основой для уточнения этносоциальной истории Ладоги». Эту идею активно поддержал Д. А. Мачинский (Мачинский и др. 1986: 165). Авторы посчитали, что задним числом можно «разрезать» ладожский культурный слой поселения на отдельные горизонты и использовать для них абсолютные датировки. Под ярусом понимался пласт одновременной застройки. Для подразделений Е и Д по В. И. Равдоникасу было предложено деление на 11 ярусов (для горизонта Д — 4 яруса, для горизонта $Е_1$ — 2 яруса, для горизонта $Е_2$ — 1 ярус, для горизонта $Е_3$ — 4 яруса).

Логически все было правильно: ведь по данным самих сотрудников экспедиций В. И. Равдоникаса, нижние ладожские напластования с очевидностью распадались приблизительно на 10 уровней в разном сочетании. По сути дела, было повторено членение застройки Ладоги на строительные периоды, осуществленное О. И. Давидан и Г. Ф. Корзухиной, с некоторыми нюансами и изменениями наименований (правда, имя Г. Ф. Корзухиной вообще не упоминалось, очевидно, потому, что проделанная ею работа была неизвестна авторам). Если сравнить предполагаемые планы членения застройки Ладоги Давидан–Корзухиной и Кузьминым–Мачинской, в них оказывается много общего.

Имело ли смысл в новом кабинетном варианте расчленять древнейшие напластования Ладоги, уже имея под рукой изданные схемы О. И. Давидан? Ответить утвердительно здесь уместно словами Г. Ф. Корзухиной, уже цитированными нами выше: «*Каждый увидевший этот сводный план* (имеется в виду сводный план сооружений горизонта $Е_3$. — *Авт.*) *немедленно попытался бы расслоить его*». И далее: «Мы предлагаем свой вариант… *не считая его окончательным и единственно возможным*» (курсив наш. — *Авт.*).

Именно эта идея воодушевила С. А. Кузьмина и А. Д. Мачинскую. Они не только предложили новые стратиграфические ярусы Ладоги, но пошли дальше — «распределили» по ним вещевые находки, оформив абсолютными датировками, полученными при раскопках Е. А. Рябинина, и включили сюда данные раскопок В. П. Петренко на Ладожском посаде. Кроме того, авторы увязали ярусы с этническим составом жителей Ладоги, с историческими событиями и именами исторических персонажей русской истории, известными по письменным источникам. Выделенные ярусы функционировали по подсчетам авторов в течение очень коротких отрезков времени — 10, 20 или 30 лет.

В различных работах С. Л. Кузьмина и его соавторов формулировки интерпретаций ладожской истории меняются в оттенках, но суть их примерно одна. Во-первых, в материальной культуре древнейших ярусов Ладоги «ощутимо присутствие выходцев из Скандинавии и Фрисландии»; это было «поселение единой общины»; «появление скандинавов в Нижнем Поволховье в довикингский период нельзя рассматривать в связи с формированием путей с Балтики в страны

Арабского халифата», это «продолжение колонизационного движения, охватившего Восточную Балтику в VI–VIII вв.»; «жизнь скандинавской колонии обрывается в результате продвижения на север носителей восточноевропейских культурных традиций, славян или приведенных ими в движение аборигенов».

Во-вторых, приводятся культурно-хронологические характеристики отдельных ярусов. Они таковы: «I ярус застройки прекращает существование на рубеже 760–770-х гг.»; «некоторые постройки II яруса погибли в пожаре около 780 г.»; II и III ярусы — «в ладожских древностях наблюдается ряд существенных новаций, позволяющих говорить о новом этапе в жизни поселения»; IV ярус — фиксирует формирование этносоциума «русь» и погибает в пожаре около 840 г., резиденцию «хакана» народа «рос» «естественно видеть в Ладоге», в ярусе «слабее представлены этноопределимые вещи скандинавов и ощутимее — женские славяно-балтские украшения»; ярус V — имеются «археологические факты, сопоставимые с летописным известием о „вторжениях“ варягов», «впервые появляются мужские восточноевропейские украшения, имеющие кривичские аналогии»; ярус VI сооружается после сильного пожара, «сопоставляемого с рассказом летописи об „изгнании варягов“ и последующем приглашении Рюрика», «слабая застройка соответствует о переносе „столицы“ в Новгород» и т. д. Ярус XI — «гибнет в пожаре, который можно связывать с набегом на Ладогу норвежского ярла Эйрика в 997 г.».

Цитаты приведены нами по публикациям С. Л. Кузьмина и его соавторов 1980–1990-х гг. (Мачинский и др. 1986: 165, 166; Кузьмин 1997а: 228 и след.; 1997б: 343 и след.). Ряд примеров подобных рассуждений легко продолжить, но более поздние работы, в сущности, не добавляют к сказанному ничего нового. Мы не ставим целью собрать их полностью, оставляя эту возможность на усмотрение самого С. Л. Кузьмина.

Как уже говорилось выше, схему С. Л. Кузьмина и А. Д. Мачинской с энтузиазмом подхватил и принял на вооружение Д. А. Мачинский. Она превратилась в удобный инструмент для общеисторических рассуждений и выводов, позволявший не вдаваться в археологические детали, а использовать только общие заключения о смене этносов, о скандинавах и балто-славянах, о кривичах и пожарах, о возможной их связи с летописными событиями, с именами князей Рюрика и Олега, ярла Эйрика и т. д. Характерным примером следования этой традиции являются научно-популярные рассуждения Н. И. Петрова в его учебном пособии с предисловием Д. А. Мачинского (Петров 1996). Перечень авторов, которые воспользовались выводами «новой ярусной стратиграфии», велик. Есть среди них исследователи, вообще далекие от археологического источниковедения, но оперирующие выводами Кузьмина–Мачинской как удобными «достоверными фактами».

С. Л. Кузьмин, которому волею судеб одному пришлось обосновывать в печати выдвинутые построения, прекрасно отдавал себе отчет об имеющихся сложностях источниковедческого характера (см. напр.: Кузьмин 2003: 45 и след.). Но одно дело *рассуждать* о сложностях и проблемах, а другое — реально *обосновать* свои положения археологическими фактами. За 30 лет это так и не было сделано. Схемы предполагаемых ладожских ярусов С. Л. Кузьмин в первый раз опубликовал только в 1997 г. (Кузьмин 1997б: 358). Затем он переиздал их во Франции (Kuz'min 2000) и еще раз, в несколько более широком варианте, на русском языке (Кузьмин 2008: 69–94). Но схемы так и остались схемами.

Между тем еще в тезисах 1989 г. С. Л. Кузьмин и А. Д. Мачинская сообщали, что ими разработана «дробная хронологическая шкала, основанная на распределении вещевого материала по ярусам» (Кузьмин, Мачинская 1989: 142). Остановимся на этом подробнее. Парадокс состоит в том, что такой «дробной» шкалы распределения «вещевого материала» по ярусам для Ладоги не существует. При полевых работах археологи не разносили находки и керамику по ярусам, о существовании которых никто даже не подозревал. А абсолютные отметки в данном случае ничего не решают.

Участок, раскопанный В. И. Равдоникасом, не был ровной поверхностью. Разница в нивелировочных отметках уровня дневной поверхности достигала 0,9 м (Давидан 1976: 102). О. И. Давидан отмечала: «Залегание материка на различной глубине, неравномерная мощность культурного слоя в пределах горизонта E_3 и то, что сгоревшие постройки горизонта E_2 обнаружены тоже не на одном уровне, делают невозможным хронологическое расчленение построек и вещевых находок данного горизонта только по абсолютным высотным отметкам. Совершенно необходимо учитывать взаимосвязь построек и положение каждой постройки по отношению к материку и маркирующему горелому слою горизонта E_2» (Там же).

Четкое соотнесение вещевых находок и микрогоризонтов невозможно осуществить задним числом, хотя это и заманчиво. Тем не менее О. И. Давидан сумела выделить предметы из предматерикового слоя поселения по эрмитажной коллекции В. И. Равдоникаса, с учетом находок из древнейшего яруса построек 750–760 гг. в раскопках Е. А. Рябинина (Давидан 1994в: 156). Выводам О. И. Давидан можно доверять. Решающую роль здесь сыграло наличие «опорной достоверной линии отсчета» — линии материка, однозначно понижавшейся по территории раскопа с востока на запад, согласно которой понижались и первые культурные отложения.

Работа по «распределению вещевого материала по ярусам» так и осталась невыполненной, вопреки утверждению, опубликованному в 1989 г.[5] Для того чтобы убедить других в обоснованности своих положений и превратить материалы Ладоги в полноценный источник общеисторических рассуждений, С. Л. Кузьмину нужно было сделать, казалось бы, элементарную вещь: просто опубликовать ряды (группы) находок из каждого выделенного ими яруса, с первого по одиннадцатый. Конкретный материал, то есть ряды артефактов (скандинавских, балто-славянских, финских и пр.), — так, как это сделала О. И. Давидан для предматерикового слоя (чем, кстати, активно пользуется С. Л. Кузьмин). Просто опубликовать… Но это упорно не делается, хотя в личных беседах Е. Н. Носов не раз пытался убедить С. Л. Кузьмина, что в противном случае предложенная им схоластическая схема членения слоя просто повиснет в воздухе, а отношение ко всем общеисторическим рассуждениям неизбежно останется скептическим.

Идея разрезать ладожские отложения на пласты по 10, 20 или 30 лет требует детального, трудоемкого обоснования фактами. Возникает сомнение, насколько тщательно авторы этой идеи изучали конкретные коллекции? Если такая работа и была начата, никто не довел ее до конца. С. Л. Кузьмин в течение 20 лет раз за разом

[5] Пожалуй, этот упрек меньше всего можно адресовать безвременно умершей А. Д. Мачинской. Но все же приходится констатировать: первоначальная гипотеза двух авторов так и не получила необходимого источниковедческого подкрепления, зато ее интерпретационная часть зажила свой отдельной жизнью, плодя вокруг Ладоги исторические спекуляции.

переиздает свою таблицу ладожской ярусологии с грубейшим искажением стратиграфических наблюдений О. И. Давидан (и Г. Ф. Корзухиной).

Уже отмечалось, что горизонт $Е_3$ был разделен последними на три микрогоризонта, из которых верхним был горизонт $Е_{3\text{-}3}$, а нижним — $Е_{3\text{-}1}$. Но С. Л. Кузьмин упорно, ссылаясь на О. И. Давидан, излагает дело наоборот: самый нижний слой у него $Е_{3\text{-}3}$. Соответственно, в ярусную хронологию, и без того не простую, вносится лишняя путаница, «усиленная точной абсолютной хронологией» с интервалами по 10–20–30 лет. Единственным исследователем, обратившим на это внимание, оказался Я. В. Френкель (Френкель 2009: 64–66 и др.).

Выделение ладожских горизонтов — ярусов Давидан–Корзухиной и Кузьмина–Мачинской, в конечном счете, основано только на анализе «стратиграфических узлов» построек («пачек», по выражению С. Л. Кузьмина), то есть участков, где постройки взаимно перекрывают друг друга или находятся рядом в явной конструктивной связи. Как только эта связь разрывается, возникают проблемы с членением слоя, установлением синхронности строений и, особенно, вещевого материала. Не будем забывать, что «мокрый» культурный слой и в Ладоге, и в Новгороде нарастал приблизительно на 1 см в год, на 10 см в 10 лет и на 20 см в 20 лет. Даже непосредственно работая на раскопе, задачу членения материала на расстоянии в 15–20 м, при общей наклонной поверхности, выполнить сложно. Полной уверенности в правильности выводов не будет. На планах строительных ярусов и горизонтов Ладоги, выполненных разными исследователями, видно, что плотность застройки «чередуется»: то все сооружения располагаются на юге и западе раскопа, то «уходят» в центр, то «возвращаются». Уверенности в том, что это отражает реалии древней жизни, нет. Пытаться построить задним числом планиграфию Ладоги можно, но необходимо осознавать, что это всё очень условно. Так, В. А. Назаренко предположил, что участки поселения без остатков застройки (или со слабовыраженными ее следами) являются результатом масштабных перепланировочных работ в древности (Назаренко 1997: 112–114). Но всё это не доказуемо. Сейчас надо принять то, что было понято и зафиксировано непосредственно при раскопках, и умерить наши домыслы и фантазии, хотя гипотетические предположения, естественно, запретить нельзя.

Ладожское домостроительство и материальная культура: парадоксы восприятия

На основе накопленных материалов из раскопок 1947 г. (т. е. когда его экспедиция впервые вышла на материк) В. И. Равдоникас выдвинул схему раннего ладожского домостроительства, призванную стать основой его общеисторических выводов. По его мнению, первоначально в Ладоге (горизонт Е) господствовали «большие» дома с печами в центре, а в X в. (горизонт Д) их сменили квадратные малые избы с печками-каменками в углу. На смену ранним «жилым гнездам» пришла уличная планировка поселения. Эта схема была принята и долгие годы доминировала в литературе. Но она оказалась неверной. Сотрудники экспедиции, под влиянием изначального довлеющего авторитетного мнения В. И. Равдоникаса, в полевых условиях добросовестно фиксировали, но почему-то «не замечали», что уже изначально в Ладоге существовало два разных типа домов — с печами-очагами в центре и с печами-каменками в углу.

Искусственность этой схемы удалось доказать на архивных материалах только в середине 1970-х гг., хотя это было очевидно еще в годы раскопок (Носов 1977: 10–17). «Карточный домик», построенный В. И. Равдоникасом на впечатлениях от одного сезона полевых работ, рассыпался. Раскопки Е. А. Рябинина полностью это подтвердили (Рябинин, Черных 1988: 72–100). Поэтому нельзя признать убедительными выводы Х. Арбмана и Г. Ф. Корзухиной о смене этнического состава населения Ладоги, сделанные на основе признания резкой смены традиций домостроительства в Ладоге по В. И. Равдоникасу. Изменения, конечно, происходили — и в типах домов, и в планировочной структуре поселка, но это была именно эволюция, а не перелом.

Если никаких «резких изменений в составе населения» древней Ладоги по характеру домостроительства нет, то, как обстоит дело с остальной частью материальной культуры? Здесь также революций не прослеживается. Важнейшим признаком состава населения является лепная керамика, массовый археологический материал, о котором интерпретаторы ладожских ярусов как-то «забывают». По мнению, общепринятому в специальной археологической литературе, грубые лепные горшки являлись продуктом домашнего ремесла и изготовлялись женщинами для внутреннего пользования в местной среде. Они не предназначались для торговли, тем более дальней. Лепная керамика Ладоги во всей нижней толще поселения достаточно однородна. Ее изучение, как подчеркивает Т. Б. Сениченкова, «не дает оснований для выделения какого-либо рубежа в истории поселения, а говорит о непрерывном развитии его материальной культуры». И далее: «керамический комплекс Ладоги в технологическом отношении и в наборе форм показывает тесную связь с археологическими культурами лесной зоны Восточной Европы. Среди материалов древнейшего горизонта E_3… каких-либо кардинальных изменений не наблюдается, как, впрочем, и в керамике вышележащих горизонтов» (Сениченкова 2014: 358).

С этими заключениями созвучны выводы другого авторитетного специалиста по средневековой керамике А. В. Плохова, по мнению которого, «появившись в середине VIII в. в Северном Поволховье, традиция изготовления сосудов с резким перегибом тулова к концу X — началу XI в. охватывает значительную территорию Северной Руси». По его наблюдениям, «основанным на керамической коллекции из раскопок Старой Ладоги 1958–1959 гг., „ребристые“ сосуды присутствуют с момента возникновения поселения (то есть с середины VIII в.) и составляют около 47 % от общего числа определимых фрагментов» (Плохов 1996: 23–25). Е. А. Рябинин на основании материалов раскопок 1973–1975 гг. указывал, что 80 % лепных венчиков находилось в основании культурного слоя, в горизонте E_3», а реберчатые сосуды составляют 19 % встреченной лепной керамики (Рябинин 1985: 64). К этому А. В. Плохов добавляет, что, если судить по рисункам в публикации, где, по словам Е. А. Рябинина, приведены «почти все восстановленные по фрагментам сосуды», подобная посуда объединяет около 40 % всех горшков, происходящих из горизонта Е (Плохов 1996: 23).

Воспользовавшись удачной возможностью работать с коллекциями материала в музеях Швеции, А. В. Плохов убедительно показал, что керамика «ладожского типа» по своему происхождению не является скандинавской, а примерно десяток ладожских горшков, оказавшихся в Швеции, явно появились на территории последней в результате восточных контактов. Эти необычные сосуды могли изготовить в Швеции либо славянские рабыни, либо бывшие участницы купеческих команд, либо местные женщины, почему-то решившие подражать восточным

формам посуды (Плохов 2002: 144–159; ср.: Горюнова, Плохов 2011: 275–279). Фрагменты лепных сосудов, аналогичных собственно скандинавским типам керамики, в Ладоге, как и во всей Северной Руси, единичны (Сениченкова 1998: 49–52).

Наш общий вывод заключается в том, что по керамике в Ладоге также невозможно выделение ярусов и переломных моментов. Это единый комплекс материальной культуры, в которой заметна лишь эволюция. Что же касается отдельных вещей, которые авторы новаторского подхода якобы «распределили» по новым ярусам, то тут дело еще хуже. Пожалуй, всё возможное сделала О. И. Давидан. Остальные рассуждения на общеисторические темы базируются на рассмотрении предполагаемых строительных ярусов, возможных изменениях в характере домостроительства, планировке поселка и выхваченных из контекста культурного слоя отдельных находках. Именно на эти последние приходится вся основная этническая нагрузка выводов.

Подводя печальный итог многолетней истории существования искусственной схемы ладожской ярусологии, процитируем справедливые, по нашему мнению, слова авторитетного специалиста по древностям Ладоги Т. Б. Сениченковой: «Используя выводы, полученные при изучении керамики для построения модели развития Ладоги, надо учитывать, с одной стороны, возможности археологического источника, а с другой — его „вес“. Решать спорные вопросы ладожской истории, привлекая только разнородные по происхождению изделия, найденные в культурном слое, методически неправильно, так как их появление может быть объяснено различными причинами: присутствием выходцев из других регионов, торговыми контактами, производством на месте по привозным образцам и т. п. Керамика же характеризует быт постоянных жителей…» (Сениченкова 2014: 359).

Так сложилось, что в отечественной науке ладожская коллекция бус, изданная З. А. Львовой, воспринимается как очень надежный археологический источник, особенно при обсуждении вопросов хронологии древностей. Отсутствие или, наоборот, наличие тех или иных категорий ладожских бус в разных слоях и заполнении древних комплексов на таких ключевых памятниках лесной зоны, как Гнездово или Рюриково городище, и на многих иных значимых поселениях (Холопий городок, Новые Дубовики, Золотое Колено, Любша) часто приводятся как решающий аргумент для доказательства основополагающих утверждений.

При этом исследователи словно забывают, что сама масса ладожских бус хронологически расчленяется с большим трудом. Как подчеркивала З. А. Львова, «отдельные группы, подгруппы и виды бус Старой Ладоги, как правило, не сменяют другую по времени, а появляясь, одни в горизонте $Е_3$, другие в горизонте $Е_2$ и $Е_1$, продолжают встречаться и в более верхних слоях, где попадаются так же часто, как и в нижних, но тонут в общей массе новых бус и составляют уже значительно меньший процент от целого» (Львова 1968: 65). Одним словом, датировка бус Ладоги может использоваться как определение тенденции развития данной категории материала, а не для точного определения дат их отдельных экземпляров на других памятниках, что у нас принято. Бусы, положенные в основу анализа З. А. Львовой, вообще стратиграфически соотнесены при раскопках лишь согласно изначальному делению Ладоги по В. И. Равдоникасу, то есть отнесены к горизонтам Д, слою под ним и горизонтам $Е_1$, $Е_2$ и $Е_3$. По микрогоризонтам $Е_{3\text{-}3}$, $Е_{3\text{-}2}$, и $Е_{3\text{-}1}$, выделенным

в схеме Давидан–Корзухиной, а соответственно и в «ярусологии» Кузьмина–Мачинской, бусы развести вообще нельзя из-за отсутствия точной фиксации.

Сложности в использовании бус для точных датировок усугубляются их «крайне произвольным» стратиграфическим положением в раскопе В. И. Равдоникаса. Из тысяч находок (6456 бусин) к самым мощным отложениям, скрытым под литерой $Е_3$, относится лишь 3,5 % всех бус, к горизонту пожара ($Е_2$), горизонту $Е_1$ и «слою непосредственно под горизонтом Д» — 24,31 %, а больше половины всех бус выпадает в горизонте Д (Там же). Но и это еще не всё. Статистика бус различается даже на смежных участках площади «Земляного городища» Ладоги. Раскоп Е. А. Рябинина непосредственно смыкался с раскопом В. И. Равдоникаса, что и позволило перенести полученные абсолютные датировки на ранее изученные постройки. «Среди находок, — пишет Е. А. Рябинин, — представлены все категории бус, известные по материалам предшествующих исследований. Однако их соотношение на этом участке иное — наблюдается значительное, более чем двукратное увеличение доли наиболее массовых категорий бус из тянутых стеклянных трубочек…» (Рябинин 1994б: 22). Автор вынужден искать этому свое объяснение. Но ведь на Земляном городище в разных его частях многие годы после упомянутых работ вел раскопки А. Н. Кирпичников. Значительные исследования были предприняты В. П. Петренко на Ладожском посаде. А была ли закономерность выпадения бус в слой на этих участках? Одним словом, общее хронологическое соотношение всего ладожского бусинного материала остается непроработанным.

Каков же итог? Новую ладожскую хроностратиграфию, по крайней мере в том виде, как ее предложили С. Л. Кузьмин и А. Д. Мачинская, при активной поддержке Д. А. Мачинского, на наш взгляд, сейчас надо просто забыть. В сущности, здравая, очень интересная идея оказалась нереализованной, да и в принципе нереализуемой на конкретном материале прежних раскопок. Оставшись необоснованной, она привела к эквилибристике историческими фактами и полету безудержной фантазии при наброшенной на конкретный археологический материал источниковедческой «вуали». Будущие поколения археологов обречены на работу с эрмитажными этикетками хранения со ставшими уже традиционными цифровыми литерами — Д, $Е_1$, $Е_2$, $Е_3$ с уточнениями. Это сейчас и происходит.

И немного о перспективах…

Мы коснулись в этой главе лишь стратиграфии Земляного городища по материалам раскопок Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябинина. Все вместе они составили эпоху в исследованиях Ладоги и древнейшего периода истории Руси в целом. Вопросы членения и культурно-стратиграфических интерпретаций огромного материала, добытого и введенного в науку этими исследователями, имеют непреходящую актуальность.

Раскопки А. Н. Кирпичникова последних десятилетий на Земляном городище Ладоги напрямую не были увязаны со стратиграфией раскопов его предшественников. Их сочленение находится как бы в иной плоскости. Оно не входит в круг вопросов, обсуждаемых нами сейчас.

В 2004 г. С. Л. Кузьмин и А. И. Волковицкий попытались наметить перспективы дальнейшего полевого археологического изучения Ладоги. «Методика раскопок

А. Н. Кирпичникова, — писали авторы, — на фоне действий его предшественников выглядит внешне сходной, но не всегда адекватной…», «…раскоп 1984–1998 гг. на северо-западном бастионе Земляного оказался „вынесенным“ за пределы центрального участка поселения, в результате чего его стратиграфия абсолютно не стыкуется с картиной, известной по предыдущим работам, что вдобавок усугубляется наклонным залеганием слоев», «то же самое можно высказать и в отношении участка работ 1999–2003 гг. Совершенно очевидно, что разбивка раскопа на южной куртине Земляного городища должна была вестись после повторного вскрытия участка 1947 и 1957–1959 гг., что позволило бы перенести пикетную сетку В. И. Равдоникаса и состыковать глубинные отметки с гораздо большей точностью. Не менее важно было частично вскрыть и раскоп Н. И. Репникова…» (Кузьмин, Волковицкий 2004: 151–154).

На наш взгляд, помимо правильной постановки полевых исследований Ладоги перед археологами стоит задача расставить верные ориентиры в деле освоения уже имеющегося материала. Подход В. И. Равдоникаса к разделению стратиграфии древней Ладоги на горизонты оставил больше вопросов, чем окончательных решений, хотя при своем первом публичном обнародовании он произвел глубокое впечатление на научное сообщество. Тем не менее скрупулезные исследования Е. А. Рябинина продемонстрировали возможность увязки этих подразделений с реальной стратиграфией.

Разработка единой вещевой хронологии на основании уже накопленных многочисленных материалов из разных частей Староладожского поселения должна стать важнейшей задачей всего коллектива исследователей на ближайшие годы. Обнадеживающие перспективы имеет и дальнейшая проработка сохранившихся коллекций находок и документации раскопок Н. И. Репникова, что недавно продемонстрировал Я. В. Френкель на примере анализа бусинной коллекции (Френкель 2009: 49–122). Наконец, не следует забывать и о насущной необходимости увязать по многим аспектам результаты исследований Земляного городища и раскопок В. П. Петренко на Варяжской улице на Ладожском посаде. В настоящий момент очень важно сполна учесть уроки как далекого, так и недавнего прошлого. Только такой подход позволит нам продвинуться вперед в понимании столь яркого феномена раннего средневековья, как возникновение, расцвет и угасание древней Ладоги.

ГЛАВА 3
Стратиграфия верхних горизонтов Земляного городища Старой Ладоги и грунтовый могильник у церкви св. Климента (по материалам раскопок 1938–1940 гг.)

Стратиграфия и хронология

Проблема «поздней Ладоги»

Стратиграфия верхней части культурного слоя Ладожского поселения более полувека не привлекала к себе пристального внимания. «…Археология Ладоги древнерусского времени (начиная с XI в.) оказалась на периферии исследовательского спектра. Эта странность далеко не случайна. Маломощные, почти не сохранившие органических остатков отложения древнерусского времени прослеживаются лишь на отдельных локальных участках Земляного городища, крепости и посада [Кирпичников 1985б: 171–172]. Почти по всей территории древней Ладоги древнерусские материалы залегают лишь в дерново-пахотном слое, который подстилают горизонты X в. (иногда с выходом в XI в.)» (Лесман 1997: 27).

Эта оценка общей ситуации, высказанная более 20 лет назад, сохраняет актуальность и сейчас. Правда, за последние десятилетия количество отдельных «пятен» в мозаике культурного слоя средневековой Ладоги несколько возросло. В частности, на Земляном городище новейшими раскопками обнаружены участки, сохранившие отложения древнерусского периода с гончарной керамикой, стеклянными браслетами и т. д. (Кирпичников и др. 2002)[1]. Произошло открытие новых островков культурного слоя XVI и XVII вв. на городище и посаде, в том числе с хорошей сохранностью дерева (Кирпичников, Сорокин 2001а; 2002; см. также главу 4 наст. издания). В этой связи сейчас наблюдается явное оживление интереса к «поздней» проблематике, о чем свидетельствуют сданные в печать работы П. А. Миляева, В. Н. Кузнецовой, Н. В. Григорьевой (Миляев 2019; Кузнецова, Григорьева 2019).

Состояние источников обусловило то, что в понятие «поздней Ладоги» традиционно включаются не только комплексы высокого средневековья и нового времени, представляющие собой отдельную тему исследования, но и домонгольские материалы, которые логично рассматривать в прямой, непосредственной связи с предшествующим периодом раннего средневековья (т. е. с горизонтами Е и Д по В. И. Равдоникасу). Но древнерусская проблематика Ладоги представляет собой белое пятно в ее изучении. Поэтому детальное рассмотрение стратиграфии «верхов» культурного слоя Земляного городища представляется сейчас и необходимым, и своевременным.

В настоящей главе речь пойдет об участке центральной части поселения, общей площадью более 640 м^2, верхние напластования которого были вскрыты В. И. Равдоникасом в 1938–1940 гг. (рис. 3.1, 3.2). Раскоп непосредственно примыкал с запада к развалу каменного собора св. Климента, постройка которого датируется 1153–

[1] См. Введение, с. 14–15 (*прим. ред.*).

1156 гг. (Раппопорт 1993: 256). Сетка квадратов изначально не была ориентирована точно по странам света: она повторяла собой ориентировку стен храма, алтарной частью обращенного на ВСВ.

Таким образом, площадь, исследованная в 1938–1940 гг., находилась с той стороны здания, где располагались паперть и вход в церковь. Пространство перед папертью в средневековье являлось, скорее всего, свободным от застройки (по крайней мере, застройка не была сплошной). Подходы к храму периодически расчищались, чтобы паперть не «уходила в землю». Соответственно накопление слоя на данном участке шло сравнительно медленно, вплоть до разрушения каменной церкви в начале XVII в. Заметим также, что культурный слой в разных местах площадки городища неоднократно срывался и планировался, в ходе строительства и обновления «Земляного города» в XVI–XVIII вв. В силу всего этого расшифровка и историко-культурная интерпретация стратиграфии верхних слоев памятника представляют собой задачу со многими неизвестными.

Раскоп 1938–1940 гг. представляет особенный интерес в контексте проблематики «поздней Ладоги». Именно в предвоенный период (особенно в 1938–1939 гг.) «сухой слой» Земляного городища подвергался детальному, поэтапному, заинтересованному изучению. Его отнюдь не рассматривали как балласт, который нужно поскорее пройти, чтобы добраться до «мокрых» отложений. Его внимательно исследовали и обсуждали, наряду с проблемами раннесредневековых селищ, сопок, курганов и других памятников

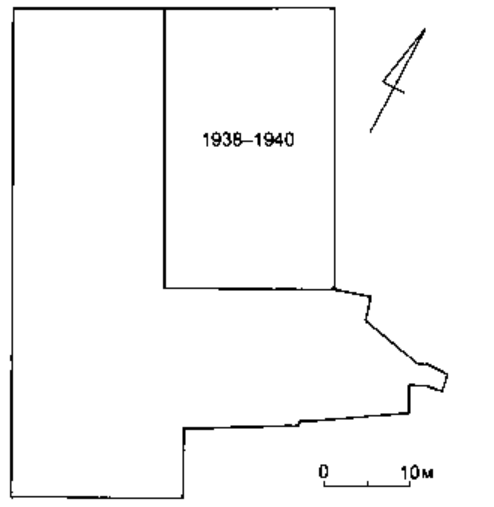


Рис. 3.1. Локализация раскопа 1938–1940 гг. в пределах площади, исследованной Н. И. Репниковым и В. И. Равдоникасом. Границы даны по Г. Ф. Корзухиной (НА ИИМК РАН. Ф. 77. № 70)

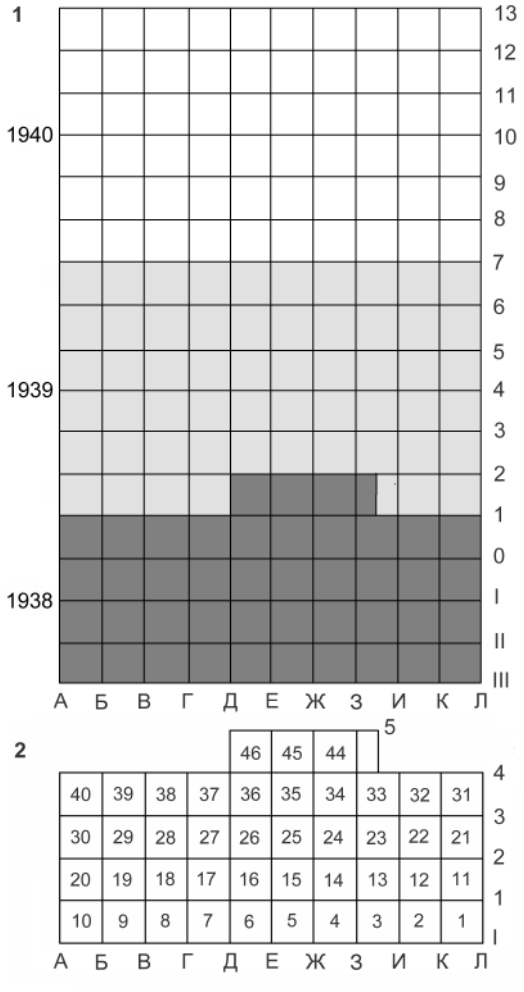


Рис. 3.2. Сетка квадратов раскопов В. И. Равдоникаса 1938–1940 гг. *1* — общая сетка квадратов 1938–1940 гг., с корректированной нумерацией, принятой в 1939 г.; *2* — сетка квадратов раскопа 1938 г. с нумерацией, принятой в 1938 г.

Староладожского комплекса, затронутых работами экспедиции В. И. Равдоникаса. Равновесие пошатнулось уже в 1940 г., когда описание позднерусского слоя и погребений в полевом дневнике превратилось в краткие упоминания. Но окончательная переориентация интересов произошла в 1947 г. после открытия горизонтов E_2–E_3 с несколькими ярусами деревянной застройки последней четверти I тыс. н. э. Тогда проблематика верхних слоев оказалась уже полностью вытесненной на периферию исследовательского спектра.

Конечно, сенсационные результаты сезона 1947 г. не явились для авторов раскопок совершенно неожиданными. С самого начала были налицо «три яруса» застройки на соседнем участке, в раскопе Н. И. Репникова 1911–1913 гг. Но полной уверенности в том, что картина на новых участках окажется аналогичной, все-таки не существовало. В 1938 г. В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов успели убедиться, что стратиграфия разных частей городища, даже недалеко отстоящих друг от друга, может различаться очень серьезно.

В первый год работы экспедиции, еще только выбирая перспективное место для своих исследований, В. И. Равдоникас заложил на площадке несколько раскопов (см. главу 1 наст. издания, приложение 1). Основным объектом внимания исследователей стал раскоп III в центре площадки, прирезанный к раскопу Н. И. Репникова 1911–1913 гг. Но параллельно работы велись на раскопе II, площадью 48 м^2, заложенном у восточного края площадки, в прибрежной части памятника[2]. Раскоп был доведен до материка в течение одного сезона 1938 г. Расширять его далее не стали — из-за наблюдавшихся провалов слоя в «пещеры» (шахты, связанные с добычей песка).

Никаких сенсационных результатов, которые свидетельствовали бы об особой древности поселения, раскоп II не дал. Под верхними «сухими» горизонтами, содержавшими смешанный, разновременный комплекс находок, здесь был обнаружен «мокрый» слой небольшой мощности, с остатками, вероятно, двух жилых построек, расположенных одна над другой. Выявились два уровня деревянного пола из узких тесаных бревен, залегавших в одном направлении, и хозяйственная пристройка (навес?). Пол ее был выстлан «большими листами бересты прямоугольной и квадратной формы». Основания нижней постройки и пристройки залегали на материке (белый кембрийский песок) (Гроздилов 1938-Б: лл. 13–14).

Наиболее ранние отложения в раскопе II содержали смешанный комплекс лепной и гончарной древнерусской керамики, а также «значительные скопления чешуи рыбы» и мелкие бытовые предметы, в том числе бусы («позолоченные стеклянные, сердоликовые, хрустальные и др.») и «обломки сложных составных односторонних гребней» (Там же: л. 14об.). В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов датировали эти отложения IX–X вв. Но сочетание лепной керамики с круговой древнерусской, при доминировании последней, указывает на более позднюю дату — не ранее второй половины X в.

Сходная стратиграфическая ситуация была выявлена в ряде шурфов Н. И. Репникова. Публикуя его материалы в 1940-х гг., Г. П. Гроздилов и П. Н. Третьяков оговаривали: «Образованная свита напластований прослеживается не по всему городищу. По всей площади прослеживается лишь верхний слой чернозема с остатками XI–XVII вв. Слои I и в особенности II и III ярусов построек в полном объеме

[2] Расположение раскопа II на площадке Земляного городища см. с. 14 (рис. В.7).

прослеживаются лишь на участке центральной части городища, несколько отступя от берега. <…> В ряде шурфов, главным образом, в прибрежной части городища, отмечены случаи залегания остатков I яруса непосредственно на материке, что подтвердилось также раскопками, произведенными Ленинградским Государственным Университетом в 1938 году…» (Гроздилов, Третьяков 1948: 72–73).

Таким образом, исследователи полностью отдавали себе отчет, что древнейшие слои присутствуют на городище далеко не повсеместно. На фоне результатов 1938 г. открытие многоярусных отложений горизонта $Е_3$ в центре площадки, конечно, выглядело подарком судьбы. После этого ученые надолго сконцентрировались на проблемах наиболее ранней части культурного слоя. Ответы на вопросы, связанные с его «верхами» (а они занимали очень большое место в полевых дневниках 1938–1939 гг., см.: Гроздилов 1938-А; Равдоникас 1939-А; 1939-Б), стали казаться более очевидными, чем было на самом деле.

План верхнего горизонта культурного слоя, с развалом западной стены собора св. Климента, был опубликован В. И. Равдоникасом в небольшой статье, вышедшей в свет на болгарском языке (Равдоникас 1947). Нечего и говорить: эта малодоступная публикация никакого влияния на исследования последующих десятилетий не оказала. Сам рисунок был малоинформативен из-за мелкого масштаба. В частности, на нем совершенно не видны погребения, впущенные в горизонт строительного развала. Однако в дальнейшем этот план привлек к себе внимание специалистов по архитектурной археологии и несколько раз тиражировался в публикациях (Большаков, Раппопорт 1985: 112, рис. 1; Васильев 1999: 80, рис. 4).

Вопросы интерпретации верхних горизонтов Земляного городища были кратко затронуты в статье Г. П. Гроздилова о раскопках в Ладоге в 1948 г. В ней исследователь не обошел вниманием некоторые комплексы, имевшие отношение, по его мнению, к «великокняжескому периоду» (т. е. к древнерусскому, по терминологии того времени). Особенный интерес в этом плане представляет квадратная большая постройка, площадью около 80–90 м^2, приуроченная к верхам горизонта Д на данном участке. Автор интерпретировал ее как остатки деревянной церкви, предшествовавшей каменному храму св. Климента (Гроздилов 1950: 142–143, рис. 3).

В литературе второй половины XX в. проблема древнерусского этапа жизни на Земляном городище затрагивалась лишь мимоходом, главным образом в контексте архитектурно-археологического изучения церкви св. Климента (Большаков, Раппопорт 1985: 111–112; Васильев 1999: 76–82; Новосёлов 1998: 191–192; 2002: 112–125; 2003). Однако в работах архитекторов изучение проблем каменного строительства соотносилось с проблемами стратиграфии явно недостаточно.

Сюжетом, настоятельно потребовавшим нового обращения к материалам древнерусской и позднесредневековой Ладоги, с целью прояснения стратиграфической ситуации верхних горизонтов, стала интерпретация «ранних погребений» грунтового могильника на площадке Земляного городища, открытого в 1938 г.[3] (см. с. 101 и след.).

[3] В шурфах и раскопах Н. И. Репникова 1909–1913 гг. встречались немногочисленные остатки погребений, но описания их дано не было, а антропологические остатки не сохранились. Несколько захоронений по обряду ингумации (скорее всего, позднесредневековых) были встречены и в ходе новейших раскопок А. Н. Кирпичникова на Земляном городище в 2006 г. Они также остались без исследования и были перезахоронены на местном кладбище (устное сообщение Н. В. Григорьевой).

Антропологический материал, собранный в течение трех предвоенных сезонов, сохранился в фондах МАЭ РАН и привлек к себе внимание в контексте проблемы присутствия скандинавов на Северо-Западе Руси. Под этим углом зрения указанный материал были проанализирован заново в 1990-х гг. (Санкина, Козинцев 1995; Санкина 2000: 83–90; Платонова 1997а; 1997б). Однако сегодня следует констатировать: предпринятую нами тогда ревизию материалов памятника нельзя считать достаточной в современном исследовательском контексте. Для решения связанных с ним проблем необходима более широкая источниковая база и привлечение новейших методик.

Предлагаемое ныне читателю новое исследование стратиграфии и хронологии верхних горизонтов Земляного городища, на сегодняшний день, основано на проработке: а) полевой дневниковой, чертежной и фотографической документации 1938–1940 гг., хранящейся в архиве ИИМК РАН; б) археологических комментариев к коллекциям антропологических материалов из раскопок Земляного городища, хранящихся в МАЭ РАН.

Параллельно нами изучались описи вещевых коллекций Земляного городища, хранящиеся в ОАВЕС ГЭ и сами коллекции 1938–1940 гг. Однако для полного их освоения и учета сохранившегося вещевого материала из раскопок 1938–1940 гг. потребуется еще много труда и времени. Ситуация с хранением коллекции в годы войны привела к тому, что номера полевых пакетов, указанных в дневниках, и часть полевых описей оказались утрачены. Поэтому, несмотря на удовлетворительный, в целом, уровень методики раскопок и взятия материала в поле, сегодняшний исследователь сталкивается с немалыми трудностями при соотнесении даже сохранившихся артефактов с их контекстами.

Считая дальнейшую работу в данном направлении совершенно необходимой, мы решились, однако, после некоторого колебания, опубликовать эту часть исследования в том виде, какой она имеет сейчас — как результат промежуточного этапа проработки источников. Не приходится сомневаться: дальнейшая разработка материалов верхних горизонтов Старой Ладоги будет происходить в контексте все увеличивающейся информации, получаемой в ходе междисциплинарных исследований. Все эти сведения, конечно, потребуют взаимной увязки и новых публикаций.

«Сухие» слои Земляного городища на стратиграфической шкале В. И. Равдоникаса

Схема ладожской стратиграфии впервые была обнародована В. И. Равдоникасом в краткой предварительной публикации 1945 г. (Равдоникас 1945: 31–34). Подразделения верхней («сухой») части слоя описаны там детально, а их историческая интерпретация, по большей части, выглядит убедительной. Четыре года спустя шкала была дополнена, в свете новых данных о нижних напластованиях (горизонтах E_2–E_3) (Равдоникас 1949а: 11–12). В этом итоговом варианте описание стратиграфии культурных отложений выше горизонта Д заняло не более полстраницы.

Кратко напомним читателю общую картину, обрисованную В. И. Равдоникасом для центрального участка Земляного городища. Под слоем перекопанной огородной земли (горизонт А) залегал слой строительного мусора и развала западной стены церкви св. Климента, рухнувшей в начале XVII в. (горизонт Б). Строительный мусор во многих местах был прорезан поздними погребениями. В ряде случаев

поздние могилы пробивали «нижележащую вымостку», однако «ни в одном случае не перекрывались ею…» (Там же: 12).

Упомянутая вымостка из камней, битых плит и реже кирпича (плинфы) на ряде участков подстилалась прослойками привозного песка. Все это в комплексе В. И. Равдоникас и назвал «горизонтом В», который представлял, по его мнению, остатки мощения соборной площади в XV–XVI вв. Данный горизонт был выявлен в раскопе повсеместно, на глубине 0,5–1,0 м от поверхности (с учетом кривизны склона). Он отделял строительный развал от залегавших ниже гумусированных отложений (Там же).

Наконец, «горизонт Г», залегавший «ниже 0,5–1,0 м» от поверхности (высоты даны, опять же, с учетом кривизны склона), представлял собой, по В. И. Равдоникасу, «гумусный культурный слой аморфной структуры, с плохо сохранившимися остатками сооружений, перекрывающих костяки ранних погребений XI–XII вв., с массовыми находками XIII–XV вв.» (Там же).

Ниже горизонта Г структура культурных отложений приобретала, по выражению В. И. Равдоникаса, «слоистый характер». В них выступали «…хорошо сохранившиеся остатки деревянных построек, датируемые, по находкам, X в. Эти остатки или перекрываются, или прорезаются ранними погребениями XI–XII вв.» (Там же).

Описанные «горизонты», выделенные В. И. Равдоникасом в верхней части разреза, отражают его представления о процессе формирования отложений на площадке перед храмом. Стратиграфическая схема, предложенная им, в основе своей, несомненно, верна, но все-таки ряд вопросов требуют уточнения. Не вполне ясными остаются: а) основания для датировки пласта «ранних погребений» XI–XII вв., а перекрывающей их застройки — XIII–XV вв.; б) соотношение уровней дневной поверхности периода постройки каменного храма (сер. XII в.) и времени совершения «ранних» погребений.

Кроме того, вообще непонятно, в каком же слое были вырыты могилы? Горизонт Г (с постройками), условно датированный XIII–XV вв., никак не мог вмещать костяки XI–XII вв. Если допустить столь раннюю их датировку, этот слой мог только перекрывать погребения сверху. С другой стороны горизонт Д («мокрый» слой с деревянными конструкциями) оказался лишь слабо затронут могильными ямами в верхней части. Создается впечатление, что на стратиграфической шкале В. И. Равдоникаса могильник «повис в воздухе» в промежутке между этими двумя горизонтами, а вмещающие его отложения просто остались без названия.

Указанная несообразность присутствует во всех публикациях В. И. Равдоникаса о Ладоге, в том числе в статье 1945 г., где проблемы верхних слоев освещены им наиболее детально (Равдоникас 1945: 32–36). Конечно, для того чтобы разобраться в стратиграфии и хронологии слоя, вмещающего могильник, требовалось более углубленное изучение вещевых материалов в их стратиграфических контекстах. Но дело это застопорилось, не в последнюю очередь из-за бедственного состояния коллекции 1938–1940 гг. (см. главу 1 наст. издания). Сыграли роль и другие обстоятельства — политические, психологические, человеческие — всё то, что обусловило постепенный отход В. И. Равдоникаса от активной деятельности в науке, завершившийся его решительным разрывом с археологическим сообществом в 1959 г.[4]

[4] В воспоминаниях разных людей этот уход представлялся по-разному. Но нам хотелось бы привести свидетельство О. И. Давидан, высказанное в 1980-х гг. в личной беседе

Основные стратиграфические реперы верхних горизонтов Земляного городища

На полевых разрезах предвоенных лет (рис. 3.3, 3.4) вся толща «сухих» отложений (общей мощностью около 1 м) визуально делится на две части:

верхняя — дерн, отвалы, пахота и подстилающий их строительный развал (по В. И. Равдоникасу: горизонты А и Б);

нижняя — гумусированный, интенсивно окрашенный культурный слой, с различными линзами и структурами, имеющий локальные особенности на разных участках (по В. И. Равдоникасу: горизонты В, Г и ниже, вплоть до появления слоя со структурированным деревом).

Из этих двух отчетливо разграниченных «пачек» отложений нас особенно интересует вторая. Ее мы в дальнейшем будем называть «сухой гумусированный слой» или «сухой гумус», в отличие от залегающей под ней мощной пачки «мокрых» гумусированных отложений с органикой (горизонтов Д, $Е_1$, $Е_2$, $Е_3$).

Как будет показано ниже, в составе «сухого гумуса» выделяется дополнительно ряд горизонтов и субгоризонтов. Но последние уже не так однозначно фиксируются в разрезах на всем протяжении. Их следует воспринимать, скорее, как элемент реконструкции, на базе обобщения и интерпретации полученных данных.

Репер 1: слой разрушения церкви

Важнейшим стратиграфическим и хронологическим репером, достоверно отделяющим отложения нового времени (начало XVII в. и позднее) от более древних, является, конечно, горизонт строительного мусора (Б), включающий сохранившуюся in situ западную стену рухнувшей церкви св. Климента. Разумеется, данный репер имел ключевое значение только для участка, прилегавшего к храму. Наибольшей мощности строительный мусор достигал у восточной стенки раскопа 1938–1940 гг., вблизи церкви. По мере удаления от нее он выклинивался (Гроздилов 1938-Б: л. 16–16об.).

«Вещевые находки под развалом стены… (медные кресты, золотая подвеска от серьги[5] и пр.) относятся к концу XVI — началу XVII в., вероятнее всего, ко времени начала шведской интервенции, т. е. к 1610 г., когда Ладога была захвачена отрядом де Лавилля. В слое рядом с развалом стены найдены две медные шведские монеты конца XVI — начала XVII в.» (Равдоникас 1945: 32).

Христианские погребения, прорезавшие строительный мусор, по мнению автора раскопок, никак «не могут быть древнее момента разрушения церкви». При этом «кладбище здесь вряд ли существовало долго после переноса по приказу Петра I

с Н. И. Платоновой. Ольга Ивановна была ученицей В. И. Равдоникаса, участницей Староладожской экспедиции послевоенных лет и работником Эрмитажа. Она принадлежала к числу тех немногих, кто знал ситуацию «изнутри», а не только по слухам и сплетням (почти всегда недоброжелательным). По ее словам, дав согласие выйти на пенсию в 1959 г., после окончательного прекращения работ экспедиции, В. И. Равдоникас все же хотел продолжать работать со староладожской коллекцией и просил дирекцию Эрмитажа закрепить за ним хотя бы одного лаборанта. Лишь когда ему было отказано в этом, он резко разорвал профессиональные контакты с археологическим миром, сохранив только личные связи с некоторыми учениками и друзьями.

[5] Золотая подвеска от серьги была найдена в 1939 г., в кв. $З_7$ (гл. 0,95 м от поверхности, полев. опись № 225); залегала в слое ниже развала стены церкви св. Климента, выше каменной вымостки (Равдоникас 1939-В: л. 33).

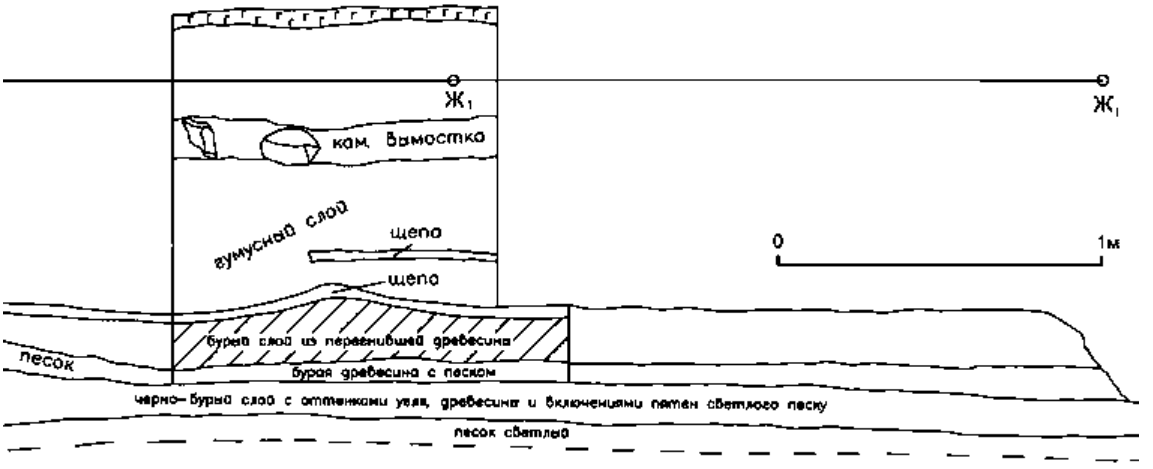


Рис. 3.3. «Контрольный столб» в районе пикета $Ж_1$: стратиграфия напластований. Нумерация квадратов 1938 г. (прорисовка полевого чертежа 1938 г.) (НА ИИМК РАН. Р-1. № 1360. Л. 34)

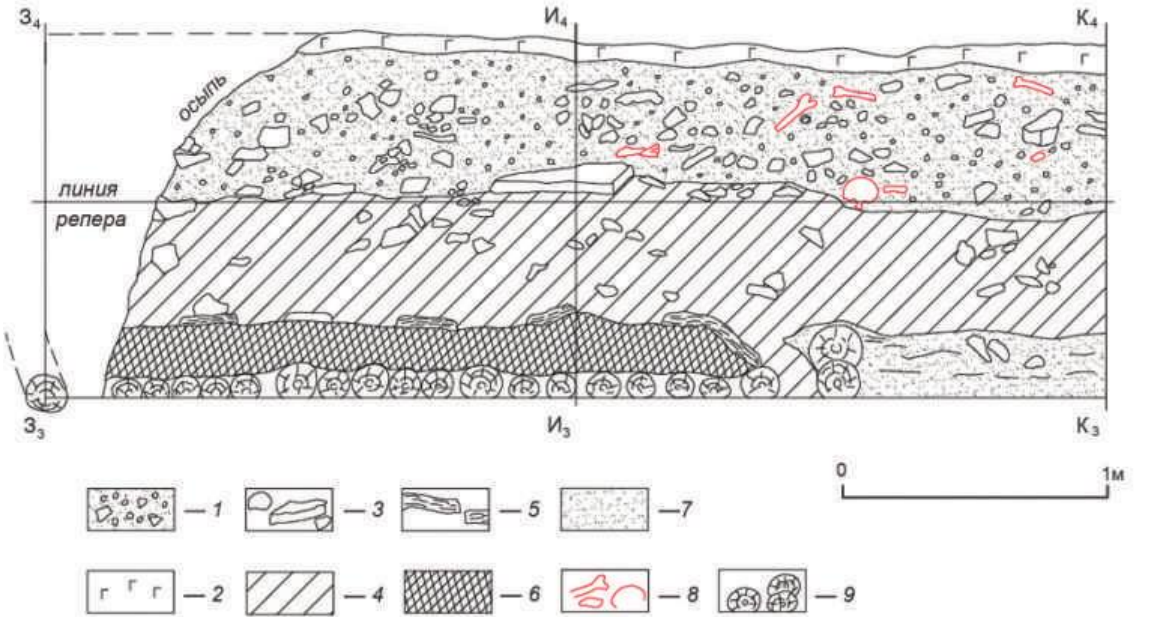


Рис. 3.4. Разрез северной стенки раскопа 1938 г. по линии 4 на участке $З_4$–$И_4$–$К_4$ (прорисовка полевого чертежа) (НА ИИМК РАН. Р-1. № 1360. Л. 30). Нумерация пикетов 1938 г. *1* — строительный мусор (щебенка, плитняк, кирпич); *2* — современный дерн; *3* — плитняк и булыжники; *4* — гумусированный культурный слой, интенсивно окрашенный; *5* — прослойки щепы; *6* — навоз; *7* — чистый белый песок; *8* — кости; *9* — дерево

деревянной церкви Климента в Новую Ладогу… Медные перстни и кресты, встреченные в погребениях, относятся в основном к XVII в.» (Там же). Соответственно, эта часть могильника датируется узко: XVII — началом XVIII в. (Там же).

Результаты современных архитектурно-археологических исследований позволяют немного уточнить эту в целом верную характеристику горизонта Б. По наблюдениям архитекторов, здание церкви начало разрушаться достаточно

быстро, «…в связи с наличием на данной территории больших и глубоких ям, очевидно, промоин. Так, нижняя часть северо-западного столба храма опрокинулась в такую яму, потянув за собой большие куски примыкавших ленточных фундаментов, а юго-восточный подкупольный пилон, хотя и сохранился на своем месте, но опустился вниз примерно на 1,2 м. Чтобы приостановить разрушение здания, его ремонтировали: в центральном проходе из нартекса в храм поставили столб, сложенный из плит и брускового кирпича, вероятно, не древнее XV в. Видимо, в XV в. в храме также настлан новый пол из больших каменных плит. Окончательное разрушение церкви произошло в первые годы XVII в. и, очевидно, связано с событиями Смутного времени…» (Большаков, Раппопорт 1985: 111–112).

Таким образом, нижняя часть слоя разрушения церкви, просевшая в ямы, образовалась в *более раннее время, чем начало XVII в.* — по крайней мере, на участке, прилегающем к северо-западному углу здания. Это стоит учитывать при детальном рассмотрении археологического контекста в соответствующих квадратах (северо-восточная часть раскопа 1940 г.). В частности, становится понятным «провал» слоя строительного мусора, отмеченный В. И. Равдоникасом при описании разреза раскопа 1940 г. по линии 13: «…мощность этого слоя мусора от 0,6 [м] у пикета $Е_{13}$ до 1 м у пикета $К_{13}$. Непосредственно под ним у пикета $Е_{13}$ — печище. Происхождение этого слоя, вернее, его столь глубокое залегание не вполне ясно. Вероятна глубокая большая яма, засыпанная мусором в начале XVII в.» (Равдоникас 1940-В: л. 67). В свете современных данных, такая интерпретация представляется неверной. Скорее можно предположить проседание в промоину части кладки и ленточных фундаментов северо-западного угла храма (~XV в.).

Репер 2: «мостовая», или горизонт подсыпок и мощения соборной площади

Вторым важным стратиграфическим репером является так называемая «мостовая», или горизонт камней и подсыпок (В), маркирующий границу между верхней пачкой отложений и сухим гумусом (рис. 3.3). С нашей точки зрения, его следовало бы рассматривать как субгоризонт в рамках толщи сухого гумуса, ее кровлю (ибо нижняя часть вымостки «утоплена» в гумусированных отложениях). Но В. И. Равдоникас видел в нем отдельный стратиграфический горизонт, что, в принципе, также допустимо.

По наблюдениям В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова, сделанным в поле, вымостки, составлявшие указанный горизонт, разнились по цвету и составу от слоя строительного мусора и не образовывали с ним единого слоя разрушения церкви. Они служили маркером, отделявшим его от нижележащих интенсивно окрашенных напластований (позднее названных горизонтом Г). В дневнике Г. П. Гроздилова за 1938 г. мы читаем:

«*22 июля 1938 г.* <…> На пл[ощади] кв. 21, 31, 22 и 32 обнаружены отдельные битые плиты, залегающие примерно на одном горизонте на гл. 0,70–0,75 от поверхности[6]. Рядом с большими плитами попадались мелкие и средней величины

[6] Цифровая нумерация квадратов применялась Г. П. Гроздиловым в 1938 г. (рис. 2, *2*). Начиная с 1939 г. в полевой документации стало применяться другое обозначение квадратов — по юго-западному углу. Этим новшества не закончились: цифровые обозначения линий, ориентированных З–В (и, соответственно, названия пикетов на раскопе 1938 г.), также подверглись в 1939 г. корректировке (см. рис. 3.2). На старых полевых чертежах и

обломки плит; <…> *[принимать] плиты за могильные, по-видимому, неправильно. Их следует считать за вымостку у церкви Климента.* Одна из открытых плит равна 1,66 × 1,88, другая, меньшая — 0,80 шириной, причем обе уже частично разбиты <…>. На площади кв. 21, 31, 22 и 32 при снятии строительного мусора, непосредственно под ним обнаружена вымостка из плит (битых) <…>.

23 июля 1938 г. […] Закончилась съемка слоя строительного мусора на кв. 31–32 [кв. $ИК_0$. — *Авт.*]. *На границе строительного мусора белого цвета с черным интенсивным слоем, залегающим ниже его, лежат все крупные плиты и обломки*. Одна из плит осталась в стене раскопа у пикета $Л_4$. В. И. Равдоникас принял ее за постоянный репер <…> (курсив наш. — *Авт.*)» (Гроздилов 1938-А: лл. 12–13).

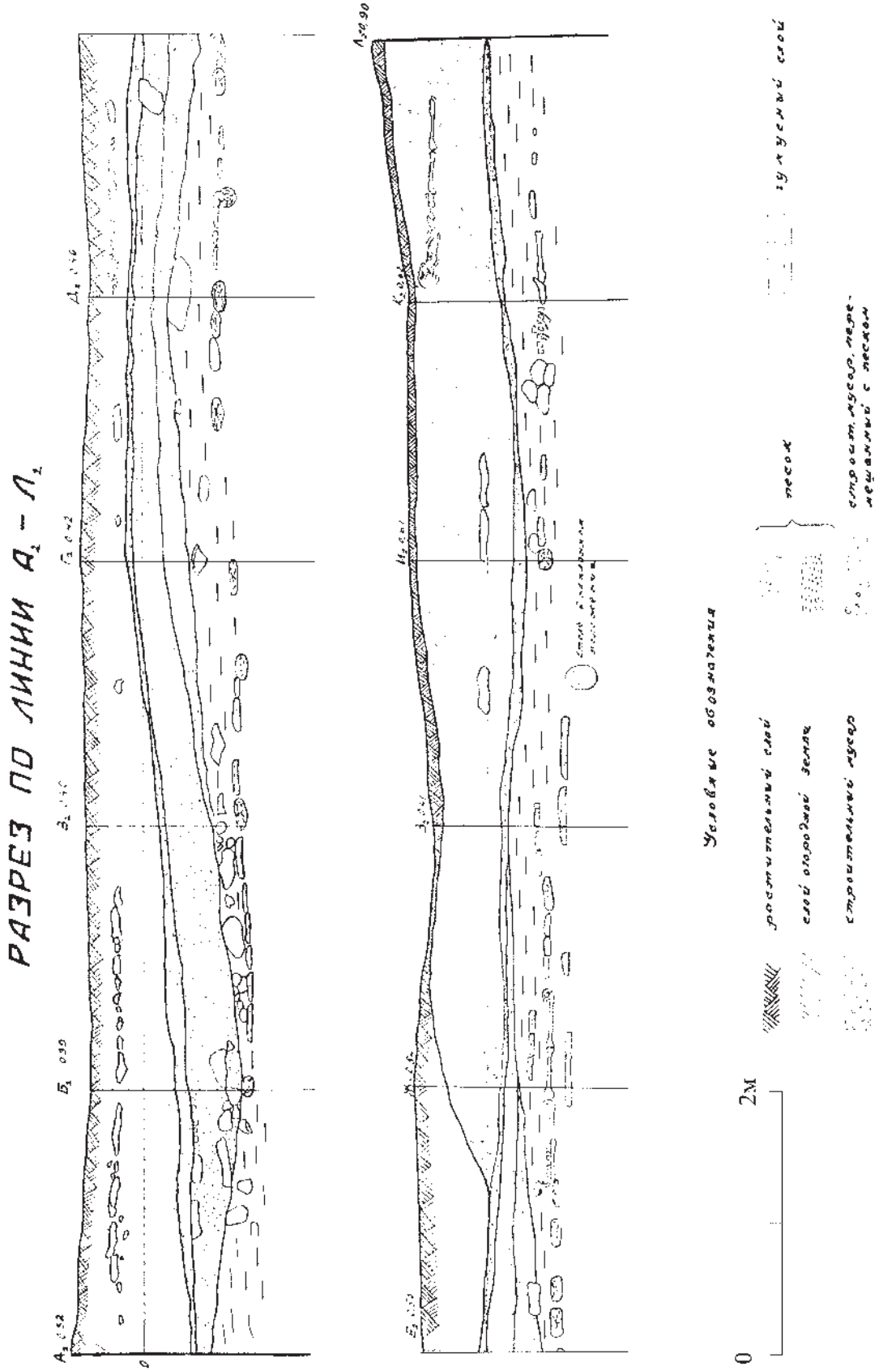
Последующая трактовка Г. П. Гроздиловым указанных крупных плит оказалась противоречивой. В черновом отчете 1938 г. он написал: «Вероятно, вся площадь перед церковью была вымощена. Время сооружения вымостки следует считать не ранее XIV в., т. к. *ниже ее (? — Авт.) на глубине 0,60–0,70 от поверхности были обнаружены отдельные большие хорошо тесаные плиты, достигающие 1,60 × 1,80 м, толщ. 10–12 см. Они вероятно принадлежали древней вымостке площади перед церковью, произведенной одновременно с сооружением храма* (1153 г.). Плиты встречены в большом количестве в восточной части раскопа, вблизи церкви, и в меньшем количестве, при этом большей частью в разбитом виде — на западной. Открытые две большие плиты дают представление о их размерах и характере обработки <…> (курсив наш. — *Авт.*)» (Гроздилов 1938-Б: 17).

Таким образом, в 1938 г. Г. П. Гроздилов попытался выделить в раскопе *две разновременные вымостки*, одна из которых непосредственно подстилала строительный развал начала XVII в., а вторая якобы залегала ниже. Первая датировалась «не ранее XIV в.»[7], вторая (включавшая крупные плиты) — временем строительства церкви.

Если бы наличие второй (нижней) вымостки реально удалось обосновать, это был бы важнейший стратиграфический репер, помогающий установить относительную хронологию и культурного слоя, и могильника. Однако все данные полевой документации — цитированный выше дневник, полевые разрезы и планы — такой интерпретации противоречат.

в дневнике Г. П. Гроздилова они, разумеется, остались неисправленными, что вызывает недоумение и путаницу у всякого, кто начинает работать с этим материалом. Все это важно учитывать, оперируя данными 1938 г. К примеру, квадраты 21, 31, 22 и 32 соответствовали на сетке 1938 г. кв. $И_2$ $И_3$ $К_2$ $К_3$. Однако на корректированной сетке, являющейся ныне общепринятой, это кв. $И_1$ $И_0$ $К_1$ $К_0$. Пикет, у которого расположен репер, в 1938 г. назывался $Л_4$, но с 1939 г. он стал уже $Л_1$.

[7] Стоит оговорить сразу: мы оперируем датами, предложенными В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым, условно, безотносительно к тому, насколько они соответствуют реалиям современной археологической хронологии. В 1930–1940-х гг. в распоряжении исследователей не было ни разработанных хронологических шкал, построенных на массовом материале, ни возможности привязать их к дендродатам. Очень сомнительно, чтобы кто-то мог тогда достоверно отличать вторую половину XII в. от XIII, XIV в. от XV и т. д. Исследователи Земляного городища, будучи профессионалами, несомненно, отличали комплекс «позднерусского» периода от «великокняжеского» (древнерусского), а этот последний от «IX–X вв.». Но границы между периодами оставались зыбкими. Хронологических индикаторов почти не было. Поэтому любые даты, фигурирующие в полевой документации и в первых публикациях Ладоги, сегодня должны приниматься как условные.


РАЗРЕЗ ПО ЛИНИИ А1 – Л1
Условные обозначения
растительный слой
слой огородной земли
строительный мусор
песок
строит. мусор, перемешанный с песком
гумусный слой
0
2м

В дневнике и в отчете упомянуты две, несомненно, одни и те же огромные плиты, с точными их размерами. В дневнике они описаны как находящиеся непосредственно *под слоем строительного развала, где залегают также и все остальные плиты*. Но в ходе последующей интерпретации материала эти плиты как-то незаметно «переехали» в более древнюю вымостку, датированную XII в. Подобная трактовка нашла отражение как в отчете, так и в комментарии к антропологической коллекции (Гроздилов 1938-Г: л. 2).

Правомерность этой трактовки легко проверить. Указанные в дневнике смежные квадраты 21, 31, 22 и 32 находились в северо-восточном углу раскопа 1938 г. Их стратиграфия напрямую отражена в разрезах северной и восточной стенок, по которым элементарно может быть уточнен уровень залегания крупных плит на данном участке. На разрезах видно, что крупные плиты располагались горизонтально, в 0,6–0,7 м от поверхности, что практически совпадало с нулевой линией репера (рис. 3.4, 3.5). Такая глубина их залегания указана и в дневнике, и в отчете. Она как раз соответствовала границе строительного мусора и гумусированного слоя на данном участке.

Плиты и булыжники перекрывали залегавший ниже сухой гумус, с остатками построек позднерусского периода. Мощность вымостки местами достигала 20 см и более. Но признаки второй отдельной вымостки в разрезах не читаются. На планах, фиксирующих остатки построек в сухом гумусе ниже горизонта В, кое-где отмечены отдельные плиты, использованные, в том числе, как подкладки под бревна, а также скопления камней, связанные либо с разрушенными постройками, либо с погребениями (в северной части раскопа 1939 г.) (рис. 3.6–3.8).

Г. П. Гроздилов явно ошибся, связав большие тесаные плиты из раскопа 1938 г. со строительством храма XII в. Появление самой идеи легко объяснимо: храм, действительно, находился рядом, и было соблазнительно соотнести хотя бы часть встреченных в слое строительных остатков с временами епископа Нифонта, заложившего собор. Отдельные обломки плит, как уже говорилось, встречались на разных уровнях.

Аналогичную ошибку совершила в 1996–1997 гг. Н. И. Платонова, последовав той же логике и высказав предположение, что вымостка, принятая В. И. Равдоникасом за позднесредневековую «мостовую», представляла собой спланированные остатки строительства храма (Платонова 1997б). Более углубленная проработка полевой документации 1938–1940 гг. эту гипотезу не подтвердила. Ниже «мостовой» залегал отнюдь не аморфный, перекопанный могилами горизонт, а слой, содержавший комплексы позднерусского периода in situ, пусть даже не слишком выразительные (см. с. 82–91). Он никак не мог *перекрываться* культурными остатками XII в.

Тем не менее, ход мысли Г. П. Гроздилова вполне понятен. Отесанные плиты правильной четырехугольной формы могли быть либо могильными, либо остатками материалов, связанных с церковным строительством. Первое не подтвердилось: погребений под ними не обнаружилось. Там, где они присутствовали, плиты на месте могилы оказывались разбитыми и сдвинутыми. Значит, верно второе… Но следует обратить внимание на гигантские размеры плит, которые в июле 1938 г.

Рис 3.5. Разрез верхней части отложений в раскопе 1938–1939 гг. по линии $А_2$—$Л_2$. Беловой чертеж 1939 г. (НА ИИМК РАН. Р-1. № 1367. Л. 43)

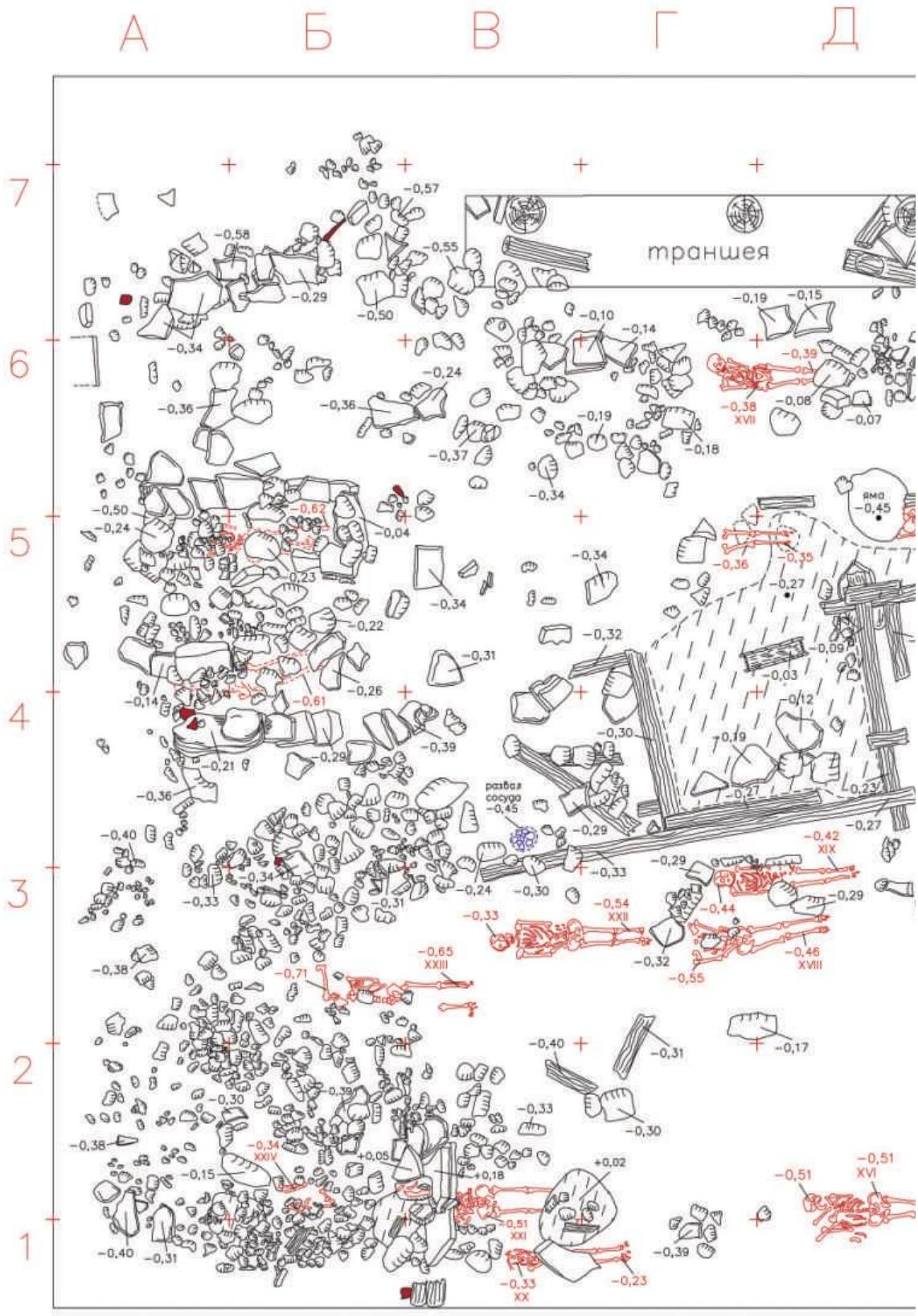
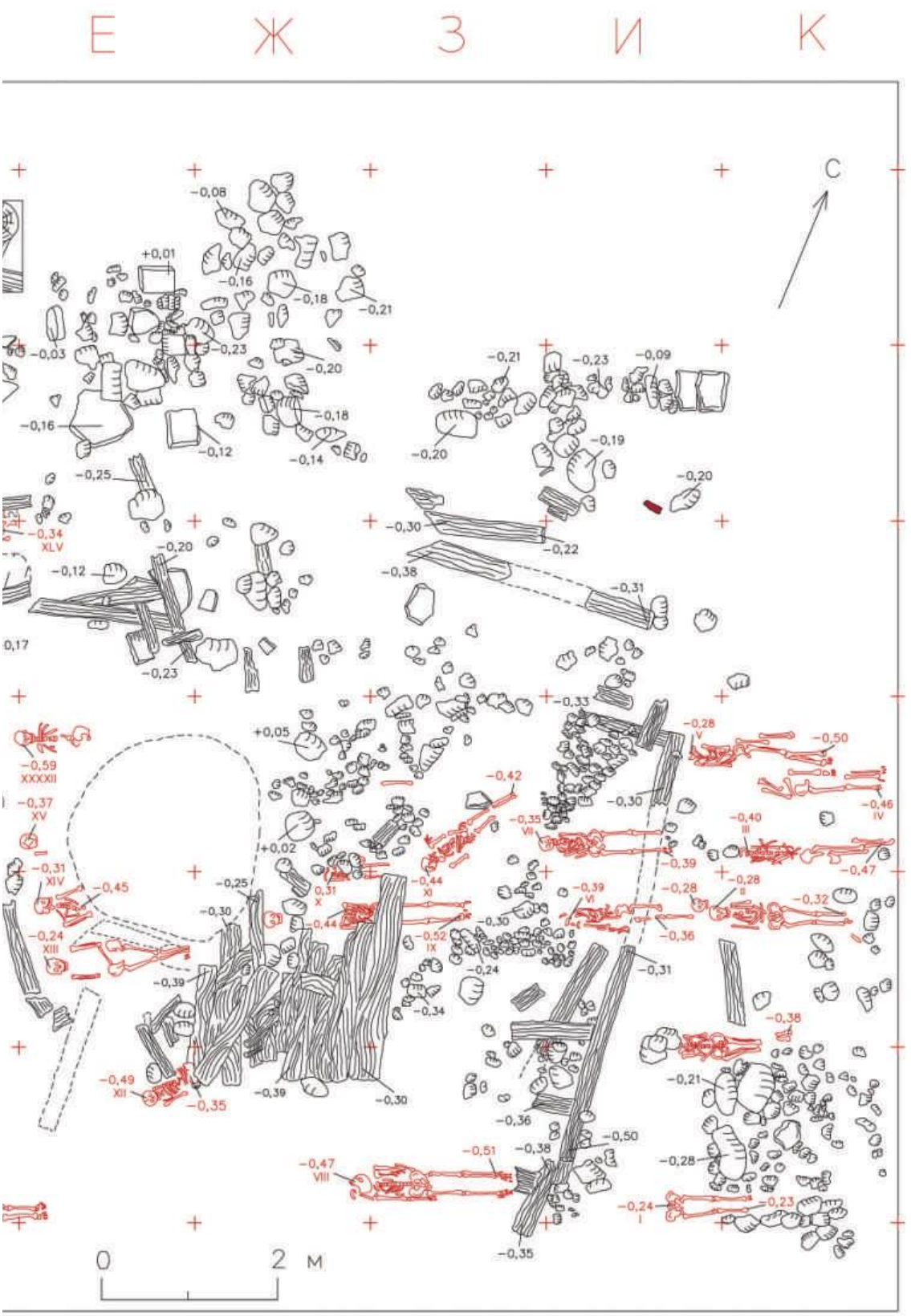


Рис. 3.6. План горизонта Г и погребений нижнего яруса в раскопе 1939 г. Беловой чертеж 1939 г. (НА ИИМК РАН. Р-1. № 1365. Л. 1)



(название в подлиннике: «Горизонт XIV–XV вв. Остатки деревянных сооружений и каменных фундаментов»)

удалось замерить (см. с. 75). Эти плиты, достигавшие почти 2 м в длину и 0,8–1,6 м в ширину, вряд ли предназначались для кладки стен церкви. Там зафиксированы плиты меньших размеров, «нетесаные, обычно неправильной формы» (Равдоникас 1939-В: л. 26). Огромные тесаные плиты употреблялись для настилки пола.

Между тем уже исследованиями Н. И. Репникова было установлено, что *первоначальный пол в храме св. Климента был цемяночным* (Репников 1948: 61). «Плитным» являлся лишь наиболее поздний пол (у Репникова — третий), настланный, действительно, из тесаных каменных плит, длина которых составляла более 2 м, ширина — около 1 м (Там же). Архитектурно-археологические исследования рубежа 1970–1980-х гг. подтвердили такую последовательность. Согласно им, ремонт церкви, с которым связана настилка упомянутого каменного пола, имел место не ранее XV в. (Большаков, Раппопорт 1985: 112–113). Соответственно, увязывать появление огромных плит на площади перед храмом с первоначальным каменным строительством неправомерно. Зато с ремонтом церкви в XV (или XVI?) веке — очень вероятно.

Сказанное, впрочем, не означает, что на других участках поселения и в другой стратиграфической ситуации не могло сохраниться настоящих остатков строительства XII в. В этой связи следует вспомнить неординарную находку, сделанную на Земляном городище в 1948 г. Тогда в слое на границе «темного аморфного гумуса» и горизонта Д (по описанию Г. П. Гроздилова), к северу от линии A_3P_3 был зафиксирован участок вымостки «…из бесформенных каменных плит, плотно уложенных на площади в 56 кв. м» (Гроздилов 1950: 143–145). Хорошее представление об этой вымостке дает опубликованная фотография (Там же: рис. 5). Данный объект, действительно, сильно отличается от тех нерегулярных каменных выкладок, набросов и насыпок, которые интерпретировались В. И. Равдоникасом на соседних участках как «мостовая» (горизонт В). Здесь мы видим *сплошную, явно целенаправленную, плотную вымостку*, местами в 2–3 слоя, из неотесанных плит неправильной формы, без примеси других материалов. Ее высотные отметки — от –0,20 до –0,50 м ниже репера.

Если, действительно, указанная вымостка в раскопе 1948 г. приурочена к *основанию* «слоя темного аморфного гумуса» (Там же: 143), а не к его «кровле» (понятие, обозначающее в первобытной археологии верхнюю часть стратиграфического горизонта), то предположение Г. П. Гроздилова о том, что перед нами остатки *штабеля строительного материала, не использованного при строительстве каменной церкви в 1150-х гг.*, выглядит не столь уж невозможным. Однако полевая документация 1948 г. нами пока не проработана. А без этого делать окончательные заключения было бы преждевременно.

В. И. Равдоникас детально изложил основания своей интерпретации вымостки и подсыпок (В) в полевом дневнике 1939 г. Эти соображения непосредственного наблюдателя и исследователя очень важны, поэтому мы позволим себе привести обширную выдержку из его дневника:

«*31 июля*. <…> На глубине от поверхности 0,25–0,40 (а местами и глубже) по всему раскопу <…> идет вымостка из мелких, разной формы известняковых плит, щебня, валунов. <…>. Она идет не сплошным слоем — частично разрушена распашкой <…>, частично — погребениями. Местами наблюдается несколько рядов кладки — результат чинки, дополнительное накладывание плит и камней сверху.

В восточной части раскопа (к востоку от линии Ж) мостовая от поверхности глубока, так как здесь мощный слой строительного мусора (до 1 м и больше), а она идет под этим слоем (она смыкается с мостовой под развалом стены Климента, представляя ее продолжение). В рядах квадратов у церкви лежат не мелкие, а крупные четырехугольные плиты (вдоль западного фасада), которые наблюдаются и в кв. $Е_{10\text{-}12}З_{10\text{-}11}$. <…>

Под стеной деформированная от падения и тяжести мостовая в кв. $З_6$–$И_6$ — из четырехугольных плит (разбитых падением на куски), а дальше — из мелких [плит] и простого камня. От портала ко входу в церковь — плиты и ступени лестницы. <…>

Описанные слои прорезают в нескольких местах погребения. <…> [Они залегают] на разной глубине, иногда выше мостовой, иногда прорезают ее, но никогда не перекрываются ею, иногда прямо лежат в толще строительного мусора. Эти данные заставляют датировать погребения XVII–XVIII вв., очевидно [они совершались] уже при деревянной церкви, когда и площадь [была] ликвидирована. <…>.

Таким образом, датирующим горизонтом, расчленяющим хронологически раскоп, может считаться мостовая. По моим соображениям, она была основательно построена в XV–XVI вв. (м. б. Евфимий?). Видны следы основательной планировки площади перед тем, как стлать мостовую. Несомненно, выравнивался (скапывался местами) рельеф — иначе нижний ряд костяков (<…>, не смешивать с верхним) не лежал бы так близко к мостовой <…>.

Во время подготовки площади к мощению по отдельным участкам насыпался привозной желтый песок <…> слоем, достигающим 0,40 [м] мощности. Этот песок относится ко времени сооружения мостовой. Он четко прослеживается сплошным слоем в юго-западной четверти раскопа, доходя до глубины 0,80 от поверхности. Ниже песку, а где его нет — ниже вымостки по раскопу идет гумусный культурный слой <…>» (Равдоникас 1939-В: лл. 40–44)[8].

Находки из горизонта В были кратко охарактеризованы В. И. Равдоникасом в публикации 1945 г. По его словам, гончарная керамика «в слое вымостки и подстилающего ее слоя песку» представляла собой «фрагменты хорошо обожженных, сделанных на гончарном круге горшков сероватого и черного цвета, гладких и орнаментированных обычно широкими параллельными бороздами; фрагменты кувшинов с ручками». С нею встречены многочисленные предметы из железа, рога и кости, а также «бронзовый перстень с печаткой, серебряная московская монета XV в. и пр.» (Равдоникас 1945: 32–33). «Ранее на площади находились различные постройки, которые ко времени мощения были сняты…» (Там же: 33).

Выводы, сделанные автором раскопок, представляются вполне правомерными. Предложенная датировка (по находке монеты и типам поздней керамики), скорее всего, верна. Как уже говорилось выше, она получает дополнительное обоснование, благодаря архитектурно-археологическим данным о ремонте церкви и настилке в ней нового пола из плит не ранее XV в.

[8] В настоящем издании цитаты из полевых дневников В. И. Равдоникаса 1939–1940 гг. приводятся по их точной копии, сделанной в 1965 г. Г. Ф. Корзухиной. Сохранившиеся дневники самого В. И. Равдоникаса написаны большей частью карандашом, неразборчивым почерком. Работать с ними нелегко. Гали Фёдоровна 50 лет назад взяла на себя большой труд по их расшифровке и копированию для последующих поколений исследователей. Ныне этот ее труд широко востребован. По всему тексту копии ею были проставлены отсылки к страницам подлинника, так что в спорном случае их легко сравнить.

Возражения касаются, в основном, терминологии. Автор называет «мостовой» не только участок, ближайший к паперти Климентовского собора, где было найдено наибольшее количество крупных плит, но и «вымостку из мелких известковых плит неправильных очертаний, валунов, щебня и обломков кирпича» (Там же), наблюдавшуюся в стороне от храма. Вблизи церковной стены, вероятно, действительно имело место мощение каменными плитами. Антрополог А. Н. Юзефович в 1939 г. назвал его «тротуаром»: «…в крайних восточных квадратах уцелели плиты, служившие лестницей (паперть) перед входом в церковь. <…> В северных квадратах, на уровне нижней плиты „паперти" прослеживается ряд плит «тротуара» перед церковью…» (Юзефович 1939-А: л. 9). А вот прослеженная на более широкой площади вымостка из мелких валунов, щебня и пр., будучи отражена на чертежах, более всего напоминает такое явление, как «горизонт камней» (хорошо знакомое всем археологам-полевикам, работающим на Северо-Западе).

Наличие «горизонта камней» является повсеместной особенностью культурного слоя древнерусских поселений в местах, где обильно встречающиеся в природе булыжник и плитняк периодически вбрасывались в пространство между домами и затем «уходили в землю», зарастая сверху гумусом. Подобные вымостки обязаны своим происхождением отчасти работам по планировке поверхности под новое строительство (в том числе разборке печей-каменок и очагов в старых домах), отчасти никогда не прекращавшейся «борьбе с грязью», попыткам замостить или закидать камнями промоины в период распутицы. Так или иначе, они представляют собой стратиграфический (планиграфический) маркер, свидетельствующий о том, что «замощенные» участки *входили в жилое пространство, но были временно свободны от застройки*.

В конце 1930-х гг., когда археологическое исследование средневековых поселений на Северо-Западе, по сути, только начиналось, у археологов еще не было опыта интерпретации подобных явлений. Поэтому не стоит удивляться, что каменная вымостка, выявленная в верхней части слоя Земляного городища, оказалась принята за остатки настоящей мостовой. Между тем прослойки привозного песка и мелких камней в слое, подстилавшем горизонт разрушения церкви, свидетельствуют лишь о том, что подход и подъезд к храму в позднем средневековье периодически подсыпался песком и щебнем. Впрочем, весьма вероятно, что в XV (XVI?) веке имела место попытка благоустройства пространства перед церковью. Ее результатом стали снос построек, стоявших вблизи храма, выравнивание освободившейся площади путем подсыпок песка и щебня, а также выкладка подобия «тротуара» близ паперти. Вероятно, все эти работы были напрямую связаны с предпринятым тогда капитальным ремонтом церкви св. Климента.

Особого внимания заслуживают указания В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова на то, что гумусированный горизонт, подстилавший «мостовую» у западного фасада храма, был срезан и спланирован, скорее всего, не единожды. Этот сюжет рассматривается нами в связи с проблемами «сухого гумуса» и его верхней составляющей — горизонтом построек позднерусского периода (Г).

Репер 3: постройки горизонта Г и перекрытые ими погребения

Как уже говорилось выше, горизонт Г, залегающий ниже каменных вымосток и песка, охарактеризован В. И. Равдоникасом так: «гумусный культурный слой аморфной структуры, с плохо сохранившимися остатками сооружений, перекрывающих

костяки ранних погребений XI–XII вв., с массовыми находками XIII–XV вв.» (Равдоникас 1949а: 12). Заметим, однако: «аморфным» его можно признать только по сравнению с нижележащим «мокрым» слоем.

Разумеется, информативность «сухих» отложений всегда оказывается намного ниже, чем отложений, сохранивших органику. Но, так или иначе, горизонт Г содержит in situ вполне отчетливые структуры — спрессованные полуистлевшие остатки бревенчатых построек и настилов, с развалами печей и глинобитных полов. Эти комплексы, в ряде случаев, непосредственно перекрывали погребения сверху. Данный стратиграфический узел служит важнейшей отправной точкой для понимания относительной хронологии грунтового могильника.

Постройки зафиксированы в верхнем горизонте «сухого гумуса»; погребения локализуются на разных уровнях в средней и нижней частях его толщи. И сам слой, и комплексы в нем очень «спрессованы». Наиболее глубокие могилы врезаются в кровлю нижележащего горизонта Д, однако несильно. При этом часть костяков расположена лишь немногим ниже построек. Если бы факт перекрывания погребений указанными сооружениями не был установлен достоверно, было бы очень сложно понять их соотношение между собой (рис. 3.7, 3.8).

Залегание погребений непосредственно под полами построек — точнее, под остатками настилов и бревнами срубов, на ничтожном расстоянии от них в глубину — позволяет утверждать с практически стопроцентной вероятностью: *погребения были впущены в слой раньше, чем здесь появились эти строения,* отнесенные В. И. Равдоникасом в публикации к XIII–XV вв. (в дневниках повсеместно фигурирует дата XIII–XIV вв., под вопросом). Могильные ямы, несомненно, выкапывались *с более высокого уровня дневной поверхности*, который оказался понижен в ходе каких-то планировочных работ.

Поскольку в сухом слое дерево сохранилось плохо, установить точные размеры и планировку построек горизонта Г затруднительно. Местами следы бревен образуют отчетливые прямые углы; прослеживается также залегание бревен одно над другим (см. рис. 3.6). В ряде случаев неясно, имеем мы дело с нижней частью постройки in situ или со спланированными остатками разрушенного строения? Но даже если предположить, что погребения не всегда перекрывались постройками, а иногда раскатившимися бревнами, это ничего не меняет. Дневная поверхность и строений, и их развалов настолько сближена с уровнем залегания самих костяков, что предположить их синхронность во времени просто невозможно. Это особенно наглядно прослеживается для раскопа 1938 г. и южной части раскопа 1939 г.

Наличие в сухом гумусе этого пласта погребений заставляет отметить неточность в утверждении В. И. Равдоникаса, что «мостовая» якобы нигде не перекрывает захоронения. Это не так! Вымостка из плит и камней именно *перекрывает* нижний ярус могильника, но автор был прав в другом: ни одно погребение *верхнего яруса* не перекрывается вымосткой. А вот погребения нижнего яруса однозначно не могли быть впущены в слой ни с уровня XVII–XVIII вв. (их разделяет вымостка), ни с уровня позднерусских построек, условно отнесенных к XIII–XV вв. (их дневная поверхность слишком приближена к уровню залегания самих захоронений). Так с какого же уровня вырыты могильные ямы?

Датируя раннюю фазу могильника XI–XII вв., В. И. Равдоникас стремился заполнить хронологический разрыв между горизонтами Г и Д. Но при этом он реально

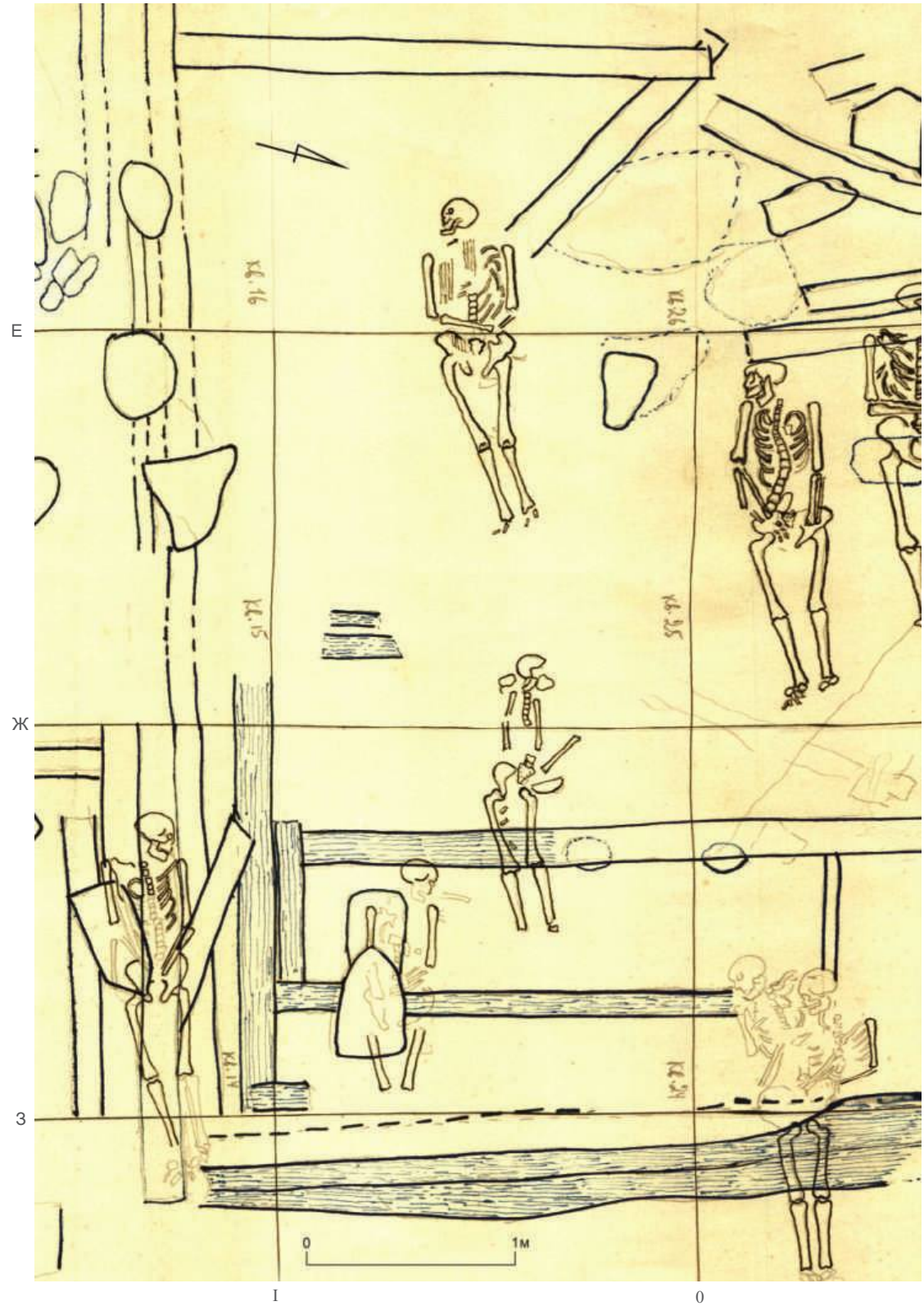
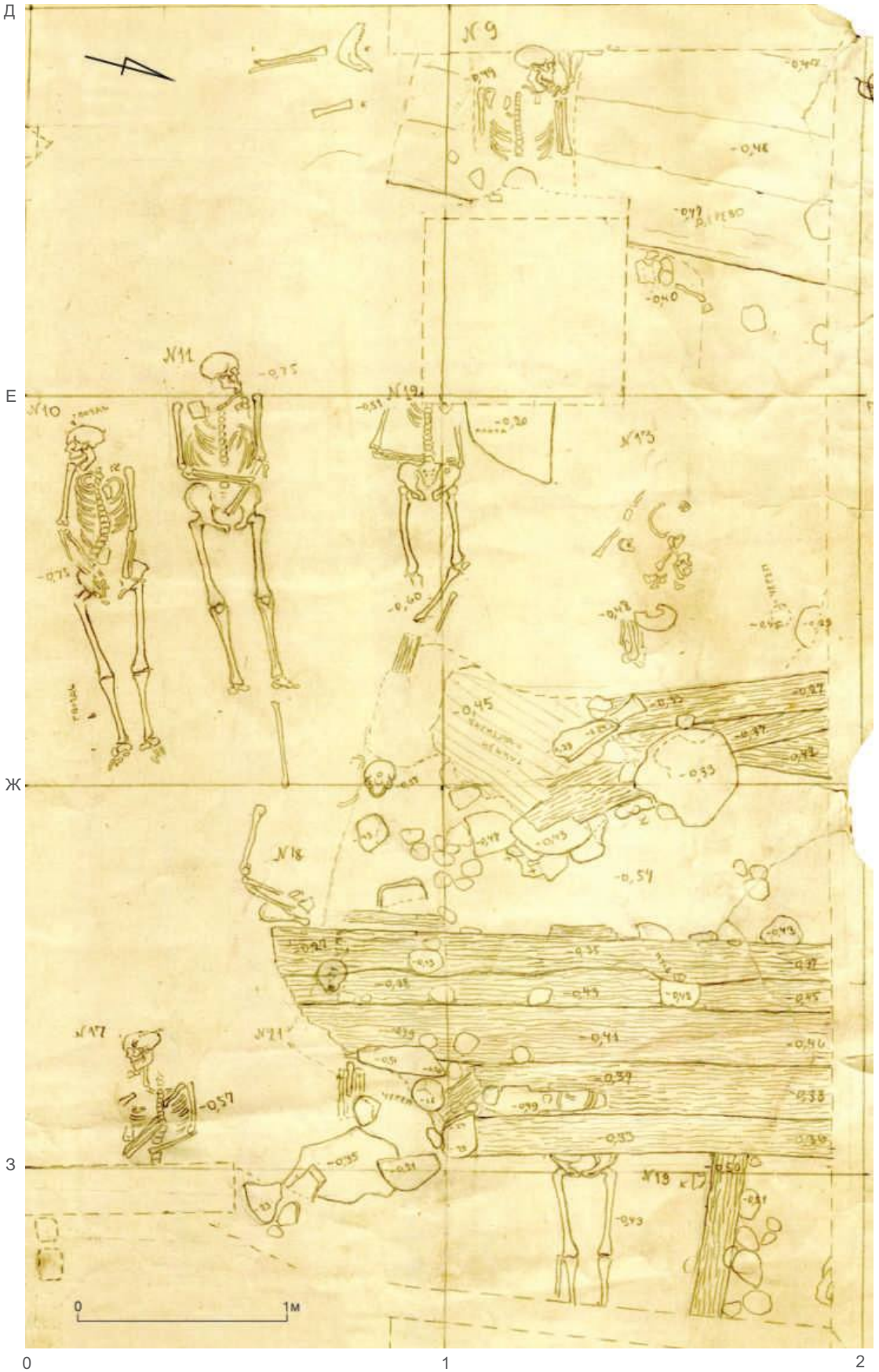


Рис. 3.7. Остатки построек горизонта Г, перекрывающие погребения нижнего яруса в раскопе 1938 г. Сетка квадратов 1939 г. Фрагмент полевого чертежа, незаконченная прорисовка (НА ИИМК РАН. Р-1. № 1360. Л. 4)

Рис. 3.8. То же. Фрагмент полевого чертежа (НА ИИМК РАН. Р-1. № 1360. Л. 12)


Д
Е
Ж
З
№9
№11
№10
№19
№13
№18
№17
№21
№19
0
1м
0
1
2

«упустил из виду» горизонт, в котором были выкопаны ямы (точнее, нижнюю его часть, где сохранились костяки). Верх этого слоя оказался «срезан» (вместе с верхней частью заполнения могильных ям) и перекрыт жилым горизонтом Г. «Горизонт могильника» промежуточный между Г и Д, так и не получил на его шкале никакого отдельного наименования. Мощность его варьирует от 20 до 50 см. По нашим представлениям, он соответствует нижней части толщи «сухого гумуса». В полевых дневниках 1938–1939 гг. это уровень «ниже пола постройки XIII–XIV вв.» и до «I яруса» или «слоя с деревом» (т. е. кровли горизонта Д).

Пометки на чертежах 1938 г., сделанные уже после того, как В. И. Равдоникас попытался ввести литерные обозначения горизонтов, т. е. после сезона 1940 г. (в дневнике 1940 г. их еще нет), показывают: наши предшественники прекрасно отдавали себе отчет в том, что постройки и могильник — суть *разные* стратиграфические подразделения. В ходе перебелки планов, фиксирующих плохо сохранившиеся остатки сооружений и перекрытые ими костяки, на некоторых листах появились надписи чернилами: «Сооружения — горизонт В, погребения — горизонт Г». Эти пометки отражают промежуточный этап работы, когда литерные обозначения горизонтов еще не были определены окончательно, и автор рассматривал разные варианты их разбивки. В финальном варианте «горизонтом Г» стали как раз «сооружения», а «горизонтом В» — перекрывающие их каменная вымостка и подсыпки. Нижний горизонт толщи сухого гумуса, вмещающий погребения, оказался просто пропущен.

Фотокопии сводных «аналитических» планов построек в верхах «мокрого» слоя (составленных, скорее всего, перед самой войной) и полевые фотографии деревянных конструкций, попавшие в тот же альбом, аннотированы в описи фотоархива ИИМК РАН как *планы и фотоснимки построек горизонтов Г и Д.* Однако внимательное ознакомление с этими материалами не оставляет сомнений: под «горизонтом Г» здесь подразумевались раскрытые, на тот момент (хотя еще не до конца расчищенные), остатки $Д_{ВЕРХ}$, а под «горизонтом Д» — остатки $Д_{НИЖН}$ и $Е_1$. Это напрямую следует из самих аннотаций, таких, как: «Раскопки 1938 и 1939 гг. Общий план раскопа и открытых остатков *построек IX–X вв. на гор. Г*» (НА ИИМК РАН. ФО. О. 601.85) или «Часть сводного плана *построек IX–X вв. гор. Г* по раскопкам 1938–1940 гг.» (НА ИИМК РАН. ФО. О. 601.83) и т. д. Таким образом, архивные аннотации отразили еще один промежуточный вариант стратиграфической схемы отложений Земляного городища, вырабатывавшейся по материалам трех полевых сезонов (как можно предположить — вариант первой половины 1941 г., отразившийся и в подписях к некоторым беловым разрезам).

В окончательном тексте статьи, опубликованной в первом послевоенном выпуске КСИИМК, В. И. Равдоникас однозначно отнес все обнаруженные в «мокром» слое деревянные сооружения к единому горизонту Д, оговорив лишь: «Под самым верхним, почти сплошным рядом построек данного горизонта залегал второй ряд, который мы только слегка раскрыли…» (Равдоникас 1945: 35). Тогда же он отказался от попытки дать наименование горизонту, вмещающему могильник, и четко отделить его от горизонта позднерусских построек (Г) (хотя это последнее следовало напрямую из его же собственного описания).

В тексте, правда, прозвучало понятие «горизонт могильника», но стоявший за ним сложный хроностратиграфический узел так и остался непроанализированным.

В указанном понятии были смешаны воедино период функционирования кладбища и предшествующий ему период накопления отложений, в которых выкапывались ямы. Разумеется, в исторической действительности эти хронологические отрезки отнюдь не совпадали между собой.

Конечно, следует учитывать, в какой обстановке подготавливалась статья. Институт в Ленинграде был еще не вполне «расконсервирован»; архивы не работали. Часть полевой документации находилась неизвестно где. Коллекцию предстояло инвентаризировать заново. В этих условиях в публикацию пошло лишь то, что автор считал бесспорным, а все предположения, требовавшие проверки, были оставлены на потом. Но если шкала нижних отложений памятника с тех пор, действительно, уточнялась неоднократно, то по отношению к верхним горизонтам упомянутое «потом» затянулось до наших дней.

Стратиграфические обоснования для расчленения толщи «аморфного темного гумуса»

Следует рассмотреть стратиграфические обоснования, позволившие В. И. Равдоникасу и Г. П. Гроздилову однозначно и единодушно «развести» между собой две фазы функционирования могильника. В первый раз исследователи столкнулись с проблемой его хронологической неоднородности в 1938 г., в ходе раскопок сооружений, выявленных в слое «аморфного темного гумуса» (Г). Поскольку основными источниками служат нам сейчас полевые дневники и чертежи, позволим себе привести несколько обширных цитат из дневников 1938–1939 гг.

«*8 августа [1938 г.]*. […] На кв. 18 и 19 <…> вся работа была сосредоточена на площади открытого сооружения XIII-XIV вв. <…> Заняты углублением ниже горизонта глиняного пола см на 15–20, оставляя все открытые ранее бревна нетронутыми. В толще вырываемого слоя встречаются обломки керамики, кости животных, реже рыбы и птицы. Керамика поздняя (лепной нет). <…> На кв. 43–44 (к концу дня) *обнаружены длинные кости человеческого скелета; они уходили в восточную стенку раскопа, таз же и верхняя его половина находились под бревнами постройки.* Чем объяснить такое положение скелета, пока остается невыясненным. <…> (курсив наш. — *Авт.*)» (Гроздилов 1938-А: лл. 47-47об., 48).

«*12 августа [1938 г.]*. <…> Окончательно расчищены все погребения, находившиеся под постройкой 13–14 вв. Все они располагаются несколько ниже горизонта постройки, в деревянных гробовищах, которые были прослежены у каждого открытого погребения. Гробовища сколочены железными коваными гвоздями. Ориентировка — головой на З с небольшим отклонением к ЮЗ. *Скелеты, открытые ниже уровня постройки 13–14 вв., не прорезали ее*, что… могло произойти вследствие изменения верхнего рельефа местности. *Вероятно, первоначальный слой над захоронениями имел большую мощность, и лишь какими-то позднейшими планирующими земляными работами площадь перед собором была изменена, и на ней была возведена постройка* 13–14 вв., находившая свое основание почти непосредственно над скелетами древнего кладбища (курсив наш. — *Авт.*)» (Там же: л. 57).

Аналогичная ситуация описана В. И. Равдоникасом для раскопа 1939 г., прирезанного к предыдущему с севера.

«*1 августа*. <…> Продолжается расчистка комплексов деревянных построек — поздних — лежащих выше нижнего ряда костяков <…>.

3 августа. <…> Раскрывается следующая картина. В этих горизонтах ниже мостовой XV–XVI вв. гумусированный слой с находками костей, керамики и пр.<…>

В средней части раскопа в квадратах $Г_3Г_5$ — $Е_3Е_5$ на глубине –0,30 от R — остатки жилого сооружения, чрезвычайно плохо сохранившегося. <…> Дом с глинобитной печью, от которого сохранились некоторые бревна сруба и часть квадратной формы срубика от печи. Этот срубик окружал расплывчатый слой глины с прослойками и вкраплениями углей. В глине местами плиты и валуны. <…> Комплекс перекрывает[9] костяки нижнего ряда. <…>

В юго-восточной части раскопа сохранились (плохо) остатки деревянного сооружения. В квадратах между линиями $Е_1Е_3$–$К_1К_3$ наблюдаются истлевшие, расщепляющиеся на волокна остатки бревен. <…> В кв. $Е_2$ и $Ж_2$ идет род настила пола (смыкается с остатками бревен этого горизонта прошлогоднего раскопа) в виде параллельно лежащих бревен в направлении с Ю на С, с отклонением к В. Местами прослеживаются поперечные балки. В западной части этого комплекса бревна (доски?) лежат в беспорядке (развал потолка?). В кв. $Ж_3$ (западная половина) и $З_3$ — скопление обожженных камней, угля и золы (развал очага или печи?). В кв. $З_2$ под постройкой слой отбросов (чешуя, навоз, кости). Комплекс перекрывает[10] костяки нижнего ряда (например, в кв. $Е_2Ж_2З_2$). Под ним довольно близко идет ярус построек X в. Керамика орнаментирована параллельными линиями.

Описанные комплексы <…> представляют остатки одновременно существовавших на площади перед Климентом построек, стоявших до времени существования мостовой и после кладбища, которое было ими перерыто…» (Равдоникас 1939-В: лл. 47–50).

В числе находок с уровня построек горизонта Г в дневнике В. И. Равдоникаса 1939 г. упомянуты: гончарная керамика (в том числе «со своеобразной волнистой орнаментацией»); множество неопределенных железных предметов, отпилков и заготовок рога лося и пр.; наконечники стрел; железные ножи; шиферные пряслица; фрагменты костяных гребней (типы в дневнике не указаны); свинцовая печать[11]; бронзовая копоушка со звериной головкой[12]; медный крест-складень[13], круглая медная бляшка с розеткой, хрустальные бусы, десятки стеклянных бус (без детализации) и т. д. (Там же: лл. 38, 46, 50–51; и др.). В дневнике все эти вещи имеют привязки к квадратам и нивелировочные отметки — либо индивидуальные, либо высотные отметки пласта, в котором они обнаружены.

В 1940 г. поздний (древнерусский) материал документировался заметно хуже, чем в предыдущих сезонах. В дневнике зачастую отсутствуют нивелировочные отметки уровня, на котором обнаружены находки. Сами находки нередко брались скопом с нескольких квадратов и записывались в опись под одним номером.

[9] В копии дневника, сделанной Г. Ф. Корзухиной, стоит: «перекрывают». Но такое прочтение противоречит всему смыслу как предыдущего, так и дальнейшего текста, где недвусмысленно говорится о том, что постройки — позднее кладбища.

[10] В копии дневника, сделанной Г. Ф. Корзухиной, стоит: «перекрывают». См. предыдущую сноску.

[11] Найдена в кв. $З_6$, глубина –0,14 от R. Вторая свинцовая печать с надписью ДЬНѢ СЛОВО, также из раскопок 1939 г., происходит из кв. $Ж_4$ (0,93 м от поверхности; перекоп?) (Равдоникас 1939-В: 29).

[12] Найдена в кв. $З_6$, глубина –0,09 от R.

[13] О месте находки этой вещи — см. с. 35.

Правда, судя по отсылкам в дневниках, в том сезоне снималось много детальных планов. Однако в архиве ИИМК РАН обнаружен далеко не полный их комплект. Из предметов, которые могли бы помочь в дальнейшем уточнить характеристики слоя гумуса «под вымосткой и песком», следует упомянуть монеты (определения в дневнике не приведены), прорезную бронзовую подвеску-уточку (кв. $В_8$); десятки стеклянных бус и т. д. (Равдоникас 1940-В: лл. 14, 16).

Завершая характеристику комплексов горизонта Г, необходимо развеять одно недоразумение. Из полевого дневника В. И. Равдоникаса в публикацию попало описание неких структур в юго-западной части раскопа 1939 г., трактовавшихся автором как «фундаменты» из камней и плит. Звучит это так:

«…в квадратах между линиями $А_1Д_1$–$А_6Д_6$ на глубине –0,20 –0,40 от R лежат известняковые плиты некрупных размеров и некрупные <…> валуны. Плиты местами сохранили характер кладки. У пикета $В_1$ лежат 3 ряда плит на месте и сверху них сдвинутый ряд, вдоль линии $Б_4В_4$ — до 4–х рядов, вдоль линии $Б_5В_5$ — до трех, у пикета $Г_6$ — два ряда. Раствором кладка не скреплена, и ряды плит производят впечатление подкладок, т.е. легкого фундамента под несложное деревянное сооружение. <…> Плиты и валуны перекрывают (напр., между пикетами $Б_1$ и $В_1$) костяки нижнего ряда и сами, как было сказано [перекрываются] песком от мостовой…» (Равдоникас 1945: 33).

Описанный комплекс, локализуемый в районе пикетов $А_{4–5}$ — $В_{4–5}$, отражен на плане раскопа 1939 г. (рис. 3.6), а нижняя часть его, с расчищенными погребениями — на чертеже погребений XXVIII и XXIX (рис. 3.9). В последнем случае невозможно сомневаться, что эти каменные конструкции представляли собой не фундаменты, а две «утопленные в землю» жальничные оградки из плитняка, выложенные в 2–4 ряда. Сам В. И. Равдоникас, хотя и предполагал такую возможность, однако, по собственным словам, «…пришел к отрицательному выводу. Кладка выше костяков и не совсем соответствует их положению…» (Равдоникас 1939-В: 60). Однако с той поры количество раскопанных на Северо-Западе жальников увеличилось на несколько порядков. И теперь мы знаем: оградка далеко не всегда точно соответствует очертаниям самой могилы.

Вопрос о наличии среди погребений некоего «промежуточного пласта», синхронного горизонту Г, пока остается открытым. Полностью исключать этого нельзя. Как свидетельствует сопроводительная записка А. Н. Юзефовича к антропологической коллекции 1940 г., в том сезоне В. И. Равдоникас выделил группу погребений, которую считал более поздней, чем XI–XII вв.: «…Костяки, зашифрованные №№ 10, 39, 40 и $Е_{10}$ — не могли быть точно датированы. Кроме того, в последний момент у руководителя экспедиции вызвали сомнение датировки костяков, зашифрованных №№ 22, 24, 25, 26, 27, 30, 32. Эти 11 костяков, возможно, должны быть датировано XIV–XV вв.» (Юзефович 1940-А: л. 3). К сожалению, в дневнике самого В. И. Равдоникаса 1940 г. указанные подробности опущены. В какой мере его предположения обоснованны, сказать трудно. Подборка полевых чертежей 1940 г., которыми мы располагаем, явно неполна. Возможно, дальнейшие поиски в архивах и работа с вещевой коллекцией позволят уточнить этот вопрос. Захоронения у церковных стен вполне могли производиться на протяжении всего периода существования храма. Вопрос лишь: на каких участках?

Материалы, собранные Т. Д. Пановой в ходе исследовании погребального обряда средневековой Руси, свидетельствуют: «Городские грунтовые кладбища <…>

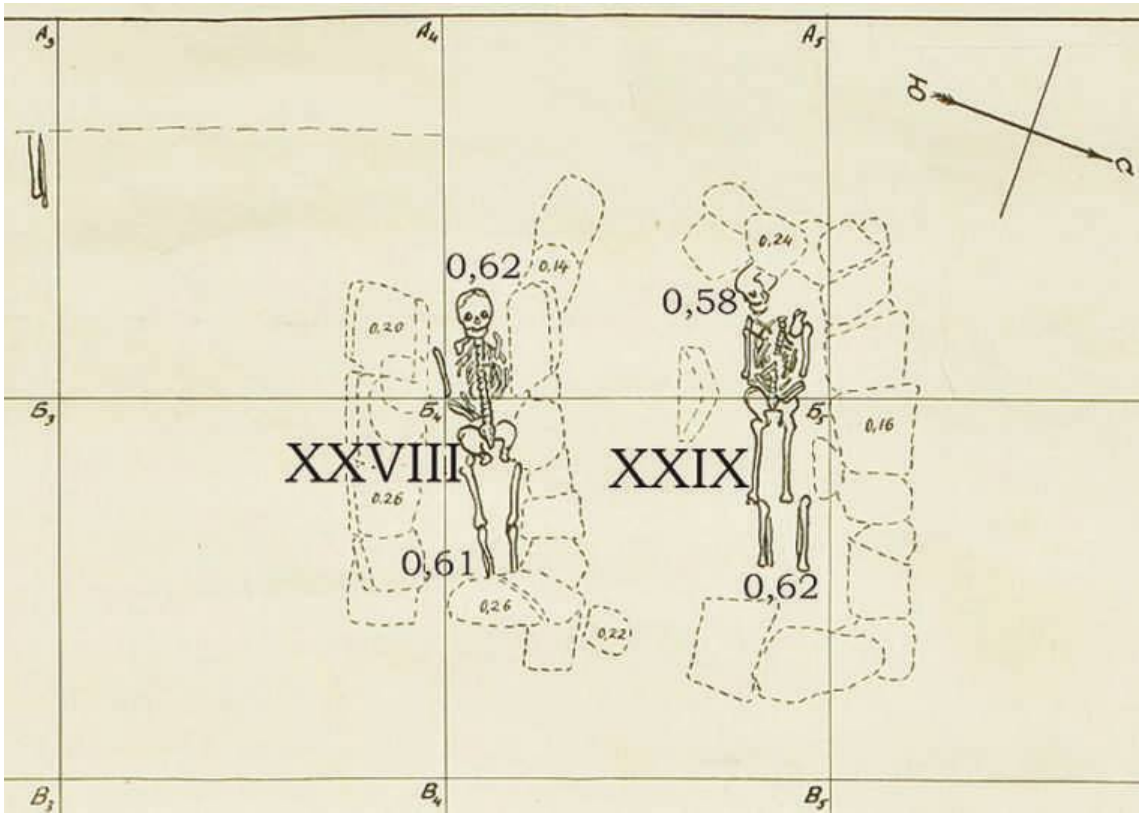


Рис. 3.9. Погребения № XXVIII и XXIX в оградках. Раскопки 1939 г. Беловой чертеж 1939 г., деталь (НА ИИМК РАН. Р-1. № 1362. Л. 1)

располагались вокруг храмов, на освященной церковью земле. Для захоронения чаще использовалась территория вдоль южной и северной стен церквей. Как показали археологические наблюдения, в период XI–XVI вв. погребения у западной стены совершались значительно реже, а возле апсид храмов их известно крайне мало…» (Панова 2004). Напомним, что раскоп В. И. Равдоникаса 1940 г. был разбит именно у западной стены собора.

Подведем промежуточный итог:

— планировку пространства перед церковью, сопровождавшуюся «мощением» из песка, щебня и плит (XV в.), нельзя отождествлять с той планировкой, которая привела к понижению дневной поверхности на территории могильника и появлению там построек горизонта Г. Последняя имела место значительно раньше, ибо культурный слой Г отложился в период *до* сооружения «тротуара», выложенного явно после капитального ремонта храма. Остатки этого «тротуара» перекрывают его сверху. Таким образом, можно с уверенностью говорить о *двух* этапах планировки территории перед храмом. Один из них имел место *до* начала функционирования построек горизонта Г, другой — *после* их разрушения.

— горизонт построек Г (т. е. верхняя часть «сухого гумуса») представляет собой средневековый культурный слой in situ, отложившийся в ходе функционирования небольших отдельно стоящих построек. Эти постройки названы в дневниках «поздними» и условно датированы XIII–XIV вв. Но в действительности их датировку еще предстоит уточнить в ходе работы с коллекцией.

— залегают комплексы Г на более древнем культурном слое. Между ними и нижележащим горизонтом — хронологический разрыв. Маркером границы служит верхний уровень погребений, часть которых залегала буквально под самыми бревнами и настилами горизонта Г. Несомненно, верхняя часть заполнения могильных ям (и, соответственно, слоя, в котором они были вырыты) оказалась «срезана» в ходе планировки поверхности, на которой затем отложился указанный горизонт. При этом часть захоронений была разрушена перекопами еще в древности (в том числе в период функционирования построек горизонта Г). Поэтому в сухом гумусе, наряду с целыми костяками, встречено немало разрозненных костей.

Горизонт «ниже построек XIII–XIV вв.» и погребения ранней фазы

Здесь мы неизбежно вступаем в область реконструкций, потому что стратиграфия перекопанного могилами культурного горизонта, залегающего между Г и Д, представляет собой даже не слоеный пирог, а слоеную мозаику — конгломерат из островков отложений in situ и заполнений могильных ям. Границы могил в слое интенсивно окрашенного гумуса в ходе раскопок 1938–1940 гг. не улавливались; захоронения обнаруживались только по факту нахождения скелетов. Следовательно, находки из непотревоженного слоя и нижней части заполнений ям оказались заведомо смешаны. Видимо, это и послужило причиной того, что В. И. Равдоникас не стал разбираться с данным уровнем детально. Ему представлялось логичным отнести «нижние» погребения к XI–XII вв., но обосновать свою точку зрения он так и не удосужился.

Между тем попытки разделить находки из сухого гумуса по отдельным уровням реально имели место. Материалы сезона 1938 г. были разнесены Г. П. Гроздиловым в полевой описи по условным горизонтам (в том числе «уровень построек XIII–XIV вв.», «уровень ниже построек» и т. д.). Сам В. И. Равдоникас в 1939 г. тоже достаточно определенно выделял в дневнике находки из слоя «*ниже* построек XIII–XIV вв.» и «*над* постройками I яруса (т. е. слой деструктированного дерева и щепы выше построек горизонта Д. — *Авт.*)». С этими списками вполне можно работать с целью, во-первых, дать характеристику самому горизонту Г, во-вторых, по меньшей мере, определить хронологический диапазон, к которому принадлежит *вся совокупность* артефактов из слоя между горизонтами Г и Д. Это последнее, безусловно, потребует большой источниковедческой работы в фондах Эрмитажа. Однако результат может оказаться интересным.

Проблема «безынвентарности» погребений

Сложившееся в литературе устойчивое представление о полной безынвентарности могильника на Земляном городище является не вполне правомерным. Присутствие в заполнении ям огромного количества разнообразных бытовых предметов и бус не позволило исследователям с уверенностью отнести к инвентарю погребений даже те артефакты, которые находились непосредственно на скелете или рядом с ним. Недостатки полевой методики помешали им серьезно разобраться в этом вопросе в поле. Показательной является запись в дневнике А. Н. Юзефовича от 27 июля 1939 г.:

«…Вчера начали расчистку квадратов в южной половине раскопа, а сегодня уже обнаружены деревянные конструкции IX–X вв., существовавшие здесь до строительства храма. *В слое, лежащем непосредственно над строениями, обнаружено*

огромное количество рыбьей чешуи, животных костей и много щепы. В этом же слое лежат костяки. Сейчас открыто около 12 погребений. Из них 6–7 расчищено в большей или меньшей степени. Сегодня у меня весь день ушел на расчистку одного такого костяка в первой линии квадратов. *Впечатление, что могильная яма вырыта в старой мусорной куче или в помойной яме (если бы такие существовали в IX–X веках)*… (курсив наш. — *Авт.*)» (Юзефович 1939-А: л. 13–14).

Конечно, сомнение в существовании в эпоху викингов мусорных куч и помоек может вызвать улыбку. Но суть высказывания вполне понятна. В дневниках Г. П. Гроздилова и В. И. Равдоникаса имеется немало подтверждений тому, что рядом с погребениями обнаруживались не только рыбья чешуя и кости, но довольно много артефактов. Их принадлежность костяку являлась спорной, ибо ямы засыпались культурным слоем. Поэтому находки никогда не учитывались как погребальные древности. В ряде случаев это, возможно, было ошибкой. Приведем для примера несколько цитат из дневников (их подборка отнюдь не является исчерпывающей!).

Г. П. Гроздилов зафиксировал в дневнике 1938 г.:

«Кв. 27 гл. 0,57 *При разборке погребения* найдена пронизка полосатая и буса (пак. 185)… (курсив наш. — *Авт.*)» (Гроздилов 1938-А: л. 48об.)

«Кв. 44 и часть 43, гл. 0,48 от R — <…> заняты расчисткой дерева, залегавшего в темном гумусе. Найдены 98 обломков костей животных и *расчищен человеческий скелет под настилом*. 10 птичьих костей, 5 рыбьих, 3 гвоздя, 3 неопр. железных обломка, 2 железных комка, 3 шиферных прясла, 1 заготовка для прясла, обломок синей стеклянной бусы, отщеп кремня, 43 обломка керамики позднего (великокняжеского) времени, обломок оселка (пак. 186)… (курсив наш. — *Авт.*)» (Там же: л. 49).

«Кв.29 и 30, гл. 0,71–0,81. <…> *заняты расчисткой скелета и встречающегося дерева*. Найдены: 4 железных гвоздя, 10 неопределенных железных обломков, 21 фрагментов керамики, 1 кусок стеклянного шлака, 33 обломка костей животных, 12 разных бус, «шашка» бронзовая с гранями и орнаментом, кусок янтаря (среди бус найдены — 1 длинная пронизка из 6 слитных бус, мелкий цветной бисер, двойчатка синяя и средней величины цветные бусы) (пак. 187)… (курсив наш. — *Авт.*)» (Там же).

«Кв. 1, от 0,60 до 0, 75. *Поздеев заканчивал расчистку скелетов, снимая кости для упаковки и разбирая слой до появления дерева*, нашел 43 обломка керамики, 75 обломков костей, 3 неопределенных железных обломка, 13 бус (сердоликовая, двойчатка среднего размера, цветная уплощенная буса)… (курсив наш. — *Авт.*)» (Там же: л. 58об.).

«Кв. 37, гл. 0,44 из стенки раскопа *на уровне находившегося здесь погребения* — бронзовый наконечник ремня… (курсив наш. — *Авт.*)» (Там же: л. 63об.)

Кв. 30, гл. 0,76. *Производилась расчистка скелета (погреб. 29).* Обнаружено 13 обломков керамики, 25 обломков костей, 1 железный гвоздь, 2 бусы… (курсив наш. — *Авт.*)» (Там же: л. 66).

В дневнике В. И. Равдоникаса 1939 г. имеются указания:

«…бронзовая пряжка из кв. $И_4$ на глубине –50 *у погребения*… (курсив наш. — *Авт.*)» (Равдоникас 1939-В: л. 52).

«…кусочки листового золота у шеи на погр. № 9 (п. о. 359)» (Там же: л. 54).

Из всех перечисленных находок только железные гвозди и остатки золотой отделки воротника из погребения № IX (1939 г.) однозначно были соотнесены

авторами раскопок с могильником. Хотя в состав инвентаря вполне могли входить и другие предметы. Конечно, преимущественно мужской состав погребенных на могильнике делает не очень вероятной принадлежность им пряслиц и многочисленных бус (хотя использование крупных бусин в качестве пуговиц, в принципе, не исключено). Упомянутые выше пряжка, наконечник ремня, «шашка» с гранями и орнаментом (весовая гирька?), керамика и т. д. остаются под вопросом.

В главе 1 уже отмечалось, что фиксация мест находок на планах в Староладожской экспедиции 1938–1940 гг. не производилась. Ограничивались привязкой вещей к слою и квадрату (иногда даже к нескольким квадратам). Применительно к исследованию погребений это являлось особенно досадным упущением, ибо оно лишает нас информации о том, как располагались находки в нижней части могильного заполнения и могли ли они иметь прямое отношение к погребенному? Для сравнения отметим: среди рядовых ингумаций X в. на могильнике у Десятинной церкви в Киеве выделяется целая серия захоронений, единственным инвентарем которых были несколько бусин (возможно, использованных как пуговицы) (Ивакин 2011: 278–280). При той методике разборки погребений, которая применялась в Староладожской экспедиции, эти комплексы наверняка попали бы в «безынвентарные».

Ясно одно: если в староладожских погребениях нижнего яруса и присутствовал инвентарь, его, в любом случае, было немного. Вещи находились в десакрализованном контексте, являясь чаще всего, просто деталями костюма.

Проблема хронологии «сухого гумуса» и могильника

Любые суждения о составе и хронологии находок из нижней части «сухого гумуса» будут сугубо предварительными, вплоть до детального ознакомления с коллекцией. И все же следует заметить: среди перечисленных в описях и дневниках 1938–1940 гг. артефактов, связанных с горизонтом «ниже построек» и погребениями, трудно выделить комплекс вещей достоверно поздних. При всей лапидарности упоминаний находок керамики в полевых дневниках Г. П. Гроздилова и В. И. Равдоникаса факты нахождения в ранних слоях позднесредневековых или современных материалов обычно оговаривались. Однако во всех случаях, когда описания гончарной керамики, встреченной на уровне погребений, хоть как-то детализировались, она оказывалась не позднесредневековой, а древнерусской («великокняжеской»). Примесь в том же слое лепной керамики закономерно объясняется тем, что могильные ямы часто копались до уровня щепы и деструктированного дерева, перекрывавших постройки горизонта Д, а временами затрагивали и сам этот горизонт, где находки лепной керамики носили массовый характер.

Большая часть вещевых находок, обнаруженных в нижней части сухого гумуса и упомянутых в дневниках, имеет длинные диапазоны бытования. Однако сопоставление этих диапазонов между собой, да и самый состав вещей позволяют уже сейчас сделать некоторые выводы. К примеру, очень редкой находкой являются обломки стеклянных браслетов, массовое бытование которых в городской культуре начинается с XII в. (хотя немногочисленные византийские экземпляры могли датироваться и X в.). На всем участке предвоенных раскопок Земляного городища находки стеклянных браслетов единичны. Кроме одного, найденного в перекопе,

под дерном, все остальные известные нам фрагменты приурочены к горизонту Г или сухому гумусу ниже построек. В частности, обломок гладкого стеклянного браслета зафиксирован ниже глинобитного пола постройки в кв. 37 (1938 г.), в комплексе с древнерусской гончарной керамикой (Гроздилов 1938-А: л. 44об.).

Возможно, в период, когда накопление слоя на данном участке шло достаточно интенсивно (до начала функционирования кладбища), стеклянные браслеты еще не получили распространения. Поэтому они отсутствуют в заполнении могильных ям, вырытых в более раннем жилом слое. Сравнительная редкость этих украшений на уровне построек горизонта Г можно объяснить особенностями данного участка. Все постройки позднерусского периода, расположенные перед фасадом собора, скорее всего, функционально были связаны с церковным комплексом.

К верхней части горизонта Г приурочена находка западноевропейской монеты с ушком для подвешивания (Там же: л. 33). Эта находка весьма характерна для древнерусских погребений XI — начала XII в. В верхнюю часть сухого гумуса она могла попасть из перекопа, хотя, в принципе, не исключено и переживание данного украшения в быту в более поздний период. Других западноевропейских монет в 1938 г. найдено не было, поэтому велика вероятность, что именно к ней относится определение, занесенное Г. П. Гроздиловым в полевой дневник. После списка арабских монет клада, найденного в этом сезоне, на той же страничке снизу стоит приписка: «Этельрёд, 978–1016» (Там же: л. 75).

Среди находок, обнаруженных «ниже пола построек» и в погребениях, присутствуют как предметы, верхней границей бытования которых является третья четверть — конец XI в. (полосатая пронизка из погребения в кв. 27; бусина-«двойчатка синяя» из кв. 29–30) (см. с. 92), так и те, что входят в древнерусскую культуру не ранее конца X в. или даже XI в. Таковы хрустальная крупная бипирамидальная граненая бусина (Там же: л. 58), фрагмент костяного двустороннего гребня (Там же: л. 44об.), шиферные пряслица и т. д.

Несомненно, датирующих вещей в указанном горизонте содержится гораздо больше, однако приведенные в дневниках описания, к примеру, каменных бус, слишком поверхностны, чтобы можно было точно определить типы артефактов. В любом случае, приведенные соображения являются лишь самой первой прикидкой. Важно подчеркнуть одно: те данные о составе вещевого комплекса нижней части сухого гумуса, которыми мы располагаем сейчас, отнюдь не противоречат его датировке в диапазоне от последней четверти X в. до первой половины XII в. включительно. Безусловно, отложения на этом уровне были многократно нарушены могильными ямами и планировками поверхности. Однако указанные действия имели место в древности, а не в Новое время. Они не препятствуют датировке *всей совокупности* артефактов из слоя между горизонтами Г и Д финалом раннего средневековья.

Разумеется, хоронить на этом участке начали не раньше, чем над уровнем построек горизонта Д, оставшегося практически непотревоженным, нарос достаточно мощный культурный слой. Глубина могильных ям для периода XI–XII в. в Древней Руси колеблется в среднем от 0,6 до 1,0 м и более (ср.: Панова 2004). Поэтому существование здесь могильника в конце X — начале XI в. маловероятно. Однако уже для середины XI в. такая вероятность велика.

Подтверждением этому служит радиоуглеродная дата (пока — единственная), полученная по образцу зубов из погребения № 10 из раскопок 1938 г.[14] (рис. 3.8, кв. E_0, обозначение по ЮЗ углу квадрата). Дата получена в Сведберг-лаборатории — ныне Объединенной лаборатории (Tandemlaboratoriet) университета Уппсалы (Швеция). Образец был доставлен туда в 1993 г. Первоначальный анализ, произведенный по методу акселерации, показал значение 1080±60 г. н. э. После двойной калибровки диапазон возможной даты был уточнен и расширен до 795–1060 г. н. э. (2σ). Нижнюю границу интервала в данном случае можно оставить без внимания, ввиду того, что в IX–X вв. на этом месте существовала плотная жилая застройка. Зато верхняя граница диапазона имеет большое значение и вполне согласуется с результатами нашего исследования стратиграфии данного участка.

Погребальный обряд

Сам факт появления на территории древнерусского города XI–XII вв. могильника с ингумациями в гробах (несомненно, христианскими), с западной ориентировкой погребенных и малым количеством инвентаря вряд ли должен удивлять. Судя по данным, опубликованным В. Г. Ивакиным, обычай погребения в гробах, сколоченных железными гвоздями, успел распространиться в Киевских некрополях уже в X в. В XI–XII вв. он там однозначно доминировал: «…Основная масса киевлян осуществляет погребение в деревянных гробах и могильных ямах, характерных для христианской традиции. Сопровождающие предметы в таких могилах, как правило, малочисленны и бедны. Зафиксировано много безынвентарных захоронений. Возможно, в таких погребениях находились вещи, изготовленные из органических материалов (дерева, ткани и т. п.), которые не сохранились, хотя, скорее всего, в большинстве могил инвентарь отсутствовал изначально…» (Ивакин 2011: 271).

А. Л. Монгайт, исследовавший культурный слой Старой Рязани, отмечал: «…Вблизи храмов были расположены кладбища, современные храмам, а иногда существовавшие дольше, чем самые храмы. Эта связь храма с кладбищем настолько закономерна, что по наличию погребений можно <…> определить близость церкви. Так, например, в 1946 г. <…> было открыто кладбище по фрагментам шитых золотом тканей (см. рис. 132, 2), бубенчикам, нашивным пуговицам и нашивным бляшкам, датированное XII в. При продолжении раскопок на этом участке были открыты основания Успенского собора. Выяснилось, что кладбище относится ко времени существования собора, т. к. погребения перекрывал строительный мусор времени первого разрушения храма. <…> Погребения здесь продолжались в течение нескольких веков: некоторые погребения над разрушенными стенами относятся к XV–XVI вв.» (Монгайт 1955: 30). Как можно видеть, стратиграфическая ситуация, зафиксированная А. Л. Монгайтом в Старой Рязани, очень близка описанной нами для Земляного городища Старой Ладоги. С одной важной оговоркой: в Старой Ладоге кладбище начало функционировать до появления на этом месте каменной церкви.

Как уже говорилось, погребения нижнего яруса могильника были совершены в гробах, сколоченных гвоздями. Сохранность дерева редко позволяла проследить

[14] В музейной описи погребение № 10 из коллекции 5680 (МАЭ РАН, Отдел антропологии) имеет порядковый номер 9. Поэтому в предыдущей публикации оно было ошибочно названо «погребением № 9» (Опись 5680; Платонова 1997б: 25–26).

конструкцию гроба в деталях. Немалый интерес представляет одно из погребений из раскопок 1940 г., впущенное на сравнительно большую глубину и слегка прорезавшее деревянный настил горизонта Д. В дневнике 1940 г. этот комплекс описан так:

«…пристройка (кв. $А_6Б_6Б_7В_7$) в виде настила из бревен, ориентированных С-Ю. Размеры южной стены — 3,2 м, восточной — около 3,5, северной — до 3 м (в общем — квадрат). Род сеней или дворика. Постройка в середине прорезана могилой — *сохранилось гробовище из тонких досок или липовой коры, поставленное на трех поперечных подставках (носилки).* Скелет сохранился лишь в части ниже таза, ориентирован головой на З… (курсив наш. — *Авт.*)» Равдоникас 1940-В: лл. 58–59).

В архиве ИИМК РАН сохранился чертеж данного погребения, сделанный по двум уровням. На первом (верхнем) отчетливо читаются остатки крышки гроба (рис. 3.10), а на втором (и на полевой фотографии) видны две поперечные «подставки», по-видимому, из жердей, выступавшие из-под днища (рис. 3.11, 3.12). Первая «подставка» проходила в ногах, вторая — в районе пояса. Третья подставка (как и вся западная часть могилы) сохранилась плохо, но ранее она несомненно присутствовала (см. рис. 3.10). По-видимому, здесь мы имеем дело с конструкцией для переноски, аналогичной той, что была зафиксирована М. А. Сагайдаком в христианском могильнике на Киевском Подоле (ул. Хорива) (Сагайдак 1991: 98–99, рис. 54). Только в Ладоге указанная конструкция являлась трехручной, а не двуручной, как в Киеве (рис. 3.13). Могильник на ул. Хорива (безынвентарный) датирован автором раскопок, по условиям залегания, первой половиной XI в.

«Бедность» сопровождающего инвентаря в христианских захоронениях отнюдь не всегда свидетельствовала о реальной бедности или низком социальном положении погребенных. Ярким примером тому служит находка золотой отделки воротника в уже упомянутом выше безынвентарном погребении № IX (1939 г.) на Земляном городище. В процессе формирования новой погребальной обрядности на Руси X — начала XII в. («раннехристианский период») имело место столкновение двух различных традиций, причем ни одна из них не являлась однозначно доминирующей.

Для первой (условно — «светской») традиции проводы в иной мир были неотделимы от навязчивой демонстрации социального статуса умершего и, как можно догадываться — статуса его родни. Именно ее носители являлись творцами новой обрядности XI — начала XII в., которую они буквально изобретали на ходу, используя отдельные культурные элементы и обрывки представлений языческого прошлого, чтобы сплавить их воедино в новом контексте. Отсюда в погребениях, принадлежавших людям, явно считавшим себя христианами, в XI в. появляются особые конструктивные изыски («большие ямы», имитировавшие прежние языческие «камеры»), а инвентарь включает дополнительные «дары», дорогие вещи, оружие и т. д. (Платонова 1997в; 2017). Эти варианты обряда являлись «однодневками». Просуществовали они недолго и были изжиты уже в середине XII — XIII в.

Вторая (условно — «монашеская») традиция (распространявшаяся и на часть мирян) имела в основе более сознательное и глубокое усвоение истин христианства. Последние диктовали воздержание от проявлений тщеславия и суетности в обряде проводов на тот свет. Разумеется, это не означало полной свободы от условностей и обычаев социума, ибо такая «свобода» была бы свободой от культуры. Но если в могиле человека, несомненно, мирского и, несомненно, знатного, чье

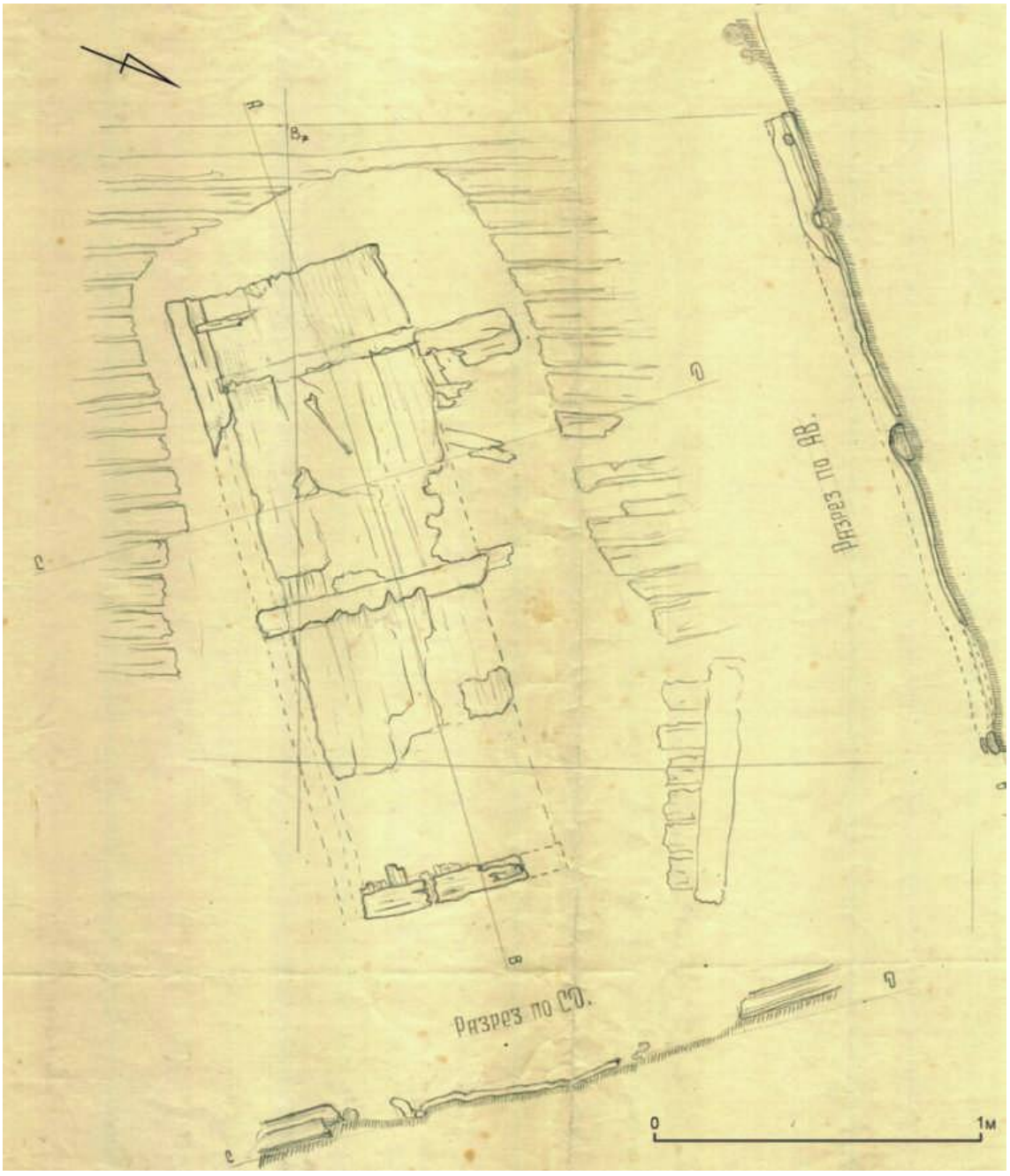


Рис. 3.10. Погребение, прорезавшее постройку горизонта Д в кв. $А_6Б_6Б_7В_7$. Верхний уровень. Полевой чертеж 1940 г. (НА ИИМК РАН. Р-1. № 1368. Л. 19)

верхнее платье было отделано золотом, в то же время отсутствовали упомянутые выше нарочитые маркеры социального положения, это означало одно: духовник сумел убедить и его, и его родню в их ненужности. На наш взгляд, подчеркнутая скромность погребений ранней фазы на площадке Земляного городища косвенно подтверждает не только наличие там деревянной церкви XI в., предшествовавшей каменному собору, но и серьезное отношение горожан к исходившей оттуда христианской проповеди.

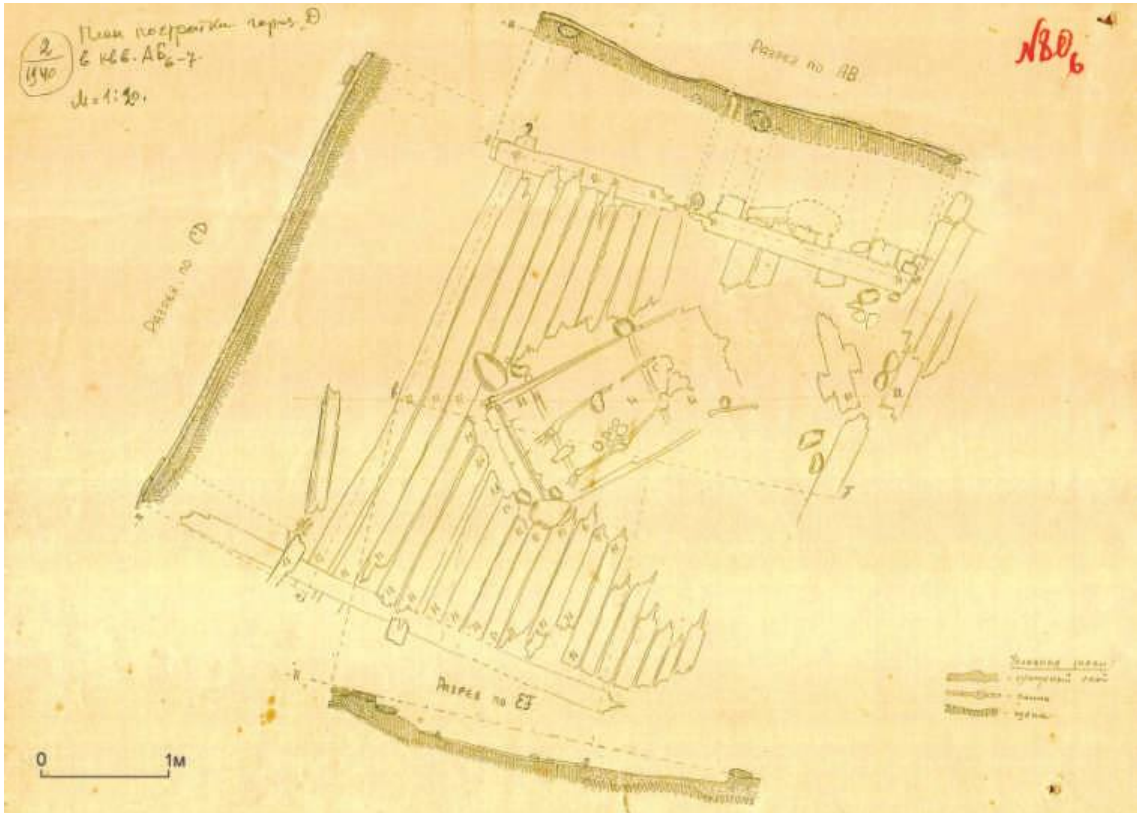


Рис. 3.11. Погребение, прорезавшее постройку горизонта Д в кв. $А_6Б_6Б_7В_7$. Нижний уровень. Полевой чертеж 1940 г. (НА ИИМК РАН. Р-1. № 1368. Л. 3)

Ладога занимала в ряду древнерусских городов совершенно особое место. Политически она ориентировалась в XI в. скорее на Киев, чем на Новгород — и это закономерно, с учетом того, что ладожским наместником при Ярославе являлся ярл Рёнгвальд, двоюродный брат княгини Ирины (Ингигерд) (Снорри Стурлусон 1980: 235; см. также с. 101–134 и 407–409 наст. издания). Нельзя исключить прямого общения ладожан с Киевом и в области религиозно-просветительской. На тот момент Киево-Печерская обитель как духовный центр православия не имела себе равных на просторах Руси.

Другим (хотя также косвенным) свидетельством раннего появления храма на Земляном городище является само освящение каменного собора середины XII в. во имя св. Климента, папы Римского. Церквей, посвященных этому святому, на Руси очень мало, а то немногое, что есть, относится к более позднему периоду. Тут налицо некий парадокс. Св. Климент, ученик апостола Петра, сосланный императором Траяном в каменоломни Херсонеса и принявший там мученическую кончину, воспринимался во времена Владимира и Ярослава как первый небесный покровитель Русской земли. Именно его мощи (честная глава) были доставлены в Киев из Херсонеса и положены в 995 г. в Десятинной церкви, в приделе, освященном во имя священномученика Климента. На тот момент это была самая почитаемая и ценная христианская святыня на Руси. В 1015 г. немецкий хронист Титмар Мерзебургский даже назвал Десятинную церковь «ecclesia Christi marturis Clementis» (церковь мученика Христова Климента) (Бегунов 1974: 26–46).

Рис. 3.12. Расчищенное погребение, прорезавшее постройку горизонта Д в кв. $А_{6\text{-}7}Б_{6\text{-}7}$ (НА ИИМК РАН. ФО. О. 1601-48)

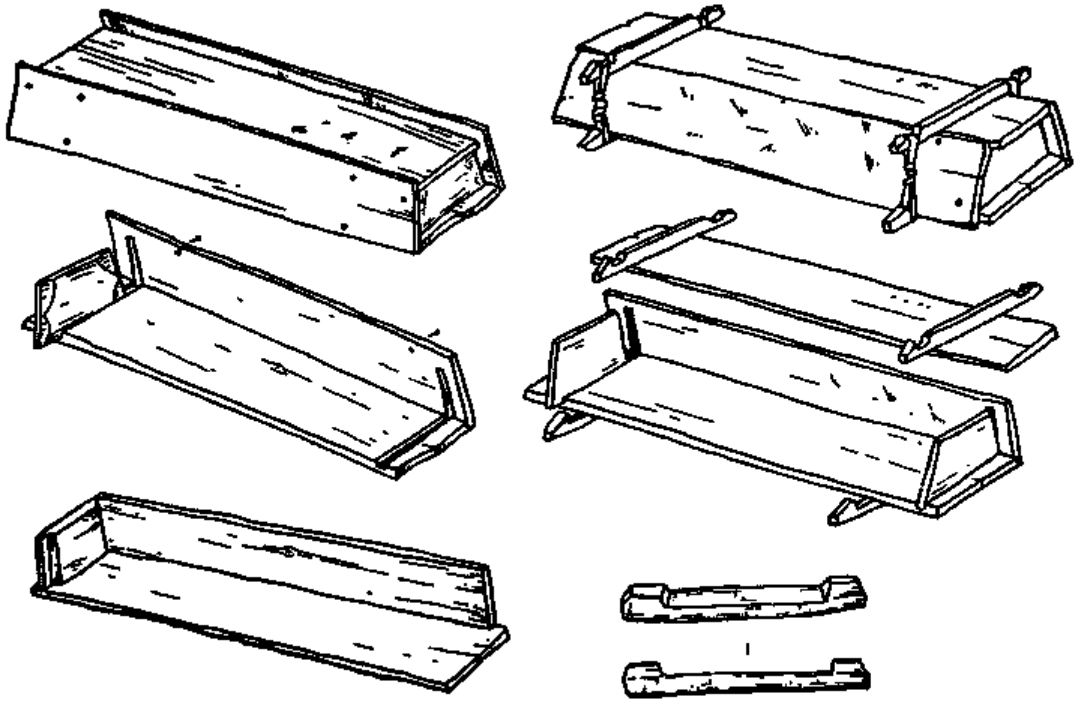


Рис. 3.13. Домовина (гроб) с конструкцией для переноски (по: Сагайдак 1991: 98–99, рис. 54)

Однако уже в начале XII в. культ св. Климента как первого святого, ассоциируемого с Русью (пусть даже с далеким Тмутараканским княжеством), вытесняется культом апостола Андрея Первозванного, который, согласно легенде, включенной в ПВЛ, побывал в самом Киеве и даже в Новгороде (sic! — *Авт*). И хотя, по мнению В. Д. Сарабьянова, «несмотря на распространение культа Андрея Первозванного, почитание св. Климента как просветителя Русской земли сохраняло свою актуальность» (Сарабьянов 1997: 36), нам практически неизвестны каменные храмы XII–XIII вв., посвященные этому святому[15]. Единственное исключение — Ладога.

Почему такое исключение реально имело место? Вероятно, потому что строительство первой церкви относится к более раннему периоду, когда почитание св. Климента активно поддерживалось на государственном уровне, и еще не сформировался сонм любимых святых, воспринимаемых как собственно русские. Здесь особое положение Ладоги, ее прямые связи с Киевом также могли сыграть свою роль. А освящение каменного храма на месте прежнего деревянного по традиции производилось во имя того же святого.

Но нельзя исключать и другого фактора. Св. Климент, папа Римский являлся одним из самых популярных, почитаемых святых в странах Балтийского региона. Количество церквей, освященных во имя его на Британских островах, в Скандинавии и т. д., абсолютно несопоставимо с тем, что мы имеем на Руси XI–XIII вв. (эта особенность была замечена Е. Н. Носовым, который обратил на нее внимание авторов настоящей главы). Учитывая заметную скандинавскую составляющую, выявленную при исследовании антропологических остатков могильника на Земляном городище (см. с. 101–134), появление церкви св. Климента именно здесь, в Ладоге, представляется вполне логичным.

В целом анализ полевой документации 1938–1940 гг., в целях реконструкции стратиграфии могильника на Земляном городище, позволяет нам сделать следующие выводы.

— Наиболее правдоподобным, на сегодняшний день, выглядит предположение, что планировка поверхности, в результате которой оказалась срезана часть культурного слоя на пространстве, примыкающем к западному фасаду собора св. Климента, была предпринята в процессе строительства храма или по окончании его (1153–1156 гг.). Архитектурно-археологическими исследованиями установлено, что под фундамент выкапывался котлован по всей площади будущего собора (глубиной около 0,75 м). В него в свою очередь были впущены фундаментные рвы (общая глубина фундамента около 1,5 м) (Большаков, Раппопорт 1985: 114). Безусловно, вся площадь, примыкавшая к строительной площадке, оказалась перекрыта отвалами и нуждалась в очистке и выравнивании. Планировка затронула и часть

[15] Другим исключением, вроде бы, является церковь св. Климента на Иворовой ул. (современная Б. Московская ул.) в Новгороде. Однако сообщение Н4Л о ее закладке епископом Нифонтом в 1153 г., скорее всего, является калькой с известия НПЛ о закладке соответствующей церкви в Ладоге. Совпадают и год, и заказчик. Кроме того, следует учитывать, что на правом берегу Волхова, в районе Климентовского храма и ул. Б. Московская, в середине XII в. еще не было городской застройки. Первые достоверные известия об этой церкви относятся к XIV в.

могильника (возможно, старую, отделенную от момента строительства храма хронологическим отрезком в несколько десятилетий).

— Перекрывший спланированную площадку горизонт Г представляет собой культурный слой длительного накопления, связанный с постройками храмового комплекса. Его небольшая мощность объясняется спецификой участка (немногочисленностью построек и их функциональными особенностями). Эта последняя обусловила низкие темпы нарастания слоя перед фасадом храма. Хронологически горизонт Г мог охватывать достаточно длительный период (например, со второй половины XII до XV в.).

— Начало функционирования могильника связано, скорее всего, со строительством на городище деревянной церкви (св. Климента?) в начале или первой половине XI в. В этой связи необходимо более углубленное изучение материалов, связанных с «большой постройкой» квадратной формы из раскопок 1948 г., интерпретированной Г. П. Гроздиловым как остатки церкви (ср.: Гроздилов 1950: 142–143, рис. 3).

Грунтовый могильник на Земляном городище: антропологический аспект

Начало антропологического изучения могильника

В 1938–1940 гг. в результате археологических раскопок под руководством В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова на Земляном городище Старой Ладоги был получен уникальный для Северо-Запада антропологический материал. Серьезное, внимательное отношение авторов раскопок к делу изучения костных остатков сберегло этот материал для последующих поколений исследователей.

Уже находки первых костяков, принадлежавших верхнему ярусу могильника, датируемому XVII–XVIII вв., заставили ученых озаботиться их определением. В полевом дневнике Г. П. Гроздилова от 20.07.1938 (т. е. по истечении первых двух недель раскопок) появляется запись: «Был в ИИМКе. Сообщил о работах зам[естителю] директ[ора] М. И. Артамонову. Получил деньги на командировку в Ст. Ладогу. Заходил в МАЭ по поводу антропологич[еского] материала, но никого не нашел…» (Гроздилов 1938-А: л. 10–10об.).

В 1938 г. материал собирался археологами без участия антропологов. При этом костяки верхнего и нижнего ярусов брались отдельно и составили две различных коллекции. Они поступили в Институт антропологии и этнографии АН СССР в конце 1938 г. с сопроводительной запиской Г. П. Гроздилова. Материал вызвал большой интерес специалистов. Серия из нижнего яруса обнаружила резкие отличия от синхронных антропологических серий из соседних районов. В течение двух последующих сезонов раскопок, в 1939 и 1940 гг., тщательный сбор антропологического материала и последующее его изучение производилось уже сотрудником Отдела антропологии А. Н. Юзефовичем.

По мере поступления в МАЭ материал нижнего яруса, датированный археологами в поле XI–XII вв., был оформлен в три музейные коллекции. В коллекцию 5580 вошли материалы из раскопок 1938 г. Костяки происходили из могил в южной

части кладбища, располагавшихся в слое наиболее глубоко. В коллекции 5719 и 5757 вошли, соответственно, материалы из раскопок 1939 и 1940 гг.

Собиратель и первый исследователь антропологических материалов могильника на Земляном городище А. Н. Юзефович в 1941 г. подготовил статью «Антропологические материалы из археологических раскопок в Старой Ладоге», предназначенную для публикации в «Кратких сообщениях ИЭ». Но она не успела выйти в свет, а ее автор умер от голода в блокадном Ленинграде.

Сохранившаяся рукопись (Юзефович 1941-А) не содержит измерительных данных. В ней имеется первоначальная характеристика материалов из погребений как XI–XII, так и XVII–XVIII вв. А. Н. Юзефович высказал предположение о неоднородности группы и возможной близости некоторых черепов к типу средневекового населения Новгородской земли, а также к антропологическому типу кривичей. При этом им было отмечено сходство староладожских черепов XI–XII вв. со «скандинавскими формами ранней поры железного века»: «При первом знакомстве с костяками XI в. бросились в глаза их нордические особенности, резко отличающие староладожскую серию от славянских <...>» (Там же).

Антропологический облик погребенных, отнесенных в процессе раскопок к ранней фазе могильника, действительно, резко выделялся на фоне серии поздних костяков, залегавших в слое строительного мусора. В этой связи стоит привести характерную запись из полевого дневника А. Н. Юзефовича:

«…*8 августа* [1939 г.]. Все эти дни происходит интенсивная выемка костяков XI–XII вв. Как уже говорено, они датируются очень точно, благодаря тому, что перекрываются постройками XIV века. По своему типу костяки заметно отличаются от более поздних. Прежде всего, все они длинноголовы и высокорослы. Последнее исключительно наглядно: в то время, как бедренные кости XVII века прекрасно укладывались в средней величины ящики, эти не ложатся и по диагонали тех же ящиков…» (Юзефович 1939-А: л. 21).

К сожалению, А. Н. Юзефович не разъяснил детально, какие именно «нордические особенности» (помимо высокорослости, отмеченной в поле) привлекли его внимание. Ему, очевидно, были известны зарубежные публикации таких ученых, как А. Шлиц и И. Швидецки, которые отмечали определенные различия в строении черепа у славянских и германских народов (Schliz 1913; 1914; Schwidetzky 1935). Возможно, обращение к этим работам позволило обнаружить «бесспорные аналогии» староладожским черепам «в скандинавских и датских сериях ранней поры железного века» (Юзефович 1941-А).

Сходство со скандинавскими сериями неизбежно сделало этот материал предметом споров в рамках «норманнской дискуссии». Всплески указанной дискуссии периодически наблюдаются и в наши дни. Их политизированность и неизбежная предвзятость мнений зачастую служат науке дурную службу. Свою позицию по проблеме могильника на Земляном городище мы постараемся изложить, не впадая ни в какие крайности.

Своеобразие скандинавского краниологического комплекса

Представления о характерных особенностях германцев, по сравнению со славянами, систематизированы Т. И. Алексеевой. Скандинавский (в широком смысле — германский) краниологический вариант, хотя и обнаруживает некоторую межгрупповую

изменчивость, в целом чрезвычайно своеобразен и может быть достоверно выделен в инородной среде. Особенности германского краниологического комплекса были рассмотрены Т. И. Алексеевой весьма подробно (Алексеева 1973: 256–262).

Т. И. Алексеевой было показано, что в основе отличий германцев от большинства европейских народов, в том числе славян, лежит нарушение нормальных внутригрупповых корреляционных связей между высотными размерами черепа и лица. В норме между этими размерами существует довольно высокая положительная корреляция. В то же время большинство германских серий (а скандинавские — все) характеризуются сочетанием низкого свода черепа с высоким лицом и высокими орбитами. Кроме того, германцам присущи крупная длинная черепная коробка и относительно узкий нос. Нормальная внутригрупповая положительная корреляция между длиной и высотой черепа на межгрупповом уровне также оказывается отрицательной.

Балты и близкое к ним по морфологии население западных территорий Древнерусского государства, а также часть финнов (эсты, карелы, коми, вепсы) отличаются высоким черепом и низкими орбитами. Этот фактор, несмотря на совпадение ряда других характеристик, достаточно отчетливо разделяет германцев и указанные народы. Резко полярны германцам вепсы с их очень низким лицом (и орбитами) при значительной высоте черепного свода.

Часть финнов, население основных территорий Древней Руси, южные и большинство западных славян, как правило, имеют средние показатели и обычно наблюдаемое соотношение названных признаков, что также отличает их от германцев.

Три средневековые группы с территории Русского Северо-Запада и Севера, в их числе группа с кладбища на Земляном городище Старой Ладоги, демонстрируют ярко выраженные особенности скандинавского краниологического комплекса (табл. 3.1). Население, оставившее древнерусские погребения XI в. и христианские могилы XII в. в могильнике Куреваниха-2, резко различается по своим характеристикам. Черепа из могил XII в. обладают скандинавским набором признаков, из чего можно сделать предположение об отсутствии преемственности населения в этом могильнике и о принадлежности поздней его части группе выходцев из Скандинавии или их потомков (Санкина 2004).

Т. И. Алексеевой были предложены индексы, отражающие основные расоразграничительные соотношения признаков: отношение высоты черепа к полусумме продольного и поперечного диаметров 17×100/(1+8):2; вертикальный фацио-церебральный указатель 48×100/17; отношение высоты орбиты к высоте черепа 52×100/17 и ширины носа — к ширине лица 54×100/45. Пределы вариаций этих индексов в германских и восточнославянских группах практически не перекрываются. Серии скандинавского облика с территории Древнерусского государства вполне вписываются в общегерманский размах изменчивости (табл. 3.2). Обращает на себя внимание лишь несколько бóльшая относительная ширина носа у первых, что, возможно, является результатом отчетливо наблюдаемого в этих группах смешения.

Могильник на Земляном городище в контексте погребальных древностей Приладожья и Балтийского региона

В X–XI вв., а, скорее всего, и ранее, Приладожье являлось зоной интенсивных контактов местного населения со скандинавами. Центром взаимодействия была Ладога — форпост славянского расселения в северных землях и в то же время

Таблица 3.1. Средние размеры и указатели мужских черепов в группах скандинавского антропологического облика с территории Северо-Запада и Севера Руси: из могильника на Земляном городище Старой Ладоги, из курганного могильника Куреваниха-2 на р. Мологе и из могильников Канарщина, Шпаньково и Новое Заречье на Ижорском плато

Признак	Старая Ладога (XI–XII вв.)			Куреваниха-2 (древнерусские погребения XI в.)			Куреваниха-2 (христианские погребения XII в.)			Канарщина, Шпаньково, Новое Заречье (XII–XIII вв.)		
	N	X	S	N	X	S	N	X	S	N	X	S
1. Продольный диаметр	39	188,0	5,8	4	179,5	6,4	4	183,0	2,7	11	182,6	5,4
8. Поперечный диаметр	39	139,6	4,8	4	134,0	3,3	5	137,4	1.3	10	141,1	4,0
8:1. Черепной указатель	38	74,3	3,1	4	74,7	3,2	4	75,0	2.1	10	76,6	3,3
17. Высотный диаметр от ba	26	132,0	4,9	3	137,7	2,1	5	132,2	4.0	9	132,9	3,0
17:1. Высотно-продольный указатель	27	70,3	3,3	3	76,0	2,6	4	72,8	2.4	10	72,9	2,6
17:8. Высотно-поперечный указатель	27	95,3	4,8	3	101,8	2,6	4	97,0	2.9	10	94,3	2,9
5. Длина основания черепа	26	101,9	4,4	–	–	–	4	100,5	3.3	7	96,7	2,6
9. Наименьшая ширина лба	38	95,9	4,5	3	95,0	4,6	2	90,5	–	10	95,9	4,4
10. Наибольшая ширина лба	37	118,1	5,2	–	–	–	2	118,5	–	10	119,3	3,2
45. Скуловая ширина	26	131,8	4,6	3	128,7	3,1	1	130?	–	9	132,8	3,1
48. Верхняя высота лица	28	71,6	5,0	3	73,7	2,3	3	73,0	1.7	8	71,0	2,2
48:17. Верт. фацио-церебральный указатель	26	54,4	3,9	2	53,0	–	3	54,9	1.3	8	52,7	2,6
48:45. Верхний лицевой указатель	25	54,2	3,5	3	57,3	2,9	1	57,7	–	8	52,9	2,9

55. Высота носа	30	51,2	4,0	3	54,3	2,1	4	51,6	0.8	9	51,0	2,0
54. Ширина носа	32	24,6	1,6	2	27,0	–	4	24,5	1.7	9	23,4	1,4
54:55. Носовой указатель	30	48,5	5,3	2	51,4	–	4	47,5	3.6	9	45,7	3,0
51. Ширина орбиты от mf	28	42,9	2,2	3	44,3	0,6	4	42,0	0.8	9	43,0	2,2
52. Высота орбиты	30	33,7	2,4	3	34,3	1,1	4	33,0	0.8	9	33,1	1,9
52:51. Орбитный указатель от mf	28	79,6	7,2	3	78,0	1,4	4	78,6	3.5	9	77,2	5,1
77. Назомалярный угол	34	137,8	4,1	3	132,6	3,9	2	132,4	–	8	133,6	3,5
∠zm . Зигомаксиллярный угол	24	124,7	4,4	–	–	–	2	117,6	–	8	125,9	2,9
SC. Симотическая ширина	24	9,2	1,5	2	9,8	1,7	3	9,9	1,8	9	10,0	1,6
SS. Симотическая высота	24	5,5	1,2	2	4,6	0,6	3	5,7	0,6	8	5,8	0,7
SS:SC. Симотический указатель	24	59,6	8,8	2	47,2	2,3	3	58,1	5,2	8	56,8	7,1
75(1). Угол выступания носа	22	34,3	5,3	–	–	–	–	–	–	8	33,0	8,2

Прим.: N — число наблюдений, X — средняя арифметическая, S — стандартное отклонение. Измерения С. Л. Санкиной. Все метрические признаки в таблицах главы 3 приведены в мм.

Таблица 3.2. Антропологическая дифференциация германцев и средневековых групп Древнерусского государства

Признак	Германцы (по Т. И. Алексеевой)		Шестовицы (IX–X вв.)	Старая Ладога (XI–XII вв.)	Кореваниха (древнерус. погр. XI в.)	Кореваниха (христиан. погр. XII в.)
	min — max	X	1	2	3	4
17×100/(1+8):2	79,4–82,1	80,6	80,5	80,6	87,5	82,5
48×100/17	51,5–57,6	53,3	51,8	54,2	53,0	54,9
52×100/17	23,8–26,5	25,1	25,3	25,5	24,3	25,0
54×100/45	17,5–18,7	18,1	19,6	18,7	21,0	18,8

Таблица 3.2, окончание

Признак	Канарщина и др. (XII–XIII вв.)	Юго-вост. Приладожье (XI–XIII вв.)	Ижор. плато, «словене» (XII–XIII вв.)	Группы Русского Севера (XI–XIV вв.)		
	5	6	7	8	9	10
17×100/(1+8):2	82,1	85,2	83,7	85,9	86,2	86,7
48×100/17	54,2	51,1	50,2	47,0	50,7	47,3
52×100/17	25,1	24,0	23,4	22,6	22,1	22,4
54×100/45	17,7	20,0	19,2	19,4	17,9	19,4

Прим.: Группы 2–6, 8, 9 — по данным С. Л. Санкиной; 1 — по данным Г. П. Зиневич (1962); 7 — сборная серия из могильников Ижорского плато (так называемые «словене») — по данным В. В. Седова (1952); 8 — вепсы (XI–XIV вв.); 9 — Верхневольский могильник (XI–XIV вв.); 10 — вологодская сборная серия XI–XIII вв. — по данным В. Ю. Коваленко (1975).

узловой пункт международной, трансъевропейской торговли. Материальная культура Ладожского поселения насыщена элементами, аналогии которым обнаруживаются в скандинавском и финском мирах, а также на арабском и христианском Востоке. Это позволяет предположить значительную пестроту этнического состава населения города, которая вполне могла найти отражение и в антропологическом материале.

Погребальные памятники Ладоги исключительно разнообразны. По мнению Г. С. Лебедева, каждая часть города имела свой могильник, где были представлены самые разные типы захоронений (Лебедев 1985: 208), в том числе и скандинавские. Так, в урочище Плакун располагался целый «варяжский» некрополь IX–X вв. Скандинавские могилы содержали, как правило, сожжения, что исключает их антропологическое исследование. Из числа раннесредневековых погребений с трупоположениями в Ладоге были исследованы курганы XI–XII вв. северного городского могильника (антропологический материал утрачен) и грунтовый могильник того же времени на Земляном городище. Таким образом, с кладбища на Земляном городище происходит единственная серия скелетов из раннесредневековой Ладоги. Особо

следует отметить, что этническая принадлежность этого памятника не поддается определению. Погребения производились в строгом соблюдении христианской обрядности и почти не содержали вещей. Датировка кладбища устанавливается по косвенным данным, в первую очередь, путем анализа стратиграфии (см. с. 70 и след.) В настоящее время эта датировка подтверждена лабораторным анализом костей, произведенным в Швеции в 1993 г. (см. с. 93). Согласно его результатам, верхняя граница диапазона ограничена 1060 г. н. э.

Для лабораторного анализа был передан материал из коллекции 5680 за № 9, что соответствует погребению № 10 в южной части кладбища из раскопок 1938 г. Могила, из которой происходит костяк одна из наиболее глубоких. Костный материал принадлежал молодому индивидууму мужского пола, отличавшемуся относительно высоким ростом (171–174 см) и хорошо выраженными скандинавскими особенностями, а именно долихокранией (70,5), сочетанием большой длины (190 мм) и малой высоты (133 мм) черепа с относительно высокими лицом (70 мм) и орбитами (34 мм). Его также характеризуют резкая горизонтальная профилированность лица (назомалярный угол 133 и зигомаксиллярный — 121,7) в сочетании с сильно выступающим носом (45°) и высоким переносьем (симотический указатель 66,4, симотическая высота 8,3 мм) (приложение, табл. 3.11). Все расоразграничительные индексы имеют «скандинавские величины» (по Т. И. Алексеевой, табл. 3.2). Посткраниальный скелет характеризуется большими размерами длинных костей (приложение, табл. 3.12)

В 1950-е гг. краниологическая коллекция из 47 черепов из нижнего яруса Староладожского могильника была изучена В. В. Седовым и впоследствии опубликована в качестве сравнительного материала в работах Т. И. Алексеевой, посвященных этногенезу восточных славян (Алексеева 1969; 1973). Ею было подтверждено, что комплекс антропологических признаков данной группы находит аналогии в сериях железного века из Скандинавских стран и отличается от всех восточнославянских серий более резкой горизонтальной профилировкой, меньшей высотой черепа и большей высотой лица. Исходя из вышесказанного, а также ссылаясь на литературные источники, Т. И. Алексеева сделала вывод, что черепа принадлежали варягам, входившим в IX–XI вв. в состав дружин русских князей. В то же время она указала: типы населения из приладожских курганов, словен новгородских и полоцких кривичей не дают основания говорить о наличии в них скандинавского компонента, и это может свидетельствовать об отсутствии интенсивного смешения варягов со славянами Северо-Запада.

Следует подчеркнуть, что данная краниологическая серия является единственной городской серией на Северо-Западе XI–XII вв., которую можно отнести к кругу норманнских форм. Сам могильник, откуда она происходит, не имеет аналогий на данной территории. Впрочем, причины этого, в значительной степени, лежат в области источниковедения. Городские могильники у церквей обычно бывают перекрыты более поздней застройкой, сильно разрушены и редко попадают в поле зрения археологов. Вдобавок они почти не содержат инвентаря, что очень затрудняет их хронологическое определение и ограничивает диапазон выводов. Имеющиеся на сегодняшний день сравнительные материалы обычно происходят из спасательных раскопок, проводившихся широкой площадью (как, например, раскопки Киевского Подола), либо с запустевших древнерусских городищ, не имевших плотной современной застройки (см. с. 95).

В 1990-х гг. материалы могильника на Земляном городище были заново проанализированы методами многомерной статистики (Санкина, Козинцев 1995). Это помогло детализировать представление об этой серии, уточнить степень ее однородности и по возможности связать результаты антропологического исследования с характером погребений и стратиграфией памятника.

54 посткраниальных скелета и 44 черепа были изучены по возможно более полной программе. При работе с серией большое внимание уделялось уточнению ее половозрастного состава, так как при первом знакомстве с группой бросилось в глаза чрезвычайно малое количество женских останков. В предыдущих публикациях шла речь о 34 мужских и 13 женских черепах. Это не соответствовало наблюдениям присутствовавшего на раскопках А. Н. Юзефовича. Последний, хотя и не называл точного количества женских погребений, утверждал, что их было незначительное меньшинство, отмечая это как еще одну особенность серии. Так, из 17 погребений взрослых в южной части кладбища лишь одно было определено им как женское (Опись 5719; Юзефович 1941-А).

После уточнения пола по черепу и костям посткраниального скелета определилось присутствие в группе 39 мужских и 5 женских черепов (табл. 3.3).

Таблица 3.3. Средние размеры и указатели черепов и длинных костей из могильника XI–XII вв. на Земляном городище в Старой Ладоге

Признак	Мужчины			Женщины		
	N	X	S	N	X	S
1. Продольный диаметр	39	188,0	5,8	5	174,4	5,6
8. Поперечный диаметр	39	139,6	4,8	5	139,8	5,9
8 : 1. Черепной указатель	38	74,3	3,1	5	80,2	4,7
17. Высотный диаметр	26	132,0	4,9	2	126,5	–
17 : 1. Высотно-продольный указатель	27	70,3	3,3	2	71,0	–
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	27	95,3	4,8	2	89,0	–
5. Длина основания черепа	26	101,9	4,4	2	99,0	–
9. Наименьшая ширина лба	38	95,9	4,5	5	92,6	3,5
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	37	68,7	3,3	5	66,2	2,4
Угол поперечного изгиба лба	36	134,1	3,4	–	–	–
10. Наибольшая ширина лба	37	118,1	5,2	5	120,5	3,3
9 : 10. Лобный указатель	37	81,0	3,5	4	77,4	4,3
32. Угол лба	25	80,0	4,7	3	81,0	–
40. Длина основания лица	22	97,2	6,4	2	102,0	–
40 : 5. Указатель выступания лица	23	96,4	5,9	2	103,0	–
45. Скуловой диаметр	26	131,8	4,6	3	127,0	–

Окончание таблицы 3.3

Признак	Мужчины			Женщины		
	N	X	S	N	X	S
48. Верхняя высота лица	28	71,6	5,0	3	69,6	–
48 : 45. Верхний лицевой указатель	25	54,2	3,5	3	54,8	–
45 : 17. Вертикальный черепно-лицевой указатель	24	54,4	3,9	2	56,6	–
77. Назомалярный угол	34	137,8	4,1	2	137,1	–
∠zm. Зигомаксиллярный угол	24	124,7	4,4	2	125,3	–
72. Общий угол лица	24	84,4	3,9	3	84,0	–
51. Ширина орбиты от mf	28	42,9	2,2	3	41,0	–
52. Высота орбиты	30	33,7	2,4	3	31,6	–
52 : 51. Орбитный указатель	28	79,6	7,2	3	77,3	–
54. Ширина носа	32	24,6	1,6	3	23,6	–
55. Высота носа	30	51,2	4,0	3	48,0	–
54 : 55. Носовой указатель	30	48,5	5,3	1	53,0	–
75(1). Угол выступания носа	22	34,3	5,3	1	33,0	–
SC. Симотическая ширина	24	9,18	1,5	1	13,0	–
SS. Симотическая высота	24	5,47	1,2	1	6,0	–
SS : SC. Симотический указатель	24	59,6	8,8	1	45,1	–
DC. Дакриальная ширина	25	20,0	3,3	1	21,6	–
DS. Дакриальная высота	25	12,0	2,4	1	13,1	–
DS : DC. Дакриальный указатель	25	61,5	12,5	1	60,6	–
62. Длина неба	27	45,8	2,9	2	45,7	–
63. Ширина неба	30	39,5	7,2	2	39,0	–
63 : 62. Небный указатель	25	83,4	17,7	2	82,1	–
Длина тела (см)*	47	172,6	5,6	5	159,1	2,7
Длина бедренной кости	48	461,6	22,7	5	422,6	15,3
Длина большой берцовой кости	40	376,2	22,8	5	337,0	7,1
Длина плечевой кости	39	335,4	17,5	3	305,3	–
Длина лучевой кости	41	243,5	12,1	3	216,7	–
Длина локтевой кости	39	250,9	14,5	3	212,3	–
Интермембральный указатель	28	69,0	1,8	2	69,5	–

* Приводится длина тела, вычисленная по формулам М. Троттер и Г. Глезер.

** См. также прим. к табл. 3.1.

Подавляющее большинство захоронений на могильнике составили взрослые мужчины (89,7 % от количества взрослых). Кроме того, отмечено значительное количество погребений детей, пол которых определить затруднительно, и подростков, преимущественно мальчиков.

Что касается женских останков, то малое количество, сильная разнородность и недостаточная сохранность не позволяют сделать объективные выводы. Можно только отметить, что женская часть серии характеризуется средним продольным и большим поперечным диаметрами, брахикранией, относительно низким черепом, высоким лицом, прогнатным по указателю, сильной горизонтальной профилировкой, средними размерами носа и низкими среднеширокими орбитами (табл. 3.3). В дальнейшем речь пойдет только о мужской части группы.

Мужские черепа из могильника на Земляном городище характеризуются большим продольным диаметром, средней шириной черепа, долихокранией, малым высотным диаметром от ba, средними размерами лицевого скелета, орбит и носа. Лицо ортогнатное, резко профилированное в верхнем и среднем отделах. Переносье высокое, угол выступания носа большой.

В серии были отмечены аномалии в зубном аппарате: краудинг (выход из ряда резцов или клыков), наличие дополнительных резцов или клыков. Возможно, это указывает на близкородственные связи части индивидуумов группы. Часто наблюдается сильная по сравнению с остальными зубами стертость коронок первых моляров верхней и нижней челюстей в сочетании с деформацией корней этих зубов и выступанием их из кости. Вероятно, данные зубы испытывали какую-то дополнительную нагрузку.

По результатам измерений длинных костей вычислялась длина тела. У мужчин, по формулам М. Троттер и Г. Глезер для европеоидов, она составила 172,6 см; вычисленная с использованием метода В. В. Бунака для суммарной длины костей нижних конечностей (tibia, femur) — 170,6 см. Эти цифры характеризуют группу как весьма высокорослую. Длина тела современных русских с той же территории и сопредельных с ней районов — 166,0 см (Происхождение... 1965), а в эпоху средневековья, до всеобщего увеличения роста, она, вероятно, была еще меньше.

Так как погребения не содержали вещей, связать результаты антропологического исследования с археологическими данными можно было лишь с учетом планиграфии и стратиграфии могильника. Территория могильника может быть разделена (достаточно условно) на северную и южную части. Вторым показателем, гораздо более объективным, является документально зафиксированная глубина погребений (схема расположения погребений в раскопах 1938–1939 гг. с указанием глубин была подготовлена Н. И. Платоновой по материалам НА ИИМК РАН).

Группа из южной части кладбища (раскоп 1938 г. и южная половина раскопа 1939 г.) наиболее однородна по результатам измерений, половозрастному составу и выявленным особенностям (стертость коронок первых моляров). Здесь присутствуют только молодые мужчины — приблизительно 20–35 лет. Индивидуумов старше 40 лет не отмечено. Именно в южной части концентрируются погребения индивидуумов с наиболее резкой горизонтальной профилировкой. Интересно, что стертость коронок первых моляров обнаружена лишь на хорошо профилированных черепах с большим углом носовых костей и высоким переносьем. Исключительно мужской состав группы и молодой возраст погребенных наводит на мысль, что причиной ранней смерти могли быть военные действия. Однако явных, бросающихся в глаза следов насильственной смерти на костях обнаружено не было. Кроме того, довольно беспорядочная планировка могильника свидетельствует о том, что захоронения совершались в разное время.

В этой связи следует заметить, что на Русском Северо-Западе известны средневековые могильники, в которых отмечены разнообразные отклонения от «нормального» половозрастного распределения. Так, например, в поздней части могильника Славенка в Верхнем Полужье (XIII–XIV вв.) с очень большим перевесом встречаются женские останки (что, возможно, было связано с большей смертностью женщин в результате родов или послеродовых осложнений). Однако не всегда эти отклонения можно так просто объяснить.

Погребения в южной части могильника имели более стабильные глубины и располагались ниже уровня могил из северной части кладбища. Материал с северной территории худшей сохранности, дает большой размах вариаций признаков; там имеются черепа и посткраниальные останки со старческими изменениями. В этой связи отметим: по предположению В. И. Равдоникаса, сделанному в поле, часть погребений, раскопанных в 1940 г. (т. е. как раз в северной части могильника) датируется более поздним временем, чем XI–XII вв. (см. с. 87–91). К сожалению, автор раскопок никак не обосновал это предположение.

Неоднородность группы подтвердили коэффициенты внутригрупповых корреляций (табл. 3.4).

Таблица 3.4. Коэффициенты корреляции между признаками в группе из Старой Ладоги

Признак	ДТ	17	45	48	77	∠zm	75(1)	SS : SC	51
1	0,46*	0,09	0,45*	0,43*	–0,33	–0,23	0,39	0,27	0,43*
51	0,02	–0,43*	0,47*	0,27	–0,33	–0,04	0,40	0,42*	–
SS : SC	0,18	–0,27	–0,13	0,35	–0,52*	–0,33	0,57**	–	
75(1)	0,20	–0,05	0,01	0,09	–0,66***	–0,50*	–	–	–
∠zm	–0,36	–0,23	0,28	–0,08	0,67***	–	–	–	–
77	–0,34	0,05	0,28	–0,13	–	–	–	–	–
48	0,32	0,14	0,41*	–	–	–	–	–	–
45	0,11	0,16	–	–	–	–	–	–	–
17	0,35	–	–	–	–	–		–	–

Прим.: ДТ — длина тела;* $P < 0,05$; ** $P < 0,01$; *** $P < 0,001$ (P — вероятность ошибки).

Наблюдается высокая степень связи между назомалярным углом, с одной стороны, и углом выступания носа и симотическим индексом — с другой. Назомалярный угол участвует в целом ряде важных корреляций. Так, чем резче профилировано лицо в верхней части, тем меньше черепной указатель ($P < 0.001$); чем шире орбиты, тем ниже черепная коробка и выше переносье.

Для более обобщенной оценки внутригрупповых корреляций использовался анализ главных компонент (ГК; табл. 3.5).

Таблица 3.5. Факторная структура — коэффициенты корреляции признаков с главными компонентами (I–III)

Признак	I	II	III
1. Продольный диаметр	0,69	0,07	–0,22
8. Поперечный диаметр	0,20	0,59	–0,17
17. Высотный диаметр	–0,03	–0,03	0,65
9. Наименьшая ширина лба	0,73	0,50	–0,02
45. Скуловой диаметр	0,51	0,69	0,18
48. Верхняя высота лица	0,80	0,19	0,00
51. Ширина орбиты	0,72	0,10	–0,43
52. Высота орбиты	0,52	–0,11	–0,26
54. Ширина носа	0,19	0,65	0,49
55. Высота носа	0,70	–0,01	–0,05
75(1). Угол выступания носа	0,45	–0,55	0,30
SS : SC. Симотический указатель	0,52	–0,57	–0,45
77. Назомалярный угол	–0,42	0,77	0,59
∠zm. Зигомаксиллярный угол	–0,32	0,69	–0,27
Длина тела (Троттер и Глезер)	0,38	0,23	0,41
Собственное число	4,16	3,31	1,91
Вклад в общую дисперсию (%)	27,2	22,0	12,8

На две первые ГК падает почти 50 % общей изменчивости. ГК I, отразившая 27 % общей изменчивости, представляет фактор общего размера. Более интересна ГК II (22 % изменчивости). Высокие положительные значения по этой компоненте имеют ширина лица, ширина носа, оба угла горизонтальной профилировки; высокими отрицательными значениями характеризуются угол выступания носа и симотический указатель. Таким образом, узкие лицо и нос сочетаются с резкой горизонтальной профилировкой и сильно выступающими носовыми костями. Именно эти черты отличают группу из Старой Ладоги от восточнославянских. ГК III в значительной мере определяется высотным диаметром черепной коробки от ba и составляет всего лишь 13 % общей изменчивости.

Затем серия была разделена на подгруппы в зависимости от глубины погребений: одна — из могил со средним и выше среднего значениями глубины, другая — из могил со значением глубины ниже среднего (табл. 3.6).

Значения глубины могил подсчитывались для скелетов в соответствии со значениями признаков выше и ниже средней (табл. 3.7), и, наконец, были вычислены коэффициенты корреляции между значениями признаков и глубины погребений (табл. 3.8).

Таблица 3.6. Средние значения признаков на черепах из погребений разной глубины (Старая Ладога)

Признак	Глубина погребения		
	Выше средней (ранняя подгруппа)	Меньше или равна средней (поздняя подгруппа)	*t*
1. Продольный диаметр	189,0 (13)	187,8 (12)	0,64
8. Поперечный диаметр	138,5 (13)	141,0 (11)	1,57
8:1. Черепной указатель	73,3 (13)	75,0 (11)	1,41
17. Высотный диаметр	133,8 (11)	130,9 (8)	1,49
17 : 1. Высотно-продольный указатель	70,6 (11)	69,4 (8)	0,88
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	97,0 (11)	92,9 (8)	2,17*
9. Наименьшая ширина лба	92,4 (13)	96,9 (11)	1,62
45. Скуловой диаметр	131,1 (10)	134,5 (8)	1,56
48. Верхняя высота лица	71,9 (12)	73,2 (8)	0,54
48 : 17. Вертикальный черепно-лицевой указатель	54,4 (10)	54,5 (6)	0,04
48 : 45. Верхний лицевой указатель	55,1 (9)	53,8 (8)	0,08
55. Высота носа	51,2 (13)	51,0 (9)	0,07
54. Ширина носа	24,1 (13)	25,3 (9)	1,46
54 : 55. Носовой указатель	47,3 (13)	50,1 (9)	1,06
51. Ширина орбиты от mf	43,0 (10)	43,1 (9)	0,10
52. Высота орбиты	33,5 (13)	34,1 (9)	0,56
52 : 51. Орбитный указатель	78,4 (11)	79,4 (9)	0,28
SS : SC. Симотический указатель	62,3 (9)	59,4 (8)	0,72
75 (1). Угол выступания носа	37,3 (7)	30,7 (7)	2,92*
77. Назомалярный угол	136,0 (12)	140,3 (10)	3,05**
∠zm. Зигомаксиллярный угол	124,4 (10)	125,9 (7)	0,63
Длина тела	174,4 (17)	170,1 (13)	2,20*
Первая главная компонента	–0,616 (10)	1,332 (8)	2,27*

Прим.: *t* — значение критерия Стьюдента; * $P < 0,05$; ** $P < 0,01$; в скобках — число наблюдений (P — вероятность ошибки).

Таблица 3.7. Средняя глубина погребений (см) в зависимости от значений краниометрических признаков (Старая Ладога)

Признак	Значение признака		*t*
	Ниже или равно средней	Выше средней	
17. Высотный диаметр	49,4 (10)	63,1 (9)	2,27*
77. Назомалярный угол	63,7 (11)	47,6 (11)	3,45**
∠zm. Зигомаксиллярный угол	63,9 (11)	52,7 (6)	2,44*
75(1). Угол выступания носа	54,1 (9)	67,5 (5)	2,33
Длина тела	51,1 (15)	61,3 (15)	2,70*

Прим.: *t* — значение критерия Стьюдента; * $P < 0,05$; ** $P < 0,01$; в скобках — число наблюдений (P — вероятность ошибки)

Таблица 3.8. Коэффициент корреляции r между глубиной захоронения и значениями признаков (Старая Ладога)

Признак	r
17. Высотный диаметр	0,14
77. Назомалярный угол	–0,48*
∠zm. Зигомаксиллярный угол	–0,21
75(1). Угол выступания носа	0,56*
Длина тела	0,30*

* $P < 0,05$ (P — вероятность ошибки).

Костяки из могил со значением глубины выше средней отличаются от происходящих из неглубоких могил более резкой горизонтальной профилировкой, бóльшим углом выступания носа, несколько бóльшей высотой черепа, бóльшей длиной тела.

Хотя уровни достоверности не оказались одинаковыми в результате всех трех анализов, направления различий одни и те же: индивидуумы из более глубоких могил характеризуются большей длиной тела, несколько более высокой черепной коробкой, более сильной горизонтальной профилировкой (рис. 3.14) и сильнее выступающими носовыми костями. В конечном счете эти индивидуумы имели меньшие значения ГК II и в среднем имели больше отличий от славянского антропологического комплекса.

В 1941 г. А. Н. Юзефович, отмечая в своей статье убывание «норманнского» компонента с юга на север, связывал это с обособленностью скандинавской группы среди населения Ладоги. Выше уже упоминалось о частичном совпадении археологических признаков: большинство погребений на значительной глубине располагались в южной части кладбища. Представляется возможным и другое объяснение. Менее глубокие могилы могли быть более поздними по времени. Можно предположить,

что рост кладбища происходил с юга на север и одновременно с этим возникали изменения в антропологическом составе населения, оставившего памятник. С другой стороны, предположение А. Н. Юзефовича об обособленности данной группы населения среди обитателей Ладоги не лишено оснований. В пользу его говорит и ортодоксально христианский обряд, по которому совершены все захоронения, и локализация захоронений на месте, где в середине XII в. был воздвигнут каменный храм, а также единичные находки, говорящие о принадлежности кладбища привилегированному слою населения (см. 91–101).

А. Н. Юзефович также высказал соображение о сходстве части северных костяков со «словенскими» или «чудскими». Выделенная подгруппа из погребений с небольшой глубиной ям (в основном, в северной части раскопа), хотя и отличается от части серии из глубоких могил в сторону меньшей выраженности «норманнских» особенностей, все же стоит ближе к последней, нежели к соседним славянским или финским группам. Кроме того, она отличается сочетанием малого высотного диаметра, высоких лица и орбит, значительной высотой переносья, что сближает ее скорее с германскими сериями.

Что касается роли и удельного веса скандинавского антропологического компонента в сложении местного населения, то материалы славянских (древнерусских) групп Северо-Запада не позволяют считать их значительными. Тем не менее, как показывает анализ серии из Старой Ладоги, в отдельных случаях и в определенных рамках смешение все же имело место.

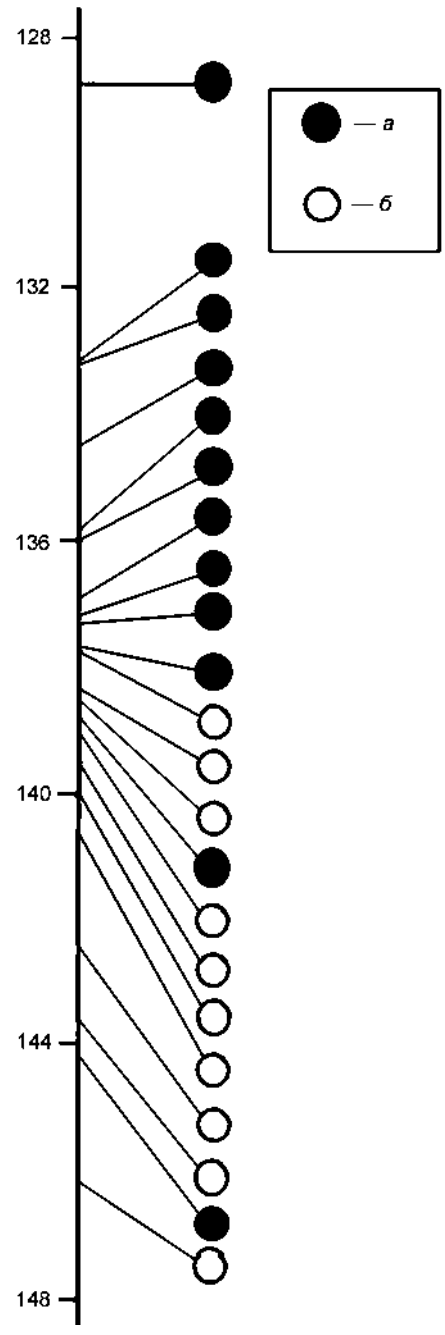


Рис. 3.14. Значение назомалярного угла у индивидуумов из погребений различной глубины: *а* — значение глубины выше средней; *б* — значение глубины ниже средней

Для сравнительной характеристики населения, оставившего могильник на Земляном городище, в контексте данных по Восточной, Западной и Северной Европе были привлечены данные по девяти признакам в 40 краниологических сериях (табл. 3.9). Обычно для статистического анализа используется стандартный набор из 14 признаков, важных для расовой диагностики. Однако в привлеченных для сравнительного анализа краниологических материалах из Скандинавии, Германии и Британии, опубликованных зарубежными исследователями, данные о некоторых признаках отсутствуют (углы

горизонтальной профилировки лица и выступания носа, указатель высоты переносья, высота лица до альвеолярной точки). Эти признаки дают важную информацию об этнической принадлежности группы, однако в данном случае пришлось ими пожертвовать. Выбор остальных девяти признаков был продиктован стремлением использовать показатели, наиболее четко дифференцирующие германцев и население Восточной Европы.

Таблица 3.9. Сравнительные краниологические материалы из Восточной, Западной и Северной Европы

№	Группа*	Датировка (вв.)
Городские группы		
1	Старая Ладога	XI–XII
2	Псков	XIV–XVI
3	Смоленск	XII–XIII
Сельские группы		
4	Юго-Восточное Приладожье (сборная)	XI–XIII
Группы Верхнего Полужья		
5	Удрай	XI–XIV
6	Конезерье	XIII–XIV
7	Славенка	XIII–XIV
8	Раглицы	XIV–XVI
Группы Ижорского плато**		
9	Волосово	XII–XV
10	Волгово	XIII–XIV
11	Плещевицы	XIII–XIV
12	Беседа	XII–XIV
13	Калитино и др.	XII–XIII
14	Артюшкино и др.	XII–XIII
15	Рябболово и др.	XII–XIII
16	Борницы и др.	XII–XIII
17	Канарщина и др.	XIII
18	Гатчина	XII–XIV
19	Ольгин Крест (Сланцевский р-н)	XI–XIII
Группы Русского Севера		
20	Никольское-3	XI–XIII
21	Нефедьево-Шуйгино	XI–XIII
22	Верхневольск	XI–XIV
23	Вологодская сборная	XI–XIII

Окончание таблицы 3.9

№	Группа*	Датировка (вв.)
24	Кореваниха-2а (христианские погребения)	XI–XII
25	Кореваниха-2б (древнерусские погребения)	XI
Другие группы Древней Руси		
26	Кривичи полоцкие	X–XII
27	Кривичи смоленские	X–XII
28	Шестовицы (Чернигов)	IX–X
Группы Прибалтики		
29	Латгалы	X–XII
30	Селы	XI–XII
31	Эсты	XI–XIII
Группы Западной и Северной Европы		
32	Норвегия	Железный век
33	Британия	Железный век
34	Швеция 1 (Вестерхус)	XII–XIV
35	Швеция 2	X–XIII
36	Дания	VI–VIII
37	Исландия 1	Эпоха викингов
38	Исландия 2	XI–XII
39	Германия (рядовые могилы)	VI–VIII
40	Ирландия	VI–XIII

* Группы 1, 2, 4–8, 15, 17, 22, 24, 25 — по данным автора (Санкина 2000); 9–14, 16 — по данным В. В. Седова (1952); 18 — по данным В. П. Алексеева (1969); 3, 26, 27 — по данным Т. И. Алексеевой (1973); 20, 21 — по данным Т. И. Алексеевой и др. (1993); 23 — по данным В. Ю. Коваленко (1975); 19, 31 — по данным К. Ю. Марк (1956); 28 — по данным Г. П. Зиневич (1962); 29, 30 — по данным Р. Я. Денисовой (1975); 32, 33 — по данным К. Скрейнера (Schreiner 1946; 1960); 35–38 — по данным Й. Стеффенсена (Steffensen 1953); 34, 39, 40 — по данным Ф. Рёзинга и И. Швидецки (Rösing, Schwidetzky 1977).

** Датировка групп Ижорского плато произведена с учетом данных Ю. М. Лесмана (1982).

Результаты анализа отражены в табл. 3.10. На долю первого канонического вектора (КВ I) приходится 34 % общей изменчивости. Наибольшее значение здесь имеют продольный диаметр и высота орбиты (с отрицательными знаками), а также высотный диаметр (с положительным знаком). Следовательно, полярное положение занимают группы с более низким и длинным черепом в сочетании с высокими орбитами (все серии Северной и Западной Европы, Старая Ладога, а также другие предположительно скандинавские группы Древней Руси — Канарщина, Кореваниха-2а и Шестовицы), с одной стороны, и более высоко- и короткоголовые с меньшей высотой орбиты (население Ижорского плато) — с другой.

Таблица 3.10. Результаты канонического анализа по 9 признакам для 40 групп с территорий Восточной, Западной и Северной Европы

Признак	КВ I	КВ II
1. Продольный диаметр	**–0,751**	0,372
8. Поперечный диаметр	0,012	**–0,988**
17. Высотный диаметр	**0,593**	0,204
9. Наименьшая ширина лба	0,080	–0,057
45. Скуловой диаметр	–0,067	0,358
55. Высота носа	–0,042	–0,154
54. Ширина носа	0,376	0,347
51. Ширина орбиты от mf	0,255	–0,079
52. Высота орбиты	**–0,545**	0,193
Собственное число	17,2	10,0
Вклад в общую дисперсию (%)	33,9	19,6

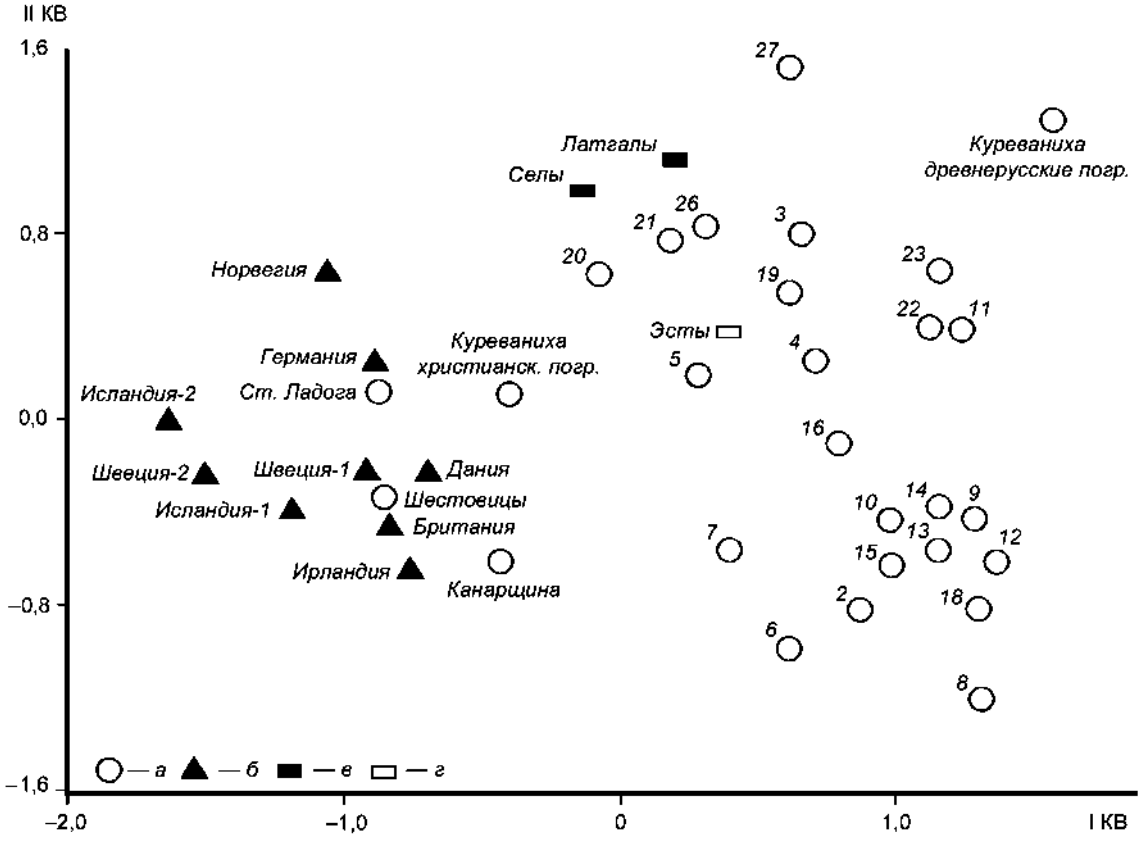


Рис. 3.15. Расположение групп в пространстве I и II КВ. *а* — сельские и городские группы Древней Руси; *б* — группы Западной и Северной Европы; *в* — балты; *г* — финны. Номера групп на рисунке в соответствии с табл. 3.9

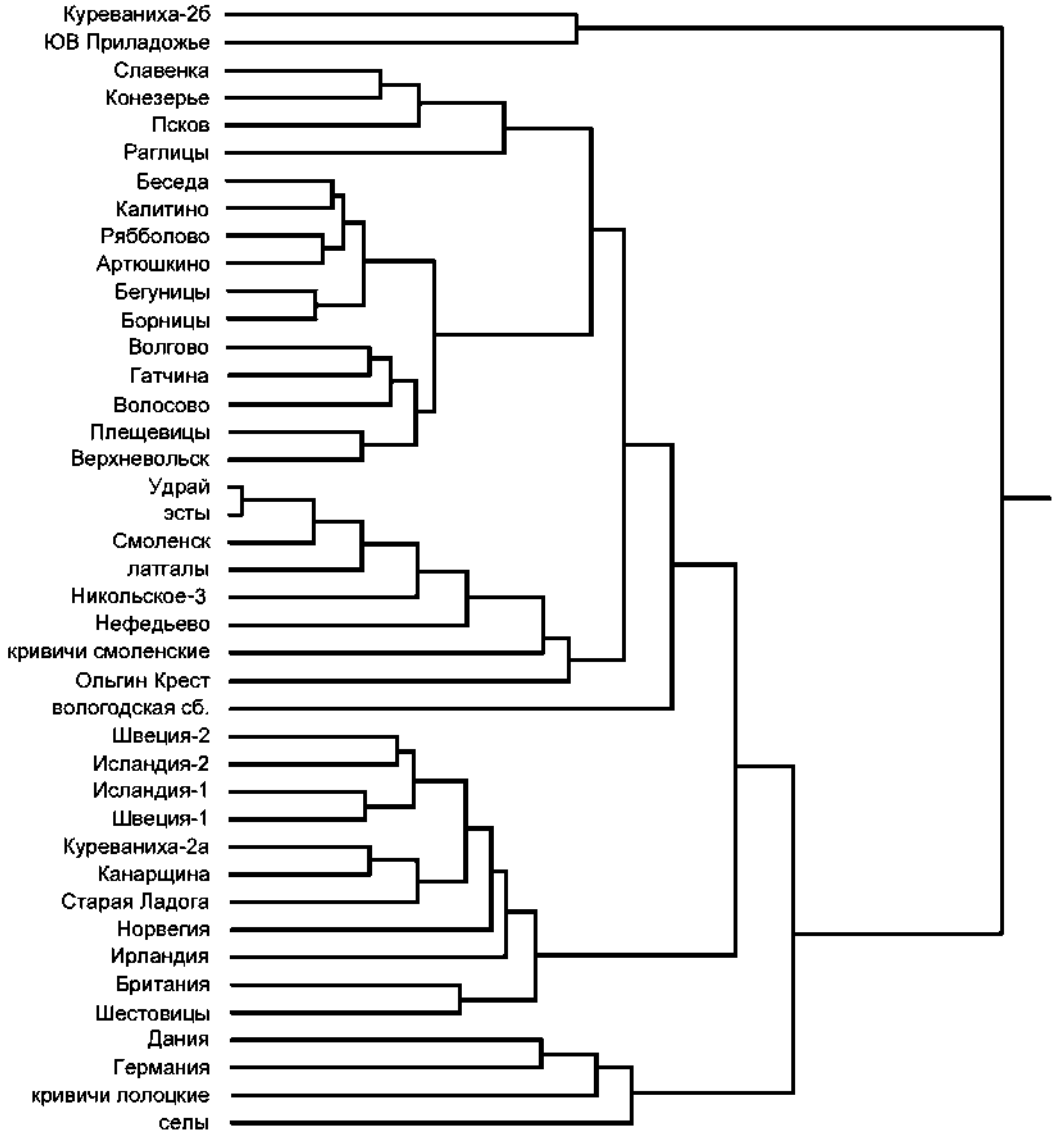


Рис. 3.16. Кластеризация матрицы расстояний Махаланобиса с поправкой на численность. Группы из Восточной, Западной и Северной Европы

На долю КВ II приходится 20 % общей изменчивости. Наиболее значительную роль здесь играет ширина черепной коробки. Для расовой классификации сам по себе второй канонический вектор не представляет особого интереса, поскольку в расположении групп не отмечается связи ни с этническим, ни с географическим фактором. Тем не менее исследуемые краниологические серии в пространстве КВ I и КВ II составили довольно четко выраженные скопления (рис. 3.15). Группы из Старой Ладоги, Шестовиц, Канарщины и Куреванихи-2а (христианские погребения) примыкают к сериям Скандинавии и Германии.

На дендрограммах, полученных в результате кластеризации матрицы коэффициентов обобщенного различия (расстояние Махаланобиса), те же самые серии Древней Руси составили один кластер со скандинавскими. Ближе всего к ним оказались группы из Швеции, Исландии и Норвегии (рис. 3.16).

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. В настоящее время мы располагаем несколькими сериями черепов скандинавского облика с древнерусских территорий. Все они датируются по-разному. Шестовицкая группа относится к X в. — времени активного взаимодействия славян и скандинавов, староладожская и куреванихинская — к XI–XII вв. — завершающему периоду масштабных славяно-скандинавских контактов, группы Ижорского плато — к XII–XIII вв., когда эпоха непосредственных контактов уже отошла в прошлое. В каждой серии в той или иной степени наблюдаются результаты смешения с местным населением. Однако этот процесс все-таки не приводил к «размыванию» комплекса даже в сравнительно позднее время.

Говоря о роли норманнов в сложении антропологических черт древнерусского населения, следует помнить, что последнее не отличалось антропологической однородностью. По данным краниологии, принято выделять собственно славянский, финский и балтский антропологический компоненты (Алексеева 1973; 1990; Алексеева и др. 1993). Продолжая эту традицию, возможно, не будет преувеличением включить сюда и скандинавский компонент, по крайней мере, когда речь идет о населении северо-западных и северных территорий Руси.

Антропологическая ситуация в Европе не может быть сведена к одним лишь межэтническим влияниям. Так, группы разной этнической принадлежности могут в силу общности происхождения относиться к одному и тому же антропологическому варианту (балты, некоторые славянские и финские группы) (Санкина 2000: 59–67). При этом все контакты происходят в антропологически однородной среде, и фиксировать их по данным антропологии трудно. Вместе с тем в рамках одного этноса может наблюдаться антропологическая разнородность (примером служат прибалтийские финны). Германцы же (в том числе скандинавы) представляют собой наиболее гомогенную и в то же время уникальную в антропологическом отношении общность. Рассматриваемые в данной статье группы скандинавского облика из Приладожья, Ижорского плато и Русского Севера на протяжении нескольких поколений сохраняли антропологическое, а, возможно, и этническое своеобразие. Установлено также, что происходило смешение с преобладающим населением указанных регионов, но остается невыясненным, в какой степени этот процесс повлиял на сложение антропологического облика местного населения в рассматриваемую эпоху.

Вполне вероятно, что скандинавское влияние сказалось на антропологическом типе людей, захороненных в приладожских курганах X–XIII вв. Этим может в какой-то мере объясняться отсутствие прямых аналогий ему среди других групп Древней Руси и отдаленное сходство с суммарной группой из Куреванихи-2, выявленное в результате многомерного анализа по девяти признакам. В сериях из Никольского-3 и Нефедьева-Шуйгина (Русский Север) отмечается довольно длинная и сравнительно невысокая по местным меркам черепная коробка в сочетании со значительно более высокими орбитами и резкой (в Никольском-3) горизонтальной профилировкой. Однако утверждать, что эти особенности сложились непосредственно в результате скандинавского влияния, было бы преждевременно. В ряде серий Ижорского плато XII–XIII вв. (Лопец, Таровицы) и даже в сравнительно поздней группе из Ново-Сиверской (XIII–XIV вв.) отмечены мужские черепа, которые характеризуются скандинавским комплексом признаков — длинным и низким сводом черепа, высоким лицом и орбитами, резкой горизонтальной профилировкой.

Они вполне могли бы «вписаться» в скандинавские группы. Однако число их невелико, и на усредненный облик населения Ижорского плато большого влияния они не оказывают. В целом в антропологии средневекового населения Северо-Запада и Севера Руси не отмечается явственного воздействия германского комплекса.

Дискуссия

После первой публикации антропологических материалов из Земляного городища Старой Ладоги (Санкина, Козинцев 1995) в научной среде высказывались самые различные мнения относительно датировки и этнической принадлежности населения, оставившего памятник. Например, в личной беседе с С. Л. Санкиной сотрудник ИИМК РАН О. И. Богуславский, не оспаривая скандинавское происхождение останков, выражал уверенность в принадлежности их отнюдь не средневековым варягам, а более поздним шведам, оставившим свое кладбище в XVI в. во время шведской кампании на Северо-Западе. Замеченную ею повышенную стертость боковых зубов на многих черепах он объяснял результатом прикусывания мундштуков курительных трубок — довольно остроумная версия. Однако произведенный Н. И. Платоновой анализ стратиграфии верхнего слоя Земляного городища, на наш взгляд, позволяет исключить впускной характер погребений нижнего яруса, особенно для южной части могильника, где погребения непосредственно перекрываются средневековыми постройками (см. с. 82–91). А радиоуглеродный анализ костей (пусть пока лишь по одному образцу) указывает на хронологический диапазон не позднее третьей четверти XI в. (1060 г.).

Еще более оживленная дискуссия, в ходе которой скандинавский характер серии, происходящей с Земляного городища, оказался поставлен под сомнение, развернулась на страницах печатных изданий и в интернете совсем недавно, в начале 2010-х гг. Выступления противников нашей трактовки памятника, как правило, носят характер обсуждения, основанного на исключительно умозрительных построениях. Между тем новый анализ самих источников, скорее, подтверждает наши прежние выводы. В частности, произведенное недавно исследование материалов Земляного городища на базе другой, неизмерительной системы краниологии (Моисеев и др. 2015; 2016), вновь показало, что принадлежность группы средневековым скандинавам является более чем вероятной.

Имеет смысл проанализировать эту дискуссию более подробно.

А. А. Романчук в своей статье, посвященной «варяго-русскому вопросу», высказал мнение, что отмеченное нами раннее (Санкина 2000) сходство балтийских славян с германцами, а населения ряда могильников Русского Северо-Запада и Севера — со скандинавами является свидетельством южнобалтийских истоков словен новгородских. Он пишет:

«…как легко убедиться, в основе ее (т. е. С. Л. Санкиной. — *Авт.*) рассуждений лежит опять-таки смешение понятий: <…> она все время говорит именно о „германском комплексе“, а не сугубо скандинавском.

Иными словами, она фактически приравнивает германское и скандинавское.

Если далее учесть, что сама С. Л. Санкина показала особую близость славян Юго-Запада Балтики к германскому комплексу [Санкина 2000, с. 53–56], то в свете южнобалтийской гипотезы закономерен вопрос: а насколько серии с территории Руси, демонстрирующие „германский комплекс“ — скандинавские?

Кстати, на это уже обратили внимание ранее и другие исследователи: „почему "скандинавам" Северо-Запада и Белозерья ближе всего не скандинавы Швеции или Норвегии (что было бы логично!), а раннесредневековое население Германии VI–VIII вв.?" [Балановская и др. 2011, с. 53].

То есть, и в данном случае „скандинавскость" на поверку адресует нас к Юго-Западу Балтики…» (Романчук 2013: 289).

Автор, несомненно, лукавит, делая вид, что, не будучи антропологом, он не понимает, что германский комплекс — это широкое понятие, включающее в себя все скандинавские локальные варианты. Вариации в составе германского краниологического комплекса подробно и, можно сказать, исчерпывающе описаны Т. И. Алексеевой, причем в *каждой* из них представлена какая-либо из скандинавских групп. Даже самые антропологически своеобразные скандинавские группы не выходят за пределы германского комплекса, а, к примеру, средневековая группа из Норвегии и англосаксы демонстрируют черты, являющиеся просто его «эталоном» (Алексеева 1973: 261–262). Так что предположение, будто в основе наших рассуждений лежит ошибочное смешение понятий «германское» и «скандинавское», представляется несколько натянутым.

Задачей исследования было определить при помощи методов многомерной статистики наиболее близкие аналогии древнерусским группам, обнаружившим черты германского комплекса. Ими оказались в первую очередь группы Исландии, Швеции и Норвегии, и, во вторую очередь, — группы Британии, Дании и Германии (рис. 3.16).

Следует также более детально разобрать некоторые замечания, высказанные в адрес С. Л. Санкиной в статье коллектива авторов во главе с Е. В. Балановской:

«…почему по данным многомерных статистических анализов к скандинавским выборкам ближе всего оказываются не наиболее ранние группы „скандинавов" Северо-Запада... а наиболее поздние? Или почему „скандинавам" Северо-Запада и Белозерья ближе всего не скандинавы Швеции или Норвегии (что было бы логично!), а раннесредневековое население Германии VI–VII вв.? Кроме того, нельзя не упомянуть результата, полученного для Старой Ладоги С. Г. Ефимовой, по данным которой эта выборка ближе всего стоит к вестготам Испании V–VII вв. [Ефимова, 2002. С. 170]. С нашей точки зрения, выявленные С. Л. Санкиной краниологические комплексы… пока не позволяют говорить о том, что описаны именно „варяжские" серии…» (Балановская и др. 2011: 52–53).

В вышеприведенной цитате содержатся три последовательных утверждения, которые не вполне соответствуют тому, что говорится в цитируемых работах на самом деле.

Так, группа из Старой Ладоги, являясь наиболее ранней, оказалась по результатам многомерного статистического анализа также и наиболее близкой к группам Скандинавии от эпохи викингов до средневековья (Санкина 2000: 90–95, рис. 23, 24; 2008: 151, рис. 1, 2).

«Скандинавским» группам Северо-Запада и Белозерья ближе всего не группа Германии, как пишет коллектив авторов, а именно скандинавы Исландии, Швеции и Норвегии (рис. 3.16).

Близкое расположение на графике (Санкина 2008: рис. 1) (рис. 3.15) группы Германии VI–VII вв. и группы из Старой Ладоги является результатом искажений, вызванных сокращением размерности, и не отражает наиболее близких связей. Здесь вполне

достаточно сказать, что все предположительно скандинавские группы Древней Руси оказались в «облаке», образованном преимущественно группами Скандинавии.

Кстати, в работе, посвященной генофонду Русского Севера, Е. В. Балановская и ее соавторы сами столкнулись с подобной проблемой, называя «артефактом» то, что архангельские поморы, вопреки величинам генетических расстояний, на графике оказались ближе к коми и марийцам (Балановская и др. 2011: 42–43).

Авторы статьи заключают, что обнаруженные нами краниологические комплексы не позволяют считать описанные серии варяжскими. В качестве аргумента они приводят якобы обнаруженное С. Г. Ефимовой исключительное сходство староладожской серии XI–XII вв. с вестготами Испании V–VII вв. Но вот тут следует уточнить: С. Г. Ефимова говорит отнюдь не об исключительной близости этих двух краниологических серий, а лишь о том, что германские группы из различных регионов характеризуются особенным комплексом признаков. Звучит это так: «…в целом германские группы из различных регионов их расселения характеризуются определенным комплексом антропологических особенностей, отличным от такового у славян и балтов… Вот почему такие удаленные друг от друга материалы, как например, серия вестготов Испании и серия из Старой Ладоги располагаются в той части межгруппового корреляционного поля, которая занята в основном германцами…» (Ефимова 2002: 170).

В настоящее время высказывается и другая версия, объясняющая «скандинавские» краниологические комплексы, обнаруженные у отдельных групп средневекового населения Русского Северо-Запада и Севера сохранением в его составе антропологических особенностей древнего населения Северной Европы. Поэтому, как считает Д. В. Пежемский, эти особенности не могут рассматриваться как доказательство скандинавского происхождения (Пежемский 2012: 88–107).

Однако новейшее исследование с применением метода интеграции краниометрических и краниоскопических данных, проделанное коллективом авторов во главе с В. Г. Моисеевым, показало, что, при наличии в антропологическом типе скандинавского населения древних особенностей, общих с другими обитателями Европы, наибольшее сходство с ним демонстрирует все-таки средневековая староладожская серия: «…данные, полученные в результате проделанного нами анализа, свидетельствуют в пользу наличия специфического сходства средневековой серии из Земляного городища Старой Ладоги с населением Скандинавии, которое, как и многие средневековые группы северо-запада России, включило в себя антропологический компонент, связанный с носителями культур шнуровой керамики…» (Моисеев и др. 2015: 93). Авторы исследования считают, что «присутствие таких особенностей могло быть следствием сохранения как древнего субстрата, так и средневековых, эпохи викингов, связей населения Старой Ладоги и Скандинавии…» (Моисеев и др. 2016: 398)

В Старой Ладоге, отмечают авторы, как и на всей территории Новгородской земли, не обнаруживается однозначной преемственности раннего и позднего населения: «В отличие от средневековой, близкие к современности серии с территории Земляного городища и церкви Святого Георгия явно занимают промежуточное положение между средневековыми сериями, с одной стороны, и современными как славяноязычными, так и финноязычными популяциями — с другой…» (Моисеев и др. 2016: 398).

Исторический контекст памятника и выводы

Возвращаясь к вопросу о предположительной скандинавской атрибуции серии с Земляного городища Старой Ладоги, а также ряда могильников Северо-Запада и Севера, отметим: нами учитывались как данные антропологии, так и свидетельства пребывания «варягов» на соответствующих территориях, которые предоставляют нам исторические источники и археология.

Разумеется, наличие скандинавских вещей в археологических памятниках Новгородчины можно объяснять и торговыми связями. Такую возможность мы всегда учитывали (Санкина 2000: 80; 2008: 142). Но, коль скоро речь идет о Ладоге XI в., следует принимать во внимание не только ее положение как узлового пункта трансъевропейской торговли и главных «ворот» на Балтику. Нельзя игнорировать также конкретно-исторический контекст — события, хорошо известные по средневековым источникам. Речь идет о женитьбе князя Ярослава Владимировича на Ингигерд-Ирине, дочери конунга Олава Шведского, с последующей передачей Ладоги и всего «Ладожского ярлства» в управление ее двоюродному брату ярлу Рёгнвальду. В «Круге Земном» Снорри Стурлусона эти события описаны так:

«Следующей весной в Швецию прибыли послы Ярицлейва конунга из Хольмгарда узнать, собирается ли Олав конунг сдержать обещание, данное предыдущим летом, и выдать свою дочь Ингигерд за Ярицлейва конунга. Олав конунг сказал об этом Ингигерд и заявил, что он хочет, чтобы она вышла за Ярицлейва конунга. Она отвечает:

— Если я выйду замуж за Ярицлейва конунга, то хочу я получить от него как вено все владения ярла Альдейгьюборга и сам Альдейгьюборг.

Послы из Гардарики согласились от имени своего конунга.

<…> Ингигерд конунгова жена пожаловала Рёгнвальду ярлу Альдейгьюборг, и он стал ярлом всей той области. Рёгнвальд ярл правил там долго, и о нем ходила добрая слава…» (Снорри Стурлусон 1980: 234–235).

Разумеется, запись событий, сделанная 200 лет спустя, может быть неточна в деталях. Она, скорее всего, модернизировала ситуацию XI в. по образцу реалий, знакомых автору начала XIII в. Именно этим следует объяснять интерпретацию передачи Ладоги «в вено» за Ингигерд и ее последующее безоговорочное владение ею. В действительности, как указала Г. В. Глазырина, «…факты владения землей знатными женщинами в Швеции известны только с конца XII в. Аналогично на Руси… женщина получила право владеть и распоряжаться недвижимостью, в том числе землей, приблизительно в это же время…» (Глазырина 1994: 244). Однако такое уточнение отнюдь не опровергает самого исторического ядра событий, описанных в целой серии источников — «Круге Земном» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.), «Пряди об Эймунде» (XIV в.), глоссе XIII в. к «Истории гамбургских епископов» Адама Бременского, «Исландских анналах» (Там же: 240).

Если даже ярл Рёгнвальд сидел в Ладоге как наместник *самого Ярослава*, а не его жены (хотя, разумеется, тут не обошлось без предварительного договора с княгиней!), суть дела от этого не меняется. Для ярла отъезд из Швеции был фактически бегством: из-за ссоры с конунгом Олавом он не имел возможности вернуться на родину: «…конунг сказал, что он отпускает Рёгнвальда, и пусть он уезжает из Швеции и не попадается ему на глаза…» (Снорри Стурлусон 1980: 235). Поэтому на Русь (а точнее, именно в Ладогу!) он явился с целой флотилией, со всеми своими людьми и всем добром, которое смог захватить с собой. Утверждать, что эти события *никак не повлияли* на демографическую (и антропологическую!) ситуацию

в городе во второй четверти XI в., на наш взгляд, просто неправдоподобно. Гипотеза о заметной скандинавской составляющей в группе населения, оставившей нижний ярус погребений могильника на Земляном городище, остается в настоящее время основной и наиболее подтвержденной.

Возможно, первоначально кладбище на Земляном городище было местом захоронения дружинников, находившихся на службе у местного правителя или княжеского наместника (ярла Рёгнвальда? Его сыновей Ульва и Эйлива?). Наличие скандинавской составляющей, выявленной в ходе анализа антропологического материала, на наш взгляд, свидетельствует о том, что ядро этой группы составляли выходцы «из Заморья», хотя, вероятно, не все они являлись на Руси иммигрантами в первом поколении.

Одним из объяснений отсутствия останков стариков служит то, что вышедшие из активного возраста дружинники покидали Ладогу и возвращались на родину. Причиной смерти молодых переселенцев могли стать, кроме возможных военных операций, также болезни, неизбежные в тесноте средневекового города, и отсутствие иммунитета к «чужим» комплексам болезнетворных бактерий. Малое количество женских погребений заставляет поставить вопрос: может быть, местных женщин, которых воины брали в жены, их родичи хоронили в своих родовых могильниках, отдельно от мужей? Напротив, крещеные дети воинов погребались здесь, у церкви. С течением времени кладбище, скорее всего, утратило свою первоначальную обособленность.

Несомненно, информация по данному памятнику еще будет прибывать. В настоящее время в лаборатории палеогенетики Национального Музея Дании (Natural History Museum of Denmark) доктором А. Маргаряном (Dr. Ashot Margaryan) производится палеогенетический анализ образцов костного материала из коллекций 1938–1940 гг. Одновременно в Лаборатории археологической химии Университета Висконсин-Мэдисон, США (Laboratory for Archaeological Chemistry, University of Wisconsin-Madison) профессором Т. Д. Прайсом (prof. T. Douglas Price) произведен анализ образцов из того же могильника на содержание стронция. Полученные результаты недавно были озвучены на конференции, состоявшейся в МАЭ РАН[16], где профессор Прайс представил постерный доклад Scandinavians in Russia, origins of the inhabitants of Staraya Ladoga. Исследования подтвердили присутствие среди погребенных отдельных индивидуумов с высоким содержанием стронция в костях, что свидетельствует о неоднородности населения, оставившего могильник, и наличии среди них выходцев из приморского Балтийского региона. В скором времени следует ждать подробной публикации этих интересных данных[17].

Предварительно можно отметить: в интерпретации указанных данных не следует допускать излишней прямолинейности. Результаты, представленные профессором Прайсом на конференции, показали, что высокое присутствие стронция характерно для ряда костяков, обладающих отчетливым скандинавским комплексом признаков, но все-таки не для всех. Например, датированное погребение № 10 (1938 г.), подробно

[16] Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Piles of bones: палеоантропология, биоархеология, палеогенетика» (конференция посвящена 90-летию И. И. Гохмана). Санкт-Петербург, 08–13 октября 2018 г., МАЭ РАН.

[17] Авторы выражают признательность научному куратору особо ценных палеоантропологических коллекций Отдела антропологии МАЭ РАН канд. ист. наук В. Г. Моисееву и мл. науч. сотруднику ИИМК РАН Н. В. Григорьевой за информацию о работе по этим программам и их научных результатах.

описанное нами выше, имеет сравнительно низкий уровень стронция. Это лишний раз подтверждает, что часть носителей данного комплекса признаков являлись именно местными уроженцами, а не заморскими выходцами в первом поколении. Дальнейшие исследования костных проб новейшими лабораторными методами, несомненно, помогут установить детальные характеристики костных останков и уточнить интерпретацию этого памятника, во всех отношениях необыкновенного.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Показатели индивидуальных измерений скелетов XI–XII вв. из могильника на Земляном городище Старой Ладоги

Таблица 3.11. Индивидуальные измерения мужских черепов XI–XII вв. из могильника на Земляном городище Старой Ладоги

Обозначения и сокращения

Опись — Опись коллекции МАЭ РАН
Номер — Номер по описи
Погр. — Номер погребения
1 — Продольный диаметр
8 — Поперечный диаметр
8 : 1 — Черепной указатель
17 — Высотный диаметр от ba
17 : 1 — Высотно-продольный указатель
17 : 8 — Высотно-поперечный указатель
20 — Высотный диаметр от po
5 — Длина основания черепа
9 — Наименьшая ширина лба
9 : 8 — Лобно-поперечный указатель
upil — Угол поперечного изгиба лба
10 — Наибольшая ширина лба
9 : 10 — Лобный указатель
32 — Угол лба (n-m).
11 — Биаурикулярная ширина
40 — Длина основания лица
40 : 5 — Указатель выступания лица
43 — Верхняя ширина лица
45 — Скуловая ширина
45 : 8 — Горизонтальный фацио-церебральный указатель
46 — Средняя ширина лица
48 — Верхняя высота лица
48 : 45 — Верхний лицевой указатель
∠zm — Зигомаксиллярный угол
72 — Общий угол лица
73 — Угол средней части лица
51 — Ширина орбиты от mf
51a — Ширина орбиты от d
52 — Высота орбиты
52 : 51 — Орбитный указатель от mf
52 : 51a — Орбитный указатель от d
54 — Ширина носа
55 — Высота носа
54 : 55 — Носовой указатель
75(1) — Угол носа
sc — Симотическая ширина
ss — Симотическая высота
ss : sc — Симотический указатель
mc — Максиллофронтальная ширина
ms — Максиллофронтальная высота
ms : mc — Максиллофронтальный указатель
dc — Дакриальная ширина
ds — Дакриальная высота
ds : dc — Дакриальный указатель
fc — Глубина клыковой ямки
62 — Ширина неба
63 — Глубина неба
63 : 62. — Небный указатель
дтБ — Длина тела (формула Бунака)
дтТГ — Длина тела (формула Троттер и Глезер)

48 : 17 — Вертикальный фацио-церебральный указатель

77 — Назомалярный угол

Гл. погр. — Глубина погребения

Пр. — измерение правой орбиты

вк — длина тела вычислена по размерам только верхних конечностей

Таблица 3.11, часть 1

Опись	5680	5680	5680	5680	5680	5680	5680	5680	5680	5680
Номер	1	2	4	5	6	7	8	9	10	11
Погр.	1	2	4	5	6	7	8	10	11	12
Возраст	a	m	a	m	m	m	a	a	a	m
1	197	190	187	183	195	183	179	190	190	187
8	140	133	147	141	146	144	141	134	141	133
8 : 1	71,1	70,0	78,6	77,0	74,9	78,6	78,8	70,5	74,2	71,1
17	136	137	139	132	132	123	137	133	135	132
17 : 1	69,0	72,1	74,3	72,1	67,7	67,2	76,5	70,0	71,0	70,6
17 : 8	97,1	103,0	94,6	93,6	90,4	85,4	97,2	99,3	95,7	99,2
20	120	112	116	109	111	105	113	114	111	111
5	104	104	104	100	106	98	100	109	106	98
9	100	93	93	91	100	101	95	88	101	93
9 : 8	71,4	69,9	63,3	64,5	68,5	70,1	67,4	65,7	71,6	69,9
upil	130,8	131,7	133,1	132,7	131,6	135,2	131,7	138,8	137,2	135,6
10	116	114	119	113	121	120	124	112	126	107
9:10	86,2	81,5	78,1	80,5	82,6	84,1	76,6	78,5	80,1	86,9
32	84	83	79	80	83	79	81	68	76	83
11	126	120	125	125	133	134	123	124	132	122
40	98	93	80	97	101	103?	93	110	110	99
40 : 5	94,2	89,4	76,9	97,0	95,3	105,1	93,0	100,9	103,7	101,0
43	110	101	100	99	112	106	102	103	111	102
45	132?	127	130	128	145	137?	131?	129?	140	128
45 : 8	94,3?	94,5	88,4	90,8	99,3	95,1?	92,5?	96,2?	99,3	96,2
46	97	90	89	90	103	101	94	95?	99	87
48	77	67	80	65	72	71,5	70	70	77	65
48 : 45	58,3?	52,8	61,5	50,8	49,7	54,0	53,4?	54,3?	55,0	50,8
48 : 17	56,6	48,9	57,5	49,2	54,5	57,7?	51,1	52,6	57,0	49,2
77	137,6	134,4	133,1	138,2	142,2	143,3	137,2	133,1	138,6	136,0
∠zm	123,4	116,9	120,6	118,1	126,9	132,3	124,5	121,7	124,9	127,2
72	92	87	88	82	86	82?	82	82	75	81
73	97	89	91	82	88	85?	83	85	80	84
51	43	41	42,5	43	47	44	41	43	46	42
51a	41	36	39	39	43	40,5	39,5	38	42	38
52	33	33	37	29	32	33	36	34	33	28
52 : 51	76,7	80,5	87,1	67,4	68,1	75,0	87,8	79,1	71,7	66,7
52 : 51a	80,5	91,6	94,9	74,3	74,4	81,5	91,1	89,5	78,6	73,6
54	27	25	23	25	25	28,5	23	24,5	27	23
55	56	51	53	49	54	49	52	51	55	44

Таблица 3.11, часть 1, окончание

Опись	5680	5680	5680	5680	5680	5680	5680	5680	5680	5680
54 : 55	48,2	49,0	43,4	51,0	46,3	58,2	44,2	48,0	49,1	52,3
75(1)	30	32	37	34	33p	25	31	45	38	33p
sc	12,3	8,9	8,0	8,5	9,3	6,5	8,2	12,5	9,9	7,2
ss	6,7	5,3	4,9	5,5	5,0	2,9	5,0	8,3	6,8	3,9
ss:sc	54,5	59,5	61,2	64,7	53,8	44,6	61,0	66,4	68,7	54,2
mc	21,0	19,0	18,2	15,2	17,9	18,9	20,0	19,3	21,0	17,9
ms	10,5	10,2	10,9	8,0	9,1	7,9	9,4	11,5	10,9	8,5
ms : mc	50,0	53,7	59,9	52,6	50,8	41,8	47,0	59,6	51,9	47,5
dc	22,5	22,7	19,7	17,7	19,2	21,9	19,6	22,8	27,0	–
ds	14,2	12,2	13,8	13,4	11,2	8,0	12,0	17,1	5,6	–
ds : dc	63,1	53,7	70,0	75,7	58,3	36,5	61,2	75,0	20,7	–
fc	2,7	5,7	6,0	5,3	4,7	2,0	6,3	3,5	5,3	4,8
62	49	45	–	46	–	44	48	51	54	45
63	42	39	38	39	43	–	35?	39	40	40
63 : 62	85,7	86,6	–	84,8	–	–	72,9?	76,5	74,1	88,8
дтБ	178	171	169	163	172	158	177	171	183	166
дтТГ	180	174	171	165	174	157	179	174	183	169
Гл. погр.	73	69	60	49	49	54	58	75	75	60

Таблица 3.11, часть 2

Опись	5680	5680	5680	5680	5680	5719	5719	5719	5719	5719
Номер	12	13	16	17	18	2	4	7	8	9
Погр.	14	15	18	21	22	III	VIII	XII	XIII	XIV
Возраст	a	a	m	m	a	m	m	m	m	a
1	197	191	173	194	186	185	192	185	189	190
8	139	138	126	134	143	138	140	141	133	139
8 : 1	70,6	72,3	72,8	69,1	76,9	74,6	72,9	76,2	70,4	73,1
17	129	124	124	135	131,9	–	131	–	132	138
17 : 1	65,5	64,9	71,7	69,6	70,3	–	68,2	–	69,8	72,6
17 : 8	92,8	89,9	98,4	100,7	95,3	–	93,6	–	99,2	99,3
20	112	109	104	111	118	109	113	114	114	114
5	103	93	100	104	–	–	103	–	107?	101?
9	97	93	91	98	90	95	103	–	98	87
9 : 8	69,8	67,4	72,2	73,1	62,9	68,8	73,6	–	73,7	62,6
upil	128,0	131,7	135,6	126,1	135,6	139,8	137,6	–	132,1	132,3
10	117	113	112	117	119	117	123	–	115	118
9 : 10	82,9	82,3	81,2	83,7	75,6	81,2	83,7	–	85,2	73,7
32	75	79	76	75	83	–	–	–	–	–
11	123	122	117	124	122	127	125	123	118	114

Таблица 3.11, часть 2, окончание

Опись	5680	5680	5680	5680	5680	5719	5719	5719	5719	5719
40	98	94	99,5	94	–	–	95	–	–	–
40 : 5	95,1	101,1	99,5	90,4	–	–	92,2	–	–	–
43	107	103	101	105	105	–	108	–	105?	–
45	134	126?	122	134	131	–	134?	–	–	–
45:8	96,4	91,3?	96,8	100,0	91,6	–	95,7?	–	–	–
46	94	92	91	96	97	–	–	–	–	–
48	74	72	70	73	67	–	84?	–	–	–
48 : 45	55,2	57,1?	57,0	54,5	51,1	–	62,7?	–	–	–
48 : 17	57,3	58,0	56,0	54,1	–	–	64,1?	–	–	–
77	128,7	135,8	135,2	129,7	143,9	140,0?	139,6	–	138,8?	–
∠zm	124,9	123,4	126,0	121,5	137,4	–	125?	–	–	–
72	87	85	80	85	87	–	–	–	–	–
73	90	87	85	87	87	–	–	–	–	–
51	47	43	45	45	41	43?	43пр	–	–	–
51a	43	39	41	41	38	42?	40пр	–	–	–
52	35	34,5	36	37	32	36?	40пр	–	–	–
52 : 51	74,5	80,2	80,0	82,2	78,0	83,7?	93,0	–	–	–
52 : 51a	81,4	88,4	87,8	90,2	84,2	85,7?	100,0	–	–	–
54	24	21	23	25	26	24	24	–	–	–
55	47	55	52	56	45	43?	58	–	–	–
54 : 55	51,1	38,2	44,2	44,6	57,8	55,8?	41,4	–	–	–
75(1)	42	37	28	35	31?	–	30	–	–	–
sc	7,5	7,8	8,7	9,3	10,2	–	12,0	–	–	–
ss	5,0	6,3	5,4	5,6	5,0	–	7,5	–	–	–
ss : sc	66,7	80,8	62,0	60,2	49,0	–	62,5?	–	–	–
mc	19,1	16,7	13,9	17,5	20,7	–	17,0	–	–	–
ms	11,9	10,9	9,0	11,0	9,5	–	11,4?	–	–	–
ms : mc	62,3	65,2	64,7	62,9	45,9	–	67,0?	–	–	–
dc	20,4	18,6	16,1	23,7	22,8	–	13,0	–	–	–
ds	13,0	13,4	10,8	14,4	12,7	–	8,0	–	–	–
ds : dc	63,7	72,0	67,1	60,7	55,7	–	61,5	–	–	–
fc	5,5	2,3	3,9	5,3	4,6	3,4	8,0n	-	–	–
62	41,5	42	45	43	45	–	45	–	–	–
63	42	37	41	42	39	43	35	–	–	–
63 : 62	101,2	88,1	91,1	97,7	86,6	–	77,7	–	–	–
дтБ	174	166	–	176	162вк	–	177	–	–	–
дтТГ	177	169	–	178	167	168	179	168	–	–
Гл. погр.	68	60	–	–	62	40	42	49	24	31

Таблица 3.11, часть 3

Опись	5719	5719	5719	5719	5719	5719	5719	5719	5719	5719
Номер	10	11	12	17	18	22	23	24	29	30
Погр.	XV	XVI	XVII	XXII	XXIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXVIII	XXXIX
Возраст	a	a	a	m	m	m	a	m	m	a
1	186	191	186	189	186	181	193	184	193	175
8	142	143	–	144	137	135	144	140	135	134
8 : 1	76,3	74,8	–	76,2	73,7	74,6	74,6	76,1	69,9	76,5
17	130	129	–-	132c	135	139	122	–	135	131
17 : 1	69,9	67,5	–	70,3c	72,6	76,8	63,2	–	69,9	74,8
17 : 8	91,5	90,2	–	95,3c	98,5	103,0	84,7	–	100,0	97,7
20	108	111	–	115	110	116	113	112	113	114
5	96	103	–	–	107?	99	107	–	107	92
9	97	96	98	100	92	94	100	97	92	98
9 : 8	68,3	67,1	–	69,4	67,2	69,6	69,4	69,3	68,1	73,1
upil	134,0	138,6	133,9	134,0	138,0	136,0	138,7	138,4	134,4	130,8
10	121	118	125	121	114	117	121	118	115	116
9 : 10	80,1	81,3	78,4	82,6	80,7	80,3	82,6	82,2	80,0	84,5
32	78	78	–	82	75	80	83	–	–	93
11	125	123	–	127	124	122	125	127	124	121
40	96	101?	–	–	97	95	102?	–	–	92
40 : 5	97,9	98,0	–	–	96,6	95,9	102,0?	–	–	100,0
43	101	107	103	107	101	105	107	104	100	104
45	132?	133	–	136?	134	132?	131	–	–	130?
45:8	92,9?	93,0	–	94,4?	98,7	97,7?	90,9	–	–	97,0
46	89	92?	–	97	91	90	92	–	–	–
48	66	74?	79	77	69?	72	74?	69?	75?	68
48 : 45	50,0?	55,6?	–	56,6?	51,5?	54,5?	56,5?	–	–	52,3?
48 : 17	50,7	57,3?	–	–	51,1?	51,8	60,6?	–	55,6?	51,9
77	140,2	137,6	138,2	139,2	136,8	139,2	130,0	–	137,2	143,9
∠zm	126,5	124,2	–	128,9	123,1	127,6	119,4	–	–	–
72	80	83?	–	90	85	83	90?	–	–	83,0
73	82	87	–	93	89	89	94?	–	–	85
51	42	43	38?	45	41?	42	47	–	–	41
51a	39	40	–	40	–	40	44	–	–	37
52	32	33	36?	36	33	34	33	33?	33np	32
52 : 51	76,2	76,7	94,7?	80,0	80,5	81,0	70,2	–	–	78,0
52 : 51a	82,0	82,5	–	90,0	–	85,0	75,0	–	–	78,0
54	23	26	26	26	23	23	26	25?	22	24
55	49	43	57	57	51	51	52	50?	55	48
54 : 55	46,9	60,5	45,6	45,6	45,1	45,1	50,0	50?	40,0	50,0

Таблица 3.11, часть 3, окончание

Опись	5719	5719	5719	5719	5719	5719	5719	5719	5719	5719
75(1)	30	33	–	32	35?	35	46?	–	–	35
sc	7,0	11,5	–	10,1	–	9,0	9,5	–	–	7,9??
ss	4,5	7,3	–	6,1	–	4,5	6,9	–	–	6,4
ss : sc	64,3	63,5	–	61,0	60,5	50,0	72,6	–	–	81,0?
mc	17,3	20,0	–	10,0	–	18,2	18,4	–	–	17,6
ms	10,0	10,0	–	6,3	–	9,1	11,3	–	–	8,4
ms : mc	57,8	50,0	–	63,0	–	50,0	61,4	–	–	47,7
dc	18,8	21,0	–	19,6	–	10,9	18,3	–	–	19,2
ds	12,5	12,6	–	11,2	–	9,0	12,3	–	–	12,7
ds : dc	66,5	60,0	–	57,1	–	82,5	67,2	–	–	66,1
fc	4,4	3,5	3,2?	4,0	5,0	4,7	3,0	–	–	–
62	46	48	–	45	43	47	48	45?	49	43?
63	41	45	42	42	37	–	42	43	36	40
63 : 62	89,1	93,7	–	93,3	86,0	–	87,5	95,5	73,4	93,0
дтБ	169	171	172	–	–	163вк	164	–	–	–
дтТГ	171	175	175	166	169	167	169	170	180	–
Гл. погр.	37	51	38	54	65	–	–	57	62	–

Таблица 3.11, часть 4

Опись	5719	5719	5719	5719	5719	5757	5757	5757	5757
Номер	31	33	38	39	41	1	14	18	23
Погр.	XL	XLII	P5	P6	P10	I	XVIII	XXIII	21
Возраст	m	m	m	m	m	m	a	a	m
1	186	190	197	190	201	184	186	188	183
8	141	140	145?	136	139	143	143	144	150
8 : 1	75,8	73,7	73,6	71,5	69,1	77,7	76,8	76,6	81,9
17	127	–	–	–	–	132	–	134	–
17 : 1	68,3	–	–	–	–	70,3	–	71,3	–
17 : 8	90,1	–	–	–	–	95,3	–	93,1	–
20	109	124	117	112	–	118	109	115	119
5	101	–	–	–	–	–	–	98	–
9	97	97	106	101	92	87	97	94	102
9 : 8	68,8	69,3	73,1?	74,2	66,2	60,8	67,8	65,3	68,0
upil	138,2	–	131,4	138,4	130,0	136,2	–	132,3	129,8
10	122	120	–	122	103	120	122	124	129
9 : 10	79,5	80,8	–	82,8	89,3	72,5	79,5	75,8	79,0
32	80	–	–	–	–	85	–	83	–
11	126	124	130	121	–	119	132	125	130
40	100	–	–	–	–	–	–	91	–

Таблица 3.11, часть 4, окончание

Опись	5719	5719	5719	5719	5719	5757	5757	5757	5757
40 : 5	99,0	–	–	–	–	–	–	92,8	–
43	101	108	109	108	103	96	105	101	103
45	130	–	–	–	–	127?	–	133	–
45 : 8	92,2	–	–	–	–	88,0?	–	92,3	–
46	94	–	–	–	–	86	–	90	–
48	66	–	–	–	–	65	–	68	–
48 : 45	50,8	–	–	–	–	51,2?	–	51,1	–
48 : 17	51,9	–	–	–	–	–	–	50,7	–
77	133,1	143,1	140,0?	136,4	?–	140,0	–	138,6	145,6
∠zm	122,9	–	–	–	–	125,4	–	1249	–
72	83	–	–	–	–	82	–	89	–
73	86	–	–	–	–	90	–	92	–
51	42	–	–	–	–	40	–	41	–
51a	39	–	–	–	–	37	–	38	–
52	34	–	–	–	–	33	–	32	–
52 : 51	81,0	–	–	–	–	82,5	–	78	–
52 : 51a	87,2	–	–	–	–	89,2	–	84,2	–
54	24	–	26	26	–	25	–	24	–
55	50	–	–	–	–	45	–	48	–
54 : 55	48,0	–	–	–	–	55,6	–	49,0	–
75(1)	38	–	–	–	–	30	–	32	–
sc	9,3	–	–	–	9,8	10,0	–	9,4	–
ss	5,0	–	–	–	6,0	4,1	–	5,3	–
ss : sc	53,8	–	–	–	61,2	41,0	–	56,4	–
mc	20,0	–	–	–	–	19,0	–	20,0	–
ms	8,0	–	–	–	–	7,3	–	7,9	–
ms : mc	40,0	–	–	–	–	38,4	–	39,5	–
dc	20,6	–	–	–	20,1	20,0	–	22,6	–
ds	12,7	–	–	–	14,4	10,6	–	13,0	–
ds : dc	61,6	–	–	–	71,6	53,0	–	57,5	–
fc	4,5	–	–	–	–	5,0	4,8	4,5	–
62	46	–	45?	–	–	47	–	41	–
63	42	–	45	46	–	30	–	40	–
63 : 62	91,3	–	100	–	–	63,8	–	97,5	–
дтБ	180	–	–	–	–	–	–	175	–
дтТГ	181	–	–	–	–	174	–	176	–
Гл. погр.	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 3.12. Индивидуальные измерения длинных костей и показатели длины тела мужских скелетов XI–XII вв. из могильника на Земляном городище Старой Ладоги

№	Femur	Tibia	Humerus	Radius	Ulna	Длина тела по Бунаку	Длина тела по Троттер и Глезер	Глубина погр.
Опись 5680								
1	489	410	338	–	271	179,8	178,0	73
2	474	376	342	–	262	174,0	171,2	69
3	472	364	336	232	239	172,2	169,0	59
4	471	362	322	240	239	171,4	169,0	60
5	436	348	320	233	245	165,1	163,4	49
6	469	383	344	250	265	174,2	172,0	69
7	404	315	304	217	–	156,6	158,1	54
8	495	392	343	252	263	178,6	177,0	58
9	471	378	335	234	251	173,6	171,2	75
10	501	420	362	270	288	183,2	183,0	75
11	446	359	322	239	250	167,8	166,0	60
12	487	380	367	253	264	176,8	173,6	68
13	468	344	335	252	260	169,3	166,0	60
17	476	403	365	261	280	178,0	176,0	–
18	432	–	315	226	–	166,8	162,0	62
Опись 5719								
1	–	–	–	256	262	175,5	–	–
2	457	–	–	228	235	167,8	–	40
4	486	402	350	255	263	178,8	176,9	42
5	450	378	317	240	239	170,4	168,6	44
7	447	360	311	231	238	167,7	163,4	49
10	452	379	–	–	–	171,1	168,6	37
11	481	376	344	236	242	175,0	171,2	51
12	482	378	335	246	257	175,1	172,0	38
13	486	399	342	260	263	178,2	176,9	55
15	445	361	–	235	237	167,8	166,0	33
16	459	372	322	238	243	171,0	168,6	51
17	442	–	–	–	233	165,6	–	54
18	–	–	328	–	–	–	–	–
19	–	–	360	–	–	–	–	–
20	476	404	–	252	259	177,6	175,0	68

Окончание таблицы 3.12

№	Femur	Tibia	Humerus	Radius	Ulna	Длина тела по Бунаку	Длина тела по Троттер и Глезер	Глубина погр.
22	441	–	312	237	245	166,6	163,4	–
23	446	355	323	225	233	167,3	164,0	–
24	460	355	342	240	240	169,7	166,0	57
26	496	–	350	259	–	178,2	–	57
27	455	369	–	250	258	170,2	168,6	57
29	481	414	357	252	–	179,7	177,0	62
30	406	347	295	–	223	160,4	159,0	–
31	493	416	342	260	262	181,1	180,0	–
34	437	–	328	230	236	167,1	–	–
36	451	362	–	241	–	168,8	166,0	–
37	441	–	–	–	–	–	–	–
Опись 5757								
4	449	358	320	–	–	168,0	166,0	–
5	480	381	354	251	250	175,7	173,0	–
8	467	408	–	248	261	176,8	175,0	–
9	–	389	–	–	–	–	–	–
10	435	346	–	–	–	164,6	163,4	–
12	453	–	–	–	–	–	–	–
13	435	377	323	242	245	168,4	166,0	–
14	–	–	339	248	–	173,8	–	–
15	478	–	364	260	266	176,9	–	–
17	464	374	–	227	230	172,1	170,0	–
18	491	375	339	247	250	176,0	173,9	–
19	442	377	333	232	240	169,6	167,5	–
X	461,6	376,2	335,4	243,5	250,9	172,1	169,8	–
N	48	40	39	41	39	48	41	–
S	22,7	22,8	17,5	12,1	14,5	5,6	5,8	–

Прим.: X — средняя арифметическая, N — количество измерений, S — стандартное отклонение.

ГЛАВА 4
Посад Старой Ладоги: новые исследования

Ладожское открытое поселение: немного истории

С самого начала исследований Старой Ладоги в центре внимания ученых (а также любителей русской старины) всегда оказывались каменная крепость, Земляное городище и окружавшие их сопки. Прилегающее к ним открытое поселение, на территории которого, собственно, и расположено современное село Старая Ладога, оставалось как бы в тени этих ярких памятников. Вместе с тем попытки изучения Ладожского посада возобновлялись, в той или иной мере, каждым поколением археологов, приступавших к исследованию этого уникального комплекса.

Первым, кто обратил внимание на культурный слой открытого поселения, был Н. Е. Бранденбург: «…узкая прибрежная к Волхову полоса чернозема (между Николаевским монастырем и Ивановской церковью, ниже Ладоги) отличается большей мощностью и <…> в черноземе этом бывали случаи находок древностей курганного типа» (Бранденбург 1896: 28). «Можно заметить еще, что следы той же древней территории как-бы обозначаются прибрежной к Волхову полосой чернозема, местами до 100 саж. шириною, начинающегося приблизительно от Николаевского (Никольского. — *Авт.*) монастыря и кончающегося у ручья за церковью Иоанна Предтечи, то есть несколько севернее монастыря Успенского» (Бранденбург 1896: 37).

Изучая в 1884–1885 гг. каменную крепость и расположенную там церковь св. Георгия, Н. Е. Бранденбург одновременно провел исследование фундаментов двух древнерусских каменных храмов XII в. на левом берегу р. Ладожки (Бранденбург 1896: 46–49, 125–128, 319–320; Раппопорт 1982б: 76–77). При расчистке основания церкви Спаса на берегу Волхова были найдены «несколько серебряных вещей: шейная гривна, в виде большого проволочного кольца, спирально обвитого вызолоченной серебряной лентой; несколько больших древних серег, состоящих из согнутой проволоки с нанизками из дутых вызолоченных шариков; несколько пирамидальных золоченых бляшек от набора и небольшой кумофаренный венчик от образа. Кроме того в храме найдена серебряная монета „Великого Новгорода“ XV века» (Бранденбург 1896: 127; Соболев 2015). Тем самым Н. Е. Бранденбург, по сути, впервые провел раскопки на открытом поселении Ладоги.

Целенаправленная разведка и попытки изучения жилых слоев Ладожского открытого поселения были начаты в 1938 г. Староладожской экспедицией ЛГУ и ИИМК АН СССР под руководством В. И. Равдоникаса. Открывая новый цикл исследований на Земляном городище, В. И. Равдоникас одновременно заложил несколько разведочных траншей на «селище» к югу от городища — в Никольском конце Ладожского посада. Ввиду важности этого момента для истории изучения Старой Ладоги позволим себе привести обширную цитату из чернового отчета Г. П. Гроздилова о раскопках в Старой Ладоге в 1938 г. : «Одновременно с основными работами на Земляном городище,

были произведены разведки на селище, примыкающем к Земляному городищу с южной стороны и занимающему довольно обширную площадь вдоль берега р. Волхова вплоть до бывш. Никольского монастыря. Разведкой были выяснены впервые вопросы хронологического определения существования этого селища.

Три пробные траншеи, заложенные в различных пунктах селища, позволили выяснить характер стратиграфии культурных напластований и собрать большой вещественный материал. Раскопками установлено также почти полное отсутствие комплексов деревянных сооружений. Культурный слой селища окрашен в черный цвет и достигает в среднем толщины не менее 1 м. В нем содержатся многочисленные находки обломков керамики, костей животных, рыбы, реже — железных и бронзовых предметов. Керамика представлена различными типами: наряду с поздней, хорошо обожженной гончарной керамикой XII в. и позднее, встречены обломки горшков, изготовленных лепной техникой. Этот факт служит доказательством раннего возраста селища. Находки частей сложного составного гребня, украшенного кружками, железного топора, наконечников стрел, костяных шильев и проколок по своему составу сближаются с такими же предметами, найденными на Земляном городище в слое верхнего яруса деревянных построек и т. о. определяются тем же временем, то есть IX–X вв. Древнейшие находки обычно залегали в нижнем горизонте культурного слоя селища и сопровождались преимущественно большим количеством костей рыбы. Находок древнее IX–X вв. не обнаружено. Во всех траншеях под культурным слоем прослежена прослойка погребенной почвы, ниже которой залегает плотная глина светло-желтого цвета...» (Гроздилов 1938-Б: лл. 26об.–27об.).

В 1940 г. «мощный культурный слой с деревянными конструкциями» обнаружился и в северной части посада, у стен Успенского монастыря. Открытие было случайным: в этом месте стали рыть котлован под овощехранилище, и появившиеся материалы привлекли внимание археологов. Надзор за работами сначала осуществляла Староладожская экспедиция, в лице К. Д. Лаушкина (Равдоникас 1940-В: л. 21), позднее — Новгородский музей (В. А. Богусевич) (Там же: л. 28).

В 1952 г. в рамках работ Невской экспедиции под руководством Н. Н. Гуриной Г. П. Гроздилов заложил раскоп на левом берегу Ладожки «вблизи моста». Раскоп не был доведен до материка. На глубине 2,2 м работы пришлось остановить из-за поступления грунтовых вод. В раскопе был выявлен «мокрый» слой со щепой, навозом и деревянными конструкциями хорошей сохранности, аналогичный нижним слоям Земляного городища (Гроздилов 1952-А: лл. 5–6).

В 1957 г., в ходе работ Староладожской экспедиции ЛГУ и ИИМК АН СССР под руководством В. И. Равдоникаса, А. С. Каманцева провела сбор подъемного материала по берегам Ладожки на протяжении 4 км от ее устья, при этом на протяжении 500 м (до и после моста) была найдена средневековая круговая керамика (Каманцева 1957-А).

В 1984 г. в рамках исследований Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А. Н. Кирпичникова Г. С. Лебедев заложил шесть шурфов на левом берегу р. Ладожки, выше по течению от моста через нее. При этом был выявлен «мокрый» слой в этой части поселения, хотя и без дерева, годного для дендроанализа (Кирпичников 1984-А; Лебедев 1984-А; см. приложение 1). Кроме того, в 1968–1999 гг. осуществлялся постоянный археологический надзор за земляными работами на территории поселения, в первую очередь — при прокладке различных траншей. Проводила его сотрудник Староладожского музея З. А. Бессарабова (см. приложение 1).

Но все эти исследования носили эпизодический характер — в большей или меньшей степени. Принципиально новым этапом исследований посада явились масштабные раскопки, произведенные В. П. Петренко в 1972–1977 гг. Раскоп площадью 600 м^2 был заложен на покатом склоне левого берега Ладожки, почти на краю береговой террасы, в 50 м от воды (высота берега от воды — 8 м). Мощность культурного слоя на данном участке составила до 3,8 м. Под слоем мешаного серого гумуса толщиной 0,4–0,6 м залегал мокрый слой, сохраняющий органику, в котором на разных уровнях было выявлено около 60 построек (Петренко 1985).

Наиболее ранняя постройка раскопа датируется 842 г. (две порубочные даты), наиболее поздняя — 995 г. (порубочные даты 988–995 гг.) (Черных 1985б). В. П. Петренко выделил в раскопе 11 последовательно сменяющих друг друга горизонтов (Петренко 1985: 84), Н. Б. Черных отнесла эти же постройки к восьми строительным периодам (Черных 1985б: 122).

Если предшествующими исследованиями «селище» Ладоги было просто открыто и разведано, то раскопки В. П. Петренко позволили уже говорить предметно о хронологии, планировке, разных типах построек, типологии керамики, ремесленных традициях и социальном составе населения (Петренко 1985: 93–116; Сениченкова 1980; 1997; 1998; Сениченкова, Урюпов 2017а; 2017б; Конев, Петров 2000; Иванова, Иванова 2012; и др.). Строго говоря, теперь речь может идти уже не о «посаде», а о второй части первоначального Ладожского поселения, по-видимому, несколько более поздней, чем поселение в основании Земляного городища, и расположенной на противоположном от него левом берегу р. Ладожки.

В 2014–2015 гг., впервые за почти 40 лет, истекших после окончания работ В. П. Петренко, появилась возможность возобновить раскопки посада широкой площадью. Как и в случае В. П. Петренко (его раскопки были связаны с изменением трассы Волховского шоссе), исследования носили охранный характер: они проводились на месте установки памятника князьям Рюрику и Олегу. Раскоп 2014 г. был заложен под основание памятника, а раскоп 2015 г. — на месте лестницы, спускающейся от него к берегу Ладожки напротив каменной крепости (рис. 4.1).

Конечно, место раскопок было обусловлено не научными перспективами, а исключительно необходимостью проведения охранных работ. Выбор его не зависел от исследователя, но в этом оказались свои плюсы, ибо, в конечном счете, неординарный выбор участка обернулся неординарностью полученных результатов. В раскопе впервые оказались раскрыты прибрежные культурные отложения XVII–XVIII вв. и исследован на значительной площади неолитический слой in situ.

Изданием этих материалов мы открываем запланированную серию оперативных публикаций результатов раскопок с целью формирования Корпуса археологических источников по Старой Ладоге.

Раскопки 2014–2015 гг. на Ладожском открытом поселении

Раскоп 2014 г.

Раскоп 2014 г., заложенный на краю верхней части береговой террасы, в 50 м к северо-востоку от раскопа В. П. Петренко 1972–1977 гг., имел размеры 7 × 4 м (28 м^2), в соответствии с размерами постамента памятника. Дневная поверхность раскопа

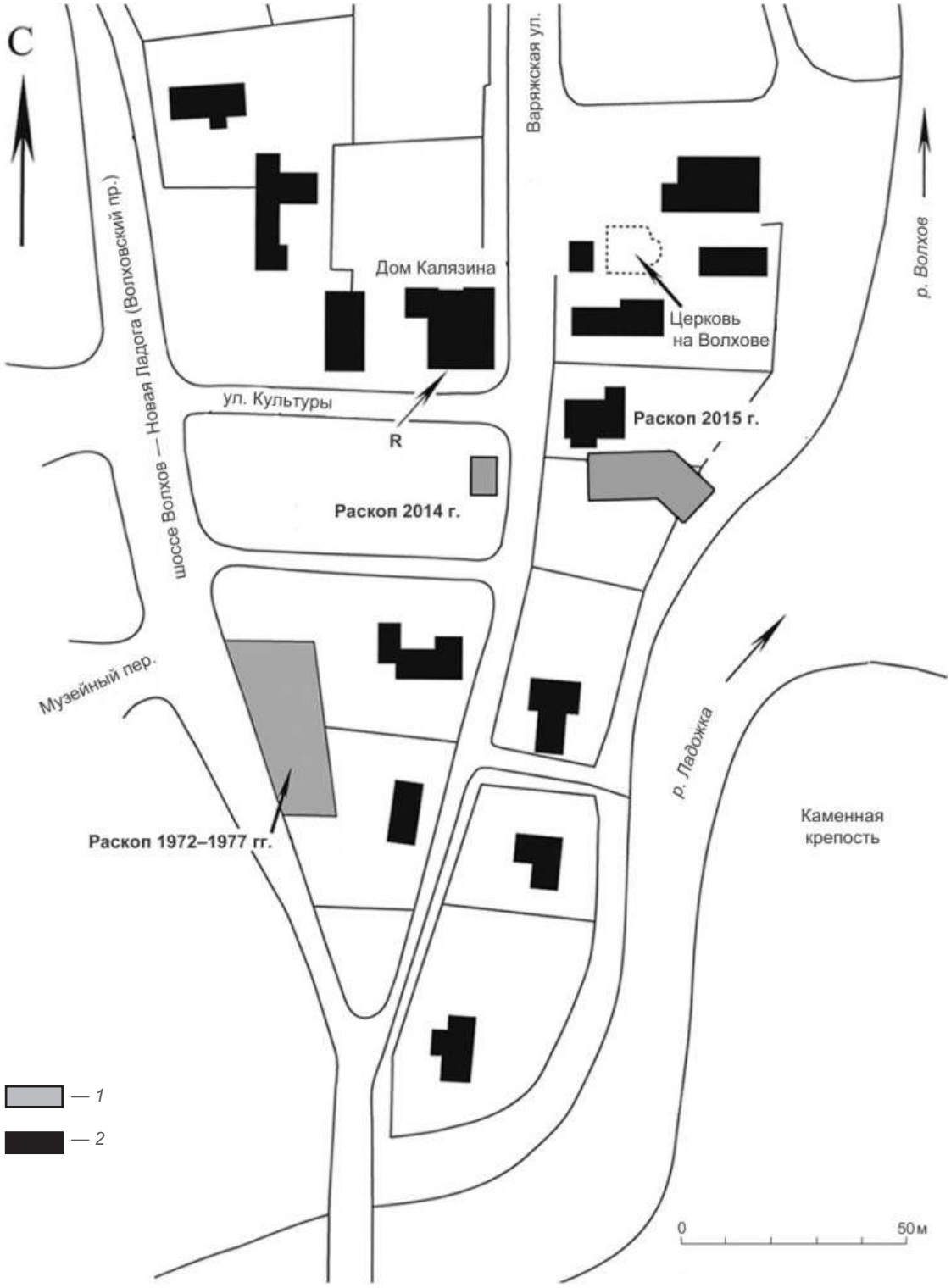


Рис. 4.1. Старая Ладога. Ситуационный план расположения раскопов на левом берегу р. Ладожки. *1* — раскопы; *2* — современные постройки

Рис. 4.2. Раскоп 2014 г. Индивидуальные находки из предматериковой части слоя бурого гумуса. Стеклянные бусы: *1* — САЭ-14 ВУ № 6; *2* — САЭ-14 ВУ № 7; *3* — САЭ-14 ВУ № 10; *4* — САЭ-14 ВУ № 9; *5* — САЭ-14 ВУ № 19; *6* — САЭ-14 ВУ № 17; *7* — САЭ-14 ВУ № 14; *8* — САЭ-14 ВУ № 8; *9* — САЭ-2014 ВУ № 20

Рис. 4.3. Раскоп 2014 г. Лепная керамика из материковой ямы № 4 (САЭ-15 ВУ № 26–32)

2014 г. находилась на отметках +11,2–11,4 БС с небольшим уклоном к югу[1]. Материк — песчано-супесчаные отложения (перемытая морена) — залегал на отметках +9,5–9,8 БС.

Мощность культурного слоя в этом месте составила около 1,8 м. Однако почти все древние отложения оказались разрушены при строительстве подвала жилого дома конца XIX в. Наиболее выразительной частью находок является небольшая коллекция раннесредневековых стеклянных бус из сохранившегося предматерикового слоя бурого гумуса (рис. 4.2). Зафиксированный слой древней распашки прорезан ямами с исключительно лепной керамикой. Предположительно их можно датировать IX — началом X в. (рис. 4.3).

Раскоп 2015 г.

Раскоп 2015 г. был заложен в 25 м к востоку от раскопа 2014 г., вблизи дома № 9 по Варяжской ул., на береговом склоне р. Ладожки. Форма раскопа, его ориентация и размеры ограничивались техническими параметрами планируемого сооружения — лестницы, спускающейся к воде от памятника князьям Рюрику и Олегу. Размеры раскопа составили 32 × 7,5 м (240 м^2). Мощность культурного слоя достигала 1,9 м в западной части и 2,4 м — в восточной. В результате проведенных

[1] За «ноль» для раскопов 2014 и 2015 гг. был принят репер, находящийся на левом углу верхней плоскости западного (левого) парапета южного крыльца дома купца Калязина (Музей археологии). Абсолютная отметка нулевого репера — 12,559 БС.

Рис. 4.4. Общий вид раскопа 2015 г. до начала работ. Вид с северо-северо-востока

археологических работ оказались изучены отложения различных эпох — неолита, средневековья и нового времени. В ходе их были исследованы погребенные почвы и геологические отложения, проведено радиокарбоновое и дендродатирование. Культурный слой имел значительные повреждения от перекопов XIX–XX вв. Тем не менее именно здесь впервые удалось проследить основные этапы освоения человеком устья Ладожки, начиная с неолита и кончая периодом, близким к современности.

Дневная поверхность раскопа 2015 г. находилась на отметках от +10,5–10,9 БС в западной части, с небольшим уклоном к югу, до +6,5 БС — в восточной, прибрежной части раскопа. Характер материка тот же, что и в раскопе 2014 г. — песчано-супесчаные отложения (перемытая морена). В западной части раскопа 2015 г. материк залегал на отметках +9,1 БС, а в восточной — +4,5–4,2 БС, что представляет собой средний современный уровень воды в Волхове. Материк формировался в течение длительного времени, с финала плейстоцена до начала суббореального периода голоцена. В целом эту толщу отложений можно связать с формированием долины р. Волхов и колебаниями уровня Ладожского озера в первой половине голоцена (Долуханов и др. 2006; 2008). В конце атлантического периода дно долины Волхова покрывается лесной растительностью; формируется нижняя погребенная почва толщиной 2–3 см (см. приложение 2). В западной части раскопа 2015 г. погребенная почва оказалась переработана слоем неолитической стоянки. Отметим в этой связи: в 1979–1982 гг. во время раскопок Н. К. Стеценко у Стрелочной башни крепости отдельные находки эпохи неолита были зафиксированы и на противоположном берегу Ладожки (Тимофеев, Стеценко 1997).

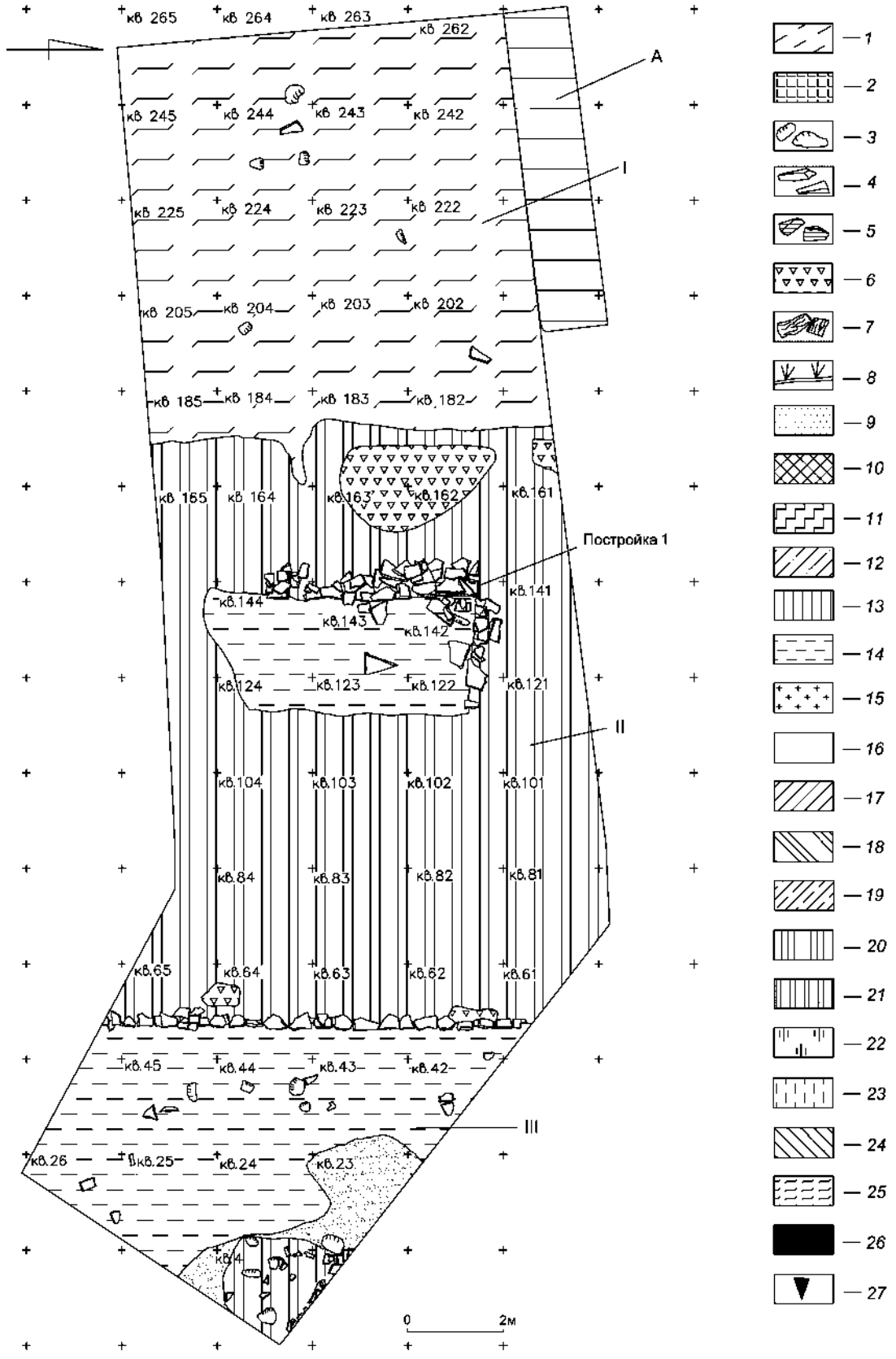
Рис. 4.5. Общий вид раскопа 2015 г. после снятия балластного слоя. Вид с востока

В период Ладожской трансгрессии (4500–3000 л. н.) нижнее течение Волхова превращается в залив Ладожского озера, погребенная почва и неолитический слой на территории раскопов 2014–2015 гг. перекрываются отложениями озерных глин (сапропеля) толщиной 60–80 см. Аналогичный слой на Земляном городище существенно тоньше — 10–18 см (Александровский и др. 2010; Александровский, Долгих 2012). После образования Невы (около 3000 л. н.) уровень воды понижается, верхняя часть сапропеля перерабатывается почвообразованием и превращается в гумусовый горизонт почвы. Верхняя часть почвы в обоих раскопах находится на абсолютных отметках около +9,8–9,9 БС. Этот плодородный слой носит следы распашки (см. приложение 2), как и на территории Земляного городища, где датируется временем около третьей четверти I тыс. н. э. (Александровский 2012; Александровский и др. 2018).

Поскольку раскоп 2015 г. располагался на склоне левого берега Ладожки, перепад высот дневной поверхности составил около 4,5 м, что и определило методику раскопок (рис. 4.4). Раскоп как бы распался на три части (рис. 4.5, 4.6). На западном, почти горизонтальном, участке сохранился слой отложений Ладожской трансгрессии и слой неолитической стоянки под ним. На центральном участке культурный слой оказался полностью разрушен подрезкой берега при строительстве в XIX в. дома на каменном фундаменте. На восточном участке сохранились отложения от раннего средневековья до нового времени.

Западный участок раскопа 2015 г.

Дерновый слой и верхние 0,6–0,8 м балластного слоя и строительного мусора были сняты при помощи техники. В западной части раскопа при этом обнажилась


кв 265
кв 264
кв 263
кв 262
кв 245
кв 244
кв 243
кв 242
кв 225
кв 224
кв 223
кв 222
кв 205
кв 204
кв 203
кв 202
кв 185
кв 184
кв 183
кв 182
кв 165
кв 164
кв.163
кв.162
кв.161
кв.144
кв.143
кв.142
кв.141
кв.124
кв.123
кв.122
кв.121
кв.104
кв.103
кв.102
кв.101
кв.84
кв.83
кв.82
кв.81
кв.65
кв.64
кв.63
кв.62
кв.61
кв.45
кв.44
кв.43
кв.42
кв.26
кв.25
кв.24
кв.23
кв.4
A
I
II
III
Постройка 1
0
2м
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27

поверхность слоя синей стерильной глины — отложений Ладожской трансгрессии. После снятия этого слоя мощностью 0,5–0,8 м обнажился слой коричневого суглинка. При его зачистке были обнаружены фрагменты гребенчато-ямочной керамики и кремневые отщепы.

Стоянка эпохи неолита расположена на глубине около 2 м от современной дневной поверхности. Памятник находился на краю берегового склона (рис. 4.6). Судя по найденному древнему руслу, здесь в это время протекал небольшой ручей, впадавший в реку, по берегам которого и располагалась стоянка. Культурный слой, представленный коричневым суглинком, имел небольшую мощность — 0,05–0,15 м. Следов неолитических построек и деталей их конструкции не было зафиксировано, нет также и столбовых ям. Обнаружено одно отопительное сооружение — очаг в виде круглой ямы, заполненной камнями и слоем угля толщиной 0,20 м на ее дне. В очаге найдены фрагменты лепной керамики, кремневые отщепы, осколок шлифованного орудия из сланца. Инвентарь стоянки характерен для поселений позднего неолита Северо-Запада России и представлен различными орудиями труда (см. приложение 3). Скопление находок выявлено только одно — у очага в кв. 202. На остальной исследованной территории стоянки находки располагались разреженно, культурный слой слабо насыщен ими. Это, скорее всего, свидетельствует о временном или сезонном характере стоянке. О небольшой численности первобытного коллектива говорит и отсутствие крупных скоплений костей.

Три радиоуглеродные даты неолитического культурного слоя были получены по образцам древесного угля в Лаборатории ИИМК РАН (табл. 4.1, рис. 4.7). Еще одна дата — нижней погребенной почвы в раскопе 2015 г. — получена в Отделе ядерной геохимии и космохимии Института геохимии окружающей среды НАНУ (Киев, Украина) (см. также приложение 2).

Таким образом, радиоуглеродный возраст культурного слоя — первая половина — середина IV тыс. до н. э., что хорошо согласуется с типологическими датировками керамики и каменного инвентаря. Выбрать более узкий хронологический диапазон дат в настоящий момент не представляется возможным.

Рис. 4.6. Общий план раскопа 2015 г. I — Западный участок раскопа. Культурный слой эпохи неолита. II — Центральный участок раскопа. Перекоп. III — Восточный участок раскопа. Культурные напластования позднего средневековья — нового времени. А — Бетонная отмостка у дома 9 по Варяжской улице.
Условные обозначения (для рис. главы 4): *1* — темно-серая мешаная супесь с бурым гумусом и древесным тленом; *2* — гравий; *3* — камни-валуны; *4* — камни известняк; *5* — кирпичи; *6* — кирпичный бой; *7* — дерево; *8* — дерн; *9* — желтый песок; *10* — водоотводные колодцы; *11* — щепа; *12* — плотная светло-серая супесь с камнями и тленом; *13* — рыхлая бурая мешаная супесь со строительным мусором; *14* — серая мешаная супесь; *15* — красно-коричневая мешаная глина; *16* — бурый гумус с древесным тленом и мелкими угольками; *17* — мешаная белая глина с кирпичной крошкой и мелкими угольками; *18* — желтый гумусированный крупнозернистый песок с колотым известняком; *19* — углистость; *20* — рыхлая светло-коричневая супесь с древесным тленом; *21* — пестрая мешаная супесь со строительным мусором и камнями; *22* — мешаный гумусированный белый песок; *23* — мешаный бурый гумус с древесным тленом и щепой; *24* — мешаная белая глина с бурым гумусом; *25* — коричневый суглинок; *26* — уголь; *27* — места взятия дендроспилов

Таблица 4.1. Старая Ладога, Варяжская улица, раскоп 2015 г.
Радиоуглеродные датировки неолитического слоя

Лабораторный индекс	Радиоуглеродный возраст (л. н.)	Калиброванный возраст (1 δ) (до н. э.)	Контекст образца	Материал
Le-11283	4670 ± 90	3630–3580 3530–3360	кв. 202, очаг (яма 6)	Древесный уголь
Le-11284	5100 ± 70	3970–3890 3880–3790	кв. 202, очаг (яма 6)	Древесный уголь
Le-11285	4990 ± 100	3940–3860 3820–3660	кв. 202, очаг (яма 6)	Древесный уголь
Ki-18100	4560 ± 70	3490 (4,4 %) 3470 3380 (24,8 %) 3260 3240 (39,0 %) 3100	кв. 262 (–200 см)	Погребенная почва

Восточный участок раскопа 2015 г.

Культурный слой разбирался здесь не горизонтальными пластами, а по слоям, спускающимся с запада на восток. На основе стратиграфии десяти основных слоев выделены шесть условных строительных горизонтов (табл. 4.2). Ниже приводится их описание, начиная с древнейшего (шестого) горизонта.

Таблица 4.2. Старая Ладога, Варяжская улица, раскоп 2015 г.
Соотношение слоев и строительных горизонтов в восточной части раскопа

Гориз-т	Датировка	Слой	Характеристика слоя
1	Конец XIX–XX в.	1	Мешаная пестрая супесь со строительным мусором
		2	Желтая мешаная супесь со строительным мусором и камнями
		3	Серая мешаная супесь
2	XVIII–XIX вв.	4	Темно-серая мешаная супесь
3	Конец XVI — начало XVIII в.	5	Бурый гумус с угольками, древесным тленом и включениями глины
4	Конец XVI — XVII в.	6	Бурый гумус с угольками и древесным тленом
5	Вторая половина — конец XVI в.	7	Бурый гумус со щепой, мешаным белым песком, глиной и камнями
6	IX–XV вв.	8	Бурый гумус с древесным тленом
		9	Желтый гумусированный песок с камнями
		10	Плотная серая супесь с камнями и тленом

Горизонт 6 (рис. 4.8). Раннесредневековые материалы сохранились в раскопе только в переотложенном виде: в средневековье вмещавший их слой был сюда перемещен и использован в качестве береговой подсыпки толщиной от 0,2 до 1,5 м. Материк в прибрежной части — белый кварцевый песок; погребенная почва отсутствует. В самом основании культурного слоя, на материке, были выявлены

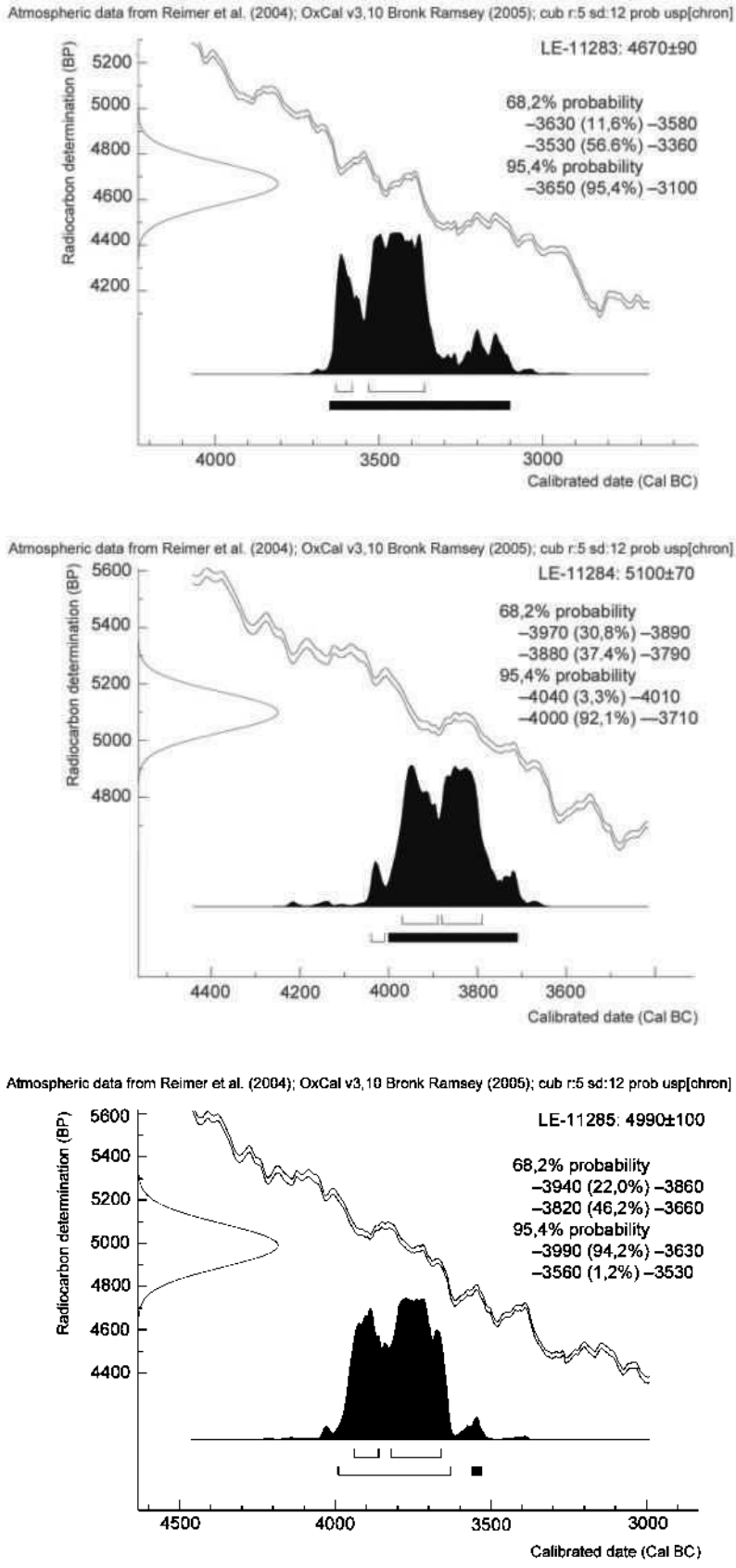


Рис. 4.7. Радиоуглеродные датировки неолитического слоя

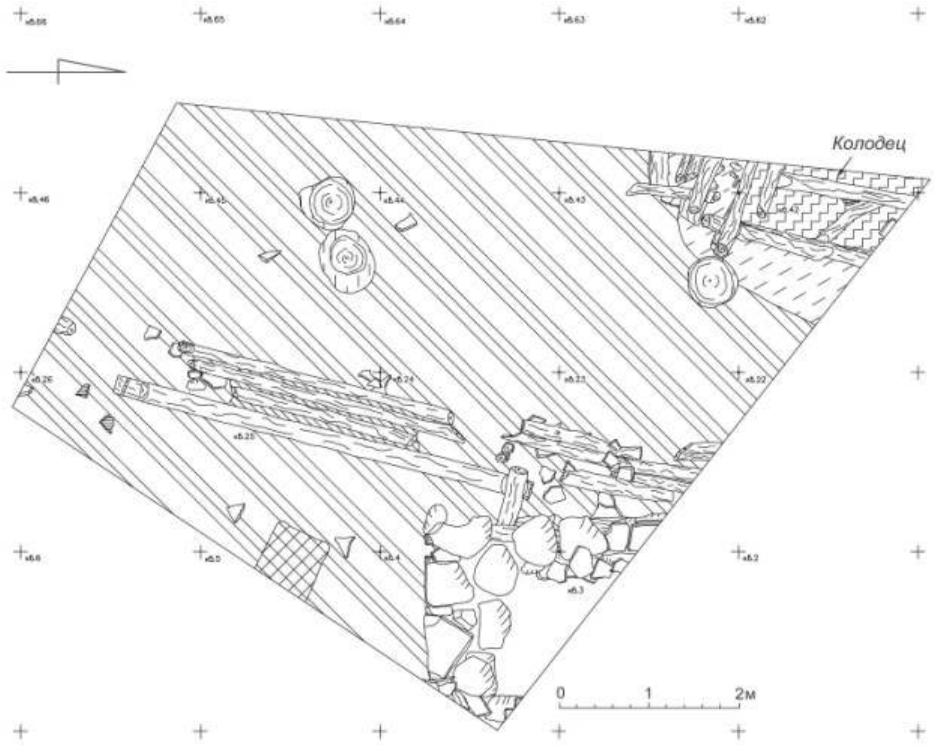


Рис. 4.8. Восточная часть раскопа 2015 г. Горизонт 6

небольшие аморфные линзы рыхлого мешаного бурого гумуса с фрагментами лепной керамики, которые являются свидетельствами оплыва береговой линии в раннем средневековье. Выше залегал слой подсыпки берега из крупнозернистого желтого гумусированного песка с камнями и включениями гумуса. Слой неоднороден, но в его толще незаметно никаких промежуточных прослоек или следов погребенной почвы. Видимо, подсыпка была сделана единовременно, но в несколько приемов. Перекрывает ее слой щепы. Частично подсыпка прорезана более поздними сооружениями.

В слое желтого гумусированного песка с камнями и включениями гумуса при промывке были выявлены находки, которые можно суммарно отнести к IX–XII вв.: скандинавская железная подвеска в виде молоточка Тора (рис. 4.9, *5*); фрагмент височного кольца (рис. 4.9, *7*); костяной гребень односторонний составной (рис. 4.9, *3*) второй группы по О. И. Давидан (Давидан 1962: 100–101); фрагмент костяной ложки (рис. 4.9, *2*); деревянная подвеска-копоушка (рис. 4.9, *1*); ледоходный шип, стеклянные бусы (рис. 4.9, *8-15*); фрагмент навесного замка типа А (рис. 4.12, *8*) по Б. А. Колчину (Колчин 1982: 160); многочисленные судовые заклепки; фрагменты лепной керамики (рис. 4.10, *2, 4, 6–10*); многочисленные отходы косторезного производства. Но одновременно в слое подсыпки были найдены предметы, относящиеся к XIII–XV вв.: фрагменты средневековой круговой керамики (рис. 4.10, *1, 3, 5*; 4.11); ключ от навесного замка типа Д или Е (рис. 4.12, *9*) по Б. А. Колчину (Колчин 1982: 160), что свидетельствует о перемешанности данного слоя.

На поверхности горизонта 6 — подсыпки (рис. 4.8) на небольшую прослойку глины был положен настил № 4 из тонких еловых и сосновых бревен. Настил вытянут

Рис. 4.9. Горизонт 6. Находки из подсыпки береговой линии. *1* — подвеска-ложечка (САЭ-15 ВУ № 1223); *2* — фрагмент ложки (САЭ-15 ВУ № 1079); *3* — гребень односторонний (САЭ-15 ВУ № 1078); *4* — накладка (САЭ-15 ВУ № 1049); *5* — подвеска-амулет «молот Тора» (САЭ-15 ВУ № 926); *6* — фрагмент футляра одностороннего гребня (САЭ-15 ВУ № 1081); *7* — фрагмент височного кольца (САЭ-15 ВУ № 1060); *8–13* — бусы (САЭ-15 ВУ № 1066; 1065; 1043, 1040, 1034; 1039); *14–15* — пронизки (САЭ-15 ВУ № 1033, 1045). *1* — дерево; *2–4*, *6* — рог; *5* — железо; *7* — медный сплав; *8–15* — стекло

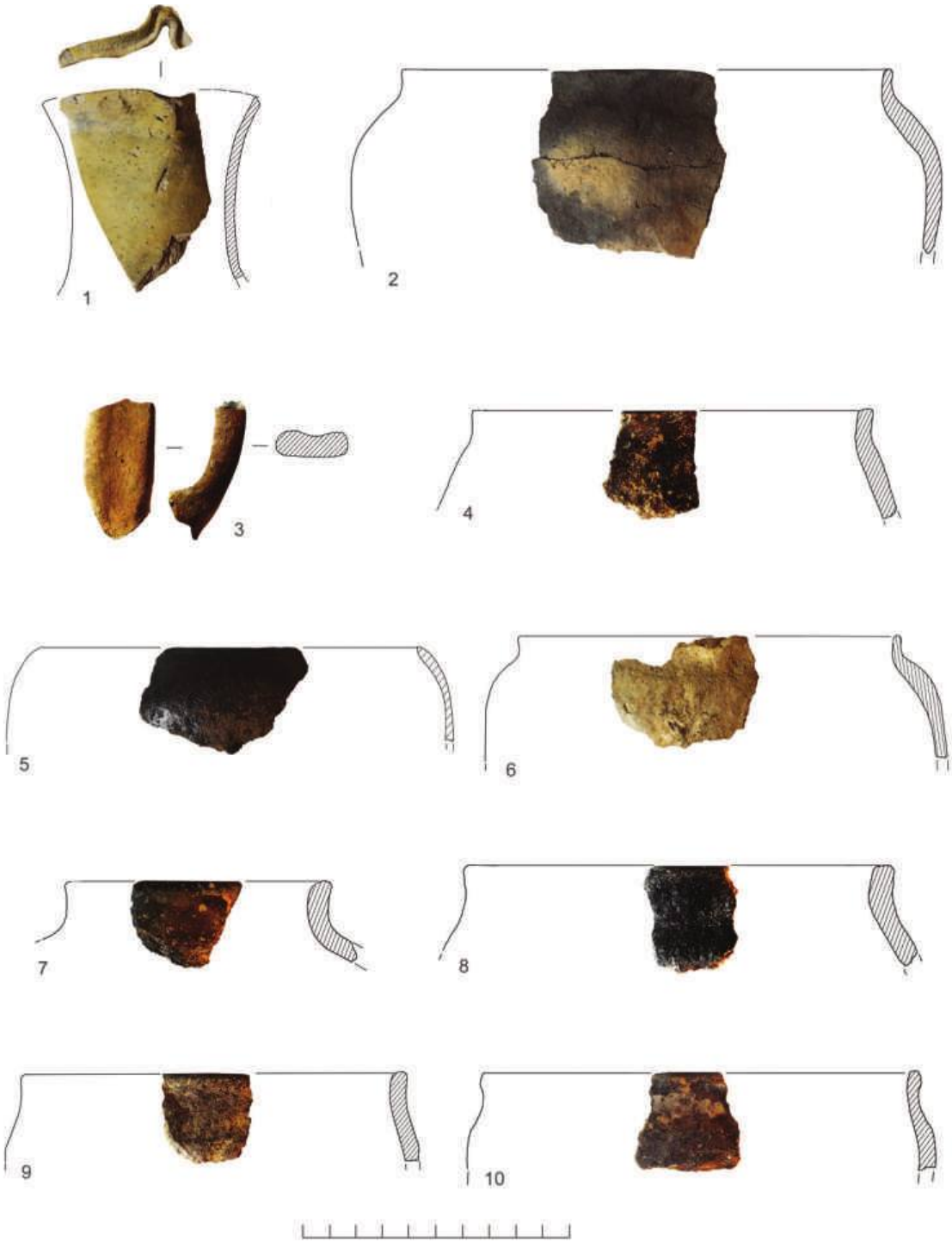


Рис. 4.10. Горизонт 6. Керамика. *1* — фрагмент венчика белоглиняного кувшина; *3* —фрагмент ручки белоглиняного кувшина; *2, 4–10* — фрагменты венчиков лепных сосудов

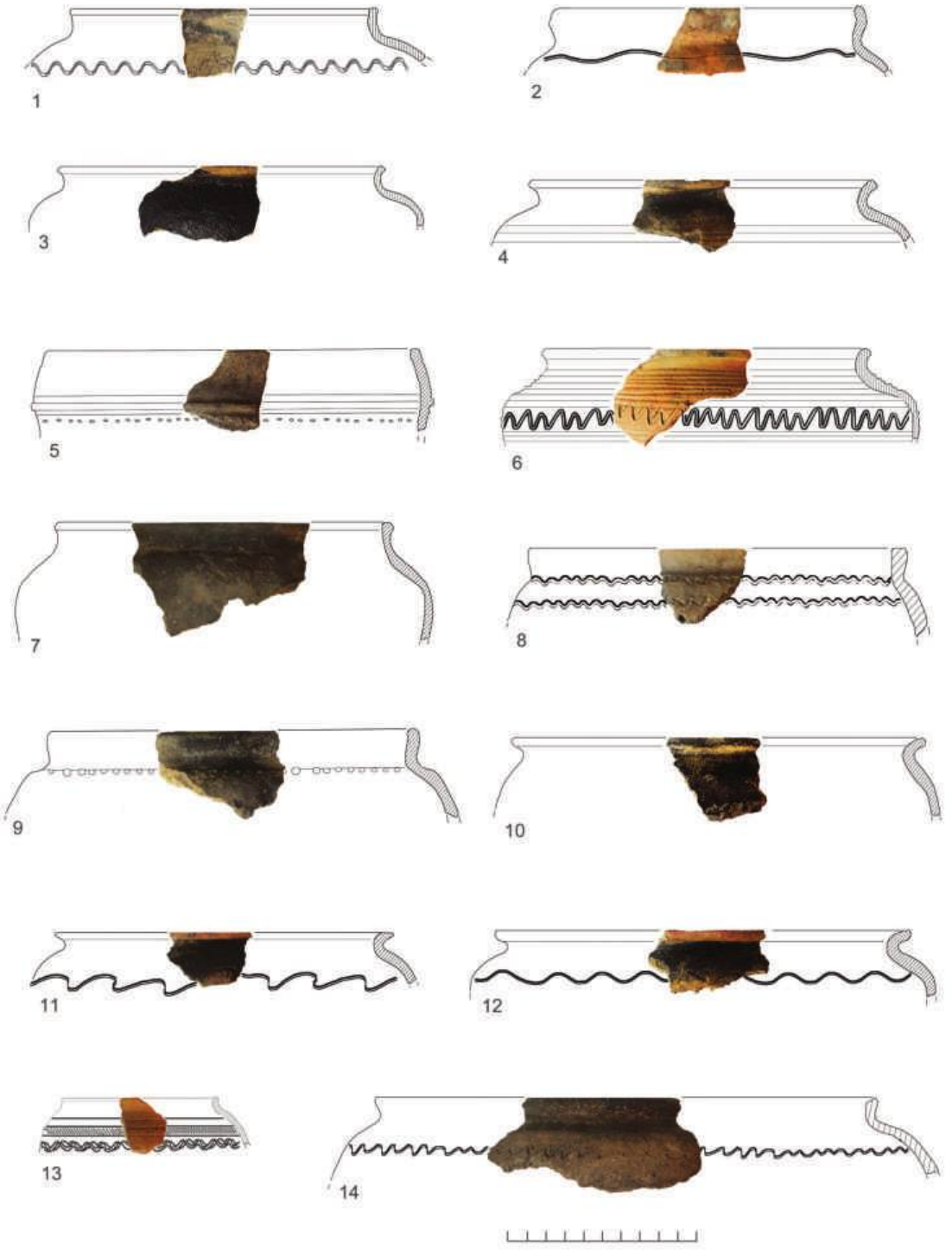


Рис. 4.11. Горизонт 6. Круговая керамика

Рис. 4.12. Металлические бытовые изделия из горизонтов 6 (*3–6, 8, 10*), 4–5 (*1–2, 7, 9, 11–12*), 3 (*13*): *1–2, 4–6* — ножи (САЭ-15 ВУ № 836, 801, 1113, 976, 873); *3* — черешковый наконечник дротика (САЭ-15 ВУ № 928); *7* — фрагмент ножниц (САЭ-15 ВУ № 746); *8* — фрагмент навесного замка типа А (САЭ-15 ВУ № 1122); 9 — ключ от навесного замка типа Д или Е (САЭ-15 ВУ № 872); *10* — фрагмент накладки (САЭ-15 ВУ № 870); *11* — фрагмент лезвия топора (САЭ-15 ВУ № 515); *12* — крюк (САЭ-15 ВУ № 869); *13* — фрагмент цепи из двух звеньев (САЭ-15 ВУ № 1053). *1–7*, *10–13* — железо; *8–9* — железо, медный сплав

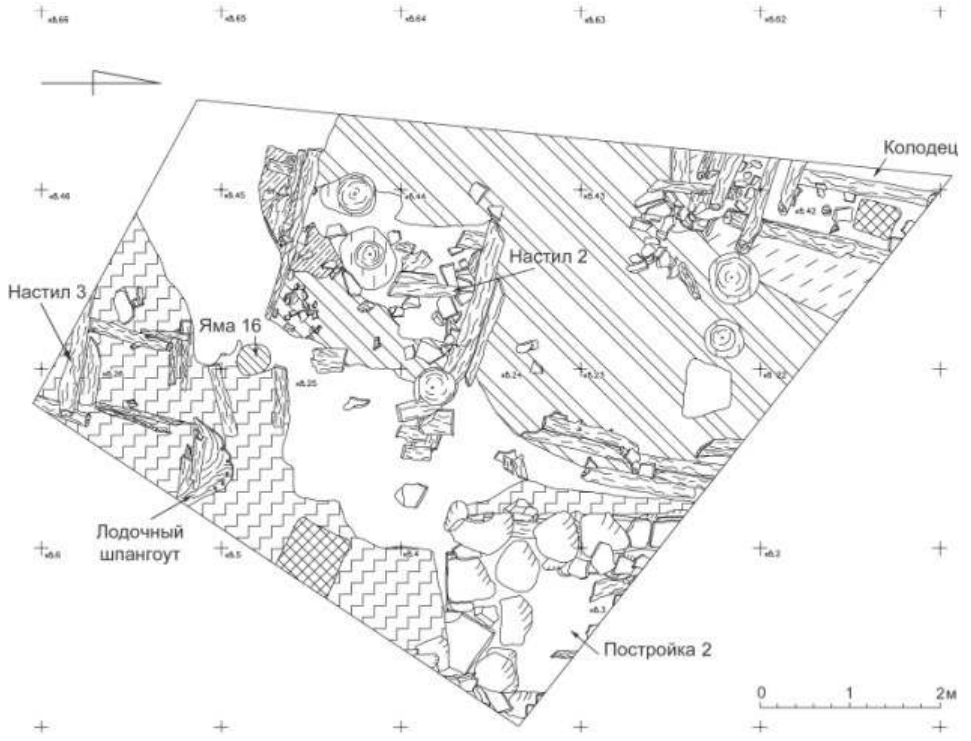


Рис. 4.13. Восточная часть раскопа 2015 г. Горизонт 5

вдоль берега Ладожки. В качестве подкладок для него использовались плиты и валуны, а для крепления — вертикально вбитые колья и одно бревно, уложенное поперек в специальную врубку. Эти последние удерживали настил от сползания в воду.

Горизонт 5 (рис. 4.13; 4.23). Настил № 4 находился в основании горизонта 5 и был перекрыт слоем бурого гумуса со щепой, мешаным белым песком, глиной и камнями. На поверхности горизонта 5 расчищены настилы № 2 и 3. Настил № 2 был сооружен из двух или трех параллельных досок, положенных на слой тонкой светлой глины с углистыми прослойками. В качестве подкладок использовались плиты известняка и камни-валуны. Поверх располагались продольные доски, от которых сохранились только фрагменты. Настил № 3 сооружен из тонких бревен и досок; в раскоп попал лишь его фрагмент, точно конструкция неясна. Бревна лежали перпендикулярно друг другу на подкладках из плит, кирпичей и валунов, вокруг располагались фрагменты досок. Рядом с настилом № 3 найден лодочный шпангоут от однодеревки с нашивными бортами (Сорокин 1997: 29, 83, рис. 10, *3–5*). Среди находок присутствуют три целые П-образные железные судовые скобы и 17 их обломков; одна судовая скоба с округлой центральной частью (всего 21 фрагмент); один фрагмент сапожной врезной подковки с низкой и широкой пластиной с креплением на шипах; два больших гвоздя и один декоративный гвоздь с выпуклой шляпкой. Из каменных изделий стоит отметить целое рыболовное грузило и фрагмент аналогичного изделия; фрагмент точильного камня. Здесь же найдены наконечники копий, распространенные, преимущественно, во второй половине XVI — середине XVII в. (см. приложение 4). В целом горизонт 5 можно датировать, с учетом характера вышележащих напластований, второй половиной — концом XVI в.

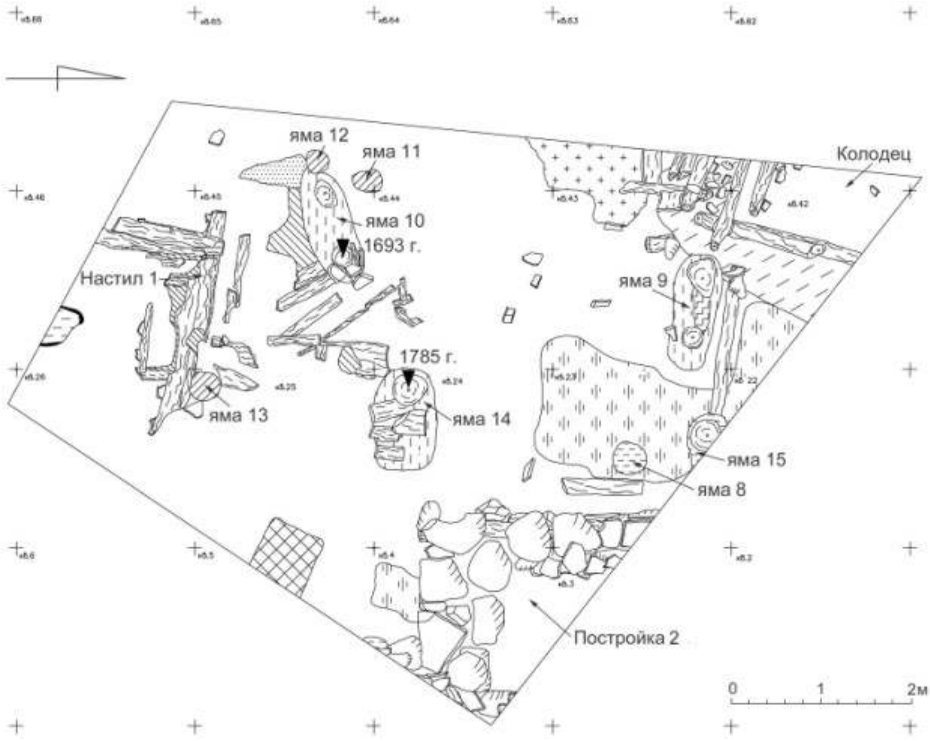


Рис. 4.14. Восточная часть раскопа 2015 г.
Горизонт 4

Горизонт 4 (рис. 4.14, 4.23). Следующий по времени комплекс — дренажный колодец в северо-западном секторе прибрежной части раскопа. Сруб был сложен «в обло» из бревен округлого сечения диаметром 0,15–0,20 м. В колодце было найдено большое количество фрагментов кожаной обуви XVI в. (определены А. В. Курбатовым); железный нож с пластинчатым черешком и отверстиями для заклепок (рис. 4.16, *3*); замок навесной типа Е (рис. 4.16, *9*) датируемый по новгородской шкале второй половиной XIV — XVI в. (Колчин 1982: 160, 163); круговая керамика (рис. 4.17, *4, 5;* рис. 4.18). В южной части участка расчищен настил № 1. Здесь найдены девять сапожных подковок и их фрагментов. Из них шесть экземпляров — врезные с низкой и широкой пластиной на трех шипах, одна подковка с низкой, широкой пластиной с комбинированным способом крепления и два фрагмента с низкими и широкими пластинами, способ крепления которых неясен из-за повреждений. Обнаружено также 39 судовых скоб и их фрагментов.

Горизонт 3 (рис. 4.19, 4.23). Предыдущий горизонт перекрыт еще одной подсыпкой берега: слоем бурого гумуса с тленом, угольками и включениями глины. В прибрежном, северо-восточном углу раскопа 2015 г. выявлен угол основания постройки, сложенной из массивных валунов и крупных плит известняка, в основании которых лежали бревна-лаги. Связанный с постройкой слой бурого гумуса с древесным тленом, угольками и включениями глины содержит находки конца XVI — начала XVIII в., в том числе монеты-чешуйки Бориса Годунова, 1598 г. (САЭ-15 ВУ № 813), Михаила Федоровича, 1630–1641 гг. (САЭ-15 ВУ № 570), и денгу Петра I (САЭ-15 ВУ № 789) (определение К. В. Горлова). Найдены также перстень овальнощитковый с вырезанным изображением из цветного металла (рис. 4.15, *7*);

Рис. 4.15. Горизонт 3. Находки из кости, цветных металлов, камня и стекла: *1* — гребень двухсторонний (САЭ-15 ВУ № 353); *2–3, 5–6* — нательные кресты (САЭ-15 ВУ № 773, 777, 550, 575); *4* — игла (САЭ-15 ВУ № 494); *7* — перстень с изображением птицы на щитке (САЭ-15 ВУ № 541); *8* — фрагмент необработанного янтаря (САЭ-15 ВУ № 501); *9* — наконечник ремня (САЭ-15 ВУ № 885); *10* — тыльник рукояти ножа (САЭ-15 ВУ № 562); *11* — грузик дисковидный (САЭ-15 ВУ № 478); *12* — бусина (САЭ-15 ВУ № 601). *1–4* — кость; *5* — медный сплав, цветная эмаль; *6–7* — медный сплав; *8* — янтарь; *9, 11* — оловянно-свинцовый сплав; *12* — стекло

Рис. 4.16. Металлические бытовые изделия из горизонтов 2 (*1, 5–8, 10–11*), 1 (*2*), 4 (заполнение колодца — *3, 4, 9*). *1–3, 7* — ножи (САЭ-15 ВУ № 1239, 2, 1048, 481); *4* — фрагмент ключа (?) (САЭ-15 ВУ № 1225); *5* — накладка с прорезным орнаментом (САЭ-15 ВУ № 464); *6* — фрагмент петли сундука (САЭ-15 ВУ № 421); *8* — петля сундука шарнирная (САЭ-15 ВУ № 482); *9* — замок навесной типа Е (САЭ-15 ВУ № 1224); *10–11* — фрагменты серпов (САЭ-15 ВУ № 334, 333). *1–2, 4–8, 10–11* — железо; 3, 9 — железо, медный сплав

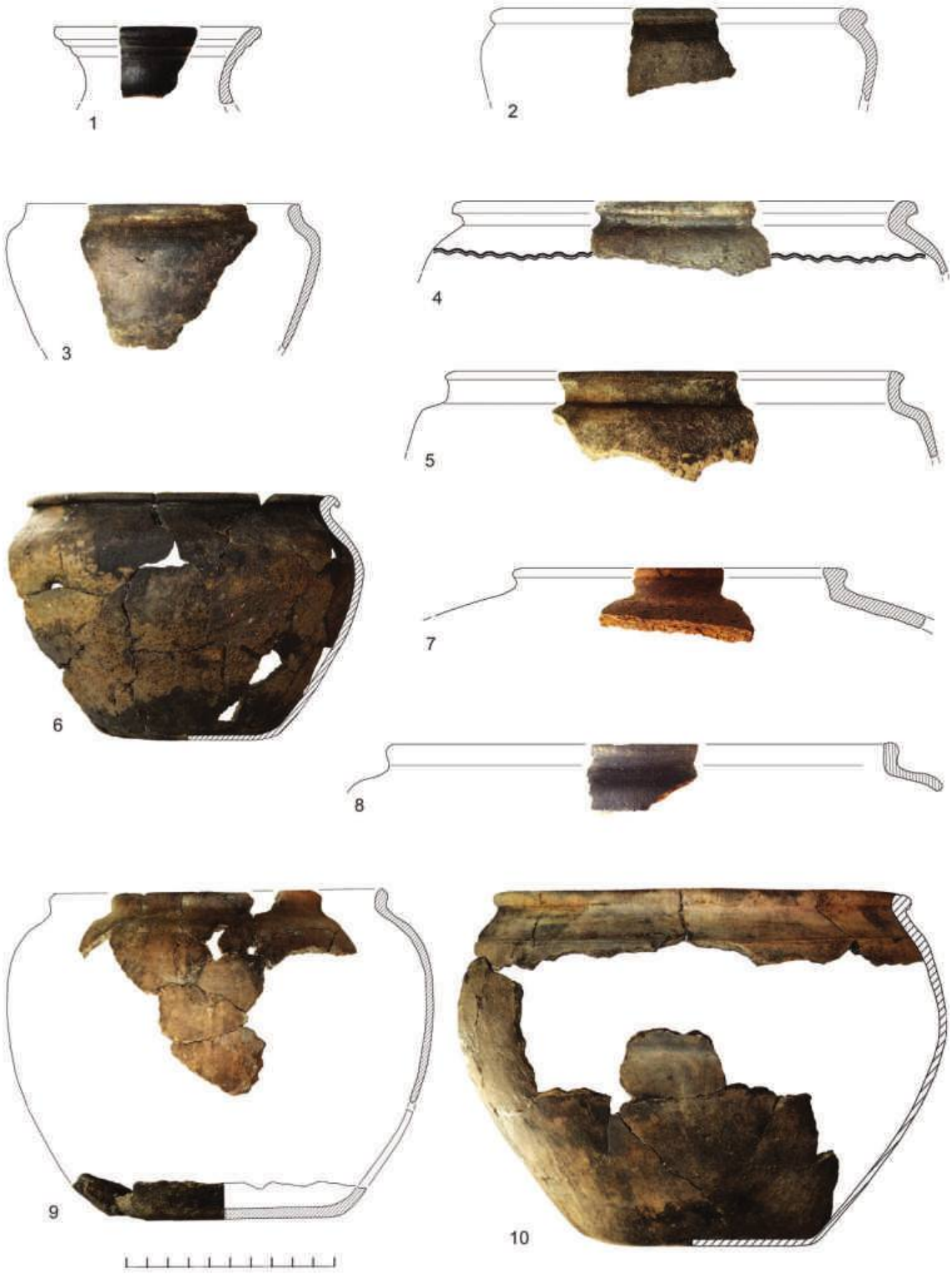


Рис. 4.17. Горизонты 3–5. Круговая керамика. *1* — венчик чернолощеного кувшина; *2–10* — сероглиняные горшки. *1, 6, 7, 9, 10* — горизонт 3; *8* — горизонт 4; *4–5* — горизонт 4 (заполнение дренажного колодца); *2–3* — горизонт 5

Рис. 4.18. Горизонты 3–4. Круговая керамика. *1–2, 4–10, 12–14* — горизонт 3; *3, 11* — горизонт 4

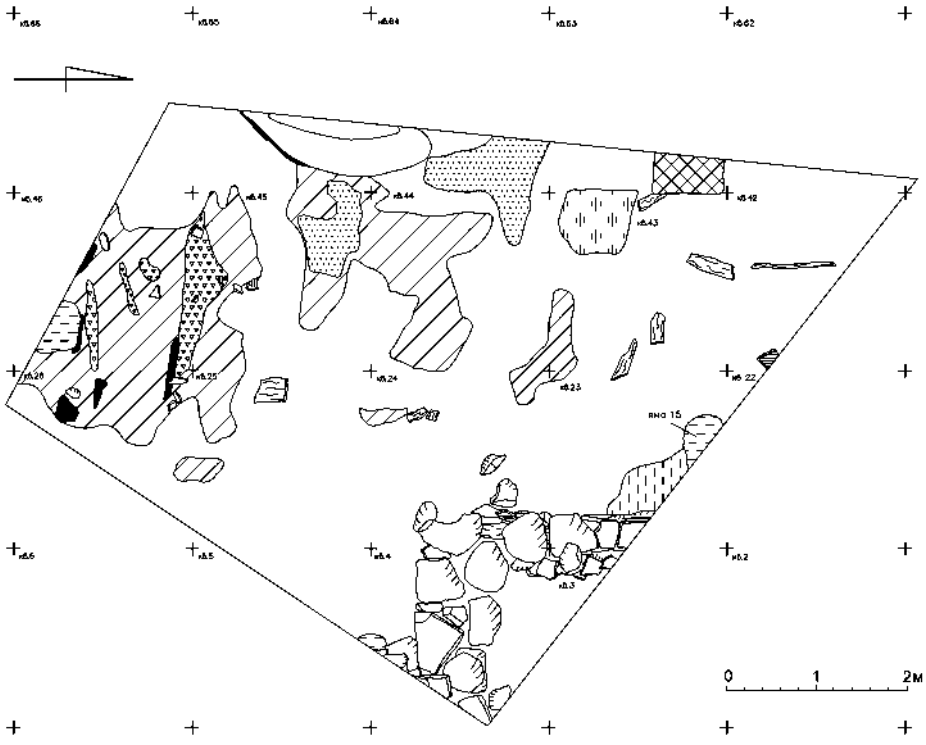


Рис. 4.19. Восточная часть раскопа 2015 г.
Горизонт 3

наконечник ремня из цветного металла (рис. 4.15, *9*); кресты нательные четырехконечные костяные (рис. 4.15, *2–3*); кресты нательные бронзовые (рис. 4.15, *5-6*); булавки посоховидной фрагмент (рис. 4.20, *13*); кресало овальное длинное (рис. 4.20, *7*); фрагменты навесных замков (рис. 4.20, *11, 12*); наконечники пик; фрагменты голландских трубок; круговая керамика (рис. 4.17, 4.18). Хронологический диапазон горизонта — конец XVI — начало XVIII в.

Берег укреплялся и позднее: настилы горизонтов 4–6 перебиты линией более поздних свай. Для двух из них получены дендродаты: 1693 г. и после 1785 г. — верхний слой не сохранился (определение О. А. Тарабардиной) (рис. 4.14).

Горизонт 2. Слой темно-серой мешаной супеси без конструкций содержал в основном находки XVIII–XIX вв. (рис. 4.16, *1, 5–8, 10–11*), с примесью более ранних. В числе последних — шведская монета 1 фюрк Йоханна III 1584 г. (САЭ-15 ВУ № 788) и копейка Петра I.

Горизонт 1 (рис. 4.6, 4.21, 4.23). Последним этапом укрепления берега Ладожки явилось сооружение трех подпорных стенок из сложенных насухо в несколько рядов известняковых плит. В сочетании с настилами из тонких бревен и досок, уложенными вдоль каменных кладок, подпорные стенки образовывали своеобразную набережную Ладожки. Судя по находкам, эти сооружения датируются концом XIX — началом XX в.

Выше по берегу, в центральной части раскопа 2015 г., были раскрыты остатки фундамента, сложенного из известняковых плит с применением строительного раствора. Вероятно, постройка на этом фундаменте была возведена в конце XIX — начале XX в. и продолжала использоваться в более позднее время. С постройкой

Рис. 4.20. Горизонт 3. Металлические бытовые изделия. *1–6* — ножи (САЭ-15 ВУ № 759, 510, 420, 1054, 452, 461); *7* — кресало (САЭ-15 ВУ № 933); *8* — фрагмент серпа (САЭ-15 ВУ № 486); *9* — молоток с вытянутым бойком (САЭ-15 ВУ № 497); *10* — кочедык (САЭ-15 ВУ № 493); *11* — замок навесной (САЭ-15 ВУ № 549); *12* — дужка замка типа Е (САЭ-15 ВУ № 638); *13* — булавки фрагмент (САЭ-15 ВУ № 1056); *14* — тыльник рукояти ножа (САЭ-15 ВУ № 944); *15–16* — сапожные подковки (САЭ-15 ВУ № 485, 488).
1, 3, 11–12, 14 — железо, медный сплав; *2, 4–10, 13, 15–16* — железо

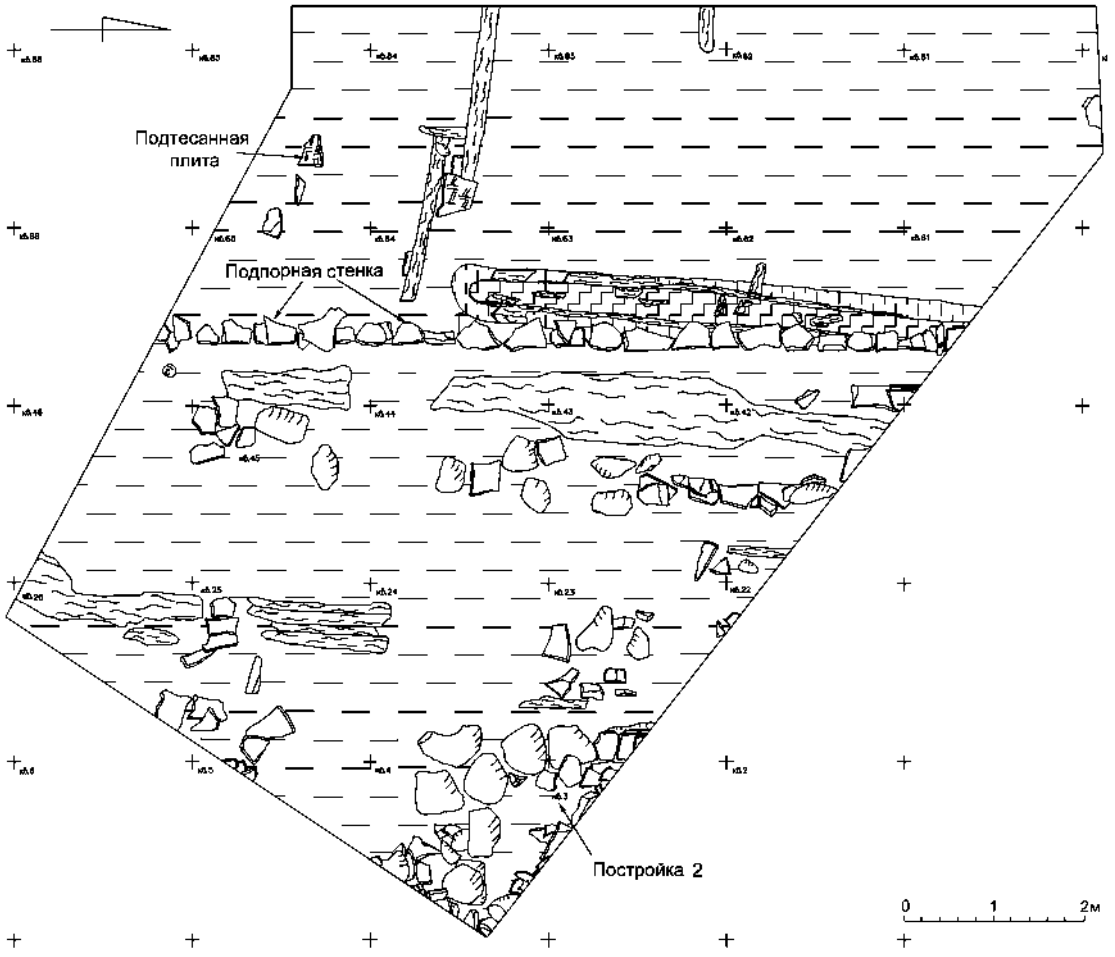


Рис. 4.21. Восточная часть раскопа 2015 г. Горизонт 1

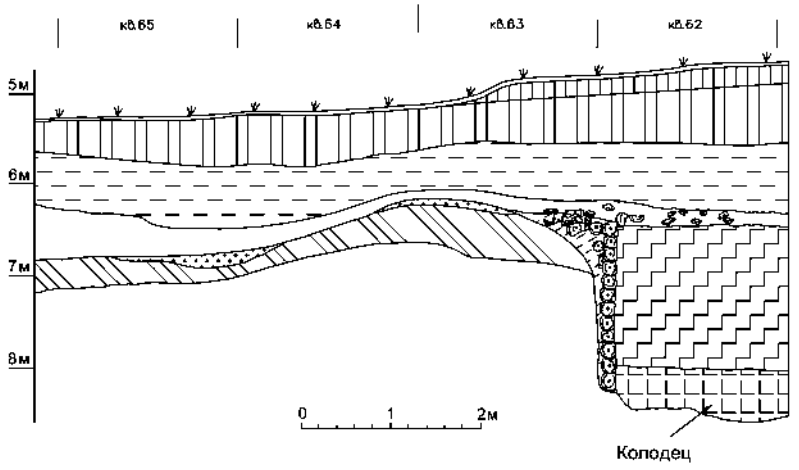
связан слой пестрой мешаной супеси со строительным мусором и камнями. В центральной части раскопа культурный слой разрушен постройкой до материка. В западной части раскопа этот слой мощностью от 0,6 до 1,0 м достигал слоя отложений Ладожской трансгрессии, но не прорезал его, благодаря чему сохранился непотревоженным слой неолитической стоянки. В восточной части мощность слоя пестрой мешаной супеси сокращается от 1,5 м до 0,2 м у берега реки. Слой содержал смешанный комплекс находок эпохи неолита и раннего средневековья, а также монет XVIII–XIX вв. и посуды XX в. (рис. 4.22).

Таким образом, в раскопах 2014–2015 гг. удалось проследить историю освоения человеком берегов в устье Ладожки в период от неолита до нового времени. Укрепление берега и наиболее интенсивная жизнь в прибрежной части Ладожского посада наблюдалась в XVI–XVII вв. В отличие от остальных раскопов на территории Старой Ладоги бросается в глаза почти полное отсутствие находок, связанных с женским костюмом, зато ярко представлена мужская субкультура: оружие и предметы, относящиеся к судостроению и рыболовству.

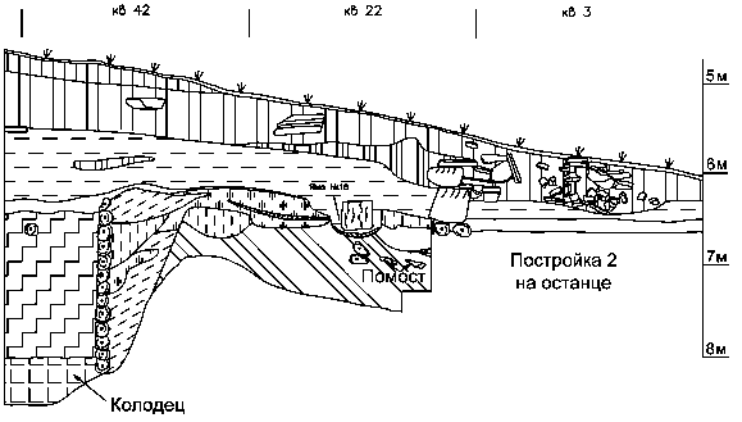
Рис. 4.22. Горизонт 1. Находки: *1–2* — фрагменты чубуков курительных трубок (САЭ-15 ВУ № 120, 126); *3* — фрагмент стебля курительной трубки (САЭ-15 ВУ № 447); *4* — накладка ременная (САЭ-15 ВУ № 480); *5* — пряжка (САЭ-15 ВУ № 365); *6* — ручка сундучка (САЭ-15 ВУ № 490); *7–8* — монеты 1731 г. (САЭ-15 ВУ № 132) и 1874 г. (САЭ-15 ВУ № 584). *1–3* — керамика; *4–8* — медный сплав

Рис. 4.23. Восточная часть раскопа 2015 г.
Профили западной, северной, восточной, южной стенок

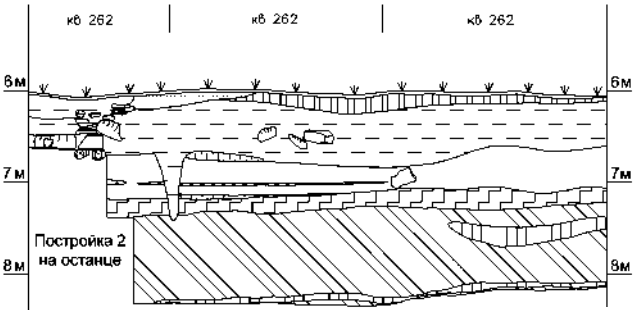
Западная стенка



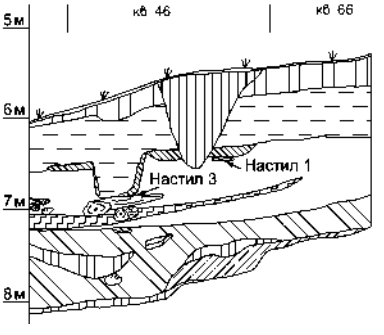
Северная стенка



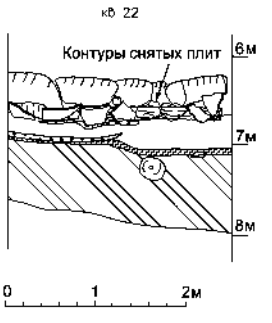
Восточная стенка



Южная стенка



Западный фасад
постройки 2



Приложение 1

Изучение культурного слоя Ладожского посада

Культурный слой Ладожского открытого поселения (в археологической литературе прижилось название «Ладожский посад») расположен на пониженной террасе левого берега р. Волхов и по обоим берегам р. Ладожка, на пространстве от Успенского до Никольского монастыря. Протяженность культурного слоя с севера на юг — 0,8 км, с востока на запад — 0,3–0,4 км (западная граница точно не определена). Мощность составляет от 3,8 м (левый берег Ладожки) до 0,9 м (в западной части поселения).

Первоначальное открытое поселение VIII–IX вв.[2], расположенное на левом берегу Волхова и по обоим берегам Ладожки в месте впадения ее в Волхов, занимало площадь около 5 га. После сооружения на рубеже IX–X вв. каменной крепости (на мысу, образованном Ладожкой и Волховом) часть поселения, оставшаяся открытой, приобрела значение посада (позднее, уже в XVI в., из него была исключена территория Земляного городища). В X в. общая площадь поселения достигла 10–12 га. Северная граница посада проходила в районе ул. Культуры и Варяжской, а также к югу от Земляного городища. Отложения X в. встречены и на территории Никольского монастыря.

В XII в. размеры посада приблизились к тем, что были зафиксированы переписью около 1500 г. (не менее 14–15 га). Он делился на пять концов: Никольский, Климентовский, Спасский, Симеоновский и Богородицкий. Выходы культурного слоя с находками XII–XVII вв. прослежены также на протяжении 0,1 км южнее Никольского монастыря по берегу р. Волхов (Бранденбург 1896: 28–31; Кирпичников 1985; Лебедев, Седых 1985; Лапшин 1995: 136, № 1450).

Первым исследователем культурного слоя открытого поселения стал Н. Е. Бранденбург, выделивший «прибрежную к Волхову полосу чернозема» от Никольского монастыря до церкви Иоанна Предтечи, где «бывали случаи находок древностей курганного типа» (Бранденбург 1896: 28, 37). В 1884–1885 гг. Н. Е. Бранденбург провел исследование фундаментов двух древнерусских каменных храмов XII в. на левом берегу Ладожки (Бранденбург 1896: 46–49, 125–128, 319–320; Раппопорт 1982б: 76–77).

Целенаправленные разведки и раскопки Ладожского открытого поселения были начаты в 1938 г. Староладожской экспедицией ЛГУ и ИИМК АН СССР (рук. В. И. Равдоникас). В 1950-х гг. они производились силами Невской экспедиции ЛОИА (рук. Н. Н. Гурина, производитель работ Г. П. Гроздилов) и Староладожской экспедиции Гос. Эрмитажа (рук. В. И. Равдоникас, производитель работ А. С. Каманцева).

Начиная с 1970-х гг. разведочные раскопки посада велись отдельными отрядами и группами Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН (рук.

[2] Под первоначальным открытым поселением подразумевается вся территория древнейшей Ладоги, включая Земляное городище (еще не имевшее укреплений). Отложения, достоверно датируемые VIII в., пока зафиксированы только в центральной части Земляного городища.

А. Н. Кирпичников, с 2014 г. — В. А. Лапшин). Непосредственными производителями работ являлись В. П. Петренко, Г. С. Лебедев и др. Надзор за земляными и строительными работами в указанный период осуществлялся Староладожским музеем-заповедником (в лице З. Д. Бессарабовой, А. И. Волковицкого и др.).

1938 г. Разведочные раскопки селища у Никольского монастыря

Велись под непосредственным руководством В. И. Равдоникаса. Были заложены три разведочные траншеи между Земляным городищем и Никольским монастырем. В сохранившемся черновом полевом отчете указано, что культурный слой мощностью около 1 м содержит, наряду с позднесредневековыми, находки, аналогичные находкам «верхнего яруса деревянных построек Земляного городища, т. е. IX–X вв.» (Гроздилов 1938-Б: лл. 26об.–27об.).

1952 г. Раскоп на берегу р. Ладожки

В рамках работ Невской экспедиции ИИМК под руководством Н. Н. Гуриной Г. П. Гроздилов заложил раскоп на левом берегу Ладожки «вблизи моста». Раскоп был доведен до глубины 2,2 м и прекращен из-за поступления грунтовых вод. В нем выявлен «мокрый» слой со щепой, навозом и деревянными конструкциями хорошей сохранности, аналогичный нижним слоям Земляного городища (Гроздилов 1952-А: лл. 5–6).

1957 г. Сборы материала по р. Ладожке

В рамках работ Староладожской экспедиции ЛГУ и Гос. Эрмитажа (рук. В. И. Равдоникас) А. С. Каманцевой проведен сбор подъемного материала по берегам Ладожки на протяжении 4 км от ее устья. На левом берегу на протяжении 500 м (до и после моста) и на правом берегу в 250–400 м от устья, за мостом найдена средневековая круговая керамика (Каманцева 1957: лл. 2–13).

1972–1977 г. Раскоп на Варяжской улице

Раскоп на Варяжской улице площадью 600 м^2 заложен на покатом склоне левого берега Ладожки, почти на краю береговой террасы, в 50 м от воды. Высота берега от воды — 8 м. Работы производились В. П. Петренко. Мощность культурного слоя в раскопе до 3,8 м. Под слоем мешаного серого гумуса (0,4–0,6 м) — «мокрый» слой, сохраняющий органику, в котором выявлено около 60 построек (Петренко 1985). Наиболее ранняя постройка датируется 842 г. (две порубочные даты), наиболее поздняя — 995 г. (порубочные даты 988–995 гг.) (Черных 1985б). В. П. Петренко выделил 11 последовательно сменяющих друг друга горизонтов (Петренко 1985: 84), Н. Б. Черных отнесла эти же постройки к восьми строительным периодам (Черных 1985б: 122).

1984 г. Шурфовка по берегам р. Ладожки

В рамках исследований Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР Г. С. Лебедев заложил шесть шурфов (обозначенных как раскопы II–VII) на левом берегу р. Ладожки, выше по течению от моста через нее. При этом был выявлен «мокрый» слой в этой части поселения (Кирпичников 1984-А; Лебедев 1984-А).

Раскоп II (4 × 4 м) заложен на левом берегу Ладожки, в 80 (120?) м от моста вверх по течению, у воды, на одной оси с предполагаемым местом раскопа 1952 г.

Г. П. Гроздилова и Н. Н. Гуриной, доведенного до глубины 2,2 м, но на расстоянии 30–40 м к СЗ от этого раскопа. Слой 1,25–1,6 м. Стратиграфия: серый гумус до 0,7 м, содержащий находки X–XVII в.; черный гумус с прослойками угля и песка толщиной 0,3–1 м, содержащий находки IX–XIII вв., лепную и круговую керамику. Материк на глубине 1,25–1,60 м (Кирпичников 1984-А: лл. 5–7; Лебедев 1984-А: лл. 1, 21–26).

Раскоп III (6 × 8 м) заложен на левом берегу Ладожки, на краю второй надпойменной террасы, в 100 (120?) м к СЗ от моста, в 100 м на ЮЗ от места «храма № 2», раскопанного Н. Е. Бранденбургом (церкви Воскресения Христова). Мощность слоя 1 м. Стратиграфия: серый гумус 0,4 м, глинисто-песчаная супесь 0,25 м, погребенная почва 0,10–0,15 м. Находки XI–XII вв. и позднее. В материке яма XII–XIII вв. (Кирпичников 1984-А: лл. 7–8; Лебедев 1984-А: лл. 1, 26–31).

Раскоп IV (2 × 6 м) заложен на левом берегу Ладожки, на площадке надпойменной террасы, на месте ее гребня при спуске в долину реки, в 75 м на ЮЗ от места [разрушенной церкви] Воскресения Христова. С восточной стороны вплотную примыкает к усадьбе Орловой. Слой 0,4–0,5 м, серый гумус. Материк — красновато-желтая глина (Кирпичников 1984-А: л. 9; Лебедев 1984-А: лл. 1, 31–33).

Раскоп V (2 × 6 м) заложен на левом берегу Ладожки, на верхней площадке надпойменной террасы, в 75 м на ЗЮЗ от бывшей здесь церковь Вознесения Христова, судя по плану почти вплотную к северо-западной части раскопа 1950-х гг. Г. П. Гроздилова и Н. Н. Гуриной, на отдельных участках доведенного до материка и содержавшего слои с деревом, древнерусской, а в нижних отложениях — лепной керамикой. Примыкает к усадьбе дома 6 по Музейному пер. Слой 1,1 м. Стратиграфия: серый гумус до 0,9 м; черный гумус 0,1 м. Два горизонта построек в виде тлена, XI–XIII вв. Найдена лепная керамика, в том числе развал сосуда (Кирпичников 1984-А: лл. 9–12; Лебедев 1984-А: лл. 1, 33–41).

Раскоп VI (2 × 6 м) заложен на левом берегу Ладожки, в 60 м выше моста, почти у уреза воды, в 100 м на ЮЮЗ от места церковь Воскресения Христова, в непосредственном соседстве с раскопом Г. П. Гроздилова 1952 г. Мощность слоя 1,3–2,0 м. Стратиграфия: серый гумус толщиной 0,5–0,8 м с находками XIV–XVI вв.; ниже пачка слоев черного гумуса, чередующихся с прослойками намывного песка толщиной 0,5–0,8 м. Сохранились бревна. Находки XII–XIV вв., лепной керамики нет (Кирпичников 1984-А: лл. 1, 12–14; Лебедев 1984-А: лл. 1, 41–52).

Раскоп VII (2 × 6 м) заложен на левом берегу Ладожки, на склоне надпойменной террасы, в 75 м на ЮЮЗ от бывшей здесь церковь Вознесения Христова, между раскопами IV и VI. Слой: серый гумус до 0,4 м, прослойка черного гумуса. Материк — суглинок. Находки X–XIV вв., немного лепной керамики (Кирпичников 1984-А: лл. 14–15; Лебедев 1984-А: лл. 1, 52–53).

2004 г. Раскоп на Волховском проспекте

Раскоп 60 м^2 (6 × 10 м) заложен на краю коренного правого берега Ладожки, в 60 м к З от Земляного городища, в 16 м к З от шоссе Волхов — Новая Ладога, в 15 м к ЮЗ от здания кирпичного амбара, на месте строительства трансформаторной подстанции. Стратиграфия: сверху до 1 м — мешаный слой, под ним слой бурого гумуса 0,3–0,5 м, сохранивший органические остатки. Сохранность древесины не позволила сделать спилы для дендрохронологии. Находки: лепная и раннегончарная керамика, стеклянные бусы, которые в совокупности позволяют датировать

слой серединой — третьей четвертью X в. На глубине 1,5 м — слой навоза со щепой. Находки: лепная керамика и бусы, соответствующие слою E_1 Земляного городища — 860–890-е гг. — не позднее 920-х гг. Ниже, на погребенной почве, лежал аморфный темно-серый гумусированный слой без щепы, мощностью 0,2 м. Погребенная почва — серый суглинок 0,12–0,16 м. В материке — ямы с лепной керамикой, заполненные серым суглинком — до формирования «мокрого» слоя. Высотный перепад относительно синхронных слоев Земляного городища — более 3 м (Волковицкий и др. 2007).

2009 г. Раскоп в Успенском монастыре

Траншея для прокладки газопровода была исследована в южной части Успенского монастыря. Длина 134 м, ширина 1–3 м. Культурный слой от 0,3 до 1,2 м (над руслом ручья Грубица) не содержит материалов ранее XVI–XVII вв., преобладают находки XVIII–XIX вв. (Кирпичников 2009-Б).

Раскоп на Варяжской улице, 2014 г.

Раскоп на месте установки памятника Рюрику и Олегу был заложен на левом берегу Ладожки, на краю верхней части береговой террассы, в 50 м к северо-востоку от раскопа В. П. Петренко 1972–1977 гг. В соответствии с размерами постамента памятника имел размеры 7 × 4 м (28 м^2). Мощность культурного слоя составила около 1,80 м. На материке зафиксирован слой распашки, прорезанный ямами с лепной керамикой, предположительно относящимися к IX — началу X в. Выше залегал слой бурого гумуса. Вещевые находки из него имеют широкую дату и соответствуют горизонтам Г (XII–XIII вв.) и В (XV–XVI вв.) Земляного городища Старой Ладоги. Верхняя часть культурного слоя была уничтожена при строительстве подвала жилого дома конца XIX в.

Раскоп на Варяжской улице, 2015 г.

Раскоп 2015 г. был заложен в 25 м к востоку от раскопа 2014 г., вблизи дома № 9 по Варяжской ул., на береговом склоне р. Ладожки. Форма раскопа, его ориентация и размеры были ограничены техническими параметрами планируемого сооружения — лестницы, спускающейся от памятника Рюрику и Олегу к воде. Размеры раскопа 32 × 7,5 м (240 м^2). Мощность культурного слоя составляла от 1,9 м в западной части до 2,4 м — в восточной. В результате проведенных археологических работ изучены отложения эпох неолита, средневековья и нового времени. В процессе были исследованы погребенные почвы и геологические отложения, проведено радиокарбоновое и дендродатирование. Культурный слой имеет значительные повреждения от перекопов XIX–XX вв. Тем не менее именно здесь впервые удалось проследить основные этапы освоения человеком устья Ладожки от неолита до нового времени.

Надзорные работы

Левый берег р. Ладожки

1940 г.

В котловане, заложенном под овощехранилище у стен Успенского монастыря, обнаружен «мощный культурный слой с деревянными конструкциями». Надзор

за работами осуществляла Староладожская экспедиция ЛГУ и ИИМК (в лице К. Д. Лаушкина) (Равдоникас 1940-В: л. 21), позднее — Новгородский музей (В. А. Богусевич) (Там же: л. 28).

1968 г.

Траншея V. Водопроводная траншея протяженностью 250 м была проложена по Варяжской улице от южного конца до ул. Культуры и по ул. Культуры до Волховского пр. Фиксировалась только в северной части Варяжской улицы. Мощность слоя 1,8 м. Стратиграфия: 0,50–0,55 м — серый гумус, насыщенный битым кирпичом, современным стеклом и фаянсом; 0,60 м — слой жирного коричневого гумуса со щепой и бревнами, обломанными ковшом экскаватора; 0,10–0,15 м — горелый углистый слой; 0,5–0,6 м — черный гумус с остатками бревенчатых сооружений; материк — светло-серая глина. Лепная керамика не найдена (Бессарабова 2001а: 198).

1973 г.

Траншея VIII. Водопроводная траншея протяженностью 25 м от перекрестка улиц Варяжской и Культуры (от южной стены здания почты) на юго-восток по Варяжской ул. Мощность слоя 1,7–1,85 м. С глубины 0,7 м начинается черный гумус, местами с древесным тленом. Найдена бусина X–XI вв. Лепная керамика не обнаружена (Бессарабова 2001а: 200–206).

1974 г.

Траншея XII. Траншея для стока воды протяженностью 35,7 м была проложена от восточной стены здания почты на север по западной стороне Варяжской ул. и по переулку к берегу Волхова. Мощность слоя 1,7 м, на берегу Волхова выклинивается. Черный гумусный слой начинается с глубины 0,7 м. В южной части траншеи в предматериковом слое найдена стенка лепного сосуда (Бессарабова 1998в; 2001а: 206–211).

1999 г.

Траншея XVIII. Траншея для теплотрассы была проложена от западной стены Дома культуры до территории Успенского монастыря протяженностью около 160 м. Сделано 14 зачисток. Культурный слой мощностью от 0,25 до 0,53 м содержит в основном материал XIX–XX вв. На территории найден фрагмент стеклянного браслета, позднесредневековая керамика и один фрагмент лепного сосуда (Бессарабова 2000).

2002 г.

Траншея XIX. Траншея для прокладки электрокабеля по территории Успенского монастыря от церковь Успения к северной ограде монастыря общей протяженностью 90 м, глубиной до 1 м. Материк на глубине 1,14–1,17 м. Нет находок VIII–X вв., преобладают материалы XVII–XIX вв. (Бессарабова 2012).

Правый берег р. Ладожки

1980 г.

Траншея I. Проходила по направлению СВ-ЮЗ южнее дома по адресу Волховский пр., 15, восточнее Волховского пр. Протяженность 92,3 м, глубина 1,43–1,87 м.

Под поздними отложениями толщиной 0,10–0,65 м лежит слой черного гумуса мощностью от 0,5 м в западной части до 0,8 м — в восточной. Материк — серо-желтая или серо-зеленоватая глина толщиной 0,16–0,40 м, ниже — светлый песок. Слой без органики, мешаный с круговой (60 фрагментов) и лепной (130 фрагментов) керамикой. Находки от VIII–X вв. до XVIII в. (Бессарабова 1996а: 176–181).

Траншея II. Проходила от СВ конца траншеи I на СЗ. Протяженность 45 м. Мощность слоя 2,1 м. Верхний мешаный слой 0,5–0,6 м, под ним слой черного гумуса толщиной до 0,6 м, ниже слой бурого гумуса с навозом, истлевшей щепой и обугленным деревом. В северной части дерево лучшей сохранности. В нижней части культурного слоя — лепная (90 фрагментов) и круговая (110 фрагментов) керамика. Не позднее X в. Материк — зеленоватая глина (Бессарабова 1996а: 181–184).

Траншея III. Проложена к западу от северо-западного бастиона Земляного городища и к востоку от шоссе Волхов — Новая Ладога, с севера на юг. Длина 32,8 м, глубина — 1 м, ширина — 0,7 м. До 0,8–1,0 м продолжается мешаный слой, ниже начинается черный гумус, из которого происходят фрагменты лепной керамики (Бессарабова 1996б: 26–27; 1998б: 42–46).

1981 г.

Траншея IV. Продолжение траншеи III на юг, до огорода дома 16 по Волховскому пр. (у южного склона северо-западного бастиона Земляного городища). Длина 24,5 м, глубина 1,2–1,5 м. С глубины 0,55–0,65 м начинается черный культурный слой. В южной части траншеи с глубины 1 м начинается слой навоза и щепы; материк на глубине около 2 м (Бессарабова 1996б: 27; 1998б: 46–50).

1982 г.

Траншея VII. Водопроводная траншея была проложена через территорию Никольского монастыря с севера на юг протяженностью около 140 м. До глубины около 1 м — мешаный слой со строительным мусором, ниже — темный аморфный культурный слой до материка (1,5 м) (Бессарабова 1998а).

1983–1984 гг.

Траншеи IX, XI. Водопроводная траншея была проложена от северной стены ограды Никольского монастыря на север вдоль западной обочины Никольской улицы на протяжении 236 м. Стратиграфия в южной части: 0,14–0,50 м — мешаный поздний слой; ниже — слой черного гумуса мощностью 0,2–0,5 м; в его нижней части в угольных прослойках толщиной 0,04–0,05 м найдена лепная керамика. На глубине около 0,6 м — материковая серовато-зеленоватая глина мощностью 0,3–0,6 м (Ладожская трансгрессия), под нею — погребенная почва эпохи неолита. В северной части слой 0,3–0,5 м полностью распахан. В предматериковой части и материковых ямах найдена лепная керамика (Бессарабова 1995). В средней части траншеи выявлены две материковые ямы с лепной керамикой, шлаками, фрагментами криц, тиглями (Бессарабова 1995; 1998г; 2001б).

1986 г.

Траншея XIV. Проложена от траншеи I к восточной стене дома по адресу Волховский пр., 15, восточнее Волховского пр. Протяженность 21,5 м. В верхней части

слоя — остатки поздней постройки. С глубины 1,1–1,2 м — слой, содержащий навоз и щепу. В южной части — материк с глубины 1,65 м, в северной — падение материка, слой продолжается до дна траншеи (1,95 м). В нижней части слоя встречена только лепная керамика (17 фрагментов) (Бессарабова 1997б: 238–247).

1996 г.

Траншея XV. Осушительная канава в низине в 100 м южнее траншеи I. На глубине 0,4 м — материк, найдены два фрагмента круговой керамики, слоя нет. Территория застроена гаражами (Бессарабова 1996б: 248).

Приложение 2

Результаты исследований культурного слоя и почв на Варяжской улице в Старой Ладоге

В 2014–2015 гг. были проведены естественнонаучные исследования на Варяжской ул. на раскопах у дома 9. Цель исследований — выяснение истории развития почв и отложений Старой Ладоги, в первую очередь — реконструкция ранней истории и предыстории почв и ландшафтов.

Также проводились наблюдения в крепости и в траншеях на территории Старой Ладоги. В крепости в районе Раскатной башни среди остатков конструкций стен и различных перекопов обнаружены выходы морены, имеющей характерный коричневый цвет и содержащей валунный материал, и небольшой участок с почвой неолитического возраста, сформированной на морене.

В траншеях, располагавшихся на территории Старой Ладоги за линией современного шоссе Волхов — Новая Ладога, отложения Ладожской трансгрессии не найдены. В основании вскрытой толщи залегают отложения Саблинской свиты (кембрий), представленные белыми песками, над которыми лежат валунные отложения (морена) коричневого цвета небольшой мощности. Нарушения поверхности саблинских песков незначительные. Местами в верхней части данных песков сформировались ортзанды, имеющие позднеплейстоцен-голоценовый возраст. Морена местами перекрыта слоем супеси, на поверхности залегает современная почва, сапропель здесь отсутствует. Таким образом, отложения Ладожской трансгрессии зафиксированы пока только в районе Земляного городища и Варяжской ул. К западу от Варяжской ул., видимо в связи повышением уровня поверхности террасы, Ладожская трансгрессия распространялась недалеко. Можно полагать, что она не пересекала линии современного шоссе Волхов — Новая Ладога.

Объекты и методы исследования

Раскопы располагаются на одной линии, перпендикулярной берегу р. Ладожки. Причем раскоп 2015 г. характеризует отложения и почвы склона террасы и прибровочную, несколько сниженную, часть ее поверхности, тогда как раскоп 2014 г. — ее часть, более удаленную от левого берега. Терраса принадлежит одновременно Волхову и Ладожке.

Рис. 4.24. Раскоп 2 на Варяжской улице (2015 г.). Место отбора образцов в кв. 262 на спорово-пыльцевой анализ (вертикальные черточки) и на комплексные анализы (археология, химический состав, радиоуглеродное датирование — черные прямоугольники)

Для проводимых комплексных исследований наибольший интерес представляет западная часть раскопа 2015 г., характеризующая отложения верхней части склона. Отложения и связанные с ними почвы здесь во многом сходны с таковыми раскопа 2014 г. Здесь также выделяются две погребенные почвы, разделенные мощным слоем отложений Ладожской трансгрессии, представленных светлым сапропелем. Основные отличия в стратиграфии состоят в следующем. В раскопе 2015 г. в нижней почве найден неолит. Данная почва здесь суглинистая, более мощная, сформирована на карбонатной морене. Та же почва в раскопе 2014 г. маломощная, вероятно смытая, на супесях. Верхняя погребенная почва, сформированная на сапропелях, в раскопе 2014 г. сохранилась хорошо, в западной части раскопа она содержит пахотный горизонт. В раскопе 2015 г. эта почва нарушена человеком и сохранилась только в южной стенке в кв. 244 и 264. В северной стенке она прослеживается в кв. 241 и 221, но здесь признаки ее нарушенности выражены сильнее.

Образцы для анализов из раскопа 2015 г. отбирались в двух профилях: в кв. 244–264, где присутствует верхняя погребенная почва, сформированная на отложениях Ладожской трансгрессии (сапропель), и в кв. 262, где более полно представлен культурный слой и лучше сохранились сапропелевые отложения (рис. 4. 24). По образцам, отобранным из данных профилей, выполнены физико-химические анализы почв и отложений, определения пород деревьев по угольками и остаткам

древесины, а также элементный анализ культурного слоя и почв. Также по образцам из колонки в западной стенке раскопа 2014 г. и из раскопа 5 на Земляном городище проведено определение содержания элементов с помощью рентген-флуоресцентного метода.

Стратиграфия почв и отложений

Стратиграфия отложений на Варяжской улице, в левобережье р. Ладожки, во многом сходна с таковой на Земляном городище и в Староладожской крепости. Под культурным слоем, который здесь оказался не таким мощным, располагается почва с пахотным горизонтом, под нею — отложения Ладожской трансгрессии (сапропель), нижняя погребенная почва и водно-ледниковые отложения. Почва под культурным слоем имеет такой же темный сильно гумусированный профиль, как и в правобережье р. Ладожки.

Отложения Ладожской трансгрессии (сапропель) в разрезах на Варяжской ул. значительно мощнее, чем в раскопах 3–5 на Земляном городище. Мощность светлого (белесо-серого) сапропеля составляет 60 см (2014 г.) и до 80 см (2015 г.), тогда как на Земляном городище — 10–18 см. Мощность вышележащего гумусированного сапропеля — 23–27 см, что сходно с Земляным городищем. Верхняя часть темного сапропеля переработана почвообразованием и превратилась в гумусовый горизонт почвы и затем вошла в состав пахотного горизонта. Отмеченная на Варяжской повышенная мощность белесо-серого сапропеля была обнаружена также у Стрелочной башни во время работ Н. К. Стеценко в крепости в 1979–1982 гг. Там же были сделаны находки неолита, залегавшие под сапропелем (Тимофеев, Стеценко 1997).

Следовательно, на месте раскопов на Варяжской ул и у Стрелочной башни располагалась более глубокая часть озера. Наоборот, место раскопов 3–5 на Земляном городище находилось в мелководной части озера, ближе к его берегу. До начала Ладожской трансгрессии в приустьевой части р. Ладожки по обоим ее берегам располагались неолитические стоянки, культурные слои которых залегают в нижней погребенной почве.

В раскопе 2014 г. нижняя почва, залегающая под сапропелем, маломощная, с признаками размыва и переотложения гумусового горизонта. Последний маломощный (2–3 см), неровный. Сформирована почва на песчано-супесчаных отложениях (перемытая морена). Подобные маломощные варианты нижней почвы, также супесчаного состава, обнаружены и на Земляном городище.

Для датирования данная почва представляется более подходящей, так как она погребена значительно глубже и не загрязняется более молодым гумусом вышележащей почвы, как в разрезах на Земляном городище.

В раскопе 2015 г., в прибровочной части террасы, уровень дневной поверхности снижается в сторону реки, но погребенные почвы и слой сапропеля залегают почти горизонтально. Состав нижней почвы по сравнению с разрезом 2014 г., расположенным выше по рельефу, меняется — она суглинистая, сильно гумусирована. Это связано с формированием почвы на карбонатной морене. Такую же темную окраску нижняя почва имеет в раскопах 5 и 4 Земляного городища на участках, где эта почва сформирована на глинистых отложениях, содержащих карбонаты. На участках, где эта почва формируется на супесях, она имеет более светлые и маломощные гумусовые горизонты (раскоп 3). Также в раскопе 2015 г. на уровне нижней погребенной

почвы прослеживается неглубокая ложбина. Падение уровня залегания нижней почвы в ложбине не превышает 20 см.

В раскопе 2014 г. под культурным слоем встречен хорошо выраженный пахотный горизонт, сходный с таковым Земляного городища, но в раскопе 2015 г. он отсутствует. На Земляном городище и на Варяжской его мощность составляет 12–15 см, обычно в нем содержатся мелкие обломки древесины и угля. Горизонт пашни в раскопе 2014 г. на Варяжской был выявлен на западной его стенке и, частично, на северной и южной стенках. В восточной части раскопа признаки распашки отсутствуют. Видимо, по середине раскопа, по длинной его оси, проходила граница пахотного поля, а на месте восточной части раскопанной площади (со стороны реки) находилась улица или какое-то другое сельскохозяйственное угодье (например, пастбище) или двор. Признаки распространения поля на территорию раскопа 2015 г. не обнаружены. Вместе с тем пашня и огород могли быть и здесь. Но если они были заброшены задолго до начала накопления культурного слоя, то могли не сохраниться. Это связано с тем, что пахотный горизонт подстилается также темным материалом и цветовой контраст здесь невелик. Значительно лучше он виден на подзолистых почвах, где подстилается светлым элювиальным (подзолистым) горизонтом.

Культурный слой на Варяжской улице отличается от мокрого культурного слоя Земляного городища. Грубое органическое вещество (щепа, навоз) здесь в значительной степени разложено, в результате чего мощность слоя уменьшилась. Можно выделить несколько вариантов культурного слоя по степени насыщенности его органическим веществом. Это органический (мокрый) слой, типичный для Великого Новгорода, Старой Руссы, Ростова Великого и других городов, характеризующихся плоским рельефом и затрудненными условиями дренажа. Второй вариант — органо-минеральный слой. Формирование подобных слоев обусловлено меньшей обводненностью и разложением грубого органического вещества под действием микроорганизмов. В результате происходит гумификация органического вещества. Этот гумус, который можно назвать археологическим, мало отличается от обычного почвенного гумуса. Им насыщены культурные слои, которые можно относить к органо-минеральным, полностью потерявшим неразложившееся грубое органическое вещество. Такие культурные слои, например, находятся в заполнении ранних ям на Земляном городище. По таким слоям получаются достаточно точные радиоуглеродные даты.

Результаты анализов

Результаты радиоуглеродных определений приведены в табл. 4.3 и на рис. 4.25–4.26. Анализы выполнены в Отделе ядерной геохимии и космохимии Института геохимии окружающей среды НАНУ (Киев, Украина).

Пахотный горизонт в раскопе 2014 г. залегает в тех же стратиграфических условиях, что и на Земляном городище, под раннесредневековым слоем Ладоги и в верхней части погребенной почвы. Вместе с тем дата по углю из этого горизонта здесь получилась более молодой, чем на городище, где основной массив дат приходился на интервал 1300–1480 лет. Это может быть связано с более поздним окончанием распашки и началом накопления слоя на данном участке, со случайным попаданием угля в пахотный горизонт или с неточностью данного определения. Необходимо продолжить исследования в данном направлении.

Таблица 4.3. Результаты радиоуглеродного датирования

№	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C	
			BP	BC/AD
1	САЭ, ВУ-2014. Пахотный горизонт, уголь	Ki-18089	1200 ± 100	1σ 690–700 AD 710–750 AD 760–900 AD 910–960 AD 2σ 660–1020 AD
2	САЭ, ВУ-2015, кв. 262 (–200 см). Погребенная почва	Ki-18100	4560 ± 70	1σ 3490–3470 BC 3380–3260 BC 3240–3100 BC 2σ 3520–3400 BC 3390–3020 BC
3	САЭ, ВУ-2015, кв. 262 (–200 см). Уголь из почвы и неолитического слоя	$IGAN_{AMS}$ 6002	5130±25	1σ 3823–3830 BC 3745–3853 BC 3941–3973 BC 2σ 3707–3873 BC 3831–3983 BC

Дата по гумусу из нижней почвы почти такая же древняя, как по углю. На Земляном городище данная почва моложе, так как гумус здесь омоложен в связи с малой мощностью перекрывающего слоя сапропеля (30 см). В этих условиях в нижнюю почву в течение достаточно длительного времени из вышележащей почвы проникали корни и подвижное органическое вещество. На Варяжской улице нижняя почва законсервирована более надежно, так как перекрыта мощным слоем сапропеля — 80–90 см.

Анализы почв и отложений проводились по методикам, принятым в почвоведении. В связи с тем что в последнее время были проведены дополнительные исследования элементного состава образцов из раскопа 5 с Земляного городища, приведем данные этих определений и общих почвенных анализов из того же разреза, для сопоставления с результатами определений по образцам с Варяжской улицы. Содержание фосфора (P_2O_5) повышено, особенно в культурном слое (табл. 4.4). Причем оно более высокое, чем в раскопе 5 на Земляном городище (табл. 4.5). Основным источником поступления фосфора в культурном слое является кость. Много фосфора и в сапропеле, и в погребенных почвах, связанных с сапропелем (табл. 4.4). Органический слой, характерный для Земляного городища, в раскопе на Варяжской улице отсутствует. Здесь, в связи с расположением раскопа у склона к реке и хорошим дренажем, органическое вещество сохраняется слабо и постепенно гумифицируется. Органический слой превращается в органо-минеральный (ОМС) с содержанием органического углерода 3,0–3,5 %. Значения pH, в связи с карбонатностью подстилающей морены, находятся в области слабощелочных и нейтральных.

Содержание карбонатов в культурном слое и почвах на Варяжской ул. невысокое. Здесь по сравнению со слоями Земляного городища хуже сохранилась зола, являющаяся одним из источников карбонатов. Например, в слое золы из раскопа 5 на городище содержание карбонатов достигает 14 %.

Приведем также результаты анализа гранулометрии по образцам 2014 г. в сравнении с данными по Земляному городищу. По данным гранулометрического анализа отложения разреза на Варяжской ул. выделяются очень высоким содержанием

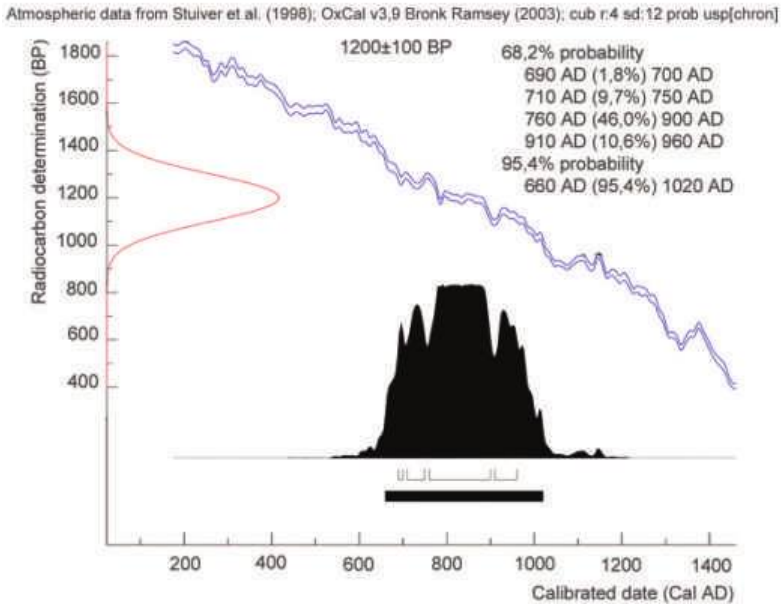


Рис. 4.25. Калиброванная дата (Ki-18089). САЭ, ВУ-2014. Пахотный горизонт, уголь

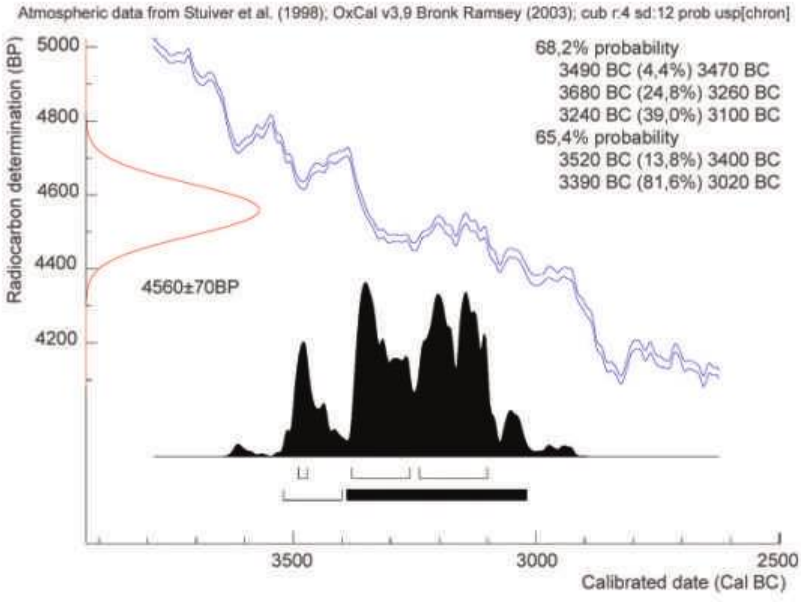


Рис. 4.26. Калиброванная дата (Ki-18100). САЭ, ВУ-2015, кв. 262 (–200 см)

фракции ила (< 0,001 мм) — более 55 %, и физической глины — 93–94,5 % (табл. 4.6). Здесь светлый сапропель и залегающий на нем гумусированный сапропель по этому показателю не различаются. Место расположения разреза на Земляном городище находилось на более мелководном участке, недалеко от водотока, поставлявшего частицы песка и крупной пыли (фракции 1,00–0,25, 0,25–0,05 и 0,05–0,01 мм).

Также данные анализа показывают, что нижняя почва сформировалась из материала лежащих под ней отложений. Гумусовый горизонт А этой почвы в раскопе 5 — тяжелосуглинистый, как и нижележащая порода. Гумусовый горизонт А в раскопе на Варяжской улице — супесчаный, также сходен с нижележащим. Эти гумусовые

Таблица 4.4. Результаты определения химических и физических свойств культурного слоя и почв. Варяжская ул., 2014 г.

№	Горизонт, глубина (см)	pH_{H_2O}	$CaCO_3$, %	$C_{орг}$, %	P_2O_5, %
9	МС, уголь-древесина, 75–100	7,35	0,83	3,53	4,86
8	МС, угли и древесина, 100–113	7,05	–	3.01	10,60
7	ОМС, есть угли, 113–130	7,4	0,29	1,51	15,39
6	Ap, пашня, 130–145	7,5	–	1,50	5,70
5	AB, сапропель–почва, 145–157	7,5	–	0,81	2,08
4	C1, сапропель, 157–190	7,4	–	0,56	1,08
3	C2, сапропель, 190–218	7,25	–	0,76	1,33
2	A, почва, 218–222	7,45	–	0,50	1,26
1	Супесь/легк. сугл., 222–250	7,6	0,13	0,58	0,30

Прим.: МС — минеральный слой; ОМС — органо-минеральный слой. Горизонты: A — гумусовый; Ap — пахотный; AB — переходный от гумусового к подгумусовому; C — почвообразующая порода.

Таблица 4.5. Результаты определения химических и физических свойств культурного слоя и почв. Старая Ладога, 2013 г. Раскоп 5

№	Горизонт, глубина (см)	pH_{H_2O}	$CaCO_3$, %	$C_{орг}$, %	P_2O_5, %
1	Зола, –40	7,5	14,2	–	–
2	ОС, –10–20	7,0	–	–	1,23
3	Ap, пашня, 0–8(10)	6,85	–	11,4	1,51
4	AB, сапропель–почва, 8–22	7,05	–	3,76	1,42
5	Сапропель, 22–30	6,95	–	1,77	0,92
6	A, почва, 30–36	7,15	–	1,79	0,50
7	BCg, пески, 36–50	7,9	0,74	1,00	0,68
8	Морена, 60	8,55	22,8	–	–

Прим.: ОС — органический (мокрый) слой; BCg — глеевый. См. также прим. к табл. 4.4.

Таблица 4.6. Результаты гранулометрического анализа

№	Горизонт, глубина (см)	Фракции (мм)							Название состава почвы
		1–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	<0,001	*<0,01**	
Земляное городище, раскоп 5, 2013 г.									
3	Ap, 0–8(10)	9,05*	10,84	27,85	11,64	17,51	23,11	*52,26*	Глина легкая
4	AB, 8–22	1,44	3,35	21,93	11,10	25,31	36,87	*73,28*	Глина средняя
5	B1, 22–30	1,52	2,18	14,15	10,76	22,44	48,95	*82,15*	Глина тяжелая

Таблица 4.6, окончание

6	A, 30–36	21,47	25,95	11,34	5,97	13,68	21,59	*41,24*	Суглинок тяж.
7	BCg, 36–50	24,53	21,01	10,24	5,55	8,56	30,11	*44,22*	Суглинок тяж.
Варяжская ул., 2014 г.									
6	Ap, 130–145	7,84*	12,45	17,26	9,59	20,66	32,20	62,65	Глина легкая
5	AB, 145–157	0,20	0,28	6,44	10,35	27,59	55,14	*93,08*	Глина тяжелая
4	C1, 157–190	0,07	0,26	5,16	10,41	26,50	57,60	94,51	Глина тяжелая
3	C2, 190–218	0,21	0,48	5,85	8,40	27,80	57,26	*93,46*	Глина тяжелая
2	A, 218–222	32,15	45,81	2,81	3,55	2,86	12,82	19,23	Супесь к л/с**
1	C, 222–250	36,48	46,56	3,84	0,92	1,90	10,30	*13,12*	Супесь

* значения повышены в связи с высоким содержанием органического вещества;

** легкий суглинок. См. также прим. к табл. 4.4; 4,5.

горизонты — не самостоятельные литологические образования, а сформированные в верхней части почвообразующих пород в результате накопления гумуса в слое расположения основной массы корней растений.

Процесс образования верхней почвы (пахотный горизонт Ap) тот же. Однако гранулометрический состав почвы здесь несколько отличается от нижележащего. Это связано с антропогенным поступлением песка и крупной пыли из культурного слоя, а также высоким содержанием частиц грубого органического вещества, в том числе поступивших из культурного слоя. После разложения грубого органического вещества гранулометрический состав горизонта станет существенно ближе к таковому породы.

Результаты элементного анализа почв и культурного слоя

С помощью рентген-флуоресцентного метода определен состав макро- и микроэлементов в погребенных почвах и отложениях, исследованных на Варяжской улице, а также в раскопе 5 на Земляном городище Старой Ладоги (табл. 4.7).

Таблица 4.7. Содержание макроэлементов (оксиды, %)

Горизонт, глубина (см)	Na_2O	MgO	Al_2O_3	SiO_2	P_2O_5	SO_3	K_2O	CaO	TiO_2	MnO	Fe_2O_3
Варяжская ул., 2015 г.*											
Кв. 262, А1, почва, 3–8	0,63	1,72	10,09	52,1	1,33	0,77	2,59	8,11	0,48	0,13	3,39
МС, 50–58	0,46	1,75	12,21	52,5	**5,00**	0,40	3,11	6,36	0,64	0,44	4,03
МС$_{карбонатн.}$,** 73–83	0,23	1,29	6,99	*36,4*	**5,29**	0,12	2,14	**24,0**	0,44	**0,98**	2,91
МС, 100	0,57	1,72	14,64	50,7	**5,45**	0,25	3,47	5,43	0,69	**0,73**	4,85
МС , зола, 100	0,01	0,84	*1,74*	*16,0*	**6,30**	0,00	0,93	**39,1**	0,15	0,52	1,07
Кв. 244, А$_{кс.}$, 40–54	0,69	2,07	16,23	57,7	**2,62**	0,34	3,41	3,07	0,78	0,20	5,00

Таблица 4.7, окончание

Горизонт, глубина (см)	Na_2O	MgO	Al_2O_3	SiO_2	P_2O_5	SO_3	K_2O	CaO	TiO_2	MnO	Fe_2O_3
Сапропель, 80 (65–95)	0,47	2,16	**19,59**	55,4	0,88	0,22	**3,84**	1,00	0,91	0,04	**8,46**
Сапропель, 110 (100–125)	0,43	1,96	**20,32**	53,9	0,56	0,17	**3,98**	0,83	0,91	0,04	**7,01**
Кв. 262, А, 195–203	0,23	1,80	14,04	51,2	1,72	0,25	3,40	2,05	0,69	0,08	5,87
Варяжская ул., 2014 г.											
МС, 85	0,41	1,27	9,21	50,9	**6,41**	0,52	2,23	7,74	0,52	0,52	3,81
ОМС, 105	0,36	1,18	8,97	49,6	**4,62**	**1,21**	2,02	6,71	0,53	0,13	3,64
ОМС, 125	0,56	1,09	8,09	47,7	1,91	**1,69**	1,88	6,09	0,44	0,13	2,66
Почва 1, Ар, 130–145	0,52	1,75	15,37	55,0	**2,49**	0,49	3,11	3,17	0,74	0,11	4,64
Сапропель, 157–190	0,44	2,10	20,31	60,0	0,54	0,20	**3,60**	0,85	0,91	0,06	6,51
Сапропель, 190–218	0,67	2,17	**20,31**	58,8	0,67	0,23	**3,65**	0,91	0,92	0,06	6,89
Почва 2, А, 218–222	0,28	0,98	9,53	63,1	**2,25**	0,33	1,57	1,77	0,33	0,05	2,59
Земляное городище, раскоп 5, 2013 г.											
Зола, –40 см	0,23	0,90	*3,10*	*36,0*	**5,90**	**1,37**	1,17	**25,9**	0,30	0,78	1,64
ОС, –10–20	0,32	0,92	5,33	39,7	1,87	**4,21**	1,43	7,02	0,35	0,17	1,85
Почва 1, Ар, 0–8(10)	0,37	1,42	12,86	57,6	1,68	0,91	2,59	4,06	0,66	0,25	3,22
АВ, сапропель, 8–22	0,51	1,27	15,05	55,8	1,30	0,66	3,43	3,78	0,84	0,23	5,18
Сапропель, 22–30	0,47	2,23	**21,11**	59,2	0,94	0,21	**3,59**	1,29	0,97	0,08	6,24
Почва 2, А, 30–36	0,93	1,69	14,74	65,0	0,71	0,26	2,74	1,46	0,65	0,08	3,94

* на Варяжской ул. в 2015 г. верхние пять образцов отобраны в кв. 262, другие три образца — в кв. 244. ** $МС_{карбонатн.}$ — карбонатный минеральный слой, Акс — гумусовый горизонт почвы с материалом культурного слоя. Полужирным выделены повышенные концентрации элементов. См. также прим. к табл. 4.4–4.6.

В большинстве случаев слои Старой Ладоги характеризуются высоким содержанием фосфора и кальция (табл. 4.8). Причем источником накопления кальция здесь являются не карбонаты, а фосфат кальция (апатит), поступающий в культурный слой с костью. Об этом свидетельствует определенная корреляция в содержании двух рассматриваемых элементов. Содержание карбонатов невысокое и повышается только в слоях золы и в морене (табл. 4.4; 4.5).

Кислотность исследуемых слоев нейтральная или слабощелочная, что ослабляет возможность миграции металлов (меди, свинца и др.) вниз по колонке.

Повышенное содержание микроэлементов (табл. 4.8) в современных городских почвах является обычным. Накопление меди, цинка и свинца может быть обусловлено современной металлообработкой. При этом повышение содержание мышьяка может быть связано как с высоким содержанием этого элементов в исходных рудах, так и с добавкой его при изготовлении свинцовых изделий, что практиковалось

Таблица 4.8. Содержание микроэлементов (в мг/кг)

Горизонт, гл. (см)	Ni	Cu	Zn	Ga	As	Br	Pb	Rb	Sr	Y	Zr	Nb
Кларк*	99	30	76	–	2	–	13	78	384	–	162	–
Варяжская ул., 2015 г.												
Кв. 262, почва А1, 3–8	23	**55**	**507**	14	**4**	5	**78**	72	166	24	156	8
МС, 50–58	28	**250**	**433**	21	–	10	**50**	134	229	24	162	13
$МС_{карбонатн.}$, 73–83	33	**127**	**1106**	12	7	8	8	100	**523**	14	134	10
МС, 100	37	**72**	**351**	22	–	5	5	160	264	22	156	14
МС, зола, 100	17	**66**	**1106**	6	–	5	–	27	**1144**	5	68	–
Кв. 244, $А_{кс}$, 40–54	40	**74**	**342**	28	–	11	22	192	166	25	182	13
Сапропель, 80 (65–95)	43	42	**151**	37	**22**	10	16	211	118	33	224	21
Сапропель, 110 (100–125)	52	**56**	**155**	36	**5**	6	10	207	122	37	245	21
Кв. 262, А, 195–203	26	**128**	**131**	30	**15**	11	22	160	156	77	199	13
Варяжская ул., 2014 г.												
МС, 85	33	**226**	**586**	19	**5**	16	**47**	125	341	18	164	10
ОМС, 105	35	**159**	**498**	16	–	16	18	134	221	22	158	10
ОМС, 125	24	**140**	**455**	9	**4**	10	11	101	155	14	102	7
Почва 1, Ар, 130–145	38	**70**	**313**	26	–	4	10	180	182	21	165	14
Сапропель, 157–190	42	43	**151**	38	–	–	18	200	122	38	218	21
Сапропель, 190–218	42	62	166	42	–	–	26	190	122	45	212	22
Почва 2, А, 218–222	10	49	43	7	–	–	5	38	69	42	104	6
Земляное городище, раскоп 5, 2013 г.												
Зола, –40	12	**105**	**1085**		–	–	18	47	**510**	14	105	10
ОС, –10–20	14	43	**250**	8	–	5	4	38	112	11	64	5
Почва 1, Ар, 0–8(10)	25	**57**	**283**	17	–	–	11	113	140	19	140	9
АВ, сапропель, 22–30	38	**66**	**230**	31	–	–	14	171	150	37	195	12
Сапропель, 22–30	46	**59**	119	35	–	–	15	175	128	47	222	16
Почва 2, А, 30–36	26	45	73	25	**5**	–	10	104	131	49	205	14
Зола, –40	8	32	55	6	–	4	–	125	117	39	236	15

* Кларк — среднее содержание в земной коре. См. также прим. к табл. 4.4–4.6.

издавна. Также мышьяк широко использовался вплоть до недавнего времени для борьбы с мышами и крысами. Источником свинца мог быть транспорт, если в топливо в качестве антидетонатора добавлялся тетраэтилсвинец.

В исследованных разрезах накопление меди, цинка, свинца обнаруживается в основном в средневековом культурном слое. Ниже их содержание уменьшается. Мышьяк здесь также местами накапливается, но высокие его концентрации выявлены также в нижней части раскопа 2015 г. Это может быть связано с какой-то природной аномалией.

Так как мышьяк многовалентен, на его миграцию оказывает большое влияние окислительно-восстановительная среда. В щелочных условиях растворимость мышьяка, а значит, и его подвижность, возрастают (Пинский 1997). Находящиеся в почве соединения и минералы мышьяка легкорастворимы, особенно в восстановительной среде (Kabata-Pendias, Pendias 1999; Xu et al. 1991). В то же время в карбонатных почвах большое значение имеет хемосорбция мышьяка с карбонатами. Так как образованные соединения малоподвижны в нейтральных и слабокислых условиях, то с ростом pH подвижность мышьяка возрастает (Водяницкий 2009; Антикаев 2001; Ильин 2002).

Повышенное содержание мышьяка в некоторых горизонтах средневековых культурных отложений может быть объяснено существованием здесь кожевенных или меховых промыслов. В то время минералы мышьяка служили депиляторами при выделке кож. Подобное накопление этого элемента в слое могло быть связано не только с кожевенным производством, но и с другим его использованием. Тогда широко применялись мышьяковые краски, использование которых сейчас запрещено или резко ограничено. Это королевская желтая, получаемая измельчением минерала аурипигмента, желтая — мышьяково-свинцовая и различные «зелени», представлявшие собой смеси медных и мышьяковистых солей. Предельно допустимой концентрацией мышьяка в почве считается 4 мг/кг. Если эта концентрация превышались, то в случае выращивания сельскохозяйственной продукции это могло влиять на здоровье людей. Мышьяк обладает общетоксическим действием. Кроме того, поражается сердечная мышца, нарушается обмен веществ, нервная система.

Во многих горизонтах культурного слоя Ладоги отмечается повышение содержания свинца. Как и во многих других случаях, содержание свинца в нижних более древних слоях снижается, несмотря на явные признаки его использования уже в раннем средневековье (Александровский, Александровская, 2009; Alexandrovskiy et al. 2012). Это связано с большей подвижностью данного элемента по сравнению с медью и цинком. Свинец широко применялся для изготовления утвари. Мышьяково-кислый свинец мог использоваться при защите растений сада. Свинцовые краски, белые, желтые, оранжевые и красные, с XVII в., а возможно, и с более раннего времени, находили широкое применение как кроющие, защищающие (в основном свинцовые белила). Кроме нервной системы свинец поражает костный мозг, сосуды и другие органы.

Полученные данные свидетельствуют об активном накоплении в культурных слоях меди. Медь, так же, как и свинец, легкоплавка, ковка, легка в обработке. Предметы быта того времени часто делались частично из меди, частично из свинца. Однако кроме собственно медных изделий источником поступления меди в городские почвы мог быть и широко применявшийся медный купорос — сернокислая медь,

содержащаяся в водах медных рудников. Медный купорос применялся как для борьбы с сельскохозяйственными вредителями, так и в качестве основы для многих красок, обладающих и противоплесневым действием. Наиболее распространенными были: известковая синяя, составлявшаяся из растворов медного купороса, нашатыря и гашеной извести, и известковая зелень, состоящая из медного купороса, мышьяковистой кислоты и известкового молока. Медные краски кроме синих и зеленых могли быть фиолетовыми, коричневыми, черными и даже красными. Это всем известный сурик — окисная медь.

Интересно отметить, что заметное увеличение содержания цинка в почвах и культурных слоях часто происходит совместно с отчетливым повышением содержания меди, мышьяка и свинца. Это может быть связано с металлургией, металлообработкой. Кроме того, много цинка содержит рыбная чешуя и жабры. Часто повышенное содержание цинка обнаруживается в местах разделки рыбы.

Во многих случаях отмечается повышение содержания рубидия. Рубидий встречается в некоторых слюдах (например, лепидолите), калийных солях, каменном угле и др. Угольная пыль может содержать от 9 до 22 мг/кг рубидия. У людей, в чьи организмы поступают избыточные количества рубидия, отмечаются жалобы на повышенную возбудимость, быструю утомляемость, плохой сон, частые головные боли. Объективно диагностируется неврастенический синдром на фоне вегето-сосудистой дистонии и т. п. Однако угольная пыль могла здесь поступать только с XIX в. Причины увеличения содержания рубидия в более древних слоях пока неясны.

Неясны и причины повышения содержания иттрия в некоторых слоях. Интересно, что иттрий был обнаружен и изучен Карлом Аррениусом на одном из многочисленных островков на Балтике близ Стокгольма, столицы Швеции. Попал ли этот элемент в культурные слои из Швеции с какими-то полезными ископаемыми или это местная особенность (что более вероятно) — пока неизвестно.

Таким образом, выявляется современное накопление свинца, вероятно связанное с автотранспортом. Накопление меди, цинка, свинца и, местами, мышьяка в средневековых слоях обусловлено металлургией, а также применением этих элементов и их соединений в быту.

Результаты определения пород деревьев по угольками (антракология)

Определения проводились при увеличении ×20–30 под бинокулярной лупой. Хвойные породы по строению древесины достаточно уверенно отделяются от лиственных. Определены ель, сосна и хвойные неразделенные (табл. 4.9; 4.10). Среди лиственных доминируют фрагменты с рассеяннопоровым (рассеяннососудистым) строением древесины, относящиеся в основном к мелколиственным (береза, осина, ива).

Количество определенных фрагментов угля и древесины невелико, тем не менее, ориентировочно, можно определить соотношение таких групп древесной растительности, как хвойные, мелколиственные и широколиственные. Отмечается практически полное отсутствие углей широколиственных пород, широко представленных в средневековых слоях более южных территорий. Преобладают хвойные (сосна, ель), также много фрагментов мелколиственных пород (береза, осина и др.). В целом это сходно с данными палинологии по Северо-Западу, которые также свидетельствуют о малом участии здесь широколиственных пород в течение последних 1500 лет. Однако в составе углей доля хвойных выше, в основном за счет ели.

Таблица 4.9. Определение пород деревьев по угольками и фрагментам древесины

Породы деревьев	Угли	Древесина	Примечания
№ 9. –115/–130 см ОМС			
Рассеяннопоровые	6	–	Осина, ива (?)
Сосна	1	–	
Хвойные	2	4	Сосна, ель
н/о	2	3	
№ 8. –100/–115 см ОМС			
Береза	2	–	
Рассеяннопоровые	1	–	Осина, ива (?)
Рассеяннопоровые	5	–	
Ель?	1	–	
Хвойные	1	3	Сосна, ель
Хвойное	1	–	Очень много смоляных ходов, можжевельник?
н/о	1	4	
№ 7. –75/–100 см МС			
Береза	1	–	
Рассеяннопоровые	2	–	Осина, ива (?)
Сосна	3	–	
Ель?	4	–	
Хвойные	12	5	Сосна, ель
н/о	1	3	
№ 6. –130/–145 см Ар			
Хвойные	8	–	Сосна, ель
Рассеяннопоровые	3	–	Клен, лещина (?)
Кольцепоровое	1		Дуб (?)
№ 6а. –130/–145 см Ар (образец на 14С датирование)			
Хвойные	4	–	Ель
н/о	1	–	

Прим.: из-за плохой сохранности некоторые фрагменты определены предположительно.

Таблица 4.10. Определение пород деревьев по угольками и фрагментам древесины

№ пробы	Береза	Осина	Кольце-поровые	Сосна	Ель	Хвойные	Можже-вельник	Рассеянно-поровые	Н/о
9	–	–	–	1		6	–	6	5
8	2	1?	–		1	4	1	5	5
7	1	2?	–	3	4	17	–	2	4
6, 6а	–	–	1	–	4	8	–	3	1
Всего	3	3	1	4	9	35	1	16	15

Приложение 3

Инвентарь неолитического слоя Старой Ладоги (Варяжская улица)

Археологические находки, обнаруженные в культурном слое, залегавшем ниже отложений Ладожской трансгрессии (здесь и далее «неолитический культурный слой»), немногочисленны. Они представлены предметами из разных пород камня (115 экз.), фрагментами керамической посуды (119 экз.) и костями животных (22 экз.) (табл. 4.11)[3]. Среди каменных артефактов преобладают сделанные из кремня (107 экз.); предметы из кварца, сланца, гранита и янтаря единичны. Кости животных (22 экз.) сильно фрагментированы, из них только четыре определимые, все они принадлежат роду Bos sp. (Бык), одна кость возможно птичья (табл. 4.12)[4].

Таблица 4.11. Старая Ладога, Варяжская улица. Состав находок в неолитическом культурном слое

Материал		Количество	
Камень	гранит	1	115
	кварц	3	
	кремень	107	
	сланец	1	
	янтарь	2	
	известняк (?)	1	
Керамика			119
Кость			22

Таблица 4.12. Старая Ладога, Варяжская улица. Состав костей животных в неолитическом культурном слое

Инв. №	Наименование	Вид	Часть скелета
157	Кость животного	Bos sp.	Vertebra
179-2	Кость птицы (?)		
247	Кость животного	Bos sp.	Atlas
270	Кость животного	Bos sp.	Scapula
325	Кость животного	Bos sp.	Phalanx distalis

Керамика неолитического слоя

Всего при раскопках неолитического слоя обнаружено 119 фрагментов керамики (табл. 4.11). По характеру примесей, форме венчиков, особенностям орнаментации можно выделить минимум семь сосудов.

Сосуд 1. К нему относятся четыре фрагмента венчиков и около 35 фрагментов стенок. В качестве примеси к тесту использована крупнотолченая дресва. Толщина стенок составляет 7–11 мм. Скошенный внутрь венчик с наплывом украшен по срезу оттисками косопоставленной узкой гребенки. Верхний край стенки орнаментирован косопоставленной гребенкой, ниже расположен ряд глубоких круглых или овальных конических в профиль ямок с негативом-«жемчужиной» на внутренней поверхности. Еще ниже расположена зона, украшенная несколькими рядами соприкасающихся углами трапеций, которые составлены из оттисков косопоставленной гребенки; в промежутках между рядами трапеций располагается ряд ямок. Ниже этой зоны расположен пояс из косопоставленной гребенки (рис. 4.27, 4.28). На внутренней поверхности многих фрагментов имеются горизонтальные следы

[3] Рисунки неолитического инвентаря выполнены А. А. Малютиной.

[4] Фаунистические определения выполнены науч. сотрудники ИИМК РАН Н. Д. Буровой, за что авторы выражают ей глубокую благодарность.

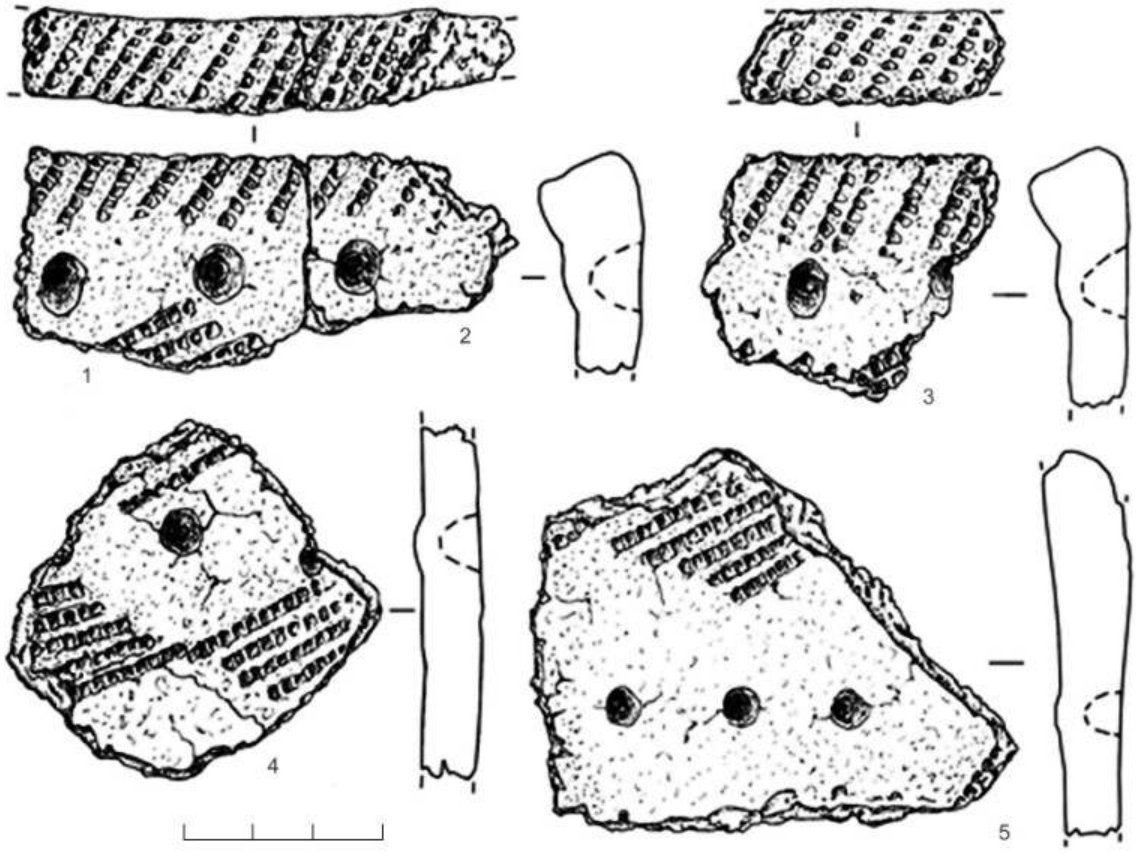


Рис. 4.27. Неолитическая керамика, сосуд 1. *1* — САЭ-15 ВУ № 313; *2* — САЭ-15 ВУ № 335; *3* — САЭ-15 ВУ № 311; *4* — САЭ-15 ВУ № 208; *5* — САЭ-15 ВУ № 361

заглаживания зубчатым инструментом. По характерным особенностям сосуд относится к типичной гребенчатой керамике.

Сосуд 2 представлен одним крупным фрагментом венчика. В качестве примеси использована дресва, органика, возможно слюда. Толщина стенки 9 мм. Скошенный внутрь, с наплывом венчик украшен по срезу оттисками косопоставленной узкой гребенки. Верхний край стенки орнаментирован косопоставленной широкой гребенкой, ниже расположен ряд овальных глубоких редкопоставленных ямок, оставляющих широкий крупный негатив-«жемчужину» на внутренней поверхности. Ниже зоны ямок расположен горизонтальный зигзаг из одиночных оттисков тонкой гребенки (рис. 4.29). На внутренней поверхности фрагмента имеются горизонтальные следы заглаживания зубчатым инструментом. По характерным особенностям сосуд относится к типичной гребенчатой керамике.

Сосуд 3 представлен одним фрагментом венчика. В качестве примеси использована дресва и мелкий песок. Толщина стенки 10 мм. Утолщенный, скошенный внутрь венчик украшен по срезу оттисками косопоставленной широкой короткой гребенки, на внутренней поверхности на краю среза венчика нанесены косые насечки. Такие же насечки нанесены на внешнем крае венчика. Ниже расположены в шахматном порядке два ряда глубоких овальных ямок, с плоским, расплывшимся, почти нечитаемым негативом на внутренней стороне (рис. 4.30). По характерным особенностям сосуд относится к типичной гребенчатой керамике.

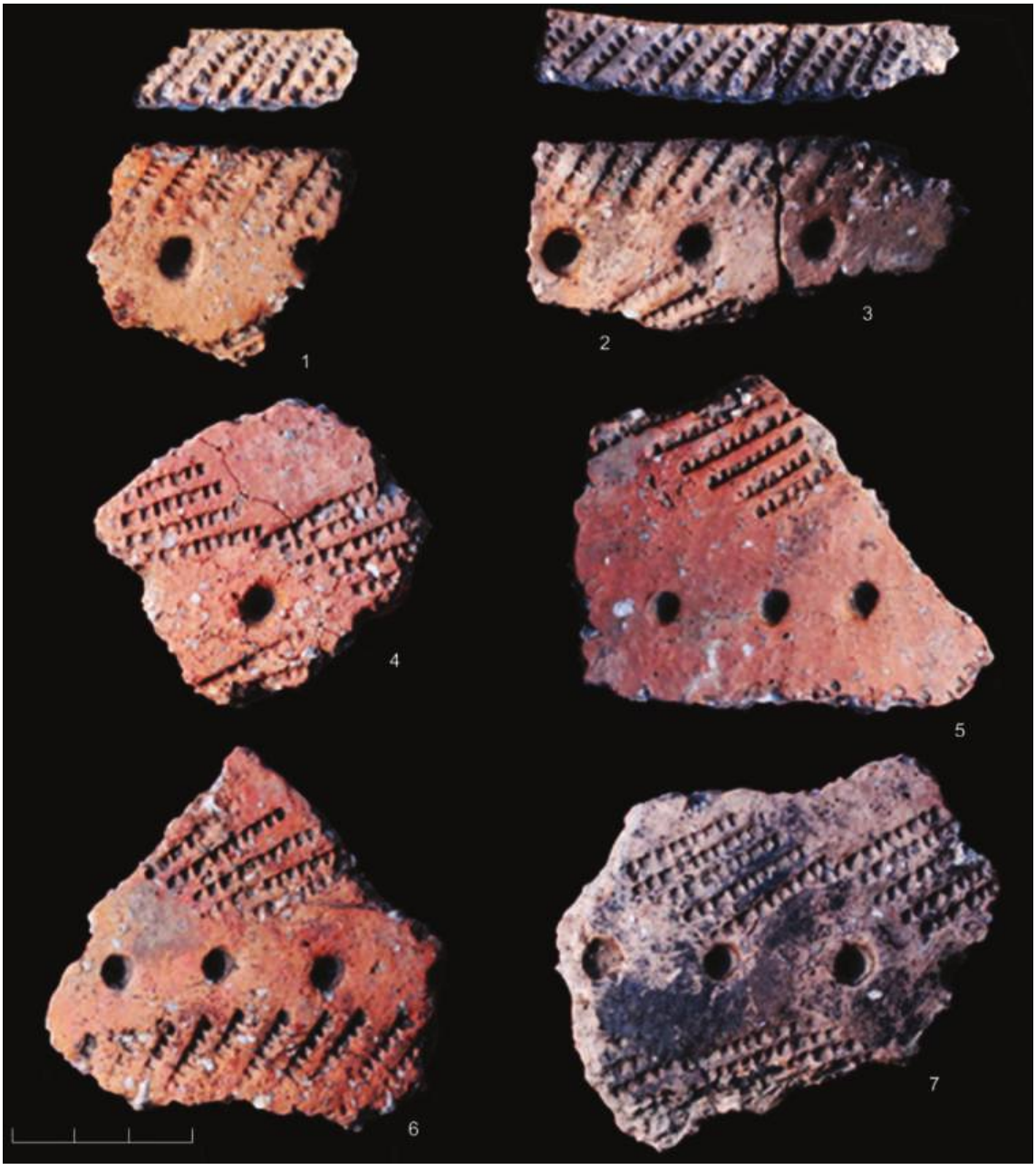


Рис. 4.28. Неолитическая керамика, сосуд 1. *1* — САЭ-15 ВУ № 311; *2* — САЭ-15 ВУ № 313; *3* — САЭ-15 ВУ № 335; *4* — САЭ-15 ВУ № 208; *5* — САЭ-15 ВУ № 361; *6* — САЭ-15 ВУ № 443; *7* — САЭ-15 ВУ № 216

Сосуд 4 представлен одним фрагментом венчика. В качестве примеси использована дресва и песок. Толщина стенки составляет 12 мм. Утолщенный, с наплывами снаружи и внутри скошенный внутрь венчик украшен по срезу редкими косопоставленными оттисками короткой узкой гребенки. Верхний край стенки неорнаментированный, на 2 см ниже среза венчика идет ряд круглых широких глубоких ямок с плоским дном (рис. 4.31, *4*). По характерным особенностям сосуд относится к типичной гребенчатой керамике.

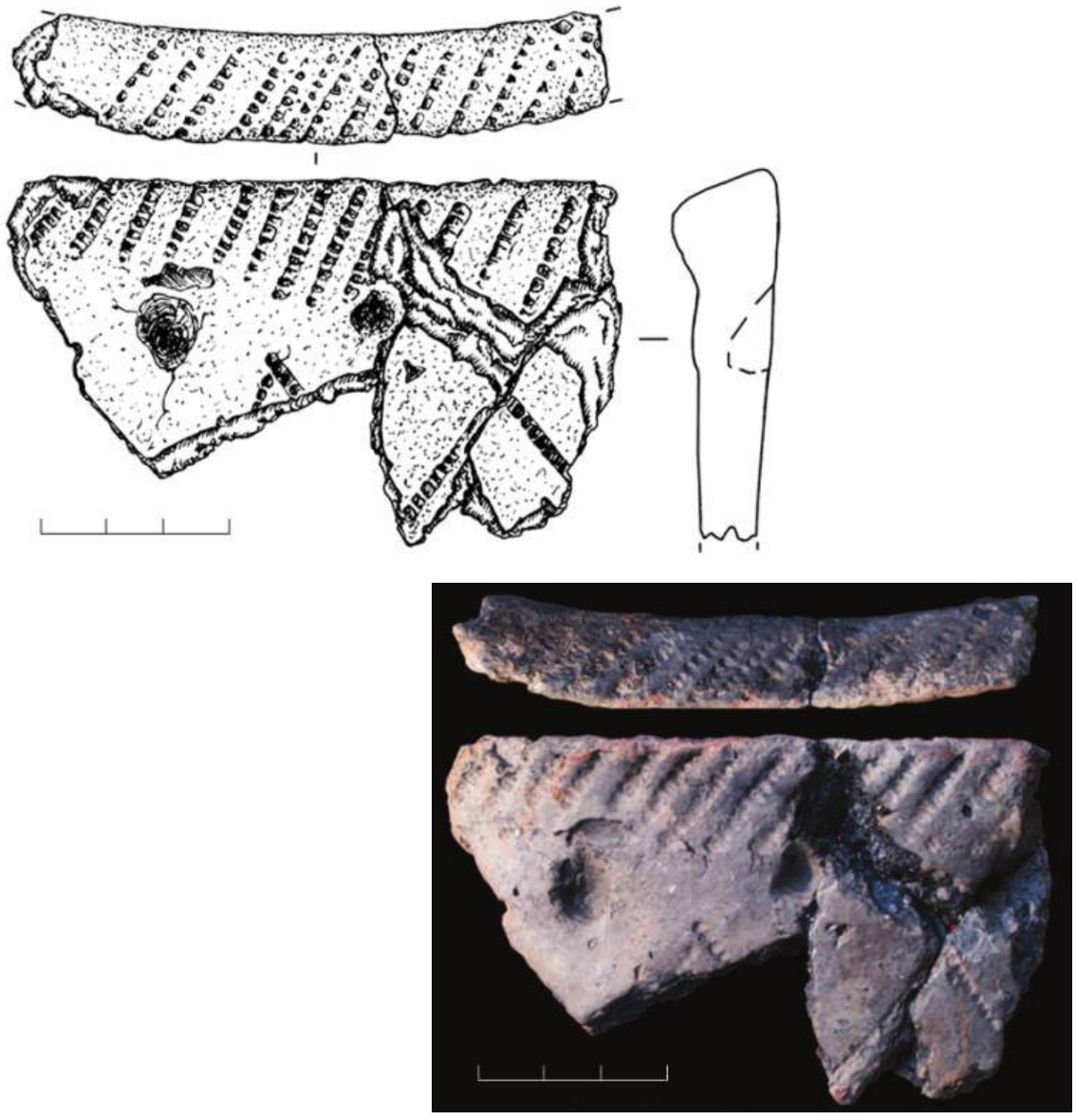


Рис. 4.29. Неолитическая керамика, сосуд 2 (САЭ-15 ВУ № 186)

Сосуд 5 представлен одним фрагментом венчика и двумя фрагментами стенок, из которых один склеивается с фрагментом венчика. В качестве примеси обильно использована дресва и крупнозернистый песок. Из-за обильности примеси поверхность сосуда очень шершавая, незаглаженная. Толщина стенки составляет 8–9 мм. Прямой, слабоутолщенный с внутренней стороны венчик не имеет орнамента на срезе. Орнамент расположен с отступом 2 см от среза венчика и состоит из трех рядов неглубоких (без негативов на внутренней поверхности) ямок, которые нанесены под небольшим углом и расположены так, что три ямки образуют наклонный ряд. Ниже третьего ряда ямок располагался, видимо, пояс из горизонтальных оттисков тонкой гребенки. Фрагмент стенки орнаментирован неширокими, неглубокими, редко поставленными ямками (в шахматном порядке — ?) (рис. 4.31, *1–3*). По характерным особенностям сосуд относится к типичной гребенчатой керамике.

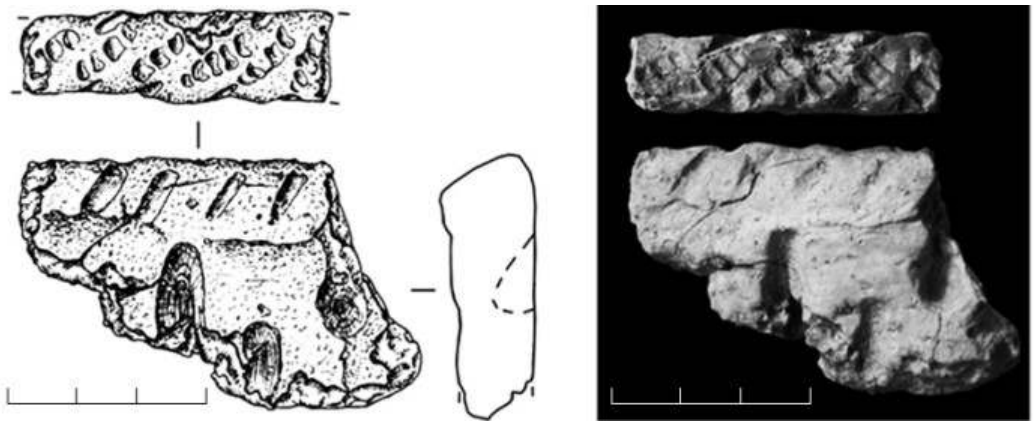


Рис. 4.30. Неолитическая керамика, сосуд 3 (САЭ-15 ВУ № 167)

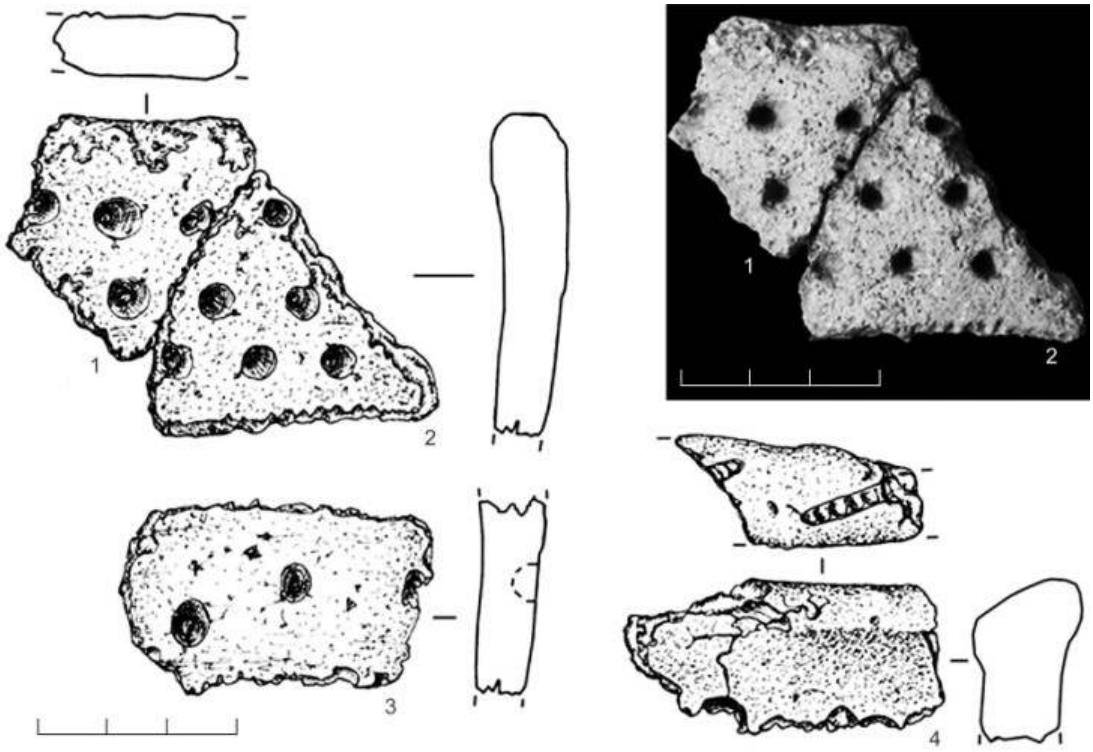


Рис. 4.31. Неолитическая керамика. *1–3* — сосуд 5 (*1* — САЭ-15 ВУ № 219; *2* — САЭ-15 ВУ № 914; *3* — САЭ-15 ВУ № 238); *4* — сосуд 4 (САЭ-15 ВУ № 162)

Сосуд 6 представлен одним небольшим фрагментом венчика. В качестве примеси обильно использована дресва и крупнозернистый песок, поверхность шершавая, незаглаженная. Утолщенный, с наплывами снаружи и внутри венчик украшен по срезу косопоставленными оттисками гребенки. Верхний край стенки орнаментирован оттисками косопоставленной широкой гребенки. По характерным особенностям сосуд относится к типичной гребенчатой керамике.

Сосуд 7 представлен одним фрагментом венчика и четырьмя фрагментами стенок. В качестве примеси использована дресва и песок. Толщина стенок составляет 8–10 мм. Скошенный внутрь с наплывом венчик украшен по срезу оттисками

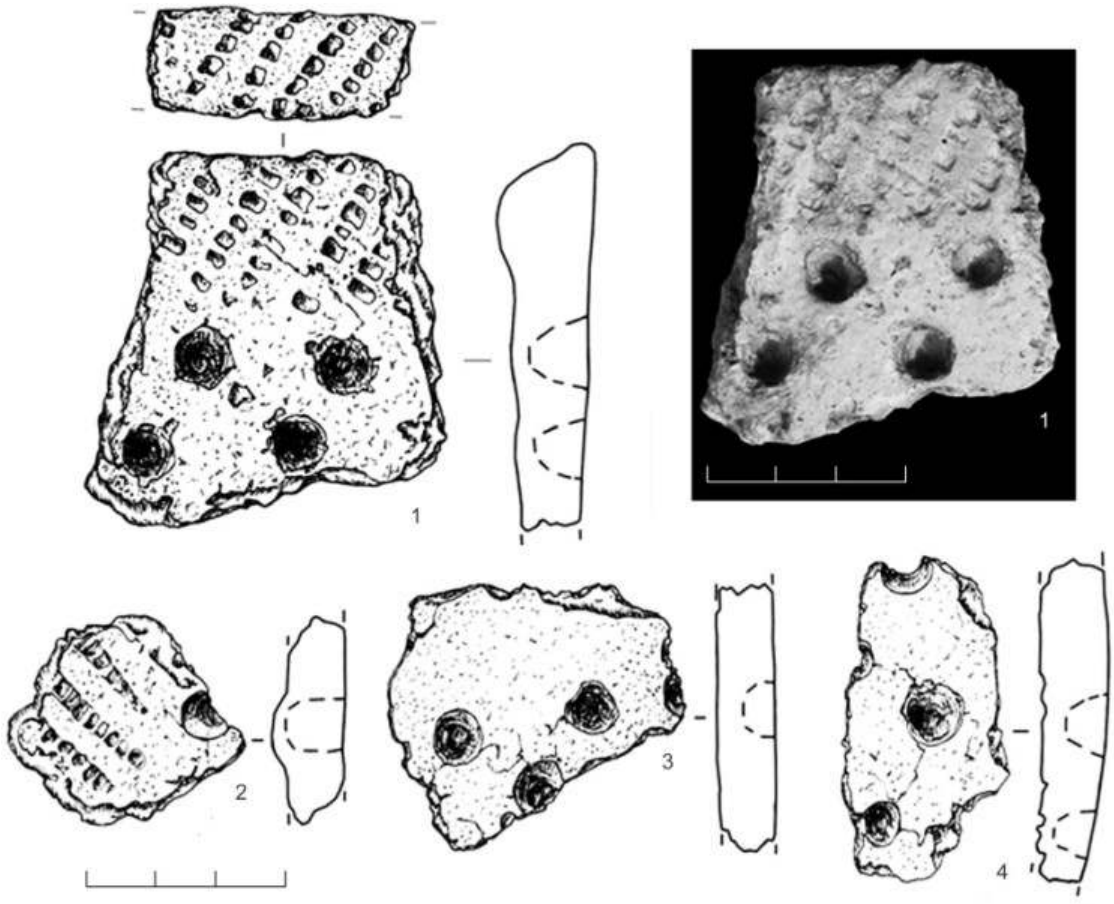


Рис. 4.32. Неолитическая керамика, сосуд 7. *1* — САЭ-15 ВУ № 198; *2* — САЭ-15 ВУ № 433; *3* — САЭ-15 ВУ № 359; *4* — САЭ-15 ВУ № 342

косопоставленной широкой гребенки, внутренняя часть по срезу также орнаментирована оттисками косопоставленной широкой гребенки. С внешней стороны верх стенки орнаментирован оттисками косопоставленной широкой гребенки. Ниже располагаются два ряда широких, глубоких округлых ямок с плоским дном с негативом-«жемчужиной» на внутренней стороне. Четыре фрагмента стенок, отнесенных к этому сосуду, украшены глубокими округлыми или подквадратными ямками с плоским дном и негативом на внутренней стороне, редко поставленными в шахматном порядке. На одном фрагменте имеются поверхностные оттиски широкой гребенки (рис. 4.32). По характерным особенностям сосуд относится к типичной гребенчатой керамике.

Все вышеперечисленные условно выделенные сосуды относятся к типичной гребенчатой (по финской терминологии) или гребенчато-ямочной керамике. В коллекции имеются отдельные фрагменты стенок сосудов с такими же характеристиками: примесь дресвы и песка в тесте, большая величина стенок, использование в орнаментации глубоких округлых, овальных ямок и оттисков различных гребенчатых штампов, что позволяет относить их также к типичной гребенчатой керамике.

Кроме того, в коллекции из неолитического слоя представлены отдельные фрагменты стенок, отличающиеся от описанных выше. Среди них выделяются четыре

фрагмента стенок (инв. № 343, 415–417), имеющие в примеси незначительное количество мелкозернистого песка и, возможно, органику, толщиной 10 мм, орнаментированные небольшими глубокими, с коническим профилем (но без негатива на внутренней поверхности) круглыми ямками в шахматном порядке. Наличие широких зон орнаментированных только ямками в целом не характерно для типичной гребенчатой керамики. Также в коллекции имеется один фрагмент (инв. № 218) с примесью песка и дресвы в тесте, толщиной 10 мм, орнаментированный глубокими ромбическими ямками с негативом-«жемчужиной» на внутренней поверхности, расположенными в шахматном порядке. Такая орнаментация характерна для позднеолитической ромбо-ямочной керамики Карелии и Ленинградской области.

Интересны фрагменты пористой керамики. Один крупный фрагмент стенки (инв. № 356) имеет крупные плоские поры от выгоревшей примеси на внешней и внутренней поверхности, толщина стенки составляет 7 мм. Внутренняя поверхность заглажена. Орнамент состоит из глубоких оттисков узкого гребенчатого штампа. Имеется два пояса вертикально поставленного гребенчатого штампа, разделенные широкой зоной, заполненной зигзагом, составленным из длинных оттисков такого же штампа. Еще три мелких фрагмента (инв. № 187, 251, 345) имеют примесь мелкой выгоревшей органики в тесте; толщина стенок составляет 10 мм. Все они орнаментированы узкими отпечатками слегка изогнутого гребенчатого штампа, сгруппированного в горизонтальные пояски. Этой группе фрагментов могут быть найдены аналогии среди пористой керамики эпохи энеолита (или позднего неолита) Карелии и Ленинградской области.

Каменный инвентарь неолитического слоя

В неолитическом культурном слое было обнаружено 115 артефактов из различных пород камня: кварца (3 экз.), кремня (107 экз.), сланца (1 экз.), гранита (1 экз.), янтаря (2 экз.), известняка (?) (1 экз.) (табл. 4.11, 4.13).

Представленный в коллекции кремень очень разнообразный по цвету и качеству. Большая часть предметов изготовлена из серого неоднородного по цвету кремня с прожилками темных и светлых оттенков. Этот тип сырья имеет выраженную зернистость, матовость поверхности; расщепление таких конкреций зачастую происходит по внутренним плоскостям, имеющим своеобразную корку, сходную с галечной. В меньшей степени представлено сырье желтого, сиреневого, светло-коричневого оттенков, в некоторых случаях высокого качества. Из 107 кремневых предметов 14 (13 %) имеют галечную корку, из них три — первичных (галечная корка полностью покрывает дорсальную поверхность). Единственный нуклеус из кремня размерами 30 × 34 × 30 мм может быть охарактеризован как призматический одноплощадочный для снятия отщепов (рис. 4.33, *11*). Среди предметов расщепления представлены отщепы (69 кремневых и 3 кварцевых), чешуйки, осколки, пластины (все — кремень). Размеры отдельных сколов достигают 63 мм, хотя средняя величина их колеблется в пределах 20–30 мм. Помимо пластин (2 экз.) (рис. 4.33, *10*) и их фрагментов (3 экз.) выделяется группа пластинчатых отщепов (4 экз.). Для них характерны менее вытянутые пропорции и непараллельность краев или нечеткая огранка. Среди отщепов имеются один технический — скол подправки ударной площадки нуклеуса (снята часть фронта расщепления), три скола

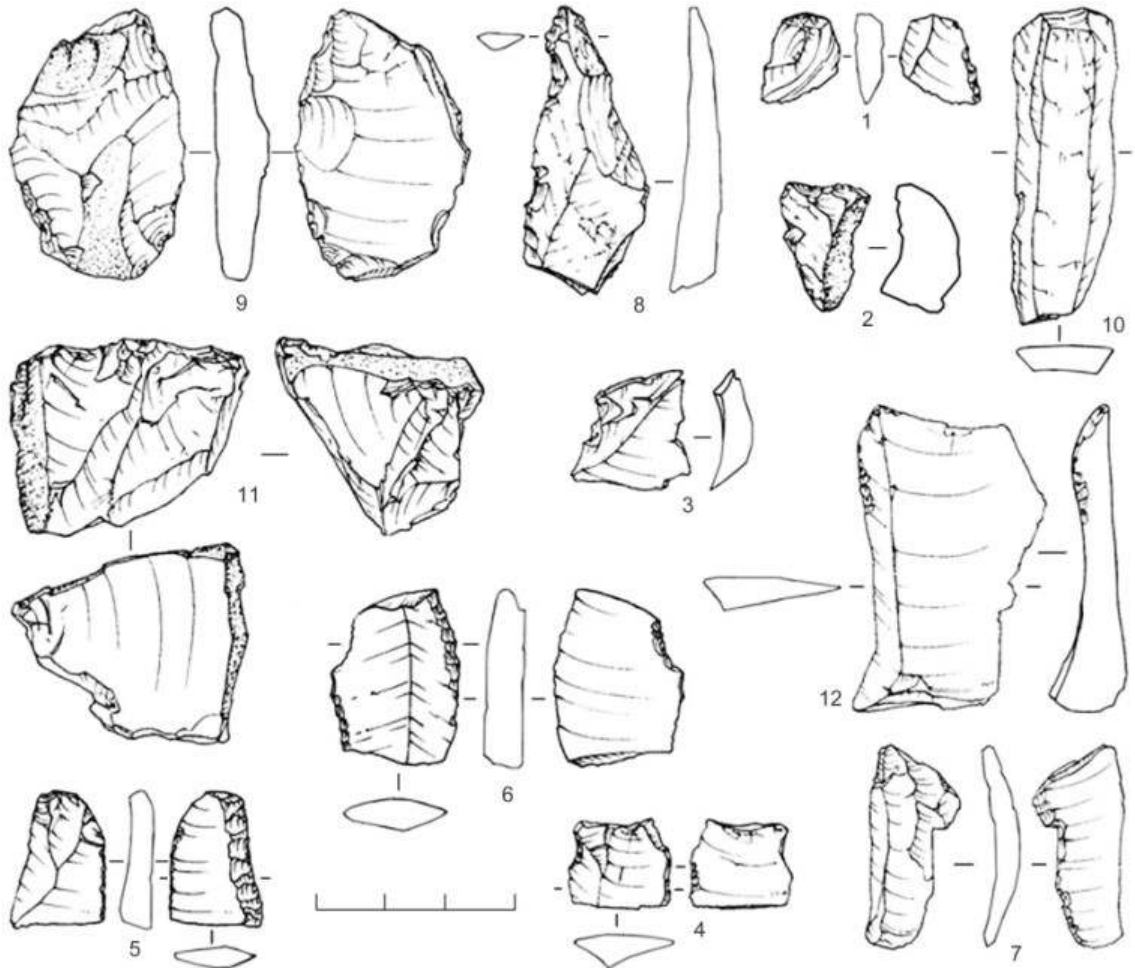


Рис. 4.33. Каменные артефакты из неолитического культурного слоя. *1–3, 8–9, 12* — отщепы с ретушью (САЭ-15 ВУ № 229, 309, 367, 174, 144, 223); *4–7* — фрагменты пластин с ретушью (САЭ-15 ВУ № 294, 399, 191, 260); *10* — пластина (САЭ-15 ВУ № 158А); *11* — нуклеус (САЭ-15 ВУ № 150). Все — кремень

утончения бифаса и один скол с бифаса. Чешуйки немногочисленны (5 экз.), к ним отнесены все сколы без обработки, имеющие размеры 15 мм и меньше. Наличие нуклеуса, сколов подправки нуклеуса, сколов с бифасов и чешуек позволяет предполагать обработку кремня на стоянке, по крайней мере, срабатывание нуклеусов для производства отщепов и подправку бифасиальных изделий.

Среди изделий с вторичной обработкой большинство составляют отщепы с ретушью (9 экз.) (рис. 4.33, *1–3, 8–9, 12*). Чаще всего у них мелкой нерегулярной ретушью обработан небольшой участок края. Такая ретушь могла образоваться в результате утилизации, преднамеренной подправки или залегания в насыщенном камнями слое. В коллекции имеются пластины с ретушью и их фрагменты (рис. 4.33, *4–7*). Кремневых орудий найдено всего пять экземпляров (табл. 4.13). Среди них два ножа, перфоратор (проколка), скребок и скобель. Первый нож изготовлен на пластинчатом отщепе или фрагменте крупной пластины; два лезвия, расположенные на противолежащих краях, оформлены крупной, пологой ретушью на дорсальной поверхности (рис. 4.34, *5*). Второй изготовлен на крупном пластинчатом отщепе,

Таблица 4.13. Старая Ладога, Варяжская улица.
Состав каменного инвентаря из неолитического культурного слоя

Артефакты		Материал						Всего
Технологический класс	Категория	Кварц	Кремень	Сланец	Гранит	Янтарь	Известняк (?)	
Предметы расщепления	Отщеп	3	69	–	–	–	–	72
	Чешуйка	–	5	–	–	–	–	5
	Осколок	–	5	–	–	–	–	5
	Пластина	–	5	–	–	–	–	5
	Нуклеус	–	1	–	–	–	–	1
	Отщеп с ретушью	–	9	–	–	–	–	9
	Пластина с ретушью	–	4	–	–	–	–	4
Орудия	Нож	–	2	–	–	–	–	2
	Перфоратор	–	1	–	–	–	–	1
	Скребок	–	1	–	–	–	–	1
	Скобель	–	1	–	–	–	–	1
	Тесло	–	–	1	–	–	–	1
	Кресальный кремень?	–	1	–	–	–	–	1
Заготовки	Заготовка бифаса	–	3	–	–	–	–	3
Украшения	Подвеска	–	–	–	–	–	1	1
Немодифицированные	Фрагмент	–	–	–		2	–	2
	Галька	–	–	–	1		–	1
Всего		3	107	1	1	2	1	115

на длинной стороне которого на дорсальной поверхности нерегулярной полукрутой ретушью оформлено лезвие. Мелкая нерегулярная ретушь имеется также на противолежащем крае и на вентральной поверхности (рис. 4.34, *11*; 4.35, *5*). Перфоратор (проколка) сделан на небольшом отщепе, острие оформлено мелкой ретушью, на самом кончике имеются еле заметные фасетки от использования (рис. 4.34, *6*). Скребок выполнен на крупном отщепе, широкое выпуклое лезвие оформлено тщательной регулярной крутой ретушью (рис. 4.34, *10*; 4.35: *4*). Небольшой скобель имеет вогнутое лезвие, оформленное крутой крупной ретушью на крае отщепа (рис. 4.34: *4*). Единственный в коллекции предмет, изготовленный из сланца, — обломок лезвийной части тесла (рис. 4.34: *7*; 4.35: *2*). Орудие тщательно зашлифовано, возможно, оно имело трапециевидное поперечное сечение.

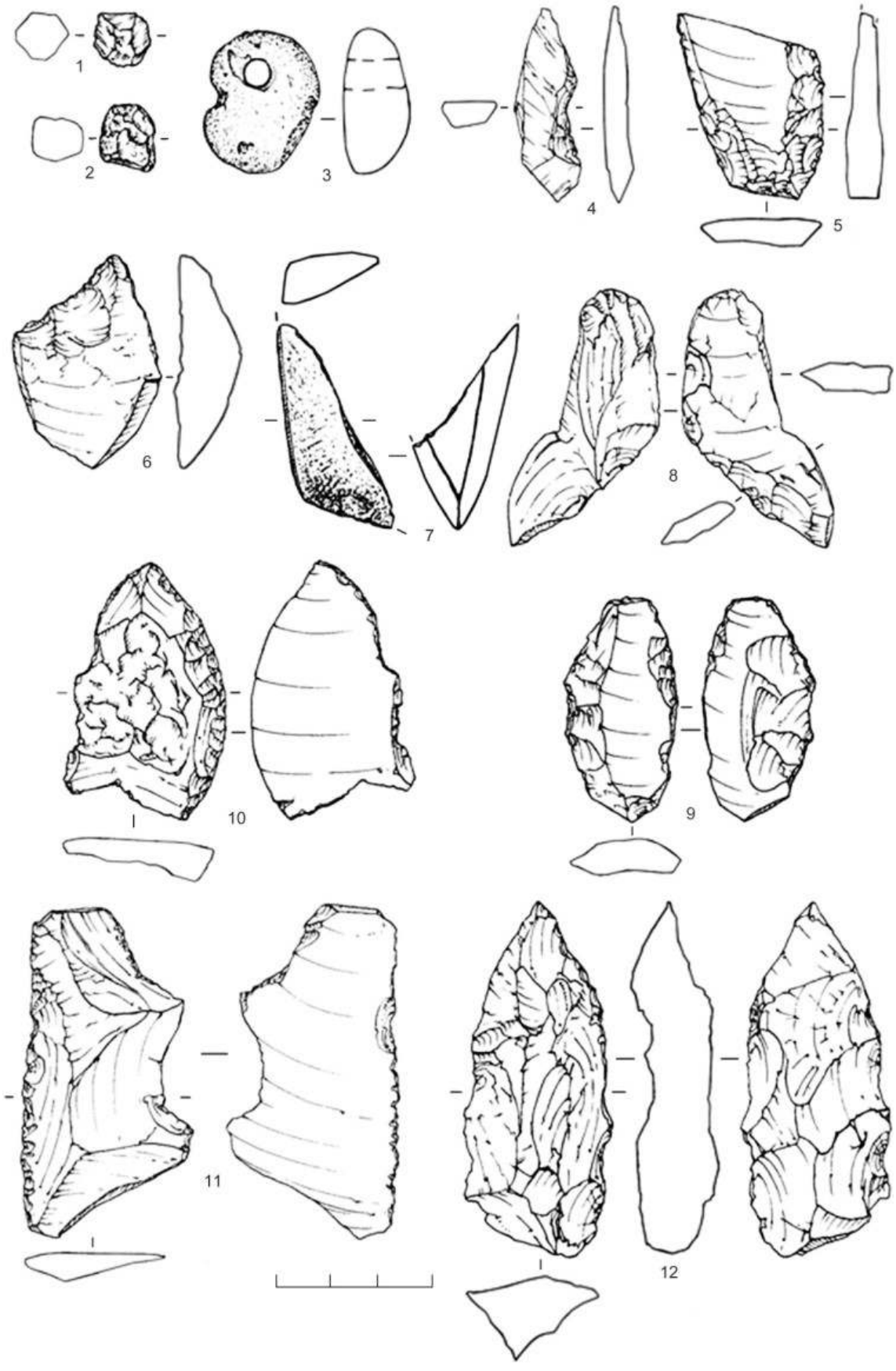

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

Рис. 4.35. Каменные артефакты из неолитического культурного слоя. *1* — подвеска (САЭ-15 ВУ № 943); *2* — фрагмент тесла (САЭ-15 ВУ № 173); *3* — заготовка (САЭ-15 ВУ № 320); *4* — скребок (САЭ-15 ВУ № 254); *5* — нож (САЭ-15 ВУ № 164). *1* — известняк (?), *2* — сланец, *3–5* — кремень

Кроме орудий в неолитическом культурном слое обнаружено три заготовки бифасиально обработанных орудий. Одна из них — обломок грубо оббитого куска кремня с двумя сформированными бифасиальными ребрами (рис. 4.34, *12*). Обработка изделия была остановлена на начальной стадии, возможно, из-за разлома заготовки. Другой предмет представляет собой отщеп, у которого бифасиальной пологой ретушью обработан один продольный край. Противолежащий край с дорсальной поверхности обработан полукрутой ретушью (рис. 4.34, *9*; 4.35, *3*). У третьего предмета бифасиальной пологой ретушью обработан один изогнутый край. Противоположный край оставлен без обработки (рис. 4.34, *8*). Возможно, что два последних предмета являлись ножами, лезвия которых приострены пологой ретушью в бифасиальной манере.

В коллекции имеется одна подвеска из небольшой известняковой гальки с просверленным отверстием (рис. 4.34, *3*; 4.35, *1*). Интересно отметить, что отверстие имеет не биконическое или коническое сверление, а цилиндрическое — равномерное по всей длине сверлины.

Помимо предметов дебитажа, орудий и заготовок в коллекции имеется несколько немодифицированных каменных артефактов. Это гранитная галька с небольшим участком выкрошенности и негативом одного скола, возможно, образовавшимися по естественным причинам. Также имеются два небольших необработанных (?) фрагмента янтаря (рис. 4.34, *1–2*). Их поверхность подверглась эрозии, и сложно сказать, были ли они обработаны.

Рис. 4.34. Каменные артефакты из неолитического культурного слоя. *1–2* — фрагменты янтаря (САЭ-15 ВУ № 101, 103); *3* — подвеска (САЭ-15 ВУ № 943); *4* — скобель (САЭ-15 ВУ № 306); *5, 11* — ножи (САЭ-15 ВУ № 242, 164); *6* — проколка САЭ-15 ВУ № 202); *7* — фрагмент тесла (САЭ-15 ВУ № 173); *8–9, 12* — заготовки (САЭ-15 ВУ № 363, 320, 195); *10* — скребок (САЭ-15 ВУ № 254). *1–2* — янтарь, *3* — известняк, *4–6*, *8–12* —кремень, *7* — сланец

Каменный материал из культурного слоя средних веков и нового времени

В культурном слое средневековья и нового времени было обнаружено 202 предмета из различных пород камня: кварцита (1 экз.), кремня (192 экз.), сланца (7 экз.), янтаря (2 экз.) (табл. 4.14). Часть этих изделий относится к неолитическому времени и попала в поздние слои в результате перекопов.

Таблица 4.14. Старая Ладога, Варяжская улица. Состав каменного инвентаря из культурного слоя средних веков и нового времени

Артефакты		Материал				Всего
Технологический класс	Категория	Кварцит	Кремень	Сланец	Янтарь	
Предметы расщепления	Отщеп	–	122	–	–	122
	Чешуйка	–	12	–	–	12
	Осколок	–	2	–	–	2
	Нуклеус	1	–	–	–	1
	Галька	–	1	–	–	1
	Отщеп с ретушью	–	18	–	–	18
	Пластина с ретушью	–	1	–	–	1
Орудия	Нож	–	2	–	–	2
	Перфоратор	–	2	–	–	2
	Скребок-скобель	–	1	–	–	1
	Кресальный кремень	–	27	–	–	27
	Ружейный кремень	–	4	–	–	4
	Оселок	–	–	7	–	7
Украшения	Обработанный фрагмент	–	–	–	2	2
Всего		1	192	7	2	202

Кремень очень разнообразный по цвету и качеству, встречается низкокачественный серый, доминировавший в неолитическом слое; качественный желтый, коричневый, сиреневый, красноватый кремень в большом количестве. 43 кремневых предмета (21 %) имеют галечную корку, из них пять являются первичными. В коллекции представлен один кварцитовый нуклеус размерами 31 × 27 × 24 мм. На нуклеусе имеется небольшой участок галечной корки, система скалывания — ситуационная. Интересно, что других предметов из кварцита не обнаружено. Среди предметов расщепления представлены отщепы (122 экз.), чешуйки (12 экз.), осколки (2 экз.), пластина (1 экз.). Размеры сколов не сильно отличаются от показателей

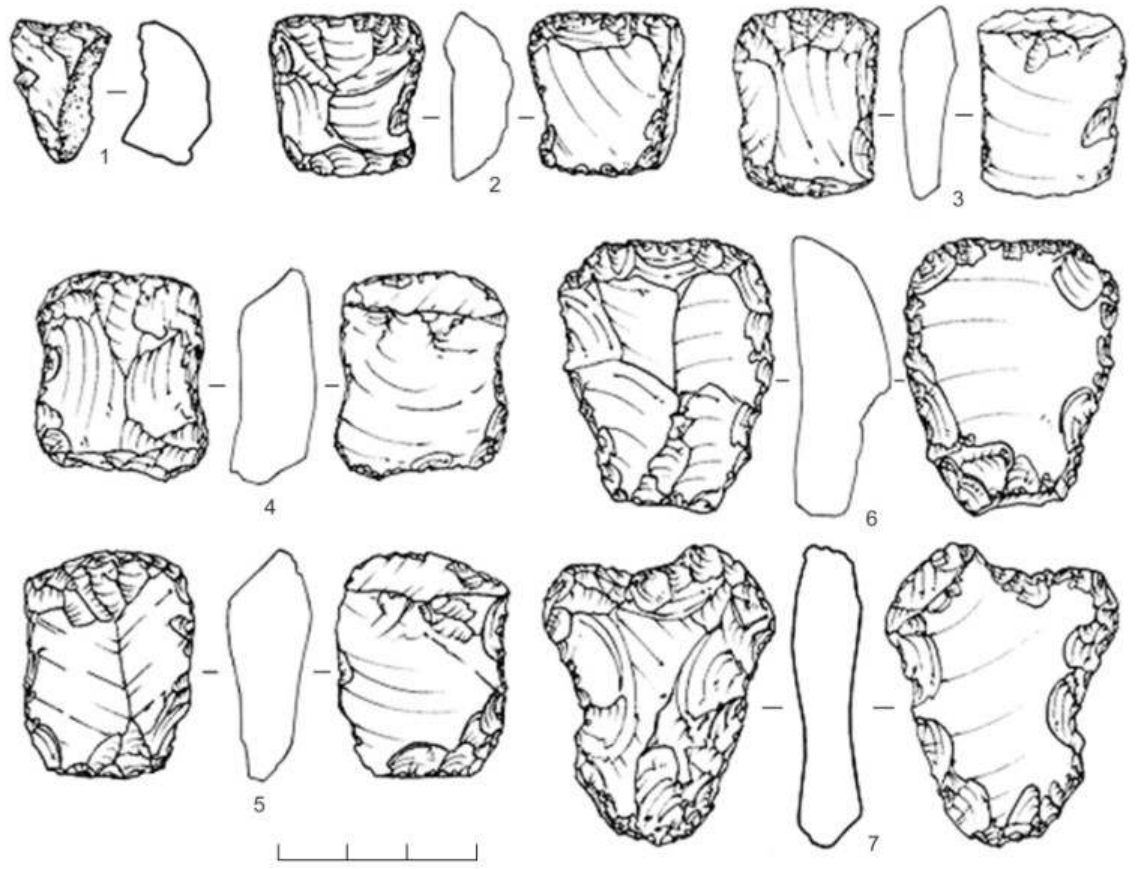


Рис. 4.36. Каменные артефакты из культурного слоя средневековья и нового времени.
1, 7 — кресальные кремни (САЭ-15 ВУ № 309, 506);
2–6 — ружейные кремни (САЭ-15 ВУ № 587, 574, 499, 298, 546). Все — кремень

неолитического слоя; самый большой предмет имеет длину 74 см, но это скорее исключение. Остальные изделия не превышают 56 см, размер большинства варьируется в пределах 20–30 см. Заметно меньше количество пластинчатых сколов: имеется всего одна пластина с ретушью и один пластинчатый отщеп. Среди дебитажа представлено 12 чешуек. В коллекции представлено два скола подправки ударных площадок нуклеусов, а также 10 сколов утончения бифасов и сколов с бифасов. Видимо, эти изделия происходят из неолитического слоя, поскольку бифасиальная техника обработки орудий характерна именно для позднего неолита.

Среди изделий с вторичной обработкой большую часть составляют кресальные и схожие с ними ружейные кремни (27 и 4 экз. соответственно) (рис. 4.36). Кресальные кремни чаще всего представляют собой разнообразные сколы (в некоторых случаях небольшие гальки) с нерегулярной ретушью, мелкой выкрошенностью, забитостью по большинству краев и граней (рис. 4.36, *1, 7*). Ружейные кремни отличаются более строгой выдержанной формой. Это короткие отщепы прямоугольной в плане формы, с широкой нефасетированной ударной площадкой, очень острым углом скалывания (около 50 градусов). Все имеют нерегулярную полукрутую или пологую ретушь на дорсальной и вентральной сторонах и мелкую выкрошенность и забитость на четырех сторонах изделий (рис. 4.36, 2–6).

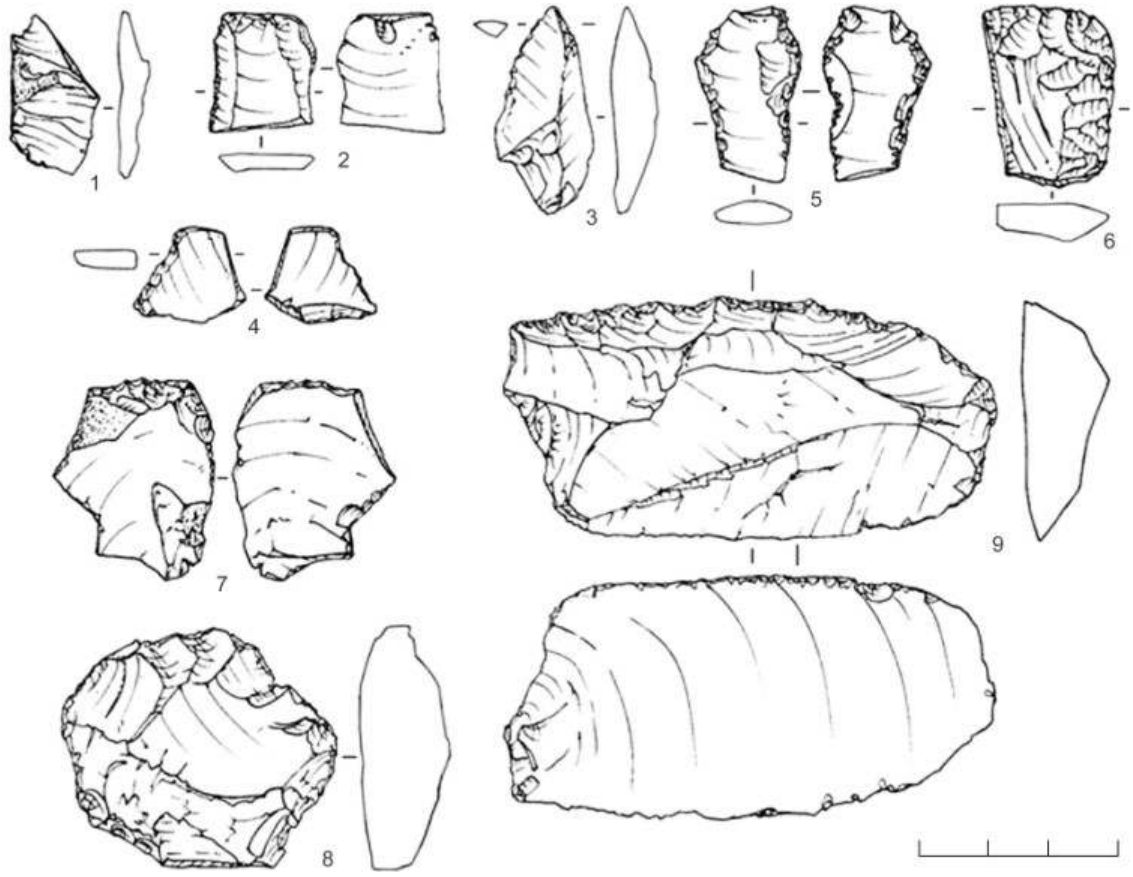


Рис. 4.37. Каменные артефакты из культурного слоя средневековья и нового времени. *1, 3, 5, 8* — отщепы с ретушью (САЭ-15 ВУ № 280, 323, 604, 273); *2* — пластина с ретушью (САЭ-15 ВУ № 1183); *4* — проколка (САЭ-15 ВУ № 368); *6, 9* — ножи (САЭ-15 ВУ № 379, 384); *7* — скребок-скобель (САЭ-15 ВУ № 403). Все — кремень

Отщепы с ретушью занимают второе место по численности среди изделий с вторичной обработкой — 18 экз. Большая часть имеет нерегулярную мелкую ретушь на одном или нескольких участках (рис. 4.37, *1, 3, 5, 8*). Некоторые из них, возможно, относятся к кресальным кремням на ранней стадии использования, когда не сформировалась характерная трещиноватость, выкрошенность края и забитость. Имеется один фрагмент пластины с мелкой ретушью вдоль одного края на дорсальной поверхности (рис. 4.37, *2*). Орудия в слое средневековья и нового времени немногочисленны. Среди них два ножа на отщепах. В первом случае два сходящихся края отщепа обработаны пологой регулярной ретушью на вентральной поверхности (рис. 4.37, *6*). Во втором — обушок изделия обработан очень крупной крутой регулярной ретушью на дорсальной поверхности, в то время как лезвие оставлено необработанным, и на нем имеется только нерегулярная пологая и полукрутая ретушь, возможно утилизации (рис. 4.37, *9*). В коллекции имеются два перфоратора (проколки). В одном случае острие оформлено мелкой ретушью на двух краях на дорсальной и вентральной поверхностях (рис. 4.37, *4*). У другой проколки мелкой ретушью оформлено два острия. Комбинированное орудие — скребок-скобель — изготовлен на отщепе; скребковое лезвие оформлено крупной регулярной ретушью на дистальном конце, также

обработан прилегающий боковой край. Вогнутое лезвие оформлено мелкой ретушью на боковом крае на вентральной поверхности (рис. 4.37, *7*). Вышеперечисленные орудия, видимо, относятся к неолитическим материалам.

В культурном слое средневековья и нового времени обнаружено семь артефактов из сланца — один оселок и шесть фрагментов оселков; кроме того, найдено два фрагмента изделий из янтаря. Эти предметы, несомненно, относятся к поздним эпохам.

Приложение 4

Предметы вооружения конца XVI — XVII в. из раскопок на территории Ладожского посада в 2015 г.

Предметы вооружения позднего средневековья — начала нового времени нечасто привлекают пристальное внимание археологов. Недостаточно разработана хронология его отдельных видов, мало изучен контекст самих находок. Отчасти это можно связать с тем, что в руках специалистов оказывается немного точно датированных вещей, поскольку слои XVI–XVII вв. подвержены различным нарушениям в ходе городской застройки, иногда вплоть до полного их уничтожения. Чаще всего находки происходят из переотложенных напластований и имеют широкую дату, что крайне затрудняет интерпретацию самих изделий. Отдельную проблему составляет соотнесение выявленных предметов вооружения с данными письменных источников, в которых они упоминаются, поэтому очень важен каждый случай обнаружения находок оружия из узко датированных слоев с точным контекстом.

В пределах восточного участка раскопа у реки были выявлены и исследованы культурные напластования, которые предварительно можно датировать второй половиной — концом XVI–XVII вв. Указанные слои представляли собой в основном бурый гумус, в котором хорошо сохранялись деревянные конструкции, выше располагался темно-серый мешаный слой, в общем датируемый XVIII–XIX вв. Вся описанная выше свита напластований перекрывалась верхним мешаным слоем XX в. Среди многочисленных находок из черного и цветного металла, кожи, стекла и керамики есть серия предметов вооружения, а также снаряжения коня и всадника из 19 экземпляров. В небольшой коллекции представлено холодное оружие ближнего боя, находки, относящиеся к огнестрельному вооружению, и боеприпасы. Кроме того, имеются подковы, фрагмент удил, а также три подпружные пряжки и язычок от подобного изделия.

В первую очередь стоит отметить четыре железных втульчатых наконечника пик (рис. 4.38, *1–4*). Все они одинаковы по конструкции, имеют прямое перо трехгранного сечения и усеченно-коническую втулку, на которой хорошо заметен шов, выполненный с наложением краев или же встык. На двух изделиях в нижней части есть отверстия для закрепления на древках при помощи гвоздей (САЭ-15 ВУ № 460, 483) (рис. 4.38, *1, 4*), на других они отсутствовали или были уничтожены коррозией. Длина наконечников 112 × 155 мм, в среднем 122–135 мм, внешний диаметр втулок 29–37 мм, чаще всего 30–35 мм. На одном экземпляре есть следы вторичного использования: изделие деформировано, верхняя часть втулки сплющена

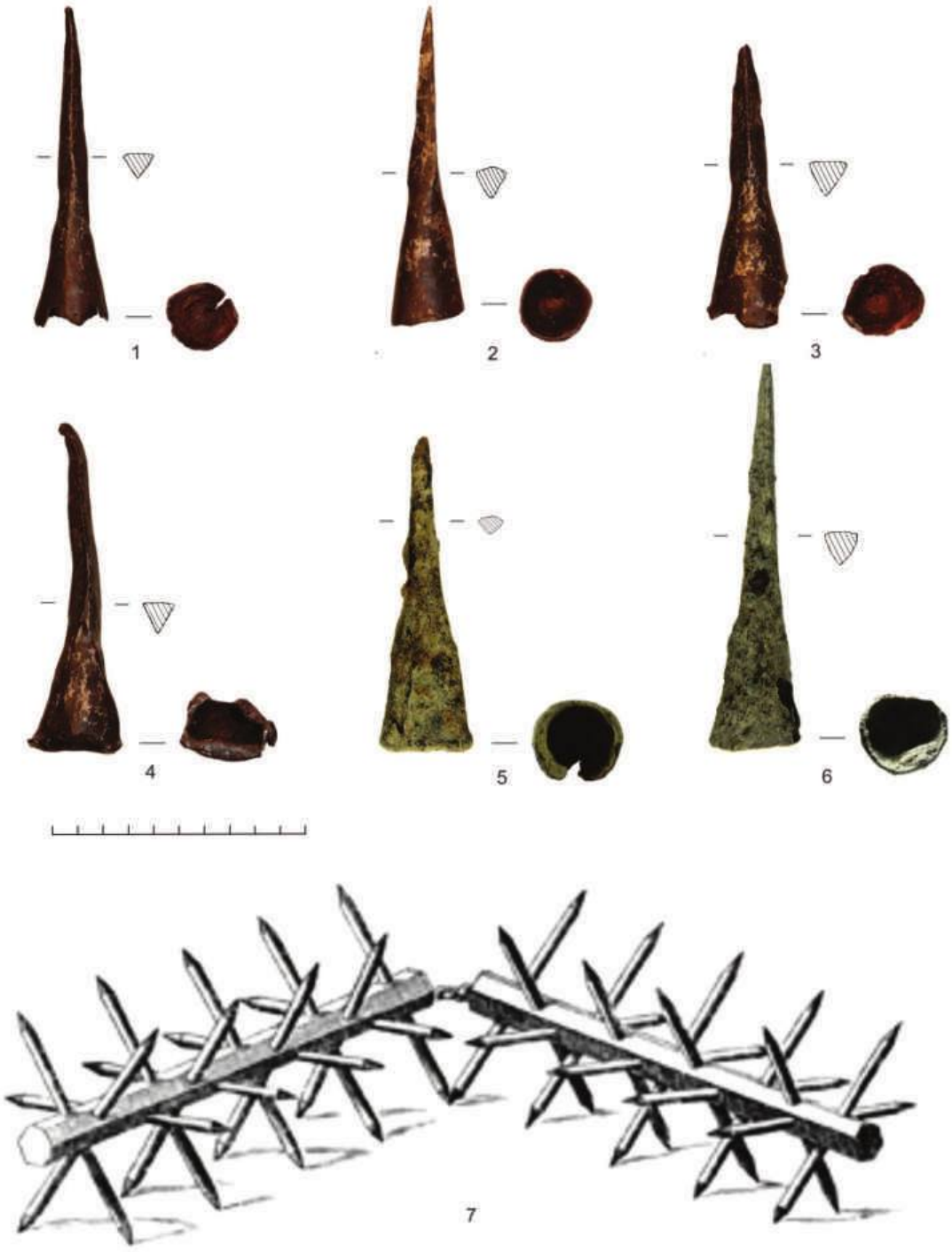


Рис. 4.38. *1–6* — наконечники пик (полупик). *1–4* — раскопки 2015 г., *5–6* — раскопки 2013 г. *1* — САЭ-15 ВУ № 460; *2* — САЭ-15 ВУ № 239; *3*— САЭ-15 ВУ № 425; *4* — САЭ-15 ВУ № 483; *5* — СЛМ КП-99155/30, А — 23634; *6* — СЛМ КП-99155/35, А — 23639; *7*— «испанские рогатки», собранные из полупик и продольных граненых брусьев с крестообразными сквозными отверстиями, фрагмент гравюры Генри Хексхэма (Henry Hexham), 1642 г. (по: De Groot, 2017). *1–6* — железо

ударами сверху (САЭ-15 ВУ № 483) (рис. 4.38, *4*). Судя по всему, после утраты своих первоначальных функций наконечник применялся в качестве вспомогательного инструмента. Интерес вызывает то обстоятельство, что три наконечника пик были найдены на небольшом участке раскопа в смежных квадратах на расстоянии 1–2 м друг от друга (САЭ-15 ВУ № 425, 460, 483) (рис. 4.38, *1, 3–4*) и еще один — в слое строительного мусора при прокладке траншей под кабель в 2 м западнее юго-западного угла дома 9 по Варяжской улице (САЭ-15 ВУ № 239) (рис. 4.38, *2*). Ранее два таких же изделия были обнаружены при археологических исследованиях в 2013 г. на Варяжской улице в 7 м к западу от раскопа 2015 г. в верхних мешаных напластованиях (СЛМ КП-99155/30, А–23634; СЛМ КП-99155/35, А–23639) (рис. 4.38, *5–6*). Таким образом, шесть экземпляров однотипных и схожих по размеру наконечников пик эпохи позднего средневековья — раннего нового времени были найдены на сравнительно небольшом участке Ладожского посада.

Очевидно, что изначально по параметрам и конструкции все описанные выше изделия были одинаковыми, различия между ними обусловлены степенью их сохранности и повреждениями. Вероятно, они были продуктом массового изготовления и стандартизированы по определенным образцам. При раскопках в Старой Ладоге на Земляном городище и в каменной крепости было встречено еще два полностью аналогичных изделия, таким образом, их общее количество достигает восьми экземпляров.

Указанные наконечники пик относятся к типу 1, варианту 1б по классификации О. В. Двуреченского, более всего они были распространены во второй половине XVI — середине XVII в. Подобные изделия различных размеров обнаружены при раскопках других городов и крепостей на территории России (Двуреченский 2015: 73–81). Что касается наконечников пик с раскопа на улице Варяжской, то они найдены во время исследования горизонта 3 на глубине –604/–624 см от R на береговом склоне (кв. 43–45): два из них в прослойке мешаной светлой глины с кирпичным боем и углем и один на поверхности залегавшего ниже бурого гумуса с тленом, углем и остатками деревянных конструкций. Пласты переотложенной глины, судя по всему, являются подсыпкой берега, выполненной в начале XVIII в. Об этом свидетельствует порубочная дата нижней части фрагмента сваи, находившегося под ними — 1693 г. В залегающем под глиняными линзами буром гумусе с тленом и остатками деревянных конструкций, в который была вкопана свая, найдены монеты-чешуйки, относящиеся ко времени правления царей Бориса Годунова (дата чеканки 1598 г.) и Михаила Федоровича Романова (дата чеканки 1630–1641 гг.)[5]. Для подсыпки береговой линии в начале XVIII в. явно использовался более ранний культурный слой, поэтому найденные в нем предметы, в частности наконечники пик, следует датировать в целом XVII в. Кроме указанных выше предметов вооружения в слое подсыпки из светлой мешаной глины с кирпичным боем были обнаружены сапожные подковки, молоток с длинным тонким бойком круглого сечения, кочедык, фрагменты ножей.

Наиболее вероятно, что перед нами детали типового массового вооружения пехоты. В отношении наконечников с Варяжской улицы в Старой Ладоге можно

[5] Монеты были определены К. В. Горловым. Металлические находки из раскопок на Варяжской улице в 2015 г. были отреставрированы в лаборатории ИИМК РАН Н.С. Кургановым и К.В. Горловым. Пользуясь случаем, авторы выражают им глубокую благодарность.

предположить, что они являются наконечниками полупик, которые имели древки длиной около 2 м с одинаковыми «копейцами» на обоих концах. Они использовались как оружие ближнего боя, а также для сооружения так называемых испанских рогаток (надолбов) — полевых заграждений от войск противника (рис. 4.38, *7*). Западноевропейская пехота использовала полупики в течение XVII в. (De Groot 2017: 23), окончательно они вышли из употребления в XVIII в. В частности, шведы активно их применяли в первой трети XVII столетия, во время войн с Речью Посполитой (Brzezinski, Hook 2000: 15–17). Более всего они известны под названиями «свиная щетина» или «шведские перья» (Бехайм 1995: 240–241; Brzezinski, Hook 2000: 16) и часто втыкались в землю наискосок остриями вперед перед строем мушкетеров для защиты от вражеской кавалерии. Первые известия об использовании полупик и рогаток московскими войсками относятся, видимо, к началу XVII в. (Курбатов О. 2014: 88; Малов 2006: 37), однако неотъемлемой частью снаряжения стрелецких полков и полков нового строя они стали только с середины XVII столетия (Малов 2006: 42, 334, 336). Применение древкового оружия и полевых заграждений в русской армии продолжалось и в первой трети XVIII в., но постепенно от их использования стали отказываться (Татарников 2008: 111–112). «Копейца полупичные» во второй половине XVII в. изготавливались в кузницах Московского государства массово, тысячами штук, для них были выработаны стандарты и имелись образцы (Никитин 1971: 23), в большом количестве они выдавались в полки (Малов 2006: 297, 305–306, 313, 338, 343). И в Европе было хорошо налажено их производство (Brzezinski, Hook 2000: 16; De Groot 2017: 23). Возможно, этим объясняются довольно частые находки данных изделий в культурных напластованиях Ладоги. Кроме того, в процессе использования наконечники могли теряться. Из письменных источников известно, что с 1668 г., а возможно, и несколько ранее, в арсенале ладожской каменной крепости имелось «*98 пикъ долгихъ и короткихъ съ древками*», а также «*150 копей пичныхъ безъ древокъ*» (Бранденбург 1896: 259), вероятнее всего, под короткими пиками имелись в виду именно полупики. Указанное древковое оружие хранилось вплоть до конца XVII в., в описи 1697 г. отмечены «*90 копеецъ пичныхъ безъ древокъ, 40 долгихъ древокъ съ копейцами, 32 пики съ копейцами, 27 копеецъ короткихъ*» (Там же: 274). Принимая во внимание указанные выше факты, найденные при раскопках на посаде наконечники могут относиться равно как к Смутному времени, так и ко второй половине XVII в. Более точную дату определить на данный момент не представляется возможным.

При исследовании верхних мешаных культурных напластований в раскопе на Варяжской улице был найден наконечник копья (САЭ-15 ВУ № 61, кв. 81, гл. –491 см от R) (рис. 4.39, *1*). Длина изделия 184 мм, внешний диаметр втулки 30 мм. Перо вытянуто-треугольной формы с плечиками в нижней части, имеет ромбовидное сечение, обломано на конце. Втулка высокая, усеченно-конической формы, на ее боках есть явно видимый шов, выполненный с наложением краев друг на друга и округлое отверстие для крепежного гвоздя. Так как на территории раскопа не было обнаружено хорошо выраженных культурных напластований, относящихся к раннему средневековью и древнерусскому времени, данный наконечник копья, вероятнее всего, относится к позднему средневековью — раннему новому времени.

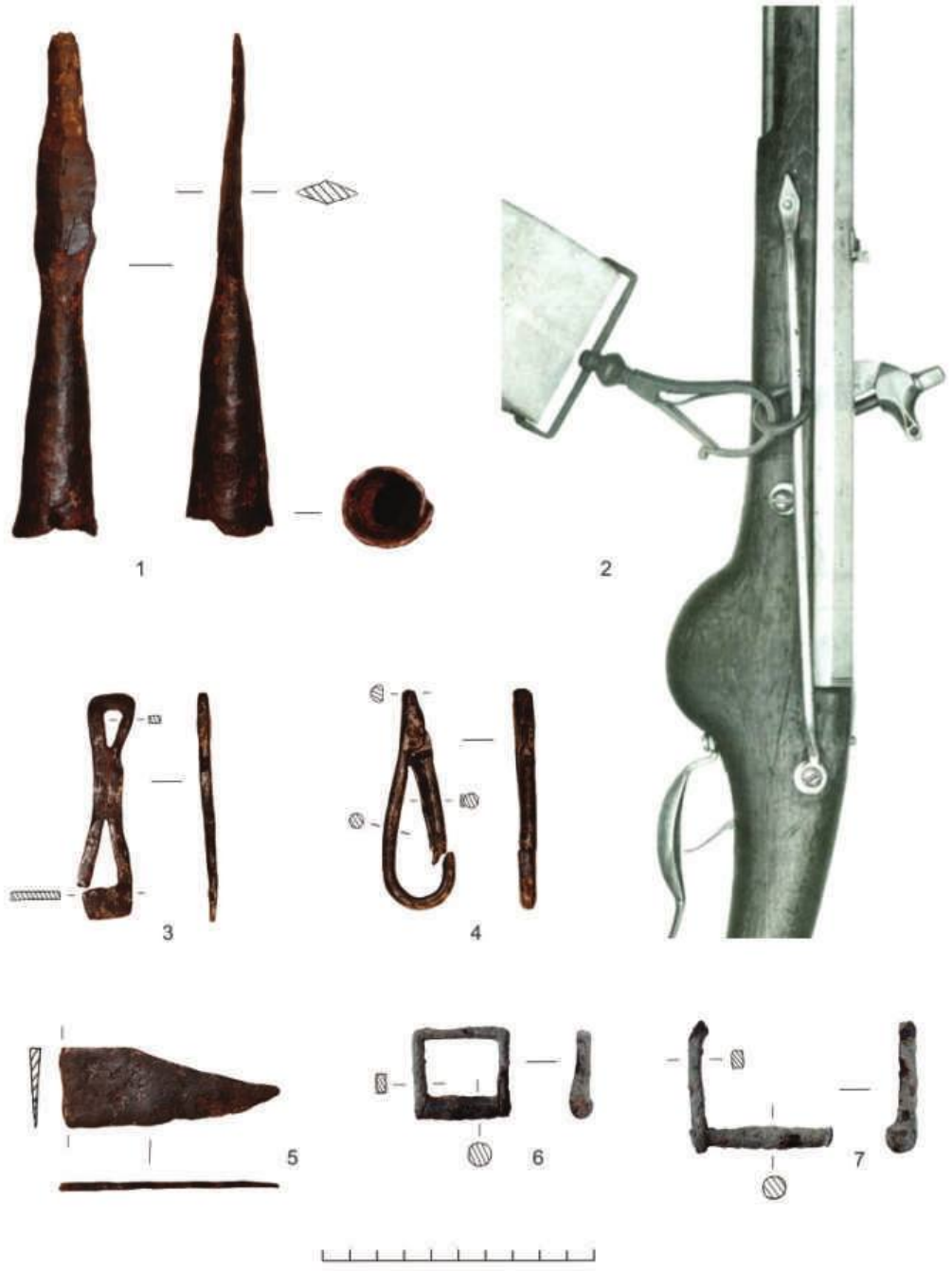


Рис. 4.39. *1* — наконечник копья (САЭ-15 ВУ № 61); *2* — система крепления кавалерийского карабина к чрезплечному ремню (б/м). Англия, 40–50-е гг. XVII в. (по: Blackmore, 1990); *3* — ружейная отвертка-кресало (САЭ-15 ВУ № 745); *4* — фрагмент механизма крепления кавалерийского карабина к чрезплечному ремню (САЭ-15 ВУ № 937); *5* — фрагмент клинка боевого ножа (САЭ-15 ВУ № 477); *6–7* — пряжки (подпружные ?) (САЭ-15 ВУ № 125, 353). *1, 3–7* — железо

Данное изделие относятся к типу III по классификации А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1966: 12–14) и к типу 2 по О. В. Двуреченскому (Двуреченский 2015: 93). Такие наконечники, появившись еще в раннем средневековье, просуществовали примерно до середины XVII в. Аналогичные находки, датирующиеся XV — первой половиной XVII в. были встречены в нескольких городах и крепостях Московского государства (Там же).

К предметам клинкового вооружения относится фрагмент крупного, вероятно боевого, ножа (САЭ-15 ВУ №477) (рис. 4.39, *5*). Слой бурого гумуса с тленом и остатками деревянных конструкций, в котором обнаружен предмет (горизонт 3, кв. 23, гл. –627 см от R), можно датировать XVII в., о чем свидетельствуют обнаруженные в нем нумизматические находки, описанные выше. Размеры изделия 80 × 30 × 0,3 мм, сохранилась только часть клинка вытянуто-треугольного сечения с плавной выемкой у острия. Крупные ножи аналогичной формы с пластинчатыми рукоятями — вероятно, боевые — найдены в Ипатьевском переулке в Москве (Кирпичников 1976б: Табл. IV; Кутасов 2010: 308–310, рис. 7), похожие изделия меньшего размера были обнаружены при раскопках в Тульском кремле (Екимов 2007: 15, *10*; 31, *11–12*).

Предметы, относящиеся к огнестрельному оружию, найденные во время раскопок на Варяжской улице в 2015 г., немногочисленны. Интересной находкой является железный крепежный механизм (карабин) запирание которого осуществлялось при помощи пластинчатой пружины (САЭ ВУ №937) (рис. 4.39, *4*). Основа изделия изготовлена из железного прута круглого сечения, согнутого в петлю каплевидной формы, одна из его боковых стенок была установлена на горизонтальном штифте и открывалась вовнутрь. На данный момент верхняя часть механизма обломана, он находится в открытом состоянии, пластинчатая пружина сжата. Изделие было найдено в слое, датированном XVII в. (горизонт 3, кв. 45, –620/–640 см от R, бурый гумус со щепой). Несколько аналогичных предметов было найдено на поле битвы под Берестечком 1651 г. (Свєшніков 1992: 259, рис. 69, *7*, *10*). Автор раскопок И. К. Свешников считал, что такие детали использовались для прикрепления к седлу больших кожаных вьючных сумок (Там же: 261). Однако точного подтверждения этой версии нет, в комплексе вместе с седлами или сумками они не были найдены. Скорее всего, данные изделия использовались для подвеса кавалерийского ручного огнестрельного оружия (карабина) к ремню, одевавшемуся через плечо. Для этого на внутренней стороне ружейной ложи карабина имелась длинная железная скоба-погон, за которую при помощи описанного выше механизма цеплялся ремень. При верховой езде ружье висело на боку всадника наискосок, стволом вниз. Деталь, полностью аналогичная ладожской, была обнаружена при раскопках Лудзенского замка в Латвии (Daiga 2011: 206, att. 9, *4*), похожие изделия с несколько иной системой запирания были найдены на селище Луковец[6] в Вологодской области и на территории поселения Духанино (Степаньково) в Подмосковье (Гоняный 2009: 38, 40, рис. 8, *1*). Подобные механизмы крепления для кавалерийских карабинов в Западной Европе использовались начиная со второй половины XVI в. и позже на протяжении всего нового времени. Подлинные кожаные чрезплечные ремни с деталями,

[6] Авторы выражают глубокую благодарность А. В. Кудряшову за информацию и возможность ознакомиться с находками из раскопок селища Луковец.

полностью аналогичными описанным выше находкам, находятся в собрании Королевской оружейной палаты (Royal Armouries) в Лондоне, и датируются 40–50 гг. XVII в. (Blackmore 1990: 52, fig. 72–73) (рис. 4.39, *2*). Распространение подобных элементов военного снаряжения в войсках Московского государства, скорее всего, началось после Смуты, когда для вооружения поместной конницы массово стали использовать пистолеты и карабины (Курбатов О. 2006: 2–4).

При исследовании заполнения ямы № 9 с остатками двух свай в слое мешаного бурого гумуса с угольками и тленом была обнаружена угловая оковка, изготовленная из тонкого железного листа (САЭ-15 ВУ № 968, кв. 43) (рис. 4.40, *10*). Примечательно, что она предназначалась для монтажа не на прямой, а на острый угол, видимо, деревянного изделия. Размеры находки 27 × 24 × 0,8–1 мм, края детали отогнуты вниз в виде вертикальных бортиков. Подобные накладки из железа и цветных металлов использовались для скрепления углов пороховниц трапециевидной формы с вогнутыми боками (рис. 4.40, *11а, б*). Данные элементы военного снаряжения широко использовались на территории Западной и Восточной Европы, в том числе и пехотой армии Московского государства. Пороховницы указанной формы появились во второй половине XVI в. (Бехайм 1995: 355–356) и бытовали на протяжении всего XVII столетия, являясь неотъемлемой частью снаряжения мушкетеров (Ефимов, Рымша 2009: 255–259). В фондах отечественных и зарубежных музеев сохранилось немало таких изделий (Lugs 1977: Bild 13, 15; Müller 1979: Fig. 73; Scalini et al. 1996: CH S354–356; Ефимов, Рымша 2009: 256–258).

Отдельно стоит упомянуть специализированную ружейную отвертку, использовавшуюся для обслуживания огнестрельного оружия, в частности, для разборки ружейных замков (САЭ-15 ВУ № 745) (рис. 4.39, 4.40). Размеры предмета 80 × 16 мм, изделие имеет прямоугольную уплощенную заостренную рабочую часть и 8-образную короткую ручку с вогнутыми боками. Изделие деформировано, рабочая часть имеет разлом, скорее всего, изначально оно имело прямоугольную форму. Инструмент был найден в слое бурого гумуса с белым песком, который можно датировать концом XVI — началом XVII в. Похожие отвертки, но несколько иных пропорций, были обнаружены при раскопках в Чебоксарах (Краснов, Каховский 1978: рис. 71, *2*) и Мангазее (Белов и др. 1981: Табл. 69, *9*).

Среди материала из раскопок на Варяжской улице в 2015 г. есть семь ружейных кремней. Большинство изделий имеют размеры 25–30 × 20–25 мм, отличаются строгой подпрямоугольной формой, нижняя их часть уплощенная, верхняя несколько выпуклая, края обработаны ретушью. Выделяются два экземпляра, один из которых размерами 32 × 32 мм имеет форму близкую к квадратной (рис. 4.40, *6*), а второй массивный, размерами 40 × 32 мм, очертаниями больше напоминающий вытянутую трапецию (рис. 4.40, *7*). Пять из них, найденные при исследовании горизонта 3 в буром гумусе с тленом и остатками дерева, могут датироваться XVII в. (САЭ-15 ВУ № 499, 546, 574, 588, 697) (рис. 4.40, *1, 4–7*), остальные были обнаружены в лежащем выше темно-сером мешаном слое горизонта 2 (САЭ-15 ВУ № 298, 1244) (рис. 4.40, *2–3*). Изделия характеризуются широкими нефасетированными ударными площадками, очень острыми углами скалывания (около 50 градусов). Все имеют нерегулярную полукрутую или пологую ретушь

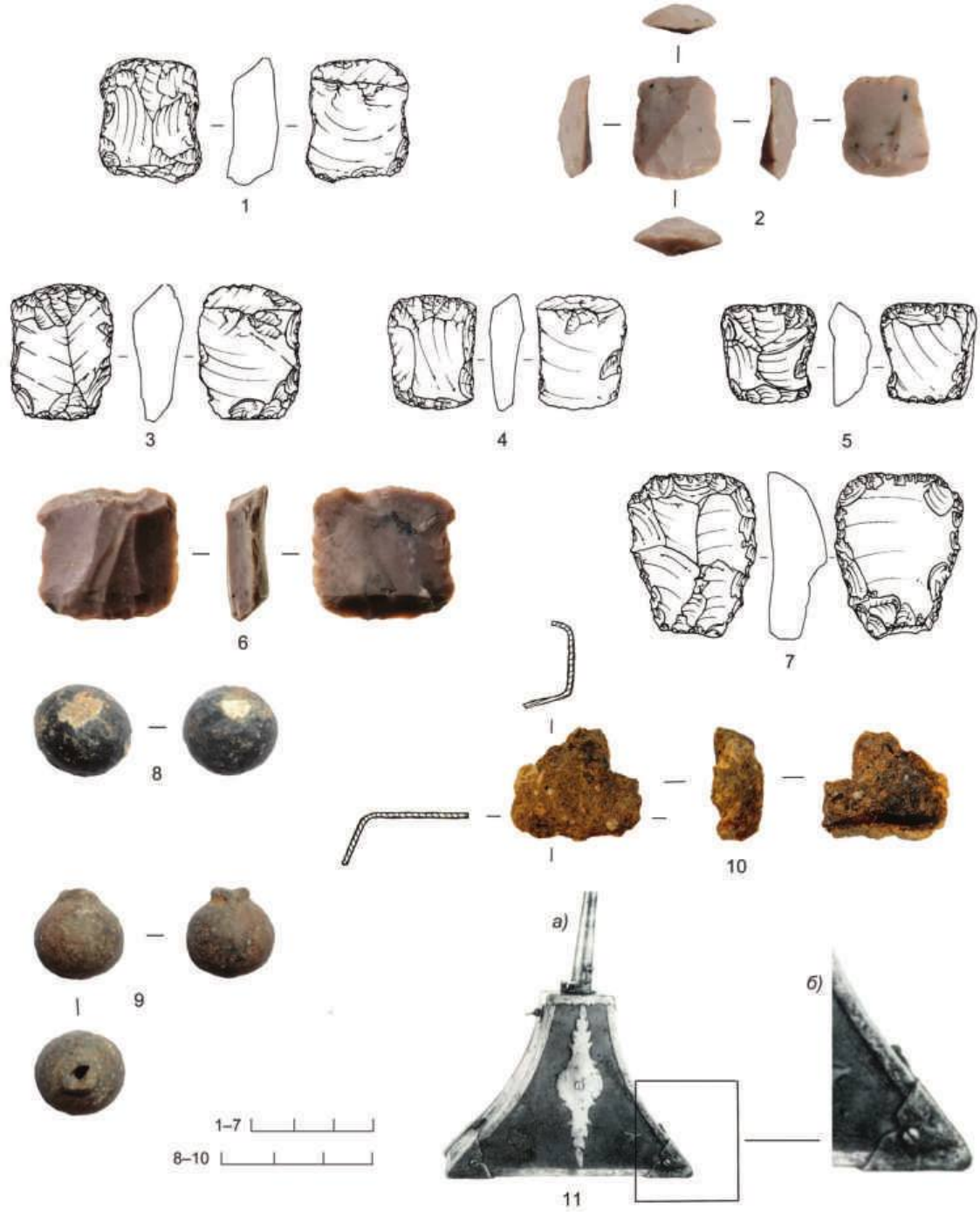


Рис. 4.40. *1–7* — ружейные кремни (САЭ-15 ВУ № 499, 1244, 298, 574, 588, 697, 546); *8–9* — пули (САЭ-15 ВУ № 731, 1057); *10* — угловая оковка пороховницы трапециевидной формы (САЭ-15 ВУ № 968); *11* — пороховница трапециевидной формы с вогнутыми боками, Германия, первая половина XVII в. (общий вид и угловая оковка) (по: Lugs, 1977). *1–7* — кремень, *8–9* — свинец, *10* — железо

на дорсальной и вентральной сторонах и мелкую выкрошенность и забитость на четырех сторонах изделий (см. приложение 3)[7].

Из снарядов для ручного огнестрельного оружия в 2015 г. было найдено две свинцовые пули. Обе были отлиты при помощи специальных инструментов-пулелеек. Одна из них была найдена в темно-сером мешаном слое горизонта 2 (САЭ-15 ВУ № 731, кв. 84) (рис. 4.40, *8*). Диаметр пули 18 мм, вес 35 г, она относится к группе I, варианту 2 по классификации О. В. Двуреченского (Двуреченский 2005: 266, рис. 1), литник был аккуратно обрублен, следов смещения половинок клещей пулелейки при литье не наблюдается. Второй боеприпас был найден в слое бурого гумуса над досками настила у сруба дренажного колодца в кв. 63 на глубине –616 см от R и может датироваться XVII в. (рис. 4.40, *9*). Диаметр пули 17 мм, вес 27 г, она относится к группе I, варианту 1 по О. В. Двуреченскому (Там же). В верхней части изделия есть литник, в центре которого заметна западина — следствие усадки при литье, признаков смещения половинок клещей пулелейки при изготовлении снаряда нет.

Аналогичные боеприпасы, датированные концом XV–XVII вв., найдены во многих русских городах и крепостях. Судя по весоразмерным характеристикам, ладожские пули предназначались для стрельбы из крупнокалиберного длинноствольного ручного огнестрельного оружия: мушкетов или затинных пищалей (Двуреченский 2005: 267). В начале XVII в. фитильные мушкеты использовались наемниками корпуса Якоба Делагарди и шведскими солдатами в Смутное время, а также во второй половине столетия с середины 60-х гг. они находились на вооружении ладожских стрельцов и хранились в каменной крепости в количестве 129 экземпляров (Бранденбург 1896: 259, 261, 266, 274). В то же время у крепостного гарнизона также имелось 16 затинных пищалей и боеприпасы к ним (Там же: 254, 256, 259, 261, 265, 269, 274).

Из снаряжения коня следует отметить три подковы, две из которых были найдены в виде фрагментов. Одна из них, происходящая из темно-серого мешаного слоя (горизонт 2), относится к типу I по классификации А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1973б: 83–84, рис. 49, *1*) (рис. 4.41, *5*). Сохранился фрагмент изделия размерами 70 × 34 × 28 мм (САЭ-15 ВУ № 473, кв. 43, гл. –596 см от R). Подкова изначально имела серповидную форму, была изготовлена из пластины толщиной около 4 мм, в которой пробивалось четыре или шесть прямоугольных отверстий для гвоздей. В центре находки располагается вертикальный шип прямоугольного сечения высотой 22 мм, оба края предмета сильно обломаны. Фрагмент подковы мог попасть в мешаные напластования 4-го условного горизонта из залегающих ниже слоев второй половины XVI — конца XVII в. в результате их нарушения перекопами в XVIII–XX вв.

Второй фрагмент подковы был найден при исследовании горизонта 3 в слое бурого гумуса с остатками деревянных конструкций и датируется XVII в. (САЭ-15 ВУ № 424, кв. 44, гл. –600 см от R) (рис. 4.41, *1*). Он также относится к типу I по А. Н. Кирпичникову и ко второму варианту данного типа по классификации О. В. Двуреченского (Там же; Двуреченский 2004: 240). Размеры фрагмента 810 × 770 × 26 мм. Подкова была изготовлена из пластины толщиной около 4 мм и изначально имела

[7] Авторы выражают благодарность А. И. Мурашкину за помощь в работе с данной категорией находок.

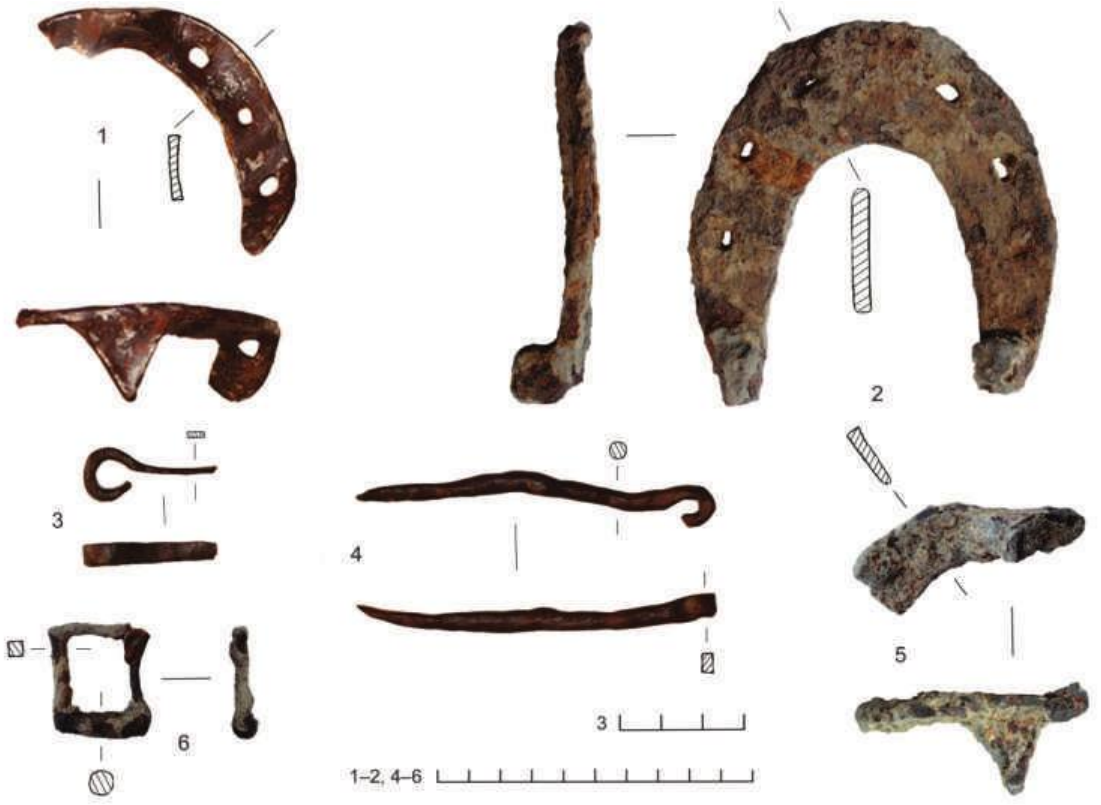


Рис. 4.41. *1, 5* — фрагменты подков типа I (САЭ-15 ВУ № 424, 473); *2* — подкова типа II (САЭ-15 ВУ № 418); *3* — язычок пряжки (подпружной ?) (САЭ-15 ВУ № 850); *4* — фрагмент звена грызла удил (САЭ-15 ВУ № 643); *6* — пряжка (подпружная ?) (САЭ-15 ВУ № 276). Все — железо

округлую форму, на обеих сторонах изделия было по три подпрямоугольных отверстия для гвоздей без соединительной канавки. В центре располагается шип треугольной формы высотой 21 мм прямоугольного сечения.

Наиболее ранние образцы подков типа I датируются XI в. (Кирпичников 1973б: 84), однако наибольшее распространение они получают в XVI–XVII вв. и позже не используются. По мнению О. В. Двуреченского, аналогичные предметы конского снаряжения появились на территории Москвы и Московской земли не ранее XV в. (Двуреченский 2004: 240). Аналогичные изделия ранее были найдены на территории ладожской каменной крепости и Земляного городища, они встречены также в Орешке, Пскове, Москве и других городах (Кирпичников 1973б: 84).

Одна целая подкова из материалов раскопок 2015 г. относятся к типу II по классификации А. Н. Кирпичникова (Там же) (рис. 4.41, *2*). Она была обнаружена при исследовании горизонта 3 в слое бурого гумуса с тленом и остатками дерева и может датироваться XVII в. (САЭ-15 ВУ № 418, кв. 45, гл. –635 см от R). Подкова размерами 115 × 110 × 22 мм имеет форму трехчетвертного овала, выкована из пластины шириной 29–38 мм и толщиной около 6 мм. Концы изделия загнуты, образуя шипы, центральный шип отсутствует, на обеих сторонах детали есть шесть подпрямоугольных отверстий для гвоздей, соединительная канавка между ними отсутствует.

Наиболее ранние подковы типа II на территории Древней Руси датируются XII–XIII вв. (Кирпичников 1973б: 84), однако размеры и форма ладожской находки характерны для изделий XVI–XVII вв., более того, соотношение длины и ширины изделия указывает на время позднее XVI в. (Двуреченский 2004: 240). Наиболее близки подкове из раскопок 2015 г. изделия с территории Тушинского лагеря, отнесенные О. В. Двуреченским ко второй разновидности типа II. Их отличает невысокое качество изготовления, на некоторых отсутствуют передние шипы и канавки между отверстиями для гвоздей. Автор отмечает, что данные подковы были изготовлены не московскими, а пришлыми кузнецами (Двуреченский 2018: 25). Изделия, похожие на ладожскую находку, были найдены и на поле битвы под Берестечком 1651 г. (Свєшніков 1992: 261, рис. 69, *12–14*).

Единственный подковный гвоздь, найденный в 2015 г. в слое бурого гумуса при исследовании горизонта 4, имеет Т-образную шляпку и прямоугольное сечение. Изделие можно датировать концом XVI — началом XVII в., предназначалось оно в первую очередь для закрепления подков типа I (Двуреченский 2018: 25).

Фрагмент звена грызла удил был найден в слое бурого гумуса с тленом и остатками деревянных конструкций (кв. 43, гл: –620/–640 см от R, горизонт 3) (рис. 4.41, *4*). Предмет датируется XVII в., его длина 112 мм, изготовлен из железного стержня диаметром 8 мм. Один из концов изделия уплощен, имеет прямоугольное сечение и согнут в петлю округлой формы, противоположный конец обломан. Тип удил, к которым принадлежит данный фрагмент, точно определить невозможно, однако, вероятнее всего, это мог быть тип IV по классификации А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1973б: 16, рис. 4, *IV*). Данные изделия начиная с XII в. были наиболее распространенными на территории Руси и сохраняли доминирующее положение и в позднем средневековье — раннем Новом времени (Там же: 19; Никитин 1971: 41).

Стоит отметить три крупные железные пряжки, которые могли выполнять функции подпружных. Все они были найдены в темно-сером мешаном слое горизонта 2, куда они могли попасть из нижележащих напластований второй половины XVI — конца XVII в. Выделяются две составные пряжки (одна из которых фрагментирована), собранные из П-образной дужки прямоугольного сечения с круглыми расширениями и отверстиями на обоих концах, в которые вставлен поперечный стержень веретенообразной формы круглого сечения. Одно изделие размерами 52 × 48 × 12 мм имело подпрямоугольную форму (САЭ-15 ВУ № 353, кв. 82, гл. –540/–560 см от R) (рис. 4.39, *7*), второе квадратное размерами 35 × 34 мм (САЭ-15 ВУ № 125, кв. 45, гл. –612 см от R) (рис. 4.39, *6*). Подобные предметы широко представлены в материалах позднесредневековых напластований русских городов и датируются в основном XVI–XVII вв. (Никитин 1971: 42). Третья пряжка прямоугольная размерами 37 × 30 × 8 мм, выкована целиком, три стороны ее рамки имеют подквадратное сечение, а передняя утолщенная часть — округлое (САЭ-15 ВУ № 276, кв. 63) (рис. 4.41, *6*).

Кроме того, в слое бурого гумуса со щепой (горизонт 3) был найден железный язычок от крупной пряжки, вероятно подпружной (САЭ-15 ВУ № 850, кв. 45, –620/–640 см от R) (рис. 4.41, *3*). Изделие размерами 33 × 13 × 2 мм изготовлено из пластины прямоугольного сечения, один из концов которой плавно изогнут в круглую петлю. По сопроводительному материалу, в частности нумизматическим находкам, данное изделие можно датировать XVII в.

В заключение стоит отметить заметное преобладание среди материалов раскопок 2013, 2015 гг. на территории Ладожского посада частей холодного оружия, хотя это может являться особенностью только этого участка. Небольшие по сравнению с каменной крепостью и Земляным городищем объемы раскопок на данной территории средневекового города не дают пока сделать полномасштабные выводы, для этого требуются новые раскопки на территории неукрепленной части Ладоги. Наиболее широко представлены наконечники древкового вооружения, в первую очередь пик (полупик). Части клинкового холодного оружия единичны. Находками, связанными с огнестрельным оружием, в основном являются ружейные кремни. Снаряжение для его ношения и обслуживания найдено в отдельных экземплярах. Частей фитильных ружейных замков не было обнаружено вовсе, однако к мушкетам, снабженным этим механизмом воспламенения заряда, могут относиться две найденные при раскопках свинцовые пули. Предметы снаряжения коня и всадника в целом характерны для XVI–XVII вв. и представлены наиболее распространенными в этот период типами изделий. Из них наиболее интересна подкова второго типа необычной разновидности. В целом уровень насыщенности культурного слоя Ладожского посада на месте раскопок 2014–2015 гг. предметами, связанными с военным делом, весьма высок, вероятно, это обусловлено активными боевыми действиями, развернувшимися здесь в Смутное время, а также значением Ладоги как важного пограничного военного центра в течение XVII в.

ГЛАВА 5
Городище Любша: планиграфия и стратиграфия

Городище Любша расположено в 1,5 км к северо-востоку от Земляного городища Старой Ладоги, ниже по течению Волхова, на его правом высоком берегу (рис. 5.1). Оно занимает треугольный мыс в устье р. Любши, с напольной части окружено подковообразным валом длиной около 70 м. Размеры городища 45 × 40 м, его общая площадь составляет не более 1800 м^2 (Рябинин, Дубашинский 2002: 196). С напольной стороны к крепости примыкает обширное селище, хронология которого недостаточно ясна.

Памятник был сильно поврежден строительно-хозяйственной деятельностью XVIII — начала XIX в., когда занимаемая им территория входила в состав имения князей Шаховских (Рябинин 1998-А: 2). Во время Великой Отечественной войны на городище располагался госпиталь; от его корпусов остались каменные фундаменты. Рядом были вырыты окопы гарнизона охраны объекта, что также нарушило первоначальный ландшафт.

В 1945 г. бывшее имение Шаховских было передано Ленинградскому областному союзу советских художников (ЛОССХ) для организации летней базы отдыха и творчества. С начала 1990-х гг. база перестала получать финансирование, однако в 2003 г. она вновь начала функционировать.

Раскопки на городище проводились С. Н. Орловым (1968 г.), В. П. Петренко (1970–1972 гг.) и Е. А. Рябининым (1997–2001 гг.) (Орлов 1969-А; Петренко 1971-А; Петренко, Шитова 1985; Рябинин 1998-А; 1999-А; 2000-А; 2001-А). Всего в результате археологических работ на памятнике было вскрыто около 500 м^2. Коллекция индивидуальных находок насчитывает ныне более 1000 единиц и хранится в Староладожском музее-заповеднике.

Работы Е. А. Рябинина 1997–2001 гг. производились на трех раскопах (рис. 5.2):

— раскоп I: на восточном фланге укреплений; здесь были обнаружены каменные конструкции внутри насыпи вала (Рябинин 1998-А: 4);

— раскоп II: в юго-западной[1] части жилой площадки городища, у оконечности вала, который был прорезан до материка (Рябинин 1998-А: 9);

— раскоп III — в центре насыпи вала между первыми двумя (Рябинин 2000-А: 3–4, 12).

Раскоп II представляет собой самый большой по площади и значимый участок, где получено подавляющее большинство находок и исследованы объекты, относящиеся к постройкам, некогда располагавшимся на городище. В публикациях этому участку до сих пор уделялось мало внимания, ибо наибольший интерес вызывали

[1] В полевом отчете Е. А Рябинина за 1998 г. место раскопа II ошибочно указано в северной части укреплений городища.

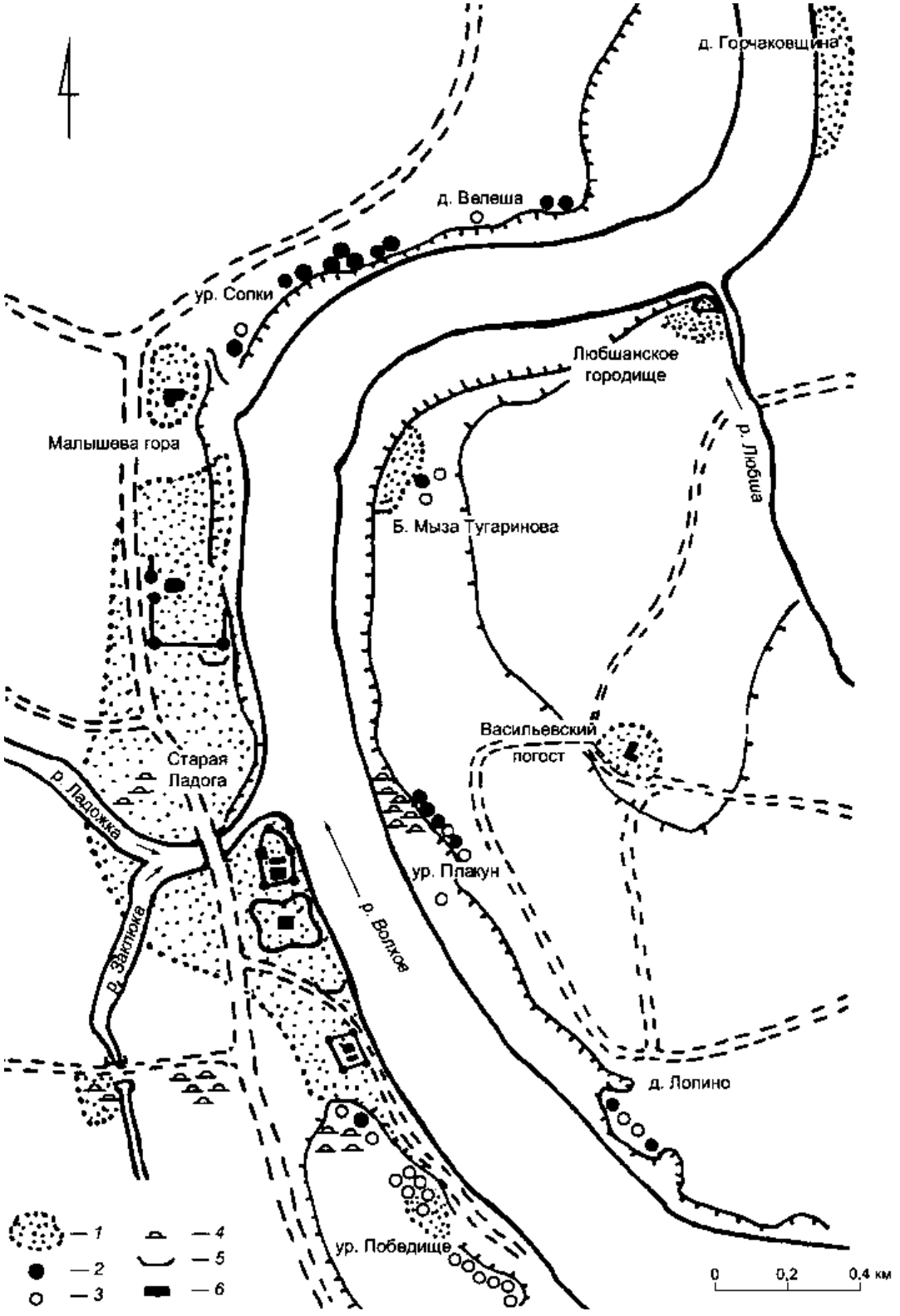


Рис. 5.1. Старая Ладога и ее окрестности. Схема расположения основных археологических памятников. *1* — средневековый культурный слой; *2* — сохранившиеся сопки; *3* — несохранившиеся сопки; *4* — курганы; *5* — грунтовые могильники; *6* — храмы (по: Рябинин, Дубашинский 2002: 197, рис. 1)

каменные конструкции, обнаруженные в противоположной, юго-восточной, части насыпи вала. Но именно анализ материалов раскопа II позволяет проследить динамику освоения и застройки территории памятника, уточнить конструкцию укреплений, осмыслить значение городища Любша в контексте окружающих его синхронных поселений и погребальных памятников.

В результате работы с полевой документацией Е. А. Рябинина нами были сведены воедино чертежи раскопа II (участки 1 и 2) площадью 228 м^2 и проведен подробный анализ планиграфической и стратиграфической ситуации в районе укреплений и жилой площадки городища[2].

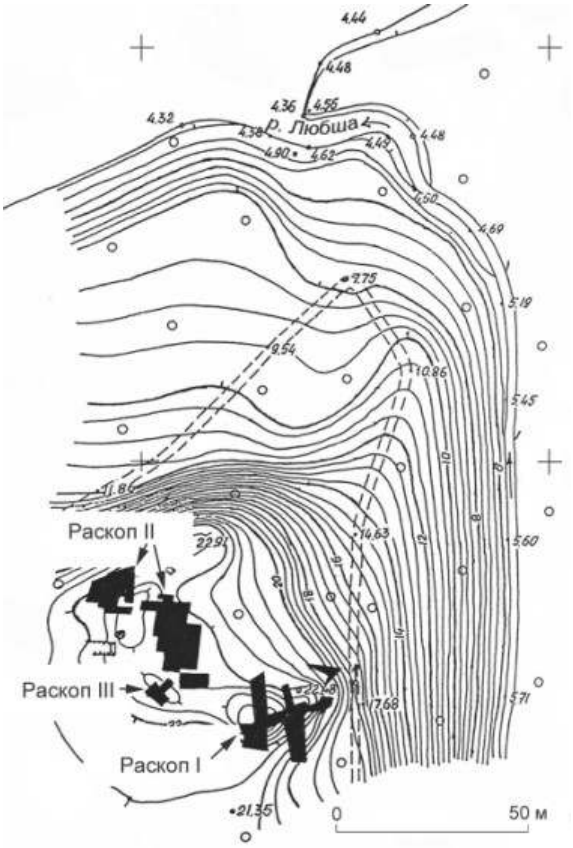


Рис. 5.2. Городище Любша. Инструментальный топографический план памятника с контурами раскопов 1997–2001 гг. Автор А.В. Дубашинский. Основные горизонтали проведены через 0,5 м

Ко времени проведения раскопок в 1997–2001 гг. площадка памятника и особенно вал плотно заросли деревьями и кустарником; вдобавок в ходе подготовки к работам приходилось разбирать остатки госпитальных строений военного времени. Исследования велись небольшими участками и прирезками (рис. 5.3), за что автора раскопок позднее упрекали. Однако, при всех очевидных недостатках, этот путь был единственно возможным. Производству раскопок на широкой площади препятствовали растительность и многочисленные повреждения культурного слоя. Е. А. Рябининым последовательно проводился поиск непотревоженных участков напластований городища. Благодаря выбранной методике в процессе работ было выполнено значительное количество чертежей — планов и особенно разрезов, которые сейчас помогают подробнее уяснить планиграфию и стратиграфию памятника. За репер был принят северо-западный угол кв. 1 (Рябинин 1999-А: рис. 7). К сожалению, в результате строительных работ в 2003 г. репер оказался уничтожен.

В ходе археологических работ на раскопе II был произведен полный разрез насыпи вала и внутренней привальной части городища по линии кв. 0–5, 0–5′, что позволило получить весьма информативную и выразительную стратиграфическую картину культурных напластований в северо-западной части памятника (рис. 5.4: *1, 2*).

[2] При переводе чертежей в электронный формат и их сведении пришлось изменить некоторые обозначения, принятые в полевой документации Е. А. Рябинина, но подавляющее большинство их остались неизменными.

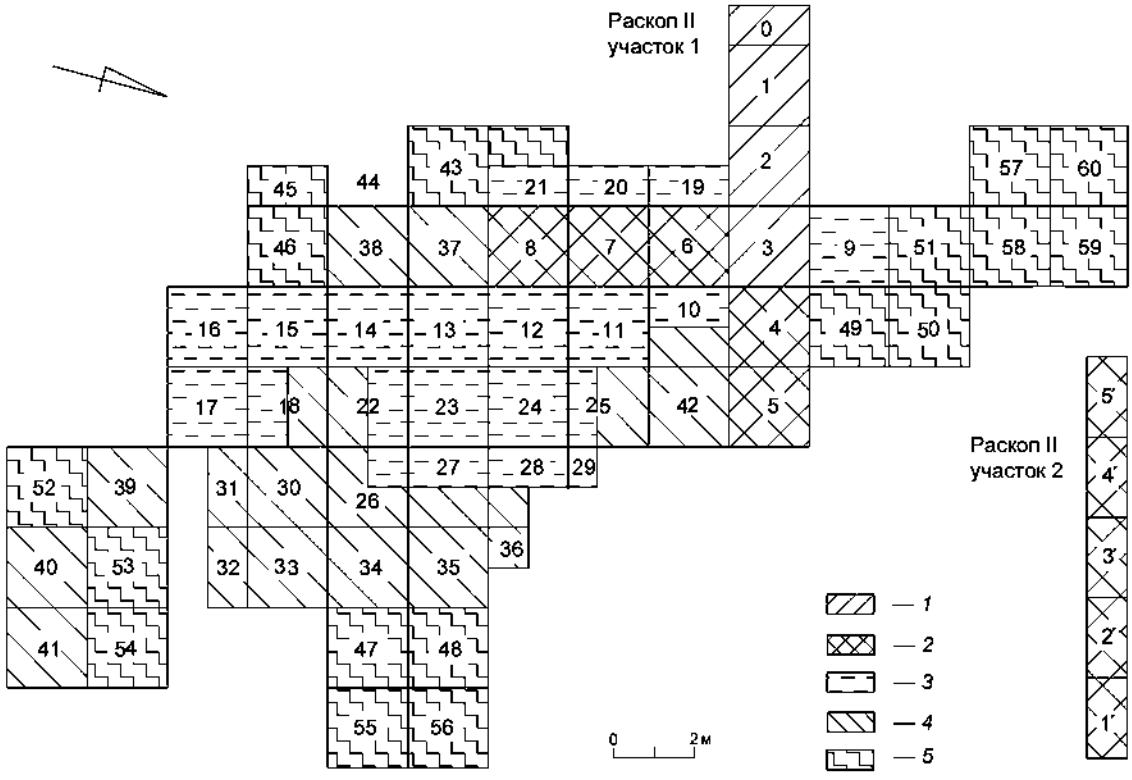


Рис. 5.3. Городище Любша. Динамика исследования площади раскопа II, участки 1–2. *1* — раскопки 1997 г.; *2* — раскопки 1998 г.; *3* — раскопки 1999 г.; *4* — раскопки 2000 г.; *5* — раскопки 2001 г.

Остатки укреплений были изучены в 1997–1998 гг. траншеей, ширина которой в кв. 0–5 составляла 2 м, а с напольной стороны в кв. 0–5′ — 1 м (Там же: 7–11). Этим объясняется некоторое несоответствие линий границ слоев на чертеже северной стенки разреза, там, где располагался ее изгиб под прямым углом шириной 1 м.

В основании разреза располагался материк — плотная желтая супесь, а в районе склона в кв. 2′ и 3′, где материк прорезает более поздняя канава, — светло-коричневый суглинок с плитняком. Судя по рельефу материковой поверхности, изначально на территории городищенского мыса располагалась небольшая возвышенность, с относительно плоской вершиной, удобная для основания поселения и ведения хозяйственной деятельности. Материк располагался на отметках от –130 до –168 см ниже R.

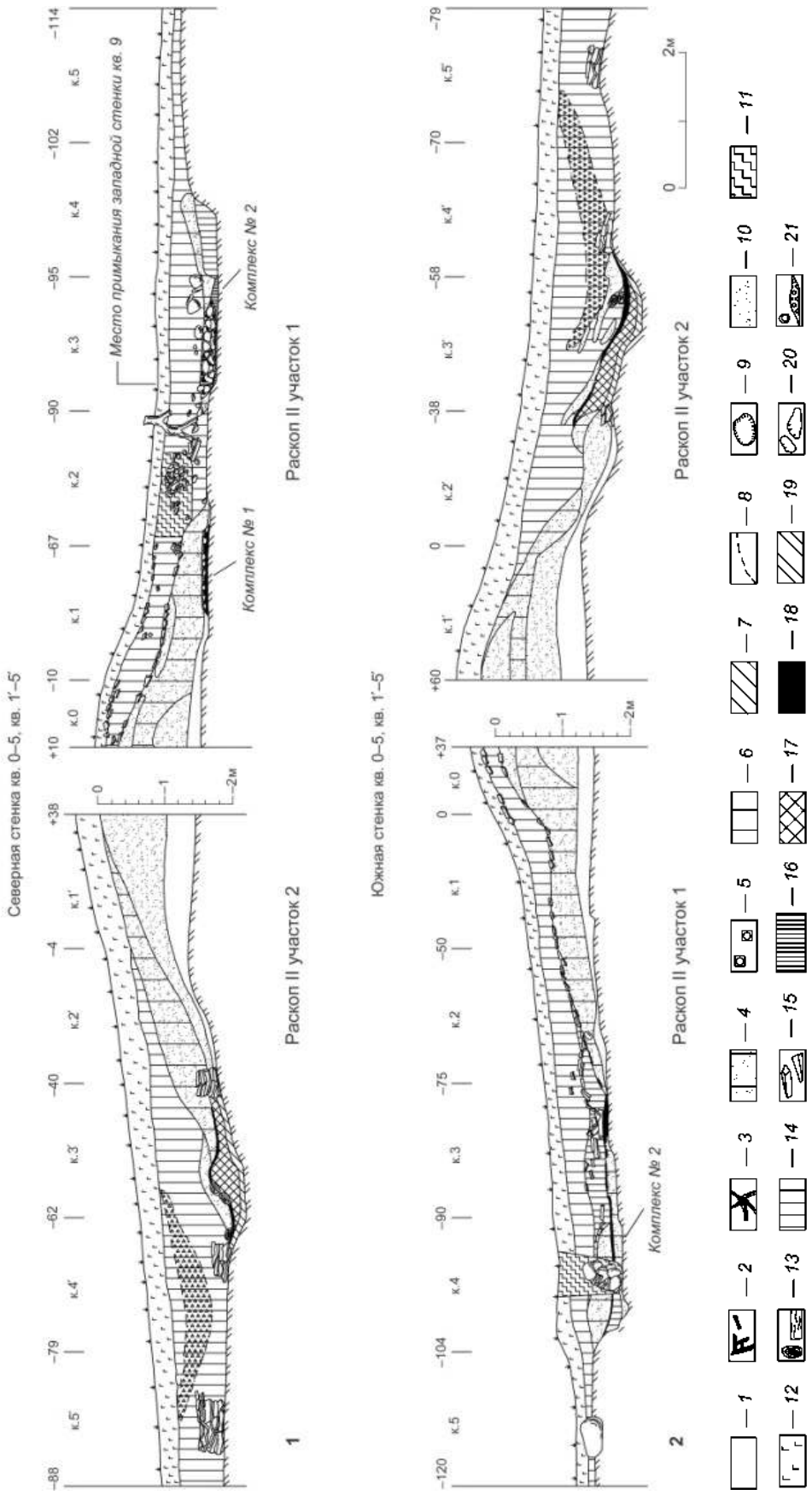
Непосредственно на материке залегал слой плотной темно-серой гомогенной супеси мощностью от 5 см под полой вала со стороны площадки городища до 40 см под центральной частью насыпи. Поверхность его зафиксирована на отметках от –94 до –160. Е. А. Рябинин интерпретировал данную прослойку как погребенную почву (Там же: 11–12), однако стоит отметить, что мощность ее на некоторых участках раскопа весьма значительна, кроме того, из плотной темно-серой гомогенной супеси состояло заполнение комплекса № 1, располагавшегося под насыпью вала. В самом слое и на его поверхности были найдены фрагменты керамики и отдельные предметы. Эти данные позволяют уточнить интерпретацию автора раскопок. Судя по всему, описанный выше пласт состоял не только из погребенной почвы,

но и из самого раннего культурного слоя, накопившегося поверх нее. На чертеже разреза отчетливо видно, что данная прослойка залегает на склоне изначального материкового холма; в кв. 2′–3′ с напольной стороны насыпи вала она была уничтожена в результате строительных работ эпохи раннего средневековья. Слой темно-серой гомогенной супеси слабо гумусирован и содержит небольшое количество находок; видимо, жизнь на месте будущего городища проходила менее интенсивно, чем в последующие эпохи. Были найдены мелкие фрагменты керамики, в том числе орнаментированной, изделия из камня и кости. Самые ранние из них относятся к типу Шкурина Горка и датируются эпохой палеометалла — раннего железного века (Сениченкова 2010: 69–70). Для поселения Шкурина Горка ныне получены радиоуглеродные даты, укладывающиеся в рамки VIII–V вв. до н. э. (Юшкова 2004: 240); вероятно, этим временем и стоит датировать начало освоения территории мыса при впадении р. Любши в р. Волхов.

Некоторые фрагменты керамики из описанного выше слоя с осторожностью можно отнести к эпохе раннего железного века — первым векам нашей эры (Там же: 70); по-видимому, именно в этот период окончилось его формирование. Пласт темно-серой гомогенной супеси хорошо сохранился под насыпью вала, но на площадке городища он, в основном, был уничтожен в ходе последующей хозяйственной деятельности и выявлен лишь в материковых западинах.

Непосредственно на описанном выше слое сооружены укрепления городища эпохи раннего средневековья, под которыми найден закрытый комплекс, перекрытый насыпью вала (рис. 5.4: *1*). В кв. 1–2 (чертеж северной стенки разреза вала) выявлен комплекс № 1, расположенный в материковой западине шириной 190 см и глубиной 6–7 см, заполненный слоем эпохи раннего металла — раннего железного века, представляющим собой темно-серую гомогенную супесь. Стенки ямы почти вертикальные, плоское дно располагалось на отметке –160. В западине на глубине –159/–162 расчищен очаг из мелких камней-валунов, сложенных в один ряд. Развал камней был перекрыт сверху прослойкой черной углистой супеси с многочисленными костями рыб. Это самый ранний комплекс на городище Любша, в котором из находок встречены только измельченные стенки неорнаментированных лепных сосудов. Данный объект можно датировать так же, как и слой, лежащий на погребенной почве и в заполнении самой западины: эпохой палеометалла — раннего железного века.

Вал городища на участке раскопа II имел высоту 1,58 м (от погребенной почвы) и ширину около 6–8 м. Сооружен он из супесчаных почв в несколько приемов (кв. 0–2, 0–2′). Центральная часть мощностью 50–98 см состоит из желтой стерильной супеси, поверх которой насыпан слой желтой слабогумусированной супеси мощностью 25–71 см. С напольной части вал сильно оплыл, верх его поврежден и частично срыт, видимо, при плантажных работах XVIII–XIX вв.; полная изначальная высота его неизвестна. Часть насыпи, обращенная к площадке городища (кв. 1–2) сооружена исключительно из желтой слабогумусированной супеси и имеет в своей верхней части относительно ровную поверхность. По мнению Е. А. Рябинина, эта часть вала могла являться основанием для деревянных стен крепости (Рябинин 1998-А: 6–7). Кроме того, он отмечал, что желтая супесь, из которой сооружена насыпь, изначально была материковой, гумусированность образовалась в результате ее перемещения при строительстве укреплений (Там же: 8). Верхняя


Северная стенка кв. 0–5, кв. 1'–5'
Место примыкания западной стенки кв. 9
Комплекс № 2
Комплекс № 1
Раскоп II участок 1
Раскоп II участок 2
1
Южная стенка кв. 0–5, кв. 1'–5'
Комплекс № 2
Раскоп II участок 1
Раскоп II участок 2
2
0
1
2м
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21

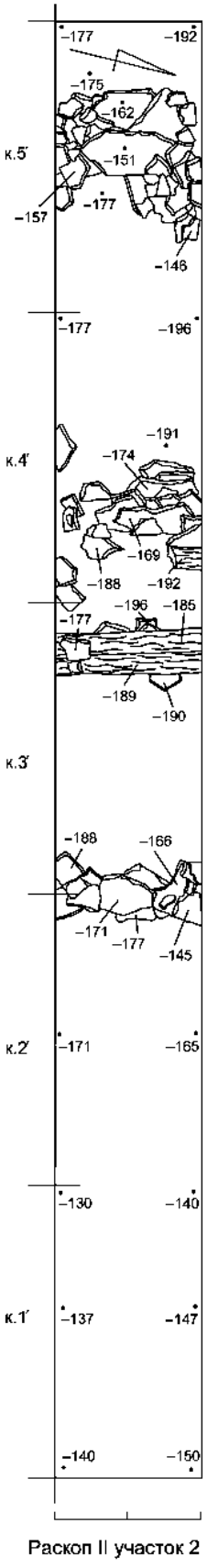
часть вала, находящаяся на отметке –35/+16 от R, была возведена из стерильной желтой супеси. В насыпи почти не было находок, за исключением немногочисленных фрагментов лепной керамики, преимущественно неорнаментированных стенок. Никаких дополнительных укрепляющих сооружений из известняковых плит в теле вала не было выявлено, равно как и деревянных конструкций или тлена от них.

У подошвы вала с его напольной стороны на материке была сооружена подпорная стенка шириной 45 и высотой около 38 см из известняковых плит без применения связующего раствора (кв. 2′–3′). Плиты были уложены в 3–6 рядов, верх стенки располагался на отметке –150, основание на глубине –170/–180. По-видимому, данная конструкция должна была препятствовать нижней части насыпи вала оплывать в небольшой ров, вырытый у ее подножия.

Ров шириной 220 см и глубиной до 50 см, выявленный в кв. 3′–4′, представлял собой, по сути, неглубокую канаву, выкопанную вдоль основания вала с его напольной стороны. Ее верхние края находились на отметках –170/–220, дно зафиксировано на глубине –220. Внешняя западная стенка рва была слегка наклонена в напольную сторону; внутренняя, обращенная к валу, была более пологой и имела ступень высотой 20 см. Заполнение объекта состояло из слоя зеленой глины с обломками известняковых плит, мощностью 9 см, отложившегося на дне. С большой долей вероятности можно утверждать, что это сооружение не имело оборонительного значения. При строительстве из канавы могли брать землю для насыпи вала, а после она, вероятно, играла роль дренажа и несколько увеличивала высоту укреплений с напольной стороны.

В заполнении рва и поверх него в кв. 3′ выявлен слой разрушения крепости. Непосредственно на придонном слое зеленой глины с плитняком залегала прослойка красно-коричневой супеси мощностью 20 см, сильно прокаленной в огне, уничтожившем деревянные укрепления. Выше залегал углистый слой пожара, поверх которого, на отметках –170/–190 были расчищены горелые бревна, лежащие в канаве параллельно насыпи вала и перекрытые оплывшими и упавшими в нее непрокаленными верхними частями насыпи (рис. 5.4: *1, 2*; рис. 5.5). Несомненно, бревна входили в состав оборонительных конструкций крепости, уничтоженных в результате военного нападения, а прослойка красно-коричневой супеси под слоем пожара является нижней частью насыпи вала, оплывшей в канаву во время гибели городища.

Рис. 5.4. Городище Любша Раскоп II, участки 1–2. 1998 г. Сводные планы стратиграфических разрезов насыпи вала, его напольной стороны и внутренней привальной части.
Условные обозначения (к рисункам главы 5): *1* — темно-серая гомогенная супесь; *2* — следы распашки; *3* — деревья; *4* — желтая гумусированная супесь; *5* — фрагменты гончарной керамики; *6* — рыхлый серый гумус с обломками плиты; *7* — зеленая глина с обломками известняковых плит; *8* — реконструированные границы комплексов; *9* — выбранные перекопы; *10* — желтая супесь; *11* — перекоп; *12* — подзолистая почва и дерн; *13* — горелое дерево; *14* — темно-серый гумус с углями, золой и костями; *15* — известняковые плиты; *16* — черный гумус с углем, золой и костями рыб; *17* — красно-коричневая супесь; *18* — уголь; *19* — материк; *20* — камни-валуны; *21*— фрагменты лепной керамики и их скопления



Раскоп II участок 2

С напольной части укреплений, за привальной канавой в кв. 4′–5′ были расчищены еще две подпорные стенки из плит известняка, сложенных на материке насухо. Размеры стенок 50–70 × 25–37 см, верх их зафиксирован на отметках –140/–170, основания находились на глубине –150/–200. Между ними отсутствовал какой-либо культурный слой, уничтоженный фортификационными работами. Как считал Е. А. Рябинин, стенки из плит известняка могли входить в состав каменных конструкций, оформлявших вход на городище Любша, и ограничивали с внутренней и внешней стороны дорогу к воротам укрепления (Рябинин 2000-А: 9–10). Однако, как отмечал автор раскопок, данный вопрос еще окончательно не решен и требует специального изучения (Рябинин, Дубашинский 2002: 198).

В результате работы с чертежами и полевой документацией стало возможным прояснить некоторые особенности сооружения Любшанской крепости и уточнить время ее постройки и функционирования. Е. А. Рябинин осторожно предполагал, что центральная часть вала из желтой стерильной супеси могла быть сооружена ранее и представлять собой самостоятельное первоначальное укрепление городища, позднее досыпанное сверху и дополненное каменными конструкциями. В работах исследователя встречаются различные даты возведения первоначального укрепления: VI в. (Рябинин 2002: 53), последняя треть VII — первая половина VIII в. (Рябинин 1999-А: 14), VII — первая половина VIII в. (Рябинин, Дубашинский 2002: 199). По мнению автора раскопок, на Любшанском мысу могло находиться «финское дерево-земляное укрепление летописной чуди», а на вершине ранней насыпи, вероятно, стоял частокол (Рябинин 2002: 54). В отчетах Е. А. Рябинин не отмечал различий в археологическом материале из обеих частей насыпи (крайне немногочисленном) (Рябинин 1999-А: 8).

На данный момент в ходе изучения полевой документации и чертежей раскопа II не было найдено достоверных свидетельств о разновременности нижней и верхней частей насыпи вала городища Любша. Между ними не обнаружено каких-либо остатков ранних деревянных оборонительных сооружений или следов сильного пожара, их уничтоживших. На вершине так называемого первоначального укрепления не выявлена частокольная канава дерево-земляного укрепления. Кроме того, наличие на склонах «первого вала»

Рис. 5.5. Городище Любша. Раскоп II, участок 2. 1998 г. Прорезка вала и его напольной части. План раскопа на уровне материка и выявленных на нем объектов

дернового покрытия должно было найти графическое отражение в полевых чертежах и упоминаться в тексте отчета; граница же между частями насыпи автором работ показана тонкой, ровной и четкой. Ссылка Е. А. Рябинина и его соавтора А. В. Дубашинского на единственный результат радиоуглеродного анализа образца, взятого из тела вала на соседнем раскопе I (восточный фланг укреплений) и показавшего VII — первую половину VIII в. (Рябинин, Дубашинский 2002: 199)[3], вряд ли может считаться достаточно веским основанием для выделения раннего ядра укреплений городища. Некоторая вероятность разновременности частей вала сохраняется, но решить этот вопрос окончательно пока не представляется возможным.

Более вероятно, что укрепления городища были возведены единовременно в несколько приемов, с использованием грунта из разных карьеров. По мнению Е. А. Рябинина, строительство их могло произойти в середине (возможно, в начале) VIII в. Гибель укреплений Любши исследователь относил к середине IX в., не позднее 870-х гг. (Там же: 2002: 203; Рябинин 2002: 54, 56). Отсутствие в теле вала деревянных конструкций и тлена от них можно объяснить тем, что насыпь прорезалась в один прием от ее вершины до основания почти без промежуточных зачисток, поэтому их не удалось зафиксировать. На раскопе I, где в теле вала была обнаружена каменная подпорная стенка, Е. А. Рябининым в основании насыпи были выявлены остатки деревянных решетчатых конструкций высотой в один венец, уложенных на поверхность культурного слоя, залегавшего под фортификационным сооружением (Рябинин, Дубашинский 2002: 198). Возможно, что и на участке раскопа II в основании укреплений присутствовали подобные деревянные укрепляющие элементы.

Примечательно, что в северной и центральной частях насыпи вала, на участках раскопов II и III, каменная подпорная стенка отсутствовала, тогда как на участке раскопа I она была обнаружена. Изучение полевой документации показало, что каменные конструкции в толще насыпи располагались не по всей длине фортификационного сооружения, а локально на его восточном фланге, у обрыва при впадении р. Любши в р. Волхов. Однако данный сюжет требует отдельного исследования.

С внутренней стороны укреплений, на жилой площадке городища в кв. 3 и 4 к валу примыкал комплекс № 2 (Рябинин 1999-А: 10), представляющий собой котлован жилой постройки с углубленной нижней частью (рис. 5.4: *2*). Западина сооружения шириной около 300 см имела плоское дно. Высота ее восточной стенки больше, чем западной, и составляла 38–40 см; западная стенка более пологая, имела высоту 5–9 см. Край высокой восточной стенки сооружения был зафиксирован на глубине –165, дно на отметке –184. Сооружение было повреждено поздним перекопом у западной стенки в кв. 4 (вероятно, столбовой ямой).

Котлован постройки был заполнен слоем желтой гумусированной супеси с угольками мощностью 15–36 см, под которым у высокой восточной стенки залегала прослойка темно-серого гумуса с углями, золой и костями животных толщиной

[3] Образец Ле5487, 1320 ± 60. 1 sigma 662 AD–728 AD, 732 AD–772 AD, 2 sigma 642 AD–826 AD, 834 AD–874 AD. Раскоп I. Вал с напольной стороны ниже рыхлого верхнего слоя под красной глиной над темно-желтым песком (горелый слой).

9–26 см. В южной части комплекса № 2 слой желтой гумусированной супеси с угольками залегал непосредственно на его дне.

Внутри котлована были выявлены остатки отопительного сооружения — печи-каменки, от которой сохранился развал довольно крупных камней-валунов, длиной около 1,5 м и высотой 0,3 см. Камни залегали в два-три яруса, верхняя часть объекта, судя по всему, была повреждена при строительно-планировочных работах XVIII–XIX вв. Остатки печи располагались у западной стенки котлована постройки в слое черной супеси с мелкими угольками; между камнями также встречалось большое количество углей. На высоте 13 см от пола западины была выявлена прослойка угля мощностью 4 см; вокруг жилища зафиксирован слой пожара. Заполнение котлована постройки разнородное, сформировалось оно, видимо, в результате ее разрушения, а также обрушения укреплений. Затем оставшаяся от сооружения западина постепенно заполнилась культурным слоем — темно-серым гумусом с золой и костями животных.

Судя по всему, комплекс № 2 следует считать синхронным каменно-земляной Любшанской крепости VIII–IX вв., так как он примыкал к внутреннему склону укреплений, а насыпь вала не перекрывала остатки жилища. Котлован был вырыт в материке, вокруг него были уничтожены погребенная почва и культурный слой эпохи палеометалла — раннего железного века, сохранившиеся под укреплениями. Е. А. Рябинин относил данный объект ко времени функционирования каменно-земляной любшанской крепости, однако почему-то связывал данную постройку с лежащим поверх ее заполнения «жилым слоем»[4] темно-серого гумуса с золой и костями животных (Рябинин 1999-А: 11).

На чертеже южной стенки разреза вала и привальной части площадки городища видно, что комплекс № 2 и состоящую из желтой гумусированной супеси полу насыпи вала, которые располагались в кв. 2–4, перекрывал слой сыпучего темно-серого гумуса с золой и костями животных. Именно в этом слое (преимущественно в его верхней части) залегал развал плит известняка, отражающий процесс разрушения крепостных сооружений Любши VIII–IX вв. Стоит отметить, что плиты залегали поверх тела насыпи, а также в слое темно-серого гумуса, но только с внутренней стороны укреплений у их основания; поверх развала зафиксированы угли и следы пожара (Рябинин 1998-А: 11). Вероятно, камни изначально располагались на вершине насыпи, а при пожаре и разрушении крепости обрушились назад, в сторону жилой площадки.

Слой сыпучего серого гумуса с золой и костями животных Е. А. Рябинин считал основным «жилым слоем» Любшанского городища эпохи раннего средневековья, периода существования крепости VIII–IX вв. (Рябинин 1999-А: 8–9, Рябинин, Дубашинский 2002: 199). Однако на данный момент очевидно, что этот слой, перекрывающий заполнения почти всех комплексов и объектов, выявленных на площадке городища (кроме комплекса № 5), отражает именно процесс разрушения крепости и последующую хозяйственную деятельность, проводившуюся на ее территории в последующие века. Стоит напомнить о находках в культурном слое городища металлических предметов и многочисленных фрагментов керамики XV–XVII вв. (Петренко, Шитова 1985: 185; Рябинин 1998-А: 10; Сениченкова 2010: 74). Находки

[4] Данный термин использовался в отчетах Е. А. Рябинина и в его статьях (см. напр.: Рябинин 1999-А: 9, Рябинин, Дубашинский 2002: 199).

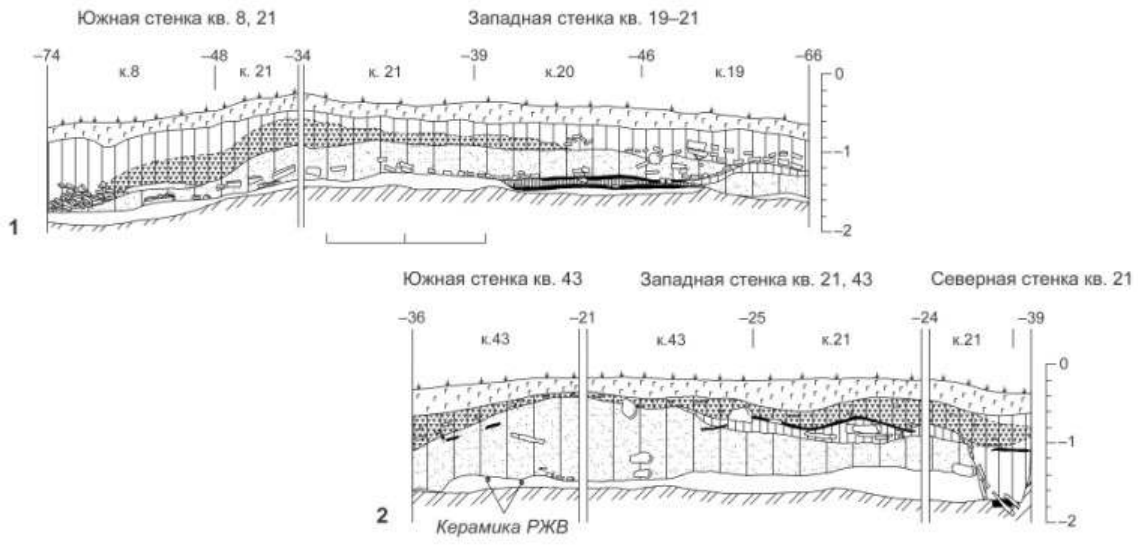


Рис. 5.6. Городище Любша. Раскоп II, участок 1. 1998–2001 гг. Сводные планы поперечных стратиграфических разрезов насыпи вала со стороны жилой площадки городища

имеют отчетливый «жилой характер» и свидетельствуют о располагавшихся в непосредственной близости от городища Любша позднесредневековых постройках.

Все описанные выше культурные напластования перекрывает слой рыхлого серого гумуса с многочисленными обломками плит известняка. Мощность слоя составляла от 10 до 89 см, он сильно перемешан и поврежден множеством перекопов. При его исследовании была найдена керамика XVIII–XIX вв. (Рябинин 1998-А: 10). Видимо, эта прослойка отражает проведение на территории городища Любша строительных планировочных работ усадьбы князей Шаховских. Поверх планировочного слоя залегала подзолистая почва и очень тонкий слой дерна. Верхние напластования городища сильно повреждены корневыми системами деревьев и кустарников; мощность дерна была крайне мала, выделить его в отдельную прослойку чаще всего не представлялось возможным. Данное обстоятельство нашло отражение в полевых чертежах, на которых подзолистая почва и дерн обозначены как один слой.

При проведении раскопок на городище Любша были сделаны не только поперечные, но и продольные разрезы насыпи вала и культурных напластований, расположенных под ней и в привальной части в кв. 19–21, 43 (рис. 5.6: *1, 2*). На чертежах разрезов отчетливо виден лежащий на материке и перекрытый насыпью вала пласт темно-серой гомогенной супеси — погребенной почвы и культурного слоя эпохи палеометалла — раннего железного века, поверхность которого располагалась на отметках –121/–132. У полы насыпи мощность напластований составляет 5–17 см, под ее центральной частью вала она увеличивается до 12–37 см. В слое найдены немногочисленные мелкие фрагменты лепной керамики. В кв. 19–20 выявлена западина в слое темно-серой гомогенной супеси, размерами 2,0 × 0,13 м, заполненная слоем черной супеси с угольками (рис. 5.6: *1*). На дне западины и поверх ее заполнения читаются две углистые прослойки мощностью 4–6 см.

Непосредственно поверх слоя темно-серой гомогенной супеси располагается насыпь вала из желтой гумусированной супеси. Высота ее до 100 см; в кв. 8 зафиксирован край полы насыпи, поверх которой залегает развал небольших обломков

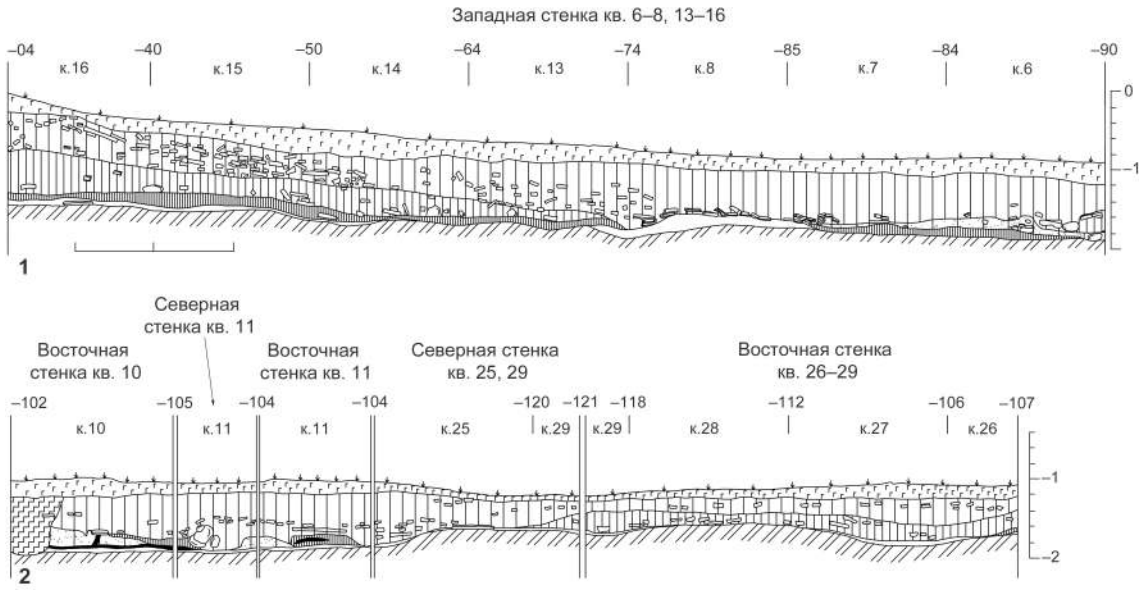


Рис. 5.7. Городище Любша. Раскоп II, участок 1. 1998–1999 гг. Сводные планы стратиграфических разрезов культурных напластований в центральной части раскопа на территории жилой площадки городища

известняковых плит. Поверх вала зафиксирован слой разрушения крепости — сыпучий темно-серый гумус с углями и костями животных мощностью от 4 до 27 см, в котором было расчищено множество небольших обломков плит известняка. Выше развала плит и слоя темно-серого гумуса прослежена прослойка пожара (кв. 21–41), образовавшаяся в результате гибели укреплений. Раннесредневековые сооружения и остальные напластования перекрыты рыхлым серым гумусом с обломками плиты и щебнем, мощностью 30–45 см. В кв. 21 был выявлен поздний перекоп — столбовая яма XVIII–XIX вв., укрепленная в основании плитами известняка (рис. 5.6: *2*). В верхней части свиты напластований располагались подзолистая почва и дерн, сильно нарушенные корнями деревьев.

Стратиграфические разрезы культурных напластований на территории жилой площадки городища представляют собой весьма информативную картину (рис.5. 7: *1, 2*). Материк — плотная желтая супесь, имеет неровную поверхность и многочисленные неглубокие западины. На нем, чаще всего на пониженных участках рельефа, частично сохранился слой темно-серой гомогенной супеси — погребенной почвы и слоя эпохи палеометалла — раннего железного века. Мощность этого напластования здесь заметно ниже, чем под насыпью вала — от 5 до 19 см. На большей части городищенской площадки, видимо, он был уничтожен при последующей хозяйственной деятельности в эпоху раннего средневековья. Поверх данной прослойки, ближе к насыпи вала, залегает слой черного гумуса с золой, костями рыб и животных, который имеет мощность от 5 до 19 см. Скорее всего, именно его можно соотнести с временем раннего средневековья — от конца третьей четверти I тыс. н. э. до времени разрушения укреплений городища Любша в середине IX в. Слой черного гумуса с золой, костями рыб и животных, заполняющий комплексы указанного времени, которые всегда прорезали нижележащую погребенную почву, распространен более всего в привальной части крепости. Поверхность его

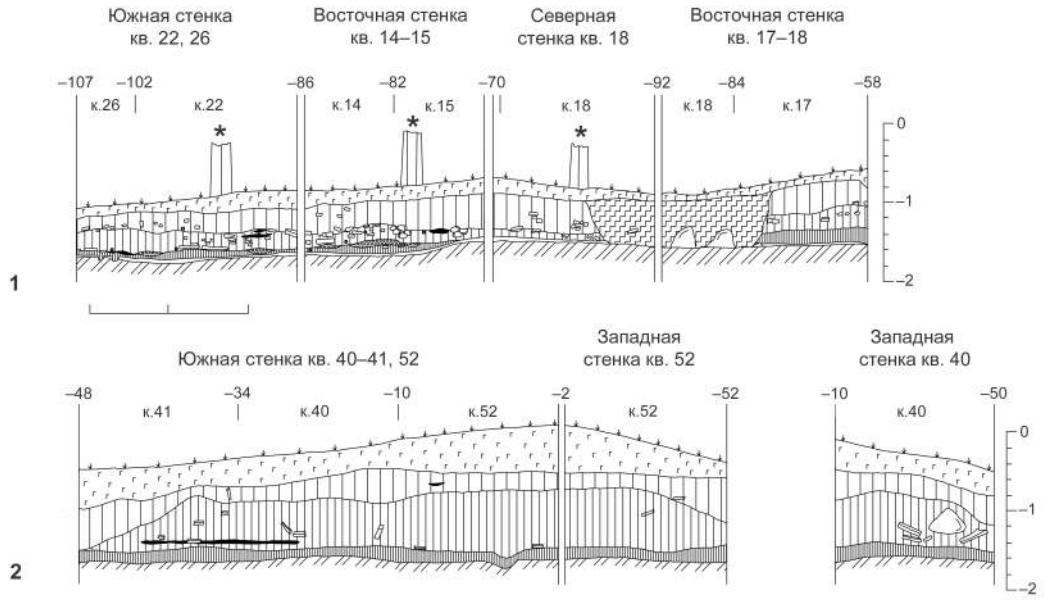


Рис. 5.8. Городище Любша. Раскоп II, участок 1. 1999–2000 гг. Сводные планы стратиграфических разрезов культурных напластований в центральной и юго-западной частях на территории жилой площадки городища

зафиксирована на отметках –129/–165. Поверх него залегает пласт темно-серого гумуса с золой и костями животных мощностью 20–50 см — слой разрушения укреплений. Замечено падение мощности напластований от привальной части к центру площадки городища (рис. 5.7: *1*).

В кв. 6, 10–11 непосредственно на материке и поверх погребенной почвы выявлены слои заполнения комплекса № 2: желтая гумусированная супесь с угольками и прослойки пожара. Видимо, здесь располагалась южная граница постройки (рис. 5.7: *1, 2*).

Поверх всех древних напластований залегал слой рыхлого темно-серого гумуса с обломками известняковых плит, образовавшийся в результате плантажных работ на усадьбе Шаховских. Выше располагались подзолистая почва и дерн.

Стратиграфические разрезы напластований в центральной части городища дают более сложную картину (рис. 5.8: *1*). Здесь на многих участках на материке была выявлена сохранившаяся погребенная почва — прослойка темно-серой гомогенной супеси, поверх которой залегал слой черного гумуса с углями, костями животных и рыб. В слое черного гумуса в кв. 14–15, 22, 26 было выявлено несколько скоплений фрагментов лепной керамики и развалы сосудов, а также множество отдельных черепков. Они располагались на отметках –146/–162. Выше их в слое темно-серого гумуса с золой и обломками плиты и на его поверхности были расчищены угольные прослойки, располагавшиеся на отметках –142/–133. В кв. 14–15 в верхней части темно-серого гумуса было расчищено скопление переотложенных камней-валунов, возможно, от разрушенного отопительного сооружения, некогда располагавшегося на данном участке.

В кв. 26 были зафиксированы нижние части двух столбовых ямок, диаметром 7–10 см, заполненных черным гумусом с углями и рыбьими костями, глубина их 6–7 см. Они прорезали погребенную почву и были впущены в материк.

Рис. 5.9. Городище Любша. Раскоп II, участок 1. 2000 г. Следы древней пахоты на материке. Кв. 40–41

В верхней части разреза стратиграфическая ситуация аналогична описанной ранее на других участках. Средневековые напластования были перекрыты серым гумусом с кусками плит, относящимся к XVIII–XIX вв., поверх которого располагались подзолистая почва и дерн.

Несколько иная стратиграфическая ситуация была зафиксирована в кв. 39–41, 52–54 (рис. 5.8: *2*). На этом участке при зачистке материка были выявлены следы древней распашки. Они представляли собой узкие длинные взаимно пересекающиеся полосы, заполненные черным гумусом с угольками (рис. 5.9). Поверх следов пахоты погребенная почва и слой эпохи палеометалла — раннего железного века отсутствуют; непосредственно на материке залегает слой эпохи раннего средневековья — черный гумус с углями, костями животных и рыб мощностью 19–20 см, верхняя граница которого зафиксирована на отметках –142/–151. Поверхность материка на данном участке, зафиксированная на отметках –156/–166, ровная, без западин. В кв. 52 была расчищена канавка, прорезающая следы пахоты, также заполненная слоем черного гумуса с углями. Она имела пологие стенки и скругленное дно, расположенное на глубине –172.

Е. А. Рябинин считал, что перед основанием каменно-земляной крепости VIII–IX вв. на ее площадке могла быть проведена ритуальная распашка (Рябинин 2001-А: 7, 10). Однако можно предположить и то, что следы пахоты относятся к более раннему времени и не связаны с сооружением укреплений. Распашка на мысу могла производиться в раннем железном веке, а еще вероятнее — в третьей четверти I тыс. н. э.

Возможно, на территории мыса при впадении р. Любши в р. Волхов до возведения крепостных укреплений городища располагалось открытое селище, рядом с которым находилось пахотное поле. Стоит отметить, что следы распашки выявлены не по всей площади раскопа II, а только в его юго-восточной части, а по их

периметру в кв. 15, 17–18 на материке были расчищены крупные камни-валуны. Вероятно, при раскопках Е. А. Рябининым был зафиксирован край раннесредневекового пахотного поля.

Стратиграфическая ситуация на участке со следами древней пахоты еще раз доказывает то, что именно слой черного гумуса с углями, костями животных и рыб, в данном случае залегающий непосредственно поверх распашки, является подлинным «жилым слоем» любшанского городища VIII–IX вв.

Поверх слоя черного гумуса располагался пласт серого гумуса с золой и костями, имевший значительную мощность (до 70 см), что обусловлено близостью насыпи вала. В нем же находился развал известняковых плит и углистые прослойки (кв. 40–41). Верхняя часть разреза аналогична описанным выше участкам раскопа.

Обратимся к планиграфии памятника для выявления соотношения стратиграфических напластований, описанных выше, с объектами и комплексами на площадке городища Любша. Первый уровень фиксации проводился после снятия дерна с подзолистой почвой и плантажного слоя рыхлого серого гумуса до уровня развала известняковых плит и камней (рис. 5.10).

В западной части раскопа в кв. 0–2, 57–60 была расчищена верхняя часть насыпи вала, состоящая из желтой стерильной супеси. Ниже нее почти по всей площади раскопа был расчищен развал известняковых плит. Он залегал в слое серого гумуса с золой и костями животных и поверх него. К сожалению, на полевых чертежах границы распространения данного слоя не были отражены, и их можно очертить лишь приблизительно. Основная его масса находилась в привальной части городища в кв. 3, 6–9, 37–38, 45–46, 50–51, 58–59. Судя по всему, изначально слой серого гумуса с золой, костями и кусками плит присутствовал почти на всей площади раскопа, однако в центральной части жилой площадки городища мощность его была значительно меньше, нежели у вала. Кроме того, он был сильно поврежден поздними перекопами, причем на чертежи были нанесены только самые крупные из них, хотя нарушений, видимо, было больше.

Особенно интересен плотный завал небольших плит известняка, лежащий у подножия вала крепости и расположенный вдоль него по линии север–юг. Он был выявлен в кв. 3–4, 6–9, 49–51, 58–59, его ширина от 2 до 3 м. Развал располагался по склону насыпи на отметках –145/–166. Небольшие обломки плит лежали столь плотно, что Е. А. Рябинин называл их «чешуей» и предполагал, что они образовывали преднамеренную выкладку — облицовку поверхности вала. Однако на чертежах видно, что это не регулярное сооружение, а завал. Только по гребню вала прослеживается пара рядов относительно ровно уложенных кусков известняка, имевших отметки в пределах –102/–137. Столь малые плиты вряд ли образовывали какое-либо самостоятельное капитальное фортификационное сооружение, однако они могли являться составной частью деревянных укреплений, расположенных на вершине вала. Скорее всего, плиты изначально располагались в верхней части насыпи, являясь забутовкой нижней части срубных конструкций крепостной стены. Можно предположить, что при разрушении укреплений, после того как стены сгорели и развалились, масса камней оплыла вниз к основанию вала.

На жилой площадке городища развал состоял преимущественно из плит известняка различных размеров, в том числе довольно крупных, каковых не было в привальной части. На основной площади раскопа камни залегали преимущественно

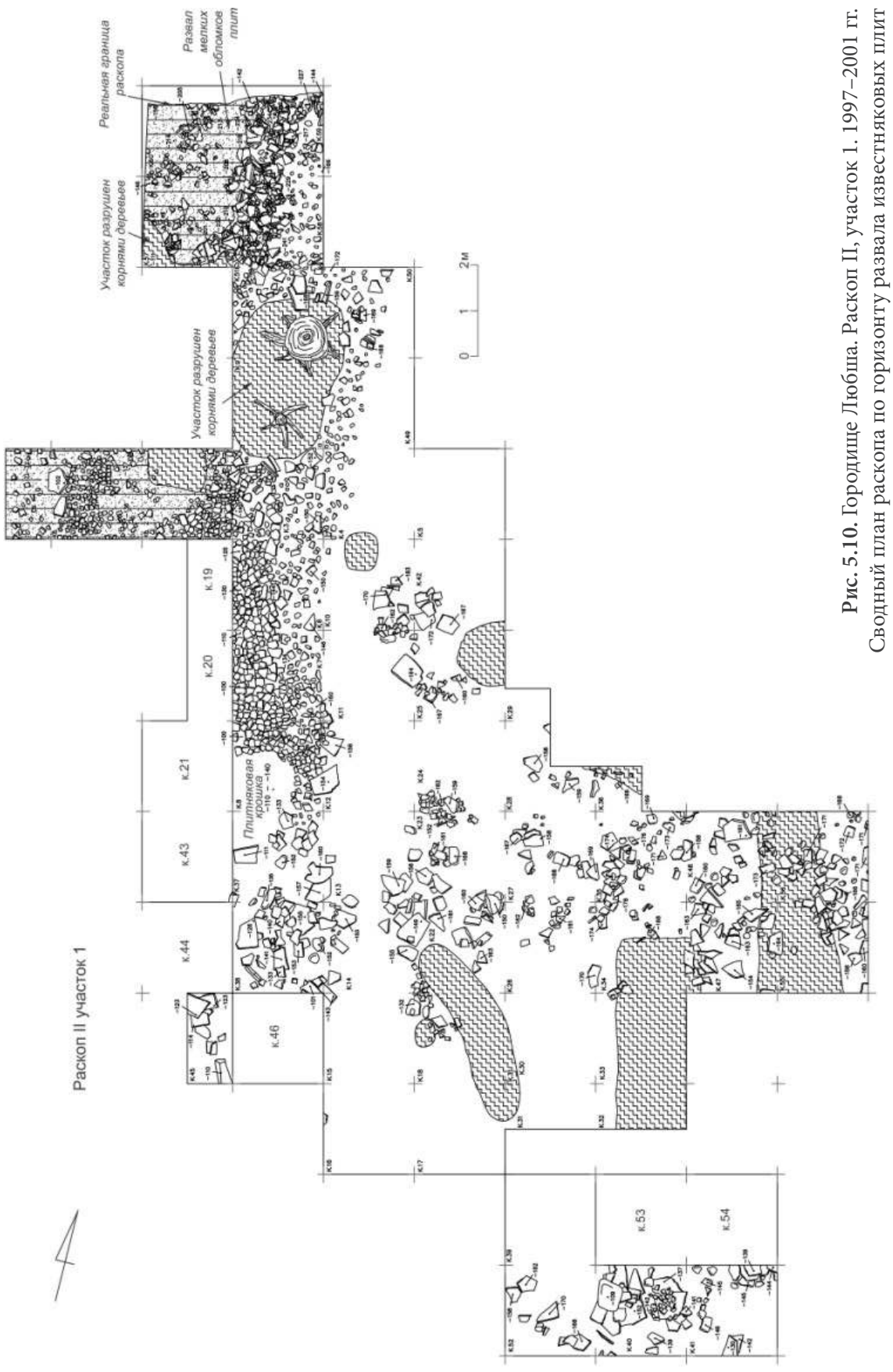


Рис. 5.10. Городище Любша. Раскоп II, участок 1. 1997–2001 гг. Сводный план раскопа по горизонту развала известняковых плит

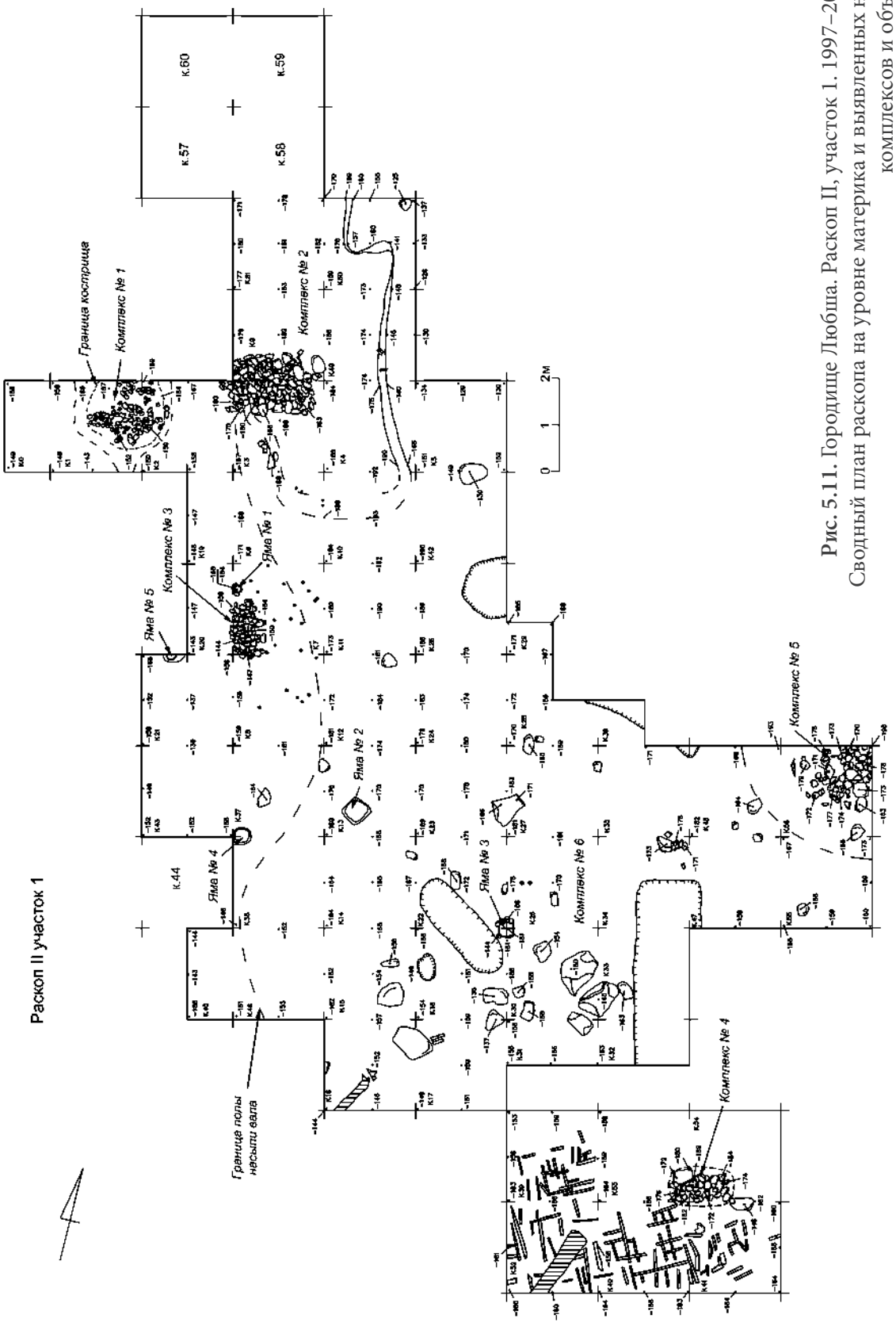


Рис. 5.11. Городище Любша. Раскоп II, участок 1. 1997–2001 гг. Сводный план раскопа на уровне материка и выявленных на нем комплексов и объектов

на отметках от –156 до –177 с уклоном к юго-востоку. На полевых чертежах отчетливо выделяются участки, где в составе развалов среди кусков известняка встречены камни-валуны в переотложенном состоянии. Они выявлены в привальной зоне площадки городища (кв. 58); в центральной части раскопа (кв. 23); в восточной и юго-восточной частях раскопа (кв. 56, 40–41). Как оказалось, именно в этих квадратах в дальнейшем были обнаружены раннесредневековые археологические комплексы, а валуны, видимо, являлись остатками разрушенных отопительных сооружений. Наличие развала камней и плит известняка в центре площадки городища стоит связывать, скорее, с хозяйственной деятельностью XV–XVII вв., в ходе которой могло производиться выравнивание городищенской площадки. Часть их была выброшена при плантажных земляных работах в XVIII–XIX вв.

В юго-восточной части раскопа в кв. 18, 22, 32–34, 55–56 выявлены границы нескольких крупных поздних перекопов прямоугольной и подовальной формы. Культурный слой на данном участке был серьезно поврежден при хозяйственной деятельности XIX–XX вв., часть ям можно связать с функционированием на территории городища военного госпиталя.

Второй уровень фиксации осуществлялся по уровню материка и выявленным на его поверхности комплексам и объектам. Мы рассмотрим их в той же последовательности, что и стратиграфию, начав с напольной части и привальной зоны городищенской площадки (рис. 5.10; 5.5).

С напольной стороны вала на чертежах были зафиксированы три подпорные стенки из плит известняка (рис. 5.4: *1, 2*; 5.5). Стенка в кв. 2′–3′ удерживала основание насыпи от оплывания в канаву, вырытую с напольной стороны укреплений. За стенкой на поверхности заполнения канавы, в слое пожара лежали обугленные бревна, связанные с разрушением каменно-земляной крепости. Из фрагментов бревен был взят образец на анализ C^{14} (Ле-5489[5]). Судя по полученным результатам, гибель крепости могла произойти примерно в середине — второй половине IX в. (Рябинин, Дубашинский 2002: 203; Рябинин 2002: 56).

Далее к западу в кв. 4′–5′ были расположены стенки из плит, вероятно, входившие в конструкцию входа на городище, который располагался у северо-западного края вала, у обрыва к р. Волхов.

Под насыпью вала в кв. 1–2 был выявлен комплекс № 1, представлявший собой западину округлой формы диаметром около 2 м, глубиной 6–7 см, вырытую в материке (рис. 5.11; 5.4**:** *1*). На дне ее был расчищен очаг из небольших валунов и кострище с углями диаметром 1,6 м. Камни были положены в один ярус и залегали на глубине –152/–157, дно западины зафиксировано на отметке –164/–167. К сожалению, проба, отобранная для радиоуглеродного анализа из этого очага, не принесла результатов. Данный закрытый комплекс является самым ранним из всех, выявленных на территории городища Любша, и может быть датирован эпохой палеометалла — раннего железного века.

К северо-востоку от комплекса № 1 в привальной части жилой площадки городища в кв. 3–4, 6, 9–10, 49–51 расположен комплекс № 2, представляющий собой

[5] Образец Ле-5489: 1240 +– 30. 1 sigma 722 AD–734 AD, 772 AD–822 AD, 836 AD–870 AD. 2 sigma 698 AD–750 AD, 760 AD–882 AD. Раскоп II, кв. 2′. Траншея с напольной стороны. Горелые бревна в основании вала, глубина –130.

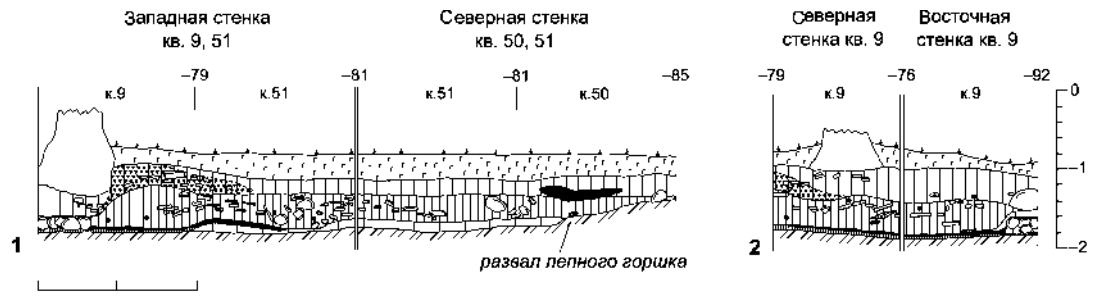


Рис. 5.12. Городище Любша. Раскоп II, участок 1. 1999, 2001 гг. Сводные планы стратиграфических разрезов заполнения комплекса № 2 и культурных напластований над ним в привальной части на территории жилой площадки городища

остатки постройки с углубленной нижней частью и, вероятно, являвшийся некогда ее подполом. Контуры котлована в его центральной и северо-восточной частей нанесены рукой самого Е. А. Рябинина. Юго-восточная часть уверенно реконструируется по фотографиям и чертежам многочисленных стратиграфических разрезов. Форма углубленной части сооружения подпрямоугольная, ее размеры 7,0 × 3,5 м; вход, скорее всего, был с северной стороны. Постройка ориентирована с северо-запада на юго-восток. Дно котлована — уплощенное, с незначительными неровностями — было зафиксировано на глубине –179/–182. Верхний край высокой восточной стенки западины располагался на отметке –141/–165. В центральной части сооружения восточная стенка была почти вертикальная, высотой до 30 см, в северо-восточной и юго-восточной части стенки были пологие и невысокие высотой до 10 см. Подпол был горизонтально «врезан» в материк, который имел небольшой склон в сторону вала, чем и объясняется разница в высоте противоположных стенок сооружения.

В котловане у его западной стенки был расчищен развал печи-каменки подпрямоугольной формы размерами 2,0×1,3 м, верхняя часть которого залегала на отметках –160/–163, высота объекта составляла около 30 см (рис. 5.4: *1*; 5.11; 5.12: *1, 2*). Печь была сложена из крупных камней-валунов в два яруса, выше залегали более мелкие камни. Ее верхняя часть оказалась повреждена при земляных работах, скорее всего в XIX–XX вв. Развал отопительного сооружения залегал в слое черного гумуса с углями, золой, костями животных и рыб; между камнями также было встречено значительное количество крупных углей.

Заполнение нижней части котлована постройки состояло из черного гумуса с углем мощностью до 5 см, поверх которого залегал слой пожара толщиной до 6 см (рис. 5.12: *1, 2*). Северная часть сооружения была заполнена желтой гумусированной супесью (рис. 5.12: *1*). Напластования в нижней части заполнения котлована непосредственно связаны с процессами функционирования и последующего разрушения постройки, верхняя его часть оказалась частично заполненной и перекрытой слоем разрушения крепости VIII–IX вв. и последующей хозяйственной деятельности — темно-серым гумусом с углями, золой и костями животных. Именно в этом слое поверх заполнения ямы залегал развал плит известняка, некогда входивших в конструкцию уничтоженных фортификационных сооружений. Столь различное заполнение западины, вероятно, связано с ее постепенным заплыванием или

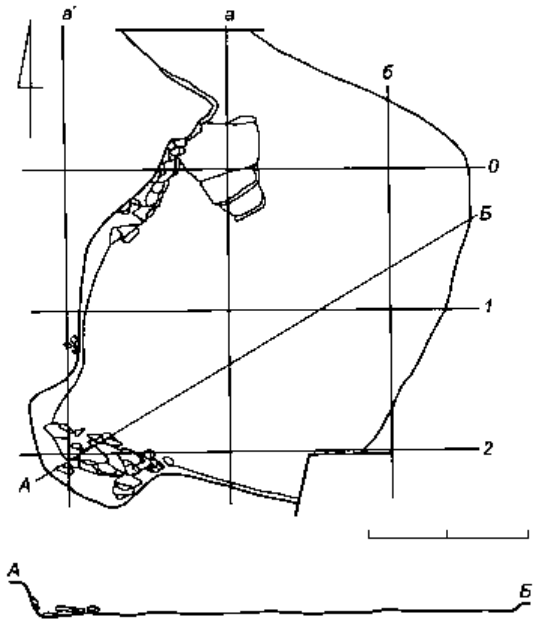


Рис. 5.13. Городище Любша. 1970–1972 гг. Чертеж котлована наземной постройки, обнаруженного В. П. Петренко в юго-восточной части жилой площадки городища (по: Петренко, Шитова 1985)

специальной нивелировкой в позднем средневековье. Скорее всего, оплывший котлован некоторое время стоял открытым, и его верх постепенно заполнялся культурным слоем. Впоследствии западина могла быть специально засыпана.

Такая постройка была выявлена на территории Любшанского городища не впервые. В 1972 г. В. П. Петренко раскопал сооружение, очень схожее по форме и размерам, в привальной зоне в юго-восточной части укреплений (Петренко, Шитова 1985: 182–183). Именно там Е. А. Рябининым впоследствии были открыты каменные стены-крепиды внутри насыпи вала (рис. 5.13). В. П. Петренко отметил остатки отопительного сооружения внутри котлована, а также его многослойное заполнение, содержавшее разновременные фрагменты керамики (Там же: 183). Следовательно, в VIII–IX вв. вдоль внутренней части вала городища Любша стояло как минимум две крупные постройки с углубленной нижней частью. Стены их были, судя по всему, срубные: заполнение комплекса № 2 и слой пожара от его разрушения распространялись и за пределами углубленной части (рис. 5.7: *1, 2*). Общая длина стен постройки при этом могла достигать 8 м, а ширина — 5–6 м.

Е. А. Рябинин также был склонен датировать данный объект временем функционирования каменно-земляной любшанской крепости VIII–IX вв. (Рябинин 1999-А: 11, 13) и предположил, что выявленное им скопление камней являлось очажным или горновым устройством (Там же: 13). Рядом были найдены слитки медного сплава и их фрагменты, части тиглей и каменная литейная форма. Однако полное отсутствие металлургических шлаков и иных отходов производства в заполнении котлована постройки делает маловероятным ее отнесение к производственным сооружениям. Вероятнее всего, она была жилой.

К югу от развала отопительного сооружения комплекса № 2, в кв. 3 и 6, было выявлено скопление известняковых плит, сложенное, по мнению Е. А. Рябинина, в платформу с ровной верхней поверхностью (нивелировочные отметки –157/–159) для сооружения которой использовались камни-подкладки (Там же: 10). Скопление имело вытянутую подпрямоугольную форму. Данный объект был обозначен автором раскопок как комплекс № 3; указывалась его возможная связь с металлообрабатывающим ремеслом (Там же: 13). Однако на чертеже южной стенки разреза вала городища в кв. 3 отчетливо видно, что данное скопление плит располагается не на материке, а поверх заполнения и слоя пожара комплекса № 2. Стратиграфически оно связано с вышележащим слоем темно-серого гумуса с золой и костями животных и является частью развала плит известняка, образовавшегося в результате

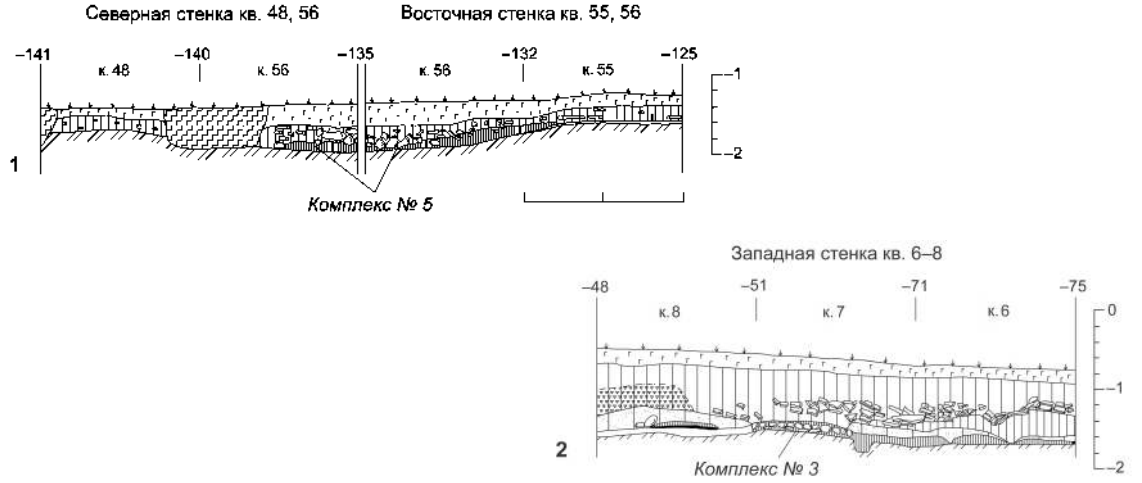


Рис. 5.14. Городище Любша. Раскоп II, участок 1. 1998, 2001 гг. Сводные планы стратиграфических разрезов заполнения комплекса № 3 под полой насыпи вала и культурных напластований в северо-восточной части жилой площадки городища

разрушения фортификационных сооружений крепости VIII–IX вв. Таким образом, выделение данного объекта в комплекс № 3 оказалось ошибочным. Поэтому данный порядковый номер был присвоен нами другому сооружению.

Комплекс № 3 (№ 4, по номенклатуре Е. А. Рябинина), найденный под полой вала в кв. 6–8, имел вид западины неясных очертаний, глубиной до 10 см, впущенной в слой серой гомогенной супеси — погребенной почвы и культурного слоя эпохи палеометалла — раннего железного века. Однако материк данный комплекс не прорезает (рис. 5.11; 5.14: *2*). Заполнение ямы состояло из черного гумуса с углями, чешуей и костями рыб. У южной стенки раскопа в кв. 7 были расчищены остатки отопительного сооружения — очага или печи-каменки, сложенной из небольших валунов в два яруса. Размеры печи 1,3 × 0,7 м, основание ее находилось на отметках –156/–158, верхние камни лежали на глубине –144/–147. В 21 см к северо-западу от развала отопительного сооружения была выявлена столбовая яма № 1 диаметром 17 см с плоским дном, вертикальными стенками и забутовкой из небольших валунов. Глубина ямы 16 см, дно ее располагалось на отметке –184. Столб стоял, скорее всего, в центре постройки.

К востоку и северо-востоку от вышеописанных объектов в кв. 7–8 выявлено более 20 небольших ямок диаметром до 5 см, которые, скорее всего, являлись следами от воткнутых в материк кольев. В таком случае стены постройки могли быть плетеными или представлять собой легкие конструкции из жердей. Судя по расположению выявленных объектов, постройка была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Из развала отопительного сооружения был взят образец на C^{14} (Ле-5486), анализ которого дал значения дат, укладывающиеся в период со второй половины VII в. по первую половину VIII в.[6]

В юго-восточной части раскопа, в кв. 39–41, 52, были выявлены следы древней пахоты в виде взаимно пересекающихся неглубоких канавок-полос шириной

[6] Образец Ле-5486: 1280 ± 80. 1 sigma 668 AD–818 AD, 842 AD–857 AD. 2 sigma 642 AD–896 AD, 914 AD–959 AD. Раскоп II, кв. 7–8, разборка очага в слое раннего средневековья.

до 5 см и длиной до 120 см (рис. 5.8: *2*; 5.9; 5.11). Судя по всему, в кв. 53–54 также располагались следы пахоты, но чертежей на этот участок не сохранилось. В кв. 52 остатки древней распашки были прорезаны канавкой прямоугольных очертаний с пологими стенками и округлым дном, располагавшимся на глубине –172. Большая часть объекта оказалась за пределами раскопа, его полные размеры и назначение определить не удалось.

В кв. 53–54 были расчищены остатки отопительного сооружения — печи-каменки подовальной формы — комплекс № 4 (Е. А. Рябининым данный комплекс и последующие, о которых речь пойдет ниже, не выделялись) (рис. 5.11). Размеры сооружения 1,30 × 0,60 м; судя по нивелировкам валунов, остатки печи провалились в подпечную яму, условные контуры которой реконструированы на чертеже. Уровень материка располагался на отметке –164, верхние камни печи залегали на отметках –165/–180. Развал отопительного сооружения ориентирован на северо-восток — юго-запад, постройка, располагавшаяся на исследованном участке, имела, видимо, срубную конструкцию, размеры которой выяснить не удалось; ни тлена, ни остатков дерева не было выявлено. Яма с развалом отопительного сооружения прорезала материк со следами древней пахоты, то есть являлась хронологически более поздним объектом, сооруженным после того, как сельскохозяйственная деятельность на поле прекратилась. Западина с остатками печи была заполнена культурным слоем раннего средневековья — черным гумусом с углем, золой и костями рыб, который залегал поверх полос распашки. Следовательно, наиболее вероятная датировка комплекса № 4 — VIII–IX вв., время сооружения и функционирования каменно-земляных укреплений городища Любша.

В северо-восточном углу раскопа в кв. 56 был выявлен комплекс № 5 (рис. 5.11). Он представлял собой западину округлой формы с пологими стенками глубиной до 35 см. На ее дне располагалось скопление небольших валунов, сложенное в два яруса, которое вероятнее всего являлось остатками отопительного сооружения неясного характера, скорее всего, печи-каменки (рис. 5.14: *1*). Дно ямы было выявлено на отметке –194, верх камней на глубине –170. Заполнение комплекса № 5 состояло из черного гумуса с углем, костями рыб и животных в нижней части, верхняя часть состояла из темно-серого гумуса с углями, золой и костями животных — слоя разрушения крепости и последующей хозяйственной деятельности в позднем средневековье. Вокруг западины в кв. 55 и 48 на материке находились отдельные валуны, постройка, в которой располагалась печь, скорее всего, была срубной, ее размеры и иные конструктивные особенности остались неизвестны. Данный комплекс так же, как и предыдущий, можно датировать эпохой раннего средневековья (VIII–IX вв.).

По материалам полевой документации в центральной части площадки городища Любша в кв. 18, 22–23, 26–27, 30, 33–34 возможно выделение еще одного комплекса — № 6 (рис. 5.11). Видимо, он мог представлять собой наземную постройку неясной конструкции, внутри которой располагалось разрушенное почти до основания отопительное сооружение. Заполнение комплекса состояло из черного гумуса с углями, золой и костями животных (рис. 5.8: *1*). В кв. 30, 33 было расчищено скопление крупных камней-валунов размерами 77–87 × 65–75 см. Их основания, судя по всему, располагались в материке, вершины находились на отметках –145/–150. Два крупных валуна, которые могли являться основанием отопительного сооружения, лежали параллельно друг другу, а вокруг них находилось несколько камней

поменьше. Вокруг основного развала, на материке и слое черного гумуса с углями и костями животных в кв. 18, 26–28, 30 были расчищены отдельные крупные камни. Кроме того, в кв. 14–15 выше них, в слое темно-серого гумуса с углями, золой и костями животных — слое разрушения крепости — были найдены скопления небольших валунов, которые, возможно, также принадлежали сильно разрушенному отопительному сооружению комплекса № 6.

В 50 см к северо-западу от вышеописанных скоплений валунов была выявлена столбовая яма № 3 подквадратной формы, глубиной 20 см. имевшая вертикальные стенки и плоское дно, находящееся на отметке –181 (рис. 5.11). Ее заполнял черный гумус с углями и костями животных. Столб, располагавшийся в ней, был забутован мелкими камнями-валунами, выявленными на отметках –144/–166. В целом описанный объект аналогичен столбовой яме № 1 комплекса № 3.

В 80 см к северу от столбовой ямы № 3, в кв. 26, были расчищены две небольшие ямки диаметром 6 см и глубиной также до 6 см, заполненные слоем черного гумуса с углями, золой и костями животных, — вероятные следы от вбитых некогда кольев (рис. 5.8: *1*; .5.11). Кроме того, на участке, где располагался комплекс № 6, в кв. 14–15, 22, 26, в слое черного гумуса с углями и костями животных на отметках –145/–167 были расчищены крупные развалы и скопления многочисленных фрагментов раннесредневековой лепной керамики и углистые прослойки. В отчете Е. А. Рябинина отмечено скопление в районе комплекса № 6 в кв. 22–25, 26–28, 34–35 отходов металлообрабатывающего производства, шлаков, заготовок, обломков изделий из цветного и черного металлов (Рябинин 2001-А: 44, рис. 23).

К сожалению, степень разрушения описанной выше постройки не позволяет определить большую часть ее конструктивных особенностей. Скорее всего, датировать комплекс № 6 следует также в пределах раннего средневековья — VIII–IX вв.

На площадке городища и в его привальной зоне встречено несколько объектов, характер которых остался неясен. В первую очередь, это две столбовые ямы № 2 и № 4 (рис. 5.11). Столбовая яма № 2, выявленная в кв. 13, имела подквадратную форму, размеры 57 × 42 см, вертикальные стенки и плоское дно. Глубина осталась неизвестной, на чертежах нивелировка не указана. Заполнение ямы состояло из черного гумуса с углем и костями животных, по основным параметрам она аналогична столбовой яме № 3 комплекса № 6. Наиболее вероятная дата объекта — VIII–IX вв.

Столбовая яма № 4 была расчищена на границе кв. 37–38. Форма ее округлая, диаметр до 37 см, стенки вертикальные, дно плоское (рис. 5.11). Глубина ямы, ее заполнение и принадлежность к какому-либо сооружению остались неопределенными, в полевой документации данная информация отсутствует. Однако стоит отметить, что выявлена она была под насыпью вала, а значит, относится к более раннему периоду, чем постройка каменно-земляной крепости, — от палеометалла до начала VIII в.

Еще одним объектом неясного назначения являлась небольшая прямоугольная канавка в кв. 16, размерами 78 × 15 см, с пологими стенками и округлым дном, ориентированная север–юг (рис. 5.11). Она прорезала материк и была заполнена слоем черного гумуса с углем, костями рыб и животных. Определить ее отношение к какому-либо сооружению оказалось невозможно. Судя по стратиграфическим данным, объект можно датировать эпохой раннего средневековья — VIII–IX вв. Вероятно, две одинаково ориентированные канавки, выявленные в кв. 52 и 16, являлись частями одного сооружения, характер которого остался неясным.

Таким образом, анализ полевой документации Е. А. Рябинина 1997–2001 гг. позволяет сделать предварительные заключения об этапах освоения территории мыса при впадении р. Любши в р. Волхов, выделить комплексы и объекты, относящиеся к той или иной эпохе, а также выявить особенности планировки поселения на разных этапах его функционирования.

1. В эпоху *палеометалла — раннего железного века* на мысу располагалась естественная возвышенность, на которой возникла стоянка. В слое обнаружены культурные остатки типа Шкурина Горка: фрагменты керамики, часто орнаментированные (Рябинин 2001-А: 46, рис. 25), кремневые орудия, каменные «утюжки», костяные наконечники стрел и дротиков (Рябинин 2000-А: 50, рис. 25: *1–4, 6*; Рябинин 2001-А: 42, рис. 21: *1, 6–7*). В раннем железном веке на месте стоянки располагалось селище. К данному периоду истории городища следует отнести металлические изделия — серповидный нож, бритву, иглу от арбалетовидной фибулы из железа, посоховидные булавки из железа и медного сплава (Рябинин 2000-А: 49, 51, рис. 24: *1, 4*, 26: *16*; 2001-А: 41, рис. 20: *11*); а также фрагменты лепных керамических сосудов (Сениченкова 2010: 70). Культурный слой, относящийся к эпохе раннего металла — раннего железного века, представлен темно-серой гомогенной, слабогумусированной супесью. Видимо, жизнь на Любшанском мысу протекала не очень интенсивно, напластования накапливались медленнее, чем в последующие эпохи. К описанному периоду относится комплекс № 1 под насыпью раннесредневекового вала городища Любша. Выявленный объект представлял собой остатки наземного сооружения с округлым очагом из небольших камней-валунов, располагавшихся в неглубокой западине. Верхняя часть постройки, скорее всего, имела легкую, каркасно-столбовую конструкцию, хотя возможны иные варианты.

2. В третьей четверти I тыс. н. э. и позднее, в начале раннего средневековья, на территории мыса, как и раньше, располагалось открытое поселение. Прямых доказательств существования оборонительных укреплений этого времени не найдено. Изучение полевой документации пока не подтвердило версию Е. А. Рябинина о ранней (VI в.) дате постройки фортификационных сооружений. Однако к данному этапу относится выявленный под полой вала городища комплекс № 3, представлявший собой остатки наземной постройки с отопительным сооружением в виде печи-каменки, располагавшейся в неглубокой западине. Судя по ямкам вокруг сооружения, которые могли быть следами, оставшимися от вбитых колов, также столбовой яме рядом с развалом печи, его стены могли иметь каркасно-столбовую конструкцию. Скорее всего, именно к третьей четверти I тыс. н. э. относятся следы пахоты, выявленные в юго-восточной части раскопа II. Видимо, здесь была обнаружена окраинная часть древнего пахотного поля. Выявить культурный слой, относящийся непосредственно к третьей четверти I тыс. н. э., пока затруднительно, данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Артефакты третьей четверти I тыс. н. э. на городище Любша малочисленны. К этому периоду можно относить наконечники стрел, детали поясной гарнитуры, некоторые фрагменты лепной слабопрофилированной посуды (Рябинин 1999-А: рис. 13: *27*, 15: *3*; 2001: 46, рис. 21: *11*; Сениченкова 2010: 73–75).

3. В VIII в., по мнению Е. А. Рябинина, сооружается вал городища Любша с каменными конструкциями внутри насыпи, а также подпорными стенками и неглубокой канавой со стороны его напольной части. На вершине вала располагались срубные

крепостные стены. Вход на площадку городища, как указывал Е. А. Рябинин, располагался у западной оконечности укреплений. Фортификационные сооружения полностью перекрыли более древние комплексы № 1 и № 3. На площадке городища, вплотную к насыпи вала и параллельно ей были возведены как минимум две крупные наземные, вероятно, срубные постройки. В основании их располагались подпрямоугольные котлованы, вырытые в материке и ранее накопившемся культурном слое. Одна из построек, вскрытая в раскопе В. П. Петренко, располагалась у юго-западной оконечности укреплений, вторая — комплекс № 2 Е. А. Рябинина — на противоположном юго-восточном фланге. В обоих котлованах были открыты развалы отопительных сооружений. Скорее всего, с внутренней стороны насыпи вала располагалась цепочка подобных строений. Кроме того, на раскопе II обнаружены остатки трех наземных построек, располагавшихся на площадке городищенского мыса: комплексы № 4, 5, 6. Все они включали в себя остатки отопительных сооружений. Комплексы № 4 и № 5, судя по всему, были остатками жилых построек; комплекс № 6 предположительно можно связать с процессом металлообработки, поскольку на месте его было найдено большое количество шлаков, заготовок и отходов. Площадка городища Любша небольшая, и выявленные постройки располагались на ней достаточно близко друг к другу. Распашка мыса тогда была прекращена, поверх нее накапливается культурный слой черного гумуса с углями, золой, костями рыб и животных. Данная прослойка непосредственно связана с процессом функционирования городища. Крепость гибнет в результате военных действий около середины IX в. (до 870 г., по мнению Е. А. Рябинина). Именно к этому времени стоит отнести начало формирования слоя темно-серого гумуса с золой и обломками плит, отражающего процесс разрушения укреплений и последующей хозяйственной деятельности на территории площадки городища. К периоду каменно-земляной крепости относится большинство находок, полученных при раскопках городища Любша в 1997–2001 гг. Особенно многочисленны изделия из черных и цветных металлов: наконечники стрел и дротиков, ножи, ключи, ладейные заклепки и различные железные заготовки (Рябинин 1998-А: рис. 28–29; 1999-А: рис. 15–16; 2001-А: 46, рис. 20–21). Из украшений обнаружены трапециевидные подвески из листа медного сплава, серповидные височные кольца и их фрагменты, обоймы головных венчиков, проволочные спиральки, подвески из оловянно-свинцового сплава (Рябинин 1998-А: рис. 27: *1, 2*; 1999-А: рис. 13; 2001-А: 46, рис. 19). Изделия из кости и рога представлены фрагментами рукоятей, пряслицами, заготовками. Уникальной находкой является янтарная кобылка от шестиструнного музыкального инструмента — щипковой лиры (Поветкин 2002: 75–77; Миляев 2017: 237–238). Состав набора стеклянных бус городища Любша отличается своеобразием и наличием изделий архаичных типов (Львова 2010: 467–477). Несмотря на то что при раскопках применялся метод просеивания культурного слоя, не было найдено ни одного фрагмента серебряных дирхемов, а также бисера (Рябинин 2002: 56). Керамика представлена в основном фрагментами лепных сосудов «ладожского типа» с ребром (Сениченкова 2010: 72).

4. После уничтожения раннесредневековой крепости с каменными конструкциями в насыпи вала в процессе освоения территории мыса при впадении р. Ладожки в р. Волхов наблюдается большой перерыв. Предположение В. П. Петренко о наличии в материалах городища керамики XIII–XIV вв. в дальнейшем не подтвердилось (Там же: 75).

5. В XV–XVII вв. рядом с городищем Любша располагалось селище, о чем говорит ряд вещевых находок и многочисленные фрагменты круговой керамики. При раскопках в верхних мешаных напластованиях были встречены отдельные предметы: железные замки, нож с пластинчатой рукоятью. Непосредственно на площадке городища комплексов позднего средневековья — раннего нового времени не выявлено. В данный период продолжается накопление слоя темно-серого гумуса с золой и обломками плит, при этом многие плиты развала раннесредневековой крепости были перемещены, вероятно, с целью выравнивания площадки городищенского мыса.

6. В XVIII–XIX вв. на территории городища Любша проводятся крупные плантажные работы, связанные с располагавшейся здесь усадьбой князей Шаховских и организацией парка. Была сильно повреждена и частично срыта верхняя часть раннесредневековых укреплений, пострадал и культурный слой на площадке памятника. К данному времени относится слой рыхлого серого гумуса с обломками известняковых плит, в котором было найдено значительное количество гончарной керамики XIX–XX вв., в том числе поливной, а также соответствующие нумизматические находки (Рябинин 1998-А: рис. 25 А).

ЧАСТЬ III

Староладожские коллекции: публикации, интерпретации, проблемы

ГЛАВА 6
Ремесло раннесредневековой Ладоги

Результаты раскопок, ведущихся уже более 100 лет в Старой Ладоге, заставляют искать новые подходы к изучению исторических процессов, происходивших в раннем средневековье на севере Восточной Европы. Проблема ремесла Старой Ладоги является в данном контексте одной из ключевых. Интерпретация археологических источников, связанных с ремесленной деятельностью, имеет решающее значение для понимания исторической ситуации в регионе. От нее зависит ответ на вопрос: являлась ли ранняя Ладога просто деревней, возникшей на трассе торгового пути и выполнявшей некоторые функции его обслуживания, или это был властный центр, резко выделявшийся в ряду синхронных поселений и связанный функционально с международной торговлей? Если же предположить, что превращение деревни в протогород и древнерусский город произошло уже в период функционирования Земляного городища, то именно данные о ладожском ремесле горизонтов Е и Д должны пролить свет на этот вопрос.

Масштабные раскопки В. И. Равдоникаса на Земляном городище в 1930–1950-х гг. привели его к выводу, что ладожанам VII–IX вв. было присуще индивидуальное крестьянское сельское хозяйство, характеризуемое наличием домашней промышленности и ремесла. Они обитали в «жилых гнездах» — дворах, основными элементами которых являлись: небольшой дом; хлев или крытый двор для скота; хозяйственные постройки, предназначенные для хранения запасов (Равдоникас 1949а: 48, 54). С подобной трактовкой согласился самый авторитетный, на тот момент, советский историк Древней Руси Б. Д. Греков, считавший, что «перед нами не городского типа поселение, а деревня» (Греков 1949: 102).

С. Н. Орлов, разделяя концепцию В. И. Равдоникаса, в то же время обратил внимание на несоответствие ее основного постулата материалам из раскопок, которые включали как отдельные предметы, так и целые комплексы производственного назначения. Он попытался дать этому объяснение: «Археологические раскопки „Земляного Городища“ ярко иллюстрируют рост Ладоги. Если в слоях VII–VIII вв. … археологи открыли остатки больших домов с приусадебными постройками, характеризующими сельский быт населения, то в слоях, датируемых концом IX и началом X в., картина меняется… Ясно, что это уже городской тип постройки, в которой живут люди, в большинстве своем не связанные с сельским хозяйством...» (Орлов 1949: 20). Упомянув о находках в слое остатков различных мастерских — ювелирной, косторезной, кузнечных, он резюмировал: «Таким образом, на „Земляном Городище“ с конца IX в. жили: мастера кузнечного дела, гребенщики, ювелиры, сапожники, очевидно плотники, торговцы, лоцман и „черный люд“ — грузчики…» (Там же). Эти выводы были повторены автором и в более поздней работе (Орлов 1960: 29–31).

С концепцией В. И. Равдоникаса не согласились многие археологи — его ученики, работавшие с материалами Ладожского поселения во второй половине XX в. Они допускали наличие в ранней Ладоге не только домашних, но специализированных ремесленных производств. Например, по мнению О. И. Давидан, комплекс остатков косторезного дела, включающий заготовки и отходы со следами пиления и сверления, ясно показал, что обработка кости развивалась здесь со времени основания поселения. В особую отрасль ремесла она выделилась не позднее IX–X вв. (Давидан 1962: 108).

По замечанию П. П. Толочко, в наши дни представления В. И. Равдоникаса о ладожском социуме вызывают удивление: «…Привыкшие к определению ранней Ладоги, как торгово-ремесленной фактории, современные исследователи, разумеется, не могут согласиться с тем, что она могла быть и крестьянской. Ныне, как полагает А. Н. Кирпичников, такой вывод кажется ни чем иным, как не оправдавшей себя попыткой архаизации ладожского общества и его экономики. Находки единичных земледельческих орудий VIII–IX вв. не дают основания говорить о крестьянской Ладоге. В структуре существовавших здесь производств занятия сельским хозяйством не преобладали, а служили, очевидно, самообеспечению отдельных семей» (Толочко 2013: 88).

О. И. Давидан, посвятившая изучению ремесел и материальной культуры древнейшей Ладоги несколько десятков лет, в конечном счете пришла к выводу: «Наиболее четко выявляются связи Ладоги со Скандинавией. Время появления норманнов как постоянных жителей относится ко времени возникновения здесь поселения, т. е. к середине VIII в. В числе первых северных поселенцев были не только мужчины, но и женщины, не только „находники“ — воины и торговцы, но и ремесленники...» (Давидан 1986: 103–104). Отсюда следовало допущение, что ранние формы ремесленного производства были привнесены переселенцами с Балтики.

На этом фоне не кажется неожиданным вывод Р. С. Минасяна, в свою очередь много лет исследовавшего историю металлообработки в Восточной Европе в эпоху раннего средневековья: «Восточная Европа вплоть до IX в. в производственном отношении отстает от сопредельных территорий. Оборудование, имевшееся в распоряжении мастеров, судя по трасологическому обследованию вещей, ограничивалось скупым набором простых инструментов, приспособлений и материалов. Изготовление мелких украшений осуществлялось примитивным способом. Такие приемы ювелирной техники, как пайка, филигрань, инкрустация каменными вставками или драгоценными металлами, токарная обработка, горячее золочение, чернение, глубокая чеканка, волочение, пайка, эмальерное дело, в раннеславянском производстве не применялись. Отсутствовали также инструменты и оборудование, необходимее для функционирования развитых литейных, кузнечных и ювелирных мастерских... Такие вещи производят в специализированных мастерских, которые на Руси появились достаточно поздно, в всяком случае не ранее X в. (за исключением Старой Ладоги)...» (Минасян 2014: 413).

Действительно, изделия высококвалифицированных мастеров, найденные в Ладоге, в том числе в слоях VIII–IX вв., далеко не всегда привозились туда как товары или дары. Частично они изготовлялись на месте. Вместе с купцами, воинами, послами на Волхов могли приезжать и мастера-ремесленники. Впрочем, правомерность

жесткого разделения раннесредневекового общества на воинов, купцов и ремесленников вызывает сомнения. В указанный период занятия, к примеру, кузнечным делом считались престижными, ничуть не зазорными для представителей элиты общества — знатных воинов, одновременно являвшихся купцами, да и для самих князей (ср.: Blom 1991: 130; Завьялов и др. 2012: 42). Археологическими свидетельствами занятий ремеслом на Ладожском поселении являются, прежде всего, зафиксированные там остатки производственных мест — ограниченных участков или построек со следами соответствующей деятельности, а также отходы производства, орудия труда ремесленников, заготовки и полуфабрикаты изделий.

В этом плане очень важной является работа О. И. Давидан, содержащая анализ горизонтальной стратиграфии находок горизонта Д, связанных с различными ремеслами. Она показала, что в северо-восточной части исследованной площади Земляного городища располагалось несколько построек, в которых, по-видимому, жили и работали мастера-универсалы. Они занимались изготовлением изделий из кости, рога, янтаря, а также обработкой железа и ювелирным делом. Возможно, эти мастера составляли особый ремесленный квартал (Давидан 1977: 104).

Факт выделения особого участка застройки горизонта Д, на котором локализованы места работы ремесленников, позитивно оценивает и А. В. Плохов: «Археологические работы показали, что с отложениями X в. связаны наиболее разнообразные и многочисленные следы ювелирного производства, встреченные при исследовании Старой Ладоги» (Плохов 2004: 202–203). Однако, по его мнению, бесспорных домов-мастерских в раскопах В. И. Равдоникаса все же не обнаружено, хотя одну из построек, с которой связаны особенно многочисленные следы и отходы металлообработки, исследователи назвали «кузницей», подразумевая под этим мастерскую для обработки металлов (в широком смысле) (ср.: Равдоникас 1949а: 34). Что должно находиться в «бесспорных домах-мастерских» и каковы их признаки, автор не объясняет. В настоящей главе приводится, по возможности, подробный обзор указанных материалов и связанных с ними проблем.

Кузнечное дело

Как предполагал В. И. Равдоникас, описанная им «кузница» являлась одновременно и жилищем. На эту мысль его навело наличие завалины. По размерам строение не отличалось от других жилых домов. Пол в нем был глиняный. В северо-восточном углу находилась печь, вероятно, несколько бóльших размеров, чем в других постройках. К сожалению, развал печи сохранился плохо. Известковые плиты, стоящие вертикально, ограничивали печь с запада, отстоя от стены на 1,6 м. Напротив предполагаемого устья печи располагался вкопанный в пол сосуд из бересты, в заполнении которого обнаружены железная окалина и древесный тлен. Предполагается, что он содержал воду для охлаждения железа после ковки. В данном комплексе было собрано особенно много железных шлаков, найдены фрагменты литейных формочек и льячек (Равдоникас 1949а: 34). Позднее о данной мастерской писали и другие исследователи (Лаушкин 1960: 75; Давидан 1986: 100). Горн в этом комплексе не был обнаружен, однако на его производственный характер указывали многочисленные шлаки, отходы обработки железа и бронзы, находки кузнечных

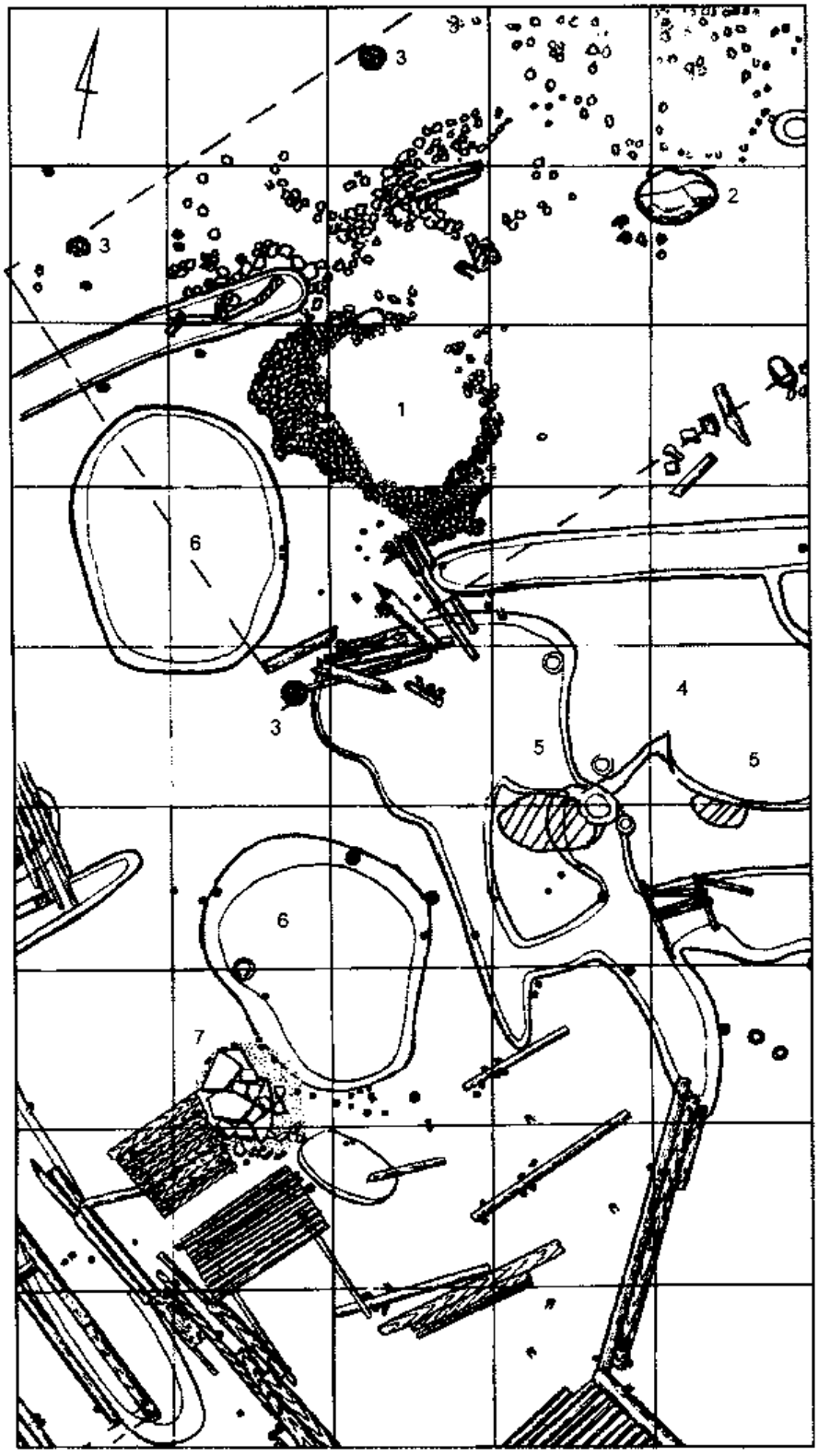


Рис. 6.1. План раскопок производственного комплекса на Земляном городище. 1973–1975 гг. *1* — горновое устройство; *2* — валун-наковальня; *3* — столбы кузницы; *4* — кузнечно-слесарная мастерская; *5* — клад инструментов; *6* — закалочный водоём; *7* — очаг для плавки цветных металлов (по: Рябинин, Коротенко 2003, рис. на с. 98)

и ювелирных инструментов. В постройке лежал и большой валун, служивший наковальней. Рядом с ним находился столб, предположительно использовавшийся для крепления в нем другой, железной, наковальни. Данная мастерская связана с отложениями горизонта Д и датируется X в.

Другой комплекс железоделательного производства и обработки металла был открыт и детально исследован Е. А. Рябининым в западной части Земляного городища, на участке, примыкавшем с запада к площади, исследованной В. И. Равдоникасом (Рябинин 1983: 34–35; 1984: 30–31; 1985: 27 и след.; 1986: 23–24). Е. А. Рябинин принял во внимание косвенные указания на производственный характер западной окраины поселения, полученные в 1948–1950 гг., когда здесь были зафиксированы скопления железных шлаков (среди них оказался и наиболее ранний для Ладоги дирхем 699/700 гг.) (Давидан 1976: 112). Именно данный участок заинтересовал исследователя. Открытый здесь комплекс древнейших мастерских был прослежен на площади около 160 м^2 (рис. 6.1).

В наиболее ранних отложениях, датируемых 750-ми гг., зафиксированы остатки кузнечно-ювелирной мастерской (рис. 6.2). С ней связан редкий по полноте состава набор кузнечных инструментов (не менее 26 ед.). Он включал семь клещей, два сверла, наковаленку, три ювелирных молотка, два зубила, ножницы для резки листового металла, две волочильни, тигли и т. д. (рис. 6.3; 6.4). Судя по набору инструментов, мастеру был доступен полный цикл кузнечно-слесарных и ювелирных работ (Рябинин 1985: 62–63). При этом можно выделить комплексы остатков железообработки и ювелирного производства — отходы бронзолитейного дела. Сюда входили пять фрагментов тиглей, фрагмент литейной формы, слиток олова, свинцовая пломба (застывшая капля металла), два обрезка изогнутой бронзовой проволоки и обломок бронзовой пластины. Свои соображения о характере производства Е. А. Рябинин суммировал в отдельной работе (Рябинин 1994а).

По оценке автора, ограниченная площадь раскопок 1973–1977 гг. не позволяла исчерпывающе судить о характере и составе сооружений производственного комплекса. В частности, остался невыясненным вопрос о наличии здесь стационарной кузнечной мастерской. Поэтому в 1981–1985 гг. работы были продолжены на двух новых раскопах, примыкавших к предшествующему участку с севера и запада. В результате вскрытая площадь достигла 325 м^2, и были выявлены неизвестные ранее ремесленные сооружения древнейшей Ладоги (Там же: 7 и след.).

Основу комплекса представляла кузница — наземная постройка, занимавшая всю северную часть вскрытой площади. Она была сооружена на уровне предматерика и отделялась от него лишь тонким слоем щепы с включением навоза, мощностью не более 5–8 см. Постройка ориентирована длинной стороной по оси ЮЗ–СВ. Южную стену постройки определяют фундаментные подкладки из крупных плоских валунов и обрубков бревен. Юго-восточный угол фиксирует круглая столбовая яма диаметром 0,3 м. Юго-западный угол отмечен столбом диаметром 0,25 м. Линию северной стены трассируют два столба диаметром 0,26–0,28 м, один из которых является северо-западным угловым, а второй — промежуточным, поставленным в середине трассы стены. Реконструируемые размеры постройки 11,2 × 6,5 м. Автор обращает внимание на выразительную линию развала мелких камней в площади постройки, отступающую от северной стены на 1,0–1,2 м, что может указывать на один из этапов разборки горна.

Рис. 6.2. Кузнечно-ювелирная мастерская. *1* — горновое устройство и наковальня VIII в. 1975 г.; *2* — ритуальный ковш; *3* — находка кузнечно-ювелирных инструментов (по: Рябинин, Коротенко 2003, рис. на с. 96)

Горн располагался в западной части постройки на расстоянии 1 м от ее границы, судя по трассам угловых столбов. Выделено два этапа функционирования конструкции. Как показывают дендродаты, ранний горн был возведен в середине 750-х гг. и перестроен около 763 г. Он был сложен из мелких валунов, имел вытянутую прямоугольную форму и ограничивался деревянной обноской со сторонами 1,6 × 1,8 м. Перестройку горна маркирует тонкая прослойка щепы на нижнем слое камней, что позволяет относить ее к периоду функционирования той же кузницы. Можно предполагать, что размеры позднего горна примерно соответствовали раннему, и он также был ограничен деревянной обноской.

С данным комплексом связаны крупная яма, расположенная с западной стороны, и канавка, обнаруженная севернее (рис. 6.1). Яма имела овальную форму, размеры ее 2,6 × 3,3 м. Глубина от нижнего уровня щепы — 0,6 м, причем она прорезала предматерик и была углублена в плотный, водонепроницаемый слой материковой глины на 0,40–0,45 м. Дно ямы плоское, стенки отвесные. В ее заполнении найдены железные шлаки и отходы кузнечного производства. Стратиграфически яма

синхронна началу функционирования мастерской, о чем свидетельствует углистый натек на восточной стенке, появившийся из прослойки, связанной с ранним горновым устройством. Автор раскопок рассматривал яму как своего рода резервуар воды для закалки железных изделий.

Столь же важными элементами устройства железоделательной мастерской Е. А. Рябинин считал канавку к северу от горна и три ямы вокруг него. В одной из них найдены обломки глиняного сопла от сыродутных мехов.

Реконструкция всего сооружения, по мнению исследователя, может выглядеть следующим образом. Кузница представляла собой крупную наземную постройку с достаточно мощными для Ладоги угловыми столбами и с дополнительной средней опорой по северной стенке. Ее площадь составляла около 73 м^2, при длине 11,2 м и ширине 6,5 м. Наличие фундамента из валунов и обрубков бревен вдоль южной стены указывает на существование легких стен (плетеных или наборных из деревянных плах), возможно, не везде достигавших верха постройки. С западной стороны, где располагался крупный резервуар воды для закалки железа, ограда, возможно, отсутствовала. Сверху постройка была перекрыта легким навесом, опиравшимся на угловые столбы. Горн находился в западной половине постройки; его устье было обращено внутрь кузницы. Сложен он из камней; высота стенок могла доходить до 0,5 м. Вопрос о расположении сыродутных мехов остается открытым.

Важным функциональным элементом мастерской служила каменная наковальня — валун размерами 0,7 × 1,0 м и высотой 0,5 м, установленный на средней оси постройки в 3 м от горна (рис. 6.2). Его стратиграфическое положение на тонкой прослойке глины, перекрывающей предматерик, свидетельствует об использовании наковальни с момента начала функционирования кузницы. Поверхность валуна покрыта частыми мелкими выбоинами — следами ударов при ковке железа. Надо отметить, что под нижний край камня был подложен деревянный ковш крайне грубой выделки, непригодный для какого-либо использования. Его можно считать простой заготовкой ковша или рассматривать в качестве ритуального предмета, специально оставленного под наковальней при устройстве мастерской.

В пятне постройки найдены сотни железных шлаков и отдельные стекловидные шлаки, связанные с бронзолитейным делом, а также многочисленные отходы, полуфабрикаты и готовые изделия кузнечного производства. Основная концентрация этих предметов зафиксирована у наковальни и к югу от нее.

Свою реконструкцию Е. А. Рябинин убедительно подтвердил собранными аналогиями (Рябинин 1994а: 19–22). Так, находка валуна-наковальни иллюстрируется материалами исландской «Саги об Эгиле», которая содержит рассказ об искусном кузнеце Скаллагриме, отце Эгиля, переселившемся в Исландию из-за распрей с основателем норвежского государства Харальдом Прекрасноволосым (конец X в.). «Скаллагрим был искусный кузнец. У него было много болотной руды. Он велел построить кузницу у моря. <…> Но не нашел там такого камня, который показался бы достаточно твердым и ровным, чтоб на нем ковать железо». Однажды он вышел на лодке в море, «…поднял со дна большой камень и положил его в лодку… Он перенес камень к своей кузнице, положил перед дверями и позже ковал на нем железо. Этот камень лежит там до сих пор и около него много шлака. Видно, что по камню много били… и что он не похож на другие камни, которые можно найти в том же месте. Теперь его не поднять и вчетвером» (Исландские саги 1956: 116–117).

Такой же валун был найден в Ладоге в раскопе 1958 г., в слоях второй половины IX в. и также в комплексе кузницы. Краткое описание комплекса дано в отчетной статье К. Д. Лаушкина (Лаушкин 1960: 74–76, рис. 36а). В кузнице обнаружены остатки горна из камней, опорный столб от наковальни, части бочки для закаливания железных изделий. У южной стены лежал большой овальный валун размерами 1,2 × 0,9 м с плоской верхней стороной и неглубокими трещинами на ней. Вокруг валуна прослежен слой гари с кусочками шлака.

О. И. Давидан обратила внимание на то, что использование камней в качестве наковален характерно для скандинавских памятников. Так на поселении, основанном норманнами на острове Ньюфаундленд, в кузнице наковальней служил врытый в землю камень с ровной поверхностью (Ингстад 1969: 208). Исследовательница задавалась вопросом о назначении двух наковален в одной мастерской: железной, вбитой в столб, и каменной — на валуне. Она высказала предположение, что на большом камне могли освобождать крицы от шлаков, тогда как ковка изделий производилась на железной наковальне, от которой сохранился столб с коническим углублением на торце от вбитой в него наковальни, которую, вероятно, вынесли во время пожара (Давидан 1988: 27).

Однако не следует упускать из виду, что общие черты в оформлении кузнечных мастерских обнаруживаются на памятниках разных эпох и народов. Указанный выше комплекс признаков в действительности не имеет устойчивой связи с культурными традициями. Он зафиксирован не только в Скандинавии, но и в Восточной Европе в период, предшествовавший появлению Ладоги. Ярким примером служит Опутятское городище — металлургический центр второй половины V — начала VI в. в Верхнем Прикамье (Генинг 1980: 106–107, 210, рис. 17). По мнению В. Ф. Генинга, остатки столбовых ям, выявленные на месте производственного сооружения (домницы-кузницы), свидетельствуют о *небольшом навесе*, защищавшем мастерскую от дождя. В представленной реконструкции автор допускает наличие *легких наборных стенок, крепившихся к угловым столбам, но не достигавших кровли*. Считается, что закрытое помещение при примитивной технике того времени могло препятствовать необходимому притоку воздуха. Для проковки использовались *каменные наковальни*. А *ямы, вырытые в плотном грунте, рядом с очагами, служили вместилищами воды для закалки железных изделий*. Таким образом, совпадение основных характеристик опутятского и ладожского комплексов практически стопроцентное.

Определяющим показателем характера и технологических навыков металлургов являлось само «рабочее место» — горновое устройство. Сохранность таких объектов зависит от многих причин и индивидуальна для каждого памятника. Каменные ладожские горны весьма своеобразны. Сохранились они, как и остатки деревянных конструкций, лишь благодаря особенностям почвы.

В целом археологические свидетельства устройства кузнечных горнов в Древней Руси малочисленны и фрагментарны. Б. А. Колчин отмечал, что, судя по этнографическим данным, его конструкция, скорее всего, была довольно проста, «представляя собой обыкновенную жаровню с воздуходувными мехами». Более совершенные древнерусские горны, выявленные в единичных случаях, состояли из глинобитного возвышения со стенкой у одного из краев. У стенки имелось небольшое углубление, через которое выходило сопло мехов (Колчин 1985: 248–249).

Что касается ювелирных горнов Древней Руси, то они имели глинобитные стенки и представлены, как правило, массивными развалами глины, иногда с камнями (Рындина 1963: 225–226; Колчин 1985: 261).

Интересные данные о характере производственных очагов IX–X вв. получены при исследовании поселения Крутик на Белом озере (Голубева, Кочкуркина 1991: 47–50, 63). Лучше всего сохранившийся кузнечный горн имел там подпрямоугольную форму и размеры 2,3 × 2,0 м. Сложенные на материковом останце стенки из глины и камней имели толщину до 0,45 м и возвышались на 0,2 м. Такая конструкция сопоставима с ладожским горном, обнаруженным в мастерской горизонта E_1. Металлографический анализ вещей поселения Крутик свидетельствует о тесных связях с Северо-Западом. Исследователи предполагали пребывание здесь городских ремесленников, возможно, скандинавского происхождения, принесших свои традиции обработки железа (Голубева, Кочкуркина 1991: 51–52; Розанова 1991: 180). В этом случае можно допустить и распространение в белозерском регионе специфичных производственных сооружений, появившихся вместе с пришлыми мастерами из раннесредневековой Ладоги или Новгорода.

По мнению Е. А. Рябинина, судить об устройстве раннесредневековых горнов Северной Европы достаточно сложно, ввиду того что на ряде раскопанных торгово-ремесленных центров производственная деятельность носила хотя и активный, но в то же время сезонный характер. Она не требовала использования долговременных сооружений. Примером таких «рабочих мест» он называет горновое устройство в металлургическом центре, раскопанном на юге Норвегии в провинции Телемарк. Функционировало оно в течение длительного периода (550–1350 гг.); наивысшая активность приходится на период около 800 г. Оно представляло собой небольшие заглубленные в грунт «жаровни» подпрямоугольной или округлой формы, диаметром 0,5–1,0 м, обложенные по периметру вертикально установленными в один ярус обломками плит с примыкающей к ним канавкой (Martens 1988: 20, 29, fig. 5, 6, 29 ff.).

Е. А. Рябинин выделил в открытом им ладожском производственном комплексе особый участок «холодной» кузнечно-слесарной мастерской, которая примыкает к кузнице с юга и образует с ней единый комплекс построек. Основная часть этого объекта была изучена в 1975 г., а доисследована в 1985 г. Контуры объекта определены по обводной канавке, окружавшей площадку четырехугольной формы. Ширина канавки составляет на большей части поверхности 0,6–0,8 м, а в южной части достигает 1,2 м. Она прослежена в предматерике и материковой глине на глубину 0,20–0,35 м по заполнению бурым гумусом с включениями щепы и навоза. Сохранился переходный мостик на южном участке канавки. Мостик сложен из горбыля на двух лагах из жердей.

Размеры всего сооружения составляют около 4,0 × 4,8 м, а вместе с канавками — 5,2 × 5,8 м. По краям площадки прослежены ямы от столбов, поддерживавших навес над кузницей. Здесь же прослежены и наклонные столбы, вбитые в грунт заостренными основаниями. Предполагается, что это остатки ограды или невысокой плетеной стенки.

Производственный характер объекта определяется по находкам значительного количества шлаков и скоплений угля. Вместе с ними часто попадались заготовки, полуфабрикаты и поделки из железа. Большинство находок встречено за пределами площадки, в том числе на дне и склонах обводной канавки.

Наиболее важной находкой на участке данной мастерской является «клад» кузнечно-ювелирных инструментов (рис. 6.2). Бóльшая часть их найдена на склонах обводных канавок и между ними, а два инструмента — непосредственно на рабочей площадке. При этом основная часть всего набора встречена на ограниченной площади — около 1,0 × 0,8 м.

В наборе инструментов выделяются орудия разного назначения, со специальными конструктивными признаками, указывающими на использование в особых условиях и для отдельных технических приемов обработки металлов. Выделена группа из четырех клещей, которые относятся к группе малых одноручных клещей с хорошо пригнанными губами и предназначенными для изготовления мелких и средних кузнечных изделий. На двух клещах есть особые ограничители — фиксаторы для зажима обрабатываемых заготовок. Клещи с фиксаторами имеют ограниченный круг аналогий среди скандинавских древностей эпохи викингов (Petersen 1951: 86, 513, abb. 62; Pleiner 1962: 177, obr. 27: *1*; Müller-Wille 1977: 155, Taf. 10: *8*).

Одни клещи, длиной 350 мм, имеют концы, загнутые в кольцо (рис. 6.3: *8*). Такого рода инструменты предназначены для действий, требовавших больших физических усилий, например, для протягивания проволоки через отверстия в волочильной доске. Кузнец прикреплял кольцевидное завершение к специальным крюкам на поясе и тянул проволоку, используя вес тела (Vierk 1983: 15). Аналогичные клещи изображены на могильном камне VIII в. в Стора Хаммарс, о. Готланд (Lindqvist 1942: 83–86, Taf. 82: *2*). Воспроизведение на надгробии готландского ремесленника-торговца волочильных клещей, синхронных экземпляру из ладожского «клада», возможно, не было случайным: оно отражало ранние связи Готланда с востоком. О том же свидетельствует изображение на этом камне кораблей, вкупе с его местонахождением у древней судовой стоянки (Vierk 1983: 28–29).

Другие клещи имели длину 418 мм, длина губ до шарнирного соединения составляла 93 мм, а губы с расширенным краем в 6 мм сужаются до 1,5 мм (рис. 6.3: 5). Рукоятка при переходе от шарнирного соединения изготовлена в виде тонких пластин длиной 13 мм и шириной 2 мм; ниже эти пластины переходят под углом в стержни четырехугольного сечения со сглаженными углами. Эта форма клещей хорошо известна по древнерусским и североевропейским аналогиям. Такие орудия использовались в ювелирном производстве для установки тиглей, а также их вынимания с расплавленным металлом из горнов, или при других горновых работах (Колчин 1985: 262, 268, табл. 104: 1–3).

Еще одни клещи сохранились фрагментарно, но могут быть отнесены к группе тигельных клещей.

Следующие предметы — два длинных стержня с заостренными концами (рис. 6.3: *6, 7*). Их длина 300–305 мм. Оба стержня имеют четырехугольное сечение, в верхней части переходящее в круглое. Эти изделия относятся к разряду шильев или пробоев — универсальных инструментов для прокалывания отверстий (Колчин 1953: 63–65). Их могли использовать при обработке тонких изделий из цветных металлов. Вместе с тем малый диаметр стержней при их большой длине и отсутствии расковки верхнего края не позволяют рассматривать их в качестве кузнечно-слесарных орудий — бородков (пробойников), которые использовали для пробивания отверстий в горячих поковках (ср.: Колчин 1985: 250, 278, табл. 94: 8–10).

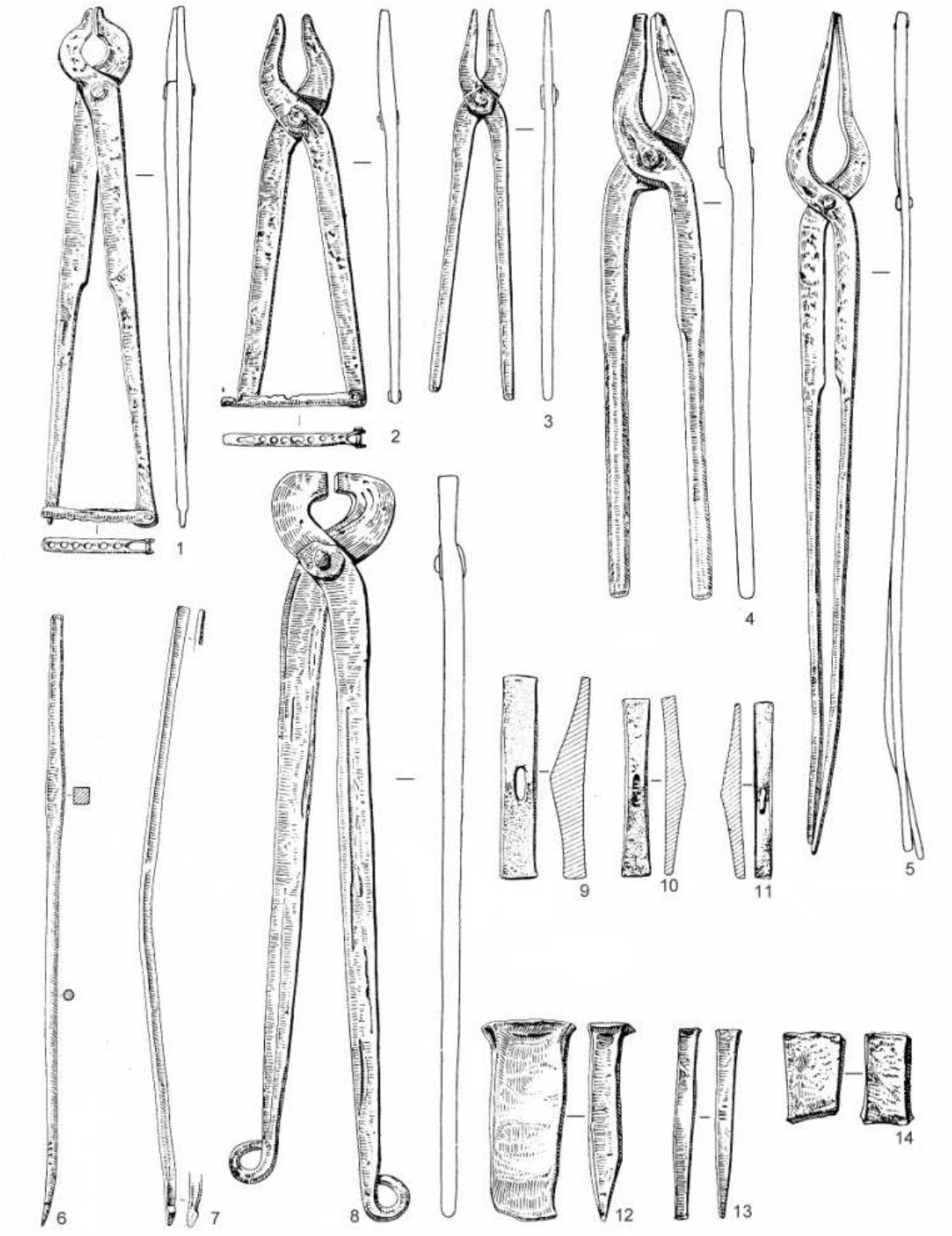


Рис. 6.3. Инструмент из производственного комплекса VIII в. *1–5, 8* — клещи; *6, 7* — стержни с заостренными концами (шилья или пробои?); *9–11* — ювелирные молоточки; *12, 13* — зубила; *14* — обломок стержня четырехугольного сечения (по: Рябинин, 1985, рис. 21)

В наборе имеется миниатюрная железная наковаленка с роговидным выступом (рис. 6.4: *1*). Она имеет четырехгранный корпус высотой 112 мм при полной высоте инструмента 125 мм. Квадратная в плане рабочая поверхность размерами 45 × 50 мм переходит в роговидный выступ длиной 93 мм, служивший для проковки кольцеобразных и втульчатых изделий. На одном крае лицевой площадки имеется круглое отверстие диаметром 6 мм. Сходные предметы найдены в древностях Скандинавии эпохи викингов (Petersen 1951: 93, 513, abb. 67; Pleiner 1962: 177, obr. 27: *14*; Müller-Wille 1977: 151–152, Taf. 8). Древнерусские наковаленки с рогом по своим параметрам существенно отличаются от ладожской находки. По заключению Б. А. Колчина, миниатюрные наковальни применялись при ковке цветного металла (Колчин 1985: 263), хотя это не исключает использования приспособлений и для мелких слесарных работ (Колчин 1953: 57–58). Однако М. Мюллер-Вилле, на основе изучения кузнечных находок в Скандинавии, пришел к выводу, что подобные наковальни преимущественно использовались для изготовления и отбивки гвоздей, а также для иных работ, в том числе ювелирных (Müller-Wille 1977: 151).

Следующие инструменты — три ювелирных молоточка (рис. 6.3: *9–11*). Самый крупный из них имеет длину 100 мм, размеры бойка 19 × 10 мм, задника 16 × 3 мм, толщину у втулки 16 мм. Второй — длину 86 мм, размеры бойка и задника 13 × 3–6 мм; третий — длину 86 мм, ширину бойка и задника 6 и 10 мм, а толщину 2–3 мм. Все инструменты имеют овальную продолговатую втулку. В них сохранились проволочные стержни для крепления к деревянным рукоятям. Использование подобных молотков для обработки цветных металлов, что отметил Е. А. Рябинин, раскрыто в трактате Теофила «Записки о разных искусствах». Сходные орудия представлены в слоях Новгорода XI в. (Колчин 1985: 263–264, 279, табл. 95: 16–17), а также на средневековых памятниках Северной Европы.

Три других инструмента — зубила (рис. 6.3: *12, 13*). Самое массивное имеет длину 100 мм и ширину лезвия около 30 мм. По своим размерам оно вписывается в разряд кузнечных зубил, использовавшихся для холодной рубки железа (Колчин 1985: 250). Два других инструмента, имевшие длину 65 и 95 мм, при ширине лезвий, соответственно, 10 и 6,5 мм, относятся к ювелирным зубилам.

Следующий инструмент — ножницы, предназначенные для резки цветного листового и полосового металла (рис. 6.4: 2). По конструкции это шарнирное орудие из двух половин с короткими режущими губами и длинными изогнутыми рукоятями. Их общая длина — около 300 мм, длина режущей части — 75–80 мм. Такие ножницы хорошо известны на древнерусских памятниках (Рындина 1963: 219, 224, рис. 12: *10, 11*; Колчин 1985: 264, 279, табл. 95: *9–11, 13*), а также в североевропейских древностях (Petersen 1951: 86, 513, abb. 64–65; Pleiner 1962: 177, obr. 27: *2*; Arbman 1962: 202, Taf. 5; Müller-Wille 1977: 156, 157, 181, 185, 187, Taf. 11: *10*, 20: *10*, 23: *4*, 24: *3*). Следует отметить, что, по данным Б. А. Колчина, древнерусские ножницы в большинстве своем имеют меньшие размеры. По своей профилировке ладожская находка наиболее близка к ножницам из клада ремесленных инструментов эпохи викингов, обнаруженного на дне высохшего озера Местермюр (Готланд), хотя последние значительно длиннее (467 мм) и датируются более поздним временем (Arwidsson, Berg 1983: 15, 31, Pl. 6, 22).

В комплексе представлены также два перовидных (ложковидных) сверла, преднамеренно согнутых вдвое (рис. 6.4: *6, 7*). Они применялись для изготовления

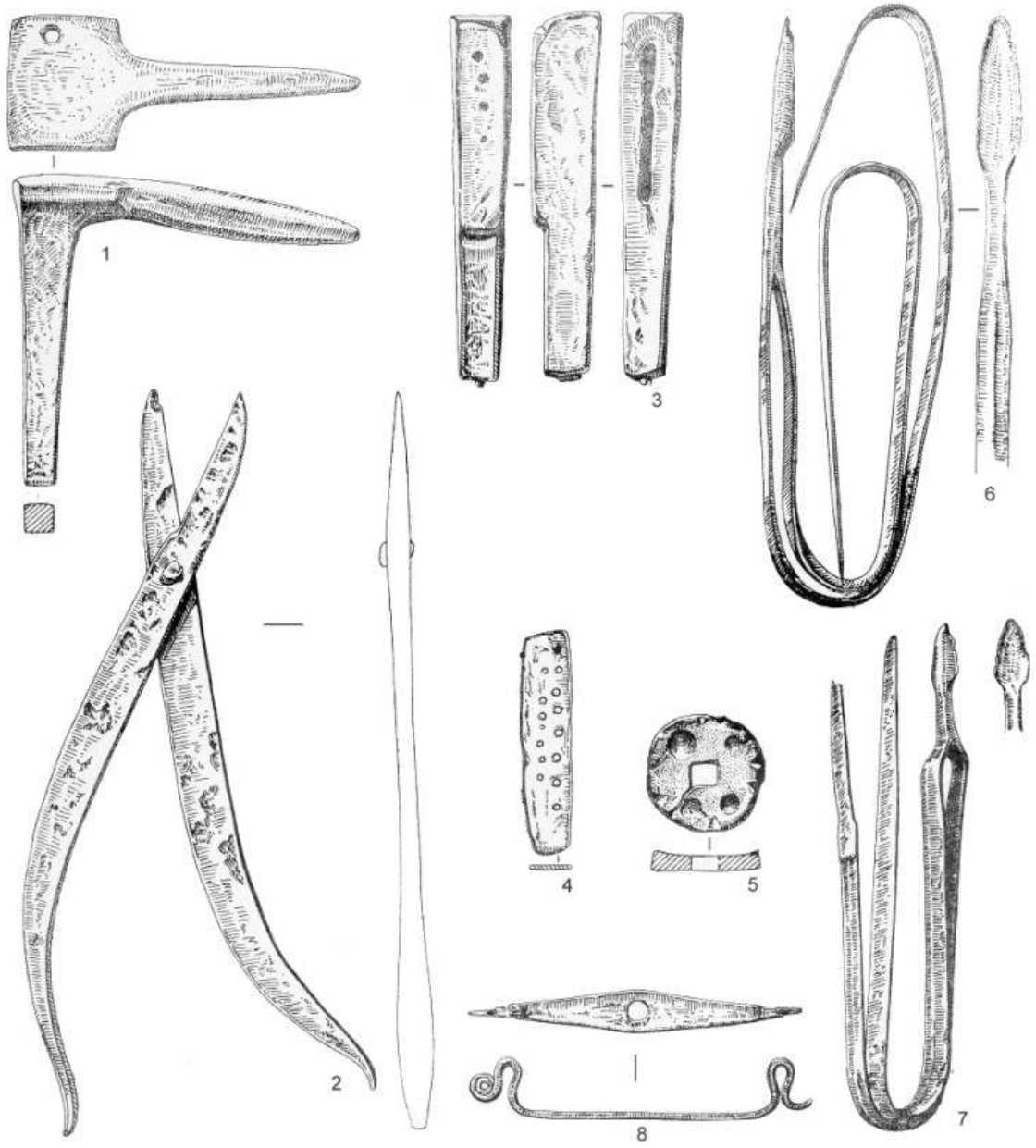


Рис. 6.4. Инструмент из производственного комплекса VIII в. *1* — наковаленка; *2* — ювелирные ножницы; *3–4* — волочильня; *5* — дисковидная пластина; *6–7* — сверла; *8* — пластинка с сужающимися концами, которые завершаются изогнутыми спиральными завитками, в центре — отверстие (по: Рябинин 1985, рис. 22)

круглых отверстий в дереве. Длина более крупного 600 мм, второго — 406 мм. Их рабочая часть имеет заостренный конец и загнутые бортики. Длина пера у крупного сверла 55 мм, а его ширина, равная диаметру отверстия в дереве, — 18 мм; длина пера у второго инструмента 25 мм, ширина 12 мм. У перовидных сверл, известных в Древней Руси и на севере Европы, стержень ручки, как правило, переходит в широко расплющенный черенок, иногда завершающийся ромбовидным острием, и сами инструменты производят впечатление одноэлементного изделия (Колчин 1953: 118–121, рис. 87: *5–7*; 1985: 257, 283, табл. 99: *11–113,* 15; Arbman 1962: 202;

Müller-Wille 1977: 189, Taf. 26:6; Arwidsson, Berg 1983: 33–34, Pl. 13: *46–50*). Особенностью ладожских находок является их конструкция, состоящая из двух отдельно изготовленных деталей — пера с шейкой и двух узких и длинных пластинчатых ручек, которые затем соединялись посредством сварки и горячей ковки. Аналоги таким орудиям неизвестны.

Известными инструментами являются также два волочила. Один предмет имеет вид массивного железного бруска четырехугольного сечения с обломанным нижним концом (рис. 6.4: *3*). Его длина 148 мм, сечение верхней части 24 × 27 мм, нижней — 18 × 18 мм. На боковой грани имеются четыре расположенных по продольной оси сквозных отверстия разного диаметра: 4,5; 3,5; 3,0 и 2,0 мм. Они соединены с продольным пазом длиной 55 и шириной 5 мм, расположенным на противоположной стороне бруска. Подобные инструменты известны в Европе с римского времени, но наибольшее сходство они обнаруживают со скандинавскими находками конца I тыс. н. э. (Pleiner 1962: 112; Foltz 1979: 213–222). Они могли использоваться как для волочения проволоки, так и для изготовления гвоздей и заклепочных головок (Petersen 1951: 101, 514, Abb. 72; Müller-Wille 1977: 156–157, 180–181, Taf. 11:6, 19:3, 20:9). Типологически близкое, но более позднее орудие из клада Вестермюр на Готланде (размеры 229 × 19–38 × 21 мм) с четырьмя коническими и одним цилиндрическим отверстиями, максимальный диаметр которых 8–11, а минимальный — 6–10 мм, интерпретируется как гвоздильная доска (Stenberger 1977: 456–457; Arwidsson, Berg 1983: 16, 31, Pl. 12, 23).

Второе волочило представляет собой продолговатую железную пластину размерами около 90 × 20 мм с 14 сквозными отверстиями различного диаметра — от 0,5 до 3,0 мм (рис. 6.4: *4*). Судя по незначительной толщине инструмента — около 2 мм — наиболее вероятно его использование для волочения тонкой проволоки из меди и бронзы. Аналогичное назначение имеет и другая волочильня, найденная в ладожской «кузнице» горизонта E_1. Она изготовлена из бронзы, но имеет сходные размеры (110 × 20 × 10 мм) (Давидан 1980: 62–63, табл. 2: *12*). Волочила данного типа получили широкое распространение в средневековых памятниках Восточной и Северной Европы.

Еще один инструмент — дисковидная железная пластина диаметром 45–47 мм и толщиной 7 мм (рис. 6.4: *5*). В центре ее имелось квадратное сквозное отверстие размером 10 мм, а по краям — четыре углубления округлой формы диаметром 5, 6, 7 и 10 мм. На бортике диска сделаны клиновидные вырезы. Аналогии такому инструменту находят среди «мягких» деревянных наковален, единичные экземпляры которых найдены в ранних слоях Новгорода. Древнейшая находка датируется X в. (Рябинин 1980: 170–171; 1985: 60). Такие «мягкие» наковальни, имевшие на верхней площадке несколько конусовидных выемок, использовались для выпуклой чеканки и тиснения ювелирных изделий (Рындина 1963: 221–222, рис. 13; Колчин 1985: 263, 291, табл. 107: *14*). Ладожская находка, очевидно, имевшая деревянную основу и соединявшаяся с ней благодаря отверстию в центре, была более прочным и долговременным в использовании инструментом, легким в транспортировке.

Сходные предметы найдены в Пскове в слоях XVI–XVII вв. Это четыре круглые, слегка выпуклые железные накладки, крепившиеся к основе через круглое или прямоугольное отверстие в центре. Диаметр пластин составляет 50–65 мм, а по их краю имеются 8–9 тисненых выпуклостей (Сергина 1983: 95, 97, рис. 15: *15*).

Еще одним предметом из «клада» была железная пластина с сужающимися концами, завершающимися спиральными завитками (рис. 6.4: *8*). Общая длина изделия 135 мм, максимальная ширина 17 мм, в центральной части имеется сквозное отверстие. Аналогичные предметы были широко распространены в Скандинавии, начиная с эпохи Вендель, и в эпоху викингов. Обычно они встречаются в комплексах с ключами и обломками деревянных ларцов (ящиков, сундуков), где используются в качестве ручек, крепившихся на крышке (Arbman 1940, Taf. 263, 265, 267–269). Известны и примеры иного использования таких предметов. В норвежском погребении X в. пластина со спиральными завитками служила для соединения сковороды с длинной железной рукоятью (Grieg 1947: 10, Pl. XII: *1*, XIII: *1*).

К орудиям ладожского ремесленника относятся также происходящие из комплекса обломок четырехгранного железного бруска размерами 42 × 25 × 20 мм, который мог быть фрагментом массивного кузнечного зубила для горячей рубки металла, и крупный точильный камень длиной 250 мм (рис. 6.3: *14*).

Е. А. Рябинин, опубликовавший весь набор инструментария, дал его историко-культурную атрибуцию. Он отметил, что набор является древнейшим для Северной и Восточной Европы и очень выразительным свидетельством появления ремесленников-профессионалов, деятельность которых носила политехнический характер, но была уже в значительной мере специализирована. Судя по составу орудий, в сферу их деятельности входили кузнечные и ювелирные работы, а также некоторые операции по обработке дерева.

Круг аналогий указывает на сходство клада, в первую очередь, с североевропейскими (скандинавскими) типами орудий. Прослеживаются параллели с богатым набором ремесленных инструментов со дна высохшего озера Местермюр на о. Готланд, относящихся к поздней эпохе викингов, которые датируются разными исследователями X в. (Foote, Wilson 1970: 179), временем около 1000 г. (Arbman 1962: 190) или, возможно, XI в. (Müller-Wille 1977: 190). Высказано предположение, что инструментарий оказался на дне озера в результате несчастного случая — затонула лодка или провалились под лед сани хозяина этого ларца (Stenberger 1977: 456).

Мнение о северном происхождении как самого ладожского клада, так и его владельца, высказанное Е. А. Рябининым после рассмотрения западных комплексов аналогичного инвентаря, прежде всего набора из Местермюра (Рябинин 1980: 161 и след.; 1985: 55–64), поддержал Х. Фирк, посвятивший этому комплексу специальное исследование (Vierk 1983: 28–35).

Самостоятельным видом производства в ранней Ладоге Е. А. Рябинин считал кузнечно-слесарное. Активная обработка железа на раскопанном участке поселения документирована концентрацией на ограниченном пространстве 125 находок из металла. Большинство их найдено в пределах кузницы и «холодной» мастерской. Среди них преобладают отходы пластин, проволоки, стержней, кусков железа, а также заготовки и полуфабрикаты изделий (рис. 6.5: *13–34*). Состав отходов, включая заготовки дрота, находит полное соответствие с набором из мест металлообработки раннесредневекового ремесленного центра Хельго в Швеции (Werner 1981: 39–62).

Наряду с многочисленными образцами, назначение которых трудно объяснить, встречены серии заготовок и незаконченных изделий, вполне сопоставимых с конечной продукцией. Обращение к ним позволяет определить основные

Рис. 6.5. Остатки железообработки из производственного комплекса VIII в.
1–4 — ладейные заклепки и их фрагменты; *5* — гвоздь; *6* — угловая оковка; *9* — наконечник стрелы; *10–12* — клинки ножей, *13–34* — заготовки (железные пластинки, стержни, проволока) (по: Рябинин, 1985, рис. 24)

направления кузнечно-слесарной деятельности ладожских мастеров. Серийными находками являются ладейные заклепки (рис. 6.5: *1–4*), гвозди, ножи трех типов (рис. 6.5: *10–12*), наконечники стрел различных типов (рис. 6.5: *9*) и рыболовные крючки. Остальные находки, которые можно относить к продукции кузнецов, представлены единично. В числе их угловая оковка ларца или сундука, игла от фибулы, массивное кольцо с надетой на него пластиной и некоторые другие. Кроме этого, здесь же найдены семь крупных точильных камней и оселков, служивших для заточки и окончательной обработки железных изделий.

Можно отметить, что ладожский «клад» инструментов является одним из самых полных наборов инструментария в раннесредневековой Европе. В настоящее время количество находок постоянно увеличивается. Стоит упомянуть большую серию кузнечных инструментов с поселения Гамзиград II в Сербии, которое считают специализированным центром железообработки (Бугарски, Иванишевић 2013: 139, сл. 5, 12). При этом наборы инструментария показывают, что специалисты по плавке и обработке металлов в раннем средневековье могли совмещать несколько направлений, которые позднее стали самостоятельными специальностями — обработку железа, обработку цветных металлов и даже обработку драгоценных металлов (Armbruster 2012: 195 et al.). Наиболее полный обзор литературы по кладам кузнечных инструментов, а также краткое описание ладожского клада даны в работе московских коллег (Завьялов и др. 2012: 41–44, 48–49). К сожалению, метрические и металлографические сравнительные анализы инструментов не выполнены до настоящего времени. Но имеются металлографические исследования ладожского набора, выполненные Л. С. Розановой (Розанова 1994: 175 и след.).

Становление средневекового кузнечного производства на Северо-Западе Руси и традиции раннего железоделательного производства давно стали предметом внимания специалистов. После открытия в Ладоге стационарной кузницы с горновым устройством Е. А. Рябинин справедливо задавался вопросом о связи ладожского железоделательного производства с традициями «античной зоны». Такое предположение высказал специалист в области раннесредневекового кузнечного ремесла Европы Х. Фирк. Под указанной зоной он подразумевал обширную территорию с более или менее развитой городской культурой, сложившейся на землях (или в областях влияния) бывшего римского *civitas* и сохранявшей традиции предшествующего времени (Vierk 1983: 29–30).

О сильном скандинавском влиянии на кузнечные традиции Северной Руси VIII — начала XII в. по материалам изучения массовой категории железных предметов — ножей — ранее других написал Р. С. Минасян (Минасян 1980: 72–74). Он выделил в Восточной Европе особую IV группу ножей, которые в меровингское и викингское время бытовали в Норвегии и Швеции. Наиболее ранние находки их в Восточной Европе встречены в горизонтах E_3–E_1 Староладожского Земляного городища (760–830-е гг.) (Черных 1985а: 80). Эта группа ножей отличается не только внешним видом, но и по технике выделки, показывая сварку трехслойным пакетом (железо — сталь — железо), что значительно повышает эксплуатационные качества изделий (Хомутова 1984: 208).

Многочисленные исследования западных ученых показали: железо было одним из основных товаров, производимых в Скандинавии в эпоху викингов. По мнению отечественных исследователей истории железного дела, на Севере Европы железодобывающее производство в последней четверти I тыс. н. э. опиралось на мощную металлургическую базу (Завьялов и др. 2012: 38 и след.). В Норвегии добыча железа именно в это время достигает своего пика (Martens 1982: 29). В Швеции металлургия железа интенсивно развивалась уже в вендельский период. Железная руда из Швеции ввозилась для переработки в Хедебю. О масштабах кузнечного производства на этом поселении свидетельствуют многочисленные находки кузнечных шлаков, общее количество которых достигает 3,5 т (Westphalen 1989). На основе привозного железа возникает высокоразвитый кузнечный центр на Готланде (Херрман 1986: 105–106).

Железу, производимому для продажи, придавали форму определенных предметов: в норвежских центрах — форму топора, в шведских мастерских — поковок лопатовидных и кос. Стандартизация товарных полуфабрикатов по размерам и весу (выделено четыре основные группы) показывает, что они служили и единицей обмена (Pleiner 2006: 46).

Кузнечное ремесло в Скандинавии имеет долгую историю. Уже в раннем железном веке здесь фиксируются погребения профессиональных кузнецов, что свидетельствует об их высоком социальном статусе. Особенно ярко это проявилось в эпоху викингов, когда число скандинавских захоронений с кузнечным инвентарем значительно увеличилось (Müller-Wille 1977: 153; Arwidsson, Berg 1983: 23). Высокое положение кузнеца в скандинавском обществе подтверждают и саги.

Однако особую ценность скандинавскому железу придавали не только мастерство кузнецов, но и природные особенности железных руд, содержавших фосфор в значимых долях. Такие руды широко распространены в Северной Европе. Как отмечают специалисты, фосфор оказывает свое действие при содержании более 0,1 %, при этом его повышенное содержание значительно увеличивает твердость железа (Завьялов и др. 2012: 43).

Интересные данные были получены в ходе металлографического исследования железных предметов на разных памятниках Поволховья. Специалисты отмечают как характерную черту технологических традиций Северной Руси преобладание сварных технологических конструкций из железа и стали над цельнометаллическими. Для IX–XI вв. характерны трехслойная и вварная схемы, а для XII–XV вв. — наварка. Сравнение материалов ранней Ладоги с ближайшим к ней памятником — Любшанским городищем — приводит исследователей к выводу, что материалы последнего выпадают из общей схемы развития технологии в Северной Руси: на нем преобладает отковка целиком из железа или стали. Это сближает любшанские материалы с изделиями сельских памятников Поволховья и Приильменья, в то время как ладожские находки сопоставимы с раннегородскими поселениями Северной Руси (Розанова 1994; Розанова и др. 2008: 46–47).

Косторезное дело

Несомненно местным ладожским ремеслом со времени основания поселения О. И. Давидан называла косторезное, в котором наиболее массовым и стандартизованным производством являлось изготовление односторонних гребней. Специальное изучение показало, что все находки таких гребней привязаны к слоям VIII–X вв., хотя часть их она определяет как происходящие из «слоя X–XI вв.». Вероятно, здесь наблюдается случай смешения и перемещения ранних отложений (Давидан 1962: табл. 3; Древности, 1995, № 332–343). О. И. Давидан систематизировала ладожскую коллекцию гребней, выделив две группы — односторонние и двусторонние изделия. Среди односторонних большинство составляют наборные гребни; только отдельные экземпляры являются цельными, то есть вырезанными из одного куска рога. В свою очередь наборные гребни были разделены на две группы по форме и орнаменту (рис. 6.6; 6.7).

Рис. 6.6. Костяные составные гребни скандинавско-фризских типов. Конец VIII — IX в. (по: Рябинин, Коротенко 2003, рис. на с. 117)

Со слоями эпохи викингов связана большая часть роговых заготовок и кусков рога со следами обработки (всего найдено 438). Большинство из них относится к горизонту Д и значительно меньше — к толще горизонта Е (Там же: 103; Древности… 1995, № 346, 347). Такая концентрация отходов рога, с одной стороны, свидетельствует о несомненном изготовлении гребней и других изделий на месте. С другой — говорит о достаточно скромном масштабе косторезного производства. В свое время Евгений Цнотливый для выделения косторезной мастерской определил минимальный объем отходов в 100 находок (Cnotliwy 1970: 516). Но крупные производства эпохи средневековья показывают порой необычайно мощные залежи отходов, как, например, в датском городе Виборг, описанном Джеспером Ньерминдом (Hjermind 2006: 625–639).

Вероятно, ладожские ремесленники снабжали гребнями в первую очередь самих ладожан и жителей ближайшей округи. Об этом свидетельствуют находки гребней, подобных староладожским, в курганах и на поселениях Южного Приладожья. Впрочем, с уверенностью определить место производства трудно, ибо достоверно разделить все ладожские находки на местные и привозные невозможно (Давидан 1977: 104).

В более ранней работе О. И. Давидан детально рассмотрела технические приемы производства наборных односторонних гребней и потребный для этого инструментарий. Реконструированный ею процесс изготовления включал несколько стадий: 1) выпиливание заготовок для накладок и зубчатых пластин; 2) обработку накладок; 3) нанесение на них орнамента; 4) сборку гребня; 5) прорезку зубьев. Она правомерно пришла к выводу, что «применение косторезами сложного набора инструментов (топоры, ножи, резцы, долота, сверла, напильники, инструменты для нанесения кружкового орнамента) свидетельствует о выделении косторезного

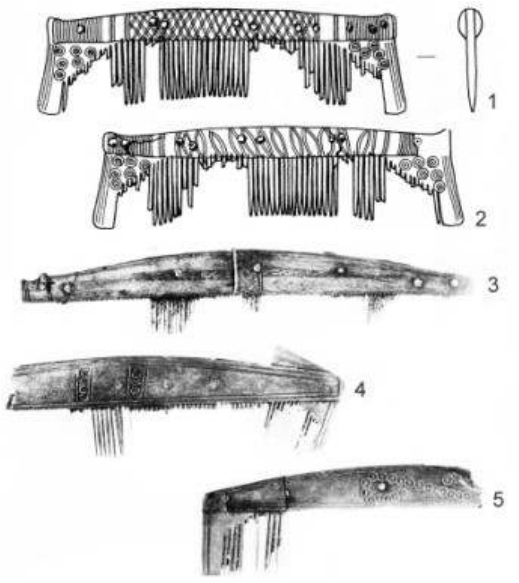


Рис. 6.7. Костяные гребни. IX — начало XI в. *1, 2* — раскопки А. Н. Кирпичникова; *3–5* — раскопки В. П. Петренко (по: Кирпичников, Сарабьянов 2013, рис. на с. 64)

дела в особую отрасль ремесла не позднее IX–X вв.» (Давидан 1962: 108).

Поскольку речь в работе идет о гребнях общеевропейского типа, отличающихся поразительной стандартностью форм, пропорций и орнаментации и выполненных при этом почти исключительно из одного сырья (рог оленя, лося), реконструкции и заключения зарубежных специалистов могут быть приложимы к древнерусскому материалу. В этом убеждают и следы производства гребней, обнаруженные при раскопках древнерусских городов. О. А. Кондратьева дополняет технологическую цепочку, считая необходимым выделять в качестве самостоятельных операции обработки зубчатых пластин и художественной раскраски некоторых изделий. Аналогичные операции и в той же последовательности производили и западноевропейские косторезы (Кондратьева 2004: 78).

К бесспорным признакам местного производства костяных фризских гребней на раннем этапе существования Ладоги О. И. Давидан отнесла находки здесь подражаний несомненным изделиям с низовьев Рейна, которые она назвала «вещи-гибриды» (Давидан 1966; 1968; 1971; 1977). Позднее выводы о местной переработке заимствованных форм односторонних наборных гребней в самой Ладоге подтвердила О. А. Кондратьева (Кондратьева 2011: 124–125).

Стоит отметить присутствие в Ладоге предметов из кости и рога, изготовленных в другой традиции — финно-угорской. В напластованиях второй половины IX–X в. на Староладожском поселении найдено пять односторонних резных гребней со спинками, украшенными парными фигурками или головками животных и птиц (медведей, лошадей, лебедей). Один из них, по мнению О. И. Давидан, представлял собой незаконченное изделие (Давидан 1962: 101–103, рис. 4: *1, 3*; Петренко 1984: 85–86, рис. 2: *1*; Равдоникас 1949а, рис. 33: *1*). Кроме того, в Ладоге найдена роговая заготовка для изготовления гребня такого типа (Петренко 1984: 87, рис. 2: *2*).

Подобные гребни в конце I тыс. н. э. были распространены на территории от Эстонии до Прикамья. В специальной статье о зооморфных гребнях О. А. Кондратьева описывала их как «яркое проявление финно-угорской средневековой художественной культуры». Она отмечала, что гребни, украшенные парными головками лебедей, в основном встречены на памятниках прибалтийских финнов, тогда как гребни с изображениями коней и медведей характерны для восточнофинских районов (Кондратьева 1981: 108).

Кроме гребней к продукции прибалтийско-финского косторезного ремесла, по-видимому, относится и роговая булавка, чью головку украшают стилизованные изображения двух лебедей. Изделие встречено в комплексе X в. в раскопе на

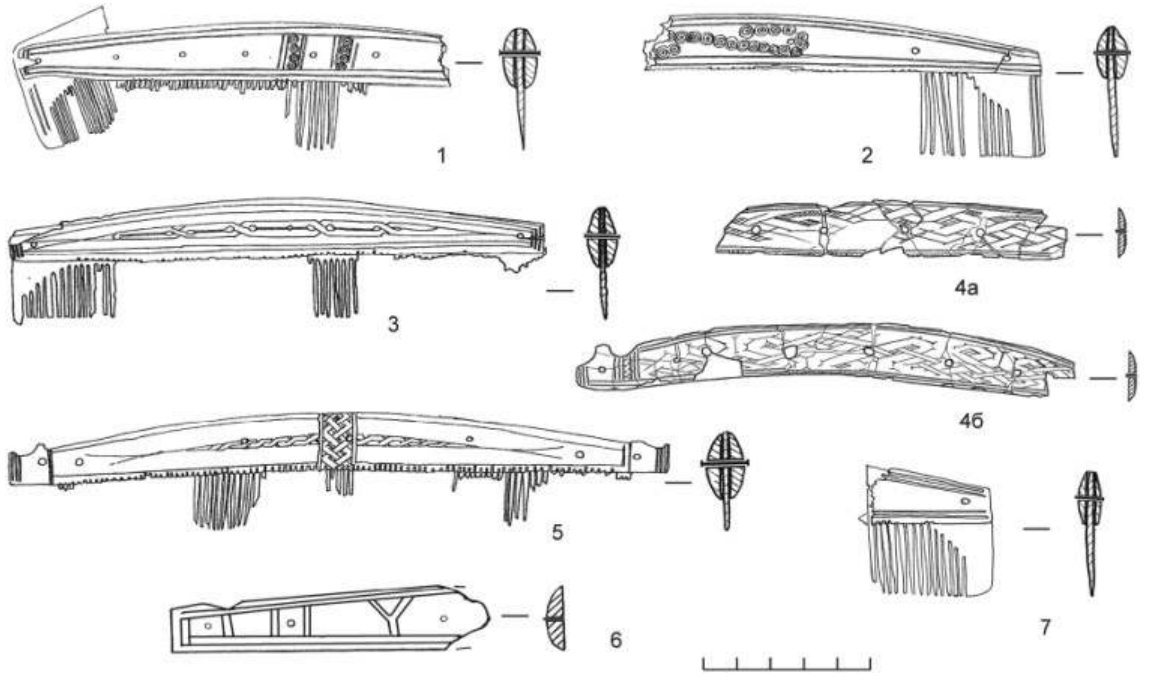


Рис. 6.8. Раскоп на Варяжской улице. Изделия из кости и рога. Односторонние составные гребни I группы (по О. И. Давидан). *1, 2* — тип 1-в; *3* — тип 1-г; *4а, 4б* — тип 2-б; *5* — тип 2-в; *6, 7* — неопределенный тип (по: Иванова И., Иванова Н. 2012, рис. 2)

Варяжской улице (Кондратьева 1981: 106; Петренко 1984: 86, рис. 2: 7). Здесь же найдена и костяная копоушка — предмет, характерный для древностей поволжских и прикамских финнов (Петренко 1984: 86, рис. 2: *3*; Леонтьев 1996: 147–150).

Сравнительно недавно из печати вышла новая работа по косторезному ремеслу ранней Ладоги, построенная на материалах раскопок В. П. Петренко на Варяжской улице (Иванова И., Иванова Н. 2012: 124 и след.). На этом раскопе в 1972–1977 гг. была собрана значительная коллекция предметов из рога и кости, включающая, судя по полевым описям, 674 ед. (456 изделий и 218 заготовок). Авторы отмечают, что общее количество костяных изделий, найденных на Земляном городище до середины 1980-х гг. включительно, вместе с находками на Ладожском посаде, составляет немногим более 1000 предметов. Однако реальное количество находок значительно больше, поскольку, например, из раскопок Е. А. Рябинина на Земляном городище в 1973–1985 гг. авторы учитывали только гребни (по-видимому, основываясь на работе О. И. Давидан) (Давидан 1999: 167 и след.).

И. В. Иванова и Н. Ю. Иванова выделили на Ладожском посаде несколько групп предметов из кости. Наиболее многочисленную составляют гребни — односторонние составные, односторонние цельные и двусторонние. Кроме того, встречены копоушки, ложки, булавки, подвески, пуговицы и застежки, кольца, иглы, пряслица, предметы для плетения, проколки, рукояти, игольники, предметы вооружения, охоты и рыбной ловли, предметы для игр, коньки и заготовки (рис. 6.8–6.11).

Изучение коллекции с Варяжской улицы показало, что учтенные 218 заготовок происходят в основном из слоев IX–XIV вв., но наибольшая их часть концентрируется в слоях второй половины X в. Авторами было проведено планиграфическое

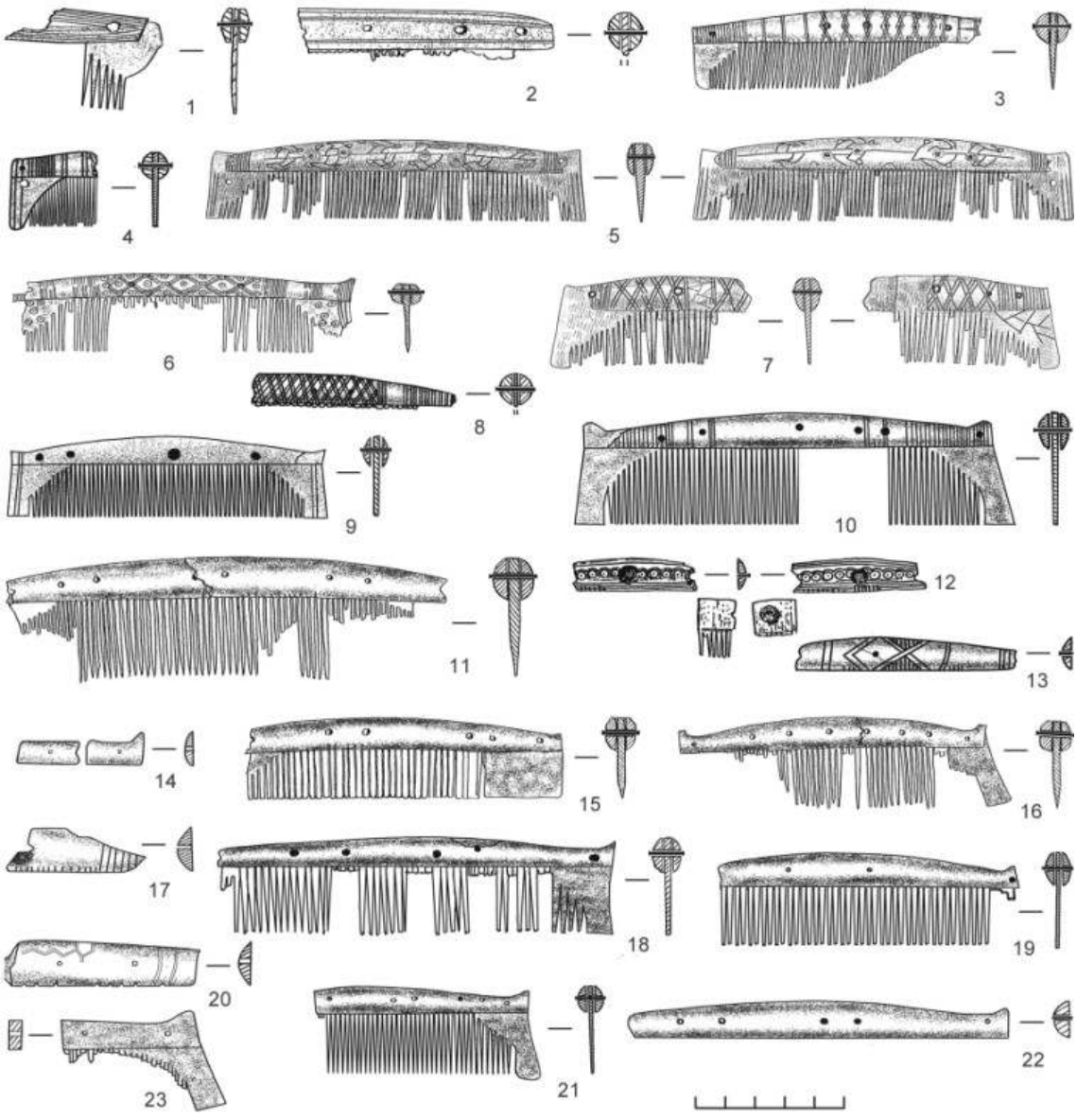


Рис. 6.9. Раскоп на Варяжской улице. Изделия из кости и рога. Односторонние составные гребни II группы (по О. И. Давидан). *1–4* — тип 1; *5–19, 21–23* — тип 2; *17, 20* — обломки гребней неопределенного типа (по: Иванова И., Иванова Н. 2012, рис. 3)

исследование распространения продукции косторезов в слое Ладожского посада вместе с находками янтаря, тигельков и шлаков. Вкупе с анализом всего вещевого материала из комплексов второй половины X в. это позволило выявить «жилище-мастерскую» костореза в юго-восточной части раскопа В. П. Петренко. Оно представляло собой многокамерный комплекс, фиксируемый во 2-, 3- и 4-м основных горизонтах (970–990-е гг.). Состоял он из трех срубов (постройки 9, 11 и 12) и соединяющей их легкой постройки 10 (Петренко 1985: 85–95). Это уже вторая косторезная мастерская, археологически зафиксированная в ранней Ладоге. До этого подобный комплекс, относящийся к тому же времени (горизонт Д), был выявлен на Земляном городище (Давидан 1977: 103).

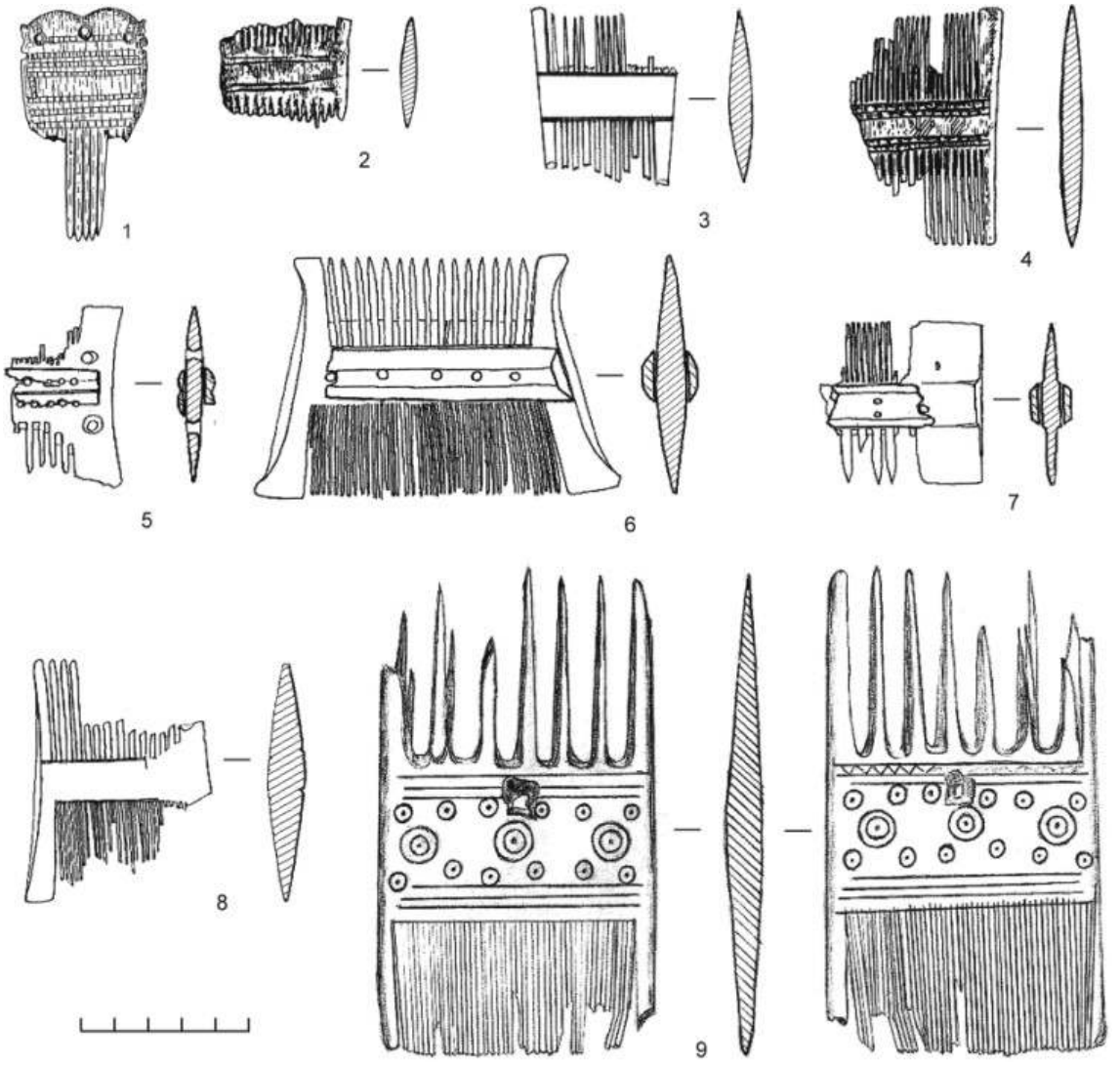


Рис. 6.10. Односторонний цельный и двусторонние гребни.
1 — односторонний с резной спинкой; *2–4, 8* — цельные гребни;
5–7 — составные гребни; *9* — самшитовый гребень
(по: Иванова И., Иванова Н. 2012, рис. 4)

И. В. Иванова и Н. Ю. Иванова отметили также, что при несомненном сходстве коллекций из кости и рога с Земляного городища и посада, включающих одни и те же группы изделий, материал из раскопа на Варяжской улице имеет свои особенности. Некоторые типы изделий этого собрания, например булавки, отличаются разнообразием и высоким уровнем обработки по сравнению с соответствующими изделиями с Земляного городища.

Тот факт, что на Ладожском поселении изделия из кости составляют примерно 1/3 от всех индивидуальных находок, вкупе с наличием в слоях второй половины X в. двух косторезных мастерских, позволил авторам утверждать, что в указанный период косторезное ремесло стало в Ладоге одним из основных ремесленных занятий, наравне с обработкой железа, ювелирным и стеклодувным производствами. Также они отметили широкое использование костяных и роговых изделий

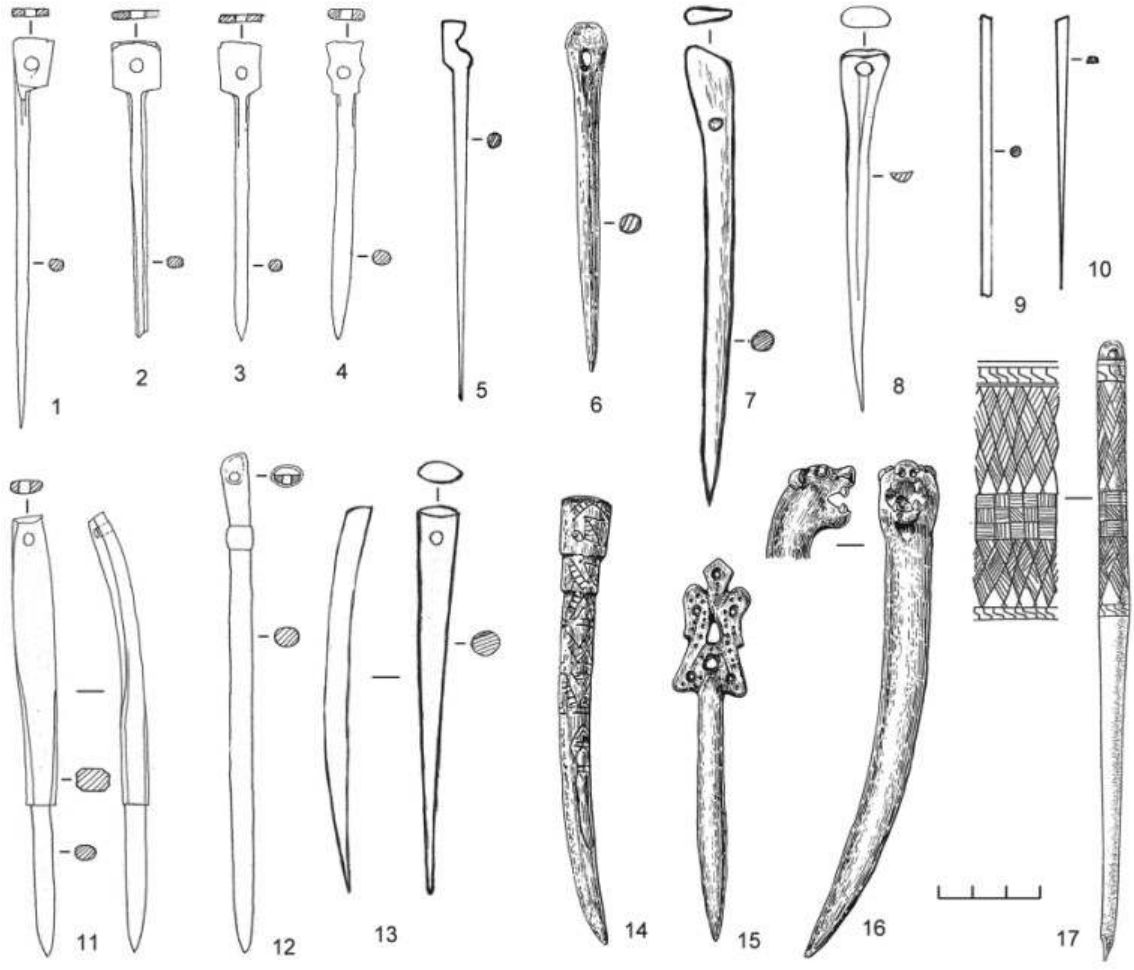


Рис. 6.11. Раскоп на Варяжской улице. Изделия из кости и рога. Булавки и острия (по: Иванова И., Иванова Н. 2012, рис. 6)

в быту с момента основания поселения и повышение качества выделки изделий, ближайшие аналогии которым фиксируются на памятниках южного побережья Балтийского и Северного морей — Волин, Колобжег, Хедебю, Дорестад, Елисенхоф. К концу X в. связи Ладоги с указанными центрами сохраняются, причем наблюдается тенденция к расширению ассортимента костяных и роговых изделий. Все это позволяет считать Ладогу второй половины X в. одним из крупных центров косторезного производства Северной Руси (Иванова И., Иванова Н. 2012: 142). Между тем в указанной работе 1999 г. О. И. Давидан отмечала: «Что касается Ладоги, то мы остаемся при прежнем мнении, что гребни VIII–IX вв. были в основном привозными и только отдельные экземпляры изготовлялись на месте, очевидно, приезжими мастерами» (Давидан 1999: 174).

О развитии связей Ладоги с другими центрами Северной Европы по материалам косторезного ремесла говорят и своеобразные формы изделий, например, односторонние наборные гребни с накладками из медных сплавов, поверхность которых декорирована в технике чернения. Первая такая находка обнаружена на Земляном городище в 1948 г. и отнесена к горизонту Д; вторая зафиксирована там же в 2016 г. (рис. 6.12). Исследователи отмечают, что все находки таких гребней на территории

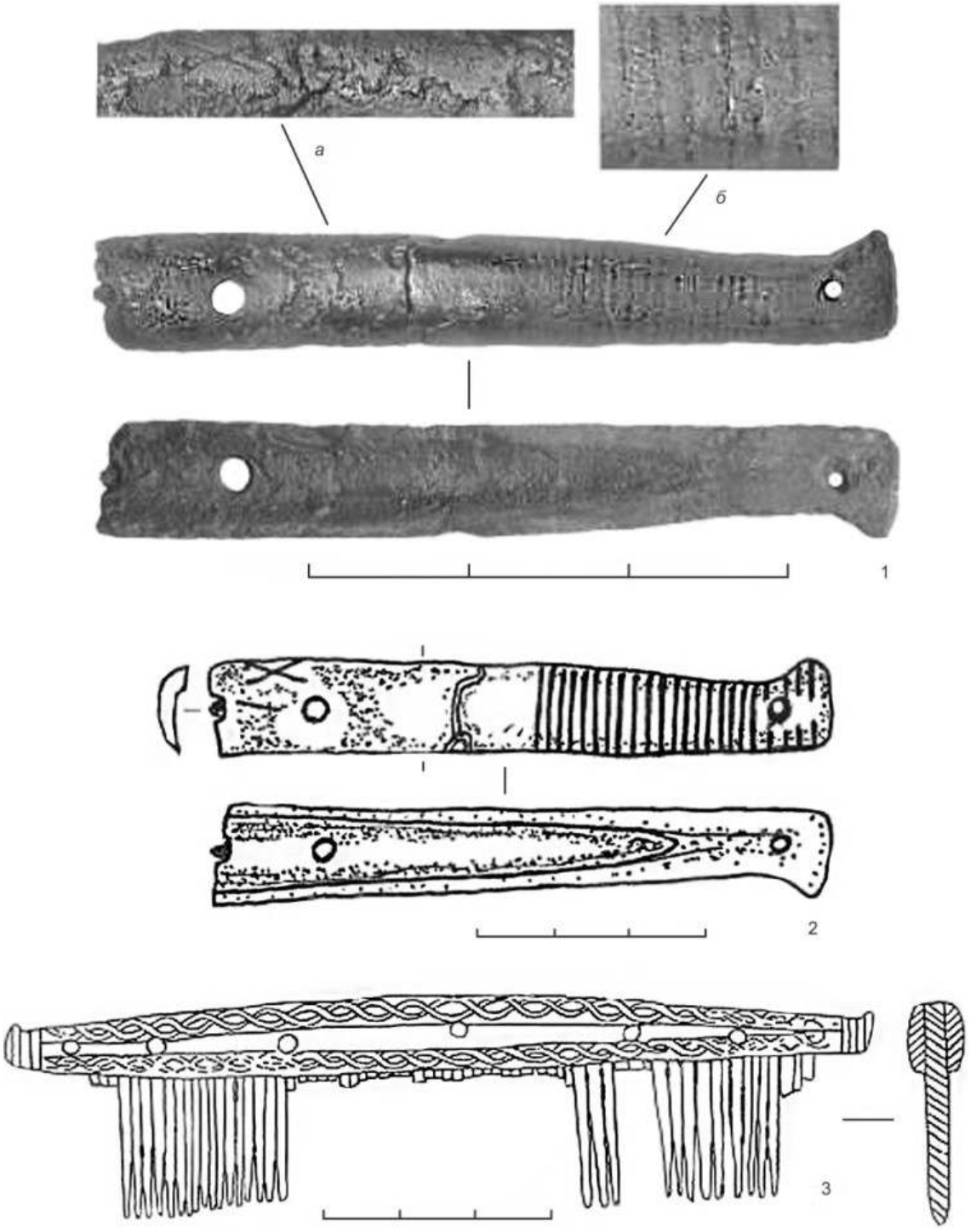


Рис. 6.12. Гребни с металлическими накладками с Земляного городища Старой Ладоги: *1, 2* — фрагмент металлической накладки гребня из раскопок 2016 г. (фото и прорисовка): *а* — сохранившиеся элемент гравировки (увеличено в два раза); *б* — декор из черни (увеличено в два раза); медный сплав; *3* — гребень из раскопок 1948 г.; рог, медный сплав (по: Горлов, Григорьева 2017, рис. 2)

Древней Руси связаны с комплексами, где в материальной культуре имеются признаки присутствия скандинавов (Горлов, Григорьева 2017: 288–289). На территории Руси время бытования гребней с металлическими накладками совпадает с появлением односторонних наборных гребней с футлярами из кости. Обе разновидности вещей, являясь элитарными предметами, одновременно отражают завершающую фазу эволюции этих изделий, своего рода высшую ступень их развития. Им на смену приходят более простые двусторонние гребни, мало напоминающие роскошные образцы предшествующего времени.

Деревообработка и токарное дело

Повсеместно распространенное домашнее занятие — обработка дерева и изготовление деревянной утвари — постепенно становится в раннесредневековых обществах Европы IX–X вв. специализированным ремеслом. Этому в значительной степени способствовало широкое распространение токарного станка. Именно появление точеных сосудов в составе других привозных изделий отличает сложение единого североевропейского рынка. Уже ранние слои Новгорода содержали находки точеной посуды из местных пород дерева, а также токарные резцы двух видов — для наружной и внутренней обточки дерева (Колчин 1959: 42–43; 1964: 11–13). По мнению Б. А. Колчина, токарные инструменты — стамеска и резец — хорошо представленные в древнерусских материалах, уже в X в. имели развитые формы, близкие к современным. Это позволило токарям массово изготовлять деревянную посуду (Колчин 1953: 123).

Изучая коллекцию деревянных находок из древнейших слоев Ладоги, С. Н. Орлов отметил: «Устанавливается наличие токарного станка по находкам из культурного слоя IX в., среди которых имеются не только точеные изделия, как остатки мисок, кубышек, веретен, но и некоторые детали от самого станка» (Орлов 1954: 10). В ремесленные специальности, отличая их от домашних занятий, С. Н. Орлов занес и выделку кожи: «Находки остатков аппарата — „беляка“ — для разминания вделанных кож и „крюка“ для размягчения шкур в скорняжном производстве свидетельствуют о том, что в IX в. эти отрасли производства имеют явно ремесленный характер» (Орлов 1954: 11).

О. И. Давидан обратила внимание на большую коллекцию точеных изделий из кости и дерева в раннесредневековых слоях Ладоги, что дало основание говорить о появлении токарного станка в Северной Руси ранее X в. (Давидан 1970: 82). Кроме того, еще раньше С. Н. Орлов выделил в Ладоге в горизонтах Е помимо готовых точеных изделий и бракованной костяной обточенной рукояти детали, определенные им как части токарного станка. Это обломки лучков, с помощью которых станок приводился в движение, а рядом с ними — детали неопределенного назначения (Орлов 1954: 10). Поскольку лучки могли использоваться для разных целей, О. И. Давидан назвала их связь с токарным делом весьма условной (Давидан 1970: 84).

Тем не менее она считала возможным предполагать, что токарный станок в Ладоге бытовал со времени ее основания, то есть со второй половины VIII в., значительно раньше, чем в западнославянских землях на территории Польши и Чехии.

Там точеные изделия встречены в слоях, датированных IX–X вв., например, в Волине, Колобжеге, Щецине, Старом Месте (Прага), Гданьске, Гнезно и других городах (Там же). Дополнения по этому вопросу О. И. Давидан изложила в работе 1991 г., подтверждая ранее сделанные выводы, что «ладожские находки на полтора — два столетия древнее новгородских и являются самыми ранними токарными изделиями на территории Древней Руси» (Давидан 1991: 131).

Обработка янтаря

Это занятие прочно связывается с развитием специализированного ремесла на раннесредневековых торгово-ремесленных поселениях Западной Европы. Из раскопок ранней Ладоги происходит несколько сотен находок янтарных изделий, заготовок и кусков необработанного янтаря. Единственная попытка систематизации этих материалов была предпринята О. И. Давидан. Однако ее работа включает только коллекцию, полученную в ходе работ экспедиции В. И. Равдоникаса в 1930–1950-х гг. Исследовательница отметила, что Ладога является единственным памятником на Северо-Западе Руси, где в слоях VIII–X вв. собрана значительная коллекция янтаря (Давидан 1984: 118 и след.). В работе учтена 321 находка, выделены готовые изделия, полуфабрикаты и куски янтаря. Предметы распределяются по горизонтам неравномерно. Наибольшее число находок собрано в горизонте Д, однако десятки находок в горизонтах $Е_1$–$Е_3$ показывают отнюдь не случайное присутствие янтаря и в самых ранних слоях. Особенно много находок относится к горизонту $Е_2$: 9 различных бусин, 6 заготовок и 53 куска янтаря.

Планиграфия продуктов косторезного ремесла, а также находок янтаря, тиглей и литейных форм была сделана О. И. Давидан для горизонта Д, где отмечено максимальное число таких находок. При этом были выделены зоны скоплений заготовок в северо-восточной части раскопа В. И. Равдоникаса, с максимальной концентрацией таких находок в районе четырех построек, которые предположительно являлись местами работы по кости. Эти же постройки могли быть и местами обработки янтаря (Давидан 1977: 101 и след., рис. 1). Существование ремесленного производства в условиях жилого дома при сочетании разных ремесел в рамках одного хозяйства известно по раскопкам в целом ряде городов Древней Руси — Киеве, Старой Рязани, Серенске, Воине, Тушкове, Орешке, на Екимауцком городище. Чаще всего в таком жилище-мастерской обрабатывали металл (железо и бронзу), рог, кость, янтарь и дерево.

Исследователи неоднократно указывали в специальных работах, что техника обработки рога и кости очень близка к технике обработки дерева и янтаря. Исследования польских археологов показали, что косторезы городов Поморья также занимались и обработкой янтаря. Сочетание обработки кости и янтаря отмечено, например, в раннесредневековых городах Польши — Колобжеге и Волине.

Показательна следующая статистика находок янтаря на Ладожском поселении. Коллекция их включает 321 ед. Из них 217 находок являлись кусками янтаря. Также выделено 85 готовых изделий и 17 полуфабрикатов. Большинство законченных изделий — это различной формы бусы. Иные изделия — подвески, игральные шашки, пуговица, кольцо, скульптурная головка, крестики — представлены единичными находками.

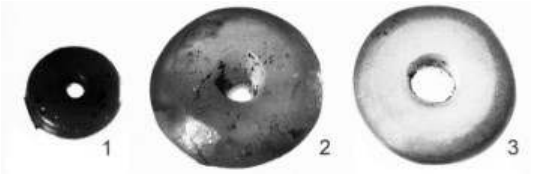


Рис. 6.13. Бусы из стекла и янтаря конца VIII — X в. *1* — стекло темно-зеленое; *2–3* — янтарь (по: Рябинин, Коротенко 2003: 113)

Орудий для обработки янтаря на памятнике не найдено, но на основании изучения готовой продукции и заготовок О. И. Давидан сделала ряд выводов о способах обработки этого материала. На ряде предметов отмечены ножевые срезы, на других предметах — следы обточки на станке. Поверхность многих бусин хорошо заполирована. Отверстия в бусинах делали двумя способами: цилиндрические отверстия получались при сверлении тонким металлическим сверлом круглого сечения, тогда как цилиндрические отверстия, сужающиеся к середине сверлины, выполнялись с двух сторон иными инструментами.

В целом ассортимент ладожских изделий можно считать обычным для широкого круга средневековых памятников, и только три предмета (скульптурная головка и две игральные шашки) автор предложила связывать по происхождению со Скандинавией. Начало обработки янтаря в Ладоге О. И. Давидан относит ко времени основания поселения, подтверждая такой же вывод, сделанный ранее Ф. Д. Гуревич (Гуревич 1950: 182–183).

Позднее тему обработки янтаря в контексте изучения становления местного стеклоделия развивал Е. А. Рябинин. В материалах своих раскопок он зафиксировал факт концентрации в ремесленной зоне не менее 300 необработанных кусков и осколков янтаря (рис. 6.13). Последние, по его наблюдениям, сосредоточивались в основном в жилищах стеклоделов и рядом с ними. Здесь же были найдены 26 заготовок и целых экземпляров янтарных бус. Столь отчетливые следы обработки янтаря в древнейших слоях Земляного городища были зафиксированы впервые (Рябинин 1997: 49; ср. Давидан 1984: 118 и след.). Наблюдается несомненная взаимосвязь работ мастеров по изготовлению бус из стекла и производства аналогичных украшений из другого привозного материала — янтаря, который начал поступать в массовом количестве уже в последней четверти VIII в. При этом в процессе фиксации находок на Земляном городище достоверно прослежено, что сотни бус, найденные в постройках, образовывали скопления на остатках крупных берестяных туесов и кусках мешковины. В них справедливо видеть места хранения товарной продукции.

Стеклоделие

Впервые вопрос о возможности изготовления стеклянных бус в древней Ладоге, где они исчисляются тысячами, поставила Ф. Д. Гуревич. Впрочем, исследовательница специально оговорила, что несомненных мастерских там пока не найдено (Гуревич 1950: 170 и след.). Эта тема была заново поднята в 1961 г. З. А. Львовой (Львова 1961: 231–239). Предположение сразу же поддержали польские коллеги, изучавшие материалы Волина (Olczak, Jasiewiczowa 1963: 116–120). Основанием для гипотезы о существовании ладожского стекловарения в основном служили находки стеклообразных шлаков и тиглей со стеклистыми натеками, сконцентрированные в одном из комплексов X в., а также бракованные бусы без отверстий для нити.

Позднее материалы древнейших слоев Ладоги были внимательно изучены и переосмыслены З. А. Львовой. Характеризуя разновидности брака, она пришла к выводу о возможном производстве здесь в VIII–IX вв. стеклянных украшений из привозных полуфабрикатов или, что более вероятно, из стеклянного боя (Львова 1961: 231–239).

В 1970 г. З. А. Львова и Д. В. Наумов провели комплексное изучение стекол, отходов и полуфабрикатов с использованием данных полуколичественного спектрального анализа. Выяснилось, что целый ряд привлекавшихся ранее находок не имеет отношения к рассматриваемому производству. А наиболее достоверные отходы составляют не более 2,12 % от общего числа стеклянных бус. Отсутствие следов мастерской и незначительность вещественных доказательств этого ремесла не позволяли с уверенностью говорить о местном стеклоделии, хотя З. А. Львова признавала, что «вероятность такого производства безусловно есть...» (Львова 1970: 109; Львова, Наумов 1970: 179–186).

Позднее Ю. Кальмер, ссылаясь на разработки З. А. Львовой, пришел к мысли о том, что бракованные изделия могли попасть на поселение вместе с массой импортированных бус: «Небольшое число находок в Старой Ладоге, возможно, было связано с бусоделием, подобно Павикену, т. е. базирующемуся на привозном готовом стекле в виде полуфабрикатов, но само это предположение может рассматриваться только как в высшей степени гипотетическое свидетельство случайной продукции» (Callmer 1988: 223; Рябинин 1997: 44–45).

После своих раскопок на Земляном городище в 1970–1980-х гг. Е. А. Рябинин вернулся к этой актуальной для всего Балтийского региона проблеме. Вскрыв участок в 330 м^2, он зафиксировал 1960 бус, из которых 1870 были стеклянными. Сопоставление их количества с численностью находок из предшествующих раскопок, в перерасчете на размер исследованных площадей, показало примерно одинаковую встречаемость находок в обоих случаях. Но это сходство резко нарушалось при обращении к распределению стеклянных изделий по горизонтам поселения.

При анализе сохранившейся коллекции бус из раскопок В. И. Равдоникаса была отмечена неравномерность их встречаемости в различных слоях Земляного городища. Так, в самом нижнем слое E_3 (750–830-е гг.) найдено всего 3,5 % бус (226 экз.). В вышележащих горизонтах E_2 и E_1, соответственно, датированных по дендрохронологии 840–860 и 870–920-ми гг., количество бус возрастает до 24,3 % (1570 экз.). Основная же масса находок (54,05 %) встречена на уровне горизонта Д (930-е гг. — начало XI в.) (Львова 1968: 65–66, табл. 1).

Качественно иную картину Е. А. Рябинин отметил на своем участке. Там свыше 88 % изделий из стекла (1648 экз.) сконцентрировано в горизонтах Е, причем подавляющая часть — 73 % (1370 экз.) — происходит из самого нижнего горизонта второй половины VIII — первой трети IX в. В результате вскрытия сравнительно небольшой площади исследователь констатировал более чем семикратное увеличение коллекции древнейших ладожских бус, что, по его мнению, ясно свидетельствует о своеобразии ранней поселенческой зоны, вошедшей в границы новых раскопок.

Среди представленных находок были все категории бус, известные по материалам прежних исследований. Однако их соотношение на новом участке оказалось иным — наблюдалось значительное, более чем двукратное, увеличение доли наиболее массовых категорий бус из тянутых трубочек, прежде всего рубленого бисера.

Бракованные бусы составляли 10,83 % от находок в нижних горизонтах Е, то есть в пять раз превышали ранее установленную долю брака в ладожской коллекции. При этом в указанное количество входили только определимые изделия такого рода. Не учитывались многочисленные производственные отходы (слипшиеся и полностью деформированные бусы, шлаки и т. д.), связь которых со стеклоделием была установлена при химико-технологическом изучении. Е. А. Рябинин обращает внимание на концентрацию оплавленных и ошлакованных круглых глазчатых бус, часть которых представлена бесформенными слитками с расплывшимися и деформированными глазками. По наблюдениям З. А. Львовой, аналогичная картина просматривается и в предшествовавших материалах — брак этих столь характерных для Ладоги украшений отмечен лишь для нижних горизонтов, где он достигает 23 % всех находок указанного типа.

Исходя из своих наблюдений, Е. А. Рябинин констатировал резкое отличие участка своих раскопок от соседних по концентрации массы стеклянных бус в нижних отложениях, а также по высокому проценту находок брака, что отмечалось впервые. Он объяснял это тем, что впервые изучению подверглась периферия жилой зоны, где были сконцентрированы производственные участки. Именно здесь в первый раз удалось выделить постройку, определенную исследователем как стеклодельная мастерская. Постройка, датированная около 815 г., представляла собой прямоугольное наземное сооружение, размерами 6 × 3 м. Его основание образуют наполовину затесанные бревна, уложенные непосредственно на грунт (по длинным сторонам постройки), или подкладки из дерева без концевых вырубок. Внутри зафиксирован развал очага, занимающий центральную часть помещения. Он представлен скоплением колотого камня, покрытого углистым нагаром, а также мощными линзами как необожженной, так и прокаленной до кирпичного обжига глины. В заполнении были сконцентрированы сотни стекловидных шлаков. Здесь же найдены обломки тиглей, оплавленные и деформированные бусы, а также недоваренное стекло.

Эти данные, несомненно указывающие на присутствие стеклодельных мастерских в Ладоге, были подтверждены количественным спектральным анализом материала, выполненным сотрудником Спектральной лаборатории ИИМК РАН В. А. Галибиным. Им было произведено около 250 анализов образцов фритты, остатков сырья, бракованных и спекшихся бус, кусков стекла, целых бус и тиглей (Rjabinin, Galibin 1995: 109–112).

Многочисленные образцы шлаков предварительно подвергались тщательному исследованию. На многих из них под бинокуляром просматривались тонкие пленки прозрачного стекла. Внутри некоторых кусков шлака отмечены включения непроваренных остатков шихты, по составу и химическому типу соответствующей готовому стеклу. Судя по составу деформированных и представленных слитками бус, они также соответствуют завершенным стеклянным изделиям.

Данные исследования показали, что мы имеем дело со стеклом одного химического типа, соответствующего щелочному сырью — золе солончаковых растений с высоким содержанием щелочных элементов — натрия и калия (до 45 %). Его источником являются районы Ближнего и Среднего Востока, где он служит основой местного стеклоделия. Под названиями «рошетта» и «польверин» это сырье ввозилось в Европу в качестве основного, наряду с природной содой — щелочным компонентом

шихты для варки стекла. Его применение позволяло осуществлять такую варку при более низкой температуре. Лишь с X в. стеклоделы Европы перешли на более доступное сырье — золу древесины, требовавшую применения более стойких огнеупоров и использования технологии высокотемпературных режимов.

Заимствованная на Востоке ладожская технология была рассчитана исключительно на ввоз сырья из этого региона. Установленный стабильный набор элементов-красителей, технологические добавки и химический тип образцов также характерны для восточной школы стеклоделия.

По заключению Е. А. Рябинина и В. А. Галибина, характер отходов позволяет предполагать существование в Ладоге полного цикла производства, включавшего варку стекла из привозного сырья и изготовление бус. Более чем вероятно, — писал Е. А. Рябинин, — что при раскопках была вскрыта только часть обширного комплекса, состоявшего из нескольких сооружений. Такое предположение согласуется с мнением специалистов о функционировании двух типов мастерских, в одном из которых варили стекло и делали полуфабрикат, а в другом — формовали из них стеклянные украшения. Признается, что оба типа мастерских могли находиться в непосредственной близости друг от друга. Судя по встреченным отходам, выявленное сооружение относится к мастерским первого типа, но наличие среди бус многочисленных бракованных экземпляров и их слитков указывает на близость объекта второго типа.

Вывод о существовании местного стеклоделия, по мнению Е. А. Рябинина, совершенно не означает, что основная масса встреченных здесь находок изготовлена ладожскими мастерами. Несомненно, что попадание многих изделий на поселение отражает прежде всего втягивание Ладоги в активную международную торговлю. Однако комплексный анализ стекла и его отходов позволяет выделить разновидности бус, часть которых изготавливалась на месте. К таковым относятся глазчатые бусы «ладожского типа», а также количественно преобладающие изделия из тянутых трубочек — многочастные пронизки и бисер. Особенно показательна концентрация бисера в производственной зоне при резком увеличении его содержания именно на этом участке. Этот факт, как считал Е. А. Рябинин, заслуживает особого внимания.

По наблюдениям З. А. Львовой, видовой состав бус VIII–X вв. в Северной Европе и в Ладоге имеет существенные различия. Если на севере Западной Европы преобладали сложные, дорогие образцы стеклянных изделий, то Ладога и Приладожье были основным, если не единственным, районом распространения мелкого и крупного рубленого бисера и других дешевых серийных бус (Львова 1977: 107). Очевидно, такие несложные в производстве изделия и изготовлялись, преимущественно, ладожскими мастерами.

Такой вывод позволяет подойти к пониманию причины, или побудительного мотива, появления в Ладоге местного стеклоделия. Как убедительно объяснила З. А. Львова, в VIII–X вв. стеклянные бусы использовались в качестве основного менового товара в пушной торговле с северными племенами. Но, конечно, даже если некоторую часть бус делали на месте, в целом производство зависело от подвоза полуфабрикатов стекла, то есть от состояния торговли с Востоком.

Результаты многочисленных анализов стекла, шлаков, шихты и фритты из ранних отложений Земляного городища позднее легли в основу общей работы В. А. Галибина по истории стеклоделия в Евразии (Галибин 2001).

Рассмотрение вопроса о зарождении стеклоделия в ранней Ладоге подтверждает представление о ней как о своего рода опорном пункте и организационном центре на международных торговых путях. Неслучайно два древнейших клада арабского серебра на севере Европы локализуются на Готланде (783 г.) и в Старой Ладоге (786 г.) (Булкин и др. 1978: 45–60, 85–94, 115–128; Фомин 1982: 16–21).

Новые данные по стеклоделию были получены в самые последние годы в ходе раскопок древнейших горизонтов поселения экспедицией А. Н. Кирпичникова (Григорьева, Лесман 2012: 62 и след.). Только на одном раскопе 2007–2008 гг. встречены 75 оплавленных конкреций стекломассы, подвергшихся воздействию высоких температур. Часть их опознается как несомненные изделия (бусины, пуговицы, вставки, фрагменты стеклянных сосудов). Среди них преобладают фрагменты синего, окрашенного кобальтом, прозрачного стекла. Также встречены явные отходы производства иного рода — капли стекла, упавшие в слой в расплавленном состоянии, и куски оплавов с оттисками сжимавших их инструментов. Здесь же встречены фрагменты стеклянных «гладилок» — товарных слитков стекла (21 экз.). Они представлены осколками, сколами, кусками стекла без следов вторичной оплавленности. На пяти из них сохранились участки первоначальной поверхности, по своей кривизне близкие к участкам поверхности шара. Стекло однородное, прозрачное, синее (окрашено кобальтом), без видимых пузырьков воздуха.

Находки крупных, массивных стеклянных слитков, по форме близких к полусфере (диаметр 6–9 см, высота 2,5–5,0 см, вес — 150–250 г), на территории Древней Руси единичны. Они зафиксированы в Гнездово, Новгороде, Ростове, Суздале (Щапова 1989; Седова 1997: рис. 4, 8). Кроме того, два фрагмента слитков найдены в Пскове, но там они происходят из слоя XVIII в. (Подгорная и др. 2009: 49, 52, рис. 9).

Существенно больше таких предметов найдено в Западной и Северной Европе. Наиболее массовые находки происходят из Франции, прирейнских земель Германии, Северной Италии, а также из Скандинавии, где самая большая серия зафиксирована в Хедебю — 103 экземпляра, целых и фрагментированных. Еще 13 предметов найдено в Шлезвиге, сменившем Хедебю в XI в. после его окончательного разрушения и запустения в 1066 г. (Steppuhn 1998: 74–76, 117–119, Taf. 17, 18; 2002: 100–101, 117). Одна такая находка отмечена и в Болгарии.

Находки стеклянных слитков относятся к разным периодам — от позднего римского времени (II–III вв. н. э.) до новейшего. Известны их изображения XVII–XVIII вв. Особенно многочисленные находки связаны с периодом от эпохи Каролингов до XII–XIII вв. Их атрибуция в качестве гладилок для придания тканям большей мягкости была предложена еще в конце XIX в. Эта функция подтверждается изображениями нового времени и скандинавской этнографией (Noss 1966). Данную трактовку, возможно впервые, поставила под сомнение Ю. Л. Щапова (Щапова 1989: 103 и след.), а затем и другие исследователи (Schmaedecke 1998). Они считают, что использование массивных стеклянных слитков в подобных целях имело место только в новое время, тогда как первоначально это были товарные слитки стекла для производства новых изделий.

Подробно история и литература вопроса рассмотрены в работе Н. В. Григорьевой и Ю. М. Лесмана (см. Григорьева, Лесман 2012: 67). Они приняли во внимание факты из раскопок Сигтуны (Средняя Швеция) в 1988–1989 и 1999–2000 гг. Здесь в слоях конца X — XIII в. были найдены один целый слиток, более двух десятков

фрагментов и несколько десятков осколков-отщепов. Эти материалы дали новый импульс к пониманию назначения «гладилок». По мнению исследователей, они помогли снять наметившееся противоречие.

Использовать слиток в качестве стеклянного сырья можно, только расколов его предварительно на мелкие куски. И эти куски сырьевых слитков не имеют никаких следов потертости на поверхности. Она осталась гладкой и блестящей. В то же время единственный целый слиток и отдельные крупные куски имеют затертую поверхность, что делает их весьма вероятными орудиями для разглаживания тканей (Лесман 2011: 37–38).

Ладожская коллекция оказывается ближайшей аналогией сигтунской, хотя она менее разнообразна и многочисленна. Однако в материалах Земляного городища есть то, что не отмечено в указанных материалах Сигтуны. Это наличие не только фрагментов сырья, но и отходов производства из него. Показательны фрагменты двух видов: со следами инструментов (инструмент для зажима типа плоскогубцев или пинцета, имевший губки с поперечным рифлением) и вытянутые обломки, закрученные в спираль (в 1,5 и 2 оборота). На то, что это следы производства изделий из одного и того же слитка, указывает полное совпадение цвета и прозрачности, а также близость химического состава стекла, установленная методом оптико-эмиссионной спектрографии.

Тщательное изучение стратиграфии находок 2007–2008 гг. на Земляном городище позволяет датировать отходы данного комплекса производства стекла периодом не позднее XI в. Нижнюю дату его авторы уверенно определяют серединой — третьей четвертью X в. В нижележащих слоях на данном участке подобные находки не обнаружены. Более поздняя дата, включая XII в., представляется маловероятной.

В описанных материалах авторы видят отражение, по меньшей мере, второй попытки наладить в Ладоге собственное производство стеклянных изделий, после первой такой попытки в первой половине IX в. (Рябинин 1997: 43–49). Исследователи этой группы находок подчеркнули, что сегодня Ладога — единственный город на территории Древней Руси, где фиксируется использование слитков-гладилок как сырья в стеклоделательном производстве, тогда как в других местах целые слитки применялись в качестве гладилок для размягчения тканей (Григорьева, Лесман 2012: 76). Оба способа использования соответствуют западноевропейской традиции того времени.

Работы по уточнению хронологии бытования отдельных видов стеклянных бус на раннесредневековых поселениях Северной Европы в последние годы проводил Я. В. Френкель (Френкель 2014: 180–182). Эти попытки заслуживают самого пристального внимания. Развернутая аргументация положений Я. В. Френкеля приведена в более ранней работе (Френкель 2008: 228 и след.). Уточнения связаны с постоянно продолжающимися работами в Старой Ладоге, которые дали новые комплексы с бусами, сочетавшиеся с другими группами находок, в частности с фрагментами так называемых «татингских» сосудов. Последние имеют достаточно узкие хронологические привязки в памятниках Западной Европы. Кроме того, автор привлекает современные западные разработки по стеклянным бусам раннего средневековья, встреченным на поселениях и в могильниках. Комплексы с бусами датируются там как по встреченным в них монетам, так и другими методами, включая естественнонаучные. В результате этого наметился 30–40-летний хронологический зазор между

скандинавской «фибульно-монетно-погребальной» и ладожской «дендро-поселенческой» шкалами (Там же: 245).

В другой работе Я. В. Френкель детально и всеобъемлюще рассмотрел коллекцию бус из раскопок Н. И. Репникова на Земляном городище (1911–1913 гг.). Результатом стало уточнение соотношения стратиграфических комплексов этих ранних раскопок с более поздними стратиграфическими схемами слоев и сооружений в работах В. И. Равдоникаса, О. И. Богуславского, С. Л. Кузьмина — А. Д. Мачинской. Таким образом, коллекция бус из раскопок Н. И. Репникова была упорядочена в источниковедческом плане, а хронологические границы выделенных им горизонтов уточнены (Френкель 2009: 121–122, табл. 6).

Бронзолитейное и ювелирное дело

Первую серьезную научную оценку становления бронзолитейного ремесла в ранней Ладоге предприняла О. И. Давидан на материалах раскопок В. И. Равдоникаса (Давидан 1980: 59 и след.). Еще ранее Г. Ф. Корзухина опубликовала предварительные наблюдения о возможности обработки бронзы на левом берегу р. Ладожки, в районе Варяжской улицы, апеллируя к находке полуфабриката — неудачной отливки длинной булавки от кольцевидной фибулы (Корзухина 1973: 36–37).

О. И. Давидан проанализировала материал из раскопок, проведенных в 1930–1950-х гг. на Земляном городище, и выделила в музейных коллекциях 35 литейных форм, 79 тиглей и льячек, матрицу, ювелирный молоток, напильник, волочило, 7 слитков металла, 3 незавершенных изделия, а также отходы производства в виде проволоки, обрубков и обрезков пластин и брусков металла, бесформенных кусков сплавов и шлаков.

Бóльшая часть литейных форм — каменные; в их плоской поверхности вырезаны углубления по форме будущих отливок украшений. Но также имелась одна глиняная форма для отливки товарных слитков или прутков металла длиной 19–20 см, при ширине 0,5, 0,8 и 1,0 см. Кроме того, исключительно редким экземпляром была другая находка — деревянная литейная форма с вырезанными в ней углублениями — двойными овалами, соединенными перемычками.

О. И. Давидан подробно описала и другие находки, связанные с бронзолитейным и ювелирным делом, в том числе инструменты. Она пришла к обоснованному выводу, что с IX в. в Ладоге существовала плавка цветных металлов и изготовление украшений на месте. Мастера пользовались разными техническими приемами литья: литье в открытые и закрытые формы, литье в глиняные и деревянные формы. Они владели литьем по восковой модели, доказательством чему служат неоконченные изделия. Этот вывод подтверждают более ранние предположения Г. Ф. Корзухиной о возможности изготовления на месте известной находки Н. И. Репникова 1910 г., сделанной при разведках на Земляном городище, — декоративного топорика с рельефными изображениями зверей. Этот топорик конца X — начала XI в. отлит из бронзы по восковой модели и имеет стальное лезвие (Корзухина 1966: 89 и след., рис. 1).

Наряду с литьем многие изделия из цветных металлов изготовлялись путем ковки. В коллекции имеется серия обрезков металла со следами ковки, а также

фрагмент кованой проволоки. Выполнялось также волочение проволоки и тиснение тонких металлических пластин в формы.

О. И. Давидан отмечала, что на городище в слоях Е и Д специализированных ювелирных мастерских не встречено. «Мастера-бронзолитейщики работали в своих жилищах, занимаясь одновременно резьбой по кости и обработкой янтаря» (Давидан 1980: 66). Этот вывод ранее был обоснован анализом планиграфии следов разных ремесел на площади поселения и выделением единой территории скопления отходов ремесла, полуфабрикатов, заготовок и инструментария (Давидан 1977: 101 и след.).

Формы тиглей для плавки цветных металлов, найденных на раннегородских центрах Северной Руси, были детально рассмотрены в одной из работ В. М. Горюновой, где анализировались находки Старой Ладоги, Рюрикова городища, Гнездова и Городка на Ловати, с привлечением материалов Камно, Пскова и Изборска (Горюнова 1994: 60 и след.). Исследовательница связала определенные приемы плавки металлов с выработанными специально для этого формами тиглей, в которых имело значение оформление устья. На широком фоне памятников Восточной Европы I — начала II тыс. н. э. она выделила Старую Ладогу, где тигли были сделаны из более огнеупорной глины, чем, например, находки Гнездова и Городка на Ловати. В ладожской глиняной массе присутствовала примесь мелкой кварцевой дресвы. В бронзолитейных комплексах Старой Ладоги большинство составляли, по ее оценке, формы конических тиглей с округлым устьем и конических тиглей с уплощенным дном и треугольным в плане устьем. Другая форма тиглей — цилиндрические округлодонные — составляет меньшую часть. По замечанию В. М. Горюновой, О. И. Давидан, выделив те же варианты форм ладожских тиглей, не обратила внимания или не придала значения сочетанию профиля стенок и оформления устья. Кроме того, она определила все тигли как круглодонные, что не совсем правильно. Ошлакованная стеклянная масса, стекая вниз, часто закрывала узкое и плоское дно усеченно-конических тиглей и придавала ему округлость, хотя при этом все равно оставался угловатый переход от дна к стенкам (Там же: 63).

Истоки различий форм тиглей В. М. Горюнова усматривает в региональных традициях населения отдельных территорий. Усеченно-конические тигли, характерные для Ладоги, были распространены на широких пространствах Восточной Европы, но в наибольшей степени они связаны со Средним Поднепровьем, в частности, левобережным, включая его лесостепную часть и юг лесной зоны. В то же время они зафиксированы и на многих памятниках I тыс. н. э. лесной зоны, относимых по материальной культуре к финно-угорскому кругу (например, в Нижнем Прикамье и Белозерье). Ареал распространения цилиндроконических округлодонных тиглей без слива связан с территориями Белоруссии и пограничной с ней Смоленской области России (Там же: 63–66 и след.).

В 1975 г. Е. А. Рябинин полностью исследовал уже описанный нами выше участок, на котором производилась выплавка изделий из цветных металлов. Центральное место на нем занимал очаг для плавки металлов. Участок примыкал к юго-западному краю крупной ямы, которая служила для закалки железа в кузнице. А с юга к месту обработки цветных металлов примыкала еще одна яма, впущенная с уровня предматерика. Она была овальной в плане, размерами 0,8 × 1,3 м и глубиной 0,35 м.

Основу очажного устройства составляла вымостка из обломков крупных известняковых плит, которые прилегали друг к другу и составляли кладку вытянутых очертаний, размерами около 1,0 × 1,4 м. Поверх камней и вокруг них зафиксирована линза белого песка со значительными включениями угля, имевшая также овальную форму, вытянутую соответственно вымостке, но бóльшие размеры — 1,2 × 1,6 м. О форме очажного устройства можно судить по системе обрамлявших выкладку колышков, которые, вероятно, служили каркасом несохранившихся глинобитных стенок. Назначение сооружения определяется по скоплению вокруг него остатков ювелирного производства.

Стратиграфически и планиграфически все производственные сооружения на данном участке поселения составляли, как считал Е. А. Рябинин, единый кузнечно-ювелирный комплекс. С ним также были связаны некоторые близко расположенные жилые и хозяйственные строения, настилы, мостки. По данным дендроспилов, все мастерские функционировали в рамках второй половины VIII в. (Рябинин 1994а: 25–26; Черных 1985а: 76–80; Рябинин, Черных 1988: 75–80).

С ювелирным производством на этом участке связан блок находок. Он включает четыре тигля, фрагмент литейной формочки из песчаника, слиток олова или свинцово-оловянного сплава, круглую свинцовую пломбу, узкую бронзовую пластину и два обрезка бронзовой проволоки. Кроме того, в кузнице наряду с железными шлаками встречены и стекловидные шлаки, связанные с бронзолитейным производством, а также обломки двух тиглей, фрагмент согнутой бронзовой проволоки и согнутая в кольцо бронзовая пластина.

Обнаруженный у металлоплавильной печи брусок олова (или свинцово-оловянного сплава) размерами 45 × 8 мм имел треугольное сечение и продольные бороздки. На Земляном городище было найдено еще семь слитков, но все они происходят из отложений X в. и последующих столетий, отличаясь также составом металла (шесть медных, один из латуни). К IX в. относятся наиболее ранние формы для их изготовления (Давидан 1980: 62, 64, табл. 2: 1–4, 6–7, 10).

Параллелью ладожской находке металла может служить серия привозных слитков из свинцово-оловянного сплава, обнаруженная в комплексе с кладом арабских монет середины IX в. на городище Выжегша в Волго-Клязьминском междуречье. Автор публикации связывает их появление с европейской торговлей и началом поступления восточного серебра с Северо-Запада (Леонтьев 1988: 97–98). Мнение о наличии двух разных потоков серебра в лесную зону Восточной Европы — западного и восточного — высказывали и нумизматы (Фомин 1988: 103 и след.). Треугольные слитки из такого же сплава встречены в Новгороде и Белоозере; известны они и в древностях Скандинавии эпохи викингов (Рындина 1963: 206–207; Голубева 1973: 132).

В раскопе 1997 г. на северо-западной оконечности Земляного городища, примыкавшего с северной стороны к раскопу, завершенному в 1991 г., были раскрыты остатки бронзолитейной мастерской второй половины IX в. (рис. 6.14), содержавшей украшения мужского и женского костюма скандинавского облика (Кирпичников 2002б: 227 и след.). Дендроанализ 15 спилов, полученных с остатков построек, открытых в горизонте «В», показал, что бревна производственного комплекса были спилены около 900 г., не позже самого начала X в. Еще один спил, относящийся к горизонту «А», датирован 922 г. Все спилы были обработаны в Лаборатории дендрохронологии ИА РАН Н. Б. Черных. Среди находок в постройке, относимой

Рис. 6.14. Старая Ладога. Земляное городище. Предметы из латуни, олова, золота, стекла, янтаря из мастерской второй половины IX в. Прорисовка овально-выпуклой фибулы с элементами реконструкции (по: Кирпичников, Сарабьянов 2013, рис. на с. 86)

к горизонту «В» (по стратиграфической шкале А. Н. Кирпичникова), присутствуют две фибулы, из которых одна представляет собой полностью законченное изделие типа Вальста. Вторая являлась неудачной отливкой скорлупообразной овальной фибулы, сохранившейся фрагментарно. Судя по всему, изделие находилось в стадии незавершенной обработки. Последнее указывает на местное производство этих вещей. Полученная дендродата (около 900 г.) соответствует современным представлениям шведских археологов о времени позднего бытования указанных оригинальных фибул. Здесь же был встречен набор из 60 стеклянных бус, из которых примерно четверть можно считать производственным браком.

Как подчеркивает автор раскопок, бесспорными центрами, где изготовлялись фибулы типа Вальста, являются Бирка и Хедебю. Что же касается староладожской

находки, то, с учетом ее «нового» облика и местоположения среди других литых изделий производственного комплекса, надо полагать, что отлита она в Ладоге высококвалифицированным мастером, возможно по скандинавской модели (Кирпичников 2002б: 240–242). Отметим, что разделить напластования горизонтов «А» и «В» на участке, где было открыто данное производственное сооружение (или несколько сооружений), на наш взгляд, можно только условно. При этом надо учитывать наклон древней поверхности, а также факт гибели построек в пожарах. Характер отходов производства и их распространение в слое свидетельствуют, по мнению А. Н. Кирпичникова, о широком спектре деятельности мастера или мастеров, включавшем изготовление бус, обработку янтаря и отливку украшений из цветного металла, выполненных в стиле скандинавского искусства.

Обе фибулы и найденный здесь же ладьевидный браслет были подвергнуты в лаборатории ИИМК РАН количественному спектральному анализу, который выполнил А. Н. Егорьков. Анализ показал, что изделия отлиты из латуни. Показательным явилось содержание цинка в этих сплавах. Считается, что если его примесь достигает 25–30 %, то в производстве использовался металл, не подвергавшийся многократным переплавкам (Ениосова и др. 2008: 133–135). Металл овальновыпуклой фибулы содержал 26 % цинка, а фибулы типа Вальста — 14 % (Кирпичников 2002б, табл. 2). В этой связи можно говорить, что металл для ладожских украшений поступал, видимо, из разных источников. Латуни, по мнению А. Н. Кирпичникова, попадали сюда из Прибалтики, где традиция употребления этого сплава возникла уже в первые века н. э. Настойчивое стремление ювелиров производить украшения из латуни объяснялось цветовым воздействием металла, имитирующего золото.

По заключению А. Н. Кирпичникова, открытый производственный комплекс выделяется набором ярких, высококачественных вещей, выполненных в североевропейском стиле. Это позволяет говорить не только о посещении скандинавами берегов Волхова, но о возможном переселении сюда и купцов-воинов, и ремесленников, вместе с семьями (Кирпичников 2002б: 245–247). В Старой Ладоге и раньше при раскопках находили отдельные формочки и редкие отливки, свидетельствующие о литье по скандинавским образцам, не всегда удачном. Но именно находки 1997 г., благодаря своему художественному облику, компактности размещения и производственному характеру комплекса, дают возможность для новой характеристики высококвалифицированного ремесла эпохи викингов, когда мастера работали вне пределов своей страны. Дополнительные данные получены недавно при анализе тиглей этого комплекса (Григорьева 2017: 88 и след.).

Стоит отметить, что особый интерес специалистов вызывают найденные в раскопках В. И. Равдоникаса семь медных слитков, которые могут много сказать о местах поступления товарных слитков металла (Коновалов и др. 2008: 155–162). Они являлись своего рода товарными и платежными единицами, благодаря своим стандартным формам и весу. В последние годы еще два стержня из золотистой латуни, весом по 46 г каждый, найдены в остатках постройки 865–882 гг. (по дендродатам), раскрытой в 2004 г. Здесь также найдены бронзовые и свинцовые изделия, 15 тиглей и другие предметы (Кирпичников, Сарабьянов 2010: 65).

На этом же раскопе (№ 3) найдены четыре фрагмента тиглей, каменная форма (изложница) для отливки стержней, вырезанная из слюдистого сланца (рис. 6.15), и три

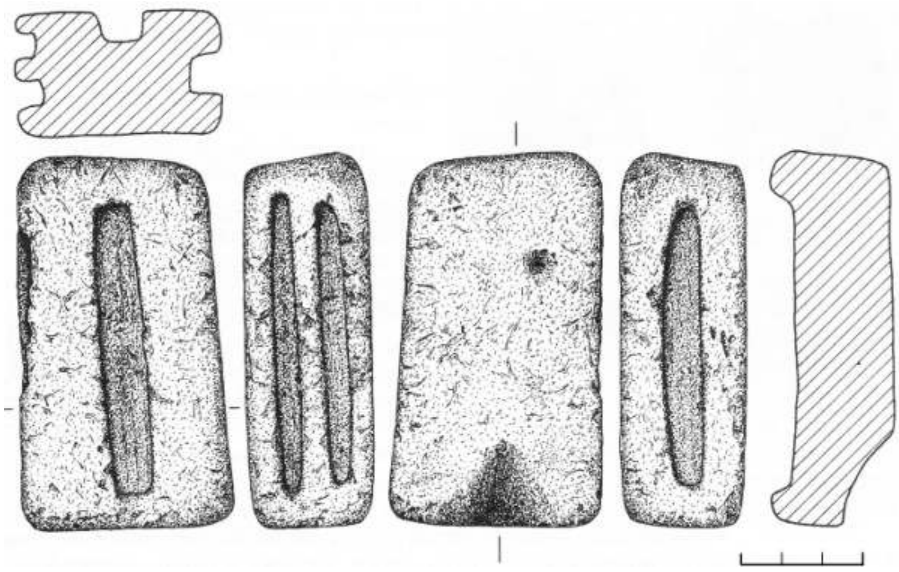


Рис. 6.15. Старая Ладога. Земляное городище. Литейная форма для слитков из слюдистого сланца. Раскопки 2002 г. (по: Кирпичников, Ениосова 2004, рис. 1)

глиняные литейные формы во фрагментах. Длина стержней в изложнице составляла 70–72 мм, а их вес мог составлять: для серебра — 30 г, для медного сплава — 24 г. Слой, вмещавший эти находки, непосредственно перекрывал два яруса с остатками деревянных сооружений, которые по данным дендроанализа датируются в пределах 958–980 гг. Таким образом, эти отложения следует относить к периоду не ранее двух последних десятилетий X в. (Кирпичников, Ениосова 2004: 290 и след.).

Кроме указанной каменной изложницы в материалах Земляного городища имеется обломок изложницы, происходящий из горизонта E_2 (840–860-е гг.). Это более массивное изделие (96 × 92 × 48 мм), изготовлено из светлого песчаника. В форму был врезан единственный негатив, по сохранившейся части которого можно заключить, что в нем отливали большие слитки с округлой спинкой полуовального сечения (высота 10 мм, ширина 13 мм).

Еще один аналогичный экземпляр — случайная находка с территории Никольского монастыря — сохранился в виде небольшого фрагмента (46 × 37 × 14 мм) из светлого песчаника с негативом для массивного слитка треугольного сечения (Старая Ладога 2003: 68, № 76). Отметим также литейную формочку, имевшую негатив для отливки слитка в виде молоточка Тора — из раскопок А. Н. Кирпичникова 2008 г. Первой по времени нахождения была ранее упомянутая нами глиняная форма — изложница, рассмотренная О. И. Давидан (Давидан 1980: 65).

А. Н. Кирпичников и Н. В. Ениосова отметили, что для домонгольской Руси литейные формы для отливки слитков — большая редкость. Помимо Ладоги, они представлены в Поволховье всего одним обломком — это случайная находка 1979 г. с Рюрикова городища. Она сделана из стеатита (мыльного камня) и предназначена для отливки четырех слитков, различных по весу и форме (Янссон 1999: 32; Кирпичников 2003: 81, рис. 2). Находки изложниц известны также на городищах в Московской области (Тавлинцева 2001: 73 и след.). Кроме того, в Восточной Европе обнаружены 18 фрагментов глиняных форм для отливки слитков-брусков

на селище Кентескалнс в Латвии, где они датируются концом VIII — началом IX в. (Стубавс 1959: 204). Две массивные металлические изложницы XII–XIII вв., найденные на городищах Межотне и Тервете (Латвия), также предназначались для изготовления слитков. На последней форме были вырезаны клейма, которые воспроизводились на отливках (Дайга 1960: 90, рис. 2: *12*).

Наиболее близкие аналогии ладожским литейным формам происходят из Скандинавии, Северной Германии и Британских островов. Самые ранние экземпляры из глины и песчаника обнаружены на памятниках V–VIII вв. в северо-западной Шотландии и Ирландии. Несомненно, в этом регионе они появились еще до скандинавов. Суммируя все изложенные материалы и рассуждения, авторы замечают, что ареал распространения находок литейных форм дает основание связывать происхождение и распространение слитков из цветных и драгоценных металлов VIII–XI вв. с североевропейской металлургической традицией. Однако сами слитки эпохи викингов встречаются гораздо чаще и распространены значительно шире, чем инструмент для их производства.

Принято считать, что в это время слитки выполняли несколько функций. Во-первых, они были производственным сырьем и служили средством хранения металла, предназначенного для дальнейшего изготовления украшений, бытовых предметов или орудий. Во-вторых, слитки, наряду с проволокой, монетами и ломом, были своего рода формой перемещения металла и попадали в ювелирные мастерские в результате торгово-обменных операций. В-третьих, слитки вместе с монетами и украшениями из драгоценных металлов можно рассматривать как форму накопления богатства (Кирпичников, Ениосова 2004: 294–295).

В 2000-х гг. экспедицией А. Н. Кирпичникова был заложен ряд раскопов в юго-западной части Земляного городища, где ранние отложения оказались частично перекрытыми валами бастиона последней четверти XVI — XVII в. Здесь наибольшая концентрация отходов ювелирного производства наблюдалась на уровне настилов большой постройки X в. Исследование этого горизонта продолжалось несколько лет (Кирпичников 2007б: 195 и след.; 2008б: 329 и след.; 2012: 37 и след.).

В 2008 г. в юго-западном углу раскопа № 4 было обнаружено скопление фрагментов тиглей и глиняных литейных форм, на которые обратила внимание Н. В. Григорьева (Григорьева 2017: 88–91). Всего выявлено 224 фрагмента тиглей, 39 фрагментов литейных форм и несколько шлаков (рис. 6.16, 6.17). Сюда же следует относить, по меньшей мере, 10 из 36 фрагментов тиглей, найденных в 2007 г., один фрагмент глиняной формы и несколько шлаков. А с учетом общего понижения уровня поверхности данного горизонта застройки к указанному скоплению можно относить и все тигли, зафиксированные в 2002 г. Эти последние происходят из раскопа № 3, на материалах которого недавно была выполнена отдельная работа по исследованию производства изделий (накладок) из легкоплавких цветных металлов (Григорьева, Щеглова 2012: 250 и след.).

Ядро комплекса сосредоточено на участке 7 × 5 м, вытянутом в направлении З–В, вокруг уличных настилов, огибавших большую постройку, которая занимала центральную часть раскопанного участка. Время сооружения постройки определяется по данным дендроанализа в рамках второй — третьей четверти X в. Постройка, возведенная в 920–930-е гг., несколько раз поновлялась, как и уличные настилы вокруг нее, и использовалась до конца 960-х гг. (Кирпичников 2008: 354).

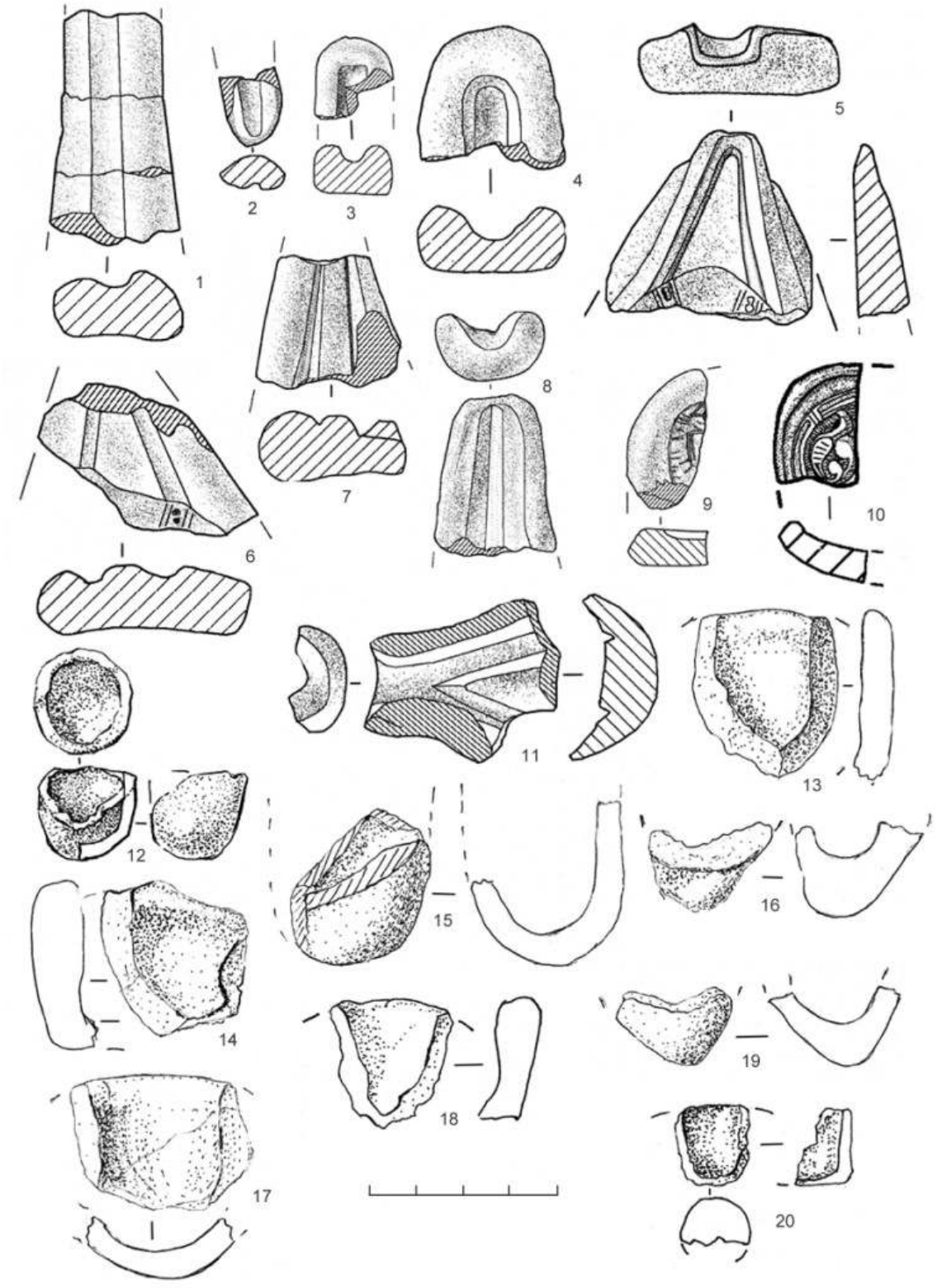


Рис. 6.16. Старая Ладога. Земляное городище. Отходы литейного и ювелирного производства горизонта существования большой постройки второй — третьей четверти X в. *1–11* — литейные формы, глина; *12–20* — фрагменты тиглей цилиндрической и конусовидной форм с высокими стенками, керамика (по: Григорьева 2017)

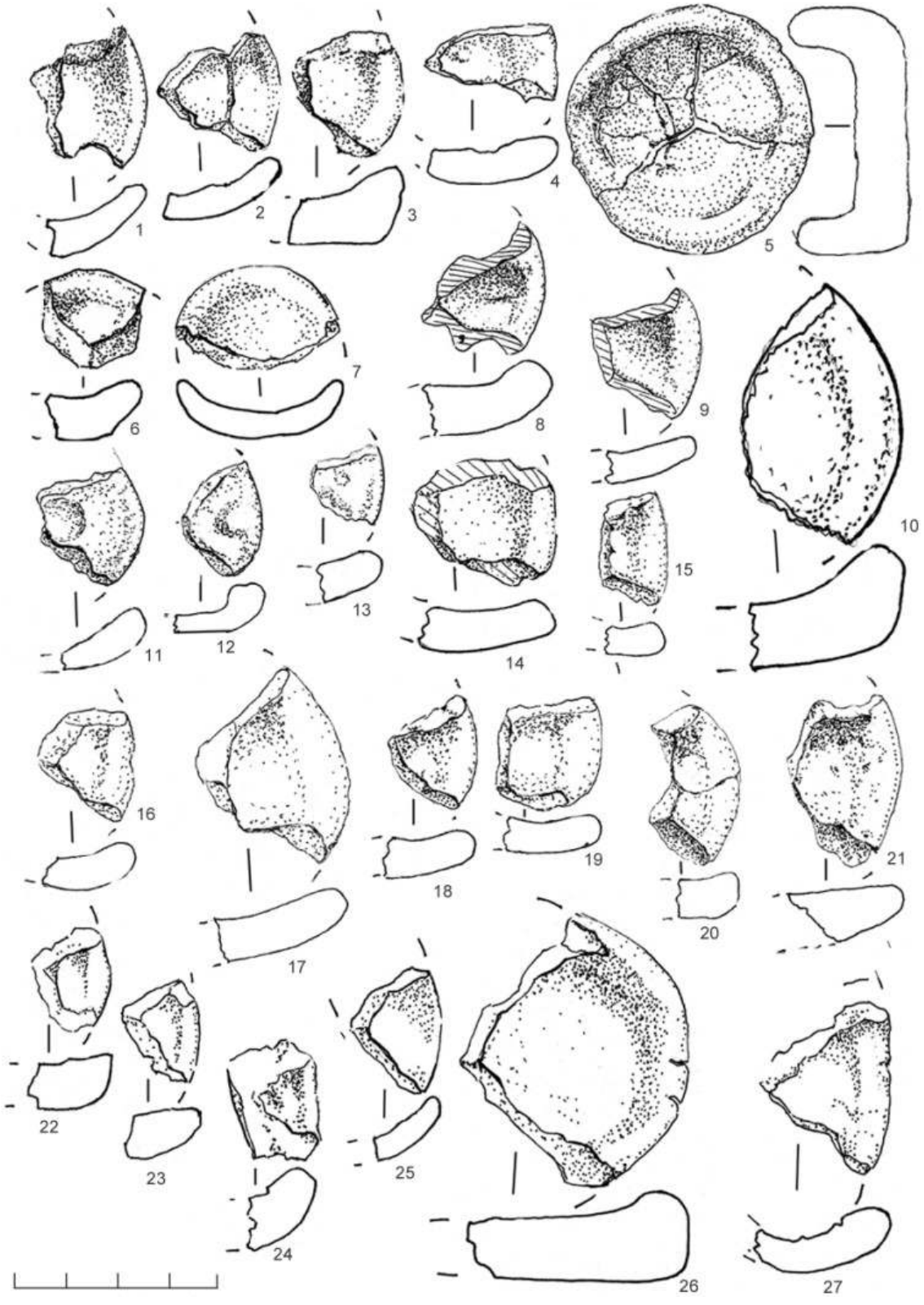


Рис. 6.17. Старая Ладога. Земляное городище. Отходы литейного и ювелирного производства горизонта существования большой постройки второй — третьей четверти X в. *1–27* — фрагменты тиглей-купелей, керамика (по: Григорьева 2017, рис. 1*б*)

Все тигли и литейные формы использовались, о чем свидетельствуют капли металла желтого цвета на стенках предметов (золото, медный сплав). В коллекции имеются 35 фрагментов глиняных форм для отливки слитков и ювелирных украшений. Выше была описана одна такая форма-изложница. Вторая была найдена в 2008 г. и имела негатив для отливки слитка в виде молоточка Тора. Сходные отливки известны по литейным формам в Хедебю (Schietzel 2014: 186). Кроме того, здесь встречены фрагменты форм для отливки круглых подвесок гнездовского типа и формочки с орнитоморфным изображением.

Из 224 фрагментов тиглей 59 имеют вид небольших тарелочек разного диаметра, совсем плоских или с невысокими стенками. Форма остальных тиглей либо спорна, либо их следует считать цилиндрическими / конусовидными, с высокими стенками. Последние значительно глазурованы с внешней стороны в процессе использования, тогда как тигли-тарелочки сильнее глазурованы изнутри. Подобные тигли относят к группе купелей — сосудов, предназначенных для очистки металлов от примесей (Ениосова, Митоян 1999: 58).

Тигли с высокими стенками делали из грубозернистого теста, в состав которого входили дробленая дресва плагиогранитных пород или крупнозернистый песок. Исходя из преобразований минерального состава теста, можно заключить, что температура их нагрева достигала 900–1200 °С. Тигли-тарелочки и литейные формы изготовлены из тонкозернистого теста, в состав которого входил кварц-полевошпатный песок, возможно с доломитовой примесью. Их температура нагрева достигала 1000–1400 °С.

Рентгено-флуоресцентный анализ и микрозондовый анализ позволили обнаружить на стенках тиглей следы драгоценных металлов (золота, серебра), а также остатки сплавов на основе меди, след сплавления свинца и олова.

Раскопки последних лет на территории Каменной крепости Ладоги дали неожиданный поворот в представлениях об источниках поступления цветного металла в Поволховье. В раскопе у Раскатной башни в 2014 г. был раскрыт слой черного гумуса с включением мелкодисперсного угля (Григорьева 2015: 39 и след.). В нем было встречено большое количество различных по форме и размерам сильно окисленных фрагментов металла и металлического шлака. В гумусе найдены также крупные кости животных с поверхностным налетом зеленого цвета. В нижней части слоя открыты пятна сильно прокаленного грунта и известняковые плиты, окрашенные окислами до ярко красного цвета. Руководитель работ на этом раскопе Н. В. Григорьева выделила три группы находок, связанных с металлообработкой: 1) продукты производства — бесформенные капли и слипшиеся комки выплавленного металла, покрытые окислами зеленого цвета; 2) отходы и невостребованные полуфабрикаты плавки металлов — побывавшие в огне образования зеленоватого или интенсивно зеленого цвета, с пористой структурой, без стекловатой поверхности, с налипшими на них угольками и мелкими камнями, а также обычные производственные шлаки; 3) сырье (?) — некрупные фрагменты горных пород, имеющих первичный налет медно-зеленого цвета на поверхности и в естественных трещинах.

На этом же участке и разрозненно по всей площади раскопа фиксировались фрагменты глиняных литейных формочек, один фрагмент кузнечного сопла, один целый тигель и фрагменты еще нескольких. Помимо того, в слое черного гумуса,

насыщенного производственными отходами, найдены бронзовые вещи — широкосрединный перстень с завязанными концами, бубенчик, весовая гирька, а также кусок янтаря. Для датировки имеют значение и находки в этом слое двух монет: «четвертинки дирхема X в. и пфеннига герцога Ордульфа графа Германа второй половины XI в.» (Григорьева 2015: 40).

Воспроизведенный отрывок текста содержит явную опечатку и оставляет сомнение во времени чеканки монеты и принадлежности ее ко времени правления разных правителей. Уточнение любезно предоставил нам В. Н. Седых, автор первого определения:

«Монета из крепости — пфенниг, чеканенный в г. Евер, Саксония. Монета отчеканена при правлении кого-то из двух братьев династии Биллунгов — герцога Ордульфа (Отто) в 1059–1071 гг. или графа Германа (1059–1086 гг.). Аверс — портреты были одинаковые, реверс — тоже одинаковый. Его вес должен быть 0,78–0,8 г.

Историческая справка об Ордульфе из династии Биллунгов: в ноябре 1042 года Ордульф женился на Вульфильде Датской (ок. 1025–1070), дочери короля Олафа II, от которой у него был сын Магнус, будущий герцог Саксонии. Овдовев, Ордульф женился в 1071 году вторым браком на Гертруде фон Хальденслебен (ок. 1042–1116). Ордульф стал герцогом после смерти отца в 1059 г. и продолжил борьбу с бременским архиепископом Адальбертом, который в 1066 г. был вынужден уступить треть своих владений сыну Ордульфа Магнусу.

Все правление Ордульфа проходило в борьбе с вендами, в которой его союзником была Дания — родина его первой жены. Хотя самого герцога за продолжительную и бесперспективную борьбу со славянами высмеивали и считали лузером, монеты, чеканенные Ордульфом, разошлись по всей Балтике и берегам Финского залива, активно участвуя в денежном обращении Древней Руси. Их много в раскопках памятников Северо-Запада»[1].

Для получения обоснованных данных по связи этого комплекса находок с металлообработкой образцы были переданы в лабораторию ФГУП ВСЕГЕИ. Предположительные образцы отходов производства анализировались на предмет химического состава (методами приближенного количественного спектрального анализа). Установлено, что они содержали не только большое количество меди, но также олово и другие металлы, что определяет стадию их образования в процессе получения сплава бронзы (Ениосова и др. 2008: 125 и след.; Минасян 2014: 48 и след.).

Наиболее показательны другие предметы. Один из образцов, содержащих медные окислы, взятый для пробы, содержал специфичные окислы меди (тенорит) и природные сульфиды (кубанит, халькоперит, тетраэдрит), наличие которых свидетельствует о переработке первичного рудного сырья. В составе других образцов были минеральные зерна, а также металлические в своей основе соединения в форме «шариков» диаметром 0,1–0,5 мм. Основой этих соединений служили медь и олово. А на поверхности их отмечено высокое содержание фосфора, который мог попасть в расплав вместе с измельченными и обожженными костями животных, возможно применяемых при выплавке и купеляции металла в качестве флюса (Ениосова, Митоян 1999: 58).

[1] Выражаем искреннюю признательность В. Н. Седых за консультацию в данном вопросе.

Рис. 6.18. Глиняная форма с Земляного городища. Раскопки 1940 г. (по: Плохов, 2004, рис. 1)

В целом совокупность результатов проделанной аналитической работы позволяет говорить, что в 2014 г. впервые на Северо-Западе за последние десятилетия были подробно изучены остатки древнего комплекса местного бронзолитейного производства, а представленные материалы отражают разные стадии выплавки бронзы из природных медных и оловянных руд. Ранее на территории двора каменной крепости уже находили и частично вскрывали в 1958 г. производственный комплекс, связанный с обработкой железа и бронзы. В его составе было обнаружено более 3,3 кг кузнечного шлака, фрагменты тиглей со следами бронзы на внутренних стенках, фрагменты стенок разрушенного горна и слесарный инструмент — напильник, шило, резец и др. Слои с остатками комплекса, открытые в юго-западной части крепостного двора, лежали непосредственно на серой материковой глине и были отнесены Г. Ф. Корзухиной к X в. (т. е. к горизонту Д) (Корзухина 1961: 77, 81).

В Ладоге находили также особые формы для отливки бронзовых украшений. Еще в 1940 г. здесь была найдена глиняная литейная форма для отливки женской фигурки — амулета. Недавно на нее обратил внимание А. В. Плохов, отметив, что фигурка изображает Фрейю — скандинавскую богиню плодородия, любви и деторождения (рис. 6.18). В раннесредневековых материалах Северной Европы он нашел 11 литых рельефных женских фигурок (10 — Скандинавия, 1 — Рюриково городище), в разной степени похожих на негатив на ладожской форме (Плохов 2004: 202 и след.). В своих выводах он поддерживает исследователей, считающих, что следы присутствия скандинавов фиксируются на Ладожском поселении с момента его основания, то есть с середины VIII в. Предметы скандинавского происхождения или выполненные в северном стиле есть во всех древнейших слоях, и их наибольшее количество приходится на X в. А. В. Плохов усматривает наибольшее стилистическое сходство ладожской валькирии на глиняной форме с соответствующей находкой из Бирки и даже приходит к выводу: «Сходство изображений на подвесках из этих двух памятников в очередной раз показывает, что приходившие в Ладогу варяги были, в основном, выходцами из центральной Швеции» (Плохов 2004: 213).

В бронзолитейном производстве ранней Ладоги отчетливо просматриваются две разнонаправленные традиции — североевропейская (общебалтийская или скандинавская) и южная (славянская). Уже в 1960–1970-х гг. исследователи древней Ладоги (см. Давидан 1980) отмечали, что значительную группу ранних ладожских находок составляют нашивки из свинцово-оловянистых сплавов. Ранняя группа этих изделий связана с древнейшими горизонтами культурного слоя Земляного городища ($Е_3$) и датируется 760–780-ми гг. Кроме того, именно в Ладоге мы наблюдаем редкий пример сочетания достаточно большого набора типологически разнообразных свинцово-оловянных бляшек и формочек для их изготовления. Показательно, что эти вещи имеют достаточно определенную временную привязку к датированным слоям и комплексам. Обнаруженные в раскопках Е. А. Рябинина на Земляном городище нашивные бляшки образуют компактную хронологическую

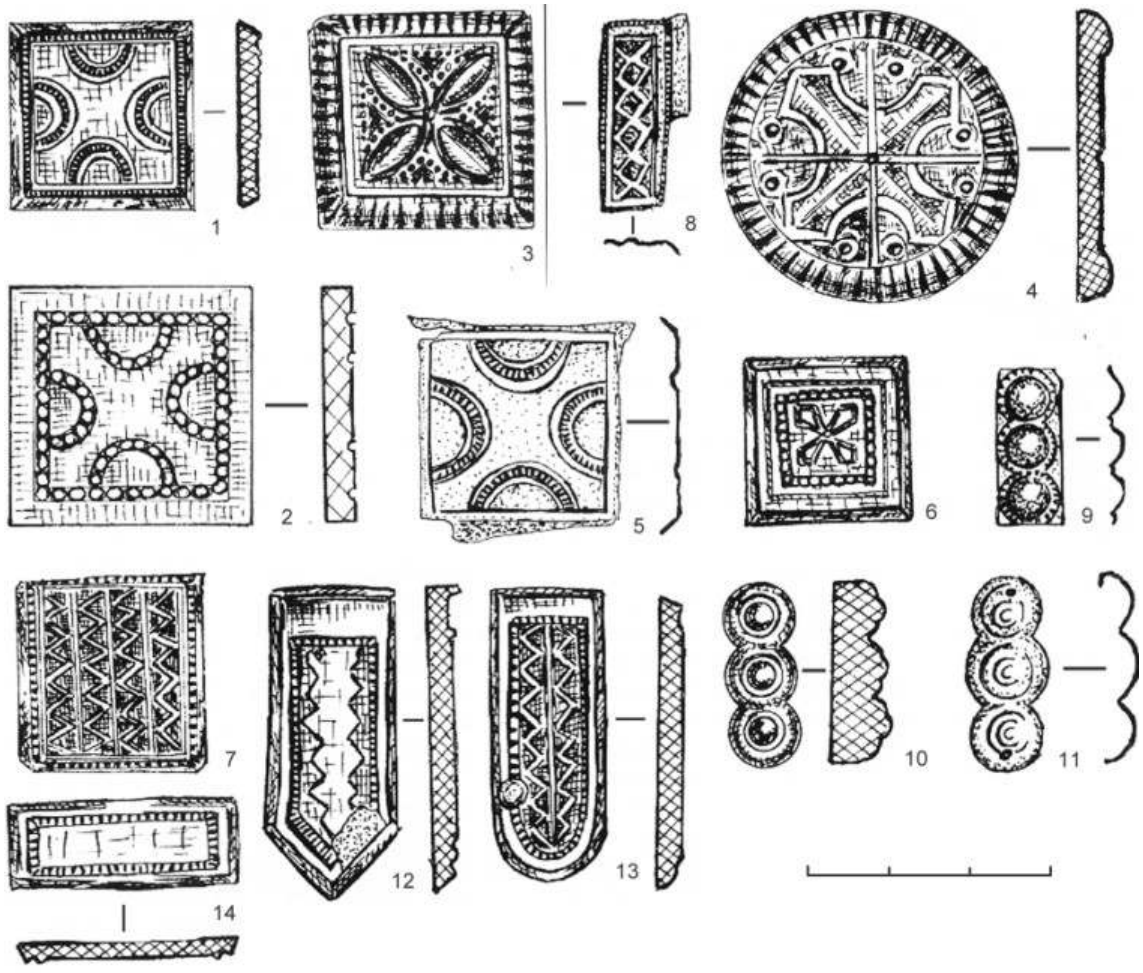


Рис. 6.19. Тисненые украшения и инструменты для их изготовления.
1, 5, 8, 9, 12 — Любшанское городище; *2* — Труворово городище, Изборск;
4 — Петерсберг; *3, 6, 7* — Бискупие; *10* — Кунстсентмартон; *11* — Бекешсаба;
13 — Якушовице; *14* — Городище на Сяси. *1, 3, 4, 6, 7, 10, 12–14* — медный сплав;
2 — камень; *5, 8, 9* — серебро на свинцово-оловянной основе;
11 — позолоченная бронза (по: Щеглова 2004, рис. 2)

группу, относящуюся к периоду функционирования древнейшего производственного комплекса (Рябинин 1994а: 50–51), а время бытования 6 из 12 найденных предметов узко определено достоверной привязкой к объектам нижней части горизонта E_3 как середина 760 — 780-е гг. (Рябинин 1985: 66–67). Разбор мнений по этому вопросу, а также рассмотрение отдельных видов вещей приводил Т. Капелле (Капелле 1989: 135–140).

Почти четверть века назад А. Д. Мачинская рассмотрела эти находки в своей дипломной работе на кафедре археологии ЛГУ, вместе с другими, введенными ранее в научный оборот О. И. Давидан (полную публикацию см.: Мачинская 2014: 81 и след.). Помимо очевидных аналогий, происходящих с памятников юго-восточного Причудья и верхнего Повеличья, А. Д. Мачинская указала на серию аналогий в ареале ранней колочинской и пеньковской археологических культур на территории Левобережной Украины. Эта серия ныне пополняется ежегодными находками —

как случайными, так и происходящими из раскрываемого культурного слоя (рис. 6.19). Отметим и случайные находки литейных формочек на разных памятниках Восточной Европы, еще не введенные в научный оборот, что было отмечено О. А. Щегловой (Щеглова 2002: 135).

В слоях середины IX–X вв. также отмечено много таких предметов. Здесь найдена формочка для отливки трапециевидных привесок, розеток и круглой выпуклой бляшки, а также форма с негативом трехрогой лунницы с имитацией гроздьев зерни на концах, подвески — деривата украшений круга выемчатых эмалей и бляшки-розетки со штрихами по краю. К раннему времени относится и случайная находка пряслица, выточенного из литейной формы с негативом плоской подвески колоколовидной формы.

Позднее все наблюдения О. И. Давидан и А. Д. Мачинской были рассмотрены О. А. Щегловой, которая учла и ввела в оборот множество новых материалов, происходящих из широкого круга памятников Восточной Европы, в том числе неопубликованных и малоизвестных. По ее мнению, регион Причудья и Поволховья со второй половины VIII в. становится центром, из которого расходятся созданные здесь украшения, подобные описанным. Конкретными местами изготовления свинцово-оловянных нашивных бляшек являлись Ладога и соседнее с ней Любшанское городище (Щеглова 2002: 135, 147; Рябинин, Дубашинский 2002: 196 и след.). Анализ этого последнего памятника ныне производится в широком контексте синхронных поселений Восточной и Северной Европы (Миляев 2015: 108 и след.; 2017: 225 и след.). Таким образом, работы последних десятилетий наметили группу украшений, которые, надо полагать, отражают устойчивые славянские традиции ювелирного ремесла в зоне расселения славянских племен во второй половине I тыс. н. э.

Рассмотренные материалы наглядно показывают, что Ладога сложилась как один из древнейших раннесредневековых ремесленных центров Северной Европы, многие из которых хорошо изучены в ареалах Балтийского и Северного морей. Ее рождение синхронно по времени (или предшествует!) появлению аналогичных центров на побережье южной Балтики. Все это позволяет рассматривать Ладогу в едином контексте североевропейского мира, развивавшего на тот момент весьма прогрессивные ремесленные технологии (в первую очередь, металлообработки).

Дальнейшее изучение ладожского ремесла следует вести с привлечением широкого сравнительного материала из разных европейских поселений эпохи викингов, где ныне открыты многочисленные следы древних производств. Это, в первую очередь, норвежский Каупанг, где изготавливались бусы из стекла и янтаря, присутствовали ювелирное, косторезное, текстильное производства (Knagenhjelm 2008: 57–71), а также датские города Рибе и Орхус (800–1050 гг.), где открыты производственные места кузнецов и литейщиков с большим количеством орудий и отходов производства (Kieffer-Olsen 2006: 641–650; Skov 2008: 215–226).

Необходимо также отметить особенности положения Ладоги на стыке нескольких «культурных миров» и активное межкультурное и межэтническое общение, продолжавшееся здесь столетиями и служившее залогом развития новых культурных традиций. Исследователи, обращавшиеся к материалам этого памятника,

постоянно отмечали наличие разноэтничных элементов в культуре жителей Старой Ладоги (Давидан 1971; 1973; 1986; Кирпичников 1985б; 1995; Корзухина 1965: 13; Лебедев 2005: 488–490; Петренко 1984; Рябинин 1994а; Плохов 2010: 165 и след.). Наряду с североевропейскими древностями, ярко представленными в коллекциях, и многочисленными восточными импортами, в древнейших слоях поселения присутствуют разнообразные компоненты материальной культуры, связанные со славянским и финно-угорским мирами.

Почву для их продолжительного культурного взаимодействия создавало, вероятно, само положение Ладоги как ключевого властного центра региона, тесно связанного к тому же с международной торговлей. Высокотехнологичные ремесла, развитие которых шло на основе предшествующих традиций европейской городской культуры, сложившейся в зоне влияния бывшего римского *civitas*, сочетались здесь с производствами, призванными обеспечивать повседневную жизнь населения и уходившими корнями в местные культуры железного века.

ГЛАВА 7
Кожевенное дело в раннесредневековой Ладоге

Постановка проблемы

Начальный период сложения средневекового русского городского кожевенного ремесла (VIII–X вв.) в настоящее время можно изучать почти исключительно на археологических материалах Старой Ладоги, объем которых увеличивается из года в год. Эти материалы весьма представительны; в них преобладают обувные детали и целые модели. В целом их сравнительный анализ позволяет сделать достаточно ответственные выводы. Кроме ладожских материалов к древнейшему периоду русской истории можно относить только единичную находку 1994 г. с Рюрикова городища (рис. 7.1, 7.2).[1]

Расширение базы археологических источников и появление аналитических работ по истории кожевенного ремесла в разных регионах Северной и Западной Европы (Курбатов 2006: 54 и след.) дает возможность провести детальное сравнение форм и стилей декора обуви на различных поселениях эпохи раннего средневековья, выявить их динамику и особенности развития. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать кожевенно-обувное производство на северо-западе Руси в более широком контексте развития общества и ремесла раннесредневековой Европы.

Изучение европейского обувного моделирования показало, что *смена основных моделей и стилей обуви на протяжении всего средневековья происходила с периодичностью в 40–50 лет*, то есть через поколение. В качестве примера можно привести результаты изучения обуви в Лондоне и странах Скандинавии (Курбатов 1992; 2005; Grew, de Neergaard 1988; Swann 2001). Динамичная смена стилей и фасонов обуви хорошо прослеживается для периода X–XV вв. в силу преобладания в городских слоях материалов именно этого времени. Однако у нас нет оснований полагать, что это было несвойственно обувной моде и технике ее пошива и в предшествующем периоде VIII–X вв.

Накопление новых источников и сравнительный анализ материалов кожевенного ремесла Древней Руси и Западной Европы обнаруживают противоречие в хронологической приуроченности (и, как следствие, в историко-культурной трактовке) кожаных изделий из древнейших слоев Старой Ладоги: находки из древнейших слоев горизонта Е датируются излишне широко — второй половиной VIII — IX в., тогда как напластования горизонта Д относятся к X в. (Кирпичников 1985: 3; Кузьмин 1997: 343 и след.). При этом названные хронологические границы горизонта Е

[1] Имеется в виду находка на раскопе 2, разбитом на южном берегу Сиверсова канала, где в слое конца IX — начала X в., была найдена двудетальная модель мягкой туфли. Ее верх, с боковинами высотой 13–15 см, выкроен в одну деталь, продольно-симметричную от пятки, где правая и левая половины верха сшивались по оси носка (Курбатов 1997: 120, 122; 2007: 89 и след.; Носов 1995-А: 8).

Рис. 7.1. Рюриково городище. Модель обуви из раскопок 1994 г.

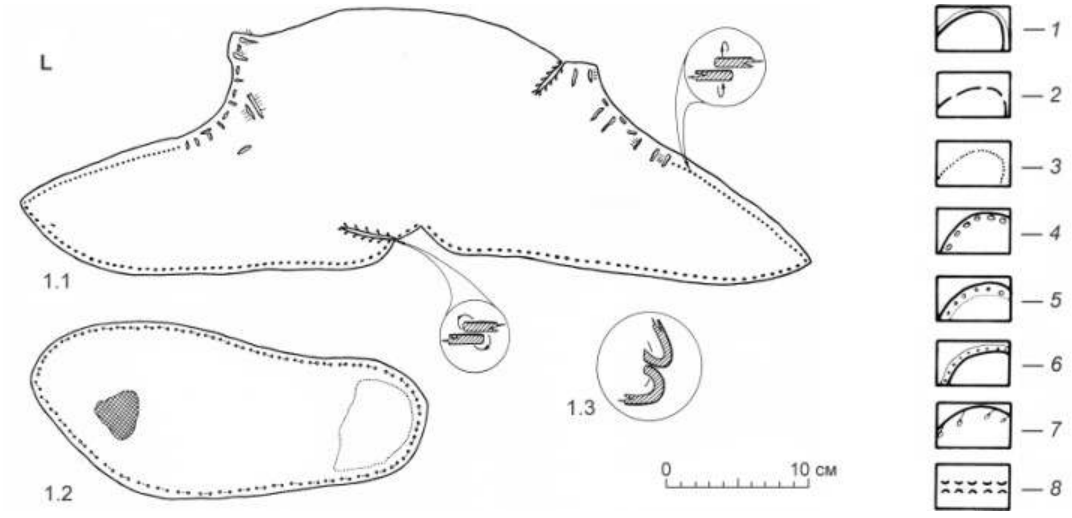


Рис. 7.2. Рюриково городище. Раскройка обуви из раскопок 1994 г.
Условные обозначения (к рисункам главы 7): *1* — лицевой и внутренний края обреза; *2* — вторичный обрез детали; *3* — обрыв края детали; швы: *4* — сквозной; *5* — выворотный; *6* — тачной; *7* — «через край»; *8* — «слепой», или ложный

подтверждены заключениями нескольких поколений исследователей, основанных как на анализе вещевого комплекса, так и на дендрохронологии. Первый опыт такого разностороннего независимого датирования получен на материалах раскопок Е. А. Рябинина 1973–1975 гг. (Рябинин 1985: 39–55; Черных 1985а: 76 и след.).

Между тем весь комплекс кожаных предметов (прежде всего форм обуви) в толще горизонте Е представляется «монолитным». Не просматривается никакого развития обувных конструкций. Напротив, все изделия отражают определенный стандарт, демонстрируют идентичность техники кроя, пошива и декора, а также

выделки кожевенного сырья. На наш взгляд, подобная ситуация должна соответствовать достаточно короткому периоду изготовления вещей, примерно в рамках двух поколений мастеров-обувщиков. Учитывая относительно быстрый износ обуви, сопровождавшийся ее возможным перешиванием или выбрасыванием, то есть попаданием непосредственно в культурный слой, само отложение слоя на участках, с которых происходят эти находки, заняло бы более ограниченный промежуток времени, чем указанный выше. Трудно согласиться с утверждением о неизменности кожевенно-обувной техники и моделирования на протяжении полутора столетий.

Хронология раскопов № 4 и 5 Земляного городища

Основанием для подобных выводов служат результаты изучения древесных спилов, полученные на раскопах № 4 и 5 в южной части Земляного городища в самые последние годы (раскопки А. Н. Кирпичникова). Например, постройки самого нижнего горизонта застройки на раскопе № 4, по определению псковского специалиста М. Е. Кулаковой, распределяются следующим образом. Из 35 образцов, отобранных для определения, порубочная дата установлена для 16 спилов. Такой невысокий процент определимого дерева можно объяснить использованием в застройке раннего горизонта достаточно молодой древесины, в основном возраста менее 50 лет. Образцов, имеющих 30 и менее годичных колец, насчитывается 14; 31–50 колец — 11; 51–100 колец — 7; 101–150 колец — всего 3. При этом образцы, имеющие менее 30 годичных колец, для датирования не использовались (Кирпичников 2011-А) (табл. 7.1).

Таблица 7.1. Датированные древесные спилы из раскопа 2010 г.

№	Наименование объекта	Возраст	Дата рубки
2	Столб из ямы, постройка 2009 г.	146	905
4	Настил постройки 3, к югу от северного бревна	33	870
5	Настил постройки 3, 4-е бревно с северной стороны	32	879
6	Лага под настилом постройки 3	44	880
10	Бревно обноски южной стены постройки 2	58	882
13	Спил 13	63	890
16	Столб	64	898
17	Венец сруба	125	912
21	Столб в площади постройки 2	49	878
22	Восточное бревно настила	48	880
23	Западное бревно настила	48	880
24	Бревно	59	864
27	Столб	128	909
30	Постройка у северной стены раскопа	45	873
32	Постройка у северной стены раскопа	67	885
35	Постройка у северной стены раскопа	47	876

Еще более показательные материалы получены при разборке нижних напластований в раскопе № 5, примыкавшем к раскопу № 4 с востока (Кирпичников 2014-А; Кирпичников и др. 2015: 40–42). В 2013 г. было завершено изучение раскопа № 5 и вскрыто до 0,5 м толщи культурных отложений раннего средневековья. Были зафиксированы три стадии перестройки одного жилого сооружения. О перестройках дома на самых ранних фазах его существования свидетельствуют обрезки бревен с врубками на концах, находящиеся во вторичном использовании, слои глиняной забутовки вдоль восточной стены сруба, а также прослойки навоза и щепы. На основании ранее полученных дендродат, можно утверждать что этот дом использовался людьми во второй половине IX в. (табл. 7.2).

Таблица 7.2. Обработанные спилы из раскопа 2013 г.
(по: Кулакова 2014-А, 82–83)

№	Наименование объекта	Возраст	Дата рубки
1	Постройка 10. Бревно настила в ЮВ углу постройки (второе)	33	879 или 847
2	Постройка 10. Бревно настила в ЮВ углу постройки (восьмое)	26	Не датир.
3	Постройка 10. Бревно настила в ЮВ углу постройки (девятое)	31	879 или 845
4	Постройка 10. Бревно настила в ЮВ углу постройки (десятое)	33	879 или 845
5	Постройка 10. Лага у восточной стены	35	887 или 840
6	Постройка 10. Лага у восточной стены	29	Не датир.
7	Бревно с поперечным вырезом	53	888 или 837
8	Постройка 10. Восточная стена, нижний венец	56	882 или 837
9	Постройка 10. Южная стена, нижний венец	58	886 или 856
10	Постройка 10. Лага под настил внутри постройки	27	Не датир.
11	Постройка 10. Бревно восточной стены	35	882 или 835

К срубу с южной и северной стороны примыкали ровики, служившие для отвода дождевой воды от стен сруба. С периодом существования и обновления открытой срубной постройки связана значительная часть найденной вещевой коллекции. Открытые ровики имеют большое значение для уточнения планиграфии кожаных изделий, а следовательно, и для их датировки.

Ниже культурных отложений второй половины IX в. находился слой черной погребенной почвы мощностью 10–15 см, насыщенный углем и золой. Он покрывает всю площадь настоящего раскопа и ранее был изучен на раскопах № 3 и 4. Здесь зафиксированы борозды распашки, которые можно связывать с применением плужной обработки земли, привнесенной в северную часть Восточной Европы славянским населением. Взятые из черного гумуса образцы для радиоуглеродного датирования показали калиброванные даты в интервалах (2ī) 408–668, 433–661 и 539–761 гг. С уровня этого же слоя в материк были впущены шесть ям разного назначения. В заполнении ям встречены скопления камней, фрагменты лепной

керамики, кости животных и единичные вещи. Две самые большие ямы, размерами около 3 × 3 м, условно можно отнести к остаткам заглубленных оснований наземных построек. В одной из них встречен полностью сохранившийся двусторонний роговой гребень с чехлом, покрывающим зубья. Гребень относится к кругу среднеевропейских изделий эпохи Меровингов, распространенных в Центральной Европе в период от 470/480 гг. до 630/640 гг.

Описанные находки заставляют по-новому взглянуть на проблему хронологической привязки отдельных участков Земляного городища. К ним следует подходить дифференцированно. Если в некоторых случаях может оказаться, что культурные остатки датируются даже ранее середины VIII в. — общепринятой на сегодня нижней даты памятника — то на ряде участков начало застройки горизонта Е относится к периоду не старше середины IX в.

История формирования коллекции кожаных изделий из раскопок в Старой Ладоге

Кожаные предметы эпохи раннего средневековья в Старой Ладоге найдены на двух участках первоначального поселения — на Земляном городище и на левом берегу р. Ладожки, у ее впадения в Волхов.

Земляное городище: находки из раскопок
Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябинина

Первые упоминания кожаных изделий на Земляном городище отмечены в раскопках Н. И. Репникова 1911 г.: «Когда обнаруженные настилы были изучены и сняты, под ними пошел мощный до одного аршина толщиною слой навоза, перемешанный с соломою и щепой. Углубляясь далее, встретился еще ряд помостов. В промежутке между настилами, в слоях навоза найдены многочисленные изделия из кости, как-то: гарпуны, шила и проч., ряд предметов из дерева и кожи, включительно до обуви» (Репников 1915: 37).

Комплекс кожаных предметов из древнейших слоев Староладожского поселения, по раскопкам на Земляном городище 1940–1950-х гг., хранящийся в Государственном Эрмитаже (далее — ГЭ), был подробно рассмотрен Е. И. Оятевой, которая описала 182 предмета[2] (Оятева 1965: 42–52, табл. 1). В этом небольшом собрании кожаных предметов Е. И. Оятева выделила восемь видов кроя мягкой обуви — 34 экз., отдельные находки рукавиц, чехлов для ножей и узких ремешков — 7 экз., а также производственные и эксплуатационные отходы — 95 экз. Кожаные изделия были отнесены, без разделения по микрослоям, к VII–IX вв., в соответствии с принятой на то время общей датировкой древнейших горизонтов. Позднее Г. Ф. Корзухина высказала справедливые сомнения в обоснованности нижней даты поселения, предложив относить всю толщу слоев Е к VIII–IX вв. (Корзухина 1971: 123–131).

[2] Число предметов из ранних слоев поселения, хранимых в фондах ГЭ, в работах разных исследователей определенно не совпадает. Если Е. И. Оятева говорит о 182 предметах, то, например, О. И. Давидан называет «свыше 200 кожаных изделий» (Давидан 1971: 134). Мы, со своей стороны, располагаем информацией об ином количестве учтенных кожаных предметов из этих раскопок.

Эта попытка пересмотра хронологии ладожского поселения способствовала поиску новых, более объективных археологических критериев для датирования древнейших слоев.

В работе Е. И. Оятевой отмечалось своеобразие конструкций древнейшей ладожской обуви по сравнению с изделиями XI–XII вв. из древнерусских городов. Но было отмечено сходство ладожской обуви с находками из слоев IX–XII вв. на памятниках Польши и из «королевского» погребения X в. в Осеберге. Достаточно полно описаны выделенные виды обуви, предложены ее реконструкции и сделаны возможные исторические выводы. Ограниченный объем издания не позволил представить графически и описать весь комплекс находок, что было насущно необходимым для исследователей. Такая работа была выполнена позднее (Курбатов 2008а: 68 и след., таблицы).

В раскопе 1947 г. на Земляном городище, согласно передаточной описи, было найдено 69 предметов (Равдоникас 1947-А). Кроме них, в музейное хранение попали вещи из комплексов находок, не разобранных в «поле». Всего в фондах ГЭ находится 88 предметов, среди них: 45 обрезков от раскроя, 2 неопределенные детали, 6 ремешков-завязок, 25 полных и фрагментированных деталей верха обуви, 6 подошв, 1 обшивка края обуви, 2 чехла для ножей и 1 берестяной плетеный ремешок.

При небольшом объеме целых или определимых изделий основное значение для сравнительного анализа имеют детали обуви, среди которых преобладают детали верха. Среди подошв есть два целых экземпляра — со слегка приостренным носком и округлой пяткой (рис. 7.3: *10.1,* 7.4: *1*) и два обрезка с заостренной пяткой (рис. 7.3: *13*, 7.4: *2*). Сохранился один полный верх башмака с завязками (рис. 7.3: *1*). Возможно, фрагмент с полуотрезанным сужающимся краем представлял воплощение особого приема однодетального раскроя туфли. В нем можно предполагать сохранение цельнокроеной туфли, при намеченном в носке и пятке отделении подошвы от верха (рис. 7.3: *3*).

Декор встречен на нескольких предметах — это продольный шов, выполненный на разрезе по оси носка, и горизонтальные разрезы со швами на высоких боковинах (рис. 7.3: *16*). Своеобразным декоративным элементом является волютообразный разрез со швом, сохранившийся на трех фрагментах (рис. 7.3: *6, 9, 14*) и одной полной раскройке верха (рис. 7.5: *2*). Особую форму декора составляют ряды очень мелких и частых прорезей на одной из деталей, вероятно, относящейся к обувным моделям. Сделанные в несколько рядов прорези, видимо, служили для продергивания тонкой декоративной растительной или металлической нити, но оттиски предполагаемых нитей практически не видны (рис. 7.3: *7*).

Кроме обуви, в коллекции имеются два чехла для ножей и другие предметы. Целый чехол, длиной 15 см и шириной в устье 4,7 см, был сшит сбоку, где виден фигурный край с невыразительным уступом и вертикальный разрез для ремешка, крепившего чехол на поясе (рис. 7.4: *8*). Возможными примерами таких ремешков являются находки шириной 9 мм с одним обрезанным концом и петлей на другом (рис. 7.4: *5, 6*). Обрезанные концы ремешков можно рассматривать как свидетельства частого обрезания подвешенных к поясу предметов. Чехол с оборванными концами, длиной 14 см и шириной 3,5 см, также был сшит сбоку, но не растительной, а вальцованной металлической нитью, о чем свидетельствуют глубокие, четкие отпечатки по краям отверстий (рис. 7.4: *7*). Из завязок наиболее полно сохранился

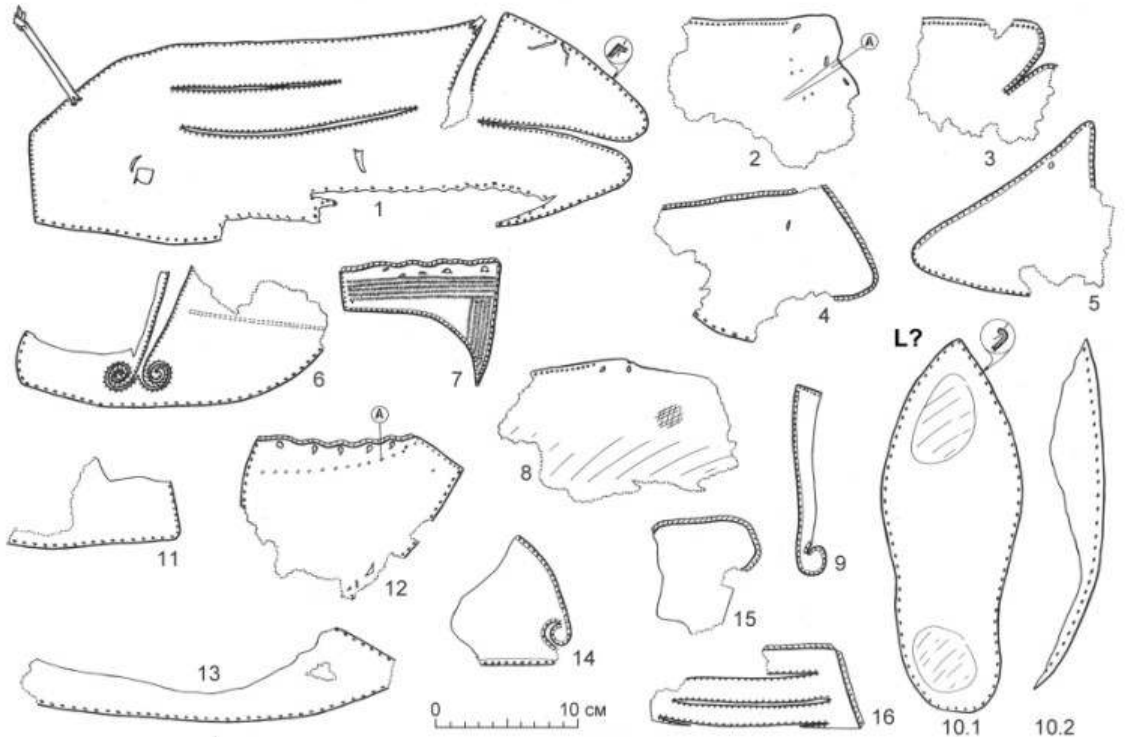


Рис. 7.3. Старая Ладога. Раскоп 1947 г. (ГЭ, индекс хранения «Л»).
1 — № 1993; *2* — № 1199; *3* — № 1813; *4* — № 1982; *5* — № 1982; *6* — № 1993; *7* — № 1993; *8* — № 1448; *9* — № 1907; *10* — № 1822; *11* — № 1993; *12* — № 1993; *13* — № 1993; *14* — № 1655; *15* — № 2698/380; *16* — № 2698/380

ремешок длиной более 28 см, с узлами на концах (рис. 7.4: *10*). Также выделен фрагмент поясного ремня (?) длиной 14,5 см при ширине более 3,5 см (рис. 7.4: *9*) и обрезок неопределенной детали с парой отверстий, возможно, служивших для крепления завязки (рис. 7.4: *13*). Кроме деталей, в коллекции присутствуют обрезки от раскроя.

Самой крупной является коллекция из раскопа 1950 г. — 196 предметов (Равдоникас 1950-А). Среди них определены 31 деталь верха обуви и 11 подошв. Кроме раннесредневековых вещей в коллекции присутствуют изделия из слоев XVI–XVII вв. — пять лаптей и девять фликов наборного кожаного каблука, которые не учитывались ранее (Курбатов 2011: 141 и след.). Это собрание содержит наибольшее число целых обувных деталей и изделий, что позволило реконструировать все многообразие конструкций обуви в раннесредневековой Ладоге (рис. 7.5, 7.7–7.10). Среди других изделий отметим чехол для ножа, сшитый сбоку обметочным швом «через край» (рис. 7.10: *5*), два узких ремешка (рис. 7.10: *9*), усилительную накладку (рис. 7.10: *7*), обшивку края с тремя рядами мелких частых декоративных прорезей (рис. 7.10: *6*), семь неопределенных деталей (рис. 7.10: *11, 15, 20*), девять ремешков-завязок и 119 обрезков кожи (рис. 7.10: *8, 10, 12–14, 16–19*, 7.11).

Крупной для ранней Ладоги можно назвать и коллекцию 1959 г., содержащую 78 предметов, среди которых 17 деталей верха туфель и 5 подошв. Имеется два целых экземпляра мягкой обуви, описанные в работе Е. И. Оятевой. Здесь мы отметим только обрезок с ремешком-застежкой, фигурным обрезом верхнего края и тремя кожаными пуговицами (рис. 7.12: *1*), а также три обрезка носков верха туфель

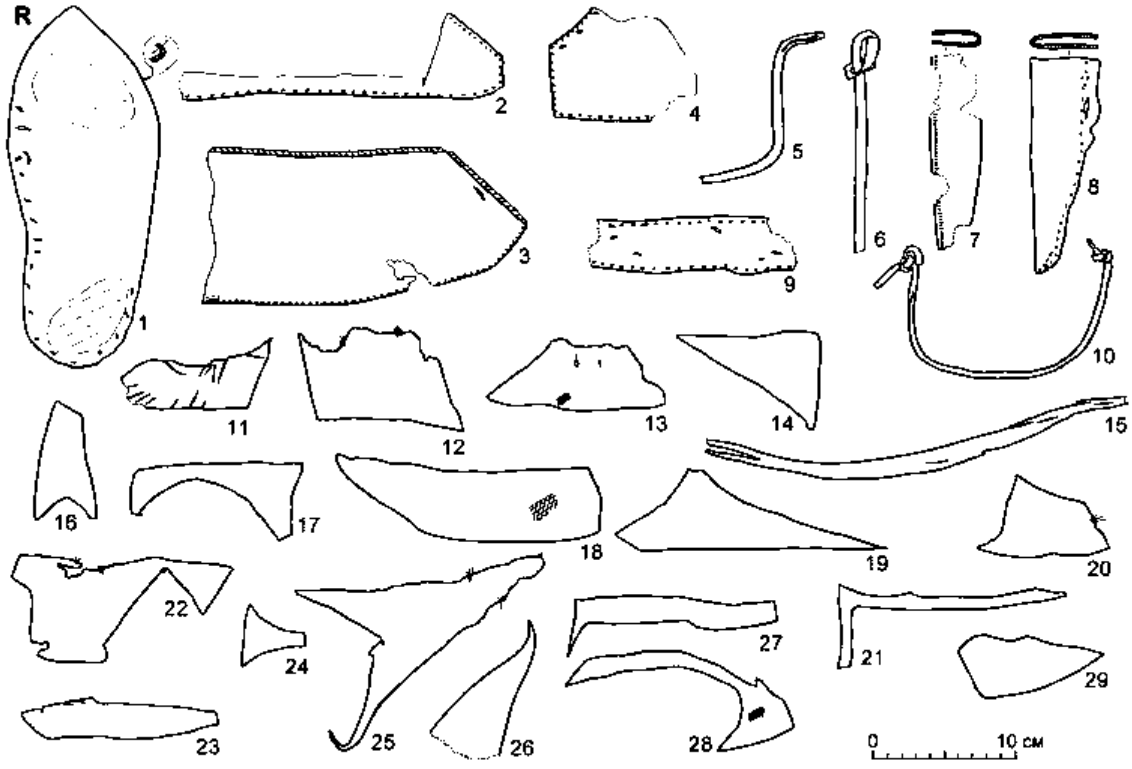


Рис. 7.4. Старая Ладога. Раскоп 1947 г. (ГЭ, индекс хранения «Л»). *1* — № 63, 2698/381; *2* — № 63, 2698/381; *3* — № 994–996; *4* — № 1408; *5* — № 1408; *6* — № 1408; *7* — № 1448; *8* — № 1813; *9* — № 1982; *10* — № 1993; *11* — № 1813; *12* — № 1564; *13* — № 1408; *14* — № 1448; *15* — № 1907; *16* — № 1435; *17* — № 1408; *18* — № 1279; *19* — № 1191; *20* — № 1125; *21* — № 1515; *22* — № 1876; *23* — № 1876; *24* — № 1900; *25* — № 1366; *26* — № 1490; *27* — № 1490; *28* — № 1490; *29* — № 1515

(рис. 7.12: *2, 3, 5*) и две фрагментированные подошвы с округлой пяткой (рис. 7.12: *4.2, 6*). С конструкцией обуви может быть связана и деталь с пятью рядами очень мелких и частых прорезей (рис. 7.12: *7*). Среди других видов кожаных изделий отметим три куска меха, меховую рукавицу, узкий ремень неопределенного назначения (рис. 7.12: *12*), ремешок-завязку (рис. 7.12: *10*), два парных овальных предмета с обшивками по краю (рис. 7.12: *11, 13*), обрезки изделий (?) (рис. 7.12: *9*, 7.13: *1, 7, 10, 14*) и 38 обрезков от раскроя (в том числе негатив фигурно вырезанной детали (рис. 7.12: *15*)) и от выкраивания узких ремней по периметру (рис. 7.12: *14*, 7.13: *4, 5*).

Небольшое число кожаных находок из слоев Е дали раскопки 1948 г., от которых сохранилось семь деталей верха обуви, и раскопки 1958 г. (рис. 7.14), от которых в хранение ГЭ поступило 14 предметов: четыре детали верха мягкой обуви, одна завязка, три неопределимые детали, четыре обрезка от раскроя и два обрывка кожи.

Столь небольшой объем собрания кожаных находок, собранных со значительной площади, наводит на мысль о возможной выборке находок, поступивших в музейное хранение. К этому подталкивает и знакомство с раскопками других средневековых городских поселений, в которых кожаные изделия и обрезки порой составляют значительную или даже преобладающую часть вещевой коллекции. Поэтому, прежде чем приступать к анализу материалов из раскопок

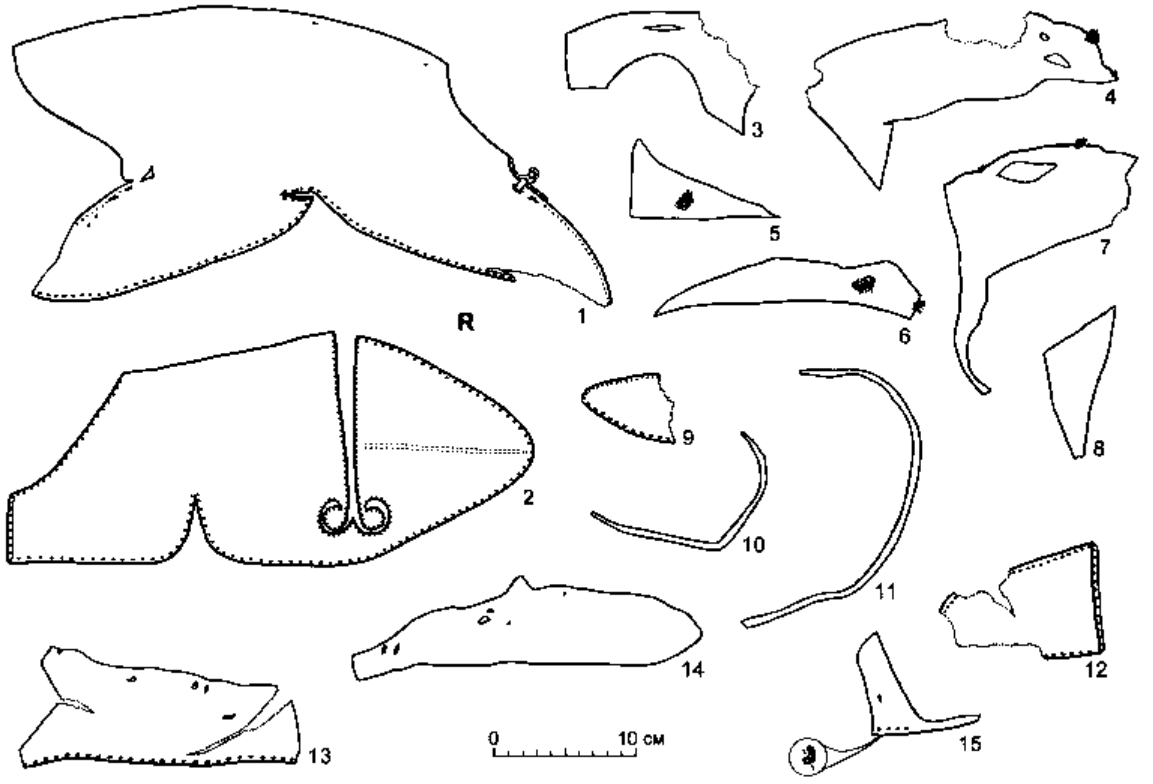


Рис. 7.5. Старая Ладога. Раскопы 1947 (2), 1950 (3 — 9, 12) и 1959 гг. (1, 10–11, 13–15). *1* — ЛДГ № 119; *2* — Л № 1993; *3* — ЛС № 562; *4* — ЛС № 1692; *5* — ЛС № 1700; *6* — ЛС № 1700; *7* — ЛС № 1163; *8* — ЛС № 1167; *9* — ЛС № 1700; *10* — ЛДГ № 390; *11* — ЛДГ № 501; *12* — ЛС № 1150; *13* — ЛДГ № 390; *14* — ЛДГ № 390; *15* — ЛДГ № 9

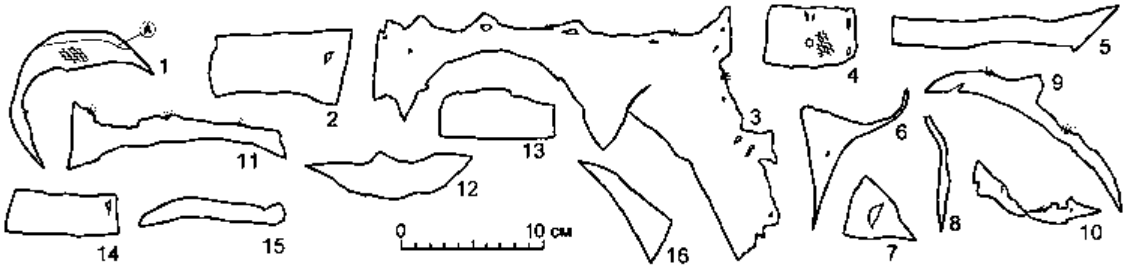


Рис. 7.6. Старая Ладога. Раскоп 1947 г. (ГЭ, индекс хранения «Л»). Обрезки деталей и раскроя. *1* — № 1490; *2* — № 2698/386; *3* — № 856; *4* — № 1490; *5* — № 1490; *6* — № 1376; *7* — № 1158; *8* — № 1376; *9* — № 693, 2698/375; *10* — № 693, 2698/375; *11* — № 693, 2698/375; *12* — № 618, 2698/384; *13* — № 618, 2698/384; *14* — № 1641; *15* — № 1641; *16* — № 1993

В. И. Равдоникаса, понадобилось внимательно просмотреть научные отчеты по раскопкам, чтобы оценить, какой объем кожаных предметов был встречен на раскопах, все ли находки отмечены в описях и могла ли часть мелких обрезков вообще не попасть в коллекцию. Необходимо было также уточнить, в каких комплексах и слоях были найдены кожаные изделия.

В этом плане показателен Отчет за 1959 г. — последний год раскопок В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге (Равдоникас 1959-А). Завершалось изучение участка

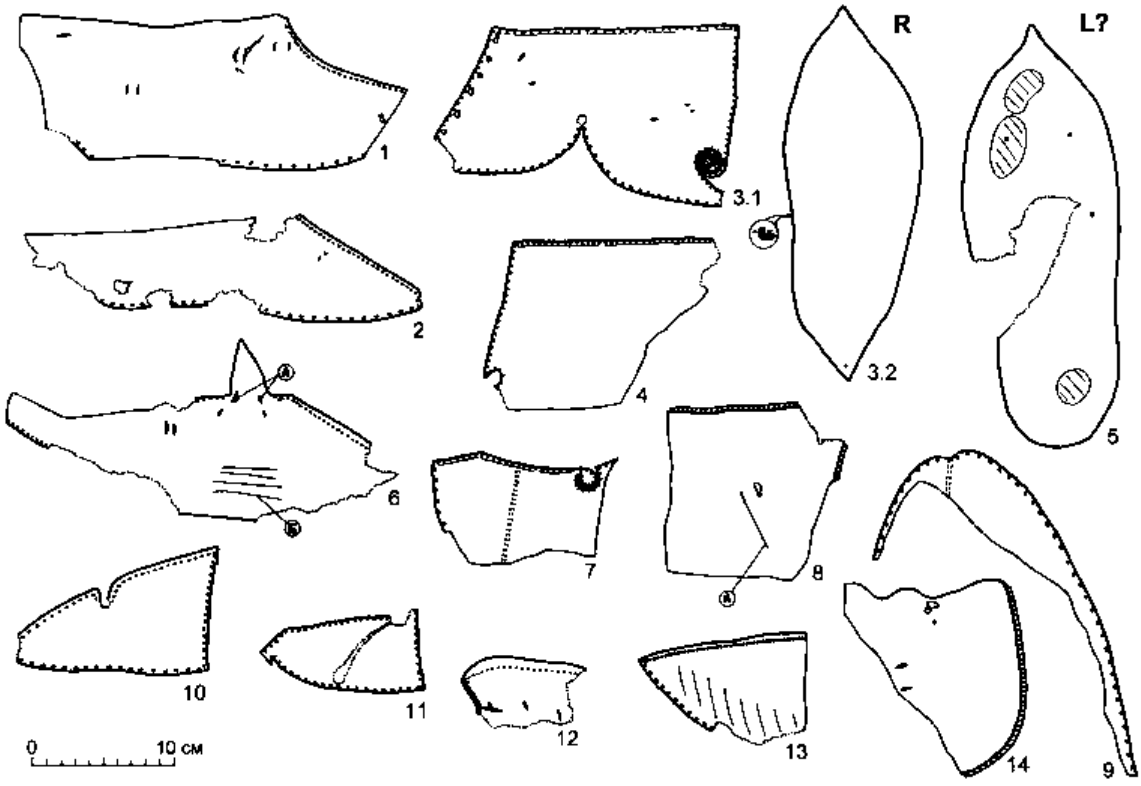


Рис. 7.7. Старая Ладога. Раскоп 1950 г. (ГЭ, индекс хранения «ЛС»). *1* — № 1253; *2* — № 1370; *3* — № 537; *4* — № 361; *5* — № 1707; *6* — № 1307; *7* — № 1109; *8* — № 1636; *9* — № 1285; *10* — № 1150; *11* — № 1253; *12* — № 1502; *13* — № 1370; *14* — № 1496

площадью 362 м^2 в юго-западной части городища, начатое в 1957–1958 гг. В 1958 г. слой был раскрыт до горизонта E_1, содержавшего остатки деревянных сооружений IX в. (л. 1). Здесь был открыт комплекс, названный «кузницей». При доследовании горизонта E_1 в 1959 г. найдено много предметов из разных материалов, в том числе подражание куфическим монетам и синяя стеклянная подвеска-лунница, аналог находки в Верхнем Салтовском могильнике, датируемая VIII–IX вв.

Кожаные предметы отмечены только при разборке следующего горизонта, названного E_2. В северной пристройке, связанной с жилым сооружением, раскопанным еще Н. И. Репниковым в 1913 г., в заполнении хозяйственной постройки найден «фрагмент носочной части кожаного башмака с орнаментальной продержкой (ЛДГ-153)» и несколько бусин, в том числе сердоликовая призматическая (ЛДГ-152б) (л. 7). Надо отметить, что на многих бревнах и досках на этом уровне зафиксированы следы воздействия огня.

В северо-восточном секторе раскопа найдены остатки печи без следов постройки, кв. ТУ — VI–VII. Среди немногих предметов здесь отмечены фрагмент ткани (ЛДГ-192) и «кусок меха (ЛДГ-185)» (л. 17).

Под горелым горизонтом E_2 выделен «промежуточный горизонт». В нем описаны остатки двух построек. В постройке в кв. ОПР — V–VII неопределенного назначения кроме других предметов отмечена «находка двух кусков кожаных изделий (ЛДГ-287 и 316)» (л. 26). Далее следует: «Кроме того, рядом с постройкой, в квадрате П-VIII на глубине –160 см, в слое рыбьей чешуи, найден женский кожаный башмак

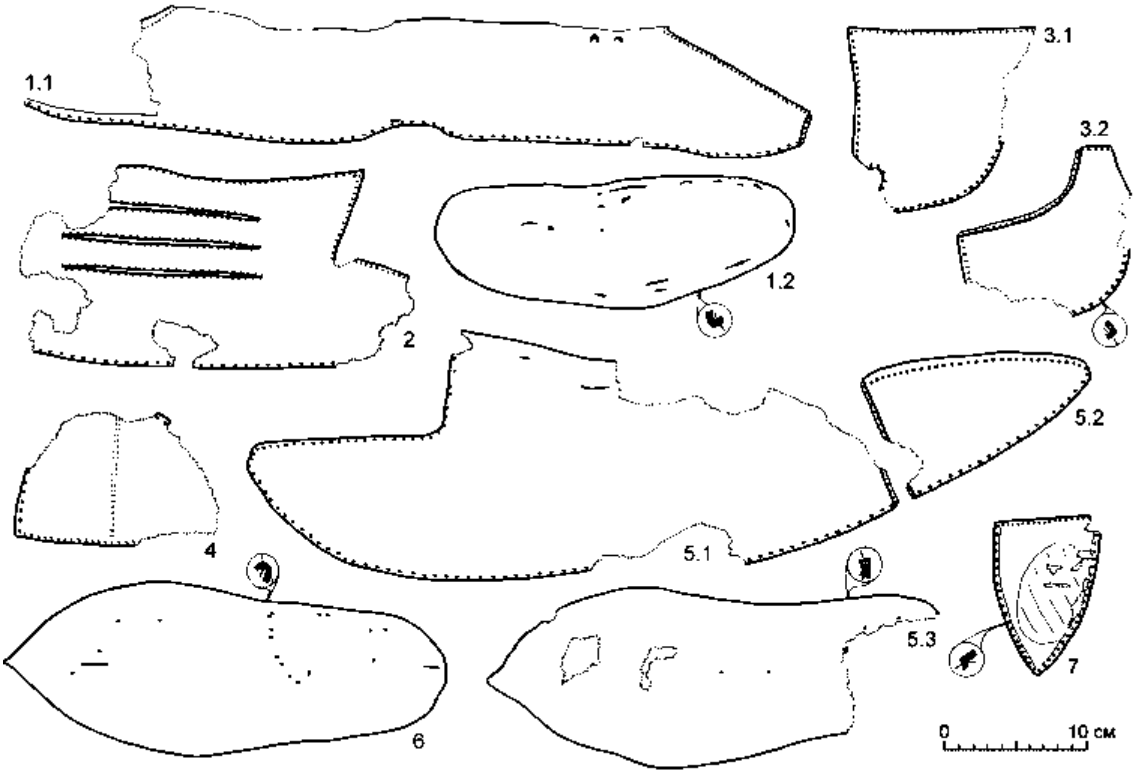


Рис. 7.8. Старая Ладога. Раскоп 1950 г. (ГЭ, индекс хранения «ЛС»). *1* — № 1506; *2* — № 1900; *3* — № 1212; *4* — № 1206; *5* — № 1900; *6* — № 1900; *7* — № 1372

на левую ногу (размер 37–38), украшенный волютами с наружной стороны ноги и вышивкой (от последней остались только следы продергивания нитей). Башмак зашнуровался на внутренней стороне ноги ремешком (ЛДГ-329, табл. L, 2)» (л. 26). Среди находок из слоя, не связанных с какими-либо комплексами, упомянуты «несколько фрагментов кожи и меха, меховая рукавица (ЛДГ-371), детский кожаный башмачок, сшитый из одного куска кожи со шнуровкой (ЛДГ-342, табл. L, 1)» (л. 26).

В слое E_3, на котором также отмечены следы пожара, открыто три комплекса. Среди находок, не соотнесенных с сооружениями, названы «фрагменты кожаной обуви (ЛДГ-456, 458, 463, 516), обрезок шкуры (ЛДГ-451)» (л. 35).

Далее следует: «После снятия описанного слоя горизонта „Е-3“ была обнажена древняя поверхность — слой черной земли мощностью 5–7 см, ненарушенной почвенной структуры, абсолютно стерильный, без каких-либо включений щепы или навоза и без находок. Под слоем древней почвы открывалась синеватая материковая глина. Древние насельники Ладоги оставили после себя ряд выкопанных в материке ям и канав осушительного и хозяйственного назначения» (л. 35). В одной из таких ям среди других находок отмечены «несколько обрезков кожи (ЛДГ-477, 480, 481)» (л. 36). В одном случае отмечена связь осушительной канавки с постройкой: «Вдоль западной стенки раскопа вытянулась осушительная канава, по-видимому, имевшая отношение к постройке с настилом, к которой она примыкает своим южным концом». Вторая осушительная канава, в кв. ПРС — XIII–XIV, «возможно определяющая юго-восточный угол постройки с настилом (табл. LXI)» (л. 36).

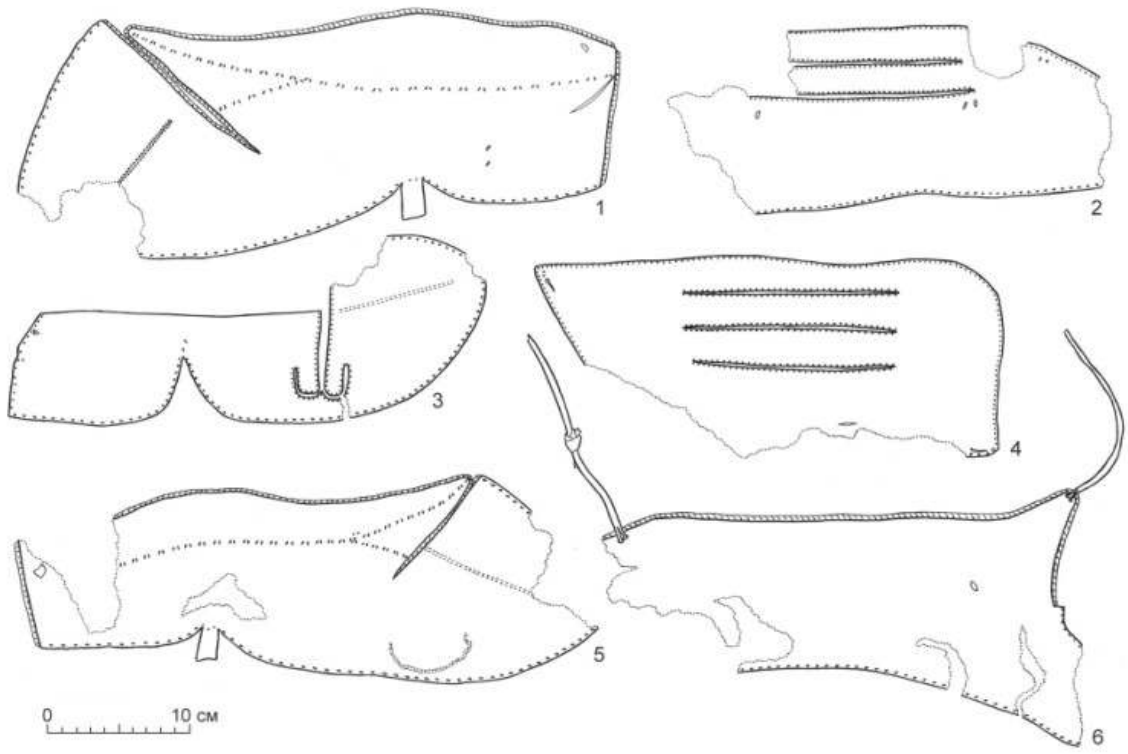


Рис. 7.9. Старая Ладога. Раскоп 1950 г. (ГЭ, индекс хранения «ЛС»). *1* — № 2014; *2* — № 1681; *3* — № 1700; *4* — № 1534; *5* — № 1428; *6* — № 1253

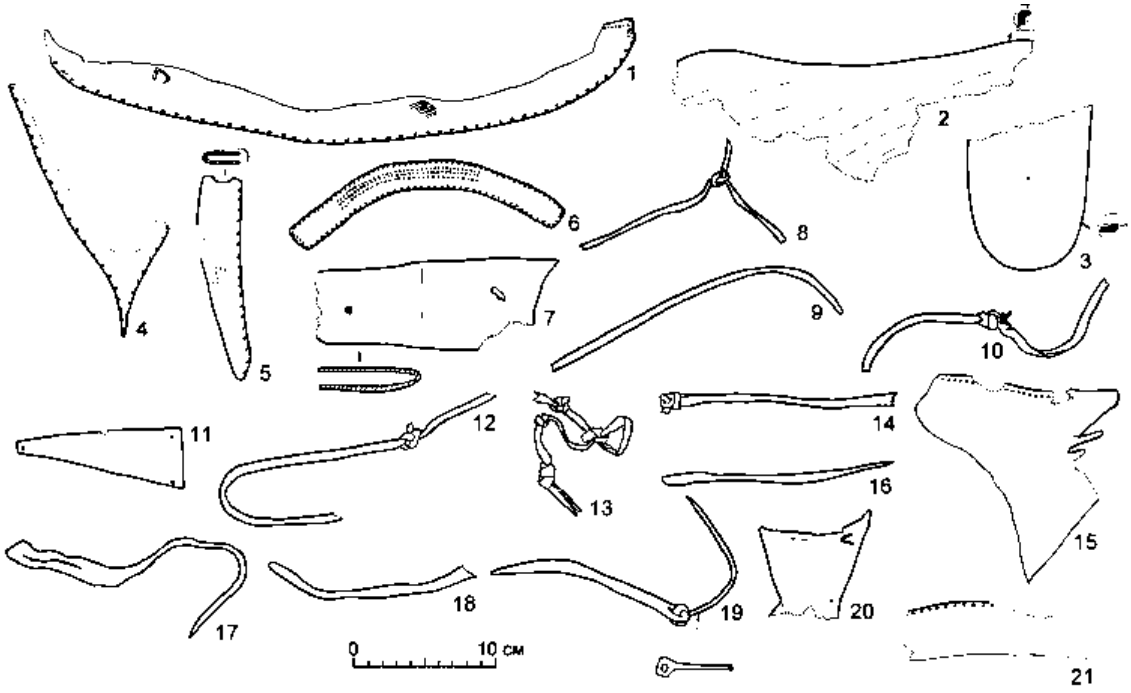


Рис. 7.10. Старая Ладога. Раскоп 1950 г. (ГЭ, индекс хранения «ЛС»). *1* — № 1707; *2* — № 1330; *3* — № 1762; *4* — № 561; *5* — № 1750; *6* — № 553; *7* — № 1756; *8* — № 1185; *9* — № 553; *10* — № 473; *11* — № 307; *12* — № 1218; *13* — № 1400; *14* — № 1489; *15* — № 757; *16* — № 836; *17* — № 1330; *18* — № 1067; *19* — № 1445; *20* — № 1421; *21* — № 1514

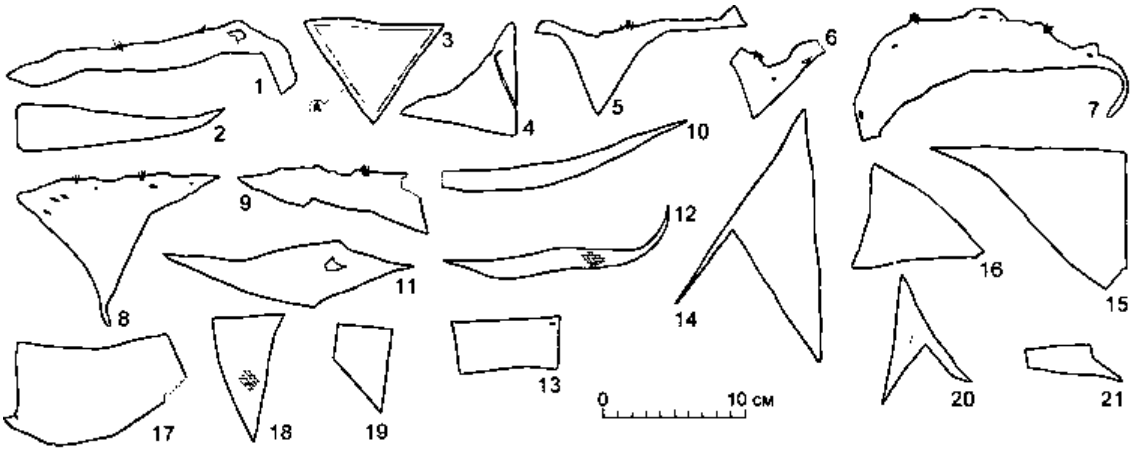


Рис. 7.11. Старая Ладога. Раскоп 1950 г. (ГЭ, индекс хранения «ЛС»). *1* — № 1829; *2* — № 1627; *3* — № 1150; *4* — № 1046; *5* — № 1724; *6* — № 1724; *7* — № 1150; *8* — № 1004; *9* — № 1724; *10* — № 1022; *11* — № 1163; *12* — № 1119; *13* — № 986; *14* — № 1218; *15* — № 1163; *16* — № 1162; *17* — № 1092; *18* — № 1666; *19* — № 1218; *20* — № 1218; *21* — № 1218

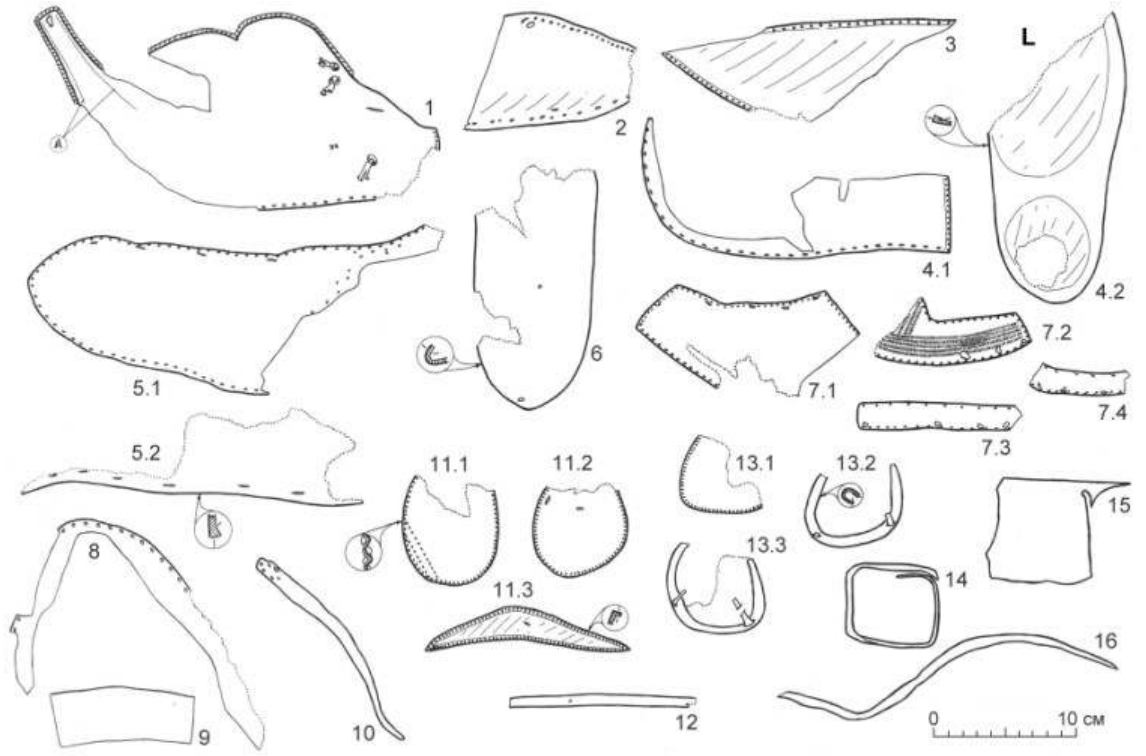


Рис. 7.12. Старая Ладога. Раскоп 1959 г. (ГЭ, индекс хранения «ЛДГ»). *1* — № 123; *2* — № 9; *3* — № 56; *4* — № 516; *5* — № 456; *6* — № 391; *7* — № 153; *8* — № 323; *9* — № 102; *10* — № 464; *11* — № 463; *12* — № 320; *13* — № 458; *14* — № 471; *15* — № 505/2; *16* — № 529

Таким образом, по тексту Отчета можно говорить о более чем 15 предметах из кожи и меха, тогда как по передаточным описям и натурному изучению речь должна идти о 78 предметах. Непосредственное руководство полевыми работами в экспедиции В. И. Равдоникаса выполнял сотрудник ГЭ Г. П. Гроздилов, известный

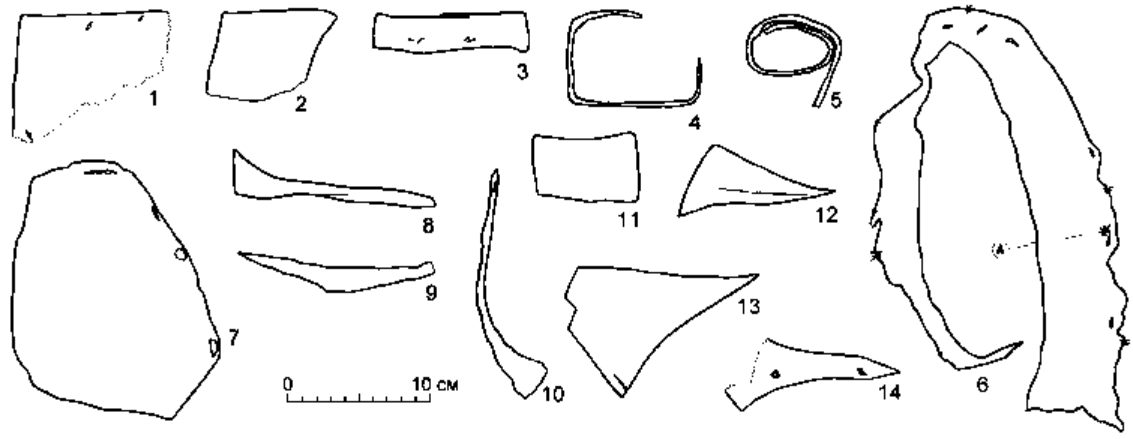


Рис. 7.13. Старая Ладога. Раскоп 1959 г. (ГЭ, индекс хранения «ЛДГ»). *1* — № 408; *2* — № 10; *3* — № 10; *4* — № 382; *5* — № 382; *6* — № 477/1; *7* — № 480; *8* — № 471; *9* — № 518; *10* — № 382; *11* — № 540; *12, 13* — без номера; *14* — № 459/1

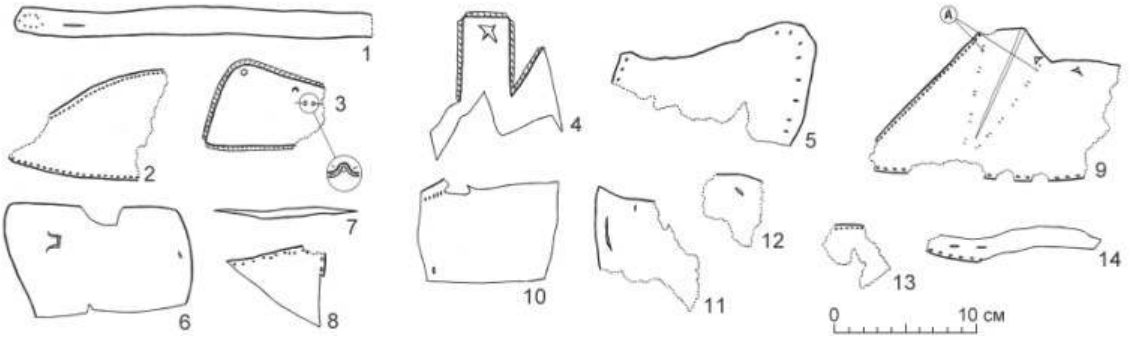


Рис. 7.14. Старая Ладога. Раскопы 1958 г. (ГЭ, индекс хранения «ЛД») (1–8) и 1948 г. (ГЭ, индекс рисхранения «СЛ») (9–14). *1* — № 207/2; *2* — № 207/1; *3* — № 240; *4* — № 308; *5* — № 308; *6* — № 584; *7* — № 463; *8* — № 479; *9* — № 1647, *А* — с бахтармы; *10* — № 705; *11* — № 1647; *12* — № 1647; *13* — № 1647; *14* — № 713

особо тщательной манерой полевой фиксации раскрываемых объектов и индивидуальных находок. В связи с этим вопрос объективного характера состава вещевой коллекции кожаных предметов не вызывает сомнения. Поэтому сама незначительность выборки должна получить иное объяснение. Такое объяснение стало возможным по результатам раскопок последних лет.

Раскопки Е. А. Рябинина на Земляном городище в 1973–1977 гг. дали еще 43 предмета (Рябинин 1975-А), зафиксированных на глубинах 1,7–2,5 м от репера, в слое бурого гумуса (горизонт E_3). Много находок зафиксировано в нижней части слоя, обозначенного как «слой бурого гумуса II», и на границе с предматериком. Указанный слой и сооружения в нем, судя по дендродатам, относятся ко второй половине VIII в. (Рябинин 1985: 50–51). Во избежание вопросов надо отметить, что нами обработаны и учтены только 12 предметов из этой коллекции, хранящиеся в ГЭ. Остальная часть коллекции числится в хранении Староладожского музея. Также надо отметить несовпадение общего числа кожаных предметов по отчетной документации и 52 экземпляров «остатков кожи», указанных в публикации (Рябинин 1985: 73).

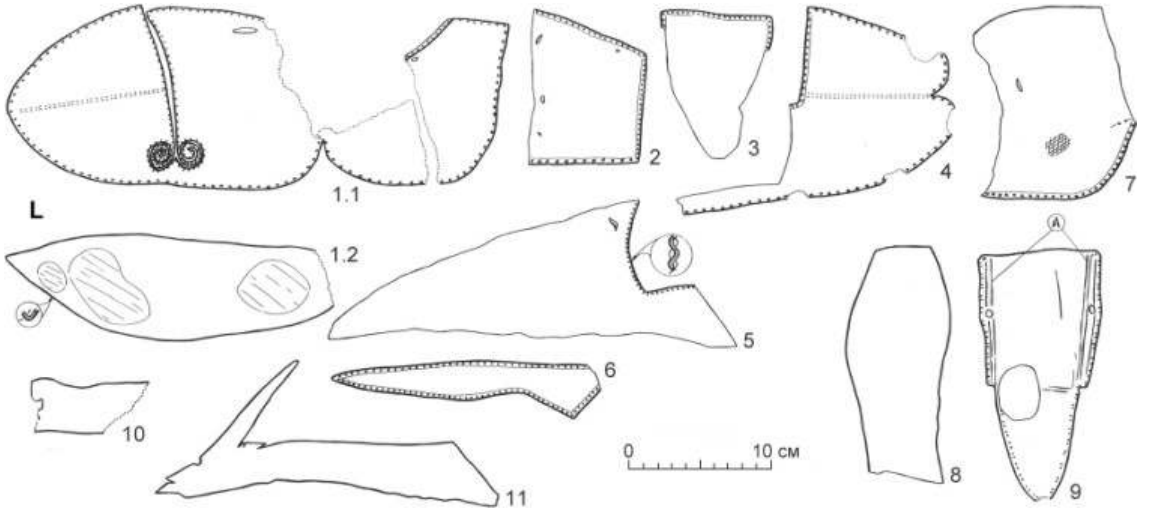


Рис. 7.15. Старая Ладога. Раскоп 1975 г. (ГЭ, индекс хранения «ЗГ»). *1* — № 1170; *2* — № 1015; *3* — № 1016; *4* — № 1011; *5* — № 827; *6* — № 998; *7* — № 742; *8* — № 870; *9* — № 955, *А* — линование; *10* — № 950; *11* — № 798

Для анализа кожаных предметов важны наблюдения Е. А. Рябинина о стратиграфической связи раскрытых им сооружений напластований горизонта Е с постройками из более ранних раскопок. Так, в раскопе 1973–1975 гг. был доследован комплекс большой постройки из горизонта E_1, полностью открытой в 1950 г. При анализе полевых материалов, дополненных анализом образцов дерева, Е. А. Рябинин сделал вывод о поспешном возведении «большого дома» в 881 г. Постройки горизонта E_2, также соотносимые с раскопками предшествующего времени, имели порубочные даты бревен в рамках 842–855 гг. Следы угля, золы и обугленность ряда бревен позволили Н. Б. Черных отнести начало строительства к 860-м гг., после пожара, бывшего незадолго перед тем. Это позволило Е. А. Рябинину именно горизонт застройки E_2 связать с появлением в Ладоге князя Рюрика (Рябинин 1985: 46–47).

Кожаные предметы из раскопок 1975 г., хранящиеся в ГЭ, являются преимущественно деталями или обрезками деталей мягкой обуви, скроенными из относительно тонкой кожи, выделанной, вероятно, одними и теми же методами (рис. 7.15). Кроме обуви имеются чехол для ножа и обрывок ремня (рис. 7.15: *9, 10*). Чехол, сшитый на боковой стороне, имел выступ от верху, доходящий до половины длины. С обеих сторон чехла вдоль края выступа нанесен декор парами легких тисненых полос. Определимые вещи соответствуют ранее встреченным вариантам обуви по ряду характерных признаков конструкции и декора. Это, например, набор деталей башмака с треугольным вырезом нижнего края раскройки верха, в области пятки, и декоративным волютообразным вырезом и ложным швом по оси носка (рис. 7.15: *1*).

Раскопки В. П. Петренко на Варяжской улице

К раннему этапу жизни Ладоги также относятся 11 кожаных предметов из раскопа 1975 г. на левом берегу р. Ладожки, на Варяжской улице (Петренко 1975-А, прил. 2). Все они найдены в разных квадратах на глубине 1,0–2,2 м от репера. Из них три предмета отмечены на глубине 1,0–1,4 м. Судя по однотипности кожевенного материала, формам деталей, манере раскроя и сшивания, эти вещи составляют

один комплекс с находками из более глубоких слоев. Поэтому все находки данного раскопа можно связать с VII–XI ярусами деревянной застройки. На этом же раскопе в 1977 г. была найдена деревянная обувная колодка. Всего же за 1972–1977 гг. в раскопе на Варяжской улице были зафиксированы 25 кожаных предметов и одна обувная колодка (Петренко 1977-А). Колодка отмечена в приложении 2, опись, № 9, кв. Г-1, глубина –120/–140 см; ее современное местонахождение неизвестно. По сериям дендродат, комплексам находок и по стратиграфическим наблюдениям, В. П. Петренко датировал VII–XI ярусы застройки серединой IX — первой четвертью X вв. (Петренко 1985: 93–94). В сводной хронологической таблице С. Л. Кузьмина ярусы VII–X отнесены к горизонту E_1 (около 865–920-е гг.), ярусы X–XI — к горизонту E_2 (около 840 — около 865 гг.), а нижняя часть XI яруса — к горизонту $E_{3/1}$ (около 810 — около 840 гг.) (Кузьмин 1997, табл. 1).

По форме кроя и положению швов предметы разделены нами на две группы.

Первую группу (семь предметов) составляют детали верха асимметричного кроя (рис. 7.16–7.18, 7.19: *3*). Некоторые из них имеют признаки пришивания подошвы с заостренной пяткой (рис. 7.16: *2*, 7.17). В эту группу отнесены и туфли высотой до щиколотки, и башмаки, закрывающие щиколотку и нижнюю часть голени. Способ крепления обуви на ноге виден на трех предметах: это серии сдвоенных прорезей на боковинах туфель, на уровне лодыжки, или спереди — на подъеме. Сквозь прорези продергивалась кожаная обора шириной 4–5 мм. Декор обуви состоял из одной строчки ложного шва шириной 1,5–2,0 мм, выполненной двумя (?) нитями.

Ко *второй группе* отнесены две детали — продольные половины верха симметричного кроя, сшиваемые на носке и пятке (рис. 7.19: *1, 2*). В обоих случаях сохранилась

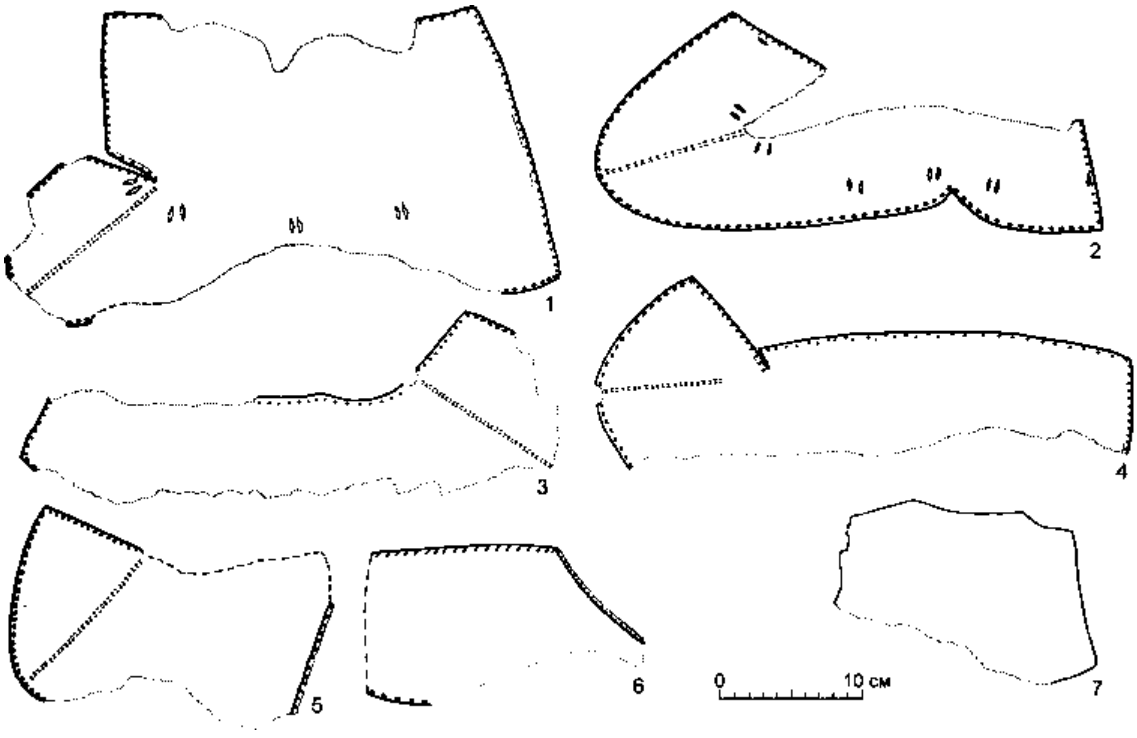


Рис. 7.16. Старая Ладога. Раскоп 1975 г. на Варяжской ул. *1–6* — детали верха обуви; *7* — обрезок

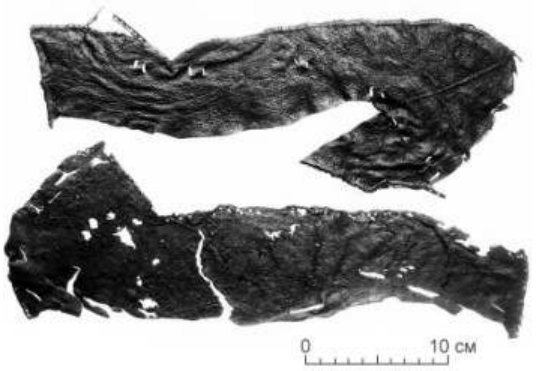


Рис. 7.17. Старая Ладога. Раскоп 1975 г. на Варяжской ул. Кожаные детали обуви

Рис. 7.18. Старая Ладога. Раскоп 1975 г. на Варяжской ул. Кожаные детали обуви

правая половина верха, форма которой предполагает использование подошвы с приостренным носком и округлой пяткой. Обувь крепилась на стопе кожаным ремешком, продернутым сквозь серии прорезей, расположенных равномерно или группами по периметру верха. Декор ограничен одной-двумя продольными строчками нитяной расшивки по оси носка. Высота и оформление боковин верха остается неясным. Кроме обуви в коллекции имелись ремень (рис. 7.19: *4*) и обрезок от раскроя (рис. 7.16: *7*).

Земляное городище: раскопки А. Н. Кирпичникова

Раскопки Староладожской экспедиции ИИМК РАН в 1991, 1997, 1998, 2002, 2004–2005 гг. под руководством А. Н. Кирпичникова дали только 70 кожаных предметов. Но эти находки оказались значимыми для решения ряда вопросов древнейшей истории Ладоги. Они позволили более уверенно говорить о производственной тематике и связях поселения на Волхове с другими регионами Балтики.

В 1991 г. были продолжены работы на раскопе I, площадью 12 × 14 м, заложенном еще в 1984 г. на северо-западном бастионе городища. Исходя из описания работ на участке, кожаные ножны могли найти только в канавках, вырытых в материке, поскольку остальная поверхность раскопа уже разобрана до материка (Кирпичников 1992-А: лл. 1–5). Здесь в слоях IX — первой половины X в. был найден только один верх мягкой туфли (Кирпичников 1992-А: л. 6). Это цельнокроеный верх длиной около 56 см, где симметричные продольные половины смыкались в пяточной части, а носки их сшивались по оси (рис. 7.21, 7.22).

Кожаные предметы 1997–1998 гг. происходят из раскопа II, лежащего в северо-западной части городища и прорезающего вал. Нижние горизонты раскопа датированы последней четвертью IX в. Кожаные предметы (16 экз.) найдены и в тонких прослойках темного гумуса, составляющих заполнение жилищ, и в слоях навоза со щепой, заполнявшего пространство между постройками (рис. 7.20).

В 1999–2013 гг. Староладожская экспедиция ИИМК РАН ежегодно вела раскопки в южной части Земляного городища. Три раскопа (№ 3–5) охватили площадь в 566 м^2 на южной стороне бастионных укреплений, частично прорезав насыпь куртины. Раскоп № 3 площадью 132 м^2 (11 × 12 м) изучен за шесть полевых сезонов (1999–2005 гг.), раскоп № 4 площадью 306 м^2 изучался пять сезонов (2006–2010 гг.),

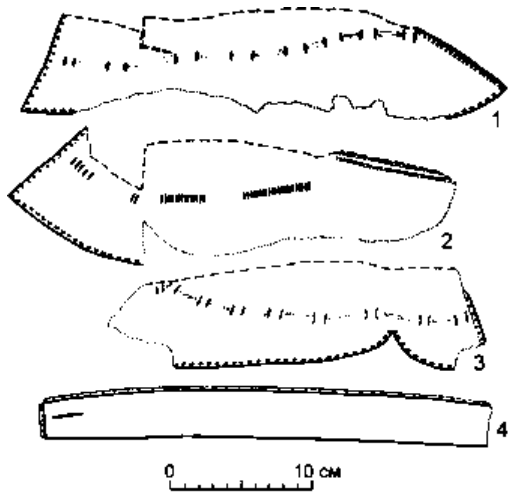


Рис. 7.19. Старая Ладога. Раскоп 1975 г. на Варяжской ул. Кожаные предметы: *1–3* — детали верха обуви; *4* — ремень

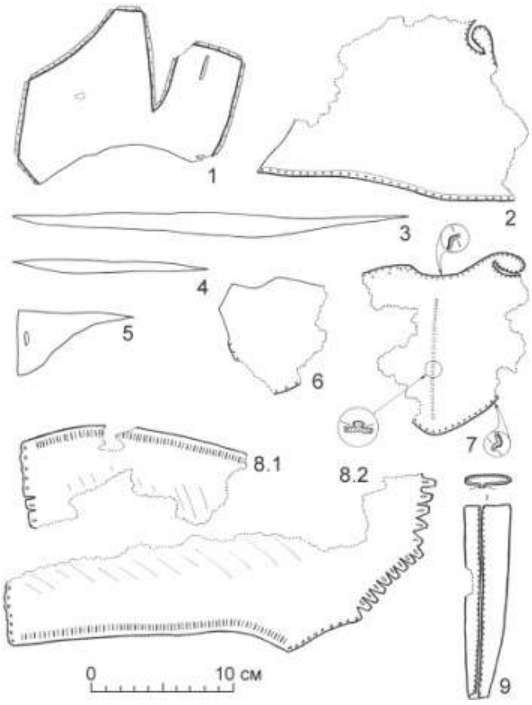


Рис. 7.20. Старая Ладога. Раскопы 1997 (2–7), 1998 (8, 9) и 2002 (1) гг.
1, 2, 6, 7 — детали верха мягких туфель; *8* — детали верха поршня; *9* — чехол для ножа; *3–5* — обрезки от раскроя

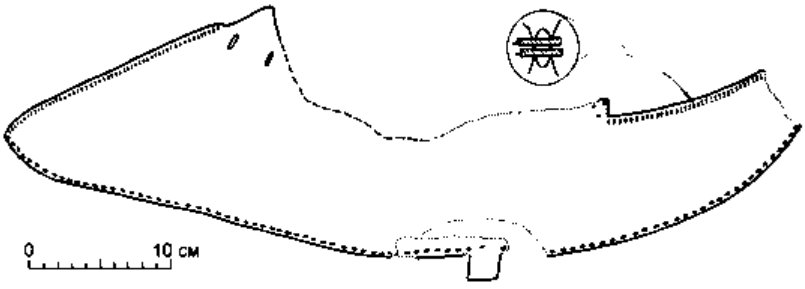


Рис. 7.21. Земляное городище. Раскоп 1991 г. Верх кожаной туфли

Рис. 7.22. Земляное городище. Раскоп 1991 г. Кожаная туфля. Реставрация А. В. Курбатова

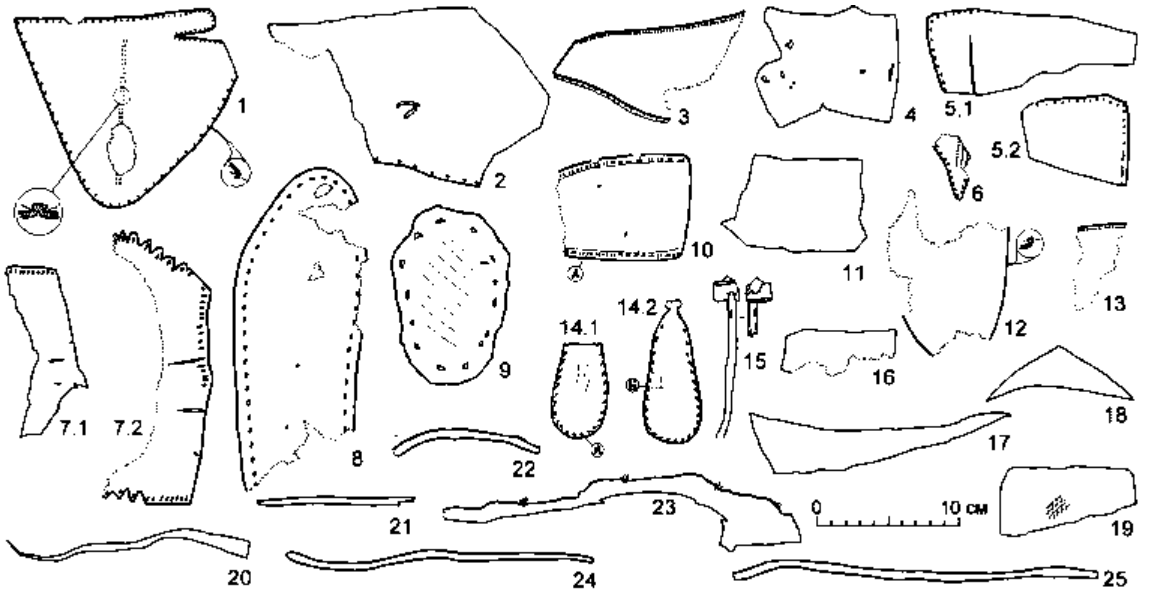


Рис. 7.23. Старая Ладога. Раскоп 2004 г. *1–3, 5, 6, 13* — детали верха мягких туфель; *7* — детали верха поршня; *8, 12* — детали подошвы; *9* — подметка; *10* — кошелек; *4, 14* — неопределенные детали; *15, 21–22, 24, 25* — завязки; *11, 16–20, 23* — обрезки от раскроя

а раскоп № 5 площадью 128 м^2 исследован в 2011–2013 гг. Мощность культурных отложений составила более 3 м у северного края раскопов и более 2 м — у их южного края. Нижние слои на всех раскопах сложены бурым гумусом с включением навоза и щепы, в которых великолепно сохраняются органические материалы. Эти слои перекрывали напластования древнерусского времени, сложенные сухим черным и серым гумусом. Выше них лежали сухие слои эпохи Московского царства и оплывшая южная стенка земляной куртины.

Объем различных групп индивидуальных и массовых находок на всех раскопах можно назвать впечатляющим (Кирпичников 2006: 225 и след.). Кожаные предметы на всех раскопах найдены только в самых нижних отложениях, в слоях, насыщенных навозом и древесными остатками, а также в ямах, впущенных с уровня нижних горизонтов. Эта группа предметов выглядит малочисленной и невыразительной на фоне всего вещевого набора. Но именно она получила первичный самостоятельный анализ (Курбатов 2015: 48 и след.).

На раскопе № 3 один предмет — кожаные ножны — был найден в 2002 г. (рис. 7.20: *9*), тогда, как данные за 2003 г. отсутствуют. Основной объем кожаных предметов найден в 2004 г. — 42 предмета (рис. 7.23), из которых 29 определимы, в том числе одна деталь кошелька, 10 деталей верха обуви, четыре завязки, одна заплата, две подошвы, четыре обрезка изделий (?) (Кирпичников 2005-А, приложение). В 2005 г. на этом раскопе найдено 19 кожаных деталей и обрезков в слое и три предмета — в материковых ямах (Кирпичников 2006-А, приложение). Большинство находок — это детали верха мягкой обуви типа туфель или низких (?) башмаков, принадлежащие конструкциям с раздельными верхом и подошвой (рис. 7.24). Крупные детали верха обуви сходны с определимыми моделями, найденными на Земляном городище в раскопах прежних лет. Кроме обуви в коллекции определены чехол для ножа, заготовка неопределимой детали, обрезки от первичного (3) и

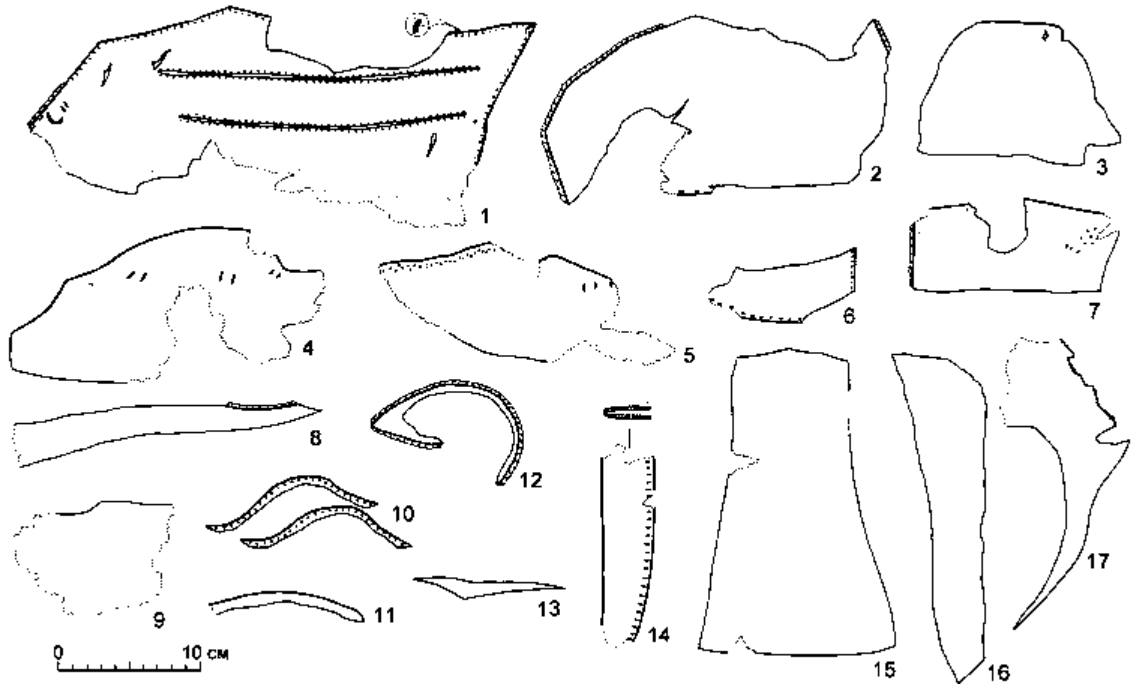


Рис. 7.24. Старая Ладога. Раскоп 2005 г. *1–12* — детали верха мягких туфель; *14* — чехол для ножа; *13, 15–17* — обрезки от раскроя

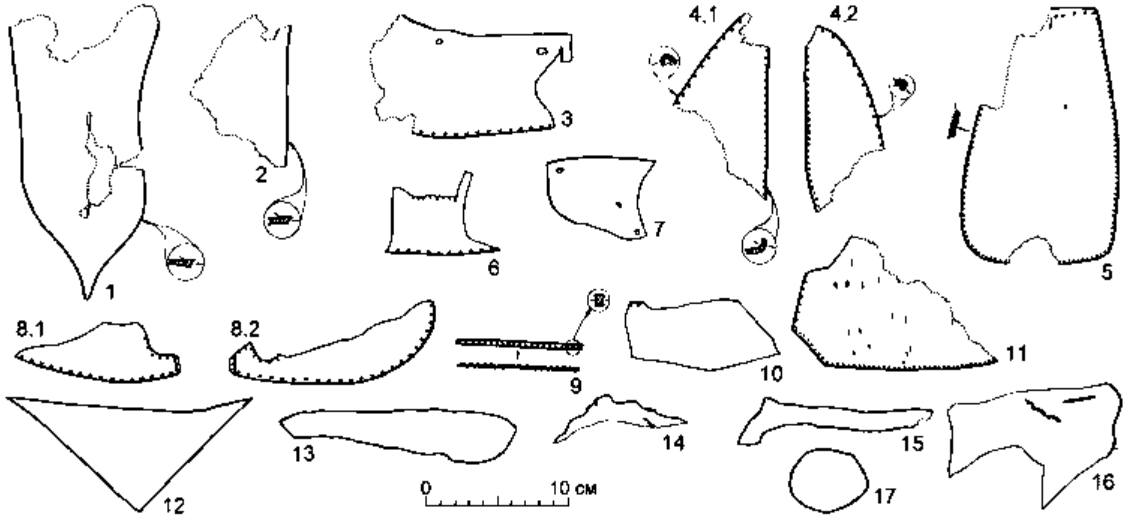


Рис. 7.25. Старая Ладога. Раскоп 2008 г. Кожаные предметы. Раскройки

вторичного (1) кроя, в том числе один обрезок с края кожевого листа. Также имеется один комок кожи, заварившейся при попадании на горячий предмет, и крупный (22 × 27 см) кусок шкуры с шерстью. Всего раскоп № 3 дал 62 кожаных предмета; их краткая характеристика была опубликована (Григорьева, Курбатов 2006: 109–117; Курбатов 2006: 63–69).

На раскопе № 4 встречено всего 149 кожаных предметов. В 2008 г. найдено 19 предметов, в том числе 11 фрагментированных деталей обуви, одна прокладка в шов, одна деталь сумки (?) и шесть обрезков от раскроя (рис. 7.25). Бóльшая часть

предметов найдена в слое, а три — в заполнении постройки № 1 (Кирпичников 2009-А, приложение). В 2009 г. встречено 68 предметов из кожи и меха, среди них 22 детали обуви: 19 деталей верха и три — подошв. Кроме обуви имеются девять неопределенных деталей, 14 ремешков-завязок, 16 обрезков от раскроя, три обрезка шкур, а также чехол для ложки, чехол для ножа, мешочек из меха бобра и мошонка животного (рис. 7.26–7.28). На плане находки лежат преимущественно по линиям квадратов XII и XIII, с концентрацией по линиям кв. Ж-К и М-О. Также скопление находок отмечено в кв. М, Н — XIX, XX (Кирпичников 2010-А, приложение). В 2010 г. собрано 62 предмета из кожи и меха (рис. 7.29–7.31), в том числе 12 завязок, 16 деталей обуви, три обрывка шкуры с мехом, 15 обрезков от раскроя, шесть обрезков с края кожевого листа, три чехла для ножей и семь неясных деталей (Кирпичников 2011-А, приложение).

На раскопе № 5 в 2012–2013 гг. было найдено 85 предметов из кожи, меха и войлока. В 2012 г. отмечены 11 предметов, сконцентрированные в трех зонах: кв. П–XVIII-XIX и кв. Р-XIX; кв. С-XVII; кв. П–XIV-XV. Бóльшая часть предметов найдена на глубинах –26/–45 от условного репера, но в кв. С-XVII две детали верха мягких туфель найдены значительно выше (Кирпичников 2013-А, приложение). Четыре находки определенно являются обрезками от раскроя; одна из них — кусок недубленой шкуры, на котором сохранилась шерсть. Семь находок являются деталями мягкой обуви — шесть деталей верха и одна подошва (рис. 7.32). В 2013 г. найдено 74 предмета из кожи и войлока, большинство в слое на разной глубине, а три — в заполнении ям и канавок (рис. 7.33–7.35). Здесь также заметно, что находки тяготеют к определенным квадратам. Меньше всего предметов встречено по линии квадратов Т, ближней к берегу р. Волхов (табл. 7.3).

Таблица 7.3. Планиграфия предметов из кожи и войлока в раскопе 2013 г.

Нумерация квадратов	П	Р	С	Т
XII	6	4 (3 в наборе)	1	–
XIII	1	1	4	1
XIV	5	2	–	
XV	–	9 (2 в наборе)	4 (2 в наборе)	2
XVI	1	2	–	–
XVII	3	2	6	–
XVIII	2	1	–	–
XIX	8 (3 в наборе)	4	5 (4 в наборе)	–
XX	–	–	–	–
Всего	26	25	20	3

В коллекции выделены: 31 деталь обуви, девять неопределимых деталей, три завязки (с узлами и без них), 18 обрезков от раскроя, а также пять обрезков с края шкуры и один кусок меха. Кроме того, имеется одна находка спрессованного животного

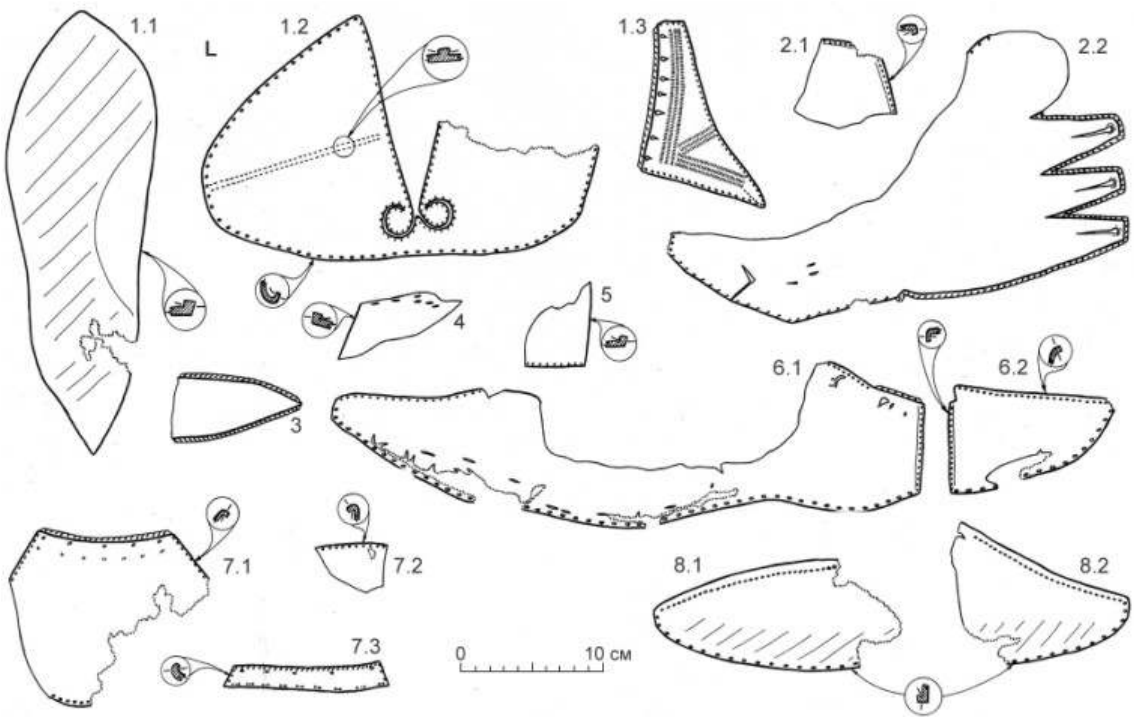


Рис. 7.26. Старая Ладога. Раскоп 2009 г. Кожаные предметы. Раскройки

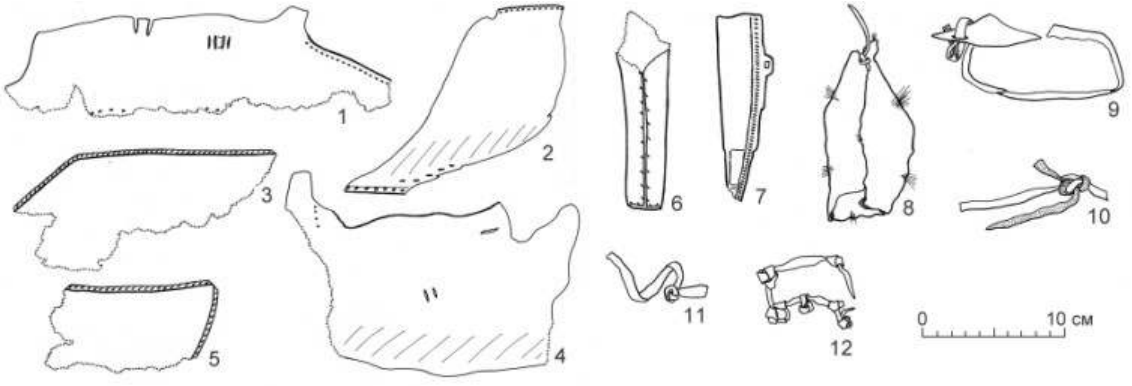


Рис. 7.27. Старая Ладога. Раскоп 2009 г. Кожаные предметы. Раскройки

волоса и два фрагмента войлока (Кирпичников 2014-А, приложение). Последние являются накладками одной деревянной лопатки для смоления лодок. Кусок *полсти* толщиной 1,0–1,3 см был сложен вдвое и, вероятно, набивался на деревянную лопатку. Размеры в сложенном состоянии 11,3 × 9,5 см. На обоих кусках войлока, снаружи, хорошо сохранился деготь, со специфическим запахом и цветом. При очистке находки деготь плохо вымывался из войлока даже при использовании щелочей (хозяйственное мыло). Надо отметить, что на Земляном городище это не первая находка такого рода. В 2012 г., кроме войлока, был найден и обрывок ткани, обмазанной дегтем. Ранее такие находки встречались на раскопе № 4 (Кирпичников 2010-А: л. 9).

В диалектах северо-западных областей России в XX в. сохранилось название инструмента в форме кисти для смоления лодок — *квоч* или *квач* (СРНГ, 13: 162).

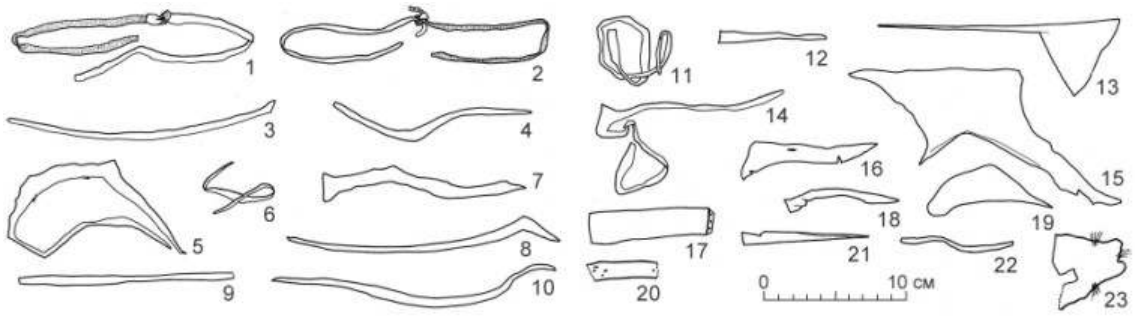


Рис. 7.28. Старая Ладога. Раскоп 2009 г. Кожаные предметы. Раскройки

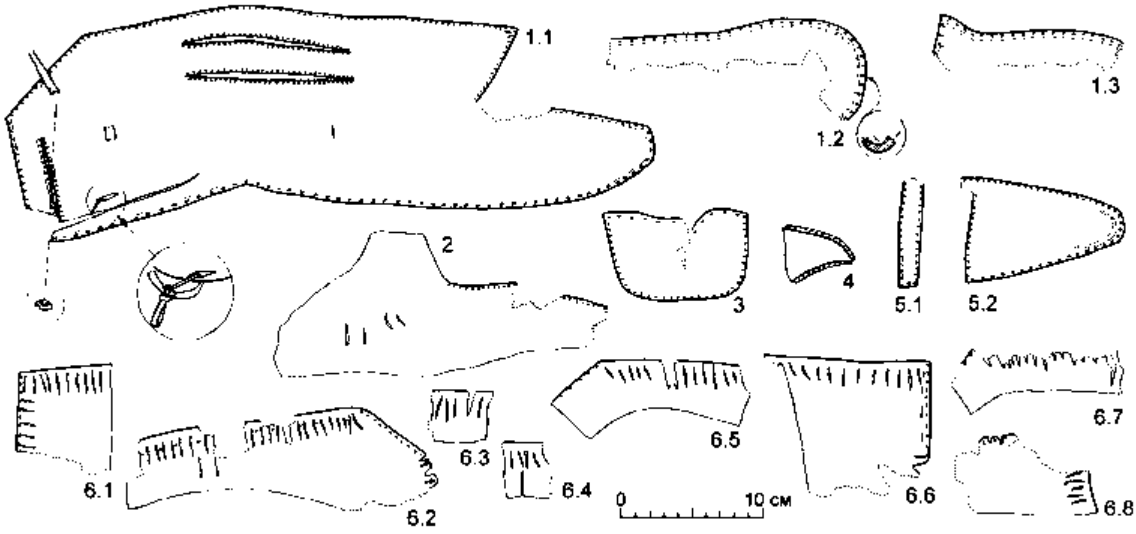


Рис. 7.29. Старая Ладога. Раскоп 2010 г. Кожаные предметы. Раскройки

Название появляется уже в документах XVIII в. в форме *квачь* в значении «кисть, помазок»: «Для покрывания сего <дерева> употребляется большая кисть или квачь из самой тонкой щетины, таковая какою конопатят водоходныя суда» (СлРЯ XVIII в. 10: 28).

Впервые возможное использование деревянных лопаточек для смоления отметил Б. А. Колчин, описывая технику уплотнения стыков между досками обшивки лодок, остатки которых найдены в средневековом Новгороде (Колчин 1968: 62). Позднее, изучая остатки деревянной обшивки судов на Троицком XII раскопе в Новгороде, Г. Е. Дубровин написал, что следы смоления не найдены ни на одной доске обшивки (Дубровин 1999: 130). В дальнейшем он изменил свое мнение, определив в 2004 г. на Никитинском раскопе кисть для смоления лодки (?) (Дубровин и др. 2005: 26). Подводя итог своей многолетней работе по изучению сухопутного и водного транспорта средневекового Новгорода, Г. Е. Дубровин специально отмечал, что большинство корпусных деталей новгородских судов имеют следы смоления, и поэтому находимые в культурном слое кисти для смоления, иногда называемые факелами, следует связывать с водным транспортом. На всех раскопах в Новгороде он определил 77 деревянных кистей разной формы, в том числе в виде лопатки

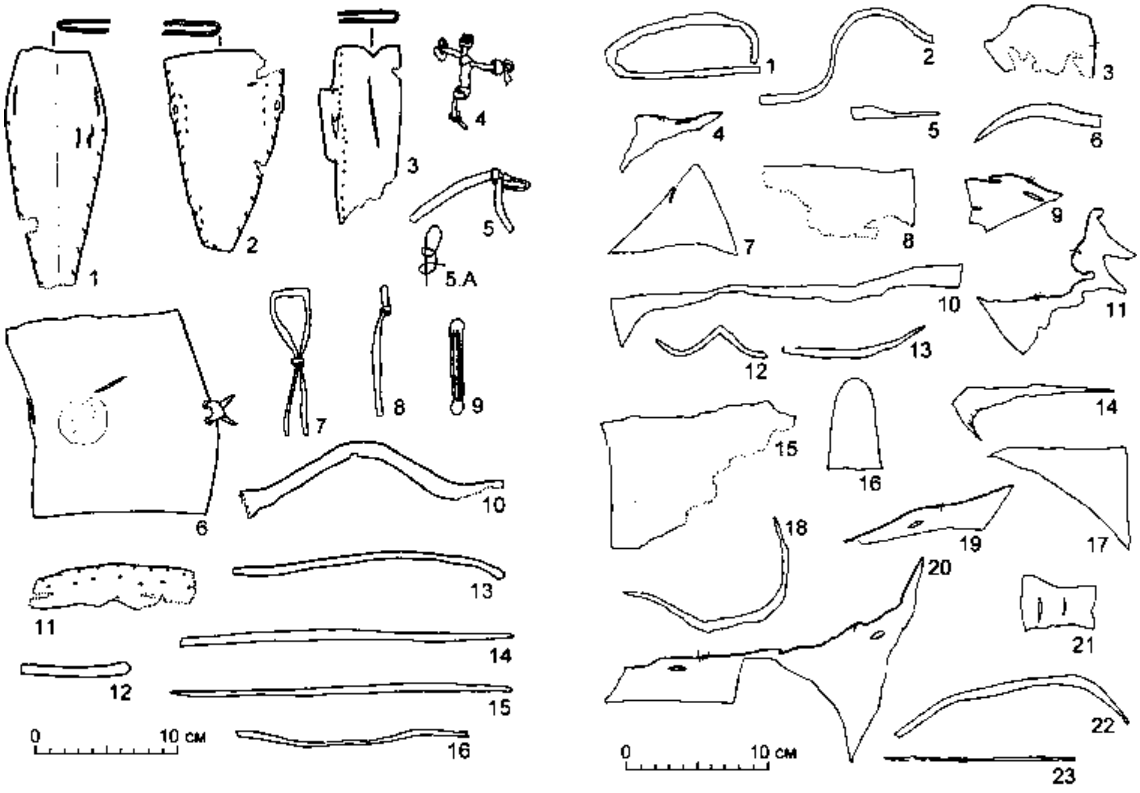


Рис. 7.30, 7.**31.** Старая Ладога. Раскоп 2010 г. Кожаные предметы. Раскройки

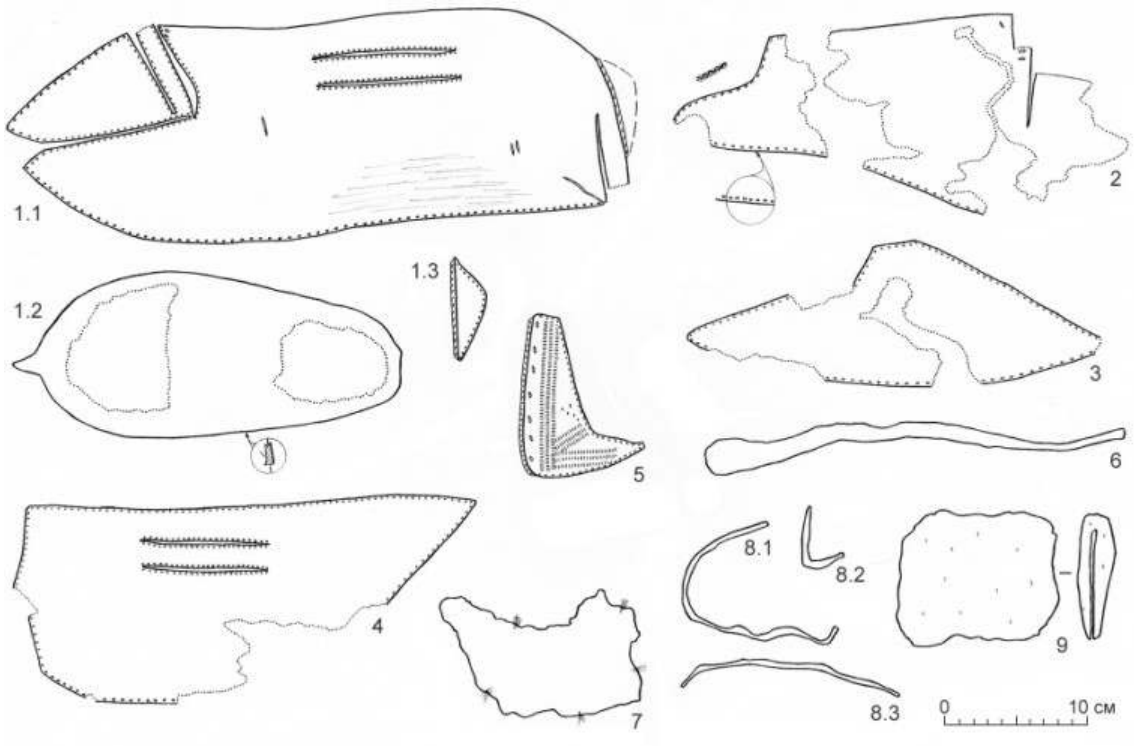


Рис. 7.32. Старая Ладога. Раскоп 2012 г. Кожаные предметы. Раскройки

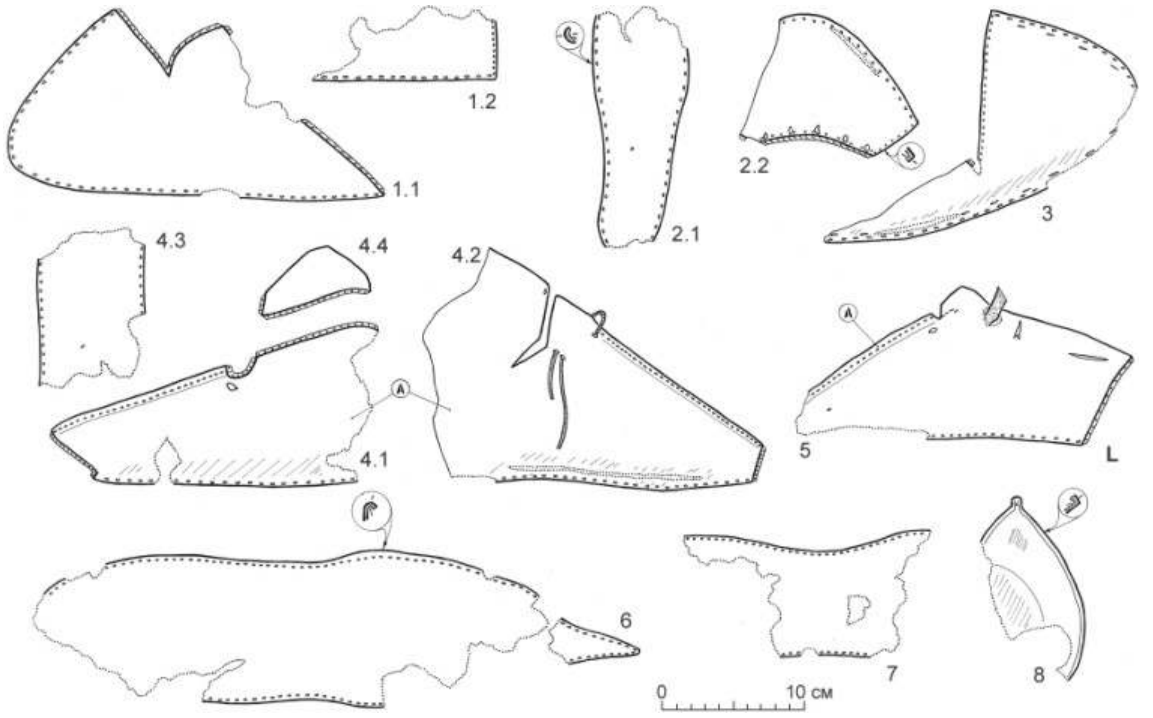


Рис. 7.33. Старая Ладога. Раскоп 2013 г. Кожаные изделия. Обувь. Раскройки

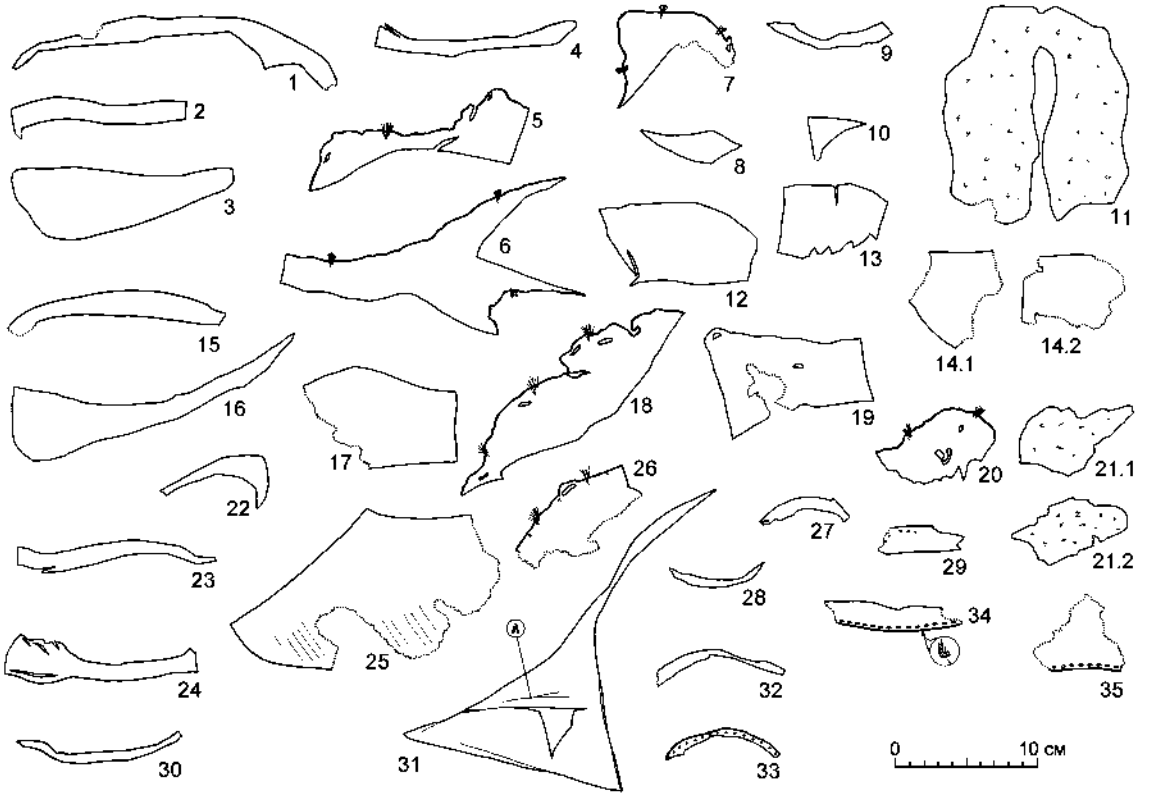


Рис. 7.34. Старая Ладога. Раскоп 2013 г. Кожаные предметы. Обрезки. *11, 21* — войлок

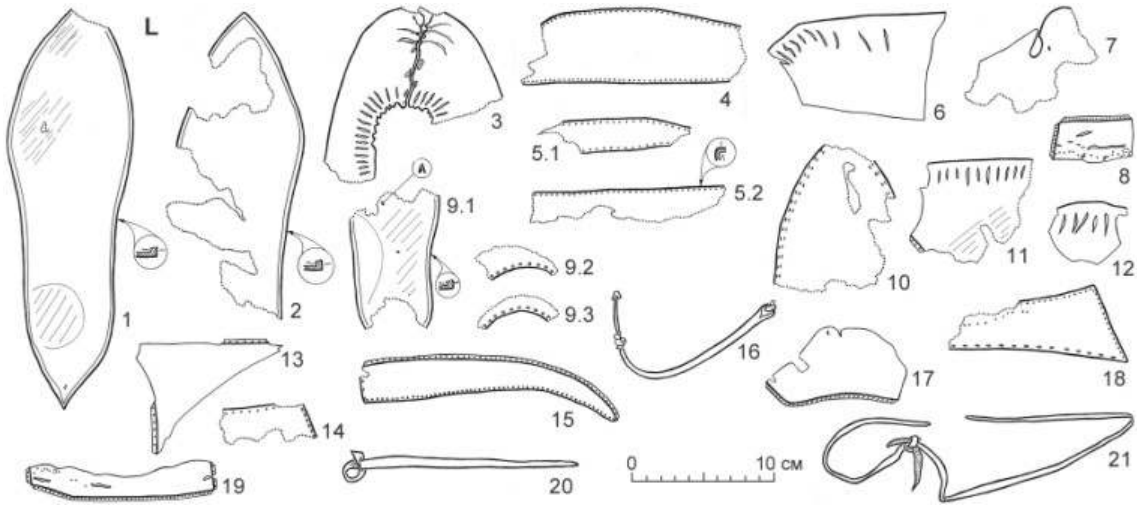


Рис. 7.35. Старая Ладога. Раскоп 2013 г. Разные кожаные изделия. Раскройки

с расширенным рабочим концом, вокруг которого могли оборачивать войлок, ткань или мех и обвязывать веревкой. В других случаях в лопатке делались отверстия, куда продевалась веревка, крепившая материал, навернутый на лопатку (Дубровин 2000, 1: 91–92). В последние годы такие лопатки найдены в Новгороде, Старой Руссе, Твери (Колосницын 2009: 403; Шуреев 2010: 253; Лапшин 2009: 133).

Состав и описание коллекции кожаных изделий раннесредневековой Ладоги

Сводные данные о составе кожаных предметов в ранних слоях Ладожского поселения

Таблица 7.4. Статистика раннесредневековых кожаных предметов из раскопок Земляного Городища (1940–1950-е гг., 1975 г.) и с раскопа на Варяжской улице (1975 г.)

Наименование предметов	1947	1948	1950	1958	1959	1975 ЗГ	1975 В. ул.	Всего
Детали верха обуви	25	7	31	4	17	6	9	99
Чехлы для ножа	2	–	1	–	–	1	–	4
Ремешки-завязки	6	–	9	1	3	1	–	20
Подошвы	6	–	11	–	5	1	–	23
Рукавицы	–	–	–	–	1	–	–	1
Неопределенные детали	2	–	7	3	9	1	1	23
Ремни	–	–	2	–	–	–	–	2
Усилительные накладки	–	–	1	–	–	–	–	1
Обрезки от раскроя	47	–	119	6	38	2	1	213

Окончание таблицы 7.4

Наименование предметов	1947	1948	1950	1958	1959	1975 ЗГ	1975 В. ул.	Всего
Обшивки края	1	–	1	–	2	–	–	4
Плетеный берестяной шнурок	1	–	–	–	–	–	–	1
Куски меха	–	–	–	–	3	–	–	3
Итого	88	7	196	14	78	12*	11	406

Прим.: ЗГ — Земляное городище, В. ул. — Варяжская улица. В графе под знаком (*) учтены и классифицированы только находки, хранящиеся в ГЭ. Не рассмотрен 31 предмет из фондов Староладожского музея.

Таблица 7.5. Статистика кожаных предметов из раскопок Земляного городища (1997–2005 гг.)

Наименование предметов	1991	1997	1998	2002	2004	2005	Всего
Детали верха обуви	1	3	–	1	10	9	24
Чехлы для ножа		–	1	–	1	1	3
Ремешки-завязки		–	1	–	4	–	5
Подошвы		–	1	–	2	–	3
Заплаты		–	–	–	1	–	1
Неопределенные детали		–	1	–	5	3	9
Кошельки		–	–	–	2	–	2
Поршни		–	2	–	2	–	4
Обрезки от раскроя		3	4	–	6	6	19
Итого		6	10	1	33	19	70

Таблица 7.6. Статистика кожаных предметов из раскопок разных лет

Наименование предметов	1940–1970-е	1991	1997–2005	Всего
Детали верха обуви	99	1	23	123
Чехлы для ножа	4	–	3	7
Ремешки-завязки	20	–	5	25
Подошвы	23	–	3	26
Рукавицы	1	–	–	1
Неопределенные детали	23 + 31 (СМЗ)	–	9	63
Ремни	2	–	–	2
Усилительные накладки	1	–	–	1
Обрезки от раскроя	213	–	19	232
Обшивки края	4	–	–	4
Заплаты	–	–	1	1
Поршни	–	–	4	4
Кошельки	–	–	2	2

Окончание таблицы 7.6

Наименование предметов	1940–1970-е	1991	1997–2005	Всего
Куски меха	3	–	–	3
Плетеный берестяной шнурок	1	–	–	1
Итого	437	1	69	508

Таблица 7.7. Состав предметов из кожи, меха и войлока в раскопах 4 и 5 на Земляном городище (2006–2013 гг.)

Наименование предметов	Раскоп 4 (2008–2010 гг.)	Раскоп 5 (2012–2013 гг.)
Детали обуви	49	38
Прокладка в шов	1	–
Детали сумок	1	–
Обрезки от раскроя	37	22
Неопределенные предметы	16	9
Ремешки-завязки	26	3
Обрезки шкуры	6	6
Чехол для ложки	1	–
Мешок меховой (бобр)	1	–
Чехлы для ножей	3	–
Мошонка животного	1	–
Войлок	–	2
Спрессованный волос	–	1
Всего	149	85

Прим.: указаны только годы, когда изучались слои раннего средневековья.

Планиграфия и стратиграфия находок

Для датировки изучаемого комплекса раннесредневековых древностей используются два основных метода определения хронологии вещей — стратиграфический и сравнительный. Последний основан на сопоставлении конструктивных и стилистических признаков изделий из слоев различных памятников, а также на сопоставлении археологических находок с изобразительными источниками.

Многолетние наблюдения на средневековых поселениях с «мокрым» слоем показывают, что положение предмета в слое не всегда точно отражает время его бытования или сохранения в «живой» культуре. По разным причинам вещи попадали на древнюю поверхность, могли втаптываться в почву или выбрасывались вместе с мусором в ямы, западины и заболоченные участки. В таких случаях они нередко обнаруживаются в слоях более раннего времени, чем время их бытования. Но в быту присутствовали вещи длительного хранения — семейные реликвии, талисманы, важные документы. Такие предметы иногда находят в слоях, значительно более поздних, чем время их изготовления. Подобный случай, например, зафиксирован при изучении средневековой застройки Тверского кремля (Лапшин 2001: 223). Обе указанные возможности расхождения датировки вещи и слоя отметил

А. А. Зализняк при изучении новгородских берестяных грамот (Зализняк 2000: 427–428). Исследователь предложил способ внестратиграфического датирования на массовом палеографическом материале. В свою очередь, при анализе кожаных изделий мы предлагаем основываться на стилистических и конструктивных признаках серийных находок.

Рассмотреть положение каждой вещи в ладожском слое весьма затруднительно. Но связать между собой вещи из разных слоев и доказать одновременность их появления и бытования можно по стилистическим и конструктивным признакам. Для этого необходимо проследить уровень и место залегания наиболее значимых и крупных деталей, имеющих набор характерных конструктивных и декоративных признаков (элементов), что делает эти вещи уникальными или редкими. Такую задачу облегчает произведенный Е. А. Рябининым анализ результатов раскопок 1973–1975 гг. (Рябинин 1985: 27 и след.) и имеющаяся в литературе попытка реконструкции ранней застройки Земляного городища (Кузьмин 1997: 343 и след.).

К характерным элементам обуви относится спиралевидный декоративный завиток на внешней стороне стопы, отмеченный на 13 находках. В раскопе 1975 г. сохранился почти полный верх с декором в виде двойного спирального завитка в 1,5 оборота (рис. 7.15: *1*). Он найден в слое «бурого гумуса II» горизонта E_3 и по слою может датироваться третьей четвертью VIII в., а точнее — 750–770-е гг. (Кузьмин 1997: 354–355, табл. 1). Парный ему верх из раскопа 1947 г. (рис. 7.3: *6*) и треугольная деталь с пятью рядами мелких частых прорезей (рис. 7.3: *7*) найдены на уровне горизонта E_2 и датируются серединой IX в. (около 840 — около 865 гг.). Еще один фрагмент верха обуви с сохранившимся завитком аналогичной формы был найден в 1950 г. (рис. 7.7: *3.1*) также в слое E_2 и может быть отнесен к середине IX в.

Для объективной оценки данного элемента следует проверить стратиграфическое положение всех деталей с завитками. В 1950 г. был найден обрезок «головки» с завитком в один оборот (рис. 7.7: *7*), относимый к нижней части слоя горизонта E_2. На этом же раскопе найден верх башмака с двойным завитком в пол-оборота (рис. 7.9: *3*), зафиксированный на «скотном дворе» горизонта E_3, на глубине 1,8–2,05 м. Обрезок детали с остатками завитка (рис. 7.7: *4*) найден на уровне «верхнего слоя толщи Е» на глубине 0,95–1,19 м и может быть отнесен ко второй половине IX в. В 1947 г. раскройка верха с завитком в один оборот найдена на уровне горизонта E_2, а два обрезка с остатками завитков «под мостками», в слое E_3 (рис. 7.3: *9, 14*, 7.5: *2*). Фрагменты раскроек с декоративными завитками также найдены на раскопах 1998 и 2004 гг. (рис. 7.20: *2, 7*, 7.23: *1*). Находка 2004 г. сделана на глубине 1,68 м в кв. Г-XIX, в слое, перекрывающем помост, отнесенный к горизонту Б (по А. Н. Кирпичникову). Но многие вещи, по наблюдениям автора раскопок, в том числе и кожаные изделия, по своему происхождению должны быть отнесены к вышележащему горизонту А. Данный помост выравнивал древнюю дневную поверхность. На этом месте была возведена постройка 4, раскрытая в 2004 г. На связанных с ней бревнах получены дендродаты 861 и 862 гг. (Кирпичников 2006: 227, 229–230, рис. 4). В предыдущем сезоне раскопок, на том же уровне горизонта Б были получены даты по шести спилам из соседних квадратов, в том числе спил с настила с датой 894 г., а постройка 4 имела дату спила 896 г. (Кирпичников 2004: 278). Последняя деталь с завитком найдена в 2009 г. (Курбатов 2015: 54, рис. 5: *1.2*). Таким образом, можно видеть, что большинство деталей верха с одним из характерных признаков —

спиралевидным двойным завитком, происходят из слоев середины или второй половины IX в.

Еще один характерный признак был встречен на нескольких предметах из раскопок разных лет. Это — декоративные длинные горизонтальные прорези со швами по краям на воротниках башмаков. Фрагмент раскройки из раскопа 2005 г. отмечен в кв. Ж-XIX на глубине 1,83 м (рис. 7.24: *1*). В этом месте на уровне горизонта Б имеется широкая западина, которая могла быть неглубокой мусорной ямой, впущенной с верхнего горизонта. Такое положение позволяет относить находку ко второй половине IX в. Три предмета (рис. 7.8: *2*; 7.9: *2, 4*) найдены в 1950 г. По крайней мере, два из них связаны со слоем гумуса и щепы горизонта E_2, а один — со слоем почвенного перегноя со щепой, то есть с горизонтом E_3. Таким образом, два первых предмета могли быть в употреблении в первой половине — середине IX в. Еще две раскройки найдены в 1947 г. (рис. 7.3: *1, 16*): фрагментированный верх на глубине 1 м, в слое щепы, а почти целая раскройка — на уровне горизонта E_2.

Всего на раскопах № 3–5 отмечено шесть полных деталей башмаков, имевших по две или три горизонтальные декоративные прорези, которые встречались и ранее (Курбатов 2008а: 127). Один образец такого башмака найден в 2010 г. (рис. 7.29: *1*). Еще одна деталь верха — с двумя декоративными прорезями — найдена в 2012 г. (рис. 7.32: *1, 4*). Из обзора видно, что почти все рассмотренные предметы на основании стратиграфии можно относить к первой половине — середине IX в., а учитывая находку 2005 г., предпочтительнее для них будет позднейшая из возможных датировок. Данный вид декора обуви находит современное ему изобразительное соответствие на бронзовой панели ворот X в. кафедрального собора в Гнезно, где изображен герцог Богемии, обутый в мягкие туфли с двумя такими прорезями (Slama 2000, Bd. 1, Afb. 301).

Показательна и единичная по раскрою модель башмака (вид IX) из раскопа 1959 г., найденная на глубине около 1,3–1,4 м (рис. 7.12: *1*), что соответствует V–VI ярусам реконструированной застройки, то есть середине — третьей четверти IX в. (Кузьмин 1997: 349–351, табл. 1).

Почти все рассмотренные находки являются серийными, достаточно выразительными и не находят своего развития или видоизменения в известных материалах более позднего времени на территории Восточной Европы. Они подчеркивают монолитность коллекции как комплекса одного узкого хронологического периода и могут быть сравнимы с аналогичными изделиями из других регионов Европы.

Сырье

Кожевенное сырье на всех раскопах представляется однородным. Среди определимых предметов подавляющее большинство составляют кожи мелкого рогатого скота (МРС), тогда как шкуры крупного рогатого скота (КРС) малочисленны. В целом определение породы животных выполнено для более 70 % вещей. Как правило, неопределимы только подошвы, тонкие обрезки кожи со следами эксплуатации и уникальные кожевенные детали. Так, в 2008 г. не установлена видовая принадлежность материала узкой прокладки в шов, двух обрезков от раскроя и мошонки животного (Курбатов 2012: 113, рис. 9). В то же время последняя находка, а также мешочек из меха бобра в раскопе 2009 г. (рис. 7.36) расширяют круг археологических аналогов для кожаных предметов.

Рис. 7.36. Старая Ладога. Раскоп 2009 г. Мешочек из меха бобра

Отдельные находки кусков выделанной шкуры с шерстью (например, в 2009 г.) могли быть отходами от раскроя меховой одежды, подобно находке меховой рукавицы из овчины в коллекции из раскопок В. И. Равдоникаса (Оятева 1965, рис. 3: *1*; Русь и Балтика… 2006: № 55).

Вся кожа достаточно тонкая, не более 1,5 мм, но основная часть предметов имеет толщину 0,8–1,0 мм. При этом даже при малой толщине кожи заметно невысокое качество ее *продуба*, поскольку кожа на большинстве находок расслаивается, что можно объяснить слабым продубом внутренних слоев. Большинство находок кож имеют черный цвет *мереи* (внешней стороны) и коричневый цвет *бахтармы* (внутренней стороны), а также глубинных слоев, что позволяет предположить специальную химическую обработку *мереи* — тонирование. Черный цвет могли получать *дымлением* кожи над костром (в случае зачернения только лицевой поверхности) или помещением кож в настой ольховой коры (при зачернении и мереи, и бахтармы). Дополнительная механическая отделка лицевой поверхности кожи — тиснение «сеточка» — встречено только на одном вторичном обрезке кожи.

Коллекции кожи из раскопок разных лет позволяют сделать ряд частных наблюдений. Так, в 2005 г. были отмечены визуальные различия в состоянии предметов, найденных в сходных условиях. В сочетании с разной видовой принадлежностью и толщиной кожевенного сырья это может означать различие в методах выделки кож. Например, кожа чехла для ножа, а также обрезков и деталей верха обуви (4 фр.) из шкур МРС, относительно тонкая (0,8–1,3 мм), в разной степени расслоившаяся, имеет черный цвет обеих поверхностей и глубинных слоев кожи. От них выгодно отличаются две детали верха обуви, выкроенные из более толстой (1,2–1,5 мм) шкуры МРС. Они почти не имеют отслаивания бахтармы, сохраняя черный цвет внешних и глубинных слоев кожи.

Один экземпляр кожи имеет коричневый цвет внутренних слоев, сохраняя черный цвет мереи, — но только в местах, не подверженных стиранию. Кожа сохранила особую эластичность даже после высушивания. В этом случае можно предполагать жировое дубление и последующее дымление кожи. А коричневый цвет внутренних слоев мог получиться из-за связывания таннидов с коллагенами шкуры при ее длительном нахождении в грунте.

В работе Е. И. Оятевой о древнейших находках кожаных изделий из Старой Ладоги также отмечалось расслоение большинства кожаных предметов, однако это наблюдение не соотнесено с микростратиграфией раскопа или с отдельными изделиями. Тем не менее Е. И. Оятева считает, что слои, более насыщенные щепой и навозом, стали благоприятной средой для сохранения кожаных предметов (Оятева 1965: 43). Многолетние наблюдения за характером находок в разных грунтах, составом предметов и качеством кожевенного сырья позволяют предполагать, что сохранность материала в большой степени зависит от методов и качества выделки сырья. Также можно полагать, что в коллекциях с Земляного городища представлены изделия и обрезки, обработанные в разных традициях выделки кож.

Технические аспекты организации выделки кож и пошива кожаных изделий

В качестве элементов такой организации можно расценивать находки на Земляном городище остатков крупных берестяных «ведер» (или бочонков, или туесов), сохранившихся благодаря тому, что их основания были намеренно углублены в грунт ниже древней поверхности (уровня той дневной поверхности, по которой ходили жители открытых построек второй половины IX — начала X в.). Такие «туеса» диаметром 40–50 см были встречены на раскопе 2 в 1997 г. При описании горизонта В отмечено: «По трассе северной стены описываемого помещения располагались два врытых в земляной вал вместилища диаметром около 0,6 м, представлявшие круглодонную корзину с глиной на ее дне и берестяной туес высотой стенок не менее 5 см» (Кирпичников 2002: 232). Из дальнейшего анализа вещевого материала видно, что этот слой можно смело датировать IX в.

О том, что зола широко применялась в хозяйстве и в производствах, свидетельствуют ее упоминания в позднейших источниках — списках таможенных сборов по городам, например, в Вязьме: «[1667] Да с мелочных товаров собрано въ сентебре мце с лык, с лаптеи, со лну, с кожъ, з залы, с соли от вороту и повековщины с меду и притинов и со всяких мелочных товаров семь рублев» (СлРЯ XI–XVII вв. 15: 144). Поэтому заготовкой ее должны были заниматься все жители городов и сельских поселений. Но археологически эта деятельность до сих пор не отмечалась. Едва ли не первая археологическая находка такого рода сделана в Старой Ладоге. Здесь в 2010 г., в слоях второй половины IX в., открыты три берестяные бочки, содержавшие золу и пережженные камни с дресвой. Все они стояли внутри построек и, надо полагать, регулярно заполнялись золой и пережженными камнями, выгребаемыми из домашних печей (очагов). Специальный сбор и сохранение золы предполагает ее использование для хозяйственных нужд (Кирпичников 2011-А).

Достаточно спорным вопросом до сего дня остается атрибуция трех деревянных предметов из раскопок В. И. Равдоникаса как обувных колодок (Курбатов 2018).

Обрезки

В археологических собраниях выделены две группы обрезков: 1) от раскроя новых кож и 2) от деталей использованных предметов. В первой группе выделены обрезки с середины и края кожевого листа, а во второй — от разных видов изделий, принадлежность которым не устанавливается точно. Среди них имеются нитевидные, треугольные, прямоугольные и неправильной формы обрезки. Обрезки с края кожевого листа выделяются по характерным признакам: утолщению края шкуры, неровному краю и остаткам неснятого волоса. Результаты оценки крупных собраний обрезков рассмотрены А. В. Курбатовым на материалах Твери и Пскова (Курбатов 2004: 60–62; 2008б: 212–216).

Ладожская коллекция обрезков кожи из раннесредневековых слоев является «знаковой» для оценки этой группы предметов материальной культуры. Прежде всего, в отличие от других памятников, удивляет очень малое число таких находок в слоях с хорошей сохранностью органических материалов. Например, на раскопе № 3 в 2004 г. найдено всего восемь обрезков кожи, в том числе один экземпляр с края кожевого листа, четыре — от первичного раскроя деталей и три — от вторичного раскроя использованных изделий.

На раскопе № 4 прослежены и другие особенности обрезков. Так, в 2008 г. встречены обрезки с края кожевого листа с остатками неснятого волоса (рис. 7.25: *16*). На них сохраняются прорези длиной до 2–3 см или мелкие отверстия, отражающие технический прием в процессе обработки шкур (Курбатов 2007: 96). Длинные прорези вдоль края шкуры уже встречались в ладожской коллекции в раскопках прошлых лет (Курбатов 2008а: 123). Они отмечены и на раскопе № 5 (рис. 7.34: *18*). Такие прорези свидетельствуют о натягивании шкур на деревянные рамы посредством забивания деревянных шпеньков или подвязывания краев шкуры ремешками. Данный технический прием средневековой выделки кож отмечался западными исследователями в материалах датского Виборга (Koch 1998: fig. 46) и финского Турку (Harjula 2008: 136–137; Курбатов 2014: 357). В первом случае это были обрезки кожи с длинными прорезями вдоль края, во втором — и остатки деревянных рам.

На одном обрезке 2008 г., рядом со сквозной прорезью длиной 2,6 см, сделанной под прямым углом к краю листа, находилась линия утолщения на шкуре от глубокой царапины, заросшей при жизни. В 2013 г. на раскопе № 5 был найден крупный обрезок в форме треугольника с сильно вытянутым углом в виде тонкого ремня. В середине его имелся треугольный вырез, по-видимому, оставленный при удалении прижизненного нароста на шкуре (рис. 7.34: *31*). Такие наросты, находимые в других коллекциях, были результатом откладывания оводом личинок внутри шкуры. Развиваясь в коже, личинки питаются подкожным жиром животного, вызывая постоянный и болезненный зуд. После того как личинка превратится в насекомое и вылетит, шкура зарастает, но на ней остается крупный нарост — характерный брак кожевенного сырья.

В археологических материалах на отходах от раскроя кож в последние годы часто находили прижизненные пороки шкуры, такие как свищи — отверстия, проделанные в кожном покрове животного личинкой овода, и болячки-близны — открытые или зарубцевавшиеся места кожных болезней или механических повреждений кожи. Они зафиксированы в Твери, Свендборге и других городах (Курбатов 2004: 37; Groenman-van Waateringe 1988: 73, fig. 6.4.1).

Можно выделить обрезки от раскроя узких ремешков, который производился спиральными нарезками по периметру куска кожи (рис. 7.12: *14*, 7.13: *4, 5*). Поскольку края обрезков являются негативами деталей, можно видеть в ряде обрезков остатки от раскроя определенных деталей. Показательны отходы от раскроя подошв (рис. 7.4: *16, 17, 22, 24,* 7.5: *3*), к которым можно относить и длинные тонкие обрезки с заостренными концами (рис. 7.20: *3, 4*). От раскроя деталей верха обуви остались обрезки неправильных и геометрических форм (рис. 7.4: *14, 18, 19, 26, 27*). Некоторые из обрезков использовали в качестве подкладок при раскрое деталей (рис. 7.4: *11, 23*). На отдельных обрезках встречено тиснение лицевой стороны — достаточно редкий в это время признак декоративного оформления кожи при выделке (рис. 7.6: *1, 4*).

Раннесредневековая обувь Ладоги: виды и варианты

Е. И. Оятевой были подробно описаны восемь видов ладожской обуви (Оятева 1965: 43–48, рис. 1), что, однако, не исключает их повторного анализа, в связи с появлением нового материала.

Внутри предложенных Е. И. Оятевой видов наблюдаются фасонные различия, или вариативность моделей и форм декора. Это явление, видимо, отражает особенности организации обувного производства IX–X вв. в регионах Северной Европы в ареале Балтийского моря, и в частности, может служить показателем уровня специализации ремесла в Ладоге. Здесь надо отметить ключевые конструктивные и декоративные особенности раннесредневековой ладожской обуви. Модели (отдельные формы обуви), состоящие из двух и более деталей, имели раздельные подошву и верх — симметричного или асимметричного кроя. Симметричные раскройки верха вырезались преимущественно из одного куска кожи и имели длину (для взрослой модели) 50 см и более. Центральной осью раскройки была пятка, связывающая две продольные половины верха. Концы раскройки сшивались по продольной оси изделия, и шов проходил по середине носка, закрывая пальцы и подъем стопы (рис. 7.8: *1.1*). При отсутствии у мастера куска кожи достаточного размера, верх кроили из двух частей (рис. 7.8: *5*). Подошва для таких моделей имела округлую пятку, а носок мог быть округлым или заостренным (рис. 7.8: *1.2, 5.3*). Симметричные раскройки верха редко сохраняются целиком. Чаще встречаются их фрагменты (обрезки и обрывки), что затрудняет определение конструкции. К симметричному крою надо относить обрезки, сохраняющие полную длину по нижнему краю (рис. 7.10: *1*) и обрезки носка с признаками центрально-осевого шва (рис. 7.7: *1, 2, 6, 10, 13*). С некоторой долей вероятности к симметричным моделям можно отнести и фрагменты башмаков с горизонтальными декоративными прорезями в боковинах (рис. 7.8: *2*, 7.9: *2*).

В Старой Ладоге встречены и различные варианты мягкой обуви с асимметричным кроем верха. Такой крой составляет доминирующую линию развития обуви в средневековой Европе. В этих раскройках верха всегда имеется полуотрезной носок (головка в позднейших моделях) и задняя половина или боковина (будущий задник или берцы). Свободный торцовый обрез боковин пришивался к свободной части носка. Это соединение (шов) всегда располагался на внутренней стороне стопы, поэтому данный признак указывает на ношение обуви на правой или левой ноге. Для моделей с асимметричным кроем верха более характерны подошвы с заостренной пяткой, для которой по нижнему краю детали, в области соединения с пяткой подошвы, делался треугольный вырез (рис. 7.9: *3*). В вырезе иногда оставлялся узкий язычок, усиливающий сшивное соединение (рис. 7.9: *1, 5*). Декор обуви включал ложный шов по продольной оси носка и волютообразные разрезы на внешней стороне стопы (рис. 7.37).

Оба варианта раскройки верха (симметричный и асимметричный) могут сочетаться в моделях с подошвами разной формы — прямыми или изогнутыми по стопе, то есть также симметричными или асимметричными. Ни один из вариантов, учитывая тонкость и мягкость кожи, не мог сильно влиять на удобство ношения обуви. Асимметричная подошва могла служить только для лучшего «держания формы» изделия. В обувных моделях развитого и позднего средневековья асимметричная подошва не была популярной. Д. О. Осипов подсчитал, что асимметричные подошвы в материалах XII–XVII вв. из Москвы и подмосковных городов составляют не более 1 % всех находок. По его мнению, столь малое количество асимметричных подошв может означать, что их использовали в обуви, специально пошитой для людей, страдающих плоскостопием (Осипов 2006: 54). По нашему мнению, такое

Рис. 7.37. Старая Ладога. Реставрированная туфля III вида с Земляного городища (по: Russie viking 2011)

объяснение нельзя считать удовлетворительным, поскольку самостоятельного лечебного эффекта асимметричная подошва не имеет. Для лечения и профилактики плоскостопия необходимо использовать высокую внутреннюю вставку — супинатор, которая будет искусственно поддерживать свод стопы. Наличие супинатора или следы его использования в древней обуви не выявлены. Поэтому правильнее все же связывать асимметричный раскрой подошвы с фасонами обуви (Курбатов 2008в: 250). Для более детального ознакомления со специальными работами по изучению болезней ног у древних людей рекомендуется следующая работа (Курбатов, Минченко 2013: 32–36).

К виду I (по Е. И. Оятевой) отнесены башмаки с раздельным кроем подошвы и верха. Их верх цельнокроеный, асимметричный, с высоким воротником, один верхний угол которого вытянут сильнее, чем второй. По нижнему краю в области пятки имеется треугольный вырез, предполагающий использование подошвы с заостренной пяткой. Из декора имеется линия ложного шва по оси носка. Кроме трех фрагментов верха этого вида (Оятева 1965: 43, 46, табл. 1) в раскопе 1950 г. найдены две почти полные раскройки верха (рис. 7.9: *1, 5*). Элементом, не встречающимся в других конструкциях, здесь является язычок по нижнему краю раскройки верха, оставленный в вершине треугольного выреза в области пятки. Исключением можно считать симметричную раскройку с таким элементом из раскопа 1991 г. (рис. 7.21).

Вид II составляют мягкие башмаки с раздельным кроем подошвы и верха. Цельнокроеный асимметричный верх имел высокие боковины (воротник), верхние углы которых вытянуты в разной степени. В области пятки по нижнему краю нет треугольного выреза, что предполагает использование подошвы с округлой пяткой. Из декора присутствует ложный шов по оси носка и 2–3 параллельных друг другу

декоративных горизонтальных разреза в средней зоне боковин, длиной 10,5–14,0 см на расстоянии 2,3–2,5 см друг от друга. Найдены пять неполных предметов этого вида (Оятева 1965: 46, табл. 1). При фрагментарности находок наиболее показательными для них можно считать параллельные декоративные разрезы на боковинах. Всего найдены шесть таких предметов в раскопах 1947 (рис. 7.3: *1, 16*), 1950 (рис. 7.8: *2*, 7.9: *2, 4*) и 2005 гг. (рис. 7.24: *1*). Имеются экземпляры с двумя и тремя декоративными разрезами. Но некоторые из деталей с такими разрезами можно отнести к симметричным формам верха IV и V видов (рис. 7.9: *2*).

Среди указанных находок интересный образец верха мягкой туфли найден в 2005 г. (рис. 7.24: 1). Это высокая боковина, без «головки», закрывавшая лодыжку и низ голени, кроеная из относительно толстой кожи МРС. В средней части ее сделаны две длинные горизонтальные прорези со швами по обеим сторонам. Всего на раскопах № 3–5 отмечено шесть полных деталей башмаков, имевших по две или три горизонтальные декоративные прорези, которые встречались и ранее (Курбатов 2008а: 127). Один образец такого башмака найден в 2010 г. (рис. 7.29: *1*). Еще одна деталь верха — с двумя декоративными прорезями — найдена в 2012 г. (рис. 7.32: *1, 4*).

У отмеченной выше раскройки верха туфли из раскопа 2005 г. (рис. 7.24: *1*), кроме горизонтальных прорезей есть и другие конструктивные детали: 1) вдоль первоначального края верха шел ряд сквозных отверстий шва, выполненного в две нити; 2) имеются также три прорези для оборы шириной не более 3 мм; 3) оттянутый верхний угол с отверстием для завязки. Конструктивные детали такого рода встречены на многих староладожских изделиях. Подобная же по конструкции обувь широко представлена на европейских поселениях IX–X вв., в том числе в Польше — это Щецин (Kowalska 2003), Гнезно (Rajewski 1939: Rys. 2) и поселение на озере около Мястко (Matuszewska-Kola, Kola 1985).

Вид III представляется наиболее сложным в раскрое, поскольку кроме основной детали верха включает и дополнительную — трапециевидную, а также усилительные накладки на места шнуровки. В месте «задника» на раскройке верха делался треугольный вырез для вшивания заостренной пятки подошвы. В староладожской коллекции было выделено два целых экземпляра и 17 фрагментов такой обуви, по размерам и декору относимой к женской (Оятева 1965: 46–47, табл. 1). При вариабельности раскроя и пошива, для этого вида обуви показательны детали верха, на которых встречены спиралевидные разрезы (12 экз.). Полные (или почти полные) раскройки верха с декоративным разрезным двойным завитком найдены в раскопе 1947 (рис. 7.3: *6*, 7.14: *2*), 1950 (рис. 7.9: *3*) и 1975 гг. (рис. 7.15: *1.1*). Различием в раскройках можно назвать отсутствие дополнительных подшивных элементов и прорезей для ремней-завязок. Но на всех раскройках верха имеются треугольный вырез по нижнему краю в области пятки, диагональный срез одного из углов верхнего края, линия стежков ложного декоративного шва по оси носка. Кроме полных раскроек верха спиральные завитки отмечены и на ряде обрезков деталей — в раскопах 1947 (рис. 7.3: *9, 14*), 1950 (рис. 7.7: *7*, 7.8: *3.1*), 1997 (рис. 7.20: *2, 7*) и 2004 гг. (рис. 7.23: *1*). Эти фрагменты имеют все признаки, позволяющие соотносить их с целыми моделями. Поэтому будет справедливым утверждение, что все детали верха со спиральными декоративными завитками могут быть отнесены к III виду ладожской обуви. Некоторые конструктивные различия, отмечаемые по целым деталям верха, дополняются различием формы самих завитков.

В настоящее время уже ясно, что обувь с декоративными разрезными завитками можно назвать характерной чертой староладожской коллекции, в которой выделены завитки трех вариантов — в полтора оборота (рис. 7.3: *6*, 7.7: *3.1*, 7.15: *1.1*), почти в один оборот (рис. 7.3: *9, 14*, 7.5: *2,* 7.7: *7*) и в пол-оборота (рис. 7.9: *3*, 7.23: *1*). Два предмета имеют завитки, форму которых можно считать промежуточной между вторым и третьим вариантами (рис. 7.20: *2, 7*). В различии формы завитков заметно своеобразие работы мастера (мастеров?) над каждой парой обуви. Кроме того, многообразие вариаций надо относить к признакам пошива башмаков в самой Ладоге, где мастер мог видеть прототипы.

На раскопе № 4 в 2008 г. были найдены еще две такие детали (рис. 7.25: *8*). Очень интересным можно назвать встреченный здесь же в 2009 г. набор деталей мягкой туфли с симметричной подошвой, имевшей вытянутую заостренную пятку и несущей выраженные следы износа и эксплуатационного растяжения (рис. 7.26: 1.1–1.3). На детали верха имелся биспиралевидный декоративный вырез и «глухой» декоративный шов по оси носка. Завиток относится к группе завитков в один оборот. По конструкции и «стилю» деталь почти идентична находке 1947 г. (Курбатов 2008а: 81, рис. 4: 2). Более того, эти два изделия могли быть единой парой обуви, так как верх туфли из раскопа 1947 г. предназначен для правой стопы, а находка 2009 г. скроена для левой. Близкими оказываются и размеры деталей, примерно соответствующие мужской стопе 41-го размера по штихмассовой обувной шкале.

Ранее отмечалось, что аналогии ладожским разрезным завиткам найдены на ограниченном круге одновременных памятников с побережья южной Балтики — поселениях в Елисенхофе (Hald 1972: fig. 116), Хедебю (Groenman-van Waateringe 1984: taf. 6:5) и Кёльне (Swann 2001: 40). Можно добавить, что головка с разрезным завитком из Елисенхофа, как и ладожская деталь 2004 г. (рис. 7.23: *1*), имеет декоративный шов по оси головки. Подобный шов, захватывающий кожу на внешней поверхности и не выходящий на внутреннюю сторону, кроме серии изделий в Старой Ладоге (Курбатов 1997: рис. 1), известен на обуви из разных памятников рубежа I–II тыс. н. э. в ареалах Балтийского и Северного морей — в Миддельбурге (Hald 1972, fig. 128–134), Рибе (Nielsen 1991: fig. 9), в погребении из Осеберга (Blindheim 1959: fig. 1–2). Дата совершения последнего была уточнена дата после изучения древесины — 834 г. (Bonde 1994: 138–140). Можно считать, что ложный декоративный шов был характерен в IX–X вв. для всей известной раннесредневековой обуви, в том числе и в Скандинавии (Swann 2001: 48).

Подшивание дополнительной треугольной детали в обуви III вида (по Е. И. Оятевой) делает необходимым наличие места для нее на основной раскройке. Поэтому, к признакам этого вида можно относить как саму трапециевидную вшивную деталь, так и диагональный срез у верхнего края основной детали. Полная вшивная деталь с несколькими рядами мелких прорезей найдена на раскопах 1947 (рис. 7.3: *7*) и 1959 гг. (рис. 7.12: *7*). В 2004 г. был найден мелкий фрагмент такой детали (рис. 7.23: *6*). Учитывая уникальность декора на этих вставках, к ним надо относить и прямоугольную деталь с тремя рядами прорезей из раскопа 1950 г. (рис. 7.10: *6*). Такую деталь, с соответствующими дополнениями, могли использовать для обшивки верха обуви этого вида. Отметим, что не все обрезки деталей верха можно соотнести с определенным видом обуви. Многие из них можно, в целом, связывать с видами I–III. Это находки 1958 (рис. 7.14: *3, 4*), 1975 (рис. 7.15: *2, 3, 6, 7*), 2002 гг. (рис. 7.20: *1*).

Следующие три вида обуви отличаются от предыдущих основной композиционной идеей кроя верха. Вид IV также включает отдельные детали подошвы и верха. Он имеет цельнокроеный симметричный верх, где ось симметрии проходит вертикально через середину пятки. Эта ось делит раскройку на правую и левую продольные половины. Но эти половины нельзя назвать строго идентичными по форме. Отличительным признаком можно считать поперечный обрез носка. Такая форма верха, по мнению Е. И. Оятевой, должна соответствовать подошве с заостренным носком. В коллекции было выделено девять неполных моделей (Оятева 1965: 47, табл. 1). Из раскопа 1950 г. происходят полностью сохранившаяся раскройка верха с отдельно подкроенным носком с правой стороны модели и подошва (рис. 7.8: 5.1–5.3). Там же найдена раскройка с воротником и оборванными носками, а также отдельная подошва (рис. 7.8: *6*, 7.9: *6*). В раскопе 1947 г. имеется обрезок правой половины верха с «тупым» носком (рис. 7.4: *2*).

Вид V отличается от IV вида формой носка детали верха, которая предполагает использование подошвы с округлыми носком и пяткой. К этому виду отнесены одна целая модель и две фрагментированные детали (Оятева 1965: 47, табл. 1). Это часть правой половины верха (рис. 7.7: *2*), раскройка верха полной длины, но с обрезанным наполовину верхним краем (рис. 7.10: *1*) и полный верх с подошвой (рис. 7.8: *1*) из раскопа 1950 г.

Вид VI также имеет в основе симметричный крой детали верха, с делением на правую и левую продольные половины раскройки. Один из верхних углов высокого воротничка был вытянут сильнее. Особенностью вида является вырез в области пятки на нижнем крае детали верха, говорящий о пришивании подошвы с заостренной пяткой. К этому виду отнесены два фрагмента деталей верха (Оятева 1965: 47, табл. 1), хотя в раскопе 1959 г. был найден и целый верх, на основании которого дано описание (рис. 7.5: *1*). Кроме того, в коллекциях разных лет есть обрезки раскроек верха, которые можно соотнести с видами IV–VI (без разделения между ними) по признаку сшивания половин по продольной оси носка. Это находки из раскопок 1947. (рис. 7.3: *2, 5, 8, 13*), 1948 г. (рис. 7.14: *2, 9, 10*), 1950 (рис. 7.5: *9, 12*, 7.7: *1, 6, 10, 11, 13*), 1959 (рис. 7.12: *2, 3*), 2004 (рис. 7.23: *3*), 2005 гг. (рис. 7.24: *5*).

Имеются детали верха со своеобразным оформлением на подъеме стопы, что является особенностью симметричных раскроек верха IV–VI видов. В этих видах сшивание двух половин носка предполагает прохождение шва по продольной оси башмака. Однако полный верх башмака в раскопе 1991 г. показывает иной прием конструирования раннесредневековой обуви, при котором носки на двух половинах детали имели разную ширину. Различным было и оформление верхнего края в месте подъема стопы (рис. 7.21). При сшивании половин шов заметно смещался на внешнюю (?) сторону стопы, что объясняет непонятную ранее асимметрию верхнего края, где на одной половине носка оказывается язычок, а под ним — две симметричные ему прорези для ремня-завязки. Этот язычок и прорези, видимо, должны находиться на продольной оси пошитой обуви, у подъема стопы, но на раскройке оказываются на одной стороне. Асимметрия раскроя перестает быть непонятной при реконструкции модели. Шов, действительно, смещается на внешнюю сторону стопы, а язычок и прорези оказываются на продольной оси изделия (рис. 7.22).

Реконструкция данного приема выглядит неубедительной только до появления других находок такого типа. Одна из них выделена среди находок 1950 г. Это

фрагмент детали верха туфли симметричного кроя, наиболее сходного с V видом. Здесь также имеется язычок на верхнем крае, в месте подъема стопы, а у основания язычка — две прорези для завязки. Сохранился и фрагмент завязки, стягивающий этот участок детали (рис. 7.7: *6*). Другой фрагмент верха найден в раскопе 1948 г. Здесь имеется язычок — выступ, полностью лежащий на левой стороне раскройки. С бахтармы его огибают два сходящихся потайных шва, по линиям которых стягиваются края детали. У верхнего края здесь находятся и две треугольные прорези для ремешков-завязок (рис. 7.14: *9*). Возможно, такого же рода стягивание верхнего края надо видеть и в находке 1947 г., где есть выступ — «язычок», складка кожи и симметричные ей прорези для ремня-завязки (рис. 7.3: *2*).

Асимметрия переднего шва на обуви находит отражение и в других приемах раскроя верха башмаков, но не только IV–VI видов. Это асимметрия воротничка, один угол которого сильно вытянут, а второй оказывается диагонально срезанным. Такая особенность подчеркивает ношение обуви на правой или левой ноге через своеобразный метод крепления обуви на стопе. Вытянутый угол воротничка оборачивается вокруг голени, перекрывая срезанный угол воротничка. Кожаный ремень, закрепленный в углу, оборачивается вокруг голени один или несколько раз, а затем связывается со вторым ремнем, закрепленным у края срезанного угла. При этом передний шов, асимметрично лежащий, выступает и как элемент декоративного оформления обуви наряду со спиралевидными разрезами, также расположенными только на внешней стороне стопы. Подобного рода асимметрия в раскрое обуви характерна только для VIII–X вв. В дальнейшем она исчезает вместе с приемами многократного обертывания ремешков-завязок вокруг голени. Последнее является отголоском «примитивной» обуви, которая археологически фиксируется начиная с бронзового века (Schia 1986: 63–68, fig. 5).

На раскопе № 4 также встречены характерные детали обуви. Например, две детали носка мягкой туфли (рис. 7.25: *4*) надо относить к обуви симметричного кроя верха типов IV–VI по Е. И. Оятевой (Оятева 1965, рис. 1). У этих фрагментов заметно различие в ширине, что связано со своеобразным оформлением подъема стопы в симметричных раскройках верха (Курбатов 2008а: 109, 111). В этих видах обуви сшивание двух половин носка предполагает нахождение шва в продольной оси. Но как уже говорилось выше, полный верх башмака из раскопа 1991 г. (рис. 7.21) показывает иное (Кирпичников 1992А, Опись, № 64; Курбатов 1997: 119, рис. 3). Оформление верхнего края на подъеме стопы для правой и левой половин оказывается различным. После сшивания половин носка этот шов на подъеме заметно смещен на внешнюю (?) сторону стопы, что помогает понять смысл асимметрии верхнего края, где на одной половине носка оказывается язычок, а под ним две симметричных ему прорези для ремня-завязки. И язычок, и прорези, разумеется, должны находиться на продольной оси пошитой обуви, у подъема стопы, но на раскройке они располагались на одной стороне. Необъяснимость такой асимметрии в раскрое исчезает при реконструкции модели. Шов действительно смещен вбок, а язычок и прорези оказывались на продольной оси туфли. Такая же раскройка была найдена вновь в 2009 г. (рис. 7.26: *6*).

В 2013 г. на раскопе № 5 среди детальнокроеной обуви встречена модель симметричного кроя верха из одной основной детали (виды IV–V по Е. И. Оятевой). К ней относятся две части для правого и левого краев, фрагмент подошвы и дополнительно

пришиваемая деталь на подъеме с левой стороны (рис. 7.33: *4.1–4.4*). На правой половине сохранилась и завязка — кожаный ремешок шириной 2,5–3 мм и длиной не менее 18 см, продетый сквозь три специальных отверстия на детали. Можно отметить, что края основных деталей верха были частично «заварены», то есть они были брошены на горячую поверхность, видимо уже после расшивки изношенной обуви. Также имеется отдельная деталь верха туфли названных видов (рис. 7.33: *5*). Это левая сторона носка с сохранившимся фрагментом ремня-завязки шириной 0,8 см. Деталь имеет три прорези для ремней размером 7–12 мм и прорезь длиной 2,9 см вдоль верхнего края.

Башмаки видов VII и VIII представляют совершенно особую традицию раскроя. Это цельнокроеные модели, соединяющие в одной раскройке элементы подошвы и верха. Они встречены в единичных, полностью сохранившихся, формах, послуживших основой для выделения видов (Оятева 1965: 47–48, табл. 1, рис. 2: *2, 3*). Фрагменты таких изделий неоднократно находили в дальнейшем в раскопах № 3–5.

В 2004 г. выделены два фрагмента одночастной раскройки типа поршня, с треугольными вырезами по противолежащим сторонам, условно — носок и пятка, где в углах вырезов сделаны относительно широкие прорези для кожаной оборы (рис. 7.23: *7*). Подобный крой обуви уже встречался в раскопе 1998 г. (Курбатов 2008б: 126). Позднее, в 2010 г., были найдены восемь фрагментов поршневидной обуви с регулярными частыми вертикальными прорезями по длинным боковым сторонам и горизонтальными — на переднем и заднем (?) краях (рис. 7.29: *6*). Последние четыре находки такого рода сделаны на раскопе 2013 г., причем все фрагменты, вероятно, принадлежат одной паре обуви, разрезанной и выброшенной после использования за пределы дома, на свободный участок двора (рис. 7.35: *3, 6, 11, 12*). Ее особенности хорошо видны на сохранившейся части носка. Передние края его сшиты одной толстой нитью через край. Вдоль всего верхнего края носка сделаны вертикальные прорези длиной 12 мм через каждые 5–6 мм, в которые продевалась *обора* из растительной нити. На одном обрезке сохранился участок края с тачным швом, который может быть методом соединения краев детали регулярным швом (рис. 7.35: *11*).

В типологии форм раннесредневековой ладожской обуви, предложенной Е. И. Оятевой, для некоторых находок не находится места. Так, в 1959 г. была найдена часть детали верха башмака с фигурно обрезанным краем и выделенным ремешком-застежкой длиной около 7,0 см и шириной 1,5 см, на конце — прорезь для закрепления кожаной пуговицы. Три подобные пуговицы сохранилось in situ. Коренной конец пуговиц был раздвоен, и каждый из двух «хвостиков» продет сквозь отдельное отверстие в коже. На внутренней стороне они связывались или продевались сквозь дополнительные отверстия друг в друге или в основной раскройке (рис. 7.12: *1*). Эту находку следует выделить в самостоятельный *IX вид* староладожской обуви раннего периода.

Одна из деталей верха 2009 г. также показывает особую конструкцию, подтверждая необходимость выделения для ладожской обуви нового вида IX. Это туфля с высокими берцами, или «воротником», закрывавшая нижнюю часть голени примерно на 12–15 см. Крепление краев «воротника» на голени обеспечивали три язычка с прорезями для кожаных (?) пуговиц (рис. 7.26: *2.2*). Конструктивно близкой к ней деталью среди ладожских находок можно назвать фрагмент верха из коллекции 1959 г.,

где сохранились один язычок для крепления на пуговице и три кожаные пуговицы in situ (Курбатов 2008а, рис. 11: *1*). Полную реконструкцию обуви можно видеть по находкам в Хедебю и Дорестаде (Groenman-van Waateringe 1976: abb. 3).

Интересные детали обуви найдены на раскопе № 5. В 2012 г. найден уникальный для ладожской коллекции верх асимметричного кроя, с разрезом по оси носка и двумя полуотрезными полосами сбоку. Его можно условно выделить в вид X ладожской обуви. Отметим, что все полуотрезные элементы составляют часть единого листа раскройки (рис. 7.32: *1*). Такая манера кроя была неудобна при сшивании, но свидетельствует об индивидуальности пошива каждой пары обуви в раннем средневековье. Если по общей схеме кроя модель можно относить к виду I по Е. И. Оятевой, то декоративное оформление в виде полуотрезов сбоку и по оси головки ранее в Ладоге не встречалось. Такой декор является редким и на раннесредневековых памятниках Европы в ареалах Балтийского и Северного морей. Близкими по стилю можно считать находки на норвежских поселениях — в Боргунде (Larsen 1970) и Осло (Swann 2001: 43–44). Хотя в последнем случае остается сомнение в наличии именно сквозной прорезки в носке, а не «ложного» декоративного шва на лицевой поверхности.

Для ранней ладожской обуви характерна еще одна техническая особенность пошива, встреченная только в последнее время. В раскопах 1998 и 2004 гг. найдено четыре фрагмента от двух (?) цельнокроеных моделей обуви типа позднейших поршней, с раскройкой четырехугольной формы, со скругленным или срезанным под разными углами («ломаным») передним краем. На длинных сторонах раскройки имеется ряд частых прорезей для кожаной оборы. Ширина прорезей составляет 3 мм, а расстояние между ними 2,5–3,0 мм. Края детали на носке и пятке оформлены рядом мелких треугольных вырезов. В каждом из получившихся небольших полуотрезных язычков сделана прорезь для оборы (рис. 7.20: *8*, 7.23: *7*). Такое оформление «зубцами» краев поршней встречается только на раннесредневековой обуви.

Собранные вместе кожаные детали из раскопок Земляного городища разных лет позволяют увидеть и другие особенности коллекции. Некоторые детали, например, можно считать парными, то есть относить к отдельным парам обуви. Каждая деталь пары имеет конструктивные и декоративные признаки, отличающие их от других изделий внутри одного вида и между видами. Такой парой обуви надо считать четыре фрагмента поршней, два из которых найдены в 1998 г., а два других — в 2004 г. (рис. 7.20: *8*, 7.23: *7*). Другой пример — две асимметричные раскройки верха башмаков с декором из ложного шва по оси носка и спиралевидных разрезов у внешней стороны стопы. У них совпадают метрические показатели и все особенности формы и декора. Одна деталь найдена в 1947 г. (рис. 7.3: *6*), а другая — в 1975 г. (рис. 7.15: *1*). Также парой являются две полные раскройки верха из раскопа 1950 г. (рис. 7.9: *1, 5*). Менее очевидна связь в пары других, более фрагментированных деталей, имеющих на воротниках по три (рис. 7.8: *2*, 7.9: *2, 4*) и две длинные горизонтальные декоративные прорези (рис. 7.3: *1*, 7.24: *1*). К одной паре можно отнести и находки с особыми вариантами спиральных завитков, например, идентичных на раскопах 1950 г. (рис. 7.9: *3*) и 2004 г. (рис. 7.23: *1*). Принадлежащими одной паре обуви можно считать подтреугольные пришивные детали с пятью рядами мелких частых декоративных прорезей, найденные на раскопах 1947 (рис. 7.3: *7*) и 1959 гг. (рис. 7.12: *7*). Вполне вероятно, что только фрагментарность многих деталей мешает расширить этот набор парных форм.

Сочетание конструктивных и декоративных элементов подкрепляется сходством качества кожи, ее плотности, толщины, фактуры поверхности, степени стертости. Такое положение, когда в относительно небольшой по объему коллекции кожи, взятой с небольшой площади одного памятника и, в определенной степени, из одного слоя, находится много фрагментов парных деталей обуви, можно объяснять тем, что изношенная обувь выбрасывалась тут же — в слой за пределами жилищ. Вещи не использовались вторично для ремонта или изготовления каких-либо других кожаных изделий. Изношенная обувь заменялась новой, пошитой здесь же, о чем свидетельствуют находимые обрезки от раскроя. Хотя общее число обрезков невелико в абсолютных значениях и относительно мало в сравнении с деталями обуви, чтобы говорить о сложившемся на поселении ремесленном производстве.

Другие виды кожаных изделий раннесредневековой Ладоги

Помимо обуви в древнейшей части староладожской коллекции имеются и другие изделия. Бытовые кожаные изделия на памятнике немногочисленны и отражают достаточно небогатый ассортимент.

Ремни-завязки (50 экз.) являются наиболее массовой категорией находок. Судя по ширине, как правило, не превышавший 5–6 мм, многие завязки служили для крепления обуви на ноге. Говорить о длине завязок сложно, поскольку почти все они имеют оборванные или обрезанные концы — ходовой (рабочий) и коренной, если называть их в морских терминах (Скрягин 1994: 10). Можно отметить, что фрагменты завязок, сохранившиеся in situ на обуви, имеют длину 13 и 16 см (рис. 7.9: *6*). Отдельные обрезки завязок достигают длины 31,4 (рис. 7.5: *11*), 23,0 и 26,8 см (рис. 7.23: *24, 25*). Найденные на деталях обуви завязки и кожаные пуговицы показывают своеобразный способ крепления их коренного конца — он разрезался на два узких «хвоста», продеваемых в отдельные прорези на детали верха обуви. На внутренней стороне детали «хвосты» связывались, или же один продевался в специальный продольный разрез на другом и затем завязывался узлом или пришивался к бахтарме. Такое крепление сохранилось на мелком обрезке детали (рис. 7.23: *15*). Только отдельные завязки сохраняются полностью, как например, ремешок, пришивавшийся к неопределенному изделию коренным концом (рис. 7.12: *10*). При длине 16,3 см он имеет максимальную ширину у коренного конца только 1,1 см.

На завязках часто встречаются узлы. Они использовались для различных потребностей — для утолщения ремешка, для связывания концов двух ремней или для создания петли. Особенностью соединения концов ремней является использование своего рода петель, полученных при продольных прорезях, в которые продевались концы второго ремня. Эти «петли» могли быть на конце одного или обоих соединяемых ремней (рис. 7.4: *5, 6*, 7.10: *10, 14, 19*). Среди узлов преобладают «простые» (рис. 7.4: *10*, 7.10: *13*), при завязывании которого ходовым концом делают полуузел. Концы ремней связывали «дубовым» (рис. 7.10: *8*) или «прямым» (рис. 7.9: *6*) узлом (Скрягин 1994: 17, 34–35, 38–39).

В 2009 г. выделено 14 ремешков-завязок от разных изделий, в том числе с узлами (рис. 7.27: *9–12*, 7.28: *1–4, 9–11, 14, 20*). Они условно разделяются на две группы: завязки первой имеют относительно аккуратно нарезанные ремешки одинаковой

ширины, а завязки второй заметно разнятся по ширине на разных участках. Такое различие, видимо, следует отнести на счет квалификации изготовителя.

Крепление концов на двух завязках является специфичным для кожаных предметов. В одном случае на расстоянии 3 см от конца в завязке сделана продольная прорезь длиной 1,2 см, в которую продернут второй конец (рис. 7.27: *9*). Во втором — на концах завязок сделаны продольные прорези длиной 1,0–1,2 см, образующие своего рода петли, сквозь каждую прорезь продергивается конец другого ремешка (рис. 7.28: *1*).

Иного рода узлы соединяют концы других завязок: выделены двойной прямой узел (рис. 7.27: *10*) и неправильный прямой узел (рис. 7.28: *2*). Другие узлы служили для утолщения конца завязки — с одним простым узлом (рис. 7.27: *11*) или с несколькими простыми узлами — одинарным, двойным и тройным (рис. 7.27: *12*).

В 2010 г. было вновь выделено необычно много завязок относительно небольшого общего числа кожаных предметов. Одна завязка с узлом найдена на детали верха обуви (рис. 7.29: *1*), одна — на неопределенном обрезке кожи (рис. 7.30: *6*) и 10 — отдельно (рис. 7.30*: 4, 5, 7, 8, 10, 12–16*, 7.31: *2, 13, 23*). На раскопе 2013 г. встречены три завязки с узлами и петлями (рис. 7.35: *15, 20, 21*) и две — на деталях обуви (рис. 7.33: *4, 5*).

Чехлы для ножей. Найдено 12 чехлов для ножей, четыре из которых описаны Е. И. Оятевой (Оятева 1965: 51). Три чехла найдены на раскопах 1997–2005 гг. Полный экземпляр чехла из раскопа 1998 г. с центральным обметочным швом длиной 14,2 см при ширине устья 3,1 см сшит из кожи КРС толщиной 0,7–0,8 мм (рис. 7.20: *9*). Фрагмент чехла с боковым швом, из раскопа 2005 г., имел длину 14,5 см, ширину 4,6 см и был пошит из тонкой кожи МРС (рис. 7.24: *14*), сильно расслоившейся, имеющей черный цвет поверхности и глубинных слоев. Боковой шов характерен для использования тонкого кожаного ремешка. Подобные по манере сшивания чехлы находили и ранее (Оятева 1965: 51, рис. 3: *5*). Близкие по формам чехлы для ножей этого же времени найдены в Гросс-Радене (Schuldt 1985: abb. 122, 1–4).

В 2009 г. найден почти целый чехол асимметричного кроя с боковым швом, длиной 13,4 см и шириной устья 3,1 см. На расстоянии 2,7 см от устья сбоку выступает ушко шириной 1,5 см. Смятость на боковом шве показывает, что строчка выполнена вальцованной металлической проволокой. На сшитом крае заметны два слабо выраженных уступа (рис 7.27: *7*). Чехлы для ножей, сшиваемые вальцованной металлической нитью, уже встречались в Старой Ладоге в 1947 г. (Курбатов 2008а: 71, рис. 3: *7*) и описаны Е. И. Оятевой, как имевшие боковой шов с «крупными четырехугольной формы проколами (или вырезами), расположенными на равном расстоянии друг от друга» (Оятева 1965: 51). Подобный чехол для ножа, с широкими поперечными прорезями для металлической (?) ленты, найден в Хедебю, где были и чехлы с небольшими ушками, отступающими от верхнего края (Groenman-van Waateringe 1984: taf. 20: *2, 5, 8*; 21: *4, 6*), и на поселении Елисенхоф (Grenander-Nyberg 1985: taf. 63: *2, 4*).

Все три чехла из раскопа 2010 г. кроены из одного куска кожи, сложенного вдвое и прошитого сбоку. Один имел выступ на расстоянии 3,0 см от устья, в середине которого сделана V-образная прорезь для закрепления ремешка, на котором чехол подвешивался на пояс. Само устье имеет фигурный обрез. От этого чехла сохранилась только верхняя половина, а боковой сквозной шов выполнен относительно

толстой нитью (рис. 7.30: *3*). В целом выступ и фигурный обрез устья, а также качественная прошивка выдают профессиональное изделие. Второй чехол, сохранившийся почти на всю длину (14,1 см), имел небольшое, слабо выраженное ушко длиной 1,5 см, с прорезью для ремешка. Края раскройки сшиты достаточно небрежно обметочным швом (рис. 7.30: *2*). Третий чехол не имеет бокового выступа или ушка и сшит также «через край» (рис. 7.30: *1*). Все чехлы показывают разную манеру пошива, что можно назвать отсутствием устойчивой традиции профессионального изготовления.

Кошельки. В 2004 г. найдена подпрямоугольная деталь размерами 9,5 × 7,5 см, со швами по длинным сторонам (рис. 7.23: *10*). Сшивные отверстия овальные, вытянуты перпендикулярно краям детали, сгруппированы парами, что предполагает сшивание в одну нить сквозным швом «змейка». Нить могла быть растительной или из тонкой полоски кожи. При сшивании деталь складывалась вдвое.

Необычным в коллекции выглядит меховой мешочек с завязкой, размерами в сложенном виде 12,5 × 6,0 см (рис. 7.27: *8*). Он сшит из меха бобра, с жестким и длинным остевым волосом бурого цвета. Концы завязки шириной 2,5 мм, выступающие на 5 см, затянуты неправильным прямым узлом. В соответствии со средневековой терминологией цвет меха «чернокарий»: «[1674] И бобры, и кошлоки черные и чернокарие и карие и рыжие, и лисицы черные и чернобурые и черночеревые» (СлРЯ XI–XVII вв., 7: *67*). Небольшим мешком могла быть и отдельная деталь из раскопа 2008 г. (рис. 7.25: *5*).

Единичные предметы. В 2009 г. выделен один предмет, сохранившийся фрагментарно: оборвана верхняя часть с местом для подвешивания. Из конструктивных особенностей назовем шов — центрально-осевой обметочный «через край» и такой же шов на торце (рис. 7.27: *6*). Находку можно интерпретировать как чехол для ложки.

К единичным предметам можно также отнести усилительные накладки, каким, вероятно, служил прямоугольный кусок кожи, сложенный вдвое и имеющий одно пробитое сквозное отверстие в середине (рис. 7.10: *7*). Также выделены четыре обшивки краев изделий, служившие для придания краю большей жесткости и сохранения формы (табл. 7.1). Среди них обшивка для обуви с рядами частых и мелких декоративных прорезей (рис. 7.10: *6*) и две полосы кожи без декора (рис. 7.12: *7.3, 7.4*). Единственная заплата встречена в 2004 г. Это деталь овальной формы, размерами 12,2 × 8,2 см, имевшая неровные края и редкие крупные отверстия вдоль них (рис. 7.23: *9*). К фрагментам поясных (или иных) ремней отнесены два фрагмента. Один из них, длиной 14,6 см и шириной 3,7 см, имел по краям крупные, регулярные сквозные отверстия швов (следы пришивания подкладки или обшивки), а по средней части — неравномерно сделанные прорези (рис. 7.4: *9*).

Неопределимые изделия. В 2004 г. найдены две идентичные детали, складываемые друг с другом бахтармой и прошитые по краю растительной нитью обметочным швом «через край» (рис. 7.23: *14*). На лицевой детали внешняя сторона (мерея) несколько стерта и несет тонкие неглубокие надрезы, оставленные очень тонким острым предметом. Эти надрезы видны на бахтарме тыльной детали. Форма деталей неправильная каплевидная, с «перехватом» вверху. Тыльная деталь вторично обрезана. Размеры полной «лицевой» детали 10,0 × 4,3 см. Еще один неопределимый предмет — крупный кусок обрезанной кожи, четырехугольной формы размерами 14,7 × 14,3 см, с завязкой, найден в 2010 г. (рис. 7.30: *6*). А в 2010 г. найден небольшой

узкий обрезок с тремя тонкими полуотрезными полосками (рис. 7.30: 9), близкий по форме соответствующей находке из Хедебю (Groenman-van Waateringe 1984: abb. 23)

Описанные выше кожаные находки в древнейших слоях Ладоги дают представление о выделке кожи и использовании изделий из нее в Поволховье в последней четверти I тыс. н. э. Напоследок отметим некоторые непроверенные сведения о находках кожаных деталей в раскопках Н. И. Репникова в 1909–1913 гг. Некоторые из них не имеют аналогов. Материалы раскопок были опубликованы под редакцией В. И. Равдоникаса в 1948 г. При описании находок из этих раскопок Г. П. Гроздилов и П. Н. Третьяков, в частности, отметили вещи из раскопа 1911 г.: «Наконец, в нижнем слое городища сохранились остатки кожаных изделий. Здесь имеются части двух кожаных сумок, в одной из которых найдены трут из березовой „губки“ и обрывки ремней, а также неопределенные обрезки и обрывки кожи…» (Гроздилов, Третьяков 1948: 78). И далее: «Остается неизвестным назначение двух деревянных лопаточек, с лопастями, обтянутыми кожей и остатками шерсти… они могли служить, например, для размешивания теста в квашне… Из кожаных изделий здесь (т. е. в «среднем слое», по Н. И. Репникову. — *Авт.*) найден „поршень“, состоящий из мягкой подошвы дл. 0,26 м с пришитыми к ней бортами… В коллекции 1913 г. имеется второй поршень, подошв от обуви дл. 0,24 и 0,26 м, обрывки ремней, веревок, льняной и шерстяной ткани. Здесь также имеется большая войлочная рукавица (дл. 0,81 м)» (Там же: 79). Из дальнейшего описания видно, что названные кожаные предметы были взяты в хранение ГМЭ (Там же: 98–99). Названная длина рукавицы — явная опечатка, о чем свидетельствует повторное упоминание этой же находки, где названа иная длина — 0,31 м (Там же: 107).

Ладожские кожаные изделия в контексте древностей Северной Европы

Коллекция кожаных предметов из раскопок разных лет на Земляном городище позволяет составить представление о кожевенном ремесле Северной Руси в эпоху сложения Древнерусского государства. Очевидной становится связь ремесленной техники и состава продукции поселения на Волхове с широким кругом памятников эпохи викингов в ареалах Балтийского и Северного морей. Наиболее отчетливые связи отмечаются с крупными раннегородскими центрами этого времени, такими, как Хедебю, Дорестад, Елисенхоф, Рибе, Миддельбург. Для кожевенного ремесла и его продукции единство названных центров можно назвать стадиальным, оно выражено в преобладании тонких кож мелкого рогатого скота, близких методов выделки кож, в сходных формах низкой обуви и вариантах декора.

Находки последних лет подтверждают предположение об однотипности конструкций и стилей обуви из древнейших слоев Старой Ладоги и изделий совершенно определенного региона Европы — Ютландии и сопредельных районов Германии и Польши. Самой близкой аналогией кожаной обуви Ладоги служат материалы Хедебю. Более того, находки последних лет позволяют говорить о почти полном совпадении типов обуви из Ладоги и Хедебю (Курбатов 2016).

Материалы по обрезкам и различным бытовым изделиям из кожи в Ладоге сведены в табл. 7.1–7.7. Их состав и формы в своей основе также находят соответствие в материалах Хедебю. Единственным своеобразным предметом можно назвать

чехол для ложки. В то же время в Ладоге не встречены такие предметы, как основа для пращи, кожаные колчаны и прокладки-шайбы, выделенные в Хедебю.

Публикацию кожаных вещей из многолетних раскопок раннесредневековых слоев Земляного городища в настоящий момент можно считать почти исчерпывающей (Курбатов 2008; 2015). Эти материалы дают новый импульс для сравнительного анализа этой категории предметов материальной культуры из двух раннегородских центров — Хедебю и Ладоги, начатого во второй половине XX в. (Оятева 1965; Groenman-van Waateringe 1984; Ullemeyer 1970).

Хедебю: общая характеристика коллекции кожаных изделий

В Хедебю общая раскопанная площадь составляет 1004 м^2 (в 1963–1965 гг. — 312 м^2, в 1966–1969 гг. — 692 м^2); там найдено более 2000 кожаных предметов. Из них 620 включены в общий каталог, а 596 не были зарисованы (Groenman-van Waateringe 1984, Tab. 3). При анализе кожаных предметов В. Гроенман-ван Ваатеринге привел статистику находок только для раскопов 1966–1969 гг., давших основной объем материала и позволивших сделать главные выводы. Планиграфия кожаных предметов показывает, что их плотность на единицу площади сравнима с данным признаком для русских средневековых городов. Выделение производственных участков кожевенной деятельности в средневековом городе по концентрации кожаных предметов, преимущественно отходов от раскроя кож, обосновано в ряде работ (Курбатов 2004: 21 и след.; 2017) и подтверждено при раскопках Москвы (Осипов 2014: 115 и след.) и Турку (Harjula 2008: 141 at al.; Курбатов 2014: 357). В Хедебю выделены четыре степени концентрации находок: 1) менее 10 предметов; 2) 10–20; 3) 20–100 и 4) более 100 предметов на каждый квадрат. Зоны наибольшей концентрации предметов на участке протяженностью 4–6 м можно считать местами работы кожевников или местом выброса ремесленных отходов. Их наличие подтверждают находки двух деревянных обувных колодок, относительно широкого спектра кожаных деталей вторичного использования и обрезков от раскроя новых кож.

В. Гроенман-ван Ваатеринге выделил в Хедебю 10 типов обуви на основе 210 изделий, из которых 177 реконструированы: тип 1 включал 15 изделий, тип 2 — 33, тип 3 — 49, тип 4 — 18, тип 5 — 13, тип 6 — 12, тип 7 — 30, тип 8 — 13, тип 9 — 18 и тип 10 — 9 изделий. По стилю кроя выделены низкие, полувысокие и высокие башмаки, а по манере кроя верха — симметричный (94 изделия) и асимметричный (116 изделий) варианты. Обувные типы 1–4 представляют разные варианты кроя, декора и крепления на стопе низких туфель. Типы 5–7 и 9 — это полувысокие башмаки, боковины которых закрывают щиколотку, а типы 8 и 10 — это высокие башмаки, закрывающие лодыжку и нижнюю часть голени (описание см. Groenman-van Waateringe 1984; Курбатов 2016).

Общими чертами обуви Хедебю являются:

1) во всех типах обуви есть модели с подошвой, имевшей и заостренную, и округлую пятку. Соотношение подошв с разной формы пяткой в типах обуви не определяется, вероятно, из-за неполной сохранности деталей верха и низа;

2) во всех типах обуви имеется своеобразие кроя верха отдельных моделей;

3) большинство типов обуви имеет декоративный элемент — «ложный шов», возможно, сделанный цветными нитями; но в каждом типе обуви он присутствует на единичных моделях; также на одном фрагменте верха был декоративный завиток;

4) типологическая устойчивость для всех типов обуви способов кроя, сшивания и крепления обуви на стопе, а также вариантов декора, не мешает проявляться в большинстве реконструированных моделей мелким индивидуальным признакам или элементам. Это является отличительным признаком обуви эпохи викингов для всей северной половины Европы;

5) обувь Хедебю показывает два приема кроя — в одну деталь с подошвой или с разделением верха и подошвы. Последнее является стадиальной чертой, показывающей товарный уровень обувной продукции, то есть становление профессионального средневекового городского ремесла. Такие формы изделий на поселении преобладают в поддающихся определению находках. К вариантам с раздельными подошвой и верхом В. Гроенман-ван Ваатеринге отнес 123 детали верха и 54 подошвы, а к однодетальному крою — 18 деталей верха и 94 подошвы, исключив из статистики 118 деталей верха и 47 подошв;

6) по мнению В. Гроенман-ван Ваатеринге, конструктивные и декоративные различия в коллекции обуви Хедебю позволяют предполагать существование там более обширного круга обувных типов. Это доказывает единичная находка фрагмента однодетальной поршневидной обуви с мелкими треугольными вырезами на переднем крае. Позднее такие модели были найдены в Щецине и Ладоге.

Сравнительно небольшая коллекция кожи из раскопок Хедебю в 1963–1964 гг., опубликованная Р. Уллемейером, показывает модели обуви, не находящие полных соответствий в типологии В. Гроенмана-ван Ваатеринге. Так, необычным выглядит низкий башмак, у которого верх кроен из двух раздельных симметричных половин (Ullemeyer 1970: abb. 9). Он внешне соответствует типу 4 (по В. Гроенману-ван Ваатеринге), у которого верх раскроен в одну деталь и находит прямые аналогии в материалах Ладоги. Реконструкция фрагмента высокого башмака (Ullemeyer 1970: abb. 8) также не полностью соотносится в деталях с типами высокой обуви у В. Гроенмана-ван Ваатеринге, но может быть отнесена к типу 10. Две другие модели, при наличии конструктивного своеобразия, имеют общие черты, а именно: раскрой подошвы в одну деталь с верхом и наличие разреза на внешней стороне стопы, назначение которого неясно (Ullemeyer 1970: abb. 4, 5). Возможно, этот разрез был своеобразным декоративным швом. Подобный «глухой» наружный шов параллельно разрезу, вынесенный наружу как своего рода декор, встречен на поселении Боргунд в Норвегии (Larsen 1970).

После обуви самой обширной группой предметов являются узкие кожаные обшивки разных изделий (105 ед.), имеющие два варианта — сложенные вдвое по ширине и развернутые, с подогнутым краем. Их многообразие показывает или вариативность использования, или частое употребление в быту однотипных изделий, например, вместилищ для хранения и переноски вещей. Также найдено более 20 разных завязок и пуговиц — как отдельных, так и сохранявшихся на обуви. Если назначение завязок трудно поддается идентификации, то кожаные пуговицы с раннего средневековья стали постоянным элементом крепления обуви в большинстве стран Европы, кроме Руси (Курбатов 2004: 65; 2011: 185–188).

Кроме названных вещей выделены пять деталей сумок и кошельков, не менее 10 деталей от кожаных колчанов, 31 чехол для ножей, пять накладных деталей аппликаций или заплат и восемь неопределимых деталей. Полная форма крупных сумок неопределима, хотя обозначены их вероятные прямоугольные очертания.

Полностью сохранился только небольшой стяжной кошелек-мешочек, скроенный из одного куска кожи (Groenman-van Waateringe 1984: taf. 24: *2*). Позднее были опубликованы ткани из погребений, где присутствует один кусок кожи от обтяжки ножен меча (Hägg 1991: 248–268, abb. 129).

Все чехлы для ножей кроены из одного куска кожи, с боковым швом. Шов выполнялся одной растительной нитью или тонким кожаным ремешком. Выделены варианты чехлов, которые вверху расширялись и почти полностью закрывали деревянную рукоять, а также чехлы прямоугольной формы, что предполагает использование деревянных или берестяных вставок. Также выражены и конструктивные признаки разных вариантов крепления чехлов к поясу (Groenman-van Waateringe 1984: taf. 20–22).

Находками, неизвестными на других средневековых памятниках, являются детали кожаных колчанов, кроеных из нескольких деталей и имевших вид узкого вместилища со скругленным дном и зауженной горловиной, имевшей для жесткости подвернутый внутрь кусок кожи. В отверстие на боковом выступе, усиленном накладками, продевался ремень. В конструкции использованы усилители швов в виде тонкой полосы-обшивки и крестовидные накладки, к которым крепились металлические кольца (Groenman-van Waateringe 1984: 38–40, abb. 22, taf. 25–27). Изобразительные аналогии таким чехлам дает гобелен из Байе.

Датировку коллекции кожаных предметов из Хедебю В. Гроенман-ван Ваатеринге основывает на общей датировке поселения VIII — первой половиной XI в. и аналогиях из раннегородских поселений в Западной и Восточной Европе, учитывая исторические данные об окончательном запустении Хедебю в 1066 г.

Ладога: коллекция кожаных изделий в контексте североевропейских аналогий

Для Ладожского поселения архивные и опубликованные материалы позволяют оценить площадь изученной части. Н. И. Репников за 1911–1913 гг. вскрыл до материка на городище около 400 м^2, а В. И. Равдоникас исследовал за 1938–1947 гг. 880 м^2 (Равдоникас 1949: 8, 10–11). Раскопки последнего продолжались до 1959 г. По подсчетам Е. А. Рябинина, в целом Н. И. Репников и В. И. Равдоникас вскрыли на городище около 2500 м^2, а общую площадь своих раскопок, с учетом прирезок, он оценил в 140 м^2 (Рябинин 1985: 27–28). Раскоп В. П. Петренко на Варяжской улице (1972–1977 гг.) составлял «около 600 м^2» (Петренко 1985: 83). Из позднейших раскопов А. Н. Кирпичникова здесь учтены те, на которых встречены кожаные предметы: раскоп 1991 г. площадью 168 м^2; раскопки у южного бастиона Земляного городища: раскоп № 2 (находки 1997–1998 гг.), площадь 96 м^2; раскопы № 3–5 (1999–2013 гг.), площадь 566 м^2. Таким образом, совокупная площадь раскопок ранних слоев в Ладоге до 2014 г. составляет 4070 м^2.

В раскопах на Земляном городище и на ул. Варяжской было найдено более 750 кожаных деталей, включая обрезки от раскроя и обрывки предметов, из которых в настоящей работе учтены 742 ед. «Плотность» расположения находок, в среднем, составляет меньше одного предмета на каждый раскопочный квадрат, то есть 4 м^2. Малое число находок на раскопах в южной части городища, исследованной в 1997–2013 гг., соответствует небольшому числу предметов (всего 182), зафиксированных в раскопах 1940–1950-х гг. (Оятева 1965: табл. 1). Учитывая фиксацию

абсолютно всех предметов (до мелких обрезков) на раскопах последних лет, можно отмести сомнения в столь же полном сборе материалов на раскопах В. И. Равдоникаса. По-видимому, слабая насыщенность раннего слоя Ладоги кожаными предметами объективно отражает специфику жизнедеятельности на поселении[3].

Особенности коллекции:

1) стадиально разные основные варианты раскроя и пошива (однодетальные и с разделением подошвы и верха) равнозначны по широте употребления;

2) имеются места пошива кожаных изделий — скопление обрезков, наличие деревянных обувных колодок;

3) планиграфия находок дает признаки утилизации кожи, характерные для средневековых городских слоев;

4) состав изделий отражает широту использования кожи в данном регионе в указанный период.

На основе сравнительного анализа кожевенных коллекций древнейшей Ладоги и Хедебю можно сделать следующие выводы.

1. Малое количество кожаных предметов в Ладоге, вкупе с малой их концентрацией на единицу площади, показывает не очень высокую, или эпизодическую, интенсивность жизни на поселении. Можно предполагать определенную сезонность жизнедеятельности, усиление которой связано с временным проживанием здесь купцов и иного приезжего люда.

2. Почти полное совпадение конструкций и фасонов обуви Ладоги и Хедебю подразумевает теснейшие связи ее носителей. Вероятно, остатки ладожской обуви принадлежали мобильным группам населения, совершавшим регулярные поездки в разные концы Балтики. Именно поэтому ладожская обувь находит многочисленные и разнообразные соответствия в формах, стиле и декоре на большом числе раннесредневековых памятников Европы. Но это же подталкивает к попытке выделить в Ладоге формы обуви, не связанные с традициями торговых приморских центров Балтики и Северного моря. Таковыми на сегодняшний день можно считать простейшие однодетальные поршневидные модели. Примерами их служат восемь фрагментов из раскопа 2010 г. с регулярными частыми вертикальными прорезями (рис. 7.29: *6*), а также носок из раскопа 2013 г., края которого сшиты одной толстой нитью. Другая манера раскроя поршней — с треугольными вырезами по противолежащим сторонам — имеет параллели в Волине и Хедебю (Groenman-van Waateringe 1984: taf. 6: *4*; Kowalska 2003: 162, ryc. 3: *1*).

3. Предыдущий вывод подразумевает отсутствие следов ремесленного производства кожаных изделий на ладожском поселении в VIII — первой половине X в.

[3] Здесь надо сделать дополнительное уточнение. В 2005 г. Староладожская экспедиция под руководством А. Н. Кирпичникова проводила повторное вскрытие площади, раскопанной В. И. Равдоникасом в 1947 г. Целью повторного вскрытия была идея отбора образцов дерева из ранее зафиксированных построек для дендрохронологического анализа, при условии хорошей сохранности древесины. В процессе выемки грунта были собраны «находившиеся в хаотической рассыпке 152 находки», большую часть которых можно датировать IX–X вв. Это позволило руководителю заключить, что «очевидно, изучение культурного слоя в 1947 г. велось не слишком внимательно» (Кирпичников 2006: 234–235). Такой вывод мог бы поставить под сомнение полноту сбора кожаных предметов на раскопах В. И. Равдоникаса. Однако материалы раскопок последних лет это опровергают.

Некоторая пошивочная работа на месте, судя по малому числу обрезков кожи от первичного и вторичного раскроя, в том числе обрезков с края кожевого листа, носила характер «домашнего производства» для своих нужд и была ограничена ремонтом и перешивом изношенных или порванных изделий, прежде всего обуви. Такое заключение подтверждает сделанный еще В. И. Равдоникасом вывод о домашнем характере кожевенного ремесла Ладоги, которое в ранний период еще не достигло уровня городского ремесла (Равдоникас 1950: 39). При этом раскопки последних лет вовсе не отрицают выводов Г. С. Лебедева, видевшего в Ладожском поселении аналог североевропейских виков, или, по Г. Янкуну — центров социальной фильтрации, концентрации и перераспределения ценностей в процессе оборота и развития «северной торговли» (Лебедев 2005: 229).

В то же время комплекс ладожской обуви показывает, что даже в относительно небольшой по объему коллекции кожи, взятой с небольшой площади одного памятника и, в определенной степени, из толщи одного горизонта, встречается немало фрагментов парных деталей обуви. Это можно объяснять тем, что изношенную обувь выбрасывали рядом — за пределы жилищ. Ее не использовали вторично для ремонта или пошива других кожаных изделий. Изношенная обувь заменялась новой, пошитой здесь же, о чем свидетельствуют находимые обрезки от раскроя. Таким образом, можно предполагать, помимо всего прочего, отсутствие практики рациональной утилизации кожаных изделий в условиях стационарной жизнедеятельности.

4. Материалы раскопок последних лет позволяют существенно «сузить» хронологический интервал бытования найденных кожаных изделий. Основанием для этого служат полученные дендродаты сооружений и комплексы сходных наборов вещей на других поселениях Северной Европы, также датированные методами естественных наук. Находки деталей обуви и других вещей на раскопах № 3–5, идентичные по конструкции и декору изделиям из раскопок В. И. Равдоникаса, позволяют видеть в них конструкции и моду ограниченного временного интервала, в пределах двух поколений, или 40–50 лет, в абсолютном значении — это вторая половина IX — начало X в.

В этом плане интересны раскопки на Земляном городище 2010 г., когда была отмечена концентрация кожаных предметов в заполнении материковых канавок по периметру открытых деревянных построек. Из общего числа находок кожи и меха (62 экз.) в канавках найдены 49 предметов, включая восемь фрагментов одного поршня (рис. 7.29). Такая же планиграфия находок отмечена на этом раскопе и в 2009 г. Судя по стратиграфии, обводные канавки обновляли (вычищали) не менее трех раз, вместе с перестройкой домов. Привязку к хронологической шкале дает серия дендродат для построек: середина — третья четверть IX в. (Кирпичников 2009А, приложение 3). Однако отнесение к этому же промежутку времени подтверждается полным сходством моделей обуви с коллекциями предшествующих раскопок (Курбатов 2008а: 130–132). Это не только общий вид раскроек и отнесение их к типам ладожской обуви, выделенным Е. И. Оятевой, но и уникальные в своем роде варианты декора в виде горизонтальных прорезей на берцах в районе задника (рис. 7.3: *1.1*), декоративные разрезы — завитки (рис. 7.3: *6*), декор из вальцованной проволоки (рис. 7.3: *7*). Также видно общее сходство в видах сырья, качестве его выделки, количественном составе находок.

5. Датировка ладожской раннесредневековой обуви в рамках второй половины IX — начала X в., учитывая большое сходство ее моделей с моделями обуви в Хедебю, их одинаковая вариативность, особенности раскроя, индивидуальность в мелких элементах конструкции каждой модели, формы декора — в комплексе, позволяет говорить о хронологической близости коллекций, то есть одном хронологическом интервале бытования идентичных форм обуви на поселениях в Ладоге и Хедебю. Интересную перекличку с кожей дают находки в тех же слоях фрагментов фризских кувшинов, малочисленность и однотипность которых навела исследователей на мысль об их изготовлении только в одном месте — Дорестаде — и даже в одной мастерской (Мусин 1995: 78–79).

6. Своеобразием ладожской обуви является наличие относительно большого числа поршневидных моделей и декора в виде 2–3 горизонтальных прорезей на обуви в районе задника.

Раннесредневековую обувь Поволховья следует рассматривать на фоне развития продукции кожевенного ремесла в рамках Балтийского ареала Северной Европы. Подводя итоги сравнительного изучения ладожской кожевенной продукции можно констатировать, что, опираясь на работы Е. И. Оятевой и С. А. Изюмовой, а также на разработки комплексов находок из многих городов, сделанные А. В. Курбатовым в последние годы, можно наметить несколько этапов в развитии древнерусского кожевенного ремесла.

Первый этап (VIII–X вв.) охватывает раннесредневековый период. Это время становления городского кожевенного производства, когда проходил отбор технологических принципов ремесла, выбирались наиболее рациональные (технологичные) операции раскроя и пошива изделий. Тогда же складывались конструкции основных видов древнерусской обуви, ее модели, фасоны и способы декорирования. Данный период прослеживается по находкам в Старой Ладоге и на Рюриковом городище (Курбатов 1997: 117–128).

Исследователи отмечали своеобразие раннесредневековой ладожской обуви по сравнению с изделиями XI–XII вв. из Новгорода, Пскова, Белоозера (Оятева 1965: 49–50). Ладожские предметы представляют несколько форм кроя, в которых различное сочетание конструктивных и декоративных элементов придает своеобразие каждой модели. Индивидуальный характер пошива моделей надо рассматривать как следствие отсутствия единых стандартов моделирования. Однако раннесредневековая обувь Старой Ладоги и Рюрикова городища имеет серии близких конструкций на памятниках Северной и Западной Европы. Все формы ладожских туфель находят аналогии в европейских памятниках: в королевском погребении Осеберга, на поселениях Хедебю, Дорестад, Елисенхоф, Волин, Рибе, Гросс Раден, Бирка, Миддельбург, Ведельспан Мозе, Йорк. Так, цельнокроеные ладожские башмаки архаического вида, с едва намеченным разделением подошвы и верха, сходны с изделиями Южного Шлезвига и Гольштейна второй половины VIII — IX в. (Hald 1972: 85, 86, 89, 125–126; Grenander-Nyberg 1985: abb. 68:3, 70:1).

В раскрое моделей VIII–X вв. преобладают цельнокроеные, продольно-симметричные формы. В рамках этого технического подхода появляются варианты с раздельными верхом и подошвой, с разделением верха на две симметричные половины. Но развивается и асимметричный крой с бесшовным носком и скроенными в одну деталь с ним боковинами (виды I–III по Е. И. Оятевой). Торцы боковин пришивались

на внутренней стороне стопы. Именно асимметричные формы раскроя, с различной длиной боковых частей раскройки верха, начали преобладать, видимо, уже в X в. Например, в Старой Ладоге и в Хедебю они составляют более половины всех моделей. Не позднее XI в. асимметричный крой верха становится базовым для моделей мягкой обуви как в Западной, так и в Восточной Европе.

В раннесредневековых моделях можно проследить постепенное исчезновение архаичных элементов в конструкции и декоре. Для VIII–IX вв. цельнокроеные модели были, вероятно, в употреблении повсеместно, даже в развитых центрах того времени — Волине, Гнезно, Щецине, Хедебю (Wiklak 1969: 486–487). Однако их количество невелико по отношению к другим видам обуви: в Хедебю (тип 9) — их 18 из 210 моделей, а в Старой Ладоге (виды VII, VIII) — 2 из 40 (Groenman-van Waateringe 1984). Видимо, к началу X в. такая модель в развитых торгово-ремесленных центрах стала редкой, исчезающей из сферы профессионального пошива. Сходный динамизм показывает и раскрой верха в одну деталь с длинным ремнем, оборачиваемым вокруг голени (погребение в Осеберге). Замена цельнокроеного ремня короткими завязками видна в модификации типа 10 в Хедебю. В комплексах IX–X вв. еще встречаются модели с основным соединением «в подтай», где шов на подошве не выходит на внешнюю сторону. Такой конструктивный прием, известный в ранних моделях Миддельбурга, Хедебю и Йорка, в Западной Европе становится редким в начале XI в.

Многообразие моделей обуви VIII–X вв. в разных регионах Европы растет на фоне общей тенденции отбора отдельных перспективных элементов в конструкции, приемов раскроя и пошива, совершенствования удачных моделей и фасонов обуви. Выработка своеобразных форм рациональной и удобной обуви связана с климатическими различиями регионов, традициями населения, назначением обуви и другими факторами. Интенсивный культурный обмен в последней четверти I тыс. н. э. в ареале Балтики способствовал сложению единых конструктивных и стилистических черт обуви. При этом сохранялось многообразие моделей в каждом раннегородском центре. Можно полагать, что формирование в них постоянного рынка сбыта обувной продукции было одним из главных факторов, влиявших на технологичность производства, в частности, на стандартизацию и унификацию моделей.

В целом материалы из Поволховья отражают качественные изменения в крое и моделировке обуви в первой половине X в. Эти изменения, видимо, указывают на то, что около середины X в. в Северной Руси начинает складываться профессиональное средневековое кожевенное ремесло. Для этого времени имеются унифицированные формы обуви, пошитые с использованием устойчивых приемов раскроя, сшивания и декора. Тогда же в русских изделиях появляются черты своеобразия.

ГЛАВА 8
Ладога XI–XV вв. по данным сфрагистики

Исторические судьбы Ладоги XI–XV в., в отличие от более раннего (VIII–X вв.) и более позднего (XVI–XVII вв.) периодов, изучены явно недостаточно. В скандинавских сагах последнее упоминание Альдейгьюборга соотносится с 1045 г. (отъезд Харальда Хардрада из Руси в Норвегию, см.: Джаксон 1993: 244). Летописные известия о Ладоге более позднего времени скудны и отрывочны. Принято считать, что после 1056 г. Ладога перешла под контроль новгородской администрации. Поход новгородского войска в Ладогу в 1105 г. связывают с необходимостью подчинения Новгороду Приладожья, а сама Ладога расценивается как опорный пункт для русского войска. Строительство ладожской каменной крепости в 1114 г. рассматривается обычно как свидетельство вхождения Ладоги в юрисдикцию новгородского князя Мстислава Владимировича. В 1130-х гг. ладожане — равноправные участники новгородского веча в решении важнейших вопросов политического и государственного устройства Новгородской земли. А в середине XII в. Ладога является объектом архитектурно-градостроительных исканий Новгорода: по мнению исследователей, под эгидой новгородского владыки, в деятельности которого «угадывается не только духовная, но организующая роль церкви», происходит топографическое оформление кончанской структуры городского управления (Кирпичников 1985б: 21).

Пожалуй, только А. Н. Кирпичников попытался наметить основные вехи в истории Ладоги XII–XV вв. По его мнению, в XII в. Ладога, наряду с Новгородом и Псковом, являлась равноправным городом-федератом в составе Новгородского государства, причем в середине столетия (не без участия новгородского посадника Нежаты Твердятича) «была осуществлена общегородская вечевая идея горожан». В это время контроль Новгорода за Ладогой ослабел — в Новгороде за власть боролись смоленские и суздальские князья, им было не до Ладоги. В XIII в. положение меняется: на Ладогу и подчиненные ей земли распространяется административная власть и фискальная система Новгорода. Однако, по мнению А. Н. Кирпичникова, город вплоть до второй четверти XIV в. сохранял «достаточно высокое положение... в системе городов Новгородской земли», а утратил это положение только в 1333 г., когда Новгород начал передавать Ладогу «в кормление приглашенным наемным князьям». С этого времени Ладога «переходит на положение рядового пригорода Новгорода», где управление осуществляется чиновниками новгородской боярской республики. Права великого князя и его чиновников в Ладоге были традиционно ограниченными, и такое положение сохранялось вплоть до падения боярской республики (Кирпичников 1988б: 66, 67, 78, прим. 106).

Действительно, источники по истории Ладоги XII–XV вв. скудны: археологические материалы, позволившие детально восстановить судьбы города в VIII — начале XI в., для более позднего времени практически полностью отсутствуют;

письменные источники о событиях XII–XV вв. сообщают разрозненные сведения, лишь косвенным образом касающиеся истории города. Фактически история средневековой Ладоги нашла яркое отражение лишь в памятниках каменного зодчества (Раппопорт 1982а) и сфрагистических материалах.

С Ладогой связаны 234 памятника сфрагистики: 143 печати от 110 пар матриц, 27 заготовок для печатей, 52 древнерусские свинцовые пломбы от 49 пар матриц, 11 заготовок для пломб, а также западноевропейская текстильная пломба.

В описаниях приняты следующие сокращения: *Av* — лицевая сторона, *Rv* — оборотная сторона; *Д.* — диаметр (линейные размеры); *В.* — вес; *М. н.* — место находки; *Хр.* — место хранения; *Изд.* — издание (с воспроизведением предмета); *Уп.* — упоминание (без воспроизведения предмета). Часть иллюстраций заимствована из «Сфрагистического альбома» Н. П. Лихачёва (ЛСА) и Корпуса актовых печатей Древней Руси (Янин 1970, т. 1–2; Янин, Гайдуков 1998а). Оригиналы фотографий, воспроизведенных в третьем томе актовых печатей Древней Руси, любезно предоставил П. Г. Гайдуков. Обозначения разрядов даются в соответствии с ранее предложенной систематизацией памятников древнерусской сфрагистики (Белецкий 2001б: 32, табл. 2).

Пользуемся случаем поблагодарить В. С. Шандровскую (†2017), Е. В. Степанову и Т. В. Рождественскую за неоднократные консультации, а также А. Е. Мусина и П. Г. Гайдукова, принимавших участие в совместном обсуждении ладожских печатей.

Печати

Разряд I/2: Христос — святой (рис. 8.1)

№ 1. *Av*: Христос погрудно, по сторонам ІС — ХС. *Rv*: святой воин в рост, по сторонам остатки колончатых надписей, прослежен повторный оттиск той же матрицы. Булла оттиснута матрицами № 346 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 21 мм (вдоль канала). *В.*: 3,76 г (фрагм., не менее 7–8 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38832-4. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 185, 277, рис. 1; Янин, Гайдуков 1998а: 158, № 346-2.

Булла осталась в Корпусе В. Л. Янина некомментированной, но, судя по тому, что новгородский экземпляр печати В. Л. Янин включил в домонгольскую часть Корпуса (Янин 1970, т. 1: 226), можно думать, что исследователь склонялся к относительно ранней дате — не позднее XII–XIII вв. С учетом же того, что ближайшие аналогии изображению св. Георгия представлены на печатях середины XII в. (Янин 1970, т. 1: № 193, 214, 291), речь в данном случае идет об одном из князей Георгиев (Юриев) XII в. Наиболее вероятной кандидатурой на отождествление с владельцем печати является, на наш взгляд, князь Юрий Владимирович Долгорукий (†1157), занимавший великий киевский стол в 1151–1157 гг.

№ 2. *Av*: Христос в рост, по сторонам ІС — ХС под титлами. *Rv*: св. Феодор в рост, справа колончатая надпись ѳєодоро(с). Булла оттиснута матрицами № 367а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 22 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38917. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 160, № 367а-10.

2) *Д.*: 25 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 37702-4. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 160, № 367а-13.

Печати № 2 принадлежат к представительной группе булл, оттиснутых матрицами № 367а по Корпусу актовых печатей Древней Руси. Большинство их найдено на Новгородском (Рюриковом) городище или же в Новгороде без уточнения места находки в черте города (Янин, Гайдуков 1998а: 160). В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков (Янин, Гайдуков 1998а: 64) атрибутировали печати князю Ярославу Всеволодичу († 1246), занимавшему великий владимирский стол в 1238–1246 гг.

№ 3. *Av*: Вседержитель на престоле, по сторонам **IC — XC** под титлами. *Rv*: изображение святого всадника с мечом в правой руке. Ниже руки фрагмент надписи **ДО**. Булла оттиснута матрицами № 388а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 23–25 мм. *В.*: 9,63 г. *М. н.*: Старая Ладога. Крепость. Раскопки 2008 г. Кв. В-2, гл. –438. *Хр.*: СЛМ. *Не изд.*

В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков (Янин, Гайдуков 1998а: 64) атрибутировали печать № 388а князю Дмитрию Александровичу переяславскому († 1294), занимавшему великий владимирский стол в 1276–1294 гг.

Разряд II/1: Крест — Богоматерь (рис. 8.1)

№ 4. *Av*: изображение восьмиконечного креста на ступенчатой Голгофе. *Rv*: Богоматерь Воплощение в рост. Булла оттиснута матрицами № 484 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 26 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38833. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 181, № 484-6.

№ 5. *Av*: изображение креста на Голгофе, концы креста имеют дополнительные перекрестия, оформлены копьевидными завершениями. *Rv*: изображение Богоматери (в типе Воплощение?) поколенно (?). Булла оттиснута матрицами № 494а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 27 мм. *В.*: 3,91 г (фрагм., не менее 8 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1974 г. *Хр.*: СЛМ, инв. № 96555/А-18650. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 186, 277, рис. 4; Янин, Гайдуков 1998а: 183, № 494а . *Уп.*: Белецкий 1997: 15.

№ 6. *Av*: изображение креста на Голгофе, концы креста имеют дополнительные перекрестия, оформлены копьевидными завершениями. Средокрестие оформлено ромбовидной фигурой. *Rv*: изображение Богоматери в типе Воплощение поколенно. Булла оттиснута матрицами № 505а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 29 мм. *В.*: 7,62 г (фрагм., не менее 15 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 39195. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 186, 277, рис. 2; Янин, Гайдуков 1998а: 184, № 505а.

№ 7. *Av*: изображение восьмиконечного креста со страстями на Голгофе, по сторонам **IC — XC** и **НИ — КА** под титлами. *Rv*: Богоматерь Воплощение в рост, по сторонам **МР — ΘУ** и **IC — X**. Булла оттиснута матрицами № 514 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

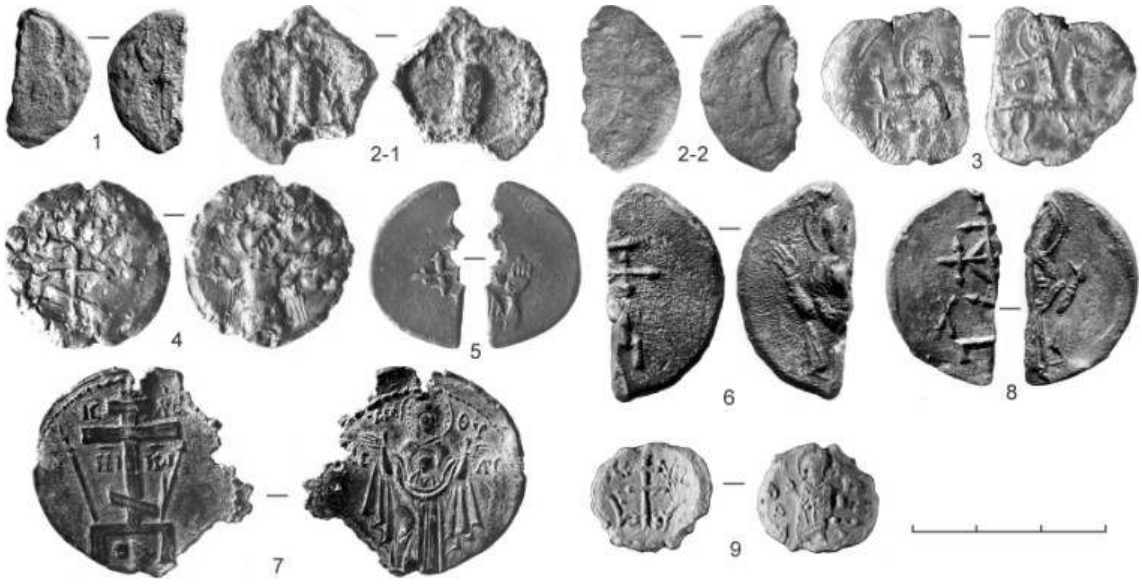


Рис. 8.1. Печати. Разряды I/2 (1–3), II/1 (4–8), II/2 (9).
Здесь и далее номера соответствуют номерам каталога

Д.: 32–35 мм. *М. н.*: Старая Ладога. 1984 г. При расчистке отмостки у ц. св. Георгия. *Хр.*: СЛМ, № 77582/А-12266. *Изд.*: Бессарабова 1997а: 48; Янин, Гайдуков 1998а: 185, № 514-5. *Уп.*: Белецкий, Петренко 1994: 186, прим. 2.

№ 8. *Av*: изображение креста на Голгофе, концы креста имеют дополнительные перекрестия, оформлены копьевидными завершениями, слева от креста буква **х**. *Rv*: изображение Богоматери в типе Воплощение в рост. Булла оттиснута матрицами № 510 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 29 мм. *В.*: 5,58 г (фрагм., не менее 11–12 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 186, 277, рис. 3; Янин, Гайдуков 1998а: 184, № 510-5.

Печати разряда II/1 принадлежат к числу так называемых «анонимных владычных печатей» Новгорода. Датировка их в пределах второй половины XIV–XV в. сомнений не вызывает.

Н. П. Лихачёв (ЛСА: табл. XII, *2*), а вслед за ним П. А. Шорин (Шорин 1964: 256–267) и В. Л. Янин (Янин 1970, т. 2: 51–60) уверенно атрибутировали печати рассматриваемого разряда владычным наместникам Новгорода. Вероятно, вывод об употреблении таких печатей в делопроизводстве чиновников владычного аппарата Новгорода справедлив. При этом можно думать, что новгородский архиепископ усвоил своим представителям тип сфрагистической регалии, уже сложившейся к этому времени и имевший в правовом отношении признанный статус. Если так, то редкость находок домонгольских печатей с изображением креста и Богоматери (Янин 1970, т. 1: 151, 331, 342) и обнаружение большинства известных экземпляров в Новгороде дают основание предполагать сложение сфрагистического разряда именно в Новгороде, а не за его пределами.

Высокий ранг печати с изображениями креста и Богоматери свидетельствует об особых полномочиях, попадающих под юрисдикцию этой сфрагистической

регалии. В этой связи заметим: прочтение сфрагистической регалии рассматриваемого разряда может быть двояким. Печати, безусловно, являлись атрибутами юрисдикции суверенной (изображение креста) церковной (изображение Богоматери) власти, то есть либо суверенной власти в области церковного права, либо суверенной власти представителя церкви. Для первой версии нет достаточных оснований: новгородский владыка, иерархически подчиненный митрополиту Всея Руси, не являлся сувереном в области церковного права — его юрисдикция распространялась только на подвластную епархию. Зато вторая версия заслуживает самого пристального внимания.

Новгородский владыка после 1158 г. (НПЛ: 30, 217), как известно, подлежал вечевому избранию точно так же, как подлежали избранию на вече высшие боярские магистраты Новгорода. Точно так же, как посадники и тысяцкие, владыка мог быть смещен с должности и даже изгнан. Уже одно это свидетельствует о том, что новгородский епископ (с 1165 г. — архиепископ) находился в положении должностного лица новгородского аппарата управления, а вовсе не ограничивался отправлением пастырских обязанностей. Санкция владыки, как будто бы, была обязательной для придания законности вечевым решениям, поэтому представляется весьма вероятной мысль о том, что владыка в правовом отношении являлся первым должностным лицом в новгородских структурах государственного управления. «Ключевые посты в области управления давало ему и председательское кресло в совете господ» (Мартышин 1992: 219).

По мнению С. В. Белецкого, рассматриваемый сфрагистический разряд сложился в Новгороде не позднее XII в., и употреблялись печати этого разряда первоначально в делопроизводстве, связанном со светскими полномочиями новгородского владыки, являвшегося первым чиновником государства. В XII–XIII вв. подобной печатью скреплялись единичные документы, что возможно, свидетельствует об ограниченном (не обязательно низком) характере юрисдикции печати рассматриваемого разряда. На рубеже XIII–XIV вв. в структуре управления Новгорода произошли изменения, выразившиеся, в частности, в появлении штата правительственных чиновников, получивших право пользоваться печатью рассматриваемого разряда. Не исключено, что отмеченная реорганизация стала следствием тех самых коренных преобразований республиканского управления, которые, по мнению В. Л. Янина, произошли в Новгороде в конце XIII в. (Янин 1962а: 165–175). А если признать, что с последней трети XIII в. атрибутом юрисдикции органа представительной власти в Новгороде являлась «Печать Всего Новгорода» (Янин 1970, т. 2: 60), то печати рассматриваемого разряда с конца XIII в. представляли в правовом отношении атрибуты юрисдикции исполнительной власти, главой которой являлся новгородский владыка. Думается, что именно такое положение новгородского архиепископа было отмечено Жильбером де Ланнуа, посетившим Новгород в 1413 г.: «Этот город независим и имеет общинное правление. Здесь есть епископ, который представляет как бы их начальника» (Памятники 1935: 18).

Но даже если согласиться с В. Л. Яниным в том, что начало массового распространения печатей рассматриваемого разряда в Новгороде приходится только на годы первого святительства Моисея (1325–1330 гг.), общая оценка сфрагистического разряда остается прежней, тем более что с приходом Моисея на Софийскую кафедру «владыка решительно расширяет границы своей юрисдикции», включая

в нее большой круг вопросов, «вытекающих из имущественных отношений» (Янин 1970, т. 2: 60).

Кстати, А. С. Хорошев, решительно отвергавший саму мысль о том, что новгородский владыка мог находиться «у руля государственного управления» (Хорошев 1980: 197), был вынужден признать: «Усиление роли новгородского владыки постоянно вызывало серьезные опасения боярской олигархии. Именно этим можно объяснить те защитные действия, которые были предприняты боярством перед лицом усиливающейся власти церковного князя. Защита была организована как на экономической, так и на правовой основе» (Там же: 196). Думается, что речь должна идти не о борьбе светской власти против вмешательства в ее полномочия власти духовной, а о противостоянии двух ветвей светской власти — исполнительной, во главе которой стоял владыка, и представительной, сосредоточенной в руках управленческой структуры, выступавшей от лица «Всего Новгорода».

Разряд II/2: Крест — святой (рис. 8.1)

№ 9. *Av*: изображение процветшего креста, по сторонам от которого размещена надпись **ІС — ХС**. *Rv*: изображение св. Иоанна (Богослова?) в рост, по сторонам колончатые надписи **(І)ѻАН — АГІѠС**, вырезанные на матрице без учета на оттиск. Булла оттиснута неизвестной парой матриц.

Д: 17–19 мм. *В.*: 5,56 г. *М. н.*: Старая Ладога. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. С-XIX, гл. +42. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 515. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 297.

Н. П. Лихачёв установил, что печати с изображением креста на аверсе и святого на реверсе принадлежали князьям, убедительно обосновав свое заключение анализом печатей, сохранившихся при документах (Лихачёв 1928: 51–52). С этим выводом не согласился В. Л. Янин, указав, что, по всей вероятности, «…принципиальная атрибуция этих печатей может быть установлена по-разному для разных областей. В одних, таких как Новгород… тип мог быть… усвоен сфрагистикой посадников. В других он мог сохраниться в русле развития княжеской сфрагистики… Наконец, в третьих областях он был сфрагистическим представителем церковной власти…» (Янин 1970, т. 1: 153). Обоснованием использования печатей разряда II/2 представителями разных институтов власти стали догадки относительно персональной принадлежности нескольких печатей. Так, печати с изображениями креста и св. Захарии (№ 334–335, по Корпусу актовых печатей Древней Руси) В. Л. Янин атрибутировал новгородскому посаднику Захарии по совпадению имени посадника с изображением святого на печати, а также на основании стратиграфической датировки слоя, в котором была найдена печать № 335. Печать с изображениями креста и св. Константина (№ 336, по Корпусу актовых печатей Древней Руси) В. Л. Янин атрибутировал посаднику Костянтину Микульчичу, основываясь на совпадении имени посадника с изображением святого на печати.

Основной функцией печати было свидетельствование достоверности информации, содержавшейся в тексте документа. Следовательно, печать, гарантировавшая подлинность документа, должна была однозначно читаться современниками: если булла скрепляла юридический документ, то по ней можно было определить полномочность держателя буллотирия утвердить данный документ; если же речь шла

о переписке, то печать, прежде всего, подтверждала происхождение послания, и по ней, следовательно, можно было определить, действительно ли данное послание исходит именно от того лица, на которое содержится указание в тексте. Иными словами, за одними и теми же изобразительными символами на печатях должна была быть скрыта одинаковая информация, а комбинации изобразительных символов на печатях являлись своего рода языком — знаковой системой, чтение которой не должно было составлять труда для посвященных лиц. Таким образом, сфрагистические регалии, оформленные путем комбинации одинаковых символов, безусловно, не могли использоваться различными властными структурами — в противном случае терялась возможность однозначного прочтения комбинации символов, составляющих сфрагистический тип (Белецкий 2001б: 25).

Таким образом, печати разряда II/2, безусловно принадлежали князьям. Н. П. Лихачёв убедительно обосновал свое заключение анализом печатей, сохранившихся при документах, так что пересматривать это заключение, опираясь исключительно на догадки о персональной принадлежности булл, утративших связь с документами еще в древности, как представляется, нет оснований. Иными словами, публикуемая печать принадлежала одному из русских князей XII — начала XIII в., носивших в крещении имя Иван.

Разряд II/5: Крест — легенда (рис. 8.2)

№ 10. *Av*: изображение четырехконечного креста на Голгофе, справа буквы **ХС**. *Rv*: надпись в четыре строки **ГРИГОРЬ(Є)ВА ПѢ(Ч)АТЬ**. Булла оттиснута матрицами № 538 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 23–26 мм. Два фрагм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: 1) СЛМ, инв. № 96556/А-18651, *В.*: 1,78 г.; 2) частная коллекция. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 189, 277, рис. 5; Белецкий, Купранис 1996: 75, рис. 2, 10; Янин, Гайдуков 1998а: 189, № 538-3. *Уп.*: Белецкий 1997: 15.

Экземпляр печати № 538 сохранился при документе (ГВНП: № 240; Янин 1970, т. 2: № 538, 2). В. Л. Янин связывает эту печать с деятельностью чиновников Двинской земли и датирует документ, скрепленный печатью, 20–30-ми годами XV в. (Янин 1991: 310).

№ 11. *Av*: изображение восьмиконечного креста на Голгофе. *Rv*: надпись в пять строк **(Л)АДО(Є)КОГА НАМѢСТН(И)КА ПѢЧ(А)ТЬ**. Буллы оттиснуты матрицами № 521а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 25–26 мм. *В.*: 7,31 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38719. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 189, 190, рис. 6; Янин, Гайдуков 1998а: 186, № № 521а-4.

2) *Д.*: 23–25 мм. *В.*: 7,55 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 39193. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 186, № 521а-1. *Уп.*: Белецкий 1994: 64, № 4, 1; Белецкий, Петренко 1994: 190; Кирпичников, Белецкий 1994: 134, № 4.

3) *Д.*: 26 мм. *В.*: 4,45 г (фрагм., не менее 7–8 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38832-2. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 186, № 521а-2. *Уп.*: Белецкий 1994: 64, № 4, 2; Кирпичников, Белецкий 1994: 134, № 4; Белецкий, Петренко 1994: 190.

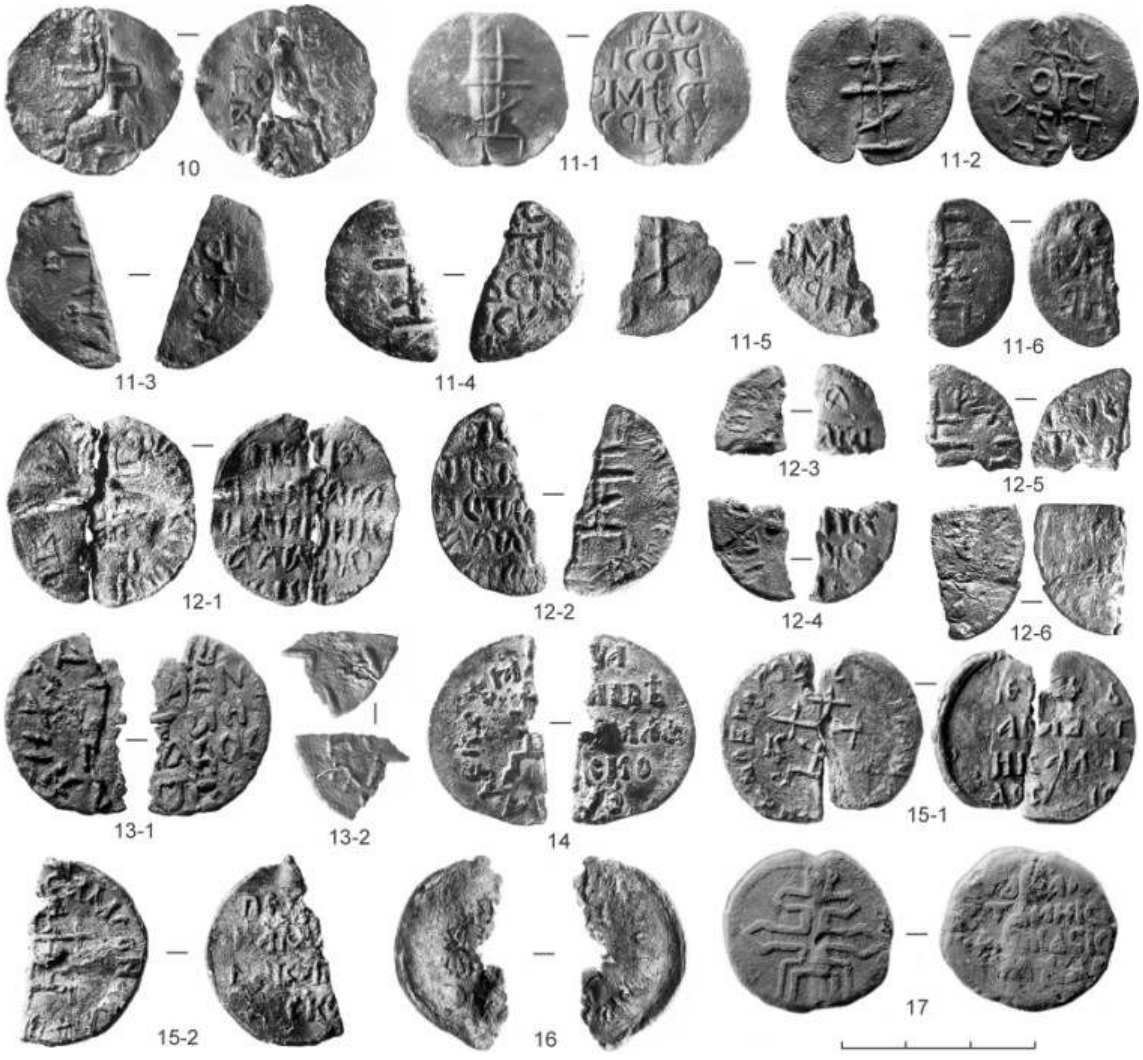


Рис. 8.2. Печати. Разряд II/5

4) *Д.*: 25 мм. *В.*: 4,29 г (фрагм., не менее 8,5 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: СЛМ, инв. № 96557/А-18652. *Изд.*: Белецкий 1997: 15, рис. 1; Янин, Гайдуков 1998а: 186, № 521а-3.

5) Фрагм. *М. н.*: Новгород. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 186, № 521а-5.

6) *Д.*: 23 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 186, № 521а-6.

№ 12. *Av*: изображение восьмиконечного креста на Голгофе, вокруг креста размещена круговая надпись (**а**)**рхіеппа ивана**, вырезанные на матрице без учета на оттиск. *Rv*: надпись в пять строк **печать намѣстника ладоског**(**о**). Буллы оттиснуты матрицами № 522в по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 28–29 мм. *М. н.*: Старая Ладога, левый берег Волхова. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 37702-2. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 187, № 522в-1.

2) *Д.*: 28 мм. *В.*: 3,12 г (фрагм., не менее 6,5 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: СЛМ, инв. № 96558/А-18653. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 190, рис. 7 (фрагм. 1); Янин,

Гайдуков 1998а: 187, № 522в-2. *Уп.*: Белецкий 1994: 64, № 3; 1997: 15; Кирпичников, Белецкий 1994: 133, № 2.

3) *Д.*: фрагм. *В.*: 1,46 г (не менее 6–7 г). *М. н.*: неизвестно. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 39234-5. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 190, рис. 7 (фрагм. 2); Янин, Гайдуков 1998а: 187, № 522в-3.

4) *Д.*: фрагм. *М. н.*: неизвестно. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 187, № 522в-4.

5) *Д.*: фрагм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 187, № 522в-5.

6) *Д.*: фрагм. *М. н.*: неизвестно. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 187, № 522в-6.

№ 13. *Av*: изображение восьмиконечного креста на Голгофе, вокруг креста размещена фрагментарно сохранившаяся круговая надпись **АРХИЄППА**, вырезанная на матрице без учета на оттиск. *Rv*: надпись в пять строк (**ПЄ**)**ЧА**(**ТЬ**)**НАМ**(**ѢС**) **ТНИКА ЛАДОС**(**К**)**ОГО**. Буквы **Н** и **А** во второй строке и **Н** в третьей строке вырезаны на матрице без учета на оттиск. Буллы оттиснуты матрицами № 522б по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 28 мм (вдоль канала). *В.*: 4,84 г (фрагм., не менее 9–10 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 39234-4. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 190, рис. 8 (фрагм. 1); Янин, Гайдуков 1998а: 187, № 522б-1. *Уп.*: Белецкий 1994: 64, № 2, 1; Кирпичников, Белецкий 1994: 133, № 2.

2) *Д.*: фрагм. *В.*: 1,35 г (фрагм., не менее 7,5–8 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: неизвестно. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 190, рис. 8 (фрагм. 2); Янин, Гайдуков 1998а: 187, № 522б-2. *Уп.*: Белецкий 1994: 64, № 2, 2; 1997: 15.

№ 14. *Av*: изображение шестиконечного креста на Голгофе, вокруг креста размещена сохранившаяся фрагментарно круговая надпись **АЛЄКСѢꙖ.** *Rv*: надпись в пять строк (**ПЄ**)**ЧА**(**ТЬ Н**)**АМѢ**(**СТНИ**)**КА ЛА**(**ДО**)**СКО**(**Г**)**О**. Булла оттиснута матрицами № 522а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 30 мм. *В.*: 4,56 г (фрагм., не менее 9 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1992 г. *Хр.*: СЛМ, инв. № 96613/А-18768. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 1994: 132–134, рис. 1, II; Белецкий, Петренко 1994: 190, рис. 9; Янин, Гайдуков 1998а: 186–187, № 522а.

№ 15. *Av*: изображение восьмиконечного креста на Голгофе, концы большой перекладины имеют дополнительные перекрестия, все концы оформлены копьевидными завершениями. Вокруг креста размещена круговая надпись **САМСОНА ВЛДЫКѢ НОВГОРОЧ**, продолжение надписи — **КО**(**Г**) — размещено по сторонам креста. *Rv*: надпись в четыре строки **ПЄЧАТЬ НАМѢСТНИКА ЛАДОСКОГО**. Буллы оттиснуты матрицами № 522г по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 26–31 мм. *В.*: 9,32 г (фрагм., не менее 10–11 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38720. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 190, 191, рис. 10; Янин, Гайдуков 1998а: 187, № 522г-1.

2) *Д.*: 28 мм (фрагм.). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 37702-1. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 187, № 522г-2.

№ 16. *Av*: шестиконечный крест на Голгофе, вокруг остатки надписи. *Rv*: надпись в четыре строки (ПЄ)ЧАТЬ (ЛАДО)ЄКО(ГО НАМ)Ѣ(ЄТНИ)КА. Булла оттиснута матрицами № 522д по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 30 мм (фрагм.). *М. н.*: неизвестно. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 187, № 522д.

№ 17. *Av*: шестиконечный крест на Голгофе, концы креста имеют копьевидные завершения. *Rv*: надпись в пять строк (ПЄЧА)ТЬ НАМ(Є Є)ТЬНИК(А ЛА)ДОЖЬСК(ОГО) ЗАХАР(А). Буквы Ь в первой и третьей строках и Н во второй строке вырезаны на матрице без учета на оттиск. Булла оттиснута матрицами № 522 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 26–27 мм. *В.*: 8,47 г. *М. н.*: Новгород, до 1917 г. *Хр.*: ОН, № 516. *Изд.*: ЛСА: табл. LV, 14; Янин 1953: рис. 41, 2; Янин 1970, т. 2: № 522; Белецкий, Петренко 1994: 230, рис. 51.

Принадлежность печатей № 12–17 чиновникам ладожской администрации в должности наместника вытекает из формулы легенды на реверсе. Комментируя эти печати, С. В. Белецкий датировал их, главным образом, XIV в., опираясь на консультации Т. В. Рождественской по палеографии надписей. Заметим, что большинство находок, проанализированных в своде 1994 г., сохранилось плохо, так что чтение легенд на печатях (прежде всего — круговых легенд на аверсах) представляло весьма сложную задачу.

Бóльшая часть наблюдений и заключений, высказанных в первых публикациях, вызвала резкие возражения В. Л. Янина.

Печать № 11 (Корпус, № 521а). Комментируя эту печать, В. Л. Янин писал: «Палеографические „аргументы“ датировки буллы № 521а рассматривать затруднительно, коль скоро они не приведены, а заменены ссылкой на авторитетное мнение. Столь же авторитетно можно утверждать, что разница в начерках первой и второй половины XIV в. весьма условна, а ближайшие палеографические аналогии печати № 521а возможно указать в буллах конца XIII — начала XIV в. (см. напр., печать № 681 первого десятилетия XIV в.). Не менее важным представляется технический аргумент: печати второй половины XIV — начала XV в. имеют размер 28–30 мм, тогда как размер всех экземпляров печати № 521а не превосходит 26 мм. Наконец, изображение простого креста на подножии соответствует многочисленным таким же изображениям на буллах конца XIII — первой половины XIV в.» (Янин, Гайдуков 1998а: 82). На основании сказанного В. Л. Янин датировал печать 521а началом XIV в. (Там же: 82, табл.).

Разумеется, «разница в начерках первой и второй половины XIV в. весьма условна», однако предложенная В. Л. Яниным в качестве палеографической аналогии печать № 681 Корпуса, на мой взгляд, таковой не является — в надписях на печатях № 11 (№ 521а Корпуса) и № 681 Корпуса различаются буквы А, Д и Ч. Другие палеографические аналогии В. Л. Янин не называет. Но дело даже не в этом. Начертание буквы А в легенде на печати № 11 достаточно своеобразно — буква имеет вид вертикальной мачты и полукруглой симметричной петли. В памятниках древнерусской сфрагистики такое начертание буквы А встречается крайне редко — в Корпусе актовых печатей Древней Руси близкая по начертанию буква отмечена только

на печатях № 549 (в первой и четвертой строках) и № 566 (четвертая строка). В. Л. Янин датировал обе печати XV в. (Янин 1970, т. 2: 83). Полагаем, сказанное дает основание отказаться от предлагавшейся В. Л. Яниным палеографической датировки печати № 11 началом XIV в.

Прочие аргументы В. Л. Янина, как представляется, также не подтверждают раннюю датировку печати № 11. Линейные размеры буллы не являются твердо датирующим признаком: расхождение в размерах близких по времени моливдовулов, в том числе — оттиснутых одними и теми же матрицами, достигает 5–10 мм (Белецкий 1984: 52–53; 2017б: 334–342). Поэтому «технический аргумент» В. Л. Янина также можно не учитывать.

Изображение простого восьмиконечного креста на Голгофе, помещенное на аверсе печати № 11, аналогично изображению креста на печатях № 483–486 Корпуса. В. Л. Янин датирует эти печати временем ранее 1360–1420-х гг. (Янин 1970, т. 2: 57). Правда, стратиграфически датированы только три печати: булла № 486-3 «извлечена из слоя 1369–1396 гг.», булла № 486-5 «найдена в слое 1382–1396 гг.», а булла № 486-6 обнаружена «в слое 1409–1422 гг.» (Там же: 57). В. Л. Янин объясняет это следующим образом: «… чтобы печать оказалась в земле, скрепленный ею документ, как правило, должен был сначала устареть» (Там же). Такое объяснение, на мой взгляд, сомнительно, поскольку грамоты домашних архивов в массе своей не выбрасывались под ноги в уличную грязь, подобно берестяным грамотам, а хранились на протяжении столетий. Но дело даже не в этом. Изображение аналогичного креста имеется также на печатях № 543 и 547 Корпуса, датированных В. Л. Яниным XV в. (Там же: 83–84). Полагаем, поэтому, что изображение креста на печати № 11 также не является аргументом в пользу ранней даты буллы.

Печать № 12 (Корпус, № 522в). Комментируя эту печать по двум фрагментам от разных булл, оттиснутых одной и той же парой матриц, С. В. Белецкий предполагал, что круговая легенда на аверсе была вырезана на матрице без учета на оттиск. Фрагменты надписи были прочтены как **ѦР**(…)**ѦМѺ**(…)**ЄЄ**, а сама надпись была «в предположительной форме прочтена как **ѦР**(**ХИЌПП**)**Ѧ МѺ**(**И**)**ЄЄ**» (Белецкий, Петренко 1994: 192). В. Л. Янин, располагавший экземпляром печати лучшей сохранности, прочитал круговую легенду на аверсе как (**Ѧ**)**РХІЄППѦ ИѠАНѦ** и соотнес печать со временем святительства новгородского архиепископа Иоанна (1389–1415 гг.), подчеркнув: «Находкой печатей… на которых имя архиепископа Ивана читается отчетливо, поспешная атрибуция С. В. Белецкого отменена» (Янин, Гайдуков 1998а: 80). Доступные ранее экземпляры печати № 12 были отвратительной сохранности, так что новое прочтение имени владыки, предложенное В. Л. Яниным, вероятно, справедливо.

Печать № 13 (Корпус, № 522б). Комментируя эту печать, С. В. Белецкий отмечал, что на аверсе «вокруг креста размещена круговая надпись **ѦРХИЌППѦ**, вырезанная на матрице без учета на оттиск». При этом «оставшаяся часть круговой надписи на этой печати, с учетом размашистости написания отдельных букв, могла содержать не более 4–5 знаков» (Белецкий, Петренко 1994: 191). Формулу круговой легенды С. В. Белецкий сугубо предположительно восстанавливал как **ѦРХИЌППѦ** (**ДВДѦ**), опираясь на возможное число букв, размещавшихся в оставшемся пространстве надписи (Там же: 192). «Имя (владыки. — *Авт.*) осталось за пределами имеющихся фрагментов», — согласился В. Л. Янин, и тут же эмоционально воскликнул: «Каким образом С. В. Белецкий

прочитал за этими пределами имя „ДВДА“ … остается жгучей тайной» (Янин, Гайдуков 1998а: 80). Да нет тут никакой «жгучей тайны». Тем же самым образом, каким В. Л. Янин позднее «прочитал» имя **ИВАНА** — опираясь на размер оставшегося пространства: размер недостающей части круговой надписи соответствует «не более чем пяти буквам» (Там же). Что же касается палеографии и расположения многострочной надписи, то печать № 13 обнаруживает сходство не только с печатью № 12, но и с другими печатями ладожских наместников, а при сопоставлении с печатями новоторжских наместников она сближается с печатями № 526а и 526б, датируемых временем святительства владыки Давыда (Там же: 187–188). Полагаем, поэтому, что близость печати № 13 к буллам времен святительства владыки Иоанна была В. Л. Яниным сильно преувеличена.

Печать № 14 (Корпус, № 522а). Круговая легенда на аверсе восстанавливается как (**АРХИЄПА**) **АЛЄКСѢЯ**, что позволило уверенно отнести печать ко времени святительства архиепископа Алексия (1360–1388 гг.). Предложенная нами атрибуция (Кирпичников, Белецкий 1994: 132–134, рис. 1, II; Белецкий, Петренко 1994: 190, рис. 9) была принята В. Л. Яниным (Янин, Гайдуков 1998а: 80).

Печать № 15 (Корпус, № 522г). Круговую легенду на аверсе печати С. В. Белецкий реконструировал как **С**(**Є**)**МЄОНА** (**АРХИЄП**)**ПѢ НОВГОРОЧ** и полагал, что окончание надписи — **КОГ** — размещено по сторонам от креста (Белецкий, Петренко 1994: 190–191). Опираясь на находку экземпляра печати значительно лучшей сохранности, В. Л. Янин реконструировал круговую надпись как **САМЄОНА ВЛДЫКѢ НОВГОРОЧ** и на основании этого прочтения датировал печать «узким промежутком времени от 11 августа 1415 г. до 16 апреля 1416 г.» (Янин, Гайдуков 1998а: 80). Это представляется справедливым.

Печать № 16 (Корпус, № 522д). Единственный известный экземпляр этой печати представлен фрагментом плохой сохранности: легенда на реверсе восстанавливается более или менее определенно, а вот круговая надпись на аверсе практически совершенно не читается (Там же: 187, 289, табл. 31, 522д).

Печать № 17 (Корпус, № 522). Н. П. Лихачёв полагал, что «печать поздняя, XV столетия» (*ЛСА*: 527, табл. LV, *14*). В. Л. Янин датировал буллу «первой четвертью XIV в.», полагая, что изображение креста «тяготеет к ранней группе крестов анонимных владычных булл», наличие в тексте легенды имени наместника «перекликается с единственным случаем помещения наместничьего имени Саввы на новоторжской печати времени владыки Давида», а также опираясь на размер буллы, который «тяготеет к первой половине XIV в.» (Янин 1970, т. 2: 67). В статье 1994 г. отмечалось, что «аналогия изображению креста на аверсе печати № 522 известна по печати двинских чиновников XV в. (Там же: № 567), поэтому можно думать, что печать № 522 должна быть отнесена к XV в. С учетом же копьевидных завершений концов креста речь может идти о первой половине — первой трети XV в.» (Белецкий, Петренко 1994: 192–193). Комментируя публикацию 1994 г., В. Л. Янин повторил свои прежние соображения в пользу ранней датировки печати, дополнив их рассуждениями об изменениях во времени формулы указания в легенде — ранний вариант *ладожьского*, поздний — *ладоского* (Янин, Гайдуков 1998а: 82).

Печать № 526 Корпуса, на аверсе которой по сторонам от изображения св. Давида Столпника помещены буквы **ДВ ДЪ** и **СА ВА**, действительно относится ко времени святительства архиепископа Давыда (Янин 1970, т. 2: 186). Однако печать № 526

вряд ли может быть использована в качестве аналогии для печати № 522. Дело в том, что имя ладожского наместника Захара на печати № 522 включено в традиционную формулу принадлежности буллы, размещенную на реверсе, и в легенде на этой печати вообще отсутствует указание на имя или титул лица, наместником которого являлся Захар. В то же время имя Сава помещено на аверсе буллы по сторонам от изображения, тезоименитого новгородскому владыке. Возможно, догадка В. Л. Янина верна, и Савва действительно был наместником владыки Давыда (Там же: 62). Но, в любом случае, помещение дополнительного имени на аверсе для печатей новоторжских наместников нехарактерно — кроме имени Саввы можно назвать только имя Микиты, помещенное на печати № 526б (Янин, Гайдуков 1998а: 83).

В то же время ближайшими аналогиями для печати № 522 являются многочисленные наместничьи печати двинских грамот XV в., на аверсе которых размещалось изображение креста, а на реверсе — многострочная легенда, содержавшая традиционную формулу принадлежности (Янин 1970, т. 2: 83–84), что подкрепляет датировку печати № 522 XV в., предлагавшуюся Н. П. Лихачёвым.

О недостаточной надежности датировок печатей с опорой на размеры свинцового кружка речь шла выше. Что же касается хронологических различий между формулами указания в легенде, то у печатей ладожских наместников времени святительства владыки Климента (см. № 78–79) в формуле принадлежности использован термин *ладозского*, а у печатей типов № 11–16 — *ладоского*. Почему вариант *ладожьского*, зафиксированный на печати № 17, следует считать идентичным варианту *ладозского*, остается загадкой.

Разряд III/3: Богоматерь — легенда (рис. 8.3)

№ 18. *Av*: погрудное изображение Богоматери в типе Воплощение, по сторонам ⲘⲢ — ⲑⲨ. Ободок точечный. *Rv:* греческая надпись в пять строк: «+Αγνη / σκεποισ με / Νηφωντα / Νωβογρα / δ [ου]». Буква δ в последней строке под титлом. Ободок точечный. Булла оттиснута парой матриц № 54 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 20 мм. *В.:* 11,99 г. *М. н.:* Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. К-XVI, гл. +35. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1289. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 264, рис. 3, 1; Кирпичников, Белецкий 2009: 23, рис. 3, *1*.

Печать принадлежит архиепископу Нифонту, занимавшему новгородскую святительскую кафедру в 1131–1156 гг.

№ 19. *Av*: погрудное изображение Богоматери Оранта (Знамение?). *Rv*: многострочная греческая надпись: «+Αγνη σκεποσ με τον θυτην Νωβογραδων». Булла оттиснута матрицами № 53в по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 20–24 мм. *В.*: 6,42 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. Н-XX; гл.: +43. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/164. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 216–217, рис. 2, 44; Кирпичников, Белецкий 2009: 22–23, рис. 9, 44.

Хотя аверс печати сильно стерт и от изображения сохранилась лишь часть правой руки Богоматери, а в надписи на реверсе читаются только отдельные буквы в правой нижней части поля, можно в качестве аналогии для этой буллы указать

Рис. 8.3. Печати. Разряд III/3

на печать № 56 Корпуса актовых печатей Древней Руси (Янин 1970, т. 1: 177, № 56), позднее переименованную в № 53в (Янин, Гайдуков 1998а: 29). Судя по тексту легенды, принадлежность печати № 53в одному из новгородских епископов конца XI или начала XII в. не вызывает сомнения (ЛСА: табл. XXIV, 1; Порфиридов 1959: 88–89). В. Л. Янин после некоторых раздумий (Янин 1957: 114–116) предложил атрибутировать печать № 53в епископу Аркадию, занимавшему Софийскую кафедру в 1156–1163 гг. (Янин 1970, т. 1: 54–55). Однако позднее исследователь признал высказанную ранее точку зрения «поспешной», и связал печать № 53в с деятельностью либо епископа Ивана Попьяна (1110–1130), либо епископа Нифонта (1131–1156) в первые годы святительства последнего (Янин, Гайдуков 1998а: 29). Не исключена, впрочем, принадлежность печати № 53в епископу Никите, занимавшему новгородскую святительскую кафедру в 1096–1107 гг. (Белецкий 2001б: 49).

№ 20. *Av*: изображение Богоматери в типе Воплощение в рост, по сторонам **ΜΡ — Θ·Υ**. Ободок точечный. *Rv*: надпись в четыре строки **ІЛІѦ ЄП(И)С(КО)ПЪ НОВЪ-ГОРДЬСКЫІ**. Слово **ЄП(И)С(КО)ПЪ** в третьей строке под титлом. Ободок точечный. Обратное соотношение осей. Булла оттиснута парой матриц № 57а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д. : 20 мм. *В.*: 11,07 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. К-XVI, гл. +42. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1328.

Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 264; Кирпичников, Белецкий 2009: 23.

№ 21. *Av*: изображение Богоматери в типе Оранта погрудно, по сторонам надписи **ΜΡ — Θ·(Υ)** под титлами. Ободок точечный. *Rv*: надпись в пять строк **ИЛИ(Ѧ) ѦРЬХИЄПЪ НОВГОРОДЬСКЫІ**. Буква **Ѧ** во второй строке вырезана на матрице без учета на оттиск. Ободок точечный. Булла оттиснута парой матриц № 58 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 26 мм. *В.*: 15,12 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: ОН, № 27. *Изд.*: ЛСА: табл. XXXVIII, 13; Янин 1966: № 3; 1970, т. 1: № 58; Белецкий, Петренко 1994: 193, рис. 11.

Печати № 20 и 21 принадлежат владыке Илье-Иоанну, рукоположенному в епископы 28 марта 1165 г. и вскоре после этого возведенному в сан архиепископа. Владыка занимал новгородскую святительскую кафедру вплоть до 1186 г.

Судя по тому, что в легенде на реверсе Илья именуется епископом, печать № 20 следует датировать временем до получения владыкой титула архиепископа. Еще один экземпляр печати от этой пары матриц был найден на Троицком раскопе

Новгорода. Публикуя новгородский экземпляр печати, В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков отмечали, что на аверсе буллы помещено изображение Богоматери в типе Оранта (Янин, Гайдуков 1998б: 341). Однако на груди Богоматери изображен Младенец, поддерживаемый складками мафория, так что на печати помещено изображение Богоматери в типе Воплощение.

Печать № 21 представленная дефектным оттиском, анализировалась В. Л. Яниным. Исследователь подчеркивал, что «имя владельца на существующем экземпляре полностью не читается, но угадывается по нижним концам букв, хорошо различимым» (Янин 1970, т. 1: 55). В первой строке легенды действительно угадываются три из четырех букв имени **ИЛИ**(**А**). Отметим, что на аверсе буллы изображена Богоматерь Оранта, а не Знамение (Там же: 177). В легенде владыка титулуется архиепископом, так что эта печать датируется более поздним временем, чем печать № 20.

№ 22. *Av*: изображение Богоматери в типе Воплощение в рост, справа буквы **ѲѴ**, под ними нечитаемые остатки букв. *Rv*: надпись в пять строк **ФЄК(ТИ)СТЪ А(РХ)ІЄПП(Ъ НО)ВГО(РОД)СК(ЫИ)**. Булла оттиснута матрицами № 459 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 29 мм. *В.*: 7,78 г (фрагм., не менее 15 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38723. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 193, рис. 12; Янин, Гайдуков 1998а: 179, № 459-9.

Печать принадлежит новгородскому архиепископу Феоктисту, занимавшему Софийскую кафедру в 1300–1308 гг. Отметим, что на аверсе буллы изображена Богоматерь Воплощение, а не Знамение (Янин 1970, т. 1: 177) и не Оранта (Янин, Гайдуков 1998а: 179).

№ 23. *Av*: изображение Богоматери в типе Оранта погрудно, по сторонам надписи **МР — ѲѴ** под титлами. Ободок точечный. *Rv*: надпись в три строки **ДЬНЂСЛОВО**. Ободок точечный. Булла оттиснута матрицами № 92 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 26–27 мм. *В.*: 18,54 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1947 г. Из отвала. *Хр.*: ОАВЕС, инв. № 2698/21. *Изд.*: Янин 1962б: № 20; Янин 1970, т. 1: № 92; Белецкий, Петренко 1994: 194, рис. 13.

Печать относится к неоднократно обсуждавшемуся сфрагистическому разряду, объединенному формулой легенды на реверсе. География распространения печатей «Дьнѣслово» охватывает всю территорию Руси — от Киева до Ладоги и от Дрогичина до Ярополча (Янин 1970, т. 1: 183–186). Главной загадкой разряда является формула легенды.

Н. П. Лихачёв разделил легенду на два слова — «Дьнѣ» и «слово». Предложив читать текст «(Въ) дьнѣ слово», то есть «Слово внутри» (Лихачёв 1930: 23–29, 279), исследователь полагал, что смысл надписи сводится к приглашению прочитать скрепленный печатью документ (аналогично легенде на анонимных византийских печатях — «Чьей печатью я являюсь, узнаешь, взглянув на написанное»). Развивая идею Лихачёва, Б. А. Рыбаков полагал, что печати с формулой «Дьнѣслово» являлись атрибутами тайной переписки и переводил текст формулы как «Скрытое

(сокровенное) слово» (Рыбаков 1963: 319). В. Л. Янин, полемизируя с Б. А. Рыбаковым, вернулся к первоначальной версии Лихачёва: «Смысл надписи сводится к тому, что она приглашает прочесть скрепленный печатью документ: слово внутри, разверни и читай» (Янин 1970, т. 1: 85).

Все три версии близки между собой в главном: исследователи единодушно считают, что формула легенды не содержит персонифицирующей информации, а является говорящим ярлыком. Фактически и версия В. Л. Янина, и даже версия Б. А. Рыбакова являются лишь модернизацией гипотезы Н. П. Лихачёва, впервые предположившего разделение текста легенды на два отдельных слова: «Дьнѣ» и «слово». Расхождения в оценках связаны с общеисторическими соображениями о персональной принадлежности отдельных сфрагистических типов и о возможности существования единого сфрагистического разряда, объединяющего атрибуты юрисдикции представителей разных институтов власти. Наиболее вероятным временем бытования печатей принято считать конец XI — начало XII в. (Лихачёв 1930: 29; Рыбаков 1963: 319; Янин 1970, т. 1: 85).

Принципиально иную гипотезу о расшифровке надписи на печатях предложил В. В. Нимчук: приняв разделение формулы на слова, предложенное Лихачёвым, Нимчук предложил рассматривать первую часть формулы в качестве отглагольного существительного дѣнѣ (речь, сообщение). Вторую часть словосочетания Нимчук предлагает считать сфрагистическим вариантом притяжательного прилагательного среднего рода, именительного падежа, единственного числа — сълово, производного от существительного *сълъ — посол*, *посланец, доверенное лицо, вестник*. В целом надпись переведена Нимчуком как «речь посла» (Нимчук 1990: 175–178).

Версия В. В. Нимчука представляется перспективной. Первая часть словосочетания дьнѣслово (дѣнѣслово) может быть прочтена как сокращенное написание существительного дѣ(ѧ)н(и)ѣ (*деятельность*, от глагола дѣѧти, *делать, творить, совершать*, *поступать, говорить*). Принимая вторую часть словосочетания за притяжательное прилагательное с суффиксом *-ов-* — с(ъ)лово, от *сълъ*, *посол* — надпись в целом может быть переведена как «деяние посла». В таком случае документ, скрепленный печатью дьнѣслово (дѣнѣслово), очевидно, содержал сведения о полномочиях посла, то есть являлся посольской верительной грамотой.

Разряд IV/2: Эмблема — святой (рис. 8.4)

№ 24. *Av*: изображение двузубца прямоугольных очертаний с отрогом внутрь на правом зубце. Ободок точечный. *Rv*: изображение св. Георгия в рост, по сторонам колончатые надписи ◊ ГЄѲРГІѲС. Ободок точечный. Булла оттиснута матрицами № 283 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 24–26 мм. *В.*: 15,56 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: ОН, № 285. *Изд.*: ЛСА: табл. XLV, *4*; Лихачёв 1930: 199, 200, рис.172; Янин 1970, т. 1: 134, 142, № 283; Белецкий, Петренко 1994: 197, рис. 14.

№ 25. *Av*: Княжеский знак в виде трезубца с вертикальными зубцами и ножкой. На левом зубце имеется отрог влево, на центральном — отрог вправо. Завершения зубцов и основание ножки трезубца оформлены в виде треугольных расширений. Ободок точечный. *Rv*: изображение святого Анании в рост, по сторонам колончатые надписи: ◊ѦГІѲ(Ϲ) ѦNѦ(NIѦ). Ободок точечный. Буллы оттиснуты матрицами № 296 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 20 мм. *В.*: 4,84 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. Н-XIX, гл. +66. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1336. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 265; Кирпичников, Белецкий 2009: 23.

2) *Д.*: 20 мм. *В.*: 5,2 г (фрагм., не менее 6,5 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. З-XII, гл. +30. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/724. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 265; Кирпичников, Белецкий 2009: 24.

Печати разряда IV/2 на протяжении длительного времени расценивались историками как сфрагистические регалии русских князей. Только после исследований В. Л. Янина стало очевидно, что печати принадлежали не князьям, а чиновникам княжеского аппарата (Янин 1970, т. 1: 137–146), облеченным властными полномочиями, предоставленными им князем. География распространения печатей разряда IV/2 охватывает всю территорию Руси. Однако большинство находок происходит из Новгорода и Новгородской земли.

Очевидно, что юрисдикция лиц, пользовавшихся печатями разряда IV/2, распространялась, прежде всего, на Новгород и Новгородскую землю, но была также ориентирована на внешнеполитические связи Новгорода, причем значительное число документов, скрепленных печатями разряда IV/2, попадало «на вечное хранение» в городищенский архив. В. Л. Янин осторожно предполагал, что печати с изображениями княжеского знака и святого принадлежали «лицам, имевшим самое непосредственное отношение к княжеской администрации — полномочным представителям князей, например тысяцким» (Там же: 144). Однако широта полномочий, которыми располагали владельцы печатей разряда IV/2, свидетельствует, что эти лица занимали ведущее место в структуре управления Новгорода. Такой фигурой в правительственных структурах Новгорода XII–XIII вв. являлись посадники, с деятельностью которых и связывал печати разряда IV/2 А. А. Молчанов. Печать от матриц № 283 Корпуса он, в частности, атрибутировал посаднику Судиле Иванковичу (Молчанов 1984: 43; 1985: 81), а печати от матриц № 296 Корпуса — посаднику Внезду Водовику (Там же: 44; 1985: 81).

Соглашаясь с выводом А. А. Молчанова о принципиальной принадлежности печатей разряда IV/2 новгородским посадникам, полагаем, что вопрос о персональной принадлежности этих печатей следует все-таки оставить открытым до завершения работ по систематизации и персонификации древнерусских княжеских знаков. «Для определения персональной принадлежности этих булл собранные к настоящему времени материалы явно недостаточны» (Янин 1970, т. 1: 146). Заключение В. Л. Янина, сформулированное почти полвека назад, к сожалению, сохраняет свою силу и сегодня.

Разряд IV/3: Эмблема — легенда (рис. 8.4)

№ 26. *Av*: всадник (мечник?) влево. *Rv*: надпись в четыре (?) строки (**ПЄ**)**ЧА**(**ТЬ**) **КНѦ**(**ЖД**) **ГЛѢ**(**БѺ**)**ВѦ**. Булла оттиснута матрицами № 436в по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: фрагм. (не менее 28–30 мм). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: фрагм. 1 — частная коллекция, фрагм. 2 — СЛМ инв. № 96560/А-18655; *В.*: 2,44 г (не менее 9,5–10 г). *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 197, рис. 15; Янин, Гайдуков 1998а: 172, № 436в. *Уп.*: Белецкий 1997: 15.

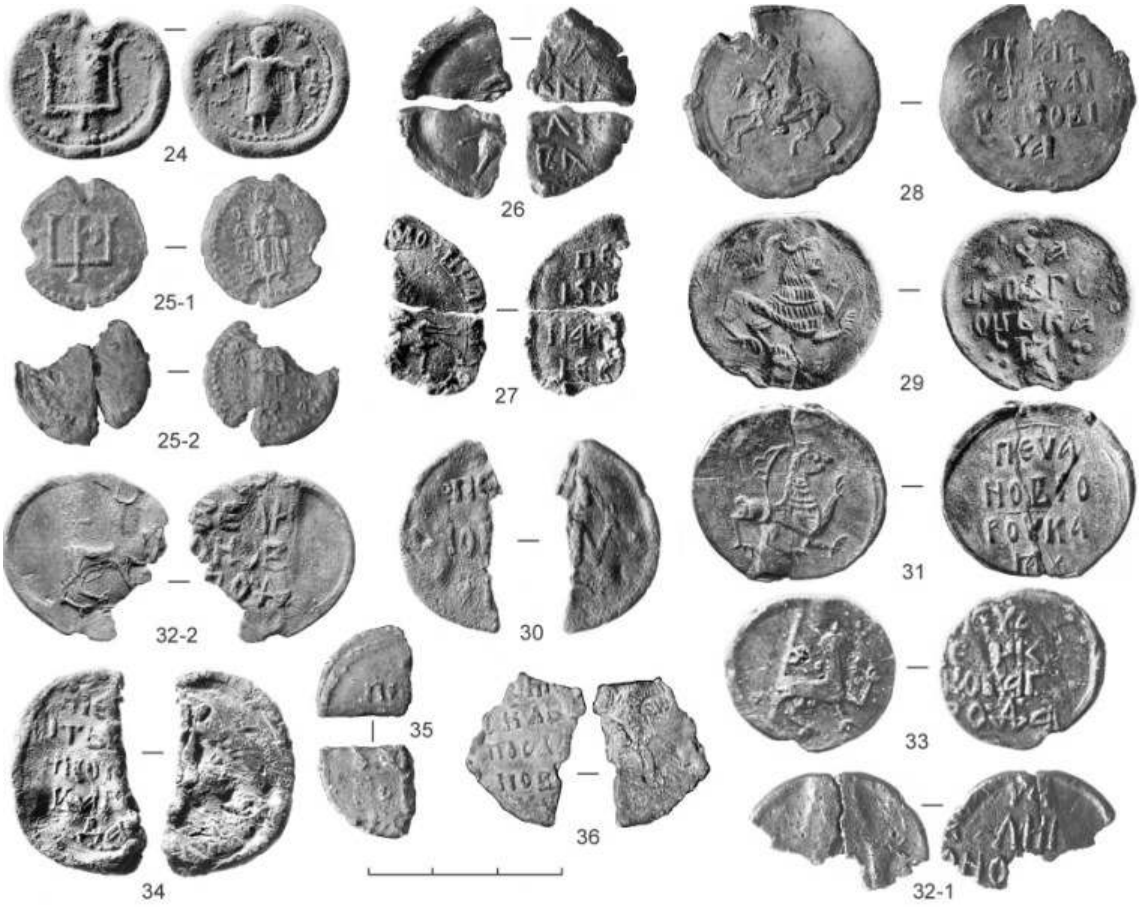


Рис. 8.4. Печати. Разряды IV/2 (24, 25), IV/3 (26–36)

В публикации 1994 г. анализировался обломок печати, едва достигающий четверти буллы. В комментарии к этому обломку было отмечено (Белецкий, Петренко 1994: 198), что изображение на аверсе и формула легенды на реверсе восстанавливаются без особого труда по аналогии с печатью Глеба-Наримонта Гедиминовича (†1348), сохранившейся при грамоте 1338 г. (Лихачёв 1928: 35, рис. 12; см. также: Янин, Гайдуков 1998а: 172, № 436б): булла, фрагмент которой был найден в Ладоге, адекватна булле при полоцкой грамоте, но оттиснута иной парой матриц и также принадлежала Глебу-Наримонту. В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков опубликовали еще один фрагмент от этой же печати, хранящийся в частной коллекции, и эта находка подтвердила предлагавшуюся реконструкцию изображения и легенды на печати (Там же: 172, № 436в).

№ 27. *Av*: всадник (мечник?) влево, в окружении надписи (**ГИ ПѲ)МѲЗИ РАБ(Ѵ СВѲЄМѴ** …). *Rv*: надпись в четыре строки **ПЄ(ЧАТЬ) КН(ЯЖА) ПАТ(РИК)ІЄВ(А)**. Булла оттиснута матрицами № 436з по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: фрагм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 37702-3.
Изд.: Янин, Гайдуков 1998а: 173, № 436з.

Публикуя половинку печати, В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков атрибутировали ее князю Патрикию Наримонтовичу (†1397), сыну Глеба-Наримонта (Янин, Гайдуков

1998а: 73). Вероятно, это справедливо, так как связь князя с Ладогой подтверждается летописным сообщением — в 1384 г. Патрикий Наримонтович получил от Новгорода в кормление Руссу и Ладогу (НПЛ: 379). Однако нет уверенности в том, что в 1397 г. Патрикий Наримонтович был вторично «принят новгородцами на кормление» (Янин, Гайдуков 1998а: 73), поскольку князь «помер у 1397 р., а в Москву виїхав його внук Патрикій Олександрович» (Войтович 1992: 146).

№ 28. *Av:* всадник вправо. *Rv:* надпись в четыре строки **ПЄЧАТЬ ЄСИФА ІВАНОВІЧА**. Буквы **ТЬ** в первой строке в виде лигатуры. Печать оттиснута неизвестной парой матриц.

Д: 28–29 мм. *В:* 7,32 г. *М. н.:* Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. Р-XVIII, +118. *Хр*.: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 22.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 299, ил. 1, 2.

Ближайшими аналогиями для печати Есифа Ивановича являются печати № 698 и 699 (Янин 1970, т. 2: 218–219), одна из которых сохранилась при грамоте середины XV в. (ГВНП: № 182), а другая — при грамоте 1372 г. (Там же: № 17). К этому же сфрагистическому разряду относятся печать, скреплявшая грамоту первой четверти XV в. (Янин 1970, т. 2: 219, № 700), печать № 699б, найденная при раскопках в Новгороде (Янин, Гайдуков 1998а: 210), и печать № 699г, происхождение которой не установлено (Там же). Печать Есифа Ивановича следует датировать XV в. Ее вероятным владельцем мог быть новгородский купеческий староста Есиф Иванович, упомянутый в грамотах 1448 и 1450 гг. (ГВНП, № 73–74).

№ 29. *Av*: зверь влево. *Rv*: надпись в четыре строки (**П**)**ЄЧА**(**Т**)**Ь НОВГО**(**Р**)**ОЧЬКА**. Буквы **Ь** во второй строке и **Ч** в третьей строке вырезаны на матрице без учета на оттиск. Булла оттиснута матрицами № 717 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 27–30 мм. *В*.: 11,19 г. *М. н.:* Старая Ладога. *Хр*.: ОН, № 606. *Изд*.: ЛСА: табл. XXXIX, *5*; Янин 1962а: 352, № 10; 1970, т. 2: № 717; Белецкий, Петренко 1994: 198.

№ 30. *Av*: зверь влево. *Rv*: надпись в три строки **ПЄ**(**ЧАТЬ**) **НОВ**(**ГОРОЧ**)**К**(**ᲐᲐ**). Булла оттиснута матрицами № 719а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 29 мм. *В*.: 3,39 г (фрагм., не менее 7 г). *М. н.:* Старая Ладога. *Хр*.: Новгородский музей, инв. № 38724. *Изд*.: Белецкий, Петренко 1994: 198, рис. 17; Янин, Гайдуков 1998а: 213, № 719а.

№ 31. *Av*: зверь влево. *Rv*: надпись в четыре строки: **ПЄЧА**(**ТЬ**) **НОВГОРОЧКА**. Булла оттиснута матрицами № 719б по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 27–30 мм. *М. н*.: микрорайон города Волхова (бывшая деревня Быльчино).
Хр.: СЛМ, инв. № 95181/А-18237. *Изд*.: Янин, Гайдуков 1998а: 213, № 719б.
Уп.: Белецкий, Петренко 1994: 198, прим. 9.

№ 32. *Av*: зверь влево. *Rv*: надпись в четыре строки (**ПЄ**)**ЧА**(**ТЬ**) **ВЄЛИ**(**КОГ**)**О НОВ**(**ГО**)-**РОД**(**А**). Булла оттиснута матрицами № 732 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д*.: 27 мм (фрагм., не менее 29 мм). *В*.: 3,81 г (не менее 7,5 г). *М. н.:* Старая Ладога. *Хр*.: Новгородский музей, инв. № 38832-14. *Изд*.: Белецкий, Петренко 1994: 198, рис. 18; Янин, Гайдуков 1998а: 214, № 732-4.

2) *Д.*: 24–26 мм. *В.*: 5,89 г (фрагм., не менее 6,0–6,5 г). *М. н.:* Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 214, № 732-5. *Уп.*: Белецкий, Петренко 1994: 198.

№ 33. *Av*: зверь вправо. *Rv*: надпись в четыре строки **ПЄЧАТ(Ь) ВЄЛИКОГ(О) НОВАГОРОДА**. Булла оттиснута матрицами № 733 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 23–25 мм. *М. н.:* Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 214, № 733-2.

№ 34. *Av*: зверь (?) влево (?). *Rv*: надпись в пять строк **ПЄ(ЧА)ТЬ В(ЄЛ)ИКОГ(О НО) ВАГ(ОРО)ДА**. Ободок точечный. Булла оттиснута матрицами № 753а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 33 мм. *В.*: 9,69 г (фрагм., не менее 19–20 г). *М. н.:* Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 198, рис. 19; Янин, Гайдуков 1998а: 216, № 753а.

№ 35. *Av*: стерт. *Rv*: надпись в четыре (?) строки **ПЄ(ЧАТ)Ь В(ЄЛИКО)ГО (НОВА) ГО(РОДА)**. Буквы третьей и четвертой строк оттиснуты слабее, чем буквы первых двух строк. Булла оттиснута неизвестной парой матриц.

Д.: 20 мм. *В.*: 3,9 г. (не менее 7,5–8,0 г). *М. н.:* Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. О-XVII, гл. +67. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/660. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 269; Кирпичников, Белецкий 2009: 24.

В. Л. Янин рассматривает печати с формулами «Печать новгородская» и «Печать Великого Новгорода» в качестве атрибутов юрисдикции новгородского Совета Господ XV в. (Янин 1962а: 349–362; 1970, т. 2: 128–130; Янин, Гайдуков 1998а: 104–105). Комментируя множественность матриц этих печатей, исследователь подчеркивал: «Обилие вариантов... говорит о том, что матрицы всякий раз вырезывались для вновь избранного посадника или тысяцкого... Невозможно указать ни одного случая, когда тождественные экземпляры привешивались к документам разными лицами» (Янин 1962а: 364). Позднее В. Л. Янин конкретизировал эту мысль: «Буллы применялись посадниками и тысяцкими... Эти печати не наследовались, а, вопреки своей анонимности и подчеркнуто антиперсональному характеру, оставались все же буллами персональными» (Янин 1970, т. 2: 126, 127). Таким образом, печати рассматриваемого разряда, найденные в Ладоге, скрепляли документы, утвержденные высшими боярскими магистратами Новгорода XV в.

№ 36. *Av*: изображение всадника, от которого сохранилась часть туловища и фрагмент правой ноги, а также передняя часть коня. *Rv*: остатки пятистрочной надписи (С)ЄМ(ЄНА ВА)СИЛЬ(ЄВИЧА) ПОСА(ДНИКА) НОВ(ГОРОДС)КО(ГО). Буквы последней строки читаются плохо. Булла оттиснута неизвестной парой матриц.

Д.: 22 мм (не меньше 32–33 мм). *В.*: 3,49 г (не меньше 15–16 г). *М. н.*: Старая Ладога, левый берег Волхова близ крепости. Найдена в 1976 г. В. Зайцевым, передавшим находку В. П. Петренко. *Хр.*: ИИМК. *Не изд.*

Среди новгородских посадников известны два Семена Васильевича: один был избран на посадничество в 1416 г., а второй — около 1421–1423 гг. (Янин 1962а: 382). Вероятно, одному из них и принадлежала печать.

Разряд V/1: Композиция — святой (рис. 8.5)

№ 37. *Av*: изображение композиции Благовещение. Ободок из частых точек, слившихся между собой. *Rv*: изображение св. Феодора в рост, по сторонам колончатые надписи **ⷭ ѳєдоꙋ** (буквы **ⷭ** и **ꙋ** вырезаны на матрице без учета на оттиск). Ободок из частых точек, слившихся между собой. Буллы оттиснуты матрицами № 133 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 20–21 мм. *В.*: 7,44 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 39258. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 200–203, рис. 21; Янин, Гайдуков 1998а: 129, № 133-10.

2) *Д.*: 23–24 мм. *В.*: 9,96 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. О-XIV; гл. +21. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/346. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 219; Кирпичников, Белецкий 2009: 24.

№ 38. *Av*: изображение композиции Благовещение. *Rv*: изображение св. Феодора, по сторонам колончатые надписи **ⷭ(г)ıѳ ѳєѳдоꙋ**. Буллы оттиснуты матрицами № 134 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: более 20 мм. *В.*: 4,26 г (не менее 9 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. Н-XIII, гл. +20. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1286. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 270, рис. 3, *6*; Кирпичников, Белецкий 2009: 25, рис. 3, *6*.

2) *Д*: 19 мм. *В.*: 4,47 г (фрагм., не менее 8,5–9,0 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. Р-XVIII, гл. +25. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 663. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 300.

3) *Д*: 20 мм. *В.*: 3,02 г (фрагм., не менее 6,0–6,5 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. Р-XIX, гл. +39. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 554. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 300.

№ 39. *Av*: изображение композиции Благовещение, над головами архангела и Марии надпись **ⷬⷭⷣⷬⷩⷭⷯ**. Ободок точечный. *Rv*: изображение св. Феодора в рост, по сторонам колончатые надписи **ⷭⷯⷭⷩⷭⷣⷬⷭ**. В левой колонке лигатура **ⷭⷩ** в третьей строке и буква **ⷭ** во второй строке вырезаны на матрице без учета на оттиск. Ободок точечный. Буллы оттиснуты матрицами № 137 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 23 мм. *В.*: 8,36 г (фрагм., не менее 9 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: ОН, № 89. *Изд.*: ЛСА: LIV, 10; Янин 1970, т. 1: № 137, 7; Белецкий, Петренко 1994: 200, рис. 20.

2) *Д.*: 22–23 мм. *В.*: 10,46 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XVII; гл. +32. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/203. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 219; Кирпичников, Белецкий 2009: 25.

Печати с изображениями композиции Благовещения и святого причислены В. Л. Яниным к обширному сфрагистическому разряду, объединенному изображениями святых на обеих сторонах (Янин 1970, т. 1: 108–110). Исследователь полагал, что печати № 133–137 Корпуса с изображениями Благовещения и св. Феодора принадлежали князю Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу-Фёдоровичу (†1138), а печати № 138–139 с изображениями Благовещения и св. Иоанна Предтечи — его сыну Ивану

Всеволодичу-Гаврииловичу (†1128). Изображение композиции Благовещение исследователь расценивал как символическое обозначение имени Гавриил.

Однако еще Н. П. Лихачёв подчеркивал: изображение композиции Благовещение не может быть истолковано как синонимичное изображению архангела Гавриила (Лихачёв 1930: 33–36). Довод В. Л. Янина, указавшего на возведение Мстиславом Великим ц. Благовещения на Городище, в связи с рождением у него сына Всеволода, крещеного Гавриилом (Янин 1970, т. 1: 108, 109), не подкрепляет персонификацию печатей князю Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу. Случаи возведения в домонгольской Руси храмов с посвящением именно архангелу Гавриилу, кажется, неизвестны (в отличие от храмов и монастырей, посвященных либо архангелу Михаилу, либо — архангелам Михаилу и Гавриилу), так что строительство ц. Благовещения в связи с рождением лица, крещенного Гавриилом, еще не означает, что для символического обозначения имени Гавриил на печати следовало поместить изображение композиции Благовещение: теоретически эта композиция могла бы с равным основанием расцениваться в качестве символического обозначения имени Мария. Полагаем, что печати с изображением композиции Благовещение и святого не имеют отношения к разряду печатей с изображениями святых на обеих сторонах, а должны быть отнесены к особому сфрагистическому разряду, объединяющему печати, несущие на аверсе изображение композиций, соответствующих церковным праздникам.

Н. П. Лихачёв не высказался определенно об атрибуции печатей с изображением композиции Благовещение, хотя не исключал, что за этим изображением может стоять храм или монастырь соответствующего посвящения (ЛСА: 40–41; Лихачёв 1930: 36). Между тем, по крайней мере, в двух случаях можно уверенно связывать изображение композиции на печати именно с монастырем, а еще в одном случае — с центральным городским храмом. Печать № 765 Корпуса, несущую на аверсе изображение композиции Благовещение, а на реверсе формулу «Печать Благовещенская», В. Л. Янин связал с Благовещенским монастырем Новгорода, датировав буллу XV в. (Янин 1970, т. 2: 138). Печать № 121а Корпуса. В. Л. Янин атрибутировал Евфросинии Полоцкой, объяснив изображение композиции на аверсе патронатом Спасского (Преображенского) монастыря, основанного Евфросинией (Янин 1970, т. 1: 231). Изображение композиции Ветхозаветной Троицы на печатях владычных наместников Пскова XIV–XV вв. символически передает сведения о главной святыне Пскова, соборе Св. Троицы (Лихачёв 1960: 234). Таким образом, мы можем с большой степенью вероятности рассматривать изображение композиции на печатях в качестве символической передачи сведений о патрональном храме или монастыре (Белецкий 2001б: 28).

Принимая XII в. в качестве наиболее вероятной датировки печатей № 133–139 Корпуса, было бы заманчиво связать эти печати (по аналогии с печатью № 121а Корпуса) с устроителями Благовещенского монастыря Новгорода, основанного в 1170 г. Ильей-Иоанном и Григорием-Гавриилом. Напомним, что архиепископ Илья в миру был крещен Иоанном (Янин 1970, т. 1: 55, прим. 63), что соответствует изображению Св. Иоанна на печатях № 138 и 139. Не мог ли его брат, архиепископ Григорий-Гавриил, в миру носить имя Фёдор? Владыка скончался в 1193 г. и был погребен с именем Григорий, данном при постриге, — «нареченнаго в чернечестве бысть Григорья» (Н4Л: 174–175). Имя Гавриил, следовательно, должно быть признано мирским именем владыки. Но если предположить, что избранию

сопутствовал не малый, а великий постриг, то имя Гавриил могло быть получено при малом постриге. И в этом случае вопрос о мирском имени владыки остается открытым.

Противоречит сказанному несовпадение инициалов в именах Гавриил и Фёдор, обычно соблюдаемое при постриге. Однако соблюдение этого правила не было обязательным. Напомним о случае малого пострига, совершенного Сергием Радонежским: мальчик Иоанн был при постриге наречен Фёдором (Кавелин 1885: 77, 78). Сам Сергий, кстати, в миру был Варфоломеем, а архиепископ новгородский Василий Калика носил в миру имя Григорий.

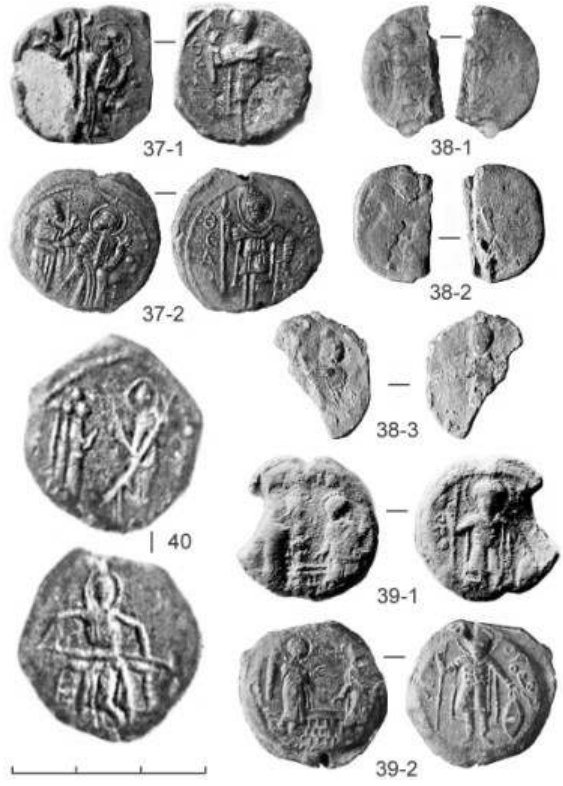


Рис. 8.5. Печати. Разряд V/1

Дополнительным подтверждением интерпретации Благовещения как синонимичного изображению архангела Гавриила В. Л. Янин счел печать № 113в, несущую на аверсе изображение Благовещения, а на реверсе легенду **СП(А) СИ ГИ КЪНЗѪ ИВЕРА ВСЕВОЛО(ДИЧА)**. Поименованного в тексте легенды Ивера исследователь отождествил с сыном Всеволода-Гавриила Иваном, а изображение Благовещения продолжал считать указанием на отчество князя (Янин 2001а: 449, рис. 1). Комментируя печать № 113в, С. В. Белецкий подробно проанализировал аргументы В. Л. Янина и был вынужден констатировать, что такая интерпретация данной буллы не подтверждается фактами: «Действительно, на Рюриковом городище под Новгородом была найдена печать неизвестного ранее типа, принадлежавшая князю Иверу Всеволодичу», однако из оформления буллы следует лишь то, что князь выступал «в своей деятельности представителем Благовещенского храма или обители» (Белецкий 2002: 168).

Спор о смысловом значении композиции на актовых печатях продолжился в связи с публикацией печати № 40Аа, на аверсе которой помещено изображение Благовещения, а на реверсе — греческая благопожелательная надпись: «С. В. Белецкий подверг сомнению нашу атрибуцию печатей с изображением Благовещения на одной стороне и святых Феодора (№ 133–137) или Иоанна Предтечи (№ 138–139) князьям, подкрепляя это сомнение ссылкой на слова Н. П. Лихачёва: „Изображение архангела Гавриила не может заменять изображение Благовещения“… Публикуемая находка служит к опровержению этого сомнения. Она находится в том ряду русских булл XI — начала XII в., на которых греческая благопожелательная формула с именем владельца сочетается с изображением его святого патрона на другой стороне печати» (Янин, Гайдуков 2004: 141–142). Действительно, на реверсе печати 40Аа помещена греческая благопожелательная надпись Κ(υρι)ε βο[η]θε(ι) τω σ(ω) δουλω Γαβρ(ι)ήλ. Однако это вовсе не значит, что размещенное на аверсе

изображение Благовещения символизирует имя владельца печати: Гавриил, владелец печати № 40Аа, выступал представителем Благовещенского храма или монастыря точно так же, как представителем Благовещенской святыни выступал князь Ивер Всеволодич, владелец печати № 113в.

№ 40. *Av*: изображение композиции «Собор Иоанна Предтечи». Ободок точечный. *Rv*: изображение святого воина, извлекающего меч из ножен. Ободок не прослежен. Булла оттиснута матрицами № 772 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 27–29 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: ОАВЕС. *Изд.*: Янин 1970, т. 2: № 772, 2; Белецкий, Петренко 1994: 203.

В. Л. Янин датировал печать XIII в. и в предположительной форме связал ее с новгородским посадником Иванкой Дмитриевичем (†1238), полагая, что эта печать «становится в один ряд с буллой предшественника Иванки — Твердислава — и буллой одного из его ближайших преемников — Степана Твердиславича» (Янин 1970, т. 2: 145, 146).

Предложенная атрибуция представляется маловероятной. Прежде всего, печать, атрибутированная Твердиславу (Янин 1970, т. 2: № 689), как и печать, соотнесенная со Степаном Твердиславичем (Янин 1970, т. 2: № 670), принадлежат к принципиально иным сфрагистическим разрядам, нежели печати с изображениями святых на обеих сторонах, к числу которых В. Л. Янин отнес печать № 772. Поэтому ставить эти печати в один ряд некорректно. Но дело даже не в этом.

Рассматриваемая булла, на наш взгляд, не имеет отношения к сфрагистическому разряду, объединяющему печати с изображениями святых на обеих сторонах, так что атрибуция печати лицу, носившему в крещении имя Иван Дмитриевич или Димитрий Иванович, ничем не мотивирована. Помещенное на аверсе печати изображение композиции «Собор Иоанна Предтечи» соотносит сфрагистическую регалию с разрядом печатей, фиксирующих в символической форме патронат святыни над владельцем печати (храм Иоанна Предтечи либо Иоанно-Предтеченский монастырь). Напрашивается параллель с печатью № 121а Корпуса, речь о которой шла выше: нельзя ли предположить, что владельцем рассматриваемой печати являлся ктитор Иоанно-Предтеченского монастыря?

В этой связи напомним, что в XIII в. единственный на северо-западе Руси монастырь, центральный храм которого был посвящен Иоанну Предтече, находился в Пскове: монастырь играл заметную роль в хозяйственной и политической жизни города, а сам Ивановский собор служил местом последнего упокоения псковских княгинь (Болховитинов 2009: 281). Возведение собора относится к 1124–1125 гг. Однако время создания при этом соборе монастыря остается неустановленным. Очевидно только, что к середине XIII в. монастырь уже существовал (НПЛ: 79, 247). Правда, монастырь был женским, так что вопрос о ктиторе, имя которого могло бы быть передано изображением святого воина, остается открытым.

Оставляя вопрос о персональной атрибуции печати № 40 открытым, подчеркну: датировка печати XIII в. достаточно вероятна, но считать изображенного на реверсе святого воина именно св. Дмитрием Солунским (Янин 1970, т. 2: 145) совершенно необязательно: извлекающими меч из ножен изображались и другие святые воины (напр.: Янин 1970, т. 1: 211, № 230).

Разряд VI/1: Святой — святой (рис. 8.6, 8.7)

№ 41. *Av*: изображение св. Иоанна Предтечи в рост, над правой рукой буква **о** (**а іѡ одпр**). Ободок точечный. *Rv*: изображение св. Феодора в рост, справа надпись **дѡрос** (**а ѳеодѡрос**). Ободок точечный. Буллы оттиснуты матрицами № 145 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 21 мм. *В.*: 2,88 г (фрагм., не менее 5 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 210, рис. 32; Янин, Гайдуков 1998а: 131, № 145-10.

2) *Д*: 19–20 мм. *В*: 7,53 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. Р-XVIII, гл. +108. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/46. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 301.

В. Л. Янин полагает, что печать могла принадлежать князю Святополку Мстиславичу (†1154).

№ 42. *Av*: архангел Михаил в рост, по сторонам **архн михаил**. *Rv*: св. Феодор в рост, по сторонам **оагіѡс феодоръ**. Буллы оттиснуты матрицами № 152 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 22 мм (фрагм.). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. №37702-5. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 132, № 152-24.

2) *Д.*: 20–22 мм. *В.*: 6,48 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. О-XVI, гл. +53. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1062. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 276; Кирпичников, Белецкий 2009: 28.

В. Л. Янин полагает, что печать могла принадлежать князю Ростиславу Мстиславичу (†1167).

№ 43. *Av*: изображение св. Феодора в рост с копьем и щитом. По сторонам колончатые надписи: **ѳодоръ**. Фрагменты слившегося из точек ободка. *Rv*: изображение св. Георгия в рост с копьем и щитом. По сторонам колончатые надписи: **горгиі**. Булла оттиснута матрицами № 157 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 24–26 мм. *В.*: 13,68 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XVII, гл. +60. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1375. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 277; Кирпичников, Белецкий 2009: 28.

В. Л. Янин полагает, что печать могла принадлежать князю Мстиславу Юрьевичу († после 1161).

№ 44. *Av*: изображение св. Иоанна Предтечи в рост, справа фрагмент колончатой надписи **опр**(**о**). Буквы **пр** в виде лигатуры. Ободок точечный. *Rv*: изображение архангела Михаила в рост, слева фрагмент колончатой надписи **оа**. Ободок точечный. Булла оттиснута матрицами № 162 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д: 20 мм. *В.*: 3,01 г (фрагм., не менее 6,0–6,5 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. П-XIV, гл. +36. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 601. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 301, 303.

В. Л. Янин полагает, что печать могла принадлежать князю Святославу Ростиславичу (†1170).

№ 45. *Av*: изображение св. Василия Кесарийского в рост. *Rv*: изображение архангела в рост. Булла оттиснута матрицами № 170а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

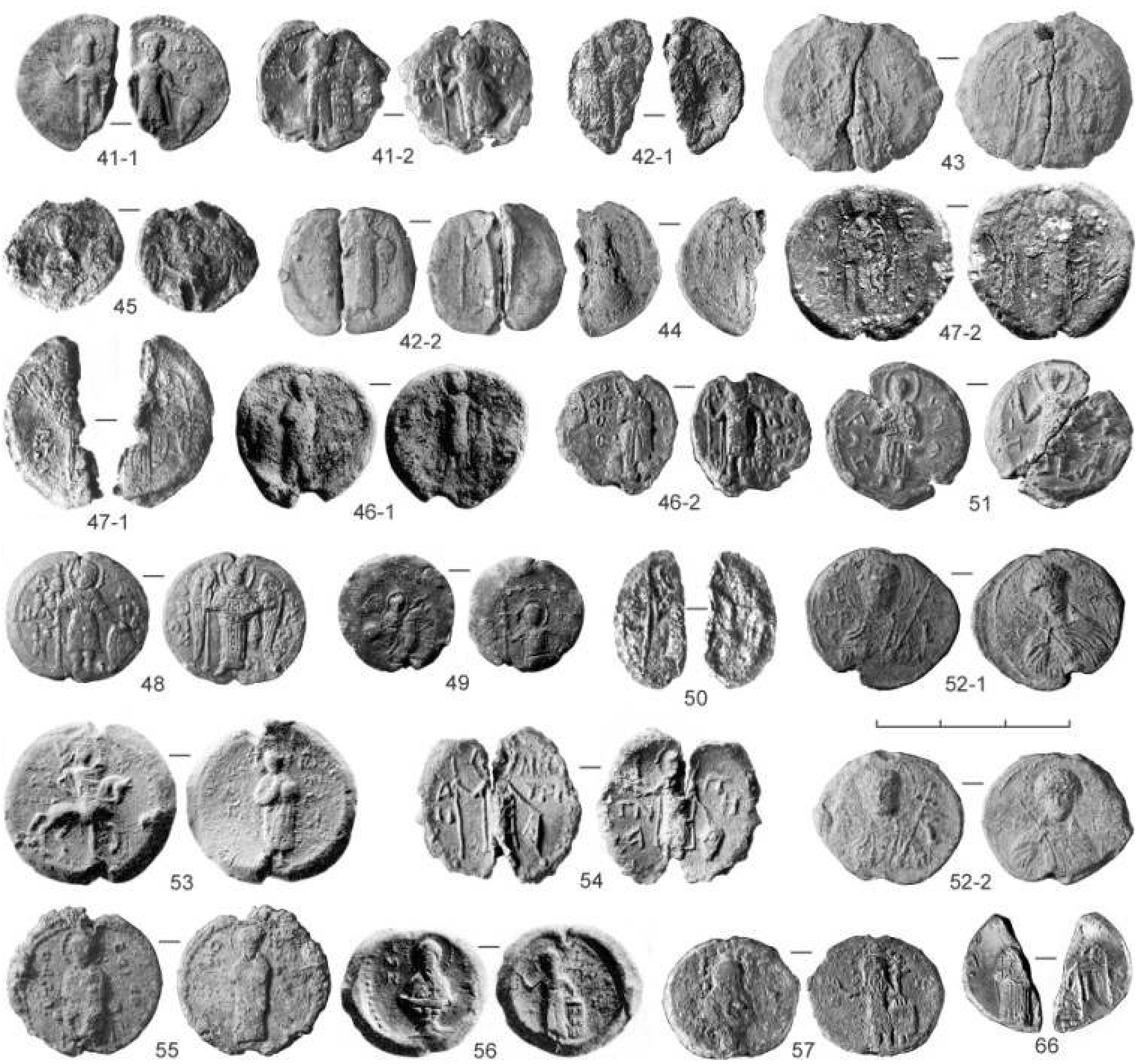


Рис. 8.6. Печати. Разряд VI/1 (41–57, 66)

Д.: 17–18 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38918-4. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 135, № 170а.

В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков полагают, что печать могла принадлежать князю Рюрику Ростиславичу (†1212).

№ 46. *Av*: изображение св. Агафоника в рост, по сторонам колончатые надписи **ОАГІОС АГАѲОНІ(К)**. Ободок точечный. *Rv*: изображение св. Иоанна Богослова в рост, по сторонам колончатые надписи **ОАГІѠС ІѠ БГСЛОВ**. Буквы **ІѠ** в правой колонке — под титлом. Ободок точечный. Булла оттиснута матрицами № 178 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 21 мм. *В.*: 6,42 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: ОН, № 191. *Изд.*: ЛСА: табл. XLI, *3*; Янин 1970, т. 1: № 178, 2; Белецкий, Петренко 1994: 207, рис. 23.

2) *Д*: 19–20 мм. *В.*: 5,96 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. Т-XVIII, гл. +82. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/64. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 301.

В. Л. Янин полагает, что печать могла принадлежать князю Святославу Мстиславичу († после 1175).

№ 47. *Av*: изображение св. Бориса в рост, по сторонам колончатые надписи **ОАГІО БОРІС**. *Rv*: изображение архангела в рост, слева фрагмент колончатой надписи **ОАГІО**. Буллы оттиснуты матрицами № 182 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 27 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38832-3.
Изд.: Янин, Гайдуков 1998а: 137, № 182-3.

2) *Д.*: 24–25 мм. *В.*: 12,06 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 209; Янин, Гайдуков 1998а: 137, № 182-4.

В. Л. Янин, располагавший экземпляром печати плохой сохранности, полагал, что на печати изображен архангел Михаил, и атрибутировал буллу великому князю Роману Ростиславичу (†1180), носившему в крещении имя Борис Михайлович (Янин 1970, т. 1: 93). Мы предлагали читать фрагмент надписи, размещенный на реверсе слева от архангела, как (**Г**)**АВ** и предположили, что на печати помещено изображение архангела Гавриила (Белецкий, Петренко 1994: 209). По-видимому, в чтении надписи на реверсе, все-таки, прав В. Л. Янин, и слева от архангела читается, аналогично надписи на аверсе, формула **ОАГІО**. Вопрос об владельце печати, таким образом, остается открытым. Датировать ее можно в пределах второй половины XII — начала XIII в.

№ 48. *Av*: изображение архангела Гавриила в рост, по сторонам зеркальные колончатые надписи (**А**)**РХІСТ**(**Р**)**АТ** (**Г**)**АВРИЛ**. *Rv*: изображение св. Димитрия Солунского в рост с копьем и щитом, по сторонам зеркальные колончатые надписи **ОАГИОС ДОМИТРИ**. Булла оттиснута матрицами № 196 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 21–22 мм. *В.*: 7,48 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. Л-XV; гл. +40. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/417.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 222; Кирпичников, Белецкий 2009: 29.

В. Л. Янин полагает, что печать могла принадлежать князю Святославу Всеволодичу (†1252).

№ 49. *Av*: изображение св. Феодора на коне, влево, по сторонам остатки надписей. Ободок не прослежен. *Rv*: изображение св. Феодора в рост, по сторонам остатки колончатых надписей **ОАГ**(**ІО**) **ѲЄ**(**ОДОРЪ**). Ободок точечный. Булла оттиснута матрицами № 206 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 18 мм. *В.*: 5,26 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 209, рис. 28; Янин, Гайдуков 1998а: 141, № 206-4.

В. Л. Янин полагает, что печать могла принадлежать князю Мстиславу Мстиславичу Удатному (†1228).

№ 50. *Av*: изображение св. Феодора в рост, по сторонам следы колончатых надписей. *Rv*: изображение св. Димитрия в рост, по сторонам следы колончатых надписей. Булла оттиснута матрицами № 206а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 23 мм (фрагм.). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38857-6.
Изд.: Янин, Гайдуков 1998а: 141, № 206а-4.

В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков полагают, что печать могла принадлежать князю Ярославу Всеволодичу (†1246).

№ 51. *Av*: изображение св. Василия Кесарийского в рост. По сторонам зеркальные колончатые надписи **ВАСИЛЄЄ**. *Rv*: изображение св. Никиты с крестом в правой руке. У левой ноги святого изображена маленькая фигурка «беса». По сторонам колончатые надписи: (**Н**)**ИКИТА**, буквы **К** и **А** вырезаны без учета на оттиск. Булла оттиснута матрицами № 230б по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 22–23 мм. *В.*: 6,05 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. Л-XIX, гл. +57. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1362.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 277–278; Кирпичников, Белецкий 2009: 28.

В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков оставили эту печать среди неприуроченных.

№ 52. *Av*: погрудное изображение св. Петра с крестом у левого плеча. Слева колончатая надпись: **ПЄТРЪ**. Нимб линейный. Ободок точечный. *Rv*: погрудное изображение св. Георгия с копьем у правого плеча. По сторонам колончатые надписи: **ГЄѺРГИ**. Нимб и ободок точечные. Буллы оттиснуты матрицами № 231бб по Корпусу актовых печатей Древней Руси (первоначально были зарегистрированы под № 280).

1) *Д.*: 22–24 мм. *В.*: 8,54 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. К-XVIII, гл. +48. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1488.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 275; Кирпичников, Белецкий 2009: 27.

2) *Д.*: 21–23 мм. *В.*: 9, 48 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, отвал. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1223.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 275; Кирпичников, Белецкий 2009: 27.

В. Л. Янин оставил печать среди неприуроченных. Изображения святых погрудные, что для печатей разряда VI/1 является архаичным признаком. В то же время слово **АГИѺС** перед именами святых отсутствует, что является признаком сравнительно позднего (в рамках XII–XIII вв.) времени.

№ 53. *Av*: изображение Св. Давида на коне, влево, слева надпись в три строки **А ДЪ ЦРЪ**, буквы в третьей строке под титлом. Ободок точечный. *Rv*: изображение св. Иоанна Предтечи в рост по сторонам колончатые надписи **ѺАГИѺС ИѺАНЪ ПРТ**. Ободок точечный. Булла оттиснута матрицами № 232 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 25–27 мм. *В.*:12,95 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: ОАВЕС, инв. № 1005/1.
Изд.: ЛСА: табл. LII, *6*; Лихачёв 1928: 82, рис. 39; Янин 1970, т. 1: 212, № 232; Белецкий, Петренко 1994: 207–208, рис. 24.

В. Л. Янин оставил эту печать среди неприуроченных.

№ 54. *Av*: изображение св. Димитрия в рост, по сторонам колончатые надписи **ДИМИТРІ**. Следы точечного ободка. *Rv*: изображение св. Игнатия в рост, по сторонам колончатые надписи **ІГНАТИ**. Следы точечного ободка. Булла оттиснута матрицами № 233а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 24–25 мм. *В.*: 8,1 г (фрагм., не менее 8,5 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38814. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 209–210, рис. 30; Янин, Гайдуков 1998а: 145, № 233а.

В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков оставили эту печать среди неприуроченных.

№ 55. *Av*: изображение св. Павла на престоле. По сторонам колончатые надписи: **ОАГІОС ПАѴЛОС**. *Rv*: изображение св. Иоанна Богослова в рост с кодексом в левой руке. Правая рука в жесте благословения. По сторонам колончатые надписи: **О (ІѠ ѲЄ)ЛОГОС**. Булла оттиснута матрицами № 235 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 23–24 мм. *В.*: 9,39 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XV, гл. +45. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1637.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 278; Кирпичников, Белецкий 2009: 28.

В. Л. Янин оставил эту печать среди неприуроченных.

№ 56. *Av*: Изображение св. Иоанна Предтечи в рост по сторонам надписи **ІѠ ПРТ**, буквы **ПР** представлены лигатурой, буквы **ІѠ** под титлом. *Rv*: изображение св. Симеона Столпника, по сторонам буквы **СМН(Є)ЄЪ**, составляющие при построчном чтении имя **СЄМЄНЪ**. Булла оттиснута матрицами № 237 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 20–23 мм. *В.*: 9,66 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: ОН, № 268. *Изд.*: ЛСА: табл. XLII, *16*; Янин 1970, т. 1: № 237; Белецкий, Петренко 1994: 208, рис. 25.

В. Л. Янин оставил эту печать среди неприуроченных.

№ 57. *Av*: изображение св. Иоанна Предтечи в рост, по сторонам фрагменты колончатых надписей **(А)ІѠ (ОД)ПР**. Буквы **ПР** в виде лигатуры. Следы точечного ободка. *Rv*: изображение св. Симеона столпника, по сторонам фрагменты сильно стертых колончатых надписей **СМ АГИѠ**. Буквы ГИ в правой колонке в виде лигатуры. Следы точечного ободка. Булла оттиснута матрицами № 237а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д: 19–21 мм. *В*: 7,01 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. Р-XVII, гл. +65. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/257.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 301.

В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков оставили эту печать среди неприуроченных.

№ 58. *Av*: изображение архангела Гавриила (?) в рост, по сторонам фрагменты колончатых надписей **Г(...Р?И?)Л**. Ободок линейный. *Rv*: изображение св. Георгия в рост, по сторонам колончатые надписи **ГЄРГИО**. Ободок линейный. Буквы надписей вырезаны на матрицах без учета на оттиск. Буллы оттиснуты матрицами № 249 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 26–27 мм. *В.*: 11,31 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: ОН, № 275. *Изд.*: ЛСА: табл. XLI, *4*; Янин 1970, т. 1: № 249; Белецкий, Петренко 1994: 208, рис. 26.

2) *Д*: 25–30 мм. *В*: 13,12 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. П-XIX, гл. +104. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 38.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 303.

В. Л. Янин полагает, что владельцем печати мог быть один из князей второй половины XII — начала XIII в. (Янин 1970, т. 1: 130, 131).

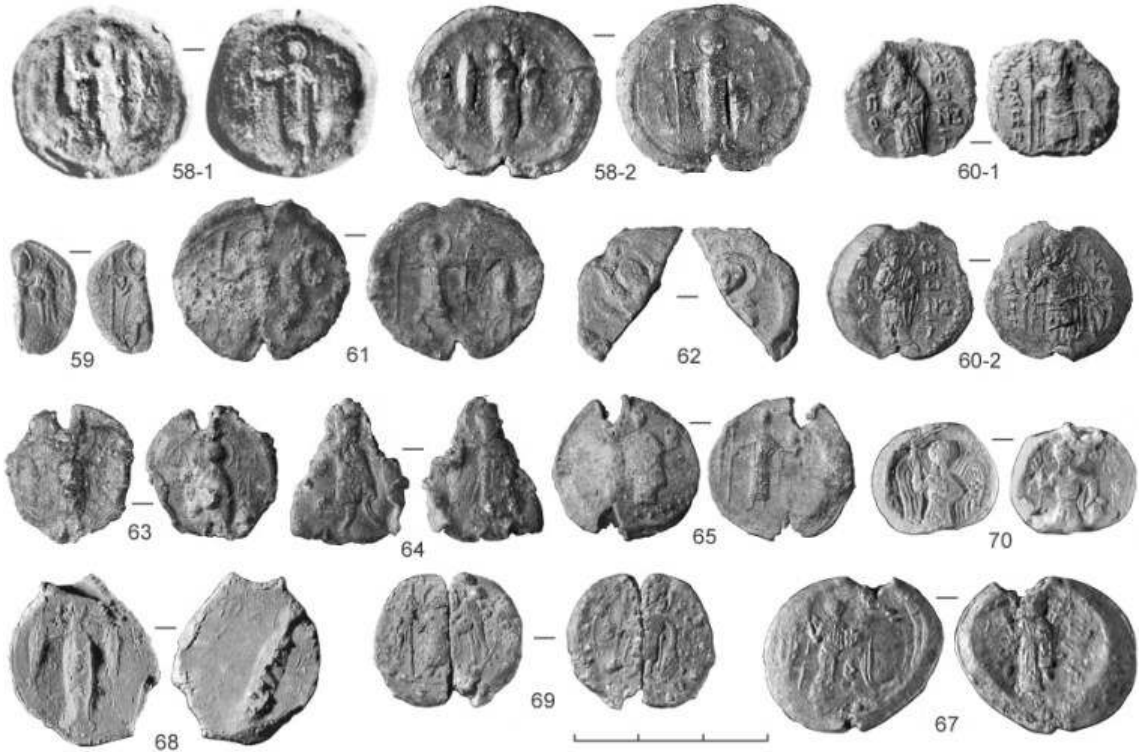


Рис. 8.7. Печати. Разряд VI/1 (58–65, 67–70)

№ 59. *Av*: изображение архангела Гавриила в рост, справа плохо читаемая колончатая надпись (**г**)**авр**. *Rv*: изображение святого воина в рост, слева фрагмент надписи **ѳаги**, буквы **ги** составляют лигатуру. Булла оттиснута матрицами № 254б по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 17 мм. *В.*: 2,20 г (фрагм., не менее 4,5 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1973 г. *Хр.*: СЛМ, № 96562/А-18657. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 208, рис. 27; Янин, Гайдуков 1998а: 147, № 254б. *Уп.*: Белецкий 1997: 15.

В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков оставили эту печать среди неприуроченных.

№ 60. *Av*: изображение св. Симеона Исповедника в рост, по сторонам колончатые надписи (**ѳ**)**агіос сумеѡнъ**, ободок точечный. *Rv*: изображение св. Никиты в рост, в правой руке копье, левой опирается на щит, по сторонам колончатые надписи **ѳагіо н**(**и**)**к**(**и**)**т**(**а**). Буллы оттиснуты матрицами № 263д по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 17–20 мм. *В.*: 6,02 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38759-9. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 210, рис. 31; Янин, Гайдуков 1998а: 148, № 263д.

2) *Д.*: 22 мм. *В.*: 7 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. О-XIX; гл. +49. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2007/68.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 221; Кирпичников, Белецкий 2009: 28–29.

В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков оставили эту печать среди неприуроченных.

№ 61. *Av*: изображение святого всадника влево с мечом в правой руке. Над шеей коня буква **к**, вырезанная без учета на оттиск, слева от меча плохо читающаяся

буква **ѧ**. Буквы над крупом коня, известные по другим экземплярам печати, на публикуемой булле не читаются. *Rv*: изображение св. Феодора Стратилата в композиции «Чудо о змие». Над головой коня фрагмент надписи **ѳєд(оръ)**. Булла оттиснута матрицами № 375 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 26–28 мм. *В.*: 10,86 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, верхний слой. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/9. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 280; Кирпичников, Белецкий 2009: 30.

Н. П. Лихачёв восстанавливал надпись на левой половине лицевой стороны печати как Алехндр: «Принимая **х** за **ѯ** мы имеем полное имя св. Александра. Св. Александр, воин, мученик египетский, празднуется 9 июля» (Лихачёв 1928: 24). Букву **к** над шеей коня исследователь не комментировал. Позднее, в описании печати, воспроизведенной на табл. XXIX, *2* «Сфрагистического альбома» (= № 375-2 Корпуса), Н. П. Лихачёв отмечал: «Соблазнительно видеть перед **к** буквы **ѧл**, и перед **д** букву **н**, что дало бы гипотетическое чтение имени Александра» (ЛСА: 303).

В. Л. Янин также считал, что на лицевой стороне печати изображен святой Александр. В левой половине буллы исследователь читал буквы **ѧндр** и, с учетом буквы **к** над шеей коня, уверенно восстанавливал имя изображенного на печати святого всадника — «Александр» (Янин 1970, т. 2: 7).

Реконструкцию надписи, предложенную Н. П. Лихачёвым, поддержал В. К. Зиборов. Опираясь на фрагмент буллы, приобретенной им на петербургском антикварном рынке, исследователь утверждал: «Новый экземпляр, представленный левой половинкой, имеет только надпись имени. Сохранность букв разная: буква **ѧ** видна отчетливо, вторая буква **л** — лишь фрагментарно, в начале третьей строки, хотя и фрагментарно, читается буква **є**, которая учеными не отмечалась, далее лишь фрагментарно сохранилась буква **д** и концевая буква **р** в зеркальном изображении. Таким образом, экземпляр дает нам только одну новую деталь — букву **є**, да и то при плохой сохранности печатей этой разновидности предложенное прочтение весьма предположительно» (Зиборов 1995: 146–147). В целом В. К. Зиборов восстанавливает левую часть надписи как «**ѧлєдр**» (Там же: 147). Зеркальное изображение буквы **к** над шеей коня он рассматривал (ссылаясь на устно высказанное мнение М. П. Сотниковой) «как изобразительный элемент, например, прапор» (Там же: 147). Правда, после публикации фотографии этого экземпляра печати (Янин, Гайдуков 1998а: 384, табл. 126, № 375-21) стало очевидным, что сохранность буллы слишком плохая, чтобы вообще можно было уверенно читать какие-либо буквы надписи.

Хотя сохранность ладожского экземпляра печати оставляет желать лучшего и ничего нового к прочтению надписи на лицевой стороне печати не добавляет, полагаем, что верная реконструкция надписи на лицевой стороне печати этого типа была предложена Н. П. Лихачёвым. Действительно, на экземпляре № 375-2 над левой ногой коня отчетливо просматривается буква **ѧ**, вырезанная без учета на оттиск, а перед мордой коня не менее отчетливо читается буква **л**. Эти буквы на прорисовке печати в Корпусе актовых печатей Древней Руси не обозначены (Янин 1970, т. 2: 157). С учетом того, что над головой коня правее буквы **к** угадывается фрагмент буквы **є** (Там же), надпись в целом может быть восстановлена как «**ѧлєк[с]андр**».

На оборотной стороне печати типа № 375 помещено изображение св. Феодора Стратилата в композиции «Чудо о змие». Именно такое изображение помещено

на печати № 368 Корпуса, персонифицированной В. Л. Яниным князю Ярославу-Фёдору Всеволодичу, отцу Александра Невского (Там же: 16–21). Сочетание на печати № 375 изображений св. Александра и св. Феодора свидетельствует о том, что владельца печати в крещении звали Александром Фёдоровичем или Фёдором Александровичем. С учетом же того, что на печати № 375 помещено, как и на печати Ярослава Всеволодича, именно изображение св. Феодора в композиции «Чудо о змие», атрибуция печати № 375 Александру Ярославичу-Фёдоровичу оказывается весьма вероятной (Белецкий 2015: 22–28).

№ 62. *Av*: в площади сохранившейся части буллы читается схематичное изображение головы святого в линейном нимбе. *Rv*: в площади сохранившейся части буллы читается схематичное изображение головы святого в линейном нимбе. Хотя печать сохранилась крайне плохо, она, как будто бы, оттиснута матрицами № 382 по Корпусу актовых печатей Древней Руси. Если это так, то на одной из сторон печати помещено изображение св. Афанасия, а на другой стороне — изображение св. Феодора.

Д.: более 24 мм. *В.*: 4,11 г (не менее 12 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, отвал. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1475.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 279; Кирпичников, Белецкий 2009: 30.

Две буллы от этой пары матриц сохранились при договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262/63 г. (ГВНП: № 29). По мнению В. Л. Янина (Янин 1970, т. 2: 159), печать принадлежала князю Ярославу Ярославичу (†1271).

№ 63. *Av*: схематичное изображение св. Тимофея (?) в рост с мученическим крестом в руках. По сторонам плохо читающиеся колончатые надписи **АГИОС (ТІ) МО(ѲЄИ)**. *Rv*: схематичное изображение св. Георгия (?) в длинных одеждах в рост. По сторонам плохо читающиеся колончатые надписи **А(Г)И(О)С ГЄОРГ(ИІ)**. Печать оттиснута неизвестной парой матриц.

Д.: 20–21 мм. *В.*: 6,59 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XVIII, гл. +77. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/489.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 278; Кирпичников, Белецкий 2009: 29.

Поверхность буллы сильно попорчена коррозией. Если мы верно восстановили надписи, то на лицевой стороне печати помещено, вероятнее всего, изображение святого Тимофея Газского, а на оборотной стороне — святого Георгия, возможно — митрополита Митиленского. Впрочем, уверенности в прочтении надписей нет, так что решение вопроса об изображенных на печати святых следует оставить до обнаружения более сохранных экземпляров. Схематичность изображений святых на печати позволяет предположительно датировать буллу XIII в.

№ 64. *Av*: изображение святого воина, опирающегося левой рукой о щит. *Rv*: изображение святого в длинных орнаментированных одеждах (архангел?). Печать оттиснута неизвестной парой матриц.

Д.: более 22 мм. *В.*: 4,47 г (фрагм., не менее 13 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XIX, гл. +98. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/284. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 279; Кирпичников, Белецкий 2009: 29.

№ 65. *Av*: изображение святителя в рост, благословляющего правой рукой и с кодексом в левой. Фрагмент точечного ободка. *Rv*: изображение архангела в рост с жезлом в правой руке и сферой в левой. Фрагмент точечного ободка. Печать оттиснута неизвестной парой матриц.

Д.: 23–24 мм. *В.*: 6,77 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. Л-XIV, гл. +56. *Хр.*: СЛМ, Инв. №: САЭ-2006/1527. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 279; Кирпичников, Белецкий 2009: 29.

№ 66 (рис. 8.6)**.** *Av*: изображение святого в рост, слева фрагментарно сохранившаяся колончатая надпись **ѻаг(іѻ)**. *Rv*: изображение архангела Михаила (?) в рост, справа буква **х**. Печать оттиснута неизвестной парой матриц, близка № 182 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 19 мм. *В.*: 3,23 г (фрагм., не менее 6,5–7 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. Р-XIV, гл. +80. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 75. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 301.

№ 67. *Av*: изображение архангела в рост. *Rv*: изображение святого (святителя?) в рост с крестом над левым плечом, благословляющего правой рукой и держащего в левой руке свиток, по сторонам фрагменты колончатых надписей **ѻ**(…). Печать оттиснута неизвестной парой матриц, близка № 160 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 24–28 мм. *В.*: 10,80 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. С-XV, гл. +37. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 600. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 303.

№ 68. *Av*: изображение архангела в рост. *Rv*: изображение святого (св. Николая Мирликийского ?) в рост, по сторонам фрагменты колончатых надписей **а (н?)ік(ѻ?)**. Печать оттиснута неизвестной парой матриц.

Д.: 22–26 мм. *В.*: 9,21 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв.С-XVIII, гл. +69. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 89. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 303.

№ 69. *Av*: изображение архангела в рост в линейном ободке. *Rv*: изображение святого воина в рост в линейном ободке. Справа от нимба, как будто бы, читается буква **ѻ** (?), у правого плеча буква **г** (?). Печать оттиснута неизвестной парой матриц.

Д.: 21–23 мм. *В.*: 7,21 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. Р-XIX, гл. +77. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 96. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 303.

№ 70. *Av*: изображение архангела Михаила в рост, над левым крылом не полностью оттиснувшаяся буква **м**, рядом с правым крылом буквы **ил**. Надпись вырезана на матрице без учета на оттиск. *Rv*: изображение святого воина в рост, справа отчетливо читающаяся колончатая надпись **фор**. Слева у нимба фрагмент точечного ободка. Заманчиво прочитать надпись как (**христо**)**фор**. В таком случае

на печати изображен святой мученик Христофор Никомедийский (память 19 апреля). Печать оттиснута неизвестной парой матриц.

Д.: 16–19 мм. *В.*: 8,86 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. Т-XVIII, +63. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 122. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 303.

Печати разряда VI/1 относятся к одному из самых представительных сфрагистических разрядов Руси: в настоящее время известно более 700 булл, оттиснутых более чем двумя сотнями пар матриц. География распространения находок охватывает всю территорию древнерусского государства — от Белоозера и Ладоги на севере до Крыма на юге и от Владимира Волынского на западе до Поволжья на востоке. Печати этого разряда связаны с деятельностью русских князей XII–XIV вв.: принципиальная атрибуция разряда была установлена Н. П. Лихачёвым, и он же убедительно показал, что изображения святых на печатях передают крестильные имена владельца печати и его отца (Лихачёв 1928: 52–53), то есть крестильные имя и отчество князя.

Процедура установления владельцев печатей разряда VI/1 справедливо уподобляется в литературе «раскладыванию небывалого пасьянса» (Янин 1970, т. 1: 89), когда приходится учитывать многие факторы: крестильные имена князей и их отцов, количество найденных оттисков от одних и тех же пар матриц, географию находок печатей, технические и стилистические особенности булл и пр. Однако предлагавшиеся в литературе опыты персонификации для подавляющего большинства печатей разряда VI/1 пока остаются, все-таки, сугубо гипотетическими. Дело в том, что основной опорой для персонификации печатей разряда VI/1 традиционно являются «сведения о хронологии новгородского княжения, о времени, которое в общей сложности каждый князь занимал на новгородском столе, и о достоверно известных по показаниям различных письменных источников христианских именах и отчествах новгородских князей» (Там же: 90). В этом нет ничего удивительного: подавляющее большинство известных в настоящее время печатей этого разряда происходит из Новгорода, точнее — с Новгородского городища. С учетом же широко распространенного мнения, согласно которому «место находки печати булл в подавляющем большинстве случаев совпадает с местом ее применения при документе» (Там же: 157), естественно желание a priori считать большинство новгородских по происхождению печатей принадлежащими лицам, непосредственно связанным в своей деятельности именно с Новгородом.

Однако большинство сфрагистических находок из Новгорода происходит с Городища, что связывает буллы с документами, хранившимися в городищенском архиве или в домах представителей высшей знати, проживавших на Городище.[1] Об источниках поступления документов «на вечное хранение» в городищенский архив можно только догадываться. Безусловно, какая-то часть документов из этого архива могла быть скреплена печатями в самом Новгороде, но весьма вероятно, что многочисленные документы поступали в архив извне (Белецкий 2001б: 120–127).

[1] Какие-то из печатей, найденных на берегах Сиверсова канала, могли скреплять документы, хранившиеся в домах представителей высшей знати, проживавших на Городище, однако эти находки в количественном отношении явно уступают печатям, скреплявшим документы из городищенского архива.

Следовательно, вряд ли правомерно использовать в качестве опорных сведений для персонификации печатей список только новгородских князей: в расчет необходимо принимать все известные сведения о представителях княжеских родов на Руси. При этом следует учитывать князей не только XII — первой трети XIII в., но и представителей княжеских родов более позднего времени: традиция использования русскими князьями печатей с изображениями святых на обеих сторонах прослеживается на протяжении всего XIII в. и даже в начале XIV в., что надежно зафиксировано буллами, сохранившимися при подлинных актах.

Соглашаясь со смысловым значением изображений на печатях разряда VI/1 — христианские имя и отчество владельца — мы неизбежно вынуждены признать эти печати в качестве эквивалента личной подписи владельца. При этом оказывается, что на печатях не остается места для символики, указывающей на властные полномочия держателя буллотирия. Иными словами, печати с изображениями святых на обеих сторонах лишены изобразительного символа, указывающего на юридические полномочия владельца печати. Действительно, принимая за лицевую сторону буллы ту ее сторону, на которой помещено изображение святого, тезоименитого владельцу печати, мы лишь определяем «начало подписи», «окончание» которой, фиксирующее «отчество» владельца, перенесено на оборотную сторону. Такое оформление является свидетельством неофициального характера печатей разряда VI/1 (Белецкий 1990: 10–14). И, следовательно, эти печати не принадлежали к числу юридических регалий русских князей, а являлись их личными печатями, предназначенными, в первую очередь, для частной (неофициальной) переписки, следы которой дошли до нас в виде скрытых цитат, включенных в погодные статьи летописи (Рыбаков 1963: 319–334).

Сказанное противоречит широко распространенному мнению, согласно которому печатью с изображениями святых на обеих сторонах скреплялись частные акты. Утверждение последних, по мнению В. Л. Янина, входило в полномочия новгородского князя после событий 1136 г. (Янин 1962а: 81; 1970, т. 1: 156–159; см. также: Подвигина 1976: 116–117). Однако напомню, что в основе вывода о перераспределении после 1136 г. полномочий между князем и республиканскими властями Новгорода лежит гипотеза о расцвете в Новгороде с 1130-х гг. института княжеской печати при одновременном затухании этой традиции в других центрах и областях Руси. (Янин 1962а: 81; 1970, т. 1: 156–159). Гипотеза же эта обосновывается признанием печатей, составивших комплекс сфрагистических находок на Рюриковом городище, новгородскими по происхождению.

Изложенное, казалось бы, вступает в противоречие с употреблением печатей разряда VI/1 при договорных грамотах князей с Новгородом и грамотах «за рубеж». Однако это противоречие мнимое. При договоре Новгорода с князем, в частности, «печать князя является необходимой принадлежностью как выражение его согласия на выраженные в тексте условия» (Лихачёв 1928: 39). Если считать, что личная печать князя, синонимичная его подписи, являлась при договоре лишь «выражением согласия», то противоречие снимается.

Разряд VI/2: Святой — легенда (рис. 8.8)

№ 71. *Av*: погрудное изображение св. Василия Кесарийского, по сторонам от изображения колончатые надписи ⟨αγιοσ Βασιλῖ⟩. Нимб линейный. Ободок

из частых, слившихся в линию точек. *Rv*: надпись в шесть строк + Κ(υρι)ε β(οη)θ τω σω δ(ο)υ(λω) Βασιλιω Βλαδιμερ τω Μονο[μ]αχ. Ободок состоит из частых, слившихся в линию точек. Булла оттиснута матрицами № 25а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 25–29 мм. *В.*: 16,57 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. М-XVII; гл. +30. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/183. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 222; Кирпичников, Белецкий 2009: 31.

По мнению В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова, печать принадлежала Владимиру-Василию Всеволодичу Мономаху (†1125).

№ 72. *Av*: изображение св. Василия Кесарийского погрудно, по сторонам надписи οΒασιλισ. Ободок точечный. *Rv*: греческая надпись в четыре строки Κ(υρι)ε βοηθ (ει) τω σω δ(ο)ύλω Βασιλειω. Ободок точечный. Булла оттиснута матрицами № 38 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 28–29 мм. *В.*:16,98 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1957 г., кв. ОXVI, гл. –12, слой горизонта Г. *Хр.*: ОАВЕС, № ЛГ-342. *Изд.*: Янин 1970, т. 1: 173, № 38; Белецкий, Петренко 1994: 211, рис. 34.

В. Л. Янин полагает, что печать принадлежала Владимиру-Василию Всеволодичу Мономаху (†1125).

№ 73. *Av*: изображение архангела Михаила погрудно (поясное?), над крыльями буквы μ и χ. Ободок точечный. *Rv*: греческая надпись в пять строк Κ(υρι)ε βοηθ ε(ι) ησο υωη δωύλω Μηχ. Ободок точечный. Булла оттиснута матрицами № 37 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 23–27 мм. *В.*: 11,33 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1950 г., кв. Д13, гл. –22, из слоя над деревянным настилом горизонта Д (горизонт Г?). *Хр.*: ОАВЕС, № ЛС-2108. *Изд.*: Янин 1970, т. 1: 173, № 37; Белецкий, Петренко 1994: 210, рис. 33.

В. Л. Янин полагает, что печать принадлежала князю Святополку Изяславичу (†1113).

№ 74. *Av*: изображение св. Феодора в рост с копьем и щитом, по сторонам колончатые надписи οαγιο Θεοδωροσ. Ободок точечный. *Rv*: греческая надпись в пять строк +Πρωτοπροεδρον Ευ:σταθιον με σκεπε. Ободок точечный. Буллы оттиснуты матрицами № 72 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 19–21 мм. *В.*: 9,75 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1939 г., кв. 32, гл. –24, горизонт Г. *Хр.*: ОАВЕС, № 16/5648. *Изд.*: Янин 1970, т. 1: 182, № 72, 13; Белецкий, Петренко 1994: 212–213, рис. 36.

2) *Д.*: 21–22 мм. *В.*: 14,22 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XIX; гл. –2. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/2213. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 224; Кирпичников, Белецкий 2009: 31.

3) *Д.*: 19–22 мм. *В.*: 6,97 г (фрагм., не менее 9 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. О-XIII; гл. –5. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/1410. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 224; Кирпичников, Белецкий 2009: 31.

Существуют две точки зрения на персональную принадлежность этих печатей. По мнению В. Л. Янина, эти буллы, как и близкородственные им печати от матриц

№ 73, принадлежали новгородскому посаднику Завиду, отправлявшему должностные обязанности в годы первого княжения в Новгороде Мстислава Владимировича (1088–1094 гг.) — малолетнего сына Владимира Всеволодича Мономаха, будущего Мстислава Великого (Янин 1970, т. 1: 64–67). А. В. Куза полагал, что печати являлись атрибутами юрисдикции ближнего боярина великого киевского князя Всеволода Ярославича, отправлявшего обязанности дядьки-воспитателя вначале при младшем сыне Всеволода Ростиславе-Михаиле, а затем — при его старшем внуке (Куза 1977: 125; см. также: Белецкий, Петренко 1994: 214–217; Белецкий 2001б: 42–43). Но, вне зависимости от персонификации владельца, датировка печати протопроедра Евстафия не выходит за пределы конца XI — начала XII в.

№ 75. *Av*: изображение св. Иоанна Богослова, по сторонам колончатые надписи ο θολγοοιω, вырезанные на матрице без учета на оттиск. *Rv*: надпись в шесть строк αγνε σκεποησ με τον θυτην νωβογραδ. Печать близка № 53а–53б по Корпусу актовых печатей Древней Руси, но оттиснута иной парой матриц.

Д.: 24 мм. *В.*: 11,20 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. С-XVII, гл. +18. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 790.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 306.

Печать датируется концом XI или началом XII в. П. Г. Гайдуков и В. Л. Янин уверенно атрибуируют печати № 53а-53б новгородскому епископу Ивану Попьяну, занимавшему Софийскую кафедру в 1110–1130 гг. (Янин 1978: 47–56; Янин, Гайдуков 1998а: 28–29; 2000: 287). Правда, в тексте легенды владельцем печати назван непоименованный «пастырь новгородский», так что единственным основанием для предложенной персонификации является помещение на аверсе изображения св. Иоанна Богослова.

Если считать, что изображенный на аверсе печатей святой был тезоименит самому владыке, то владельцем печати действительно можно было бы считать епископа Ивана Попьяна. Но в этом случае оказывается, что принцип оформления печати новгородского епископа первой трети XII в. повторяет принцип оформления печатей киевского митрополита Георгия, занявшего святительскую кафедру почти за полстолетия до рукоположения новгородского епископа в сан. Это представляется маловероятным.

Полагаем, что анонимные печати «пастыря новгородского» с изображением на аверсе св. Иоанна Богослова были оформлены сходно с печатью киевского митрополита Ефрема. На аверсе последней помещено изображение святого (архангела Михаила?), тезоименитого не самому владельцу печати, а его сюзерену (вероятнее всего, константинопольскому патриарху Михаилу Кирулларию). Считая, что печати «пастыря новгородского» типологически повторяли печать митрополита Ефрема, следует признать, что изображение св. Иоанна Богослова должно было быть тезоименито не самому новгородскому владыке, а его сюзерену — киевскому митрополиту. В таком случае печати «пастыря новгородского» могли принадлежать (и, вероятнее всего, принадлежали) новгородскому епископу Герману (1078–1096 гг.), занимавшему Софийскую кафедру в период киевского святительства митрополита Иоанна II.

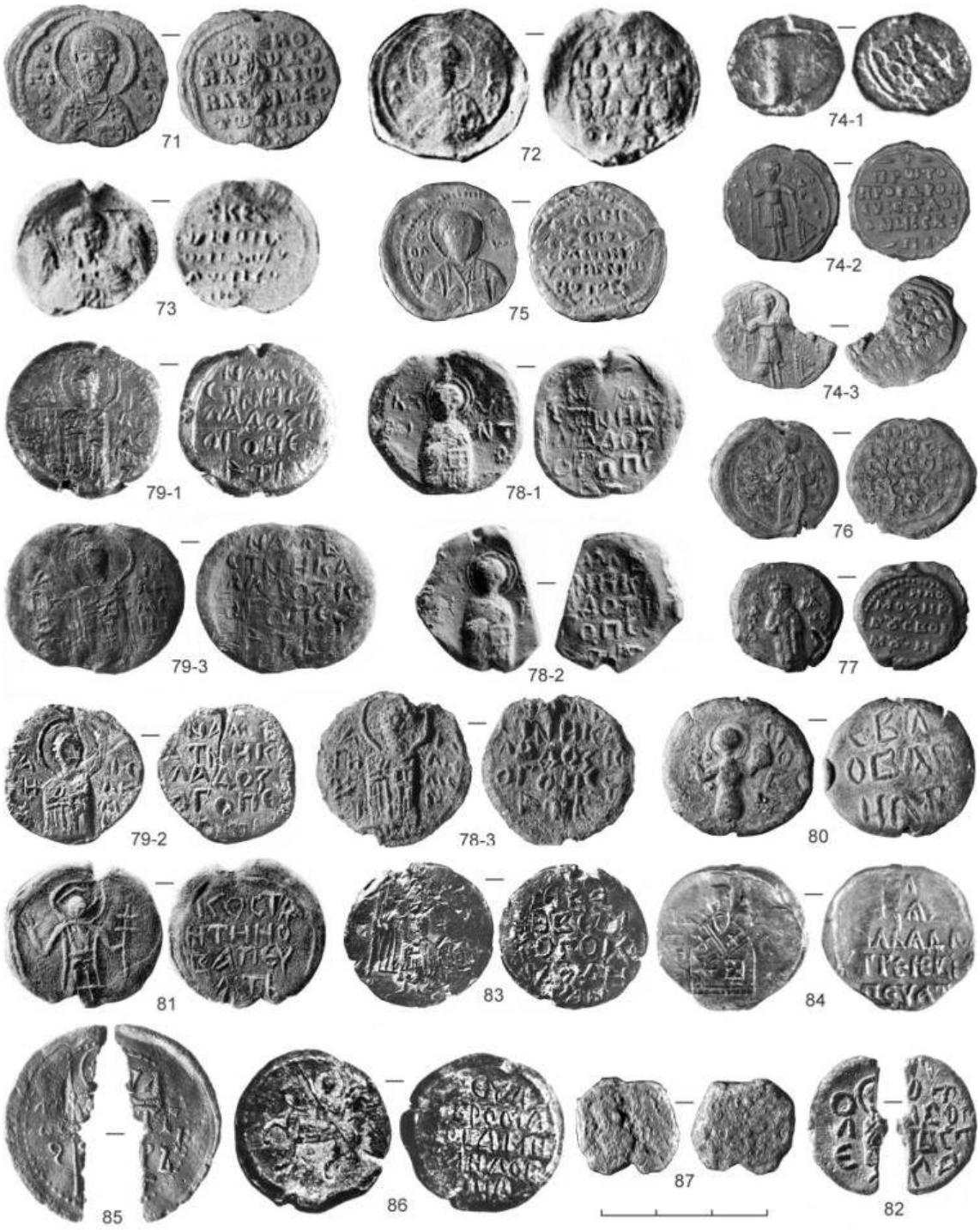


Рис. 8.8. Печати. Разряд VI/2

№ 76. *Av*: изображение св. Петра в рост, по сторонам плохо читающаяся надпись **ПЄТРА**. Ободок линейный. *Rv*: надпись в пять строк **Г(ОСПОД)И ПОМОЗІ РАБОУ СВОЄМОУ ПЄТРОУ**. Слово **Г(ОСПОД)И** в первой строке — в сокращении и под титлом. Ободок линейный. Булла оттиснута матрицами № 129 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 20–23 мм. *В.*: 8,96 г. *М. н.*: *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. Н-XVI; гл.: +39. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/278. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 225; Кирпичников, Белецкий 2009: 32.

№ 77. *Av*: изображение св. Иакова в рост. По сторонам изображения колончатые надписи: **оагіо(с) иѧко(въ)**. Ободок точечный. *Rv*: Надпись в пять строк: **г(оспод)и помози р(а)бу своѥму и(аковоу)**. Ободок точечный. Слово **г(оспод)и** в первой строке — в сокращении и под титлом. Булла оттиснута матрицами № 131 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 20 мм. *В.*: 10,47 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. К-XIII, гл. +50. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/520. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 282; Кирпичников, Белецкий 2009: 32.

Печати № 76 и 77 относятся к представительной группе древнерусских булл, несущих на реверсе благопожелательную кириллическую надпись, а на аверсе — изображение тезоименитого владельцу святого. Н. П. Лихачёв убедительно доказал, что эти печати, как и печати с греческой благопожелательной надписью и тезоименитым владельцу святым, принадлежали русским князьям XI — начала XII вв. (Лихачёв 1928: 103–154). В. Л. Янин полагает, что часть печатей данного разряда принадлежала князьям, а часть — новгородским посадникам (Янин 1970, т. 1: 71–73). Печать № 76, в частности, исследователь приписывает посаднику Петриле Микульчичу, находившемуся в степени в 1131–1134 гг. (Там же: 72). Однако разделение однородного сфрагистического разряда между двумя различными институтами власти представляется нам искусственным. Полагаем, что печать № 76 (вместе с другими печатями, несущими кириллическую благопожелательную надпись и изображение святого, тезоименитого владельцу) принадлежала одному из русских князей рубежа XI–XII — первой трети XII в.

№ 78. *Av*: изображение Св. Климента в рост, по сторонам надписи **климєнто**. *Rv*: надпись в пять строк **намѣстника ладозкого печать**. Буллы оттиснуты матрицами № 521 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 26–28 мм. *В.*: 11,31 г. *М. н.*: Новгород, до 1906 г. (возможно — Ладога). *Хр.*: ОН, № 514. *Изд.*: ЛСА, табл. XVI, *4*; Янин 1953: рис. 41, 1; Янин 1970, т. 2: № 521-1.

2) *Д.*: 27 мм. *В.*: 8,93 г. *М. н.*: Новгород до 1906 г. *Хр.*: ОН, № 515. *Изд.*: ЛСА: табл. XVI, *5*; Янин 1953: 112; Янин 1970, т. 2: № 521-2. Белецкий, Петренко 1994: 230.

3) *Д.*: 27 мм. *М. н.*: Торжок, Тверская обл., нижнее городище, раскоп 2002 г. *Хр.*: Всероссийский историко-этнографический музей (Торжок). *Не изд.* *Уп.*: Янин, Гайдуков 2003: 366, № 521-3.

№ 79. *Av*: св. Климент в рост с кодексом в левой руке, по сторонам **агіос климєнтъ**. *Rv*: та же матрица, что у № 78. Буллы оттиснуты матрицами № 520а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 29 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: неизвестно. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 230, рис. 38; Янин, Гайдуков 1998а: 186, № 520а-1.

2) *Д.*: 24–25 мм. *М. н.*: д. Бабино близ Старой Ладоги. *Хр.*: СЛМ, инв. № 95301/А-18239. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 186, № 520а-2; *Уп.*: Белецкий, Петренко 1994: 221, прим. 232.

3) *Д.*: 26–33 мм. *М. н.*: Новгород, 1996. Троицкий раскоп. *Хр.*: Новгородская экспедиция. *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 186, № 520а-3.

Н. П. Лихачёв полагал, что печать № 78 «по стилю и палеографическим признакам … домонгольского времени и с наибольшей вероятностью относится к исходу XII века или к началу XIII столетия, но не позже» (ЛСА: 188). В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков датировали печати № 78–79 временем святительства новгородского архиепископа Климента, то есть относили деятельность держателей буллотирия к последней четверти XIII в. (Янин 1970, т. 2: 66; Янин, Гайдуков 1998а: 80). Полагаем, в определении датировки печатей правы В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков, и печати № 78–79 принадлежали ладожским наместникам новгородского архиепископа Климента, занимавшего Софийскую кафедру в 1276–1299 гг.

№ 80. *Av*: изображение св. Иоанна Богослова в рост с кодексом в левой руке. Правая рука в жесте благословения. По сторонам фрагментарно сохранившаяся надпись: (**бог**)**ослов**(**ъ**). *Rv*: надпись в три строки **єва**(**н**)**ова п**(**є**)**чат**(**ь**). Булла оттиснута неизвестной парой матриц.

Д.: 25–28 мм. *В.*: 13,71 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. К-XVII, гл. +73. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/280. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 284; Кирпичников, Белецкий 2009: 32.

№ 81. *Av*: изображение св. Константина в рост в крестом в левой руке. Ободок линейный. *Rv*: надпись в четыре строки **костѧнтинова печать**. Ободок линейный. Булла оттиснута матрицами № 683 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 27 мм. *В.*: 10,84 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: ОН, № 595. *Изд.*: ЛСА: табл. XLIII, *11*; Янин 1970, т. 2: № 683; Белецкий, Петренко 1994: 217, рис. 37.

Аналогиями печатям № 80 и 81 являются хорошо известные печати с легендой, составленной по формуле «имя владельца + слово *печать*» на реверсе и изображением тезоименитого владельцу печати святого на аверсе. Таковы печати, оттиснутые матрицами № 681 и 682 Корпуса актовых печатей Древней Руси, датировка которых не выходит за пределы XIII–XIV вв. (Янин 1970, т. 2: 216–217). Первая из перечисленных булл сохранилась при грамоте Новгорода Риге 1303–1307 гг. Булла принадлежала новгородскому посаднику Андрею Климовичу, активная политическая деятельность которого началась в 1286 г. и продолжалась вплоть до гибели посадника (†10.02.1316). Печать № 682 Н. П. Лихачёв датировал началом XIII в. (ЛСА: 195), а В. Л. Янин — концом этого столетия (Янин 1970, т. 2: 117). Печать № 81 (№ 683 по Корпусу актовых печатей Древней Руси), по мнению Н. П. Лихачёва, следует датировать XIII или началом XIV в. (ЛСА: 405–406). В. Л. Янин полагает, что «правильнее относить ее к концу XIII — первой половине XIV в.» (Янин 1970, т. 2: 118). Полагаем, что печать № 80 следует с известной гипотетичностью датировать XIII — началом XIV в.

№ 82. *Av*: изображение св. Алексия в рост, слева колончатая надпись **оле** (**олексѣꙗ?**). *Rv*: надпись в пять строк (**печ**)**ат**(**ь нов**)**от**(**орь**)**ског**(**о нам**)**ѣс тн**(**ни**)**ка**. Булла оттиснута матрицами № 533а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 25 мм (вдоль канала). *В.*: 5,09 г (фрагм., не менее 10 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38993. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 221, рис. 39; Янин, Гайдуков 1998а: 189, № 533б.

Печать близка буллам № 532 и 533 Корпуса, но оттиснута другой парой матриц. Сходная булла, также оттиснутая иной парой матриц, найдена в г. Ржеве (Гайдуков, Малыгин 1989: 253, 254, рис. 5, *3*); изображение на аверсе этой буллы ближе к изображению на ладожской печати, чем к изображениям на печатях № 532 и 533. Все перечисленные печати принадлежали новоторжским наместникам новгородского архиепископа Алексия (1360–1388 гг.).

№ 83. *Av*: изображение св. воина в рост. *Rv*: надпись в пять строк **ПЄЧА(Т)Ь ВЄ(Л)-ИКОГО КНЯЗЯ И(В)АН(А)**. Булла оттиснута матрицами № 415 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 25–26 мм. *В.*: 9,31 г. *М. н.*: Старая Ладога. Расчистка 1994 г. у северного фасада ц. Георгия, перемешанный слой. *Хр.*: СЛМ. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 221, рис. 40; Белецкий, Милютенко 1995: 65; Янин, Гайдуков 1998а: 169, № 415-6.

№ 84. *Av*: изображение св. Василия погрудно, по сторонам слабо читающиеся остатки надписей **(С)ТЫИ В(А)С(ИЛЄИ)**. *Rv*: надпись в пять строк **(ВЄ)Л(ИК КН)ЯЗЯ (ВАСИ)ЛЬЯ ДМ(И)ТРЄЄВИ(ЧА) ПЄЧАТ(Ь)**. Булла оттиснута матрицами № 425 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 26–28 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: неизвестно. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 221, рис. 41; Янин, Гайдуков 1998а: 170, № 425-4.

Вместе с другими сходно оформленными буллами, происходящими из Новгорода, печати отнесены В. Л. Яниным к разряду именных великокняжеских печатей (Янин 1970, т. 2: 27–34). Комментируя печати, исследователь связывал их с деятельностью в Новгороде великокняжеских чиновников в ранге наместника: «Выступая от имени князя, а никак не от собственного имени, наместники скрепляли подлежащие их юрисдикции акты княжеской печатью... Новгородская наместничья булла по существу неотличима и неотделима от новгородской княжеской буллы» (Там же: 41).

Теоретически такая ситуация не исключена. Сходная картина фиксируется владычной сфрагистикой Новгорода на рубеже XIII–XIV вв., когда чиновники новгородского архиепископа пользовались так называемыми «именными владычными печатями» (Белецкий, Овсянников 1994: 173–179). Однако такая ситуация не стала традиционной: уже со второй четверти XIV в. широкое распространение получили чиновничьи печати с изображениями креста и Богоматери, а именные владычные печати вновь стали личной буллой новгородского архиепископа. Сами же великокняжеские печати, найденные в Новгороде, всем своим оформлением не отличаются от одновременных металлических великокняжеских печатей, употребление которых в делопроизводстве московской канцелярии великих князей сомнений не вызывает (Янин 1970, т. 2: 25–27, табл. 108; Соболева 1991: 147–149, № 2; 3; 6, *3*; 8, *2*; 9, *3*; 11, *2*; 12, *3*; 13, *4*; 17, *3*).

Однако оттиски великокняжеских печатей из Новгорода найдены не только в городищенском комплексе, но и в черте города, что предполагает распространение

в городских кварталах документов, скрепленных такими печатями. Это, казалось бы, подкрепляет атрибуцию разряда, предложенную В. Л. Яниным.

В этой связи любопытным представляется сравнение топографии находок пвеликокняжеских печатей из Новгорода с топографией находок печатей великокняжеских тиунов, деятельность которых в самом Новгороде у В. Л. Янина сомнений не вызывает. Подавляющее большинство печатей великокняжеских тиунов происходит с Городища либо топографически в пределах города не локализовано, но связь их с городищенским комплексом весьма вероятна. Вне Городища в Корпусе зафиксировано всего две буллы, одна из которых найдена в Новгородском Кремле. Иными словами, деятельность великокняжеских тиунов в Новгороде носила достаточно ограниченный характер: документы, скрепленные тиунской печатью, оседали, главным образом, в городищенском архиве, и, во всяком случае, не получили широкого распространения в домашних архивах новгородцев.

Если сказанное справедливо, то широкое распространение в городских кварталах документов, скрепленных печатью великокняжеских наместников, представляется проблематичным. Деятельность тиунов великого князя в Новгороде В. Л. Янин соотносит с судопроизводством по торговым делам, справедливо рассматривая эту группу чиновников как представителей «более низкой административной ступени, нежели княжеские наместники» (Янин 1970, т. 2: 42). Полагая, что документы, выданные от имени великокняжеского наместника, являлись документами более высокого правового статуса, мы вправе предположить, что эти документы должны были получить среди горожан меньшее распространение, нежели документы, утверждавшиеся чиновниками более низкого ранга. Для сравнения напомним, что, по подсчетам В. Л. Янина, 22 печатям новгородских посадников и 25 печатям новгородских тысяцких противопоставляются 106 печатей новгородских тиунов.

Таким образом, распространение в черте Новгорода великокняжеских печатей не является аргументом в пользу наместничьей принадлежности булл. Полагаем, что рассматриваемые печати следует расценивать в качестве именных великокняжеских печатей, скреплявших документы от лица самого князя. Иными словами, употребление рассматриваемых печатей в делопроизводстве требовало, на наш взгляд, личного участия великого князя в совершавшемся юридическом действии. Причины распространения в городских кварталах Новгорода документов, скрепленных великокняжеской печатью, еще предстоит выяснять. Что же касается ладожских булл, то печать № 83 может быть атрибутирована великому князю московскому Ивану Ивановичу Красному (Там же: 28, 29), а печать № 84 — великому князю московскому Василию I Дмитриевичу (Там же: 32, 33).

№ 85. *Av*: изображение святого воина (св. Георгий), слева надпись в три строки **ⷯⷀⷒⷭ**. Ободок точечный. *Rv*: надпись в четыре строки **(ⷫⷮ)ⷱⷯ(ⷻ ⷮ)ⷻⷻ(ⷺ ⷮⷀⷺ)ⷬⷯ**. Ободок точечный. Булла оттиснута матрицами № 768 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 36 мм. *В.*: 4,5 г (фрагм., не менее 9,5–10 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1974 г. *Хр.*: СЛМ, инв. № 96563/А-18658. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 224, рис. 42; Янин, Гайдуков 1998а: 218–219, № 768-2. *Уп.*: Белецкий 1997: 15.

В. Л. Янин датирует печать XV в. и атрибутирует ее новгородскому Юрьеву монастырю (Янин 1970, т. 2: 139). Новгородский экземпляр печати лучшей сохранности,

однако, благодаря фрагменту из Ладоги, удалось прочитать надпись на аверсе слева от изображения святого и уточнить размещение и начертание букв в правой части реверса.

№ 86. *Av*: святой всадник с копьем влево, справа надпись **ГЄОРГЄИ**. *Rv*: надпись в пять строк **ПЄЧАТЬ РОМАНОВА МИХАИЛОВОЧА**. Булла оттиснута матрицами № 436к по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 28–30 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Сотникова 1987: 167–168, рис.; Янин, Гайдуков 1998а: № 173, 436к-4.

В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков атрибутируют печать князю Роману Михайловичу Белозерскому († после 1339).

Разряд VII/1: два святых — святой (рис. 8.8)

№ 87. *Av*: сильно стерт, угадывается изображение двух святых (?) в рост (?). *Rv*: сильно стерт, угадывается изображение святого (?) в рост (?). Печать оттиснута неизвестной парой матриц.

Д: 15–17 мм. *В*: 5,72 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. С-XIV, +33. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 597.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 306.

Печати с изображениями двух святых на одной стороне принадлежат к числу редких сфрагистических типов. На них, как правило, изображались так называемые «парные святые» — свв. Борис и Глеб (Янин 1970, т. 1: № 156, 167, 207, 217), Петр и Павел (Там же: № 208), Козьма и Дамиан (Там же: № 231), Флор и Лавр (Там же: № 243). В. Л. Янин объединял эти печати с печатями разряда VI/1 и полагал, что изображения на печатях разряда VII/1, как и на печатях разряда VI/1, следует истолковывать как сведения о крестильных имени и отчества князя (Там же: 92–98).

Полагаем, что рассматривать изображения *двух святых* в качестве изобразительного символа *одного имени* методически некорректно. Действительно, почему, например, изображения свв. Бориса и Глеба следует истолковывать как указание на имя именно Борис (почему не Глеб?) или же на имя именно Глеб (почему не Борис?), а изображения свв. Петра и Павла как указание на имя именно Павел (почему не Петр?) или же на имя именно Петр (почему не Павел?). Зато на память сразу же приходят храмы и монастыри Борисоглебского, Петропавловского, Козьмодемьянского и проч. посвящения. Типологическое сходство печатей, несущих на аверсе изображения парных святых, с печатями разряда V/1 позволяет атрибутировать печати разряда VII/1 представителям храмов и монастырей соответствующего посвящения (Белецкий 2001б: 28).

Плохая сохранность печати из раскопок 2011 г. не позволяет делать какие-либо заключения о ее принадлежности. Отметим только, что булла может быть с известной осторожностью датирована XII–XIII вв.

Разряд VIII/1: Правитель — святой (рис. 8.9)

№ 88. *Av*: изображение всадника в короне с мечом в правой руке. *Rv*: изображение св. Фёдора в композиции «Чудо о змие». Печать оттиснута парой матриц № 376 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 24–29 мм. *В.*: 11,97 г. *М. н.*: Старая Ладога. Крепость. Раскопки 2008 г. Кв. Г-1, гл. –430. *Не изд.*

В первом выпуске «Материалов для истории византийской и русской сфрагистики» Н. П. Лихачёв осторожно обозначал группу печатей с изображением всадника и св. Феодора как «приписываемые в. кн. Александру Невскому» (Лихачёв 1928: 90–92) и в окончательной персонификации печатей Александру Невскому опирался, главным образом, на буллы, атрибутированные сыновьям Александра, Дмитрию и Даниилу (Там же: 92–96). В комментариях к таблицам сфрагистического альбома исследователь высказывался более определенно: «В данном случае мы имеем дело с печатями, принадлежащими великому князю Александру Ярославичу Невскому» (ЛСА: 303). В. Л. Янин также уверенно атрибутировал печать № 376 вместе с другими буллами, несущими изображения всадника и св. Фёдора, князю Александру Ярославичу (Янин 1970, т. 2: 7–8). С мнением Н. П. Лихачёва и В. Л. Янина были вполне солидарны А. Л. Хорошкевич (Хорошкевич 1995: 140–145) и В. К. Зиборов (Зиборов 1995: 146–150).

Печати, приписываемые Александру Невскому, распадаются на две группы: печати № 372–373 с изображениями св. Александра и св. Фёдора в рост (Янин 1970, т. 2: 157; Янин, Гайдуков 1998а: 161) и печати № 374–378в с изображением всадника и св. Фёдора Стратилата в композиции «Чудо о змии» (Янин 1970, т. 2: 157–158; Янин, Гайдуков 1998а: 463). Атрибутируя печати первой группы Александру Невскому, В. Л. Янин опирался на сочетание имен святых, соответствующих крестильным имени и отчеству князя — Александр Фёдорович (Янин 1970, т. 2: 8). В принципе такая персонификация не исключена.

Рассматривая печати второй группы, В. Л. Янин подчеркивал, что «буллы образуют чрезвычайно компактную группу», а «сочетание имен на этих печатях, обилие их вариантов и экземпляров делают безусловным вывод об их принадлежности великому князю Александру Ярославичу» (Янин 1970, т. 2: 8). Однако на всех печатях (кроме печати № 375 по Корпусу актовых печатей Древней Руси), имя рядом с изображением всадника отсутствует, так что «сочетание имен» не является аргументом в пользу принадлежности печатей Александру Ярославичу.

Заметим, что печати второй группы составляют не настолько компактную группу, как это принято считать. Изображение святого всадника помещено только на печатях № 375, 377 и 378в Корпуса. На остальных печатях помещены изображения светских всадников в короне. Считать, что корона и нимб могли быть взаимозаменяемыми изобразительными символами не приходится (ср.: Там же: 23), так что нет никаких оснований считать изображения этих всадников изображениями св. Александра.

Если прав В. Л. Янин (Там же: 23, 36–38), считавший, что изображение светского мечника в короне на рассматриваемых печатях являлось предшественником ездеца русского герба XV–XVII вв. и расценивалось современниками как изображение самого князя, загадка печатей № 374–378в Корпуса решается сравнительно просто: все эти печати относятся к типу так называемых «портретных» печатей, появившихся на Руси не позднее XI в. и существовавших вплоть до XVII столетия. Тип «портретной печати» в XI–XIII вв. характеризовался помещением на одной из сторон печати изображения святого, тезоименитого владельцу печати, а на другой стороне — изображения самого владельца печати либо изображения владельца печати,

сопровождавшееся легендой, содержащей имя владельца печати. Если рассматриваемые печати действительно относятся к типу портретных, они принадлежали не Александру Ярославичу, а его отцу, великому князю Ярославу Всеволодичу (†1246).

Разряд X/1: Легенда — легенда (рис. 8.9)

№ 89. *Av*: надпись в пять (?) строк (**т**)**иоу**(**н**)**а кн**(**аз**)**а вє**(**л**)**ико**(**го**). *Rv*: надпись в четыре строки **иванa м**(**ак**)**рьича**. Фрагмент точечного ободка. Булла оттиснута матрицами № 447 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 30–31 мм. *В.*: 10,64 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: ОН, № 457. *Изд.*: ЛСА: табл. LV, *13*; Янин 1970, т. 2: № 447; Белецкий, Петренко 1994: 226, рис. 45.

№ 90. *Av*: надпись в четыре строки (**печать вє**)**лик**(**ого**) **кнa**(**зя вa**)**си**(**лья**). *Rv*: надпись в три (?) строки **т**(**иоу**)**н**(**а**)**ои**(). Буллы оттиснуты матрицами № 441в по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 28 мм (вдоль канала). *В.*: 4,26 г (фрагм., не менее 9–10 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38721 (рис. 117). *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 226, рис. 46; Янин, Гайдуков 1998а: 174, № 441в.

№ 91 (без рис.)**.** *Av*: надпись в четыре (?) строки **п**()**є**()**вa**(). *Rv*: надпись в три (?) строки (**т**)**ио**(**ун**)**а м**(**оис**)**єя**. Возможно, булла оттиснута теми же матрицами, что и печать № 90.

Д.: фрагм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: СЛМ, инв. № КП-94117 (рис. 118). *Не изд. Уп.*: Белецкий, Петренко 1994: 227, прим. 23.
Фрагмент печати отвратительной сохранности. От надписи на аверсе сохранились почти нечитаемые следы нескольких букв. Крайне плохо читаются и фрагменты надписи на реверсе. Если буквы угаданы верно, а булла оттиснута теми же матрицами, что и печать № 90, то легенда может быть прочтена следующим образом: «Печать великого князя Василья тиоуна Моисея».

Печать № 89 В. Л. Янин отнес к «поздней группе печатей великокняжеских тиунов», а группу в целом датировал концом XIV — XV в. (Янин 1970, т. 2: 44, 45). Отметим, что печать № 89 почти наверняка оттиснута случайно сложившимся комплектом матриц: на это указывает различная каллиграфия букв в надписях на лицевой и оборотной сторонах буллы, различный рельеф надписей, наличие на оборотной стороне буллы стороне точечного ободка и отсутствие ободка на лицевой стороне.

Печать № 90 также оттиснута случайно сложившимся комплектом матриц: об этом свидетельствует высокий рельеф букв в надписи на лицевой стороне и низкий рельеф букв в надписи на оборотной стороне, а также различные размеры букв в надписях на лицевой и оборотной сторонах.

№ 92. *Av*: надпись в пять строк (**п**)**єчa**(**т**)**ь олє**(**к**)**сандрa фомінічa**. *Rv*: надпись в пять строк **посадніk**(**a**) **новгор**(**о**)**чкого**. Булла оттиснута матрицами № 589а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 26–28 мм. *В.*: 8,29 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38762. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 229, рис. 48; Янин, Гайдуков 1998а: 194, № 589а.

Рис. 8.9. Печати. Разряды VIII/1 (88), X/1 (89–90, 92–98)

По мнению В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова, печать принадлежала новгородскому посаднику Александру Фоминичу (†1421). Печати эпиграфического типа появляются в делопроизводстве высших боярских магистратов Новгорода в середине XIV в. и сохраняются на протяжении всей первой четверти XV в. (Янин 1970, т. 2: 198, 201–204; Янин, Гайдуков 1998а: 193–196).

№ 93. *Av*: надпись в четыре (?) строки (ВА)СІ(ЛЬ)ЄВА (ПЄЧАТЬ). *Rv*: надпись в четыре (?) строки Т(ИОҮ)НА Н(ОВЪ)Г(ОРОЧЬКОГО). Булла оттиснута матрицами № 617б по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: фрагм. *В.*: 1,81 г (не менее 7,0–7,5 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: СЛМ, инв. № 96565/А-18660. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 229, рис. 47; Янин, Гайдуков 1998а: 199, № 617б. *Уп.*: Белецкий 1997: 15.

Печать принадлежит к группе многочисленных тиунских печатей Новгорода XIV–XV вв. (Янин 1970, т. 2: № 615–667, 617а, 669а). Возможно, такие печати появляются уже в конце XIII в. (Там же: 110), однако вряд ли есть основания ограничивать верхний хронологический рубеж именно началом XV в. (Там же: 111) — вся первая четверть XV в. не исключена, так как тип новгородской чиновничьей буллы эпиграфического типа в делопроизводстве посадников и тысяцких сохраняется вплоть до конца первой четверти XV в.

№ 94. *Av*: надпись в четыре строки МИХАІЛО(ВА) ПЄЧАТЬ. *Rv*: надпись в три строки ФИЛІПОВІЧА. Печати оттиснуты матрицами № 680а по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

1) *Д.*: 28–29 мм. *В.*: 7,47 г (фрагм., не менее 10 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 38997 (рис. 20, *3*). *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 224, рис. 43; Янин, Гайдуков 1998а: 208, № 680а-1.

2) *Д.*: 28 мм. *В.*: 5,25 г (фрагм., не менее 10 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Новгородский музей, инв. № 68832-1 (рис. 20, *4*). *Изд.*: Янин, Гайдуков 1998а: 208, № 680а-2. *Уп.*: Белецкий, Петренко 1994: 224.

№ 95. *Av*: слабо угадываются следы трех букв — **ꙗ** во второй (?), **ч** в третьей (?) и **ь** в четвертой (?) строках. Если следы букв угаданы верно, то надпись на аверсе может быть реконструирована как (**дмит**)**ꙗ**(**иѧ пє**)**ч**(**ат**)**ь**. *Rv*: надпись в три (?) строки **ѳ**(**іші**)**м**(**оно**)**в**(**ічѧ**). Печать оттиснута неизвестной парой матриц.

Д.: 24 мм. *В.*: 3,91 г (фрагм., не менее 8 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: СЛМ. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 224, рис. 44. *Уп.*: Белецкий 1997: 15.

№ 96. *Av*: надпись в четыре строки (**є**)**рм**(**олы**) **пєч**(**ат**)**ь**. *Rv*: надпись в три (?) строки **кѧ**(**р**)**п**(**ов**)**и**(**чѧ**). Булла оттиснута матрицами № 673г по Корпусу актовых печатей Древней Руси. Реконструкцию надписей на аверсе и реверсе печати предложили В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков.

Д.: 24 мм (фрагм.). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1984 г. Раскоп 2, кв. 4, пл. 2, гл. -0,2 — -0,4. *Хр.*: СЛМ, инв. № 82951/А-16549. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 1997: 72–73, рис. 1; Янин, Гайдуков 1998а: № 673г. *Уп.*: Белецкий 1997: 15.

№ 97. *Av*: надпись в четыре строки **сменова печать**. *Rv*: надпись в три строки **климовича**. Булла оттиснута матрицами № 672 по Корпусу актовых печатей Древней Руси.

Д.: 28–30 мм. *В.*: 12,8 г. *М. н.*: Старая Ладога, подъемный материал на территории Земляного городища. Найдена в 2018 г. *Не изд.*

В. Л. Янин атрибутирует эту печать новгородскому посаднику Семену Климовичу, впервые упомянутому с посадничьим титулом в 1292 г. и избиравшемуся в посадники в 1312 и 1316 гг. (Янин 1970, т. 2: 113).

№ 98. *Av.*: многострочная надпись, от которой сохранились отдельные буквы трех строк **ф ѧ чѧ**. *Rv*: многострочная надпись, от которой сохранились отдельные буквы трех строк **и п с**. Булла оттиснута неизвестной парой матриц. Надпись на аверсе при известной доле воображения может быть реконструирована как (**мікі**)**ф**(**оров**)**ѧ** (**пє**)**чѧ**(**ть**). Надпись на реверсе реконструировать не удается, возможно, она содержала отчество владельца буллы.

Д.: 19 мм (не меньше 28–29 мм). *В.*: 2,6 г (не меньше 13–14 г). *М. н.*: Старая Ладога. Раскопки 1978 г., найдена в перекопе, нарушившем погр. 7 сопки 1 северной группы сопок в уроч. Победище. *Не изд. Уп.*: Петренко 1994: 125.

Печати № 94–98 относятся к группе именных новгородских печатей без обозначения должности. Наиболее ранняя из известных булл — это печать посадника Семена Климовича, скреплявшая договор Новгорода с Ригой, Любеком и Готским берегом 1300/01 г. (ГВНП: № 34, Янин 1970, т. 2: 214, № 672). В Ладоге эта печать представлена буллой № 97. Наиболее поздняя печать сохранилась при грамоте начала XV в. и принадлежала посаднику Иову Тимофеевичу (ГВНП: № 92; Янин 1970, т. 2: 216, № 679). Отсутствие упоминания Иова Тимофеевича в списках новгородских посадников позволило В. Л. Янину считать владельца печати № 679 Корпуса двинским

посадником (Там же: 116). Опираясь на эти атрибуции, В. А. Буров полагал, что весь сфрагистический разряд, оформленный двусторонними легендами, включающими имя и отчество держателя буллотирия, может быть соотнесен с двинскими посадниками (Буров 1977: 110, 111). Думается, однако, что атрибуция разряда конкретным территориальным представителям новгородской администрации в пределах Новгородской земли не так важна, как важен факт сосуществования во времени разнотипных чиновничьих печатей Новгорода: наряду с печатями, включающими в формулу легенды имя и отчество владельца (Янин 1970, т. 2: № 660а, 672–674, 676–680) среди новгородских печатей эпиграфического типа представлены буллы, содержащие в тексте легенды имя и титул владельца (Там же: № 595, 598, 615–667, 617а, 669а) либо имя, отчество и титул (Там же: № 584–589, 596, 597, 600–607). Сосуществование их зафиксировано скрепой Наказа 1374–1375 гг. (ГВНП: № 17).

Дефектные печати (рис. 8.10)

№ 99. *Av* и *Rv*: угадываются изображения фигур святых (?) в рост.

Д.: 25 мм. *В.*: 6,61 г (фрагм., не менее 14–15 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 229, рис. 49.

№ 100. Av и *Rv*: угадываются фрагменты букв нечитаемых многострочных надписей.

Д.: фрагм. (не менее 27–28 мм). *В.*: 3,29 г (не менее 12–13 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 230, рис. 50.

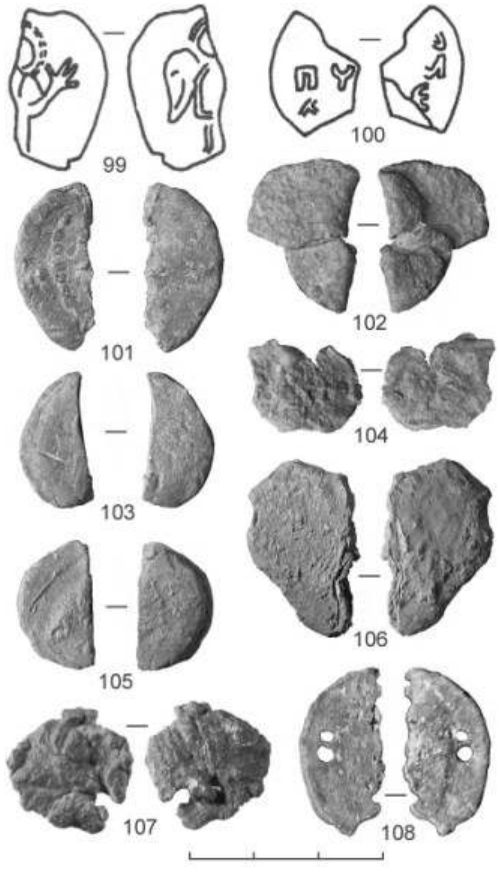


Рис. 8.10. Дефектные печати

№ 101. На одной из сторон печати прослежен фрагмент точечного ободка. Вторая сторона полностью стерта.

Д.: 26 мм. *В*: 3,76 г (не менее 7,0–7,5 г).
М. н.: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. Н-XIII, гл. +52.
Хр.: СЛМ, инв. № САЭ-2006/518.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 284; Кирпичников, Белецкий 2009: 33.

№ 102. Изображения и надписи практически полностью стерты.

Д.: более 21 мм. *В.*: 3,21 г. (не менее 8 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. Н-XV, гл. +51. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1022. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 284–285; Кирпичников, Белецкий 2009: 33.

№ 103. Изображения и надписи не читаются.

Д.: не менее 24 мм. *В.*: 6,74 г (не менее 8 г).
М. н.: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, отвал. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1333.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 285; Кирпичников, Белецкий 2009: 33.

№ 104. Изображения и надписи не читаются.

Д.: не менее 14–20 мм. *В.*: 3,69 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XVI, гл. +50. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1510. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 285; Кирпичников, Белецкий 2009: 33.

№ 105. Изображения и надписи не читаются.

Д.: 20–21 мм. *В.*: 8,79 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XVI; гл.: +24. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/453. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 225; Кирпичников, Белецкий 2009: 33.

№ 106. Изображения и надписи не читаются.

Д.: 25 мм. *В.*: 7,25 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XVII, гл.: +23. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/351. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 225; Кирпичников, Белецкий 2009: 33.

№ 107. Изображения и надписи не читаются.

Д.: 18–20 мм. *В.*: 6,33 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XII, гл.: +22. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/33. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 226; Кирпичников, Белецкий 2009: 33.

№ 108. Изображения и надписи не читаются.

Д.: 26 мм. *В.*: 2, 34 г (фрагм., не менее 6–7 г). *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: ИИМК. *Изд.*: Белецкий 1997: 15–16.

Заготовки для печатей (рис. 8.11)

№ 109. Заготовка фигурного сечения.

Д.: 20 мм. *В.*: 4,31 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1909–1913 гг. *Хр.*: ОАВЕС, инв. № 1358/38 (1). *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 243.

№ 110. Заготовка фигурного сечения.

Д.: 14 мм. *В.*: 3,34 г (фрагм., не менее 3,5 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1909–1913 гг. *Хр.*: ОАВЕС, инв. № 1358/38 (2). *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 243.

№ 111. Заготовка фигурного сечения.

Д.: 14 мм. *В.*: 3,51 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1909–1913 гг. *Хр.*: ОАВЕС, инв. № 1358/38 (3). *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 243.

№ 112. Заготовка линзовидная. Гурт острый. Сильно корродирована. На одной из сторон поверхность выкрошилась, так что угадывается диаметр канала — 1,5–2 мм.

Д.: 25 мм. *В.*: 10,59 г (не менее 11,0–11,5 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XVI, гл. +89. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/258. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 285; Кирпичников, Белецкий 2009: 33.

№ 113. Заготовка линзовидная. Гурт острый. Диаметр канала 1,5 мм.

Д.: 25 мм. *В.*: 16,52 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XVII, гл. +86. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/279. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 285; Кирпичников, Белецкий 2009: 33.

№ 114. Заготовка линзовидная (литейный брак). Гурт острый. При отливке заготовки литейная форма была не полностью заполнена свинцом, поэтому канал с одной из сторон остался частично открытым. Диаметр канала 1,5–2,0 мм.

Д.: 17–19 мм. *В.*: 6,38 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, верхний слой. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/15.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 285; Кирпичников, Белецкий 2009: 33.

№ 115. Заготовка линзовидная. Гурт острый. Диаметр канала 1,5–2,0 мм.

Д.: 19–20 мм. *В.*: 10,76 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. Л-XVI, гл. +69. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/470.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 285; Кирпичников, Белецкий 2009: 33.

№ 116. Заготовка уплощенная, со слабо выраженным валикообразным выступом под канал на одной из сторон. Валик канала на другой стороне сплющен в центральной части заготовки, прослежен фрагментарно. Диаметр канала 1,5–2,0 мм. Гурт округлый.

Д.: 20–21 мм. *В.*: 9,33 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XVIII, гл. +72. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/609.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 286; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 117. Заготовка линзовидная (литейный брак). Гурт острый, сохранился фрагмент необрубленного литника. Диаметр канала 1,5 мм.

Д.: 16–18 мм (без учета литника). *В.*: 4,83 г (с литником). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, отвал. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1331.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 285; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 118. Заготовка линзовидная. Гурт острый. Канал читается плохо из-за коррозии гурта.

Д.: 19–20 мм. *В.*: 6,7 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. К-XIX, гл. +59. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/764.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 285; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 119. Заготовка линзовидная (литейный брак). Гурт острый. Диаметр канала 1–1,5 мм.

Д.: 18–19 мм. *В.*: 5,09 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. Н-XIV, гл. +35. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1300.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 286; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 120. Заготовка уплощенная. Гурт округлый. Хорошо видны следы обрубания литейных затеков свинца. Канал сплющен, ширина его 3 мм.

Д.: 19–20 мм. *В.*: 9,66 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XVI, гл. +80. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/441.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 286; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 121. Заготовка уплощенная. Гурт плоский. Хорошо видны следы обрубания литейных затеков свинца. Диаметр канала 1 мм.

Д.: 19–20 мм. *В.*: 6,56 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. Н-XIX, гл. +75. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/625.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 286; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 122. Заготовка уплощенная. Гурт плоский. Хорошо видны следы обрезки по периметру литейных затеков свинца. Диаметр канала 1,5 мм, канал незначительно сплющен.

Д.: 17 мм. *В.*: 6,11 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. К-XVIII, гл. +51. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1649.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 286; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 123. Заготовка уплощенная, со слабо выраженным валикообразным выступом под канал на обеих сторонах. Гурт острый. Близ устьев канала и по гурту хорошо видны следы обрубания литейных затеков свинца. Диаметр канала 1,5–2,0 мм.

Д.: 21–22 мм. *В.*: 7,3 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. К-XVI, гл. +82. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/462.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 286; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 124. Испорченная цельнолитая заготовка, гурт острый, диаметр канала 1,5 мм, один из двух выходов канала сплющен.

Д.: 20 мм. *В.*: 6,73 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XIX; гл.: +40. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/925.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 226–227; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 125. Заготовка цельнолитая, гурт острый, диаметр канала 1,5 мм, один из двух выходов канала заплавлен (литейный брак).

Д.: 20 мм. *В.*: 7,03 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, из отвала. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/5.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 227; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 126. Испорченная цельнолитая заготовка линзовидного сечения, гурт острый, диаметр канала 1,5 мм, оба выхода канала сплющены.

Д.: 20 мм. *В.*: 6,62 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, из отвала. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/6.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 227; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 127. Заготовка цельнолитая, линзовидного сечения гурт острый, диаметр канала 1,5 мм, один из двух выходов канала заплавлен, на одной из плоскостей заготовки канал открытый (литейный брак).

Д.: 20 мм. *В.*: 6,81 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XII; Гл.: +20. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/423.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 227–228; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 128. Заготовка цельнолитая, линзовидного сечения гурт острый, диаметр канала 1,5 мм, один из двух выходов канала заплавлен, на одной из плоскостей заготовки канал открытый (литейный брак).

Д.: 17–18 мм. *В.*: 3,39 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, из отвала. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/303.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 228; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 129. Заготовка цельнолитая, линзовидного сечения гурт округлый, диаметр канала 1 мм.

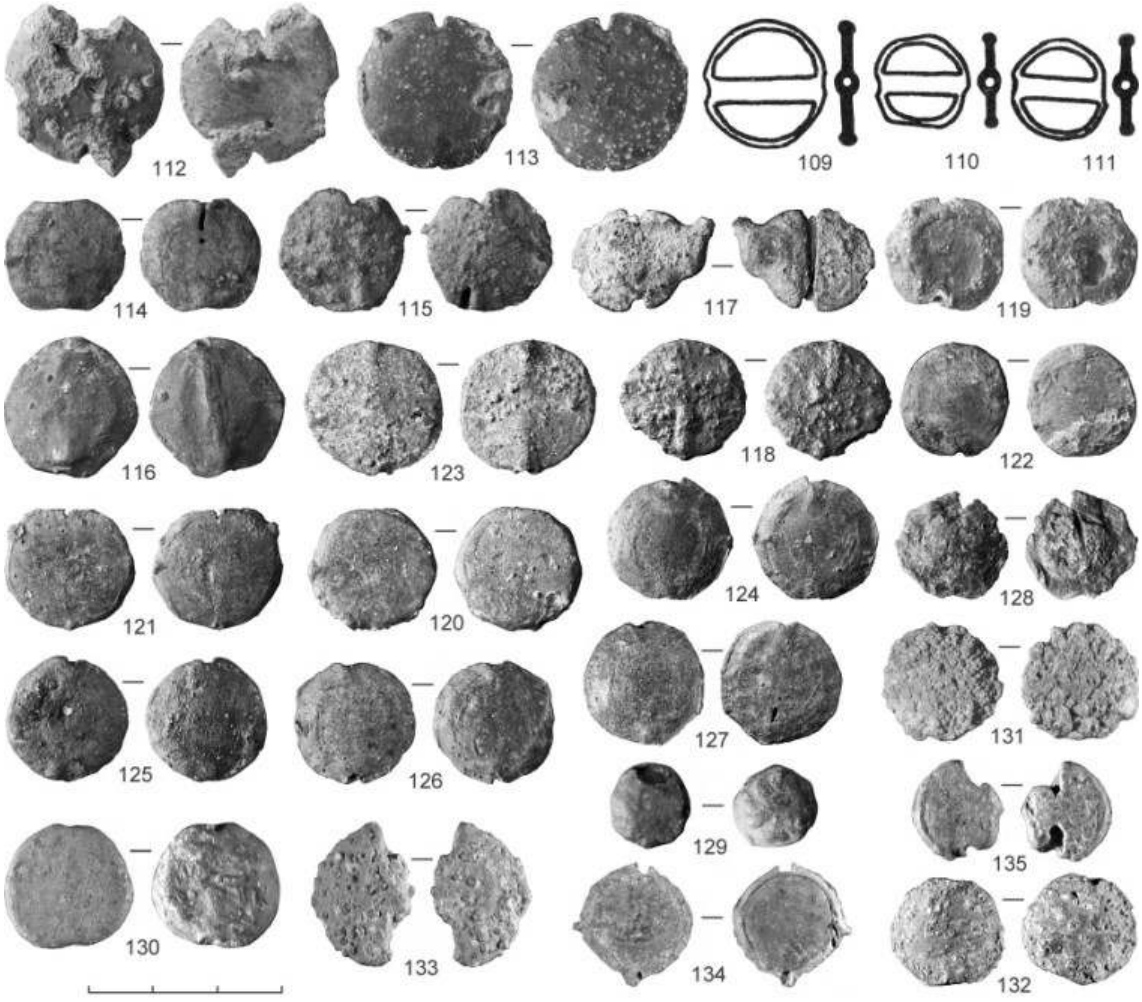


Рис. 8.11. Заготовки для печатей

Д.: 12 мм. *В.*: 5,11 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. Н-XIX; гл.: +45. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/97.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 228; Кирпичников, Белецкий 2009: 34.

№ 130. Заготовка цельнолитая уплощенная. Гурт округлый.

Д.: 20 мм. *В.*: 10,84 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв.Р-XVIII, +112. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 21.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 307.

№ 131. Заготовка цельнолитая линзовидная, сильно коррозирована. Гурт острый.

Д.: 17–18 мм. *В.*: 6,81 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V. Отвал. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 54.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 307.

№ 132. Заготовка цельнолитая линзовидная, коррозирована. Гурт острый.

Д.: 17–18 мм. *В.*: 6,33 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. П-XVIII, +68. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 124.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 307.

№ 133. Заготовка цельнолитая линзовидная, сильно коррозирована. Гурт острый.

Д.: 21 мм. *В.*: 6,75 г (фрагм., не менее 13,5–14,0 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. П-XIX, +82. *Хр.*: ИИМК, инв. №: САЭ-2011/№ 172. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 307.

№ 134. Заготовка цельнолитая уплощенная, со слабо выраженным валикообразным выступом по периметру на обеих (?) сторонах.

Д.: 17–18 мм. *В.*: 6,17 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. П-XVI, +31. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 468.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 308.

№ 135. Заготовка цельнолитая уплощенная, со слабо выраженным валикообразным выступом по периметру на обеих (?) сторонах.

Д.: 14–15 мм. *В.*: 4,49 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V. Отвал. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 20.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 308.

Пломбы

Разряд II/2: Крест — святой (рис. 8.12)

№ 136. *Av*: изображение шестиконечного процветшего креста. *Rv*: изображение головы святого. Пломба чрезвычайно близка пломбе из Новгорода, опубликованной Н. П. Лихачёвым (ЛСА: табл. XXI, *25*), однако оттиснута иной парой матриц.

Д.: 7–9 мм. *В.*: 0,96 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 230, рис. 53.

№ 137. *Av*: изображение четырехконечного креста с расширяющимися концами, в средокрестии точки. *Rv*: погрудное изображение кудрявого святого с короткой бородой (в типе св. Феодора). Пломба оттиснута теми же матрицами, что и пломбы из Новгорода, опубликованные Н. П. Лихачёвым (ЛСА: табл. XXI, *11*; LIV, *14*).

Д.: 10–14 мм. *В.*: 1,64 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 230–231, рис. 54.

№ 138. *Av*: изображение шестиконечного креста, концы оформлены трехточечными завершениями. Следы точечного ободка. *Rv*: погрудное изображение кудрявого святого с короткой бородой (в типе св. Феодора). В левой части поля буллы прослежены остатки линейного нимба, в правой — слабые следы точечного нимба. Пломбы, оттиснутые этими же матрицами, происходят из Новгорода (ЛСА: табл. XXI, 17; Янин 1956: № 55, рис. V, 40), Белоозера (Захаров 2005: 34, 35, рис. 3, 21) и из Ратминского поселения на Верхней Волге (Петров, Пантелеева 2014: 8–9, рис. 3, 5, 8).

Д.: 14–15 мм. *В.*: 3,28 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1993 г. *Хр.*: СЛМ, инв. № 55-303/В-306. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 55; Кирпичников, Белецкий 1994: 132, рис. 1, *I*.

Судя по находке пломбы от этой пары матриц в слое 19 яруса Неревского раскопа в Новгороде (Янин 1956: 162, табл. 2) сфрагистический тип может быть отнесен ко времени не позднее 30-х гг. XII в.

№ 139. *Av*: изображение шестиконечного (?) процветшего креста, в средокрестии (при пересечении мачты верхней перекладиной) точки, справа буквы **ϹХ** под титлом. Ободок точечный. *Rv*: изображение кудрявого святого, нимб точечный. Пломба, оттиснутая этими же матрицами, найдена на Ратминском поселении, отождествленном с древнерусским городом Дубна на Верхневолжье (Петров, Пантелеева 2014: 8–9, рис. 3, *4*). Возможно, пломба, оттиснутая теми же (или чрезвычайно близкими) матрицами, происходит из Новгорода (ЛСА: табл. XLVII, *13*).

Д.: 12–13 мм. *В.*: 1,63 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 56.

№ 140. *Av*: изображение процветшего четырехконечного креста, по сторонам от него над перекладиной остатки надписи (**І**) **ХϹ**. *Rv*: изображение длинноволосого святого, с длинной острой бородой, над правым плечом крест (в типе св. Иоанна Предтечи). Нимб линейный. Ободок из крупных точек.

Д.: 14–15 мм. *В.*: 3,18 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 57.

№ 141. *Av*: изображение шестиконечного процветшего креста. *Rv*: изображение головы кудрявого святого. Нимб линейный. Пломба оттиснута теми же матрицами, что и пломба из Новгорода (ЛСА: табл. XXI, *25*). Она чрезвычайно близка пломбе № 1, возможно матрицы изготовлены одним мастером.

Д.: 10–13 мм. *В.*: 1,46 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 58.

№ 142. *Av*: изображение четырехконечного процветшего креста. *Rv*: погрудное изображение святого в княжеской шапке, у щек подвески (?).

Д.: 11–12 мм. *В.*: 2,31 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 59. Пломба оттиснута на толстой заготовке, изображения сильно стерты.

№ 143. *Av*: изображение четырехконечного креста, под ним фигура полумесяца (вариант процветшего креста, при котором мачта не соединяется с основанием). *Rv*: погрудное изображение кудрявого безбородого святого в точечном нимбе, над правым плечом плохо читаемое копье или жезл.

Д.: 9–14 мм. *В.*: 1,66 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 60.

№ 144. *Av*: изображение шестиконечного креста, в средокрестиях точки. *Rv*: схематичное изображение головы святого.

Д.: 12–13 мм. *В.*: 1,38 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 231, рис. 61.

№ 145. *Av*: изображение четырехконечного креста, концы имеют точечные завершения. Следы точечного ободка. *Rv*: погрудное изображение Св.Георгия. Нимб линейный. Справа фрагмент колончатой надписи **ГЄѲ(РГ)**.

Д.: 10–11 мм. *В.*: 1,26 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 232, рис. 62.

№ 146. *Av*: изображение четырехконечного процветшего (?) креста с расширяющимися концами. Ободок линейный. *Rv*: схематичное изображение головы святого, нимб линейный.

Д.: 7–11 мм. *В.*: 1,19 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: СЛМ, инв. № КП-94129/А-17721.
Изд.: Белецкий 1997: 16, рис. 3.

№ 147. *Av*: изображение шестиконечного (?) креста, в средокрестии точки.
Rv: голова кудрявого святого с короткой бородой, нимб и ободок точечные.

Д.: 10–13 мм. *В.*: 2, 21 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: СЛМ, инв. № КП-85246/А-17055.
Изд.: Белецкий 1997: 16, рис. 4.

№ 148. *Av*: четырехконечный крест на Голгофе. *Rv*: погрудное изображение святого.

Д.: 10–13 мм. *В.*: 2,21 г. М. н.: Старая Ладога. Раскопки 1986 г., гл. –295.
Хр.: СЛМ, инв. № КП-95554/А-1/211. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 1997: 73, рис. 2.
Уп.: Белецкий 1997: 17.

В первой публикации пломбы крест на аверсе был истолкован как изображение Этимасии (Кирпичников, Белецкий 1997: 73–76; см. также: Белецкий 1997: 17). Однако, вывод был поспешным: схематичность оформления аверса не позволяет уверенно истолковывать изображение в качестве Престола Уготованного. Осторожнее признать изображение на аверсе пломбы в качестве четырехконечного креста на Голгофе.

№ 149. *Av*: четырехконечный крест обозначенный точками, с трехточечными завершениями концов (?), ободок точечный. *Rv*: святой с большой окладистой бородой погрудно, нимб и ободок точечные.

Д.: 10–11 мм. *В.*: 1,31 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XIX; гл.: +30. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/975.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 228; Кирпичников, Белецкий 2009: 36.

Б. Д. Ершевский был убежден в том, что пломбы разряда II/2 по происхождению являются новгородскими, вне зависимости от того, где они обнаружены (Ершевский 1982: 173–177). Действительно, в черте Новгорода на начало 1980-х гг. было обнаружено более 100 пломб данного разряда. Однако представляется, что вывод о новгородском происхождении рассматриваемых артефактов все-таки преждевременный. По чисто сфрагистическим признакам пломбы разряда II/2 соответствуют печатям того же разряда, которые Н. П. Лихачёв связывал с деятельностью князей (Лихачёв 1928: 51, 52). Адресуя пломбам с изображениями креста и святого ту же принципиальную атрибуцию, что и аналогично оформленным печатям, мы вправе полагать, что пломбы, как и печати, являются общерусскими, а отнюдь не локально новгородскими сфрагистическими регалиями. Именно на это указывает факт распространения оттисков от одной и той же пары матриц в городах, находящихся на значительном удалении друг от друга. Следовательно, пломбы, обнаруженные в этих городах, совершенно не обязательно связаны своим происхождением именно с теми местами, где они были найдены.

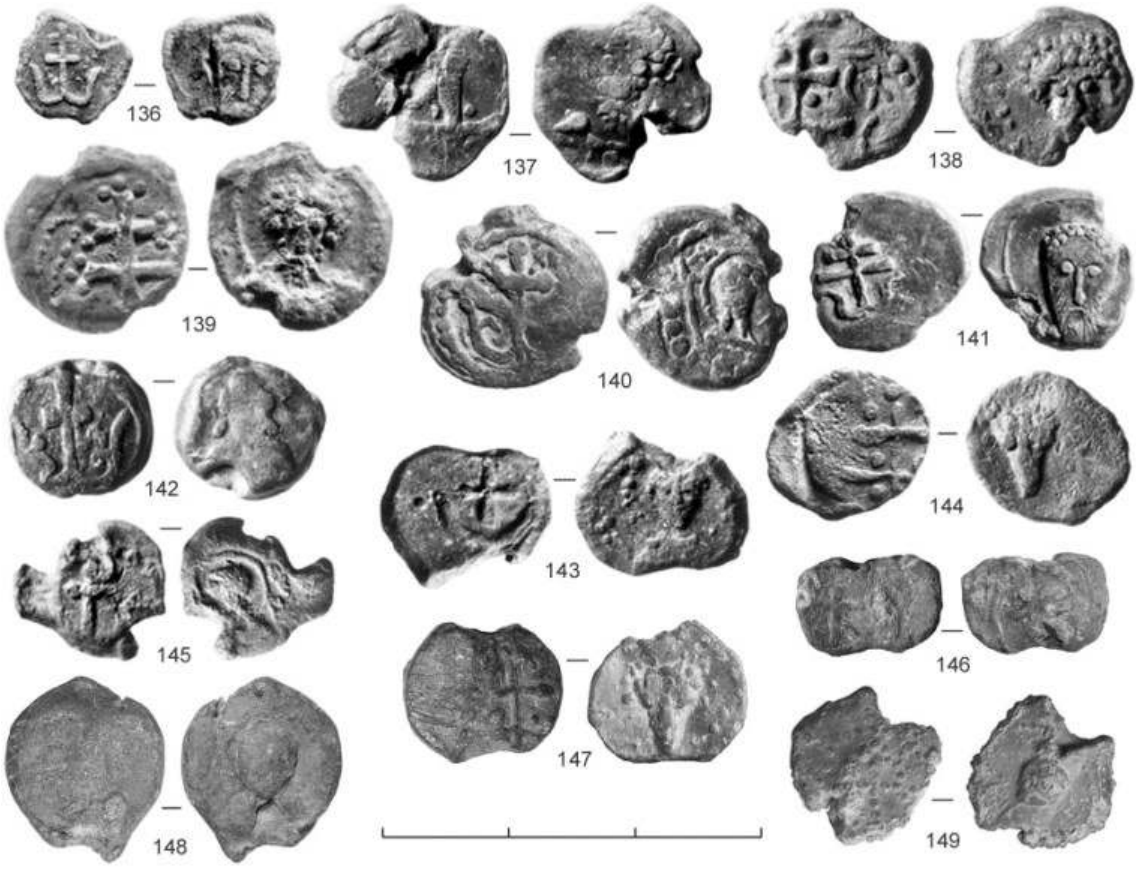


Рис. 8.12. Пломбы. Разряд II/2

Отметим одну важную особенность рассматриваемого разряда пломб, принципиально отличающую их от аналогично оформленных печатей. Если печатей с изображением креста и святого известно сравнительно немного (в Корпусе актовых печатей Древней Руси учтено немногим более 40 булл от 29 пар матриц, см.: Янин 1970, т. 1: № 324–341; Янин, Гайдуков 1998а: 155–157), то пломб рассматриваемого разряда насчитывается в настоящее время не менее 150 экз. Установить количество пар матриц пока не представляется возможным. Но если печати в лучшем случае представлены двумя-тремя оттисками от одной пары матриц, то пломбы в ряде случаев уверенно фиксируются серийными оттисками. Это обстоятельство может, на наш взгляд, оказаться существенным при определении функций рассматриваемых памятников. Повторяемость пломб, принадлежащих одним и тем же матрицам, в удаленных друг от друга центрах наводит на мысль о том, что пломбы данного разряда скрепляли нечто, имевшее в пределах Руси широкое хождение.

В связи с этим обратим внимание на известное свидетельство Абу Хамида ал-Гарнати об опечатывании связок «меховых денег» кусочками черного свинца, припечатанными печатью, «на которой имеется изображение царя» (Путешествие 1971: 35, 36). А. Л. Монгайт в свое время уже высказывал мысль о том, что пломбы в домонгольской Руси использовались при эмиссионной деятельности центрального правительства (Там же: 114–116). Такую возможность не исключал и В. Л. Янин (Янин 1970, т. 1: 11), а Б. Д. Ершевский даже пытался конкретизировать идею

А. Л. Монгайта, связав с эмиссионной деятельностью пломбы, несущие изображения святых на обеих сторонах (Ершевский 1989: 71, 72). Последнее отождествление сомнительно: пломбы с изображением святых на обеих сторонах слишком редки, чтобы считать их материализацией денежного обращения.

Зато пломбы разряда II/2 по своим сфрагистическим признакам соответствуют тем требованиям, которые могли быть предъявлены к «печатям», придававшим ничего не стоящим кусочкам кожи функции денежных знаков — массовость находок, повторяемость оттисков и их обнаружение на значительном удалении друг от друга в пределах государственной территории.

Однако из текста ал-Гарнати вовсе не следует, что зафиксированная им операция опечатывания связок «испорченных» и «рваных» меховых денег является эмиссионной деятельностью: речь идет об обмене изношенных «ассигнаций» на новые и о «подиргемном» (по 18 шкурок в связке) опечатывании связок изношенных «ассигнаций» перед их официальным выведением из обращения, то есть об операции, соответствующей банковскому обмену кредитных билетов. Именно за проведение обмена изношенных ассигнаций на новые чиновники на «известном рынке» взымали плату — 1 шкурка из каждых 18 (около 5,6 %), что соответствует обычному банковскому проценту (Белецкий, Посвятенко 1994: 3–5).

Разряд II/6: Крест — крест (рис. 8.13)

№ 150. *Av*: изображение четырехконечного процветшего креста с расширяющимися концами. В средокрестии сияние. Ободок линейный. *Rv*: изображение четырехконечного процветшего креста с расширяющимися концами. Ободок точечный. Пломбы оттиснуты той же парой матриц, что и пломба из Новгорода, опубликованная Н. П. Лихачёвым (ЛСА: табл. XXII, *8*).

1) *Д.*: 10–13 мм. *В.*: 1,27 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 234, рис. 63.

2) *Д.*: 11–12 мм. *В.*: 1,33 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, из отвала. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/72.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 229; Кирпичников, Белецкий 2009: 37.

№ 151. *Av*: изображение шестиконечного процветшего (?) креста.
Rv: изображение шестиконечного (процветшего?) креста.

Д: 11–12 мм. *В*: 1,96 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г., отвал. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 117. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 308.

Пломбы разряда II/6 не принадлежат к числу широко распространенных. По данным Б. Д. Ершевского, в сфрагистическом собрании Новгорода таких памятников зафиксировано (на 1987 г.) всего 35, причем все они происходят из комплекса сфрагистических находок на Городище (Ершевский 1987: 52). За пределами Новгорода подобные пломбы крайне редки: одна подобная пломба происходит с Ратминского поселения (Петров, Пантелеева 2014: 11–12, рис. 5, *17*), а еще две отмечены на Белоозере (Захаров 2005: 42, 53, 54, рис. 9, *97, 98*).

Размещение на лицевой и оборотной сторонах двух в смысловом отношении равнозначных символов, безусловно, имело особое значение, но смысл его остается

неясным. Отметим только, что матрицы публикуемой пломбы почти наверняка резались разными мастерами — различаются не только типы крестов, но и типы ободков. Не исключено, что для пломб разряда II/6 использовались матрицы аверсов пломб от других разрядов. В таком случае феномен сфрагистического разряда II/6, возможно, следует объяснять деятельностью смесного органа власти, использовавшего в делопроизводстве составной буллотирий, объединяющий аверсы от сфрагистических регалий двух различных институтов государственного управления. Решить этот вопрос можно только после проведения поматричного анализа новгородского собрания пломб.

Разряд II/7: Крест — эмблема (рис. 8.13)

№ 152. *Av*: восьмиконечный крест. *Rv*: двузубец колоколовидных очертаний. Зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка отогнута вправо.

Д.: 8–13 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: неизвестно. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 235, рис. 64.

Такие же знаки отмечены на пломбе из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XIX, *879*) и на печати № 299-2 по Корпусу актовых печатей Древней Руси (Янин, Гайдуков 1998а: 151, № 299-2).

№ 153. *Av*: четырехконечный крест, в средокрестии точки. *Rv*: двузубец колоколовидных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца отогнуто наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка отогнута влево.

Д.: 9–11 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: неизвестно. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 235, рис. 65.

Такие же знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: рис. 64, четвертый сверху ряд, вторая слева), Новгорода (ЛСА: табл.VIII, *3*), Торжка (Белецкий 1996: 46, рис.1, *1*) и на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 831)[2], на печатях № 297–298 Корпуса актовых печатей Древней Руси (Янин 1970, т. 1: 219–220, № 297, 298), на памятном камне из Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске (Белецкий 2017а: ил. 5, *12*). Такой же знак выбит на камне постамента Боголюбовского кивория (Там же: ил. 5, *10*) и на камне кладки Золотых ворот во Владимире (Там же: ил. 5, *11*).

Этот двузубец неоднократно становился предметом обсуждения. Большинство исследователей сходилось в том, что знаки на постаменте Боголюбовского кивория и на камне Золотых ворот принадлежали Андрею Боголюбскому или его ближайшим родственникам (Рыбаков 1940: 232–233; Воронин 1961: 258; Янин 1970, т. 1: 145–146; Молчанов 1985: 82, табл. II). Только после открытия памятного камня в Троицком монастыре на Кловке удалось установить (Белецкий 2000: 216–225; Торшин 2005: 42–49), что двузубец принадлежал смоленскому князю Ростиславу Рюриковичу (†1218).

[2] В скобках даются ссылки на номера пломб в коллекции А. А. Алфёрова. Пользуемся случаем поблагодарить А. А. Алфёрова (Киев), предоставившего возможность познакомиться со своей коллекцией древнерусских пломб.

№ 154. *Av*: изображение четырехконечного (?) креста. *Rv*: двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов не вошли в площадь оттиска, на левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная.

Д.: 9–11 мм. *В.*: 1,49 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. Т-XVI, гл. +106. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 23.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 307.

№ 155. *Av*: изображение шестиконечного креста. *Rv*: двузубец колоколовидных очертаний, правый зубец отогнут наружу, завершение левого зубца раздвоенное (отгиб наружу почти полностью разрушен), на правом зубце отрог внутрь.

Д.: 9–13 мм. *В.*: 1,40 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Отвал. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 52. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 308.

До ладожской находки такие знаки, как будто бы, не были известны.

№ 156. *Av*: четырехконечный крест в линейном ободке, концы креста имеют слабо выраженные жемчужные расширения, в пространстве между концами точки. *Rv*: двузубец прямоугольных очертаний, правый зубец отогнут наружу, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска, на левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная.

Д.: 12–17 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной Академии. *Изд.*: Белецкий, Мусин 1998: 44–45, рис. 1.

Пломбы разряда II/7 вместе с другими разрядами пломб, несущих изображение древнерусских княжеских знаков, атрибутируются чиновникам княжеского аппарата домонгольской Руси (Белецкий 1992: 5–8). Сочетание княжеского герба с изображением креста можно расценивать как свидетельство высокого ранга, усвоенного держателю буллотирия, располагавшему всей широтой полномочий, которыми обладал владелец знака. Иными словами, чиновник выступал от имени владельца знака и представлял его интересы, оставаясь в то же время анонимным. Подобного рода полномочия могли принадлежать главе княжеской администрации, исполнявшему функции канцлера при князе-суверене.

Разряд II/8: Крест — буква (рис. 8.13)

№ 157. *Av*: изображение четырехконечного процветшего креста с расширяющимися концами. Ободок точечный. *Rv*: буква **м**. Фрагмент точечного ободка.

Д.: 9–10 мм. *В.*: 0,92 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 237, рис. 66.

№ 158. *Av*: четырехконечный крест (?), бóльшая часть которого утрачена при разрушении поверхности пломбы. *Rv*: буква **д**.

Д.: 13–14 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной Академии. *Изд.*: Белецкий, Мусин 1998: 44–45, рис. 4.

По наблюдениям Б. Д. Ершевского, пломбы с буквой **м** в коллекции дрогичинских пломб немногочисленны, встречены в сочетаниях с другими буквами и

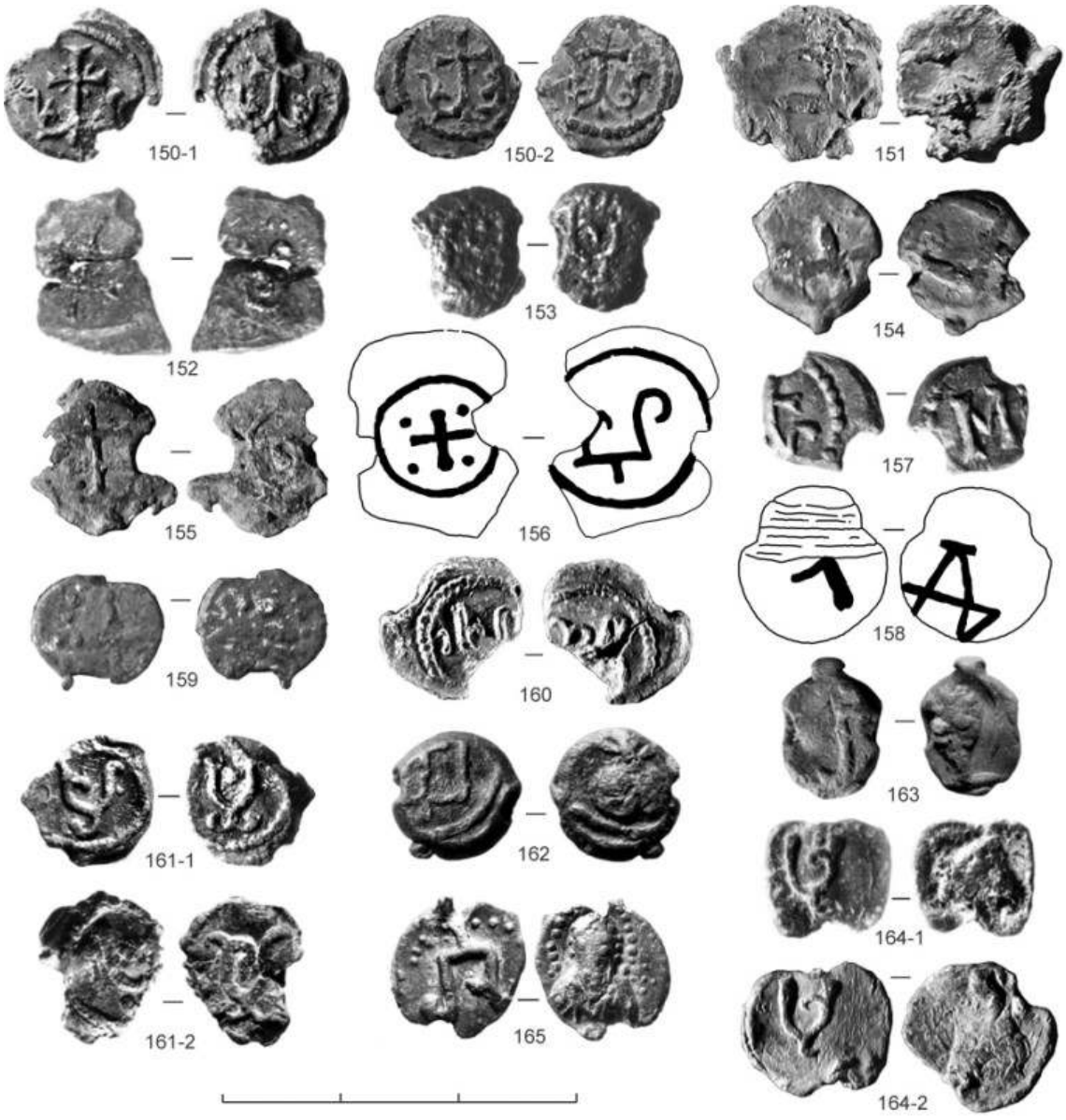


Рис. 8.13. Пломбы. Разряды II/6 (150. 151), II/7 (152–156), II/8 (157, 158), II/11 (159), IV/1 (160, 161), IV/2 (162–165)

буквообразными знаками (Ершевский 1985: табл. II, *74, 79–81*). В сочетании с изображениями креста буква **м**, кажется, не фиксировалась. Впрочем, и другие буквы встречаются в сочетаниях с крестом крайне редко (Там же: табл. II, *5, 39, 70, 85*).

Пломбы с буквами кириллического алфавита, широко представленные в материалах из Дрогичина, но известные также и на других памятниках домонгольского времени, принадлежат к числу сфрагистических памятников, не получивших в литературе удовлетворительной атрибуции. Сказанное относится, кстати говоря, не только к пломбам разряда II/8, но и к другим пломбам, несущим на одной или обеих сторонах буквы и буквообразные знаки. Заметим, что пломбы с буквами представляют собой общерусское явление в сфрагистике. Гипотеза о таможенном характере пломб с буквенными знаками, несущими цифровое достоинство, связанное

с единицами товара или тарифами таможенной пошлины (Там же: 57), сколько-нибудь удовлетворительной аргументации не получила.

Разряд II/11: Крест — розетка (рис. 8.13)

№ 159. *Av*: изображение четырехконечного креста с точечными завершениями концов. Фрагмент точечного ободка. *Rv*: изображение восьмилучевой розетки.

Д.: 8–10 мм. *В.*: 1,11 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. Л-XIX, гл. +56. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1611.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 290–291; Кирпичников, Белецкий 2009: 37.

В древнерусской сфрагистике изображение розетки — это наименее представительный изобразительный символ: все известные в настоящее время печати с такими изображениями принадлежали одному и тому же владельцу — князю Изяславу Ярославичу (†1078). Но считать розетку чисто орнаментальным элементом не приходится, поскольку изображение, помещенное на печати, в принципе не могло быть случайным. Велик соблазн предположить, что это изображение, расцениваемое исследователями в качестве солярного символа (Гордиенко 1989: 235–239), в дохристианский период истории Руси обозначало суверенный характер властных полномочий владельца печати. В таком случае изображение розетки на печатях следует признать синонимичным изображению Христа и стадиально предшествующим ему.

В отличие от печатей, на пломбах изображение розетки встречается достаточно часто. Так, на пломбах из Дрогичина отмечены шести- и восьмилучевые розетки (Болсуновский 1894: табл. XIV, *629*, XIX, *899*, XVIII, *830*), в Курске найдена пломба с изображением вписанной в круг трехлучевой (?) розетки (Белецкий и др. 2017: 351, рис. 3, *21*). На пломбах из Дрогичина зафиксированы также шестилучевые розетки без центральной точки, но с точками на концах лучей, они напоминают кириллическую букву **ж** (Болсуновский 1894: табл. II, *46*, IV, *146*, V, *209*, XIII, *592–600*, XIX, *915*, XXI, *967*). Розетка отмечена на пломбе из Киева (ЛСА: табл. XXXI, *15*), а оттиск той же пары матриц опубликован В. А. Анохиным (Белецкий 2018: рис. 10, *117*). Не исключено, что смысловое значение изображения розетки на пломбах соответствует смысловому значению этого изображения на печатях, однако этот вопрос требует специального рассмотрения.

Разряд IV/1: Эмблема — эмблема (рис. 8.13)

№ 160. *Av*: двузубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка не вошла в площадь заготовки. *Rv*: двузубец колоколовидных очертаний, правый зубец отогнут наружу, на левом вертикальном зубце отрог внутрь, ножка не вошла в площадь заготовки. Ободки из частых слившихся между собой точек.

Д.: 9–13 мм. *В.*: 1,23 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Отвал. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 58. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 309.

№ 161. *Av*: Двузубец колоколовидных очертаний, правый зубец отогнут наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка отогнута влево. Ободок точечный.

Rv: Двузубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка раздвоенная. Ободок точечный.

1) *Д.*: 10–11 мм. *В.*: 1,39 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция (рис. 28, *13*). *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 237–238, рис. 67.

2) *Д.*: 7–12 мм. *В.*: 1,01 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция (рис. 28, *14*). *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 238, рис. 68.

Знаки, аналогичные знаку на аверсе, отмечены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XIV, *631, 640*; Авенариус 1890: № 41; ЛСА: табл. XXV, *24*), Новгорода (Лихачёв 1930: рис. 69, четвертый сверху ряд, третья слева), Старой Руссы (Матюшкина 1976: 66–67, табл. I, *2б*; включена в корпус актовых печатей Древней Руси, см.: Янин, Гайдуков 1998а: 151, № 299а), а также из коллекции А. А. Алфёрова (№ 996).

Знаки, аналогичные знаку на реверсе, отмечены на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: рис.64, четвертый сверху ряд, правая, пятый сверху ряд, вторая слева), на пломбах, опубликованных В. А. Анохиным (Белецкий 2018: рис. 16, *7, 8*) и на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1086), а также на деревянном цилиндре № 1 из Новгорода (Янин 2001б: 93, 110, там же основная литература).

Пломбы № 161 чрезвычайно близки пломбе № 160, однако они оттиснуты, все-таки, разными парами матриц. Ранее было высказано предположение, что пломбы № 161-1 и № 161-2 оттиснуты разными, хотя и очень близкими друг другу парами матриц (Белецкий, Петренко 1994: 238).

Пломбы разряда IV/1 сравнительно немногочисленны: в Новгороде их учтено немногим более двух десятков (Ершевский 1985: табл. III, *1–4а, 31, 35, 61, 62*; Лихачёв 1930: рис. 191). Наличие пломб, оформленных изображениями княжеских знаков на обеих сторонах, предполагает существование чиновников, обладавших полномочиями, предоставленными им двумя правителями одновременно. Наиболее реальными претендентами на пользование такими пломбами являются высшие должностные лица в канцеляриях, существовавших при князьях-соправителях (Белецкий 1992: 7).

Разряд IV/2: Эмблема — святой (рис. 8.13, 8.14)

№ 162. *Av*: трезубец, сохранился фрагментарно. Ободок линейный. *Rv*: погрудное изображение святого (святителя?) с длинной бородой (в типе св. Григория?), голова и нимб в основном не вошли в площадь заготовок. Ободок линейный.

Д.: 11 мм. *В.*: 2,08 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 239–240, рис. 69.

Уверенно можно определить прямоугольные очертания знака, вертикальную ножку и крестовидное завершение центрального зубца. Такие признаки встречены у трезубцев на пломбах из Новгорода (ЛСА: табл. XLVII, *14*; Лихачёв 1930: рис. 69, четвертый сверху ряд, правая), на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (1000 років: 75, № 42), на щитке перстня из клада, найденного в 1908 г. в уроч. Святое озеро (Макарова 1986: 130, № 64, там же основная библиография), на плинфе из собора Спасо-Евфросиньевского монастыря (Белецкий 2017а: ил. 8, *16, 17*) и из храма на Рву

(Там же: ил. 8, *15*) в Полоцке, а также на щитке перстня (Рыбаков 1940: 237, рис. 21; Макарова 1986: 131, № 79), место находки которого неизвестно. Весьма вероятно, что трезубец на пломбе № 162 может быть схематизирован по одному из этих двух типов. Заметим также, что трезубцы с крестовидным завершением центрального зубца, вероятнее всего, принадлежали князьям полоцкой ветви потомков Владимира Святого.

№ 163. *Av*: двузубец прямоугольных очертаний, ножка отогнута вправо или раздвоенная. Знак вошел в площадь заготовки наполовину. *Rv*: изображение головы святого.

Д.: 8–10 мм. *В.*: 1,08 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 240, рис. 70.

№ 164. *Av*: Двузубец колоколовидных очертаний, зубцы вертикальные, на правом зубце отрог внутрь, ножка отогнута вправо. *Rv*: погрудное изображение святителя с длинной бородой (в типе св. Григория?) и с кодексом в левой руке.

1) *Д.*: 9–10 мм. *В.*: 1,11 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 240, рис. 71.

2) *Д.*: 9–12 мм. *В.*: 1,19 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище.
Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. С-XVI, +39. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 605.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 311.

Такие же знаки отмечены на пломбах из Пскова (Белецкий 2001а: 76, табл. 55, *4*).

№ 165. *Av*: Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Ободок точечный. *Rv*: погрудное изображение святителя (?), ободок точечный.

Д.: 10–11 мм. *В.*: 1,12 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 240, рис. 72.

Такие же знаки выявлены на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: рис.64, второй сверху ряд, правая), Новгорода (ЛСА: табл.VII, *18–21*) и Пскова (Белецкий 2001а: 66, табл. 53, *4*), на печати № 285 по Корпусу актовых печатей Древней Руси (Янин 1970, т. 1: 217, № 285) и в гончарном клейме из Ревутово (Белецкий 2014а: рис. 6, *4*).

№ 166. *Av*: Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы отогнуты наружу, ножка вертикальная. *Rv*: изображение головы кудрявого (?) бородатого святого в линейном нимбе.

Д.: 10–12 мм. *В.*: 1,03 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 240, рис. 73.

Такие же знаки выявлены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. VIII, *341*, XIII, *607*, XIV, *615, 635, 662*, XV, *765*, XVII, *811*; Лихачёв 1930: рис. 64, второй сверху ряд, четвертая справа; Hanc-Maikowa 1988: табл. I, *1*, II, *4*), Ратмино (Петров, Пантелеева 1914: 12, 13, 15, 16, рис. 5, *18*, 6, *31)*. Оснувки (Musianowicz 1957: 295, рис. 4, верхний ряд, левая), Сакор-горы (Трутовский 1926: 9, рис. 6, верхний ряд,

вторая справа), Городца на Волге (Лебедев В., Дунин 2000: рис. 2, *21*), Курска (Белецкий и др. 2017: рис. 5, *2–3*), а также из коллекции А. А. Алфёрова (№ 117, 212, 316). Аналогичные двузубцы обнаружены в клейме на плитке пола из собора Рождества Богородицы в Суздале и в клеймах на кирпичах Борисоглебского собора в Чернигове (Белецкий 2017а: ил. 4, *3–5*), в гончарных клеймах из Владимира, Киева, Новгорода, Городца, Григоровки, Дорогобужа Канева, Кочетка и Суздаля (Белецкий 2014: рис. 3, *7, 10, 13–28, 30, 31, 33, 34, 36, 38–40, 43, 44, 46–49, 51*).

№ 167. *Av*: знак в виде треугольника, увенчанного крестом. *Rv*: погрудное (?) изображение кудрявого безбородого святого. Фрагмент точечного ободка.

Д.: 14–15 мм. *В.*: 2,27 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, отвал. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1068. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 291; Кирпичников, Белецкий 2009: 37.

Пломбы, вероятно, оттиснутые этими же матрицами, происходят из Новгорода (ЛСА: табл. VIII, *8, 12*). Еще одна пломба, оттиснутая такими же матрицами, найдена на Ратминском поселении; авторы публикации интерпретировали частично сохранившийся знак на аверсе как четырехконечный процветший крест (Петров, Пантелеева 2014: 8, 9, рис. 3, *3*).

№ 168. *Av*: поверхность разрушена вдоль канала, сохранились фрагменты двузубца колоколовидных очертаний, левый зубец вертикальный, правый зубец отогнут наружу. *Rv*: погрудное (?) изображение безбородого (?) святого. У левого плеча фрагмент буквы **м**.

Д.: 10–13 мм. *В.*: 2,15 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. Н-XVI, гл. +52. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1429. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 292–293; Кирпичников, Белецкий 2009: 39–40.

№ 169. *Av*: двузубец, колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка осталась за пределами оттиска. Ободок точечный. *Rv*: погрудное изображение святого; ободок из мелких слившихся точек.

Д.: 12–16 мм. *В.*: 2,68 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. М-XVII, гл.: +55. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/45. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 229; Кирпичников, Белецкий 2009: 40.

№ 170. *Av*: двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца осталось за пределами оттиска, на левом вертикальном зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. *Rv*: погрудное изображение святого (святителя?) с короткой окладистой бородой и большими залысинами.

Д.: 9–11 мм. *В.*: 1,51 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Отвал. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 110. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 311.

В новгородском собрании домонгольских пломб буллы разряда IV/2 представлены приблизительно 50 экземплярами (Ершевский 1985: табл. III, *18–30, 36–49, 67–87*). Кроме Новгорода и Ладоги такие пломбы найдены также на Белоозере (Захаров 2005: 33, рис. 2), на Ратминском поселении (Петров, Пантелеева 2014: 12, 13,

рис. 5, *23*), в Курске (Белецкий и др. 2017: 350, рис. 2, *19*) и Торжке (Белецкий 1996: 46, 47, рис 1, *1, 2*). Подобные пломбы также серийно представлены в публикации В. А. Анохина (Белецкий 2018: рис. 4, *38–45*). Правда, пломбы разряда IV/2 как будто бы не найдены в Дрогичине и в Городце на Волге, откуда происходят крупнейшие собрания древнерусских пломб.

Пломбы разряда IV/2 оформлены точно так же, как и печати того же разряда. На протяжении длительного времени печати с изображением княжеского знака и святого расценивались историками как сфрагистические регалии русских князей. Только после исследований В. Л. Янина стало очевидно, что печати принадлежали не князьям, а чиновникам княжеского аппарата (Янин 1970, т. 1: 137–146), облеченным властными полномочиями, предоставленными им князем (аверс), и несшими персональную ответственность (реверс) за совершенные юридические действия. А. А. Молчанов считал, что печати разряда IV/2 принадлежали новгородским посадникам XII–XIII вв. (Молчанов 1987: 26–33). Действительно, хотя география распространения печатей разряда IV/2 охватывает всю территорию Руси, большинство находок происходит из Новгорода и Новгородской земли. Очевидно, что юрисдикция лиц, пользовавшихся печатями разряда IV/2, распространялась, прежде всего, на Новгород и Новгородскую землю, причем значительное число документов, скрепленных печатями разряда IV/2, попадало «на вечное хранение» в городищенский архив. Таким образом, широта полномочий, которыми располагали владельцы печатей, свидетельствует, что эти лица занимали ведущее место в структуре управления Новгорода. Такой фигурой в правительственных структурах Новгорода XII–XIII вв. являлись посадники, с деятельностью которых и следует связывать печати разряда IV/2.

Подчеркнем, однако, что печати разряда IV/2 , вопреки мнению А. А. Молчанова (Молчанов 1987: 26–33), выпадают из системы сфрагистических регалий, принадлежавших древнерусским чиновникам. В то же время пломбы разряда IV/2 прекрасно вписываются в систему сфрагистических регалий княжеских чиновников XII–XIII вв. (Белецкий 1992: 5–8): разряды II/7 (крест — эмблема), IV/1 (эмблема — эмблема), IV/3 (эмблема — легенда), IV/4 (эмблема — буква), IV/5 (эмблема — группа точек), IV/6 (эмблема — личина), IV/7 (эмблема — розетка). Полагаем, пломбы с изображениями княжеского знака и святого, как и печати, принадлежали посадникам, но, в отличие от печатей, не новгородским, а княжеским. Усвоение же новгородским посадникам сфрагистической регалии, аналогичной регалии княжеских посадников, объясняется уравниванием выборных новгородских посадников с княжескими чиновниками в должности посадника.

Признавая пломбы разряда IV/2 сфрагистическими регалиями княжеских посадников, то есть должностных лиц, обеспечивавших «княжеское управление городами и окружающими их волостями» (Свердлов 1983: 219), мы можем констатировать, что места находок пломб разряда IV/2 (в отличие от прочих пломб с княжескими знаками) должны, в основном, совпадать с местоположением резиденции держателя буллотирия.

Разряд IV/4: Эмблема — буква (рис. 8.14)

№ 171. *Av*: Двузубец колоколовидных очертаний, зубцы и ножка вертикальные, на левом зубце отрог внутрь. Ободок жгутиковый. *Rv*: буква **д**. Ободок жгутиковый.

Д.: 11 мм (форма заготовки подтреугольная). *В.*: 1,51 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 242, рис. 74.

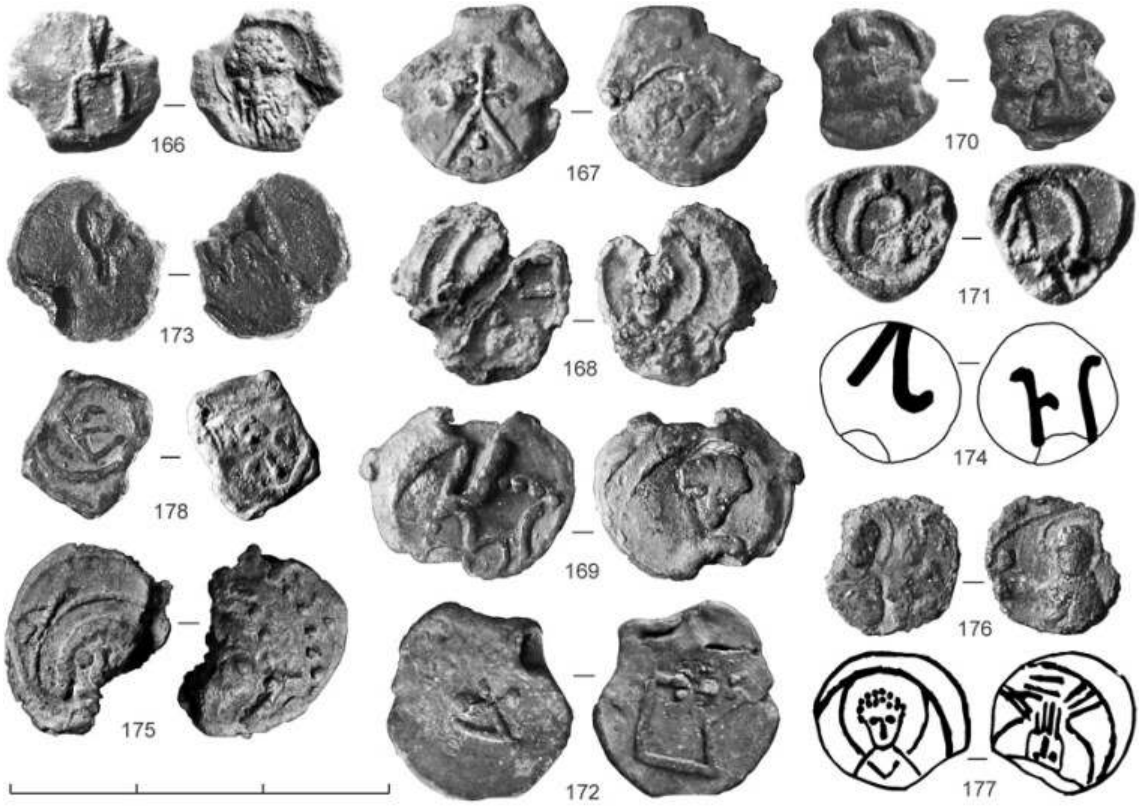


Рис. 8.14. Пломбы. Разряды IV/2 (166–170), IV/4 (171–174), VI/1 (175–177), XI/3 (178)

Такие же знаки отмечены в клеймах на кирпичах из Троицкого собора на Кловке в Смоленске (Белецкий 2017а: 10, ил. 5, *8, 9*), а также на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1033).

№ 172. *Av*: знак в виде треугольника. *Rv*: буква **в**.

Д.: 12–15 мм. *В.*: 1,97 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. К-XII, гл. +28. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1483.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2006: 293; Кирпичников, Белецкий 2009: 42.

Как будто бы изображение такого же знака было помещено на пломбе из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XII, *555*). Знаки в форме треугольника с раздвоенной вершиной и загнутыми завершениями концов фиксируются на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: 81, 82, рис. 64–65, третий ряд сверху, пять пломб справа).

Заметим, что на новгородских пломбах серийно представлены близкородственные знаки, которые Б. Д. Ершевский обозначил как знаки «в виде двузубца с перечеркнутым отрогом внизу и перекладиной, соединяющей во внутренней части» зубцы (Ершевский 1978: 242–243). Исследователь полагал, что такие знаки принадлежали князю Мстиславу Владимировичу (Там же: 243–247). Однако знаки, приписанные Б. Д. Ершевским Мстиславу Великому, не имеют никакого отношения к знакам Рюриковичей — это особая группа лично-родовых знаков, обозначенная Н. П. Лихачёвым как знаки в форме буквы Д, увенчанной крестом (ЛСА: 78–81, табл. VIII, *7–20*).

№ 173. *Av*: Двузубец колоколовидных очертаний, ножка и зубцы вертикальные, на левом зубце отрог внутрь, на правом зубце перекрестие. *Rv*: буква **м**.

Д.: 10–13 мм. *В.*: 1,61 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: СЛМ. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 242, рис. 75; Белецкий 1997: 17, рис. 5.

До ладожской находки такие знаки, как будто бы, не были известны[3].

№ 174. *Av*: двузубец, колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка осталась за пределами оттиска. *Rv*: буква **л**[4].

Д.: 12 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной Академии. *Изд.*: Белецкий, Мусин 1998: 44–45, рис. 2.

Пломбы с изображениями княжеских знаков и букв кириллического алфавита, достаточно широко представленные в Дрогичине (Ершевский 1985: табл. I), но известны также и в других населенных пунктах Руси. Принадлежность этих пломб к числу регалий власти чиновников княжеского аппарата очевидна, как очевиден и общерусский характер сфрагистических памятников данного разряда. Не исключен таможенный характер деятельности чиновников (Белецкий 1992: 7), но, разумеется, эта гипотеза требует специальной разработки на широком материале. Вероятность того, что эмблема на памятниках данного сфрагистического разряда указывает на «владельца товара», а буква — на «весовую единицу», требует серьезного обоснования (ср.: Ершевский 1985: 57).

Разряд VI/1: Святой — святой (рис. 8.14)

№ 175. *Av*: голова святого в линейном нимбе, слева от нимба буква П. Фрагмент точечного ободка. *Rv*: фрагмент головы святого в точечном нимбе. Фрагмент двойного точечного ободка.

Д.: 15 мм. *В.*: 2,35 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. Н-XVII, гл. +40. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/669.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 230; Кирпичников, Белецкий 2009: 43.

№ 176. *Av*: погрудное изображение святителя (?), слева нечитаемые буквы колончатой надписи. Ободок из мелких слившихся в линию точек. *Rv*: погрудное изображение святителя (?), справа нечитаемые буквы колончатой надписи. Ободок линейный.

Д.: 12 мм. *В.*: 1,64 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XVII, гл. +37. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/319.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 230; Кирпичников, Белецкий 2009: 43.

№ 177. *Av*: погрудное изображение молодого безбородого святого (в типе св. Георгия или св. Димитрия). *Rv*: погрудное изображение бородатого святого (святителя?).

[3] В первых публикациях (Белецкий, Петренко 1994: 242, рис. 75; Белецкий 1997: 16–17, рис. 5) знак был схематизирован неверно.

[4] Ранее было высказано предположение, что двузубец на аверсе имел прямоугольные очертания, а буква Л была истолкована как изображение трезубца, оттиснутого не полностью (Белецкий, Мусин 1998: 44).

Д.: 10–12 мм. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной Академии. *Изд.*: Белецкий, Мусин 1998: 44–45, рис. 3.

В новгородском собрании домонгольских пломб буллы разряда VI/1 представлены приблизительно 50 экземплярами, причем подавляющее большинство находок происходит с Городища (Ершевский 1989: 71). Соответствие пломб разряда VI/1 аналогичным образом оформленным печатям позволяет предполагать, что пломбы, как и печати принадлежали русским князьям. Принципиальная атрибуция печатей была установлена Н. П. Лихачёвым, и он же убедительно показал, что изображения святых на печатях передают крестильные имена владельца печати и его отца (Лихачёв 1928: 52–53), фактически имя и отчество владельца, то есть его личную подпись.

Нетрудно заметить, что и печати, и пломбы с изображениями святых на обеих сторонах лишены юридического аверса. Принимая за лицевую сторону буллы ту ее сторону, на которой помещено изображение святого, тезоименитого владельцу, мы тем самым лишь определяем начало подписи («имя»), окончание которой («отчество») перенесено на оборотную сторону. Такое оформление буллы является свидетельством неофициального характера печатей. Следовательно, и печати, и пломбы разряда VI/1 не принадлежали к числу регалий власти, а являлись личными печатями князей (Белецкий 1990: 10–14), предназначенными, в первую очередь, для междукняжеской переписки, следы которой дошли до нас в виде скрытых цитат, включенных в погодные статьи летописи (Рыбаков 1963: 319–334).

Разряд XI/3: Буква — легенда (рис. 8.14)

№ 178. *Av*: буква **ь**. *Rv*: нечитаемая надпись в две (?) строки.

Д.: 8–10 мм. *В.*: 1,38 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Отвал. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 659. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 312.

Дефектные пломбы (рис. 8.15)

№ 179. *Av*: погрудное изображение святого (?). *Rv*: сбит.

Д.: 11–12 мм. *В.*: 1,54 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 243, рис. 76.

№ 180. *Av*: шестиконечный процветший крест. *Rv*: сбит.

Д.: 9–10 мм. *В.*: 1,54 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция.
Изд.: Белецкий, Петренко 1994: 243, рис. 77.

№ 181. *Av*: не читается. *Rv*: фрагмент буквы (?).

Д.: 11 мм. *В.*: 1,74 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV. Отвал. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/317.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 231; Кирпичников, Белецкий 2009: 45.

№ 182. Изображения и надписи не читаются.

Д.: 13 мм. *В.*: 2,04 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XVIII, гл. +19. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/1364.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 231; Кирпичников, Белецкий 2009: 45.

№ 183. *Av*: двузубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, ножка вертикальная. *Rv*: неясное изображение.

Д.: 9–12 мм. *В.*: 2,09 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Отвал. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 111. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 312.

Такие же знаки выявлены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. I, *38*; XII, *548*) и Витебска (Штыхау, Цішкін 1993: 527, фото, нижний ряд, центральная), на крышке каменного саркофага из Василёва (Белецкий 2006: 88, рис. 4, *1*), на каменном грузиле из Пскова (Белецкий 1999: 11–19), на памятном камне у д. Волгино-Верховье (Ильин 1947: 181, рис. 76), а также в гончарных клеймах из Владимира, Киева и Киевской обл., Плеса, Ревутово и Тверского Поволжья (Белецкий 2014: рис. 3, *8, 9, 11, 12, 29, 32, 35, 37, 41, 42, 45, 50, 52, 53*)

№ 184. *Av*: двузубец с Т-образной ножкой, зубцы остались за пределами оттиска. *Rv*: стерт либо не оттиснулся.

Д.: 9 мм. *В.*: 0,95 г (фрагм., не менее 1,9–2,0 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Отвал. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 60. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2014а: 313.

Заготовки для пломб (рис. 8.15)

№ 185. Заготовка линзовидная (литейный брак)[5].

Д.: 9,0–10 мм. *В.*: 1,04 г. *М. н.*: Старая Ладога. *Хр.*: частная коллекция. *Изд.*: Белецкий, Петренко 1994: 243, рис. 78.

№ 186. Заготовка линзовидная (литейный брак).

Д.: 13–14 мм (не менее 14–15 мм). Диаметр канала 1,5 мм. *В.*: 2,88 г (не менее 3,5 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XVIII, гл. +55. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1144. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 293; Кирпичников, Белецкий 2009: 45.

№ 187. Заготовка линзовидная.

Д.: 14–15 мм. Диаметр канала 1,5–2 мм. *В.*: 3,73 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XVI, гл. +64. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/710. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 293; Кирпичников, Белецкий 2009: 46.

№ 188. Заготовка линзовидная (литейный брак). Одно из двух отверстий канала заплавлено.

Д.: 14–15 мм. Диаметр канала 1,5 мм. *В.*: 3,1 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV. Отвал. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2006/1384. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 294; Кирпичников, Белецкий 2009: 46.

№ 189. Заготовка неправильно-овальная. Отверстия канала смяты.

Д.: 10–14 мм. Диаметр канала — не менее 1,5 мм. *В.*: 3,59 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2006 г. Раскоп IV, кв. М-XIII, гл. +51. *Хр.*: СЛМ,

[5] Ранее было высказано предположение, что это дефектная пломба, изображения на обеих сторонах которой были стерты (Белецкий, Петренко 1994: 243).

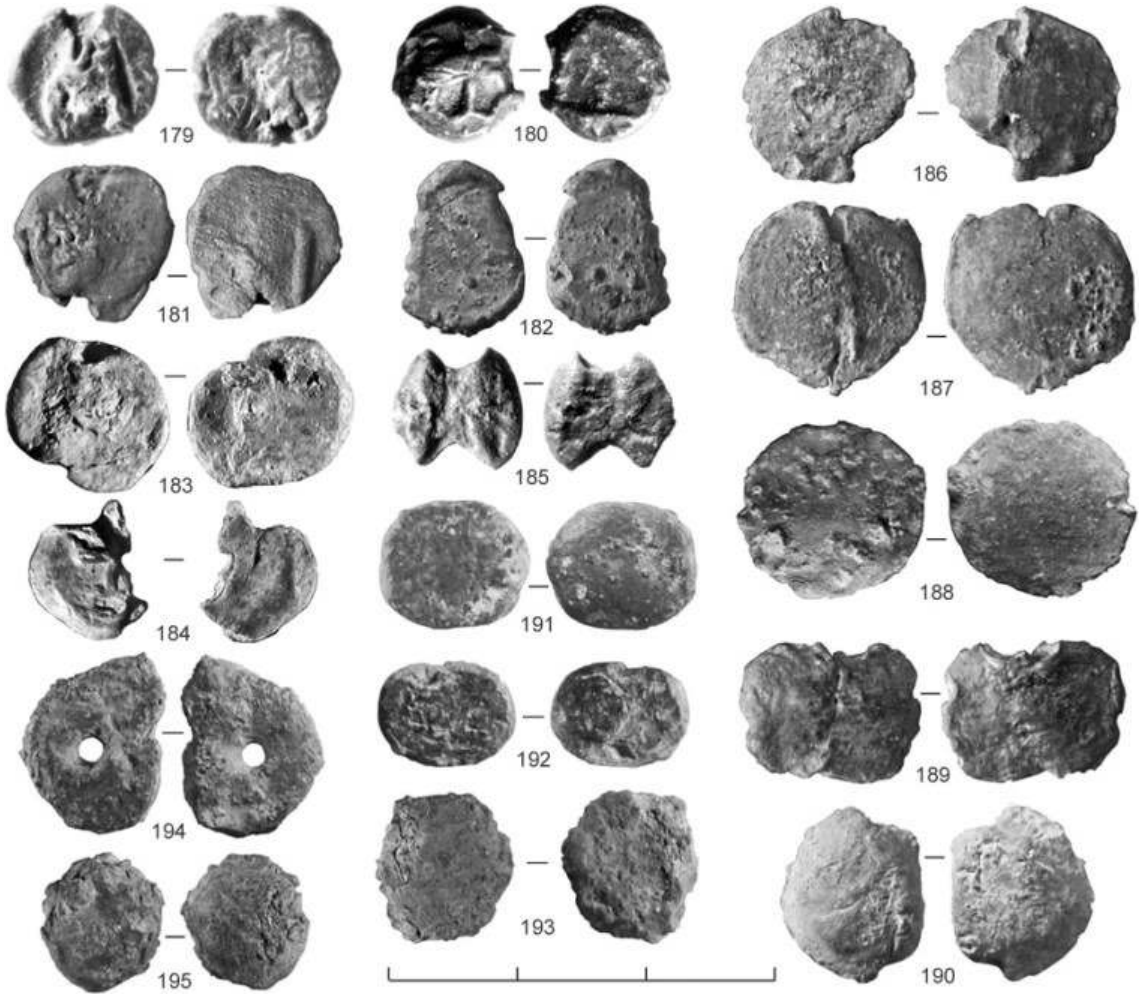


Рис. 8.15. Дефектные пломбы (179–183) и заготовки для пломб (185–195)

инв. № САЭ-2006/450. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2006: 294; Кирпичников, Белецкий 2009: 46.

№ 190. Цельнолитая овальная заготовка для пломбы.

Д.: 10–13 мм. Диаметр канала 1,5 мм. *В.*: 4,14 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. О-XIX; гл.: +45. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/350. *Изд.*: Кирпичников, Белецкий 2008: 231; Кирпичников, Белецкий 2009: 46.

№ 191. Овальный свинцовый цельнолитой «кружок». Канал не читается. Возможно, это бракованная отливка заготовки для пломбы.

Д.: 9–11 мм. *В.*: 3,19 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XIX, гл. +36. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/949.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 231; Кирпичников, Белецкий 2009: 48.

№ 192. Овальный свинцовый цельнолитой «кружок». С одной стороны плохо читается сплющенный выход канала, с противоположной стороны выход канала не прослежен. Вероятно, это бракованная отливка заготовки для пломбы.

Д.: 7–10 мм. *В.*: 1,46 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. К-XIX, гл. +2. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/2615.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 231; Кирпичников, Белецкий 2009: 48.

№ 193. Свинцовый кружок с округлым заплавленным гуртом. В одном месте гурт выкрошился, поэтому отчетливо виден шов между двумя пластинами, из которых состоит кружок. Канал не читается. Вероятно, это бракованная составная заготовка для пломбы.

Д.: 10 мм. *В.*: 1,67 г (не менее 1,8–1,9 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. Ж-XII, гл. +1. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/2376.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 231–232; Кирпичников, Белецкий 2009: 48.

№ 194. Половинка свинцового цельнолитого кружка, пробитого сквозным отверстием. Излом окатан, поэтому неясно — является ли данный предмет сломанной по каналу и пробитой заготовкой или же это фрагмент свинцовой пластинки.

Д.: 15 мм. *В.*: 2,55 г (не менее 6 г). *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. И-XII, гл. +7. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/1100.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 232; Кирпичников, Белецкий 2009: 48.

№ 195. Свинцовый кружок с округлым заплавленным гуртом. В одном месте гурт выкрошился, поэтому отчетливо виден шов между двумя пластинами, из которых состоит кружок. Канал не читается. Вероятно, это бракованная составная заготовка для пломбы.

Д.: 10 мм. *В.*: 1,61 г. *М. н.*: Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2007 г. Раскоп IV, кв. Е-XIII, гл. –12. *Хр.*: СЛМ, инв. № САЭ-2007/2175.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2008: 232; Кирпичников, Белецкий 2009: 48.

Византийские печати

№ 196 (рис. 8.16). *Av*: Богоматерь Одигитрия поясная. Нимбы и ободок точечные. По сторонам лика Богоматери МР — (…) (Μήτηρ Θεου). Круговая надпись (…) ЄRОНΘТΩΣΩ (…) γΔ (Θεοτόκε βοήθει τω σω δούλω). *Rv*: надпись в четыре строки (…) ЄОNTI / (…) НТРОПО / ΛΙΤΗΛΑΟ / ΔΙΚЄΙΑΣ (Λέοντι / μήτροπο / λίτή Λαο / δικείαζ).

Д: 27–30 мм. *В:* 14,9 г. *М. н.:* Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 1998 г. Раскоп 2, слой вала городища, насыпанный в конце XVI в. и содержавший в перемешанном виде предметы IX–XVI вв. *Хр.*: СЛМ. *Изд.*: Казанский, Кирпичников 1998: 115–124; Bulgakova 2004: 85–88; Мусин 2002: 76, рис. 3, *1*.

Надписи на обеих сторонах печати образуют единый текст: Θεοτόκε βοήθει τωει σωι δούλωι Λέοντι μήτροπολίτήι Λαοδικείαζ (Матерь Божия, Богородица, помоги рабу Твоему, Леону, митрополиту Лаодикии). Таким образом, печать принадлежала Лаодикийскому митрополиту Леону. Н. Н. Казанский и А. Н. Кирпичников отождествили Леона Лаодикийского с переяславским митрополитом Львом, датировали печать на этом основании третьей четвертью XI в. и связали появление в Ладоге послания переяславского епископа с внутрицерковными делами (Казанский,

Рис. 8.16. Византийские печати (196, 197) и западноевропейская текстильная пломба(198)

Кирпичников 1998: 121–123). Это предположение поддержал А. Е. Мусин, подчеркивавший, что «активность Черниговской и Переяславской епархий на Русском Севере в XI–XII вв. представляется если не закономерным, то, по крайней мере, обычным явлением» (Мусин 2002: 74). Думается, однако, что отождествление Леона Лаодикийского со Львом Переяславским пока достаточно надежных обоснований не получило. Полагаем, более основательным является мнение сфрагиста-византолога В. Булгаковой, датировавшей печать митрополита Леона первой половиной XI в. (Bulgakova 2004: 85–87), что делает сомнительным сопоставление владельца печати со Львом Переяславским, занявшим митрополичью кафедру после 1072 г. (Щапов 1989: 56–58).

№ 197 (рис. 8.16). *Av:* (…) / (…) ЕГА (N?…) / (…) VMA (…) / (…). *Rv:* (…) / (…) ГЕN (…) / (…) АОΔIV (…) / (…).

Д: 15–17 мм. *В:* 3,49 г. *М. н.:* Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки 2011 г. Раскоп V, кв. П-XV, гл. +18. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 995.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 304, 307. Ил. 3, *17*.

Печать датируется XI–XII вв.[6] В монографии В. Булгаковой учтено три экземпляра печатей от этой пары матриц (Bulgakova 2004: 180–182, № 1.7.18 — 1.7.19). По устному сообщению исследовательницы, в настоящее время ей известно уже пять экземпляров этой печати (две найдены на Рюриковом городище, одна в Киеве, а места находок еще двух булл не установлены), но ни на одном экземпляре не удается полностью прочитать легенду: во всех случаях заготовка, по которой производился оттиск, значительно меньше матриц печати.

Западноевропейская текстильная пломба

№ 198 (рис. 8.16). *Д:* 20–22 мм (с *выступом* до 27 мм). *В:* 14,28 г. *М. н.:* Земляное городище. Раскопки 2011 г. Отвал. *Хр.*: ИИМК, инв. № САЭ-2011/№ 56.
Изд.: Кирпичников, Белецкий 2014а: 309, 313, ил. 4, *33*.

Западноевропейские свинцовые текстильные пломбы предназначались для удостоверения качества шерстяного сукна. Они стали использоваться с XII–XIII вв. во Фландрии и Англии, а широкое распространение получили в основном в XIV–XV вв. С XV–XVI вв. такие пломбы использовались в Германии, Польше, Испании

[6] Благодарим В. С. Шандровскую, Е. В. Степанову (СПб.) и В. Булгакову (Берлин), принявших участие в обсуждении находки.

и других странах, в которых развивалась суконная промышленность. Пломбирование тканей продолжалось в Европе до XX в. (Коваль 2015: 211).

У ладожской пломбы, к сожалению, поверхность частично разрушена, так что установить происхождение пломбы невозможно. По мнению И. И. Синчука, пломба датируется XVII–XVIII вв.,[7] так что для характеристики судеб средневековой Ладоги эта находка ничего не дает.

Ладога в XI–XV вв. в свете данных сфрагистики

Сфрагистическая коллекция из Ладоги неоднородна. Известные к настоящему времени памятники разделяются на четыре хронологические серии, каждая из которых характеризует особый период в жизни города (табл. 8.1). Дефектные печати (№ 99–108), а также заготовки для печатей (№ 109–135) и пломб (№ 185–195) в хронологические серии не включены.

Таблица 8.1. Статистика сфрагистических находок в Ладоге

Хронологические серии		Печати	Пломбы	Всего (матр./экз.)
№	Границы			
1	XI — начало XII в.	№ 19, 23, 71–77, 196	№ 166	11/13
2	XII–XIII вв.	№ 1, 2, 9, 18, 20, 21, 24, 25, 37–70, 87, 88, 197	№ 136–165, 167–184	93/109
3	Конец XIII — начало XV в.	№ 3–6, 8, 12–14, 16, 22, 26, 27, 78–83, 86, 94–98		24/35
4	XV в.	№ 7, 10, 11, 15, 17, 28–36, 84, 85, 89–93		21/28

Серия 1: XI — начало XII в.

Ранняя серия включает 12 печатей от 10 пар матриц и одну пломбу. Древнейшая из находок — печать лаодикийского митрополита Леона первой половины XI в. (№ 196). Около 1020 г. Ярослав Мудрый, как известно, передал своей жене Ингигерд Альдейгьюборг «и то ярлство, которое ему принадлежало» в качестве свадебного дара (Рыдзевская 1945: 58, 59; Глазырина, Джаксон 1986: 110–111). Таким образом, грамота, скрепленная митрополитом Леоном, попадает в Ладогу в то время, когда управление здесь осуществляли скандинавские ярлы. Очевидно, права В. Булгакова, осторожно предположившая, что послание митрополита Леона «могло касаться вопросов христианского миссионерства» на севере Европы (Bulgakova 2004: 87).

Появление в Ладоге документов, скрепленных печатями Владимира Мономаха (№ 71–72) времен ростовского или смоленского княжений (конец 1060–1070-е гг.), безусловно, указывает на целенаправленный интерес князя к Ладоге.

Возможно, в 70–80-е гг. XI в. проявляет интерес к Ладоге и князь Святополк Изяславич, занимавший в это время новгородский стол. Но не исключено, что

[7] Благодарим И. И. Синчука (Минск), принявшего участие в обсуждении находки.

документ, скрепленный печатью № 73, поступил в Ладогу позднее — после 1093 г., когда Святополк занял великий киевский стол. Во всяком случае именно в годы великого княжения Святополка Изяславича Ладогу посетило посольство митрополита Киевского (№ 23). Тогда же в Ладогу попадает документ, скрепленный печатью (№ 75) новгородского епископа Германа (?).

Приблизительно в те же годы в Ладогу попадают документы, скрепленные печатями (№ 74) протопроедра Евстафия — главы боярского совета при Мстиславе Владимировиче в первый период его новгородского княжения (1088–1094 гг.). Это свидетельствует об особом внимании новгородской администрации к Ладоге.

А. Н. Кирпичников справедливо видел в строительстве ладожской крепости в 1114 г. воплощение программы Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого по укреплению границ Руси (Кирпичников 1984: 66, 67; Кирпичников 1977б: 432). Возможно, с этой же программой было связано и строительство каменного детинца в Пскове в начале XII в. (Белецкий В., Белецкий С. 1987: 34, 35). Заметим, что возведение ладожской твердыни произошло только после того, как Мономах занял в 1113 г. великий киевский стол, а не сразу после похода новгородцев «в Ладогу на войну» (НПЛ: 19, 203). Поход новгородцев в Ладогу вряд ли мог произойти без санкции новгородского князя Мстислава Владимировича. Поскольку версия о подконтрольности Ладоги в последней трети XI в. новгородской администрации опирается только на историографическую традицию и собственно письменными источниками не подкрепляется, можно думать, что поход 1105 г. был именно «в Ладогу» (как об этом и сообщено в Новгородской Первой летописи), а не в Приладожье. Если так, то до 1105 г. Ладога не просто не входила в юрисдикцию новгородской администрации, но, вероятно, находилась в оппозиции к Новгороду, тем более что традиционной для нее была политическая ориентация на Киев. В противном случае вряд ли потребовалось бы брать город под контроль вооруженным путем.

Маловероятно, что действия Мстислава Владимировича по захвату Ладоги в 1105 г. расходились с политической программой его отца. Они, конечно, были согласованы с Владимиром Мономахом и санкционированы им. Напомним, что Мономах в это время находился на переяславском, а не на великом киевском столе, так что оппозиция Ладоги Новгороду фактически означала оппозицию Мономаху.

Таким образом, рассматриваемая сфрагистическая серия позволяет говорить о соперничестве и борьбе, развернувшейся в последней четверти XI в. между Владимиром Мономахом и его кузеном Святополком Изяславичем — за политическое влияние в Ладоге и, вероятно, в контролировавшемся ею «ярлстве». Важность Ладоги — главных «ворот» Руси на Балтике — в борьбе за политическое влияние в масштабах всего Русского государства очевидна. В этом соперничестве верх, очевидно, остался за Святополком, занявшим в 1093 г. великокняжеский стол и подключившим к своей ладожской дипломатии митрополита Киевского — Николая или Никифора I.

Санкционировав поход Мстислава новгородского на Ладогу в 1105 г., Владимир Мономах разрубил гордиев узел — покончил с традиционной для ладожского ярлства прокиевской политикой, а фактически покончил с самим ярлством, переподчинив Ладогу Новгороду, контролировавшемуся его старшим сыном. Возможно, именно в поддержку военно-политической миссии Мстислава Владимировича 1105 г. в Ладогу была направлена грамота, скрепленная печатью (№ 19) новгородского епископа Никиты, отправлявшего пастырские обязанности в 1096–1107 гг.

Строительство ладожской крепости летопись связывает с деятельностью ладожского посадника Павла (ИЛ: 273). В свете данных В. Н. Татищева о непосредственном участии Мстислава Владимировича в создании ладожских фортификаций (Татищев 1963: 130) можно думать, что посадник Павел — это не новгородский боярин и тем более не выборный ладожский лидер, а чиновник княжеского аппарата в должности посадника. Рискнем предположить, что сфрагистической регалией посадника Павла была пломба с изображением святителя (св. Павла Исповедника) на реверсе и двузубцем Мстислава Великого на аверсе. Именно так оформлена пломба № 166, и мы предположительно атрибутируем ее посаднику Павлу. Впрочем, эту пломбу следует относить уже к следующему периоду истории Ладоги, поскольку возведение в 1114 г. ладожской крепости явилось фактом нового этапа в судьбе города: из столицы буферного государства на северо-западе «империи Рюриковичей» Ладога превратилась в пограничную крепость, закрывшую свободный проход с Балтики во внутреннее пространство Руси. Учитывая, что второй основной проход с Балтики на Русь перекрывался строительством каменной псковской крепости, можно рассматривать эти строительные работы как реализацию антишведской политики великокняжеской администрации Мономаха, а отнюдь не в качестве новгородской инициативы.

Позднейшие из печатей ранней серии скрепляли документы, направленные в Ладогу князьями рубежа XI–XII — начала XII в. (№ 76–77). Однако до персонификации владельцев печатей вопрос об их значении для понимания ладожской истории остается открытым.

Серия 2: XII–XIII вв.

Середина XII — XIII в. — это период в истории Ладоги, наиболее обеспеченный сфрагистическими источниками. К этому времени относятся 58 печатей от 45 пар матриц (в том числе одна византийская — № 197) и 51 пломба.

Основу сфрагистической серии составляет группа из 37 печатей от 30 пар матриц, относящаяся к разряду VI/1 (№ 41–70). Такие печати скрепляли княжеские послания (Белецкий 1990: 10–14; 2001б: 60), подобные посланиям, цитаты из которых были выявлены Б. А. Рыбаковым в тексте Ипатьевской летописи (Рыбаков 1963: 319–334). Если принять персональные атрибуции печатей с изображениями святых на обеих сторонах, предлагавшиеся В. Л. Яниным, то в Ладогу в разные годы поступили послания князей Святополка Мстиславича († 1154), Ростислава Мстиславича († 1167), Мстислава Юрьевича († после 1161), Святослава Ростиславича († 1170), Рюрика Ростиславича († 1212), Святослава Мстиславича († после 1175), Святослава Всеволодича († 1252), Мстислава Мстиславича Удатного († 1228), Ярослава Всеволодича († 1246), Александра Ярославича († 1263) и Ярослава Ярославича († 1271). Таким образом, княжеские послания регулярно поступали в Ладогу на протяжении второй половины XII и XIII в. Следовательно, в Ладоге в это время было кому получать послания от князей, принадлежащих разным ветвям потомства Рюрика, занимавших разные столы и находившихся между собой в разнообразных, далеко не всегда дружественных отношениях.

Возможны два варианта истолкования этого наблюдения. Печати с изображениями святых на обеих сторонах могли скреплять грамоты, направлявшиеся в Ладогу из Новгорода, когда князья — владельцы печатей — занимали новгородский стол. Для большинства перечисленных лиц княжение в Новгороде было лишь

эпизодом в политической биографии, так что переписка с Ладогой могла происходить в порядке должностных обязанностей, вытекающих из правового положения новгородского князя.

Полагаем, однако, что вероятность поступления в Ладогу посланий, скрепленных княжескими печатями, из Новгорода является сугубо теоретической. Найденные в Ладоге печати с изображениями святых на обеих сторонах аналогичны печатям разряда VI/1 из других центров Руси. Это дает основание утверждать, что процессы, нашедшие материальное отражение в рассматриваемых печатях, проходили в Ладоге по тем же законам, что и в Новгороде, Киеве или Пскове, то есть являлись общерусскими. Иными словами, комплект ладожских печатей с изображениями святых на обеих сторонах необязательно формировался, благодаря княжеским посланиям, скрепленным печатями именно в Новгороде. С большим вероятием следовало бы предполагать существование в Ладоге во второй половине XII — начале XIII в. княжеского стола. Именно ладожские князья могли бы являться (и, вероятно, являлись) адресатами корреспонденции, направлявшейся в Ладогу из разных уголков государства представителями правящей на Руси династии[8].

Три пломбы разряда VI/1 (№ 175–177) полностью соответствуют аналогично оформленным печатям. Как и печати, пломбы с изображениями святых на обеих сторонах лишены юридического аверса. Следовательно, эти пломбы, как и аналогично оформленные печати, не принадлежали к числу регалий власти, а являлись личными печатями князей, предназначенными, в первую очередь, для междукняжеской переписки.

Важной представляется находка в Ладоге печати, которую мы предположительно соотнесли с Юрием Долгоруким (№ 1), занимавшим великий киевский стол (с перерывами) в 1149–1157 гг. Грамота, скрепленная печатью Юрия Владимировича, попадает в Ладогу в то время, когда князь предпринимал активные попытки закрепить новгородский княжеский стол за своим сыном Мстиславом. Приблизительно в это же время в Ладогу поступает грамота, скрепленная печатью архиепископа Нифонта (занимал Софийскую кафедру в 1131–1156 гг.). Близкое по времени появление в Ладоге двух документов, один из которых был скреплен великим киевским князем, а другой — новгородским владыкой (№ 18), поддержавшим Мстислава Юрьевича в его претензиях на новгородский княжеский стол (НПЛ: 216), вряд ли случайно: поддержав Мстислава,[9] Нифонт фактически поддержал великого киевского князя в его желании установить контроль над Новгородом.

[8] В. Л. Янин, не исключавший существования в Ладоге княжеского стола, предполагал его иерархическую подчиненность Новгороду: именно так, по-видимому, следует расценивать предложенную исследователем для неприуроченных печатей № 53, 56 (№ 232 и 237 Корпуса) атрибуцию их пригородским князьям Новгорода (Янин 1970, т. 1: 130).

[9] Строго говоря, Новгородская Первая летопись не сообщает о поддержке Нифонтом Мстислава Юрьевича, а лишь констатирует, что владыка возглавил посольство, направленное к Юрию Долгорукому за Мстиславом: «Тогда же послаша владыку Нифонта с передними мужи к Юрьеви по сын, и введоша Мьстислава сына Юрьева генваря в 30» (НПЛ: 216). Заметим, однако, что посольство 1154 г. было уже вторым посольством новгородцев к Юрию Долгорукому, возглавлявшимся Нифонтом: первое посольство состоялось в 1148 г. и было связано с необходимостью заключить мир с суздальским князем, причем во время переговоров Нифонт убедил Юрия Владимировича отпустить пленных новгородцев (Хорошев 1980: 28).

В этой связи внимание привлекают найденные в Ладоге печати новгородских посадников (№ 24–25). Теоретически эти находки можно было бы рассматривать как свидетельство деятельности в Ладоге посадников, направленных сюда из Новгорода, тем более что следствием событий 1132 г., связанных с изгнанием князя Всеволода, стало назначение в Ладогу и Псков посадников из Новгорода: «Мирославу даша посадницать в Плескове, а Рагуилове в Ладозе» (НПЛ: 207). Однако обнаружение в Ладоге печатей высших боярских магистратов Новгорода еще не свидетельствует ни об административной деятельности здесь высокопоставленных новгородских чиновников, ни о том, что документы были скреплены посадничьими печатями в самой Ладоге. Новгородские республиканские посадники, получившие после событий 1136 г. право пользоваться актовой печатью, скрепляли документы не только попадавшие в городищенский архив или в домашние архивы горожан, но также уходившие из Новгорода далеко за пределы Новгородской земли (напр.: Янин 1970, т. 1: № 287, 311; Янин, Гайдуков 1998а: № 83а, 291а, 293а, 294а, 297-6, 299-2). Иными словами, посадничьи печати Новгорода только по оформлению соответствовали сфрагистическим регалиям княжеских посадников, а по своим функциям были вполне адекватны княжеской булле, также скреплявшей документы, имевшие общерусское хождение. Таким образом, находки новгородских посадничьих печатей XII–XIII в. совершенно необязательно свидетельствуют о том, что посадники отправляли административные функции именно в местах обнаружения печатей.

Полагаем, что документы, скрепленные печатями новгородских посадников, следует рассматривать в связи с документами, утвержденными печатями Юрия Долгорукого и Нифонта. Складывается впечатление, что великий киевский князь и поддержавший его новгородский владыка, с одной стороны, и новгородские посадники, с другой стороны, развернули между собой активную борьбу за Ладогу.

Отметим поступление в Ладогу документов, скрепленных печатями новгородского владыки Ильи-Иоанна (№ 20–21), рукоположенного в епископы 28 марта 1165 г. и вскоре после этого возведенному в сан архиепископа (НПЛ: 31–31). Интерес к Ладоге Ильи-Иоанна, как и его брата и преемника на Софийской кафедре Григория-Гавриила, прослеживается, по крайней мере, с тех пор, когда братья основали в 1170 г. Благовещенский монастырь в Аркажах (НПЛ: 222) и выступали в качестве ктиторов от имени Благовещенской святыни (№ 37–39). О Гаврииле известно мало. Зато его брат, владыка Илья, принадлежал к числу активных политических деятелей своего времени, «причем его деятельность носит ярко выраженную боярскую окраску» (Хорошев 1980: 37). Именно он, в частности, выступал полномочным представителем новгородской администрации во время переговоров во Владимире после поражения войск Андрея Боголюбского под Новгородом в 1172 г. (НПЛ: 34, 222). Предполагая, что деятельность Гавриила проходила в русле политики, проводившейся его братом, заманчиво было бы связать появление в Ладоге этих посланий с активизацией антисуздальской политики Новгорода. Однако это только догадка.

Верхняя хронологическая граница существования ладожского княжества определяется, по-видимому, временем несколько более ранним, чем 1228 г., поскольку в том году управление в Ладоге уже, безусловно, осуществлял посадник: в контексте рассказа о конфликте между Ладогой и емью упоминается ладожский посадник Владислав, возглавлявший отряд ладожан (Там же: 65, 270). По-видимому, послания,

скрепленные великокняжескими (№ 2) и «портретной» (№ 88) печатями князя Ярослава Всеволодича, занимавшего великий владимирский стол в 1238–1246 гг., как и грамоты его преемников — брата, Святослава Всеволодича (№ 48), и сыновей, Александра Ярославича (№ 61) и Ярослава Ярославича (№ 62), свидетельствуют, прежде всего, о сохранении внимания к Ладоге со стороны великих владимирских князей.

Послание, скрепленное представителем Ивановского монастыря (№ 40), могло содержать известие о знамении 18 мая 1243 г. «от иконы святого Спаса над гробомь княгыниномь Ярославлеѣ Володимирича … идее мюро от иконы по 12 днии, наиде 4 вощаници яко в стекляницю, и привезоша в Новъгород две на благословение, а в Плесковѣ оставиша двѣ собѣ» (Там же: 79). Но это, конечно, тоже только догадка.

Одной из наиболее представительных групп пломб, найденных в Ладоге, являются 14 пломб разряда II/2 (№ 136–149). Для понимания административного устройства Ладоги эти находки, впрочем, ничего не дают. Если верна высказанная гипотеза о связи пломб с изображениями креста и святого с эмиссионной деятельностью великокняжеского правительства, то факт присутствия в Ладоге пломб разряда II/2 свидетельствует лишь о включении города в единое общерусское экономическое пространство, объединенное кредитным денежным обращением.

Среди двузубцев на ладожских пломбах решительно преобладает группа двузубцев с отрогом внутрь на левом зубце (№ 152–154, 156, 160, 161, 165, 169–171, 174). Благодаря находке памятного камня в Троицком на Кловке монастыре в Смоленске, эти знаки можно уверенно связать со смоленскими князьями (Торшин 2005: 42–49; Белецкий 2000: 216–225), в том числе — с Ростиславом Мстиславичем (†1167), Романом Ростиславичем (†1180), Рюриком Ростиславичем (†1212) и Ростиславом Рюриковичем (†1218). Таким образом, выявляется повышенное внимание к Ладоге со стороны смоленских князей второй половины XII — первой четверти XIII в. Заметим, что среди пломб княжеских посадников одна (№ 165) наверняка и еще две (№ 169, 170) предположительно принадлежали чиновникам, представлявшим в Ладоге Ростислава Мстиславича смоленского, трижды — в 1154, 1159–1161 и 1161–1167 гг. — занимавшего великий киевский стол (Войтович 1992: 82). По-видимому, в эти годы управление в Ладоге осуществлялось великокняжеской администрацией.

В Ладоге в разное время были посадники, представлявшие князей других ветвей потомства Владимира Святого. Это отражает посадничья пломба № 162, несущая на аверсе фрагментарно сохранившийся трезубец. Не исключено, что этот знак принадлежал князю из рода полоцких Рюриковичей. Знак на посадничьих пломбах № 164 принадлежал одному из потомков Мстислава Великого в третьем-четвертом колене. К той же ветви рода Мстиславичей относился и владелец знака на пломбе № 155, принадлежавшей чиновнику в должности княжеского канцлера. От персональной принадлежности владельцев этих знаков пока предпочитаем воздержаться.

Особо отметим посадничью пломбу № 167, на аверсе у которой помещено изображение знака в виде треугольника, увенчанного крестом, а также таможенную (?) пломбу № 172, несущую на аверсе изображение знака в виде треугольника с раздвоенной вершиной. Ранее (Белецкий 1993: 6–8) было высказано предположение, что знаки в форме треугольника, увенчанного крестом, могли принадлежать князю Довмонту-Тимофею (†1299). В настоящее время мы не станем настаивать на этой персонификации, однако связь знаков рассматриваемой группы с литовскими князьями

представляется весьма вероятной — подобный знак, в частности, зафиксирован на буллотирии для пломб, найденном при раскопках Новогрудка, древней столицы Литвы (Гуревич 1981: 99, рис. 77, *б*); правда, на опубликованной прорисовке линия основания треугольника не обозначена (разрушена коррозией?).

Княжеская печать № 9, отвратительно сохранившаяся печать № 87, а также фрагментарно оттиснутая византийская печать (№ 197), к сожалению, ничего не добавляют к пониманию исторических судеб Ладоги в XII–XIII вв. То же самое можно пока сказать и о пломбах, которые остаются неприуроченными, а также о большинстве дефектных пломб.

Подводя итоги рассмотрения ладожских печатей и пломб серии 2, отметим, что 30–60-е гг. XIII в. являются своеобразной сфрагистической «лакуной» в истории Ладоги. Правда, летописные данные свидетельствуют, что управление в Ладоге в середине — третьей четверти XIII в. осуществляли новгородские чиновники (НПЛ: 309, 323, 324), а в копорском конфликте между Новгородом и князем Дмитрием Александровичем именно ладожский отряд защищал Копорье от князя Довмонта Псковского, зятя Димитрия (Там же: 323, 324). И все же от второй — третьей четверти XIII в. до нас не дошло ни одного уверенно датированного сфрагистического памятника. Оставляя открытым вопрос о причинах образования этой «лакуны» подчеркнем, что следующий исторический период, охватывающий конец XIII и большую часть XIV в., сфрагистически представлен так же хорошо, как и период, предшествующий «лакуне».

Серия 3: конец XIII — начало XV в.

Сфрагистическая серия этого времени включает 35 печатей от 32 пар матриц. Основу серии составляют печати, принадлежавшие ладожским наместникам. Эта группа печатей неоднородна по составу. Древнейшие из дошедших до нас печатей ладожских наместников датируются концом XIII в.: на аверсе помещено изображение св. Климента, тезоименитого архиепископу Клименту, а на реверсе размещена легенда, содержащая формулу принадлежности (№ 78, 79). В XIV в. тип наместничьей регалии меняется: легенда на реверсе сохраняет прежнюю формулу, а на аверсе размещается изображение креста в окружении надписи, содержащей имя и титул новгородского архиепископа (№ 12–16). Очевидно, что в это время статус ладожского наместника изменился — чиновники, первоначально являвшиеся личными представителями новгородского владыки, получили заметно бóльшую самостоятельность в своих действиях, сохранив в то же время анонимность, то есть — принцип должностной ответственности за совершавшиеся юридические действия. В начале XV в. с аверса печати ладожских наместников исчезает круговая надпись (№ 11), а затем в формуле легенды на реверсе появляется имя наместника (№ 17), что переводит буллу в разряд именных, указывая на новое изменение в положении держателя буллотирия: на смену должностной ответственности приходит ответственность персональная. Очевидно, что полномочия ладожских наместников с течением времени менялись. Первоначально ладожские наместники являлись личными представителями новгородского владыки, и их полномочия, судя по оформлению сфрагистической регалии, полностью совпадали с полномочиями новоторжских наместников (ср.: Янин 1970, т. 2: 61–66). В начале XV в. с ладожской наместничьей печати исчезает упоминание новгородского архиепископа, что,

вероятно, свидетельствует о выведении ладожского наместничества из под юрисдикции владыки. В XV в. сфрагистическая регалия ладожского наместника становится именной, и с этого времени она соответствует сфрагистическим регалиям двинских наместников (ср.: Там же: 67–84), что, очевидно, указывает на правовое соответствие чиновников.

В конце XIII в. в Ладогу поступает грамота, скрепленная печатью (№ 3) князя Димитрия Александровича (†1294), занимавшего великий владимирский стол в 1276–1294 гг. Возможно, это послание было связано с появлением в Ладоге новой администрации — владычного наместничества. Не исключено, впрочем, что грамота была направлена в Ладогу в разгар копорского конфликта между Дмитрием и новгородцами: именно ладожский отряд защищал Копорье от князя Довмонта Псковского, поддержавшего тестя (НПЛ: 323, 324).

Еще одна великокняжеская печать (№ 83) скрепляла грамоту великого московского князя Ивана Ивановича Красного (†1359). Как ни оценивать факт поступления в Ладогу такого послания, очевидно, что в середине XIV в. великокняжеская администрация сохраняла интерес к Ладоге.

От времени святительства Феоктиста, занимавшего Софийскую кафедру в годы, последовавшие за кончиной Климента, печати ладожских наместников до нас не дошли, зато в Ладоге найдена печать, принадлежавшая самому владыке (№ 22). Не исключено, что послание Феоктиста было связано с требованием ладожских чиновников предоставить им дополнительные полномочия. В этой связи принципиально важными оказываются две буллы (№ 80–81) начала XIV в. Печати такого облика начали употребляться в делопроизводстве высших боярских магистратов Новгорода с 1304–1307 гг. Не исключено, что в годы святительства Феоктиста управление в Ладоге было выведено из под юрисдикции владыки и передано под контроль вечевых структур власти. Восстановление же прежнего порядка управления в Ладоге приходится на годы святительства Давыда, сменившего Феоктиста на Софийской кафедре, причем ладожское наместничество с момента своего восстановления обладало иным, нежели при владыке Клименте, положением: теперь наместник располагал заметно бóльшей автономией.

Найденная в Ладоге печать (№ 86) князя Романа Михайловича Белозерского († после 1339 г.), выступавшего представителем Юрия (Георгия) Даниловича московского, дает основание предполагать, что Роман Белозерский был служилым князем, получившим в кормление Ладогу. Скорее всего, это имело место в 1322–1325 гг., когда Юрий Данилович отправлял обязанности новгородского князя. Впрочем, это всего лишь догадка.

Принципиальными для понимания исторических судеб Ладоги в середине и второй половине XIV в. являются фрагменты печатей № 26 и 27, атрибутированные, соответственно, сыну великого литовского князя Гедимина Глебу-Наримонту (†1348) и сыну Глеба-Наримонта, Патрикию (†1397). Важность печати № 26 в свете летописного известия о событиях, связанных с рукоположением новгородского владыки Василия Калики, трудно переоценить. Напомним, что посольство Новгорода на Волынь к митрополиту Феогносту для поставления Василия Калики в новгородские архиепископы было перехвачено по пути по приказу Гедимина, и Новгород откупился, пообещав сыну Гедимина Ладогу, Орешек, Корелу, Корелскую землю и половину Копорья (Н4Л: 263–264). Глеб-Наримонт прибыл в Новгород в 1333 г.,

целовал крест новгородцам и получил в управление перечисленные города и земли (НПЛ: 345, 346). В. Л. Янин считает, что Глеб был служилым новгородским князем и получил перечисленные владения в кормление, но подчеркивает, что после отъезда в 1334 г. в Литву князь не отказался от кормления, так как его наместники упоминаются в Орешке в 1338 и 1347 гг. (Янин 1981: 216, 217). Некоторые основания для такого заключения у исследователя были: в 1383 г. новгородцы передали в кормление Патрикию Наримонтовичу города Орешек и Корелу, половину Копорья и село Луское, а в 1384 г. заменили Орешек и Корелу Ладогой и Руссой (НПЛ: 379). Таким образом, находки печатей № 26 и 27 подтверждают летописные известия о взаимоотношениях Новгорода и Литвы в середине и второй половине XIV в.

Печати № 94–98 относятся к группе именных новгородских печатей без обозначения должности. Они датируются от конца XIII до начала XV в. (Янин 1970, т. 2: 213–216). Печать № 97, в частности, принадлежала новгородскому посаднику Семену Климовичу (1290–1310-е гг.). Очевидно, что высшие боярские магистраты Новгорода постоянно держали под контролем второй по величине город в Новгородской земле. Но значит ли это, что грамоты, скрепленные печатями № 94–98, поступали в Ладогу из Новгорода или же высокопоставленные новгородские чиновники отправляли должностные обязанности в Ладоге и именно здесь утверждали документы, судить не беремся.

Появление в Ладоге документа, скрепленного новоторжским владычным наместником времен святительства архиепископа Алексия (№ 82), вероятнее всего, следует относить за счет контактов между двумя чиновничьими структурами Новгорода, представлявшими в правовом отношении власть в регионах.

В XIV в. в Ладоге появляются документы, скрепленные печатями правительственных чиновников Новгорода (№ 4–6, 8). Разумеется, эти документы могли поступать в Ладогу непосредственно из Новгорода: на такую возможность указывает факт обнаружения большинства печатей от матриц № 8 (№ 510 по Корпусу актовых печатей Древней Руси) в Новгороде (Янин 1970, т. 2: 183; Янин, Гайдуков 1998а: 184). В то же время печати № 5–6 оттиснуты матрицами, неизвестными среди новгородских находок. Не является ли это свидетельством деятельности в Ладоге во второй половине XIV — начале XV вв. правительственных чиновников Новгорода? Вопрос оставляем открытым до новых находок.

Серия 4: XV в.

Сфрагистическая серия этого времени включает 28 печатей от 21 пары матриц. Три из этих печатей (№ 11, 15 и 17) принадлежали ладожским наместникам, а одна (№ 7) — новгородскому правительственному чиновнику; речь об этих печатях шла выше.

Основу серии составляют печати новгородских чиновников разного ранга. «Печати новгородские» (№ 29–31) и «печати Великого Новгорода» (№ 32–35) принадлежали членам Совета Господ Великого Новгорода (Янин 1970, т. 2: 126–132). Поступление в Ладогу документов, скрепленных этими печатями, подтверждает вхождение Ладоги в состав Новгородской республики. Об этом же свидетельствует поступление в Ладогу посланий, скрепленных высшими боярскими магистратами Новгорода (№ 36, 92) — посадниками Семеном Васильевичем (1416 или 1421–1423 гг.) и Александром Фоминичем (†1421). Не удивляет и присутствие в Ладоге

документов, скрепленных новгородскими чиновниками среднего звена — республиканским тиуном (№ 93) и купецким старостой (№ 28): тиун, очевидно, отправлял в Ладоге должностные обязанности, а купецкий староста мог иметь (и наверняка имел) здесь чисто экономические интересы.

Любопытной представляется находка печати, атрибутированной новгородскому Юрьеву монастырю (№ 85). О причинах поступления в Ладогу документа, скрепленного этой печатью, можно только догадываться. Конечно, не исключено, что в Ладоге могли быть чисто имущественные интересы монастыря — одного из крупнейших вотчинников Новгорода (Хорошев 1980: 159–162). Но более вероятным представляется связь документа, скрепленного рассматриваемой печатью, с деятельностью новгородского архимандрита — главы новгородского черного духовенства, резиденцией которого был Юрьев монастырь. В. Л. Янин показал, что новгородский архимандрит входил в число высших новгородских магистратов и ежегодно переизбирался на вече, то есть принадлежал к числу высших чиновников республики (Янин 1970, т. 2: 137). Связывая печать Юрьева монастыря с деятельностью новгородского архимандрита, мы можем предполагать, что его интересы были направлены, главным образом, на монастырскую жизнь Ладоги. Должность новгородского архимандрита, напомним, была учреждена еще в XIII в., а полномочия архимандрита, по мнению В. Л. Янина, не подпадали под юрисдикцию новгородского архиепископа.

Появление в Ладоге документа, скрепленного печатью двинского наместника (№ 10), вероятнее всего, следует, как и в случае с печатью новоторжского наместника, объяснять контактами между двумя чиновничьими структурами Новгородского государства, представлявшими региональную власть. В. Л. Янин датирует документ, скрепленный печатью от этой пары матриц, 20–30-ми годами XV в. (Янин 1991: 310), так что поступление в Ладогу документа, скрепленного печатью № 10, почти наверняка происходит в то время, когда ладожские наместники располагали таким же, как и двинские наместники, автономным статусом.

Принципиально важными представляются печати, связанные с деятельностью великокняжеской московской администрации. Печать № 84 скрепляла документ, направленный в Ладогу великим князем московским Василием I Дмитриевичем (†1425), а печати № 89–91 принадлежали великокняжеским тиунам начала XV в. Подавляющее большинство топографически приуроченных к черте Новгорода печатей великокняжеских тиунов происходит из комплекса городищенского архива, поэтому можно думать, что должностные лица, пользовавшиеся в делопроизводстве такими печатями, вряд ли располагали какими-либо юридическими правами в области оперативного управления Новгородом и Новгородской землей. Весьма вероятно, что документы, скрепленные печатями великокняжеских тиунов, вообще поступали в Новгород извне. В таком случае грамоты, утвержденные тиунами, представлявшими интересы Василия Дмитриевича, подтверждают наличие осознанного интереса великокняжеской московской администрации в Ладоге в начале XV в.

Сфрагистические памятники, характеризующие внутреннее управление Ладоги в XV в. (позднее деятельности наместника Захара), пока, к сожалению, остаются неизвестны. О том, что в Ладоге размещалась в это время резиденция чиновника, обладавшего правом утверждения документов вислыми свинцовыми печатями,

свидетельствуют находки однотипных разновеликих заготовок (№ 109–111; см.: Белецкий, Петренко 1994: 283, рис. 79–81). Однако печати, соответствующие по своим техническим характеристикам этим заготовкам, пока не найдены.

Уникальный сфрагистический комплекс из раскопок в Старой Ладоге

Среди ладожских памятников сфрагистики особое место занимают находки, сделанные при раскопках 2006, 2007 и 2011 гг. (Кирпичников, Белецкий 2014б: 5–8). В 2006–2007 гг. в раскопе IV на Земляном городище Старой Ладоги были найдены 74 памятника сфрагистики — печати, пломбы, заготовки для печатей и пломб. Все они найдены в верхнем супесчаном гумусированном слое, содержащем фрагменты сгоревших и истлевших деревянных конструкций, поды печей, скопления камней, прослойки и пятна глины, золы и песка (Кирпичников, Белецкий 2006: 263–303; 2008: 216–235; 2009: 21–51). Значительное скопление сфрагистических находок в пространстве одного, сравнительно небольшого, раскопа безусловно свидетельствовало о том, что мы имеем дело не со случайными находками, а с остатками единого сфрагистического комплекса. Подавляющее большинство найденных сфрагистических памятников датируются XII–XIII вв.

В 2011 г. с востока к раскопу IV был прирезан раскоп V. В верхнем супесчаном гумусированном слое этого раскопа были найдены 33 памятника сфрагистики — печати, пломбы и заготовки для печатей (Кирпичников, Белецкий 2014а: 297–318). Среди них, как и среди находок 2006–2007 гг., преобладают памятники XII–XIII вв. Топографическая близость находок 2011 г. к находкам 2006–2007 гг. и обнаружение всех предметов в одинаковых стратиграфических условиях предполагает, что новые находки являются частью того же древнерусского сфрагистического комплекса, исследования которого были начаты раскопками 2006–2007 гг.

Таким образом, за три полевых сезона был найден (без учета сомнительных предметов) 101 памятник русской средневековой сфрагистики: 52 печати, 24 заготовки для печатей, 20 пломб и 5 заготовок для пломб. Подавляющее большинство печатей (50 из 52) датируются в интервале от рубежа XI–XII вв. до середины XIII в. Очевидно, что накопление документов, которые скрепляли печати из раскопок 2006–2007 и 2011 гг., прекратилось не позднее рубежа XIII–XIV вв. и происходило по законам, отличным от формирования остальной коллекции ладожских сфрагистических находок.

Заманчиво было бы назвать обнаруженный сфрагистический комплекс «архивом», подобно тому, как «архивами» называют сфрагистические комплексы из раскопок в Довмонтовом городе Пскова (Гроздилов 1964: 154; Белецкий В., Белецкий С. 2003: 53–63) и с Городища под Новгородом (Янин 1970, т. 1: 157; Шаскольский 1972; Белецкий 2001б: 120–127). Массовость сфрагистических находок, их топографическая близость, одинаковые условия залегания в слое и хронологическая компактность, безусловно, дают основание для такого вывода.

Однако ладожский комплекс имеет важную особенность, отличающую его и от новгородского, и от псковского «архивов». Речь идет о массовых находках заготовок, которые составляют около трети от общего числа найденных раскопками сфрагистических памятников и половину от числа находок актовых печатей (табл. 8.2). Ни одного подобного комплекса на территории Древней Руси до настоящего времени найдено не было.

Таблица 8.2. Состав ладожских сфрагистических находок из раскопок 2006, 2007 и 2011 гг.

Печати	Заготовки для печатей	Пломбы	Заготовки для пломб	Всего
50 (50,5 %)	24 (24,2 %)	20 (20,2 %)	5 (5,1 %)	99 (100 %)

Полную аналогию ладожской находке (табл. 8.3) составляет исследованный раскопками Преслава (Болгария) комплекс служб канцелярии местного стратега 971–1088 гг. (Иорданов 1993).

Таблица 8.3. Сравнительная характеристика состава сфрагистических находок из Ладоги (раскопки 2006, 2007, 2011 гг.) и Преслава

Поселение	Печати и пломбы	Заготовки	Всего
Ладога	70 (70,7 %)	29 (29,3 %)	99 (100 %)
Преслав	552 (71 %)	222 (29 %)	774 (100 %)

Можно думать поэтому, что открытый раскопками 2006–2007 и 2011 гг. на Земляном городище Старой Ладоги сфрагистический комплекс представляет собой следы делопроизводства управленческой структуры, существовавшей в Ладоге в XII–XIII вв.

Очевидно, что накопление документов, которые были скреплены найденными в 2006, 2007 и 2011 гг. печатями, прекратилось не позднее рубежа XIII–XIV вв. Отсутствие в составе обнаруженного сфрагистического комплекса печатей ладожских владычных наместников позволяет предполагать, что накопление документов завершилось в тот момент, когда Ладога перешла под управление наместника новгородского архиепископа. Наиболее ранние из известных в настоящее время печатей ладожских наместников датируются временем святительства архиепископа Климента, занимавшего Софийскую кафедру в 1276–1299 гг., так что верхней датой формирования комплекса можно считать последнюю четверть XIII в. Не исключено, что управленческая структура, от которой до нас дошел рассматриваемый сфрагистический комплекс, являлась княжеской канцелярией Ладоги домонгольского времени. Если в конце XII — начале XIII вв. в Ладоге действительно находился самостоятельный княжеский стол, то существование в городе такой канцелярии представляется нам весьма вероятным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Парадоксально, но факт: комплекс памятников Старой Ладоги, являющийся одним из ключевых для понимания социокультурных процессов на севере Восточной Европы в VIII–X вв., представлен в литературе в основном разрозненными публикациями (их более 400), посвященными частным аспектам исследований и отдельным категориям материала. Последняя попытка свести воедино основную информацию о памятниках этого комплекса имела место более 30 лет назад, когда в ЛОИА АН СССР был подготовлен и издан сборник «Средневековая Ладога…» (1985). Тогда можно было предполагать, что за первой книгой последуют другие. Но по разным причинам это не произошло.

Традиция издания памятников Ладоги в книжном формате была заложена в конце XIX в. небольшой, но содержательной книгой Н. Е. Бранденбурга, с именем которого связано первое появление интереса к изучению культурного слоя Ладожского поселения. Правда, в соответствии с существовавшими тогда исследовательскими приоритетами, главным направлением работ Бранденбурга являлось все-таки изучение каменной архитектуры в контексте средневековых письменных источников (Бранденбург 1896).

К сожалению, после выхода его книги традиция монографических публикаций ладожских раскопок прервалась на полвека, хотя следующий этап исследований Ладоги, казалось бы, должен был непременно завершиться полноценной монографией. Н. И. Репников, осуществивший шурфовку и затем раскопки Земляного городища в 1909–1913 гг., был без преувеличения великим новатором полевой археологии. Он первым в России (и, вероятно, в мире) применил к «мокрому» слою с органикой методику послойного вскрытия и раскопок на широких площадях. До той поры указанные приемы исследования использовались исключительно на материалах памятников с «сухим» слоем и остатками каменной архитектуры (в основном древних городов Средиземноморья и Причерноморья).

По стечению обстоятельств — исторических, научно-организационных, человеческих — Н. И. Репников был лишен возможности довести до логического конца цикл своих исследований на Земляном городище (см. главу 2). Здесь, безусловно, сказались непонимание и недооценка современниками передовых методов изучения культурного слоя, которые он практиковал. Впоследствии важнейшая часть полевой документации (этикетки, пакеты, описи), сданная вместе с коллекцией в Этнографический отдел Русского музея, была утрачена во время страшного наводнения 1924 г., затопившего музейное хранилище. Ладожская коллекция оказалась фактически депаспортизованной.

Лишь через 35 лет после окончания раскопок (и через восемь лет после смерти самого исследователя) из печати, наконец, вышел сборник сохранившихся материалов

и текстов Н. И. Репникова (Старая Ладога… 1948). Развернутый комментарий к ним был подготовлен Г. П. Гроздиловым и П. Н. Третьяковым уже на основе опыта, полученного в течение первых трех сезонов раскопок экспедиции В. И. Равдоникаса на Земляном городище (1938–1940 гг.).

Эта вторая публикация ладожских раскопок в книжном формате не дает исчерпывающего представления об истинном масштабе «репниковского этапа» исследований Земляного городища. Как уже говорилось, большая часть информации, первоначально аккумулированной в полевой документации, к тому времени погибла. Но сам факт выхода книги, суммировавшей и обобщившей уцелевшие данные о раскопках Н. И. Репникова, явился немалым достижением.

К сожалению, материалы экспедиции В. И. Равдоникаса, исследовавшего Земляное городище (а попутно и другие памятники Староладожского комплекса) в течение 11 сезонов (1938–1959 гг.), не получили и такого обобщения. Во второй половине 1940-х гг. автор раскопок опубликовал серию крупных статей, посвященных стратиграфии, планиграфии и домостроительству Земляного городища (Равдоникас 1945; 1949а, 1949б; 1950). Сам он подчеркивал сугубо предварительный характер этих публикаций, однако обещанная книга так и не появилась.

Мы не ставили своей целью провести детальный анализ причин подобной ситуации, ибо коллективная монография, предлагаемая ныне на суд читателя, не носит историографического характера. Она посвящена насущным проблемам современной археологии Старой Ладоги. Факты биографий ученых интересуют нас ровно постольку, поскольку помогают понять их научные установки и выводы. Целенаправленное, серьезное изучение событий 1940–1950-х гг. в отечественной исторической науке должно стать темой отдельного исследования. Сейчас оно, по сути, только начато (Алымов 2009; Тихонов 2016). Но уже первые его результаты показали, как опасно всецело доверяться мемуаристам с их заведомо пристрастными оценками.

С другой стороны, анализ научного наследия предшественников, включающий детальный сбор информации о том, что было ими сделано, представляет собой важнейший инструмент историко-археологического исследования. Этот инструмент мы постарались задействовать максимально полно. В результате неоднократно становилось очевидным, что «новые» проблемы есть лишь актуализация хорошо забытого старого.

Приведем характерный пример: появление дендродаты, подтвердившей датировку нижнего горизонта Земляного городища серединой VIII в. (753 г.), способствовало тому, что в научном сообществе 1980–1990-х гг. как-то само собой сложилось мнение о повсеместной распространенности этого древнейшего слоя на площадке городища. Поэтому стало в некотором роде неожиданностью отсутствие указанного горизонта в раскопах А. Н. Кирпичникова, закладывавшихся вначале в северо-западной, затем в юго-восточной части памятника (см. с. 13–15, 285–287). Оказалось, что стратиграфия и хронология этих участков заметно отличаются от «эталона», каковым представлялся многим коллегам раскоп Е. А. Рябинина 1970–1980-х гг.

Однако в действительности указанные особенности планиграфии древнейших отложений Земляного городища были выявлены и описаны еще в 1938 г., в ходе работ В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова на раскопах I и II (см. главу 3). Уже тогда стало ясно, что на материке в северо-западной и восточной частях площадки залегают

остатки, датируемые не ранее IX–X вв. или даже середины — второй половины X в. Именно поэтому все внимание исследователей сосредоточилось на раскопе III в центре площадки, вплотную примыкавшем к раскопу Н. И. Репникова, где еще в 1911–1913 гг. были обнаружены и изучены многоярусные древние отложения с органикой.

Указанные материалы первых разведочных раскопов В. И. Равдоникаса 1938 г. ни в одну его публикацию не попали; эти раскопы даже не были показаны на планах, опубликованных в 1949–1950 гг. (Равдоникас 1949а: 9, рис. 1; Гроздилов 1950: 140, рис. 1). Однако сведения о них сохранились в полевых дневниках 1938 г. Что касается вывода о разновременности нижних отложений на разных участках Земляного городища, то он был четко сформулирован Г. П. Гроздиловым и П. Н. Третьяковым в печати еще в 1948 г. по результатам шурфовки городища Н. И. Репниковым (1909–1910 гг.) и раскопок экспедиции В. И. Равдоникаса 1938 г. (Гроздилов, Третьяков 1948: 72–73).

В 1950–1960-х гг., после передачи коллекций раскопок Земляного городища (старых и новых) в Государственный Эрмитаж, началось углубленное изучение отдельных категорий находок из культурного слоя Земляного городища. Материалами памятника занимались в тот период Я. В. Станкевич, Ф. Д. Гуревич, З. А. Львова, Ю. И. Штакельберг, Е. И. Оятева. М. А. Миролюбов и др. Совершенно особое место в этом ряду занимали Г. Ф. Корзухина и О. И. Давидан, взявшие на себя труд детального изучения полевой документации нижних слоев городища с целью уточнения и реконструкции его микростратиграфии (см. главу 2). К величайшему сожалению, рукопись Г. Ф. Корзухиной, посвященная постройкам и строительным периодам горизонта $Е_3$, после смерти исследовательницы (1974 г.) осталась невостребованной в ее личном архиве, вместе со всеми бесценными картотеками, каталогами, выписками из источников по Старой Ладоге. Научные разработки О. И. Давидан, проводившиеся параллельно, нашли отражение в серии статей, разбросанных по разным изданиям. Ее огромный труд также не получил обобщения в монографии.

Причинами создавшейся ситуации послужили: а) очень большой массив материала, собранного к концу 1950-х гг.; б) исключительная широта связанных с ним задач; в) отсутствие научно-организационных структур и условий, которые могли бы стимулировать оперативное решение этих задач. Последнее стало попросту «неподъемным» для ученого-одиночки, даже самого одаренного. Здесь требовался большой исследовательский коллектив. Попытка формирования такого коллектива имела место в начале 1970-х гг., когда в ЛОИА АН СССР была заново воссоздана Староладожская экспедиция, включавшая, на сей раз, пять отдельных отрядов со своими руководителями (см. Введение). Правда, в таком виде экспедиция просуществовала совсем недолго, но даже этого оказалось достаточно для осуществления обширного цикла полевых и кабинетных исследований.

В целом период 1970-х — начала 1980-х гг. оказался очень продуктивным в деле изучения Ладоги. Заметно расширилась база археологических источников, резко возросла их информативность: именно с той поры мы располагаем основательно разработанной дендрохронологической шкалой для нижних слоев Земляного городища и Ладожского посада, а также данными естественнонаучной аналитики древних производств (которые, в частности, позволили ответить на вопрос о ладожском стеклоделии IX в.). Не менее примечателен факт, что стратиграфическая шкала, построенная В. И. Равдоникасом на основе членения строительных горизонтов,

характера находок и общеисторических соображений, была, наконец, соотнесена с реальной стратиграфией, и указанное соотношение не вызывает сомнений, во всяком случае для западного участка площадки городища (раскоп Е. А. Рябинина и прилегающая к нему часть раскопа В. И. Равдоникаса).

Сборник, изданный по материалам этих работ в 1985 г., получился исключительно содержательным, насыщенным новым материалом и важными выводами. Однако предыдущий цикл исследований — материалы В. И. Равдоникаса, их источниковедческая разработка и обобщение — почти не нашел в нем отражения. Изыскания и выводы Г. Ф. Корзухиной, О. И. Давидан и Е. Н. Носова по стратиграфии, планиграфии и домостроительству Земляного городища остались полностью за рамками книги. Между тем этот этап работ требовал отдельного рассмотрения и самостоятельного издания. Конечно, главной «изюминкой» сборника 1985 г. являлась публикация новых данных. Но и здесь имелись лакуны. Например, не хватало результатов раскопок Е. А. Рябинина начала 1980-х гг., имевших принципиально важное значение.

Досадные пробелы, которые сегодня бросаются в глаза, могли быть восполнены, если бы издание ладожских источников продолжилось и превратилось в книжную серию. Но, увы, опять наступил перерыв в 30 лет. Он пришелся на перестройку и демократизацию нашего многострадального Отечества, которые сопровождались полнейшим развалом бюджетного финансирования археологии. В указанный период археологам пришлось решать проблему элементарного выживания своей науки в новых социально-исторических условиях. Данная проблема не снята до сих пор, хотя многое изменилось. Однако и ныне перед учеными (как когда-то в 1920–1930-е гг.) остро стоит задача во что бы то ни стало сделать археологию актуальной (и, соответственно, финансируемой), вписав ее в новый социальный контекст. Остаются вопросы: как же это сделать и все ли средства тут хороши?

Одним из вариантов решения этой проблемы стало «следование в медийном русле», в котором некоторые коллеги ныне упрекают руководителей Староладожской экспедиции (Селин 2012: 123). Такое «следование» действительно помогает найти средства на раскопки, охрану и популяризацию памятников, однако в конечном счете приводит к «размыванию границ» между популярным текстом и академическим исследованием. Вполне признавая справедливость упрека, мы заметим, что в тех условиях, в которых ныне ведется работа экспедиций, вынужденных использовать коммерческое финансирование, углубленная разработка материалов в академическом ключе становится вопросом личного героизма конкретного археолога. При тех нагрузках, которые ложатся на руководителей старшего и среднего звена, эту работу нередко приходится откладывать на потом. Если же речь заходит не только об осмыслении данных, полученных в наши дни, но и об огромном неопубликованном «наследстве», без детальной разработки которого уже невозможно идти вперед, ситуация становится и вовсе патовой. Без серьезного дополнительного финансирования современный междисциплинарный анализ источников просто немыслим. Но условия его предоставления и особенности современной отчетности зачастую таковы, что на «большую науку» времени не остается.

Староладожская экспедиция ИИМК РАН 1990–2010-х гг. с переменным успехом решала все указанные проблемы собственными силами. Ее основное отличие от многих других заключалось в том, что она неизменно находилась в «фокусе» внимания

медиасообщества. Ведь проблемы раннесредневековой Ладоги — это проблемы истоков и становления Руси, именно то, что вызывает ажиотаж в околонаучных кругах. Многочисленные популярные версии «рождения Руси» тиражируются и в беллетристике, и на разных исторических сайтах. Ученым предлагается просто иллюстрировать своими находками готовые схемы, тешащие национальное самолюбие. Красочные исторические и этнические интерпретации в последнее время неизменно опережают развернутый научный анализ и публикацию археологических источников.

Разумеется, подспудная работа по освоению и осмыслению новых материалов Ладоги в строгом академическом ключе, тем не менее, продолжалась все эти годы и ведется сейчас. В этом смысле, пожалуй, стоит провести аналогию с ситуацией времен «Великого перелома», когда отечественные археологи, лишенные возможности открыто применять в своих исследованиях «буржуазную типологию», однако же, сумели сохранить профессионализм. В печать тогда попадало далеко не все (как и сейчас). Широкие обобщения зачастую не вытекали из источников, а навязывались им (нечто подобное имеет место и ныне). Однако при первой же возможности (уже на рубеже 1930–1940-х гг.) научное сообщество сумело преодолеть кризис и восстановить в правах археологическое источниковедение. Ситуация в наши дни, разумеется, не является точной копией того, что происходило в сталинский период. Иначе настоящий текст никогда не увидел бы света. Но все-таки медийный диктат оказывается порой не слабее политико-идеологического, да и природа их, в сущности, едина. Впрочем, отметим и другое: жонглирование фактами, их легкое встраивание в политизированные версии истории возможны прежде всего там, где отсутствует строгий анализ и оценка информативности археологических источников. Отставание в этих областях автоматически усиливает позиции дилетантов.

Вспомним прекрасный очерк истории исследований нижнего Поволховья, написанный В. П. Петренко в 1980-х гг., когда о возможности «медийного диктата» никто еще не догадывался (Петренко 1994: 5–43). Оценивая уровень фундированности обобщений, сделанных по материалам раскопок, исследователь отмечал: «…резкие расхождения, наличие <…> взаимоисключающих друг друга гипотез, объясняются многими причинами. Но одна из главных — состояние разработанности источников…» (Там же: 9); «…как выяснилось в ходе многочисленных дискуссий, сопровождавшихся критикой тех или иных концепций, *все без исключения общие построения <…> „вязнут“ еще на источниковедческом уровне*. Слишком часто возражение вызывает даже не интерпретация, а сами археологические факты… (курсив наш. — *Авт.*)» (Там же: 12).

Это писалось давно и касалось, в первую очередь, погребальных памятников. Однако приведенная оценка, в основе которой лежит ревизия дискуссий и концептуальных идей 1960–1970-х гг., в значительной степени сохраняет актуальность и сейчас, причем для всех категорий древностей Северной Руси. Именно слабость и противоречивость позиций профессиональных ученых при переходе исследования с источниковедческого уровня на интерпретационный делает медийный диктат принципиально возможным. Не будем распространяться далее о глубинных причинах сложившейся ситуации. Сейчас важно одно: переломить эту ситуацию и вновь поставить археологическое источниковедение во главу угла.

Настоящая коллективная монография, выходящая в свет как очередной том Трудов ИИМК РАН, открывает собой задуманную нашим институтом серию

оперативных публикаций материалов и исследований Старой Ладоги с целью формирования Ладожского Корпуса археологических источников. Очень важно оговорить, что авторский коллектив рассматривает первый «ладожский» выпуск Трудов ИИМК РАН именно как *начало,* точнее — как самый первый результат работы в данном направлении. Принципиальная возможность такого планирования работ исследований и публикаций появилась благодаря получению финансирования по программе РФФИ «Древности» в 2018 г.

Введение, написанное А. Н. Кирпичниковым, многолетним начальником Староладожской экспедиции, имеет заголовок: «Историко-культурное исследование Старой Ладоги». Однако его можно было бы назвать и иначе: «Коротко о главном», ибо оно представляет собой сжатый очерк истории староладожских исследований и их основной проблематики. Очерк включает сводку данных обо всех раскопах, заложенных А. Н. Кирпичниковым на Земляном городище в 1984–2013 гг., с указанием их номеров, периодов работ, характера и последовательности напластований, датировки и общего характера находок. До сих пор такой сводки ни разу не публиковалось, поэтому данный очерк, при всей своей краткости, несомненно, содержит новую важную информацию. Отметим попутно, что материалы практически каждого года раскопок, так или иначе, были освещены автором в предварительных публикациях, в том числе довольно подробных, включающих планы и разрезы слоя. Однако эти публикации, в основном, разбросаны по малоизвестным и малотиражным изданиям. Поэтому в очерке приведены подробные библиографические ссылки на все опубликованные работы, содержащие сведения о полевых работах А. Н. Кирпичникова на памятнике за последние 30 лет. С согласия Н. В. Григорьевой в том же разделе опубликован составленный ею сводный план всех раскопов на Земляном городище начиная с 1911 г. до наших дней.

Поскольку вся книга посвящена 80-летию начала систематических раскопок Старой Ладоги (1938–2018 гг.) экспедицией В. И. Равдоникаса, в нее введена особая мемориальная часть. Она содержит главу 1, написанную Н. И. Платоновой, и приложение к ней — публикацию полевого дневника В. И. Равдоникаса 1938 г. В главе освещены подробности первых лет раскопок Земляного городища и роль, которую сыграли в этих событиях ключевые фигуры экспедиции— В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов. Там же кратко описана методика, применявшаяся в Староладожской экспедиции в 1938–1940 гг., и проблемы, связанные с последующим хранением коллекций.

Вторая часть («Староладожский комплекс: стратиграфия, хронология, междисциплинарные исследования») включает главы 2–5. В главе 2, написанной Е. Н. Носовым, сделана попытка обобщить основные итоги исследований Земляного городища в 1910–1980-х гг. экспедициями Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса и Е. А. Рябинина. Автор дает характеристику базовых социально-исторических концепций и идей, которые определили трактовку материалов В. И. Равдоникасом, и детально описывает источниковедческий фундамент, на котором строилась его концепция. Особо следует отметить интересную, содержательную характеристику «репниковского этапа» исследований памятника, а также то, что Е. Н. Носов, наконец, восстанавливает историческую справедливость в отношении трудов Г. Ф. Корзухиной, чья огромная работа по сбору, осмыслению, структурированию источников о Старой Ладоге в последние лет 20 оказалась незаслуженно забыта.

Местами глава носит ярко полемический характер. В частности, в ней содержится резко негативная оценка идеи создания «ярусной стратиграфии» Ладоги, предложенной С. Л. Кузьминым и А. Д. Мачинской в 1980-х гг. Возможно, в дальнейшем страсти в этом направлении несколько улягутся, ибо нельзя не признать: острие критики Е. Н. Носова направлено не столько против самой идеи, которую он признает «здравой», сколько против того, как она претворялась на практике. Реальное приложение идеи «ярусной стратиграфии» к материалам Ладожского поселения должно было включать скрупулезную источниковедческую проработку полевой документации и коллекций, которая после безвременной кончины А. Д. Мачинской так и не была никем произведена. Идея фактически повисла в воздухе. Однако это не помешало поднять ее на щит как успешно доказанную и использовать самые предварительные наметки в качестве базы ответственных исторических выводов.

Вполне может оказаться (как и считает Е. Н. Носов), что для старых материалов, взятых без достаточно подробной фиксации, расчленение их задним числом на «ярусы», датируемые в пределах 20–30 лет, вообще невозможно. Однако уточнение и детализация стратиграфии Ладоги, в любом случае, остаются актуальнейшей задачей дальнейших исследований. Работать в этом направлении все равно предстоит. Критический заряд, содержащийся в тексте Е. Н. Носова, является, на наш взгляд, очень полезным, ибо он не позволит никому «почивать на лаврах», стимулирует детальную разработку проблемы хронологии Ладожского поселения и одновременно предостерегает от ошибок, которые легко совершить на этом пути.

В главе 3, археологическая и историческая часть которой принадлежит перу Н. И. Платоновой, а антропологическая — С. Л. Санкиной, речь идет о проблемах стратиграфии верхней части культурных напластований Земляного городища, то есть «сухого слоя» древнерусского и позднесредневекового времени. В главе сделана попытка на основе анализа полевой документации расчленить эти напластования и обосновать принадлежность нижнего яруса грунтового могильника, примыкавшего к церкви св. Климента, раннему древнерусскому времени. Параллельно уточняются и дополняются сведения об антропологии могильника в широком контексте данных по Северо-Западу России, странам Балтии и Скандинавии. Глава снабжена приложением, представляющим собой таблицы индивидуальных данных по каждому погребению нижнего яруса. Впрочем, авторы рассматривают свое исследование только как начало большой работы по изучению древнерусских отложений Старой Ладоги. Эта работа будет включать детальную проработку соответствующих коллекций из раскопок В. И. Равдоникаса, хранящихся в Государственном Эрмитаже, и расширение базы аналитических данных по грунтовому могильнику.

В главе 4, написанной В. А. Лапшиным, обобщаются старые и детально публикуются новые материалы раскопок Ладожского открытого поселения («Посада»), изучение которого после масштабных раскопок В. П. Петренко 1970-х гг. надолго замерло. Более 30 лет сведения о культурном слое носили точечный характер. Сбор информации велся в основном в порядке надзора за строительными работами. Лишь в 2014–2015 гг., наконец, удалось возобновить раскопки широкой площадью (в совокупности исследовано около 280 м^2). В главе обобщены материалы этих новейших раскопок, в ходе которых удалось проследить историю освоения человеком прибрежных участков при впадении Ладожки в Волхов в период от неолита до нового времени.

В приложении 1 В. А. Лапшиным приведена сводка всех известных данных (как опубликованных, так и архивных) о раскопках, разведках и надзорных наблюдениях на Посаде (т. е. на территории Ладожского поселения вне Каменной крепости и Земляного городища). В приложении 2 (А. Л. Александровский, Е. И. Александровская) детально проанализирована информация, полученная в результате естественнонаучной аналитики культурного слоя и почв в этих раскопах, а также данные радиоуглеродного датирования. Приложение 3 (А. И. Мурашкин) является публикацией материалов неолитической стоянки IV тыс. до н. э., открытой в ходе раскопок. Приложение 4 (П. А. Миляев) содержит анализ находок предметов вооружения позднего средневековья — нового времени из верхних отложений на раскопанном участке.

Глава 5, написанная П. А. Миляевым, представляет собой результат большой работы по сбору и анализу полевой документации раскопок Е. А. Рябинина на городище Любша в полутора километрах от Земляного городища и Каменной крепости. Изучение и сведение воедино графической документации и отчетных данных 1997–2001 гг. позволили П. А. Миляеву заново проанализировать стратиграфию памятника, сделать предварительные заключения об этапах освоения территории мыса при впадении р. Любши в р. Волхов и выделить комплексы и объекты, относящиеся к разным эпохам (от раннего железного века до нового времени). Выявлены также особенности планировки поселения на разных этапах его функционирования. Обобщение этих данных, считавшихся одно время утерянными, имеет большое значение. Благодаря этому Любша перестает быть депаспортизованным памятником и источником мифов, становясь полноценным объектом научного анализа.

Третья часть книги («Староладожские коллекции: публикации, интерпретации, проблемы») состоит из трех глав. Главы 6–7 написаны А. В. Курбатовым и посвящены ремеслу раннесредневековой Ладоги. Разделение материала на две части продиктовано тем, что глава 6, включающая разделы, посвященные остаткам самых разных видов ремесленной деятельности в Ладоге (кузнечное, косторезное, деревообрабатывающее дело, обработка стекла и янтаря, бронзолитейное и ювелирное ремесло), представляет собой не что иное, как достаточно подробный, квалифицированный аналитический обзор материалов и проблем, накопившихся за 100 лет исследований. В то же время отдельная глава, посвященная кожевенному делу, написана на базе собственных исследований автора, изучавшего эти материалы более 30 лет. Разумеется, и по характеру подачи материала, и по уровню обобщений она заметно отличается от аналитического обзора.

Глава 6, суммирующая данные о различных ремеслах в Ладоге, полученные в ходе раскопок экспедиций Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябинина и А. Н. Кирпичникова, несомненно, является большой удачей автора. Рассмотрение этих обширных материалов в едином контексте, на фоне известных данных о северо- и восточноевропейских производствах и техниках, в сущности, произведено впервые. Результаты его, на наш взгляд, укрепляют позицию тех авторов, которые рассматривают Ладогу как один из древнейших ремесленных центров раннесредневековой Северной Европы, сформировавшийся синхронно с другими аналогичными центрами на побережье южной Балтики. Высокотехнологичные ремесла, развивавшиеся в североевропейском регионе, опирались на древние традиции европейской городской культуры, сложившейся в зоне влияния бывшего римского *civitas*. В Ладоге указанные

виды ремесел сочетались с производствами, уходившими корнями в местные культуры железного века и призванными обеспечивать повседневную жизнь населения.

Дальнейшее изучение ладожского ремесла, по мнению А. В. Курбатова, следует вести с привлечением широкого сравнительного материала из разных европейских поселений эпохи викингов, где ныне открыты многочисленные следы древних производств. Это, в первую очередь, норвежский Каупанг, где изготавливались бусы из стекла и янтаря, присутствовали ювелирное, косторезное, текстильное производства, а также датские города Рибе и Орхус (800–1050 гг.), где открыты места работы кузнецов и литейщиков с большим количеством орудий и отходов ремесленной деятельности.

Глава 7, посвященная кожевенному делу в Ладоге, детально освещает тот начальный период его сложения (VIII–X вв.), который в настоящее время можно изучать почти исключительно на археологических материалах из раскопок Ладоги. Эти материалы весьма представительны, так что их сравнительный анализ позволяет делать достаточно ответственные выводы.

Заслуживает внимания заключение автора о «монолитности» комплекса кожаных предметов (прежде всего форм обуви) в толще горизонте Е. Все изделия здесь отражают определенный стандарт, демонстрируют идентичность техники кроя, пошива и декора, а также выделки кожевенного сырья. Подобная ситуация должна была соответствовать сравнительно короткому периоду изготовления вещей, примерно в рамках двух поколений мастеров-обувщиков. На этой основе автор склонен считать хронологию горизонта Е, охватывающую период с середины VIII до конца IX в., слишком «растянутой». Однако, на наш взгляд, здесь требуется небольшая ремарка. Хотя, благодаря трудам А. В. Курбатова, публикацию кожаных вещей из раскопок раннесредневековых слоев Земляного городища в настоящий момент можно считать почти исчерпывающей, в изучении этого материала все же имеется некоторый пробел. Связан он с неполным освоением коллекции из раскопок Е. А. Рябинина 1980-х гг., хранящейся в фондах Староладожского музея-заповедника. Учитывая, что участок, раскопанный Е. А. Рябининым, является единственным, для которого присутствие остатков середины — второй половины VIII в. подтверждено дендрохронологией, нам представляется, что говорить о «сужении» хронологического диапазона горизонта Е можно, однако не для всех участков поселения.

В целом коллекция кожаных предметов из раскопок разных лет на Земляном городище позволяет составить представление о кожевенном ремесле Северной Руси в эпоху сложения Древнерусского государства. По мнению А. В. Курбатова, совершенно очевидной является связь ремесленной техники и состава продукции Ладожского поселения с широким кругом памятников эпохи викингов в ареалах Балтийского и Северного морей. Наиболее отчетливые связи отмечаются с крупными раннегородскими центрами — Хедебю, Дорестадом, Елисенхофом, Рибе, Миддельбургом. Для кожевенного ремесла и его продукции единство названных центров можно назвать стадиальным. Оно выражено в преобладании тонких кож мелкого рогатого скота, близких методов выделки кож, в сходных формах низкой обуви и вариантах декора. Находки последних лет подтверждают предположение об однотипности конструкций и стилей обуви из древнейших слоев Старой Ладоги и изделий совершенно определенного региона Европы — Ютландии и сопредельных

районов в Германии и Польше (в первую очередь, Хедебю). Более того, в настоящий момент можно говорить о почти полном совпадении типов обуви из Ладоги и Хедебю.

Качественные изменения в крое и моделировке ладожской обуви приходятся на первую половину X в. (горизонт Д). Эти изменения, видимо, указывают на то, что к середине X в. в Северной Руси складывается профессиональное средневековое кожевенное ремесло. Для него характерны унифицированные формы обуви, сшитые с использованием устойчивых приемов раскроя, сшивания и декора.

Глава 8, написанная С. В. Белецким, представляет собой обобщение и исчерпывающую публикацию всего комплекса сфрагистических материалов Ладоги XI–XV вв. По самым последним данным, эта коллекция включает 234 памятника сфрагистики: 143 печати от 110 пар матриц, 27 заготовок для печатей, 52 древнерусские свинцовые пломбы от 49 пар матриц, 11 заготовок для пломб, а также одну западноевропейскую текстильную пломбу. Все эти находки разделяются на четыре хронологические серии, каждая из которых характеризует особый период в жизни города.

Принимая во внимание крайнюю скупость письменных данных о Ладоге древнерусского периода, сфрагистические материалы следует считать важнейшим источником, позволяющим хоть как-то детализировать ее историю и связанные с ней политические события. Разумеется, исторические трактовки С. В. Белецкого носят порой характер предположительный и могут быть предметом дискуссии. Однако игнорировать сделанные им заключения было бы явно неправильно.

Чрезвычайно интересен вывод автора, сделанный на основе анализа наиболее ранней сфрагистической серии XI — начала XII в. По его мнению, эти находки свидетельствуют о соперничестве и борьбе, развернувшейся в последней четверти XI в. между Владимиром Мономахом и его кузеном Святополком Изяславичем за политическое влияние в Ладоге. Важность Ладоги — главных «ворот» Руси на Балтике — в борьбе за политическое влияние в масштабах всего Русского государства очевидна. В этом соперничестве верх, очевидно, остался за Святополком, занявшим в 1093 г. великокняжеский стол и подключившим к своей ладожской дипломатии митрополита Киевского Николая или Никифора I. Санкционировав поход на Ладогу в 1105 г. Владимир Мономах разрубил гордиев узел — покончил с традиционной для ладожского ярлства прокиевской политикой (а фактически покончил с самим ярлством, переподчинив Ладогу Новгороду, который контролировался на тот момент его старшим сыном).

Таким образом, С. В. Белецкий решительно отходит от традиционной трактовки летописного известия о походе «в Ладогу на войну» как сообщения о каком-то походе новгородцев против племен, проживавших в Приладожье. Его позиции нельзя отказать в логике. В сущности за традиционной трактовкой действительно не стоит ничего, кроме однозначного убеждения, что войны Новгорода с Ладогой в начале XII в. быть не могло, потому что ее не могло быть никогда. Между тем летописная запись, при всей своей краткости, звучит вполне определенно: на Приладожье в ней нет и намека. Выявление таких деталей, якобы установленных, а на самом деле неочевидных, является важной частью научного поиска. На наш взгляд, позиция автора и ее обоснования, содержащиеся в главе, заслуживают пристального внимания.

Несколько более спорным выглядит другое «нетрадиционное» мнение, выдвигаемое С. В. Белецким, — о существовании в Ладоге самостоятельного княжеского

стола во второй половине XII — начале XIII в. Такое предположение основано на анализе сфрагистической серии из 37 печатей, скреплявших княжеские послания, регулярно поступавшие в Ладогу на протяжении указанного периода. По мнению автора, именно ладожские князья, скорее всего, являлись адресатами корреспонденции, направлявшейся в Ладогу из разных уголков государства представителями правящей на Руси династии. При этом верхняя хронологическая граница существования ладожского княжества определяется временем не позднее 1228 г., поскольку в том году управление в Ладоге уже, безусловно, осуществлял посадник.

На наш взгляд, даже если указанное предположение не подтвердится, оно совершенно справедливо акцентирует внимание на факте наличия многочисленных сфрагистических находок — остатков *прямой княжеской переписки* с представителями ладожской администрации XII — начала XIII в. Данный факт не вполне укладывается в существующую модель, согласно которой Ладога домонгольского периода являлась уже «пригородом» Новгорода, управлявшимся назначенным оттуда посадником. Интерпретация этих памятников имеет ключевое значение для понимания истории древнерусской Ладоги.

Можно не сомневаться: высказанная автором точка зрения станет предметом дискуссии. Однако она имеет полное право на существование, хотя бы в свете того, что сфрагистическая серия *последующего* периода (конец XIII — начало XV в.) представлена, в первую очередь, многочисленными печатями ладожских наместников. Первоначально эти последние являлись личными представителями новгородского владыки. Начиная с XIV в. появляются основания говорить о большой роли новгородских боярских магистратов в управлении городом. Но важно отметить: в период, предшествующий середине XIII в., такие печати в культурном слое Ладоги отсутствуют.

Что касается наиболее поздней сфрагистической серии, датируемой XV в., то она однозначно подтверждает вхождение Ладоги в состав Новгородской республики. Основу ее составляют печати новгородских магистратов различного ранга («печати новгородские», «печати Великого Новгорода», печати новгородских чиновников среднего звена и т. д.).

Особое место, по мнению С. В. Белецкого занимают находки, сделанные в ходе раскопок экспедиции А. Н. Кирпичникова на Земляном городище в 2006, 2007 и 2011 гг. За три полевых сезона было найдено 52 печати, 24 заготовки для печатей, 20 пломб и пять заготовок для пломб. Подавляющее большинство печатей (50 из 52) — датируются в интервале от рубежа XI–XII вв. до середины XIII в. По мысли автора, накопление документов, которые скрепляли печати из раскопок на данном участке, прекратилось не позднее рубежа XIII–XIV вв. и происходило по законам, отличным от формирования остальной коллекции ладожских сфрагистических находок.

Заманчиво было бы назвать обнаруженный сфрагистический комплекс «архивом», подобно тому, как «архивами» называют сфрагистические комплексы из раскопок в Довмонтовом городе Пскова и на Городище под Новгородом. Однако ладожский комплекс имеет важную особенность, отличающую его и от новгородского, и от псковского «архивов». Речь идет о массовых находках заготовок, которые составляют около трети от общего числа найденных раскопками сфрагистических памятников и половину от числа находок актовых печатей. Полную аналогию ладожской находке составляет исследованный раскопками Преслава (Болгария)

комплекс служб канцелярии местного стратега (971–1088 гг.). Поэтому можно думать, что открытый раскопками 2006–2007 и 2011 гг. на Земляном городище Старой Ладоги сфрагистический комплекс представляет собой именно следы делопроизводства управленческой структуры, существовавшей в Ладоге в XII–XIII вв. Не исключено, что эта управленческая структура являлась княжеской канцелярией Ладоги домонгольского времени.

Таким образом, анализ всего комплекса сфрагистических находок Ладоги приводит к очень интересным и достаточно нетрадиционным выводам о месте Ладоги в системе административного управления Северной Руси и ее роли в разные исторические периоды.

В заключение хотелось бы акцентировать внимание еще на одном моменте, вызывающем острые споры. Речь идет о том, насколько правомерным является определение Ладоги как «первой столицы Руси»? На наш взгляд, такое определение нельзя признать вполне корректным, хотя бы потому, что в пору зарождения и наивысшего подъема Ладоги «Русской земли» попросту не существовало — ни как территории, ни как социума. Но, в то же время, нет оснований отрицать, что древнейшая Ладога могла являться центром некоего протогосударственного образования в северном Поволховье и Приладожье. По меньшей мере такая гипотеза вполне допустима.

Было бы непростительной наивностью считать, что населенный пункт, где периодически ставились на стоянку корабли, скапливались вооруженные люди и немалые, по тем временам, богатства, мог реально *никем не управляться*. Раннесредневековые «протогорода» отнюдь не являлись «вольными городами» с «демократическим управлением»; такое представление — явная модернизация. Для того чтобы система «виков» на Балтике реально функционировала, чтобы корабли, зашедшие в гавань, не были похищены или сожжены, чтобы приезжие не грабили и не убивали друг друга, требовались определенные гарантии. Гарантии, в условиях той эпохи, мог дать только местный правитель (конунг?, князь?), обладавший авторитетом и воинской силой. Вариант «удаленного управления» в данной ситуации вряд ли был эффективен. А вассалитет Ладоги по отношению к Новгороду — явление значительно более позднее.

Завершая первый выпуск «Материалов и исследований» по археологии Старой Ладоги, подчеркнем еще раз: работа в этом направлении будет продолжаться. В настоящий момент очень важно, что вся полевая документация сосредоточена в Научном архиве ИИМК РАН и Государственном Эрмитаже, а коллекции — также в Эрмитаже и Староладожском музее-заповеднике. Это облегчает нашему коллективу работу по ее исследованию и подготовке полной публикации. Первоочередная задача состоит в том, чтобы на основе документации разных лет построить протяженные разрезы Земляного городища и «привязать» строительные горизонты, включая площадь, раскопанную до 1959 г., к абсолютной хронологической шкале. Ревизия ладожской стратиграфии, тесно связанная с задачей установления хронологии, является необходимой частью этой работы. Одновременно будет уточняться и хронология ладожских могильников. Результаты исследования, несомненно, будут иметь важное значение для развития средневековой археологии Северной Европы в целом.

Архивные источники и литература

Архивные источники

Гроздилов 1938-А — Дневник раскопок в Старой Ладоге за 6.07–19.08.1938, сост. Г. П. Гроздиловым // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. № 192.

Гроздилов 1938-Б — Черновой отчет Г. П. Гроздилова о раскопках в Старой Ладоге в 1938 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. № 199. 41 л.

Гроздилов 1938-В — Гроздилов Г. П. Дневник археологических исследований в Старой Ладоге в 1938 г. (*черновой вариант*). НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. № 193.

Гроздилов 1938-Г — Записка Г. П. Гроздилова // Инвентарная опись коллекции № 5680, Института антропологии и этнографии, отдела антропологии. Собиратели: В. И. Равдоникас, Г. П. Гроздилов. Раскопки 1938 г. Старая Ладога. Кладбище XI в. на Земляном городище. Место хранения: Отдел антропологии МАЭ РАН.

Гроздилов 1952-А — Невская археологическая экспедиция. Г. П. Гроздилов. Краткий отчет об археологическом обследовании в районе юго-восточного Приладожья в 1952 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1952. № 63. 6 л.

Каманцева 1957-А — Староладожская экспедиция. Дневник № 3 // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1957. № 3. 17 л.

Кирпичников 1984-А — *Кирпичников А. Н.* Отчет об археологических раскопках в Старой Ладоге в 1984 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1984. № 169. 15 л.

Кирпичников 1992-А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о работах Староладожской археологической экспедиции летом 1991 года в пос. Старая Ладога Волховского р-на Ленинградской области. СПб., 1992 // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1991. Д. 83, 111, 112.

Кирпичников 2005-А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции в 2004 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. 2004. Д. 28.

Кирпичников 2006-А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции в 2005 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. 2005. Д. 28–34.

Кирпичников 2009-А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2008 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. 2008. Д. 41–47.

Кирпичников 2009-Б — *Кирпичников А. Н.* Отчет о выполнении работ по проведению археологических работ на памятнике истории и культуры «Успенский монастырь».

Кирпичников 2010-А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2009 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/2009. Д. 28.

Кирпичников 2011-А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2010 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/2010. Д. 16–17.

Кирпичников 2013-А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2012 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/2012. Д. 44.

Кирпичников 2014-А — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2013 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. 2013. Д. 36.

Корзухина 1969-А — *Корзухина Г. Ф.* Ладожские постройки горизонта $Е_3$ // НА ИИМК РАН. Ф. 77. № 69.

Корзухина 1969-Б — *Корзухина Г. Ф.* Ладога [иллюстрации к работе «Ладожские постройки горизонта $Е_3$»] // НА ИИМК РАН. Ф. 77. № 70.

Корзухина Могильники… — *Корзухина Г. Ф.* Старая Ладога. Могильники, материалы к карте // НА ИИМК РАН. Ф. 77. № 56.

Корзухина Нумизматика… — *Корзухина Г. Ф.* Нумизматика. Выписки из источников // НА ИИМК РАН. Ф. 77. № 57.

Кулакова 2014-А — *Кулакова М. И.* Дендрохронологическое изучение древесины Старой Ладоги из раскопа 2013 г. // Приложение 4 в: Кирпичников А.Н. 2014-А Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2013 г. Лл. 82–83.

Лебедев 1984-А — *Лебедев Г. С.* Полевой дневник Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР. Описание раскопов 1984 г. (с дополнениями по дневникам А. А. Песковой и С. М. Чернова) // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1984. № 170. 55 л.

Носов 1995-А — *Носов Е. Н.* Отчет о раскопках на Рюриковом городище в 1994 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1994. Д. 13.

О. 1054 — НА ИИМК РАН. ФО. Альбом О. 1054. Староладожская экспедиция 1940 г.

О. 1601 — НА ИИМК РАН. ФО. Альбом О. 1601. Староладожская экспедиция 1938–1940 гг.

Опись 5719 — Инвентарная опись коллекции № 5719, Института антропологии и этнографии, отдела антропологии. Собиратель: В. И. Равдоникас, А. Н. Юзефович. Раскопки 1939 г. Старая Ладога. Христианское кладбище XI в. на Земляном городище.

Опись… 1938 — Гроздилов Г. П. (сост.). Опись находок Земляного городища. 1938 г. Раскоп III. Колл. 13 // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. № 195.

Орлов 1969-А — *Орлов С. Н.* Волховский отряд ИА АН СССР. Отчет Орлова С. Н. о раскопках в долине реки Волхов в 1968 г. НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 123. Д. 124. 1969.

Отзывы о научной деятельности… — Отзывы о научной деятельности и трудах Равдоникаса В. И. // СПбФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 2. № 51.

Петренко 1971-А — *Петренко В. П.* Раскопки Староладожского музея в 1970 г. Полевой отчет о раскопках в Волховском районе у дер. Горчаковщина, у р. Любши и на Княщинских сопках // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Дд. 127–131. 1971.

Петренко 1975-А — *Петренко В. П.* Ст. Ладога. Раскоп 1 (левый берег р. Ладожки). Опись находок 1975 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1975. Д. 165.

Петренко 1977-А — *Петренко В. П.* Ст. Ладога. Раскоп 1 (Левый берег р. Ладожки). Опись находок 1977 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1977. Д. 147.

Равдоникас 1938-А — Дневник Староладожской экспедиции Ленинградского госуд. университета 1938 г. Начальник эксп. проф. В. И. Равдоникас. 6.07–21.07.1938 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. № 190. 14 л.

Равдоникас 1939-А — Дневник Староладожской экспедиции 1939 г. за 21.06–4.08.1939 г., сост. В. И. Равдоникас // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. Ч. 1. № 149.

Равдоникас 1939-Б — Дневник Староладожской экспедиции за 4.08–30.08.1939 г., сост. В. И. Равдоникас // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. Ч. 2. № 150.

Равдоникас 1939-В — Копия дневника Староладожской экспедиции 1939 г., составленного В. И. Равдоникасом (в 2-х тетрадях). Скопирован Г. Ф. Корзухиной в апреле–мае 1965 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. № 151. 84 л.

Равдоникас 1940-А — Дневник Староладожской экспедиции В. И. Равдоникаса за 3.07–24.08.1940 // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940. Ч. 1. № 116.

Равдоникас 1940-Б — Дневник Староладожской экспедиции В. И. Равдоникаса за 24.08.1940–5.09.1940 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940. Ч. 2. № 117. 37 л.

Равдоникас 1940-В — Копия дневника Староладожской экспедиции В. И. Равдоникаса (в 2-х тетрадях). 3.07–5.09.1940. Скопирован Г. Ф. Корзухиной в июле–августе 1965 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940. № 118. 72 л.

Равдоникас 1947-А — *Равдоникас В. И.* Передаточная опись кожаных предметов из раскопок Земляного Городища в Старой Ладоге в 1947 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/ 1947. Д. 78.

Равдоникас 1950-А — *Равдоникас В. И.* Передаточная опись кожаных предметов из раскопок Земляного Городища в Старой Ладоге в 1950 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/ 1950. Д. 163.

Равдоникас 1957-А — Отчет о работе Староладожской экспедиции в 1957 г. (под руководством В. И. Равдоникаса) // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1957. № 10.

Равдоникас 1959-А — *Равдоникас В. И.* Отчет Староладожской экспедиции ЛО ИА АН СССР 1959 года // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1959. Д. 45.

Раппопорт 1979-А — Раппопорт П. А. Отчет о работе Архитектурно-археологической экспедиции в 1979 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1.

Рябинин 1975-А — *Рябинин Е. А.* Опись предметов из раскопок Земляного Городища в Старой Ладоге в 1975 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1947. Д. 130.

Рябинин 1998-А — *Рябинин Е. А.* Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища в 1997 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 21337. 1998.

Рябинин 1999-А — *Рябинин Е. А.* Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища (Волховский район Ленинградской области) в 1998 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22062. 1999.

Рябинин 2000-А — *Рябинин Е. А.* Отчет Волховского археологического отряда ИИМК РАН в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22205. 2000.

Рябинин 2001-А — *Рябинин Е. А.* Отчет Волховской экспедиции ИИМК РАН о полевых исследованиях Любшанского городища в Волховском районе Ленинградской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22206. 2001.

Юзефович 1939-А — *Юзефович А. Н.* Дневник работ во время археологических раскопок в с. Старая Ладога Лен. области в 1939 г. // Инвентарная опись коллекции № 5719 Института антропологии и этнографии, отдела антропологии. Собиратели: В. И. Равдоникас, А. Н. Юзефович. Раскопки 1939 г. Старая Ладога. Христианское кладбище XI в. на Земляном городище.

Юзефович 1940-А — *Юзефович А. Н.* Список погребений, из которых взяты костные остатки // Инвентарная опись коллекции № 5757 Института антропологии и этнографии, отдела антропологии. Собиратель: В. И. Равдоникас. Раскопки 1940 г. Старая Ладога.

Могильник (христианский) XI в. на Земляном городище. Место хранения: Отдел антропологии МАЭ РАН.

Юзефович 1941-А — *Юзефович А. Н.* Антропологические материалы из археологических раскопок в Старой Ладоге // Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. № 524.

Литература

Авдусин 1980 — *Авдусин Д. А.* Происхождение древнерусских городов // ВИ. 1980. № 12. С. 24–42.

Авенариус 1890 — *Авенариус Н. А.* Дрогичин Надбужский и его древности // МАР. Т. 4. Древности северо-западного края. Т. 1, вып. 1. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1890. С. 3–42.

Александровский 2012 — *Александровский А. Л.* Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги // Кирпичников А. Н. (ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 3. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 58–61.

Александровский, Александровская 2009 — *Александровский А. Л., Александровская Е. И.* Результаты почвенно-геохимических исследований на раскопках Романова двора // Кренке Н. А. (авт.-сост.). Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009. С. 176–195 (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).

Александровский, Долгих 2012 — *Александровский А. Л., Долгих А. В.* Почвенно-географические исследования в Старой Ладоге в 2010 г. // Селин А. А. (ред.). Староладожский сборник. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 9. С. 69–78.

Александровский и др. 2010 — *Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефедов В. С.* Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 1. С. 43–61.

Александровский и др. 2018 — *Александровский А. Л., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Александровская Е. И., Скрипкин В. В.* Почвообразование на территории Старой Ладоги в неолите и раннем средневековье // Записки ИИМК РАН. 2018. № 18. С. 99–104.

Алексеев 1969 — *Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969. 234 с.

Алексеева 1969 — *Алексеева Т. И.* Антропологічний склад населення древньорусских міст // Матеріали з антропології України. 1969. Вип. 4. С. 73–86.

Алексеева 1973 — *Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Наука, 1973. 329 с.

Алексеева 1990 — *Алексеева Т. И.* Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны: этногенетические процессы. Рига: Зинатне, 1990. С. 124–144.

Алексеева и др. 1993 — *Алексеева Т. И., Макаров Н. А., Балуева Т. С., Сегеда С. П., Федосова В. Н., Козловская М. В.* Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследовании средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1993. С. 3–69.

Алымов 2009 — *Алымов С.* Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // НЛО. 2009. № 97. http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/al2.html

Антикаев 2001 — *Антикаев Р. С.* Почва как барьер на пути миграции соединений мышьяка // ТД VIII Междунар. конф. студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов-2001», 10–13 апреля 2001 г. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 12.

Археологические экспедиции… 1962 — Воронин Н. Н., Тиханова М. А. (ред.). Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956. Указатель. М.: АН СССР, 1962. 264 с.

Балановская и др. 2011 — *Балановская Е. В., Пежемский Д. В., Романов А. Г., Баранова Е. Е., Ромашкина М. В., Агджоян А. Т., Балаганский А. Г., Евсееева И. В., Виллемс Р., Балановский О. П.* Генофонд Русского Севера: Славяне? Финны? Палеоевропейцы? // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2011. № 3. С. 27–58.

Бегунов 1974 — *Бегунов Ю. К.* Русское слово о чуде Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция // Slavia. Roc. 42. Praha, 1974. Ses. 1. S. 26–46.

Белецкий 1984 — *Белецкий С. В.* Диаметр и вес актовой печати // Полетаев В. Е. (ред.). Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. ТД совещания. Москва, 20–27 февраля 1985 г. М.: ИИ СССР АН СССР, 1984. С. 52–53.

Белецкий 1990 — *Белецкий С. В.* О функциях домонгольских печатей с изображениями святых на обеих сторонах (к пересмотру историографической традиции) // Новосельцев А. П. (ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 18–20 апреля 1990 г.: ТД. М.: ИРИ РАН, 1990. С. 10–14.

Белецкий 1992 — *Белецкий С. В.* Данные сфрагистики о княжеском аппарате домонгольской Руси // Новосельцев А. П. (ред.). Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 13–15 апреля 1992 г.: ТД. М.: ИРИ РАН, 1992. С. 5–8.

Белецкий 1993— *Белецкий С. В.* Лично-родовой знак князя Довмонта-Тимофея // Новосельцев А. П. (ред.). Восточные славяне в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 12–14 апреля 1993 г.: ТД. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 6–8.

Белецкий 1994 — *Белецкий С. В.* Печати ладожских наместников // Потин В. М. (ред.). Всероссийская нумизматическая конференция. 6–8 апреля 1994 г.: ТД. СПб.: Изд-во ГЭ, 1994. С. 63–65.

Белецкий 1996 — *Белецкий С. В.* Новые сфрагистические находки из Торжка // Массон В. М. (ред.). Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. Материалы Пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 45–48.

Белецкий 1997 — *Белецкий С. В.* Дополнение к Своду памятников сфрагистики из Старой Ладоги // Лебедев Г. С. (ред.). Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 14–18.

Белецкий 1999 — *Белецкий С. В.* Каменное грузило с изображениями княжеских знаков из раскопок в Пскове // Носов Е. Н. (ред.). Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 11–19.

Белецкий 2000 — *Белецкий С. В.* Древнерусский княжеский знак как памятный объект // Новосельцев А. П. (ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 2000 г.: Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 216–225.

Белецкий 2001а — *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей. Часть вторая: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду). СПб.: ИИМК РАН; СПбГУКИ, 2001. 192 с. (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 3).

Белецкий 2001б — *Белецкий С. В.* Введение в русскую допетровскую сфрагистику. СПб.: ИИМК РАН, СПбГУКИ, 2001. 192 с. (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 4).

Белецкий 2002 — *Белецкий С. В.* О печати князя Ивера Всеволодича // Ладога и Северная Евразия. От Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры: VI чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 2002. С. 155–168.

Белецкий 2006 — *Белецкий С. В.* Кто был похоронен в Василевском саркофаге? // Кашкин А. В. (ред.). Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М.: ИА РАН, 2006. С. 68–91.

Белецкий 2014 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // Лопатин Н. В. (ред.). АиИППЗ. Материалы 59-го заседания. Апрель 2013 г. М.; Псков; СПб.: ИА РАН, 2014. С. 358–387.

Белецкий 2015 — *Белецкий С. В.* Печать Александра Невского // Кирпичников А. Н. (ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 6. Материалы конференции «Александр Невский и его эпоха». Санкт-Петербург, 22 декабря 2014 года. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 22–28.

Белецкий 2017а — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в памятниках архитектуры // Иоаннисян О. М. (ред.). Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья. Труды ГЭ. Т. LXXXVI. СПб.: Изд-во ГЭ, 2017. С. 7–26.

Белецкий 2017б — *Белецкий С. В.* Размеры и вес актовых печатей // Вишняцкий Л. Б. (отв. ред.). Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 334–342.

Белецкий 2018 — *Белецкий С. В.* Древнерусские пломбы в публикации В. А. Анохина // SP. 2018. № 5. С. 347–360.

Белецкий В., Белецкий С. 1987 — *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* Новые данные о времени строительства Псковского Крома // Шилов В. П. (ред.). Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М.: Наука, 1987. С. 34, 35.

Белецкий В., Белецкий С. 2003 — *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* «Архив» актовых печатей из раскопок в Пскове // Миролюбова Г. А., Тарасова Э. А. (ред.). Русское искусство в Эрмитаже. К 60-летию Отдела истории русской культуры. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 53–63.

Белецкий, Купранис 1996 — *Белецкий С. В., Купранис А. А.* Новые сфрагистические памятники XII–XV вв. из частных собраний (материалы для Корпуса актовых печатей Древней Руси) // Лебедев Г. С. (ред.). Археология Петербурга. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 66–92.

Белецкий, Милютенко 1995 — *Белецкий С. В., Милютенко Н. И.* Печать великого московского князя Ивана Ивановича из раскопок в Ладоге // Массон В. М. (ред.). Изучение

культурных взаимодействий и новые археологические открытия: Материалы пленума ИИМК. 11–14 апреля 1995 года. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 65.

Белецкий, Мусин 1998 — *Белецкий С. В., Мусин А. Е.* Древнерусские пломбы из собрания Церковно-археологического музея Санкт-Петербургской Духовной Академии // Церковная археология. Вып. 4. Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1847–1917). Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 г. СПб.: ИИМК РАН; СПбДА, 1998. С. 44–46.

Белецкий, Овсянников 1994 — *Белецкий С. В., Овсянников О. В.* Именная владычная печать XIV в. из-под Холмогор // СА. 1994. 1. С. 173–179.

Белецкий, Петренко 1994 — *Белецкий С. В., Петренко В. П.* Печати и пломбы из Старой Ладоги (свод) // Массон В. М., Носов Е. Н. (ред.). Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 184–283.

Белецкий, Посвятенко 1994 — *Белецкий С. В., Посвятенко В. Н.* Абу Хамид ал-Гарнати о процедуре обмена кредитных денег на Руси // Новосельцев А. П. (ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994 г.: ТД. М.: ИВИ РАН, 1994. С. 3–5.

Белецкий и др. 2017 — *Белецкий С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В.* Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2015 г. // SP. 2017. № 6. С. 347–360.

Белов и др. 1981 — *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. II. М.: Наука, 1981. 148 с.

Бессарабова 1995 — *Бессарабова З. Д.* Новые сведения о древнем ладожском поселении (по материалам археологического досмотра траншей IX и XI) // ННЗИА. Вып. 9. Новгород: НГОМЗ, 1995. С. 54–65.

Бессарабова 1996а — *Бессарабова З. Д.* К вопросу о топографии древнего ладожского поселения (по материалам археологического досмотра земляных работ) // ННЗИА. Вып. 10. Новгород: НГОМЗ, 1996. С. 176–186.

Бессарабова 1996б — *Бессарабова З. Д.* Некоторые замечания к вопросу о топографии древней Ладоги // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и Северная Европа: II чтения памяти А. Мачинской. СПб.: Нестор-История, 1996. С. 25–28.

Бессарабова 1997а — *Бессарабова З. Д.* Итоги археологического досмотра земляных работ у церкви св. Георгия в 1994 г. // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и религиозное сознание: III чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 1997. С. 47–48.

Бессарабова 1997б — *Бессарабова З. Д.* К вопросу о топографии древней Ладоги (по материалам археологического досмотра траншеи № XIV и других земляных работ) // ННЗИА. Вып. 11. Новгород: НГОМЗ, 1997. С. 238–250.

Бессарабова 1998а — *Бессарабова З. Д.* Итоги археологического досмотра водопроводной траншеи VII на территории Никольского монастыря в 1982 г. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога: СИААМЗ, 1998. С. 50–60.

Бессарабова 1998б — *Бессарабова З. Д.* Итоги археологического досмотра траншей III и IV в южной части Старой Ладоги // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога: СИААМЗ, 1998. С. 42–50.

Бессарабова 1998в — *Бессарабова З. Д.* Итоги археологического досмотра траншеи XII на Варяжской улице в Старой Ладоге в 1974 г. // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и эпоха викингов: IV чтения памяти А. Мачинской. СПб.: Нестор-История, 1998. С. 99–101.

Бессарабова 1998г — *Бессарабова З. Д.* Следы бронзолитейного производства в Старой Ладоге // ННЗИА. Вып. 12. Новгород: НГОМЗ, 1998. С. 264–278.

Бессарабова 2000 — *Бессарабова З. Д.* Итоги археологического досмотра траншеи XVIII в северной части Старой Ладоги в 1999 г. // Староладожский сборник. Вып. 3. СПб.; Старая Ладога: СИААМЗ, 2000. С. 109–118.

Бессарабова 2001а — *Бессарабова З. Д.* Итоги археологического досмотра земляных работ в северной части Старой Ладоги // ННЗИА. Вып. 15. Великий Новгород: НГОМЗ, 2001. С. 198–213.

Бессарабова 2001б — *Бессарабова З. Д.* Остатки производственного сооружения древнеладожского времени (траншея XI, яма 7) // ННЗИА. Вып. 15. Великий Новгород: НГОМЗ, 2001. С. 214–229.

Бессарабова 2012 — *Бессарабова З. Д.* Итоги археологического досмотра траншеи XIX на территории Староладожского Успенского монастыря в 2002 г. // Мачинский Д. А. (ред.). Истоки славянства и Руси. X чтения памяти А. Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 11–21.

Бехайм 1995 — *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 577 с.

Бойцова 2009 — *Бойцова О. С.* Судьба археологической коллекции Н. И. Репникова из раскопок на Земляном городище в Старой Ладоге // Староладожский сборник. Вып. 7. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 5–12.

Болсуновский 1894 — *Болсуновский К. В.* Дрогичинские пломбы. Ч. 1. Киев, 1894. 132 с.

Болховитинов 2009 — *Болховитинов Е. А.* История княжества Псковского. Псков: Псковская историческая библиотека, 2009. 415 с.

Большаков, Раппопорт 1985 — *Большаков Л. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки церкви Климента в Старой Ладоге // Массон В. М. (отв. ред.). Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985. С. 111–116.

Бранденбург 1896 — *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1896. 512 с.

Бугарски, Иванишевич 2013 — *Бугарски И., Иванишевич В.* Раносредњовековна остава гвоздених предмета из Рујковца и Слични налази СА подручја Централног Балкана // Старинар. Кн. LXIII. Београд: Археолошки институт, 2013. С. 131–152.

Булкин и др. 1978 — *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники древней Руси IX–XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 150 с.

Буров 1977 — *Буров В. А.* Печати при новгородском наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики Новгорода XIV в. // СА. 1977. 1. С. 104–113.

Васильев 1999 — *Васильев Б. Г.* Фрески церкви св. Климента 1153 г. в Старой Ладоге. Ч. 1. История храма и технико-технологические особенности фресок // Староладожский сборник. Вып. 2. СПб.; Старая Ладога: СИААМЗ, 1999. С. 75–104.

Водяницкий 2009 — *Водяницкий Ю. Н.* Хром и мышьяк в загрязненных почвах: Обзор литературы // Почвоведение. 2009. № 5. С. 551–559.

Войтович 1992 — *Войтович Л. В.* Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ.: Таурус, 1992. 199 с.

Волковицкий и др. 2007 — *Волковицкий А. И., Селин А. А., Френкель Я. В.* Охранные раскопки в Старой Ладоге в 2004 году // АиИППЗ. М.; Псков; СПб., 2007. С. 288–298.

Воронин 1961 — *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. М.: АН СССР, 1961. 584 с.

Гайдуков 1994 — *Гайдуков П. Г.* 1932 год — начало планомерного археологического изучения Новгорода // Янин В. Л., Гайдуков П. Г. (ред.). Новгородские археологические чтения: Материалы НК, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород: [Б. и.], 1994. С. 35–53.

Гайдуков, Малыгин 1989 — *Гайдуков П. Г., Малыгин П. Д.* Новые сфрагистические находки в Верхневолжье // Фёдоров-Давыдов Г. А. (ред.). История и культура древнерусского города. М.: МГУ, 1989. С. 240–256.

Галибин 2001 — *Галибин В. А.* Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 216 с.

ГВНП — Валк С. Н. (ред.). Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: АН СССР, 1949. 407 с.

Генинг 1980 — *Генинг В. Ф.* Опутятское городище — металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V — 1-я половина VI в. н. э.) // Генинг В. Ф. (ред.). Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск: Удмуртский ГУ, 1980. С. 92–134, 197–217.

Глазырина 1994 — *Глазырина Г. В.* Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга/Старой Ладоги скандинавам) // Новосельцев А. П. (отв. ред.). Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991. М.: Наука, 1994. С. 240–244.

Глазырина, Джаксон 1986 — *Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н.* Из истории Старой Ладоги (на материалах скандинавских саг) // Новосельцев А. П. (ред.). Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 год. М.: Наука, 1986. С. 108–115.

Голубева 1973 — *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 216 с.

Голубева, Кочкуркина 1991 — *Голубева Л. А.*, *Кочкуркина С. И.* Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск: КарелНЦ, ИЯЛИ, 1991. 197 с.

Гоняный 2009 — *Гоняный М. И.* Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах в Подмосковье // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2009. С. 23–42.

Гордиенко 1989 — *Гордиенко Э. А.* Розетка на печатях князя Изяслава Ярославича // Фёдоров-Давыдов Г. А. (ред.). История и культура древнерусского города. М.: МГУ, 1989. С. 234–239.

Горлов, Григорьева 2017 — *Горлов К. В.*, *Григорьева Н. В.* Накладка из медного сплава одностороннего наборного гребня с Земляного городища Старой Ладоги // АВ. 2017. № 23. С. 285–290.

Горюнова 1994 — *Горюнова В. М.* Некоторые аспекты ювелирного дела раннесредневековых городских центров Северной Руси (тигли) // Массон В. М., Носов Е. Н. (ред.). Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб: ИИМК РАН, 1994. С. 60–73.

Горюнова, Плохов 2011 — *Горюнова В. М., Плохов А. В.* Контакты населения Приильменья и Поволховья с народами Балтики в IX–X вв. по керамическим материалам // АВ. 2011. № 17. С. 259–280.

Греков 1949 — *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Учпедгиз, 1949. 512 с.

Григорьева 2015 — *Григорьева Н. В.* Свидетельства медеплавильного и бронзолитейного производства в Ладоге в XI в. (по материалам раскопок в Ладожской крепости) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. СПб.: Ленинградское областное отделение Всероссийской общественной организации ВООПИК, ООО «Социальная пропаганда», 2015. С. 39–47.

Григорьева 2017 — *Григорьева Н. В.* Тигли и глиняные литейные формы ладожского поселения X в.: комплекс рядом с большой постройкой // Новые материалы и методы археологического исследования: от археологических данных к историческим реконструкциям: Материалы IV конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2017. С. 88–91.

Григорьева, Курбатов 2006 — *Григорьева Н. В., Курбатов А. В.* Кожевенное ремесло в ранней Ладоге по раскопкам 1997–2005 гг. // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: Материалы ТНК, СПб., 18–21 декабря 2006 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 109–117.

Григорьева, Лесман 2012 — *Григорьева Н. В., Лесман Ю. М.* Новые материалы о стеклоделии в средневековой Ладоге // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 3. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 62–77.

Григорьева, Медведева 2016 — *Григорьева О. В., Медведева М. В.* Документальное наследие Г. П. Гроздилова в Научном архиве ИИМК РАН // АиИППЗ. 2016. Вып. 31 (61). С. 426–443.

Григорьева, Щеглова 2012 — *Григорьева Н. В.*, *Щеглова О. А.* Украшения из свинцово-оловянистых сплавов в материалах раскопа 3 на Земляном городище в Старой Ладоге // Мачинский Д. А. (ред.). Истоки славянства и Руси: X чтения памяти А. Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 250–256.

Гроздилов 1950 — *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. 1950. XII. С. 139–169.

Гроздилов 1964 — *Гроздилов Г. П.* К вопросу о топографии древнего Пскова // АСГЭ. № 6. Л.: Изд-во ГЭ, 1964. С. 139–155.

Гроздилов, Третьяков 1948 — *Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н.* Описание находок из раскопок в старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Равдоникас В. И. (отв. ред.). Старая Ладога. Материалы археологических экспедиций. Л.: Гос. музей этнографии, 1948. С. 71–107.

Груздева 2004 — *Груздева Е. Н.* «Под стенами» св. Климента: Н. И. Репников и А. П. Лебедянская // Столяр А. Д. (отв. ред.). Невский археолого-историографический сб. К 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 42–48.

Гуревич 1950 — *Гуревич Ф. Д.* Древнейшие бусы Старой Ладоги // СА. 1950. XIV. С. 170–186.

Гуревич 1981 — *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Посад — окольный город. Л.: Наука, 1981. 159 с.

Давидан 1962 — *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. С. 95–108.

Давидан 1966 — *Давидан О. И.* Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // АСГЭ. Вып. 8. Л.: Советский художник, 1966. С. 103–115.

Давидан 1968 — *Давидан О. И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Советский художник, 1968. С. 54–63.

Давидан 1970 — *Давидан О. И.* О времени появления токарного станка в Старой Ладоге // АСГЭ. Вып. 12. Л.: Аврора, 1970. С. 81–88.

Давидан 1971 — *Давидан О. И.* К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (По материалам нижнего слоя Староладожского городища) // СС. XVI. Таллин: Ээсти раамат, 1971. С. 134–146.

Давидан 1973 — *Давидан О. И.* Антропоморфные и зооморфные изображения из Старой Ладоги // ТД VI Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. Таллин: АН Эст. ССР, 1973. С. 116.

Давидан 1976 — *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. Вып. 17. Л.: Аврора, 1976. С. 101–118.

Давидан 1977 — *Давидан О. И.* К вопросу об организации косторезного ремесла в древней Ладоге // АСГЭ. Вып. 18. Л.: Аврора, 1977. С. 101–105.

Давидан 1980 — *Давидан О. И.* Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. Вып. 21. Л.: Искусство, 1980. С. 59–67.

Давидан 1984 — *Давидан О. И.* Янтарь Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 25. Л.: Искусство, 1984. С. 118–126.

Давидан 1986 — *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–X вв. // АСГЭ. Вып. 27. Л.: Искусство, 1986. С. 99–104.

Давидан 1988 — *Давидан О. И.* Камень-наковальня из кузницы IX века в Старой Ладоге // Сообщения ГЭ. Вып. LIII. Л.: Искусство, 1988. С. 26–27.

Давидан 1991 — *Давидан О. И.* Деревянная посуда Старой Ладоги VIII–IX вв. // АСГЭ. Вып. 31. Л.: Искусство, 1991. С. 131–135.

Давидан 1994а — *Давидан О. И.* Еще раз об арабском дирхеме 699/700 г. из Старой Ладоги // Давидан О. И., Мазуркевич А. Н. (науч. ред.). Древности лесной зоны Восточной Европы: ТД к заседанию отделения археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ, посвященному 60-летию А. М. Микляева. СПб.: ГЭ, 1994. С. 19–21.

Давидан 1994б — *Давидан О. И.* Ладога в исследованиях В. И. Равдоникаса // МК, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Равдоникаса: ТД. СПб.: ГЭ, 1994. С. 38–42.

Давидан 1994в — *Давидан О. И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ. 1994. № 9. С. 156–167.

Давидан 1999 — *Давидан О. И.* Новые находки гребней в Старой Ладоге // РА. 1999. № 1. С. 167–174.

Дайга 1960 — *Дайга Й. В.* К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) // СА. 1960. № 3. М.: Изд. АН СССР. С. 78–92.

Двуреченский 2004 — *Двуреченский О. В.* Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2004. С. 238–244.

Двуреченский 2005 — *Двуреченский О. В.* Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV — начала XVIII века // Энговатова А. В. (отв. ред.). Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2005. С. 264–295.

Двуреченский 2015 — *Двуреченский О. В.* Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2015. 498 с.

Двуреченский 2018 — *Двуреченский О. В.* Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН, 2018. 196 с.

Джаксон 1993 — *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М.: Наука, 1993. 304 с.

Долуханов и др. 2006 — *Долуханов П. М, Болтримович С. Ф., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Тимофеев В. И.* К палеогеографии и геохронологии поселений каменного века — эпохи раннего металла Балтийско-Ладожского региона // Черных И. Н. (ред.). ТАС. Вып. 6, т. 1. Тверь: ТГОМ, 2006. С. 144–147.

Долуханов и др. 2008 — *Долуханов П. М., Субетто Д. А., Арсланов Х. А., Александровский А. Л.* Эволюция водных систем и земледельческая колонизация Северо-Западной России // Деревянко А. П. и др. (отв. ред.). Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М.: ИА РАН, 2008. С. 351–353.

Древности Северо-Западной Руси 1995 — Щукин М. Б. (науч. ред.). Древности Северо-Западной Руси. К 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова: Каталог выставки. СПб.: ГЭ, 1995. 200 с.

Дубровин 1999 — *Дубровин Г. Е.* Судовые детали XIV–XV вв. с Троицкого XII раскопа // ННЗИА. 1971. Вып. 13. С. 115–131.

Дубровин 2000 — *Дубровин Г. Е.* Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. Т. 1–2. М.: ИА РАН, 2000.

Дубровин и др. 2005 — *Дубровин Г. Е., Козлова А. В., Федорук Н. С.* Работы на Никитинском раскопе в 2004 г. // ННЗИА. 2005. Вып. 19. С. 22–29.

Екимов 2007 — *Екимов Ю. Г.* Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. (раскоп 1) // Наумов А. Н. (отв. ред.). Позднесредневековый город: археология и история. Материалы Всероссийского семинара 18–20 ноября 2005 г.: В 2 ч. Ч. 1. Изучение позднесредневековой Тулы. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2007. С. 66–77.

Ёлшин 2009 — *Ёлшин Д. Д.* Императорская Археологическая Комиссия и раскопки в Киеве 1908–1914 // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 912–937.

Ениосова, Митоян 1999 — *Ениосова Н. В., Митоян Р. А.* Тигли Гнёздовского поселения // Недошивина Н. Г. (отв. ред.). Труды ГИМ. Вып. 111. М.: ГИМ, 1999. С. 54–63.

Ениосова и др. 2008 — *Ениосова Н. В.*, *Митоян Р. А.*, *Сарачева Т. Г.* Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Рындина Н. В. (отв. ред.). Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература, 2008. С. 107–162.

Ершевский 1978 — *Ершевский Б. Д.* Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII — начала XIII вв. с изображением княжеских знаков // ВИД. Т. X. Л.: Наука, 1978. С. 38–55.

Ершевский 1982 — *Ершевский Б. Д.* Малые вислые печати посадников XII в. // Столяр А. Д. (ред.). Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 173–177.

Ершевский 1985 — *Ершевский Б. Д.* Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология (по материалам собрания Н. П. Лихачёва) // ВИД. Т. XVII. Л.: Наука, 1985. С. 36–57.

Ершевский 1987 — *Ершевский Б. Д.* О хронологии и общей атрибуции одной группы памятников новгородской сфрагистики // Янин В. Л. (ред.). История и археология Новгородской земли: Тезисы НПК. Новгород: НГОМЗ, 1987. С. 51–54.

Ершевский 1989 — *Ершевский Б. Д.* Письменные источники и материалы новгородской сфрагистики о безмонетном периоде // Янин В. Л. (ред.). ННЗИА. Вып. 2. Новгород: НГОМЗ, 1989. С. 69–74.

Ефимов, Рымша 2009 — *Ефимов С. В.*, *Рымша С. С.* Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. II. СПб.: Атлант», 2009. 392 с.

Ефимова 2002 — Ефимова С. Г. Население средневековой Европы: соотношение антропологических и этнокультурных общностей // Зубов А. А., Аксянова Г. А. (отв. ред.). На путях биологической истории человечества. Т. I. М.: Институт этнологии и антропологии, 2002. С. 157–178.

Завьялов и др. 2012 — *Завьялов В. И.*, *Розанова Л. С.*, *Терехова Н. Н.* Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил, 2012. 376 с.

Зализняк 2000 — *Зализняк А. А.* Внестратиграфическое датирование берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Т. X. М.: Русские словари, 2000. С. 275–429.

Захаров 2005 — *Захаров С. Д.* Свинцовые пломбы Белоозера // Макаров Н. А., Чернецов А. В. (ред.). Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 20–63.

Зиборов 1995 — *Зиборов В. К.* О новом экземпляре печати Александра Невского // Бегунов Ю. К., Кирпичников А. Н. (ред.). Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 146–150.

Зиневич 1962 — *Зиневич Г. П.* До антропології Шестовицького могильника // Матеріали з антропології України. 1962. Вип. 2. С. 37–47.

Ивакин 2011 — *Ивакин В. Г.* Киевские погребения X века // SP. 2011. № 5. С. 243–286.

Иванова И., Иванова Н. 2012 — *Иванова И. В.*, *Иванова Н. Ю.* Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // АВ. 2012. № 18. С. 124–144.

ИЛ — Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 638 с.

Ильин 1947 — *Ильин С. Н.* Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги // КСИИМК. 1947. № XVII. С. 179–181.

Ильин 2002 — *Ильин В. Б.* Тяжелые металлы в городских почвах // Сибирский экологический журнал. 2002. Т. 9, № 3. С. 285–292.

Ингстад 1969 — *Ингстад Х.* По следам Лейва Счастливого / Пер. с норв. Л.: Гидрометеоиздат, 1969. 245 с.

Иорданов 1993 — *Иорданов И.* Печатите от стратегията в Преслав (971–1088). София: Изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. 267 с.

Исландские саги 1956 — Стеблин-Каменский М. И. (ред., вступ. статья, примеч.). Исландские саги. М., Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 61–252.

Кавелин 1885 — *Кавелин Л.* Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия, чудотворца и похвальное слово ему, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV в. СПб.: Тип. В. Балашева, 1885. 239 с.

Казанский, Кирпичников 1998 — *Казанский Н. Н., Кирпичников А. Н.* Печать византийского митрополита из Старой Ладоги // Мусин А. Е. (ред.). Церковная археология. Вып. 4. Материалы II Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848–1917). Санкт-Петербург. 1–3 ноября 1998 г. СПб.: СПбДА; ИИМК РАН, 1998. С. 115–124.

Капелле 1989 — *Капелле Т.* Славяно-скандинавское художественное ремесло эпохи викингов // Герд А. С., Лебедев Г. С. (отв. ред.). Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Л.: Изд. ЛГУ, 1989. С. 135–140.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 181 с. (САИ Е1-36).

Кирпичников 1973а — *Кирпичников А. Н.* Исследование древней Корелы и Ладожской крепости // АО 1972 г. М.: Наука, 1973. С. 17–18.

Кирпичников 1973б — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 140 с. (САИ Е1-36).

Кирпичников 1974 — *Кирпичников А. Н.* Раскопки в Ладожской крепости и в г. Приозерске // АО 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 12–14.

Кирпичников 1975а — *Кирпичников А. Н.* Ладога и Переяславль Южный — каменные крепости раннесредневековой Руси // Новейшие открытия советских археологов: ТД. Ч. 3. Киев, 1975. С. 77–79.

Кирпичников 1975б — *Кирпичников А. Н.* Работы в Ладожской крепости // АО 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 17–18.

Кирпичников 1976а — *Кирпичников А. Н.* Архитектурно-археологические открытия в Старой Ладоге // АО 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 18–19.

Кирпичников 1976б — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 84 с.

Кирпичников 1977а — *Кирпичников А. Н.* Крепость Ладога в X–XII вв. // Новгород древний — Новгород социалистический. Археология, история, искусство. МНК 11–13 декабря 1974 г. Новгород: [Б. и.], 1977. С. 11–12.

Кирпичников 1977б — *Кирпичников А. Н.* Ладога и Переяславль Южный — древнейшие каменные крепости средневековой Руси // Лихачёв Д. С. (ред.). Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука, 1977. С. 417–434.

Кирпичников 1977в — *Кирпичников А. Н.* Первая каменная крепость в Ладоге (раскопки 1972–1973 гг.) // Ельчева А. Н., Стопцова Е. А. (ред.). Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: ЛГУ, 1977. С. 66–71.

Кирпичников 1979а — *Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // ПКНО 1978. М.: Наука, 1979. С. 471–499.

Кирпичников 1979б — *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская волость в период средневековья // Баран В. Д. (отв. ред.). Славяне и Русь. Киев: Наукова думка, 1979. С. 92–106.

Кирпичников 1980 — *Кирпичников А. Н.* Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX–X вв. // ПКНО 1979. М.: Наука, 1980. С. 441–435.

Кирпичников 1984 — *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 275 с.

Кирпичников 1985а — *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Седов В. В. (отв. ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 3–26.

Кирпичников 1985б — *Кирпичников А. Н.* Посад средневековой Ладоги // Седов В. В. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 170–180.

Кирпичников 1986 — *Кирпичников А. Н.* Раскопки в Старой Ладоге // АО 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 9.

Кирпичников 1988а — *Кирпичников А. Н.* Ладога в международной торговле VIII–XIII вв. (по находкам куфических монет) // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.»: ТД. Чернигов: Наукова думка, 1988. С. 15–16.

Кирпичников 1988б — *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Дубов И. В. (ред.). Славяно-русские древности. Вып. 1. Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л.: ЛГУ, 1988. С. 38–79.

Кирпичников 1993 — *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Северной Руси. Итоги исследования и некоторые оценки // Массон В. М., Носов Е. Н., Рябинин Е. А. (ред.). Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 98–114.

Кирпичников 1994 — *Кирпичников А. Н.* Исследования на Земляном городище в Старой Ладоге // АО 1993 г. М.: Наука,1994. С. 14–15.

Кирпичников 1995а — *Кирпичников А. Н.* Исследование Старой Ладоги // АО 1994 г. М.: Наука,1995. С. 37.

Кирпичников 1995б — *Кирпичников А. Н.* Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Дубов И. В., Фроянов И. Я. (ред.). Древняя Русь: новые исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 28–53 (Славяно-русские древности. Вып. 2).

Кирпичников 1995в — *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога: историческая роль и международное значение // Славянская археология 1990: Раннесредневековый город и его округа. М.: ИА РАН, 1995. С. 18–28 (Материалы по археологии России. Вып. 2).

Кирпичников 1997 — *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Кирпичников А. Н., Носов Е. Н. (ред.). Древности Поволховья. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 5–25.

Кирпичников 2002а — *Кирпичников А. Н.* Ладога в третьей четверти XVI в. (первопубликация писцовой книги 1568 г.) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 168–277.

Кирпичников 2002б — *Кирпичников А. Н.* Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 227–250.

Кирпичников 2003 — *Кирпичников А. Н.* Ладога на международных торговых путях эпохи раннего средневековья: Новые археологические подтверждения // Великий Волжский путь: Материалы II этапа Международной НПК. Ч. II. Казань: Институт истории АН РТ, 2003.С. 80–88.

Кирпичников 2004 — *Кирпичников А. Н.* Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2003 г. // Кирпичников А. Н. (отв. ред.) Старая Ладога. Первая международная экспедиция-школа. СПб.: ИПК «Вести», 2004. С. 251–284.

Кирпичников 2006а — *Кирпичников А. Н.* Великий Волжский путь и Ладожско-Волховский север Руси в эпоху раннего средневековья // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 1. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 5–12.

Кирпичников 2006б — *Кирпичников А. Н.* Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2005 г. // Плешков В. Н. (отв. ред.). Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2006. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 222–262.

Кирпичников 2007а — *Кирпичников А. Н.* Новые данные о позднесредневековой Ладоге: (по материалам раскопок в 2006 г.) // Плешков В. Н. (отв. ред.). Санкт-Петербургский международный культурно-исторический университет 2007. СПб.: ИПК «Вести», 2007. С. 190–219.

Кирпичников 2007б — *Кирпичников А. Н.* Новые материалы о международных связях средневековой Ладоги с Балтийским регионом и странами Востока (по материалам раскопок 2002 г.) // Носов Е. Н. (отв. ред.). Северная Русь и народ Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 195–220.

Кирпичников 2008а — *Кирпичников А. Н.* Археологические исследования в Старой Ладоге в 2007 г. (краткие итоги) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 2. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 7–12.

Кирпичников 2008б — *Кирпичников А. Н.* Новые археологические исследования раннесредневекового города Ладога (по данным раскопок 2007 г.) // Плешков В. Н. (отв. ред.). Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2008. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 329–362.

Кирпичников 2009 — *Кирпичников А. Н.* Историческое наследие Старой Ладоги // АО 1991–2004 гг. М.: ИА РАН, 2009. С. 333–348.

Кирпичников 2012 — *Кирпичников А. Н.* Раскопки в Старой Ладоге в 2008 г. // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 3. СПб.: Нестор-История. С. 37–58.

Кирпичников и др. 2015 — *Кирпичников А. Н., Лапшин В. А., Курбатов А. В., Григорьева Н. В.* Раскопки на Земляном городище в Старой Ладоге в 2011–2013 гг. // АО 2010–2013 гг. М.: Наука, 2015. С. 40–42.

Кирпичников, Белецкий 1994 — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Новые сфрагистические находки из Старой Ладоги // АВ. 1994. № 3. С. 132–135.

Кирпичников, Белецкий 1997 — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Печать и пломба из раскопок в Старой Ладоге // Лебедев Г. С. (ред.). Дивинец Староладожский: Междисплинарные исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 72–76.

Кирпичников, Белецкий 2006 — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок земляного городища в Старой Ладоге в 2006 г. // Плешков В. Н. (ред.). Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2006. Реформы в России. XVI — начало XX в. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 261–303.

Кирпичников, Белецкий 2008 — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок Земляного городища в Старой Ладоге в 2007 г. // Кирпичников А. Н. (ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб.: Нестор-История, 2008. Вып. 2. С. 216–235.

Кирпичников, Белецкий 2009 — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Новые находки памятников древнерусской сфрагистики в Старой Ладоге // Носов Е. Н. (ред.). Археология и история Литвы и северо-запада России в раннем и позднем средневековье: Доклады Международного российско-литовского семинара. Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 21–51.

Кирпичников, Белецкий 2014а — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Памятники сфрагистики из раскопок в Старой Ладоге в 2011 г. // Степанова Е. В. (ред.). Наследие Николая Петровича Лихачёва: интерпретация текста и образа. Труды ГЭ. Т. 71. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. С. 297–318.

Кирпичников, Белецкий 2014б — *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Уникальный сфрагистический комплекс из раскопок в Старой Ладоге // Скворцов В. Н. (ред.). Славянские языки и культура. История и современность: Материалы международной НПК 15–17 мая 2014 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. С. 5–8.

Кирпичников, Богуславский 1995 — *Кирпичников А. Н., Богуславский О. И.* Работы Староладожской экспедиции // Массон В. М. (отв. ред.). Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 63–64.

Кирпичников, Богуславский 1996 — *Кирпичников А. Н., Богуславский О. И.* Исследования в Старой Ладоге и Юго-Восточном Приладожье // АО 1995 г. М.: Наука, 1996. С. 47–48.

Кирпичников, Богуславский 1999 — *Кирпичников А. Н., Богуславский О. И.* Исследования в Старой Ладоге и Юго-Восточном Приладожье // АО 1997 г. М.: Наука, 1999. С. 23–25.

Кирпичников, Богуславский 2000 — *Кирпичников А. Н., Богуславский О. И.* Работы Староладожской экспедиции ИИМК РАН // АО 1998 г. М.: Наука, 2000. С. 29–31.

Кирпичников, Богуславский 2001 — *Кирпичников А. Н., Богуславский О. И.* Работы Староладожской экспедиции ИИМК РАН // АО 1999 г. М.: Наука, 2001. С. 22–24.

Кирпичников, Ениосова 2004 — *Кирпичников А. Н.*, *Ениосова Н. В.* Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги // Макаров Н. А. и др. (ред.). Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В. В. Седова. М.: Наука, 2004. С. 290–296.

Кирпичников, Курбатов 2014 — *Кирпичников А. Н., Курбатов А. В.* Новые данные о происхождении Ладожского поселения и появлении славян в Поволховье // SP. № 5. 2014. С. 129–136.

Кирпичников, Назаренко 1987 — *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Раскопки в Старой Ладоге // АО 1985 г. М.: Наука, 1987. С. 14–15.

Кирпичников, Назаренко 1988 — *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Раскопки Староладожской экспедиции // АО 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 20–21.

Кирпичников, Назаренко 1992 — *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Археологические открытия в Старой Ладоге. Черты сходства средневековых городов региона Балтики // АВ. № 1. СПб., 1992. С. 141–151.

Кирпичников, Назаренко 1997 — *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984–1991 гг. // Кирпичников А. Н., Носов Е. Н. (ред.). Древности Поволховья. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 63–82.

Кирпичников, Сарабьянов 2010 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 2010. 208 с.

Кирпичников, Сарабьянов 2012 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 2012. 215 с. (4-е изд.; 1-е изд. — 1996).

Кирпичников, Сорокин 2001а — *Кирпичников А. Н., Сорокин П. Е.* Раскопки в Старой Ладоге // АО 2000 г. М.: Наука, 2001. С. 22–23.

Кирпичников, Сорокин 2001б — *Кирпичников А. Н., Сорокин П. Е.* Археологические раскопки в Старой Ладоге в 2000 г. // Мачинский Д. А. (ред.). Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в I тысячелетии христианской эры: V чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 2001. С. 137–142.

Кирпичников, Сорокин 2002 — *Кирпичников А. Н., Сорокин П. Е.* Исследования Староладожского «Земляного городища» в 2000 г. // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 151–158.

Кирпичников и др. 1985 — *Кирпичников А. Н., Петренко В. П., Рябинин Е. А.* Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги // Массон В. М. (отв. ред.). Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985. С. 48–51.

Кирпичников и др. 2002 — *Кирпичников А. Н., Богуславский О. И., Сорокин П. Е.* Работы Староладожской археологической экспедиции // АО 2001 г. М.: Наука, 2002. С. 33–34.

Кирпичников и др. 2003 — *Кирпичников А. Н., Богуславский О. И., Кильдюшевский В. И.* Археологические открытия в Старой Ладоге: (по результатам раскопок 2002 г.) // Скандинавские чтения 2002 г. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 16–22.

Клейн 2010 — *Клейн Л. С.* Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. II. СПб.; М.: Ломоносовъ, 2010. С. 372–384.

Коваленко 1975 — *Коваленко В. Ю.* К антропологии курганного населения XI–XIII вв. Вологодской области // Вопросы антропологии. 1975. Вып. 49. С. 92–107.

Коваль 2015 — *Коваль В. Ю.* Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 211–221.

Колосницын 2009 — *Колосницын П. П.* Деревянные детали сухопутных и водных транспортных средств XI–XII вв. в материалах Борисоглебского раскопа в Старой Руссе // ННЗИА. 2009. Вып. 23. С. 397–405.

Колчин 1953 — *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: Изд. АН СССР, 1953 (МИА. № 32).

Колчин 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды НАЭ. Т. II. М.: Изд. АН СССР, 1959. С. 7–120 (МИА. № 65).

Колчин 1964 — *Колчин Б. А.* К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951–1962 гг.) // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 3–20.

Колчин 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968 (САИ. Вып. Е1-55).

Колчин 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Колчин Б. А., Янин В. Л. (ред.). Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Колчин 1985 — *Колчин Б. А.* Ремесло // Рыбаков Б. А. (ред.). Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 243–297 (Археология СССР).

Кондратьева 1981 — *Кондратьева О. А.* Зооморфные гребни IX–X вв. // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 103–109.

Кондратьева 2004 — *Кондратьева О. А.* Некоторые вопросы производства односторонних наборных гребней в IX–XI вв. на Руси и их европейские параллели // Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (ред). Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова. СПб.: Изд. СПбГУ, 2004. С. 78–89.

Кондратьева 2011 — *Кондратьева О. А.* Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси — России. Археологические и этнографические очерки. СПб.: ИПК «Вести», 2011. 343 с.

Конев, Петров 2000 — *Конев А. Н., Петров Н. И.* К интерпретации «большой постройки» II-V-2 из раскопок на Варяжской улице в Старой Ладоге // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы ТНК. СПб. 14–17 ноября 2000 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 114–117.

Коновалов и др. 2008 — *Коновалов А. А., Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература, 2008. 191 с.

Корзухина 1961 — *Корзухина Г. Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладоге (по археологическим данным) // СА. № 3. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 76–84.

Корзухина 1965 — *Корзухина Г. Ф.* Этнический состав населения древнейшей Ладоги // ТД второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М.: Институт истории АН СССР, 1965. С. 12–14.

Корзухина 1966 — *Корзухина Г. Ф.* Ладожский топорик // Монгайт А. Л. (отв. ред.). Культура Древней Руси: Сб. статей, посвященных 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина. М.: Наука, 1966. С. 89–96.

Корзухина 1971 — *Корзухина Г. Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // СС. XVI. Таллин: Ээсти раамат, 1971. С. 123–133.

Корзухина 1973 — *Корзухина Г. Ф.* Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладоге // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 35–40.

Корзухина, Давидан 1969 — *Корзухина Г. Ф., Давидан О. И.* Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладоги // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 16, 17.

Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с. (Archaeologica Petropolitana. XIV).

Королькова 2004 — *Королькова Л. В.* Н. И. Репников — исследователь Северо-Запада России // Столяр А. Д. (отв. ред.). Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 118–124.

Краснов, Каховский 1978 — *Краснов Ю. А.*, *Каховский В. Ф.* Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М.: Наука, 1978. 192 с.

Кропоткин 1978 — *Кропоткин В. В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Николаева Т. В. (ред.). Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 111–117.

Куза 1977 — *Куза А. В.* Печати Евстафия (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в.) // СА. 1977. № 3. С. 121–129.

Кузнецова, Григорьева 2019 — *Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В.* Металлические зооморфные украшения средневековой Ладоги // ННЗИА. Материалы XXXII НК. Великий Новгород, 2019 (в печати).

Кузьмин 1997а — *Кузьмин С. Л.* Первые десятилетия истории ладожского поселения // STRATUM + Петербургский археологический вестник «Европейская Сарматия»: Сб. статей к 60-летию Д. А. Мачинского, М. Б. Щукина. СПб.; Кишинев: [Б. и.] 1997. С. 128–235.

Кузьмин 1997б — *Кузьмин С. Л.* Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Белецкий С. В. (сост.). ПСКОВ. Т. I. СПб.; Псков: ПГОМЗ; ИИМК РАН, 1997. С. 343–358.

Кузьмин 2003 — *Кузьмин С. Л.* Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога. Первая столица Руси. 250 лет непрерывной жизни: VII чтения памяти А. Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 45–67.

Кузьмин, Волковицкий 2004 — *Кузьмин С. Л, Волковицкий А. И.* Археологическое изучение Ладоги (проблемы, задачи, перспективы) // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и Глеб Лебедев: VIII чтения памяти А. Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 151–156.

Кузьмин, Мачинская 1989 — *Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д.* Ладога и ее округа в VIII–X вв. (Этапы становления северного раннесредневекового города) // XI Всесоюзн. конф.

по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: ТД. М.: ИИ СССР, 1989. С. 142–144.

Курбатов 2018 — *Курбатов А. В.* Деревянные «обувные колодки» в раннесредневековой Ладоге и использование обувных колодок в средневековье // Бюллетень ИИМК РАН. 2018. № 8. С. 219–236.

Курбатов 1992 — *Курбатов А. В.* Рец.: F. Grew & de Neergaard, 1988. Shoes and pattens. Medieval finds from excavations in London: 2. London // РА. 1992. № 4. С. 220–224.

Курбатов 1997 — *Курбатов А. В.* Раннесредневековая обувь Поволховья и вопросы сложения городского ремесла // *Кирпичников А. В., Носов Е. Н.* Древности Поволховья. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 117–128.

Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 311 с.

Курбатов 2005 — *Курбатов А. В.* История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец.: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm, 2001. P. 357, fig. 443 // АВ. 2005. № 12. С. 231–244.

Курбатов 2006 — *Курбатов А. В.* Связи Поволховья с регионами Балтийского моря в VIII–XI вв. по материалам кожевенного ремесла // Кирпичников А. В. (ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 1. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 54–71.

Курбатов 2007 — *Курбатов А. В.* Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // Мусин А. Е., Носов Е. Н. (ред.). У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 89–133.

Курбатов 2008а — *Курбатов А. В.* Начальный период сложения средневекового кожевенного ремесла на Руси // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 2. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 68–151.

Курбатов 2008б — *Курбатов А. В.* О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. 2008. № 3. С. 210–233.

Курбатов 2008в — *Курбатов А. В.* Музееведение и археология — две составляющих в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла. Рец.: Осипов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. 200 с.; 323 ил. 2006. М.: ИА РАН. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7 // АВ. 2008. № 15. С. 246–254.

Курбатов 2011 — *Курбатов А. В.* «Инородные» кожаные предметы в средневековой Руси: движение людей и вещей // SP. 2011. № 5. С. 183–200.

Курбатов 2012 — *Курбатов А. В.* Сырьевая база древнерусского кожевенного ремесла (по материалам городов северо-запада и центра России) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 3. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 102–163.

Курбатов 2014 — *Курбатов А. В.* Культура Северной Европы: традиции и приобретения. Рец.: Harjula J. Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period. Turku: Suomen Keskiajan arkeol. Seura, 2008. (AMAF, XV) // АВ. 2014. № 20. С. 350–360.

Курбатов 2015 — *Курбатов А. В.* Кожаные предметы из раскопов 3–5 на Земляном городище Старой Ладоги // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 5. СПб.:

Ленинградское областное отделение Всероссийской общественной организации ВООПИК, ООО «Социальная пропаганда», 2015. С. 48–100.

Курбатов 2016 — *Курбатов А. В.* Коллекции раннесредневековых кожаных предметов Хедебю и Ладоги // Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии: Материалы XIX и XX чтений. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 49–71.

Курбатов 2017 — *Курбатов А. В.* Кожевенные мастерские в средневековой России // Бюллетень ИИМК РАН. 2017. Вып. 6. С. 231–256.

Курбатов О. 2006 — *Курбатов О. А.* «Оружность» русской конницы. 1630-е — начало 1650-х гг. // Цейхгауз. 2006. № 23.

Курбатов О. 2014 — *Курбатов О. А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: Квадрига, 2014. 240 с.

Курбатов, Минченко 2013 — *Курбатов А. В., Минченко Н. Л.* Болезни средневековых горожан (анализ археологической кожаной обуви) // Калашникова Н. М. (отв. ред.). Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: Материалы XVI МНК, СПб., 28–31 мая 2013 г. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т технологии и дизайна, 2013. С. 32–36.

Кутасов 2010 — *Кутасов П. А.* Вещевой клад 1969 года из Ипатьевского переулка в Москве // Археология Подмосковья. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2010. С. 303–321.

Лапшин 1995 — *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. Л.: Изд-во СПбГУ, 1995. 232 с.

Лапшин 2001 — *Лапшин В. А.* Вместо заключения (комментарий археолога) // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 221–225.

Лапшин 2009 — *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 534 с. (Труды ИИМК РАН. Т. XXX).

Лаушкин 1960 — *Лаушкин К. Д.* Раскопки в Старой Ладоге // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 72–76.

Лебедев 1977 — *Лебедев Г. С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977. 232 с.

Лебедев 1985 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 286 с.

Лебедев 2005 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 639 с.

Лебедев, Седых 1985 — *Лебедев Г. С., Седых В. Н.* Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // Вестник Ленингр. ун-та. 1985. Серия 2: История, яз., лит. № 9. С. 15–24.

Лебедев В., Дунин 2000 — *Лебедев В. Д., Дунин В. Н.* Рисунки свинцовых пломб из архива Городецкого краеведа Ю. К. Мятова. Первичный анализ сюжетов опубликованного комплекса городицких пломб // Петров П. Н. (ред.). Древности Нижегородского Поволжья. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. II, вып. 3. Нижний Новгород: Историко-археологический центр «Регион», 2000. С. 148–161.

Леонтьев 1988 — *Леонтьев А. Е.* Городище Выжегша и происхождение Выжегшевского клада // Седова М. В. (отв. ред.). Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.: ИА АН СССР, 1988. С. 94–102.

Леонтьев 1996 — *Леонтьев А. Е.* Археология мери: к предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.

Лесман 1982 — *Лесман Ю. М.* Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Столяр А. Д. (отв. ред.). Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: ЛГУ, 1982. С. 69–73.

Лесман 1997 — *Лесман Ю. М.* Парадокс древнерусской Ладоги // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и религиозное сознание: III чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 1997. С. 27–34.

Лесман 2011 — *Лесман Ю. М.* Стеклянные гладилки: сырье в стеклоделии и инструмент обработки тканей // Гайдуков П. Г. (отв. ред.). Стекло Восточной Европы в древности, средневековье и Новое время: изучение и реставрация: ТД НК. М.: ИА РАН, 2011. С. 37–38.

Лихачёв 1928 — *Лихачёв Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л.: АН СССР, 1928. 175 с.

Лихачёв 1930 — *Лихачёв Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Л.: АН СССР, 1930. 279 с.

Лихачёв 1960 — *Лихачёв Н. П.* Печати Пскова // СА. 1960. № 3. С. 225–236.

ЛСА — *Лихачёв Н. П.* Сфрагистический альбом: Рукопись // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444.

Львова 1961 — *Львова З. А.* К вопросу о происхождении стеклянных бус в некоторых районах Восточной Европы VIII–X вв. // Гайдукевич В. Ф. (отв. ред.). Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л.: ЛГУ, 1961. С. 231–239.

Львова 1968 — *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Советский художник, 1968. С. 64–94.

Львова 1970 — *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. II // АСГЭ. Вып. 12. Л.: Аврора, 1970. С. 89–111.

Львова 1977 — *Львова З. А.* К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X — начала XI века в северные районы Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 18. Л.: Аврора, 1977. С. 106–109.

Львова 2010 — *Львова З. А.* Стеклянные бусы Любши // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 467–478.

Львова, Наумов 1970 — *Львова З. А.*, *Наумов Д. В.* К вопросу о происхождении стеклянных бус VIII–X вв. Старой Ладоги // Slavia Antiqua. T. XVII. Warszawa-Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Instytut Prahistorii, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1970. S. 179–186.

Ляпушкин 1968 — *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л.: Наука, 1968. 191 с. (МИА № 152).

Макарова 1986 — *Макарова Т. И.* Черневое дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.

Малов 2006 — *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.

Марк 1956 — *Марк К. Ю.* Палеоантропология Эстонской ССР // ТИЭ. Нов. сер. 1956. Т. 32. С. 170–227.

Мартышин 1992 — *Мартышин О. В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Российское право, 1992. 384 с.

Матюшкина 1976 — *Матюшкина Г. И.* Новые находки вислых печатей из раскопок 1970–1973 гг. // Вестник МГУ. 1976. № 1. С. 66–73.

Мачинская 2014 — *Мачинская А. Д.* Металлические украшения Старой Ладоги и хронология древностей лесной зоны Восточной Европы: Дипломная работа // Мачинский Д. А. Сага об Анне. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 81–124.

Мачинский 1981 — *Мачинский Д. А.* Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Королюк В. Д. (отв. ред.). Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981. С. 31–52.

Мачинский 1982 — *Мачинский Д. А.* О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников // Столяр А. Д. (отв. ред.). Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: ЛГУ, 1982. С. 7–24.

Мачинский 1997 — *Мачинский Д. А.* Ладога / Aldeigja: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII–XII вв.) // Мачинский Д. А. (ред). Ладога и религиозное сознание: VI чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 2002. С. 156–187.

Мачинский 2004 — *Мачинский Д. А.* О Ладоге и первоначальной Руси // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Старая Ладога: Международная археологическая экспедиция-школа. СПб.: ИПК «Вести», 2004. С. 46–69.

Мачинский и др. 1986 — *Мачинский Д. А., Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д.* Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII–X вв. // X Всесоюзн. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: ТД. М.: ИИ СССР, 1986. Ч. I. С. 164–165.

Миляев 2015 — *Миляев П. А.* Городище Любша в Нижнем Поволховье (по материалам архивов ИИМК РАН и ИА РАН) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. СПб.: Ленинградское областное отделение Всероссийской общественной организации ВООПИК, ООО «Социальная пропаганда», 2015. С. 108–134.

Миляев 2017 — *Миляев П. А.* Изделия североевропейского облика в материальной культуре городища Любша IX — начала X в. (предварительное сообщение) // Платонова Н. И. (отв. ред.). ÉLITE OU ÉGALITÉ: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб.: Изд. дом Бранко, 2017. С. 225–244.

Миляев 2019 — *Миляев П. А.* Клинковое оружие XVI–XVII вв. из раскопок в Старой Ладоге // ННЗИА: Материалы XXXII НК. Великий Новгород, 2019 (в печати).

Минасян 1980 — *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. Л.: Искусство, 1980. С. 68–74.

Минасян 2014 — *Минасян Р. С.* Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Изд. ГЭ, 2014. 472 с.

Моисеев и др. 2015 — *Моисеев В. Г., Хартанович В. И., Широбоков И. Г., Селезнева В. И.* О роли популяций с территории Фенноскандии в формировании антропологического состава населения российского Северо-Запада // Уральский исторический вестник. 2015. 3 (48). С. 87–95.

Моисеев и др. 2016 — *Моисеев В. Г., Григорьева Н. В., Широбоков И. Г., Хартанович В. И.* Краниологические материалы из раскопок у церкви Святого Георгия в Старой Ладоге // Чистов Ю. К. (отв. ред.). Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 390–399.

Молчанов 1984 — *Молчанов А. А.* О буллах новгородских посадников XII — первой трети XIII в. // АиИППЗ. Вып. 4. Псков: ПОМЗ, 1984. С. 42–44.

Молчанов 1985 — *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков Рюриковичей X–XIII вв. // ВИД. Т. XVI. Л.: Наука, 1985. С. 66–83.

Молчанов 1987 — *Молчанов А. А.* Новгородская посадничья булла XI–XV вв. (к вопросу о типологической эволюции сфрагистических атрибутов высшей республиканской администрации Новгорода) // Седов В. В. (ред.). Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 3, вып. 1б. М.: ИА АН СССР, 1987. С. 26–33.

Монгайт 1955 — *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М.: АН СССР, 1955. 228 с. (МИА. 49.)

Мусин 1995 — *Мусин А. Е.* К предыстории христианства на Севере Руси // Массон В. М. (отв. ред.). Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых ученых Санкт-Петербурга. СПб: ИИМК РАН, 1995. С. 78–82.

Мусин 2002 — *Мусин А. Е.* Структуры власти Ладоги XI–XV вв. // Кирпичников А. Н. (ред.). Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 69–87.

Н4Л — Покровский Ф. И. (ред.). Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915. 320 с.

Назаренко 1997 — *Назаренко В. А.* Об одной особенности планировки ладожской застройки VIII–X вв. (по материалам «Земляного городища») // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и религиозное сознание: III чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 1997. С. 112–114.

Непомнящий 2012 — *Непомнящий А. А.* Профессор Николай Эрнст. Страницы истории Крымского краеведения. Киев: Изд. дом «Стилос», 2012. 464 с.

Никитин 1971 — *Никитин А. В.* Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.: Наука, 1971. 84 с. (САИ Е1-34).

Нимчук 1990 — *Нимчук В. В.* Древнерусские печати **дьнѣслово — *дѣнѣ слово** // Седов В. В. (ред.). VI Междунар. конгресс славянской археологии: ТД, подготовленные советскими исследователями. М.: Наука, 1990. С. 175–178.

Новосёлов 1998 — *Новосёлов Н. В.* К вопросу о каменном строительстве в Ладоге в XII в. // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Поселения: среда, культура, социум: Материалы ТНК. СПб., 6–9 октября 1998 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 191–193.

Новосёлов 2002 — *Новосёлов Н. В.* От Благовещения до Благовещения: Строительное производство Новгородской земли в период сложения местной архитектурной школы. СПб.: СПбГУ, 2002. 196 с.

Новосёлов 2003 — *Новосёлов Н. В.* Архитектурные особенности ладожских храмов XII в. и постройки новгородско-псковского зодчества «на старой основе» // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога. Первая столица Руси. 250 лет непрерывной жизни: VII чтения памяти А. Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 98–109.

Носов 1976 — *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII–X вв. // ВИД. Вып. VIII. Л., 1976. С. 95–110.

Носов 1977 — *Носов Е. Н.* Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // КСИА. 1977. Вып.150. С. 10–17.

Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 215 с.

Носов 1995 — *Носов Е. Н.* Раскопки Г. П. Гроздилова в 1935 г. на Рюриковом городище под Новгородом // Давидан О. И., Мазуркевич А. Н. (ред.). Древности Северо-Западной

России. Сб. материалов МНК, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб.: ГЭ, 1995. С. 61–63.

Носов 2000 — *Носов Е. Н.* К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.: ИПК «Вести». 2000. С. 162–171.

Носов и др. 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.

НПЛ — Тихомиров М. Н., Насонов А. Н. (ред.). Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Орлов 1949 — *Орлов С. Н.* Старая Ладога. Л.: Изд. ЛГУ, 1949. 48 с.

Орлов 1954 — *Орлов С. Н.* Деревянные изделия Старой Ладоги VII–X вв. (по материалам Староладожской археологической экспедиции): Автореф. дис. … канд. истор. наук. М.: [Б. и.], 1954. 105 с.

Орлов 1960 — *Орлов С. Н.* Старая Ладога. Исторический очерк. Л.: Лениздат, 1960. 129 с.

Осипов 2006 — *Осипов Д. О.* Обувь московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН, 2006. 200 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7.)

Осипов 2014 — *Осипов Д. О.* Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: Изд. дом «Актеон», 2014. 269 с.

Оятева 1965 — *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 7. Л.: Советский художник, 1965. С. 42–59.

Памятники 1935 — Памятники истории Великого Новгорода и Пскова: Сб. документов. Л.; М.: Соцэгиз, 1935. 190 с.

Панова 2004 — *Панова Т. Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 188 с. http://opentextnn.ru/history/archaeology/library/panova/?id=1882#_ftn8

Пежемский 2012 — *Пежемский Д. В.* Скандинавское присутствие на Северо-Западе по данным палеоантропологии // Селин А. А. (ред.-сост.). Староладожский сборник. Вып. 9. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 88–107.

Петренко 1984 — *Петренко В. П.* Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // Рыбаков Б. А. (ред.). Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984. С. 83–90.

Петренко 1985 — *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Седов В. В. (отв. ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 81–116.

Петренко 1994 — *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб.: Наука, 1994. 139 с.

Петренко, Шитова 1985 — *Петренко В. П., Шитова Т. Б.* Любшанское городище и средневековые поселения северного Поволховья // Седов В. В. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 181–191.

Петров 1996 — *Петров Н. И.* Поволховье и Ильменское Поозерье в IX–X вв. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 97 с.

Петров, Пантелеева 2014 — *Петров Ф. Н., Пантелеева Л. В.* Свинцовые пломбы древнерусской Дубны. Дубна: Фонд «Наследие», 2014. 28 с.

Пинский 1997 — *Пинский Д. Л.* Ионообменные процессы в почвах. Пущино: ОНТИ НЦБИ РАН, 1997. 166 с.

Платонова 1997а — *Платонова Н. И.* Средневековый могильник на Земляном городище Старой Ладоги // Климов В. Н., Кирпичников А. Н., Пономарёв В. С. (ред.). Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции: ТД. СПб.: ИПК «Вести», 1997. С. 67–71.

Платонова 1997б — *Платонова Н. И.* К уточнению датировки могильника на Староладожском Земляном городище // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и религиозное сознание: III чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 1997. С. 25–27.

Платонова 1997в — *Платонова Н. И.* Камерные погребения XI — начала XII вв. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Общество, экономика, культура и искусство славян: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Новгород, 26–31 августа 1996 г. Т. 4. М.: РАН; ИА РАН, 1997. С. 372–380.

Платонова 1999 — *Платонова Н. И.* Михаил Илларионович Артамонов — директор ИИМК // АВ. 1999. № 6. С. 466–478.

Платонова 2002 — *Платонова Н. И.* Панорама отечественной археологии на «великом переломе» (по страницам книги В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры») // АВ. 2002. № 9. С. 261–278.

Платонова 2017 — *Платонова Н. И.* К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках 2-й половины XI — начала XII в. (по материалам Удрайского археологического комплекса) // Платонова Н. И. (отв. ред.-сост.) ÉLITE OU ÉGALITÉ: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 124–140.

Плохов 1996 — *Плохов А. В.* Еще раз о «керамике ладожского типа» // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и Северная Европа: II чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 1996. С. 23–25.

Плохов 2002 — *Плохов А. В.* Керамика «ладожского типа» в Скандинавии // Янин В. Л. (отв. ред.), Конецкий В. Я., Иванов А. Ю. (сост.). У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. Любытино: [Б. и], 2002. С. 144–159.

Плохов 2004 — *Плохов А. В.* Уникальная литейная форма из Старой Ладоги // АВ. 2004. № 11. С. 202–215.

Плохов 2010 — *Плохов А. В.* Контакты населения Старой Ладоги с финно-угорскими племенами в VIII–X вв. (по керамическим материалам) // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. II. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 165–187.

Поветкин 2002 — *Поветкин В. И.* Старое и новое в музыкальной археологии Северо-Запада России // Янин В. Л. (ред.). ННЗИА: МНК. Новгород, 22–24 января 2002 г. Вып. 16. Великий Новгород: НГОМЗ, 2002. С. 69–77.

Подвигина 1976 — *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М.: Высшая школа, 1976. 152 с.

Подгорная и др. 2009 — *Подгорная Р. Г.*, *Френкель Я. В.*, *Яковлев А. В.* Исследование отложений XVIII в. в Новоторговском V раскопе // АиИППЗ: Материалы 54-го заседания (15–17 апреля 2008 года). Псков, 2009. С. 42–58.

Поездка Н. И. Репникова… 1904 — Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладогу // ЗОРСА. Т. 5. Вып. 2. 1904. С. 57–58.

Порфиридов 1959 — *Порфиридов Н. Г.* Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода // Лихачёв Д. С. (ред.). НИС. Вып. 9. Новгород: НОИМЗ, 1959. С. 81–91.

Происхождение… 1965 — Бунак В. В. (ред.). Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М.: АН СССР, 1965. 415 с. (ТИЭ. Нов. сер. Т. 88).

Путешествие 1971 — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Большаков О. Г. (перевод), Монгайт А. Л. (комментарии). М.: Наука, 1971. 134 с.

Путешествие ибн-Фадлана… 1939 — Путешествие ибн-Фадлана на Волгу / Перевод и комментарий А. П. Ковалевского; под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 228 с.

Равдоникас 1924 — *Равдоникас В. И.* Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин: Изд-во «Тихвин. Уисполкома», 1924. 38 с.

Равдоникас 1934 — *Равдоникас В. И.* О возникновении феодализма в лесной зоне Восточной Европы в свете археологических данных // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества (Пленум ГАИМК 20–22 июня 1933 г.). М.; Л.: ОГИЗ, 1934. С. 102–129 (ИГАИМК. Вып. 103).

Равдоникас 1936–1938 — *Равдоникас В. И*. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л., 1936. 213 с.; Ч. 2. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л., 1938. 167 с. (АН СССР. Ин-т антропологии, археологии и этнографии. Труды. Т. 9–10. Археол. серия. № 1).

Равдоникас 1939 —*Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Ч. 1. Л.: ЛГУ, 1939. 169 с.

Равдоникас 1940а — *Равдоникас В. И.* Археологические исследования на р. Свири в 1934 г. (предварительное сообщение) // СА. V. 1940. С. 187–205.

Равдоникас 1940б — *Равдоникас В. И*. Неолитический могильник на Онежском озере // БКИЧП. 1940. № 6–7. С. 31–32.

Равдоникас 1940в — *Равдоникас В. И*. Вновь открытые наскальные изображения на побережье Белого моря // БКИЧП. 1940. № 6–7. С. 27–31.

Равдоникас 1940г — *Равдоникас В. И*. Неолитический могильник на Онежском озере (предварительное сообщение) // СА. 1940. VI. С. 46–62.

Равдоникас 1945 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 30–41.

Равдоникас 1947 — *Равдоникас В. И*. Археологически изследования на Ленинградския университет в Стара Ладога // Славянска археология и етнография в Съветския Съюз. София, 1947. С. 72–74.

Равдоникас 1948 — *Равдоникас В. И.* Памяти Н. И. Репникова // Равдоникас В. И. (отв. ред.). Старая Ладога (материалы археологических экспедиций). Л.: Гос. музей этнографии, 1948. С. 7–10.

Равдоникас 1949а — *Равдоникас В. И*. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) Ч. I // СА. 1949. XI. С. 5–54.

Равдоникас 1949б — *Равдоникас В. И.* Археология в Ленинградском государственном университете // Уч. зап. ЛГУ. 1949. № 85. Сер. исторических наук. Вып. 13. Археология. С. 3–11.

Равдоникас 1950 — *Равдоникас В. И*. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) Ч. II // СА. 1950. XII. С. 7–40.

Раппопорт 1975 — *Раппопорт П. А*. Древнерусское жилище. Л.: Наука, 1975. 178 с.

Раппопорт 1982а — *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // НИС. Вып. 1(11). Л.: Наука, 1982. С. 189–202.

Раппопорт 1982б — *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с. (САИ. Е1-47).

Раппопорт 1993 — *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат, С.-Петербургское отд-ние, 1993. 287 с.

Репников 1915 — *Репников Н. И.* Старая Ладога (очерк) // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. VII. Новгород, 1914. С. 1–39.

Репников 1948 — *Репников Н. И.* Раскопки в городище Старой Ладоги // // Равдоникас В. И. (отв. ред.). Старая Ладога. Материалы археологических экспедиций. Л.: Гос. музей этнографии, 1948. С. 11–70.

Розанова 1991 — *Розанова Л. С.* Итоги металлографического исследования кузнечных изделий // *Голубева Л. А., Кочкурина С. И.* Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск: КарелНЦ, ИЯЛИ, 1991. С. 166–181.

Розанова 1994 — Розанова *Л. С.* К вопросу о технологических приемах изготовления железных изделий из Старой Ладоги в докняжеский период // НАЧ. Новгород: НГОМЗ, 1994. С. 175–179.

Розанова и др. 2008 — *Розанова Л. С., Терехова Н. Н., Рябинин Е. А., Щеглова О. А.* Металлографическое исследование железных изделий Любшанского городища // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 2. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 13–48.

Романчук 2013 — *Романчук А. А.* Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // SP. 2013. № 5. С. 283–299. http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2015/01/romanchuk.pdf

Русь и Балтика… 2006 — Алексеев А. Ю. (ред.). Русь и Балтика в эпоху викингов. Археологические коллекции Государственного Эрмитажа. Каталог выставки ГЭ. СПб.: Славия, 2006. 119 с.

Рыбаков 1940 — *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. 1940. № 6. С. 227–257.

Рыбаков 1963 — *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.: АН СССР, 1963. 362 с.

Рыдзевская 1945 — *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 51–65.

Рындина 1963 — *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Колчин Б. А. (отв. ред.). Новые методы в археологии. Труды НАЭ. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 200–263 (МИА. № 117).

Рябинин 1980 — *Рябинин Е. А.* Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладоги // СС. XXV. Таллин: Ээсти раамат, 1980. С. 161–167.

Рябинин 1983 — *Рябинин Е. А.* Раскопки Земляного городища в Старой Ладоге // АО 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 34–35.

Рябинин 1984 — *Рябинин Е. А.* Раскопки в Старой Ладоге // АО 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 30–31.

Рябинин 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Седов В. В. (отв. ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 27–75.

Рябинин 1986 — *Рябинин Е. А.* Исследования в Старой Ладоге // АО 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 23–24.

Рябинин 1994а — *Рябинин Е. А.* У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общебалтийских связей в предвикингскую эпоху) // Массон В. М., Носов Е. Н. (ред.). Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 5–59.

Рябинин 1994б — *Рябинин Е. А.* Новые данные о раннем ладожском стеклоделии // Давидан О. И., Мазуркевич А. Н. (науч. ред.). Древности лесной зоны Восточной Европы: ТД к заседанию отдела археологии Восточн. Европы и Сибири ГЭ, посвящ. 60-летию А. М. Микляева. СПб.: ГЭ, 1994. С. 21–26.

Рябинин 1997 — *Рябинин Е. А.* Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе // Лебедев Г. С. (отв. ред.). Дивинец Староладожский: междисциплинарные исследования. СПб.: Изд. СПбГУ, 1997. С. 43–49.

Рябинин 2002 — *Рябинин Е. А.* Раскопки Любшанского городища в Нижнем Поволховье (предварительные результаты археологических исследований) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Культура, образование, история Ленинградской области. Тезисы НПК. СПб.: ИПК «Вести», 2002. С. 53–58.

Рябинин, Дубашинский 2002 — *Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 196–203.

Рябинин, Коротенко 2003 — *Рябинин Е. А., Коротенко И. А.* У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб.: Русско-Балтийский инф. центр «Блиц», 2003. 224 с.

Рябинин, Черных 1988 — *Рябинин Е. А.*, *Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного Городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100.

Сагайдак 1991 — *Сагайдак М. А.* Давньокиївський Поділ: Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ: Наук, думка, 1991. 168 с.

Санкина 2000 — *Санкина С. Л.* Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 109 с.

Санкина 2004 — *Санкина С. Л.* Антропология Средневекового населения Русского Севера (X–XIV вв.) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез: Сб. ст. к 75-летию И. И. Гохмана. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 83–107.

Санкина 2008 — *Санкина С. Л.* Скандинавская проблема в свете антропологических данных: группы Русского Севера и Северо-Запада эпохи средневековья (XI–XIII века) // АЭАЕ. 2008. 1 (33). С. 141–156.

Санкина, Козинцев 1995 — *Санкина С. Л., Козинцев А. Г.* Антропологическая характеристика серии скелетов из средневековых погребений Старой Ладоги // Антропология сегодня. 1995. № 1. С. 90–107.

Сарабьянов 1997 — *Сарабьянов В. Д.* Культ св. Климента папы римского и его отображение в новгородском искусстве XII в. // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и религиозное сознание: III чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 1997. С. 34–38.

Свердлов 1983 — *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. 239 с.

Свєшніков 1992 — *Свєшніков І. К.* Битва під Берестечком. Львів: Слово, 1992. 304 с.

Седов 1952 — *Седов В. В.* Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. 1952. Вып. 15. С. 72–85.

Седова 1997 — *Седова М. В.* Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир, 1997. 235 с.

Селин 2012 — *Селин А. А.* Староладожский миф в академическом дискурсе последних лет // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 1 (11). Январь—Июнь. С. 117–126.

Сениченкова 1980 — *Сениченкова Т. Б.* Ближневосточная керамика IX в. из Старой Ладоги // СА. 1980. № 2. С. 238–240.

Сениченкова 1997 — *Сениченкова Т. Б.* Еще раз о ближневосточной керамике из Старой Ладоги // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и религиозное сознание: III чтения памяти А. Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 1997. С. 114–118.

Сениченкова 1998 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Дис. … канд. истор. наук. СПб.: [Б. и.], 1998. 328 с.

Сениченкова 1998 — *Сениченкова Т. Б.* Об одном типе керамики из Старой Ладоги // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и эпоха викингов: IV чтения памяти А. Мачинской. СПб.: АкадемПринт, 1998. С. 49–52.

Сениченкова 2010 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Любшанского городища // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. VI. Мінск: Логвінаў, 2010. С. 68–96.

Сениченкова 2014 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси // Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (отв. ред.). Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 346–360.

Сениченкова, Урюпов 2017а — *Сениченкова Т. Б., Урюпов С. О.* Горшок знахаря из Старой Ладоги // SP. 2017. № 5. С. 163–172.

Сениченкова, Урюпов 2017б — *Сениченкова Т. Б., Урюпов С. О.* Горшок знахаря из «большой постройки» Старой Ладоги (раскоп 1973 г. на Варяжской улице) // Платонова Н. И. (отв. ред.). ÉLITE OU ÉGALITÉ: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 245–260.

Сергина 1983 — *Сергина Т. В.* Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 гг. // Седов В. В. (отв. ред.). Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983. С. 81–104.

Скрягин 1994 — *Скрягин Л. Н.* Морские узлы. 3-е изд. М.: Транспорт, 1994. 115 с.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 10. СПб.: Наука, 1998.

Снорри Стурлусон 1980 — *Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подгот. Гуревич А. Я., Кузьменко Ю. К., Смирницкая О. А., Стеблин-Каменский М. И. М.: Наука, 1980. 691 с.

Соболев 2015 — *Соболев В. Ю.* Комплекс находок из раскопок Н. Е. Бранденбурга 1886–1887 гг. // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. СПб.: Ленинградское областное отделение Всероссийской общественной организации ВООПИК, ООО «Социальная пропаганда», 2015. С. 101–107.

Соболева 1991 — *Соболева Н. А.* Русские печати. М.: Наука, 1991. 239 с.

Сорокин 1997 — *Сорокин П. Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 208 с.

Сотникова 1987 — *Сотникова М. П.* Новые сфрагистические материалы XI–XV вв. в собрании Эрмитажа // Потин В. М. (ред.). Нумизматика в Эрмитаже. Л.: Изд-во ГЭ, 1987. С. 156–169.

Средневековая Ладога… 1985 — Седов В. В. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. 192 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л.: Наука, 1977.

Старая Ладога 2003 — Старая Ладога — древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб.: Изд. ГЭ, 2003. 190 с.

Старая Ладога… 1948 — Равдоникас В. И. (отв. ред.). Старая Ладога (материалы археологических экспедиций). Л.: Гос. музей этнографии, 1948. 141 с.

Староладожский сборник 2009 — Селин А. А. (отв. ред.). Староладожский сборник. Вып. 7. СПб.: Нестор-История, 2009. 188 с.

Стубавс 1959 — *Стубавс А. Я.* Раскопки городища Кентескалнс в 1954–1956 гг. // Тараканова С. А., Терентьева Л. Н. (ред.). Вопросы этнической истории народов Прибалтики. По данным археологии, этнографии и антропологии. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1959. С. 186–221.

Тавлинцева 2001 — *Тавлинцева Е. Ю.* Литейные формы для изготовления слитков с территории Москвы и Подмосковья // ТАС. Вып. 4. Тверь: ТГОМЗ, 2001. С. 73–77.

Татарников 2008 — *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730 гг. Обмундирование и снаряжение. М.: «Любимая книга», 2008. 352 с.

Татищев 1963 — *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. М.; Л.: АН СССР, 1963. 352 с.

Тимофеев, Стеценко 1997 — *Тимофеев В. И., Стеценко Н. К.* Староладожская неолитическая стоянка // Кирпичников А. Н. (ред.). ПСКОВ. Т. 2. СПб.; Псков, 1997. С. 331–334.

Тихонов 2003 — *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 340 с.

Тихонов 2016 — *Тихонов В. В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

Толочко 2013 — *Толочко П. П.* Ранняя Русь: история и археология. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2013.

Торшин 2005 — *Торшин Е. Н.* Новая находка изображения княжеского знака в Смоленске // Сообщения ГЭ. LXIII. СПб.: Изд-во ГЭ, 2005. С. 42–49.

Третьяков 1970 — *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970. 160 с.

Трутовский 1926 — *Трутовский В. К.* Рязанские пломбы // Некрасов А. И. (ред.). Отчет этнографо-археологического музея МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1926. С. 7–11.

Фомин 1982 — *Фомин А. В.* Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 16–21.

Фомин 1988 — *Фомин А. В.* Выжегшский клад куфических монет первой половины IX века // Седова М. В. (отв. ред.). Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.: ИА АН СССР, 1988. С. 103–131.

Френкель 2008 — *Френкель Я. В.* Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // АиИППЗ. Материалы LIII заседания. Псков: ИА РАН; ПАЦ, 2008. С. 228–252.

Френкель 2009 — *Френкель Я. В.* Стратиграфическая схема раскопок Н. И. Репникова на центральном участке Земляного городища Старой Ладоги и источниковедческий потенциал коллекции бус из этих раскопок // Селин А. А. (отв. ред.). Староладожский сборник. Вып. 7. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 49–122.

Френкель 2014 — *Френкель Я. В.* Древнейшие бусы Старой Ладоги: культурно-хронологическая специфика // Труды IV(XX) ВАС. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 180–182.

Херрман 1986 — *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Мельникова Е. А. (ред.). Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 8–128.

Хомутова 1984 — *Хомутова Л. С.* Кузнечная техника на земле Древней Руси // СА. 1984. № 1. С. 199–209.

Хорошев 1980 — *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М.: МГУ, 1980. 223 с.

Хорошкевич 1995 — *Хорошкевич А. Л.* «Конные печати» Александра Невского и традиции средневековой сфрагистики // Бегунов Ю. К., Кирпичников А. Н. (ред.). Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 140–145.

Черных 1985а — *Черных Н. Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги // Седов В. В. (отв. ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 76–80.

Черных 1985б — *Черных Н. Б.* Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Седов В. В. (ред.) Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 117–122.

Черных 1989 — *Черных Н. Б.* Хронология и стратиграфия нижних горизонтов Староладожского Земляного городища по данным дендрохронологического анализа // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука, 1989. С. 201–213.

Черных 1996 — *Черных Н. Б.* Дендрохронология и археология. М.: Nox, 1996. 216 с.

Шаскольский 1972 — *Шаскольский И. П.* Судьба государственного архива Великого Новгорода // ВИД. Т. IV. Л.: Наука, 1972. С. 213–228.

Шорин 1964 — *Шорин П. А.* Анонимные печати новгородских архиепископов // СА. 1964. № 3. С. 256–267.

Штыхау, Цішкін 1993 — *Штыхау Г. В., Цішкін І. А.* Пячатка // Багамольнікаў У. У. и др. (ред.). Археалогія І нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. С. 527–528.

Шуреев 2010 — *Шуреев А. В.* Новые материалы к классификации судовых деталей из раскопок в Новгороде // ННЗИА. 2010. Вып. 24. С. 248–258.

Щапов 1989 — *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 231 с.

Щапова 1989 — *Щапова Ю. Л.* Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных («гладилка» из Новгорода) // СА. 1989. № 4. С. 103–113.

Щеглова 2002 — *Щеглова О. А.* Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 134–150.

Щеглова 2003 — *Щеглова О. А.* Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. из Старой Ладоги и Любшанского городища и их восточноевропейские параллели // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.: ИПК «Вести», 2003. С. 38–46.

Щеглова 2004 — *Щеглова О. А.* Тисненые изделия и инструменты для их изготовления в раннесреднековых Любше, Ладоге и Изборске // Макаров Н. А., Чернецов А. В., Лопатин Н. В. (ред.). Восточная Европа в средневековье. М.: Наука, 2004. С. 263–271.

Щеглова 2010 — *Щеглова О. А.* Ученое наследие Г. Ф. Корзухиной в рукописном архиве Научного архива ИИМК РАН // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы МНК, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 31–62.

Юшкова 2004 — *Юшкова М. А.* Памятники эпохи раннего металла в Нижнем Поволховье // Янин В. Л. (ред.). Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы научной конференции. Новгород, 27–29 января 2004 г. Вып. 18. Великий Новгород: НГОМЗ, 2004. С. 233–242.

Янин 1953 — *Янин В. Л.* Печати ладожских наместников // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 111–112.

Янин 1956 — *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951–1954 гг.// Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. М.: АН СССР, 1956. Т. 1. С. 138–163 (МИА. № 55).

Янин 1957 — *Янин В. Л.* Из истории русской художественной и политической жизни XII в. // СА. 1957. № 1. С. 113–131.

Янин 1962а — *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: МГУ, 1962. 387 с.

Янин 1962б — *Янин В. Л.* Печати с надписью «**дьнѣслово**» // СА. 1962. № 2. С. 157–177.

Янин 1966 — *Янин В. Л.* Именные буллы русских епископов XII — начала XIII в. // СА. 1966. № 3. С. 197–207.

Янин 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1970. Т. 1. 326 с.; Т. 2. 367 с.

Янин 1978 — *Янин В. Л.* Печать новгородского епископа Ивана Попьяна (1110–1130 гг.) // ВИД. Т. IX. Л.: Наука, 1978. С. 47–56.

Янин 1981 — *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981. 296 с.

Янин 1991 — *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1991. 383 с.

Янин 2001а — *Янин В. Л.* К истории преобразований новгородско-княжеских отношений при Всеволоде Мстиславиче // Норна у источника Судьбы. Сб. статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М.: Индрик, 2001. С. 447–455.

Янин 2001б — *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: Новгородский ГУ, 2001. 152 с.

Янин, Гайдуков 1998а — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. М.: Интрада, 1998. 502 с.

Янин, Гайдуков 1998б — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // ННЗИА. МНК. Новгород, 27–29 января 1998. Вып. 12. Великий Новгород: НГОМЗ, 1998. С. 338–357.

Янин, Гайдуков 2000 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг. // ННЗИА. МНК. Новгород, 25–27 января 2000. Вып. 14. Великий Новгород: НГОМЗ, 2000. С. 283–314.

Янин, Гайдуков 2003 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // ННЗИА. МНК. Новгород, 28–30 января 2003. Вып. 17. Великий Новгород: НГОМЗ, 2003. С. 350–374.

Янин, Гайдуков 2004 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // ННЗИА. МНК. Новгород, 27–29 января 2004. Вып. 18. Великий Новгород: НГОМЗ, 2004. С. 137–160.

Янссон 1999 — *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.

1000 років — 1000 років української печатки // Смолій В. А. (зув.). Київ: Інститут історії України, 2013. 504 с.

Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1940. 560 s.

Arbman 1962 — *Arbman H.* Vikingama. Stockholm: Bonniers, 1962. 223 s.

Armbruster 2012 — *Armbruster B.* Wikingerzeitliches Goldschmiedehandwerk in Haithabu // Pesch A., Blankenfeldt R. (eds.). Goldsmith Mysteries. Archaeological, pictorial and documentary evidence from the 1st millennium AD in northern Europe. Schriften des Archäologischen Landesmuseum. Bd. 8. Neumünster: Wachholtz, 2012. S. 195–213.

Arwidsson, Berg 1983 — *Arwidsson G., Berg G.* The Mästermur find. A Viking Age tool chest from Gotland. Stockholm: Almqvist och Wiksell, 1983. 56 p.

Blackmore 1990 — *Blackmore D.* Arms & Armour of the English Civil Wars. London: Royal Armouries HM Tower of London; Belmont Press, 1990. 99 p.

Blindheim 1959 — *Blindheim Ch.* Osebergskoene på ny // Viking. XXIII. Oslo: Norsk arkeologisk selskap, 1959. S. 71–86.

Blom 1991 — *Blom G. A.* Iron in Medieval documents and literature // РЕД Bloomery ironmaking during 2000 years. Seminar in Budalen, 1991. Vol. 1. Trondheim: University of Trondheim, 1991.

Bonde 1994 — *Bonde N.* De norske vikingeskibgraves alder // Nationalmuseets Arbejdsmark. 1994. København: Nationalmuseet, 1994. S. 128–146.

Brzezinski, Hook 2000 — *Brzezinski R., Hook R.* The Army of Gustavus Adolphus. Infantry. Oxford: Osprey Publishing, 2000. 48 p.

Bulgakova 2004 — *Bulgakova V.* Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004. 349 s.

Callmer 1987 — *Callmer J.* Pragmatic notes on the Early Medieval beadmaterial in Scandinavia and the Baltic region ca. A.D. 600–1000 // Studia nad etnogeneza slowian. T. 1. Wrocław: Ossolineum, 1987. 280 s.

Cnotliwy 1970 — *Cnotliwy E.* Niektóre problemy badan nad wczesnoredniowiecznym rogownictwem polskim // Archeologia Polski. 1970. T. XV, z. 2.

Daiga 2011 — *Daiga J.* Arheologiskie pētījumi Ludzas pils pagalmā 1976. Gadā // Latvijas viduslaiku pilis VII. Pētijumi un avoti par Livonijas ordeņpilīm. Latvijas Vēstures Institūta apgāds. Rīga, 2011. L. 194–215.

De Groot 2017 — *De Groot B.* Dutch Armies of the 80 Years´ War 1568–1648 (2). Cavalry, Artillery & Engineering. Oxford: Osprey Publishing, 2017. 50 p.

Foote, Wilson 1970 — *Foote P. G., Wilson D. M.* The Viking Achievement. A survey of the society and culture of early medieval Scandinavia. New York; Washington: Praeger, 1970. 473 p.

Grenander-Nyberg 1985 — *Grenander-Nyberg G.* Die Lederfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof. Studien zur Kustenarchaologie Schliswig-Holsteins, Serie A. Elisenhof. Bd. 5. Frankfurt-am-Main; New York: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1985. 278 s.

Grew, de Neergaard 1988 — *Grew F., de Neergaard M.* Shoes and pattens // Medieval finds from excavation in London: 2. London: HMSO for the Museum of London, 1988. 146 p.

Grieg 1947 — *Grieg S.* Gjermundbufunnet // Norske oldfunn. VIII. Oslo: a/s John Griegs boktrykkeri, Bergen, 1947. 82 s. XXXVI Pl.

Groenman-van Waateringe 1976 — *Groenman-van Waateringe W.* Schuhe aus Wijk bij Duurstede // Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. Jaar. 26, 1976. Amersfoort: Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek, 1976. S. 189–197.

Groenman-van Waateringe 1984 — *Groenman-van Waateringe W.* Die Lederfunde von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bd. 21. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1984.

Groenman-van Waateringe 1988 — *Groenman-van Waateringe W.* Leather from medieval Svendborg // The archaeology of Svendborg, Denmark. Vol. 5. Odense, 1988.

Hägg 1991 — *Hägg I.* Textilfunde. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu 29. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1991. 288 s.

Hald 1972 — *Hald M.* Primitive Shoes. An Archaeological-Ethnological Study Based upon Shoe Finds from the Jutland Peninsula. Publications of the National museum. Archaeological-Historical Series I. Vol. XIII. Copenhagen : National Museum of Denmark, 1972. 216 p.

Hanc-Maikowa 1988 — *Hanc-Maikowa E.* Plomby drohiczynkie ze zbiorow muzeum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi // Prace i materialy muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łódźi. Łódź, 1988. No. 8. S. 49–66 (Seria numizmatyczna i konserwatorska).

Harjula 2008 — *Harjula J.* Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period. Turku: Suomen Keskiajan arkeol. seura, 2008. 224 p.

Hjermind 2006 — *Hjermind J.* Craftwork in Viborg from the 11th to the 18th century // Lübecker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte. V. Das Handwerk. Lübeck: Schmidt-Römhild, 2006. S. 625–639.

Kabata-Pendias, Pendias 1999 — *Kabata-Pendias A., Pendias H.* Biogeochemia pierwiastków sladowych. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. 398 p.

Kieffer-Olsen 2006 — *Kieffer-Olsen J.* Evidence for craft in Ribe // Lübecker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte. V. Das Handwerk. Lübeck: Schmidt-Römhild, 2006. S. 641–650.

Knagenhjelm 2008 — *Knagenhjelm K.* Kaupanger I Sogn// Universitetet I Bergen Arkeologiske Skrifter. 2008. No. 5. Norge: Universitetet I Bergen, 2008. S. 57–71.

Koch 1998 — *Koch H. D.* Laeder // Hjermind J., Iversen M., Kristensen H. K. (eds.) Viborg Søndersø. 1000–1300. Byarkaeologiske undersøgelser 1981 og 1984–85. Jysk Arkaeologisk Selskabs Skrifter, 34. Højbjerg: Jysk Arkaeologisk Selskab, 1998. S. 157–183.

Kowalska 2003 — *Kowalska A. B.* Początki rzemiosla szewskiego we wczesnośredniowiecznym Wolinie // RES ET FONTES. Szczecin, 2003. S. 159–170.

Kuz'min 2000 — *Kuz'min S.* Ladoga, le premier centre proto-urbain russe // Les centres proto-urbain russes entre Scandinavie, Byzance et Orient: Realites Byzantines 7. Paris, 2000.

Larsen 1970 — *Larsen Arne J.* Skomaterialet fra utgravningene i Borgund pa Sunnmøre 1954–1962 // Årbok for Universitetet i Bergen. Humanistisk serie. 1970. No. 1. Bergen; Oslo: Norwegian University press, 1970.

Lindqvist 1942 — *Lindqvist S.* Gotlands Bildsteine 1. Stockholm: Wahlström and Widstrand, 1942. 151 p.

Lugs 1977 — *Lugs J.* Handfeuerwaffen. Systematischer Überblick über die Handfeuerwaffen und ihre Geschichte. Band II. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1977. 474 s.

Martens 1982 — *Martens I.* Recent Investigations of Iron Production in Viking Age Norway // Norwegian Archaeological Review. Vol. 15, No. 1–2. Oslo: Universitetetsforlaget. S. 29–44.

Martens 1988 — *Martens I.* Jernvinna på Møsstrond I Telemark: En studie I teknikk, bosetning og økonomi. Av Irmelin Martens. Oslo: Universitetets oldsaksamling, 1988. 164 s.

Matuszewska-Kola, Kola 1985 — *Matuszewska-Kola W., Kola A.* Ruchome materiały źródłowe z archeologicznych badań podwodnych reliktów mostu wczesnośredniowiecznego w Bobęcinie koło Miastka, woj. Słupskie, z lat 1977–1983 // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Archeologia XI. Archeologia podwodna 2. z. 165. 1985. S. 27–51.

Müller 1979 — *Müller H.* Gewehre, Pistolen, Revolver. Hand-und Faustfeuerwaffen vom 14, bis 19. Jahrhundert. Leipzig: Edition Leipzig, 1979. 302 s.

Müller-Wille 1977 — *Müller-Wille M.* Der frühmittelalterliche Shmied im Spieegel scandinavisher Grabfunde // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 11. Berlin; New York, 1977. S. 127–201.

Musianowicz 1957 — *Musianowicz K.* Wczesnosredniowieczny osrodek handlowy w Drohic-zynie, pow.Siemiatycze // Wiadomosci archeologiczne. T. XXIV, z. 4. Warszawa: Zaklad Narodowy im. Ossolinskich, 1957. S. 285–299.

Nielsen 1991 — *Nielsen I.* The leather finds // Bencard M., Jørgensen L. B., Madsen H. B. (eds.). Ribe excavations 1970–1976. T. 3. Esbjerg, Denmark: Sydjysk Universitetsforlag, 1991. S. 79–98.

Noss 1966 — *Noss A.* Før strykejernet // By og Bygd. Norsk folkmuseum årbok. Oslo, 1966. No. 18.

Olczak, Jasiewiczowa 1963 — *Olczak I., Jasiewiczowa E.* Szklarstwo wczesnośredniowiecznego Wolina. Szczecin: Muzeum Pomorza Zachodniego, 1963. 136 s.

Petersen 1951 — *Petersen J.* Vikingetidens redskaper. Oslo: 1 Kommissjon hos Jacob Dybwab, 1951. 536 p.

Pleiner 1962 — *Pleiner R.* Staré evropské kovářctvi. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1962. 331 s.

Pleiner 2006 — *Pleiner R.* Iron In Archaeology. Early European Blacksmiths. Praha: Archeologický ústav Akademie věd České republiky, 2006. 384 s.

Rajewski 1939 — *Rajewski Z. A.* Gnieźnieńskie wyroby skórzane z okresu wczesnodziejowego // Gniezno w zaraniu dziejów (od VIII do XIII wieku) w świetle wykopalisk. Poznan, 1939. S. 103–116.

Raudonikas 1930 — *Raudonikas W. J.* Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm: Akademiens Förlag, 1930. 151 s.

Rjabinin, Galibin 1995 — *Rjabinin E., Galibin V*. New Data about the Early bead Making in Ladoga // Glass Beards. Cultural History. Technology. Proceeding of the Nordic Glass bead Seminar 16–18 October 1992. Lejre. Studies in Technology and Culture. Vol. 2. Lejre: Historical-Archaeological Experimental Centre. 1995. P. 109–112.

Rösing, Schwidetzky 1977 — *Rösing F. M., Schwidetzky I*. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Antropologie des frühen Mittelalters (500– 1000 n.d.Z.) // Homo. 1977. Bd. 28. No. 2. S. 65–114.

Russie Viking 2011 — Berthelot S., Musin A. (eds.). Russie Viking, vers une autre Normandie? Novgorod et la Russie du Nord, des migrations scandinaves á la fin du Moyen Âge (VIIIe. — XVes.). Paris: Errance; Caen Musée de Normandie, 2011. 191 p.

Scalini et al. 1996 — *Scalini M., Wackernagel R. H., Eaves I.* L`Armeria Trapp di Castel Coira (Die Churburger Rüstkammer). Udine: Magnus Edizoni SpA, 1996. 720 s.

Schia 1986 — *Schia E*. Norges eldste sko // Viking. 49 (1985/86). Oslo: Norsk arkeologisk selskap,1986. S. 59–69.

Schietzel 2014 — *Schietzel K*. Spurensuche Haithabu. Dokumentation und Chronik 1963–2013. Hamburg: Wachholtz Verlag, 2014. 647 s.

Schliz 1913 — *Schliz A*. Die Grabhügel auf dem Gute Maritzyn. Praehistorische Zeitschrift. 1913. Bd. 5. No. 1/2. S. 114–148.

Schliz 1914 — *Schliz A*. Die Vorstufen der nordisch-europäischen Schädelbildung. Archiv für Anthropologie. 1914. N. F. Bd. 13. S. 169–201.

Schmaedecke 1998 — *Schmaedecke M*. Glabarren oder Glättsteine? // Beobachtungen zur mittelalterlichen Glahertellung und Glaverarbeitung. Beiträge zur Archäologie des Mittelalter. Archeologie und Muzeum 37. Liestal, 1998.

Schreiner 1946 — *Schreiner K. E.* Crania Norvegica. Oslo: Aschehoug & Co., 1946. Vol. 2. 104 p. (Instituttet for Sammenlingende Kulturforskning. Skrifter. Ser. B. Vol. 36, No. 2).

Schuldt 1985 — *Schuldt E.* Groß Raden. Ein slawischer Tempelort des 9/10. Jahrhunderts in Mecklendurg. Berlin: Akademie Verlag, 1985 (Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. 39). 234 s.

Schwidetzky 1935 — *Schwidetzky I*. Zur Frage der Differentialdiagnose zwischen nordischen und mediterranen Schädeln // Zeitschrift für Rassenkunde. 1935. Bd. 1. S. 316–317.

Skov 2008 — *Skov H*. Det ældste Århus — ca. 770–1200 // Universitetet I Bergen Arkeologiske Skrifter. 2008. No. 5. Norge: Universitetet I Bergen, 2008. S. 215–226.

Slama 2000 — *Slama J*. Boleslav I, Boleslav II Und Boleslav III. Europas mitte um 1000. Beitrage zur Geschichte, Kunst und Archaologie, 1. Hrsg. von Wiczorek A., Hinz H.-M.. Stuttgart: Theiss, 2000. S. 436–440.

Steffensen 1953 — *Steffensen J*. The Physical Anthropology of the Vikings // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1953. Vol. 83, pt. 1. P. 86–97.

Stenberger 1977 — *Stenberger M*. Vorgeschichte Schwedens. Berlin: Druckerei «Gottfried Wilhelm Leibniz», 1977. 545 s.

Steppuhn 1998 — *Steppuhn P.* Die Glasfunde von Haithabu. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1988. 200 s. (Berichte über die Augrabungen in Haithabu. Bd. 32).

Steppuhn 2002 — *Steppuhn P.* Die Glafunde des 11, bis 17. Jahrhunderts aus Schleswig. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2002. 133 s. (Berichte über die Augrabungen in Schleswig. Berichte und Studien 16).

Swann 2001 — *Swann J*. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2001. 357 p.

Ullemeyer von 1970 — *Ullemeyer R. von*. Textil- und Lederfunde aus Haithabu. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu 4 (1963–1964). Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1970. S. 56–68.

Vierk 1983 — *Vierk H*. Ein Schmiedeplatz aus Alt-Ladoga und der präurbane Handel zur Ostsee vor der Wikingerzeit: Zur frühmittelalterlichen Betriebseinheit von Produktion und Abatz im Metallhandwerk // Münstersche Beitrage zur antiken Handelsgeschichte. Bd. II: 2. Münster, 1983. S. 3–64.

Werner 1981 — *Werner G*. Goldsmiths, silversmiths and carpenters tools // Excavations at Helgö, VII: Glass — Iron — Clay. Stockholm: Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1981. S. 39–62.

Wetphalen 1989 — *Wetphalen P*. Die Eisenschlecken von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Vol. 26. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1989. 112 s.

Wiklak 1969 — *Wiklak H*. Polskie obuwie wczesnosredniowieczne z VIII–XIIIw. na podstawie wykopalisk // Materialy Wczesnosredniowieczne. T. VI. Wroclaw–Warszawa–Krakow: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 1969. S. 475–517.

Xu et al. 1991 — *Xu H., Allard B., Grimval A*. Effects of acidification and natural organic materials on the mobility of arsenic in the environment // Water, Air, Soil Pollution. 1991. Vol. 57–58. P. 269–278.

Summary

PREFACE[1]

The tradition of monographic publication of Ladoga sites was initiated in the late 19th century by a rather small but very informative volume by Nikolay E. Brandenburg. The very first interest in studies of the cultural layer of Ladoga settlement was associated with the name of this scholar. However, in the compliance with the research priorities of that time, the main direction of his studies was oriented to investigation of stone architecture within the scope of mediaeval written sources (*Бранденбург* [*Brandenburg*] 1896). Unfortunately, after this book saw light, the tradition of monographic publications of Ladoga excavations was interrupted for an entire half-century.

The next stage of the investigations of Ladoga (1911–1913) was connected with the name of Nikolay I. Repnikov who, the first in Russia (and probably in the world), applied the method of layer-to-layer large area excavations to the 'wet' layer containing organics. Before, these investigations were employed exclusively to sites with a "dry" layer and remains of stone architecture. However, due to a concurrence of circumstances, Repnikov was not possible to bring to its logical end the cycle of his investigations at Zemlyanoye Gorodishche. Here there was an impact of the lack of understanding and misestimating by the contemporaries of his advanced methods of study of cultural layer. A very important part of the field documentation (labels, packets, inventories) submitted together with the collection of finds to the Ethnographic Department of the Russian Museum was lost during the dreadful inundation of 1924 which flooded the museum storage.

The collection of materials and texts by N. I. Repnikov saw light edited by Vladislav I. Ravdonikas only 35 years after the end of the excavations (*Старая Ладога…* [*Staraya Ladoga…*] 1948). In turn, the results of the expedition of Ravdonikas himself who began his works in 1938 and investigated the Staraya Ladoga site for 11 seasons have received not even such a coverage. In the second half of the 1940s the head of excavations published a series of articles devoted to the stratigraphy, plan and house-building at Zemlyanoye Gorodishche (*Равдоникас* [*Ravdonikas*] 1945; 1949a, 1949б; 1950). The author himself stressed the strictly preliminary character of these publications, however the promised book has never appeared.

In 1950s and 1960s, after the collections of finds from excavations under the direction of Ravdonikas were transferred to the State Hermitage, an extended study of particular categories of the artefacts from Zemlyanoye Gorodishche began. Then Gali F. Korzukhina and Ol'ga I. Davidan studied in detail the field documents concerned with the lowest layers of the settlement in order to reconstruct more precisely the microstratigraphy of this area. Pitifully, these extremely important studies not only had not been published as

[1] Перевод на английский: А. В. Гилевич — Предисловие, Введение, главы 3 (частично), 4, 6–8; А. В. Плих — глава 2; Н. Е. Казак — главы 3 (частично), 5.

monographs but partly have survived altogether only in manuscripts. The causes of that situation were: a) an extremely large quantity of the materials collected by the late 1950s; b) an exceptional range of the tasks related to it; c) the absence of the scientific organisational bodies and conditions which could stimulate efficient solution of these tasks. This research became simply 'defeating' for a single scholar albeit even a very gifted one.

In 1972, the Staraya Ladoga expedition was resumed on the basis of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, by five separate groups under general direction of Anatoliy N. Kirpichnikov. The period of the 1970s — early 1980s proved to be very effective in Ladoga studies. The base of archaeological data grew markedly, as well as its information value. It is exactly from that time that we possess a substantial dendrochronological series for the lower layers of Zemlyanoye Gorodishche and Ladoga open settlement, as well as the data of natural science analysis of the early industries (which, in particular, shed light on the Ladoga glass-making in the 9th century).

The collection of works issued after these studies (*Средневековая Ладога…* [*Srednevekovaya Ladoga…*] 1985), proved to be very informative; it contained new materials and important conclusions. However the previous cycle of the investigations, i. e. results of Ravdonikas with their source study basis and generalization had found there almost no reflection. The researches by G. F. Korzukhina, O. I. Davidan and E. N. Nosov concerned with vertical and horizontal stratigraphy and house types at Zemlyanoye Gorodishche remained totally outside the scope of the book. These disappointing lacunas which seem egregious now could have been made up if the publication of the Ladoga materials were continued. But, alas, a new interruption followed for 30 years. This period corresponded to the *perestroika* and *democratization* of our long-suffering Motherland accompanied by a complete breakdown of the financing of archaeology.

The present joint monograph is a regular volume of the Transactions of IIMK RAS which opens the series of up-to-date publications of the materials and studies in Staraya Ladoga in order to compile a Ladoga Corpus of archaeological sources. It is very important to note that the authors of the this publication consider the first "Ladoga" issue of the Transactions of IIMK RAS exactly as the *beginning*, or to be more precise, as the very first result of the works in this field. A principal possibility of planning these studies and publications appeared owing to the financial support of the Russian Foundation for Basic Research programme "Antiquities" in 2018.

Below, brief contents of all the sections of the monograph are presented in English with indication of their structure and subtitles.

INTRODUCTION

Historical and cultural investigation of Staraya Ladoga

The presence of an excellently preserved cultural layer with organics of the 8th–9th century puts Ladoga at one of the first places among the early mediaeval proto-urban settlements of Northern Europe. During the works of the Staraya Ladoga Archaeological Expedition of 1938–1959 (headed by Vladislav I. Ravdonikas), over 60 wooden buildings of the early Middle Ages have been investigated. It was established, that the revealed layers consequently reflect the history of the town beginning with the final Vendel period.

Ravdonikas recognized the considerable role of the Scandinavian element in Ladoga of the 10th century. At the same time, he proposed the opinion about the primary character of the Slavic settlement at the site of Zemlyanoye Gorodishche (*Равдоникас* [*Ravdonikas*] 1949; 1950). Afterwards, his interpretation of Ladoga antiquities as undoubtedly Slavic ones met a common distrust. In 1960s–1970s, these materials began to be disregarded in serious reviews of the culture of East Slavs (*Ляпушкин* [*Lyapyshkin*] 1968; *Раппопорт* [*Rappoport*] 1975). Diverse foreign-ethnical components assigned exaggerated importance.

The problems and contradictions in the treatment of Ladoga materials induced LOIA AS USSR to re-establish in 1972 the Staraya Ladoga Archaeological Expedition under the direction of Anatoliy N. Kirpichnikov. A new cycle of investigations was started and carried out by efforts of several groups. The goal of the works included: a) obtaining of new materials for development of dendrochronology of Ladoga, b) investigation of the cultural layer of the Ladoga Posad (open settlement), c) architectural and archaeological investigation of the Ladoga stone fortress, d) excavation of sopkas (big barrows) in the nearest surroundings of Ladoga.

By the beginning of the 1980s, all the tasks set were fulfilled. In particular, the stratigraphy and chronology of Zemlyanoye Gorodishche and Ladoga Posad were defined more precisely. Building horizons of the 8th–9th century obtained their dendrodates. The Earliest buildings of the posad were dated to not later than 842, those of Zemlyanoye Gorodishche — to the period not later than 753 (*Рябинин, Черных* [*Ryabinin, Chernykh*] 1988; *Черных* [*Chernykh*] 1985, 1989; *Петренко* [*Petrenko*] 1985). The discovery of a jewellery-metalwork and casting workshop of 750, the oldest in early mediaeval Europe, was one of the most importance. It contained a "hoard" of 28 tools uncovered by Evgeniy A. Ryabinin (*Рябинин* [*Ryabinin*] 1980; 1985; 1994). Of no less significance was the investigation of the earliest in Rus glass-making workshop functioning in the first decades of the 9th century with the use of secondary raw materials (broken glass) (*Рябинин* [*Ryabinin*] 1997; *Rjabinin, Galibin* 1995: 109–112).

Owing to the new investigations, the city at the low reaches of the Volkhov began to be considered within the context of wide trade and cultural links of a Eurasian scale. Such an approach ended the peculiar "scientific isolation" of Ladoga as an exclusively

local closed phenomenon (*Кирпичников* [*Kirpichnikov*] 1995в). However, the recognition of the significance of Ladoga antiquities not only had not eliminated but emphasized still more the question as to in what extent they can be considered as sources concerned with the Slavic-Russian culture?

The main results of the works of 1970s were summarized in the collection devoted completely to Staraya Ladoga (*Средневековая Ладога…* [*Srednevekovaya Ladoga…*] 1985). Meanwhile, at Zemlyanoye Gorodishche, a new cycle of field investigations was then started by the Staraya Ladoga Expedition headed by Anatoliy N. Kirpichnikov. These studies differed in the fact that now the excavations comprised already not only the single central area of the site but also its edge (Fig. П-7) where the stratigraphy of the deposits had noticeable specifics.

It seems appropriate to summarize briefly the results of the excavations of the last decades.

Excavations nos. 1–2 (1984–1998)

Excavations no. 1 (12×14 m^2) and no. 2 (8×12 m^2) embraced partly the northern rampart of Zemlyanoye Gorodishche. The total thickness of the cultural layer varied here from 3.4 to 5.6 m. The upper part of the deposits was constituted by the embankment of a bastion of the time of Peter I. Under it, the embankment of a bastion of 1584–1585 was found constituted by the cultural layer of Zemlyanoye Gorodishche containing finds dated to the 10th–16th century. Below, undisturbed layers of the 10th–11th centuries were lying including five horizons of wooden structures. The lowest horizon of building at this area is dated to the first quarter of the 10th century.

Especially noteworthy are remains of jewellery manufacture deposited compactly and related with the complex of a building in the southern part of excavation no. 2 (1997) (*Кирпичников* [*Kirpichnikov*] 2002б). Among these artefacts of note is a Scandinavian equal-armed brooch of the "Valsta" type, as well as part of a shell brooch similar to brooches of the Bj. 655 type. The brooches of the Bj. 655 type and a ring-shaped one are manufacturing rejects. These finds are related with the large collapsed oven and suggest the existence in that part of the settlement of still another bronze-casting workshop functioning in the last quarter of the 9th — early 10th century. The revealed high-artistic ornaments of a Scandinavian type (complete and unfinished) belong both to female and male costume (see Chapter 6).

Within the limits of the excavation, also three boundary ditches 1.5 m wide and 0.5 m deep, oriented perpendicularly to the bank of the Ladozhka River, were revealed and cleared out. These ditches divided the investigated space into equal areas each 6 m across. The most possible analogue to this layout is represented by parcels in Ribe (Denmark) dated to the period of about 800 (*Кирпичников, Назаренко* [*Kirpichnikov, Nazarenko*] 1992).

Information on the results of the excavations of 1984–1998 in the northern part of Zemlyanoye Gorodishche is found in publications (*Кирпичников* [*Kirpichnikov*] 1986; 1994; 1995а; 2002б; 2009; *Кирпичников, Назаренко* [*Kirpichnikov, Nazarenko*] 1987; 1988; 1992; 1997; *Кирпичников, Богуславский* [*Kirpichnikov, Boguslavskiy*] 1995; 1996; 1999; 2000).

Excavations nos. 3–5 (1999–2013)

Excavations no. 3 (11 × 12 m), no. 4 (17 × 18 m) and no. 5 (8 × 17 m) are located in the southern part of the site, along the southern, strongly levelled curtain constructed

in 1584–1585 and reconstructed in the beginning of the 18th century. By now, an area of 30×16 m has been here excavated with the total area of about 500 m^2.

In the upper section of the deposits, there was the edge of a slipped down earthen embankment up to 1.6 m thick consisting of a cultural layer with re-deposited materials of the 8th–13th century. It was underlied by a humic layer with strongly degraded wood remains — the remains of posad buildings of the end of the 15th–16th century which existed until the construction of the bastion defences.

In the course of the construction of the defences, the upper part of the mediaeval layers of the settlement was poorly disturbed and mixed. Throughout their thickness, the finds of the 15th–16th century were lying together with objects of the Old-Russian period. In the layers of the 12th–13th century, remains of surface buildings with traces of hearthstones of heating installations were revealed. There also numerous amphora fragments were found, the very fact suggesting the presence of some socially significant objects at Zemlyanoye Gorodishche. The Old-Russian layer yielded finds of metal crosses, Ovruch spindle-whorls, trapezoid combs, beads and fragments of glass bracelets. The state of wood preservation did not allow the researchers to employ the method of dendrodating here. However analysis of samples of burnt wooden blocks by ^{14}C method yielded a series of dates adjusted within the span of 11th–13th centuries.

The best state of wood preservation is observed at the level of cultural deposits of the third quarter of the 9th — first half of the 10th century (for the publication of the dendrodates see Chapter 7). The layers with organics are up to 1–1.2 m thick. Within them, 4 horizons of early construction activities were uncovered represented by 17 separate buildings and floorings adjoining the street. The area of the buildings usually is at least 10 × 6–8 m. The remains of heating installations were in the central part of the house and represented collapsed limestone slabs of nearly rectangular shape. Also a number of unheated logged structures of square plan — 2 × 2 or 3 × 3 m were revealed. Apparently, these were storehouses, sheds and animal pens.

In excavation no. 3 (2002), a "large house" (10 × 16 m) was revealed. It was reated with a layer of the second quarter of the 10th century. The remains of large pillars and floorings suggest that the walls were constructed in the frame-pillar technique. Around the house, planked floorings were traceable (evidently, the remains of the outer gallery). Over 140 diverse finds were related with this complex, mostly glass beads. Near the shorter side of the house, an accumulation of 2500 green beads was uncovered and a casting mould from schist intended for casting rods, possibly, payment silver ingots. In the same place, an insert of mountain crystal for a signet ring was found with an Arabic inscription translated as "My help is only by Allah, on him I rely and to Him I appeal".

This building has parallels among the finds of previous excavations conducted by Ravdonikas and Ryabinin. "Large houses" with hearths or ovens in the centre, built with the use of pillar constructions (including combination with the log-frame technique) are found both in the earlier horizons E_3, E_2 and E_1 (*Равдоникас* 1950 [*Ravdonikas*]: 30 et al. *and following*; *Рябинин, Черных* [*Ryabinin, Chernykh*] 1988: 91–93) and in synchronous deposits of horizon Д where the remains of a similar structure are dated to the second quarter — middle of the 10th century (*Рябинин, Черных* [*Ryabinin, Chernykh*] 1988: 94–97).

In 2013, at the boundary between the buried soil and clayey virgin soil in excavation no. 5, it was first possible to discern visually bands of tillage in the form of a grid. Samples taken from black humus for radiocarbon analysis yielded calibrated absolute dates in the

ranges (2σ) 408–668, 433–661 and 539–761. From the level of the mentioned black humus, excavation pits were sunk into the virgin soil. In two of them, fragments of handmade pottery similar to the pottery of the Upper Dnieper region of the third quarter of the 1st millennium AD were encountered. In one of the pits filled with small fired cobbles, there was a wire earring with a pointed end and a double-sided horn comb in a case. Combs of this type were distributed in Central Europe from 470/480 to 630/640 AD (*Кирпичников, Курбатов* [*Kirpichnikov, Kurbatov*] 2014: 129 ff.).

In this connection it is of note that the date of the emergence of Ladoga accepted in literature is not the final one. The presence of pits in the virgin soil with finds dated to not later than the 7th century suggests the presence of an indistinctly expressed horizon of occupation of the site earlier than the mid-8th century.

Results of the excavations of 1999–2013 in the southern section of Zemlyanoye Gorodishche are published (*Кирпичников* [*Kirpichnikov*] 2004, 2006б, 2007а, 2008, 2009, 2012; *Кирпичников, Богуславский* [*Kirpichnikov, Boguslavskiy*] 2001; *Кирпичников и др.* [*Kirpichnikov et al.*] 2002; *Кирпичников, Курбатов* [*Kirpichnikov, Kurbatov*] 2014; *Кирпичников, Сорокин* [*Kirpichnikov, Sorokin*] 2001а, 2001б, 2002; *Кирпичников и др.* [*Kirpichnikov et al.*] 2003, 2015).

Summarizing the results of the cycle of field investigations of Zemlyanoye Gorodishche described above it must be stated that the notion remains undoubted that the economy of early mediaeval Ladoga was oriented primarily to external connections, transportation of cargoes, intermediary and local trade. In the establishment of the early culture, such factors played here an enormous role as the favourable transport geographic situation and the increase of the significance of international trade in the second half of the 8th century when the movement via the Great Volga route was intensified (*Носов* [*Nosov*] 2000: 162 ff.; *Кирпичников* [*Kirpichnikov*] 1988а, 1995б, 2006а).

Nonetheless, the multi-coloured mosaic constituting the picture of the Ladoga culture and everyday life, in the end of ends, forms a single integral picture. An essential role of Slavic elements in it is suggested by such important finds in terms of ethnic identifications as the complex of handmade pottery and elements of female headdress and ornaments from lead-tin alloys. The ceramic complex successively developed at the settlement beginning with the 8th century and endured no sharp changes until the introduction of the potter's wheel (cf.: *Сениченкова* [*Senichenkova*] 2014). Attempts to attribute this pottery to the Finns or Scandinavians were made not once but without any grounds. Investigations of last decades in the North-West demonstrated that this ware differs both from the Scandinavian and from the undoubtedly Finnish complex.

The house building in Ladoga, during the entire period of the 8th–10th century, combined different technical traditions developed, on one side, in the forest zone of Eastern Europe, and on the other, in Northern Europe (Scandinavia). The technique of house building included construction of log cabins, five-wall log houses, special "public" buildings (possibly, for guest traders or cult purposes), etc. Houses of different types, log-frame and those of timber-frame-pillar construction appeared in Ladoga practically simultaneously and co-existed over centuries there (*Кирпичников, Сарабьянов* [*Kirpichnikov, Sarabyanov*] 2012: 68–72).

The notion that original Ladoga was a settlers' island almost isolated from the other Slavic world undoubtedly should be reviewed. The contrast in the significance of initial Ladoga and Novgorod also is most probably artificial. We are dealing here only with

successive stages of the historical development of the regions and urban formations in North-Western Rus.

Studies of the last decades seem to confirm the idea proposed by Kirpichnikov still as early as the turn between the 1970s and 1980s, about the existence of a special "Ladoga Land", the predecessor of the Novgorod Land. The kernel of this land was an urban volost (territorial unit) expanding over ca 65 km along the low reaches of the Volkhov including the many-row Gostinoye-Pole and Pchev Rapids, the fortified stations guarding them and riverine rural settlements. At the distance within a day's passage (43–50 km) on the east, south and west from Ladoga there were fortified outposts protecting the far approaches to this town. Farther on, the vast lands were expanding occupied by the Finnish and Lappish population under tribute to the metropolitan state. The influence zone of Ladoga expanded to at least Lake Onega on the east and the Izhora Plateau on the west (*Кирпичников* [*Kirpichnikov*] 1979б, 1988б).

PART I
IN MEMORIAM:
TO THE 80th ANNIVERSARY OF STARAYA LADOGA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

CHAPTER 1
Staraya Ladoga expedition of 1938–1940: Studies, Researchers, Discoveries

Old Ladoga and other "projects"

The formation of the Staraya Ladoga expedition guided by the Leningrad State University and the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences was the fourth large-scale project of Vladislav I. Ravdonikas, which he was implementing between 1928 and 1941. The first project was a profound study of the Ladoga kurgans, which resulted in a monograph published in Stockholm (*Raudonikas* 1930). The second project was dealing with the study of Lake Onega and the White Sea petroglyphs (Равдоникас [*Ravdonikas*] 1936–1938). This work also gained worldwide recognition. After becoming familiar with the publication, the Swedish scientists, who had planned to prepare their own edition of the petroglyphs that they wanted to be based on pre-revolutionary acquisitions, abandoned the idea (*Klein* 2010: 380).

In 1936–1937 Ravdonikas implemented a third project related to the previous one with regard to its focus — the study of a unique Stone Age burial ground in the Yuzhny Oleny Ostrov (South Deer Island) located in Lake Onega. It was a discovery of worldwide significance. The author introduced the archaeological community to the results of his excavations (*Ravdonikas* 1940b) and wrote a very informative article devoted to the results (Равдоникас [*Ravdonikas*]1940). He entrusted the further development of the topic to his disciple — N. N. Gurina. By this time, he himself was completely engulfed by the issues associated with the Old Russian agenda.

In the late 1930s Ravdonikas was at the forefront of Leningrad university archeology. He contributed to the transformation of the pre-class society department in the department of archeology. When in 1938 the idea of creating archaeological base under the Faculty arose it was Ravdonikas who unequivocally chose Ladoga as the place for the students' annual field work.

Vladislav I. Ravdonikas, Grigoriy P. Grozdilov and Field Records of the Staraya Ladoga Expedition Documentation of 1938–1940

The scientific heritage of the Staraya Ladoga expedition of the prewar years deserves a special study today. For too long those field seasons and the data acquired in those years were a matter of peripheral attention for researchers dealing with Ladoga (and, accordingly, for all archaeologists involved in Russian history studies). Data from 1938–1940 are the least studied, since the collections have lacunae resulted from the reasons few people think seriously about nowadays.

When studying field records an idea arose: not to confine ourselves themselves to the Zemlyanoye Gorodishche excavation records research, but to write about Old Ladoga researchers as well. It turned out to be impossible to separate the history of people from the history of the work they dedicated themselves to. The story of the main Ladoga characters quite naturally reflects the archeological history of Ladoga — problems of the collection, of the documentation, of the stratigraphy, etc.

The partnership of Ravdonikas and Grozdilov was formed in the first half of the 1930s. While the former was a generator of ideas, an energetic organizer and the leader, the latter acted as a compliant, highly competent executive keying into all specificities of the excavations and expedition mode of life. Their partnership remained unchanged, despite all the historical and institutional disasters, until the end of their joint work in Staraya Ladoga in 1959.

In 1938, Ravdonikas was unable to supervise the excavations systematically; at times he was distracted whether by the problems at the University or had to complete obligations related to the Oleneostrovsky burial ground. However, it would be a gross mistake to assume that the "division of labor" between the two archaeologists meant the self-withdrawal of Ravdonikas from the real scientific leadership of the expedition. The diaries Grozdilov was keeping in 1938 clearly show that the boss was constantly kept well informed of all matters. It was Ravdonikas who defined the research strategy, chose promising sites for excavations, resolved issues of expanding the excavation and, most importantly, he and his deputy constantly kept discussing and interpreting intermediate results of the work.

In 1940, on his return from the Finnish War, Grozdilov rejoined the excavation activities at Ladoga. Both of them were keeping diaries in those days, but only the field diary of Ravdonikas (Равдоникас [*Ravdonikas*] 1940-А; 1940-Б) remained in the archive. Perhaps, the second diary may be found one day in the course of further research.

On the Staroladozhskaya expedition, the selection and registration of the artefacts was organized quite professionally. The foursquare, layer, and level mark of the artifact (or a position level of the top and bottom of the layer disassembled in the particular foursquare that day) were entered both into the field inventory and diary. But at the same time the position of each artifact was not (with rare exceptions) fixed on the drawings. It is necessary to note that for that time, three-view capturing of each artifact was an innovation; it was adopted only on a few expeditions.

The main problems we are facing now dealing with the collection resulted not from shortcomings of the fieldwork; rather the result from the losses, and in part, perhaps, from plundering of artifacts during the Siege of Leningrad, when the Ladoga collection was temporarily unattended at the University, not having been accepted for safekeeping. Whether it was a result of a banal confusion, disorder, offence or force majeure caused by the bombing / shelling we will never know. One way or another, "circumstances of insuperable force" took place, and the developers of the excavations could not prevent them. In the winter of 1941/42 Grozdilov was in a German concentration camp, while Ravdonikas was slowly dying of starvation in the besieged Leningrad. Miraculously though, both of them survived.

Ultimately, the detailed diary recordings coupled with the preserved drawings, still allow, even with the collection being in defective condition, to get more or less adequate understanding of the stratigraphy of the sites excavated in 1938–1940. However, when it comes to more subtle chronological calculations and relationships, one, of course, starts

facing difficulties. At the same time it is important to realize that during the three prewar excavation seasons of 1938–1940, not only the upper "dry" layers were investigated, but also a significant part of horizons Д and E_1 were worked through. As a result, part of the data important for dating and general qualification of the Ladoga cultural layers was lost.

The fact that the collection turned out to be compromised helps to understand some peculiarities of the post-war publications of the excavations developers, which contain most detailed description of construction horizons, the layout of the settlement, the types of buildings accompanied by various ethnographic analogies, but give virtually no regular analysis of tangible findings, their classification and typology. Taking into account the condition of the collections the Ladoga researchers encountered upon returning to Leningrad, Ravdonikas did his best in the circumstances. He published a huge body of data demonstrating the structural features of Ladoga constructions of all types, their layout, interconnections, and various building horizons. He introduced these data into literature, made the "wooden Ladoga" a scientific fact, and in general terms determined the chronology of individual horizons, that to a high accuracy coincides with historical reality. The article by Grozdilov on 1948 excavations (*Гроздилов* [*Grozdilov*] 1950) was written in the manner of Ravdonikas and is perceived as kind of continuation of the scientific work of the latter.

Even earlier than that, Ravdonikas and Grozdilov, with the participation of Petr N. Tretyakov, published a separate book that comprised data of the excavations carried out by Nikolay I. Repnikov in 1909–1913 (*Старая Ладога*... [*Staraya Ladoga*…] 1948).

Of course the very fact of the Zemlayanoye Gorodishche new stratigraphic and periodization scale publication made by Ravdonikas (1949a: 11–12) was a huge step forward. With all its drawbacks, the scale turned out to "work". The reality of its main divisions was repeatedly confirmed by further study of the lower horizons collections in their stratigraphic context (Gali F. Korzukhina and Olga I. Davidan), and during subsequent scrupulous field studies of the monument by Evgeniy A. Ryabinin in the 1970–1980s.

Like any scientific paradigm, the scheme proposed by Ravdonikas inevitably reduced and simplified the diverse realities of Ladoga stratigraphy. For the 70 years that have passed since the publication, it has been refined, developed and detailed more than once. It still needs verification. However, it is possible to develop and detail only a phenomenon that basically reflects objective reality. The stratigraphic scale of Ravdonikas still serves a framework upon which further research may be based.

PART II
STARAYA LADOGA: STRATIGRAPHY, CHRONOLOGY, INTERDISCIPLINARY RESEARCHES

CHAPTER 2
Stratigraphy of Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga: Findings and prospects

Vladislav I. Ravdonikas and his concept of the Early Rus'

Vladislav I. Ravdonikas realized before the others that Ladoga could turn into a testing site for developing and refining the general ideas regarding the initial stage in the history of medieval society and state in Rus. The foundation for his concept started being formed in the mid-1920s in his first paper, "The Historical Past of the Tikhvin Land" (*Равдоникас* [*Ravdonikas*] 1924). Early in the 1930s, the scholar made an attempt at integrating his views based on the study of specific monuments into the context of Marxist theoretical concepts of historical process (*Равдоникас* [*Ravdonikas*] 1934: 102–129).

According to Ravdonikas, for the northern and middle parts of Eastern Europe the period from the late 8th century to the 12th century featured transition from one socioeconomic formation to another. The old social structure based on tribal links was replaced by feudalism. It took place in the 2nd half of the 9th century — 1st half of the 10th century and was due to cultural changes (development of arable agriculture, upsurge of external trade, crafts differentiation, emergence of cities, formation of new social structures, with the active involvement of Scandinavians). Elaborating these subjects required full-fledged excavations of urban centres of the Old Rus'. For this purpose, the Staraya Ladoga Expedition was established, the first long-term archaeological expedition of Leningrad University.

Brief historical background: "Repnikov's Period" in Ladoga

Early in the 20th century, the studies of Old Rus' cities and medieval cities as a whole were in their infancy. There were only the most general ideas regarding the nature of urban strata and cognitive potential of their studies, as well as regarding the work procedure, observations recording and interpretation etc. However, the first signs of an entirely new approach to urban strata studies were already there, and one of such signs was the excavations of the Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga in 1911–1913 by Nikolay I. Repnikov, markedly in advance of their time.

The excavations of the site's central part, quite extensive at the time, revealed several levels of wooden constructions in a so called "wet" occupation layer. The research was accompanied by quite an adequate documenting by layer while gradually moving to stratigraphy division into construction tiers. It was for the first time that such excavation was carried out at an Old Rus' site with a wet occupation layer. In those years, only Boris V. Farmakovsky in Russia was carrying out layerwise excavation of the antique city of Olvia. The research included taking detailed measurements and drawings as well as numerous photographs.

Unfortunately, Repnikov's works were suspended after 1913. World War I and the 1917 coup put a definitive end to the just started "Repnikov's Period" of excavations in Staraya Ladoga. Some of the field reports submitted to the Ethnography Department of the Russian Museum along with the collections, were lost. The documents relating to the excavations of 1911–1913 were published only 8 years after their author's death (*Старая Ладога…* [*Staraya Ladoga*…] 1948; *Староладожский сборник…* [*Staroladozhskiy sbornik*…] 2009).

"Ravdonikas's Period" in Staraya Ladoga

The Staraya Ladoga Expedition of the Leningrad State University led by Ravdonikas conducted excavations for 11 seasons (1938–1940, 1945, 1947–1950, and 1957–1959). A total of approximately 2,000 sqm were excavated, with an occupation layer of up to 3 meters.

Repnikov took part in the 1938 fieldwork for several days. The data provided by him were of enormous value for Ravdonikas who accepted the stratigraphic division suggested by Repnikov for dividing the strata into two main parts — the upper chernozem (2 layers) dating back to the 11th–17th centuries, and an earlier part with well-preserved organic materials relating to the period of the 10th century and earlier. The latter part was subdivided into four levels by Repnikov (according to the differences in the layer structure and findings composition): Level 1, underlying structures, Level 2, and Level 3 (*Старая Ладога…* [*Staraya Ladoga*…] 1948: 95). Subsequently Ravdonikas proceeded from this pattern, while introducing certain adjustments and different notations.

Under the fieldwork methodology used by him, the cleared remains of wooden constructions that extended under the dig site walls, were not to be cut through nor extracted from the soil, hence the area being studied was getting increasingly smaller than the initially excavated site. The expedition did not aim at reaching the native soil in each area every year. The excavated site kept growing in area, with the layer dug out down to a depth of about 1.53–1.80 m, which chronologically corresponded to the horizons up to and including the 10th century (*Равдоникас* [*Ravdonikas*] 1949: 11).

The studies were interrupted by the Great Patriotic War. Fieldwork was resumed in 1945. It was only in 1947, during the sixth archaeological season in Ladoga, that Ravdonikas for the first time studied the whole occupation layer down to the native soil in an area of about 240 sqm upon breaking down pre-10th century formations. Essentially, he prepared for an analysis a nearly perfect "cube" of the ancient occupation layer to be glamorously broken down at one stroke in the field and presented to the academic community.

And this pre-arranged discovery did occur. Three "large" buildings were discovered with central heating devices at three consecutive horizons that were called E_1, E_2, and E_3 (the oldest one) by Ravdonikas. Above them lay high-density development horizon Д, with rows of "small houses" featuring stoves in their corners.

In keeping with his inherent assertiveness, the scholar figured out that he had really understood the "historical bottom-line" of ancient Ladoga, all the more so as the picture obtained through the excavation surprisingly matched his concepts of the socioeconomic development of Old Rus' that he had developed back in the 1930s. Without losing any time, Ravdonikas promptly published in 1949-1950 a two-part article with a summary of his work in Ladoga (*Равдоникас* [*Ravdonikas*] 1949б: 5–54; 1950: 7–40).

The results of excavations in Ladoga caused a sensation as soon as Ravdonikas published his article and commentary. Ladoga was perceived as a Northern Slavic antiquity,

which preceded Novgorod as a developed feudal urban centre. According to Ravdonikas, Ladoga was initially a pre-urban Slavic settlement, with patriarchal *zadruga* (commune) families living in large houses. No. Scandinavian materials were discovered in the lower layers (the funding of sticks with runic inscriptions was an exception). The settlement was replanned in the 10th century, the housing construction pattern changed, Ladoga turned into a city, and Scandinavian objects were to be found in its strata. Ladoga played the role of Normans' bulwark on their eastward trips; it was in large part due to the Normans that Ladoga was transformed into a city.

Ravdonikas sought to demonstrate the *historical rationale* for the evolution of Ladoga but the development of the archaeological side of the subject matter — the chronology of findings as such, their relationships with settlement horizons, and links with particular housing and household facilities, was not accomplished. The excavated material was documented for the key horizons but a more detailed breakdown during the fieldwork itself was never done. Absolute elevation marks are available for some of the findings but they do not necessarily testify to their simultaneity as the Ladoga layers were laid down non-uniformly, with big elevation differences.

Refinement of Ladoga's stratigraphy: Gali F. Korzukhina and Olga I. Davidan

Independently of each other, participants of excavations in Ladoga, Gali F. Korzukhina (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences) and Olga I. Davidan (State Hermitage) broke down horizon E_3 into micro-horizons. It is most important that the results of their work were virtually the same. Only the schematic developed by Davidan was published (*Давидан* [*Davidan*] 1976: 101). The manuscript by Korzukhina, "Ladoga buildings at horizon E_3" (109 sheets) dated 1969, has been preserved in Korzukhina's personal records (*Щеглова* [Shcheglova] 2010: 52. No. 69, 70). It includes sections "Guidelines for breaking down horizon E into micro-horizons and construction periods," "Buildings at horizon E_3," and "Horizon E_3 dating system."

The records of Korzukhina also contain File No. 70 (Archive of IHMC RAS. F. 77. File No. 70) featuring a consolidated plan of buildings at horizon E_3, and plans of micro-horizons — the oldest one, and three construction periods from 1 to 3. The plans are complementary to sequence descriptions in File No. 69.

Similarly to Korzukhina, Davidan broke horizon E_3 by level, distinguishing 34 buildings and 9 pits (Nos. I–IX). Her conclusions were very precise: "in a number of cases three layers of buildings can be quite clearly distinguished," but "for lack of connecting links it is sometimes difficult to establish the simultaneity of buildings located side by side to say nothing of those located at a distance." (*Давидан* [*Davidan*] 1976: 108).

Research of Zemlyanoye Gorodishche by Evgeniy A. Ryabinin

In 1973, the excavation of the Zemlyanoye Gorodishchewas continued by Evgeniy A. Ryabinin. It was necessary to become clear about the chronology of ancient Ladoga. Ryabinin used saw cuts for tree-ring analysis at the addition to the excavation site explored by Ravdonikas in 1948–1950 (from the west). In addition, he used saw cuts from lower horizon constructions previously opened by Ravdonikas's expedition as the latter, quite prudently, had not been taken out of the excavation site. As a consequence, it became possible to develop the tree-ring scale of Ladoga (*Рябинин* [*Ryabinin*] 1985: 27–75; *Черных* [*Chernykh*] 1985: 76–80).

In 1981–1985, excavations continued, and the total area under study reached 325 sqm. The stratigraphy of the site was updated and additional saw cuts were made, which helped to refine the chronological scale and for the first time determine the absolute dating of some of the construction tiers (*Рябинин, Черных* [*Ryabinin, Chernykh*] 1988: 72–100; *Черных* [*Chernykh*] 1996: 107–114).

Ryabinin's publications show how difficult it was to link "Ravdonikas's horizons" to the existing and newly cut layers. The only thing he did not doubt was that these relationships should be inherently interconnected rather than formal. He conducted excavations removing occupation layers one by one; the findings were then documented according to the identified layers and with reference to the cleared construction levels; the new observations were continuously compared with the layer breakdown established by Ravdonikas.

Ryabinin identified three stratigraphic micro-horizons in the lower layer of the settlement — horizon E_3 according to Ravdonikas (with an aggregate thickness of 0.8–1.0 m). He attributed the initial stage of settlement on the excavated site to the productive activities of the early settlers dating it from the mid-750s to the late 760s. Layer II of grayish brown humus corresponded to it. Up above was a layer of dark humus — middle micro-horizon of layer E_3 (the 770s–790s), and higher on was layer I of grayish brown humus (the 800s–830s).

Evgeniy A. Ryabinin and Natalya B. Chernykh stressed that a "clear-cut differentiation between layers is only observed in developed areas while stratigraphic differences in non-developed areas are not pronounced," but the continuity of constructions is evident everywhere (*Рябинин, Черных* [*Ryabinin, Chernykh*] 1988: 80 *and following*). Subsequently the scholars concluded: "horizon E_2 with traces of fire is clearly recorded only in densely developed areas so it is arguable that it can be used as a clear differentiating characteristic in the entire area of the settlement. There are no significant differences in terms of stratigraphy between horizons E_1 and Д. All of the above shows that the traditional stratigraphic scale of the Staraya Ladoga Settlement is in some way artificial…" (*Op. cit.*: 98).

Ryabinin's research summed up the whole of the previous excavation stage of the Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga. As early as in the field, and not *post factum*, the correlation of stratigraphic layers with identified horizons was established, with their absolute chronology defined. It is definitive for the settlement area excavated by Ryabinin as well as for the western part of Ravdonikas's excavation site adjacent to the former. The stratigraphic picture beyond the boundaries of this part of the settlement can be different.

"Tier stratigraphy" of Ladoga

Following the development of Ladoga's tree-ring scale by Ryabinin and Chernykh, it occurred to Sergey L. Kuz'min and Anna D. Machinskaya to develop a Ladoga-specific "tier stratigraphy" similar to the one available for Novgorod (*Кузьмин* [*Kuz'min*] 2003: 45, 46). The idea was actively supported by Dmitriy A. Machinskiy (*Мачинский и др.* [*Machinskiy et al.*] 1986: 165). The authors thought that it would be possible to retroactively "cut" the Ladoga settlement's occupation layer into separate horizons and use their absolute datings. Tier stood for a concurrently developed layer.

Everything was logically correct because according to the data provided by Ravdonikas's expedition members, the lower Ladoga layers were apparently subdivided into approximately 10 levels in different combinations. In fact, it was a repetition of the breakdown of Ladoga's site development into construction periods as carried out by Davidan and Korzukhina, with some adjustments and name modifications.

But the authors not only suggested new planigraphic tiers for Ladoga, they "distributed" the artifacts between the tiers and provided the artifacts with absolute datings from Ryabinin's excavations, and also included data from the excavations conducted by Valeriy P. Petrenko in the Ladoga Posad (suburb). According to the authors' calculations, the tiers functioned for very short periods of time — 10, 20, or 30 years. The authors linked them to the ethnic composition of Ladoga's inhabitants, historical events, and the names of historical characters from Russian history known from written sources.

After an early death of Machinskaya, Kuz'min had to provide substantiations for their concepts by himself. He was fully aware of the challenges relating to source studies (*Кузьмин* [*Kuz'min*] 2003: 45 et al.). But *talking* about challenges and problems is not the same as actually *substantiating* one's ideas with archaeological facts. And that was never done over 30 years. Proposed schematics of Ladoga tiers were published several times (*Кузьмин* [*Kuz'min*] 1997б; 2008; *Kuz'min* 2000), but remained mere schematics. Tempting as the accurate attribution of artifacts and micro-horizons may be, it is impossible to accomplish retroactively.

At the end of the day, the identification of Ladoga settlement horizons such as the Davidan–Korzukhina and Kuz'min–Machinskaya tiers is only based on the analysis of the areas where constructions are overlapping or are located near each other evidently structurally related. As soon as the relationship is broken, problems occur with layer breakdown, establishment of the simultaneity of constructions, and particularly, artifacts. It is possible to develop Ladoga's planigraphy retroactively but one should be aware of the artificial nature of this exercise. We have to accept what was understood and documented directly during the excavations and restrain our speculations and fantasies though it is certainly impossible to prohibit hypothetical suggestions.

Housing construction and material culture in Ladoga: Paradoxes of perception

Based on the materials accumulated through the excavations of 1947 (i. e. when the excavation reached the native soil for the first time), Ravdonikas suggested a schematic of early housing construction in Ladoga, which was intended to provide a foundation for his general historical conclusions. In his opinion, "large" houses with hearths in the middle prevailed in Ladoga (horizon Е) but in the 10th century (horizon Д) they were replaced by small square log cabins (*izbas*) with stoves in the corner. The earlier times' "dwelling nests" were replaced by street layouts of settlements. The above schematic was predominant in literature for many years but proved to be wrong. During fieldwork, expedition members kept their records scrupulously but for some reason "failed to notice" that from the beginning there were two different types of houses in Ladoga — with hearths in the middle, and with stoves in the corner.

The artificial nature of this schematic was proved using archive records only in the mid-1970s (*Носов* [*Nosov*] 1977: 10–17). Ryabinin's excavations fully confirmed this fact (*Рябинин, Черных* [*Ryabinin, Chernykh*] 1988: 72–100). That is why the arguments of Holger Arbman and Gali Korzukhina in favour of changed ethnic composition of Ladoga's population based on Ravdonikas's allegations regarding the abrupt change in housing construction traditions in Ladoga, cannot be deemed plausible. Changes certainly occurred — both in the housing types and settlement layout structure — but that was an evolution and not a breakthrough.

In other words, there was no "abrupt change in population composition" in ancient Ladoga by housing construction pattern. No. revolutions could be traced down in the rest of material culture. A most important feature of population composition are molded

ceramics made by women for domestic use. They were not intended for sale, all the more for overseas trading. Ladoga's molded ceramics in the whole of the lower layer of the settlement are uniform. Their study "yields no evidence to identify any milestone in the history of the settlement but rather testifies to the continuous development of its material culture" (*Сениченкова* [*Senichenkova*] 2014: 358).

Upon studying collections of materials at Swedish museums, Alexey V. Plokhov plausibly showed that "Ladoga type" ceramics are not Scandinavian by their origin, and some 10 pots from Ladoga kept in Sweden apparently found their way to Sweden through eastern contacts (*Плохов* [*Plokhov*] 2002: 144–159).

Neither the ceramics, nor the housing construction pattern, nor the settlement's layout give ground for conclusions regarding a change in the ethnic composition of Ladoga's population at a certain historical stage. The bulk of ethnically-based conclusions drawn by the supporters of "tier stratigraphy" is based on individual findings snatched away from the occupation layer context. However, "…addressing controversial issues related to Ladoga history by means of using only different origin items found in the occupation layer is methodologically wrong because their presence can be explained by various reasons: presence of descendants from other regions, trading contacts, local manufacturing based on imported specimens and so on" (*Сениченкова* [*Senichenkova*] 2014: 359).

Quite reasonable and interesting as it may be, the idea of Kuz'min and Machinskaya failed to be realized and proved to be fundamentally unrealizable if based on the use of specific materials from earlier excavations. It remained invalid, and more than once resulted in acrobatics with historical facts while affecting scientific approach. The future generations of archaeologists will definitely have to handle not the "tiers" but the existing scale of Ravdonikas refined by Davidan, Korzukhina and Ryabinin.

And a little about the future…

The excavations of Repnikov, Ravdonikas, and Ryabinin in their totality marked an epoch in the research of Ladoga and Ancient Rus architecture as a whole. The excavations of the Zemlyanoye Gorodishche carried out by Anatoliy N. Kirpichnikov over the last decades were not directly linked to the excavation stratigraphy of his predecessors. But that is not included in the scope of subjects discussed herein.

In addition to proper management of fieldwork at Ladoga, the archaeologists need to establish correct benchmarks in order to assimilate the material already available. Ravdonikas's approach to the division of ancient Ladoga's stratigraphy into horizons left behind more questions than final solutions. Yet the scrupulous studies by Ryabinin showed that it is feasible to link these divisions to real stratigraphy.

The key task of Ladoga studies for the near future is developing a uniform artifact-based chronology using the already accumulated numerous materials from various parts of the Staraya Ladoga Settlement. It is also quite encouraging to further study the preserved collections of findings and documentation from Repnikov's excavations as recently demonstrated by Yakov V. Frenkel' in his case study of a beads collection (*Френкель* [*Frenkel'*] 2009: 49–122). Finally, it is necessary to remember about the vital need for linking in many ways the results of Earthen Settlement's studies and Valeriy P. Petrenko's excavations at the Ladoga Posad. At present, it is most important to fully take into account the lessons from both remote and recent past. Only this kind of approach will help us to advance in the understanding of such a vivid phenomenon of the Early Middle Ages as the emergence, flourishment and demise of Old Ladoga.

CHAPTER 3
Stratigraphy of the upper horizons of Zemlyanoye Gorodishche and the cemetery near St. Clement Church (excavations of 1938–1940)

The problem of "late Ladoga"

The stratigraphy of the upper section of the cultural layer of the Ladoga settlement for over a century has not attracted to it a serious attention. The present chapter deals with the area of the central part of Zemlyanoye Gorodishche in front of the entrance to St. Clement Church, the upper deposits of which were excavated by Vladislav I. Ravdonikas in 1938–1940. This excavation is of special interest in the context of the problems of "late Ladoga" because, in the first years of the excavations, the "dry layer" of Zemlyanoye Gorodishche was subjected to a careful and interested study. It was not disregarded as ballast which it is necessary to remove as quick as possible in order to reach the "wet" deposits. The interest for the upper layers was moved to the background only in 1947 after the discovery of strata E_2–E_3 (8th–9th centuries).

The interpretation of the evidence from a flat-grave cemetery discovered in the excavations of 1938–1940 at Zemlyanoye Gorodishche became an event which insistently demanded a new consideration of the materials from excavation of mediaeval Ladoga. The anthropological material collected there attracted a special attention in the context of the problem of the presence of Scandinavians in North-Western Rus' (*Санкина, Козинцев* [*Sankina, Kozintsev*] 1995; *Санкина* [*Sankina*] 2000: 83–90; *Платонова* [*Platonova*] 1997а; 1997б). Now we return to this problem again.

The present study of the stratigraphy and chronology of the upper strata at the excavation of 1938–1940 is based on an examination of the field diaries, drawings and photographic documentation kept in the archives of the Institute for the History of Material Culture RAS (IIMK RAN), as well as archaeological comments to the collections of anthropological finds from excavations at Zemlyanoye Gorodishche kept in the Museum of Anthropology and Ethnography RAS (MAE RAN). Simultaneously, inventory lists of the collections of artefacts preserved in the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia (OAVES) of the State Hermitage were examined, as well as the collections of 1938–1940 themselves. However the complete investigation of the latter is a task for the future. The published here conclusions made on the basis of the field documentation are considered by us as a result of an intermediate stage of the studies of the sources.

The "Dry" layers of Zemlyanoye Gorodishche in the stratigraphic scale by Ravdonikas

The cultural and stratigraphic scheme developed by Vladislav I. Ravdonikas for the upper part of the section (*Равдоникас* 1945: 31–34; 1949: 11–12) is in general undoubtedly correct. The author of the excavations identified four main horizons lying above the layers preserving organics (horizons Д and Е): А — modern humus (ploughed field); Б — a layer of the collapsed Church of St Clement; В — horizon of fillings and paving of the temple square; Г — dark humus horizon with remains of the 13th–14th century.

The "Horizon of burials" did not receive a separate lettered designation by Ravdonikas. He mentioned only that the burials of the 11th–12th century are lying above horizon Д or cut. Therefore it remains unclear, in what layer exactly the graves were dug? Horizon Г, dated to the 13th–15th century, in no way could have contained skeletal remains of the 11th–12th century. Neither any comprehensive argumentation in favour of the ancient date of the lower layer of the cemetery is presented. Thus in the stratigraphic scale of Ravdonikas, the cemetery is as if "suspended in midair" within the gap between horizons Г and Д, while the deposits comprising simply remained unnamed.

The stratigraphic benchmarks of the upper horizons of Zemlyanoye Gorodishche

In the field sections of the pre-war years, the entire layer of the "dry" deposits (with the total thickness of about 1 m) visually is subdivided into two parts:

The upper — turf, earth spoils, ploughed layer and the collapsed building remains underlying them (after Ravdonikas: horizons А and Б).

The lower – the humus-containing, intensely coloured cultural layer with different lenses and other structures, and with its local peculiarities in different areas (after V. I. Ravdonikas: horizons В, Г and those that lower down to the appearance of a layer with structured wood). We will call below "dry humus" this formation of the deposits (by contrast to the underlying it thick formation of "wet" humic deposits with organics — Д, E_1, E_2, E_3). Within its composition, a series of horizons and sub-horizons are additionally distinguishable.

Benchmark 1: the layer of the collapsed church

The most important stratigraphic and chronological benchmark reliably separating the deposits of the Modern period (beginning of the 17th century and later) from the earlier ones is undoubtedly the horizon of construction debris (Б) including the western wall of the collapsed St. Clement Church preserved in situ.

The Christian graves which have cut the debris represent the second (later) phase of the functioning of the cemetery. They cannot be earlier than the moment of destruction of the church. The main period of the functioning of the cemetery is 17th — early 18th century (before the transfer of the wooden St. Clement Church to Novaya Ladoga by the order of Peter I (*Равдоникас* [*Ravdonikas*] 1945: 32).

Results of modern architectural and archaeological investigations enable the researchers to make this characteristic of horizon Б slightly more precise. As the architects established, the church building began to be destroyed fairly fast "… owing to the presence of large and deep pits, evidently flood gullies, in this territory. Thus the lower part of the north-western pillar of the church was overturned into one such a pit…" In order to stop the destruction of the building, in the 15th century a repair was made in the church and a new floor was laid from stone plates (*Большаков, Раппопорт* [*Bol'shakov, Rappoport*] 1985: 111–112). From this fact it follows that the lower part of the layer of the destruction of the church sunk into the pits arose *earlier than the beginning of the 17th century*.

Benchmark 2: "pavement" or a horizon of additions and paving of the temple square

The second important stratigraphic benchmark is the so-called "pavement" or the horizon of additions and paving (В) marking the boundary between the upper pack of the deposits and dry humus. This horizon comprises (in the areas near the church) pavements of large hewn flagstones. In 1938, Grigoriy P. Grozdilov interpreted some of these flags as

materials left from the construction of the temple in the 12th century. Later Nadezhda I. Platonova proposed that the pavement recognized by Ravdonikas as a late mediaeval "roadway" represented the remains planned for building of the church (*Платонова* [*Platonova*] 1997б). A more careful examination of the field documentation of 1938-1940 did not confirm this hypothesis. Beneath the "pavement", in no way an amorphous horizon dug over with graves was lying but a layer containing complexes of the late Russian period in situ although not very distinctive (see below). It is impossible that it could be *covered* with cultural remains of the 12th century.

The dimensions of flags used for the pavement were up to 2 m in length and 0.8–1.6 m in width. Such plates were not employed in the masonry of the walls of the church but only for laying the floor. Meanwhile, *the initial floor in the St. Clement Church was of crushed ceramic or brick mortar* (*Репников* [*Repnikov*] 1948: 61). Only the latest floor was of "flagstones" laid not earlier than the 15th century. Accordingly, it is not logical to tie the appearance of huge plates in the square with the initial stone building.

Benchmark 3: buildings of horizon Г and the graves covered by them

Horizon Г lying lower than the stone pavements and sand was so characterized by Ravdonikas: "a humus cultural layer of amorphous structure". It contained mass finds of the 13th–15th century (*Равдоникас* [*Ravdonikas*] 1949: 12). However, it may be considered as "amorphous" only in comparison with the "wet" layer lying below. Horizon Г contains in situ quite distinct structures — compacted half-decayed remains of log structures and flooring with collapsed ovens and adobe floors. These complexes in some cases directly covered the burials from above. This stratigraphic feature can serve as a starting point for understanding of the relative chronology of the flat-grave cemetery.

The position of the graves beneath the remains of floorings and logs of the frameworks, at a very insignificant depth under them suggests with a practically absolute certainty that *the burials were sunk into the layer earlier than the former structures appeared here*. The grave pits undoubtedly were dug from *a higher level of the surface of the ground* which proved to be lowered in the course of some levelling works.

Thus the burials of the lower layer undoubtedly can have been sunk into the layer neither from the level of the 17th–18th century (for they are separated by the pavement) nor from the level of the late Russian buildings, conventionally dated to the 13th–15th century (their ground surface is too close to the level of the position of the burials themselves). In publications by Ravdonikas, these complicated chrono-stratigraphic feature remained without an analysis. In the notion of "the horizon of the cemetery" the period of functioning of the cemetery and the precedent period of accumulation of the deposits in which the pits were dug are confused into a single complex. Naturally, in the historic reality these chronological spans did not coincide.

The question so far remains open concerning the presence of some "intermediate layer" synchronous or close in time to horizon Г. In 1940, Ravdonikas hypothetically distinguished a group of burials in the northern sector of the excavation which he supposed to be later than the 11th–12th centuries (*Юзефович* [*Yuzefovich*] 1940-А: sheet 3). However no arguments in favour of this supposition are presented in the diary, so that it is still difficult to judge about its validity.

Intermediate results:

— the levelling of the area in front of the church with a "pavement" with sand, gravel and plates (15th century) cannot be identified with that which resulted in the lowering of

the ground surface at the territory of the cemetery. The cultural horizon Г covering the burials was deposited in the period *prior* the structures of the pavement of large flagstones constructed already after the capital repair of the church. Evidently, the first stage of levelling of the area in front of the church took place *before* the beginning of the functioning of structures of horizon Г, while the second — *after* their destruction.

— horizon Г (i. e. the upper part of the "dry humus") is a mediaeval cultural layer in situ represented by rather small separately located structures. These structures are conventionally dated to the 13th–14th century. However their dates still are to be identified more precisely in the course of the examination of the collection.

— complexes Г are lying on an earlier cultural layer. A marker of the boundary is presented by the upper level of the burials of which some were found immediately under the logs and floorings of horizon Г themselves. The upper section of the fill of the grave pits (and, respectively, of the layer in which they were dug) proved to be "cut away" during levelling of the surface upon which afterwards the horizon under consideration was deposited. Part of the burials was disturbed by digging in the area still in antiquity.

The horizon "below the structures of the 13th–14th century" and burials of the early phase

The stratigraphy of the cultural horizon dug over with the graves, lying between Г and Д, is a conglomeration of islets of deposits in situ and fills of grave pits. No. boundaries of the graves in the layer of the intensively coloured humus were traceable in the course of the excavations of 1938–1940; the burials were revealed only through finds of skeletons. Thus the finds from the undisturbed layer and the lower section of the fill of the pits proved to be initially mixed. Probably this fact actually was the cause why Ravdonikas did not attempt to examine this layer in detail.

The problem of the absence of grave goods in the burials

The settled in the literature opinion about the complete absence of grave offerings at the cemetery of Zemlyanoye Gorodishche is not completely justified. The presence of a huge quantity of various domestic objects and beads, nevertheless, did not allow the researchers to attribute confidently to the grave inventory even those artefacts that were discovered immediately on a skeleton or nearby.

Of all the finds, only iron nails and remains of the gold decoration of a collar from burial no. IX (1939) were linked with the cemetery by the authors of the excavations. Meanwhile even other objects found among the artefacts near skeletons could have composed the funerary inventory (buckle, tip of a belt, beads, balance weight, pottery, etc.).

One circumstance is clear: if grave offerings were present in the Staraya Ladoga burials of the lower layer, they anyway were rather rare, moreover the artefacts were in a desacralized context.

Problem of chronology of the "dry humus" and of the cemetery

Any considerations of the composition and chronology of finds from the lower section of the "dry humus" will be here just merely preliminary until a more detailed examination of the collection. Most of the objects retrieved from the lower part of dry humus mentioned in the diaries had long periods of use. However a comparison of these time ranges with each other, as well as the composition itself of the artefacts allow us already now to make certain conclusions.

Among the finds revealed "below the floor of the buildings" and in burials there are both the objects with the upper boundary of use of the third quarter — late 11th century and those that are introduced into the Old-Russian culture not earlier than the late 10th or even the 11th century. Generally, the data available to us on the composition of the assemblage of artefacts from the lower part of the dry humus do not run contrary to the dating *of the entire aggregation* of the artefacts from the layer between horizons Г and Д as the final Early Middle Ages.

It is evident that burials at this area were started not earlier than when a fairly thick cultural layer was accumulated over the level of structures of horizon Д which remained almost undisturbed. Therefore the existence here of a cemetery in the end of the 10th — beginning of the 11th century is hardly possible. However already for the mid-11th century such a possibility is fairly considerable.

This is confirmed by a radiocarbon date obtained on the sample of teeth from burial no. 10 from the excavations of 1938.[1] This date was defined in the United Laboratory (Tandemlaboratoriet) of the university of Uppsala (Sweden). An analysis conducted using the acceleration method gave the value of 1080±60 AD. After a double calibration, the range of the possible date was identified more precisely and widened to 795–1060 AD (2σ). The lower limit of the range can be disregarded: in the 9th–10th century this area was densely built with dwelling houses. On the other hand, the upper limit of the range corresponds well to the results of our studies of the stratigraphy of this area.

Burial rite

The very fact of the emergence of a cemetery with inhumations in coffins (undoubtedly Christian), with the western orientation of the buried and small quantity of grave goods in the territory of an Old-Russian town of the 11th–12th century hardly is surprising. Judging from the data published by Vsevolod G. Ivakin, the tradition of interment in coffins knocked up with iron nails had been distributed in Kievan necropolises already in the 10th century. In the 11th–12th century it definitely dominated there (*Ивакин* [*Ivakin*] 2011: 271).

The "poverty" of the accompanying grave offerings by no means always indicated a real poverty or a low social status of the interred. A vivid example of this fact is the find of the gold decoration of a collar in already mentioned burial no. IX (1939) without burial goods.

The beginning of burials at Zemlyanoye Gorodishche in the 11th century suggests that in this place, a Christian church appeared fairly early (at first a wooden, replaced with a stone one already since the mid-12th century). The consecration to the name of Pope St. Clement also confirms that the first church was built as early as the 11th century. In the times of Vladimir and Yaroslav, St. Clement still was considered as the main heavenly protector of Rus" (*Бегунов* [*Begunov*] 1974: 26–46; *Сарабьянов* [*Sarabyanov*] 1997: 36). However, already as early as the 12th century, the cult of St. Clement as the first saint associated with Rus' is ousted by the cult of St. Andrew the First-Called. In Rus' of the 12th–13th century, practically no stone temples dedicated to St. Clement are known. Ladoga is nearly single exception.

Possibly the construction of the first church is dated to the period when worship of St. Clement was actively supported at the state level. Another circumstance must be taken in consideration: St. Clement, the Pope, was one of the most revered saints in countries of the

[1] In the museum inventory, burial no. 10 from collection 5680 MAE RAS, Department of Anthropology) has the ordinal number 9. Therefore in the previous publication, it was incorrectly called "burial no. 9". (*Платонова* [*Platonova*] 1997б: 25–26).

Baltic region. The number of the churches consecrated to his name in the British Islands and Scandinavia, etc., is incomparable with the situation in Rus'. Considering the marked Scandinavian constituent distinguished during investigations of the archaeological remains of the cemetery at Zemlyanoye Gorodishche (see below), the appearance of the church of St Clement exactly here, in Ladoga, seems quite logical.

Conclusions:

— the levelling of the surface during which part of the cultural layer was cut out over the area west from the St. Clement Church, was undertaken after the building of the church (1153–1156). For the foundation, there was dug a pit covering the entire area of the future temple, where foundation trenches were sunk (*Большаков, Раппопорт* [*Bol'shakov, Rappoport*] 1985: 114). After that, the area adjoining the building site, naturally, needed clearing and levelling. The levelling affected also part of the cemetery;

— the horizon Г covering the building site is a cultural layer of long accumulation related with the structures of the temple complex of the second half of the 12th–15th century. Their functional specifics determined the slow rate of the growth of the layer in front of the façade of the church;

— the beginning of the functioning of the cemetery was related with the construction of a wooden church (St. Clement's also?) at Zemlyanoye Gorodishche in the beginning or the first half of the 11th century. The further investigation of the problem must include a review of the materials concerned with the "large building" of square form from the excavations of 1948 interpreted by Grozdilov as remains of the church (cf.: *Гроздилов* [*Grozdilov*] 1950: 142–143, Fig. 3).

Burial ground at Zemlyanoye Gorodishche: anthropological aspect

Commencement of the anthropological studies

In 1938–1940, a set unique for northwest Russia anthropological data was acquired as the result of archeological excavations in Zemlyanoye Gorodishche at Staraya Ladoga conducted under the guidance of Ravdonikas and Grozdilov. The excavation designers' scroutinous and diligent approach to skeletal remnants helped to preserve them for future generations of researchers. Since 1939, excavations were carried out with the permanent participation of a physical anthropologist — Alexandr N. Yuzefovich.

Certain Finnish populations, most Old Russian groups, as well as Southern and most Western Slavs exhibit intermediate values of these traits and ratios, in contrast to the Germanic groups.

Yuzefovich, who had excavated the medieval crania from Staraya Ladoga and was the first to study them, wrote in 1941: "The strikingly Norse features of the 11th-century skeletons sharply differentiate the Staraya Ladoga series from Slavonic ones…" Unfortunately Yuzefovich's work was interrupted by the war, and he died during the siege of Leningrad. The preserved draft of his paper contains no explanations as to which "Norse features" caught his attention. Available publications at that time were those by A. Schliz (1913; 1914) and I. Schwidetzky (1935), who had noted certain cranial differences between Slavonic and Germanic populations. These papers might have prompted Yuzefovich to find "doubtless parallels" to Staraya Ladoga skulls "among the Scandinavian and Danish Early Iron Age series".

Specificity of the Scandinavian cranial complex

Cranial differences between the Germanic and Slavonic populations were summarized by T. I. Alekseyeva (1973), who introduced four indices reflecting the basic diagnostic

trait combinations: cranial height to half the sum of cranial length and width — 17 × 100/(1 + 8) : 2, vertical facio-cerebral index (48 × 100 : 17), orbital height to cranial height (52 × 100 : 17), and nasal width to bizygomatic width (54 × 100 : 45). The variation ranges of these indices in Germanic and Slavonic populations show virtually no overlap. Both the measurements (Table 3.1) and Alekseyeva's indices (Table 3.2) place the Norse-like groups from the Old Rus' area within the variation range of Germanic populations.

In the 8th–11th century, the area around Lake Ladoga was a zone of intense contacts between the local residents and the Scandinavian immigrants. Skeletal materials from 9th–11th-cent. mounds, where the burial rite displays a mosaic of Finnish and Scandinavian features, are quite scarce and provide no clues as to whether or not any burials were those of the Norsemen. People who left 11th–13th century mounds on the same territory, mostly Russian in terms of culture, displayed considerable cranial differences from their predecessors, but no unambiguously Norse traits.

Burial ground at Zemlyanoye Gorodishche in the context of burial monuments of the Baltic and Ladoga areas

The descent of certain population groups associated with medieval archaeological sites on the territory of Old Russia is a matter of debate. Their ethnic identity is even more debatable. Elements of culture and traditions can be borrowed by unrelated groups without biological admixture or migration, as evidenced by instances of military and trade contacts. Therefore, the use of biological (specifically skeletal) evidence along with cultural data may be helpful in the reconstruction of ethnic affinities.

The center of population interaction was Ladoga — the northern outpost of the Slavs. Archaeologically, elements of nearly all cultures of the Baltic region are present. Each quarter of the town had its own cemetery, where burials of various types, including Scandinavian ones, were represented. On the right bank of the Volkhov, directly opposite Zemlyanoye Gorodishche, in a place known as Plakun, an entire Norse cemetery was situated in the 9th–11th centuries. The prevailing burial rite there was cremation. Early burials include those in 11th–12th-cent. mounds in the northern cemetery of Ladoga (skeletal remains from that place have not been preserved), and contemporaneous ones in Zemlyanoye Gorodishche, from where the only available cranial series originates.

The Norse (or Viking) problem has been widely debated by historians of medieval Russia. Quite a number of sites exhibiting features of Norse culture are known in Russia, and certain burials contain entire Norse assemblages. However, human remains from such cemeteries are rare. Most artifacts in question date from the 9th–11th centuries, and most specialists believe that intense contacts between Russians and Scandinavians are limited to that chronological period. However, anthropological data show that the groups possessing Scandinavian set of characteristics could be confined in the northwest and north Russia even to a later point in time — to 12th–13th centuries.

The combination of cranial traits marking Scandinavian (and, more broadly, Germanic) medieval populations, while displaying some geographic variability, is generally quite peculiar and distinct from other medieval European trait combinations. The difference between the "Germanic" cranial morphology and that shown by other Europeans including the Slavs, is based on a disruption of normal morphological trait correlation. Within groups, facial height is positively correlated with cranial height, whereas most Germanic series (including all Scandinavian ones) display a low vault combined with a high face and high orbits. Also, Germanic groups are characterized by a long braincase, resulting

in a negative between-group correlation between cranial length and height, whereas the within- group correlation between these traits is positive. One more distinctive feature of medieval Germanic series is a very small nasal width to facial width ratio.

Medieval Balts and morphologically similar populations of western Russia, as well as some Finnish groups (Estonians, Karelians, Komi, Vepses) display a combination of a high cranial vault and low orbits. This sharply distinguishes them from the Germanic groups, certain morphological similarities notwithstanding. The greatest contrast with the Germanic groups is shown by the Vepses, who had a very low face and a high vault.

In the 1950s, this cranial series, consisting of 47 skulls, was studied by V. V. Sedov. T. I. Alekseyeva (1969; 1973) later published his measurements and used them in her studies of the population history of the Eastern Slavs. She noted that the trait combination setting this group apart from all the Eastern Slavonic groups (sharp horizontal facial profile, low vault, and high face) was paralleled by that observed in Iron Age groups of Scandinavia.

A new study of Staraya Ladoga skeletons (both crania and postcranial bones, Table 3.3), undertaken by the present author in the 1990s, demonstrated that individuals from the southern part of the cemetery (apparently the earliest one), where graves were arranged in regular lines, were young males (mostly below the age of thirty or juvenile) and children including infants. Female burials were completely absent in that part.

The arrangements of graves in the northern (later) part of the cemetery was irregular, their depth was smaller, and the age of the buried individuals showed a greater variation. Some skeletons were female. The early and late subgroups, separated by stratigraphic criteria, showed statistically significant differences in a number of traits (Tables 3.4–3.8, Fig. 3.14).

Apart from differing in demographic parameters (see above), the late subgroup deviates from the early one in certain craniometric traits, showing a "northwestern Russian" tendency and thus possibly evidencing admixture. Despite that, both subgroups fall within the "Germanic" variation range (Table 3.6).

Crania of the early subgroup exhibit a much heavier attrition of both the upper and lower molars, the roots of which are often deformed and protrude from the alveolar margin. Apparently those teeth were subjected to some extra strain.

Based on long bone dimensions, the estimated male body length is 172.6 cm (using Trotter — Gleser formulae for whites) or 170.6 cm (using Bunak's method based on the sum of tibial and femoral lengths). These estimates are quite high. The body length of modern Russians living in the same territory and in nearby areas is 166.0 cm (*Происхождение*... [*Proiskhozhdeniye*…] 1965), and in the Middle Ages it must have been even lower.

Notably, the graves at Zemlyanoye Gorodische contained nearly no burial goods. This feature distinguishes the cemetery from others excavated at Staraya Ladoga. While the cemetery from which the skeletal series stems was surrounded by semi-pagan groups of mounds, here the burial rite was strictly Christian. The date of the cemetery was initially estimated on the basis of indirect stratigraphic criteria: the burials were situated immediately above the 10th-cent. construction horizon and were overlain by 12th-cent. debris. The analysis of human bones, conducted in Sweden in 1993, supported this date (not later than in 1060 AD).

Certain features that are uncommon in contemporaneous sites of northwestern Russia (an ascetic Christian burial rite, extreme scarcity of female remains, their considerable variation, and a high percentage of infantile skeletons) suggest that the cemetery was left by an ethnically and socially isolated group. Its male members had possibly married local

females, who were eventually buried with their former clan members on pagan burial grounds, whereas baptized children from mixed marriages, including infants, were buried with their Christian fathers. Scandinavian members of the Russian Princes' guard had professed Christianity before it became widely distributed among the Russians. It is possible that Zemlyanoye Gorodische had initially been the place where fallen warriors were buried (as evidenced by a regular layout and by the individuals' young age), and later became a cemetery for Scandinavians permanently residing in Ladoga. Craniometric changes over time attest to incipient admixture.

According to a view widely held by historians, the part of the cemetery that was excavated in 1938–1940 dates back to the final stage of the Scandinavian residence in Russia. The latest burials were made in the 12th century, when the nearby St. Clement church was built of stone and the territory to the west of it became the cathedral square. After that, this part of the cemetery was not used until the 17th century.

To assess the place taken by our groups among the populations of various parts of Europe, the present author has used published data on nine measurements in forty cranial series (Table 3.9). While Russian craniologists normally use the fourteen most diagnostic traits for between-group comparisons, some of these traits (horizontal profile angles, nasal protrusion angle, and nasal convexity indices) are not measured by Western authors. Upper facial height is measured universally, but it is often impossible to decide if this distance was taken with relation to the "anterior prosthion," as many Western craniologists do, or with relation to the "lower prosthion," as their Russian colleagues do following G. F. Debetz. Since the difference can be substantial, this measurement was abandoned. The choice of the remaining nine traits was motivated by their diagnostic value in differentiating the Germanic populations from those of Eastern Europe. The results are presented in Table 3.10.

The first canonical vector (CV I) accounts for 34 % of the total variation. The highest loadings are those on cranial length and orbital height (both negative) and cranial height (positive). Therefore CV I differentiates groups with a low and long vault and high orbits (all series from Northern and Western Europe, Staraya Ladoga, Kanarschina, Kurevanikha-2a — the group from Christian burials, and Shestovitsy) from those having higher and shorter vaults and lower orbits (most groups of the Ingrian Plateau). Kurevanikha-2b (the group from pagan burials) takes an extreme position, possibly due to its small size and a contradictory trait combination (short braincase and high orbits). This subgroup is remote also from other northern Russian series. CV II explains 20 % of the variation. The most important trait in this case is cranial width. Viewed alone, CV II reveals no correspondence with either ethnic or geographic differentiation. However, when both vectors are combined, the resulting clusters of groups are rather meaningful (Fig. 3.15). Populations of Staraya Ladoga, Shestovitsy, Kanarschina, and Kurevanikha-2a (Christian burials) adjoin those of Scandinavia and Germany.

On a dendrogram derived from the clustering of Mahalanobis distances, the above-mentioned series cluster with the Scandinavian groups, especially those from Sweden, Iceland, and Norway (Fig. 3.16).

At present, several cranial series from Old Russia displaying the Scandinavian trait combination are known. Their dates differ. The Shestovitsy group dates back to the 10th century — the time of intense interaction between the Slavs and the Norsemen; those from Staraya Ladoga and Kurevanikha-2 are later (11th–12th cent. — the period when contacts between the two groups were markedly diminishing), and the series from the Ingrian

Plateau are the latest (12th–13th centuries — the post-Scandinavian era of Russian history). While each of those groups reveals some degree of admixture with the local populations, the Norse trait combination persists and is distinct even in the latest groups.

Discussing the role of the Norse migrants in the biological descent of the Old Russians, one should keep in mind that the latter were rather heterogeneous. Based on craniometric data, several components were established, such as Slavonic proper, Finnish, and Baltic (*Алексеева* [*Alekseyeva*] 1973; 1990; *Алексеева и др.* [*Alekseyeva et al.*] 1993). At present, the addition of the Scandinavian component appears warranted, at least as far as northwestern and northern parts of Old Rus' are concerned.

The correspondence between craniometric variation and language in Europe is admittedly far from perfect. Linguistically diverse groups such as the Balts, certain Slavonic and Finnish populations can be craniometrically similar due to common descent. In such cases, biological features cannot be used for the reconstruction of ethnic history. Various groups of the same people can be biologically dissimilar (one example would be the Baltic Finns). Germanic-speaking populations display the highest degree of cranial homogeneity, making it possible to assess ethnic attribution on the basis of cranial features with a fairly high degree of certainty.

Norse-like groups of the Ladoga area, the Ingrian Plateau, and northern Russia evidently preserved their cranial trait combination and possibly their ethnic identity over several generations. Although they appear to have mixed with the local populations of the respective areas, it is not clear how this process affected the biological features of the natives. Scandinavian admixture may have influenced the appearance of people buried in the 11th–13th-cent. mounds near Lake Ladoga, and may account for the lack of direct craniometric parallels between those people and other Old Russian populations.

Series from Nikolskoye-3 and Nefedyevo-Shuygino in northern Russia are characterized by a braincase that is rather long and low by local standards, combined with high orbits and (in Nikolskoye-3) a sharp horizontal facial profile. However, it would be premature to ascribe these features to Scandinavian admixture. In several 12th–13th-cent. series from the Izhorskoye (Ingrian) Plateau (Lopets, Tarovitsy), and even in a comparatively late group from Novo-Siverskaya (13th–14th centuries), certain male crania display long and low braincases, high faces and orbits, sharp horizontal facial profiles, and look morphologically "Scandinavian". Generally, the cranial features of the inhabitants of northwestern and northern Russia bear no traces of the "Germanic" combination. Possibly, by pooling the crania from all medieval cemeteries from those territories and by assessing the within-group variation in such pooled groups, we might gain some idea of the amount of the Norse admixture (if any).

Discussion

Currently, there is a version explaining the phenomena of Norse cranial complexes, associated with a number of medieval northwest and north Russia groups, as resulted of anthropological specificities preservation in the ancient population of Northern Europe - therefore these complexes cannot be considered as evidence of Norse origin of the buried people (*Балановская и др.* [*Balanovskaya et al.*] 2011; *Пежемский* [*Pezhemskiy*] 2012). However, the results of the newest research conducted by the method of craniometry and cranioscopy data integration (*Моисеев и др.* [*Moiseyev et al.*] 2016) count in favor of specific similarity of the medieval series from the Old Ladoga's Zemlyanoye Gorodishche with the Scandinavian population.

Historical context and conclusions

One should take into account the geographical position of Ladoga, which was a focal point for trans-European trade and the main "gateway" to the Baltic. Particular historical context should not also be ignored: the events that are well known from medieval sources. This is the marriage of Yaroslav to Ingigerd-Irina, a daughter of King Olav of Sweden, which was subsequently followed by Ladoga and the whole "Ladoga Jarlsdom" move under the aegis of her cousin — Rögnvald Jarl.

For the Jarl, the departure from Sweden was an escape: he had no chance to go back to his homeland because of his quarrel with the konung. Therefore, he turned up in Ladoga accompanied by several ships, by all his people and all the goods and chattels he had been able to take with him. To state that those events, that took place in the city in the second quarter of the 11th century, had no effect on the demographic (and anthropological!) situation, would be, in our opinion, simply implausible. The hypothesis of a noticeable Norse component in the population group, that is confined to the lower layer of burials in the Zemlyanoye Gorodishche burial ground, currently remains the basic and most confirmed.

Undoubtedly, information on this monument will keep further being accumulated. At the present moment, Dr. Ashot Margaryan, who works in the National Museum of Denmark (Natural History Museum of Denmark), is carrying out paleogenetic analysis of bone samples from the collections of 1938–1940. At the same time, in the Laboratory of Archaeological Chemistry of the University of Wisconsin-Madison, USA professor T. Douglas Price has analyzed samples from the same burial ground for strontium content. The results were recently voiced out at the conference held at the MAE RAS (Museum of Archaeology and Ethnography at the Russian Academy of Science), where prof. Price presented a poster titled "Scandinavians in Russia, origins of the inhabitants of Staraya Ladoga"[2]. The studies have confirmed that bones of a number of buried inhabitants contained high amount of strontium, which indicates that the population associated with the burial ground was heterogenic and included people originated from the coastal areas of the Baltic region. We expect a detailed publication of these interesting data to come out pretty soon.

Provisionally it should be emphasized that when interpreting these data one should avoid being too excessively straightforward. The results presented by prof. Price at the conference showed that the high content of strontium is typical of a number of skeletons possessing a distinct Scandinavian set of characteristics, but still this is not typical of all the skeletons of the mentioned type. For example, burial No. 10 (1938) dated according to ^{14}C as originated from not later than 1060 and as possessing the mentioned set of characteristics, demonstrates a relatively low level of strontium. This once again confirms that a number of the carriers of this set of characteristics were local natives, but not overseas emigrants in the first generation. Further studies of bone samples with application of the state-of-the-art laboratory methods will be undoubtedly helpful in detecting the most detailed characteristics of the bone remains and clarify the interpretation of this site, which is unique in all respects.

[2] All-Russian scientific and practical conference with international participation: "Piles of bones: paleoanthropology, bioarchaeology, paleogenetics" (the conference is dedicated to the 90th anniversary of Ilya. I. Gokhman). St. Petersburg, October 08–13, 2018, MAE RAS.

CHAPTER 4
Open settlement (Posad) of Staraya Ladoga: new studies

Ladoga open settlement: a little of the history

From the very beginning of the investigation at Staraya Ladoga, the interests of the researchers (as well as of the amateurs of the Russian antiquity) were always concentrated on the Kamennaya (Stone) Fortress, Zemlyanoye Gorodishche (Earthen Hillfort) and the surrounding sopkas (big barrows). The unfortified settlement (posad) adjoining them, where the modern village of Staraya Ladoga actually is situated, for a long time had remained as though in the shadow of these impressive monuments.

The first researcher who paid attention to the cultural layer of the open settlement was Nikolay E. Brandenburg who, in 1884–1885, carried out an investigation of the foundations of two Old-Russian churches of the 12th century on the left bank of the Ladozhka River. However purposeful surveys and studies of the dwelling strata of the Ladoga open settlement headed by Vladislav I. Ravdonikas were started only in 1938 by the Staraya Ladoga Expedition of the Leningrad State University and the IHMC AS USSR. Initiating a new cycle of investigations at Zemlyanoye Gorodishche, Vladislav I. Ravdonikas simultaneously sank a number of test trenches at the unfortified settlement-site to the south of it, at the Nikol'sky end of the Ladoga Posad. In 1940, a "thick cultural layer with wooden structures" was fortuitously revealed also in the northern part of the posad near the walls of the Dormition Monastery.

The investigations of the cultural layer of the posad were further continued by Grigoriy P. Grozdilov (1952) and Gleb S. Lebedev (1984) who conducted exploratory excavations on the left bank of the Ladozhka River higher than the bridge over it. In the course of these excavations a "wet" layer was revealed in this area of the settlement, although with no wood fit for dendroanalysis. It is also noteworthy that the Staraya Ladoga Museum in the person of Zoya D. Bessarabova, in 1968–1999 conducted permanent archaeological supervision over the earthen works throughout the territory of the settlement.

All these initiatives were of an episodic character. A principally new stage in the studies of the posad was opened with large-scale excavations conducted by Valeriy P. Petrenko on the left bank of the Ladozhka in 1972–1977. The excavation area of 600 sq m was started on the sloping left bank of the Ladozhka at the edge of the riverside terrace, 50 m from the water (the height of the bank above water level was 8 m). The thickness of the cultural layer in this area was up to 3.8 m. Beneath a layer of mixed grey humus 0.4–0.6 m thick, there was a wet stratum preserving organics where about 60 structures were revealed at different levels. The earliest building at the excavation was dated to 842 AD, the latest — to 995 AD. While the precedent investigations just revealed and surveyed the open settlement of Ladoga, Petrenko's excavations allowed the researchers to consider actually both the chronology and plan, as well as the character of the buildings and types of pottery, handicraft traditions and the social composition of the population.

In 2014–2015, first after almost 40 years since Petrenko's excavations, the possibility appeared to resume the excavations of the posad throughout a broad area. Like in the case of Petrenko (his excavations were due to the change of the line of the Volkhovskoye highway), these studies were of a rescue character: they were conducted at the place of installation of the monument devoted to princes Rurik and Oleg. The excavation of 2014 was started under the future foundation of the monument, while the excavation of 2015 was conducted at the place of the stairway descending from the monument to the bank of the Ladozhka opposite the Stone Fortress (Fig. 4.1).

The coastal cultural deposits of the XVII–XVIII centuries were uncovered in the excavation for the first time; and the Neolithic layer has been studied here on a large area in situ.

Excavations of 2014-2015 at the Ladoga open settlement

Excavation of 2014. The excavation of 2014 was started at the edge of the upper part of the riverside terrace, 50 m to the north-east from Petrenko's excavation of 1972–1977. The thickness of the cultural layer was about 1.8 m. However the ancient deposits were almost completely demolished during the construction of the basement of a dwelling house of the late 19th century. From the preserved layer of brown humus adjoining the virgin soil, a small collection of early mediaeval glass beads was retrieved (Fig. 4.2). A stratum of old ploughed land was revealed cut by pits containing exclusively handmade pottery (Fig. 4.3). These finds are presumably datable to the 9th — early 10th century.

Excavation of 2015. The excavation of 2015 was started 25 m to the east from the excavation of 2014, on the riverside slope of the Ladozhka River. There deposits of different epochs, Neolithic, Middle Ages and modern period were revealed and studied. Simultaneously, a complex of interdisciplinary investigations of the buried soils and geological deposits were conducted and a series of dendrodates and C^{14} dates were obtained.

The drop of the heights of the ground surface on the slope towards the Ladozhka River was 4.5 m. This fact defined the method of excavation (Fig. 4.4). The excavation was conventionally divided into three areas (Fig. 4.5–4.6). In the western, almost horizontal, area, there were preserved a stratum of the deposits of the Ladoga transgression and the layer of the Neolithic site below the latter. In the central area, the cultural layer proved to be almost completely disturbed by cutting of the bank during the construction of the house on a stone foundation in the 19th century. In the eastern sector, there were preserved deposits dating from the early Middle Ages to the modern period.

The virgin soil was formed in the two excavations for a long period from the Final Pleistocene to the beginning of the Subboreal period of the Holocene. Generally, this stratum of deposits was due to the formation of the valley of the Volkhov River and fluctuations of the level of Lake Ladoga in the first half of the Holocene. In the end of the Atlantic Period, the bottom of the Volkhov valley was covered with forest vegetation; the lower buried soil 2–3 cm thick was formed. In the western sector of the excavation of 2015, the buried soil came to be disturbed by the layer of the Neolithic campsite.

In the period of the Ladoga transgression (4500–3000 BP), the lower reaches of the Volkhov turned into a bay of Lake Ladoga, the buried soil and the Neolithic layer within the territory of the excavations of 2014–2015 were covered with deposits of lacustrine clays (sapropel) 60–80 cm thick. After the formation of the Neva (about 3000 BP), water level decreased, the upper section of the sapropel underwent the process of soil formation

and was transformed into the humic horizon of the soil. The upper part of the soil at the two excavations is located at absolute marks of ca +9.8–9.9 according to the Baltic system of heights. This fertile layer has traces of ploughing like in the territory of Zemlyanoye Gorodishche where it is dated to about the third quarter of the 1st millennium AD.

The western area of the excavation of 2015. The turf layer and the upper section of the layer of ballast and construction debris were removed using machinery. In the western part of the excavation, at a depth of 0.6–0.8 below the present ground surface, a stratum of blue sterile clay was exposed — deposits of the Ladoga transgression. After removing of this layer 0.5–0.8 m thick, a layer of brown loam was exposed. It were the remains of a site of the Neolithic period situated at the edge of the riverside slope (Fig. 4.6).

Judging from the revealed ancient riverbed, during that period a small creek was flowing here felling into the river. On the banks of that creek, the mentioned campsite was actually located. The cultural layer represented by the brown loam was of a small thickness — 0.05–0.15 m. No. traces of dwellings or pile pits have been revealed. Nevertheless, one heating structure was unearthed. It was a fireplace in the form of a round pit filled with pieces of stone and a layer of charcoal 0.2 m thick at the bottom. In the hearth there were fragments of handmade pottery, flint flakes and a fragment of a chert polishing tool. The tool assemblage from the campsite is typical to settlements of the late Neolithic in North-Western Russia. The radiocarbon age of the Neolithic cultural layer was defined as a period within the first half – middle of the 4th millennium BC (Fig. 4.8).

The eastern sector of the excavation of 2015. The cultural layer was excavated here not by horizontal layers but by the strata lowering eastwards from the west. On the basis of the scheme of ten main strata, six conventional building horizons were established (the description is presented from the earlier to later horizons).

Horizon 6 (Fig. 4.9) is the oldest one. Early mediaeval materials are preserved in it in a re-deposited form: in the Middle Ages, the layer containing them was moved here and used as the riverside addition from 0.2 to 1.5 thick. In the course of its washing out, artefacts were revealed that summarily are datable to the 9th–15th centuries (Fig. 4.10–4.12, 4.15).

Horizon 5 (Fig. 4.13). Wooden decking which served for strengthening the bank. The finds (Fig. 4.15), taking in consideration the character of the layers lying above, allow us to date the horizon to the second half and the end of the 16th century.

Horizon 4 (Fig. 4.14). A drain well in the north-western sector of the riverside part of the excavation. The finds (Fig. 4.15) date the structure to the 16th–17th centuries.

Horizon 3 (Fig. 4.16). A new addition onto the river bank: a layer of brown humus with decayed organics, pieces of charcoal and inclusions of clay. In the riverside north-eastern corner of the excavation of 2015, there was revealed a corner of the foundation of a structure constructed of massive boulders and large slabs of limestone in the base of which ligger-logs were lying. The layer of brown humus with decayed wood, pieces of charcoal and inclusions of clay related with the structure contained finds of the late 16th — early 18th century (Figs. 4.17–4.20) including coin "flakes" of Boris Godunov of 1598, Mikhail Fedorovich of 1630–1641 and a denga of Peter I.

The bank was strengthened later too: the decks of horizons 4–6 were broken through by a line of younger piles. For two of them, dendrodates 1693 and after 1785 were obtained (Fig. 4.14).

Horizon 2. A layer of dark-grey mixed sandy loam without any structures contained mostly finds dated to the 18th and 19th century (Fig. 4.21) with an admixture of earlier

artefacts. The latter finds included a Swedish coin 1 Fyrk of Johann III of 1584 and a copeck of Peter I.

Horizon 1 (Fig. 4.6, 4.22). The last stage of the strengthening of the bank of the Ladozhka River included the construction of three breastwalls of several courses of limestone slabs in dry masonry. In combination with a decking of thin logs laid along the stone masonry, the breastwalls formed something like an embankment of the Ladozhka. Judging from the finds, these structures are dated to the late 19th — early 20th century.

Higher along the riverside, in the central sector of the excavation of 2015, remains of a foundation were uncovered. It was constructed of limestone slabs with the use of building mortar. The building was constructed on this foundation in the late 19th — early 20th century and continued in use during a later period. The layer contained a mixed complex of finds of the Neolithic period and early Middle Ages, as well as coins of the 18th–19th centuries and the dishes of the 20th century (Fig. 4.23).

Thus through excavations of 2014–2015, it became possible to trace the history of the occupation by man of the banks in the mouth of the Ladozhka throughout the chronological span from the Neolithic until the modern period. The strengthening of the bank and the most active occupation of the riverside part of the Ladoga posad took place in the 16th–17th centuries. By contrast to other excavations at Staraya Ladoga, the almost compete absence of finds related with female costume is striking but the male subculture is represented distinctly: weaponry and objects connected with shipbuilding and fishery.

In the appendices to this chapter, a description of the history of the investigation of Ladoga posad is presented (***Appendix 1***), as well as results of the exploration of the buried soils and deposits in the excavations of 2014–2015 (***Appendix 2***), a description of the artefacts from the Neolithic layer (***Appendix 3***), a characteristic of the weaponry of the late 16th–17th centuries from the excavation of 2015 (***Appendix 4***).

CHAPTER 5
Lyubsha Hillfort: planigraphy and stratigraphy

The settlement of Lyubsha is located 1.5 km north-east of the Zemlyanoye Gorodishche (Earth Hillfort) of Staraya Ladoga, downstream on the Volkhov river, on its high right bank. It occupies a cape at the mouth of the river Lyubsha, from the field side the Hillfort is surrounded by earthworks about 70 m long. The total area of the ancient settlement is not more than 1800 m^2 *(Рябинин, Дубашинский* [*Ryabinin, Dubashinskiy*] 2002: 196).

Excavations in the site were carried out by S. N. Orlov (1968), V. P. Petrenko (1970–1972), and E. A. Ryabinin (1997–2001). In total, there were about 500 m^2 uncovered. The collection of findings contains more than 1000 units and is stored in the Staraya Ladoga Museum-Reserve. This chapter is a compilation and publication of graphic documentation of Ryabinin's excavations, which was for long considered to be fragmented and lost after the death of the researcher.

In 1997–2001 Ryabinin was involved in the excavation activities at three sites. Excavation site No. II was the largest site comsidering its area and significance: the great majority of the findings were discovered within this area; the structures relating to the buildings once located on the Hillfort were explored within the same area as well. Up to date publications have paid little attention to this plot of land, for the greatest interest was aroused by the stone structures found in the opposite south-eastern part of the earthworks bund. However, it is precisely the analysis of the excavation site No. II artifacts that make it possible to trace the dynamics of the territory development, and to specify the structure of the fortifications, to comprehend the significance of the ancient Lyubsha Hillfort in the context of the synchronous settlements and burial monuments surrounding it.

Our studies of Ryabinin's field documentation allow to consolidation of the drawings of excavation site No. II (section 1 and 2) of an area of 228 m^2; our work also allowed to carry out a detailed analysis of the planigraphic and stratigraphic situation in the area of the fortifications and residential zone of the settlement.

By the time of excavations in 1997–2001, the site of the settlement and especially the earthworks were densely overgrown with trees and shrubs; in addition, in the course of preparing the site for the further exploration it was necessary to disassemble the remnants of wartime hospital buildings. Studies were conducted within small lots of land and allotments for which the developer of the excavations was later reprimanded. However, with all the obvious drawbacks taken into consideration, the approach taken was the only one possible which could be applied. Vegetation and numerous damaged areas of the cultural layer prevented expansion of the excavations.

Analysis of Ryabinin's field documentation from 1997–2001 allows to make preliminary conclusions to be made about the stages of the cape territory development at the confluence of the river Lyubsha and the river Volkhov, to delineate complexes and sites of different ages, and also to identify the features of the settlement's planning at different stages of its existence.

In the *paleometal* epoch — *the early Iron Age*, the cape had an elevation that hosted the ancient settlement. Artifacts of the Shkurina Gorka type were found in the layer: fragments of ceramics, often decorated with ornaments (*Рябинин* [*Ryabinin*] 2001-A: 46, fig. 25), flint tools, stone "irons", bone arrows heads and darts (*Рябинин* [*Ryabinin*] 2000-A: 50, fig. 25: 1–4, 6; 2001-A: 42, Fig. 21: 1, 6–7). In the early Iron Age the site accomodated an ancient settlement. Radiocarbon dates of Shkurina Gorka eponymous settlement fit into the period between 8th–5th centuries BC (*Юшкова* [*Yushkova*] 2004: 240); presumed, that this time is to be referred to as the beginning of the cape formation at the confluence of the Lyubsha and the Volkhov rivers.

Metal objects such as a sickle-shaped knife, a razor, a crossbow-like fibula needle made of iron, baculus-shape pins of iron and copper alloy should be confined to this period of the settlement history (*Рябинин* [*Ryabinin*] 2000-A: 49, 51, Fig. 24: 1, 4, 26: 16 ; 2001-A: 41, Fig. 20: 11); fragments of molded ceramic vessels should be confined to the same period as well (*Сениченкова* [*Senichenkova*] 2010: 70). The cultural layer of early metal era — the Early Iron Age — is composed of dark gray homogeneous, slightly humic sandy clay. Apparently, human habitation was not developing to the Lyubshansky cape very intensively: the strata were accumulating more slowly than in subsequent ages. The described period includes complex 1 under the bund of the early medieval earthwork of the Lyubsha Hillfort. The object identified was a remnant of a ground structure with a rounded fireplace of small boulder stones located in a shallow depression. The upper part of the building, most likely, had a light, frame-and-pillar structure, although it could be built in a different way.

In the third quarter of the first millennium AD and later, at the beginning of the early Middle Ages, the territory of the cape, as before, enclosed an open settlement. Direct evidence of defensive fortifications of the time failed to be found. Study of the field documents has not yet confirmed Ryabinin's opinion regarding the early date (6th century) of fortification construction. However, this stage includes complex No. 3 identified under the edge of the hillfort earthwork that comprised remnants of a land-based building with a heating structure – a stone stove located in a shallow depression. The small holes around the structure, which could be "footprints" of hammered polls, and the posthole next to the collapsed stove allow to suggest that the walls of the structure have been made of wood frame and pillars (polles). Most likely, it was the third quarter of the first millennium AD that traces of tillage identified in the southeastern part of excavation site No. II belong to. Apparently, a marginal part of the ancient arable field was discovered here. Currently it is challenging to identify the cultural layer confined directly to the third quarter of the first millennium AD, and this issue needs further investigation.

Few artifacts of the third quarter of the first millennium AD were found at the Lyubsha Hillfort, although, arrowheads, fragments of belt fittings, and some fragments of primitively molded kitchenware can be attributed to this period (*Рябинин* [*Ryabinin*] 1999-A: Fig. 13: 27, 15: 3; 2001-A: 46, Fig. 21: *11*; *Сениченкова* [*Senichenkova*] 2010: 73–75).

In Ryabinin's opinion, the earthwork of the Lyubsha Hillfort, with stone structures inside the bund, with retaining walls and a shallow ditch on the side of its field edge were built in the 8th century. At the top of the earthwork defensive log walls were erected and according to Ryabinin, the entrance to the settlement was located at the western end of the fortifications, which completely overlapped more ancient complexes No. 1 and No. 3. At least two large land structures (probably log buildings) were erected close to the

earthwork bund and parallel to it. Subrectangular ditches dug in the native soil and in the previously accumulated cultural layer were located at the base of those structures. One of those structures uncovered in the Petrenko's excavation site was located at the southwestern end of the fortifications; the second structure — Ryabinin's complex No. 2 — was located on the opposite southeastern flank. Heating facility remnants were uncovered in the both ditches. Most likely, a chain of similar structures was located on the inside of the earthworks.

In addition, the remains of three land structures located on the settlement cape area were found at excavation site No. II: complexes No. 4, 5, 6. All of them included the remains of heating facilities. Complexes No. 4 and No. 5 were remnants of residential structures; Complex No. 6 can presumably be associated with the metalworking process, since a large amount of slag, workpieces and waste were discovered at this place. The Lyubsha settlement is rather small, and the identified structures were located close enough to one other. The plowing of the cape was stopped at that time, while a cultural layer of black humus with coals, ashes, fish and animal bones started accumulating on top. This layer is directly related to the process the settlement development.

The fortress was destroyed as a result of military actions around the middle of the 9th century (before 870, according to Ryabinin). The beginning of the formation of the layer of dark gray humus with ashes and fragments of slabs confined to the process of the fortifications destruction, and subsequent economic activity at the settlement site should be attributed to this time. The majority of the findings obtained during the excavations of the ancient Lyubsha settlement in 1997–2001 belong precisely to the times of the earthen-and-rockfill fortress. Items made of ferrous and non-ferrous metals were discovered particularly in great numbers: arrowheads and darts, knives, keys, ship rivets and various iron work pieces (*Рябинин* [*Ryabinin*] 1998-A: Fig. 28-29; 1999-A: Fig. 15–16; 2001-A: 46, Fig. 20–21.

Of the ornaments, trapezoidal pendants of copper alloy sheet, sickle-shaped temporal rings and their fragments, holders of head rims, wire spirals, and tin-lead alloy pendants were discovered (*Рябинин* [*Ryabinin*] 1998-A: Fig. 27: 1, 2; 1999-A: Fig. 13; 2001-A: 46, Fig. 19). Also found were items made of bone and horn are represented by fragments of handles, spindle whorl, and semifinished stuff. A unique discovery is an amber bridge of a six-string musical instrument - a pinch lyre (*Поветкин* [*Povetkin*] 2002: p. 75–77; *Миляев* [*Milyaev*] 2017: 237–238). The set of glass beads strings found in the Lyubsha settlement deserves special attention due to its originality and some very archaic items found among them (*Львова* [*L'vova*] 2010: 467–477). Despite the fact that the excavation method applied was cultural layer sifting, not a single piect of silver dirhams was found, neither were small beads (*Рябинин* [*Ryabinin*] 2002: 56). Ceramics are represented mainly by fragments of molded vessels of the "Ladoga type" with a "brim" (*Сениченкова* [*Senichenkova*] 2010: 72).

After the destruction of the early medieval fortress that had stone structures in the earthwork bund, a long break could be observed in the cape territory development, at the confluence of the Ladozhka River and the Volkhov river. Petrenko's hypothesis regarding the presence of the 13th–14th centuries ceramics among the artifacts of the ancient settlement failed to be confirmed later (Ibid: 75).

In the 15th–17th centuries, another ancient settlement was located next to the Lyubsha hillfort, which is confirmed by a number of tangible findings and numerous fragments of circular ceramics. During the excavations, separate items were discovered in the upper

mixed beddings: iron locks, a knife with a lamellar handle. Complexes of the late Middle Ages — the early New Age were not identified within the site. During that period, the accumulation of a layer of dark gray humus with ashes and fragments of slabs continued, while many of the slabs resulted from the early medieval fortress collapse were shifted: probably the idea was to level the area of the ancient settlement cape.

In the 18th–19th centuries deep draining operations took place within the Lyubsha Hillfort territory: the operations were underpinned by nearby location of the Prince Shakhovskoy estate and implementation of a park lay out project. The upper part of the early medieval fortifications was severely damaged and partially leveled to the ground; the cultural layer at the historical site was also damaged. A layer of loose gray humus containing fragments of limestone slabs that dates from the named period, presenting a significant amount of 19th–20th centuries pottery ceramics including glazed items, and numismatic findings of the corresponding period (*Рябинин* [*Ryabinin*] 1998-A: Fig. 25A).

PART III
COLLECTIONS OF ARTEFACTS FROM STARAYA LADOGA: PUBLICATIONS, INTERPRETATIONS, PROBLEMS

CHAPTER 6
Handicraft of the Early Mediaeval Ladoga

Products of skilful artisans found in Ladoga were not always brought to Ladoga as trade goods or gifts. Some of them were manufactured onsite. The archaeological evidence of practising handicrafts in Ladoga comprises firstly the remains of places of production there discovered, viz. limited areas or structures with traces of the respective activities, as well as production wastes, tools of the craftsmen, blanks and semi-finished products.

Blacksmith's work

The "smithy" revealed during excavations headed by Vladislav I. Ravdonikas was simultaneously a dwelling. In terms of its dimensions, this structure differed in no way from other dwelling houses. It had a clay floor. In the north-eastern corner there was a furnace. In front of the presumed orifice of the furnace there was a birch-bark vessel dug into the floor. In the fill of the vessel were found iron dross and decayed wood. It is supposed that it contained water for cooling iron after hammering. Within the structure, numerous pieces of dross of iron and other metals were collected and fragments of casting moulds and ladles for molten metal, wastes from working iron and bronze, hammering and jeweller's tools were found. Inside the structure, a large boulder which served as an anvil was lying. This workshop was related with the deposits of horizon Д and is dated to the 10th century.

Another complex of iron-making and metal working craft was discovered in excavations conducted by Evgeniy A. Ryabinin. In the earliest deposits dated to the 750s AD were found remains of a smithy and jewellery workshop. It contained a set of hammering tools rare in its completion: seven pliers, two drills, a small anvil, three jewellery hammers, two chisels, scissors for cutting sheet metal, two draw dies, crucibles etc. This set of tools suggests that the artisan who owned it was skilled in the entire cycle of smithing, locksmith's and jewellery works. Also traces of iron working and wastes of bronze casting production were revealed: crucibles, a fragment of a casting mould, a tin ingot, a lead seal (frozen drop of the metal), two scraps of a bent bronze wire and a fragment of a bronze plate. The smithy was the basis of the complex. The reconstructable dimensions of the building are 11.2 × 6.5 m. The forging furnace was located in the western part of the structure. It was built in the mid-750s and reconstructed in ca 763 AD. There was also a stone anvil inside the structure, i.e. a boulder measuring 0.7 × 1.0 m. Within the spot related with the structure were found hundreds of pieces of iron dross and separate pieces of glassy dross related to bronze casting craft, as well as numerous wastes, semi-products and ready products of smithing production. The main concentration of these objects was recorded near the anvil

and to the south from it. In the area of the workshop, a "hoard" of hammering and jewellery tools was found: four specimens of pliers, perforators, a miniature iron anvil, three small jewellery hammers, chisels, scissors for cutting sheet and band non-ferrous metal, feather (spoon-shaped) drills, two draw dies, a small discoid iron anvil for relief embossing and stamping objects of jewellery. The Ladoga "hoard" is one of the most complete sets of instruments in mediaeval Europe.

Bone carving craft

Bone carving undoubtedly was a local handicraft since the time of the foundation of the settlement. The most widespread and standardized industry was that of manufacturing one-sided combs. Almost all the finds of combs of this type were made in layers of the 8th–10th centuries although some of them come from a "stratum of the 10th–11th century" Possibly, here we are dealing with an instance of mixed and moved early deposits. Olga I. Davidan systemized the Ladoga collection of combs and distinguished two groups, viz. single-sided and double-sided articles. Among the one-sided combs, the majority are the composite ones, only some examples were cut from a single piece of horn. The predominant part of horn blanks and pieces of horn with traces of working were related with layers of the Viking period. The majority of them are found in horizon Д while a considerably smaller number were in the thickness of horizon E. Probably, the Ladoga craftsmen provided with combs primarily the Ladoga dwellers themselves as well as residents of the closest surroundings. This fact is suggested by finds of combs similar to the Ladoga examples at barrows and settlement-sites of the Southern Ladoga region. It is however difficult to define the place of manufacture with confidence since it is impossible to discriminate reliably all the Ladoga finds between the local and imported ones.

Davidan considered in detail the techniques of manufacturing composite one-sided combs and the set of instruments needed for their manufacture. The process of making the combs included several stages: 1) sawing of blanks for mounts and indented plates; 2) treating of the mounts; 3) covering them with an ornament; 4) assembling of the comb; 5) cutting of the teeth. Davidan considered imitations of objects from the low reaches of the Rhine, which she called "objects-hybrids" as undoubted signs of the local manufacture of combs at the early stage of the occupation of Ladoga. Later Olga A. Kondrat'yeva corroborated the conclusions about the local revision of the borrowed forms of single-sided composite combs in Ladoga itself.

Of note is the presence in Ladoga of bone and horn objects manufactured in the Finno-Ugric tradition. These include single-sided carved combs with backs decorated with paired figurines or heads of animals and birds (bears, horses, swans). Similar combs were distributed in the late 1st millennium AD throughout the territory from Estonia to as far as the Kama region. In addition to the combs, the products of the Baltic-Finnish bone carving craft presumably include a horn pin with the head decorated with stylized representations of two swans. This find comes from a complex of the 10th century found by excavation in the Varyazhskaya Street. Even here, a bone ear spoon was found — an object characteristic of antiquities of the Volga and Kama Finns.

Woodworking and the wood-turning craft

When studying wooden finds from the earliest layers in Ladoga, Sergey N. Orlov noted the presence of objects made with a lathe as well as details of lathes. O. I. Davidan noticed

a large collection of objects turned from bone and wood in the early mediaeval layers of Ladoga suggesting the appearance of lathes in Northern Rus' before the 10th century. The researcher supposed that lathes were used in Ladoga since the second half of the 8th century.

Working of amber

Excavations of early Ladoga have yielded several hundreds of ready amber articles, blanks and pieces of unwrought amber. The only attempt to systemize these finds was made by Davidan. This researcher noted that Ladoga is the only site in Northwestern Rus where, in the layers of the 8th–10th centuries, considerable numbers of amber were collected. The majority of the finds come from horizon Д, however dozens of specimens from horizons E_1–E_3 demonstrate that the presence of amber in the very earliest layers is in no way fortuitous. Plans of findspots of products of bone-carving craft, as well as finds of amber, crucibles and casting moulds were drawn by Davidan for horizon Д where the maximum numbers of objects of this type were recorded. Within the area of four structures which presumably were places of working bone, zones of maximum concentration of blanks were revealed. The same buildings may have been also the places of working amber. In general, the variety of Ladoga manufactures can be considered as ordinary for a wide circle of mediaeval sites while only three objects (a sculptural head and two playing draughts) were proposed by the author to be considered as those of a Scandinavian provenance. The beginning of working amber in Ladoga is dated by Davidan to the time of foundation of the settlement. Also Ryabinin revealed traces of working of amber in the oldest layers of Zemlyanoye Gorodishche.

Glassmaking

The question of the possible manufacture of glass beads in early Ladoga where their finds number thousands was put forward by Frida D. Gurevich. Later, the materials from the earliest layers of Ladoga were carefully studied and re-considered by Zlata A. L'vova. The absence of traces of the industry and scarcity of material arguments in favour of this manufacture did not allow archaeologists to state the existence of the local glassmaking although L'vova recognized that a possibility of the presence of such an industry is undoubted. Ryabinin revealed during his excavations remains of a glassmaking shop dated to about 815 AD. It was represented by a rectangular surface structure measuring 6 × 3 m. Inside, a collapsed furnace was found occupying the central part of the room. In its fill, hundreds pieces of vitreous dross, fragments of crucibles, fused and deformed beads, as well as undercooked glass were found. As concluded by Evgeniy A. Ryabinin and Valentin A. Galibin, the character of the wastes suggests the conducting of the complete cycle of production in Ladoga including glass melting from imported raw materials and manufacture of beads.

Bronze casting and jewellery craft

The first serious scientific estimation of the emergence of the bronze-casting craft in early Ladoga belongs to Davidan. The researcher analyzed the materials from excavations of 1930–1950s at Zemlyanoye Gorodishche and distinguished among museum collections 35 casting moulds, 79 crucibles and ladles for molten metal, a jewellery hammer, a file, a draw die, 7 metal ingots, 3 uncompleted articles, as well as production wastes including

wire, cut-off fragments and scraps of plates and bars of metal, formless pieces of alloys and dross. The most of the casting moulds are of stone; in their flat surface, depressions were carved corresponding to the form of future casts of ornaments. However there was also one clay mould for casting commodity ingots or bars of metal 19–20 cm long with a width of 0.5, 0.8 and 1.0 cm. In addition, a very rare specimen was found i.e. a wooden casting mould with depressions carved in it in the form of double ovals connected by bridges.

Davidan arrived at the well-grounded conclusion that since the 9th century, melting of non-ferrous metals and manufacture of ornaments was taking place in Ladoga onsite. The artisans employed various casting techniques: casting into open or closed moulds, casting into clay or wooden moulds, lost wax casting. Along with casting, many articles were manufactured from non-ferrous metals by hammering. Among the collection, there is a series of metal scraps with traces of hammering, as well as a fragment of hammered wire. Also wire drawing and stamping of thin metal plates in forms were practised.

Davidan noted that in the town-site's layers Е and Д, no specialized jewellery workshops have been revealed. "The bronze-casting craftsmen worked in their dwellings engaged simultaneously in bone-carving and processing of amber" (*Давидан* [*Davidan*] 1980: 66). This conclusion was earlier grounded by analysis of plans of traces of different crafts over the area of the settlement and by defining the single territory of accumulation of wastes of the craft, semi-products, blanks and tools (*Давидан* [*Davidan*] 1977: 101 ff.).

In 1975, Ryabinin completely investigated the area of Zemlyanoye Gorodishche where casting of articles from non-ferrous metals was conducted. The central place there was occupied by a furnace for melting of metals. According to the data of dendrochronology, the shops were functioning here within the time span of the second half of the 8th century. A group of finds is related with jewellery making. It is four crucibles, a fragment of a casting mould, an ingot of tin or a lead-tin alloy, a round lead seal, a narrow bronze plate and two scraps of bronze wire. In addition, in the smithy, along with iron dross, also vitrified dross related with bronze-casting industry was encountered, as well fragments of two crucibles, a fragment of bent bronze wire and a bronze plate bent into a ring.

In the excavation area of 1997 at the northwestern end of Zemlyanoye Gorodishche, there were uncovered remains of a bronze-casting shop of the second half of the 9th century containing ornaments of male and female costume of the Scandinavian type. The logs of which the manufacturing complex was constructed were sawn down about 900 AD. Another saw cut was dated to 922 AD. Among the finds from the structure there were two brooches of which one was an entirely completed specimen of the Valsta type. The second one was a miscast fragmentary oval shell brooch. In all probability, the object was incompletely worked. The latter fact indicates that these objects were produced locally. The dendrodate obtained (ca 900 AD) is in correspondence with the modern opinion of Swedish archaeologists about the period of the late use of the peculiar brooches under consideration. In the same area, also a set of 60 glass beads was found. Approximately a quarter of them can be considered as manufacturing rejects.

Of special interest are seven copper ingots found during excavations under the direction of Vladislav I. Ravdonikas. These ingots were commodity and paying units as judged from their standard forms and weight. During the last years, still other two bars of gold-yellow brass each weighing 46 g were found among the remains of a building of 865–882 AD. There, also bronze and lead articles, 15 crucibles and other objects were uncovered. In the same excavation area, were found four fragments of crucibles, a stone

mould cut from micaceous slate for casting bars and three clay casting moulds. The layer containing these finds is dated to the last decades of the 10th century.

In the bronze casting industry of early Ladoga two differing traditions are clearly recognizable — the North-European (common Baltic or Scandinavian) and the southern one (Slavic).

Conclusion

The evidence considered above demonstrates clearly that Ladoga was established as one of the earliest mediaeval centres of Northern Europe. Its appearance is synchronous with the emergence of analogous centres in the southern Baltic littoral. All this allows archaeologists to consider Ladoga in a single context of the North European world developing during that period very advanced manufacturing technologies (in the first hand, metalworking).

The further studies of the Ladoga handicrafts must be conducted with attraction of a wide comparative material from different European settlements where numerous traces of early industries have been at present revealed. These are, in the first hand, Norwegian Kaupang where beads from glass and amber were manufactured and jewellery and bone-carving handicrafts were present. Also the circle of these settlements include Danish towns of Ribe and Aarhus (800–1050 AD) where working places of smiths and casters with large quantities of tools and production wastes were revealed. Of note must be also the peculiarities of the position of Ladoga at the junction of several "cultural worlds" and the active intercultural and interethnic communication which continued here for centuries and served as an essential condition of the development of new cultural traditions. Along with the North-European antiquities and numerous Eastern imports strikingly represented in the collections, in the earliest layers of Ladoga there are found diverse components of material culture related with the Slavic and Finno-Ugric worlds. The ground for their long cultural interaction was the very location of Ladoga as a key centre closely tied with the international trade. The high-technology crafts developing on the basis of precedent traditions of the European urban culture established in the influence zone of the former Roman *civitas* were combined here with industries providing the everyday life of the people and taking roots in local cultures of the Iron Age.

CHAPTER 7
Leather craft in Early Mediaeval Ladoga

It is possible at present to study the initial period of the establishment of the Russian mediaeval urban leather-dressing craft (8th–10th centuries) on the basis of exclusively archaeological materials from excavations at Staraya Ladoga. These materials are very representative so that their comparative analysis enables the researchers to make fairly confidential conclusions.

Leather raw materials seem fairly uniform at all the excavations at Staraya Ladoga, in the first hand, at the excavations at Zemlyanoye Gorodishche. Among the identifiable finds, the majority is represented by leathers of small horned cattle while finds of hides of large horned cattle are rather infrequent. Generally, identification of the animal species has been carried out for over 70 percent of finds. As a rule, unidentifiable are only soles, thin scraps of leather with traces of secondary use and unique leather parts. Single finds of pieces of dressed leather with hair possibly were the wastes from cutting fur clothes. All of the leather is fairly thin, not over 1.5 mm thick, whereas the majority of the finds has a thickness of 0.8–1.0 mm. At the same time, even with small thickness of the leather, a poor quality of its *tanning* is notable. The leather of the majority of finds is divided into layers, the fact that is possibly explained by weakly tanned inner layers. The most of the finds of leather have a black *grain* (external surface) and brown *flesh side* (the lower surface) and the middle layers. This fact suggests a special chemical treatment of the *grain leather*, i. e. toning. The black colour can have been rendered by *fuming* of the leather over a fire in the case of blackening of only the facial surface or by immerging the leathers into an infusion of alder bark when both the external and lower surfaces of the leather had to be blackened. An additional mechanical treatment of the facial surface of leather, viz. impression of a "grid" has been encountered only on a single secondary scrap of leather.

Observations of many years on the character of the finds from earth of different types, the composition of the collections of artefacts and quality of the raw leather suggest that the state of preservation of the finds depends to a great extent on the methods and quality of processing of the raw materials. Possibly, among the collections from Zemlyanoye Gorodishche, articles and scraps treated in differing traditions of leather dressing are represented.

In the collections of finds, two groups of scraps were distinguished: 1) those left from cutting of fresh leather, and 2) from parts of articles already used before. In the first group, scraps cut from the middle and margin of a leather sheet were identified. In the second group there were fragments from different types of articles not clearly identifiable. The Ladoga collection of fragments of leather from the early mediaeval layers is "indicative" for evaluation of this group of artefacts of material culture. Firstly, surprising is the extremely small number of fragments in layers with well preserved organic materials. It is possible to single out scraps from cutting narrow strips of leather. Since the edges of the scraps present the negatives of the cut parts it is possible in some scraps to discern the

remains of certain ready articles. Indicative are wastes of cutting footwear soles which represented, inter alia, long thin scraps with pointed ends. From cutting details of the top of footwear, scraps of irregular or geometric forms remained. Some of the scraps were used as pads while cutting of details. On some of the scraps, an impression on the facial surface was encountered. This is a fairly rare feature of a decorative treating of leather in the period under consideration.

Elena I. Oyateva described in detail eight types of the Ladoga footwear. Among the groups distinguished, some style differences or variation of models and forms of decoration are distinguishable. This phenomenon reflects the peculiarities of the footwear production in the 9th–10th centuries and, in particular, can be indicative of the level of specialisation of the craft in Ladoga. The models (single forms of footwear) consisting of two or more parts had a separate sole and the top, either of symmetrical or asymmetrical type of cut. Symmetrical parts of the top were cut predominantly from a single piece of leather and had the length (for adult's model) 50 cm or more. The heel connecting the two lengthwise halves of the top was the central axis of the cut. The ends of the cut were sewn together along the longitudinal axis of the article and the seam ran over the middle of the toe covering the fingers and the instep of the foot. When a piece of leather of a sufficient size was unavailable for the shoemaker, the top was cut from two parts. The sole for these models had a rounded heel while the toe could be either rounded or pointed. The symmetrical cuts of the top rarely are preserved completely. More frequent are their fragments (cut or torn out scraps). This fact makes the identification of the design rather difficult. To the symmetrical cut, the scraps survived to their full length along the lower edge and scraps of the toe with signs of the central axial seam are to be attributed. Also, fragments of shoes with horizontal decorative slits in the sides can have belonged to the symmetrical cut.

In Staraya Ladoga, also different variants of soft footwear with the asymmetrical cut of the top have been encountered. In these cuts of the top always there are a semi-detachable toe (the head in the latest models) and a back half or side (the future back or counter). The loose butt-end cut of the sides was sewn to the free part of the toe. This junction (seam) was always on the inner side of the foot and therefore this feature indicates whether the shoe was worn on the right or left foot. Of the models with the asymmetrical cut of the top, more characteristic are soles with a pointed heel for which a triangular slit was made along the lower edge of the part in the place of junction with the heel of the sole. Sometimes a narrow tongue was left in the slit strengthening the junction stitched together. The decoration of the footwear included a dummy seam along the lengthwise axis of the toe and volute-like cuts on the external side of the foot.

The two variants of the cut of the top (symmetrical and asymmetrical) can be found on models with soles of different form i.e. straight or bent on the foot i.e. also symmetrical or asymmetrical. Neither of the variants, considering the thinness and softness of the leather, could influence greatly the comfort with which the footwear was worn. The asymmetrical sole could serve for better preservation of the form of the article.

Shoes with separate cutting of the sole and top are attributed to group I (after Oyateva). Their top is whole-cut, asymmetrical, with a high collar of which one top corner is drawn higher than the other one. Along the lower edge in the area of the heel there is a triangular slit suggesting the use of a sole with a pointed heel. The decoration includes the line of a dummy seam along the axis of the toe. Group II includes soft shoes with separate cutting

of the sole and top. The whole-cut asymmetrical top had high sides (collar) of which the upper corners were drawn higher to different extent. In the area of the heel on the lower edge there is no triangular slit suggesting the presence of the sole with a rounded heel. Taking in consideration the fragmentary state of the finds, parallel decorative slits on the sides can be considered as the most indicative features. However some of the parts with slits of this kind are possibly to be attributed to symmetrical forms of the tops of groups IV and V.

Group III seems to be the most complicated in its cut because in addition to the main part of the top it includes also an additional trapezoid one as well as strengthening covers on the lacing places. In the area of the back of the cut of the top, a triangular slit was made for in-sewing of the pointed heel of the sole. In variants of the cut and sewing, for this type of footwear, the details of the top are indicative where spiral slits are found. The differences in the cut can include the absence of additional sewn-onto elements and slits for lacing straps. However, on all the cuts of the tops there are a triangular slit in the lower edge in the area of the heel, a diagonal cut of one of the corners of the upper edge and a line of stitches of the dummy decorative seam along the axis of the toe. Besides, the spiral volutes were noted on the complete cuts of the top also on a number of scraps of the parts. These fragments possess all the features allowing us to compare them with the complete models. Therefore it can be justly considered that all the parts of the top with spiral decorative volutes are to be attributed to group III of the Ladoga footwear. Some differences in the design notable on the complete parts of the tops are supplemented by differences of the form of the volutes themselves.

The footwear with the cut decorative volutes can be considered as a characteristic feature of the collection from Staraya Ladoga. In this collection, volutes of three types are distinguishable — those in one and a half turns, in nearly one turn and in half of a turn. In the differences of the form of the volutes, the originality of the work of a particular shoemaker (shoemakers?) is recognizable in each pair of footwear. Besides, the diversity of the variants should be considered as an indication of making the shoes in Ladoga itself where the shoemakers were able to examine prototypes.

The next three groups of footwear differ from the precedent ones in the main compositional idea of the cut of the top. Group IV is characterized also by separate soles and tops. It includes a whole-cut symmetrical top where the axis of symmetry runs vertically via the middle of the heel. This axis divides the cut into a right and a left lengthwise halves. However these halves cannot be called identical in their form. The transversal cut of the toe can be considered as a distinctive feature. This form of the top, in Oyateva's opinion, must correspond to a sole with a pointed toe. Group V differs from group IV in the form of the toe of the top part which suggests the use of a sole with the rounded toe and heel. Group VI also is based on a symmetrical cut of the detail of the top with division into a right and a left lengthwise halves of the cut. The peculiarity of this type is in a cut in the area of the heel at the lower edge of the top detail indicating that it was sewn to a sole with a pointed heel. There are some top parts with a peculiar design of the instep of the foot which compose the specifics of the symmetrical cuts of the top of groups IV–VI. In these groups, sewing the two halves of the toe together suggests the position of the seam along the longitudinal axis of the shoe. However the complete top of the shoe from the excavation of 1991, shows another design of footwear where the toes on the two halves were of different width. The design of the upper edge in the area of the instep also differed.

After sewing the halves together, the seam was displaced markedly onto the external (?) side of the foot. This fact accounts for the previously unclear asymmetry of the upper edge where the tongue turns out to be placed on one half of the toe while below it there are two symmetrical slits for the tying strap. The asymmetry of the cut becomes comprehensible after a reconstruction of the model. The seam indeed is shifted onto the external side of the foot and the tongue and slits turn to be on the longitudinal axis of the article.

Shoes of groups VII and VIII show quite a specific tradition of the cut. These are whole-cut models combining elements of the sole and top in a single cut. Their specimens were encountered in single, completely preserved forms.

In 1959, part of a detail of the top of a shoe with a figured edge was found. It had a marked clasping strap at the end of which there was a slit for fixation of a leather button. Three similar buttons were preserved in situ. This find must be attributed to a separate group IX of Staraya Ladoga of the early period. Similar finds come also from excavations of 2009.

In addition to footwear there are some other leather articles in the Staraya Ladoga collection. The most common category of finds is represented by tying straps. There other items also were found: knife cases, purses, a case for a spoon and some unidentifiable objects.

CHAPTER 8
Ladoga of the 11th–15th centuries according to the sphragistic data

The sources on the history of Ladoga in the 12th–14th centuries are fairly scanty: archaeological evidence enabling the researchers to reconstruct in detail the fates of the city in the 8th — early 11th century is practically lacking for the later period; the written sources bear a disconnected information concerned only indirectly with the history of the city. In fact, the history of the mediaeval Ladoga has been vividly reflected only in sphragistic materials.

Among materials related to Ladoga there are 234 sphragistic monuments: 143 stamps imprinted with 110 pairs of dies, 27 blanks for stamps, 52 Old-Russian lead seals printed with 49 pairs of dies, 11 blanks for seals and a West-European textile seal. The artefacts known by now are divided into four chronological series each characterizing a specific period in the occupation of the city.

Series 1 (11th — early 12th century) comprises 12 stamps printed with 10 pairs of dies and one seal. These finds tell about the competition and struggle occurred in the last quarter of the 11th century between Vladimir Monomakh and his cousin Svyatopolk Izyaslavich for the political influence in Ladoga. The importance of Ladoga as the main "gate" of Rus' in the Baltic region in the struggle for the politic ascendance at the scale of the entire Russian state is obvious. In that competition, the victory evidently was left to Svyatopolk who occupied in 1093 the Grand Prince's See and got involved the Kiev metropolitan Nikolay or Nikephoros I in his Ladoga diplomacy. Having sanctioned the raid to Ladoga in 1105, Vladimir Monomakh cut the Gordian knot and ended the traditional pro-Kiev politics of the Ladoga Earldom. In fact he put an end to the earldom itself having re-subordinated Ladoga to Novgorod controlled by his elder son. Possibly, it is exactly in order to support the military-political mission of Mstislav Vladimirovich in 1105 that a letter was sent to Ladoga with an attached seal of the Novgorod archbishop Nikita exercising the ministry duties in 1096–1107.

Series 2 (12th–13th centuries) includes 58 stamps from 45 pairs of dies and 51 seals. The basis of the sphragistic series is constituted by a group of 37 stamps attached to princely messages sent regularly to Ladoga over the second half of the 12th and in the 13th century. There is a high probability of the presence of an independent princely See in Ladoga during that period. It is exactly the Ladoga princes who could have been (and probably were) the addressees of the correspondence sent to Ladoga from different nooks of the state by representatives of the dynasty ruling in Rus. Of special interest are the stamps of Yuriy Dolgorukiy, archbishop Nyphont and stamps of Novgorodian posadniks (governors). It seems that the Kievan Grand Prince and the Novgorod hierarch supporting him on the one side and Novgorod posadniks on the other, started an active struggle for Ladoga. Of note are also the arrival of documents to Ladoga validated with stamps of the Novgorodian archbishop Ilya (Ioann). The interest of Ilya-Ioann, as well as Grigoriy-Gavriil, his brother and successor at the Sophia cathedra, to Ladoga is traceable at least since the time when the brothers founded in 1170 the Annunciation monastery in Arkazhi and acted in the quality of the Annunciation shrine. It is alluring to connect the appearance of these messages in Ladoga with the activation of the anti-Suzdal policy of Novgorod. Meanwhile, this is just a guess.

The upper chronological boundary of the existence of the Ladoga Princedom is dated evidently to the period slightly earlier than 1228 AD since in that year the rule in Ladoga was executed by a posadnik (governor). Perhaps, the messages signed with seals of Yaroslav Vsevolodich, occupying the Great Vladimir See in 1238–1246, as well as the letters of his successors, bear evidence primarily on the preservation of the interest to Ladoga from the side of the Vladimir Grand Princes.

One of the most representative groups of seals discovered in Ladoga comprises 14 seals of type II/2. The presence in Ladoga of these seals tells only about the inclusion of the city into the common Russian economic space united by a credit monetary circulation.

Among the princely signs on Ladoga seals, the group of two-pronged forks belonging to the Smolensk princes decidedly predominates. Among the seals of Princes' governors, one undoubted and, presumably, other two belong to the functionaries representing Rostislav Mstislavich of Smolensk who thrice, in 1154, 1159–1161 and 1161–1167, occupied the Great Kievan See. Evidently, in these years, the governing in Ladoga was executed by Grand Prince's administration. In different periods there were in Ladoga also posadniks representing princes of other branches of the descendents of Vladimir the Saint.

Series 3 (late 13th — early 15th century) comprises 35 seals from 32 pairs of dies. The base of the series is constituted by seals belonging to Ladoga namestniks. Initially, Ladoga namestniks were personal representations of the Novgorod archbishop. In the beginning of the 15th century, the mention of the Novgorod hierarch disappears from namestniks' seals that indicates that the Ladoga namestniks were removed from the jurisdiction of the Novgorod archbishop. In the 15th century, the sphragistic regalia of Ladoga namestniks become a personal one.

In the late 13th century, a letter signed with a seal of Prince Dmitry Aleksandrovich was received in Ladoga. Possibly this message was called forth by the appearance of a new administration in Ladoga — Archbishop's government. It is however not excluded that the letter was sent to Ladoga on the height of the Koporye conflict between Dmitry and the Novgorodians. Still another Grand Prince's seal signed the letter of the Moscow Grand Prince Ivan Ivanovich Krasny.

No. seals of Ladoga namestniks have survived for us from the time of the post of Feoktist who occupied the Sofia cathedra in the years following the death of Kliment. But in Ladoga, a seal belonging to the hierarch himself was found. It cannot be ruled out that the message of Feoktist was connected with the demand of Ladoga functionaries to grant them additional powers.

The seal of the Prince Roman Mikhaylovich Belozersky, who was a representative of Yury Danilovich of Moscow, found in Ladoga, suggests that Roman Belozersky was a sluzhilyi (serving) prince who was bestowed Ladoga for the time of his service. Probably this took place in 1322–1325 when Yury Danilovich exercised duties of the Novgorod Prince.

Of the principal importance for understanding the historical fates of Ladoga in the middle and the second half of the 14th century are fragments of seals attributed to Narymunt (baptized Gleb), the son of the Grand Duke of Lithuania Gediminas and to Patrikas, a son of Narymunt. These finds confirm the information of chronicles about the interrelations between Novgorod and Lithuania in the middle and second half of the 14th century.

Finds of Novgorod personal seals of the late 13th — early 15th century without a designation of the post bear evidence that the boyar magistrates of Novgorod had under control the second largest city in the Novgorod State. In the 14th century, also documents signed with seals of Novgorodian governmental functionaries appear in Ladoga.

The appearance in Ladoga of a document signed by the Novotorzhok archiepiscopal namestnik of the time of the office of Archbishop Alexiy probably should be explained by the contacts between the two official structures of Novgorod representing the legal power in regions.

Series 4 (15th century) comprises 28 seals from 21 pairs of dies. The basis of the series includes seals of Novgorodian functionaries of different ranks. "Seals of Novgorod" (Nos. 29–31) and "seals of Veliky Novgorod" (Nos. 32–35) belonged to members of the Council of the Lords of Veliky Novgorod' (*Янин* [*Yanin*] 1970, vol. 2: 126–132). The receipt of documents signed with these seals in Ladoga confirms the entry of the city into the composition of the Novgorod republic. The same is evidenced through the arrival to Ladoga of messages signed by the supreme boyar magistrates of Novgorod — posadniks Semeon Vasilyevich and Aleksandr Fominich. Of no surprise is also the presence in Ladoga of documents signed by Novgorodian functionaries of the middle level — a republican tiun (manager) and a merchants' elder: the tiun evidently was executing official duties in Ladoga while merchants' elder can have had (and undoubtedly had) merely economical interests here.

Rather curious is the find of a seal attributed to the Novgorod Yuryev Monastery. It is not ruled out that merely property interests of the monastery could have existed in Ladoga which was one of the largest landowner of Novgorod. However the relation of the document signed by the seal under consideration to activities of the Novgorod archimandrite seems more plausible. The latter was the head of the Novgorodian regular clergy and the Yuryev Monastery was his residence.

The appearance of a document signed with the seal of the Dvina vicegerent (namestnik) in Ladoga, most probably, is to be explained through contacts between the two official bodies of the Novgorod state representing the regional power. The documents signed with the seals of functionaries of the Moscow Grand Princes' administration almost undoubtedly were sent to Ladoga from outside.

The unique sphragistic complex from excavations in Staraya Ladoga. Among the Ladoga monuments of sphragistics, a special place is held by the finds yielded by excavations in 2006, 2007 and 2011. During these three field seasons, 101 artefacts of Russian mediaeval sphragistic were found: 52 stamps, 24 blanks for stamps, 20 seals and 5 blanks for seals. The predominant number of stamps (50 of 52) are dated to within the range from the turn of the 11th–12th century to the middle of the 13th century. Evidently, the arrival of documents signed with seals found in the course of the excavations of 2006–2007 and 2011 was diminished not later than the turn of the 13th–14th centuries and it took place according to the tendencies differing from those of the formation of the rest of the collection of the Ladoga sphragistic finds.

It is alluring to consider the revealed sphragistic complex as "archives" like the so-called "archives" of the sphragistic complexes from excavations in Dovmont's Town in Pskov or Gorodishche near Novgorod. However the Ladoga complex had an important peculiarity distinguishing it both from the Novgorod and Pskov "archives". Here we are dealing with numerous blanks which constitute about a third of the total number of the sphragistic finds found in excavations and the half of the quantity of finds of official seals (Table 8.2). A complete analogue of the Ladoga collection is presented by the complex of the office of a local strategian investigated by excavations at Preslav (Bulgaria, 971–1088). Therefore it seems that the sphragistic complex revealed during excavations of 2006–2007 and 2011 at Zemlyanoye Gorodishche of Staraya Ladoga shows traces of the office-work of the managing body functioning in Ladoga in the 12th–13th centuries. It is possible that this managing body was a princely office at Ladoga of the pre-Mongol period.

List of illustrations

Fig. B.1. Staraya Ladoga.
Fig. B.2. Sopka of the 9th–10th century (so-called Oleg's Grave).
Fig. B.3. The upper layer of structures uncovered by N. I. Repnikov in 1912.
Fig. B.4. V. I. Ravdonikas with schoolchildren from the city of Tikhvin in Staraya Ladoga. Photo of 1958.
Fig. B.5. Directors of the Staraya Ladoga Archaeological Expedition (SAE). From left to right: E. A. Ryabinin, E. N. Nosov, A. N. Kirpichnikov, V. P. Petrenko. Photo of 1973.
Fig. B.6. Directors of the Staraya Ladoga Archaeological Expedition. From left to right: E. A. Ryabinin, O. I. Boguslavskiy, A. N. Kirpichnikov, V. A. Nazarenko. Photo of 1999.
Fig. B.7. Composite plan of excavations at Staraya Ladoga Zemlyanoye Gorodishche from 1911 until present. Compiled by N. V. Grigor'yeva. *1* — 1911–1913 (N. I. Repnikov); *2* —1938–1940, 1945, 1947–1950, 1957–1959 (V. I. Ravdonikas); *3* — 1973–1975, 1981–1985 (E. A. Ryabinin)*; 4* — 1984–1991 (A. N. Kirpichnikov); *5* — 1992–1998 (A. N. Kirpichnikov); *6* — 1999–2005 (A. N. Kirpichnikov)*; 7* — 2006–2010 (A. N. Kirpichnikov); *8* — 2011–2013 (A. N. Kirpichnikov); *9* — *from* 2016 until present (V. A. Lapshin); *10* — Church of St. Clement excavated in 1912–1913 (N. I. Repnikov), 1938–1940 (V. I. Ravdonikas), 1979 (P. A. Rappoport, L. N. Bol'shakov).

Fig. 1.1. Excavation in 1938, south-eastern sector. Remains of the flooring uncovered under the floor of a dwelling log-house in its central area (Scientific Archives of IIMK RAS. Photographic Department. O.1601-21).
Fig. 1.2. Excavation in 1940, control section-ditch throughout the accumulation of stones in the structure uncovered in the north-western sector (Scientific Archives of IIMK RAS. Photographic Department. O.1601-39).
Fig. 1.3. Staraya Ladoga, 1940. View at the excavation at Zemlyanoye Gorodishche. Photo by P. A. Rappoport (Scientific Archives of IIMK RAS. Photographic Department. O.3378-35).
Fig. 1.4. V. I. Ravdonikas. 1920s.
Fig. 1.5. G. P. Grozdilov. 1930s.

Fig. 2.1. Sheets of the manuscript by G. F. Korzukhina of 1969 (Scientific Archives of IIMK RAS. Manuscript Department. Group 77. №. 69. Sheets. 1, 2, 18).
Fig. 2.2. Composite plan of building periods of horizon E_3 after G. F. Korzukhina (Scientific Archives of IIMK RAS. Archive Group 77. № 70. Sheet 1).

Fig. 3.1. Site of the excavation in 1938–1940 within the area investigated by N. I. Repnikov and V. I. Ravdonikas. The limits are presented after G. F. Korzukhina (Scientific Archives of IIMK RAS. Group 77. № 70).
Fig. 3.2. The grid of excavation squares in excavations in 1938–1940 conducted by V. I. Ravdonikas. 1 — Common grid of squares of 1938–1940 with the corrected numbering accepted in 1939; 2 — grid of squares of the excavation in 1938 with the numbering accepted in 1938.

Fig. 3.3. "Stratigraphic pillar" near picket Ж1: stratigraphy of the deposits. Square numbering accepted in 1938 (field drawing of 1938) (Scientific Archives of IIMK RAS. P-1. № 1360. Sheet 00).

Fig. 3.4. Section of the northern edge of the excavation in 1938 along line 4 at area $З_4$–$И_4$–$К_4$ (detailed copy of a field drawing) (Scientific Archives of IIMK RAS. P-1. № 1360. Sheet 00). Square numbering of 1938 г. *1* — construction debris (chippings, flagstone, bricks); *2* — modern turf; *3* — flagstone and cobbles; *4* — intensely coloured humus-containing cultural layer; *5* — intercalations of wood splinters; *6* — dung; *7* — pure white sand; *8* — bones; *9* — wood.

Fig 3.5. Section of the upper deposits in the excavation in 1938–1939 along line А2—Л2. Clean drawing of 1939 (Scientific Archives of IIMK RAS. P-1. № 1367. Sheet 43).

Fig. 3.6. Plan of horizon Г and burials of the lower stratum in the excavation in 1939. Clean drawing of 1939 (Scientific Archives of IIMK RAS. P-1. № 1365. Sheet 1) (the original caption: "Horizon of the 14th–15th century. Remains of wooden structures and stone foundations ").

Fig. 3.7. Remains of buildings of horizon Г covering the burials of the lower layer in the excavation in 1938. Grid of squares of 1939. Field drawing, unfinished copy. Scientific Archives of IIMK RAS, P-1, № 1360. Sheet 00).

Fig. 3.8. The same. Field drawing (Scientific Archives of IIMK RAS. P-1. № 1360. Sheet 12).

Fig. 3.9. Burials nos. XXVIII and XXIX with fences. excavations in 1939. Clean drawing of 1939, a detail (Scientific Archives of IIMK RAS. P-1. № 1362. Sheet 1).

Fig. 3.10. Grave which cut through a structure of horizon Д in square $А_6Б_6Б_7В_7$. Upper level. Field drawing of 1940. (Scientific Archives of IIMK RAS. p-1. № 1368. Sheet 00).

Fig. 3.11. Grave which cut through a structure of horizon Д in square $А_6Б_6Б_7В_7$. Lower level. Field drawing of 1940. (Scientific Archives of IIMK RAS. p-1. № 1368. Sheet 00).

Fig. 3.12. Uncovered burial which cut through structure in horizon Д in square $А_{6-7}Б_{6-7}$. Scientific Archives of IIMK RAS. Photographic Department. О.1601-48.

Fig. 3.13. Coffin (*domovina*) with an accessory for carrying. After: Сагайдак 1991: 98–99, Fig. 54.

Fig. 3.14. Value of the nasomalar angle of individuals from graves at different depths: *а* — depth higher than the average; *б* — depth lower than the average.

Fig. 3.15. Distribution of groups in space I and II КВ. *а* — rural and urban groups of Old Rus; *б* — groups of Western and Northern Europe; *в* — Balts; *г* — Finns. The numbers of the groups in the drawing correspond to Table 3.10.

Fig. 3.16. Clusterization of the Mahalanobis distances matrix with correction for the population size. Groups from Eastern, Western and Northern Europe.

Fig. 4.1. Staraya Ladoga. Site plan of the excavations on the left bank of the Ladozhka River. *1* — excavations; *2* — modern buildings.

Fig. 4.2. Excavation in 2014. Individual finds from the layer of brown humus near the virgin soil. Glass beads: *1* — SAE-14 ВУ № 6; *2* — SAE-14 ВУ № 7; *3* — SAE-14 ВУ № 10; *4* — SAE-14 ВУ № 9; *5* — SAE-14 ВУ № 19; *6* — SAE-14 ВУ № 17; *7* — SAE-14 ВУ № 14; *8* — SAE-14 ВУ № 8; *9* — SAE-2014 ВУ № 20.

Fig. 4.3. Excavation in 2014. Handmade pottery from virgin-soil pit no. 4 (SAE-15 ВУ № 26–32).

Fig. 4.4. General view of the excavation in 2015 prior to excavation. View from north-north-east.

Fig. 4.5. General view of the excavation in 2015 after removing of the ballast layer. View from east.

Fig. 4.6. General plan of the excavation in 2015. I — Western area of the excavation. Cultural layer of the Neolithic epoch. II — Central area of the excavation. Re-dug layer. III — Eastern area of the excavation. Cultural deposits of the late Middle Ages to modern period. A — Concrete pavement near house 9 in Varyazhskaya Str. Keys (for the figure in Chapter 4): *1* — dark-grey mixed sandy loam with brown humus and decayed wood; *2* — gravel; *3* — boulders; *4* — limestone; *5* — bricks; *6* — brickbats; *7* — wood; *8* — turf; *9* — yellow sand; *10* — drainage wells; *11* — wood splinters; *12* — dense light-grey sandy loam with stones and decayed organics;

13 — loose brown mixed sandy loam with construction debris; *14* — grey mixed sandy loam; *15* — red-brown mixed clay; *16* — brown humus with decayed wood and small pieces of charcoal; *17* — mixed white clay with brick crumbs and fine pieces of charcoal; *18* — yellow humic coarse sand with broken limestone; *19* — charcoal-containing layer; *20* — loose light-brown sandy loam with decayed wood; *21* — heterogeneous sandy loam with construction debris and pieces of stone; *22* — mixed humic white sand; *23* — mixed brown humus with decayed wood and wood splinters; *24* — mixed white clay with brown humus; *25* — brown loam; *26* — charcoal; *27* — spots of dendro-sampling.

Fig. 4.7. Radiocarbon dates of the Neolithic layer.

Fig. 4.8. Eastern sector of the excavation in 2015. Horizon 6.

Fig. 4.9. Horizon 6. Finds from the addition onto the river bank: *1* — spoon-pendant (SAE-15 ВУ No. 1223); *2* — fragment of a spoon (SAE-15 ВУ No. 1079); *3* — single-sided comb (SAE-15 ВУ No. 1078); *4* — mount (SAE-15 ВУ No. 1049); *5* — pendant amulet *Thor's hammer* (SAE-15 ВУ No. 926); *6* — fragment of the case for single-sided comb (SAE-15 ВУ No. 1081); *7* — fragment of a temple ring (SAE-15 ВУ No. 1060); *8–13* — beads (SAE-15 ВУ No. 1066; 1065; 1043, 1040, 1034; 1039); *14–15* — spacer-beads (SAE-15 ВУ No. 1033, 1045). *1* — wood; *2–4*, *6* — horn; *5* — iron; *7* — copper alloy; *8–15* — glass.

Fig. 4.10. Horizon 6. Pottery: *1* — fragment of the rim of a white-ware pitcher, 3 — fragment of a handle of a white-ware pitcher, *2, 4, 6–10* — fragments of rims of handmade pottery.

Fig. 4.11. Horizon 6. Wheel-made pottery.

Fig. 4.12. Everyday use metal articles 6 (3–6, 8, 10), 4–5 (1–2, 7, 9, 11–12), 3 (13): *1–2, 4–6* — knives (SAE-15 ВУ No. 836, 801, 1113, 976, 873); *3* — tanged dart-head (SAE-15 ВУ No. 928); *7* — fragment of scissors (SAE-15 ВУ No. 746); *8* — fragment of a padlock of type A (SAE-15 ВУ No. 1122); 9 — key for a padlock of type Д or E (SAE-15 ВУ No. 872); *10* — fragment of a mount (SAE-15 ВУ No. 870); *11* — fragment of the edge of an axe (SAE-15 ВУ No. 515); *12* — hook (SAE-15 ВУ No. 869); *13* — fragment of a chain of two links (SAE-15 ВУ No. 1053). *1–7*, *10–13* — iron; *8–9* — iron, copper alloy.

Fig. 4.13. Eastern sector of the excavation in 2015. Horizon 5.

Fig. 4.14. Eastern sector of the excavation in 2015. Horizon 4.

Fig. 4.15. Horizon 3. Finds of bone, non-ferrous metals, stone and glass: *1* — double-sided comb (SAE-15 ВУ No. 353); *2–3, 5–6* — cross-pendants (SAE-15 ВУ No. 773, 777, 550, 575); *4* — needle (SAE-15 ВУ No. 494); *7* — signet-ring with a representation of a bird on the bezel (SAE-15 ВУ No. 541); *8* — fragment of unworked amber (SAE-15 ВУ No. 501); *9* — belt tip (SAE-15 ВУ No. 885); *10* — back of a knife handle (SAE-15 ВУ No. 562); *11* — discoid weight (SAE-15 ВУ No. 478); *12* — bead (SAE-15 ВУ No. 601). *1–4* — bone; *5* — copper alloy, colour enamel; *6–7* — copper alloy; *8* — amber; *9, 11* — tin-lead alloy; *12* — glass.

Fig. 4.16. Metal articles of everyday use from horizons 2 (1, 5–8, 10–11), 1 (2), 4 (fill of a well — 3, 4, 9). *1–3, 7* — knives (SAE-15 ВУ No. 1239, 2, 1048, 481); *4* — fragment of a key (?) (SAE-15 ВУ No. 1225); *5* — mount with an aperture decoration (SAE-15 ВУ No. 464); *6* — fragment of a chest hinge (SAE-15 ВУ No. 421); *8* —chest swivel hinge (SAE-15 ВУ No. 482); *9* — padlock of type E (SAE-15 ВУ No. 1224); *10–11* — fragments of sickles (SAE-15 ВУ No. 334, 333). *1–2, 4–8, 10–11* — iron; 3, 9 — iron, copper alloy.

Fig. 4.17. Horizons 3–5. Wheel-made pottery: *1* — rim of a black-polished pitcher; *2–10* — greyware pots. *1, 6, 7, 9, 10* — horizon 3; *8* — horizon 4; *4–5* — horizon 4 (fill of a drainage well); *2–3* — horizon 5.

Fig. 4.18. Horizons 3–4. Wheel-made pottery: *1–2, 4–6, 7–10, 12–14* — horizon 3; *3, 11* — horizon 4.

Fig. 4.19. Eastern sector of the excavation in 2015. Horizon 3.

Fig. 4.20. Horizon 3. Metal articles of everyday use: *1–6* — knives (SAE-15 ВУ No. 759, 510, 420, 1054, 452, 461); *7* — fire striker (SAE-15 ВУ No. 933), *8* — fragment of a sickle (SAE-15 ВУ

No. 486); *9* — hammer with an oblong head (SAE-15 BY No. 497); *10* — *kochedyk* (tool for weaving) (SAE-15 BY No. 493); *11* — padlock (SAE-15 BY No. 549); *12* — hoop of a lock of type E (SAE-15 BY No. 638); *13* — fragment of a pin (SAE-15 BY No. 1056); *14* — back of a knife handle (SAE-15 BY No. 944); *15–16* — boot tips (SAE-15 BY No. 485, 488). *1, 3, 11–12, 14* — iron, copper alloy; *2, 4–10, 13, 15–16* — iron.

Fig. 4.21. Eastern sector of the excavation in 2015. Horizon 1.

Fig. 4.22. Horizon 1. Finds: *1–2* — fragments of the chibouks of smoking pipes (SAE-15 BY No. 120, 126); *3* — fragment of the stem of a smoking pipe (SAE-15 BY No. 447); *4* — belt mount (SAE-15 BY No. 480); *5* — buckle (SAE-15 BY No. 365); *6* — handle of a small chest (SAE-15 BY No. 490); *7–8* — coins of 1731 (SAE-15 BY No. 132) and 1874 (SAE-15 BY No. 584). *1–3* — pottery; *4–8* — copper alloy.

Fig. 4.23. Eastern sector of the excavation in 2015. Profiles of the western, northern, eastern and southern edges.

Fig. 4.24. Excavation 2 in Varyazhskaya (Varangian) Str. (2015). The spot of taking samples in square 262 for palynological analysis (vertical dashes) and for combined analyses (anthracology, chemical composition, radiocarbon dating — black rectangles).

Fig. 4.25. Calibrated date (Ki-18089). SAE, BY-2014. Tillage horizon, charcoal.

Fig. 4.26. Calibrated date (Ki-18100). SAE, BY-2015, square 262 (–200 cm).

Fig. 4.27. Neolithic pottery, vessel 1 (*1* — SAE-15 BY No. 313; *2* — SAE-15 BY No. 335; *3* — SAE-15 BY No. 311; *4* — SAE-15 BY No. 208; *5* — SAE-15 BY No. 361).

Fig. 4.28. Neolithic pottery, vessel 1. *1* — SAE-15 BY No. 311; *2* — SAE-15 BY No. 313; *3* — SAE-15 BY No. 335; *4* — SAE-15 BY No. 208; *5* — SAE-15 BY No. 361; *6* — SAE-15 BY No. 443; *7* — SAE-15 BY No. 216.

Fig. 4.29. Neolithic pottery, vessel 2 (SAE-15 BY No. 186).

Fig. 4.30. Neolithic pottery, vessel 3 (SAE-15 BY No. 167).

Fig. 4.31. Neolithic pottery: *1–3* — vessel 5 (*1* — SAE-15 BY No. 219; *2* — SAE-15 BY No. 914; *3* — SAE-15 BY No. 238); *4* — vessel 4 (SAE-15 BY No. 162).

Fig. 4.32. Neolithic pottery, vessel 7 (*1* — SAE-15 BY No. 198; *2* — SAE-15 BY No. 433; *3* — SAE-15 BY No. 359; *4* — SAE-15 BY No. 342).

Fig. 4.33. Stone artefacts from the Neolithic cultural layer. *1–3, 8–9, 12* — retouched flakes (SAE-15 BY No. 229, 309, 367, 174, 144, 223); *4–7* — fragments of blades with retouch SAE-15 BY No. 294, 399, 191, 260); *10* — blade (SAE-15 BY No. 158A); *11* — nucleus (SAE-15 BY No. 150). Flint.

Fig. 4.34. Stone artefacts from the Neolithic cultural layer: *1–2* — fragments of amber (SAE-15 BY No. 101, 103); *3* — pendant (SAE-15 BY No. 943); *4* — drawknife (SAE-15 BY No. 306); *5, 11* — knives (SAE-15 BY No. 242, 164); *6* — borer SAE-15 BY No. 202); *7* — fragment of an adze (SAE-15 BY No. 173); *8–9*, *12* — blanks (SAE-15 BY No. 363, 320, 195); *10* — scraper (SAE-15 BY No. 254). *1–2* — amber, *4–6*, *8–12* — flint, *7* — chert.

Fig. 4.35. Stone artefacts from the Neolithic cultural layer. *1* — pendant (SAE-15 BY No. 943); *2* — fragment of an adze SAE-15 BY No. 173); *3* — blank (SAE-15 BY No. 320); *4* — scraper (SAE-15 BY No. 254); *5* — knife (SAE-15 BY No. 164). *1* — limestone (?), *2* — chert, *3–5* — flint.

Fig. 4.36. Stone artefacts from the cultural layer of the Middle Ages and modern period. *1, 7* — fire-striker flints (SAE-15 BY No. 309, 506); *2–6* — gun flints (SAE-15 BY No. 587, 574, 499, 298, 546). Flint.

Fig. 4.37. Stone artefacts from the cultural layer of the Middle Ages and modern period. *1, 3, 5, 8* — retouched flakes (SAE-15 BY No. 280, 323, 604, 273); *2* — retouched blade (SAE-15 BY No. 1183); *4* — borer (SAE-15 BY No. 368); *6, 9* — knives (SAE-15 BY No. 379, 384); *7* — scraper-drawknife (SAE-15 BY No. 403). Flint.

Fig. 4.38. *1–6* — Lance heads. *1–4* — excavations in 2015, *5–6* — excavations in 2013. *1* — SAE-15 BY No. 460; *2* — SAE-15 BY No. 239; *3*— SAE-15 BY No. 425; *4* — SAE-15 BY No. 483;

5 — СЛМ КП-99155/30, А — 23634; *6* — СЛМ КП-99155/35, А — 23639; *7*— 'Spanish Y-shaped sticks' composed of half-lances and oblong faceted wooden rods with cross-shaped apertures. Fragment of Henry Hexham's engraving, 1642 (After: De Groot, 2017). *1–6* — Iron.

Fig. 4.39. *1* — Spear head (SAE-15 BУ No. 61); *2* — mechanism of fixation of a cavalry carbine to shoulder belt. England, 1640s–1650s (After: Blackmore, 1990); *3* — gun screwdriver /fire-striker (SAE-15 BУ No. 745); *4* — fragment of a mechanism of fixation of a cavalry carbine to shoulder belt (SAE-15 BУ No. 937); *5* — fragment of the blade of a battle knife (SAE-15 BУ No. 477); *6–7* — buckles (saddle-girth ?) (SAE-15 BУ No. 125, 353). *1, 3–7* — Iron.

Fig. 4.40. *1–7* — Gun flints (SAE-15 BУ No. 499, 1244, 298, 574, 588, 697, 546); *8–9* — bullets (SAE-15 BУ No. 731, 1057); *10* — angle binding of a trapezoid powder flask (SAE-15 BУ No. 968); *11* — trapezoid powder flask with concave sides. Germany, first half of the 17th century (general view and angle binding) (After: Lugs, 1977). *1–7* — Flint, *8–9* — lead, *10* — iron.

Fig. 4.41. *1, 5* — Fragments of horseshoes of type I (SAE-15 BУ No. 424, 473); *2* — horseshoe of type II (SAE-15 BУ No. 418); *3* — tongue of a buckle (saddle-girth ?) (SAE-15 BУ No. 850); *4* — fragment of a link of a horse-bit (SAE-15 BУ No. 643); *6* — buckle (saddle-girth ?) (SAE-15 BУ No. 276). Iron.

Fig. 5.1. Staraya Ladoga and its surroundings. Scheme of the location of major archaeological sites: *1* — mediaeval cultural layer, *2* — survived *sopki* (tumuli), *3* — unsurvived *sopki*, *4* — barrows, *5* — flat-grave cemeteries, *6* — temples (after: Рябинин, Дубашинский 2002: 197, Fig. 1).

Fig. 5.2. Fortified settlement-site of Lyubsha. Instrumental topographic plan of the site with contours of the excavations 1997–2001. Author A. V. Dubashinskiy. The main horizontal lines spaced 0.5 m.

Fig. 5.3. Fortified settlement-site of Lyubsha. Dynamics of investigation of the area of excavation II, sectors 1–2. *1* — excavations in 1997; *2* — excavations in 1998; *3* — excavations in 1999; *4* — excavations in 2000; *5* — excavations in 2001.

Fig. 5.4. Fortified settlement-site of Lyubsha Excavation II, sectors 1–2. 1998. Composite plans of stratigraphic sections of the embankment, its floor side and internal piled part. Keys to the figure in Chapter 5: *1* — dark-grey homogeneous sandy loam; *2* — traces of tillage; *3* — trees; *4* — yellow humic sandy loam; *5* — fragments of wheel-made pottery; *6* — loose grey humus with debris of slabs; *7* — green clay with debris of limestone slabs; *8* — reconstructed limits of the complexes; *9* — removed dig-over layers; *10* — yellow sandy loam; *11* — re-dug layer; *12* — podzol soil and turf; *13* — charred wood; *14* — dark-grey humus with charcoal, ashes and bones; *15* — limestone slabs; *16* — black humus with charcoal, ashes and fish bones; *17* — red-brown sandy loam; *18* — charcoal; *19* — virgin soil; *20* — boulders; *21*— fragments of handmade pottery and their accumulations.

Fig. 5.5. Fortified settlement-site of Lyubsha. Excavation II, sector 2. 1998. Section of the embankment and its floor part. Plan of the excavation at the level of the virgin soil and objects uncovered there.

Fig. 5.6. Fortified settlement-site of Lyubsha. Excavation II, sector 1. 1998–2001. Composite plans of the transversal stratigraphic sections of the embankment from the side of the dwelling area of the settlement.

Fig. 5.7. Fortified settlement-site of Lyubsha. Excavation II, sector 1. 1998–1999. Composite plans of the stratigraphic sections of the cultural deposits in the central area of the excavation in the territory of the dwelling area of the settlement.

Fig. 5.8. Fortified settlement-site of Lyubsha. Excavation II, sector 1. 1999–2000. Composite plans of the stratigraphic sections of the cultural deposits in the central and south-western part in the territory of the dwelling area of the settlement.

Fig. 5.9. Fortified settlement-site of Lyubsha. Excavation II, sector 1. 2000. Traces of ancient tillage over the virgin soil. Square 40–41.

Fig. 5.10. Fortified settlement-site of Lyubsha. Excavation II, sector 1. 1997–2001. Composite plan of the excavation over the horizon of broken limestone slabs.
Fig. 5.11. Fortified settlement-site of Lyubsha. Excavation II, sector 1. 1997–2001. Composite plan of the excavation at the level of the virgin soil and complexes and objects there revealed.
Fig. 5.12. Fortified settlement-site of Lyubsha. Excavation II, sector 1. 1999, 2001. Composite plans of stratigraphic sections of the fill of complex no. 2 and cultural deposits over it in the added fill in the territory of the dwelling area of the settlement.
Fig. 5.13. Fortified settlement-site of Lyubsha. 1970–1972 . Drawing of the construction pit of a surface building revealed by V. P. Petrenko in the south-eastern sector of the dwelling area of the settlement (after: Петренко, Шитова 1985).
Fig. 5.14. Fortified settlement-site of Lyubsha. Excavation II, sector 1. 1998, 2001. Composite plans of stratigraphic sections of the fill of complex no. 3 under the embankment and cultural deposits in the north-eastern sector of the dwelling area of the settlement.

Fig. 6.1. Plan of the excavations of a manufacturing complex at Zemlyanoye Gorodishche. 1973–1975: *1* — kiln structure, *2* — boulder-anvil; *3* — pillars of the smithy; *4* — metalwork shop; *5* — hoard of tools; *6* — quenching water basin; *7* — oven for melting non-ferrous metals (after: Рябинин, Коротенко 2003, Fig. in page 98).
Fig. 6.2. Smithy and jewellery workshop. *1* — kiln structure and an anvil of the 8th century, 1975; *2* — ritual scoop; *3* — find of smithy and jewellery tools (after: Рябинин, Коротенко 2003, figure in page 96).
Fig. 6.3. Tools from the manufacturing complex of the 8th century: *1–5, 8* — pincers, *6, 7* — rods with pointed ends (awls or borers ?), *9–11* — jeweller's hammers; *12, 13* — chisels; *14* — fragment of a rod of quadrangular section (after: Рябинин, 1985, Fig. 21).
Fig. 6.4. A tool from the manufacturing complex of the 8th century: *1* — anvil, *2* — jeweller's scissors, *3–4* — draw die, *5* — discoid blade, *6–7* — drills, *8* — a blade with narrowing ends terminated with bent spiral volutes, a hole in the centre (after: Рябинин 1985, Fig. 22).
Fig. 6.5. Remains of ironworking from the manufacturing complex of the 8th century: *1–4* — boat rivets and their fragments; *5* — nail; *6* — angle binding; *9*— arrowhead; *10–12* — blades of knives and blanks (iron blades, rods, wire) (after: Рябинин, 1985, Fig. 24).
Fig. 6.6. Composite bone combs of Scandinavian-Frisian types. Late 8th–9th century (after: Рябинин, Коротенко 2003, figure in page 117).
Fig. 6.7. Bone combs. 9th — early 11th century. *1, 2* — Excavations conducted by A. N. Kirpichnikov, *3–5* — excavations headed by V. P. Petrenko (after: Кирпичников, Сарабьянов 2013, figure in page 64).
Fig. 6.8. Excavation in Varyazhskaya (Varangian) Str. Articles from bone and horn. Single-sided composite horns of group I (after O. I. Davidan): *1, 2* — type 1-в; *3* — type 1-г; *4* — type 2-б; *5* — type 2-в; *6, 7* — unidentified type (after: Иванова И., Иванова Н. 2012, Fig. 2).
Fig. 6.9. Excavation in Varyazhskaya (Varangian) Str. Articles from bone and horn. Single-sided composite horns of group II (after O. I. Davidan): *1–4* — type 1; *5–18* — type 2; *17, 20* — fragments of combs of an unidentified type (after: Иванова И., Иванова Н. 2012, Fig. 3).
Fig. 6.10. One-piece single-sided and double-sided combs: *1* — single-sided with a carved back; *2–4, 8* — one-piece combs; *5–7* — composite combs; *9* — boxwood comb (after: Иванова И., Иванова Н. 2012, Fig. 4).
Fig. 6.11. Excavation in Varyazhskaya Str. Articles from bone and horn. Pins and points (after: Иванова И., Иванова Н. 2012, Fig. 6).
Fig. 6.12. Combs with metal mounts from Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga: *1, 2* — fragment of a metal mount of a comb from excavations in 2016 (photo and detailed drawing): *а* — survived element of engraving (magnified 2 times); *б* — niello pattern (magnified

2 times); copper alloy; *3* — comb from excavations in 1948; horn, copper alloy (after: Горлов, Григорьева 2017, Fig. 2).

Fig. 6.13. Beads from glass and amber of the late 8th–10th century: *1* — dark-green glass; *2–3* — amber (after: Рябинин, Коротенко 2003).

Fig. 6.14. Zemlyanoye Gorodishche. Articles from brass, tin, gold, glass and amber from a workshop of the second half of the 9th century. Detailed drawing of an oval-convex brooch with some reconstructed elements (after: Кирпичников, Сарабьянов 2013: 86).

Fig. 6.15. Mica-schist mould for casting ingots. Staraya Ladoga. Zemlyanoye Gorodishche. Excavations in 2002. (after: Кирпичников, Ениосова 2004, Fig. 1).

Fig. 6.16. Zemlyanoye Gorodishche. Wastes from casting and jewellery manufacture from the horizon of the use of the large building of the second or third quarter of the 10th century: *1–11* — casting moulds, clay; *12–20* — fragments of cylindrical and cone-shaped crucibles with high walls (after: Григорьева 2017).

Fig. 6.17. Zemlyanoye Gorodishche. Wastes from casting and jewellery manufacture from the horizon of the functioning of the large building of the second — third quarter of the 10th century: *1–27* — fragments of crucibles, ceramics (after: Григорьева 2017, Fig. 1*б*).

Fig. 6.18. Clay mould from Zemlyanoye Gorodishche. Excavations in 1940 (after: Плохов, 2004, Fig. 1).

Fig. 6.19. Embossed ornaments and tools for their manufacture. *1, 5, 8, 9, 12* — Lyubsha hillfort; *2* — Truvor hillfort, Izborsk; *4* — Petersberg; *3, 6, 7* — Biskupie; *10* — Kunszéntmarten; *11* — Békéscsaba; *13* — Jakuszowice; *14* — Fortifed settlement on the Syas. *1, 3, 4, 6, 7, 10, 12–14* — copper alloy; *2* — stone; *5, 8, 9* — silver on lead-tin substrate; *11* — gilded bronze (after: Щеглова 2004, рис. 2).

Fig. 7.1. Ryurik Gorodishche. Model of footwear from excavations in 1994.

Fig. 7.2. Ryurik Gorodishche. Cut of footwear from excavations in 1994. Keys to the figure in Chapter 7: *1* — exterior and interior cut edges; *2* — secondary cutting of a part; *3* — rupture of the edge of a part; seams; *4* — reach-through seam; *5* — turned-out; *6* — stitch; *7* — "over the edge"; *8* — "blind" or false seam.

Fig. 7.3. Staraya Ladoga. Excavation in 1947 (State Hermitage, custody index «Л»). *1* — No. 1993; *2* — No. 1199; *3* — No. 1813; *4* — No. 1982; *5* — No. 1982; *6* — No. 1993; *7* — No. 1993; *8* — No. 1448; *9* — No. 1907; *10* — No. 1822; *11* — No. 1993; *12* — No. 1993; *13* — No. 1993; *14* — No. 1655; *15* — No. 2698/380; *16* — No. 2698/380.

Fig. 7.4. Staraya Ladoga. Excavation in 1947 (State Hermitage, custody index «Л»). *1* — No. 63, 2698/381; *2* — No. 63, 2698/381; *3* — No. 994–996; *4* — No. 1408; *5* — No. 1408; *6* — No. 1408; *7* — No. 1448; *8* — No. 1813; *9* — No. 1982; *10* — No. 1993; *11* — No. 1813; *12* — No. 1564; *13* — No. 1408; *14* — No. 1448; *15* — No. 1907; *16* — No. 1435; *17* — No. 1408; *18* — No. 1279; *19* — No. 1191; *20* — No. 1125; *21* — No. 1515; *22* — No. 1876; *23* — No. 1876; *24* — No. 1900; *25* — No. 1366; *26* — No. 1490; *27* — No. 1490; *28* — No. 1490; *29* — No. 1515.

Fig. 7.5. Staraya Ladoga. Excavations in 1947 (2), 1950 (3 — 9, 12) and 1959 (1, 10–11, 13–15). *1* — ЛДГ No. 119; *2* — Л No. 1993; *3* — ЛС No. 562; *4* — ЛС No. 1692; *5* — ЛС No. 1700; *6* — ЛС No. 1700; *7* — ЛС No. 1163; *8* — ЛС No. 1167; *9* — ЛС No. 1700; *10* — ЛДГ No. 390; *11* — ЛДГ No. 501; *12* — ЛС No. 1150; *13* — ЛДГ No. 390; *14* — ЛДГ No. 390; *15* — ЛДГ No. 9.

Fig. 7.6. Staraya Ladoga. Excavation in 1947 (State Hermitage, custody index «Л»). Scraps of parts and from cutting. *1* — No. 1490; *2* — No. 2698/386; *3* — No. 856; *4* — No. 1490; *5* — No. 1490; *6* — No. 1376; *7* — No. 1158; *8* — No. 1376; *9* — No. 693, 2698/375; *10* — No. 693, 2698/375;

11 — No. 693, 2698/375; *12* — No. 618, 2698/384; *13* — No. 618, 2698/384; *14* — No. 1641; *15* — No. 1641; *16* — No. 1993.

Fig. 7.7. Staraya Ladoga. Excavation in 1950 (State Hermitage, custody index «ЛС»). *1* — No. 1253; *2* — No. 1370; *3* — No. 537; *4* — No. 361; *5* — No. 1707; *6* — No. 1307; *7* — No. 1109; *8* — No. 1636; *9* — No. 1285; *10* — No. 1150; *11* — No. 1253; *12* — No. 1502; *13* — No. 1370; *14* — No. 1496.

Fig. 7.8. Staraya Ladoga. Excavation in 1950 (State Hermitage, custody index «ЛС»). *1* — No. 1506; *2* — No. 1900; *3* — No. 1212; *4* — No. 1206; *5* — No. 1900; *6* — No. 1900; *7* — No. 1372.

Fig. 7.9. Staraya Ladoga. Excavation in 1950 (State Hermitage, custody index «ЛС»). *1* — No. 2014; *2* — No. 1681; *3* — No. 1700; *4* — No. 1534; *5* — No. 1428; *6* — No. 1253.

Fig. 7.10. Staraya Ladoga. Excavation in 1950 (State Hermitage, custody index «ЛС»). *1* — No. 1707; *2* — No. 1330; *3* — No. 1762; *4* — No. 561; *5* — No. 1750; *6* — No. 553; *7* — No. 1756; *8* — No. 1185; *9* — No. 553; *10* — No. 473; *11* — No. 307; *12* — No. 1218; *13* — No. 1400; *14* — No. 1489; *15* — No. 757; *16* — No. 836; *17* — No. 1330; *18* — No. 1067; *19* — No. 1445; *20* — No. 1421; *21* — No. 1514.

Fig. 7.11. Staraya Ladoga. Excavation in 1950 (State Hermitage, custody index «ЛС»). *1* — No. 1829; *2* — No. 1627; *3* — No. 1150; *4* — No. 1046; *5* — No. 1724; *6* — No. 1724; *7* — No. 1150; *8* — No. 1004; *9* — No. 1724; *10* — No. 1022; *11* — No. 1163; *12* — No. 1119; *13* — No. 986; *14* — No. 1218; *15* — No. 1163; *16* — No. 1162; *17* — No. 1092; *18* — No. 1666; *19* — No. 1218; *20* — No. 1218; *21* — No. 1218.

Fig. 7.12. Staraya Ladoga. Excavation in 1959 (State Hermitage, custody index «ЛДГ»). *1* — No. 123; *2* — No. 9; *3* — No. 56; *4* — No. 516; *5* — No. 456; *6* — No. 391; *7* — No. 153; *8* — No. 323; *9* — No. 102; *10* — No. 464; *11* — No. 463; *12* — No. 320; *13* — No. 458; *14* — No. 471; *15* — No. 505/2; *16* — No. 529.

Fig. 7.13. Staraya Ladoga. Excavation in 1959 (State Hermitage, custody index «ЛДГ»). *1* — No. 408; *2* — No. 10; *3* — No. 10; *4* — No. 382; *5* — No. 382; *6* — No. 477/1; *7* — No. 480; *8* — No. 471; *9* — No. 518; *10* — No. 382; *11* — No. 540; *12, 13* — without No; *14* — No. 459/1.

Fig. 7.14. Staraya Ladoga. Excavations in 1958 (State Hermitage, custody index «ЛД») (1–8) and 1948 (State Hermitage, custody index «СЛ») (9–14). *1* — No. 207/2; *2* — No. 207/1; *3* — No. 240; *4* — No. 308; *5* — No. 308; *6* — No. 584; *7* — No. 463; *8* — No. 479; *9* — No. 1647, *A* — from the flesh side; *10* — No. 705; *11* — No. 1647; *12* — No. 1647; *13* — No. 1647; *14* — No. 713.

Fig. 7.15. Staraya Ladoga. Excavation in 1975 (State Hermitage, custody index «ЗГ»). *1* — No. 1170; *2* — No. 1015; *3* — No. 1016; *4* — No. 1011; *5* — No. 827; *6* — No. 998; *7* — No. 742; *8* — No. 870; *9* — No. 955, *A* — ruling; *10* — No. 950; *11* — No. 798.

Fig. 7.16. Staraya Ladoga. Excavation in 1975 in Varyazhskaya Str. *1–6* — parts of footwear top; *7* — scrap.

Fig. 7.17. Staraya Ladoga. Excavation in 1975 in Varyazhskaya Str. Leathern parts of footwear. Photo.

Fig. 7.18. Staraya Ladoga. Excavation in Varyazhskaya Str. Leathern parts of footwear. Photo.

Fig. 7.19. Staraya Ladoga. Excavation in 1975 in Varyazhskaya Str. Leather articles: *1–3* — parts of the tops of footwear; *4* — belt.

Fig. 7.20. Staraya Ladoga. Excavations in 1997 (No. 2–7), 1998 (No. 8, 9) and 2002 (No. 1). *1, 2, 6, 7* — parts of the top of soft shoes, *8* — parts of the top of a *porshen*-shoe, *9* — knife case, *3–5* — scraps from cutting.

Fig. 7.21. Zemlyanoye Gorodishche. Excavation in 1991. Top of a leather shoe.

Fig. 7.22. Zemlyanoye Gorodishche. Excavation in 1991. Leather shoe. Restoration by the author. Photo.

Fig. 7.23. Staraya Ladoga. Excavation in 2004 *1–3, 5, 6, 13* — parts of the tops of soft shoes; *7* — parts of the top of a *porshen*-shoe; *8, 12* — parts of sole; *9* — sole; *10* — purse; *4, 14* — unidentified parts; *15, 21–25* — strings; *11, 16–20, 23* — scraps from cutting.

Fig. 7.24. Staraya Ladoga. Excavation in 2005 *1–12* — parts of the top of soft shoes; *14* — knife case; *13, 15–17* — scraps from cutting.
Fig. 7.25. Staraya Ladoga. Excavation in 2008. Leather articles. Cuts.
Fig. 7.26. Staraya Ladoga. Excavation in 2009. Leather articles. Cuts.
Fig. 7.27. Staraya Ladoga. Excavation in 2009. Leather articles. Cuts.
Fig. 7.28. Staraya Ladoga. Excavation in 2009. Leather articles. Cuts.
Fig. 7.29. Staraya Ladoga. Excavation in 2010. Leather articles. Cuts.
Fig. 7.30, 7.31. Staraya Ladoga. Excavation in 2010. Leather articles. Cuts.
Fig. 7.32. Staraya Ladoga. Excavation in 2012. Leather articles. Cuts.
Fig. 7.33. Staraya Ladoga. Excavation in 2013. Leather articles. Footwear. Cuts.
Fig. 7.34. Staraya Ladoga. Excavation in 2013. Leather articles. Scraps. *11, 21* — felt.
Fig. 7.35. Staraya Ladoga. Excavation in 2013. Various Leather articles. Cuts.
Fig. 7.36. Staraya Ladoga. Excavation in 2009. A small bag from beaver fur.
Fig. 7.37. Staraya Ladoga. Restored shoe of group III from Zemlyanoye Gorodishche (after: Russie viking 2011).

Fig. 8.1. Seals. Types I/1 (1–3), II/1 (4–8), II/2 (9). Here and below, the numbers correspond to those in the catalogue.
Fig. 8.2. Seals. Type II/5.
Fig. 8.3. Seals. Type III/3.
Fig. 8.4. Seals. Types IV/2 (24. 25), IV/3 (26–36).
Fig. 8.5. Seals. Type V/1.
Fig. 8.6. Seals. Type VI/1 (41–57, 66).
Fig. 8.7. Seals. Type VI/1 (58–70).
Fig. 8.8. Seals. Type VI/2.
Fig. 8.9. Seals. Types VIII/1 (88), X/1 (89–98).
Fig. 8.10. Defective seals.
Fig. 8.11. Blanks for seals.
Fig. 8.12. Leads. Type II/2.
Fig. 8.13. Seals. Types II/6 (150. 151), II/7 (152–156), II/8 (157, 158), II/11 (159), IV/1 (160, 161), IV/2 (162–165).
Fig. 8.14. Seals. Types IV/2 (166–170), IV/4 (171–174), VI/1 (175–177), XI/3 (178).
Fig. 8.15. Defective leads (179–183) and blanks for leads (185–195).
Fig. 8.16. Byzantine seals (196, 197) and a West-European textile seal (198).

Сокращения

SP—Stratum plus: Археология и культурная антропология. Кишинев; Санкт-Петербург; Одесса.

АВ — Археологические вести. СПб.: ИИМК РАН.

АиИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. М., Псков, СПб.

АН РТ — Академия наук Республики Татарстан.

АН СССР — Академия наук СССР.

АО — Археологические открытия. М.

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.

БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР.

ВАС — Всероссийский археологический съезд.

ВИ — Вопросы истории.

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л.; СПб.

ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ГУ — государственный университет.

ГЭ — Государственный Эрмитаж.

ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.

ИА РАН — Институт археологии РАН.

ИВИ РАН — Институт всеобщей истории РАН.

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.

ИИ СССР — Институт истории СССР АН СССР. М.

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН.

Имп. АН — Императорская академия наук.

ИРИ РАН — Институт Российской истории РАН.

КарелНЦ, ИЯЛИ — Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории.

КСИА — Краткие сообщения института археологии. М.: Наука.

КСИИМК — Краткие сообщения ИА РАН.

Л. — Ленинград.

ЛГУ — Ленинградский государственный университет. Л.

М. —Москва.

МАР — Материалы по археологии России. СПб.

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии РАН.

МГУ — Московский государственный университет.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МК — материалы конференции.

МНК — международная научная конференция.

МФДС — Межрегиональный Фонд делового сотрудничества.

НА ИИМК РАН — Научный архив Института истории материальной культуры РАН.

НАЧ — Новгородские археологические чтения. Новгород (Великий Новгород).

НАЭ — Новгородская археологическая экспедиция.

НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.

НИС — Новгородский исторический сборник. Л./СПб.

НК — научная конференция.

ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.

НОЛД – Новгородское общество любителей древности.

НПК — научно-практическая конференция.

ПАВ — Петербургский археологический вестник.

ПГОМЗ – Псковский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

ПКНО — Памятники культуры: новые открытия. М.

ПОМЗ — Псковский объединенный музей-заповедник.

ПСКОВ — Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: памяти В. Д. Белецкого, 1919–1997.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РАН —Российская академия наук.

РО — Рукописный отдел.

ФО — Фотоотдел.

СА/РА — Советская археология / Российская археология. Л., М.

САИ — Свод археологических исследований.

Сб. — сборник.

СИААМЗ — Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник.

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.

СПбГУКИ — Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия.

СС — Скандинавский сборник. Таллин.

ТАС — Тверской археологический сборник.

ТД — тезисы докладов.

ТИЭ — Труды института этнографии АН СССР. М.

ТНК — Тематическая научная конференция.

Об авторах

Елена Ивановна АЛЕКСАНДРОВСКАЯ — Elena ALEKSANDROVSKAYA, кандидат географических наук. Институт географии РАН, отдел географии и эволюции почв, ведущий научный сотрудник. Москва 119017, Россия. E-mail: antroposfera@rambler.ru.

Александр Леонтьевич АЛЕКСАНДРОВСКИЙ — Aleksandr ALEKSANDROVSKIY, доктор географических наук. Институт географии РАН, отдел географии и эволюции почв, ведущий научный сотрудник. Москва 119017, Россия. E-mail: alexandrovski@igras.ru.

Сергей Васильевич БЕЛЕЦКИЙ — Sergey BELETSKIY, доктор исторических наук, профессор. Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, ведущий научный сотрудник. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: serge_beletsky@mail.ru.

Анатолий Николаевич КИРПИЧНИКОВ — Anatoliy KIRPICHNIKOV, доктор исторических наук, профессор. Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, руководитель научных направлений. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: admin@archeo.ru.

Александр Валентинович КУРБАТОВ — Aleksandr KURBATOV, доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, ведущий научный сотрудник. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: alkurba@rambler.ru.

Владимир Анатольевич ЛАПШИН — Vladimir LAPSHIN, доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН, директор. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru.

Павел Андреевич МИЛЯЕВ — Pavel MILYAYEV. Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, младший научный сотрудник. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: milyaev.paul@yandex.ru.

Антон Игоревич МУРАШКИН — Anton MURASHKIN. Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, кафедра археологии, старший преподаватель. Санкт-Петербург 199034, Россия. E-mail: a.murashkin@spbu.ru.

Евгений Николаевич НОСОВ — Evgeniy NOSOV, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. Институт истории материальной культуры РАН, научный руководитель. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: nosov.evg@gmail.com.

Надежда Игоревна ПЛАТОНОВА — Nadezhda PLATONOVA, доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, ведущий научный сотрудник. Санкт-Петербург 191186, Россия. E-mail: niplaton@gmail.com.

Серафима Львовна САНКИНА — Serafima SANKINA, кандидат исторических наук. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, отдел антропологии, старший научный сотрудник. Санкт-Петербург 199034, Россия. E-mail: serafima_sankina@mail.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ *(В. А. Лапшин, Н. И. Платонова)*.....5

ВВЕДЕНИЕ
Историко-культурное исследование Старой Ладоги (*А. Н. Кирпичников*) 7

ЧАСТЬ I
In Memoriam. К 80-летию создания
Староладожской археологической экспедиции

ГЛАВА 1
Староладожская экспедиция 1938–1940 гг.:
исследования, исследователи, находки (*Н. И. Платонова*).....23

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Дневник археологической экспедиции
Исторического факультета Ленинградского госуд[арственного] университета 1938 г.
(*подготовка публикации Н. И. Платоновой*).....39

ЧАСТЬ II
Староладожский комплекс: стратиграфия, хронология,
междисциплинарные исследование

ГЛАВА 2
Стратиграфия Земляного городища Старой Ладоги:
итоги и перспективы исследований (*Е. Н. Носов*).....45

ГЛАВА 3
Стратиграфия верхних горизонтов Земляного городища Старой Ладоги
и грунтовый могильник у церкви св. Климента (по материалам раскопок 1938–1940 гг.)
(*Н. И. Платонова, С. Л. Санкина*).....66

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Показатели индивидуальных измерений скелетов XI–XII вв.
из могильника на Земляном городище Старой Ладоги (*С. Л. Санкина*).....126

ГЛАВА 4
Посад Старой Ладоги: новые исследования (*В. А. Лапшин*).....135

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Изучение культурного слоя Ладожского посада (*В. А. Лапшин*) 162

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Результаты исследований культурного слоя и почв на Варяжской
улице в Старой Ладоге (*А. Л. Александровский, Е. И. Александровская*) 168

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Инвентарь неолитического слоя Старой Ладоги (Варяжская улица) (*А. И. Мурашкин*) 181

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Предметы вооружения конца XVI — XVII в. из раскопок на территории Ладожского посада в 2015 г. (*П. А. Миляев*) 195

ГЛАВА 5
Городище Любша: планиграфия и стратиграфия (*П. А. Миляев*) 207

ЧАСТЬ III
Староладожские коллекции: публикации, интерпретации, проблемы

ГЛАВА 6
Ремесло раннесредневековой Ладоги (*А. В. Курбатов*) 235

ГЛАВА 7
Кожевенное дело в раннесредневековой Ладоге (*А. В. Курбатов*) 283

ГЛАВА 8
Ладога XI–XV вв. по данным сфрагистики (*С. В. Белецкий*) 335

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (*В. А. Лапшин, Н. И. Платонова*) 419

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 433

SUMMARY 473

List of illustrations 520

Сокращения 529

Сведения об авторах 531

CONTENTS

PREFACE (*V. A. Lapshin, N. I. Platonova*) 5

INRODUCTION
Historical and Cultural Studies of Staraya Ladoga (*A. N. Kirpichnikov)* 7

PART I
In memoriam: to the 80th anniversary of Staraya Ladoga archaeological expedition

CHAPTER 1
Staraya Ladoga expedition of 1938–1940: Studies, Researchers, Discoveries
(*N. I. Platonova*) 23
APPENDIX 1. Field diary of the archaeological expedition of the Faculty of History of Leningrad State University, 1938, headed by prof. V. l. Ravdonikas (*the publication prepared by N. I. Platonova*) 39

PART II
Staraya Ladoga:
stratigraphy, chronology, interdisciplinary researches

CHAPTER 2
Stratigraphy of Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga:
Findings and prospects (*E. N. Nosov*) 45

CHAPTER 3
Stratigraphy of the upper horizons of Zemlyanoye Gorodishche
and the cemetery near St. Clement Church (excavations of 1938–1940)
(*N. I. Platonova, S. L. Sankina*) 66
APPENDIX 1. Indicators of individual measurements of skeletons XI–XII centuries from the burial ground Old Ladoga's Zemlyanoye Gorodishche (*S. L. Sankina)* 126

CHAPTER 4
Open settlement (Posad) of Staraya Ladoga: new studies (*V. A. Lapshin*) 133
*APPENDIX 1. S*tudy of the cultural layer of Ladoga Posad (*V. A. Lapshin*) 162
APPENDIX 2. The results of the study of cultural layer and soils in the excavation sites on Varyazhskaya st. in Staraya Ladoga (*A. L. Alexandrovsky, E.I. Aleksandrovskaya)* 168

APPENDIX 3. The artefacts from the Neolithic layer in Staraya Ladoga (excavation site at Varyazhskaya st.) (*A. I. Murashkin*) 181
APPENDIX 4. Arms of the late XVI — XVII century from excavations in the territory of Ladoga Posad in 2015 (*P. A. Milyaev*) 195

CHAPTER 5
Lyubsha Hillfort: planigraphy and stratigraphy (*P. A. Milyaev*) 207

PART III
Collections of artefacts from Staraya Ladoga: publications, interpretations, problems

CHAPTER 6
Handicraft of the Early Mediaeval Ladoga (*A. V. Kurbatov*) 235

CHAPTER 7
Leather craft in Early Mediaeval Ladoga (*A. V. Kurbatov*) 283

CHAPTER 8
Ladoga of the 11th–15th centuries according to sphragistic data (*S. V. Beletsky*) 335

CONCLUSION (*V. A. Lapshin, N. I. Platonova*) 419

ARCHIVE SOURCES AND LITERATURE 433

SUMMARY 473

List of Illustrations 520

Abbreviations 529

Authors list 531

Научное издание

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ СТАРОЙ ЛАДОГИ:
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Корректор О. К. Чеботарёва
Редактор, верстка Е. В. Новгородских
Дизайн обложки И. Н. Лицук

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 22.12.2018. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 62,31. Тираж 500 экз. Заказ 077.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
Отпечатано в ООО «Невская Книжная Типография»
197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., дом 21, литера А,
помещение 9-Н, комната 19
Тел./факс: +7(812) 380-7950
E-mail: spbcolor@mail.ru

Настоящим изданием ИИМК РАН открывает запланированную серию оперативных публикаций материалов и исследований Старой Ладоги, с целью формирования Ладожского Корпуса археологических источников. Издание посвящено 80-летию начала систематических раскопок Старой Ладоги (1938–2018). В нем обобщены основные итоги работ за последние десятилетия, дана характеристика базовых социально-исторических концепций и идей, которые в разное время определяли трактовки материалов. Определены существенные черты современного этапа исследований и намечены перспективы дальнейшего изучения Староладожского комплекса. Особое внимание уделено проблеме стратиграфии и хронологии Земляного городища, включая верхнюю часть напластований, которая ранее никогда не являлась предметом пристального внимания. Книга содержит исчерпывающую научную публикацию и обобщение сфрагистических материалов Ладоги XI–XV вв.; детальный обзор и исследование проблем ладожского ремесла VIII–X вв. В научный оборот вводится часть материалов, полученных в ходе раскопок последних десятилетий на Земляном городище, Ладожском посаде, городище Любша. В мемориальном разделе освещены подробности первых лет раскопок Земляного городища экспедицией под руководством В. И. Равдоникаса, описана методика этих исследований и их основные результаты.

ISBN 978-5-907053-10-6